

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2
res 278975 d 80

273

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАДАЧНИ

1878

№ 11 НОЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Басенная, № 2).

I. — ДЕРЕВЕНСКІЙ АВРААМЪ. Н. Златовратскаго.	5
II. — БОЛЪЗНЬ ВѢКА. (<i>Стихотвореніе</i>) А. Яхонтова.	27
III. — ПРЫГУНЫ. (Матеріалы къ исторіи обрусенія Закавказскаго Края). (<i>Окончаніе</i>) Н. Д.	29
IV. — ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКУ. (<i>Стихотвореніе</i>) А. Яхонтова.	81
V. — СВЯТАЯ ПРОСТОТА. Н. Яковлева	83
VI. — НАШИ ОБЩИНЫ. (Записки изслѣдователя). В. Григорова.	117
VII. — ОЧЕРКИ МАЛО ЗНАКОМАГО БЫТА. Ивановича.	141
VIII. — ИЗЪ ГЕЙНЕ. (<i>Стихотвореніе</i>). А. Боровиновскаго.	184
— МАТЕРІАЛЫ КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ПОЛИТИКИ РОССИИ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ. (По Свѣтозару Милетичу и др. источникамъ). В***.	185
X. — ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. Герберта Спенсера	203
XI. — ОПРАВДАНІЕ (Подражаніе Улану). (<i>Стихотвореніе</i>). А. Боровиновскаго.	222
XII. — ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА. (<i>Отрывокъ шестой и послѣдній</i>). Г. Иванова.	223
XIII. — ФРАНЦУЗСКІЕ ЭСКИЗЫ АНГЛІЙСКИМЪ МЪЛОМЪ. Разказы Гренвила Муррея, автора «Депутата города Парижа». (Прилож. въ концѣ книги. Стр. 1—52).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XIV. — ПРИНЦИПЫ ЗЕМСКАГО ОБЛОЖЕНІЯ. (Съ береговъ Волги). Одинъ изъ землевладѣльцев	1
XV. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Созывъ сенаторскихъ избирателей. — Консультація правыхъ. — Возвращеніе Гамбетты. — Два избирательные успѣха непримѣримыхъ. — Гренобльская рѣчь Гамбетты и ея вліяніе на выборъ делегатовъ. — Вѣроятность республиканскаго большинства въ сенатѣ, вычисляемая заранее. — Смерть епископа Дюпанлу и разстройство въ католическомъ лагерѣ. — Процессъ по поводу конгресса рабочихъ. — Возобновленіе дѣятельности военныхъ судовъ. — Прелюдія амнистіи. — II. Послѣдніе праздники выставки. — Даровна представленія 20-го октября. «Вильгельмъ Телль» и «Марсельеза» въ Большой Оперѣ. — Публичныя чтенія. — Раздача наградъ во Дворцѣ промышленности: украшенія самаго зданія и кортежи. — Республиканская рѣчь маршала президента. — Иллю-	

(См. стрлнику 3-ю)

ОБЪ ИЗДНІИ ЖУАРНАЛА

„ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

въ 1879 году.

„Отечественныя записки“ въ 1879 году будутъ издаваться подъ редакціей М. Е. Салтыкова (Щедрина) при постоянномъ участіи Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловскаго. Сотрудники журнала, а равнымъ образомъ, срокъ выхода книжекъ, объемъ и форматъ журнала останутся прежніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, безъ доставки . . .	15 р. 50 к.
Съ доставкою (въ С.-Петербургѣ)	16 » — »
Съ пересылкою	17 » — »

Заграницу:

Въ Германію и Австрію	} 19 руб.
» Бельгію и Нидерланды, Придунайскія Княжества.	
» Данію	
» Англію, Швецію, Испанію, Португалію	
» Турцію и Грецію	
» Швейцарію	
» Италію	
» Америку	}
» Францію	

Подписка на «Отечественныя Записки» 1879 г. принимается попрежнему только въ шѣстахъ неизмѣненныхъ, за которыя редакция вполнѣ отвѣтственна; экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» въ 1879 году будутъ попрежнему сдаваться въ газетную экспедицію въ бандероляхъ, съ адресомъ получателя и съ обозначеніемъ числа, когда № данъ на почту. Подписка въ почтовыхъ конторахъ не принимается.

Вслѣдствіе заявленія Почтоваго Департамента, редакция доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что жалобы на неполученіе №№ журнала должны быть доставляемы своевременно, то-есть не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ: Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

Въ Москвѣ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ, присылая свои адреса, четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, такъ какъ Газетная Экспедиція Спб. Почтамта отвѣчаетъ за аккуратную доставку только чрезъ свои отдѣленія и конторы; относительно же экземпляровъ, адресуемыхъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ не имѣется почтовыхъ отдѣленій, никакихъ справокъ не дѣлаетъ.

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАТЬ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ I. Цѣна 2 рубля.

Иногородные, обращающіеся въ главную контору „Отечественныхъ Записокъ“, за пересылку не платятъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ Сороковой.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССХІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Брауновскаго (Васильная, № 2).

1878.

ДЕРЕВЕНСКІЙ АВРААМЪ.

Прошлое лѣто я провелъ въ одной деревенькѣ, верстахъ въ двадцати отъ губернскаго города, значить—«на дачѣ», какъ говорятъ въ провинціи, хотя вся дача моя заключалась въ свѣтелкѣ, нанятой за три рубля во все лѣто у крестьянина Аврама.

Абрамъ былъ мужикъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ, высокаго роста, довольно плотный, съ широкой, сивой бородой и большими глазами, смотрѣвшими изъ подъ навѣса сѣдыхъ бровей. Вообще, несмотря на лѣта, онъ очень сохранился; въ немъ не замѣчалось старческой дряхлости, но самъ онъ, замѣтно, желалъ казаться дряхлѣе, изрѣдка покряхтывая, пощупывая свою поясницу и горбясь болѣе, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало. Къ такому невинному «остариванію себя», если можно такъ выразиться, онъ сталъ прибѣгать съ тѣхъ поръ, какъ выросли и пристроили сыновей и почувствовалъ, что страда крестьянской жизни, которую танулъ онъ въ продолженіи полу-вѣка, какъ-будто отлегла отъ него. Онъ вступалъ уже въ число «стариковъ», въ этотъ ареонагъ крестьянскаго міра. Не кряхтѣть и не горбиться было нельзя, это требовалось для поддержанія неотъемлемо принадлежащихъ этому званію правъ: права сидѣнья подъ вечеръ на завальнѣ у общинной житницы, среди сѣдовласыхъ сверстниковъ въ нахлобученныхъ по уши шляпахъ-гречневикахъ, права неторопливыхъ и солидныхъ разсужденій на тѣмы, что «безъ Бога не до порога», что «обычай блюди», что «старики на душу грѣха брать не стануть» и т. п., наконецъ, права выпиванія съ подобающею важностію штрафной косушки, съ приличными на счетъ штрафованнаго изреченіями. Этого, впрочемъ, показалось Авраму недостаточно; ему хотѣлось закрѣпить за собой не-

только право на званіе «старика» просто, но еще и «благочысленнаго старика», носителя и хранителя старозавѣтныхъ «дѣдовскихъ» преданій, исконной морали и обычнаго культа. Вотъ почему, отдѣливъ младшаго сына, выдавъ замужъ дочерей, и приведа такимъ образомъ, согласно вѣковымъ традиціямъ, къ вождедѣльному концу все, что требуется по идеалу обстоятельнаго крестьянства, Абрамъ сказалъ дѣтямъ: «Ну, родные, потрудились я для васъ довольно; теперь надо мнѣ и для своей души пощиться, сколь моей силы хватить. Пора и объ душѣ дать старику подумать». Рѣшивъ такимъ образомъ, Абрамъ пошелъ къ священнику и принялъ отъ него благословеніе въ путь за сборомъ съ добротныхъ дателей на украшеніе мѣстной убогой церкви. Сбиралъ онъ, ходя по святой Руси, три года, и только мѣсяца за два до того, какъ я познакомился съ нимъ, вернулся въ свою родную деревню. Теперь онъ уже былъ вполне «благочысленнымъ старикомъ»; почитаемый причтомъ, съ батюшкой во главѣ, выбранный міромъ въ помощники церковнаго старосты и въ десятскіе своей деревни, онъ могъ мирно доживать свой вѣкъ, являя собою передъ молодымъ поколѣніемъ деревни тотъ идеалъ мирнаго и трудоваго крестьянскаго житія, который осуществилъ онъ въ своей жизни.

Жить мнѣ у Абрама было хорошо, покойно. Въ семьѣ его старшаго сына, Антона, съ которымъ онъ жилъ по уговору вмѣстѣ, по отдѣленіи младшаго, была «истинно-райская тишина», какъ выражался онъ. Дѣйствительно, его сынъ Антонъ и невѣстка Степанида были очень мирные люди, молчаливые, добродушные.

Преимуществомъ вставать раньше всѣхъ, со вторыми пѣтухами, какъ извѣстно, пользуются въ деревняхъ старики, чѣмъ они обыкновенно и любятъ кольнуть глаза своимъ молодымъ невѣсткамъ. Но этимъ преимуществомъ рѣдко удавалось похвастаться Абраму. Антона не приходилось ему будить. Когда еще старикъ начиналъ только крахтѣть на печи и расправлять свои старыя кости, Антонъ, большею частію, уже успѣвалъ умыться, разбудить жену. А когда показывался первый блѣдноватый свѣтъ, онъ уже выѣзжалъ изъ деревни, первый размахивая вереву въ околицѣ, молился на видѣвшуюся вдали колокольню погоста, надѣвалъ шляпу, тихо и ласково вскрикивалъ на лошадей и, торопливо шагая, пропадалъ вмѣстѣ съ нею въ густой мглѣ стоявшаго надъ потнымъ, болотистымъ лугомъ утренняго тумана. Когда же Абрамъ, наконецъ, соскакивалъ съ печи и, почесываясь, подходилъ къ окну, чтобы справиться о погодѣ, у Степаниды уже ярко горѣло и трещало на очагѣ пламя и ки-

пѣлъ въ чугунѣ картофель. Пока дѣдъ молился, глядя истово, «по старинѣ» низкіе поклоны, на улицѣ раздавался пастушескій рожокъ, хлопанье и скрипъ воротъ, ревъ сбиравшейся скотинны и вскрикиванье бабъ, а Степанида, съ нѣжными приговорами, выгоняла, осѣняя крестнымъ знаменіемъ, своихъ коровъ и телокъ, медленно выходявшихъ изъ теплаго парнаго сарая на свѣжій утренній воздухъ. Послѣ молитвы, дѣду Абраму не оставалось ничего больше, какъ только сердито окрикнуть чернаго юта, забравшагося на столъ. Какъ и всѣ старики, ворчливые съ утра, Абрамъ читалъ юту длинную нотацию, не упустивъ случая ругнуть при этомъ Степаниду и продолжая нравоученіе на дворѣ, обращаясь уже къ хромоногому старому Волчку, только что выльзшему изъ своей теплой конуры и сладко потягивавшемуся на встрѣчу старику.

Часамъ къ семи утра, старикъ тихонько пріотворялъ дверь въ мою половину и если замѣчалъ, что я начиналъ ворочаться, то говорилъ: «не наставитъ ли?» и, предварительно разбудивъ своего пріемнаго внука, принимался разводить съ нимъ самоваръ. Въ продолженіи получаса я могъ слышать, какъ дѣдъ обучалъ внука «порядку». Утренній чай мы всегда пили вмѣстѣ; впрочемъ, по какому-то обѣту, Абрамъ пилъ не чай, а только кнѣжокъ. Я всегда приглашалъ и Васю. Старикъ недовольно покачивалъ головой, говорилъ, что это «баловство», но, въ концѣ-концовъ, соглашался и ограничивался тѣмъ, что обучалъ внука «учтивости».

— Сядь съ глазъ подалше!.. Не егози передъ глазами у старшаго!.. приговаривалъ онъ, отклебывая кнѣжокъ.— Не болтай ногами—бѣса тѣпиши!.. Чего сахаръ слюнявишь? Кусай учливѣй! и т. п. Вася только бойкими взмахами своей кудравой головы откидывалъ волосы со лба, и видно было, что онъ не особенно боялся своего названнаго дѣда. Онъ и самъ былъ не прочь сдѣлать ему выговоръ. Нерѣдко, во время увлеченія дѣда какимъ-нибудь разговоромъ, Вася вдругъ конфузилъ его замѣчаніемъ: «утри, дѣдушка, бороду-то! Вишь распустилъ потоки, а еще передъ бариномъ сидишь!» И дѣдъ, молча и послушно, сѣвшилъ принять къ свѣдѣнію замѣчаніе шестилѣтняго внука. Такъ они и вообще мирно жили, уча и наставляя другъ друга, пока дѣло не доходило до такого явнаго непослушанія съ одной стороны, какъ, напримѣръ, высовыванія языка въ отвѣтъ на самыя солидныя моральныя истины, и до окончательнаго рѣшенія наломать гибкихъ прутьевъ—съ другой. Впрочемъ, тѣмъ дѣло и кончалось. Шестилѣтній внукъ, конечно, умѣлъ бѣгать лучше, чѣмъ шестидесятилѣтній дѣдъ.

На другой же день моего пребыванія въ деревнѣ, мы съ дѣдомъ Абрамомъ вели за чаемъ такую бесѣду:

— Ну, что, дѣдушка Авраамъ...

— Ну-у, Авраамъ! какой я Авраамъ, улыбаясь, перебивалъ онъ меня:—я не отъ Авраама иду... То Авраамъ, а то Абрамій-мученикъ... Такъ вотъ я откуда—отъ мученика!

Тѣмъ не менѣе, было замѣтно, что ему очень нравилось, когда я его звалъ дѣдушкой Авраамомъ.

— Что-жь, доволенъ ты своимъ положеніемъ?

— Доволенъ, твердо произнесъ старикъ, выпрямляясь и сано-вито поглаживая бороду:—не хочу грѣшить, прямо говорю—доволенъ. Слава тебѣ Господи! Потому я, Миколай Миколаичъ, что требуется отъ жизни, все исполнилъ, привелъ въ закончаніе. Слабому опору оказалъ, тѣмъ, значить, и предѣлъ положилъ.

— То есть, какъ это—слабому?

— Такъ и есть. Въ чемъ всей нашей жизни положеніе состоитъ?

Дѣдушка Абрамъ иногда любилъ порезонёрствовать, вѣроятно оттого, что придерживался негласно «старинки» и часто бесѣдовалъ съ раскольничьими начетчиками.

— Въ чемъ же? спросилъ я.

— А въ томъ и есть, чтобы слабому опору оказывать. Пора-скинь-ко уможь-то, анъ оно такъ и выйдетъ. Съ изначала, когда я по младенчеству своему слабъ былъ, родители мнѣ опору оказывали. Возросъ я, родителямъ своимъ, по дрялости ихней по-порю обязанъ оказать... Такъ-ли? У самого малыши пошли, ихъ обязанъ въ возрастъ произвести, ихней слабости поддержку дать. Поставилъ ихъ на ноги—ну, и предѣлъ, значить, свой положилъ.

— Ну, а внуки? кивнулъ я на Васю.

— Внуки—ужь это сверхъ всего, это ужь не въ примѣръ прочему. Это ужь, смотря, какъ, значить, привержень, говорилъ онъ, поглаживая по головѣ внука, подошедшаго за стаканомъ къ столу:—это ужь смотря по послушности, да смиренству передъ дѣдомъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Правду ли я говорю, какъ по твоему? спросилъ онъ меня, и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:—и во всемъ такъ подо-баеть: въ начальствѣ состоишь—слабаго охраня; избыткомъ отъ Бога награжденъ—слабому поддержку окажи... Вотъ оно, значить, какое намъ въ жизни произволенье! Въ томъ и до конца живота твоего держись.

— И дѣтьми своими ты доволенъ?

— И дѣтьми доволенъ. Дѣти у меня, надо правду тебѣ сля-

затѣ, на рѣдкость дѣти! Потому, я ихъ держалъ въ послушности, въ страхѣ божіемъ. Вотъ, примѣромъ, Антонъ—изойди всю волость, такого къ работѣ приверженнаго не найдешь. А смиренства, тихости, такъ по нынѣшнимъ временамъ и нигдѣ не встрѣтить! Чтобы онъ кому сгрубилъ, кого обидѣлъ или обманулъ—этого никогда запомнить даже нельзя! Истинно землепашецъ! Землѣ радѣетъ. И жену ему Богъ далъ, не хочу грѣшить, бабу правильную... Тоже тихостью, да смиренствомъ передъ всѣми взяла; кабы родныхъ дѣтвей имъ—такъ и совсѣмъ бы благословенное семейство было, да вотъ не даетъ Богъ! Какъ-то ужъ у нихъ и въ работѣ-то эдакого удовольствія какъ будто не видно. Взяли вотъ мальчика, хотъ и близкая родня, а все же не свой.. Думается имъ: воспитаешь его, на него всю ласку положишь, а онъ, въ возрастъ прійдя, тебѣ же укору дѣлать станетъ. Отъ своего, это точно снесешь, а отъ чужого то какъ будто и обидно.

— А второй твой сынъ каковъ?

— Платонъ-то Абрамычъ?

— Да.

— Про Платона Абрамыча—словъ нѣтъ, вотъ онъ каковъ, Платонъ-то Абрамычъ! говорилъ внушительно и съ разстановкой старикъ всегда, когда рѣчь заходила о младшемъ сынѣ: — Платонъ Абрамычъ—голова! Пройди по всей округѣ, спроси: знаешь Платона Абрамыча?—и нѣтъ того человѣка, чтобы его не зналъ.

— Умомъ, значить, взялъ?

— Разсудкомъ! Головой взялъ! Онъ съ младости ужъ былъ отъчезъ. Да вотъ какъ я тебѣ скажу: стояли у насъ уланы, а Платонъ-то Абрамычъ въ тѣ поры еще маленькій былъ, такъ—съ бабій налѣрстокъ. Вотъ эти самые уланы накупать пряниковъ, орѣховъ и давай кричать ребятишкамъ: «кто въ ноги поклонится? выходи!»—Ну, ребятишки глупы, сосутъ кулаки-то, да смотрятъ, а мой Платошка сейчасъ—хлопъ въ землю, не въ примѣръ прочимъ, такъ всѣ только диву даются—откуда такая, значить, у него ко всему примѣнительность!.. Ну, и накидаютъ ему уланы полонъ подолъ гостинцевъ... Отцы-то да матери только и кричатъ: «какое счастье этому Платошкѣ Абрамову! Даетъ же Господь такой разумъ еще въ младости! И въ кого бы онъ такой выдался?»—И я вотъ тоже не придумаю...

— Побойчѣе, выходить, Антона?

— Гдѣ-жъ Антону противъ него! Антонъ смиреннѣе, душевный крестьянинъ—слова нѣтъ, только противъ Платона Абрамыча даже и помыслить ему нельзя! Платону Абрамычу отъ всѣхъ почетъ, уваженіе...

— Онъ гдѣ же теперь живетъ и чѣмъ занимается?

— Занимается онъ, братецъ ты мой, по коммерческой части. Еще въюношей онъ къ земледѣльству охоты не возымѣлъ... Это ужъ какъ кому: у всякаго свой таланъ. Вотъ Антонъ, совсѣмъ земельный человѣкъ... Онъ только землей да крестьянскимъ обиходомъ и крѣпокъ. Отбей ты его отъ земли, отъ дома—онъ и совсѣмъ сгибъ. Его, какъ и всякаго крестьянина земельного, забидѣть недолго. А Платонъ Абрамычъ—тотъ въ горожанина пошелъ, по матери... (Они вѣдь у меня отъ разныхъ матерей; вторую-то жену я изъ городской слободы взялъ). Платонъ Абрамычъ самъ себя, своимъ разсудкомъ и супругу снизискалъ: версты за пятнадцать отсюда, въ селѣ, вдову, денежную вдову... Ну, къ ней въ домъ и вошелъ; домъ у неа собственный послѣ мужа остался. Я его, Платона то Абрамыча, какъ слѣдуетъ, по обычаю, *отдѣлилъ*, что, выходить, на его часть изъ нашего имущества приходилось.

— А ты часто у него бываешь?

— Часто. Я люблю къ нему ѣздить. Къ родителю они съ супругой почтительны, любящи. Приѣдешь, а они оба, ровно въ перегонку, около тебя ухаживаютъ: «Татенька, вы бы водочки выкушали! Да ты что, татенька, отварную-то воду одну дуешь? Помилуйте! Да мы вамъ церковнаго вина подпустимъ въ стаканчикъ-то!» Такъ это, братецъ мой, своей услужливостію проймаютъ, что ровно масляницу маслуешь у нихъ! Ей-богу! Истинно обходительные люди! Конечно, по коммерческой части безъ этой повадки нельзя! А къ вечеру народъ къ нимъ соберется, гости, господа не въ рѣдомъ бываньи, и все это къ Платону Абрамычу съ уваженіемъ, ну, и къ тебѣ, къ родителю, ужъ кстати такъ же, по сыну. Лестно.

— Отчего-жъ ты съ ними не живешь? Они люди богатые, къ тебѣ услужливые... Слаще вѣдь пироги-то ѣсть, чѣмъ тирю съ квасомъ хлѣбать?

— Зовутъ! «Татенька, говоритъ невѣста-то, да когда же мы удостоимся васъ съ собой въ сожителствѣ имѣть?».. Зовутъ постоянно. Только я нежду.

— Что же такъ?

— Да не знаю, какъ тебѣ сказать. Ровно, что вотъ не отлучаешь отсюда, а что—не знаю. Думается—умереть здѣсь покойнѣе будетъ... Собирался, собирался, да нѣтъ вотъ! Погостишь съ недѣлку, анъ, глядишь, и опять сюда тянетъ. А обходительны!.. Непривычны мы, что ли, къ этой обходительности, не знаю какъ тебѣ это разяснить! Да и то надо сказать: у Платона Абрамыча дѣло такое, что онъ и одинъ при немъ твердо состоятъ. А зем-

ледѣльчеству завсегда поддержка требуется. Хоть и старъ я, а все же по-сигѣ-помочи пригожусь...

Дня черезъ три, къ утреннему чаю, вдругъ является дѣдъ Абрамъ съ французскимъ хлѣбомъ въ рукахъ и улыбается.

— Съ гостинчикомъ и а!.. сказала онъ:—все-жъ какъ будто не даромъ буду отъ тебя кнпяточкомъ пользоваться.

— Гдѣ-жъ это ты досталъ?

— Платонъ Абрамычъ. Кушай-ка-сь. Не забываютъ старика. Какъ только навернется отъ нихъ попутчикъ, завсегда что-ни-то приспособить съ нимъ: бараночекъ фунтъ, водочки полшштофчикъ (своя у нихъ)... Утѣшаютъ.

Черезъ недѣлю опять тащить дѣдъ къ чаю что-то въ небольшой берестовой набиркѣ, и опять улыбается.

— Полакомься! угощаль онъ, высыпая на блюдце.

Оказалась малина, впрочемъ, не особенно свѣжая и отборная.

— Опять Платонъ Абрамычъ?

— Отъ нихъ. Отъ невѣстки это, нищая принесла. «Отдай, говоритъ, дѣдушкѣ полакомиться... Ему, беззубому, это будетъ въ самый разъ»... Утѣшаютъ.

Старикъ перекрестился и съ особымъ удовольствіемъ сталъ жевать, делнкатно отправляя въ ротъ по одной ягодкѣ.

— Это у нихъ своя?

— Своя. Большую торговлю этимъ товаромъ ведутъ. Скупаютъ у мужиковъ, да въ городъ справляютъ...

— Можно бы и побольше прислать тебѣ отъ большой-то торговли.

— Ну-у! Зачѣмъ баловать! Дѣло у нихъ торговое. Эдакъ всѣмъ-то раздашь—и торговать нечѣмъ. И малымъ утѣшить хорошо...

— А помогаютъ они вамъ чѣмъ-нибудь?

— По-мо-гаютъ... ка-акже! По-мо-гаютъ, протянулъ какъ-то нерѣшительно старикъ:—только Господь пока миловаль, Антонъ къ нимъ не толкался еще... Обходимся какъ-никакъ... Признаться сказать, тугоньки они на деньги, тугоньки... Дѣло торговое, въ немъ безъ этой придержки себя—нельзя...

Дѣдъ оставилъ на блюдечкѣ нѣсколько яголъ и пошелъ съ ними искать внука: «Васютка! Ва-ась!» кричалъ онъ на улицѣ и долго еще ходилъ по деревнѣ съ блюдцемъ въ рукахъ, разыскивая внука и говоря на вопросы любопытныхъ бабъ: «Платонъ Абрамычъ съ супругой все насъ, старого, да малаго, балуютъ! Все они утѣшаютъ... Такия дѣти у меня вышли—на рѣдкость! Слава Создателю!»

По вечерамъ, когда уже окончательно потухала вечерняя заря и длинныя тѣни ночи медленно наплывали изъ-за окрестныхъ холмовъ на ложбину, въ которой уютлась деревенька, мы обыкновенно сходились съ Антономъ на завальнѣ избы. Къ этому времени онъ успѣвалъ прикончить всѣ работы и считалъ уже совершенно позволительнымъ отдохнуть. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣнями ночи, наплывали на деревеньку и холодноватая полоса тумана, то Антонъ выходилъ всегда закутавшись въ какой-то старый, рваный пугайчикъ. Покрахтывая и безопасно улыбаясь, онъ неторопливо набивалъ и закуривалъ трубку. Онъ былъ вообще молчаливъ. На вопросы отвѣчалъ односложно; изъ него, что называется, надо было клещами вытягивать отвѣтъ. Вѣроятно, скудость интересовъ и постоянная работа, въ одиночку, въ полѣ, окружали его умъ и душу какой-то поэтической неподвижностью. Впрочемъ, эта неподвижность была только кажущаяся, на самомъ же дѣлѣ въ его душѣ, хотя очень медленно, словно родникъ, пробивающійся тонкой струйкой подъ магкимъ, густымъ ковромъ травы, но все же текла таинственная струя своеобразной жизни. Вообще неразговорчивый, неумѣвшій отвѣчать на вопросы, онъ иногда вдругъ заговаривалъ и поражалъ неожиданными замѣчаніями.

— Вишь какъ у насъ по ночамъ дымкомъ пахиваетъ! Это — полевой дымокъ! У васъ въ городахъ такимъ дымомъ не пахнетъ, внезапно замѣчалъ онъ, когда неожиданно, съ подвѣтренной стороны доносился до насъ запахъ дыма отъ разложеннаго собравшимися на выгонѣ ребятишками «въ ночное» костра.

— Да. Это деревенскій дымъ.

— Люблю!.. Потому, выходитъ, хотя и ночь, а все же живутъ... Кто-нито не спитъ. И не жутко.

Пролетитъ летучая мышь, и я тороплюсь захлопнуть окно въ свою комнату.

— Ты зачѣмъ отъ нея запираешься? спрашиваетъ меня Антонъ.

— Влетитъ, неприятно.

— Неприятности отъ нея никакой нѣтъ, замѣчаетъ онъ: — вѣдь это таже мышка, что по полу бѣгаетъ въ избѣ... Только что крылья ей далъ Богъ... Ты знаешь ли, какъ она нарождается?

— Нѣтъ, не знаю.

— Она отъ божьей благодати. Въ церкви священникъ, за причастіемъ, уронить на полъ крошечку отъ просвирки, и эту крошечку мышка съѣстъ, съ того времени у нея крылья проявятся.

И положено ей ужъ до земли не касаться, а летать въ ночи... Она только на бѣлое и чистое садится. Разстели здѣсь холстъ, она сейчасъ и сядетъ.

Пытался я его разспрашивать о близкихъ къ нему людяхъ и интересахъ и получалъ отвѣты въ такомъ родѣ:

- Ладно вы живете, должно быть, со Степанидой?
- Ладно. Ничего.
- Хорошая она женщина?
- Хорошая. Ничего.
- А на деревнѣ у васъ хорошій все народъ?
- Хорошій, ничего.
- А старшина каковъ?
- Ничего... и старшина ничего.
- И писарь?
- И писарь... Надо быть, хорошій и писарь.
- А становой?
- Не знаю... Не слыхалъ нешто.
- А братъ твой, Платонъ Абрамчъ, каковъ, по твоему, человекъ?
- Ничего, хорошій...
- А какъ мірскія дѣла у васъ идутъ?
- Ничего, ладно... Со всячинкой тоже бываетъ.
- Ну, а вообще-то какъ вамъ живется?
- Ничего, справляемся...
- Не тяжелѣе прежняго?
- Иной годъ справляемся, иной—нѣтъ. . А вотъ какъ ты уѣдешь—случно намъ будетъ, вдругъ перебываетъ онъ самого себя.
- Отчего-же такъ? Какое отъ меня веселье?
- Такъ ужъ все какъ-то привычка. Вотъ теперь выйдешь изъ избы, анъ ты и тутъ... Мужики тоже толкуются, ребятишки. Все одно, какъ голуби къ жилому мѣсту, такъ и мы къ хорошему человекъ. Посидишь съ тобой и пріятно...

Странное впечатлѣніе всегда производятъ на меня подобнаго типа крестьяне. Это—типъ уже вымирающій, какъ тяжелая, неповоротливая, созерцающая кенгуру австралійскихъ лѣсовъ, погибающая въ борьбѣ за существованіе съ ловкими, пронырливыми хищниками новѣйшихъ формацій. Онъ уже рѣдокъ въ подгородныхъ деревняхъ, хотя въ глуши встрѣчается еще во всей неприкосновенности. Чѣмъ больше вы съ нимъ занимаетесь, тѣмъ болѣе нѣжныя чувства начинаете питать къ нему, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ вашу душу забирается какая-то досадливая грусть. . Неужели же суровый законъ борьбы за существованіе

всёвластно царить и въ человѣчествѣ? Неужели человѣкъ не пробовалъ противустать его ужасному, антигуманному проявленію?

Это было въ половинѣ августа. День смотрѣлъ какъ-то особенно весело. Весело смотрѣла и деревня, словно вѣнкомъ окружившая себя золотыми одоньями хлѣба. Душевиѣе и веселѣе смотрѣли мужики. Но еще веселѣе и благодушнѣе смотрѣли они отъ того, что нынѣшнее лѣто, не въ примѣръ прочимъ годамъ, Богъ накиннулъ имъ лишніе двѣ мѣры на мѣру посѣва. Это показало имъ умолотъ съ перваго же овина. Такое неожиданное приращеніе благосостоянія въ хозяйствѣ невбалованнаго человѣка наполнило его душу несказанною радостію, которую спѣшилъ онъ выразить заявленіемъ признательности. Наканунѣ вечеромъ, когда старики собрались посидѣть у житницы и сообщить другъ другу результатъ перваго умолота, дѣдъ Абрамъ заявилъ: «помолитесь бж надо!..» — «Надо! надо! Нельзя не помолиться: когда въ бѣдѣ, такъ просимъ, а отлегло, такъ знать не хотимъ!» подхватили умиленные мужики. Тотчасъ же стукнули по окнамъ, собрали сходъ и постановили «заказной праздникъ». Итакъ, былъ заказной праздникъ, который собственно состоялъ въ томъ, что рѣшено было не выѣзжать въ поле. Утромъ сходили къ обѣдѣ, а послѣ обѣда всѣ занялись «по домашнему обиходу» и приготовленіемъ къ началу посѣва.

Дѣдъ Абрамъ сегодня былъ особенно благодушенъ и, въ умиленіи, постоянно крестился, когда заходилъ разговоръ объ урожаѣ нынѣшняго лѣта. Крестился и Антонъ, крестилась и Степанида. Мы не можемъ составить себѣ и приблизительнаго понятія о глубинѣ той признательности, которая наполняетъ душу крестьянина при сравнительно ничтожномъ успѣхѣ его полевыхъ трудовъ. Для этого необходимо быть такимъ же истиннымъ земледѣльцемъ, каковъ былъ Антонъ.

Послѣ обѣда, мы всѣ собрались у избы и весело глядѣли на желтыя бока холмовъ, съ которыхъ была снята благодатная жатва, и по которымъ теперь, картинно раскинувшись, лѣниво паслося стадо.

— Вишь какіе перезвоны отъ стада-то несутся! замѣтилъ Антонъ, когда донеслись до насъ, среди невозмутимой тишины, охватившей деревню, малиновые звуки отъ колокольцовъ и бубенцовъ, навѣшанныхъ на шеяхъ коровъ. Антонъ широко улыбнулся и посмотрѣлъ мнѣ въ лицо съ дѣтскимъ ожиданіемъ сочувствіемъ къ его словамъ.

— Хорошо будетъ теперь скотинкѣ, благодареніе Богу! травы собрали въ пору, соломы въ достоль будетъ... вздохнетъ! Всѣ вздохнуть — и люди и скотина! замѣтилъ съ своей стороны дѣдъ Аврамъ: — и чего-жь больше надо?.. Ничего больше не надо, какъ только вздоху! Ежели полегче вздохнулъ — тутъ тебѣ и счастье!

— Ежели теперь вздохнулъ легко, всю зиму легко продышишь, встала и свое слово Степанида, и вдругъ зардѣлась вся. Степанида была до того молчаливое, всепоглощенное физической работой существо, что рѣдкія фразы, которыя приходилось ей говорить, помимо отношенія къ хозяйству, бросали ее въ краску, въ особенности при постороннихъ людяхъ.

Такъ наввно-благодушно бесѣдовали мои хозяева, предвкушая ту невеликую сумму довольства, которая вся исчерпывалась словами: «только бы намъ вздоху — тутъ и счастье!»

Въ концѣ деревенской улицы вдругъ показался облако пыли, послышался ревъ коровы и скрипъ тажего нагруженнаго воза. Пыльное облако разрасталось все больше и больше и наконецъ чуть не столбомъ поднялось надъ деревней.

— Экъ напустилъ какую тучу; и поселенье наше все утопилъ! сказалъ дѣдъ, всматриваясь въ облако изъ подъ ладони: — кто-бы это такой? Надо думать, прасоль.

Дѣдъ поднялся и вышелъ на середину улицы.

— Антонъ! Глядько-сь ты, что-то мнѣ мерещится, будто наши это..

И Антонъ сталъ всматриваться.

— Платонъ Аврамъчъ и есть!

— Господи помилуй! Что за оказія — всѣмъ домою снялся! проговорилъ дѣдъ, когда возъ почти уже подѣхалъ къ нему: — что такъ? спросилъ онъ Платона Аврамъча, въ недоумѣніи поглядывая на возъ.

Платонъ Аврамъчъ — низенькій, коренастый, краснощекій, съ русой бородкой въ розовой ситцевой рубахѣ, въ картузѣ и большихъ сапогахъ, силою покрытыхъ сѣрымъ слоємъ пыли, шелъ вблизи лошади и нервно дергалъ ее постоянно возжами. Въ отвѣтъ дѣду, онъ только отчаянно махнулъ рукою и, сурово хлестнувъ лошадь кнутомъ, остановилъ ее у воротъ Аврамовой избы. Но въ то время, какъ Платонъ Аврамъчъ собирался отвѣчать, съ возу вдругъ скатилась рыхлая, съ большими грудями, уже довольно пожилая женщина, въ ситцевомъ платьѣ и, истерически рыдая, по-очередно припадала къ груди дѣда Аврама, Антона и Степаниды. Сквозь ея рыданія только и слышно было, что: «Милые! родные наши! Раззорились! Все снесло! Все до маковой росинки! Милые! родные наши! Нищіе мы, нищіе! Ми-

лѣй тятенька! Родной Антонъ Абрамычъ! Голубушка Степанидушка, невѣстушка дорогая! Не покиньте, не оставьте сиротъ горькихъ!» причитала она и снова, по-очереди, начинала припадать то къ одному, то къ другому изъ нихъ. Я всталъ и отошелъ въ сторону, такъ какъ замѣтилъ, что горе этой женщины, повидимому, было на столько велико, что для изліянія его ей недостаточно, казалось, было грудей родственниковъ и она выражала уже намѣреніе броситься и къ моимъ ногамъ. Между тѣмъ, Платонъ Абрамовичъ уже ввелъ лошадь съ возомъ, на верху котораго сидѣлъ мальчикъ, а сзади была привязана корова, телка и коза, подъ навѣсъ двора, и на рыданія его супруги начала сходиться къ избѣ вся деревня.

Я ушелъ къ себѣ и изъ отрывочныхъ фразъ, долетавшихъ до меня со двора, могъ наконецъ узнать, что сегодня утромъ Платонъ Абрамычъ погорѣлъ.

Не прошло и получаса, какъ ко мнѣ вошелъ Платонъ Абрамычъ, уже въ вытертыхъ на свѣтло сапогахъ, умытый и причесанный.

— Весьма, значитъ, пріятно... Какъ выходитъ, по родственному... Потому мы дѣти будемъ этому самому старичку Абраму... Весьма пріятно вступить въ обхожденіе, говорилъ онъ какъ-то особенно вычурно и съ ужимками торговаго человѣка.

— Вы погорѣли?

— Да-съ, воля Божія. Но при всемъ томъ я не ропщу. Принимаю съ покорностію.

И Платонъ Абрамычъ присѣлъ.

Но онъ опять тотчасъ же вскочилъ и скороговоркой сказалъ:

— Стѣсненія не будетъ для васъ, ежели бы сюда самоварчикъ... по благородному? Потому, какъ мы съ супругой все болѣе по купеческому обиходу, и было бы весьма съ непривычки, затруднительно... ежели бы, по нашему несчастію, въ курной избѣ... При всемъ томъ, мы хорошее обращеніе понимаемъ. Будьте въ надеждѣ!.. Жили завсегда въ свое удовольствіе!

Я еще не успѣлъ отвѣтить, какъ въ дверь, тяжело переступая черезъ порогъ, вошла жена Платона Абрамыча съ маленькимъ семилѣтнимъ сынишкой за руку и тотчасъ заплакала.

— Ахъ, милый баринъ! не откажите сиротамъ! Вѣдь отъ такой, можно сказать, пріятной жизни—и вдругъ чайку негдѣ съ удовольствіемъ напиться! Каково это, милый баринъ, вѣкъ-то изживши въ обхожденіи съ богатыми и благородными! причитала она.

— Побалауй ужъ ихъ на первый разъ, Миколай Миколаичъ! Что съ ними сдѣлаешь!.. Невѣстка-то, вишь, у меня въ

слово обиходъ возросла, претить ей мужицкая-то кухня, добродушно забросилъ и свое слово дѣдушка Аврамъ.

— Сдѣлайте милость, согласился я.

Платонъ Аврамичъ тотчасъ же побѣждалъ за самоваромъ и скоро внесъ его самъ въ комнату, пихтя и приговаривая: «Мы все сами!.. Мы, въ несчастіи нашемъ, никого утруждать не желаемъ! Мы скорѣе себѣ какое стѣсненіе сдѣлаемъ, нежели другихъ обезпокоить!» За самоваромъ супруга Платона Аврамича втащила какія-то корзиночки и узелки — съ чаемъ, сахаромъ, кренделями, хлѣбомъ. Вынимая каждую вещь, она приговаривала: «Мы все съ своимъ; мы не привыкли одолжаться, мы другихъ одолжали, а не то, что самимъ одолжаться... Мы къ этому не привычны... Хотя и въ разореньи мы и въ большомъ несчастіи, а послѣднюю рубаху лучше продадимъ, чѣмъ кого собою утѣснять рѣшимся!»

Перебивая и дополняя рѣчи одинъ у другого, постоянно извиняясь, погорѣльцы, наконецъ, прочно основались около самовара, и вполнѣ, кажется, вошли въ роль хозяевъ.

— Господинъ! Сдѣлайте милость, искушайте! Не побрезгайте! Тятенька! Да ты постой, погоди парную-то воду дуть... Ахъ, старичокъ, старичокъ! Скусу ты хорошаго не знаешь... Маланья Ѳедоровна! бутылочка-то гдѣ же? спрашивалъ Платонъ Аврамичъ свою супругу.

— Здѣсь, здѣсь. Милый тятенька! на вашу старческую долю Господь сохранилъ церковнаго винца бутылочку... Такъ думать надо, угодили вы ему своими молитвами! дополняла Маланья Ѳедоровна.

— Что говорить! Радѣтели завсегда были! отзывался благодарный дѣдъ.

— Да мы, тятенька, это весьма понимаемъ, что ежели родитель! Это будьте въ надеждѣ! Престарѣлость мы всегда весьма почитаемъ, увѣрялъ Платонъ Аврамичъ:—гдѣ же братецъ Антонъ Аврамичъ? Пожалуйста, братецъ, за кампанію...

— А невѣстушка?.. Степанидушка, да пожалуйста! вотъ кренделечковъ... Да вы будьте по родственному! Вы не смотрите, что мы въ несчастіи, мы послѣднюю рубаху продадимъ да... и т. д. дополняла Маланья Ѳедоровна.

— Да мы даже настолько къ родителю привержены, опять начиналъ Платонъ Аврамичъ:—что ежели ужъ Господу угодно такое произволеніе, такъ мы и земляпашные труды примемъ въ помощь родителю... Окажемъ всякую трудомъ нашимъ поддержку.

Въ такомъ родѣ долго еще объяснялись супруги-погорѣльцы,

соревнуя одинъ другому въ выраженіи братской и сыновней любви, пока, наконецъ, не перешли къ разговору о пожарѣ. По ихъ разсказахъ, оказывалось, что у нихъ сгорѣло все «до снѣга пороха», что и денегъ они, которые «праведными трудами нажили», не успѣли спасти, что если что и осталось — такъ рухлядь, которую они даже не взяли съ собой, а оставили у знакомыхъ, чтобы «не стѣснить родителя». Тѣмъ «раззоренья» была настолько богата, что оказалось необходимымъ подогрѣть еще разъ самоваръ. Мнѣ надоѣло, наконецъ, это нитье — и я ушелъ. Но такъ неожиданно налетѣвшіе на нашу мирную жизнь гости долго еще продолжали чайничать «по благородному».

Дѣйствительно, на слѣдующее утро, Платонъ Абрамычъ пожелалъ «принять землешные труды въ помощь родителю».

— Ну, ну, посмотришь! говорилъ дѣдушка Абрамъ, пока Антонъ, тоже посмѣиваясь, снаряжалъ для Платона Абрамыча борону. Платонъ Абрамычъ при этомъ не переставалъ выражать чувства сыновней и братской любви...

— А я, милая Степанидушка, не взиралъ купеческое свое обхожденіе, всякіе труды съ тобой подѣлю, и коровокъ подюю, и воды принесу, и печь востюю. Приказывай! какъ хозяйка приказывай! Потому, ежели такое отъ Господа произволенье, что мы въ несчастія, то смиренно страпухино званіе на себя примемъ, не ропща! въ свою очередь говорила Маланья Фѣдоровна Степанидѣ.

Казалось, миръ и любовь окончательно утвердились въ благословенной семьѣ деревенскаго патріарха. Такъ думала деревня, такъ, повидному, думали и сами Абрамъ и Антонъ.

По крайней мѣрѣ, они благодушно молчали. Но я, какъ посторонній и притомъ внимательный наблюдатель, могъ съ каждымъ днемъ замѣчать, какъ капли по каплѣ просачивалось въ «райскую тишину», царившую прежде въ семьѣ Абрама, нѣчто «новое», нѣчто такое, что, хотя и незамѣтно, но тѣмъ не менѣе неотразимо, могло превратить эту «райскую тишину» въ пристанище злого духа. Своей непосредственной натурой чуяла тоже самое, должно быть, и Степанида, такъ какъ на лицо ея, съ каждымъ утромъ, все гуще и гуще ложились сумрачныя тѣни. Это «нѣчто» замѣчалось мною въ такомъ порядкѣ. Прежде всего «чаепитіе по благородному и съ купеческимъ обхожденіемъ» продолжалось въ моей половинѣ и на слѣдующій день, затѣмъ и еще на слѣдующій, и такъ долѣе, пока не вошло въ ежедневный обиходъ, даже безъ извиненій. Я этимъ, впрочемъ, не особенно огорчался, такъ какъ большую часть времени проводилъ «на волѣ». Но не отмѣять этого въ сущности ничтожнаго об-

стоятельства все-таки не могъ. Не могъ не отмѣтить и того, что Вася и Степанида, спавшіе прежде въ прокладной клѣтѣ, противъ моей половины, вытѣснены были скоро въ страшную половину избы, въ которой была нестерпимая жара и духота и гдѣ могли париться на печи только старыя кости дѣда Аврама. Такимъ образомъ, прокладная клѣтѣ оказалась въ распоряженіи Маланьи Федоровны, вопреки ея обѣщанію покорно подчиниться произволенію божію «спать ей въ сѣняхъ, какъ, горькой сиротѣ». Не могъ не отмѣтить я и того, что Платонъ Абрамычъ, несмотря на столь ревностно заявленное желаніе «принять землепашные труды въ помощь родителю», въ первое же утро работы вернулся очень скоро съ поля домой съ изорванной сбруей на лошади и съ великимъ негодованіемъ на плохой присмотръ Антона за земледѣльческими орудіями, «съ которыми развѣ только дуракъ можетъ управляться, а не то что умственный крестьянинъ». Послѣ этого Платонъ Абрамычъ больше уже не брался за землепашные труды и только резонерствовалъ, да съ сожалѣніемъ пожималъ плечами, когда Антонъ и дѣдъ Абрамъ добродушно посмѣивались надъ его «неумѣлостію».

Скоро Платонъ Абрамычъ сталъ и совсѣмъ рѣдко бывать дома: то онъ цѣлый день бесѣдовалъ на деревенской улицѣ, угощался «съ нужными людьми» водкой, то ѣздилъ по сосѣднимъ деревнямъ и селамъ. Скоро въ нашемъ мирномъ житіи образовалась правильная торговая операція. Не рѣдко, входя въ свою половину, я находилъ за чаепітіемъ Платона Абрамыча въ компаніи съ какими-то очень льстивыми и ловкими сибиряками, а по праздникамъ у нашей избы толпились мужики, что-то привозившіе Платону Абрамычу въ закладъ, мѣнявшіеся скотиной и лошадьми. Часто надъ нашей «мирной обителью» стала носиться ужасающая ругань и проклятія подпившей и обобранной кѣмъ-то бѣдности. Маланья Федоровна, въ тоже время, изъ своей клѣтки скоро сдѣлала не то деревенскій магазинъ, не то кладовую: тихонько отъ мужей, тащили къ ней бабы яйца, масло, холстъ, куръ, ягоды—и часто я имѣлъ удовольствіе видѣть и слышать, какъ она, вся мокрая отъ пота, раскраснѣвшаяся и раскисшая, какъ будто ея рыхлое тѣло дѣлалось отъ жары еще рыхлѣе, возсѣдала въ своей кладовой на опрокинутой кадушкѣ—и то торговалась или сплетничала съ бабами, то окрикивала довольно таки повелительно свою сношеницу Степаниду, то ругала и даже била Васю, на котораго постоянно жаловался ея плаксивый сынишка. Изъ этого легко можно видѣть, какъ постепенно преобразовывалось, и во что, въ концѣ концовъ, могло обратиться и мое деревенское «монрепѣ» и мир-

ная патриархальная обитель. И удивительное дѣло: чѣмъ шире и шумнѣе становилось торжище, чѣмъ неотвратимѣе вытѣсняло оно собою «мирное безгрѣховное житіе» истиннаго землепашца, тѣмъ этотъ землепашецъ робѣлъ все больше и больше, тѣмъ быстрѣе какъ-то онъ ступешивался, тѣмъ сосредоточенно-молчаливѣе онъ дѣлался, и только густыя тѣни скорби и грусти все рѣзче ложились на его лицо. Въ этомъ торжищѣ, дѣйствительно, какъ-то совсѣмъ затерялись не только Антонъ и Степанида, но даже самъ дѣдъ Абрамъ. Даже я, посторонній человекъ, какъ-то оробѣлъ. Такова сила наглости. Наглость— это могучее орудіе въ рукахъ хищника.

Я какъ-то сказала дѣду Абраму, что очень шумно и без покойно стало у насъ.

— Прости, Миколай Миколаичъ, отвѣчалъ онъ:— да вѣдь мы тутъ непричинны, несчастье виновато. А съ кѣмъ оно не бываетъ? Ежели несчастье кого утѣснить, то и всякъ долженъ постѣсниться, на себя часть принять. Такъ-ли? У насъ, при такомъ несчастіи-то, чужія семьи въ избу пускають, да еще не одну, однихъ ребятншекъ вуча наберется.. А нельзя, надо постѣсниться, пока обиталища себѣ не выведутъ.. Надо погодить, поди, Платонъ Абрамычъ давно ужъ объ томъ заботу имѣеть, чтобы къ осени опять построиться.

Но предположеніе дѣла Абрама, повидимому, не совсѣмъ оправдывалось.

Вскорѣ послѣ нашего разговора, вечеромъ, возвращаясь съ гулянья, я засталъ на моей половинѣ чаепитіе: за самоваромъ сидѣлъ Платонъ Абрамычъ, дѣдъ Абрамъ и одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ нашей деревни. Меня, по обыкновенію, пригласили къ чаю.

— Какову у насъ старичокъ-то избу вывелъ послѣ пожара! говорилъ Платонъ Абрамычъ гостю, показывая рукой на стѣну:— хотя бы вущу въ пору! Хоромы!

— Пространная изба! замѣтилъ гость.

— Весьма пространная! подтвердилъ Платонъ Абрамычъ:— только хозяина при ней надлежащаго нѣтъ. Старичокъ ужъ немощенъ, а Антонъ Абрамычъ и самъ только при умственномъ хозяинѣ можетъ значеніе имѣть. Прикажи ему—онъ все равно какъ лошадь отработается, а ежели чтѣ изъ своего пониманія— этого у него весьма мало имѣется!

И Платонъ Абрамычъ распространился съ сожалѣніемъ о томъ, какъ такая «просторная» изба можетъ остаться безъ всякаго приложенія.

— Ты вотъ, Платонъ Абрамычъ, свой домъ выведи съ этими

вприложеніями-то, а наша-то изба и такъ для собственнаго простора пригодится, замѣтилъ дѣдъ Абрамъ.

— Богъ дастъ и свой дождь выведемъ, и на это ума хватить! Только къ тому говоримъ, что сердце болитъ, смотря на такую необходимость. Вотъ что, старичокъ! съ горестью замѣтилъ Платонъ Абрамычъ.—И куда вамъ просторъ-то? Потомству хоть что-ли бы его предоставить, а то и потомства нибякого въ виду не имѣется...

— Ну, выиремъ всё—тебѣ достанется, сказалъ, посмѣиваясь, дѣдъ Абрамъ.

— Это все воля Божія-сь. А сказано тоже: «толцые и предоставятся...»

— А ты здѣсь, Платонъ Абрамычъ, обжился. По нраву приглася деревня-то? замѣтилъ гость.

— Мѣста привольныя и здѣсь! А главное дѣло—въ своемъ пониманіи, отвѣчалъ Платонъ Абрамычъ съ смиреннымъ сознаниемъ своихъ достоинствъ.

— На то онъ и Платонъ Абрамычъ! Платонъ Абрамычъ—голова!.. Платова Абрамыча на болото посади—онъ и тамъ гнѣздо разведеть!.. Онъ не погибнетъ! рѣшилъ дѣдъ, продолжая умляться передъ дѣловитостью своего молодого сына.

Такъ прошло полтора мѣсяца; начинало пахнуть осенью, наступали заморозки, ненастье; а сталъ уже подумывать о переселеніи въ городъ, тѣмъ болѣе, что и на душѣ у меня какъ-то стало тяжело, когда я могъ видѣть во что обратилось наше мирное деревенское житіе и предчувствовать конечную погибель слабаго патриархальнаго человѣка подъ тяжелой рукой хищника. Я начиналъ даже разочаровываться и въ патриархальной способности дѣда Абрама «устроить дома чадъ своихъ»—и со всѣмъ пересталъ называть его «Авраамомъ». Но неожиданно случилось такое совпаденіе обстоятельствъ. Дѣдъ Абрамъ вдругъ захворалъ. Стариковъ, какъ и дѣтей, недугъ охватываетъ и нахѣнаетъ быстро. Вчера ребенокъ былъ рѣзвъ, веселъ, пухлыя щеки пылали здоровымъ румянцемъ и ярко сіяли быстрые глазки, но болѣзнь въ одну ночь дѣлаетъ изъ него хилое, драхлое существо; на утро его не узнаешь. Блѣдная, прозрачная, синеватая кожа, вмѣсто свѣтло-розовой, тусклые грустные глаза, съ синими кругами подъ глазами; тонкія, безсильныя руки и ноги. Такъ и со стариками. Дѣдъ Абрамъ вдругъ какъ-то осунулся, глаза еще дальше ушли подъ навѣсъ сѣдыхъ бровей, Старческія руки и ноги дрожали; съ лица сошла улыбка нравственнаго спокойствія и довольства; ее замѣнило выраженіе строгаго и сдержаннаго безпокойства. Къ вечеру онъ со всѣмъ

слегъ, этимъ же вечеромъ исчезъ куда-то и Платонъ Абрамычъ; на слѣдующее утро не явились ко мнѣ чайничать ни тотъ, ни другой. Но около полудня въ двѣ подъѣхалъ возъ, это Платонъ Абрамычъ перевозилъ по немногу свое имущество въ мѣста прежняго своего жительства. Вошла Степанида и сказала, что дѣдушка просить меня сойти къ нему. Въ сѣняхъ, около подлѣтки, я встрѣтилъ Платона Абрамыча съ супругой, которые заполняли подлѣтку всякой рухлядью: сундуками, кадлушками, банями и коробами съ какими-то товаромъ. Въ нихъ замѣтна была какая-то лихорадочная испѣшность.

— Что это вы? совсѣмъ переселяетесь?

— На ваше мѣстечко, господинъ!.. Что-жъ такому простору впустѣ находится?.. Это и передъ Богомъ грѣхъ! отвѣчалъ Платонъ Абрамычъ съ какими-то особенно нахальнымъ лицемѣриемъ.

— Мы, милый баринъ, нетолько что себѣ, а и другимъ съумѣемъ удовольствіе составить, дополнила Маланья Федоровна.

— А какъ ваша постройка на старомъ пепелищѣ?

— Постройка, господинъ, отъ умнаго человѣка никогда не увидеть! Мы всегда съумѣемъ постройтись, если въ этомъ надобность будетъ, нѣсколько туманно объяснилъ онъ.

Я сошелъ къ дѣду. Онъ лежалъ на нарахъ, навзничъ, сложивъ на груди руки. Лицо его было строго и даже сердито.

— Ну, чтѣ, дѣдушка, какъ можется? спросилъ я, подсаживаясь на лавку.

Онъ отвѣчалъ не скоро.

— Смерть идетъ, Миколай Миколаичъ, проговорилъ онъ серьезно и неторопливо.

— Поправившись, успокоивалъ я:— а что, дѣдушка, развѣ ты боишься умереть?

— Нѣтъ, умереть я не боюсь. Я только до времени умереть боюсь... Потому, не все я въ закончаніе привелъ, въ чемъ, значить, человѣку произволеніе жизни.

Онъ говорилъ медленно, съ передышкой.

— Думалъ, все исполнилъ... Анъ, выходитъ, жизнь-то не скоро учтешь. Учелъ разъ, анъ она опять впередъ тебя ушла.. Только въ послѣдній часъ и учтешь. Ты бы мнѣ завѣщаніе написалъ, сказалъ онъ:— такъ, чернычокъ... Для нашего обихода и этого будетъ...

— Изволь.

Я взялъ бумагу и перо и приготовился писать.

— А ты перекрестись. Перекрестимся передъ началомъ, сказалъ онъ. Затѣмъ торжественно-мѣрнымъ голосомъ, какими чи-

тасть въ церкви Евангеліе священникъ, онъ началъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь!»

Слѣдовало короткое завѣщаніе, по которому онъ отказывалъ своему названному внуку, Василию, 15 рублей деньгами, которые лежали у него въ изголовьи, зашитые въ груди кафтана. Тамъ все и кончалось.

— А сыновей что же ты не упомянулъ?

— Сыновей я отдѣлилъ, какъ слѣдуетъ, по дѣдовскому завѣсту. А слыши! вдругъ спросилъ онъ:—Платонъ-то Абрамычъ со всѣми къ намъ перевозится?

— Да.

Онъ замолчалъ.

— Не совладать имъ однимъ, не совладать... На меня люди скажутъ! сталъ выговаривать онъ, словно въ бреду, смотря неподвижно въ потолокъ:— пока живъ—ничего, а умеръ.. всяко бываетъ, всяко... Не совладать имъ однимъ... До суда доведутъ... А судъ—все людской судъ, не божій... Ты тутъ, что-ли, Миколаичъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь, Абрамъ Матвѣичъ, здѣсь.

— Ты что-жъ меня Авраамомъ-то нонѣ не зовешь? Давно ужъ что-то не звалъ... А и по деревнѣ ужъ твое прозванье пошло!

— Развѣ нравится тебѣ?

— Не достынь, проговорилъ онъ, помолчавъ, и затѣмъ смолкъ совсѣмъ.

Я положилъ написанную черновую завѣщанія ему подъ изголовье и вышелъ.

На слѣдующій день, погода разведрилась. Осеннее солнце было ярко, но холодно. Въ свѣжемъ прозрачномъ воздухѣ медленно плыли серебряныя нити паутинника. Слово какая-то сила неволью тянула вонъ изъ дому, на волю, на просторъ. Миѣ хотѣлось воспользоваться послѣдними хорошими днями своего деревенскаго житья, и я собрался на охоту. Хотя поднялся я утромъ очень рано, однако, на половинѣ дѣда Абрама было уже сильное оживленіе—говорили громко, крупно, хлопали особенно сильно дверями. Я сначала подумалъ, не умеръ ли дѣдъ. Но строгій часъ смерти неволью сокращаетъ и смиряетъ даже самыхъ хищниковъ... Когда я вошелъ во дворъ умываться, встрѣтившаяся миѣ Маланья Федоровна не только обычно не привѣтствовала меня льстивымъ привѣтствіемъ, но какъ-то особенно сердито шмыгнула мимо меня. Самоваръ принесъ миѣ Антонъ, какъ и всегда, благодушнѣ-молчаливо улыбавшійся.

— Ну, что дѣдъ? спросилъ я.

— Ничего. Слава тебѣ Господи! Поправляется.

— Ну, вотъ и хорошо... А что это вы тамъ распуѣлись такъ съ ранняго утра?

— Ничего. Тутъ мы ни причемъ... дѣло родительское...

Антонъ улыбулся и тотчасъ же перебилъ самого себя замѣчаніемъ насчетъ поэтической «приятности», съ которою распѣвалъ пѣсни весело шумѣвшій самоваръ.

А когда я совсѣмъ одѣлся, взявъ ружье и вышелъ, то на завалинѣ нашей избы встрѣтилъ дѣда Абрама, сидѣвшаго среди четырехъ-пяти такихъ же стариковъ. Сивые или совсѣмъ бѣлые, какъ лунь, лысые или съ выстриженными по-стариковски макушками, они ёжились отъ утренней свѣжести въ своихъ дырявыхъ полушубкахъ.

Дѣдъ Абрамъ, несмотря на то, что былъ слабъ и его была лихорадка, старался шутить и глядѣть веселѣе.

На мое привѣтствіе и на мой вопросъ, о чемъ они толкуютъ, дѣдъ отвѣчалъ: «А вотъ гадаемъ—кому раньше въ гробъ ложиться, такъ грѣхи учитываемъ, чтобъ ужъ чисто было... А коли что забудется, такъ пушай кто въ живѣ останется, за покойника справить. Объ чемъ намъ больше толковать-то! Нами ужъ и тына не подопреши!» шутилъ дѣдъ Абрамъ.

Старики утвердительно кивали на его слова головами и подкрѣпляли ихъ приличными изреченіями народной мудрости.

— Разгуляться идешь? спросилъ дѣдъ.

— Да, да.

— Ну, ступай! Побѣгай, пока молодъ. А состарѣешься, какъ мы же, такъ больше того, что грѣхи учитывать—не придется.

Я проходилъ весь день и вернулся только къ вечеру. Каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ слѣдующую необычную сцену. Отъ воротъ, съ заваленъ и изъ оконъ избы, любопытная деревня внимательно смотрѣла по направленію къ избѣ дѣла Абрама, отъ которой неслись какія-то истерическія рыданія, пересыпанныя руганью и всякими жесткими пожеланіями. Я узналъ голосъ Маланья Федоровны, хотя у самой избы еще не было ничего замѣтно. Когда же я подошелъ на середину деревни, вдругъ на встрѣчу мнѣ изъ воротъ абрамовой избы выѣхалъ тяжело нагруженный всякимъ скарбомъ возъ, и на немъ, какъ и раньше, сидѣла съ своимъ сыномъ Маланья Федоровна. Она что-то кричала, обращаясь ко всей деревнѣ, между тѣмъ, какъ самъ дѣдъ Абрамъ, спотыкаясь слабыми ногами, съ открытой головой, выводилъ торопливо лошадь подъ-узды на середину улицы. За этимъ возомъ, изъ-подъ воротъ, выѣхалъ другой. Какъ и прежде, нервно и зло дергая возжами, шелъ за нимъ Платонъ Аб-

рамыть въ розовой ситцевой рубахѣ, въ жилеткѣ съ разноцвѣтными стеклянными пуговицами и въ новомъ суконномъ картузѣ. Онъ былъ красенъ и весь въ поту отъ волненія, и широко открытые глаза его, какъ у помѣшаннаго, бѣжали изъ стороны въ сторону.

Дѣдъ Абрамъ поставилъ лошадь по направлевію къ веревѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ съ ней по дорогѣ, ударилъ ее возжами, потомъ перебросилъ ихъ ей на спину—и, отойдя, махнулъ въ слѣдъ увѣзавшимъ рукой.

— Добрые люди! Добрые люди! Посмотрите! Волюбуйтесь! Какія дѣла-то у васъ дѣлаются, дѣла-то какія! наконецъ, разобралъ я, какъ причитала Маланья Федоровна, подбирая брошенные дѣдомъ возжи:—родители дѣтей своихъ изгоняютъ! кровь свою, кровь пьютъ! Милые, да виданное ли это дѣло! За ласку-то нѣжную! За обходительность-то нашу! Волюбуйтесь, добрые люди! взыгливо выкрикивала она, поворачивая постоянно къ деревнѣ свое раскраснѣвшееся лицо.

— Съ Богомъ! Съ Богомъ!.. говорилъ ей въ отвѣтъ дѣдъ Абрамъ, махая рукой, когда быстро проѣхалъ мимо него Платонъ Абрамычъ, не сказавъ ни слова и только такъ дернулъ возжами, что лошадь шарахнулась въ сторону и чуть не упала. Онъ выругалъ ее, и оба веза скрылись за околицей. Но долго еще изъ-за околицы неслись въ деревню выкрики и причитанья Маланьи Федоровны.

Въ это время, уже почти совсѣмъ закатившееся солнце выглянуло въ ложбину между холмами и послѣдними красноватыми лучами облило деревенскую улицу, на серединѣ которой все еще стояла высокая, нѣсколько сторбленная фигура сѣдого старика, въ синей изгребной рубахѣ, посконныхъ штанахъ и лаптахъ, съ открытой головой и широкой сивой бородой, которую раздувала слегка налетавшій изъ-за околицы сырой вечерній вѣтеръ. Наконецъ, онъ, поглаживая бороду и задумчиво опустивъ голову, пошелъ медленно къ своей избѣ.

Я уже успѣлъ раздѣться и, усталый, легъ на лавку. Какая-то почти мрачная тишина воцарилась кругомъ. Легко вздохнулось груди. Такъ, послѣ мучительной, но искусной операціи, трудно стонавшій больной вдругъ чувствуетъ, какъ невыносимая тяжесть свалилась съ его плечъ, и его грудь вздохнула свободно въ первый разъ послѣ долгихъ, мучительныхъ, бессонныхъ ночей. И вдругъ, среди этой тишины, раздался знакомый звукъ: скрипнула тихо дверь, въ нее выглянуло благодушное лицо дѣла Абрама и раздался обычный прежде, но давно уже забытый вопросъ: «не наставить ли кипяточку?»

— Да, да, дѣдушка Авраамъ! Непремѣнно! вскрикнулъ я.

И затѣмъ опять услыхалъ я нетерпѣливую хлопотливую дѣда со внукомъ около самовара и обычныя обученія «порядку».

За мной самоваромъ опять очутились мы втроемъ: я, дѣдъ и внукъ.

— Ну, что, дѣдушка, получше ли тебѣ? спросилъ я.

— Получше, кажись... А все плохо... Чую, что все уже не то что-то... Оборвалось!

Дѣйствительно, хотя онъ и старался, по-прежнему, благодушно улыбаться, но что-то страдальческое видѣлось въ этой улыбкѣ, а державшія блюдце, грубыя, заскорузлыя руки дрожали такъ, что чуть не выливалась съ него вода. О Платонѣ Аврамычѣ мы не говорили больше, такъ какъ на мой вопросъ: «почему это все такъ случилось?» дѣдъ отвѣчалъ нѣхотя: «Что тутъ! Видимое дѣло...»

Очевидно, ему было тяжело говорить объ этомъ.

Скоро я распростился съ дѣдомъ—и навсегда. Полгода спустя, въ началѣ весны, я встрѣтилъ въ городѣ прїѣхавшаго на базаръ Антона. Онъ сообщилъ мнѣ, что дѣду становилось зимой все хуже и хуже, что на Рождествѣ его похоронили, что Платонъ Аврамычъ на похоронахъ не былъ и что на деревнѣ и на селѣ, у поповъ, по-сейчасъ еще, вспоминая старика, прозываютъ его не иначе, какъ дѣдушкой Авраамомъ.

Н. Златовратскій.

БОЛѢЗНЬ ВѢКА.

Рыбацкій людъ столпился у рѣки,
Да не шумна и не криклива скодка:
Стоять, не шелохнѹтся рыбаки,
У берега причаленная лодка.
Послушаемъ, толкутъ тамъ о чемъ?
— «Оказія! съ моста, да въ рѣку прямо!»
— «Попуталъ грѣхъ!» — «Ко дну пошелъ ключомъ!»
— «Не вмочь пришлось?» — «А ужъ и глубоко тамо!»
Протискались. Лежить поверхъ травы!
Лѣтъ двадцати или еще моложе,
Не изъ простыхъ, замѣтно по одѣжѣ,
Готовъ!.. (цилиндръ помятый, съ головы,
Рядомъ лежить: его словили тоже).
Изъ глазъ вода сочится, какъ слеза,
А нѣжный пухъ чуть отбѣняетъ губы,
Лицо раздута; стиснулись зубы
И выпучены мутные глаза...
«Не промигнетъ, сердечный! Ужъ качали,
«Да безъ пути... *начальству* вѣсть дана...»
Вотъ съ писаремъ прѣехалъ старшина;
Прикрыли трупъ; за становымъ послали.
Ахъ бѣдный, бѣдный! Богъ вѣсть, отчего
На свѣтѣ жить ему такъ стало тѣсно!
Помануть ли хоть душеньку его?
И кто онъ? и откуда? — неизвѣстно!
А жизнь кругомъ такъ радостно глядитъ
И внешнее-то солнышко надъ нею
Такъ ясно свѣтитъ, будто говорить:
Вставай, горюнь! Вотъ, я тебя пригрѣю!
И вправду, видно, стало ужъ не вмочь?
Еще и пѣсня юности не спѣта,
А для него уже настала ночь —

Мгла вѣчности глухая, безъ разсвѣта...
 Чего хотѣлъ и ждалъ онъ отъ судьбы
 И, съ ней борясь, какую вынесъ пытку
 За гордую, мятежную попытку
 Отчаянно-безвыходной борьбы?
 Иль зачерствѣтъ у взрослога ребенка
 Успѣла ужъ бессильная душошка,
 Снести урока жизни онъ не могъ
 И, безъ борьбы, постыдно изнемогъ?

.
 О! замолчи предъ трупомъ неотпѣтымъ,
 Рѣчь осужденія праздна! Грѣшно!
 Вѣдь счастьемъ заботливо пригрѣтымъ
 Понять людское горе не дано!
 Въ нашъ вѣкъ себялюбиваго растлѣнья,
 Всесильной власти идоловъ земныхъ,
 Безвѣрія, страстей—безъ наслажденія
 И оргіи—безъ пѣсенъ молодыхъ,
 Не вмочь намъ ждать, въ паденія глубокомъ,
 Конца всѣхъ бѣдъ, съ таинственнымъ ихъ срокомъ!
 Жизнь каждый день сложивъ и труднѣй,
 А меньше силъ у насъ бороться съ ней
 И—смоетъ насъ вкрутымъ ея потокомъ!

А. Яхонтовъ.

П Р Ы Г У Н Ы.

(Матеріали къ исторіи обрусенія Закавказскаго Края).

V.

По ближайшемъ изслѣдованіи, оказалось, что источникомъ такого энергическаго сопротивленія былъ житель сел. Никитина Максимъ Рудометкинъ.

Вліяніе Максима Рудометкина оказалось на столько сильно, что сіонцы, прежде легко офіціально отрекавшіеся отъ своего ученія и соглашавшіеся на всякія подписки, лишь бы ихъ оставили въ покоѣ, рѣшились заявить открыто о своей, по ихъ мнѣнію, «правовѣрѣ» и были даже весьма не прочь воспріять мученическіе вѣнцы. Въ то время въ сел. Никитинѣ, домъ тамошняго поселеннаго Ивана Манусеева уже былъ открыто превращенъ въ прыгунскую молеблю, и тамъ-то Максимъ Рудометкинъ держалъ длинныя проповѣди о покаяніи и близкой кончинѣ міра, торжественно объявляя на всѣ увѣщанія полиціи, что «твердо убѣжденъ въ своей вѣрѣ». Разслѣдованіями, произведенными вслѣдствіе усиленія прыгунства, открыто, что ближайшими сотрудниками Рудометкина въ распространеніи новой вѣры были Фетисъ Назаровъ, Емельянъ Телегинъ, и двѣ дѣвки, Степанида Карташева и Варвара Манусеева. Какъ и Рудометкинъ, всѣ эти лица заявили столь же торжественно свое убѣжденіе въ правотѣ своей вѣры и на допросы полиціи смѣло объяснили, что придерживаются своего ученія уже пять лѣтъ, что въ собраніи, во время молитвъ, совершаемыхъ преимущественно по вечерамъ и продолжающихся до полуночи, на нихъ «видимыми знаками нисходитъ святой духъ».

Это нисхожденіе духа, какъ они объяснили, выражалось тѣмъ, что у нихъ *сами собой поднимается кверху руки, что ноги приходятъ въ движеніе и также сами собой начинаютъ топтаться, что затѣмъ противъ ихъ воли начинается движеніе всего кор-*

пуга, и что даме бывает—они не помнят. Благодать св. духа, между прочимъ, выражалась, по ихъ словамъ, и тѣмъ еще, что они, при такихъ нискожденіяхъ духа, начинаютъ говорить и пѣть на разныхъ языкахъ. Всѣ показали, что когда духъ оставляетъ ихъ, то они приходятъ въ нормальное состояніе. Послѣдователи новой секты оправдывали свое отдѣленіе отъ молоканскаго ученія, главнымъ образомъ, тѣмъ, что молокане будто бы стали въ послѣднее время (4 — 5 лѣтъ) предаваться невоздержанности въ словахъ и на дѣлѣ, чего они выносить не могли.

Въ своей Никитинской молельнѣ Рудометкинъ сталъ краснорѣчиво доказывать своимъ слушателямъ, что теперь настало время пришествія Христа Спасителя, а вмѣстѣ съ этимъ время наступленія 1000 лѣтняго царствованія, что теперь только этого слѣдуетъ ожидать и этому вѣрить, и затѣмъ ни на какія убѣжденія ни другихъ религій, ни даже начальства поддаваться не слѣдуетъ, а, главное, не нужно беспокоиться ни о чемъ земномъ. Рудометкинъ доказывалъ, что именно теперь настало то время, когда будущимъ властителямъ 1000 лѣтняго царствованія слѣдуетъ взглянуть на птицъ небесныхъ, «аже не съють и не жнутъ», и опочить отъ дѣлъ и трудовъ, съ которыми связаны только грѣхи. Проповѣдь «объ оставленіи всѣхъ земныхъ попеченій» имѣла полный успѣхъ. Всѣ послѣдователи Рудометкина и самъ онъ, во главѣ, оставили свои обыкновенныя занятія и ремесла и начали молиться и приготовляться къ 1000 лѣтнему блаженству, питааясь подаваніемъ. Самъ Рудометкинъ, по ремеслу отличный колесникъ, сложилъ въ сторону свой инструментъ и приступилъ къ сбору милостыни, которая, однако, потекла въ такомъ количествѣ, что далеко превысила его насущныя потребности.

Мѣстныя власти, наблюдая надъ усиленіемъ религіознаго броженія среди прыгуновъ, успѣли донести, что установившіеся между ними *обряды* прежде всего ведутъ къ совершенному истощенію и разстройству физическихъ силъ сектантовъ, за которымъ неминуемо должно послѣдовать хозяйственное разореніе и обѣдненіе, въ которое жители, по всѣмъ вѣроятіямъ, придутъ въ весьма короткій срокъ, такъ какъ прыгунская пропаганда, начиная съ проповѣдей Рудометкина, пошла особенно успѣшно. По доходившимъ свѣдѣніямъ, многіе изъ прыгуновъ и особенно главные дѣятели овазывались уже совершенно неспособными къ работѣ, вслѣдствіе физическаго истощенія организма и постоянныхъ нервныхъ и половыхъ возбужденій. Собираясь съ вечера на молитву, прыгуны, послѣ непродолжительнаго чтенія нѣкоторыхъ главъ изъ библіи и пѣнія собственныхъ духовныхъ

и́сьень, пристунали къ моленію: начиналось съ обычнаго воздѣванія рукъ къ небесамъ, затѣмъ производилось раскатываніе корпусомъ во всѣ стороны, затѣмъ шло дрожаніе тѣла и легкое притоптываніе ногами. Притоптываніе переходило сначала въ легкіе прыжки, затѣмъ прыжки становились все чаще и выше и все это заканчивалось совершенной пляской, сопровождаемой страшнымъ ломаньемъ и кривляньемъ. Молящіеся доходили до состоянія близкаго къ явступленію, но, мало-по-малу, безумно-отчаянная пляска и прыжки прекращались и наступало полное физическое изнеможеніе. Блѣдные, съ блуждающими глазами, молящіеся прыгуны часто безъ чувствъ падали на полъ и, какъ удостовѣрляла полиція, «не рѣдко въ отвратительныхъ положеніяхъ». Наступала мертвая тишина. При этомъ, какъ увѣрили многіе, свѣчи сами собою потухали и воцарялся полнѣйшій мракъ... На этомъ, однако, не всегда кончалось. Приди вновѣ въ чувства, молящіеся поспѣшно вскакивали на ноги начинали пѣть и говорить на разныхъ тарабарскихъ нарѣчіяхъ, не понимая другъ друга и стараясь, однако, убѣдить себя и другіихъ, что они именно говорятъ *разными языками*. Моленье кончалось общими пѣлованіемъ всѣхъ и каждого, что выражало, по словамъ прыгуновъ, только одну *любовь христіанскую*. По удостовѣренію многихъ лицъ, въ селеніяхъ Никитингъ и Александровгъ, послѣ прыганья, возбужденные молеельщики и молеельщицы предавались въ полномъ смыслѣ слова распутству. Тоже самое въ послѣдствіи, какъ многіе утверждали, обнаружилось въ Еленовкѣ и другіихъ сектаторскихъ поселеніяхъ.

Губернское начальство, находя, что прыгунское ученье распространяется непомерно быстро, пришло къ тому убѣжденію, что, въ предупрежденіе совершеннаго обѣдненія населенія, въ силу полнѣйшаго бездѣйствія, которому прыгуны предавались въ ожиданіи наступленія тысячелѣтнаго царствованія, необходимо принятіе энергическихъ мѣръ. Эти мѣры, впрочемъ, предполагалось примѣнить только къ главнымъ дѣятелямъ прыгунства, отъ чего ожидали достаточныхъ результатовъ. Въ видахъ устраненія вреда, который можетъ произойти отъ распутства и «бездѣйственной жизни», именно предполагалось, на первый разъ, сослать Рудометина, а съ нимъ вмѣстѣ Телегина и Назарова на островъ Сару (на Каспійскомъ Морѣ) и удалить изъ края делижанца Лукьяна Петровича, о которомъ полиція доносила, что онъ есть «главный развратитель», хотя этому главному развратителю было уже около 90 лѣтъ. Изъ 13 «упорныхъ», отказавшихся дать подписку о непринадлежности къ прыгунству и нераспространеніи этой секты, предполагалось также вы-

слать на остров Сару, Ивлія Минникова, Евѣя Черемисина, Никифора Трегубова, Павла Кудряшева, Гавріила Валова и Ѳеодора Касимова, а отъ остальныхъ семерыхъ предполагалось все-таки отобрать подписки, выдержавъ ихъ предварительно по мѣсяцу въ крѣпости. Подпискамъ, какъ видно, все еще придавалось кое-какое значеніе, несмотря на ихъ видимую несостоятельность.

Такимъ образомъ предполагали распорядиться съ главными прыгунами, и, въ ожиданіи разрѣшенія высылки на островъ Сару, 10 человекъ содержалось въ г. Эривани на крѣпостной гауптвахтѣ, гдѣ одинъ изъ дѣятелей, Черемисинъ, по донесенію городской полиціи, умеръ отъ «помѣшательства ума».

Однако, высшее кавказское начальство, не признавая за «новоявленной сектой» настолько значенія, чтобы одобрить предложенныя губернскимъ начальствомъ карательныя мѣры противъ вожаковъ новаго ученія, взглянуло вообще на это дѣло и, въ частности, на религіозную сторону сектаторства съ иной, болѣе спокойной точки зрѣнія. Тогдашній намѣстникъ князь Барятинскій предлагалъ совершенно прекратить не только всякія слѣдствія собственно о религіозныхъ заблужденіяхъ мѣстныхъ русскихъ поселенцевъ, но предписывалъ равнымъ образомъ прекратить уже введенный порядокъ отобранія подписокъ, которыя, по мнѣнію намѣстника, ни къ чему не могли вести, «ибо въѣями доказано, что всякое строгое преслѣдованіе и самое истаиваніе за религіозныя заблужденія ихъ не уничтожаютъ, а еще болѣе ожесточаютъ сектаторовъ и вторенаютъ въ нихъ эги заблужденія». Даже самыя увѣщеванія, дѣлаемыя прыгунамъ, черезъ полицейское начальство, относительно присоединенія вновь къ молоканству, не были одобрены и намѣстникъ находилъ ихъ неумѣстными, такъ какъ законъ признаетъ и прыгунство, и молоканство за заблужденіе и «ни одной изъ сихъ сектъ предпочтенія не отдаетъ». Въ силу такого взгляда начальства, предписывалось: 1) тринадцать арестованныхъ освободить, объявивъ имъ за подпиской, что за «распутство» они будутъ наказываемы по всей строгости законовъ, и 2) противъ распутства новыхъ сектаторовъ предлагалось принимать своевременно закономъ установленныя мѣры. Больше никакихъ указаній въ распоряженіи начальства не заключалось; ссылка же на островъ Сару признавалась неудобною собственно по причинѣ убійственнаго климата этого пункта. Какъ ни гуманны, какъ ни вѣрны были воззрѣнія высшихъ властей, но вліяніе полицейскихъ преслѣдованій и настояній уже обнаружилось и, предоставленные самимъ себѣ, никѣмъ болѣе не гонимые и не стѣсняемые, новые сек-

танты въ самомъ непродолжительномъ времени дошли до крайнихъ негѣпостей.

Максимъ Рудометкинъ продолжалъ усердно поддерживать въ своихъ послѣдователяхъ надежду на скорое наступленіе тысячелѣтняго царствованія. Онъ сначала предсказывалъ, что она наступитъ въ 1857 году, но, когда, по прошествіи этого года, оно не наступило, онъ, не стѣсняясь, отложилъ наступленіе его до 1860 года. По словамъ Рудометкина, царство должно было называться Сіонскимъ, и въ этомъ-то царствѣ онъ, Рудометкинъ, вмѣстѣ съ учениками, соберется на Сіонской горѣ и будетъ царствовать, раздѣливъ, впрочемъ, власть съ Христомъ, что и будетъ длиться ровно 1,000 лѣтъ. Болѣзней, печалей и проч. тамъ уже не будетъ. Воцарившіеся будутъ имѣть каждый по двѣ молодыхъ жены. Такъ соблазнялъ Рудометкинъ своихъ учениковъ, а самъ въ то время уже жилъ, завѣдомо для всѣхъ, съ двумя дѣвками — Варварою и Степанидой, прогнавъ изъ дому свою старую жену. Варвару же и Степаниду всѣ прыгуны тогда уже признавали «царицами» или «женами духовными».

Своимъ послѣдователямъ Рудометкинъ также разрѣшалъ имѣть по двѣ духовныхъ жены каждому, доказывая, что въ тысячелѣтнее царствованіе они будутъ приняты съ женами духовными, а не плотскими, ибо тысячелѣтнее царствованіе должно положить конецъ всѣмъ обрядамъ по плоти. Всѣ непригуны, конечно, при этомъ подпадутъ подъ власть антикрита и даже самое восхожденіе на Сіонскую гору прыгуны совершать на плечахъ непригуновъ.

Отпущенный изъ заключенія Рудометкинъ развернулся вполне и постарался показать, кто онъ такой. Покаяніе, духовное общеніе съ духовными женами, молитва, сборъ милостыни и ожиданіе воцаренія его на Сіонѣ—вотъ, что слышали отъ него ученики, и, въ ослѣпленіи предъ своимъ вожакомъ, они не видѣли ничего всѣхъ его негѣпостей, но и совершенно не замѣчали неблаговидныхъ сторонъ его дѣятельности.—Во всѣхъ его дѣйствіяхъ царяла крайняя грубость, сила примѣнялась повсюду. Напримеръ, на кающихся Рудометкинъ приводилъ къ желаемому покаянію самымъ незатѣйливымъ образомъ. Несознающаго въ грѣхахъ начинали, просто на просто, волочить за волосы по землѣ, въ самой молебнѣ, а Рудометкинъ, въ ожиданіи покаянія, только приговаривалъ: «кайся», «кайся», и приговаривалъ до тѣхъ поръ, пока предполагаемый грѣшникъ откупался деньгами или вещами или пока не давалъ обѣщанія сдѣлать Рудометкину и его свитѣ «обѣдецъ», что считалось жертвой и милостыней, и тогда трепаніе за волосы кончалось. По числу аио-

столовъ Христа, постоянная свита Рудометкина состояла также изъ 12 человекъ, съ тою, однако, разницею, что, кромѣ апостоловъ, допущенъ былъ и женскій полъ, до котораго и Рудометкинъ, и его «ученики» были весьма падки. Эти 12 человекъ считались главными молещиками и заповѣдниками. Во главѣ ихъ стояли такъ называемые *два уда комара* (Рудометкинъ былъ извѣстенъ подъ именемъ комара) Оетиска и Алешка. Во главѣ дѣвокъ стояли двѣ *царицы* — Степанида и Варвара. Сопровождаемый этой свитой, Рудометкинъ, изрѣдка предпринималъ разѣзды по русскимъ селеніямъ, гдѣ у него почти вездѣ завелись послѣдователи. Вездѣ, гдѣ только не мѣшала полиція, ему производились по возможности торжественныя встрѣчи. Съ глубочайшимъ подобострастіемъ кланялись ему въ ноги, и было истинно замѣчательно то безграничное довѣріе, которое сумѣлъ поселить въ своихъ послѣдователяхъ этотъ оборотливый мужчина. Обыкновенно къ пріѣзду Рудометкина устраивалось общее или *большое моленіе*. Этихъ моленій не пропускалъ никто. Рудометкинъ неизмѣнно призывалъ всѣхъ къ покаянію, бесѣдовалъ о близкомъ наступленіи 1000 лѣтъ царствованія, толковалъ вкривь и вкось всѣ вопросы и сомнѣнія своей паствы по части св. писанія и кончалъ тѣмъ, что приказывалъ себя угощать. Въ замѣнъ угощенія, онъ съ свитою общалъ молиться *за своихъ чады*. Распутничая на пути и не пропуская случая, во имя безграничной и христіанской любви и духовной связи, сблизиться съ чужой женою, Рудометкинъ и его свита успѣли увѣрить, что отъ кого нибудь изъ нихъ должно родиться *святое стѣмя, стѣмя богородное* — и такими увѣреніями успѣвали закрывать и рты, и глаза мужьямъ. Бывало, во время моленія, одинъ изъ насадителей богороднаго сѣмени бралъ лопату, сметалъ весь соръ избывъ одну кучу, куча зажигалась и Рудометкинъ изрекалъ проклятіе всѣмъ непригунамъ, которые при этомъ уподоблялись сорной кучѣ. Въ такъ называемое богомоленіе Рудометкинъ сталъ все болѣе и болѣе вводить картинныя представленія. Событія ветхаго и новаго Завѣта онъ пытался, по возможности, представить въ лицахъ. Садится, напримѣръ дѣвка на спину къ мужику и дѣлаетъ нѣсколько круговъ по избѣ — и это изображаетъ бѣгство Богородицы въ Египеть. Въ минуты гнѣва и недовольства своими чадами, Рудометкинъ угрожалъ покинуть свою паству и вознестись на небо! Угрозы оказывались настолько нѣскими, что паства приступала съ слезными мольбами не покидать «сиротливыхъ», не прекращать предстательствовать предъ Богомъ и не разлучаться съ ними. Только продолжительныя мольбы обыкновенно могли поколебать рѣшимость Рудометкина,

и тогда онъ объявлялъ, что вознесеніе на небо онъ отлагаетъ, въ виду послѣдовавшаго раскаяніа паствы, до другого срока. Иногда, однако, онъ доводилъ угрозу до того, что направлялся на сосѣднюю гору и, окруженный взывающими на всѣ голоса чадами, воздѣвлялъ руки кверху и объявлялъ, что вотъ, вотъ сейчасъ вознесется. Тогда толпа разомъ валилась къ его священнымъ стопамъ, на колѣняхъ лобызала прахъ своего учителя, молила остаться, не покидать, не возноситься, и Рудометкинъ, такъ и быть, соглашался отложить отбытіе на небо, но при этомъ, однако, внушалъ, что, рано или поздно, событіе это неминуемо. Бывало, наконецъ и такъ, что иногда Рудометкинъ и свита его, осѣненные св. духомъ, заводили между собою объясненія на *могилъ языхахъ*, произнося, по возможности, быстро какія-то невразумительныя рѣчи. Довѣрчивая толпа туго смотрѣла на осѣненныхъ шарлатановъ и въ благоговѣйномъ страхѣ осмѣливалась произносить только «истинно!», «истинно!»

Въ довершеніе всѣхъ нелѣпостей, 19-го октября 1857 года, Максимъ Рудометкинъ, въ сел. Никитинѣ, въ присутствіи огромной толпы народа, вѣнчался на царство и возложилъ на себя приготовленную на сей конецъ корону царя духовныхъ христіанъ. Толпа, одурѣвшая отъ поста, пляски и небывалаго физическаго напряженія, искренно ликовала по случаю этого вѣнчанія и радовалась, что ихъ *духовный царь* занялъ, наконецъ, принадлежащій ему тронъ. Вѣнчаніе на царство произвело такой эффектъ, что даже Лукьянъ Петровичъ, не безъ основанія видѣвшій въ Рудометкинѣ давно своего соперника, услышавъ о его возшествіи на престолъ, спасовалъ и призналъ надъ собою превосходство и старшинство Рудометкина. «Комаръ взялъ надо мною высоту», произнесъ по сему случаю Петровичъ.

Окончательно ошалѣвшему отъ успѣховъ Максиму Рудометкину показалось, однако, мало возложить на себя корону и возсѣсть на престолъ. Онъ вздумалъ еще заявить, *посредствомъ видимыхъ знаковъ*, о своихъ царскихъ достоинствахъ и, вмѣстѣ съ своими двумя царицами, сталъ носить на плечахъ буквы изъ краснаго сукна Д. и Ц. (на правомъ Д., на лѣвомъ Ц.), что означало «Царь Духовъ». Придумавъ себѣ что-то въ родѣ эпюлетъ, Рудометкинъ рассудилъ, что требуются еще болѣе явственныя знаки царскаго величія, и вотъ ему пришла идея поставить у себя на дворѣ, въ с. Никитинѣ, столбъ, по возможности, высочій, который бы и указывалъ всѣмъ духовнымъ христіанамъ мѣстопребываніе ихъ духовнаго царя. Придумавъ обозначить свою резиденцію такимъ столбомъ, Рудометкинъ, воспользовавшись окончательнымъ упомѣнительствомъ своихъ послѣдователей, не

безъ искусства привелъ въ исполненіе задуманный планъ и, достигнувъ, чего желалъ безъ малѣйшихъ затратъ, онъ тайнѣмъ ликовалъ надъ слѣпотою мѣстной полиціи, у которой подъ носомъ воздвигъ тронъ, совершилъ коронацію и поставилъ многозначущій столбъ. Заврашійся духовный царь и не подозрѣвалъ, что этотъ столбъ окончателно попортитъ его царственную карьеру.

Исторія постановки столба осталась до сихъ поръ вполнѣ неразъясненной, собственно потому, что и самъ Рудометкинъ не понималъ толкомъ, чего онъ добивался и чего хотѣлъ достигнуть постановкой такого столба. Ревностнѣйшіе изъ Рудометкинскихъ послѣдователей желали воплотить въ какомъ нибудь всѣмъ видимомъ предметѣ идею величія духовнаго царя и нашли для воплощенія этой идеи совершенно достаточнымъ постановку деревяннаго столба. Но постановку столба затѣялъ самъ Рудометкинъ. Видимымъ образомъ доказать, что онъ есть дѣйствительно духовный царь и что объ этомъ даже знаютъ мѣстныя власти, допускающія существованіе такого столба — требовалось Рудометкину потому, что у него съ этимъ связывались и другіе планы. Дѣло въ томъ, что, укрѣпившись на своемъ духовномъ престолѣ съ такимъ успѣхомъ, Рудометкинъ сообразилъ, что можно сдѣлать еще новый налогъ на невѣжество своихъ послѣдователей и сталъ готовить ихъ умы къ необходимости жертвованія такъ называемой десятины. Въ Писаніи значитса, поучалъ Рудометкинъ, что таковая десятина платилась въ пользу Леви товъ, а слѣдовательно, въ стократъ было болѣе резоновъ платить таковую десятину въ пользу своего духовнаго царя. Приготовивъ своихъ, и такъ на все готовыхъ послѣдователей, къ мысли о необходимости сбора $\frac{1}{10}$ части доходовъ на поддержаніе блеска и величія духовнаго царя, Рудометкинъ доказалъ, что предполагаемый къ постановкѣ столбъ будетъ служить, не только символомъ важности и могущества прыгунской секты, и особенно самого Рудометкина, но, независимо отъ выражаемой имъ эмблемы царскаго достоинства, столбъ этотъ долженъ будетъ еще заключать въ себѣ и божественную силу, и истинно вѣрующіе должны были отъ столба получать такое же спасеніе и утѣшеніе, какъ евреи отъ мѣднаго змія.

25-го августа 1858 года, назначено было воздвигнутіе столба, о чемъ всѣ прыгуны поставлены были своевременно въ извѣстность, и уже готовились присутствовать при торжественномъ зрѣлищѣ, но вдругъ Рудометкинъ, этотъ, по донесенію полиціи, «коварный мужикъ», постановку столба внезапно отложилъ, задумавъ совершить этотъ шагъ еще торжественнѣе, нежели предполагалось прежде. Секретъ отсрочки заключался въ

томъ, что Рудометкинъ, услышавъ объ ожидаемомъ въ то время проѣздѣ по Александропольской дорогѣ Великихъ Князей Михаила и Николая Николаевичей, проникся мыслью поставить заготовленный столбъ въ самый проѣздъ Великихъ Князей и тѣмъ, въ глазахъ своихъ послѣдователей, еще болѣе возвысить свое значеніе, выставивъ предъ лицомъ не только мѣстныхъ властей, но даже царскихъ братьевъ, знакъ своего царскаго величія.

Постановка столба, однако, не только совершенно не удалась, но весь этотъ двкій замыселъ повредилъ и самому Максиму Рудометкину и вообще прыгунскому дѣлу. Темные слухи о какой-то демонстраціи со столбомъ успѣли, хоть и поздно, дойти до губернскихъ властей, и губернаторъ, пріѣхавшій въ Никитино, за нѣсколько времени до проѣзда Великихъ Князей, убѣдился, что, дѣйствительно, что-то затѣвается. Чтò именно затѣвается трудно было добиться. На распросы прыгуны отозвались, что приготавливаютъ къ постановкѣ большой столбъ, на которомъ будто бы предполагаютъ повѣсить флаги надлежащей формы и тѣмъ выразить прѣбжающимъ Великимъ Князьямъ свои вѣрно-подданичскія чувства. Отъ дальнѣйшихъ разъясненій прыгуны уклонялись и коротко заявляли, что хотятъ только сдѣлать царскимъ братьямъ честь. Потребовали къ осмотру столбъ, и его необыкновенные размѣры и въ особенности вышитыя на флагахъ надписи, заключающія въ себѣ какія-то пророчества насчетъ тысячелѣтняго царствованія, возбудили сомнѣнія насчетъ истинныхъ цѣлей постановки столба. Въ самомъ дѣлѣ, даже съ исключительной сектаторской точки зрѣнія, выразить чистъ постановкой несоразмѣрно громаднаго одинаго столба съ флагами, испещренными какими-то загадочными письменами, казалось, слишкомъ оригинальнымъ и невѣроятнымъ, и, въ виду ходившихъ слуховъ о таинственномъ значеніи этого столба, о лихо-радоной, усиленной дѣятельности, съ которой прыгуны занимались его приготвленіемъ, о нѣсколькихъ ночахъ безустанной работы молодыхъ прыгунокъ надъ вышиваніемъ флаговъ, начальство разсудило за лучшее предупредить демонстрацію, и, въ ночь предъ проѣздомъ Великихъ Князей, столбъ былъ отвезенъ, за надлежащимъ конвоемъ, и данъ на храненіе старшинѣ сосѣдней армянской деревни.

Такимъ исходомъ своей затѣи прыгуны остались совершенно недовольны, но все-таки успѣли къ проѣзду Великихъ Князей, во-первыхъ, соорудить другой, хотя гораздо меньшихъ размѣровъ столбъ, а во-вторыхъ, создать жалобу на отнятіе перваго столба, каковую жалобу подали Великимъ Князьямъ. Въ заголовкѣ прошенія было изображено: «Эриванской Губерніи, Але-

ександропольскаго и Новобаязетскаго Уѣздовъ, изъ разныхъ деревень духовныхъ христіанъ, называемыхъ молоканъ, всеобщее наше прошеніе». «Ихъ Императорскимъ Высочествомъ, Самодержцамъ всей Россіи, благолѣпно сіятельнаго престола и славнаго скиптра Вашего проотчества, Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ». Послѣ такого обращенія слѣдовалъ текстъ: «Вѣрою Господа нашего Іисуса Христа и по откровенію намъ духомъ святымъ, воздвигнуть знамя, которое нами было приготовлено, древо и съ принадлежащими ея припасами, какое отобрано отъ насъ не вполне надлежащихъ ея предѣловъ; сего года сентября 10-го числа пріѣхавше приказаніемъ участковаго начальника знамя, и съ нею человѣка, ночнымъ бытомъ, мы неизвѣстно куда. О чемъ осмѣливаемся изъяснить Вашему Императорскому Высочеству! Къ чему мы и подписуемся Василій Цыкинъ (Никитинскій), Василій Чеботаревъ (Еленовскій), Игнатъ Тихановъ (Константиновскій), Никифоръ Трегубовъ (Семеновскій) и Александровскій Петръ Филиповъ Билаевъ—а вмѣсто нихъ Кирихъ Холоповъ».

Максимъ Рудометкинъ, подзадоривавшій своихъ духовныхъ братьевъ и подданныхъ на демонстрацію, успѣлъ себя выгородить и даже не подписался на прошеніи, но всякій зналъ, кто истинный руководитель исторіи столба и знамени. Мѣстныя власти вскорѣ, дѣйствительно, вполне убѣдились, что Рудометкинъ есть не только главный, но едва ли не единственный виновникъ всѣхъ этихъ затѣй, хотя всѣмъ этимъ неглѣпостямъ придано было то значеніе, котораго онѣ, ни въ какомъ случаѣ, не заслуживали.

Въ домогательствѣ Рудометкина, направленномъ на усиленіе его личнаго вліянія среди односектантовъ, въ неглѣпыхъ попыткахъ его заявить о своихъ царскихъ правахъ и достоинствахъ своей власти, усматривали цѣлую массу преступленій и, между прочимъ, «нарушеніе отношеній правительственныхъ, общественныхъ, гражданскихъ, семейныхъ и религіозныхъ». Въ октябрѣ 1858 г. губернское начальство доносило, что все зло заключается въ Максимѣ Рудометкинѣ или просто «Комарѣ», что, благодаря этому Комару, и ученіе прыгуновъ не ограничивается сферою религіи и внутреннихъ убѣжденій, а «распространеніемъ своимъ поселяетъ пагубныя заблужденія въ жизни общественной и гражданской». «Возвеличивъ одного изъ своихъ адептовъ въ чинъ *духовные*, писали перепуганные комаромъ губернскія власти:—ученіе это ослабляетъ уваженіе къ подлиннымъ властямъ, присланнымъ откуда слѣдуетъ; допуская многоженство, ученіе это разрушаетъ основы семейнаго быта; обѣщая скорый конецъ

міра, оно внушаетъ равнодушіе къ труду и къ успѣхамъ козній-свеннымъ». Относительно самого Максима Рудометкина власти приходили къ окончательному заключенію, что онъ «не можетъ быть оправданъ даже *внутреннимъ убѣжденіемъ*, ибо онъ *рѣшительно такового не имѣетъ*». «Это просто хитрый мужикъ, писали власти:—пользующійся глупостями и слабостями человеческими, и довольно смѣлый или дерзкій, чтобы воспользоваться ими еще въ большихъ размѣрахъ». Когда такимъ образомъ вновь всплылъ прыгунскій вопросъ, оказалось, что онъ, по прежнему, все еще представляется вопросомъ не послѣдней важности. Губернаторъ полагалъ, что въ такомъ дѣлѣ шутить нельзя, что слабость правительства въ отношеніи ереси можетъ поселить въ туземцахъ, т. е. татарахъ и армянахъ, *убѣжденіе въ шаткости нашихъ религіозныхъ убѣждений* и находилъ, что, если невозможно преслѣдовать лжеученіе въ массахъ народа, то, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ, «если изъ нея (массы) возвышается *глава* и особенно съ характеромъ не только проповѣдника духовнаго, но и преобразователя гражданскаго», то, ее главу эту, нужно-де отсѣчь.

Нельзя было, конечно, отрицать, что Максимъ Рудометкинъ былъ глава и что онъ могъ повлечь свою паству на путь всякихъ нелѣпостей; но картину прыгунства рисовали уже слишкомъ яркими и густыми красками, и прежде всего нельзя было согласиться съ тѣмъ, что прыгуны возвели многоженство въ догматъ своего ученія, а также и съ тѣмъ, что послабленіе, оказываемое прыгунамъ, поселяло или могло поселить въ туземцахъ *убѣжденіе* въ шаткости нашихъ религіозныхъ *убѣждений*. Самъ Рудометкинъ представлялъ своей особой единственный примѣръ фактическаго двоеженства, хотя онъ отрицалъ и въ отношеніи себя какое бы то ни было плотское общеніе съ царицами Варварой и Степанидой и утверждалъ, что онѣ его истинно-духовныя жены. Жениться же на двухъ не допускалось положительно, и если у многихъ изъ прыгуновъ оказалось по двѣ жены, то произошло это болѣею частью потому, что, переходя изъ другихъ сектъ, новообращенные прыгуны нерѣдко пользовались своимъ правомъ брать себѣ новую *духовную* жену, и хотя при этомъ они, по возможности, старались отдѣлаться отъ прежнихъ, *плотскихъ* женъ, но эти послѣднія, связанные съ ними дѣтьми, долгимъ сожительствомъ, а въ особенности стѣсненымъ недостаткомъ средствъ къ самостоятельной жизни, не отказывались отъ супружескихъ правъ своихъ на новообращенныхъ прыгуновъ, и выходило иногда, что у иныхъ оказывалось по двѣ жены, изъ которыхъ самъ двоеженецъ признавалъ только одну, а власти, совершенно не признавая сектаторскихъ бра-

ковъ, не считали женами ни той, ни другой, а именовали *объихъ сожительницами*.

Какого были и могли быть мѣнія туземцы о нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, кажется, совершенно безразлично.

Прежде чѣмъ судить о *шаткости* нашихъ убѣжденій, имъ надлежало ознакомиться съ основапіями русской рѣчи, и, предположивши, что въ далекомъ будущемъ туземное населеніе ознакомится съ нашимъ языкомъ до возможности взаимнаго объясненія, надо сдѣлать, съ тѣмъ вмѣстѣ, довольно вѣроятное предположеніе, что къ вопросу о *шаткости* нашихъ религіозныхъ убѣжденій они относились бы всегда весьма индифферентно и, по всѣмъ вѣроятіямъ, оставались бы, еслибы даже и дошли до пониманія нашей религіи, при прежнемъ своемъ убѣжденіи въ томъ, что ихъ религія все-таки выше, лучше и чище, чѣмъ всякая другая, и что мы пребываемъ во мракѣ заблужденія.

На Рудометкина правильнѣе бы всего было смотрѣть просто, какъ на нарушителя общественнаго спокойствія, и какъ такового нарушителя, поставить въ невозможность вліять на неразумную толпу вполнѣ невѣжественныхъ, но весьма навязальтированныхъ его ученіемъ людей. Усматривать въ Рудометкинѣ духовнаго проповѣдника «съ характеромъ гражданскаго преобразователя» было ужь слишкомъ много чести для него! Насколько всякій выдающійся духовный проповѣдникъ дѣйствительно вліялъ на гражданскій строй общества (Лютеръ, Кальвинъ, Гуссъ, Цвингли), настолько Рудометкинъ оказывался несостоятельнымъ, даже какъ простой проповѣдникъ. Число послѣдователей Рудометкина все-таки было весьма и весьма незначительно, собственно уже въ силу крайней несостоятельности главнаго догмата его ученія— догмата низшествія св. духа на каждого усерднаго молящагося. Рудометкинъ былъ самъ по себѣ безспорно вредный человѣкъ и именно вреденъ, какъ дурной примѣръ для слабыхъ людей, но какъ общественный дѣятель, онъ былъ совершенное ничтожество, и, не случись ссылка Рудометкина такъ рано, можно было бы поручиться, что толпа его послѣдователей скоро бы проникла въ корыстныя цѣли своего духовнаго царя и почувствовала бы всю грубость его обмана.

29-го октября 1858 года, рѣшено было ходатайствовать объ отправленіи Максима Рудометкина на жительство въ Соловецкій монастырь, а 25-го декабря того же года, послѣдовало на это разрѣшеніе.

Такъ окончилъ Рудометкинъ свою царственную карьеру. Какъ царю, ему, конечно, подобало установить какіе-нибудь знаки отличія за услуги, оказанныя царству духовныхъ христіанъ, и имъ

дѣйствительно была придумана дѣлая система наградъ. Всѣ усердные моельщики и особенно всѣ щедро приносящіе «жертву» награждались *печатами*. Печати были двухъ сортовъ—треугольныя и круглыя. Въ срединѣ треугольника вырѣзывались заглавныя буквы имени того лица, которому печать жаловалась, тоже самое дѣлалось въ круглыхъ печатахъ, но послѣднія пожалованы были только самымъ приближеннымъ Рудометкина, а именно двумъ его, такъ называемымъ, удамъ: Емельяну Телегину и Фетису Васильеву и двумъ «отогрѣвательницамъ» Грулѣ, замѣнившей Варвару, и Степѣ, которая сзумѣла до конца сохранить расположение царя. Кромѣ этихъ двухъ сортовъ печатей, каждая прыгунская моельня имѣла еще свою собственную, которая, между прочимъ, прикладывалась къ письмамъ, отсылаемымъ къ своимъ, какъ рекомендація и удостовѣреніе, что доставитель письма—человѣкъ вѣрный. Чаше всего, однако, Рудометкинъ награждалъ *достойныхъ* простыми ситцевыми платками, *надписанными мятнами каплями*. Существовала еще награда *южасами*, обыкновенно весьма пестрыми, блестящими и мишурными. Наконецъ, всѣ бывшіе хоть разъ подъ благостнымъ дѣйствіемъ св. Духа, имѣли право носить *знакъ*, который состоялъ изъ куска цѣтной матеріи, на которомъ было вышито Д (духовн.). Государственную регалию царства! духовныхъ христіанъ составляло знамя, на которомъ было изображено два крыла съ надписью «величіе солнца». Знамя это было отобрано одновременно съ «древомъ» въ 1858 г., но такъ какъ надпись *величіе солнца* нельзя было придать особеннаго толкованія, то оно было возвращено и долго послѣ того находилось въ с. Никитинѣ и носилось при всѣхъ выѣздахъ Рудометкина вмѣстѣ съ нимъ.

Про Рудометкина вообще было извѣстно, что въ отношеніи своей духовной настыи онъ предпочиталъ примѣнять самый деспотическій образъ правленія. Рассказываютъ, что дисциплина была необычайная. Если кто нибудь во время моленія осмѣливался посмотрѣть на Рудометкина съ недостаточнымъ, по его мнѣнію, благоговѣніемъ, то онъ закипалъ такимъ гнѣвомъ, что вскакивалъ съ своего духовнаго престола, самолично накидывалъ на шею провинившагося полотенце, которыхъ у него въ запасѣ всегда бывало по два, для обтиранія пота, градомъ катившагося во время пласки, и начиналъ дерзкаго волочить по землѣ, доколѣ не послѣдуетъ покаяніе.

«Прости отецъ, прости! коли чѣмъ согрѣшилъ!» оралъ благимъ матомъ провинившійся.

И умилостивившійся, а болѣе умявшійся *отецъ* выпускалъ конецъ полотенца и кричалъ: «кайся!»

Понятно, что такая обстановка побуждала къ быстрому покаянію, и показавшійся отпущался съ миромъ, но не прежде, какъ по принесеніи жертвы. За тоже преступленіе съ дѣвками поступали проще. Ихъ по просту таскали за косы, и также болѣею частью расправа проаводилась царственной рукой Рудометкина. Когда его посѣщаль духъ, а это случалось при каждомъ большомъ сборищѣ, то, по удостовѣренію очевидцевъ, Рудометкинъ приходилъ въ полнѣйшее изступленіе, а самое обыкновенное посѣщеніе духа кончалось не иначе, какъ совершеннымъ изодраніемъ на себѣ рубашки, причемъ нерѣдко грудь свою онъ расцарапывалъ въ кровь.

VI.

По отъѣздѣ Рудометкина, въ прыгуиствѣ настало совершенное затишье и, хотя прыгуны не замедлили выбрать преемника Рудометкину, но дѣло духовной пропаганды пошло уже несравненно тише. Еленовскій мужикъ Ивлій Минниковъ наслѣдовалъ вакантный престолъ духовнаго царя. Новый царь процарствовалъ всего три дня и умеръ отъ холеры. Смерть Ивлія послужила прыгунамъ предлогомъ для новой, впрочемъ, совершенно безобидной демонстраціи. Его похоронили, украсивъ лентой черезъ плечо и облѣпивъ грудь звѣздами, сдѣланными изъ синей бумаги и изготовленными въ самой резиденціи умершаго царя — въ с. Еленовѣ, а, въ заключеніе всей потѣхи, надъ могилой царя Ивлія былъ воздвигнутъ монументъ, деревянный, въ видѣ креста, съ надписью слѣдующаго содержанія: «Здѣсь покоится прахъ въ Божѣ почившаго; приложися къ отцемъ своимъ въ мѣрѣ Ивлій Минниковъ; имѣлъ отъ роду 40 лѣтъ; имѣлъ даръ отъ Бога. *Управитель народа по духу святому*».

Ивлію Минникову наслѣдовалъ Константиновскій мужикъ Гаврило Валовъ, братъ сосланнаго въ Дербентъ. Этотъ самый Гаврило Валовъ существуетъ и понынѣ, но царемъ давно не признается, ибо прыгуны, призывавъ его на царство, впоследствии не признали въ немъ особеннаго дара отъ Бога, какъ непременно требовалось отъ царя, а увидѣли въ немъ человека обыкновеннаго, рядоваго. Больше всего Валовъ не понравился, кажется, тѣмъ, что слишкомъ настойчиво задумалъ осуществить, возникшій еще при Рудометкинѣ, прозекъ вниманія $\frac{1}{10}$ части доходовъ въ пользу царя. Нѣкоторое время, однако, Валовъ признавался царемъ и ему была сложена даже такая пѣсня:

Царь Гаврило Валовъ
На Сіонскихъ горахъ

Стоялъ Божій виноградъ,
Сей духовный Божій садъ.
Кто въ саду томъ бывалъ,
Творца Бога называлъ...
Кто эти плоды вкусилъ,
Тотъ Божій крестъ носилъ.—
Избрались таки злодѣи,
Обокрасть тотъ садъ хотѣли;
Царь поставилъ сторожей,
Какъ вѣрныхъ своихъ дѣтей.
Они садикъ стерегутъ,
За то денегъ не берутъ;
Онъ по саду гулялъ,
Плоды добры собиралъ,
Плодъ творящій одобрялъ,
А бесплодныхъ укорялъ.
Вѣчная радость вамъ.

Аминь.

Пѣсня эта сложена, какъ кажется, въ упрекъ Валову за его корыстныя намѣренія на десятину и въ примѣръ приводятся тѣ, которые

Садикъ стерегутъ,
За то денегъ не берутъ,

тѣмъ намекается на необходимость безкорыстія въ отношеніи паствы духовнаго царя.

Заговоривши о Валовѣ, встаетъ сказать, что онъ, по примѣру Рудометкина, старался говорить речами и ему приписывается слѣдующая пѣсня, которая имѣетъ цѣлью уязвить какъ можно болѣе православныхъ или иконниковъ и показать, что впереди ихъ еще ожидаютъ большія непріятности за ихъ преслѣдованія пригунства.

Любодѣйцы, знать содомъ
Данъ для васъ, какъ и гоморъ;
Ваши боги мѣдныя
Въ помощи то бѣдныя.—
Вы упились до зела,
Пьянство всѣхъ васъ обьяло;
Вы думаете такъ и будетъ,
Господь свыше не забудетъ.
Вы святыхъ конзбивали ¹⁾,
Пѣну, врозь ихъ испивали.
Кони съ запада грядутъ,
Мечи острѣ несутъ—
Будемъ васъ ми избивать,
Европейцевъ прикивать
И судъ Божій совершать
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ эти иконы разумѣются Рудометкинъ, Черемисинъ и друг., сидѣвшіе при немъ.

«Кони съ запада грядуть» и т. д. указываетъ на такія ожиданія прыгуновъ, что за кровь ихъ *святыхъ* придетъ мщеніе отъ какихъ либо иныхъ народовъ и именно западныхъ. Если припомнить время послѣ первыхъ неприятныхъ столкновеній прыгунства съ администраціей, то становится понятнымъ, что прыгуны утѣшались ожиданіемъ грядущаго мщенія за нихъ, которое должно было придти съ Запада. Далѣе еще до наступленія турецкой компаніи 1853 — 1855 годовъ, полиція доносила, что мѣстные прыгуны усердно и «недоброжелательно пророчать скорую побѣду турокъ надъ русскими».

Одновременно съ Гаврилой Валовымъ нашелся-было другой охотникъ унаслѣдовать вакантный престолъ прыгунскаго царя — именно Александровскій мужикъ Евтѣй, по фамиліи Уваровъ, но Гавриль Валовъ былъ побойчѣ этого Евтѣя и успѣлъ совершенно отѣснить своего соперника, человѣка, совершенно безталаннаго, заявившаго себя только необыкновеннымъ возбужденіемъ, когда на него во время моленія находилъ св. духъ.

Вообще съ 1858 года, въ распространеніи прыгунства произошло затишье. Рудометкинъ сидѣлъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и осиротѣвшіе его подданные и наслѣдники его престола довольствовались поддержаніемъ Рудометкинскаго ученія, не осмѣливаясь, не только его дополнять, но и въ чемъ либо измѣнять, и вся заслуга этихъ позднѣйшихъ духовныхъ царей предъ прыгунствомъ заключается лишь въ томъ, что они почти ничего къ этому ученію отъ себя не прибавили и не украсили его новымъ нелѣпостями.

Въ средѣ молодыхъ прыгуновъ, однако, скоро обнаружилось разномысліе, и именно въ вопросѣ о покаяніи. Многіе находили совершенно неудобнымъ въ собранія женщинъ и мужчинъ публично и гласно излагать перечень своихъ прегрѣшеній и стали отказываться произносить покаяніе гласно, а предпочитали исповѣдь интимную — только предъ лицомъ исповѣдника.

Вопросъ о двоеженствѣ, отчасти затронутый Максимомъ Рудометкинскимъ, оставался также неразрѣшеннымъ окончательно. Допуская двоеженство, Максимъ Рудометкинъ доказывалъ, что нѣтъ даже грѣха жениться на двухъ родныхъ сестрахъ, ссылаясь въ этомъ случаѣ на примѣръ Іакова, женатаго на сестрахъ Лии и Рахили; но такъ какъ въ то время прыгуны вошли въ сношеніе съ ядовитствующими и отчасти стали склоняться къ исповѣданію Моисеева закона, прямо воспрещавшаго женитьбу на двухъ сестрахъ, то происходило разномысліе, котораго не кому было разрѣшить.

Въ отношеніи исполненія праздникова прыгуны также встрѣ-

чали не малым затрудненіемъ. Календарь, который имъ будто бы служилъ руководствомъ, сочиненный еще родоначальникомъ молоканской вѣры, Укленомъ, хотя гдѣ-то, по рассказамъ прыгуновъ, существовалъ, но никто не зналъ, гдѣ именно онъ хранится, и Рудометкинъ, въ качествѣ полномочнаго распорядителя своей паствы, проявлялъ въ отношеніи назначенія и самаго отправленія праздниковъ полный произволъ, придерживаясь то Моисеевыхъ законовъ, то обычаевъ молоканскихъ, то церковнаго календаря Православной церкви—какъ ему вздумается—черпая указанія на сей счетъ непосредственно отъ «духа».

Однимъ словомъ, едва Рудометкинъ сошелъ со сцены, какъ воцарился полный разладъ и разномысліе по всемъ религиознымъ вопросамъ. Замѣчено было, что даже снисхождение св. духа стало появляться несравненно рѣже и многія собранія проходили *безъ духа*—чего прежде не бывало никогда. Новыхъ послѣдователей почти не являлось; изъ старыхъ нѣкоторые возвратились въ молоканство, нѣкоторые перешли въ жидовствующіе, и прыгунство угрожало расплыться въ другихъ толкахъ и уничтожиться само собою. Но мѣстная власть вообще и въ особенности усердствовавшіе полицейскіе исполнители все еще не хотѣли предоставить всякимъ сектаторскимъ заблужденіямъ, въ томъ числѣ и прыгунскому, свободно проявляться, развиваться и затѣмъ погибнуть подъ бременемъ самими же сектаторами созданныхъ нелѣпостей, и время отъ времени репрессивныя мѣры противъ раскольниковъ продолжали обнародоваться и примѣняться.

Мѣры эти, впрочемъ, были не новыя. Объ одной изъ нихъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Въ 1858 году было обнародовано «наставленіе» для дѣйствія мѣстныхъ властей съ раскольниками (Циркуляръ Министр. Внутр. Дѣлъ № 184. 15 октября 1858 г.), въ которомъ, между прочимъ, проводилась та идея, что «неудобства», теперь оказывающіяся въ отношеніи къ дѣйствіямъ мѣстныхъ властей съ раскольниками, происходятъ «не отъ самой системы дѣйствій, но отъ неточнаго и неправильнаго примѣненія оной».

Конечно, ошибка заключалась въ самомъ существованіи системы. Тамъ, гдѣ дѣло приходилось имѣть съ человѣческими заблужденіями, проистекавшими, главнымъ образомъ, изъ неволежества и неразвитія, казалось бы даже трудно установить какую-либо систему дѣйствій, а тѣмъ болѣе требовать ея точнаго и правильнаго исполненія. Многочисленные опыты ясно свидѣтельствовали, что точное исполненіе всякой системы дѣйствій противъ раскольниковъ приводило всегда къ результатамъ, какъ

разъ противоположнымъ желаніямъ и ожиданіямъ начальства. На дѣлѣ было дознано, что если путемъ крутыхъ мѣръ стремились къ *искорененію*, то оказывалось, что, вмѣсто двухъ и трехъ толковъ, появлялось ихъ четыре и шесть. Разсѣяніе заблужденій, совершаемое черезъ полицію, удесятерило только число этихъ заблужденій. *Недопущеніе* публичнаго оказательства раскола — вызвало только неумѣстныя демонстраціи раскольниковъ.

Въ дѣлѣ раскола, говорилось въ Наставленіи (§ 1), «гражданское начальство дѣйствуетъ единодушно съ духовнымъ, взаимно стремясь къ одной главной цѣли: къ искорененію въ народѣ раскольниковскихъ заблужденій». На этомъ бы наставленію и слѣдовало окончиться. Казалось бы, что уже опытъ цѣлыхъ столѣтій краснорѣчиво свидѣтельствовалъ, что искоренить заблужденіе нельзя, даже повѣсивши заблудшагося, и что не объ *искорененіи* заблужденій должна идти рѣчь, а о *разсѣяніи ихъ*, внесеніемъ свѣта въ темныя головы заблудшихся; начальство разсуждало иначе и преподавало въ руководство равныя мѣры для искорененія заблужденій.

Кореннымъ правиломъ «Наставленія» (§ 4) постановлялось, что «родившіеся въ расколѣ за мнѣніе о вѣрѣ не преслѣдуются, но имъ строго воспрещается распространять свои заблужденія между православными и вообще уклоняться отъ исполненія общихъ, законами опредѣленныхъ правилъ благоустройства». Но слѣдующій параграфъ (5) требовалъ, чтобы «гражданское начальство заботилось, чтобы, при исполненіи раскольниками требъ по своимъ обрядамъ, *не было съ ихъ стороны публичнаго оказательства раскола, соблазнительнаго для православія*» и потому, говорилось въ этомъ параграфѣ, «гражданское начальство отнюдь не дозволяетъ совершенія раскольниками обрядовъ ихъ *явно или съ признаками публичнаго оказательства*».

Этихъ двухъ параграфовъ было совершенно достаточно, чтобы дать во многихъ случаяхъ полный просторъ произволу гражданского начальства, которое и безъ такого «Наставленія» нерѣдко доходило до крайнихъ предѣловъ нечѣстности въ своемъ усердіи объ *искорененіи заблужденій*. Спрашивалось само собою, что значить «*оказательство раскола*», что должно было значить это *оказательство, соблазнительное для православія*?

Не слѣдовало ли подъ этимъ *соблазнительное* разумѣть проявленіе чего-то такого, что манитъ къ себѣ помимо воли, что возбуждаетъ чувства вопреки, быть можетъ, протестамъ разсудка?

Но какой же, спрашивается, соблазнъ для православія могла представлять эта, по закону, вредная секта, загнанная на отдаленнѣйшую окраину Имперіи и гдѣ эти православные, для ко-

торыхъ это обязательство могло быть соблазнительно? Тутъ, кажется, опасенія заходили слишкомъ далеко. Запрещалось, напримеръ, «такое пѣніе внутри молеленъ, которое было слышно внѣ оныхъ»; запрещалось «торжественное совершеніе погребенія, брака и т. д.; запрещалось открытіе новыхъ молеленъ и, наконецъ, возбранялось устройство для оныхъ колоколенъ. Въ православіи какъ бы предполагалось такъ мало внутренней силы, что пѣніе въ расколыничьей молельнѣ, слышимое внѣ оной, считалось уже для православныхъ соблазнительнымъ и опаснымъ.

Замѣтимъ, что всѣ эти предосторожности принимались въ краѣ, гдѣ православное населеніе или положительно отсутствовало, или было совершенно ничтожно въ численномъ отношеніи, гдѣ послѣдователями православія являлись почти исключительно чиновники, т. е. люди болѣе или менѣе интеллигентные, и тогда признаемъ, что опасеніе вреда не только заходило слишкомъ далеко, но что стѣснительныя правила въ отношеніи ожидаемаго отъ вредныхъ сектъ *соблазна* и *оказательства* противорѣчили намѣреніямъ правительства не стѣснять сектантовъ, родившихся въ расколѣ, въ исполненіи своихъ обрядовъ.

Мѣстныя власти, впрочемъ, сами сознавали, что ретивымъ преслѣдованіемъ не много поможешь дѣлу, и еще въ 1849 году (указъ тифл. губ. правл. 26-го мая) ставилось кому слѣдуетъ на видъ то обстоятельство, что *подсудимые* сектанты часто продолжительное время содержатся въ тюрьмѣ и затѣмъ приговариваются къ какому-нибудь легкому наказанію (духовному увѣщанію и т. д.), которое не соответствовало продолжительности предварительнаго ареста и потому могло возбудить въ сектантахъ то убѣжденіе, что ихъ преслѣдуютъ за мнѣніе о вѣрѣ, что, по соображенію начальства, могло, въ свою очередь, служить единственно къ большому отчужденію ихъ отъ святой церкви.

Понятно слѣдовательно, что параграфъ 5 «Наставленія» не могъ не представляться сектантамъ самымъ живымъ противорѣчіемъ *коренному* правилу, выраженному въ § 4 того же «Наставленія», и стѣсненія, подобныя изложеннымъ въ этомъ параграфѣ, иначе и не могли быть приняты сектантами, какъ преслѣдованіе за мнѣніе о вѣрѣ, отъ каковаго преслѣдованія, по силѣ § 4, родившіеся въ расколѣ совершенно освобождались.

Въ меньшемъ противорѣчій находился тотъ же § 6 и съ § 10, въ которомъ предлагалось властямъ приступать къ преслѣдованію раскола «только въ важныхъ и явно соблазнительныхъ случаяхъ, но въ какихъ—опять не опредѣлялось. Въ ожиданіи этихъ явно соблазнительныхъ случаевъ, на добрую волю каждаго полицейскаго чиновника предоставлено было возбудить преслѣ-

дованіе за гѣміе, слышимое внѣ молель (безъ гѣмія же раскольники не обходятся), и одно гѣміе, въ силу § 5, яко публичное оказательство раскола, всегда могло быть признано соблазнительнымъ для православныхъ.

Вообще всѣ 13 параграфовъ «Наставленія» мало разъясняли дѣйствительно важный вопросъ: въ какомъ положеніи должны были стоять полицейскія власти къ вопросу объ отправленіи сектантами ихъ обрядовъ? Какъ сказано выше, мелкія полицейскія власти нерѣдко доходили въ своемъ служебномъ усердіи по части искорененія до крайнихъ нелѣпностей. Заблужденія отъ этого не только не искоренялись, а еще пуще вкоренялись и сугубо множились.

VII.

Къ тому времени (въ 1858 году), среди пригуновъ появилась въ обращеніи рукопись, подъ заглавіемъ: «О столпахъ Церкви» и «Откуда вѣра наша», серьезно занимавшаяся разрѣшеніемъ этихъ обонкъ вопросовъ.

Содержаніе этой рукописи настолько интересно, что необходимо сказать объ этомъ произведеніи подробнѣе. Рукопись эта обращалась какъ среди пригуновъ, такъ и между молочанами, во многихъ экземплярахъ, по обыкновенію, написанныхъ уставомъ. Сначала трактовалось о «столпахъ церкви», а потомъ уже разрѣшался вопросъ «откуда наша вѣра». Въ «столпахъ церкви» прежде всего высказывается увѣренность, что вѣра духовныхъ христіанъ не есть вѣра новая, а существуетъ давно и что вѣра эта была лишь «временно помрачена»; затѣмъ идетъ подробный перечень столповъ. «Первый князь и основатель вѣры истинныхъ духовныхъ христіанъ Тамбов. Губ. с. Уварова, Семень Матвѣичъ Улеинъ и ильіне витязи, святые мужи, вѣрные его помощники въ проповѣди его святой вѣры, пресвитеры и настоятели разномѣстныхъ церквей: Моисей Алматовичъ Согласной, Петръ Мих. Журавцевъ Борисоглѣбскій; Лука Петр. Аккерманскій, Петръ Демент. Саратовскій, Куприанъ Иван. Узенскій, Тимоф. Семеновъ, Гавр. Леонт. Тамбовскій. Алексѣй Троф. Разсказскій, Петр. Алексѣев. Озерскій, Сафронъ Степан., Степанъ, Самсон. Тамбовскій, Игнатъ Ильичъ Разсказскій, Моисей Михайлов. Бакинскій, Акимъ Антиповичъ, Ив. Θεод. Пришибинскій, Трофимъ Дорофѣевичъ» и т. д., и т. д. Въ этомъ длинномъ спискѣ «столповъ» бросается, между прочимъ, въ глаза какой-то «его высокоблагородіе маіоръ казакъ донской».

Далѣе слѣдуетъ: «Еще многіе сильныя имъ помощники, сильныя ратники, облеченныя во всеоружіе божіе, стоявшіе за вѣру, проповѣданную вышеозначенными членами, многая претерпѣша, великая страданія, изгнаніе отъ рода своего, лишеніе домовъ своихъ, прочіе чадъ своихъ, женъ своихъ, братьевъ и сестеръ, прочіе отцовъ, матерей и странствованіе по чужимъ дальнимъ сторонамъ. И даны имъ различныя дары по мѣрѣ дарованія Христова, коемуждо противу силы, но вѣра едина и духъ единъ и дѣла едины всѣмъ».

Далѣе слѣдуетъ исчисленіе заслугъ «столповъ церкви»:

«О всемогущій владыко всѣхъ, молитвою и проповѣдью возлюбленныхъ нашихъ старцевъ утверди вѣру нашу быть непоколебимо до дня пришествія Господа нашего І. Х. Они со слезами насъ просили всѣхъ, каждое воскресенье ходитъ въ собраніе, наслаждаться, научиться чтенію слова Божія; они научили насъ приходить въ церковь или въ домъ молиться, они изложили избранныя молитвы и церковныя моленія, псалтырнія молитвы стоя, избранныя—на колѣнахъ и по моленію святое лобзаніе отъ перваго до послѣдняго отъ обоюбого пола. Они, со святымъ духомъ, открыли сладкогласное устное пѣніе псалмовъ и головъ по всей святой библии. Избранныхъ описать число псалмовъ и головъ, которыя поють и разныхъ голосовъ, которыми поють отъ множества невозможно! Разныхъ голосовъ болѣе двухъ сотъ! Но паче всѣхъ разуменъ въ пѣніи Петръ Михайловичъ! Болю сладко и душѣ утѣшительно слитіе разныхъ въ пресладкіе тоны и разныя кувчыки, украшающія голосъ св. духомъ многими устами согласно поющихъ...»

Далѣе оказывается, что въ числѣ «столповъ церкви» значатся также и женщины. и «вдовицы», и дѣвицы, «отдарованныя благодагею и силою». Эти женскаго рода «столпы» прославились «наипаче сладкогласнымъ пѣніемъ». Столпы эти были: «Семена Матвѣича жена Татьяна, дочери: Фекла, Агафья, Настасья Семеновны; Фекла Абрамовна, Фекла Григорьевна, Арина Тимофеевна (и проч., и проч.)... и еще многія съ ними святыя вдовицы, дѣвицы и женщины, помогавшія имъ въ святомъ пѣніи и во всѣхъ святыхъ дѣлахъ во святой церкви! Всѣ они превозлюбленныя наши предки и открыватели вѣры Господа нашего І. Х.—многими слезами и многими молитвами, святою любовію, усердно просили насъ бояться Бога и хранить его заповѣди, жить въ мирѣ и любви, даже и со врагами своими и молиться за себя и за царя, и за весь міръ, а за открытую вѣру стоять твердо и готовымъ быть за вѣру на всякое страданіе, даже и на смерть»...

Послѣ этого общаго разсказа о столпахъ церкви слѣдуетъ восхваленіе одиночныхъ наиболѣе знаменитыхъ столповъ.

«Особенно достойны похвалы были означенный членъ Петръ Михайловичъ Журавцевъ, просьбою Семена Матвѣича, сіющаго своимъ благочестіемъ, яко зарница посреди звѣздъ и совѣтомъ всѣхъ его святыхъ помощниковъ, оный Петръ Михайловичъ, съ двумя единомысленными своими товарищами, Ѳеодор. Семенов. Матвѣевымъ и Иванъ Андреевичемъ, со обрядами, взятыми изъ св. писанія, не щадя своей жизни, пошелъ и подавъ обрядъ истинныхъ духовныхъ христіанъ всемилостивѣйшему, великороссійскому Сіятельному престолу, скипетру его Императорскаго Величества всемилостивѣйшему государю августѣйшему монарху отцу народовъ Александру Павловичу! О, благословенный бѣлый царь съ возлюбленною своею супругою и съ вѣрными своими совѣтниками, кроткими своими устами, напитанными св. писаніемъ, началъ въ присутствіи своихъ друзей спрашивать Петра съ двумя его товарищами отвѣты нашей вѣры въ Господа нашего І. Х., но Петръ, украшенный любовью, милымъ прежалкимъ взоромъ, наполненный духомъ святымъ и премудростію Божіей, кроткими устами и нѣжнымъ гласомъ давалъ сильныя, удивительныя отвѣты нашей вѣры, на всѣ священныя вопросы его Импер. Величества. И, наконецъ, онъ велѣлъ имъ пѣть. По дарованной имъ благодати, они, съ помощію Бога, три яко едиными устами, тихимъ и душу плѣняющимъ голосомъ запѣли — «Господи услыши молитву мою, вопль къ тебѣ да прійдетъ!» И спѣли 4 стиха съ чистыми по ланитамъ катящимися слезами. При такомъ сильномъ убѣжденіи невидимаго ангела, Е. И. В. Александръ Павловичъ, въ страхѣ Божіемъ, въ присутствіи своихъ друзей умиленно ревъ: «Будеть, отдохните! Вы устали!» И такъ они кончили поклономъ Богу и Царю. Потомъ Царь повелѣніемъ Бога небеснаго, своими указами защитилъ отъ всякой тѣсноты сіонскую вѣру, безпрепятственно отправлять богослуженіе по своимъ обрядамъ, новорожденнымъ имена нарекать и браки сочетать и похоронять (хоронить). Слава Богу! Слава Богу! Слава и Ему!

«Еще достойный хвалы и славы быша означенный членъ, Григорій Никитинъ Булгаковъ, превзошелъ вѣрою и любовью и страшными трудами дѣла своего, паче всѣхъ членовъ во время сильной брани свѣта со тьмою. Онъ духомъ божіимъ облеченный во вся оружія божія волею своею вышелъ въ защиту за пораженныхъ нашихъ, смѣло на ратное поле, якоже Давидъ единоборствовалъ на сильнаго и гордаго исполина, облеченнаго во вся беззаконная оружія своя.

«О преславный членъ Григорій Никитинъ. Коль ты дивенъ

предъ царями, сильными вельможами и великими князьями! О коль преславенъ ты предъ всѣмъ родомъ нашимъ. Не видишь подобнаго твоей смѣлой вѣрности! Не ты ли обличилъ весь домъ великой любодѣйцы, проливающей кровь святыхъ твоихъ и всѣ ея тайны и хитрые умыслы поставили явно предъ всѣми?! Воистину Богъ даровалъ тебѣ такую силу и премудрость! Мы извѣстны, что не наука твоя сотворила сіе, но духъ, владѣющій всѣми такового неграматнаго и простаго человѣка, съ такою обличительною книгою отъ невидимаго Бога вышелъ на ратное поле! Не ты ли мечъ остръ подъ кровомъ руки Бога скрыть былъ?!

«Не ты ли стрѣлою устъ поразилъ въ смерть гордаго исполнена, попирающаго родъ нашъ, проливающаго многую кровь насильственно влекомыхъ въ свою *Ердань*. Онъ гордымъ духомъ своимъ растерзалъ младенцы на полы (пополамъ) отъ рукъ матерей не дающихъ чадъ своихъ, а пролитымъ слезамъ числа и мѣры нѣтъ. Они хранятся въ плачевной чашѣ у отца небеснаго и созрѣваютъ въ жемчужины въ день суда, для украшенія побѣдоносныхъ вѣнцовъ тѣхъ побѣдителей, кои не щадили душъ своихъ, даже до смерти! Но ты членъ тѣла Христова, помощью Бога поспралъ въ тылъ сильныхъ ратниковъ, попирающихъ братію нашу, кои слезавую молитву приносили въ отрадѣ своей, Владыкѣ міра за твою побѣду и о твоёмъ спасеніи! Воистину достоенъ ты славы, и хвалы, и чести! Что весь родъ нашъ и за всю святую вѣру нашу въ Господа нашего Иисуса Христа не пощадилъ оставить жены своей и возлюбленныхъ чадъ своихъ и внучатъ и всего богатства и спокойства и не ужаснулся ни смерти, ни темницы, ни узъ, которыхъ ты за вся сія претерпѣвалъ! Прослави тебя Господи предъ святыми своими ангелами и предъ святыми своими пророками, апостолами, мучениками избранными!»

Молоканамъ вообще и прыгунамъ въ частности представлялось не мало интереса узнать, откуда произошла ихъ вѣра и удостовѣриться, достаточно ли законно и правильно это происхожденіе. Понятно, что авторъ «Столпѣвъ Церкви» и «откуда наша вѣра» старался происхожденію этому дать наиболѣе внушительный видъ, и вотъ онъ говоритъ, что вѣра эта «отцами нашими и святыми старцами, взятая во святой библіи, открыта самимъ Богомъ, въ самое мрачное время, среди рода строптивъ и развращенна и сія упованія нашей вѣры не отъ человѣка искуснаго и ученаго, но духомъ святымъ отъ Бога излился въ сердца простодушныхъ мужей, находящихся въ разныхъ губерніяхъ и городахъ, и селахъ и деревняхъ Россійской Имперіи, не то, что занимающихся многою наукою въ одной школѣ или се-

*

минарии, но простых земледельцевъ, поля орущихъ, пасущихъ стада, рубящихъ лѣса, питающихъ и одѣвающихъ себя и семейства своими собственными трудами. Но творецъ міра, избравшій таковыхъ простыхъ земледельцевъ, неученныхъ, наполнилъ души ихъ и разумъ духомъ святымъ своимъ. Они, живши въ разныхъ мѣстахъ, не видали другъ друга, но заговорили всѣ однимъ гласомъ и одними словами всему міру; много лѣтъ ученые архіереи и священники оставались посему въ стыдѣ и во гнѣвѣ, и въ зависти, и въ гордости, но простые мужи, напоенные духомъ святымъ, смѣло и твердо сію открытую Богомъ истинну нашей вѣры, истинныхъ духовныхъ христіанъ свидѣтельствовали всѣмъ народамъ, даже властямъ, князьямъ и владыкамъ, и самому Россійскому Синоду, даже великому престолу Е. И. В. во времена Александра Павловича и Николая Павловича и обряды открытой вѣры духомъ святымъ писали царю и всѣмъ подавали, имена ихъ намъ многіе извѣстны, а многіе неизвѣстны мужей тѣхъ, которые съ первымъ, съ Семеномъ Матвѣевичемъ свидѣтельствовали сію истинну нашей вѣры, многія страданія претерпѣли, бой, обиды, многіе сидѣли въ темницѣ, жестоко наказаны, посланы въ разныя страны... но все для распростра-ненія слова Божія!..»

Внушивъ такимъ образомъ несомнѣнность высokaго происхожденія «нашей вѣры», авторъ глаголетъ: «Прилежно разумѣйте о томъ, возлюбленные братья и сестры! Не колебайтесь! Не смущайтесь паче всего субботническимъ развратомъ и прочими разными ученіями, но стойте на открытой истиннѣ, юже Богъ далъ предкамъ нашимъ, въ томъ да пребывайте»...

Кончается рукопись такимъ увѣщаніемъ: «Если мы будемъ тверды въ упованіи открытой вѣры нашей и не будемъ кичиться своимъ разумомъ искать лучшаго, то будемъ спокойны, кротки, и не будетъ между нами споровъ и разногласія, но будетъ миръ и св. любовь, въ какой пребываетъ самъ Богъ, а если будетъ самъ Богъ съ нами, то онъ самъ намъ вразумитъ и откроетъ св. писаніе до послѣдней точки... и дастъ намъ святое помазаніе—т. е. духъ святой свой изобильно изольетъ въ сердца наши... и будутъ въ насъ во всѣхъ одини мысли и будемъ всѣ одно говорить въ мирѣ, въ любви и святой радости... Если мы будемъ всѣ на тѣхъ обрядахъ, которые подавали предки наши царю, то никакія другія ученія не могутъ насъ поколебать, ни старовѣры, ни скопцы, ни духоборы, ни лютеранское видное водное крещеніе и преломленіе хлѣба, ни *семеіскій* (?) высокииъ своимъ пареніемъ, ни субботники старымъ своимъ зако-снѣніемъ противъ сына Божія и всѣ ихъ сильныя проповѣдники,

какъ тучи съ дождемъ или бури или сильныя рѣки не могутъ поколебать нашу храмину, если она основана на твердомъ каменіи Господа нашего Исуса Христа и св. Духа, который управлять будетъ нами по волѣ Божіей».

VIII.

Новѣйшая исторія прыгунства представляетъ мало интереснаго и назидательнаго. Только въ 1866 году, нѣкоторыя обстоятельства обратили вновь вниманіе мѣстнаго начальства на прыгуновъ и побудили произвести изслѣдованія, которыя окончательно привели къ тому убѣжденію, что прыгунство, усвоенное нѣсколькими сотнями семействъ, переставъ распространяться и достигнувъ высшей точки своего развитія, ничего болѣе не создаетъ, а держится уже утвердившимся въ сектантахъ вѣроваціями и обрядностями. Тогда же открылось, что прыгуны пребываютъ въ совершенной увѣренности на счетъ очевидныхъ преимуществъ ихъ новой вѣры предъ всѣми прочими вѣрами, не исключая молоканской, хотя тѣмъ же изслѣдованіемъ выяснилось, что прыгуны не представляютъ того непреоборимаго упорства, которое составляетъ отличительную особенность на примѣръ разныхъ старообрядческихъ толковъ.

Обстоятельства, вызвавшія послѣднія разслѣдованія, заключались въ слѣдующемъ: Въ 1864 г., переселено изъ южной Россіи сначала 100, а вскорѣ и еще 24 семейства менонитовъ, на лѣвый берегъ р. Кубани. Переселеніе это было совершено по приговору суда. Всѣ эти переселенцы жили прежде въ Бессарабской Области на р. Молочнѣ и составляли нѣсколько приходовъ менонитскаго ученія, изъ которыхъ Молоченскій и Хартіцкій были самыми значительными. Въ средѣ менонитовъ повторилась почти таже исторія, какъ и въ средѣ молоканъ при появленіи прыгунства. Началось съ того, что нѣкоторые рачители доброй нравственности и воздержанія во всѣхъ его видахъ, а именно, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, стали отдѣляться отъ общества своихъ одноприхожанъ и придерживать болѣе строгихъ житійскихъ и религіозныхъ правилъ. Строгость эта привела сначала къ нѣкоторому мистицизму, мистицизмъ создалъ нѣсколько аскетовъ, и все это привело наконецъ къ крайней экзальтаціи, которая охватила многихъ. Какъ у прыгуновъ, такъ и здѣсь, явились одаренныя способностью непосредственно сообщаться съ св. духомъ, затѣмъ послѣдовало сошествіе св. духа на усердно молящихся, и солидные менониты нечувствительно превратились

въ *шопферовъ* или скакуновъ, совершенно тѣмъ же путемъ, какъ молokane обратились въ прыгунство. 124 семейства таковыхъ гюпферовъ переселено на Кубань, и главные распространители скакунства или гюпферства даже были высланы, по представлению начальника Новороссійскаго Края, за границу. Въ непродолжительномъ времени оказалось, что переселенные за Кубань гюпферы находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ бердянскими скопцами, каковыхъ въ Бердянскѣ, совершенно неожиданно, оказалось 73 человекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что въ связи съ тѣми же скопцами находятся не только гюпферы, но и закавказскіе молokane и прыгуны. По дальнѣйшемъ разслѣдованіи обнаружилось, что въ Бердянскѣ есть даже и прыгуны и что они имѣютъ сношенія съ закавказскими, «пользующимися іерархическимъ значеніемъ».

Оказалось, что главный представитель Бердянскихъ прыгуновъ, Трифонъ Лысовъ, заимствовалъ свое ученіе отъ того самаго «главнаго развратителя» Лукьяна Петровича,¹ котораго въ послѣднее время послѣдовательно замѣнили сначала Давыдъ Исеевъ, а затѣмъ Григорій Петровъ.

Оказалось, между прочимъ, и то, что въ Бердянскѣ распространены пѣсни закавказскихъ прыгуновъ, занесенныя туда какимъ-то Моисеемъ Колодинымъ, и что въ послѣднее время Исеевъ установилъ, что вступившіе въ секту прыгуновъ носить черезъ плечо особую бѣлую ленту съ надписью «благословенъ».

Свѣдѣнія о сношеніяхъ закавказскихъ прыгуновъ съ Бердянскими побудило кавказское начальство подробно вновь изслѣдовать состояніе прыгунскаго ученія, о чемъ и было предложено мѣстнымъ властямъ. По изслѣдованіи, однако, оказалось 1) что секта утратила свое соблазняющее дѣйствіе на умы народа, 2) что молokane и субботники остаются совершенно равнодушны къ ученію о духѣ и даже нѣсколько человекъ прыгуновъ возвратились къ старымъ толкамъ, 3) что кончины міра прыгуны ожидать перестали и жертвоприношенія производятся мѣдными грошами. *Собранія* прыгунскія, какъ оказывалось по изслѣдованію, идутъ крайне вяло. Происходящее изрѣдка прыганье далеко не имѣетъ того значенія, какъ въ первые годы возникновенія секты, и производитъ вообще отталявающее впечатлѣніе, впрочемъ, только на постороннихъ зрителей—сами же прыгуны все еще продолжаютъ въ этомъ прыганьи видѣть подлинное присутствіе св. духа. Самое важное заключеніе, къ которому привело изслѣдованіе, заключалось въ томъ, что прыгуны будто бы пронянуты *антиправительственными наклонностями*, такъ что, при какой-

¹ По фамилии Соголовъ.

нибудь непредвидимой случайности, их нельзя считать надежными поборниками русских интересов и что они не прекращают повсеместных сношений съ своими единомышленниками по вѣрѣ, но что сношенія эти идутъ не по почтѣ, а разными иными, трудно уловимыми путями, какъ-то извозомъ, оказіями и проч., и проч. Нужно, однако, думать, что эти такъ называемыя *сношенія* рѣшительно не имѣли ни малѣйшаго значенія и заключались лишь въ пересылкѣ другъ другу безграмотныхъ посланій, переполненныхъ текстами, стихами, разсужденіями о вѣрѣ; относительно же антиправительственныхъ наклонностей прыгуновъ слѣдуетъ предположить, что здѣсь дѣло не обошлось безъ значительныхъ преувеличеній.

Всякія антиправительственныя наклонности всегда бывають результатомъ весьма сложныхъ и притомъ чисто политическихъ причинъ и всегда являлись послѣдствіемъ болѣе или менѣе значительнаго умственного развитія известной части общества, недовольствующейся существующимъ порядкомъ вещей, желающей иногда лучшаго порядка и не только желающей, но и знающей, какъ и чѣмъ этотъ лучший порядокъ можетъ быть достигнуть. Молокане, субботники, прыгуны и всякіе сектанты, не имѣя ничего общаго ни съ вѣшной, ни съ внутренней политикой, никакихъ собственно политическихъ причинъ къ проявленію антиправительственныхъ наклонностей имѣть не могутъ. Все это коренные русскіе люди, со всѣми хорошими и дурными качествами славянина, все это народъ, искренно считающій Россію *старше* всѣхъ царствъ, а Русскаго Царя не только сильнѣе, но и *старше* всѣхъ царей, все это народъ, чувствующій какое-то необъяснимое, но врожденное ему особое чувство къ вѣмцу и французу, считающій англичанина диковиннымъ существомъ и всякаго турку не считающій ни за что.

При такихъ крайне несложныхъ политическихъ воззрѣніяхъ, народъ русскій вообще, а въ томъ числѣ и закавказскіе сектанты, давно порѣшилъ съ вопросомъ о своихъ политическихъ симпатіяхъ, порѣшилъ бессознательно, но и безапелляционно, и пока признаетъ только, что всякій бусурманинъ — нехристь, а всякій турка и совѣмъ нечистый... При такихъ несложныхъ взглядахъ, о какомъ либо таготеѣннѣ, въ смыслѣ политическомъ, къ какому-нибудь или какому-нибудь народамъ не можетъ быть и рѣчи. Умственное неразвитіе и полнѣйшее невѣжество сектантовъ еще такъ велики, что они не могли ихъ привести къ какому либо выводамъ относительно иной формы правленія и иного государственнаго строя и возбудить въ нихъ опредѣленныхъ стремленій къ достиженію той или другой формы. Способность къ та-

кой одѣннѣ явится еще не скоро, и во всякомъ случаѣ ей должно предшествовать нѣкоторая умственная подготовка и просвѣщеніе.

Затѣмъ, въ частности, нельзя не признать, что закавказскіе сектанты въ отношеніи благосостояніа поставлены въ условія чрезвычайно выгодныя, настолько выгодныя, что крестьяне внутреннихъ русскихъ губерній навѣрно бы позавидовали ихъ благополучію. Нѣтъ мѣстности, гдѣ бы на душу приходилось менѣе пяти десятинъ земли, и это въ богатѣйшемъ климатѣ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ производства, повсюду выгодномъ сбытѣ, слабой конкуренціи или чаще совершенномъ ея отсутствіи и въ особенности во всѣхъ тѣхъ ремеслахъ, въ которыхъ преимущественно силенъ русскій человекъ, какъ то въ извозѣ, печничествѣ, столярничествѣ, плотничествѣ и т. д. Совершенное пока отсутствіе въ крайъ фабрикъ и заводовъ предохраняетъ ихъ, до поры до времени, отъ вреднаго вліянія фабричной жизни; вездѣ имъ предоставлено самоуправленіе въ ихъ внутренней жизни, и затѣмъ, хотя весь этотъ людъ называется ссыльно-поселенцами, но, такъ или иначе, на русскихъ сектантовъ въ Закавказьѣ смотрятъ, какъ на зачатки, какъ на ядро обрусенія этой отдаленной окраины, какъ на расадникъ русскаго элемента и, по возможности, предоставляютъ имъ всякія житейскія удобства и всякія льготы. Само высшее начальство края являетъ въ отношеніи ихъ нескончаемый рядъ всякихъ снисхожденій и одолженій! Имъ отрубываются подъ поселенія земли положительнo лучшія, имъ предоставляются удобнѣйшіе и ближайшіе къ усадьбѣ сѣнокосы, имъ даже нѣтъ отказа въ переселеніяхъ съ мѣста на мѣсто и къ безконечнымъ ихъ претензіямъ и прошеніямъ о прирѣзочкѣ, да о надбавочкѣ начальство нногда не отказываетъ милостиво преклонить ухо...

Сектанты, правда, нигдѣ не заявляли, чтобы они были довольны своей обстановкой, что они лучшаго не желаютъ, но нигдѣ они не проявляли и какихъ-либо признаковъ общаго недовольства. Ихъ вѣчныя странствованія съ прошеніями, дѣйстви-тельно, имѣютъ видъ недовольства своимъ положеніемъ, но этого въ дѣйствительности, нѣтъ и кто ихъ ближе узнаетъ. тотъ увидитъ, что это только простое желаніе захватить еще землицы, еще лѣску, еще лужка, еще сѣновоса и привычка прибѣгать къ снисходительно-выслушиваемымъ и рѣдко неисполняемымъ просьбамъ. Эти «лишешные правъ состоянія», по закону, не пользующіеся ни правами брачными, ни связанными съ ними правами по наслѣдству, пользуются на дѣлѣ гораздо большими собствен-

но жизненными удобствами и благосостояніемъ, нежели нелюбимые никакихъ правъ.

Прибавимъ, что съ окончательнымъ прекращеніемъ преслѣдованія за религиозныя воззрѣнія и мнѣнія будетъ устраненъ «последній источникъ недовольства и для закавказскихъ сектантовъ настанетъ, можно сказать, эпоха вожделеннаго спокойствія и благополучія, и затѣмъ, спрашивается: откуда могутъ у нихъ оказаться какія-либо антиправительственныя наклонности. Уже не изъ религиозныхъ ли воззрѣній?..

Но, по мнѣнію сектантовъ, само писаніе предписываетъ признавать «*власть земныхъ, придерживающихъ*» и они не только признаютъ по сему и власть, и начальство, но, какъ коренные русскіе люди, нерѣдко начальниковъ видятъ даже въ тѣхъ, кто и вовсе не начальникъ. Такъ, напримѣръ, къ «чиновнику» повсемѣстно превеликое почтеніе, повсемѣстное титулованіе благородіями и высочайшими; повсемѣстное ломаніе шапокъ не только предъ ковардами, но и предъ всякимъ, кто притопнетъ и прикрикнетъ. Все это весьма далеко отъ *непризнанія властей*, отъ *антиправительственныхъ* наклонностей, и гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ эти антиправительственныя наклонности проявились, едва ли узнаютъ усерднѣйшіе изъ полицейскихъ миссіонеровъ.

Единственный случай, наводящій на мысль о существованіи среди сектантовъ неудовольствія, какъ бы нѣкоего политическаго характера, былъ въ 1857 году, но и изъ этого случая никакихъ выводовъ дѣлать рѣшительно не приходится. Въ этомъ именно году, т. е. въ самый разгаръ прыгунской пропаганды Максима Рудометкина, надѣлало нѣкотораго шуму такъ называемое бѣгство 40 семействъ русскихъ сектантовъ въ Турцію. Большинство бѣжавшихъ были молокане, секта, хотя и признаваемая также за «особенно вредную», но пользовавшаяся и въ то время, по сравненію съ новорожденнымъ прыгунствомъ, довольно большою свободою (разумѣется, съ мѣстной точки зрѣнія) въ отправленіи своего ученія.

Въ одинъ прекрасный день открылось, что въ Турцію поселилось 40 семействъ закавказскихъ сектантовъ. О бѣгствѣ этомъ было произведено слѣдствіе, сдѣланы были розыски бѣжавшихъ. Полиція объѣхала и осмотрѣла всѣ сектаторскія поселенія, многихъ значившихся по спискамъ, дѣйствительно, не досчитались; но, въ явному скандалу бдительной полиціи, оказалось и много такихъ, которые по спискамъ не значились. Въ одной Воронцовкѣ насчитали 50 *неизвѣстныхъ званія людей*, повидимому, желавшихъ также пробраться въ Турцію. По изслѣдованіи дѣла,

оказалось, что въ бѣгствѣ 40 семействъ нѣтъ и тѣни ничего политическаго, даже точно не разъяснилось, откуда были эти бѣжавшіе молокане, и только обнаружилось, что это были какіе-то переселенцы изъ внутренней Россіи, которые, на пути въ Закавказье, были подговорены «*двумя солдатами, по именамъ и фамиліямъ неизвѣстными*», идти не въ Закавказье, а въ Турцію и тамъ поселиться потому собственно, что будто бы эрзерумскій паша предоставляетъ имъ подъ поселеніе разоренную деревню Кучунъ, въ разстояніи одного часа отъ Эрзерума. Куда дѣвались эти переселенцы, соблазнились ли они предложеніемъ пашы—осталось неизвѣстно. И вся исторія о бѣгствѣ 40 семействъ заглохла. Вообще, если не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній въ политической, такъ сказать, благонадежности закавказскихъ сектаторовъ, то и вопросъ о такъ называемой *вредности* ихъ ученія не представляетъ также никакихъ неодолимыхъ преградъ для разрѣшенія.

Что сектанты считаютъ себя *избраннымъ* народомъ, изъ этого только явствуетъ ихъ безмѣрное невѣжество и больше ничего. Какая, къ слову сказать, изъ цивилизованныхъ націй не считаетъ себя, въ извѣстномъ смыслѣ, *избранной* націей и всѣ остальные прочія, такъ сказать, націями втораго сорта?!

Развѣ французы не считали и не считаютъ себя избранной націей? развѣ нѣмцы, и особенно послѣ удачнаго разгромленія одной избранной націи, не считаютъ или не расположены уже считать себя *избранными* вершителями судебъ другихъ націй?! Развѣ англичане не усматриваютъ въ себѣ также болѣе совершенныхъ и достойныхъ представителей человѣческой породы?! Переходя къ болѣе мелкимъ образцамъ, развѣ изъ славянъ поляки не считаютъ себя выше, избраннѣе другихъ?! Въ средѣ нѣмцевъ—не въ такое ли положеніе ставятъ себя побѣдоносный пруссаки и т. д.?!

Къ слову сказать, мнѣніе объ антиправительственныхъ наклонностяхъ сектантовъ и ихъ политической неблагонадежности относится къ 1866 году. Въ слѣдующемъ, 1867 году, произошло послѣднее замѣтное событіе въ прыгунскомъ мірѣ, и съ тѣхъ поръ это новое ученіе, въ теченіи цѣлаго десятилѣтія, ни разу не обратило на себя особаго вниманія мѣстныхъ властей и *новое безуміе* совершенно перестало возбуждать безповойство начальства. Событіе это имѣетъ нѣкоторый интересъ. Въ іюлѣ 1867 года, таврическій губернаторъ увѣдомилъ о задержаніи въ городѣ Архангельскѣ подозрительнаго челоуѣка, какаго-то турецкаго подданнаго Василія Федорова, который обратилъ на себя вниманіе слѣшкомъ отчетливою для турецкаго подданнаго, рече-

скою рѣчью. Задержанный былъ весьма оригиналенъ. Подъ верхней одеждою онъ имѣлъ черезъ плечо голубую ленту съ вышитою надписью: «Проповѣдникъ мира града восточной страны Россіи».

При немъ былъ указъ 1805 года о разрѣшеніи свободнаго исповѣдыванія моголанамъ ихъ ученія «грамата на проповѣдничество» на имя Колесникова, и письмо отъ никитинскихъ жителей къ Максиму Рудометкину.

По изслѣдованіямъ оказалось, что, въ отсутствіи Рудометкина, прыгуны крайне затруднялись по всѣмъ частямъ отправленія своихъ еще не установившихся обрядовъ, и въ особенности въ исполненіи праздниковъ, веденія лѣтосчисленія, приношенія жертвъ и проч., и потому рѣшились просить у него, Рудометкина, на сей конецъ совѣта. Стали искать случая послать, черезъ вѣрнаго человѣка, письмо къ Рудометкину, и послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, нашелся человѣкъ, пожелавшій принять на себя этотъ трудъ и рискъ... Это былъ ленокранскій житель Василій Федоровъ Колесниковъ. Онъ взялся пробраться въ Соловецкій монастырь, доставить письмо самому Рудометкину, увидѣть его лично и принести отъ него разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и всѣхъ сомнѣній, смущавшихъ прыгунскую паству. На такой, при тогдашнихъ условіяхъ, великій подвигъ Колесникова рекомендовали ленокранскіе прыгуны, а вскорѣ онъ и самъ заявилъ себя какъ хорошій проповѣдникъ и, побывавъ на Никитинскихъ собраніяхъ, заслужилъ полное довѣріе тамошнихъ прыгуновъ, навболѣе оплакивавшихъ Рудометкина. Они собрали ему на дорогу до 300 руб., дали, кромѣ того, особую сумму для умилоствленія властей на всякій случай, и Колесниковъ двинулся въ путь, запасшись для болѣе свободнаго прохода фальшивымъ паспортомъ. Онъ уже на половину достигъ своей цѣли, выбрался изъ Закавказья, прошелъ Кавказъ, южную и среднюю Россію и шелъ впередъ съ спокойною увѣренностью, что опасность осталась назади, когда былъ задержанъ, отправленъ въ Бердянскъ, а затѣмъ не замедлило и слѣдствіе. Между тѣмъ, продолжительное безвѣстное отсутствіе Колесникова и не полученіе *духовными* никакого отвѣта отъ Рудометкина навело ихъ на мысль, что Колесниковъ ихъ обманулъ, и, такъ какъ отвѣта все не приходило, то на такомъ заключеніи всѣ остановились, хотя надежды на полученіе ожидаемыхъ отъ Рудометкина наставленій не исчезли совсѣмъ, не исчезаютъ еще и днѣсь, и слухъ о возвращеніи Колесникова съ *отвѣтомъ* периодически повторяется между прыгунами. А между тѣмъ, мѣстное начальство, провѣдавъ о затѣяхъ прыгуновъ, ради всеобщаго успокоен-

ни, признало, съ своей стороны, нужнымъ преградить всякую возможность переписки между Рудометкиннмъ и его послѣдователями. Всѣ сомнѣнія и недоразумѣнія такъ и остались неразрѣшенными. Новаго Рудометкина не появлялось. Отъ стараго не было вѣсти. Въ молоканствѣ началось стремленіе къ жидовствующимъ, туда же перешла часть прыгуновъ.

Въ настоящее время, прыгунство все замѣтнѣе и замѣтнѣе ослабѣваетъ, и, напримѣръ, нижеахтискіе прыгуны даже серьезно подумываютъ о переходѣ въ субботники, признавая ихъ вѣру болѣе правою и согласною съ писаніемъ. Самъ Рудометкинъ и понынѣ въ Соловкахъ. Со времени его заточенія, Никитинцы успѣли получить отъ него только одно письмо, въ которомъ Максимъ Гавриловичъ подробно описываетъ свое времяпровожденіе въ монастырѣ, пишетъ, что каждый день ходитъ на увѣщаніе къ архимандриту, который все даетъ ему читать «такую главу изъ писанія, которая ему не нравится» и что бываетъ и такъ, что архимандритъ при этихъ назиданіяхъ ругаетъ его *по солдатски*. Далѣе, въ письмѣ своемъ, Рудометкинъ проситъ молиться за него, чего, впрочемъ, прыгуны никогда не забывали и до полученія этой просьбы. Ни одно прыгунское собраніе не обходится безъ упоминанія о Максимѣ Гавриловичѣ, а въ нѣкоторыхъ собраніяхъ даже поютъ ему многолѣтіе. Болѣе всего въ письмѣ своемъ Рудометкинъ наставляетъ на томъ, чтобы всѣ были *отри сами себѣ* — и, въ заключеніе посланія, цѣлуетъ всѣхъ братьевъ и сестеръ священнымъ лобзаніемъ.

Дѣйствительно ли такое письмо было въ Никитинѣ получено отъ Рудометкина — въ точности неизвѣстно. Сомнѣваться, однако, въ этомъ не приходится, тѣмъ болѣе, что изъ негласныхъ разслѣдованій оказалось, что для переписки съ Рудометкиннмъ, придумали даже какой-то особый ключъ, который полиція добыть не могла. Прибѣгли, напримѣръ, къ такому способу переписки, что въ началѣ или въ концѣ каждой строки ставились славянскія буквы, имѣющія символическое значеніе: такъ напримѣръ, въ концѣ строкъ ставились буквы Н. Л. Т. П. Е. Ж. Д., что должно значить *наши люди тверды, покой есть, живемъ добро* — понятно, что съ такимъ ключемъ далеко не уйдешь — хотя Рудометкина все-таки успѣли утѣшить тѣмъ, что, молъ, *наши люди тверды*.

Недавній опытъ сектантовъ былъ столь еще имъ памятенъ, что, при сношеніяхъ съ своимъ патріархомъ, осторожность у нихъ была на первомъ планѣ. Такъ, въ письмѣ къ Рудометкину, оказавшемся при Колесниковѣ, скрыты фамиліи пишущихъ, скрыты даже названія селеній, принимавшихъ участіе въ составленіи

писма, и Никитино названо «градомъ крови», въ воспоминаніе произведеннаго тамъ большаго сѣченія розгами въ 1857 году; Константиновка именуется тамъ «градомъ страха», потому что тамошніе жители больше всѣхъ другихъ отсиживали въ тюрьмѣ за упорство. Еленовка называлась «городъ общій», но не потому, чтобы тамъ были послѣдователи секты *общихъ*, которыхъ тамъ и не было, а, кажется, собственно потому, что тамъ были представители нѣсколькихъ разныхъ сектъ.

IX.

Какъ всякій реформаторъ въ религіозномъ дѣлѣ и нѣкоторымъ образомъ провозвѣстникъ «новыхъ идей», Максимъ Рудометинъ былъ не чуждъ нѣкоторой склонности къ стихотворству.

Прыгунскій глава, до самаго отправленія въ Соловки не выходявшій изъ подъ напѣта св. духа, написалъ множество стихотвореній для potreбы своихъ послѣдователей. Стихи эти, какъ увѣряютъ прыгуны, явились «по духу» и величаются ими духовными пѣснями. Ихъ насчитываютъ нынѣ, вмѣстѣ съ послѣ явившимися, до ста. Напѣвы ихъ болѣею частью пласовые, такъ какъ подъ эти то самыя пѣсни обыкновенно проявляется дѣйствіе св. духа. Мы приведемъ нѣсколько изъ этихъ пѣсень. Онѣ по болѣею части довольно туманнаго содержанія. Загадочныя намеки, въ нихъ заключающіеся, толкуются самими прыгунами равно, и авторъ болѣе всего, повидимому, хлопоталъ, чтобы было послѣднѣй да пожалостливѣй, да пожалуй еще потемнѣй и замисловатѣй. Любимѣйшая изъ этихъ пѣсень слѣдующая:

Нову пѣсню мы поемъ,
Путемъ истиннымъ идемъ!
Міръ стрѣляетъ въ насъ и бьетъ,
Честь намъ, славу не даетъ!

Мы изъ славы не желаемъ,
На Господа уповаемъ;
Озъ насъ словомъ сотворилъ,
Духъ насъ жизнью одарилъ.

И мы были за рѣкой,
За мірской славой такой.
Мірска слава есть вода,
Душѣ погубель, бѣда!

Мы разсѣяли тамъ были,
Отца ия мы забыли
И другъ друга презирали,
Богу дѣлали печали.

Нынѣ вышли мы на свѣтъ
 Прошли хулы всѣхъ бѣдъ,
 Воздадимъ славу отцу,
 Къ небесному Творцу.

Ему слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Это, какъ говорятъ, одна изъ самыхъ послѣднихъ пѣсень Рудометкина, когда онъ уже воображалъ, что, въ самомъ дѣлѣ, поставилъ прыгунство на прочную ногу. Темныя мѣста этихъ виршъ подвергаются различнымъ толкованіямъ: «мы были за рѣкой», по словамъ, одного изъ толкователей, означаетъ за рѣкой Евфратомъ, но почему за Евфратомъ—этого толкователь объяснить не могъ; другіе же говорятъ, что «были за рѣкой» значить, что не дошли еще до прыгунства, а состояли въ мірской суетѣ. «Мы разсѣяны тамъ были» должно служить намекомъ на разсѣянныхъ израильтянъ, къ которымъ прыгуны чувствуютъ особое почтеніе, особенно послѣ того, какъ они приняли многіе еврейскіе праздники и не рѣдко, въ горестныя минуты, весьма не прочь сравнить себя съ народомъ божіимъ; послѣ же вѣнчанія Рудометкина на царство, они считали, что, имѣя одного главу, они уже не были разсѣяны, а составили одно царство. «Отца ния позабыли» относится, какъ думаютъ, лично къ Максиму Рудометкину, который, проведя 15 лѣтъ въ Соловецкой обители, сталъ будто бы забывать все относящееся до его родныхъ, въ томъ числѣ ния отца. «Нынѣ вышли мы на свѣтъ» и «Прошли хулы всѣхъ бѣдъ» означаютъ, что преслѣдованіе противъ прыгуновъ прекращено и имъ предоставлено свободное отправленіе духовнаго ихъ плеса.

Слѣдующая пѣсня, какъ увѣряютъ прыгуны, создана подъ вліаніемъ особаго вдохновенія, въ самый годъ доставленія Рудометкина въ Соловецкую обитель, гдѣ онъ, на первыхъ порахъ, пытался всѣхъ убѣдить въ своей необыкновенной духовной силѣ и, какъ утверждаютъ прыгуны, успѣлъ даже спеціально къ нему приставленнаго для наблюденія монаха заставить прыгать вмѣстѣ съ собою.

Иегова мой Богъ,
 Вѣчная моя любовь,
 Къ тебѣ стремлюсь я,
 Озаря духомъ меня...
 Безъ тебя ничто же я
 И нѣтъ во мнѣ покоя,
 А когда же ти со мною,
 Торжество во мнѣ съ тобою,

Да, во мнѣ духъ твой святой—
Истинно вѣрная любовь.
Аминь.

Оба эти поэтическіе перла Рудометкина, какъ, впрочемъ, и многія другія произведенія духовной прыгунской поэзіи, поются на мотивъ солдатской пѣсни «Ну, ребята, маршъ домой!» Стихотворныя произведенія прыгунскаго духовнаго царя, пророка, пѣснопѣвца и мученика Максима Рудометкина достаются съ немалымъ трудомъ всѣмъ не посвященнымъ въ прыгунство. Прыгунамъ все мерещится, что въ произведеніяхъ тѣхъ заключается нивѣсть какая сила, такъ что, если начальство да, сохрани Богъ, узнаетъ, то «смерть перепугается» и, побоявшись именно неострашимаго дѣйствія и силы этихъ пѣсень, чтобы не дать ходу истинной вѣры, еще, пожалуй, стѣснить прыгуновъ болѣе прежняго.

Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе любимыхъ пѣсень.

Душа грѣшная проснись
И отъ грѣховъ удались!
Вспомни Бога на небесахъ,
Очисти грѣхъ въ тѣлесахъ!

Какъ ты жила, Бога огорчала,
Святой духъ охулила!
Пролей слезы по ланитамъ,
Сотри себя землей—непломъ.

Господь дастъ тебѣ отрады,
Вѣчной славы и награды.
Тому слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Эти стишки, съ землей и племъ, считаются однимъ изъ лучшихъ произведеній Максима Рудометкина, и учитель Пимень Шубинъ находилъ ихъ особенно назидательными примѣнительно къ моей, по его мнѣнію, крайне грѣховной особѣ. Такъ, Шубинъ замѣтилъ, что въ бесѣдѣ съ нимъ и я, и «прочіе господа» не рѣдко упоминаютъ чорта или, какъ онъ всегда, съ разными записаніями и неохотой называлъ «чернаго», а потому грѣхи мои и «прочихъ господъ» уже въ силу этого должны быть и многочисленны, и тяжки, и что всѣмъ намъ слѣдуетъ очистить грѣхъ въ тѣлесахъ и пролить слезы по ланитамъ... Кстати сказать, что въ сектаторскихъ селеніяхъ дѣйствительно нельзя услышать никакого сквернословія, и даже, когда приходится на собраніяхъ вести бесѣды о дьяволѣ, то этого слова совсѣмъ избѣгаютъ и замѣняютъ «чернымъ» или «шутомъ».

Или вотъ другая духовная пѣснь, принадлежащая перу Максима Рудометкина:

Ой, сестра, моя невѣста;
Нашла во мнѣ любви мѣсто.

Духомъ приѣхалась,
Вѣрой утвердилась,
За то я тебѣ скажу,
Христовъ путь тебѣ покажу!

Творцу Богу угождайте,
Духомъ плоть вы побѣждайте;
Такъ будетъ Богу угодно,
И душѣ—духу свободно!
А мiръ хулитъ и ругаетъ,
Сю тайну онъ не знаетъ;
Онъ хулителъ ропотникъ,
Неповорный отступникъ.
Тебѣ же слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прыгуны наслаждаются произведеніями Рудометкина не только въ своихъ духовныхъ собраніяхъ; они поютъ эти пѣсни при всякомъ случаѣ и, относясь съ строгимъ запретомъ къ пѣснямъ свѣтскаго характера, которыя съ презрѣніемъ называютъ не иначе какъ *солдатскими*, не отказываютъ себѣ никогда въ удовольствіи прокричать пѣлый вечеръ, распѣвая творенія Максима Рудометкина. Гдѣ соберется нѣсколько дѣвокъ и парней или даже однѣхъ дѣвокъ, тамъ сейчасъ начинаются духовныя пѣсни, и зимой, подъ мирное жужжанье веретена или еще болѣе мирное вязанье чулка, поется до полсотни пѣсенъ подъ рядъ. Въ пѣніи принимаютъ участіе, обыкновенно, всѣ присутствующіе, и, такъ какъ, по мнѣнію прыгуновъ, самое распѣваніе «духовныхъ» пѣсенъ уже ведетъ къ ближайшему общенію съ св. Духомъ, то послѣдствіемъ пѣсенъ является нерѣдко нѣсколько возбужденное настроеніе, не приводящее, однако, къ прыганью, которое допускается лишь въ собраніяхъ и притомъ послѣ молитвы.

На этихъ вечеринкахъ, подъ звукъ нѣкоторыхъ, особенно монотонныхъ напѣвовъ, многіе изъ поющихъ сначала оставляютъ пражу или вязанье, потомъ закрываютъ глаза и опускаютъ головы на грудь; губы начинаютъ что-то шептать, руки у нѣкоторыхъ поднимаются вверхъ и затѣмъ быстро, какъ плети, опускаются на колѣни; потомъ слышатся сокрушенныя воздыханія; иной крѣпко-крѣпко ударитъ себя въ грудь, но до болѣе энергическихъ тѣлодвиженій—до притоптыванія, превращающагося обыкновенно, въ формальный трепакъ—доходитъ въ случаяхъ исключительныхъ. Эти случаи бывають, на примѣръ, при «поминовеніи родителей», на каковой случай и самъ поминатель, обыкновенно, не скупится и, раскошелившись, угощаетъ, смотря по степени достатка, созданныхъ гостей на славу. Главными возбудителями духовныхъ инстинктовъ прыгуновъ являются чаще всего пріѣзжіе «гости». Односектанты, свидѣвшись послѣ болѣе

или менѣе долгой разлуки и уладивъ свою душу сладкими бесѣдами о писаніи и о собственныхъ «мученикахъ» за вѣру приступаютъ къ подкрѣпленіямъ бранныхъ тѣлесъ, чтеніемъ писанія не насыщаемыхъ, и сидятъ за ѣдой многіе часы, наполняя желудки не съ разу, а съ промежутками, во время которыхъ опять прибѣгаютъ къ библіи.

Подъ вліяніемъ радостной встрѣчи и продолжительнаго сидѣнія, собесѣдники настроены къ возбужденію, и тутъ болѣею частію трапеза заканчивается тѣмъ бурнымъ плясомъ, о которомъ уже поминалось выше.

Пѣсней, которую мы приведемъ сейчасъ, обыкновенно начинается каждое собраніе.

Нову пѣсню воспѣваемъ,
Гласъ господень возвѣщаемъ!
Господь духъ намъ изливаетъ,
Сіонъ въ любовь собираетъ!
Какъ враждебный человекъ,
Не войдетъ въ Сіонъ во вѣкъ,
Какъ враждебныя сердца,
Не узрятъ Бога Творца!
Вотъ вамъ слово отъ Отца,
Клади каменный на сердца.
Какихъ же намъ не отецъ,
Міру онъ не образецъ,
Брата, Авеля, убилъ,
Свою душу загубилъ.
А мы пѣсню воспѣваемъ,
Творца Бога прославляемъ
Ему слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Амѣнь.

Слѣдующая пѣсня поется заунывно и обыкновенно вызываетъ самыя искреннія слезы поющихъ.

Пою пѣсню, братъ,
Сердцемъ и душою,
Откуда же пришло
Сердце твое благое?
Бѣжитъ мірская доля
Отъ меня долой,
Что ты, братъ мой, сдѣлалъ
Надъ моей главою!
Плѣнилъ мое сердце
Нѣжною стрѣлою,
Буду плакать къ Богу
Всегда со слезою!
А братъ меня проситъ
На любви стоять;
Люби же моей муки
Кому ее знать?
Люби конца нѣту,

А жизнь скоротечна,
 А ты, Боже вѣчный,
 Всему безконечный...
 А я предъ тобою
 Тѣлнный человѣче!
 О, радость невѣста,
 Цѣлти разцѣлняютъ,
 Господь тебя хочеть
 Во весь свѣтъ прославить!
 Готовься же невѣста,
 Женхъ твой готовъ,
 Готовъ братья съ вами
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Понять смыслъ этихъ стиховъ почти нѣтъ возможности, но это, однако, не мѣшаетъ цѣлому собранію бабъ и мужиковъ проливать надъ этими стихами слезы и самые стихи повторять по десяти и болѣе разъ.

Нижеслѣдующая пѣсня появилась, кажется, еще въ самый разгаръ преслѣдованія полиціей *новаго безумія*, когда сіонцамъ не давали размножаться и приглашали ихъ довольствоваться уже ранѣе дозволенными или, по крайней мѣрѣ, терпимыми ученіями молоканъ и іудействующихъ. Это было въ то время, когда прыгуны, отложивъ всякое попеченіе о всемъ земномъ, молились, постились и ежеминутно были готовы воспріять и мученическій вѣнецъ, въ видѣ наказанія розгами отъ руки мѣстнаго пристава, и ссылку и заключеніе и все прочее, что «будетъ положено отъ Бога». Въ то время искренно вѣрили, что вотъ, не иньче-завтра, появится на востокъ звѣзда, за которой они пойдутъ и придутъ прямо въ Сіонъ.

Возсталъ, возсталъ весь Сіонъ;
 Онъ готовъ въ походъ идти!
 Иди, иди, Царь Сіона,
 Войны твои всѣ готовы!
 Всѣ страдальцы на мѣстахъ
 Готовы идти въ кандалахъ!
 Мы желѣзовъ не боимся,
 Кандаловъ не устрашимся,
 Надѣмся на тебя,
 Спасешь миръ черезъ себя!
 Тогда вдругъ вооружимся,
 Въ убѣжище отлучимся,
 Пойдемъ въ Царю всѣхъ побѣдъ
 И намъ дастъ нашъ царь отвѣтъ—
 Духъ святой и самъ Богъ съ нами
 Поразилъ его словами..
 Слава отцу и сыну,
 Святому духу. Аминь.

Во многихъ изъ своихъ пѣсенъ Рудометкинъ не забывалъ по-

сунуть своимъ послѣдователямъ близость будущаго царства прыгуновъ. Надежда на возможность признанія прыгунскаго ученія за единственное и истинное выражается въ этихъ пѣсняхъ при всякомъ случаѣ, и слѣдующая пѣсня, хоть и въ неясной формѣ, а высказываетъ, какъ далеко шли эти надежды.

Встань, встань невѣста,
 Се женихъ твой градетъ,
 Се женихъ твой градетъ,
 Залогъ вѣчный несетъ.
 Люби радость раздѣлить
 И бракъ вѣчный сочетать,
 И бракъ вѣчный сочетать,
 Ризи бѣлы одѣвать,
 Ризи бѣлы одѣвать,
 Вѣнци златне возлагать, (bis)
 Предъ святymi царствовать, (bis)
 Предъ Господомъ ликовать, (bis)
 Во вѣки вѣковъ. Амниъ.

Монотоннѣйшимъ напѣвомъ поется слѣдующая пѣсня:

Нинѣ скажу пріятелю —
 Пришелъ ко мнѣ горькій часъ,
 Пришелъ ко мнѣ горькій часъ
 Мнѣ теперь не до васъ! (bis)
 И льются, льются слезы изъ глазъ!
 Христось Царь нашъ, мы невѣсты
 Соберемся въ одну мѣсту?
 Будуть тиранить всѣхъ насъ!
 Не устрашайся никогда,
 Будеть Богъ съ вами всегда,
 Слава отцу и сину
 Во вѣки вѣковъ. Амниъ.

О какомъ это пріятелѣ и о какихъ невѣстахъ тутъ идетъ рѣчь — темно; но нужно полагать, что подѣ пріятелями разумѣются одновѣрцы, а невѣсты и есть сами прыгуны, въ смыслѣ духовнаго брака съ Христомъ, постоянное нарожденіе каковаго и проявленія его въ избранныхъ людяхъ прыгуны признають почти такъ же, какъ и такъ называемые хлысты.

Передъ самымъ вѣнчаніемъ Рудометкина на «царство», создана была имъ слѣдующая за симъ пѣсня. Въ ней, между прочимъ, есть намеки на признаніе прыгунами болѣе правильнымъ праздновать субботу, нежели воскресенье; это даже осуществилось на дѣлѣ, хотя не повсемѣстно, а лишь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, но потомъ, послѣ введенія празднованія субботы, прыгуны, находя, что они тѣмъ ближе уподобляются жидовствующимъ, чего имъ не хотѣлось, опять перешли къ празднованію воскресенья.

Нову пѣсню воспѣваемъ,
 Царя духовъ ожидаемъ!
 Когда царь духовъ придетъ,

*

Онъ по своему поведеть!
 Всѣ порядки онъ поставитъ,
 Заповѣди Божьи, святѣя,
 Исполнить онъ всѣхъ заставитъ
 И субботы сохранять,
 Забѣтъ вѣчный утверждать.
 И другъ друга мы обвинимъ.
 И обиды всѣ покинемъ,
 Будемъ пѣть мы воспѣвать,
 Царя духовъ прославлять,
 Слава отцу и сну
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

А вотъ переложенная въ вирши исторія предательства Христа Иудею Искариотскимъ. Эту пѣсню поютъ только тѣ изъ прыгуновъ, которые не чувствуютъ никакого тяготѣнія къ жидовствующимъ или къ субботникамъ, а относятся къ нимъ съ гораздо большимъ порицаніемъ, нежели къ молочанамъ и духоборамъ.

На страшной было недѣлѣ,
 Собирались всѣ евреи,
 Они думали, гадали,
 За Христомъ они гоняли,
 Сколько разъ его видали,
 И то въ руки не поймали.
 Помогъ Иуда къ архірею,
 Иуда двери открылъ,
 Съ архіереемъ говорилъ:
 Я хочу Христа продать!
 Сколько тебѣ казни дать?
 Тридцать рублей серебромъ!
 Во пятницу роскинали,
 Во субботу поминали,
 Въ воскресенье Христось воскресъ!

Вотъ еще четыре пѣсни, въ которыхъ проглядываетъ все также надежда на Сіонъ и наступленіе спеціальнаго царства прыгуновъ.

У Давида во дому,
 Во зеленомъ во саду,
 Во зеленомъ во саду
 Тамъ гусли гудуть, (bis)
 Не смолкають, все гудуть!
 На нихъ вѣсти подають,
 Хвалу Богу воздають,
 На Сіонъ гору войдутъ,
 Во святой градъ всѣ войдутъ,
 Всѣ цвѣтами разцвѣтутъ,
 Всѣ залахи издадутъ.
 Слава отцу и сну
 И святому духу. Аминь!
 Соберемъ, братья, сестры,
 Во единую мы мѣсту
 И вострубимъ мы трубой,
 И зальемъ мы слезою!

Отъ радости возридаемъ,
 А отъ славы просіаемъ.
 И на радость запоемъ,
 Всѣхъ набранныхъ позовемъ:
 Всѣ идите вы за нами
 И съ хулой, и съ кандалами (bis).

Пѣсня эта на томъ и кончается. Очень часто поется еще слѣдующая пѣсня:

Нову пѣсню воспѣваемъ,
 Хвалу Богу воздаваемъ.
 За то Бога величаемъ,
 Что спасенъя себѣ чаемъ!
 Далъ Господь намъ увѣренъе,
 Въ томъ души нашей спасенъе!
 И за то благодарю
 Богу нашему Царю!
 Что предался онъ посту!
 Ему пѣсню воспѣваемъ.
 Хвалу Богу воздаваемъ,
 Слава отцу и сыну
 Святому духу. Аминь.

Слѣдующая пѣсня относится также къ тому времени, когда *новое безуміе* еще только нарождалось, когда объ немъ ходили только слухи и прыгуны пока таились и никому не открывали своего ученія.

Духъ святый гласитъ ко мнѣ:
 Соблюдай тайну въ себѣ!
 Возвѣщаетъ мнѣ Владнца:
 Ся тайна есть велика!
 Ты возьми ее въ беремъ,
 Соблюдай ее до время;
 Соблуди ее въ рукахъ,
 Дамъ премудрость во устахъ!
 Всѣ будутъ тебя хулить,
 Межъ собою говорить,
 Но хули ти не страшись,
 За любовь крѣпко берись,
 Тогда тебя возвѣщу,
 Всю хулу я прегращу
 Тогда тебя научу,
 Со врагами разлучу!
 Сіонъ пѣсню воспоетъ,
 Ново время настанетъ.
 Слава отцу и сыну,
 Святому духу. Аминь

Приводимая ниже пѣсня какъ бы не окончена; она принадлежитъ, какъ говорятъ прыгуны, не Максиму Рудометкину, а какому-то неизвѣстному посту изъ духовныхъ, и поется совершенно на манеръ хоровыхъ солдатскихъ. Въ ней, впрочемъ, и зажитно смѣшеніе солдатскихъ мыслей съ фантазіями чисто пры-

гунскими. Нужно думать, что пѣсня и занесена какимъ-либо солдатомъ, дезертировавшимъ изъ войска и, по обыкновенію, нашедшимъ пріютъ и убѣжище у сектантовъ, которые не одобряютъ ни войны, ни воинства и считаютъ за святую обязанность и великую заслугу предъ Богомъ сохранить и припрятать такого бѣглеца...

Скоро время то придетъ,
 Всякъ на войну пойдетъ!
 Слава Богу, Слава Богу—
 Слава нашему Царю!
 Членъ Сиона веселись,
 Сего міра не бойсь!
 Кто забудетъ о любѣ
 И о мирѣ, о себѣ,
 На того вѣнецъ готовъ,
 Что онъ воинъ есть таковъ!
 У того мечъ въ рукахъ,
 Глаголь Божій во устахъ.

Два слѣдующія произведенія совершенно новыя и сдѣлались извѣстными лишь въ недавнее время.

Гдѣ моя сила? гдѣ моя любовь?
 Которую мнѣ прідалъ съ небеси самъ Богъ?
 Куда не пойдю, куда не пойдю,
 Всюду себѣ радость и покой найду;
 Приди ко мнѣ, ближняя, приди, голубица,
 Открой мои очи, пусть сердце не томится...
 Пускай люди знаютъ, за бѣду считаютъ,
 Пускай увѣряютъ, что любви въ насъ нѣту—
 За то имъ не будетъ небеснаго свѣту—
 Господь намъ побѣда, прібѣжище Богъ,
 Побѣдимъ мы скоро всѣхъ своихъ враговъ (bis).
 Богу нашему слава, Богу и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

По поводу этой пѣсни, на вопросъ мой, о какой ближней и о какой голубицѣ говорится въ пѣснѣ, одинъ изъ прыгунскихъ учителей, подумавъ нѣсколько времени и взглянувъ не безъ подозрѣнія, отвѣтилъ:

— А это, значить, насчетъ премудрости... Въ такихъ словахъ какъ *премудрость*, *мудрость*, *любовь* и проч. сектаторы-толкователи темныхъ мѣстъ св. писанія всегда находятъ самое вѣрное убѣжище во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда является какое-либо затрудненіе. Встрѣтится какое-либо аллегорическое представленіе, и толкователь, не задумываясь объявляетъ, что рѣчь тутъ идетъ или о мудрости, или о премудрости, или о любви. Любовь понимается у нихъ такъ широко и такъ разнообразно, что этимъ словомъ прикрывается у нихъ и явобы духовное сожителство Рудометкина съ двумя дѣвками, ходившими по очереди къ нему ночевать, въ то время, когда уже ему было 50 лѣтъ, и онъ при томъ

же имѣлъ жену, которой обзавелся ранѣе; и любовью же у нихъ называется и закатываніе глазъ, подъ наитіемъ св. духа, и дрожаніе всѣмъ тѣломъ, и горячее обниманіе подъ дѣйствіемъ того же духа, и братское цѣлованіе, которымъ завершается у нихъ всякое собраніе.

Вторая пѣсня гораздо замысловатѣе первой и заключается въ слѣдующемъ:

Первый воинъ идетъ,
Первый номеръ беретъ!
Второй воинъ идетъ,
Второй орденъ беретъ!
Третій воинъ идетъ,
Третій номеръ беретъ!
Четвертый воинъ идетъ,
Четвертый орденъ беретъ!
Пятый воинъ идетъ,
Пятый орденъ беретъ!
Шестой воинъ идетъ
Шестой номеръ беретъ!
Седьмой воинъ идетъ,
Седьмой номеръ беретъ!
Сія повелѣнія
Съ самаго явленія,
Какъ тому Уранія
Будетъ ему равная.
Чистый походъ!!

Аминь!

Въ этой пѣснѣ только и понятно «Аминь», и затѣмъ болѣе ничего. Семь воиновъ, изъ которыхъ первый, третій, шестой и седьмой берутъ по номеру, а второй, четвертый и пятый—по ордену, идутъ въ чистый походъ! Что бы это значило? Непонятно, конечно, какъ второй воинъ можетъ брать *второй* орденъ, когда первый орденъ еще никѣмъ не взятъ. Непонятно также и то, куда исчезли номера второй, четвертый и пятый, и гдѣ, равнымъ образомъ, исчезли ордена за номерами 1, 2, 6 и 7—однимъ словомъ, непонятно ничего. На вопросъ мой: что такое Уранія? одинъ изъ прыгуновъ съ обычною развязностью отвѣтилъ: «Уранія-то! это, значить, насчетъ истинной Христовой церкви»...

Нѣкоторые изъ рудометкинскихъ пѣсень, по неясности и темнотѣ, совершенно непостижимы, что не мѣшаетъ прыгунамъ умилаться и распѣвать ихъ до хрипоты. Рудометкинъ, пророчествуя въ своихъ интересахъ, по возможности, менѣе вразумительно, кажется, понялъ неудержимое влеченіе своихъ послѣдователей ко всякимъ аллегоріямъ и иносказаніямъ, и потому всѣ его произведенія никогда не имѣютъ опредѣленнаго прямого смысла, а допускаютъ всякія толкованія, предположенія и догадки...

Поиду, поиду, пробѣгу,
 Яко орелъ пролечу.
 Сію пѣсню я пою,
 Память оставляю.
 Помните про меня,
 Да молитесь за меня!
 Дайте въ руки три пера,
 Дойду скоро до цара.
 Я не буду тамъ одинъ,
 Со мной будетъ господинъ.
 Духъ святой меня не оставитъ,
 Говорить меня заставитъ.
 Сію пѣсню предложу,
 Къ царю на столъ положу,
 Ему слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ этой пѣснѣ, хотя и въ темныхъ выраженіяхъ, но намекается на то, что Рудометкину предстоитъ вновь доказывать правоту своей вѣры передъ царемъ. Среди закавказскихъ сектантовъ весьма распространено уже упомянутое нами выше сказаніе о томъ, какъ, въ 1803 или 1805 году, двое изъ ихъ «столповъ церкви», но кто именно—неизвѣстно, руководимые св. духомъ, прибыли въ Петербургъ, нашли доступъ къ царю, говорили въ защиту своей вѣры такъ пламенно и убѣдительно и въ особенности сѣужили такъ хорошо пропѣть нѣкоторыя изъ духовныхъ пѣсенъ, что царь, тутъ же, выдалъ имъ на руки указъ о свободномъ отправленіи ихъ вѣры. Указъ этотъ, какъ думаютъ сектанты, какъ-то успѣлъ затераться, а потому царская воля осталась неизвѣстною начальству, и вотъ, молъ, пошли опять стѣсненія и преслѣдованія. Когда Рудометкинъ еще не повѣнчался на «царство», онъ не разъ высказывалъ, что призванъ повторить подвигъ двухъ столповъ царства и вторично убѣдить цара выдать указъ на свободное расширеніе ихъ вѣры.

Славный городъ Іерусалимъ!
 Онъ построенъ хорошо;
 На высокой высотѣ,
 На прекрасной красотѣ —
 На Сионской на горѣ!
 Тамъ стоитъ домъ Божій.
 Вотъ придетъ царь Мессія:
 Онъ выведетъ насъ отсюда!
 Въ небѣ солнце померкнетъ,
 И свѣтло угасало.
 Слава отцу и сыну
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Нову пѣсню мы поемъ
 И на брань святой идемъ.

Какъ на бракъ иудейскомъ
 Была въ Канѣ-Галилейскомъ
 Христось самъ тамъ съ нами былъ,
 Въ вино въ воду превратилъ;
 Вино было не такое,
 Оно чистое, святое!
 Оно съ виноградной лозы,
 Изъ христовой изъ слезы.
 Кто того вина напьется,
 На того духъ изольется.
 Кто это вино пьетъ,
 Тотъ въ градъ Сионъ взойдетъ.

Пѣсня эта, къ удивленію, не кончается обычнымъ «слава отцу и сыну» и достойна упоминанія только потому, что Рудометкинъ и событіе о Канѣ Галилейскомъ успѣлъ растолковать специально съ прыгунской точки зрѣнія.

Нонѣ время-то идетъ
 Всякъ на войну идетъ
 Слава, слава Богу,
 Слава.
 Какъ на войну пойдёмъ,
 Стѣны башни разобьёмъ.
 Слава.
 Облакъ съ громомъ вокругъ насъ,
 Глаголь Божій на устахъ.
 Слава.
 Тучи грозныя взойдутъ,
 Стѣны башни разобьютъ.
 Слава.
 Царь за храбрость возблагодарить
 Каждому вѣнецъ подарить.
 Слава.

Тутъ опять въ туманныхъ фразахъ возвѣщается, ни болѣе, ни менѣе, какъ будущее торжество прыгунства, а о разбитіи какой башни говорятъ пѣсня—трудно понять.

Нѣкоторые изъ субботниковъ говорили мнѣ, что башня, которую собираются разбить, есть та самая, которая имѣетъ честь заключать въ стѣнахъ своихъ прыгунскаго царя Максима Рудометкина.

Святъ, святъ святой
 Богъ вседержитель,
 Иже де соградий,
 Святъ...

Вся пѣсня заключается въ повтореніи этихъ трехъ строкъ до трехъ разъ. Это оригинальное произведеніе принадлежитъ также Максиму Рудометкину и, насколько извѣстно, приготовлено на случай его возвращенія изъ Соловокъ.

Хорось Сионъ городокъ,
 Онъ на мѣсгъ полескъ,

Онъ изъ камня дорогого,
 Изъ бисера золотого.
 Кто въ него взойдетъ,
 Самъ себя тамъ не найдетъ.
 У насъ есть вотъ царь Давидъ,
 Онъ святой водой полить.
 Его рѣки съ высоты,
 Дастъ сердцамъ всѣмъ теплоты.
 Кто изъ него съ вѣрою пьетъ,
 Тотъ въ градъ святой взойдетъ.
 Кто изъ него съ вѣрою напьется,
 Онъ отца матери отрекется
 Оставайтесь отецъ мать
 Въ большомъ мирѣ вы гулять,
 А я пойду вслѣдъ царя,
 Вслѣдъ Давида пастыря!
 Какъ его Господь поставилъ
 Покоряться насъ заставилъ,
 Слава Отцу и Сыну,
 Святому Духу. Аминь.

Что душа ты думаешь
 Много размышляешь,
 Какъ ляться на судъ.
 Оставь душа мирской миръ,
 Попечение все отложь,
 Возьми пѣнье да моление
 Души твоей украшение.
 Душа бѣдная покойся
 Волѣ Божіей предайся,
 Господь тебя соблюдетъ,
 Въ царствіе произведетъ.
 Господь вѣрно то открылъ,
 Сію дѣлу не забвѣлъ.
 Слава Отцу и Сыну,
 Святому Духу. Аминь.

Ходилъ братъ мой темными лѣсами,
 Обливался онъ слезами.
 Обливался онъ въ слезу,
 Предавался онъ посту:
 Гдѣ найти ему сестру!?
 Вдругъ выходить на долину
 Увидалъ сестру одну,
 Онъ выходить на долину,
 И видитъ сестру одну.
 Онъ подходит обвиняетъ (b:is)
 Сію тайну объявляеть.
 Чго-жь поеть вѣрная сестра?
 Да вижу я въ тебѣ Христа!
 Ужь ты братъ ли мой, герой,
 Притануль ты меня

Какъ магнитною горою!
 Твои брови почернѣли
 Сосцы твои какъ лимоны
 Стопы твои плавки,
 Руки твои магки...

На томъ пѣсня кончается. Сравненіе сосцовъ съ лимонами и *почернѣлая брови*, очевидно, выражаютъ не ту нетѣлесную красоту, которую хотѣлъ нарисовать авторъ пѣсни, воспѣвая духовную любовь. Пѣсню эту молоковане признають почему-то *особенно нехорошей*; за то прыгуны тѣмъ съ бѣльшимъ наслажденіемъ воспѣвають лимонные сосцы и магкія руки, и плавкія стопы.

Слѣдующія пѣсни сложены въ 1871 году и переданы намъ однимъ прыгуномъ изъ селенія Шуржи. Какъ-то разъ къ намъ явился нарень лѣтъ 16 ти и заявилъ предварительно, что «много слышаны» и «много довольны», прихвастнулъ, что знаетъ такія три пѣсни, которыя здѣсь не поются, а пѣсни ужъ больно хороши и въ Шуржѣ въ большемъ ходу. По моей просьбѣ, нарень надорваннымъ голосомъ сталъ выкрикивать эти пѣсни. Я взялся за карандашъ, и получилось слѣдующее:

Кто любить, какъ ты, умѣетъ,
 О источникъ любви?!
 Изъ любви за насъ ты умерь,
 Изъ любви ты къ намъ воскресь!
 Былъ сильнѣе самой смерти,
 Смерть ты смертію попраля
 И животь прсноотекуцій
 Человѣкамъ даровалъ.
 Всѣ, кто вѣруеть и любить,
 Всѣ, кто слѣдуетъ тебѣ,
 Утверждаются на вѣрѣ
 И повоюютъ въ любви!
 Гдѣ свидѣтельство любви
 Богѣ сего найти,
 Какъ чтобъ жизни дать на жертву
 За спасеніе враговъ?!
 Если щедръ онъ такъ великій,
 Невзслѣдимый въ дарахъ,
 То откажешь ли на маломъ,
 Что мы спросимъ у тебя?..
 Даруй намъ что жизни нужцы
 И что немощъ естества
 Требуется отъ насъ вседневно:
 Хлѣбъ насущный дай намъ днесь,
 Дай намъ мужество и силу
 Темной жизни путь свершить,
 Дай извѣстность нашей вѣрѣ,
 Руководствуй самъ ты насъ.
 Отъ сна смерти насъ пробудишь!

И спаситель всѣхъ одинъ
Насъ блаженствомъ наградишь!
Вѣчности небесъ. Аминь.

Въ этомъ произведеніи замѣтенъ уже не рудометкинскій, а
чей-то другой, болѣе складный стиль.

Другая пѣсня, переданная мнѣ тѣмъ же парнемъ, такого со-
держанія:

Господи Боже, мой творецъ
Даль тяжелый мнѣ вѣнецъ!
Буду я тебя просить,
Какъ мнѣ его носить?!
А ты меня не оставишь,
На путь истинный поставишь.
А я по нему пойду,
До царя славы пойду!
Царь славы мой защититель,
Души моей искупитель,
Тебя, царя, я хвалю,
Непрестанно благодарю.
Тебѣ слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Голоса или мелодіи обѣихъ пѣсней, если только тутъ можно
говорить о мелодіи, надо сказать по справедливости, выдаются
изъ всѣхъ прочихъ пѣсней своею дикостію, хотя вообще о ме-
лодичности духовныхъ пѣсней говорить—рискованное дѣло. Это
какое-то вѣчное перезваниванье, на манеръ солдатскихъ пѣсней,
распѣваемыхъ въ казармахъ, только нѣтъ бубна да дудки, нѣтъ
барабанной дроби, да оканчивается каждый разъ неизмѣннымъ
«аминь».

А вотъ и третья Шуржинская пѣсня:

Открылъ Господь намъ въ четвергъ,
Идетъ Сіонъ весь наверхъ;
Будемъ пить, упиваться,
Въ Сіонъ идти, убираться.
Трубы музыки пробьемъ,
Всѣ въ уѣжище пойдемъ.
Пойдутъ цари и іереи,
Помазанники впередъ,
Помазанники пойдутъ,
Предъ ними престолъ повесутъ,
Пойдутъ царь и всѣ царицы,
За ними тимпанъ-дѣвицы!
Пойдутъ князья и княгини,
Все почтеніе передъ ними!
Пойдутъ члены горы Сіонъ,
Все въ славу имъ готово.
У насъ вѣрный царь Давидъ,
Однимъ словомъ побѣдитъ!
Его вѣрная царица,

Вся вселенная ей покорится!
 Будутъ плакать, умолять,
 На коѣна припадать,
 Богу хвалу воздавать,
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Шуржинскій паренъ смолкъ и заявилъ, что пѣсни эти, «са-
 мья что ни наестъ первыя изъ всёхъ духовныхъ».

А вотъ и еще нѣсколько добытыхъ у прыгуновъ пѣсень. Пѣ-
 сни эти мнѣ провричали подѣ самымъ ухомъ два дюжіе парня
 изъ прыгуновъ и, старательно выпѣвая рудометкинскую стражню,
 просили только побольше обращать вниманія на *юлозъ*. «Рѣзко
 хорошъ» — «голосъ-то!» объявили мнѣ парни. У прыгуновъ и мо-
 локанъ слово «рѣзко» въ самомъ большемъ употребленіи. Оно у
 нихъ означаетъ и *весьма*, и *очень*, и *гораздо*, и *сильно*. «Рѣзко
 хорошая лошадь» — говорятъ они про лошадь. «Пиши порѣзче»
 (по крупнѣе). «Погоняй рѣзче!» «Ты слухай барина рѣзче, чѣмъ
 меня», внушалъ прыгунъ своему сыну, поступившему ко мнѣ
 въ услуженіе.

Пѣсни эти слѣдующія:

Преблагая наша царица!
 Возвеселися въ намъ глаголь.
 Христось на небо отходилъ,
 Съ апостоломъ говорилъ:
 Мое славу соблюдайте,
 А заповѣди наблюдайте,
 Грядите въ святомъ законѣ,
 Не кланяйтесь иконѣ,
 Ни святымъ, ни образамъ,
 Ни слѣпымъ и живымъ глазамъ,
 Ни епископамъ, ни кадиламъ,
 Ни кривымъ и живымъ *ладилкамъ*.
 Слава Отцу и Сыну,
 Святому Духу. Аминь.

Прочѣвши эту пѣсню, парни обратились ко мнѣ съ вопросомъ:
 «Баринъ, а ты икононикъ?» — Нѣтъ, говорю, не икононикъ! — «То-
 то мы такъ и думали», проговорили мои пѣвунны, а то и пѣть
 не стали бы.

«Почему же?»

«Да потому, самъ знаешь, нашего-то брата за такія пѣсни по
 головеѣ-то не поглядать».

И парни принялись за слѣдующія пѣсни:

Члены Сиона пробуждайтесь,
 Любе пламень обмывайтесь!
 Кто не грѣшитъ въ любве,
 Какъ о Богѣ, такъ о себѣ,
 На того вѣнецъ готовъ,
 Что онъ вонъ есть таковъ!

У того мечи въ рукахъ,
 Глаголь Божій въ устахъ,
 У того вѣнецъ на главѣ.
 Кто-жъ на лѣвой сторонѣ,
 Идетъ прямо къ сатанѣ.
 Кто на правой сторонѣ,
 У того финикъ въ руцѣ.
 Ему слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Эти, какъ, впрочемъ, большинство прыгунскихъ пѣсень отличаются какою-то недовѣченностью. Только что было авторъ, повидимому, принялся рисовать картину на тѣму, какъ хорошо будетъ праведнымъ и какъ плохо тѣмъ, которыхъ праведными не признаютъ, и уже вручилъ праведнымъ по финику, какъ вдругъ струны прыгунской музы какъ бы порвались, и праведные остаются съ фигой... Что въ этой пѣснѣ упоминаются финики, а не другіе плоды земные, объясняется тѣмъ, что здѣшніе, уже оклимаивавшіея русскіе переселенцы изъ всѣхъ лакомствъ, которыми снабжаетъ щедрая природа Персіи, полюбили особенно финики, которыхъ и много привозятъ, и дешево продаютъ. Духанщаники, законтрактовываемые молочанами и прыгунами, обязываются держать финики въ избыткѣ и отвѣтствуютъ, на случай несправности и истощенія запаса финиковъ, не малымъ штрафомъ. Въ большомъ употребленіи, какъ лакомства, здѣсь еще грецкіе орѣхи; кедровыхъ почти нѣтъ, а такъ называемыхъ съмечекъ очень мало. Здѣсь любятъ и виноградъ, особенно дѣвки. Виноградъ пріобрѣтается мѣной на пшеницу, и дѣвки, безъ зазрѣнія совѣсти, тащатъ изъ родительскихъ складовъ пшеницу, получая за 1½ фунта ея—лишь одинъ фунтъ винограду.

Возвожу я очи на небо,
 Услышитъ меня Господь,
 Господь видитъ, видитъ мое сердце,
 Какъ стремлюся я къ нему.
 Облекаетъ меня въ радость,
 Какъ невѣста женихомъ,
 Прославляетъ меня любовью,
 Думу сердце оны мое.
 Покрываетъ оны меня любовью,
 Какъ невѣста жениха,
 Прославляетъ, слава Богу,
 На каждомъ мѣстѣ вездѣ.
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Между прочимъ, и про эту пѣсню «духовные» обыкновенно говорятъ, что уже голосъ «рѣзко хорошъ». Трудно, впрочемъ, иной разъ не согласиться, что голосъ этихъ пѣсень на нервы дѣйствуетъ именно рѣзко.

Изъ-подъ бережка, бережка,
 Изъ-подъ крутенькаго,
 Бѣжить рѣчка бистрал,
 Все по камушкамъ бѣжить!
 Плышетъ бѣлѣй лебедекъ
 Царски пѣсни онъ поетъ (bis),
 Самъ онъ рѣчи говоритъ,
 Приговариваетъ:
 Вы, Христовы дружжи,
 Становитесь во кружки,
 Вы извольте работать,
 Во святомъ кругу катать,
 А я пойду вслѣдъ царя,
 Вслѣдъ Давида пастыря,
 Какъ его Господь поставилъ,
 Покораться всѣхъ заставилъ.
 Слава Отцу и Сыну,
 Святому Духу. Аминь.

Пѣсня эта поется напѣвномъ совершенно плясовымъ и считается «заводной» или такой, подѣ которую обыкновенно прыганье начинается. Казалось бы, что послѣ такого вступленія, какъ «изъ бережка, бережка» и т. д. неминуемо должна послѣдовать красная дѣвица, а за красной дѣвицей ражій парень; бѣжащая по камушкамъ рѣчка должна бы ихъ привести на какую-нибудь уединенную поляну и тамъ на зеленомъ лугу, вокругъ разнотравнаго куста, по теченію, парочка и должна бы послѣдовать своимъ наклонностямъ, и вдругъ ручеекъ, вмѣсто того, неожиданно приводить къ пастырю Давыду, отцу и сыну и святому духу! Таковы поэтическія вольности подѣ напѣвомъ прыгунскаго святаго духа.

Потопъ страшный умножался,
 Видѣлъ народъ, испужался,
 Увидали воды люти,
 Побѣжали къ горѣ крути,
 Тамъ спаслись.
 Птицы воздухъ наполняли,
 Всѣ животныя собирались,
 Глѣвъ идетъ!
 Лютость въ кротость премѣнилась,
 Одинъ другой не вредилось
 Левъ съ овцой.
 Птица плавала водами,
 Погрывало ихъ волнами,
 Глѣвъ идетъ!
 Голубица вылетала,
 День гулянье продолжала,
 Глѣвъ идетъ!
 День къ вечеру прекратился,
 Голубь возвратился
 Съ вѣстью!

Такова картина потопа, которую начертало перо соловецкаго поэта.

Общій характер прыгунскихъ пѣсенъ видѣнь изъ приведенныхъ образцовъ; еще десятокъ, другой подобныхъ же произведеній, и вся прыгунская поэзія исчерпана. Эти пѣсни знаютъ всѣ прыгуны и всѣ ихъ поютъ, всѣ ими умиляются. Тутъ дѣйствуетъ, конечно, болѣе всего настроеніе, обстановка, возбужденное состояніе, долгое сидѣнье, часто крайняя заунывность и монотонность, потому что ничѣмъ инымъ болѣе нельзя объяснить то искренно восторженное состояніе, до котораго доходятъ прыгуны, напѣвшись въслать своихъ пѣсенъ.

Со стороны влутренняго содержанія, пѣсни эти, по нашему мнѣнію, не имѣютъ ровно никакой цѣны, и если мы привели ихъ въ такой подробности, то это только потому, что не можемъ отвергать того значенія, которое имѣютъ на сектаторовъ эти, часто темныя, а еще чаще совсѣмъ неглупыя вирши. Нѣтъ въ нихъ ни сладу ни ладу, нѣтъ порой даже вовсе никакого смысла, но есть нѣкая обаятельная темнота, есть таинственность, связанная съ именемъ до нынѣ высоко и неизмѣнно почитаемаго Максима Рудометкина и, наконецъ, на пѣснахъ этихъ пока лежитъ официальный запретъ — а это уже много значить. Вотъ почему за пѣснами этими слѣдуетъ признать нѣкоторое значеніе.

Н. Д.

ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКУ.

Если ты, переживъ свое счастье,
Истомленный отъ бурь и тревогъ,
Убѣжавъ отъ людского участя,
Неиспорченнымъ сердце сберегъ;
Если вѣдалъ ты въ жизненномъ морѣ
Жажду истины, знанья, труда, —
Приходи! Я уйму твою горе,
Я утѣшу тебя навсегда.
Приходи, и въ сближеньи со мною,
Позабудь о житейской борьбѣ:
Я пытливому взгляду открою
То, о чемъ и не снилось тебѣ.
Что невѣрныя блага людскія,
Что ихъ слава, любовь и привѣтъ?
Дамъ тебѣ я богатства такія,
О которыхъ не вѣдаетъ свѣтъ.
Разорви же мірскія оковы,
Окупись въ живыя струи!
Какъ свободны и свѣжи, и новы
Будутъ мысли и чувства твои!
Погружаясь душой въ созерцанье
Вѣчно-юной моей красоты,
Каждый день и творца, и созданье
Все полнѣй понимать будешь ты.
Погляди, какъ, проснувшись весною
Отъ глубокаго мертваго сна,
Вся въ цвѣтахъ, я опять предъ тобою
Новой жизни и силы полна!
Я въ объятя зову тебя снова,

Я взову тебя къ жизни, къ труду...
Всякій трудъ наградить я готова,
Только Божьяго ведрышка жду.
Одиному сердцу подруга,
Сномъ любви я повѣю надъ нимъ;
Страждешь ты? исцѣлю отъ недуга
Всецѣлебнымъ дыханьемъ моимъ.
Жаждешь?—свѣтелъ мой ключъ животворный;
Изнемогъ?—широка моя сѣнь;
Тѣсно-ль груди?—вотъ лугъ мой просторный,
Даль небесъ и безоблачный день!

А. Яхонтовъ.

СВЯТАЯ ПРОСТОТА.

I.

Это было очень недавно. Я сидѣлъ съ своимъ другомъ Зайчиковымъ и только что мы намѣревались приступить къ разговору, которымъ прилично заниматься либеральнымъ сонногородцамъ, какъ совершенно неожиданно предъ нами предсталъ нашъ общій знакомый Фіалкинъ.

Фіалкинъ былъ всегда веселъ, безпеченъ, но, на этотъ разъ, онъ даже превзошелъ самого себя. Его красненькое лицо, обрамленное жиденькими бакенбардами и украшенное большой бородавкой на верхней губѣ, просто сіяло. Маленькіе глазки прыгали и точно смѣялись. Фіалкинъ даже не раскланялся съ нами такъ, какъ онъ раскланывался всегда, сонно склоняя на бокъ свою голову, но какъ-то насгѣхъ кивнулъ намъ, схватилъ меня за руку и повлекъ къ окну, жестомъ пригласивъ Зайчикова слѣдовать за нами.

Сначала я ничего не понялъ, но понять оказалось очень не трудно. На дворѣ, какъ разъ противъ оконъ, стояла совершенно новенькая, съ игопочки пролетка, запряженная гнѣдой лошадыю. Фіалкинъ указалъ намъ на пролетку.

— Какова? торжественно возгласилъ онъ и неменѣе торжественнымъ взглядомъ обвелъ меня и Зайчикова.—Какова! Посмотрите!

Я чуть было не разсердился, но отъ выраженій гнѣва удержался. По лицу Зайчикова было замѣтно, что и онъ испытывалъ чувство, подобное тому, которое обуревало меня. Мы молчали, но Фіалкинъ не унимался. Онъ ждалъ восторговъ и попеременно кидалъ блаженные взоры то на насъ, то на пролетку.

— Ну, за то и цѣна! разсуждалъ онъ.—Однако, господа, угадайте.

Конечно, угадывать мы не стали.

— Пять сотъ! провозгласилъ Фіалкинъ и многозначительно

посмотрѣлъ на насъ, вѣроятно, съ цѣлью узнать, какое дѣйствіе производятъ его слова.—Да вы на втулки-то посмотрите! а кожа-то... Лайка, просто лайка!

Отъ вожж онъ перешелъ къ колесамъ, рессорамъ и долго предавался восторгамъ по поводу пролетки. Но такъ какъ мы не только не вторили ему, а, напротивъ, изображали изъ себя подобіе истукановъ, то Фіалкинъ смолкъ и отошелъ отъ окна.

— Теперь мнѣ ничего не надо, заговорилъ онъ, садясь къ столу и опять окидывая насъ веселымъ взглядомъ. — Все есть. Только вотъ кучера надо пережѣнить. Этотъ — дуракъ. Того и гляди, пролетку изломаетъ.

Онъ нѣсколько разъ черкнулъ спичкой и сталъ было закуривать папирску, но вдругъ о чемъ-то вспомнилъ и быстро бросилъ спичку.

— Да нѣтъ, надумался онъ и даже поднялъ вверхъ руку. — Объ этомъ я и забывалъ... Еще цѣпочку съ передвижкой къ часамъ надо (онъ дотронулся до моего колѣнѣка и какъ-то особенно подмигнулъ). Ну, въ родѣ того, какъ у купца Пастухова, съ брилліантами... Вотъ бы такую...

Приобрѣсть передвижку ему до того хотѣлось, что онъ даже на минуту задумался и молча сталъ курить папирску.

— Хороша пролетка у Травина, продолжалъ онъ: — но моя лучше. Вида у той нѣтъ. Какъ вамъ кажется?

— Кто ихъ знаетъ, сказалъ я, чтобы отдѣлаться.

Но Фіалкинъ не отвязался. Онъ началъ сравнивать свою пролетку съ Травинской, пустился въ тонкости и окончательно опротивѣлъ. На наше счастье, онъ о чемъ-то вспомнилъ, посмотрѣлъ на часы и объявилъ, что ему надо ѣхать.

Стулъ пролетки смолкъ, а мы все еще сидѣли молча. Наконецъ, Зайчиковъ прервалъ молчаніе.

— Какова скотина! вскричалъ онъ, злобно трякнувъ головой. Я только развелъ руками и ничего не сказалъ.

— Онъ въ пролетку свою влюбился, ему ничего, кромѣ брилліантовой передвижки къ часамъ не надо—а! продолжалъ мой другъ.

— И вы думаете, онъ шутить, не унимался Зайчиковъ.—Нисколько. Вы только на его фізіономію посмотрите и сейчасъ убѣдитесь въ томъ, что человѣкъ говоритъ отъ чистаго сердца.. Весь сіяетъ... Фу!..

— Конечно, не шутить.

— И этотъ человѣкъ чему-то учился, да гдѣ?.. въ университетѣ! чуть не со слезами началъ опять Зайчиковъ.—Да, учился когда-то, чему-то учился! повторилъ онъ съ грустью и смолкъ.

Грустное настроеніе, должно быть, совсѣмъ окватило его. Онъ хлопнулъ себя по бедрамъ, покачалъ съ видомъ сокрушенія головой и опять заходилъ.

— Учился, учился, повторялъ онъ по временамъ, точно жалусь кому-то. — А теперь пролетка, передвижка...

Черезъ нѣсколько секундъ, опять онъ остановился противъ меня и посмотрѣлъ на меня, не говоря ни слова.

— А вѣдь до такого состоянія дойти грустно. Чтобы въ головѣ ничего, кромѣ передвижекъ... Дѣла никакого живого нѣтъ... Какой онъ докторъ! Такъ шарлатанить у купцовъ. Нѣтъ, я бы никому этого не пожелалъ! И знаете мнѣ даже жаль его...

Онъ махнулъ рукой въ ту сторону, куда уѣхалъ Фіалкинъ и началъ дальше развивать свои мысли.

— Развѣ это жизнь! Помню, мнѣ моя нянька говорила, что передъ смертью каждому человѣку предъявляютъ хартію (онъ улыбнулся). На одной сторонѣ хартіи будто-бы написаны добрыя дѣла, на другой злыя, грѣхи... Ну, что предъявятъ Фіалкину, какую хартію?

Разговоръ пока прекратился. Отъ нечего дѣлать, я барабанилъ по столу, а Зайчиковъ принялся перелистывать какую-то книгу. Впрочемъ, мысль о гнусности Фіалкина должно быть не совсѣмъ оставила его, ибо время отъ времени онъ скорбно покачивалъ головой.

— Вы какъ? вдругъ спросилъ онъ, откладывая книгу и откидываясь на спинку кресла.

Я сталъ сообщать о впечатлѣніи, вынесенномъ мною изъ недавней поѣздки въ свою деревню.

— Бѣдность тамъ такая, что не приведи и Богъ, повѣствовалъ я.—Ѣсть положительно нечего... Ни коровенки, ни лошаденки, а невѣжество... страсти!

Зайчиковъ тихо качалъ одной ногой, положенной на другую, и тяжело вздыхалъ, слушая меня. Мнѣ стало тоже очень скверно отъ воспоминаній о томъ, что я видѣлъ въ деревнѣ.

— Разуты, раздѣты, голодны и такъ, а тутъ еще кулаки, мірѣды... Земля около Одуева одна глина, да и той у мужиковъ чуть не по десятинѣ. Которая получше, къ папенькѣ покойнику по уставной грамотѣ отошла... Какъ-то онъ сдѣлалъ такъ не хорошо. Обидѣлъ онъ ихъ, надо правду сказать.

— Школы нѣтъ?

— Какая школа!

Зайчиковъ опять сталъ качать ногой и по временамъ пристально смотрѣлъ на меня.

— А вотъ что, вдругъ произнесъ онъ:—вамъ это стыдно, что школы въ Одуевѣ нѣтъ. Взялись бы за это дѣло.

— Я и самъ подумывалъ...

— Было бы отлично, продолжалъ Зайчиковъ, замѣтно воодушеваясь.—Вы только подумайте, какое благое дѣло...

— Да.

— Теперь крестьянинъ ничего не знаетъ, а научите-ка его читать-писать, посмотрите, что будетъ...

Зайчиковъ долго перечислялъ выгоды просвѣщенія, а я вторилъ ему и понемногу началъ расплываться отъ умиленія, все болѣе и болѣе охватывающаго меня. Сердце мое хорошо билось въ моей груди.

— Да намъ съ вами сидѣть сложа руки и смотрѣть на это невѣжество нельзя. Стыдно, заключилъ онъ.—Возьмите-ка, да и устройте школу. Ни пьянства, ни невѣжества, ни грубости, ничего этого не будетъ.

— Надо, непременно надо.

— Сами за это дѣло и возьмитесь, настаивалъ мой другъ.— Дѣла у васъ никакого особеннаго нѣтъ, къ городу васъ ничто не привязываетъ... Переѣхали туда, да и учите! Отлично. Буду и я къ вамъ по временамъ приѣзжать, книги возить...

Предо мной ужъ совсѣмъ, какъ на яву, стала рисоваться картина того, какъ я буду учить у себя въ Одуевѣ. Предъ моими мысленными очами предстали, какъ живые, Одуевскіе мужики, внимательно читающіе книги, благо времени для чтенія много, вслѣдствіе того, что у мужиковъ земли всего по десятинѣ и обрабатывать почти нечего. Въ кабакъ ходить они бросили, такъ что дѣловальникъ собирается ужъ прикрыть заведеніе и на чемъ свѣтъ ругаетъ меня. Но эта брань не только не сердитъ меня, но мнѣ отъ нея лестно. Вдругъ, среди этихъ мечтаній, я вспомнилъ кое-что. Иллюзіи разлетѣлись.

— Ахъ, вѣдь самому мнѣ переѣхать въ деревню никакъ нельзя, пожалѣлъ я.

Зайчиковъ удивился.

— Это почему? Что вамъ городъ? переѣхали, да и только.

— А бабушка? Она привыкла непременно быть тутъ,

— Ну, она здѣсь и останется.

Я отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, безъ меня, ей будетъ скучно. Привыкла она, чтобы по вечерамъ я съ нею въ карты поигралъ, книжку иногда почиталъ.

Зайчиковъ крѣпко задумался.

— Да, это такъ, согласился онъ послѣ нѣкотораго размышленія. — А было бы хорошо. Охъ, великое дѣло просвѣщеніе!

Онъ подошелъ къ окну и нѣсколько времени, о чемъ-то размышляя, глядѣлъ въ него.

— Оставить бабушку вамъ, конечно, нельзя, бормоталъ онъ по временамъ. Старуха, привыкла всегда съ вами... А то было бы хорошо. Надо учить... долгъ нашъ! Да и мало ли хорошаго можете вы сдѣлать, вдругъ отнесся онъ ко мнѣ. — Шеюла! Да развѣ одна она? Вотъ, на примѣръ, ферму образцовую открыть, рациональное хозяйство завести...

— Конечно.

— Развѣ у насъ объ «нихъ» кто-нибудь подумаетъ? Какъ же! Я вамъ пересказывалъ, кажется. Недавно, ѣду съ однимъ помѣщикомъ. Мужикъ намъ навстрѣчу съ возомъ. Кучеръ кричитъ ему свернуть, а у мужика лошадева еле-еле двигается. Что же вы думаете?.. Разсвирѣпѣлъ помѣщикъ, вырвалъ у кучера кнутъ, да нѣсколько разъ по мужику...

— Полноте!

— Да, хватилъ. Это интеллигенція-то наша! Ну, развѣ этотъ позаботится о «нихъ»... Вы и помѣщика-то этого знаете, прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Кто?

— Дрыгаловъ... Возмутительно. Знаете, я и теперь объ этомъ не могу безъ отвращенія вспомнить.

Въ самомъ дѣлѣ видно было, что одно воспоминаніе объ этомъ случаѣ возмущало Зайчкова до глубины души. Даже лицо у него стало какое-то особенное, и углы губъ немного задергало.

— Всѣ они хороши! сказалъ я, чтобы успокоить моего собеседника.

Онъ только махнулъ рукой.

— Посмотрите! вдругъ обратился онъ ко мнѣ, показывая въ окно на улицу.

Черезъ улицу переходилъ старый дьячекъ Панкратычъ. Онъ шелъ тихо, сильно сгорбившись и придерживая одной рукой полу своего длиннаго сюртука.

— Вошь они, прежніе-то педагоги! говорилъ между тѣмъ Зайчиковъ съ отгѣнкомъ не то грусти, не то мечтательности. — Ну, развѣ можно ожидать отъ нихъ чего-нибудь хорошаго?..

Я унесся мыслью въ тѣ времена, когда Панкратычъ дѣйствительно былъ однимъ изъ видныхъ педагоговъ въ Сонногородскѣ. Что это былъ за времена, и чего въ самомъ дѣлѣ можно было ожидать тогда?..

— Да! Онъ и самъ кромѣ букв-азъ-ба ничего не знаетъ, раз-

давался между тѣмъ голосъ моего друга.—Ему годъ-два нужно было на то, чтобы все-какъ научить мальчика читать-писать, а теперь это въ нѣсколько уроковъ...

Панкратычъ давно перешелъ черезъ улицу и за угломъ противоположнаго дома въ переулкѣ скрылась его высокая согбенная фигура, съ широкополой рыжей шляпой и торчащей изъ подъ нея косичкой, а Зайчиковъ все еще развивалъ свои мысли по поводу того, что было прежде, и что стало теперь. Но странно, какъ мнѣ теперь помнится, никакого особеннаго различія между нами и Панкратычемъ Зайчиковъ не разискалъ, кромѣ того, что мы можемъ научить читать-писать въ нѣсколько уроковъ, а Панкратычу надо было для этого годъ...

Въ приятныхъ разговорахъ, въ родѣ вышеприведенныхъ, мы извели бы много времени, но Зайчиковъ вспомнилъ, что ему надо еще сегодня ѣхать въ свой округъ осматривать школы и заторопился.

— Ъѣду домой. Надо еще газеты прочесть. Интересное теперь время. У насъ война, во Франціи своего рода борьба идетъ. Кто то побѣдитъ?.. Неужели опять 2 декабря?

Но только что онъ хотѣлъ идти, какъ раздался звонокъ. Явился нашъ другъ Ушковъ. Въ данный моментъ, онъ представлялъ совершенную противоположность съ нами. Мы были угрюмы, онъ сіялъ восторгомъ и притомъ такъ, что даже вовсе не замѣтилъ нашей угрюмости. Еще снимая пальто, Ушковъ показывалъ намъ какія-то бумаги.

— Угадайте! угадайте! кричалъ онъ.

Но онъ не далъ намъ даже времени на угадываніе и, снявъ пальто, немедленно вручилъ каждому изъ насъ по большому лоскутку бумаги. Мы взглянули въ эти лоскутки и немедленно возликовали. Наше пламенное желаніе было исполнено. Уставъ общества, имѣвшаго цѣлью поощрять юныхъ сонногородцевъ, стремящихся достичь высшихъ предѣловъ просвѣщенія, былъ утвержденъ. Насъ приглашали завтра явиться на первое общее собраніе.

— Утвержденъ, утвержденъ! кричалъ Ушковъ, трепля насъ по плечамъ и размахивая шляпой.—Теперь пойдетъ!

Зайчиковъ чуть не прыгалъ отъ радости, несмотря на свои уже довольно почтенныя лѣта. Я улыбался.

— Да, почти нигдѣ нѣтъ такого общества! Превосходно, ура! кричалъ Зайчиковъ.

II.

Хотя мы явились на общее собраніе членовъ новаго общества очень рано, но застали ужъ много народа. Собраніе происходило въ залѣ одного изъ присутственныхъ мѣстъ. Огромный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, стоялъ среди зала и кругомъ весь былъ обставленъ стульями. Ревнители просвѣщенія тѣснились у стола, стояли кучками и ходили по залу.

Кого только не было. Судьи, прокуроры, чиновники всѣхъ вѣдомствъ, адвокаты, неслужащіе дворяне, дамы... Всѣ тѣ, которые вчера только тѣмъ и занимались, что пили и веселились всякими способами, сегодня вдругъ возревновали о просвѣщеніи и готовы были положить за него свою душу.

Само до сихъ поръ сумрачное сонногородское небо, кажется, израдовалось и прояснилось. Солнечные лучи весело врывались въ залъ и играли на позументѣ, которымъ было обшито сукно, покрывавшее столъ, на мебели, на довольныхъ, горѣвшихъ любовью къ просвѣщенію фізіономіяхъ сонногородцевъ. Веселый говоръ несся по залу. На всѣхъ устахъ было одно слово: просвѣщеніе.

Видя такое множество народа, слыша отовсюду самыя нѣжныя заботы о просвѣщеніи, мы съ Зайчиковымъ переглянулись торжествующимъ взглядомъ.

Генералъ Лейбницъ былъ въ числѣ ревнителей и разговаривалъ съ однимъ юнымъ сонногородцемъ. Я подошелъ къ нимъ.

— Какая прекрасная мысль учредить это общество! привѣтствовалъ меня генералъ и необыкновенно душевно пожалъ мнѣ руку.

Я не замедлилъ согласиться, а юноша даже ослабилъ.

— Да, прекрасная мысль, продолжалъ Лейбницъ.— Просвѣщеніе— великая вещь! Вездѣ, рѣшительно вездѣ... хоть бы на службѣ. Какая карьера!

Онъ нѣсколько времени говорилъ похвалу просвѣщенію, а мы слушали.

— Непремѣнно выберемъ васъ, заключилъ генералъ, обращаясь ко мнѣ.— Намъ нужны молодныя силы...

Немного помолчали, а потомъ я освѣдомился, не слыхатъ ли чего-нибудь на счетъ ревизіи, недавно бывшей въ управляемомъ Лейбницымъ учрежденіи. Генералъ отвѣтилъ отрицательно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы грустно. Но юный сонногородецъ вмѣшался въ нашъ разговоръ.

— Я видѣлъ вашего ревизора, сказалъ онъ и опять осклабился. — Иду мимо квартиры, а онъ сидитъ на окнѣ, разсматриваетъ какія-то бумаги и все качаетъ головой.

Ахъ, затѣмъ онъ только сказалъ это! Мнѣ стало даже жаль Лейбина. Онъ вдругъ перемѣнился въ лицѣ и глаза его заморгали. Но, странно! Мнѣ показалось, что этотъ трепеть гораздо больше идетъ къ лицу генералу, чѣмъ тотъ восторгъ, который онъ старался выражать, толкуя о просвѣщеніи.

— Вы говорите: смотрѣлъ бумаги и качалъ головой? привскочивъ на мѣстѣ затараторилъ Лейбинъ.

— Да, сидитъ на окнѣ, смотритъ бумаги и качаетъ, спойно отвѣчалъ юноша.

— Какія же бумаги? волнуясь, допрашивалъ Лейбинъ.

— Бумаги... ну, дѣла, въ печатныхъ обложкахъ, какъ у васъ въ судѣ.

Генералъ окидывалъ залъ испуганнымъ взглядомъ, но юноша остановился, и Лейбинъ живо оборотился къ нему.

— Ну, ну!

— Больше ничего... Переворачиваетъ листы и качаетъ головой.

— Однако, какъ качаетъ?

— Обыкновенно какъ... Вотъ такъ.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ примѣръ того, какъ ревизоръ качалъ головой и, улыбнувшись довольно весело, поправилъ свой галстукъ. Лейбинъ глядѣлъ кругомъ по залѣ, очевидно, отыскивая кого-то глазами.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ ходилъ по залу съ двумя своими сослуживцами и о чемъ-то таинственно сообщалъ имъ, указывая по временамъ на юношу, который, какъ ни въ чемъ не бывало, разсказывалъ мнѣ о вчерашнемъ спектаклѣ.

Но все-таки юношѣ пришлось еще одинъ разъ выдержать допросъ. Лейбинъ вернулся къ намъ со своими сослуживцами и опять началъ задавать вопросы.

Я отошелъ. Тотчасъ же мнѣ пришлось наткнуться на одну необыкновенно восторженную даму, Анну Ивановну.

— Какая мысль—это общество! Какая мысль! восклицала она и вся сіяла.

Такъ какъ у либеральнаго сонногородца душа всегда кипитъ восторгомъ, то и я не замедлил распространиться о просвѣщеніи.

— Непремѣнно, это ваша мысль! декламировала Анна Ивановна, закатывая глаза, а потомъ благодарно устремляя ихъ на меня.

Я поспѣшилъ заявить, что мысль устроить общество принадлежить, между прочимъ, важному сонногородцу Крышину.

— Онъ то же славный! Всѣ, всѣ, всѣ... славные! Но все равно, прибавила моя собесѣдница:—вы теперь возьметесь за это дѣло. Я... ахъ, я всѣми силами готова...

Я въ свою очередь благодарно улыбнулся.

— Я буду надобѣдать всѣмъ, просить у всѣхъ, продолжала Анна Ивановна, чуть не поднимая отъ восторга своихъ рукъ къ небу.— У меня много знакомыхъ. Только не знаю... У насъ такъ мало сочувствуютъ такимъ дѣламъ. Намъ больше интересуютъ другое.

Она начала было грустить, но дальнѣйшему разговору помѣшала Зайчиковъ, который увлекъ меня въ курильную комнату. Я сообщилъ о страхѣ, обнаруженномъ Лейбнымъ по поводу извѣстій о качайшейся головѣ ревизора. Зайчиковъ и присоединившійся къ намъ Ушковъ выслушали мой рассказъ и презрительно отнеслись къ генералу.

Пришелъ Крышинъ. Онъ только что явился на собраніе и былъ очень радъ, что не опоздалъ. Цѣлое утро, по его словамъ, онъ хлопоталъ по дѣламъ общества.

— Членовъ новыхъ нѣсколько завербовалъ, рассказывалъ онъ.— Въ банкѣ былъ. Обѣщали часть дивиденда отчислить въ кассу общества. Съ барынями толковалъ. Уговариваю ихъ дать спектакль въ пользу общества... Всѣ сочувствуютъ. Вотъ надо еще о концертѣ кой съ кѣмъ переговорить.

Онъ наскоро покурить и пошелъ въ залъ, мы послѣдовали туда же. Залъ чуть не совсѣмъ былъ полонъ.

— Отлично! радовался Крышинъ, осматриваясь блаженнымъ взглядомъ.

Мы склоняли въ знакъ согласія головы и весело улыбались. А народу все прибывало и прибывало. Дверь подъезда поминутно хлопала, впуская новыхъ и новыхъ ревнителей. Крышинъ ушелъ отъ насъ. Видно, что онъ дѣятельно хлопоталъ о концертѣ и горячо разговаривалъ съ дамами, распаля ихъ ревностью къ просвѣщенію.

Оглядывая залъ, я просто пришелъ въ изумленіе. Въ числѣ ревнителей оказался даже извѣстный проходимецъ Цвѣточкинъ, котораго я привыкъ видѣть на публичныхъ торгахъ, куда онъ аккуратно являлся всякій разъ и торговался съ единственной цѣлью получить отступное. Зайчиковъ тоже его замѣтилъ. Мнѣ вспомнилась судьба Цвѣточкина.

— Цѣловальникомъ недавно вѣдь былъ, имѣнъемъ управлялъ, наворовалъ денегъ, а вотъ теперь...

— Раньше этого еще лавсемъ былъ, трикнулъ головой Зайчиковъ.— Барина, говорятъ, до чиста ограбилъ.

— Правда ли?

— Вотъ-то! Только стѣить на него посмотрѣть.

Дѣйствительно, нужно было только взглянуть на фюзіонію Цвѣточкина и ужъ не сомнѣваться въ томъ, что онъ можетъ сдѣлать все. И теперь его глаза такъ и бѣгали по залу, какъ будто высматривая, нельзя ли чѣмъ-нибудь поживиться.

— А теперь поощряетъ просвѣщеніе, замѣтилъ я.

Зайчиковъ улыбнулся. Цвѣточкинъ увидалъ насъ и направился въ нашу сторону.

— И вы здѣсь? привѣтствовалъ его мой другъ.

Цвѣточкинъ пожалъ намъ руку и, почтительно изгибаясь, хихикалъ какииъ-то особеннымъ, гаденькимъ смѣхомъ.

— Какъ же, нельзя же-съ, отвѣтилъ они на слова Зайчикова.

— Отлично, отлично! одобрялъ тотъ.— Чѣмъ больше членовъ, тѣмъ лучше.

Цвѣточкинъ сталъ перебирать длинную, висѣвшую у него черезъ шею цѣпочку, причѣмъ сверкала на солнцѣ большими перстнями, украшавшими его пальцы.

— Я бы и не зналъ, докладывалъ онъ, умилно улабаясь и повременамъ продолжая хихикать.— Да вчера былъ по дѣлу у Ивана Сергѣича... Они мнѣ и сказали, просили непременно записаться.

— Это Крышинъ?

— Да-съ, Крышинъ, Иванъ Сергѣичъ.

Зайчиковъ взглянулъ на меня такъ, что въ глазахъ его я тотчасъ же прочелъ восторгъ и удивленіе передъ Крышиннымъ, а этотъ послѣдній продолжалъ хлопотать, переходя отъ одной барыни къ другой. Немного погодя, онъ суетливо пробѣжалъ мимо насъ.

— Все устроилъ. И концертъ, и спектакль будутъ. Еще балъ дать обѣщали, весело сообщилъ онъ.

Къ намъ подошли два землевладѣльца и черезъ нѣсколько времени въ нашей группѣ уже шелъ разговоръ о просвѣщеніи. Хотя землевладѣльцы не отрицали того, что просвѣщеніе полезно, но Зайчиковъ счелъ своимъ долгомъ какъ нельзя болѣе уяснить имъ этотъ вопросъ.

— Вамъ, господа, надо непременно помочь этому хорошему дѣлу, доказывалъ онъ. — Образованные люди нужны вездѣ, на всѣхъ поприщахъ. Вотъ хоть бы ученые агрономы... Недокуда же намъ разныхъ нѣмцевъ выписывать!

Землевладѣльцы согласились въ одинъ голосъ.

— Вы посмотрите-на, какъ дѣла Шалькова пошли! продолжалъ мой другъ.

— Петра Петровича? почтительно осведомился Цвѣточкинъ и послѣ утвердительнаго отвѣта вполне согласился съ Зайчицкимъ.

— А, между тѣмъ, имѣніе никакого почти дохода не давало, разъяснялъ послѣдній.—Теперь часть долга уплатилъ. А отчего? Новый управляющій. Самъ Шальковъ ничего въ хозяйствѣ не смыслить, да ему и не до того.

— Ему бы только въ карты, направо, налево, вставилъ одинъ изъ земцовъ и сдѣлалъ пояснительный жестъ рукой. — Недавно много проигралъ; говорятъ, семь тысячъ, таинственно прибавилъ онъ.

— Да, Шалькову теперь хорошо, заговорилъ другой земець.— Только поглядите, провертите онъ и это имѣніе. Уже два пропустилъ. Вонъ какія оранжереи заводитъ, какіе иры задаетъ, какая у него охота! То ли теперь время!

— И все-таки, еслибы побольше такихъ управляющихъ, какъ Павелъ Ивановичъ, фантазировалъ Зайчицковъ: — хорошо бы! Какъ бы народное хозяйство процвѣло!

Немного помолчали.

— Видѣлъ я недавно Павла Ивановича, началъ Цвѣточкинъ.— Кажется, невдоронъ.

— Такъ, хандрить, объяснилъ мой другъ.

— Что такъ? Или надоѣло? засмѣялся одинъ изъ земцовъ. — Обидно видно, что онъ трудится, а Шальвовъ только въ карточки поигрываетъ...

Помолчавъ немного, землевладѣлецъ слегка вздохнулъ и велѣлъ затѣмъ опять объявить, что «просвѣщеніе великое дѣло. Этимъ онъ положилъ основаніе къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ.

— Образованному вездѣ дорога открыта, добавилъ другой земець.

— Учиться только нынче долго, пожаловался Цвѣточкинъ.— Эта латынь, греческій...

— Зато хорошо потомъ, остановилъ его земець. — Капитала не надо оставлять дѣтямъ, а только дать образованіе...

— Конечно, весело согласился Зайчицковъ и одобрительно посмотрѣлъ на всѣхъ насъ.

Цвѣточкинъ, наведенный, вѣроятно, на новыя мысли упоминаніемъ о капиталѣ, вдругъ сообщилъ какую-то страстность нашему разговору.

— Дѣйствительно, никакого капитала не надо, воскликнулъ онъ.—Что капиталъ! Образованіе лучше. Вонъ недавно отсюда

уѣхалъ инженеръ Эспаньёкинъ. Пятнадцать тысячъ въ годъ съ желѣзной дороги одного жалованья взялъ, да шестьдесятъ неустойки, если раньше четырехъ лѣтъ откажутъ. Контрактъ заключилъ!

Хотя этотъ фактъ былъ всѣмъ извѣстенъ, но все-таки, при такомъ неопровержимомъ доказательствѣ важности просвѣщенія, глаза у всѣхъ заблестали.

— А отчего? продолжалъ Цвѣточкинъ, плотно глядя на насъ.— Инженеръ, образованъ— отъ этого! Развѣ намъ когда-нибудь этакъ... придется?

Онъ вдругъ замолчалъ, точно обрѣзалъ и началъ судорожно вертѣть перстень на своемъ указательномъ пальцѣ. Нѣсколько секундъ царило молчаніе. Только и слышно было порывистое дыханіе Цвѣточкина.

— Контрактъ! а вдругъ его какъ-нибудь въ первый же годъ нарушатъ! точно не своимъ голосомъ вскрикнулъ онъ и ужъ всѣмъ заворочалъ глазами.

— Сразу себя обезпечить! вырвалось у одного земца.

— Съ одного раза на всю жизнь! точно подчеркнул другой.

— Да развѣ одни инженеры, задыхался Цвѣточкинъ.— А адвокаты!

Землеуладѣльцы вразъ махнули рукой.

— О нихъ нечего и говорить, вымолвилъ одинъ.— Вонъ Плевако!.. По сту тысячъ хватаетъ.

— Одинъ ли онъ... Лохвицкій! дерутъ со всякаго!

— А доктора! Двѣсти рублей визитъ.

Начался самый восторженный панегирикъ просвѣщенію. Передъ этимъ панегирикомъ мои и Зайчикова ликованія и увлеченія не стоили ничего. Мы мямлили, распускали слюни, а здѣсь, въ этой похвальной пѣснѣ, человѣкъ участвовалъ всѣмъ своимъ существомъ. Мы ступевались. Цвѣточкинъ и землеуладѣльцы принялись кричать, махать руками, чуть не насакивали одинъ на другого, стараясь выставить самыя рельефныя доказательства того, насколько просвѣщеніе полезно. Буши, имела такъ и сыпались изъ ихъ устъ.

Звонокъ, раздавшійся въ залѣ, прервалъ нашу бесѣду. Цвѣточкинъ и землеуладѣльцы смолкли, но успокоились не вдругъ. Они были сильно взволнованы и продолжали нѣсколько времени звѣрообразно смотрѣть другъ на друга разгорѣвшимися глазами.

Я и Зайчиковъ бросились къ столу, куда со всѣхъ сторонъ спѣшили другіе ревнители просвѣщенія. Когда шумъ отъ передвиганія стульевъ смолкъ, кто-то нѣсколько секундъ говорилъ

тоже похвалу просвѣщенію, а затѣмъ насъ пригласили выбирать членовъ совѣта, имѣющаго управлять дѣлами общества.

На столѣ лежали карандаши, бумага. Способъ избранія былъ двойной: сначала по запискамъ, затѣмъ баллотировка тѣхъ, кто по запискамъ получилъ большее число голосовъ.

Всѣ принялись писать. Но процедура была слишкомъ длинна и скоро надоѣла. Послышались голоса недовольныхъ.

— Что въ самомъ дѣлѣ! Точно мы членовъ парламента выбираемъ! говорилъ кто-то подлѣ меня.

Но Зайчиковъ, усердно обдумывавшій, кого ему записать въ члены совѣта, сердился на то, что ему мѣшали.

— Такъ въ уставѣ, обернулся онъ.

— Ну, что уставъ! продолжалъ недовольный.—Выбрать кого-нибудь, да и только. Не все ли равно!

Наконецъ, записки были готовы и собраны. По повѣркѣ ихъ оказалось, что наибольшее число голосовъ получилъ Крышинъ. У Лейбна оказалось тоже много сторонниковъ. Онъ былъ польщенъ этимъ и довольный рассказывалъ по залу. Зайчиковъ и я особенно радовались несомнѣнному избранію Крышина, а онъ и теперь еще не унимался хлопотать, подбивая барынь на какіе-то новые подвиги.

Въ залѣ опять поднялся говоръ; принесли ящики, началась баллотировка. Первый на очереди былъ Крышинъ. Ревнители одинъ за другимъ потянулись въ ящикамъ. Я положилъ свой шаръ и ушелъ курить. Вдругъ въ курильную влетѣлъ Зайчиковъ. На немъ не было лица. Сердито онъ не отвелъ, а какъ-то отдернулъ меня въ сторону.

— Крышина забаллотировали, зашептавъ онъ.

Я удивился, а глаза Зайчикова такъ и метали молніи.

— Ну, что это такое! продолжалъ онъ нашептывать.—Подать за него столько голосовъ по запискамъ, и вдругъ... Не понимаю... Это кака-то интрига! Непремѣнно интрига!

Пошли въ залъ. Баллотировался Лейбинъ. Крышинъ сидѣлъ въ сторонѣ, уже не хлопоталъ и, замѣтно, былъ пораженъ. Мы положили свои шары и опять ушли въ курильную.

Вдругъ курильная огласилась веселымъ хохотомъ. Изъ зала сразу привалило много народа. Всѣ были необыкновенно веселы и заливались смѣхомъ.

— Удружили! подмигнувъ мнѣ кто-то.

— Что такое?

— Лейбину только пять бѣлыхъ, а по запискамъ чуть ли у него было не больше всѣхъ. Ха, ха!

Хохотъ усмирился.

— Ужасно недоволенъ. Подите, посмотрите, предложилъ мнѣ сообщившій о пораженіи генерала.

Многіе пошли смотрѣть на Лейбина. Зайчиковъ тоже ушелъ, но, конечно, не затѣмъ, чтобы потѣшаться надъ генераломъ. Мой другъ не могъ выносить смѣха, господствовавшаго въ курильной. Все это коробило его. Я пошелъ за нимъ.

Баллотировка шла своимъ чередомъ. Крышинъ, по прежнему, держался въ сторонѣ и былъ сумраченъ до-нельзя. На Лейбина поражение подѣйствовало тоже сильно. Онъ старался показать, что ему все равно и, разговаривая съ кѣмъ-то, ходилъ по залу, но по безпрестанному морганію глазъ и подергиванію всего тѣла видно было, что на душѣ у него не хорошо.

Наконецъ, баллотировка кончилась. Зайчикова немного утѣшило то, что я попалъ въ члены совѣта. Кромѣ меня, выбранными оказались двѣ дамы, въ томъ числѣ восторженная Анна Ивановна, а также два нашихъ пріятеля: Петровъ и Карповъ. Всѣ мы горѣли желаніемъ немедленно приступить къ дѣлу и порѣшили завтра же собраться и рассмотреть нѣкоторыя прессы. Анна Ивановна горячо пожала мнѣ руку.

— Какъ я рада, что мы съ вами! объявила она, мгновенно восторгаясь.

Ревнителі раскодились. Я тоже собирался идти и стоялъ на лѣстницѣ. Ко мнѣ подошелъ Лейбинъ. Онъ, по прежнему, еже-секундно моргалъ глазами и, весь подергиваясь, началъ торопливо шарить въ боковомъ карманѣ своего сюртука. Чего-то онъ искалъ, но не находилъ. Наконецъ, усилія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ держалъ въ рукѣ пятирублевую бумажку. Вѣроятно, онъ заранѣе приготовилъ ее и положилъ въ боковой карманъ.

— Я, обратился онъ ко мнѣ:—вношу слѣдующія съ меня въ общество деньги, но больше членомъ его не состою.

Онъ произнесъ эти слова церемонно и, съ достоинствомъ пожавъ мнѣ руку, удалился. Я взялъ пятирублевку и, самъ не зная почему, держалъ ее на виду, смотря вслѣдъ уходившему Лейбину. Многіе сонногородцы, проходя мимо, улыбались и даже подмигивали на удалявшагося генерала.

Его догналъ Крышинъ. Между ними начался оживленный разговоръ. О чемъ они говорили, въ подробностяхъ мнѣ было не слышно. Впрочемъ, догадаться нетрудно. Лейбинъ необыкновенно энергично доказывалъ что-то Крышину, упоминалъ часто объ оскорбленіи и, пожимая плечами, спрашивалъ, можно ли было чего-то ожидать. Нѣсколько секундъ тянулась между ними бесѣда, потомъ Крышинъ тоже подошелъ ко мнѣ и тоже вручилъ пятирублевку.

— Это мои деньги, сказалъ онъ, и увы! теперь на его лицѣ уже не читалось прежняго умиленія передъ просвѣщеніемъ. — Больше членомъ общества состоять не желаю и прошу исключить меня изъ списка.

Я вспомнилъ о томъ, какъ онъ хлопоталъ, чего могло ожидать отъ него общество, хотѣлъ было что-то сказать, но едва началъ, какъ Крышинъ жестомъ, недопускающимъ возраженій, остановилъ меня и также церемонно, какъ Лейбинъ, пожавъ мнѣ руку, удалился.

Онъ присоединился къ генералу, и они опять заговорили, слускаясь съ лѣстницы.

— А я было для нихъ... концерты, спектакли! объяснялъ Крышинъ. — Нѣтъ, еще рыломъ не вышли...

— Конечно, конечно, тараторилъ Лейбинъ.

Зайчиковъ былъ недалеко отъ меня и видѣлъ все. Мы пошли домой... Онъ былъ суровъ еще больше прежняго и про себя ругалъ тѣхъ, кто лишилъ просвѣщеніе такого великаго ревнителя, какъ Крышинъ.

III.

А мы все-таки ликовали, получивши возможность поощрять просвѣщеніе. Но это было тогда, въ дни блаженнаго легкомыслія. Теперь я нетолько не ликую, когда узнаю, что либеральные сонногородцы начинаютъ поощрять просвѣщеніе, но часто скорблю и испытываю страхъ за будущее. Иначе и быть не можетъ. Я очень хорошо знаю, что просвѣщенія сонногородцамъ ни въ какомъ случаѣ не поощрять ужъ по одному тому, что самое понятіе о просвѣщеніи у нихъ какое-то смутное. Мало того, я боюсь, что изъ этого поощренія получится какая-нибудь первосортная пакость.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое просвѣщеніе?

Цвѣточкинъ, по ограбленіи своего барина, сдѣлавшійся ревнителемъ просвѣщенія, обладалъ, по крайней мѣрѣ, строго опредѣленнымъ воззрѣніемъ на этотъ предметъ и, не стѣсняясь, его высказывалъ. Онъ предпочиталъ то просвѣщеніе, которымъ обладалъ инженеръ Эспаньѣлкинъ и благодаря которому, онъ, Эспаньѣлкинъ, рвалъ съ желѣзной дороги ежегодно по пятнадцати тысячъ, а при благоприятномъ стеченіи обстоятельствъ могъ сорвать и всѣ шестьдесятъ и потомъ опять рвать, рвать и рвать въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Цвѣточкинъ очень хорошо, такъ сказать, всѣмъ существомъ своимъ понималъ прелесть такого просвѣщенія («Сразу шестьдесятъ, а потомъ опять!»).
Т. ССХLII. — Отд. I.

тому онъ, всякій разъ когда заходила рѣчь объ Эспаньѣлкинѣ, дрожалъ и начиналъ лясать зубами. Несомнѣнно о такомъ именно, а не инакомъ просвѣщеніи Цвѣточкинѣ вдыхалъ, когда говорилъ, что ему пришлось учиться на мѣдныхъ деньги.

— Какое наше ученье, жаловался онъ.— Ахъ, еслибы да мнѣ настоящее образованіе...

Дѣйствительно, что было бы тогда? Если и не просвѣщенный свѣтомъ науки онъ дошелъ до такого благосостоянія, что въ вѣны минуты все-таки признавалъ, что «теперь, слава Богу, жить можно», то что бы было, получи онъ, Цвѣточкинѣ, «настоящее» образованіе? Для меня одно не подлежитъ сомнѣнію, что въ такомъ случаѣ Эспаньѣлкинѣ едвали бы былъ въ состояніи соперничать съ Цвѣточкинѣмъ.

Мы, либеральные сонногородцы, не имѣли такого строго опредѣленнаго воззрѣнія на просвѣщеніе. Что же мы разумѣли подъ этимъ понятіемъ?—я и самъ не знаю. Знаю только, что всякій разъ, когда заходила о немъ рѣчь, мы распускали слюни, млѣли и желали ему процвѣтанія. Разъ, когда я, не помню вслѣдствіе чего именно, задалъ Зайчикову вопросъ о томъ, что такое просвѣщеніе, онъ только удивленно посмотрѣлъ на меня. Сначала онъ подумалъ, что я шучу, но, вида, что я говорю совершенно серьезно, разсердился.

— Что такое просвѣщеніе! воскликнулъ онъ, схватывая перо поднося его къ моему носу. — Что такое перо? что такое бумага?... Охота вамъ языкъ чесать! заключилъ онъ, укоризненно покачавъ головой, и величественно замолкъ.

Конечно, мой другъ уклонялся отъ подобнаго рода разговоръ единственно потому, что, по его мнѣнію, слишкомъ глупо было говорить о такихъ вполне извѣстныхъ предметахъ. Однако, нѣсколько разъ во время нашихъ млѣній и восторговъ онъ высказывался, для чего намъ потребно просвѣщеніе.

— Людей намъ хорошихъ надо побольше, мечталъ онъ: — съ твердыми убѣжденіями, съ честными стремленіями. Ахъ, еслибы наше «общество для поощренія просвѣщенія» пошло!...

Людей съ убѣжденіями и стремленіями побольше!

Несомнѣнно, даже и теперь въ Сонногородскѣ просвѣщенныхъ людей много. Мы не только не отрицали, но вполне признавали это. Хотя бы тотъ же Эспаньѣлкинѣ... Конечно, онъ просвѣщенъ. Но главное доказательство присущаго ему просвѣщенія мы видѣли вовсе не въ томъ, что онъ рвалъ очень хорошіе куски. По нашему, онъ былъ просвѣщенъ потому во-первыхъ, что у него былъ документъ, который свидѣтельствовалъ объ этомъ. Кромѣ того, онъ былъ просвѣщенъ, ибо могъ говорить о

разныхъ высокихъ матеріяхъ и читалъ хорошія книги. Но передъ просвѣщеніемъ Эспаньёлкина мы не преклонялись такъ, какъ преклонялся Цвѣточкинъ. Въ нашихъ глазахъ, однаково съ Эспаньёлкинымъ были просвѣщены и прочіе сонногородскіе инженеры, хотя врать огромные куски имъ еще не подошло случая. Просвѣщены были также чиновники и другіихъ вѣдомствъ какъ напримѣръ Коровкинъ, который самъ себя считалъ и всѣ его признавали за литератора и даже за ученаго, ибо онъ составилъ и издавалъ сборникъ, имѣвшій руководить курьеровъ и сторожей присутственныхъ мѣстъ при исполненіи служебныхъ обязанностей...

Однако, всѣми этими людьми мы были недовольны, а Зайчиковъ подчасъ даже горько жаловался на нихъ. Въ ихъ просвѣщеніи чего то недоставало... чего именно? Жалобы Зайчикова формулировались иногда слѣдующимъ образомъ:

— Ну, что Эспаньёлкинъ! говорилъ мой другъ. — Конечно, онъ образованъ, и можно сказать ученъ. Постоянно надъ книгами сидитъ, въ Америку съ научной цѣлью ѣздилъ. А сталъ я ему недавно говорить о той фермѣ, которую вы намѣрены открыть въ Одуевѣ—слушалъ, но сейчасъ видно, только изъ одного приличія. Когда-то были стремленія, убѣжденія... гдѣ они?

У Эспаньёлкина не было стремленія облагодѣтельствовать родъ человѣческой, а Зайчиковъ именно жалалъ людей съ такими стремленіями и твердыми убѣжденіями.

Но я положительно не понимаю, для чего намъ были такіе люди и какъ бы они стали жить въ Сонногородскѣ, по рецепту Зайчикова. Не понимаю я этого, потому что мнѣ припоминается немало случаевъ, которые никакъ не вяжутся съ отличными отъ сонногородскихъ убѣжденіями. Возьмемъ изъ этихъ случаевъ самый простой.

— Что это вы? съ ужасомъ восклицалъ однажды Зайчиковъ, видя, что одна изъ нашихъ знакомыхъ вдругъ взяла да обрѣзала свои волосы.

— Такъ удобнѣе, отвѣчала та и, ничего не подозревая, весело потрачивала своей головой.

Зайчиковъ, какъ помню, чуть не воздвѣвалъ къ небу свои руки.

— Къ чему, къ чему! Что стануть говорить о васъ!

— Пусть говорятъ.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ осложнять жизни! Послушайте меня, пожалуйста, ласково начиналъ упрашивать онъ:—надѣньте шиньонъ. Вы вѣдь идете къ директору просить о мѣстѣ учительницы. Право, надѣньте.

— Да вѣдь прическа—пустяки!

*

— Конечно, пустяки. Развѣ я этого не знаю. А вотъ другіе не такъ думаютъ, не такъ смотрятъ. Зачѣмъ вооружать противъ себя, зачѣмъ создавать осложненія!

Говорю, я взялъ простой и часто повторявшійся случай. Если подобнаго рода разговоры происходили по поводу волосъ, то чего же можно было ожидать по другимъ гораздо болѣе важнымъ вопросамъ. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ, осложненіе, по мнѣнію самого Зайчкова, было еще возможно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда чьи либо убѣжденія не подходили къ сонногородскимъ, надо было тоже принимать свои мѣры, лицезѣрить, лгать, подличать и избѣгать всякими способами осложненій. Къ чему, въ такомъ случаѣ, какія нибудь особенныя убѣжденія и могъ ли человѣкъ, обладавшій ими, жить по рецепту моего друга?

Изъ всѣхъ либеральныхъ сонногородцевъ особеннымъ почтеніемъ пользовался у Зайчкова Павелъ Ивановичъ, тотъ самый, который управлялъ имѣніемъ Шалькова.

— Вотъ человѣкъ! говорилъ о немъ мой другъ. — Фантазія у него нѣтъ... Дѣлаетъ свое дѣло, не большое, да настоящее дѣло.

Разъ кто-то засмѣялся во время этихъ восхваленій. Зайчкову показалось, что смѣются надъ превозносимымъ имъ «настоящимъ дѣломъ», и онъ началъ говорить особенно сильно, подчеркивая свои слова.

— Да, настоящее дѣло. Оно не велико, да лучше чѣмъ какія-нибудь фантазіи. Посмотрите-ка, какъ онъ устроилъ теперь Шалькову имѣніе.

Пошли перечисленія доблестей Павла Ивановича, въ концѣ которыхъ оказывалось, что, благодаря трудамъ своего ученаго управляющаго, Шальковъ игралъ и кутилъ на пропалую, и недавно задумалъ воздвигнуть въ Сонногородскѣ чуть не палаццо.

Однимъ словомъ, Павелъ Ивановичъ былъ настоящій человѣкъ, и вотъ еслибы такими людьми намъ удалось, при помощи просвѣщенія, населить Сонногородскую Губернію, то, конечно, благоденствіе не замедлило бы разлиться по всѣмъ ея градамъ и весямъ. Всякій изъ этихъ людей непремѣнно бы занимался какимъ нибудь «настоящимъ» дѣломъ. Одни бы управляли имѣніями Шальковыхъ, другіе бы строили палаццо Шальковымъ, третьи заботились объ ихъ здоровьи, объ ихъ безопасности и т. д. Въ свободное отъ прямыхъ обязанностей время, всѣ эти трудящіеся на пользу и удовольствіе Шальковыхъ лица разсуждали бы о фермахъ, школахъ и даже заводили бы ихъ въ имѣніяхъ своихъ принципаловъ. Объ осложненіяхъ, конечно, не поднималось бы и рѣчи.

Конечно, мой другъ прямо не высказывалъ этого, но несом-

нѣвно, что при помощи просвѣщенія онъ желалъ дойти до такого положенія дѣлъ. Можно было имѣть какія угодно убѣжденія, но, памятуя изрѣченіе: «съ волками жить по волчьему выть», слѣдовало эти убѣжденія имѣть про себя; если они грозятъ опасностью осложненій.

Но какъ бы мы глубоко ни вѣрили въ несомнѣнные достоинства Павла Ивановича, я думаю намъ все-таки не пришлось бы населить Сонногородскую Губернію исключительно людьми его типа. Конечно, благодаря нашему поощренію, Павловъ Ивановичей явилось бы больше, чѣмъ теперь, и дѣла Шальковыхъ процвѣли бы такъ, что въ нашемъ клубѣ столы постоянно были бы покрыты горами кредитокъ... Да, все это несомнѣнно бы случилось, ибо развести многое множество Павловъ Ивановичей—это тоже самое, что сказать Шальковымъ: «пейте, ѣшьте, веселитесь» и доставить имъ средства для выполненія этой программы.

Помню, я легъ на засѣданіе совѣта въ полномъ восторгѣ. Но, проходя мимо дома моего сотрудника по части просвѣщенія, Карпова, я былъ неприятно пораженъ тѣмъ, что онъ не только не стѣсняясь исполнить свой долгъ, но въ открытое окно слышно было, что онъ необыкновенно энергично доказывалъ что то относительно короля самъ-другъ.

Взглянувъ въ окно съ тротуара, я увидалъ, что Карповъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ сонногородцевъ былъ погруженъ въ карты.

— Идите, пригласилъ я его, объяснивъ, что насъ, вѣроятно, ужъ дожидаются.

— Некогда. Куда я пойду? Видите (онъ указалъ на столъ и своихъ партнеровъ).

— Однако, какъ же... безъ васъ...?

— Экая бѣда! возгласилъ Карповъ.—Судебное засѣданіе что ли какое. Порѣшите какъ нибудь безъ меня. Я потомъ подпишу. Все равно.

— Неловко.

— Полноте, махнулъ рукой Карповъ и началъ сдавать карты.—Вы, пожалуйста, и потомъ никогда меня не дожидайтесь.

Пришлось идти одному къ Аннѣ Ивановнѣ, гдѣ было предложено собраться. Прочіе члены были на лицо. Анна Ивановна восторженно порхала по комнатамъ и радостно привѣтствовала меня.

— Еще десять членовъ завербовала, объявила она. — Только не повѣрите, какъ это трудно. Ахъ, мы совсѣмъ не о томъ думаемъ!..

— Александръ Александровичъ рубль сдачи сегодня потребо-

валъ, присовокупила другой членъ-дама, Юлія Николаевна: — шести рублей подписать не могъ.

— Такой-то бораты! На что-нибудь другое мы денегъ не жалѣемъ, многозначительно замѣтила хозяйка и опустилась было въ кресло, но умолкла не на долго. — Слышали? вдругъ заговорила она. — Это ужасно!

Оказалось, что относительно нашего общества уже явились въ городѣ разныя сплетни. Наше избраніе объясняли разными интригами и обвиняли насъ въ разныхъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ для этого. Слухи эти распускались Крышинымъ и Лейбинымъ. При этомъ оказалось, что послѣдній очень недоволенъ, если кто-либо изъ его сослуживцевъ вступалъ въ члены общества.

— Впрочемъ, Богъ съ ними, какъ-то всепрощающе махнула рукой Анна Ивановна въ заключеніе своего разсказа. — Пора начинать.

Въ сосѣдней комнатѣ все было приготовлено для засѣданія. Къ большому столу придвинуто нѣсколько креселъ. На столѣ разложены перья, бумага, поставлены чернильницы. Перешли въ эту комнату и усѣлись. Лицо Анны Ивановны приняло серьезное выраженіе. Юлія Николаевна тоже задумалась.

Хотѣли было немедленно приступить къ рассмотрѣнію поступившихъ въ общество прошеній, но вдругъ вспомнили, что еще не избрали предсѣдателя. Занялись этимъ. Предсѣдательство единогласно было предложено Аннѣ Ивановнѣ, но она энергически отказалась, заявивъ, что никакихъ отличій не ищетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, благодарю васъ, говорила она. — Я желаю быть послѣдней между вами. И такъ ужъ говорять...

Мы попробовали упрасивать, но Анна Ивановна стояла на своемъ.

— Не просите. Я и такъ готова хлопотать для общества. Пожалуйста. Вотъ Юлія Николаевна принимаетъ такое участіе.. Будемъ просить ее.

Юлія Николаевна тоже отказалась. Послѣ долгихъ разсужденій и упрасиванія, избрали Петрова.

Приступили къ дѣлу.

— А! Пыхачевъ! обрадовался я. Дѣйствительно, несмотря на торжественность минуты, мнѣ стало чуть не смѣшно, когда я узналъ, что поощрить надо было не кого иного, какъ хорошо извѣстнаго мнѣ Пыхачева.

— Вы его знаете? весело отнеслась ко мнѣ Анна Ивановна.

— Еще бы!

— Какой прекрасный молодой человѣкъ!

Я засмѣялся.

— Что вы? спросила Анна Ивановна.

— Ну, полноте! Какой же онъ прекрасный! Знаете, господа, отнесся я ко всѣмъ членамъ, продолжая смѣяться.— Пыхачевъ всѣ науки называетъ почему-то философией и находить, что набивать ими голову глупо. По его словамъ, ему потомъ деньги за физиономію платить будутъ.

Всѣ засмѣялись. Анна Ивановна какъ будто обидѣлась.

— Это неправда, сухо произнесла она.—Его не любятъ товарищи и вѣроятно наговорили вамъ.

Но я послѣднимъ увѣрить свою собесѣдницу, что слышалъ всѣ эти сужденія отъ самого Пыхачева. Анна Ивановна что то возразила мнѣ. Между нами завязался споръ о достоинствахъ прекраснаго молодого человѣка. Остальные члены наши этотъ споръ неумѣстнымъ и вѣжливо вмѣшались въ него.

— Однако, помочь мы ему должны, слышались голоса.—Онъ нуждается, это доказано. Сколько онъ просить? Полтораста?

Анна Ивановна дѣятельно стояла за Пыхачева.

— Да, онъ очень нуждается, говорила она.—Мнѣ это извѣстно. Право, вамъ на него наговорили, отнеслась она ко мнѣ. — Посмотрите, какой онъ будетъ прекрасный докторъ.

Однако, всѣмъ показалось, что 150 р. дать Пыхачеву нельзя. Денегъ было немного. Но когда попробовали заговорить о томъ, что можно дать и меньше, Анна Ивановна очень мило надула губки и начала весьма недовольно перебирать лежавшія на столѣ бумаги. Замѣтивъ это, мы скоро порѣшили съ вопросомъ о Пыхачевѣ. Просьба его была уважена вполне.

Перешли къ другому прошенію и съ этимъ тоже покончили безъ споровъ. Всѣ въ одинъ голосъ признали, что Степанову непременно надо оказать помощь.

— Онъ такой, право, начала Анна Ивановна, но затруднилась опредѣлить какой именно Степановъ.

— Жалкій, подсказала Юлія Николаевна.

— Да, именно. Говорять, у него вовсе нѣтъ способностей.

— Какъ нибудь кончить.

— Получить ли потомъ мѣсто?

Я послѣднимъ заявилъ, что Степанову, который долженъ былъ кончить курсъ черезъ годъ, обѣщано уже мѣсто, кажется, Лейб-нымъ.

На очереди была просьба Павлова. Его никто не зналъ, но за него ходатайствовала Юлія Николаевна.

— Его мать живетъ у моихъ знакомыхъ, объяснила она. — Надоѣла мнѣ ужасно, все просить за сына. Пожалуйте, какъ-нибудь сдѣлайте. Избавьте меня...

Конечно, просьбу Павлова уважили. Осталась одна просьба Дмитриевой, той самой, на которую указывалъ мнѣ Зайчиковъ, какъ на пренебрегающую общественнымъ мнѣніемъ. Дмитриева хотѣла ѣхать на медицинскіе курсы и просила пособія.

— Это изъ тѣхъ, которыя бібліотеку держать? освѣдомилась Анна Ивановна.

— Да.

Она откинулась на спинку стула и принялась играть карандашемъ.

— Какъ хотите, говорила она.—Но ихъ направленіе... Удобно ли будетъ для нашего общества оказывать помощь такимъ лицамъ, не посмотрять ли на это какъ-нибудь...

— Значить, вы противъ? спросилъ кто-то.

Анна Ивановна встрепенулась.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, оживленно заговорила она.—Ради Бога, не думайте этого. Я никому не хочу становиться поперекъ дороги.

Юлія Николаевна тоже какъ бы поколебалась и нѣсколько разъ повторила: «да, ихъ направленіе!»

— Держать себя странно, размышляла Анна Ивановна.— А впрочемъ, это не наше дѣло. Богъ съ ними.

Всѣ молчали. Мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль. Я предложилъ отложить разсмотрѣніе прошенія Дмитриевой и внести его на разрѣшеніе общаго собранія членовъ. Всѣ обрадовались и согласились.

— Вотъ и отлично, говорилъ кто-то.—Такъ гораздо лучше.

— Конечно. И такъ о насъ говорятъ, а дай пособіе Дмитриевой, еще больше говорить будутъ.

Засѣданіе было кончено. Стали подписывать постановленіе о томъ, кому и сколько выдать. Анна Ивановна никакъ не хотѣла подписываться прежде меня.

— Ахъ, нѣтъ, я послѣ всѣхъ, говорила она, отстраняя отъ себя перо, которое я протягивалъ ей.— Я меньше всѣхъ приношу обществу пользы.

Посмѣялись. Однако, Анна Ивановна настояла на своемъ и подписалась послѣдней. Стали расходиться и опять порадовались.

— Вотъ и отлично, говорили всѣ.—Троишь помогли.

IV.

Отъ Анны Ивановны я немедленно отправился къ Зайчикову съ цѣлью отпороговать о всемъ происходившемъ въ засѣданіи совѣта.

. Назначеніемъ пособія Пыхачеву мой другъ былъ недоволенъ, но единственно только потому, что, по его предположеніямъ, у Пыхачева должны быть средства.

— У него прекрасные уроки, говорилъ Зайчиковъ.— Анна Ивановна отрекомендовала его многимъ знакомымъ. Очень можетъ быть, впрочемъ, что онъ нуждается. Въ карты онъ сильно играть.

Я возразилъ, что едва ли Пыхачевъ сталъ бы просить пособія, еслибы у него что-либо было, но Зайчиковъ только засвисталъ въ отвѣтъ.

— Видно, вы его плохо знаете, сказалъ онъ, переставши свистать. — Вѣдь это такой человѣкъ, что прелестъ.. Впрочемъ, прибавилъ онъ, помолчавъ:— не дать было нельзя. Сами говорите, что Анна Ивановна за него просила. Къ чему сердать ее, когда она можетъ быть полезна для общества.

Зато назначеніемъ пособія Степанову мой другъ былъ доволенъ какъ нельзя больше.

— Этому нельзя не помочь, разсуждалъ онъ. — Вполнѣ обязанъ Богомъ. Ему безъ пособія и курса не кончить. Самъ ничего себѣ добыть не въ состояніи. А кончи, все же потомъ какъ-нибудь въ члены суда проберется.

Я сообщилъ, что Степанову уже обѣщано мѣсто въ здѣшнемъ судѣ. Зайчиковъ одобрительно тряхнулъ головой.

— Помощника секретаря, говорите? Это по немъ. Настоящій секретарь, вполнѣ по новымъ порядкамъ, изъ послушанія не выйдетъ. Какъ прикажутъ, такъ и сдѣлаетъ.

— Да, парень недалекій.

— Ну, протоколъ все-таки вести какъ-нибудь сумѣетъ.

Онъ помолчалъ и потомъ вдругъ весело засмѣялся.

— Только замуштруетъ его Степанъ Степанычъ Лейбинъ, пришло ему въ голову.— Всѣмъ своимъ штукамъ его внучить: какъ ревизорамъ угождать надо, какъ на заднихъ лапкахъ ходить, всему... Павлова я тоже знаю. Тотъ не то, что Степановъ. Тотъ желѣзныя дороги будетъ строить. Онъ и сейчасъ управляющимъ дорогой выглядеть.

— Развѣ?

— О-о! Недавно какъ-то онъ со мной разговаривалъ объ одномъ изъ своихъ товарищей. Удивляться надо, какъ онъ всѣ эти штуки ужъ теперь хорошо понимаетъ. Прелестъ! Назначили, видите ли, его товарища на службу куда-то далеко. Ну, Павловъ и разъясняетъ мнѣ, что служить тамъ его товарищъ долго не станетъ. Наживетъ, говорить, капиталъ—и назадъ. И какъ важно, досконально разъяснилъ. Дадутъ, говорить, ему коман-

дировку съ известной цѣлью, назначать произвести исследованія, денегъ выдадутъ, положимъ, на 300 рабочихъ, а онъ со ста человѣками это сдѣлаетъ. Лишнее—его. Года въ два-три, глядишь, капитадецъ. Рассказываетъ и какъ ни въ чемъ не бывало.

— Удивительно.

— Я тоже удивился. Ужъ теперь въ немъ этотъ духъ. Учатъ ихъ этому, что-ли...

Немного погода, Зайчиковъ опять вернулся къ Степанову.

— Этому ужъ прямо вы благодѣяніе сдѣлали, весело сказалъ онъ.—Вотъ видите, и недавно существуетъ наше общество, а результаты его дѣятельности видны. Благое дѣло!

Самъ не знаю, вслѣдствіе чего именно, но только вдругъ мнѣ въ голову пришли наши мечты и восторги. Думали мы двинуть просвѣщеніе, чуть не создать новые Афины, а вмѣсто того...

— Что же, стало быть, мы секретарей плодить станемъ для Лейбина? совершенно неожиданно даже для самого себя вдругъ выпалилъ я.

Зайчиковъ остановился противъ меня, и нѣсколько времени стоялъ точно ошеломленный.

— Да, секретарей... для Лейбина, продолжалъ я.—А онъ ихъ потомъ по-своему будетъ обрабатывать. Павловыхъ на дорогу станемъ выводить?.. Отлично.

Зайчиковъ еще нѣсколько секундъ молча посмотрѣлъ на меня и вдругъ язвительно улыбнулся.

— Да вамъ-то что же надо? чуть не закричалъ онъ.—Вы, кажется, ужъ и образованіе отрицать начали?

Я удивился.

— По вашему, учиться, значитъ, не надо, продолжалъ, между тѣмъ, мой другъ.—Фу ты, Боже мой! Въ образованныхъ чиновникахъ, въ инженерахъ никакой нужды нѣтъ!

Я сидѣлъ и молчалъ.

— Пожалуйста, вы меня не сердите, произнесъ онъ, вида, что вскочившая на меня дурь больше не проявляется.—Хорошій вы человѣкъ, только вотъ по временамъ на васъ, извините, что-то такое странное... находятъ. Помните, мы какъ-то говорили съ вами о Надеждѣ Александровнѣ, насчетъ ея отношеній къ Николаеву?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Опять встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ на улицѣ. Смотрите, непременно, что-нибудь сочинять и она лишится школы. Надо, непременно надо предупредить ее. Она, кажется, немного увлеклась имъ. Неопытна, ничего не понимаетъ. Представьте себѣ,

нигла неосторожность какъ-то даже зайти къ нему. Ну, возможно ли здѣсь это!

Я согласился, что невозможно.

— Конечно, мы съ вами поймемъ, что ничего тутъ особеннаго нѣтъ, продолжалъ мой другъ: — ну, а прочіе?.. что они подумаютъ? Къ чему осложнять свою жизнь... Надо поговорить съ Надеждой Александровной. Непремѣнно надо поговорить.

— Удобно ли намъ мѣшаться въ ея дѣла? робко замѣтилъ я; но Зайчиковъ не далъ мнѣ кончить.

— Странно! Она, можетъ быть, сама не понимаетъ того, что дѣлаетъ. Я думаю, не только нѣтъ ничего неловкаго, но, напротивъ, мы обязаны, нашъ долгъ — предупредить ее.

Зайчиковъ распространился опять о возможности лишиться школы и, черезъ нѣсколько минутъ, я не только не сомнѣвался въ томъ, что Надежду Александровну надо предупредить о высшей необдуманности ея поведенія, но взялъ даже на себя эти переговоры. Мой другъ съ удовольствіемъ согласился на это. Онъ очень мало былъ знакомъ съ Надеждой Александровной. Положимъ, и я познакомился съ нею недавно, но, во всякомъ случаѣ, видался съ нею больше Зайчикова. Впрочемъ, много ли, мало ли мы были знакомы съ нею, это обстоятельство не имѣло особеннаго значенія. Мы дѣйствовали для ея пользы...

Я остался у Зайчикова, такъ какъ Надежда Александровна хотѣла быть у него въ этотъ день и такимъ образомъ представлялся самый удобный случай переговорить съ нею.

— Да, вспомнилъ мой другъ, когда вопросъ о переговорахъ съ Надеждой Александровной былъ конченъ. — А я сегодня доброе дѣло сдѣлалъ.

Оказалось, что у Зайчикова была наша общая знакомая Гаврилова и изъявила желаніе поступить въ сельскія учительницы.

— Плохая изъ нея будетъ учительница, замѣтилъ я. — Нисколько не развита, ханжа...

Мой другъ совершенно согласился со мной.

— Конечно, сказалъ онъ. — А все же хорошо, что человѣкъ надумался самъ себѣ хлѣбъ зарабатывать. Я ужъ ей и мѣсто назначилъ... Ничего, учить читать-писать она въ состояніи.

Онъ помолчалъ нѣсколько секундъ, какъ будто думалъ о чемъ-то и потомъ прибавилъ.

— Да и какъ не дать ей мѣста? жаль.. Средствъ у нея никакихъ нѣтъ. Не съ голоду же умирать.

Явилась дочь Зайчикова и съ нею двѣ барышни. Начался самый оживленный разговоръ. Барышни усѣлись къ столу и болтали безъ умолку, стремясь превзойти другъ друга по части

благихъ намѣреній. Зайчиковъ, конечно, тотчасъ же сообщилъ имъ о Гавриловой. Барышни возрадовались и объявили въ одинъ голосъ, что теперь такое время, когда всѣ должны жить своимъ трудомъ.

— Чувствовать себя ни отъ кого независимой, мечтательно добавила одна изъ нихъ, Ольга Петровна.—Ахъ это такое счастье!

— Именно счастье! Знать, что не просто коптишь небо, а приносишь и пользу... Жаль, что еще не всѣ у насъ понимаютъ это, скорбѣлъ Зайчиковъ.—Вотъ Клавдія Васильевна. Она живетъ вполне...

Ольга Петровна умилилась и объявила, что она только что встрѣтила Клавдію Васильевну.

— Навѣрное идетъ на урокъ? спросилъ мой другъ.

Ольга Петровна подтвердила.

— Тамъ и есть! цѣлый день занята, умилился Зайчиковъ.

— Труженица, человекъ дѣла вполне... Еслибы всѣ женщины походили на нее!

— А отлично пошли ее дѣла, замѣтила Ольга Петровна послѣ нѣсколькихъ секундъ молчавія, навѣянаго послѣдними словами моего друга.

— Да, во всѣхъ домахъ теперь одна она. Она сумѣла очень хорошо себя поставить. Нивакихъ слетней о ней, ничего...

— Сегодня она говорила, что ее пригласили къ Кондратьевымъ учить музыкѣ m-lle Marie. У Сидоровыхъ, Егоровыхъ стала учить танцамъ....

— Вотъ о чемъ, господа, намъ надо подумать, предложилъ Зайчиковъ, когда кончились восхваленія Клавдіи Васильевны.— Не мѣшало бы намъ устроить литературные вечера.

Всѣ съ восторгомъ приняли эту мысль, а барышни даже покраснѣли отъ восхищенія и, сложивъ на колѣнахъ руки, обратились въ слухъ и вниманіе.

— Будемъ иногда читать, но я думаю лучше всего будетъ, если мы сами будемъ писать чтонибудь и затѣмъ читать на такихъ вечерахъ, заявилъ Зайчиковъ свое предложеніе.—Право, будетъ отлично. Вотъ соберитесь какънибудь, да обсудимъ это какъ слѣдуетъ.

Предложеніе было принято съ удовольствіемъ; но однихъ литературныхъ вечеровъ показалось мало. Одна изъ барышень, не Ольга Петровна, а другая, Наталья Николаевна, пошла еще дальше.

— Я вотъ давно думаю устроить мастерскую, начала она, и отъ волненія, охватившаго ее, даже слегка законфузилась.—Чтобы самимъ зарабатывать деньги...

— Вот мысль! прекрасно! одобрилъ Зайчиковъ.—Однако, что же вы станете дѣлать? какая будетъ мастерская?

Наталья Николаевна объявила, что этотъ вопросъ еще не рѣшенъ окончательно, но что у нихъ есть нѣсколько предположеній относительно того, какая будетъ мастерская.

Во время этого разговора, явилась Надежда Александровна. Зайчиковъ обрадовался и немедленно началъ посвящать ее въ предположенія на счетъ литературныхъ вечеровъ и мастерской. Но Надежда Александровна слушала разсѣянно, перелистывая какую-то книгу.

— Что это? а! басни Крылова! опасная книга, шуточно произнесъ Зайчиковъ, покончивъ свои сообщенія.

— Какъ такъ? удивилась Надежда Александровна.

Зайчиковъ совсѣмъ засмѣялся.

— Очень опасная. Да. Вотъ недавно нашъ директоръ прѣхалъ въ школу и увидалъ, что ученицы читаютъ «Жучка и Барбось»... Знаете: «дворовый старый лещъ, Барбось, который службу барскую» и т. д. Не велѣлъ читать и, кромѣ того, распорядился, чтобы еще нѣкоторые басни не показывать ученицамъ....

Всѣ удивились.

— Направленіе ихъ опасное, пояснилъ Зайчиковъ.—Дѣтиямъ нельзя давать читать ихъ. Каковы у насъ педагоги!

Начали негодовать по поводу директора.

— Что это вы? отнесся мой другъ къ Надеждѣ Александровнѣ, замѣтивъ, что она безпрестанно поглядываетъ на часы. Надежда Александровна объявила, что ей надо торопиться домой. Зайчиковъ выразительно взглянулъ на меня, какъ бы говоря, что время дорого.

Точно нагрѣхъ, немного погодя, я остался вдвоемъ съ нею. Барышни и Зайчиковъ, разсуждая о мастерской и литературныхъ вечерахъ, ушли въ садъ. Надежда Александровна, попрежнему, перебирала листы книги. Изрѣдка она перебрасывалась со мной отдѣльными словами, но по ея лицу сейчасъ было замѣтно, что ея мысли гдѣ-то далеко.

Я рѣшился немедленно приступить къ дѣлу. Она что-то спросила меня, но я, кажется, вовсе не отвѣтилъ ей, и, пріободрясь на своемъ мѣстѣ, объявилъ, что намъ надо переговорить.

— Объ очень важномъ, близко касающемся васъ вопросѣ, Надежда Александровна, пояснилъ я.

Она какъ будто удивилась, отложила книгу и приготовилась слушать.

— Вы поступаете очень неосторожно, выпалилъ я.— Зачѣмъ вы вооружаете противъ себя общественное мнѣніе?

Эти слова я очень хорошо помню, и помню, что она совсѣмъ удивленно посмотрѣла на меня. Она хотѣла что-то сказать, но говорить ей я не далъ. Я понесся дальше, какъ ураганъ. Благія намѣренія, расположеніе къ Надеждѣ Александровнѣ заговорили во мнѣ. Теперь я не въ состояніи припомнить всего, что я говорилъ въ то время. Это была какая-то восторженная, пламенная импровизація, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть восстановлена въ томъ видѣ, въ какомъ она вырвалась подъ вліяніемъ всего, что воодушевляло меня въ ту минуту.. Я говорилъ такъ, какъ не говорилъ никогда. Я говорилъ объ ужасѣ частныхъ гуляній съ Николаевымъ, вызывалъ страшный образъ общественнаго мнѣнія; говорилъ о неосложненіи жизни, страшалъ неминуемой опасностью лишиться школы, а слѣдовательно и возможности работать на пользу общества. Однимъ словомъ, я металъ громъ и молніи.

Мнѣ помнится, что еще чуть-ли не въ самомъ началѣ моей рѣчи, когда я заговорилъ о частныхъ прогулкахъ съ Николаевымъ, Надежда Александровна вдругъ встрепенулась. Она быстро выпрямилась на своемъ мѣстѣ и рѣзко повернулась ко мнѣ. Но это продолжалось только одно мгновеніе. Почти тотчасъ же она отенулась назадъ, прижалась къ спинкѣ кресла и стала слушать меня. Она глядѣла на меня широко раскрытыми глазами и молчала. Тогда, замѣтивъ порывистое движеніе Надежды Александровны, я подумалъ, что рѣчь моя производитъ свое дѣйствіе, но это было не то.

Она сидѣла молча, а я все больше и больше воодушевлялся. Мнѣ казалось, что надо спасти эту неопытную дѣвушку, что я успеваю въ этомъ, и входилъ въ какой-то ражъ.

Зайчиковъ на секунду мелькнулъ въ комнатѣ, но тотчасъ же скрылся. Онъ, должно быть, увидалъ мою воодушевленную фигуру и остался доволенъ. Я даже не посмотрѣлъ на него.

Я несся впередъ, а Надежда Александровна все пролжала сидѣть и молча смотрѣть на меня. Вотъ я напалъ на Николаева, по частямъ разобралъ его душу, осмѣялъ его убѣжденія, презрительно отнесся къ нему. Я недоумѣвалъ, можно ли полюбить такого человѣка и... Немного погодя, поднявшись съ своего мѣста, чуть не сквативъ Надежду Александровну за руку (она отвела ее), я спрашивалъ ее, не заблуждается ли она въ своихъ чувствахъ....

Отчего она не остановила меня?.. А она хотѣла меня остановить въ то время, когда встрепенулась на своемъ мѣстѣ. Мнѣ

было бы лучше, еслибы она оборвала меня, но она дала мнѣ говорить до конца и вдругъ какъ-то особенно взглянула на меня въ то время, когда я, увлеченный своимъ добрымъ сердцемъ, началъ выворачивать и встряхивать ея душу.

Она взглянула на меня... Я самъ не знаю, что выражалъ этотъ взглядъ, но во всякомъ случаѣ онъ былъ очень не хорошъ. Я мгновенно опомнился... Такъ еще никто не смотрѣлъ на меня.

Она поднялась съ своего мѣста и хотъ бы слово, хотъ бы одно слово... Я что-то залепеталъ, именно залепеталъ. Увлеченія, воодушевленія, которымъ я только-что горѣлъ, не было и въ поминѣ послѣ того, какъ она посмотрѣла на меня.

— Надежда Александровна, вѣдь я... мнѣ жалъ васъ! вырывается у меня: — я... повѣрьте, я, право, ничего не думаю особеннаго о вашихъ отношеніяхъ...

Она не слушала меня и шла изъ комнаты. Не помню, подала ли она мнѣ руку.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ ушла Надежда Александровна, ворвался Зайчиковъ. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ она оставила меня.

— Ну, что? быстро заговорилъ мой другъ: — говорите... да говорите же! Она, кажется, разсердилась? за что?

Онъ былъ удивленъ и недоумѣвалъ, за что разсердилась Надежда Александровна. Я кое-какъ рассказалъ ему все, что было. Онъ пожалъ нѣсколько разъ плечами и на секунду задумался.

— Со мной почти не простилась, быстро опять заговорилъ онъ. — Странно! Что тутъ особеннаго. Вѣдь мы... для ея же пользы! Отчего вотъ Наталья Николаевна не сердилась, когда увлекалась Саннинымъ. Я ей постоянно говорилъ тогда, какъ надо держать себя, писалъ ей. Сама даже совѣтовалась, что ей надо дѣлать... А тутъ... странно, не понимаю!

Онъ сталъ ходить по комнатѣ, удивленно разводя руками.

— Какъ-то разъ, она, Надежда Александровна, говорила мнѣ, что общественное мнѣніе — старая сплетница... Ну, и еще, что учительница не можетъ двоедушничать, лгать... Это его идеи, Николаева! Мы, изволите видѣть, двоедушные люди, лжецы!

Послѣднія слова онъ произнесъ съ значительной долей ехидства и засмѣялся, хотъ не веселымъ смѣхомъ.

Влетѣли барышни. Немного погодя, разговоръ опять кипѣлъ. Во время прогулки по саду, барышни отыскиали и работу для будущей мастерской.

— А мы придумали, какую намъ отереть мастерскую, щебетала Наталья Николаевна, обращаясь съ сіяющимъ лицомъ къ Зайчикову. — Я превосходно умѣю бисерные кошельки, колечки

изъ волосъ дѣлать... Всѣ этому скоро научатся. Будемъ продавать... Только удобно ли это?

— Всякій трудъ хорошъ, одобрилъ мой другъ.

— Вотъ и отличной! радовались барышни.

— Да, надо перестать жить на чужой счетъ, надо трудиться... Трудитесь.

V.

Я скоро ушелъ отъ Зайчкова. Миѣ стало просто невыносимо слушать восторги по поводу бисерныхъ коншельковъ и кофечекъ. Была уже ночь, холодная, свѣтлая осенняя ночь. Звѣзды ярко блестя на совершенно чистомъ небѣ. На улицахъ царилъ тишина. На какой-то колокольнѣ протяжно и гулко пробило двѣнадцать часовъ. Вслѣдъ затѣмъ ночной сторожъ гдѣ-то замолотилъ въ чугунную доску. Звукъ эти понеслись въ тихомъ ночномъ воздухѣ.

Домой идти не хотѣлось и я пошелъ бродить по улицамъ. Нигдѣ ни души. Вонъ домъ Фіалкина. Огни погашены. Фіалкинъ, накатавшись въ своей новой пролеткѣ, вѣроятно, спитъ безмятежнымъ сномъ и, можетъ быть, видитъ во снѣ, что по его жилету протанулась цѣпочка съ передвижкой, еще лучшей, чѣмъ передвижка кунца Пастухова. Жалкій человекъ, этотъ Фіалкинъ! Но тотчасъ другія мысли полѣзли въ мою голову. Имѣемъ ли мы право смѣяться надъ Фіалкинымъ, лучше ли мы его?

Изъ всѣхъ либеральныхъ сонногородцевъ я былъ какой-то уродъ. У меня была странная, совсѣмъ нежданная къ либеральному сонногородцу особенность. Я легкомысленъ, до того легкомысленъ, что, право, миѣ ничего не стоить вообразить все что угодно, ну, напримѣръ, хоть бы то, что въ той самой навозной кучѣ, которая давнымъ давно поконтится на стогнахъ родного города, какъ разъ предъ моими окнами, что въ этой самой навозной кучѣ скрываются сокровища, какихъ нѣтъ и въ Калифорніи. Я не только могу увѣрять въ это и тотчасъ же предаться самымъ чистымъ восторгамъ по поводу своего открытія, но и со всѣмъ пыломъ непоколебимой вѣры немедленно примусь за разработку новоявленныхъ рудниковъ и буду ждать, что вотъ теперь наконецъ... озолочу!

Но это не все. Истиннымъ «уродомъ» между либеральными сонногородцами меня дѣлаетъ то обстоятельство, что на меня порой «находятъ», какъ выражается Зайчковъ. Въ навозной кучѣ, положимъ, я усмотрю Калифорнію и даже ревностно при-

мусь за ея разработку... но вдругъ въ одинъ прекрасный день у меня «откроются вѣщія зеницы»... Это значить, что на меня «нашло»... Картина перемѣняется; восторговъ какъ не бывало. Я поднимаю вверхъ свои испачканныя тугомъ руки, взываю и каюсь въ своихъ заблужденіяхъ. А сонногородцы, которые тутъ же подлѣ меня работаютъ въ своихъ собственныхъ Калифорніяхъ (точь въ точь похожихъ на мою), приходятъ въ изумленіе.

Отчего на меня «находить», я самъ не знаю. Правда, иногда бываютъ причины, хотя и отдаленныя, но часто на меня находятъ какъ будто такъ, безъ всякаго основанія. Является сначала кака-то хандра, потомъ подъ вліяніемъ ея, слѣдуютъ размышленія: «Ой такъ ли? золото ли? и т. п.

Несомнѣнно, для кого-нибудь другого такая особенность, которой я обладаю, была бы въ высшей степени драгоцѣнна, но я до того уже легкомысленъ что, несмотря ни на какія разочарованія, легкомысліе не оставляетъ меня, а только мѣняется сюжетъ. Я брошу одну Калифорнію, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы завтра же я не наскочилъ на другую, только кой-какими внѣшними признаками отличную отъ первой.

Иногда мнѣ хочется освободиться отъ своего либерально-сонногородскаго бытія, т. е. отрѣшиться отъ всѣхъ тѣхъ благихъ намѣреній, которыми я постоянно горю, отдѣлаться отъ непрестаннаго стремленія облагодѣтельствовать родъ человѣческій... Но увы! сбросить съ себя существо либеральнаго сонногородца и обратиться въ простаго безхитростнаго обывателя родного города я не могу. Судите сами, возможно ли устоять, когда кажется, что вотъ наконецъ открытъ тобой чуть не жизненный эликсиръ?

Всѣ либеральныя и нелиберальныя сонногородцы счастливые меня. Одни, горя благами намѣреніями, мечтаютъ о благодарности потомства; другіе спокойно сидятъ подъ своей смоковницею. Я же мучусь и стенаю...

Вотъ и теперъ на меня нашло, когда я стоялъ передъ домою Фіалкина...

Имѣемъ ли мы право смѣяться надъ Фіалкинымъ? Кто изъ насъ лучше, мы или онъ?

Зайчиковъ говорилъ, что передъ смертю Фіалкину предъ-авять хартію, у которой сторона назначенная для добрыхъ дѣлъ, правая, будетъ пуста, а на лѣвой, гдѣ записываются грѣхи, будетъ написано много: пролетекъ, передашки и т. д. Дѣйствительно, что Фіалкину написать на правую сторону, когда онъ былъ плохъ даже въ медицинѣ и не могъ вылечить хоть бы того же Душвина, который ограбилъ чуть не всѣ уѣзды Сонно-

городской Губерніи? когда онъ не умѣлъ помочь Одуевскому цѣловальнику Куземину, отъ котораго ревмя-ревѣла вся деревня съ окрестностями?

У Фіалкина нѣтъ добрыхъ дѣлъ. Положимъ. Но что намъ, мнѣ и Зайчикову, напишутъ на правую сторону нашихъ хартій? Что хорошаго мы сдѣлали въ послѣдніе два-три дня, когда мы особенно сильно ревновали о просвѣщеніи? Исполненные этой ревности, мы помогли Степанову, который теперь положительно можетъ рассчитывать на руководство почтеннаго генерала Лейбна. Мы поощрили Павлова, который, конечно, ни въ чемъ не уступитъ Эспаньѣлкну, а, можетъ, сравняется даже и съ Цвѣточкиннмъ. Наконецъ, мы дали возможность Пыхачеву кончить курсъ, и такимъ образомъ дойти до полученія денегъ за свою физиономію...

Но развѣ Фіалкинъ не совершалъ ничего подобнаго? Какъ онъ ни плохъ въ своей медицинѣ, а, мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ поднялъ съ одра не одного столоначальника, что онъ помогъ одному желѣзнодорожному дѣятелю, который захворалъ послѣ одной катастрофы на управляемой имъ дорогѣ (убитыхъ 20, раненыхъ 50) и которому почему-то представилось, что онъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ.

Ничего нѣтъ, тѣмъ бы мы могли примировать передъ Фіалкинымъ... Сколько людей мы научили читать-писать? сколько такимъ образомъ мы вывели на настоящую дорогу? И вдругъ мнѣ стало неловко. Я кое-что вспомнилъ.

Прихожу одинъ разъ въ судъ и вдругъ, къ великому изумленію своему, вижу на скамьѣ подсудимыхъ одного изъ бывшихъ учениковъ моего друга Зайчикова. Я даже не повѣрилъ своими глазами, но нѣтъ это онъ, Макишевъ, онъ фигурируетъ передъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго въ какомъ-то подлогѣ.

— Такая петля, объясняетъ кто-то въ публикѣ:— что не приведи Богъ. Сколько у насъ, въ городѣ, народу отъ него плачетъ! Даромъ что молодъ.

А Трошка кабачникъ? Одуевскіе мужики ревутъ отъ его жидовства и рекомендуютъ Трошку, какъ человѣка, который сниметъ суму съ нищаго, а Трофимъ всякій разъ, какъ встрѣчается со мной, необыкновенно мягкимъ голосомъ объявляетъ, что за господина Зайчикова онъ намѣренъ вѣчно молить Господа Бога. «Потому, присовокупляетъ онъ, весело встряхивая своими намасленными волосами—они меня грамотѣ выучили, а черезъ нее самую, можно сказать, и вышелъ въ люди».

Я точно теперь слышу восторги Зайчикова по поводу способ-

ностей Трошки и Мякишева, когда они были учениками моего друга.

— Только бы их хорошенько читать-писать научить, восклицаетъ, бывало, мой другъ: — пошли бы... Хорошіе были бы ребята!

Но развѣ только и всего, что Мякишевъ и Трошка... Увы, я могъ бы насчитать многихъ изъ учениковъ моихъ и моего друга, которые пошли той же дорогой!.. Когда я теперь говорю о нихъ Зайчикову и спрашиваю его, хуже ли бы было, еслибы хоть того же Трошку не учить грамотѣ, мой другъ приходитъ въ азартъ и кричитъ, что я отвергаю образованіе.

На которую сторону нашей партіи запишутъ Мякишева, Трошку и прочихъ нашихъ учениковъ, на правую, или на лѣвую?.. Какую бы партію я выбралъ: ту ли, гдѣ въ числѣ худыхъ дѣлъ записаны пролетки, передвижки, или ту, гдѣ будутъ значиться Трошки?

Впрочемъ, еслибы мы не вѣрили въ то, что, уча читать-писать, мы тѣмъ самымъ исполняемъ свой долгъ, еслибы поэтому мы въ всякаго ученика перелили бы самихъ себя—лучше ли бы тогда было? Кто мы? Мнѣ кажется, что мы съ нашей теоріей несложненія жизни лучше, чѣмъ кто либо другой, могли бы выдрессировать разныхъ Жужу... Больше ничего мы сдѣлать не въ состояніи.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не стремились къ этому? Зачѣмъ, напримеръ, а запускалъ пальцы въ душу Надеждѣ Александровнѣ, зачѣмъ мой другъ Зайчиковъ писалъ письма Натальѣ Николаевнѣ, какъ только не за тѣмъ, чтобы онѣ прислушивались, узнавали, что о нихъ думаютъ Анна Ивановна, Юлія Николаевна и... не осложняли своей жизни?

Соблазнить одинаго отъ малыхъ сихъ! Будетъ ли что либо подобное на лѣвой сторонѣ партіи Фіалкина? Кто изъ насъ лучше, или—это чуть ли не вѣрифе—кто изъ насъ безвреднѣе?

Фіалкинъ не имѣетъ хорошихъ стремленій. Онъ мечтаетъ только о пролеткахъ и передвижкахъ. У насъ были стремленія, и что же изъ нихъ вышло? Въ самомъ благопріятномъ случаѣ—нуль, а очень часто пакость.

И все это отъ доброты сердечной. Мнѣ жаль хоть ту же Надежду Александровну, мнѣ жаль всѣхъ, рѣшительно всѣхъ... Сердце мое полно любви... Сердце! У насъ, либеральныхъ сонногородцевъ, даже и доброе сердце—порокъ, поводъ къ пакости...

На колокольнѣ опять забили часы... Два или три. Я вернулся домой, но заснуть не могъ и ходилъ по темнымъ комнатамъ. Начало свѣтать. Вотъ ужъ кое-что видно.

*

Гдѣ-то гремитъ телега... Ближе, ближе. Это ѣдетъ тотъ самый Панкратычъ, по поводу педагогической дѣятельности котораго грустилъ Заячиковъ. Я знаю, что онъ отправляется въ поле рыть картошку.

Этотъ, думалъ я, смотря въ окно на то, какъ Панкратычъ, стоя въ телегѣ, погонялъ возжами свою тощую лошаденку, этотъ хоть самъ себѣ картофель садитъ, сапоги себѣ починитъ, домъ свой поправитъ. А я не могу обойтись безъ того, чтобы Иванъ не вычистилъ мнѣ сапогъ, Дарья не приготовила обѣда. Да это ли одно? Чтобы отдохнуть отъ монхъ великихъ трудовъ и имѣть силы для новыхъ столь же великихъ, мнѣ нуженъ театръ, общество хороваго пѣнія и пр., и пр.

И за все это я плачу тѣмъ, что приготовляю нѣсколько Трошекъ, проповѣдую теорію неосложненія жизни и такимъ образомъ, хотя и смѣюсь надъ Панкратычемъ, что онъ стращаль своихъ учениковъ букой, но трепещу самъ, и учу всѣхъ трепетать передъ букой другого рода... И при всѣмъ этомъ считаю себя человѣкомъ дѣла и чуть не мечтаю о монументѣ. О, простота, святая простота!

Н. Яковлевъ.

НАШИ ОБЩИНЫ.

(Записки исследователя).

Въ Россіи, если не ошибаемся, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи впервые былъ возбужденъ еще въ 1765 году въ средѣ вольно-экономическаго общества, что можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ, извлеченныхъ изъ анонимнаго заявленія ¹,

¹ Заявленіе это приписано Екатеринѣ II. Вотъ его содержаніе: «По скудоумію моему, не въ состояніи я служить вамъ полезнымъ сочиненіемъ, а вмѣсто того позвольте мнѣ въ пользу общества задать вамъ вопросы: многіе разумные авторы постановляютъ и съ доказаніемъ показываютъ, что не можетъ быть ни искуснаго руководѣнія, ни твердой и постоянной торговли, гдѣ земледѣіе въ уничтоженію или незначительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякой человѣкъ имѣетъ болѣе поведенія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отъниметъ».

«Постановляя сіи правила за неоспоримна, осталось мнѣ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно, для твердаго распространенія земледѣльства, имѣніе и наследіе хлѣбопашца? Иные полагаютъ, чтобы то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его, съ приобретеннымъ движимымъ и недвижимымъ, какого бы то ни было; другіе, напротивъ того, полагаютъ на одинъ участокъ земли четыре и до восьми человѣкъ родовъ равныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ, изъ сего послѣдуетъ, что сынъ послѣ отъца не наследникъ, следовательно и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому Обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. И такъ, нахожусь я въ великомъ недоумѣніи, не знаю, на точной ли, или на спекулятивной разумъ слова «собственное» полагаться: я по сіе время почитаю собственнымъ то, что ни у меня, ни у дѣтей моихъ безъ законной

поступившаго на нѣмъ вновь основаннаго тогда общества: *«Что сямъ послѣ отца не наследникъ, слѣдовательно, и собственно не имѣеть, называя собственнымъ только, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ»*.

Вольно-экономическое общество, послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ, переняло поставленный такимъ образомъ вопросъ и передало его, путемъ печати, на всеобщее обсужденіе, съ назначеніемъ преміи, въ слѣдующей формѣ: *«Что полезнѣе для общества, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколько далеко его права на то или другое имѣніе простираются должны»*.

Въ 1768 году, премія присуждена была члену дижонской академіи Беарде де л'Абе, который вслѣдствіе такой постановки вопроса не коснулся общиннаго начала, а замѣтилъ лишь: *«Удивительно, что препровождающіе всю жизнь свою въ трудѣ, питающемъ челоуѣка, сами хуже всѣхъ питаемы; что та часть трудящихся, отъ коихъ происходитъ первое государственное богатство, наибольшую предъ другими претерпѣваетъ бѣдность. Лучшій способъ привлечь, возбудить, поощрить хлѣбопашца безъ сумнѣнія, есть тотъ, чтобъ дать имъ въ собственность самую ту землю, которую они обрабатываютъ. Трудится онъ для себя, для своихъ чадъ, для цѣлага потомства; однимъ словомъ, онъ обогащаетъ государство, умножая свою собственность»*.

Второй разъ вопросъ о русской общинѣ заинтересовалъ наше общество въ 1856—1857 годахъ, незадолго до освобожденія крестьянъ, по поводу сочиненія Г. Чичерина, которому одно возбужденіе подобнаго вопроса ставили въ заслугу; самый же вопросъ найденъ обработаннымъ авторомъ только по юридическимъ даннымъ, тогда какъ почва его—не столько область права, сколько *область сельскаго хозяйства*.¹

Въ 1865 году, въ сѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ С.-Петербургѣ, по случаю столѣтняго юбилея вольно-экономическаго общества, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи былъ вновь поднятъ и разрѣшался въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, но, къ несчастію, на основаніи всеупотребительной у насъ въ разныхъ учрежденіяхъ теоріи *мичамъ мнѣній*, и потому не удивительно, что ос-

причины никто отнять не можетъ, и по моему мнѣнію то одно можетъ сдѣлать меня рачительнымъ; однако, въ сѣмъ моемъ мнѣніи не утверждаюсь, а ожидаю для наставленія мнѣ и потомкамъ моимъ вашего на сіе рѣшенія.

(Исторія вольно-экономическаго общества съ 1765—1865).

¹ Соч. Ю. О. Самарина т. I. объ историческихъ трудахъ Чичерина.

тался спорнымъ, несмотря на самыя оживленныя пренія людей, будто-бы близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ.

Наконецъ, нынѣшній годъ разразился особеннымъ стремленіемъ изучить русскую общину; теперь и люди науки, и наши ученые общества, и многіе земскіе дѣятели одинаково заинтересованы разрѣшеніемъ вопроса объ общинномъ началѣ въ формахъ землевладѣнія въ нашей странѣ.

Этотъ общій потокъ захватилъ и насъ. Первоначально мы предполагали подвергнуть изслѣдованію общину въ ея государственномъ значеніи, т. е. податномъ, а потомъ уже думали приступить къ изслѣдованію ея общественной жизни, т. е. общиннаго начала, о чемъ нами и было замѣчено при изданіи первой главы нашего изслѣдованія по податному вопросу, подъ названіемъ «Податная душа»; но теперь, при всеобщемъ возбужденіи, когда вопросъ объ общинномъ землевладѣніи сдѣлался животрепещущимъ, мы признали за лучшее, въ интересахъ одновременности наблюденій съ другими изслѣдователями при значительномъ накопленіи матеріаловъ по податному дѣлу, и по общинному, вести оба эти изслѣдованія, такъ чтобы они шли какъ бы рука объ руку.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени появятся у насъ нѣсколько трактатовъ объ общинномъ землевладѣніи и множество данныхъ, которыя соберутся послѣ изданія программъ, готовящихся въ нашихъ ученыхъ обществахъ; мы же съ своей стороны предположили представить обществу и наукѣ матеріалъ въ той первобытной формѣ, въ какой онъ найденъ будетъ въ жизни общинъ: намъ хотѣлось бы, чтобы объ общинномъ началѣ, если оно только есть, читатель могъ-бы слышать изъ устъ самаго народа. Вотъ по этому-то мы своему изслѣдованію придали форму простыхъ записокъ, а не трактата или этюда; только при подобной принятой нами формѣ изложенія, мы видимъ возможность удержать всякое выраженіе, не проронить ни одного такого народнаго слова, которое могло бы хоть сколько-нибудь освѣтить мельчайше проявленіе того начала, которое русский народъ, можетъ проявлять въ своей жизни, самъ того не подозревая, и о которомъ наука такъ мало знаетъ.

Поступая такимъ образомъ, мы не можемъ не раздѣлять того мнѣнія, что «всякій народъ обязанъ истолковать себя, оставить свою исповѣдь и передать данныя для будущей его оцѣнки тому народу, который вступитъ въ его наслѣдство. Этой обязанности нельзя возложить на другого, ибо задача состоитъ въ обнаруженіи того, что знаетъ про себя только самъ народъ, че-

го другой не знает и не узнает никогда безъ его посредства. Если по чему либо самъ народъ не выполнитъ этой задачи, или если пропадутъ памятники его слова, въ которыхъ выразилось его представленіе о самомъ себѣ, все существованіе его останется для исторіи навсегда неразгаданною тайною». ¹

Райономъ мѣстныхъ изслѣдованій по податному дѣлу я избралъ Саратовскую губернію; что же касается общиннаго землевладѣнія то эта губернія болѣе многихъ другихъ должна представить интереса какъ по своему чисто земледѣльческому характеру, такъ и по разнородности племенъ, ея населяющихъ.

Эти же самыя разноплеменные общины получаютъ наибольшій интересъ еще и потому, что представляютъ административную разнородность, принадлежа въ крестьянамъ-собственникамъ, бывшимъ помѣщичьимъ, государственнымъ, колонистамъ, а также поселеннымъ на разныхъ надѣлахъ—дарственнымъ и другихъ.

Первоначально, для наблюденій, я предположилъ остановиться преимущественно въ долинѣ небольшой р. Узы, впадающей въ Суру; въ этой долинѣ расположены значительныя части уѣздовъ Петровскаго—земледѣльческаго и Кузнецкаго—промышленнаго.

По счастливой случайности, районъ этотъ, въ составѣ 22 волостей, 174 общинъ и 45,179 душъ, населенъ большинствомъ интересныхъ разноплеменныхъ общинъ, а именно: русскими, татарами, чувашами, мордвою и мещерою.

Въ этотъ край разноплеменныхъ общинъ я направился въ нынѣшнемъ году изъ Саратова, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, проселкомъ, чтобы въ мѣстахъ стоянки провѣрить нѣкоторыя данныя по податному дѣлу.

До предѣловъ При-Узинскаго края было около 150 верстъ; не дожидаясь прибытія туда, я по дорогѣ, на сколько это было возможно, старался не упустить ни одного случая, который могъ бы познакомить меня съ какою либо чертою лежащихъ на пути земельныхъ общинъ.

Всякое отдѣльное, бѣгло схваченное явленіе не могло, разумѣется, освѣтить предмета, но въ общемъ, эти явленія могли дать въ руки нить, облегчить приступъ къ изслѣдованію въ избранной для того мѣстности.

Первая интересная встрѣча, которая представилась мнѣ на пути—было стадо овецъ; оно направлялось въ видѣвшемуся издали селенію или усадьбѣ землевладѣльца.

¹ Соч. Ю. Ф. Самарина т. I. Объ историческихъ трудахъ Чичерина стр. 26 26-го Апрѣля 1878 года.

Община казалась небольшою; можно было думать, что овцы принадлежат новому землевладельцу изъ капиталистовъ, который повелъ хозяйство на новый ладъ, такъ какъ вблизи отъ Саратова помѣщики овецъ не держатъ, а признаютъ болѣе выгоднымъ или сдавать землю въ аренду или продавать кормъ по выгодной цѣнѣ, на городскомъ рынкѣ.

— Чье стадо? Спросилъ я пастуха гдѣ 15-ти.

— Мирское, отвѣтилъ онъ.

— Богатыхъ мужиковъ?

— Разныхъ.

— А больше какихъ?

— Есть и одинокихъ, есть и семейныхъ?

— А помногу у каждаго?

— У одинокихъ 2, 3 и 5 есть, у рѣднѣшаго 10, а у семейныхъ и 20 и 30 есть.

Проѣхалъ я съ полверсты и не успѣлъ еще дать себѣ отчета въ только-что слышанныхъ названіяхъ пастуха, не придавая имъ особаго значенія, какъ по той же дорогѣ навстрѣчу шла цѣлая вереница рабочихъ съ котомками за спинами, направляв шихся къ г. Саратovu.

— Куда вы? спросилъ я приближившуюся толпу.

— За Волгу, отвѣтили нѣкоторые.

— А дома на кого оставили?

— Мы отъ семей, отвѣчали они.

— А вы какіе, вы что молчите? обратился я къ молчавшимъ.

— Мы одинокіе, отвѣчалъ одинъ изъ молчавшихъ при первомъ вопросѣ.

— А свое хозяйство какъ же вы оставили?

— Мы продали свои души.

— Зачѣмъ было продавать?

— Подати справили, а теперь идемъ на добывку.

Еще недавно въ наданномъ изслѣдованіи, подъ названіемъ *Податная душа*, мы доказывали, на основаніи самыхъ точныхъ, личныхъ изслѣдованій, что общество дѣлитъ дворы своихъ членовъ по экономической или платежной способности, на *девять типовъ*, на платящихъ 1, 2, 3 и 4, и т. д. долей всѣхъ повинностей, т. е. на *однодушныхъ*, *двудушныхъ* и т. д., а теперь изъ только-что слышанныхъ словъ пастуха, распредѣлявшаго свое стадо по домохозяйствамъ, и заявленій рабочихъ, подтверждающихъ подраздѣленія пастуха, пришлось узнать другія, по-видимому, точно опредѣленные понятія относительно экономическихъ особенностей разныхъ домохозяевъ.

Все это еще болѣе побуждало искать случая, который облегчилъ бы и ускорилъ усвоеніе этой вновь представившейся особенноти домохозяйствъ; они должны имѣть, несомнѣнно, свое значеніе и въ общинномъ началѣ, представляя элементарныя составныя части общины.

У околицы села, въ которое вскорѣ пришлось въѣзжать, стоялъ крестьянинъ, хромой старикъ; это былъ караульщикъ околицы, по найму отъ общины; когда я остановился, къ нему прибѣжала крестьянка, видимо, разстроенная и распрашивала его о сбѣжавшей со двора лошади.

— Сколько платишь податей? обратился я къ этому старiku.

— Мы не платимъ, отвѣчалъ онъ.

— Почему такъ?

— Сложили ионе.

— А прежде много платили?

— Нѣтъ, онъ у насъ изстари *маломощный*; мотри всего-то одну душу платилъ, отвѣтила крестьянка за старика, не разслышавшаго моего вопроса.

Итакъ еще новое выраженіе, еще новый типъ—маломощнаго, у околицы деревни.

Все это не разрѣшало вопроса, а только увеличивало интересъ, хотя, по наружному виду, старикъ дѣйствительно былъ маломощный.

Нетерпѣливо въѣхалъ я на ночлегъ въ знакомую деревушку Губаревку, расположенную въ 35 верстахъ отъ Саратова.

Эта небольшая деревушка изъ шестнадцати дворовъ, скученная на небольшомъ пространствѣ въ одинъ рядокъ, поражала тѣмъ, что гумна были расположены почти рядомъ съ дворами. Огороды у нихъ были за версту отъ деревни, на рѣчкѣ Коренушкѣ. Нѣкоторыя избы покрыты тесомъ, что свидѣтельствовало въ степной мѣстности о зажиточности крестьянъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, старостой здѣсь былъ необыкновенно добрый, трудолюбивый крестьянинъ, жившій на краю деревни, по имени Иванъ Доронинъ. Слылъ онъ за хорошаго, старательнаго хозяина; ему теперь уже 60 лѣтъ, онъ много зналъ и видѣлъ, какъ всякій занимающійся дальнимъ извозомъ. Онъ зналъ всю подноготную каждаго крестьянина своей деревушки; я остановился у его избы и, по выраженію крестьянъ, сталъ его *матать* о житьѣ-бытьѣ всего ихъ міра, который только недавно сдѣлался независимой общиною, выкупилъ весь надѣлъ и перешелъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ разрядъ собственниковъ.

Оказалось, что Доронинъ не былъ болѣе старостой; прослуживъ три года, онъ добровольно отказался отъ исполненія этой обязанности.

— Что это ты начальникомъ не захотѣлъ быть? миръ что ли тебя донялъ?

— Зачѣмъ миръ, отъ нашего мира, пока Богъ миловалъ, зрящаго ничего не было. Нашего брата больно донимаетъ — кому надо и не надо, всякъ тебя изъ бездѣлны тревожить. Становой, земскій, межевой, акцизникъ, у всѣхъ ты на потычкѣхъ, все ступай, да ступай; вѣдь вы сами знаете, какое наше жалованьешко. Тридцать цѣлевыхъ въ годъ; да развѣ на эти деньги можно. Вонъ у Каменскихъ подпаски въ одно лѣто больше получаютъ. Общество наше небольшое, всего 16 дворовъ, ему тоже не разорваться. Еслибы одно мирское дѣло, а то вѣдь ты пойд; нѣтъ, что говорить — *чина дрянное ремесло!*

Выслушавъ этотъ монологъ опытнаго отставнаго старосты а попросивъ его пригласить настоящаго старосту, который оказался нѣсколько грамотнымъ и также дѣльнымъ крестьяниномъ, тогда мы коллегиально стали анатомировать ихъ деревушку. Первымъ дѣломъ, мы разбили ее на составныя части ея общинной организаціи, на такія, какими онѣ представляются по опредѣленію самой общины, въ ея жизненныхъ отправленіяхъ, а не въ однихъ только спискахъ и сказкахъ.

Такимъ образомъ, ближайшее ознакомленіе съ Губаревской общиной, при помощи двухъ ея избранныхъ представителей, обнаружело:

1) Что она главнымъ образомъ состоитъ изъ 16 членовъ — домохозяевъ.

2) Эти члены во всѣхъ нуждахъ общины и ея пользахъ участвуютъ по мѣрѣ силъ цѣлаго домохозяйства; по этой же мѣрѣ, они получаютъ соотвѣтственное количество земли, какая бы только имъ находилась въ пользованіи общины, и платятъ соразмѣрное количество денежныхъ податей, налоговъ и сборовъ.

Шестнадцать членовъ, составляющихъ общину, по своей экономической силѣ, распредѣлились такъ: два домохозяина признаны способными нести тягость лишь въ *одной доли* всѣхъ повинностей; два домохозяина въ *полтора доли*; семь домохозяевъ въ *двухъ доляхъ*; два домохозяина въ *двухъ съ половиною доляхъ*, два домохозяина въ *трехъ доляхъ* и одинъ домохозяинъ въ *пяти доляхъ*.

Такое распредѣленіе тягостей по силѣ домохозяйствъ послѣдовало въ нынѣшнемъ году. Но оно видоизмѣняется, но мѣрѣ видоизмѣненія экономического состоянія домохозяйствъ.

Такъ напримѣръ, знакомый намъ Иванъ Доронинъ, въ 1876 году, когда былъ еще старостой, платилъ двѣ доли; въ 1877 г., когда отставленъ былъ отъ этой должности, сталъ платить по 3 доли; а въ нынѣшнемъ году, по причинѣ достиженія имъ шестидесятилѣтняго возраста, при началѣ схода признанъ былъ подлежащимъ сбавкѣ цѣлой доли, но потомъ, при дальнѣйшемъ об-сужденіи раскладки, когда Никаноръ Алексѣевъ согласился пла-тить лишь четыре доли, а не пять, какъ это было въ прошед-шемъ году, то половину этой доли наложили на Ивана Доронина, такъ что я засталъ его платящимъ 2¹/₂ доли.

Ерема Гагуринъ и Иванъ Гагуринъ въ 1876 году платили по 2 доли повинностей; въ 1877 г., они заявили, что имъ тяжело платить столько; ихъ просьба была общиной уважена, съ нихъ сняли по ¹/₂ доли съ каждаго, а цѣлую долю наложили на Андрея Янина, платившаго одну долю.

Андрей Янинъ протестовалъ противъ этого, но общество убѣ-дило его принять еще одну долю. Этотъ крестьянинъ, какъ мы лично удостовѣрились, дѣйствительно, хотя и одинъ работникъ въ семьѣ, но домохозяинъ на столько сручный и смысленный, что могъ легче, чѣмъ другіе, управиться съ одной долей повинностей, которая въ теченіи года выражалась въ цифрѣ 10 р. с. Въ нынѣшнемъ же году, Ерема Гагуринъ и Ѳедоръ Прохоровъ согла-сились платить то количество долей, которое они платили въ 1876 году, т. е. по двѣ доли каждый; тогда общество нашло возможнымъ удовлетворить желанію Андрея Янина — сложило съ него долю и разложило ее на упомянутыхъ домохозяевъ, пла-тившихъ эти полудоли въ 1876 году.

Никаноръ Алексѣевъ, о которомъ мы уже говорили, въ 1876 году платилъ 5 долей, въ 1877 г. у него сбавили одну долю по старости, а въ слѣдующемъ году, когда нашли, что дѣти могутъ ему помогать въ работахъ, опять наложили то число долей, кс-торое онъ платилъ въ 1876 г.; онъ противъ этого не возражалъ, признавая дѣйствія общества справедливыми.

Каждое домохозяство получаетъ въ каждомъ полѣ земельные участки, но только не по числу ревизскихъ душъ и не по числу наличныхъ душъ, а соразмѣрно платежу повинностей и эконо-мической силѣ, которая обыкновенно опредѣляется собраніемъ цѣлой общины.

Для уравниенія участковъ земли по ихъ качеству, каждое поле надѣла дѣлится на участки трехъ качествъ: лучшей, средней и худшей, такъ что каждый домохозяинъ получаетъ во всѣхъ этихъ участкахъ опредѣленное количество сажень въ ширину, сораз-мѣрно долямъ повинностей.

Такъ всякій домохозяинъ, платящій *по одной* долѣ, получаетъ въ *лучшемъ* участкѣ — 5 сажень, въ *среднемъ* 7 сажень, а въ *худшемъ* 15 сажень.

Домохозяинъ, платящій по $1\frac{1}{2}$ доли, получаетъ въ *лучшемъ* участкѣ $7\frac{1}{2}$ саж., въ *среднемъ* 9 саж., а въ *худшемъ* $22\frac{1}{2}$ сажени.

Домохозяинъ, платящій *дѣль* доли, получаетъ въ *лучшемъ* участкѣ 10 саж., въ *среднемъ* 14 саж., а въ *худшемъ* 30 саж. и т. д.

Такъ какъ надѣлъ ихъ не великъ, то единицею земельной мѣры является не десятина, не осьминникъ даже, а сажень.

Они обыкновенно ведутъ счетъ по ширинѣ участка, который называется *загономъ*; въ длину его значится 80 сажень.¹

Надѣлъ свой эта община признаетъ неудобнымъ дѣлить ежегодно, а передѣляетъ его только тогда, когда произойдетъ большая переиѣна въ раскладкѣ долей на домохозяевъ. Такъ въ вышнѣмъ году земли не дѣлили.

Если переиѣна незначительна, то тѣ домохозяева, въ которыхъ произошли переиѣны, дѣлаются между собой: тѣ, съ которыхъ доли сняты, передаютъ соответственные загоны землѣ тѣмъ, на которыхъ эти доли наложены.

Все, что мы говорили до настоящаго времени о землѣ, относится собственно до надѣла, который общинѣ отведенъ, по выкупуному договору съ помѣщикомъ. Эта земля въ количествѣ 112 десятинъ известна у общества подъ именемъ *душевой* земли, потому что она выкуплена общиною по расчету ревизскихъ душъ, которыхъ въ этой общинѣ числится всего 35.

Помимо указаннаго количества душевой земли, община, для своихъ нуждъ и пользы, арендуетъ два отдѣльныхъ участка земли: одинъ изъ нихъ она называетъ *барскимъ полемъ*, потому что снимаетъ его у бывшаго своего помѣщика, въ количествѣ 150 десятинъ, а другой *куческимъ участкомъ*, въ количествѣ 90 десятинъ, потому что арендуетъ его въ сосѣдствѣ у саратовскаго купца, новаго землевладѣльца той мѣстности.

Оба эти участка общество арендовало на общинномъ началѣ, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы это видѣли при ознакомленіи съ приемами пользованія душевою землею.

Общество раздѣлило оба эти участка также по домохозяиствамъ, по *экономической способности* каждаго; мы употребили

¹ Если говорить, что однодушный получаетъ загонъ въ 5 сажень, то это значить, что онъ получаетъ участокъ въ 5 сажень въ ширину, а 80 въ длину, т. е. 400 квадратныхъ сажень.

это выражение потому, что здѣсь мы не вправѣ уже предполагать, что оно распредѣлило эти участки по *платежной способности*, потому, что подобное выражение должно относиться къ способности платить подати.

Первый участокъ земли (112 дес.) община получила въ силу права государственнаго, а послѣдніе два (150+90 дес.), на началахъ права гражданскаго, въ интересахъ чисто экономическихъ—своихъ польвъ и нуждъ.

Такъ, наприимѣръ, Никаноръ Алексѣевъ, платящій пять долей повинностей, въ послѣднихъ двухъ участкахъ взялъ только одну долю, одинаково съ тѣми, которые платятъ подати по одной долѣ; это потому, что Никанору Алексѣеву въ душевомъ участкѣ досталось земли 5 долей, т. е. вдвое противъ многихъ другихъ. Двое домохозяевъ, получившихъ по одной долѣ въ душевой землѣ, въ нынѣшнемъ году не взяли земли ни въ барскомъ, ни въ купеческомъ участкахъ, потому что имъ едва ослить душевую долю. Купеческій участокъ былъ вврѣзанъ на карты—по четыре тридцатыхъ десятины въ картѣ, но община раздѣлила его на сороковыи десятины, т. е. хозяйственныя, болѣе удобныя для обработки пашни.

Они нашли удобнымъ раздѣлить этотъ участокъ на 18 долей, которыя они называютъ паями, такъ что каждый пай содержитъ шесть десятинъ. Участки эти они сняли на шесть лѣтъ и положили ихъ не передѣлать.

Община хотя и распредѣлила участки эти между *отдѣльными домохозяевами* по паямъ, но она пользуется ими и *сепаратно и общинно*; послѣдней формѣ пользованія придаетъ первенствующее значеніе; эта форма пользованія осуществляется въ теченіи всего того времени, когда поля бываютъ свободны отъ посѣвовъ, когда по нимъ пасется принадлежащій всей общинѣ разнаго рода скоть; община доказываетъ, что она безъ этого скота существовать не можетъ; скоть этотъ производитъ такъ называемую *толоку* полей, безъ чего эти поля не дадутъ урожая, ибо сорныя травы одолѣютъ, задушатъ хлѣбныя растенія.

Если вы спросите крестьянъ, для чего они сняли такъ много земли? «Для скотины, для приволья», они отвѣтатъ вамъ въ одинъ голосъ. А приволье это—чисто общинное, имъ пользуются на равныхъ правахъ коровы бѣдняковъ и овцы богатыхъ. Нужно ли тутъ еще разъяснять, что бѣднякъ только при этомъ началъ можетъ держать корову. Трое домохозяевъ не участвуютъ въ нынѣшнемъ году въ арендованіи земли по безсилью, а коровы ихъ свободно пасутся въ общинномъ стадѣ; никому и въ

голову не придетъ увидѣть въ этомъ нарушеніе правъ владѣнія или пользованія платящихъ аренду въ нынѣшнемъ году.

Все это, хотя и открыло нѣкоторыя особенности и очень интересныя по проявленію общиннаго начала, но я все ждалъ случая, что кто-нибудь скажетъ объ одинокихъ, семьяныхъ, маломощныхъ, можетъ быть, и другихъ, но никто ни однимъ выраженіемъ не повторилъ тѣхъ подраздѣленій домохозяевъ, о которыхъ я слышалъ изъ устъ общиннаго пастуха и рабочихъ, идущихъ на заработки.

Чтобы не откладывать дѣла до будущихъ новыхъ случаевъ и не оставаться на неопредѣленное время въ невѣдѣніи, я прямо поставилъ вопросъ нашимъ добрымъ представителямъ общины:

— Скажите, пожалуйста, что это, я все слышу, въ народѣ говорятъ: *одинокій, отъ семей, маломощный*, называютъ ли такъ кому вздумается, судя по виду, или ужъ иначе ихъ назвать нельзя, т. е. ихъ всѣ уже знаютъ за таковыхъ?

— Въ міру всякіе есть, отвѣчалъ мнѣ староста:—и маломощные, и семьяные, и одинокіе.

— Все это не то; мнѣ хочется знать—могу ли я всякаго называть, по своему мнѣнію, маломощнымъ, напримѣръ, вотъ хоть бы вонъ того старика? обратился я къ своимъ собесѣдникамъ, указывая на тощенькаго крестьянина, неподалеку воловшаго дрова.

— Что онъ за маломощный—на немъ четыре души, онъ у насъ первый домохозяинъ.

— Да какъ же мнѣ вонъ въ Широкомъ у околицы про старика сказала баба, что онъ былъ прежде маломощный, а теперь по словамъ самого старика, міръ сложилъ съ него душу, сослался я на извѣстную уже читателю встрѣчу.

— Это все по силѣ глядя, возражали мнѣ.

— Какая же сила, продолжалъ я:—хоть бы у того тощенькаго старика, про котораго мы говорили?

— Какъ какая сила! у него семейство, сынъ работникъ, бабы, подростки, они всѣ въ дѣло идутъ.

— Слѣдовательно, онъ у васъ семьянымъ зовется, потому что у него семья?

— Да, онъ у насъ въ семьяныхъ, утверждалъ староста:—у него сила такая, продолжалъ онъ:—а то, пожалуй, семья большая у Василья Козловскаго, что толку въ ней—одни ребятишки.

— Какъ же этотъ Василій Козловскій у васъ значитесь, одинокій что-ли?

— Одинокій-то, одинокій, повторялъ староста. — Какой онъ

одинокій, на немъ всего 1½ доли; по нашему, это маломощный называется: у него всего одна лошадевка и та смотри 10 цѣлковыхъ стоимъ.

— Слѣдовательно, вы ему и въ наемной землѣ отказываете.

— Зачѣмъ отказывать, у насъ она вообще снята; самъ не пожелалъ, говорить не осилю, а вотъ подростутъ ребятнишки, опять она его же, пояснялъ мнѣ Доронинъ.

— Кого же вы одинокимъ зчете?

— Вотъ у насъ одинокіе Сергѣй Козловскій, Гагурины два дома, Михайла Герасимовъ и еще найдутся. Онъ хотя и одинъ, у него двѣ лошади, кой какъ хозяйство ведетъ; 10 дес. съ небольшимъ во всѣхъ поляхъ земли управить, когда въ извозъ кинется, обратно на свои денешки соли или чего другого захватить, вотъ и одинокій, на немъ всего двѣ души больше не живетъ.

— Слѣдовательно, по вашему, одинокій съ двумя лошадьми и одинокій съ одной лошадью—разница?

— Какой ужъ это одинокій съ одною лошадью, онъ и съ кашей не справится, шутливо замѣтилъ Доронинъ.

Стало нѣсколько смереаться; мірскія стада, одно за другимъ радостно вбѣгали въ деревню. Каждая овца, каждая корова знала свой дворъ; выходять же обыкновенно встрѣчать и провожать только тѣхъ, которыя еще не приважены къ стаду — или вновь купленныхъ или молодыхъ.

— Какъ же вы съ быками справляетесь? интересовался я узнать отъ монхъ собесѣдниковъ.

— Купили міромъ, по восьми гривенъ съ души сошло, отвѣчалъ новый староста.

— Кто же будетъ за нимъ смотрѣть?

— Лѣтомъ, днемъ въ нашемъ же полѣ, а ночью въ какой дворъ зайдетъ, тамъ и переночуетъ; а въ зиму продадимъ, а то сдадимъ на прокормъ кто пожелаетъ, у кого побольше коровенокъ; убытку не будетъ; лѣтошній годъ также купили за 30 цѣлковыхъ, а продали за 45. Скотина дорогѣ была, да къ тому же отъѣлся; травы хорошія были, пояснялъ староста.

— А пастухи у васъ страніе?

— Вотъ, зачѣмъ страніе, свои есть; вотъ вы спрашивали про маломощнаго Василья Козловскаго, самъ-то онъ не очень, лошадевка плохая, нынѣ въ пашню ему ввязаться не рука, а парнишка у него подрастаетъ, онъ самый у насъ въ пастухахъ; общество его присогласило; на его долю придется цѣлковыхъ съ 45 въ лѣто, ну кой-какъ переколачивается, кормится и подати справляетъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что губаревская община хотя и состоитъ всего изъ 35 душъ, но въ ней во всей силѣ проявляется начало круговой поруки¹ въ уплатѣ не только казенныхъ податей, но и всѣхъ платежей за снятые участки земли, по частнымъ договорамъ.

Какъ объяснить себѣ круговую поруку въ частномъ договорѣ? Невольно является вопросъ: не скрывается ли и тутъ хоть известная доля элемента принудительности?

Вотъ, что говоритъ объ этомъ сама жизнь и вотъ какъ объясняется это самой практикой круговой поруки въ Губаревской общинѣ.

Шестнадцать домохозяевъ, какъ известно, арендовали по условію цѣлыя участки на 6 лѣтъ у бывшаго своего помещика и у сосѣда-землевладѣльца; при этомъ обозначены лишь окружныя границы снятыхъ участковъ, въ определенномъ количествѣ десятиницъ, условной мѣры, поименованы всѣ лица, снявшія эти участки и указаны платежи по срокамъ общей суммы. Все это было на бумагѣ и было известно обѣимъ сторонамъ.

Впоследствии же, на дѣлѣ происходило слѣдующее:

1) Каждый участокъ разбить, *по усмотрѣнію общины*, на мелкія части — на карты, каждая часть (карта) получила, въ свою очередь, *по опредѣленію общины*, разцѣнку и отведена въ каждомъ полѣ подъ категорію или лучшей, или средней, или худшей земли.

2) Всѣ шестнадцать домохозяевъ, составляющихъ общину, раздѣлились, *по взаимному соглашенію*, также на разныя категоріи; одни находили для себя выгоднымъ пользоваться тремя долями изъ восемнадцати, другіе — двумя, а третьи — только одной долей.

3) Домохозяева получили такимъ образомъ землю не въ равныхъ частяхъ и не въ отдѣльныхъ, отведенныхъ для каждаго, мелкихъ участкахъ, въ постоянное шестилѣтнее пользованіе.

4) Каждый получилъ, *по взаимному соглашенію общины*, право пользованія въ участкахъ всѣхъ трехъ качествъ.

5) Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ общины владѣльцы не принимали никакого участія; всѣ опредѣленія общины по отношенію экономическихъ качествъ участковъ и экономической способности своихъ членовъ были самостоятельны, послѣдовали *по разуму общины*. Ясно, что община въ первый же годъ освоила пользованіе арендованными ею участками по своей свободной волѣ, на началъ *взаимнаго общиннаго пользованія*.

¹ Въ ея естественной, а не грубой формѣ. (см. Податная душа. Изд. Географ. Общества т. XIII).

Въ послѣдующіе годы, вѣдь не ровень часъ, у кого-нибудь изъ шестнадцати домохозяевъ положеніе можетъ измѣниться. ктонибудь, по ихъ выраженію, можетъ *обезсилить*; для этого въ жизни каждаго много причинъ: смерть рабочаго члена семьи, поступленіе въ солдаты и т. п., тогда для пятнадцати остальныхъ незамѣтно будетъ принятіе доли одного пострадавшаго сочлена; они тогда же могутъ увидѣть, какъ способнѣе поступить съ этою долею, разбить ли ее на нѣсколько частей, или кто-либо возьметъ на себя цѣлую долю; въ годъ много переиѣнъ можетъ быть и къ доброму: одна уже та переиѣна, при благополучіи, что двухлѣтная телка обратится въ корову съ теленкомъ, а трехлѣтняя лошадеика превратится въ рабочую лошадь, 20 овецъ умножатся до 40. Все это требуетъ для домохозяина лишней земли, лишняго хлѣба. Всѣ эти соображенія утверждаютъ, что начало *взаимнаго общиннаго пользованія* неразрывно связывается съ началомъ *взаимной общественной отвѣтственности* въ отношеніи лицъ и учреждений, съ которыми община войдетъ въ договоръ.

Вопросъ этотъ стоялъ бы совсѣмъ на другой почвѣ, еслибы владѣльцы сдали землю хотя и всѣмъ домохозяевамъ общины по одному условію, но сами вошли бы въ распредѣленіе отдѣльныхъ клочковъ въ общемъ участкѣ и обозначили бы количество платежа, лежащаго на каждомъ домохозяинѣ.

Изъ этого нужно придти къ заключенію, что подать, наложенная на *каждую душу отдѣльно*, имѣетъ менѣе основаній, чтобы быть обезпеченной взаимною отвѣтственностью общины, чѣмъ выполнение обязательства, добровольно принятаго по отношенію къ кому бы то ни было, но цѣлой общиной, безъ подраздѣленій на домохозяевъ—отдѣльныхъ членовъ ея.

Въ этомъ случаѣ количество душъ, будетъ ли оно болѣе 40 душъ или значительно менѣе, никакого значенія для дѣла имѣть не можетъ.

Впрочемъ, не безынтересно узнать какъ объ этомъ думаютъ наши собесѣдники.

— Вотъ еще, почтенные старосты, о чемъ я васъ забылъ спросить:—какъ вы снимаете барское поле и купеческій участокъ и деньги платите—цѣлымъ обществомъ или каждый домохозяинъ за себя?

— Мы цѣлымъ обществомъ—*кучей* деньги вносимъ, мы промежъ себя какъ знаемъ, такъ и отвѣчаемъ; намъ все одно, мы въ условіи всѣ вообще постановлены, объяснили они.

— Слѣдовательно, если кто не внесетъ, такъ выпшутъ съ одного когонибудь изъ васъ?

— Зачѣмъ, этого бы не надо; всякъ беретъ участокъ, по своей силѣ, кто одно тягло, кто 1½; его никто не неволить, кому не подь силу, тотъ и не беретъ; если ко времени денегъ не хватить, кто-нибудь и внесеть, у кого свободныя будутъ, и потомъ съ него получаетъ; у насъ только та разница, что душевая подѣлена по душамъ на 35 душъ, а барское поле съ купеческимъ участкомъ, на 18 тяголъ, намъ эдакъ ловчѣй дѣлать промежь себя примѣрно Иванъ Бѣловъ душевой земли взялъ на себя 3 души, а сѣмной 1½ тягла. Еще такого случая не было, что бы кто не внесъ своей части денегъ, а коли такой грѣхъ случился, то промежь себя разложимъ, тяглы сдадимъ другому. Мы погнались за этими участками, потому что они къ нашимъ полямъ подошли, съ ними скотину можно водить, а безъ этого ихъ даромъ не надо.

Стало темно, и жно было разстаться до утра съ своими собесѣдниками; караульщикъ общины уже пошелъ по деревушкѣ и загучалъ палками. Это былъ отставной солдатъ-однообщественникъ неспособный болѣе по старости ни къ какому физическому труду; община дала ему посильное дѣло: окликивать странныхъ—*что за люди*, и заботу о покойномъ отдыхѣ своихъ однообщественниковъ, послѣ такихъ трудовъ отъ зори до зори, которые вполнѣ счумбеть оцѣнить только трудолюбивый земледѣлецъ.

Солнце еще не всходило. Блѣваніе овецъ, выбѣгавшихъ на улицу изъ каждаго двора, и мычаніе коровъ заставили меня проснуться; хозяйки уже подоили коровъ, а 13—14 ти-лѣтнія дѣвочки ушли провожать стадо за околицу, какъ бы зря—куда не забрела еще не сручная скотина.

Вся община была уже на ногахъ, ни въ одной избѣ не было часовъ, никто не заботился будить; здѣсь не заведено ни трубъ, ни рожковъ пастушьихъ, сзывающихъ стада, какъ это бываетъ у колонистовъ, спящихъ на толстыхъ пуховикахъ и закрывающихся такими же толстыми пуховиками.

— Какъ это вы всѣ въ одинъ часъ просыпаетесь? замѣтилъ я присутствующимъ въ избѣ.

— Всякая скотина свое время знаетъ, а человекъ и подавно, отвѣтила хлопотавшая у очага хозяйка.

— Намъ теперь не до сна, поддержалъ ее старшій сынъ, теперь *«день идѣ кормить»*.

— И въ правду годъ, у зимы брюхо большое, продолжала хозяйка.

Въ это время вошелъ въ избу самъ домохозяинъ, видимо, торопившійся куда-то.

*

— Ну, бабы, давайте хлѣба кусокъ, смотри до вечера прокопайсь, въ *душеводѣ* загончика съ два еще осталось, покончить надо, побуда сочекъ есть, а то какъ бы не вывѣтрило; обратился онъ въ пространство, какъ будто все имъ сказанное относилось ко всѣмъ присутствующимъ, и сталъ торопливо искать свою шляпу. Оказалось, что это была фуражка нынѣшняго фасона.

— Что это, вы прежде, помнитса, шляпы носили? замѣталъ я.

— Нѣтъ, теперь *картузь пошелъ*, во всей деревнѣ ни одной шляпы не найдешь. Прежде бывало изъ всей барщины въ пяти дворахъ одна пара сапогъ, и то только подъ вѣнець ихъ надѣвали, кому надо; а теперь, поди, безъ малаго всякій какіе ни на есть себѣ справить, замѣтишь хозяйнѣ скороговоркой и между прочимъ обратится къ сыну: — А ты за бревешками поведешь чтоли, да надо бы соломой подвести, да крышу оправить, какъ бы течь не стала. — Ну, простите ради Христа; съ этими словами онъ торопливо вышелъ; изъ окошка можно было видѣть, какъ онъ, подобно артиллеристу, верхомъ на лошади, выраженной въ общепотребительное земледѣльческое орудіе — соху, съ прицѣпленною на бичевъ бороною, отправился на свое яровое поле.

— Про какія это бревешки старикъ говорилъ, развѣ у васъ лѣсной участокъ есть? обратился я къ присутствующей семьѣ.

— Нѣтъ, у насъ купленные есть лѣсныя души у Каменскихъ, тамъ осталось бревешка съ два, не угодили захватить, пока путь еще былъ; нынѣшній годъ не такъ, какъ лѣтшій, рано вода открылась, отвѣтилъ молодой царень.

— Не даромъ старыя люди говорить продолжала за него хозяйка: *или недѣлю не дождишь, или недѣлю переждишь* отъ Благовѣщенья знай (25 марта).

Изъ этой небольшой бесѣды читатель можетъ отчасти замѣтить, какъ русская земледѣльческая семья и подъ такимъ небомъ, гдѣ содрываютъ арбузы, судорожно должна торопиться, чтобы успѣть сдѣлать все въ своемъ хозяйствѣ въ теченіи какихъ-нибудь пяти мѣсяцевъ, чтобы имѣть возможность просуществовать остальные семь мѣсяцевъ, когда все скуетъ морозами и покроетъ снѣгомъ. Если хозяйнѣ не успѣлъ весной послѣ стаянія снѣга, за сухо оправить своей крыши, то онъ станетъ въ такое положеніе, что не найдетъ болѣе времени въ году, удобнаго для такого простаго на видъ дѣла, какъ оправка соломой старой крыши; во всяке другое время онъ будетъ или на нетерпѣливыхъ отлагательства работахъ, или, если онъ и свободенъ, то солома или крыша не успѣютъ просохнуть отъ сырости; всѣ работы совершаются всѣми, подъ строжайшимъ надзоромъ повелительницы — окружав-

щей природы, какъ бы по одному уставу, начертанному къ голо-
ловѣ каждого крестьянина.

То, что мы замѣтили объ *оправкѣ крыши*, тоже самое отно-
сится и къ бревенъ; хозяинъ, по случаю неожиданной, ранней
весны не успѣлъ привести купленной дѣсной души, у него дес-
ней есть моментъ исполнить это, а то нужно ждать новаго ду-
ты, особенно если дѣсъ сырой, а лошаденна или пенурана, или
плоха. То время весной, въ которое хлѣбопалцы могутъ употребить
на поправки, починки, называется у крестьянъ *порожнимъ време-
немъ*. Оно для нихъ также дорого, какъ и *рабочая пора*, потому, что
въ это порожнее время можно и необходимо сдѣлать такіа ме-
лочныя подѣлки, какія во всякое другое время или сдѣлать не-
удобно или невозможно.

Нужно замѣтить такъ же, что въ теченіи приведеннаго разгово-
ра, который, впрочемъ, длился не болѣе получаса, никто изъ при-
сутствующихъ въ избѣ не оставался безъ дѣла, все слышало.

Изъ въѣзжей избы я направился къ нашему старому знако-
мому Ивану Доронину, съ которымъ пробесѣдовалъ цѣлый ве-
черъ.

Въ его избѣ никого не было, вся семья находилась на задатъ
двора; тутъ же на крышѣ сосѣдняго двора двое оправляли крышу.

Такъ совершенно случайно собралась цѣлая комиссія. Вся семья
занята была устройствомъ новаго огорода.

— Здравствуйте, я опять къ вамъ, пришелъ уму разуму
учиться, обратился я къ хозяевамъ.

Всѣ усмѣхнулись.

— Чего мы знаемъ, вамъ виднѣе, вы люди ученые, добро-
душно замѣтилъ Иванъ Доронинъ.

Ученымъ крестьяне называютъ всякого, сколько-нибудь знаю-
щаго грамотъ, обращающагося въ мирѣ бумажнымъ, знакомаго
съ распорядками правительственными, а всякаго служащаго по
выборамъ въ учрежденіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ крестьян-
ству, въ томъ числѣ, мирового судью, мирового посредника, пред-
водителя дворянства, председателя управы, называть членомъ.
Въ разговорахъ о такомъ лицѣ, по какому-либо случаю, обыкно-
венно выражаются: — Что ни говори, а онъ какою нибудь на есть,
а все же у насъ членъ.

— Вотъ вы ученые меня величаете, продолжалъ я; — а ученые
вотъ что говорятъ: что вы зря хозяйствуете; участки земель не
удабриваете, каждый пашетъ въ 10 и болѣе мѣстахъ; въ дру-
гихъ странахъ, у кого пять десятинъ, тотъ боратимъ себя счи-
таетъ, а вамъ все земли мало; вотъ хоть бы вашей семьѣ, на 3
души, почти въ каждомъ полѣ, по 3 десятины можно было бы

имѣть; всѣ поля подходили бы къ самому двору и удобривать бы было близко.

По лицу всѣхъ видно было, что подобную рѣчь они слышать въ первый разъ въ своей жизни и что подобныя мысли никогда имъ и въ голову не приходили. Такъ какъ вступленіе мое было въ шутивомъ тонѣ, они, по всей вѣротности, и думали, что я шучу, даже ничего мнѣ на это не отвѣчали, а только усмѣхались.

Нужно было убѣдить ихъ, что дѣйствительно есть люди, которые во многомъ вышевложенномъ ихъ упрекаютъ.

Тогда Иванъ Доронинъ спокойно замѣтилъ:—А скотинушку-то какъ намъ держать? Вѣдь мы почестъ только ею и живы, вамъ самимъ извѣстно; разоттите хорошенько.

— Кто же мѣшаетъ вамъ скотину держать? вы можете въ стойлѣ или на подножномъ корму, только на привязи, разумѣется, замѣтилъ я имъ.

— *На приколѣ, на приколѣ!* всѣ въ одинъ голосъ повторили.

— Ну, корову на приколѣ, а теленка, а свинью, а жеребенка, а овецъ, вѣдь ихъ 20 штукъ? забросали меня вопросами со всѣхъ сторонъ.

— Вамъ извѣстно, замѣтилъ сынъ Доронина:—свинья какая скотина—развѣ ее на приколѣ удержишь?

— Да и корова запутается въ бичевѣ, замѣтила хозяйка:—не распутывать же ее за каждый часъ.

— Если нельзя на приколѣ, то въ стойлѣ, больше назему на-берете, продолжалъ я.

— А держать всю скотину дома, на стойлѣ—да на нее хлѣба не напасешься. А для чего же у насъ парь, отава, живо—такъ и пропадай, низашто-нипрошто. А вотъ рядомъ съ нами Бѣловъ мѣщанинъ живетъ, у него и свой усадъ и всякое заведеніе, а вотъ онъ и поле съ нами снимаетъ и скотину съ нами водить, доказывалъ Доронинъ.

— Онъ водить съ вами скотину потому, что ему земля нужна, чтобы сѣять подсолнечники и получать 100 рублей дохода съ десятины.

— А вы думаете, возражалъ мнѣ старикъ Доронинъ:—что земля безъ скотины будетъ стоять расчету ее снимать, безъ толоки небось и хлѣба на ней не видать; безъ скотины мы однимъ годомъ землю такъ загадимъ, пырей такъ дойметъ, что ничѣмъ его не выведешь.

Я совѣтывалъ имъ на досугѣ хорошенько посообразить; но они были тверды въ своемъ взглядѣ.

— А у насъ, продолжалъ Доронинъ:—на разумѣ совсѣмъ другое, мы думаемъ, какъ бы три общества въ одно присогла.

сять—побольше бы приволья, да поменьше бы на брата пришлось деньжонок пастухамъ платить. Мы теперь тремя участками владѣемъ, а все излишки лошадей отдаемъ Каменскимъ, благо у нихъ лѣтомъ, ночью, на пригонѣ лошади содержатся. Намъ теперь скотину стоитъ прокормить съ *череды*¹, скажемъ примѣрно, рубль серебра, а кормится она въ полѣ безъ малаго семь мѣсяцовъ; да развѣ она на рубль только съѣсть? она отъѣдается такъ, что хоть на сало рѣжь, если къ году. Сѣнцо, гдѣ есть, да соломѣ мы бережемъ для зимы и тогда излишней скотины не держимъ, а продаемъ. Наземить поля мы еще не видимъ большихъ толковъ; если Богъ дастъ *дожда*, ко времени, то безъ назему пудовъ 100 получимъ, *не земля насъ кормитъ, а небо*.

Я сдѣлалъ послѣднее усиліе, представилъ имъ еще одно доказательство, чтобы увидѣть, насколько они крѣпче въ своемъ убѣжденіи.

— А вотъ малороссы живутъ же хуторами, всякъ на своемъ подворномъ участкѣ? обратился я къ нимъ.

— Видѣли мы, батюшка, говорилъ Доронинъ: — ихъ житѣе, вотъ года съ три тому назадъ; ѣздили туда съ извозомъ; табакъ тамъ наваливали; не приведи Богъ тамъ и жить. Нужно было овса купить лошадямъ, вогъ ходили по нимъ, по ихъ дворамъ, гдѣ одинъ, гдѣ другой, зашли въ одну землянку, тамъ все въ ней и дворъ, и мельница. Хлѣбъ на полу валяется; мы сперва думали, что это *колодь*², такъ какой-то кусокъ сѣраго камня, тутъ же и коровенка тощая стоитъ; мы спрашиваемъ хозяйку: гдѣ у нихъ скотина? чѣмъ они пашутъ? Соберемся, говоритъ, двора съ три, кто бычка, кто коровенку дастъ, снарядимъ плугъ, ну, и пашемъ поочередно. Намъ коровенку больно жалко стало—на ней пашутъ и ее же сердечную доять. Дорогъ нигдѣ нѣтъ, потому ѣздить не на чемъ, да и не для чего; народъ почестъ весь на табачниковъ работаетъ.

— Вамъ хорошо со мной говорить; я вотъ ячменя отъ пшеницы не отличу, а вотъ постойте передамъ я ваши рѣчи настоящимъ ученимъ, они васъ разнесутъ, принужденъ былъ я отдѣлаться шуткой.

— Что же! мы рады всякому умному слову, благодаримъ, заключилъ Доронинъ.

Въ теченіи всей этой бесѣды семья Дорониныхъ продолжала свое занятіе съ огородомъ. Она воспользовалась, какъ видно,

¹ Чередомъ называютъ: крупную скотину, двѣ малыя, 6 овецъ.

² Жинки изъ коноплянаго сѣмени.

порожнимъ временемъ и задумала устроить себѣ для большаго удобства огородъ, за избой изъ части коноплянника. У всѣхъ крестьянъ, какъ читателю уже извѣстно, огороды находятся на разстояніи версты отъ деревни, на р. Коренушкѣ. Такъ какъ Доронины живутъ съ краю, то имъ представилось удобнымъ имѣть огородъ подъ рѣками. Это никому не могло мѣшать, міру до этого не было дѣла, какъ мы узнали; усадьба отведена каждому на неопредѣленное время, всякій дѣлаетъ изъ нея что знаетъ; такъ смотреть на это община. Всякій, зная, что онъ не нарушаетъ ни чьихъ интересовъ, ни въ частности, ни общинно, приступаетъ свободно къ предпріятію, безъ всякихъ формальностей относительно разрѣшенія схода.

Огородъ этотъ Доронины должны были кончить непременно къ полудню. Старикъ нарубилъ и сажалъ колья, сынъ устроивалъ плетень, старуха-хозяйка въ это время дѣлала грядки, молодая сноха носила на эти грядки перегной, молодой мальчишкѣ, младшій сынъ Доронины, и дѣвочка, старшая дочь сына-большака, помогали гдѣ нужно, въ этой общей работѣ.

Если вы поставите на видъ кому либо изъ нашихъ хозяевъ усѣбность въ устройствѣ огорода, а главное его дешевизну, вы услышите отъ него обыкновенный отвѣтъ: *«что мужикъ ни во что не считаетъ свой трудъ»*. Доронинскій же огородъ, на нашъ взглядъ, указываетъ на другое: этотъ огородъ устроился на началѣ раздѣленія земледѣльческаго труда *по силѣ и способностямъ членовъ* семьи, представляющей своего рода экономическій союзъ въ его первоначальной формѣ.

Предложите такой огородъ устроить одинокому, съ одной бабой и нѣсколькими ребятишками, какъ это обыкновенно бываетъ у одинокаго, онъ въ нѣсколько дней его не устроитъ. Предложите десяти такимъ же одинокимъ сдѣлать каждому для себя особый огородъ, они откажутся, вы не увидите ни одного огорода. Эти десять домохозяевъ скажутъ вамъ: *«чѣмъ намъ на десять дворовъ городьбу городить, мы лучше одну городьбу заведемъ»*, и тогда они прибѣгнутъ къ экономическому союзу, въ его общинной формѣ. *«Тогда и хворосту и работы будетъ поменьше, всякъ управитъ свою полосу, какъ знаетъ и сколько сможетъ, тутъ и маломощному не обидно будетъ, и семейному рука»*. Такъ не только говорятъ, но и поступаютъ сотни общинъ, которыя мнѣ приходилось видѣть, такъ поступила и Губаревская община.

На разстояніи версты на небольшой рѣчкѣ Коренушкѣ, протекающей по оврагу, она огородила необходимый участокъ подъ огороды. Каждому домохозяину отведено соответственное число квадратныхъ саженъ, пропорціонально тому участію, которое

онъ способенъ принять въ двѣлахъ общины. Такъ, наприимѣръ, платящему одну долю всѣхъ повинностей отведено 2 сажени, платящему двѣ доли — 4 сажени въ ширину и т. д.; въ длину же всѣ получаютъ 80 сажень; такъ что получающій одну долю въ огородѣ получаетъ участокъ въ 160 квадратныхъ сажень; двѣ доли — 320 квадратныхъ сажень и т. д. По этому расчету каждый домохозяинъ принимаетъ участіе и въ городьбѣ; получающій одну долю огородной земли долженъ набить кольевъ и заплести плетня «по саженно» столько, сколько на одну долю придется на весь параллелограммъ. Если потребуются на всѣ стороны четырехугольника 460 сажень, то домохозяину на одну долю придется сдѣлать плетня $\frac{1}{3}$ лишь часть всего этого количества т. е. 153 сажень; тогда какъ, еслибы ему пришлось дѣлать особый огородъ, то на однѣ только двѣ стороны параллелограмма потребовалось отъ него плетня 160 сажень въ длину, т. е. болѣе чѣмъ въ десять разъ матеріала и личнаго труда.

Если вы спросите объ одинокомъ — почему онъ не дѣлаетъ себѣ отдѣльнаго огорода? Вамъ всякъ отвѣтитъ: *его поспѣлъ не беретъ*. На указаніе же ваше, что Доронины устроили себѣ скороогородъ, вамъ замѣтятъ — *у нихъ спороности многи*.

При прощаньи, когда всѣ мужчины подняли свои фуражки, я вспомнилъ разговоръ на разсвѣтѣ о фуражкахъ. Оказалось, дѣйствительно, что теперь *картузь пошелъ*. Мнѣ хотѣлось знать причину такого предпочтенія:

— Почему это вы фуражки стали носить, развѣ онѣ удобнѣе шляпъ и шапокъ?

— Такъ, *другъ отъ дружки перенимаемъ*.

— Въ то же, какъ и въ Парижѣ, моды держитесь.

— *Нийтѣ*,¹ проязесь, улыбаясь, Доронины.

Общественный ящикъ ожидалъ меня у воротъ въѣзжей избы, которая содержалась общиною.

Я не затрудняю читателя поясненіями объ общественномъ ящикѣ и въѣзжей избѣ — это явленія наплывныя, болѣе относящіяся къ области налоговъ, чѣмъ общиннаго начала; по этой же самой причинѣ я умолчалъ о продажныхъ и лѣсныхъ душахъ, съ которыми пришлось встрѣтиться и о которыхъ намъ придется еще говорить въ другомъ мѣстѣ. Изъ Губаревки дорога лежала прямо на село Сокуръ, большую общину изъ малороссіянъ, поселенныхъ здѣсь давно, еще въ прошедшемъ столѣтіи. Всѣ двадцать пять верстъ, которыя нужно было проѣхать до Сокура, впечатлѣніе, произведенное Губаревской общиною, меня не покидало.

¹ Пожалуй что такъ.

Признаюсь, я жалѣлъ, что она не вошла въ районъ разноплеменныхъ общинъ При-Узинскаго Края, куда нужно было торопиться, чтобы не опоздать выполнениемъ задуманнаго плана. Въ болѣе продолжительный періодъ времени можно было бы поимѣтить такія явленія, которыхъ никакъ нельзя отереть по однимъ распросамъ.

Будьте столь любезны, читатель, отвѣтите сами на вопросы, которые мнѣ такъ неотвязчиво лѣзутъ въ голову всю дорогу, съ той минуты, какъ я оставилъ Губаревку. Какъ представляется вамъ эта община, при современномъ ея бытѣ—учрежденіе ли это, какъ результатъ законовъ, какъ твореніе государственной власти, или можно допустить, что она могла быть порожденіемъ экономическихъ условий народнаго быта? Я спрашивалъ многихъ крестьянъ—когда и кто приказалъ имъ, кто дозволилъ или разрѣшилъ владѣть и пользоваться землею сообща и передѣлать ее? Никто не могъ мнѣ отвѣтить на это. Вся община одно твердила мнѣ, что она находитъ этотъ порядокъ вещей возможнымъ, справедливымъ и выгоднымъ. Изобрѣтена ли форма пользованія землею въ барскомъ и купеческомъ участкахъ—законодательствомъ, или же само народное законодательство, волей неволей, вышло въ форму, составляющую отличительную особенность людей того климата, въ которомъ живутъ Губаревскіе крестьяне? Далѣе вопросовъ я лично покуда не пойду; съ моей стороны, какъ изслѣдователя, слишкомъ послѣшно было бы, по одной общинѣ, дать какіе либо отвѣты. Удѣлъ слабого—искать помощи у сильнаго, удѣлъ изслѣдователя—прибѣгать къ аналогіи и гипотезѣ. Дарвинъ приходитъ къ заключенію, «что простое растеніе, вслѣдствіе дѣйствія свѣта, движется, живетъ сообразно его *нуждамъ и пользамъ*». Онъ почти утверждаетъ, что растеніе одарено способностью знанія, гдѣ находится центръ земли и гдѣ тотъ или другой источникъ свѣта, и, руководствуясь этою способностью, растетъ такъ, какъ находитъ для себя наиболѣе выгоднымъ». Если только вѣрять почтенному естествоиспытателю, отчего же не допустить, что и губаревцы не лишены той-же самой природной способности—распознаванія жизненныхъ условий, и, руководствуясь этою способностью, распоряжаются барскимъ и купеческимъ участками такъ, какъ находятъ для себя наиболѣе выгоднымъ.

На двадцати-пяти верстномъ разстояніи мелькнуло немало общинъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ, лежавшими на пути, я думалъ-было, въ качествѣ проѣзжающаго, познакомиться по статистическимъ даннымъ, изображеннымъ у въѣзда и у выѣзда селенія, на высокомъ разукрашенномъ столбѣ. Каждый столбъ ис-

но изображалъ, крупными буквами то, что зналъ каждый босоногий мальчишкѣ—это, *название села* и то, что каждый крестьянинъ отвергалъ, это—*число душъ и число дворовъ*.

Оказалось, что во всѣхъ общинахъ, съ которыми только пришлось поближе познакомиться—*душа* видоизмѣнялась необыкновенно разнообразно; такъ довелось встрѣтить среди населенія души: *убытныя, прибытныя, чужія, новыя, молодыя, окладныя, накладныя, пустовыя, умершія, земельныя, лѣсныя, продажныя, покутныя, пропитыя*; нашелъ даже *душу на міру*, но нигдѣ не могъ найти, ни одной такой души, какая значилась на статистическихъ столбахъ.

Одна изъ такихъ на пути лежавшихъ деревушекъ, по имени Кривопаоловка, привлекала вниманіе особенностью своего наружнаго вида; оказалось, по словамъ старосты, что эта община, въ главныхъ своихъ общинныхъ чертахъ, по распредѣленію земли и повинностей, не представляла никакихъ особенностей; отличительная ея общинная черта состояла лишь въ томъ, что она снимаетъ въ аренду землю у землевладѣльца и эту-то *сыжную землю*, для посѣва хлѣба, дѣлитъ между своими сочленами, по ихъ эконолической силѣ, а своей душевой надѣль обратила въ залежь подъ пастбу скота.

Сокурскія горы уже стали видѣться, а вся община лежала недалеко въ котловинѣ. Я сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ ямщику, изъ крестьянъ Губаревской общины, которая не выходила изъ головы. Это—тотъ самый Ерема Гагуринъ, которому міръ свачала сложилъ $\frac{1}{2}$ души, а потомъ, на другой годъ, вновь наложилъ; онъ, если припомнить читатель, принадлежитъ къ одиночкамъ, платящимъ небольшое количество душъ въ Обществѣ, домохозяинъ не изъ очень сильныхъ, слѣдовательно, не міровѣдъ. Знать это не безынтересно только потому, что отвѣты Еремы относительно общины не могли отличаться особеннымъ пристрастіемъ.

— Скажи, пожалуста, Ерема, когда ты просилъ у міра сбавить съ себя души, что міръ не очень противился, легко тебѣ было развязаться съ этимъ дѣломъ?

— У насъ Общество небольшое, два, три, да и обчелся, не то что у Каменскихъ, тамъ на сходѣ безъ малаго цѣлый день *малдежъ малдятъ*; когда пришло время, я старикамъ молвилъ: старыхъ душъ мнѣ держать не приходится, лошаденку продать, другую — не знаю куплю-ли, нѣтъ ли, если что будетъ далѣе—опять возьму ихъ; ну они сами видятъ, что не тотъ мой сустатокъ. Тутъ сталъ просить и Иванъ—сбавьте, говорить, и съ меня. Ну, что, говорятъ — сбавить надо. А на кого наложить — подъ часъ

другого и не спрашивать, самъ уже видитъ — ему не миновать. Или ребята подростаютъ, чтобы безъ работы не остались — одну душевку, я говорить, возьму. А тамъ пришолъ другой годъ, продолжалъ про себя Гагуринъ: — охота пришла приобрести посѣву, жеребеночъ подросъ, давайте, бар, мои старыя души, ну, и отдали.

— А не было такого случая, или не слыжалъ ли, чтобы мръ понажалъ кого — мало ли какіе бываютъ люди, ихъ тамъ не одинъ?

— Нѣтъ, этого не было, мръ всякая жадина.

Съ этими словами, мы въѣхали въ Сокурскую, малороссійскую Общину.

В. Триреговъ.

ОЧЕРКИ МАЛО ЗНАКОМОГО БЫТА.

Генераль Добряковъ принялъ меня очень ласково.

— Вы назначены ко мнѣ адъютантомъ? прошу садится... вотъ папирсы.

Я сѣлъ. Курить не хотѣлось; воротникъ съ лаврами жалъ мнѣ горло, а застегнутый мундиръ наводилъ на мысль, не замуравленъ ли я въ какую-нибудь стѣну.

— Ну, что новенькаго въ Петербургѣ?.. Какія звѣзды въ балетѣ?.. въ оперѣ?.. Не слышали ли о назначеніяхъ?.. забросалъ меня вопросами мой начальникъ.

Я коротко отвѣтилъ и всталъ.

— Ну, до свиданія... прошу безъ церемоніи. Мы обѣдаемъ въ 4 часа, и у меня такой обычай, что адъютанты обѣдаютъ съ нами... пожалуйста, безъ всякаго блеска: въ сыртукѣ при погоняхъ и веди, безъ султана...

Я раскланялся и поѣхалъ знакомиться съ моимъ сотоварищемъ; у генерала полагалось два адъютанта.

— Очень пріятно познакомиться! а вамъ и квартирныя за этотъ мѣсяць потребовалъ? встрѣтилъ меня адъютантъ Радусевко:— у его превосходительства были?

Быль.

— И у начальника штаба?

— Тоже быль.

— Все это, я дамъ сказать люди обходительные... съ ними можно еще жить... Ея превосходительство—тоже добрыйшшая женщина.. имѣеть нѣкоторыя странности, но совершенства видѣть нѣтъ на землѣ... Не правда ли? Пойдемте въ штабъ, а вамъ дѣла дамъ, да и квартирныя встать получите.

Мы пошли по какой-то улицѣ, съ кочками окаменѣвшей грязи. Кое-гдѣ у заборовъ и на крышахъ бѣлѣлъ скупо выдавшій свѣжокъ; сѣренькій день глядѣлъ хандровато; безлистные топо-

ли стояли группами у замерзлого пруда; прямо передь нами высилась пожарная каланча.

— Нашъ начальникъ штаба—прекраснѣйшій человекъ, заговорилъ Радушенко:—одно только, что насчетъ стилъ въ бумагахъ немного затруднительнъ для нашего брата, т. е. армейскаго, пояснилъ онъ.

— Какого стила?

— Въ исходящихъ. Рѣдкую бумагу по два, по три раза не переписываютъ. Вотъ я вамъ къ примѣру скажу. Третьяго дня написалъ я въ интендантское управленіе такой рапортъ: «имѣю честь увѣдомить, что содержаніе, которое слѣдуетъ чинать штаба за ноябрь сего года, получено». Какъ, по вашему мнѣнію, есть тутъ что-нибудь противъ грамматики?

— Нѣтъ; совершенно правильная фраза.

— Ну, вотъ видите! А онъ не подписалъ этой бумаги; лучше говорить напишите «слѣдующее», а не «которое слѣдуетъ»; а то, говорить, у васъ вообще въ бумагахъ часто слово который повторяется. Вчера переписали «слѣдующее». А онъ опять не подписалъ бумаги: надо, говорить, не «слѣдующее» а «слѣдующее». Не знаю, что сегодня скажете.

— Однако, не веселая перспектива имѣть дѣло съ такимъ канцеляристомъ, сказалъ я, разсмѣявшись.

— Вамъ-то нечего бояться. На то вы ученый, у васъ онъ ни одного слова зачеркивать не будетъ, а вотъ нашему брату, армейскому, тяжеленько приходится изъ-за этого стила.

Радушенко представилъ мнѣ писарей и аккуратно началъ славать дѣла по списку. Вдругъ на лѣстницѣ раздался громъ прыгающей по ступенямъ сабли.

— Начальникъ штаба! сказалъ Радушенко и откашлялся.

Послѣ я узналъ, что прыганье сабли производилось начальникомъ штаба умышленно, чтобы писаря подготовились къ встрѣчѣ.

Съ портфелемъ подъ мышкой быстро вошелъ въ комнату Биндюгинъ, полковникъ, лѣтъ тридцати пяти.

— Здорово, ребята! произнесъ онъ по генеральски.

Сгаршій писарь, журналистъ и «приказистъ» промолчали; два переписчика громко отвѣтили за пятерыхъ:

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!.

— А, и вы уже здѣсь; здравствуйте второй разъ! сказалъ мнѣ Биндюгинъ. — Очень, очень радъ, что вы скоро пріѣхали; увѣренъ, что теперь дѣла въ штабѣ пойдутъ лучше. Опять изъ-за васъ замѣчаніе получилъ, обратился онъ къ Радушенко.

Бѣдный малороссъ вздохнулъ.

— Кажется, бумаги въ порядкѣ были, замѣтилъ онъ робко.

— Въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Полюбуйтесь! генераль одного рапорта не подписалъ. И въ самомъ дѣлѣ... Ну, развѣ можно такъ писать? Вотъ вы сейчасъ увидите, не хотите ли прочитатъ?..

Я прочиталъ бумагу и сказалъ, что, по моему мнѣнiю, она написана какъ слѣдуетъ.

— И вы ничего предосудительнаго не замѣчаете?

— Ничего.

— А это что? На одной строчкѣ— «превосходитель», а «ство»— на другой! Развѣ это можно? Развѣ такія слова можно переносить?.. Вѣдь это азбука военной грамматики...

— Неужели генераль изъ-за этого не подписалъ бумаги?

Биндюгинъ взглянулъ на меня съ изумленiемъ.

— Allons chez nous, произнесъ онъ и повелъ меня въ штабный кабинетъ.

— Генераль нашъ, конечно, нѣсколько педантъ, сказалъ онъ, закуривая папиросу:— но, съ другой стороны, въ самомъ дѣлѣ нельзя же отступать отъ принятыхъ правилъ. Вы, пожалуйста, подтяните писарей. Вы очень кстати теперь пріѣхали. Надо составить проэктъ манѣвра; вотъ вы этимъ и займитесь. Знаете, этакій эффектный манѣвречь сочините. Потомъ мы потолкуемъ объ этомъ; теперь оканчивайте пріемку дѣлъ по вашему отдѣленiю, а я займусь: тутъ нужно одну хитрую бумагу сочинить.

Когда я пришель въ свое «отдѣленіе», Радушенко распекалъ тамъ писаря за переносъ слова «превосходительство». Выходило очень комично, и самъ Радушенко кончилъ тѣмъ, что засмѣялся.

— Слава Богу, хоть тотъ рапортъ подписалъ, сказалъ онъ мнѣ:— а то мнѣ это проклятое «слѣдуемое» такъ надоѣло... три дня изъ головы не выходило: такъ и вертится «слѣдуемое», «слѣдующее», «которое слѣдуетъ»...

Началась скучная исторія сдачи-пріемки дѣлъ.

II.

Обѣдъ у генерала Добрякова былъ очень вкусный, но нельзя сказать, чтобы пріятный, въ смыслѣ бесѣды. Гостей было трое: Биндюгинъ, Радушенко и я. На двухъ противоположныхъ концахъ большого стола сидѣли генераль и его жена; на его сторонѣ разговоръ отдавалъ военнымъ букетомъ; отъ разговора генеральши разило деревяннымъ масломъ и ладономъ.

— Представьте себѣ какой случай, рассказывалъ Добряковъ:—

когда я командовал полкомъ, капитанъ Глазатый, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ, на смотрѣ командующаго войсками выхнулъ какъ разъ въ то время, когда салютовалъ, проходя мимо начальника.

Биндюгинъ неодобрительно покачалъ головой.

— Интересно знать, ваше превосходительство, какія послѣдствія имѣлъ этотъ неумѣстный поступокъ? спросилъ онъ.

— Мнѣ было сдѣлано замѣчаніе, а капитана Глазатаго не представили къ награды. Немного строго, но, знаете, поступокъ, какъ хотите, неприличнѣйшій! У офицера все должно быть въ порядкѣ; онъ имѣеть, конечно, право чихать, кашлять, сморкаться, но только послѣ команды: «оправиться» «смирно»... У солдата и у офицера должны быть только два чувства...

— Слухъ и зрѣніе, ваше превосходительство, подсказалъ Биндюгинъ.

— Совершенно справедливо: слухъ—чтобы слушать команду; зрѣніе—чтобы весело смотрѣть на начальника!

— Вы не были съ визитомъ у нашего преосвященнаго? спрашивала меня генеральша.

— Зачѣмъ? спросилъ я въ свою очередь.

— Ахъ... это святой человекъ!

— Значить, онъ мнѣ не дара...

Генеральша снисходительно улыбнулась.

— Какъ онъ читаетъ акаѣисты, продолжала она; это истинное наслажденіе! Александръ Ивановичъ! обратилась она къ Радуженко:— мы вчера на чемъ остановили наше чтеніе?

— На пятомъ ядосѣ акаѣиста великомученицѣ Варварѣ, ваше превосходительство.

— Сегодня мы окончимъ послѣ обѣда, не правда ли?

— Ну, ужъ матушка, на сегодня увольте: Александру Ивановичу надо ѣхать повѣрить музыкантскую команду, сказала Добряковъ.

— Какъ жалъ! Знаете, обратилась она ко мнѣ:— у насъ въ дивизіи все по семейному; я, мой мужъ, начальникъ штаба, адъютанты—это одна семья. Между нами самая теплая, самая христіанскія отношенія. Послѣ обѣда мужъ идетъ отдохнуть, а я съ моими друзьями—она указала на Биндюгина и Радуженко—ухожу въ мой будуаръ. Полковникъ зажигаетъ лампаду у кіота съ образами и немного курить лѣдономъ—я люблю этотъ запахъ, потомъ Александръ Ивановичъ начинаетъ читать акаѣистъ или житіе святого, память котораго празднуется въ тотъ день. Такъ проходитъ часа два; потомъ я отпускаю моихъ друзей, а

если это канунъ праздника, то мы всё вмѣстѣ отправляемся ко всенощной въ крестовую.

Мороженое прервало слова генеральши.

Послѣ обѣда всё чинно перешли въ гостинную; подали чер- ный кофе.

Добраковъ, плотно поѣвшій, началъ шербѣть икать; Биндо- гинъ старался поддержать разговоръ; но Добрякову хотѣлось спать, и онъ отдѣлывался протажными: дда... и г-мъ... Выпивъ свою чашку, онъ всталъ.

— Ну, господа, я безъ церемоніи; пойду всхрапнуть... до сви- данія.

Мнѣ грозило приглашеніе на семейное чтеніе житія святыхъ, но я поспѣшилъ предупредить его, раскланявшись съ гене- ральшей.

— Уже уходите? протянула она жалобнымъ тономъ.

III.

На другой день, вернувшись съ генеральскаго обѣда, я засѣлъ за составленіе проекта манёвра. Часовъ въ 8 пришелъ ко мнѣ Радушенко.

— Насилу отдѣлался! вздохнулъ онъ, какъ паровикъ, и сѣлъ.

— Отъ чего отдѣлался?

— Окончилъ акаеистъ великомученицѣ Варварѣ. Прекрасная наша генеральша, добрейшей души женщина, только ужъ такъ доѣдаетъ акаеистами, что просто бѣда... Двойную службу несуде обѣда—адъютантъ, послѣ обѣда—псаломщикъ.

Я расхохотался.

— Хорошо вамъ смѣяться. А вотъ на моемъ мѣстѣ посидѣли бы, такъ было бы не до смѣха.

— Да кто же вамъ велитъ читать? Вѣдь она и мнѣ намекала на это удовольствіе, да я отказался. Скажите завтра, что больше не хотите читать—вотъ и все.

— Легко сказать! Теперь, грѣхъ пожаловаться, начальство любить меня, да и то безпрестанные выговоры за «слѣдующее» да «слѣдуемое»; а еслибы да не любило—хоть изъ службы уходи! Вы еще молоды, неопытны... Конечно, вы изъ ученыхъ; вамъ просторіе дорога; а только я вамъ дружескій совѣтъ дамъ, не пренебрегайте ея превосходительствомъ.

— Акаеисты что ли читать?

— Отчего и не прочитать иногда? И мнѣ легче было бы. Чередовались бы.

— Ахъ, вы, чудаки! засмѣялся я. — Сами виноваты! Она видитъ, что вы податливы, и пользуется.

— Не читать нельзя. Между собой, конечно, можно сказать: не кочу, молъ, да и баста; а коли жена, да дѣтей троица, да четвертый къ новому году будетъ, такъ тутъ будешь и акаѳисты читать, лишь бы начальство не гнѣвалось. А тяжело приходится. Ненасытная она какая-то. Вотъ хоть бы сегодня. Дочитываю двѣнадцатый кондакъ — это, значить, послѣдній, хочу закрыть святцы, а она: «тамъ, говорить, троекратно написано...» Нечего дѣлать, и троекратно прочелъ. Ей и этого мало. «А какого, говорить, сватого празднуется сегодня?» Ну, я всё святцы навзустъ знаю и говорю: «святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива». — «Не начнемъ ли, говорить, житіе ихъ?»

Радушенко сталъ ходить по комнатѣ и бормоталъ:

— «Троекратно!..» Такъ она, знаете, меня сегодня доѣхала этимъ «троекратно», что просто прибить ее хотѣлось!

— А вы не деритесь, а просто не читайте, да и баста!

Радушенко продолжалъ шагать по комнатѣ.

— А и въ самомъ дѣлѣ, что я за дычечекъ такой, вскричалъ онъ вдругъ, почувствовавъ приливъ храбрости: — скажу ей: ваше превосходительство, у меня есть семья, свои дѣла, мнѣ нѣтъ времени читать акаѳисты... Разъ въ недѣлю — съ удовольствіемъ, а то каждый день.. просто наказаніе!

— Разумѣется, такъ и сдѣлайте.

— А какъ вдругъ языкъ не поворотится? Захочешь сказать: не буду читать, а языкъ самъ сболтнетъ: съ удовольствіемъ, ваше превосходительство!

— Ну, значить, вы — баба, а не офицеръ.

— Попробую, была-не-была... Бросимъ лучше этотъ разговоръ, давайте, чайку выпью, да и поплетусь домой.

Черезъ минуту, Радушенко опять вернулся къ своей мучительницѣ.

— Вѣдь ея превосходительство — моя кума, послѣднюю дѣвочку крестила, произнесъ онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

— Вотъ она и обложила васъ натуральною повинностью за честь, которую вамъ сдѣлала.

— Все же, знаете, не мѣшаетъ имѣть родство съ сильными міра сего... Вѣдь нашъ братъ постоянно на волоскѣ виситъ; а если заступница есть, все не такъ опасно.

— Однако, вѣчего сказать, пріятное положеніе висѣть на волоскѣ.

— А что же дѣлать? Служба!

Черезъ минуту, Радушенко началъ какимъ-то тоскливымъ голосомъ:

— А я вамъ скажу—между нами это, конечно—вы почему-то не понравились ея превосходительству... Я уже заступался за васъ. Нѣтъ, говорить, въ немъ что-то такое несимпатичное.

— Напрасно заступались, добрыйшій Александръ Ивановичъ. Мнѣ рѣшительно все равно.

Радушенко покачалъ головой и вздохнулъ.

— Да вы, какъ дитя малое, неопытны; извините, что такъ прямо сказалъ. Какъ это можно не дорожить мнѣніемъ начальства! Отъ этого мнѣнія вся служба зависать, а вы говорите: все равно!

— Я вѣдь не у генеральши адъютантомъ.

— Не сговоришь съ вами, я вижу. Я вѣдь вамъ все это по товарищески сказалъ. Вы, можетъ быть, подумаете: вотъ, дескать, третій день знакомы, а навязывается...

Я увѣрилъ добряка, что понимаю его пріятельскія побужденія. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Ну, до свиданія..

— Заходите разсказать, какъ вы будете отказываться отъ чтенія акаеиста.

Радушенко ничего не отвѣтилъ.

IV.

Я скоро составилъ проэктъ манёвра. Биндюгинъ нашель его «поучительнымъ», но прибавилъ, что «его превосходительство врядъ ли одобритъ».

— Читалъ вашъ проэктъ, сказалъ мнѣ за обѣдомъ Добряковъ:— и полагаю, что онъ потребуетъ значительной передѣлки. Никакой художественности нѣтъ!

— Развѣ это романъ? спросилъ я.

— Художественность въ манёврѣ гораздо важнѣе, чѣмъ въ романѣ. Если ея нѣтъ въ романѣ, такъ вы бросили романъ и дѣлу конецъ, а манёвръ безъ художественности можетъ имѣть послѣдствіемъ выговоръ — да-съ! Манёвръ, который не доставляетъ пріятныхъ ощущеній, никуда не годится. Можетъ быть, вашъ проэктъ и хорошъ съ военнаучной точки зрѣнія, но съ практической онъ, что называется, швахъ. Впрочемъ, это все надо видѣть на практикѣ. Назначьте на завтра первую репетицію въ 5 часовъ послѣ обѣда.

— Такъ, значить, вы будете воевать завтра? сказала гене-

ральша:—а мы съ Александромъ Иваковичемъ предадимся мирному занятію... не правда ли? Мы завтра начнемъ житіе Саввы освященнаго.

Радушенко обгладывалъ въ это время восточку куропатки и чуть-чуть не подавился отъ вопроса генеральши. Онъ хотѣлъ было что-то сказать, но, вмѣсто того, покраснѣлъ и закашлялся.

— Выпейте вина, сказала генеральша и сама налила сен-жоржа въ его стаканъ.

Радушенко совершенно растаялъ отъ этого вниманія.

На другой день послѣ обѣда, мы сѣли на верховныхъ лошадей и поскакали на репетицію манёвра въ поле, гдѣ уже заблаговременно расположились войска. При выѣздѣ изъ города, къ намъ присоединилось человекъ десять офицеровъ, наряженныхъ къ Добрякову ординарцами. Добряковъ любилъ большую свиту. Мы въѣхали на холмъ, съ котораго была отлично видна вся сцена, предназначенная для репетиціи.

Окрестность была красивая. Впереди, откуда предполагалось наступленіе непріятеля, синѣлъ большой лѣсъ. Мѣстность отъ него возвышалась зелеными холмами, образуя нѣсколько дефиле, по которымъ извивались дороги. Слѣва блестѣла рѣчка, обезпечивая отъ обхода; направо была широкая луговина; за нею желтѣли пашни, условно считаемыя непроходимыми мѣстами. Весь ландшафтъ, подъ боковымъ солнечнымъ освѣщеніемъ, съ рядами бѣлыхъ, сверкающихъ облаковъ на горизонтѣ, смотрѣлъ такъ весело и мирно, что мнѣ захотѣлось сбросить съ себя всѣ военные доспѣхи и поскакать къ этому синему лѣсу, гдѣ должна быть такая славная прохлада.

— Превосходное мѣсто для манёвра! сказалъ Добряковъ. — Ну-съ, посмотримъ вашу проѣзку. Цѣль манёвра, если я не ошибаюсь, атаковать ту мѣстность, на которой мы стоимъ. Такъ что ли?

— Такъ точно, ваше превосходительство, поспѣшимъ подтвердить Биндюгинъ.

— Дайте сигналъ начать наступленіе.

Взлетѣла ракета. Черезъ нѣсколько минутъ, синій дымокъ, показался на опушкѣ лѣса. Вся опушка лѣса закурилась. Затрещали холостые выстрѣлы, грохнула пушка.

Добряковъ преобразился. Его вѣжливость, любезность совершенно исчезли. Онъ сталъ горячиться, раздавалъ приказанія; офицеры изъ свиты поскакали во весь духъ по разнымъ направленіямъ съ приказаніями.

— Чего онъ тамъ ползеть, какъ ракъ! кричалъ Добряковъ, указывая на колонну, медленно подвигавшуюся на холмъ.

— Тамъ очень крутой подъемъ, замѣтилъ я.

— Что вы! учить меня, что ли! Скажите! обернулся онъ къ свитѣ: — скажите этому медвѣдю, кто тамъ командуетъ, чтобы онъ шелъ бѣгомъ!

Два офицера рванулись съ мѣста въ карьеръ.

— Что это за пальба! кричалъ генералъ: — шутать они что ли! Залпы! Залповъ больше!

Опять поскакалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Не хорошо, г-нъ адъютантъ, свирѣпствовалъ Добряковъ уже на мой счетъ: — не красиво... что это за манѣвръ?! Гдѣ войска? Ихъ точно нѣтъ! Ползутъ, какъ червяки! Зачѣмъ они идутъ, точно прачутся, какъ воры!

— Перебьютъ, если идти по открытому мѣсту, заступился я за свой проэктъ.

— Да что мы, ядрами что ли стрѣляемъ? что вы мнѣ говорите! Храбрыя войска должны переть прямо, а не ползти червякомъ! Что это за манѣвръ! Да чего эти бабы плетутся!.. скажите этому командиру полка, что онъ — баба, а не полковникъ! Чего жъ вы стоите?

Изъ свиты опять поскакали.

— Гдѣ командиръ артиллерійской бригады? вскрикнулъ вдругъ Добряковъ, уже весь красный отъ гнѣва.

Тучный полковникъ подскакалъ, держа руку у козырька.

— Чего вы смотрите, полковникъ? Срамъ! Что тамъ дѣлаютъ эти двѣ пушки?

— Обстрѣливаютъ дефиле, ваше превосходительство.

— Да развѣ это стрѣльба! Пошлите туда цѣлую батарею, и чтобы жарилась во всѣ лопатки.

— Смѣю доложить вашему превосходительству, что тамъ болѣе двухъ орудій и помѣститься не можетъ, возразилъ полковникъ.

— Да что вы, господа! Говорать вамъ: помѣстятъ!

Полковникъ двинулъ плечами и поскакалъ.

Раздалась команда: батарея расположилась одно орудіе за другимъ и начала палить.

— Ну, вотъ, давно бы такъ! сказалъ Добряковъ. — А это что такое?! Отчего вы этотъ холмъ не приказали занять артиллеріей? Господи! авторъ манѣвровъ! я васъ спрашиваю.

— Съ того холма выстрѣлы не могутъ попадать въ атакующихъ: они совершенно закрыты возвышенностями.

— А для чего вамъ нужно, чтобы они попадали? Скажите

вы этому толстопузому полковнику, чтобы онъ туда цѣлую батарею поставилъ. Куда они всё запропастились?

Изъ свитскихъ уже никого не было. Мнѣ пришлось скакать отыскивать толстопузаго артиллериста.

— Поставьте на тотъ холмъ цѣлую батарею, сказалъ я, смѣясь.

— Чортъ знаетъ, что такое! злился полковникъ; однако, тотчасъ же скомандовалъ занять холмъ.

Вернувшись къ генералу, я засталъ его въ полномъ изступленіи; онъ былъ одинъ; Биндюгинъ тоже усакалъ съ какимъ-то приказаніемъ, ординарцы не возвращались.

— Дрянъ! Бабы! кричалъ онъ: — развѣ наступающіе такъ должны кричать ура! А барабанщики! Чего они кожи барабанной жалѣютъ?! А залпы!.. Это срамъ! Что скажетъ инспектирующій про такой манѣвръ!

Прискакало нѣсколько ординарцевъ.

— Чего вы катаетесь? Шагомъ ѣхали!

— Всѣ лошади въ мылѣ, ваше превосходительство, рѣшился отвѣтить который посмѣлѣе.

— Я васъ самихъ взмылю! !

Въ это время, занявшая холмъ батарея отерла свирѣпые залпы въ пустое пространство, слѣва тоже началась жестокая пальба той батареи, которая расположилась гуськомъ. Всѣ пѣхотныя части подыали страшную трескотню. Биндюгинъ поѣхалъ къ резерву и ему велѣлъ валать залпами. Барабаны гудѣли; всѣмъ, какъ наступающимъ, такъ и обороняющимся приказано было кричать ура; горнистовъ тоже не оставили безъ дѣла. Вся вѣстность преисполнилась гула. Генераль пересталъ браниться; онъ вертѣлъ своего коня то въ ту, то въ другую сторону и наслаждался клубами дыма, которымъ совсѣмъ закрылся холмъ.

Вдругъ возлѣ Биндюгина появился толстопузый артиллеристъ.

— Если черезъ пять минутъ не будетъ отбоя — мы пропали, прошепталъ онъ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

— Что такое?

— Послѣдніе заряды! Я уже послалъ верхового въ лагерь за запасными ящичками... Если не поспѣютъ — бѣда!

Но несчастія не случилось; финалъ манѣвра удовлетворилъ Добрякова, и онъ велѣлъ дать «отбой». Толстопузый полковникъ перекрестился отъ радости.

Мы поѣхали въ городъ шагомъ; генераль успокоился и принялъ свою обычную вѣжливую манеру. Въ воздухѣ слышался запахъ пороховой гари; полки шли въ лагерь съ пѣснями: такъ было приказано. Мимо насъ проходилъ баталіонъ и пѣлъ: «Ахъ вы сѣни».

— Баталіонный командиръ, пожалуйста сюда! крикнулъ Добряковъ.

Подскакалъ старшій, сѣдой маіоръ; оно дрожало, ожидая голубомойки.

— Приважите перчистую пѣть, сказалъ генералъ:—мы вѣдь же барышни.

Старикъ прищипорилъ коня.

— Пойте «Красавицу!» прокричалъ онъ.

«Красавица, поцѣлуй
Русскаго солдата...»

трянулъ хоръ.

— Ну-съ, вашъ проэктъ—швахъ, какъ я и раньше думалъ, сказалъ мнѣ Добряковъ:—т. е. мысль, если хотите, не дурна, выборъ мѣстности тоже хорошъ, но проэктъ исполненія нигуда не годится. Художественности нѣтъ, наступающихъ колоннъ не видно, артиллеріи въ дѣлѣ мало, а безъ нея какой же маневръ, все равно, что супъ безъ соли. Полковникъ передѣлайте его... Знаете, чтобы войска наступали не по дефиле, а по отлогостямъ... къ отряду обороняющаго прибавьте еще одну батарею и внушите вы этимъ командирамъ, чтобы они не разсуждали, а жарилъ бы!

— Слушаю съ, сказалъ Биндюгинъ.

— Когда вы это передѣлаете, манѣврецъ не стыдно будетъ предложить и инспектирующему.

V.

Каждое утро ходили мы въ штабъ. Биндюгинъ распечатывалъ почту: рапорты и предписанія безъ конца. Мы тоже въ свою очередь «доносили» и «предписывали». Однажды отъ старшаго полковаго доктора поступилъ рапортъ, что третья часть полка заболѣла глазной болѣзнью.

— Съѣздите осмотрѣть помѣщенія этого полка, сказалъ мнѣ Добряковъ за обѣдомъ.

Я поѣхалъ вмѣстѣ съ докторомъ.

Солдаты въ г. Грязниговѣ размѣщались въ помѣщеніяхъ, отведенныхъ городскимъ управленіемъ.

Когда я вошелъ въ одно изъ такихъ помѣщеній, мнѣ стало трудно дышать; я вспомнилъ пещеру на Чатырдагъ. Вообразите воздухъ бани на другой день послѣ топки, и въ этомъ воздухѣ—дымъ махорки и испаренія просушивающихся солдатскихъ ши-

нелей и онучь. Пламя двухъ лампъ было окружено облакомъ испарений.

Во мнѣ подсвочилъ дежурный по ротѣ унтеръ-офицеръ и сталъ рапортовать: «въ ротѣ все обстоитъ благополучно... больныхъ въ лазаретѣ 40, въ окологдѣ 70...

— Встать!.. скомандывалъ онъ, обратившись къ солдатамъ.

Нѣсколько фигуръ поднялись съ наръ и стали застѣгивать шинели. Я просилъ ихъ лежать и сидѣть, какъ до моего прихода, но солдату не покойно въ присутствіи офицера; когда ему говорить «вольно», онъ объясняетъ себѣ, что это такъ только говорится для формы, а что все-таки лучше вытянуться и провозжать взоромъ начальника.

— Отчего стѣны такія блестящія? задалъ я вопросъ, оказавшійся очень наивнымъ.

— Потому сырость, ваше благородіе, изволите видѣть? доложилъ дежурный по ротѣ и, махнувъ рукой по блестящей стѣнѣ, показалъ мнѣ мокрую ладонь.

— Подушки сырыя? спросилъ я у одного солдата съ истомленнымъ, боязливымъ лицомъ.

— Такъ точно, ваше благородіе! робко и тихо пробормоталъ онъ.

— Это ничего, ваше благородіе, бойко заговорилъ явившійся фельдфебель, сурово взглянувъ на солдата:—они отодвигаютъ подушки отъ стѣны... немного, конечно, сырость есть... а вообще ничего, жаловаться нельзя.

— Много-ли топите печи?

— По положенію, ваше благородіе.

Между тѣмъ, дали знать ротному командиру; онъ явился съ озабоченнымъ лицомъ; онъ боялся, не наболтали-ли какого-нибудь вздора на счетъ дровъ или пищи.

— Сколько человѣкъ помѣщается въ этой комнатѣ? спросилъ я командира.

— 40 человѣкъ; оно немного тѣсненько...

Я мѣрилъ шагами комнату: въ длину было 25 шаговъ, въ ширину 15; поднявъ руку я досталъ до потолка; на немъ тоже были капли сырости.

— Что вы скажете, докторъ, о причинахъ глазной болѣзни?

— Отсутствіе гигиеническихъ условій, отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Почему же вы не заявляете объ этомъ?

— Нечего и заявлять; всѣ знаютъ, какія у насъ въ городѣ помѣщенія для войскъ... и начальникъ штаба быдъ, и самъ генералъ какъ-то заѣзжалъ.

— Ну, и что-же?

— А ничего... Лучшего мѣтъ, такъ вѣдь на улицу не выходить. Начали переписку, предписали городскому управленію принять надлежащія мѣры къ улучшенію помѣщеній...

Я выходилъ изъ казармы съ тяжелымъ чувствомъ.

— Вамъ это должно быть вновь, потому такъ и возмущаетъ насъ, заговорилъ докторъ:—не хотите ли встать въ кухню заглянуть... пищу попробовать.

— Трудно вамъ будетъ пройти, грязно очень, сказалъ ротный командиръ.

— Ничего, пройдемъ.

Ужинъ въ котлѣ уже былъ готовъ.

— Пробную порцію! сурово крикнулъ ротный командиръ.

Поварь засуетился.

— Ты, братецъ, не безпокойся, сказалъ ему докторъ:—а зачерпни прямо изъ котла... поглубже! можетъ быть, больше говядины наловишь... Ну-ка, попробуйте, обратился онъ ко мнѣ.

Я зачерпнулъ ложку щей и попробовалъ: онѣ были плохи.

Ротный командиръ обезпокоился.

— Сегодня точно говядина не очень жирная, заговорилъ онъ:—подрядчикъ еврей, чуть не досмотришь—бѣда! Самъ всегда хожу на базаръ; рота вѣдь сѣмья ротнаго командира... Слушай, обратился онъ къ фельдфебелю:—позови завтра Мѡшеку ко мнѣ!

— Зубы вамъ заговариваетъ, шепнулъ мнѣ докторъ:—видеть, что молодо-зелено.

Мы уѣхали изъ казармы; ротный командиръ и фельдфебель провожали насъ до дрожжекъ, чтобы мы безъ нихъ еще куда-нибудь не зашли посмотреть ротное хозяйство.

Я былъ въ прескверномъ настроеніи духа; въ головѣ у меня нарисовалась яркая картина, которую я хотѣлъ представить Добрякову.

— Ну, теперь мы куда? спросилъ докторъ.

— Какъ куда? разумѣется, поѣдемъ къ Добрякову рассказать объ этомъ ужасѣ.

— Какой вы горячій! онъ, пожалуй, разсердится, что не во время побезпокоимъ.

— Какъ разсердится? Это его обязанность—выслушать насъ, если онъ пошлалъ!

— Нервы у васъ молодые! Погодите, обтерпитесь... Вы вотъ смотрѣли подушки, а не заглянули подъ полъ; а то бы еще больше ужасались.

— Что тамъ такое?

— Навозъ гниетъ. Тутъ прежде были конюшни. А какъ ста-

ли строить помѣщенія для войскъ, такъ не позаботились на-
возъ вывезти...

Мы застали Добрякова въ отличномъ расположеніи духа.

— Ну-съ, расскажите, какъ инспектировали, сказалъ онъ.

Я не пожалѣлъ красокъ для изображенія того, что я нашелъ
въ казармѣ, и въ заключеніе сослался на доктора

— Больше ничего? спросилъ Добряковъ.

— Больше ничего, отвѣтилъ я въ недоумѣніи.

— Ну, благодарю васъ за исполненіе порученія.

Добряковъ подалъ руку.

— Хотите чаю? Жена съ Александромъ Иванычемъ кончаютъ
житіе преподобнаго Зосима, сейчасъ выйдутъ. Пойдемте въ
гостиную.

Мы перешли въ гостиную. Генераль подвинулъ намъ ящикъ
съ сигарами.

— Я думаю обо всемъ видѣнномъ мною представить пись-
менное донесеніе, сказалъ я.

— Зачѣмъ? Вы очень хорошо изложили и на словахъ, хотя
ничего новаго не сказали. Все это я знаю давно. Я даже воз-
буждалъ вопросъ, какъ это говорится въ газетахъ. Предписалъ
принять возможные мѣры. Но что же дѣлать? Не ссориться же
мнѣ съ городскимъ головой?

— А вотъ и мы! раздался протяжный и неприятный, какъ
великопостный звонъ, голосъ генеральши, явившейся вмѣстѣ съ
Александромъ Иванычемъ, который выглядѣлъ просто муче-
никомъ.

— Зосима кончили? спросилъ Добряковъ.

— Кончили, ваше превосходительство.

— Знаете, что, Александръ Иванычъ, шутилъ генераль: — не
забудьте, пожалуйста, сказать мнѣ, когда у васъ дойдетъ очередь
до того святого, который на чортъ въ Іерусалимъ ѣздилъ.

— Ахъ, не шути! нельзя объ этомъ говорить и смѣяться, ска-
зала генеральша.

— Я не смѣюсь, душа моя. Но это очень интересно; я не-
премѣнно приду васъ послушать. Да... да! А вотъ тебѣ новость.
Марья Васильевна опять устраиваетъ спектакль.

Начался разговоръ о спектаклѣ; докторъ сталъ шутить, я и
Радушенко были молчаливы. Выждавъ удобную минуту, мы рас-
кланялись. Радушенко, отойдя отъ генеральской квартиры на
три квартала, началъ браниться.

— Чортъ бы ее побралъ! говорилъ онъ про генеральшу: —
сегодня начали житіе Зосима, длинное, предлинное; я взялъ,
да и перевернулъ четыре страницы сразу, и продолжаю читать,

какъ ни въ чемъ не бывало, такъ вѣдь догадалась. «Нѣтъ, говорите, другъ мой, вы пропустили!»

Я началъ рассказывать Радуженко о моемъ посѣщеніи казармы, но и въ немъ встрѣтилъ поразившую меня объективность.

— Есть изъ чего огорчаться! отвѣтилъ онъ:— вѣдь вы не пере-дѣлаете. Исполнили свое дѣло, отрапортовали и баста.

VI.

Однажды Бяндюгинъ засталъ меня за составленіемъ годоваго отчета о состояніи дивизіи.

— Охота вамъ копаться въ этихъ цифрахъ, сказалъ онъ:— пойдѣмъ ка лучше въ клубъ.

— Да вѣдь надо же вѣрную таблицу составить?

— Бовсе не надо!.. Вы еще первый годовою отчетъ составляете?

— Первый.

— Ну, такъ и не мудрею, что не знаете. Пойдемте въ клубъ, я вамъ объясню.

Дорогой, онъ мнѣ рассказалъ исторію составленія отчета, которой я не повѣрилъ сначала, но потомъ долженъ былъ по-вѣрить.

Исторія эта вотъ какая. Дѣло начинается съ того, что писарь переписываетъ черновую съ прошлагодняго отчета, оставляя пустыми мѣста для цифръ и большія поля на бумагѣ. Затѣмъ адъютантъ вставляетъ цифры и дѣлаетъ нѣкоторыя варіаціи въ текстѣ; на примѣръ: «видъ войскъ бодрый и здоровый» замѣняетъ «войска глядѣли бодро и здорово», и т. п. Опытный адъютантъ, при вставленіи въ отчетѣ новыхъ цифръ, всегда пригоняетъ такъ, что въ оценкѣ итоговъ можно бываетъ сказать: «такимъ образомъ и по этому отдѣлу въ теченіи минувшаго года замѣтенъ былъ ощутительный успѣхъ». У неопытнаго же, какимъ былъ и я, часто выходятъ регрессивные итоги. Мнѣ, на примѣръ, пришлось сказать, что грамотность увеличилась. Затѣмъ я счелъ нужнымъ—тогда, какъ этого вовсе не было нужно—указать причины того и другого, и вмѣстѣ съ тѣмъ усумнился въ точности цифръ прошлагодняго отчета.

Отъ адъютанта отчетъ поступаетъ на просмотръ начальника штаба, который, при опытномъ адъютантѣ, ограничивается только дополнительной варіаціей фразъ, придумываетъ какую-нибудь новую табличку и затѣмъ отчетъ отдается въ переписку для второй черновой.

Но я задалъ Биндюгину много работы.

— Вы напрасно время потратили. сказалъ онъ мнѣ:—развѣ такой отчетъ можно доложить генералу?

— Отчего же нельзя?

— У васъ безпрестанно: неудовлетворительно... не замѣтно улучшения... развѣ это возможно?

— Таковы цифры дѣйствительности.

— И цифры не годятся. Я вотъ ихъ передѣлаю, какими онѣ должны быть.

Отъ Биндюгина отчетъ вышелъ значительно исправленнымъ; всѣ неудовлетворительные результаты преобразовались въ почти удовлетворительные, а кое-гдѣ и въ хорошіе.

У Добрякова отчетъ пролежалъ цѣлую недѣлю и явился отъ него уже въ окончательной редакціи. Неудовлетворительности совершенно исчезли... Цифры переродились. Къ словамъ доношу прилепилось «почтительнѣйше» или же «имѣю честь донести», прогрессъ по всѣмъ статьямъ отчета оказался несомнѣнный. Статья о движеніи болѣзненности въ войскахъ была зачеркнута, а на полѣ явилась надпись карандашемъ: «отчетъ не есть отличительная корреспонденція; ставлю это на видъ господину адъютанту».

Отчетъ переписывали еще три раза; первый разъ писарь въ одномъ мѣстѣ пропустилъ «имѣю честь»; во второй генералу показалось, что въ почеркѣ слишкомъ много вольности, такъ онъ назвалъ рѣсчерки надъ строчными буквами, которыми переписчикъ думалъ, напротивъ, заслужить похвалу за красоту буквъ; въ третій разъ генералу показалось, что въ двухъ мѣстахъ необходимо вмѣсто «имѣю честь», написать «честь имѣю».

Наконецъ, отчетъ переписали на бѣло; къ нему приложили особый списокъ офицеровъ, въ которомъ пестрѣли собственно-ручныя аттестаціи Добрякова: «усерденъ къ службѣ», «исполнителенъ», «почтителенъ», «очень почтителенъ...» Были и неодобрительныя, напримѣръ, «почтителенъ и усерденъ, но имѣетъ слабость къ напиткамъ»; «не имѣетъ военнаго духа»; «малонадеженъ, много занимается чтеніемъ и маневруетъ службой», и проч.

VII.

Зачеркнутая статья о движеніи болѣзненности въ войскахъ не давала мнѣ покоя. Я написалъ корреспонденцію съ дѣйствительными цифрами и послалъ въ одну изъ петербургскихъ газетъ. Ее скоро напечатали.

Какъ-то, прийдя обѣдать къ Добрякову, я замѣтилъ въ немъ перемѣну въ обращеніи со мной. Онъ былъ, по прежнему, вѣжливъ, но прибавилъ къ вѣжливости какую-то пренебрежительную интонацію и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на тому, что нельзя служить и нашимъ, и вашимъ, и что выносить соръ изъ избы очень не хорошо.

Въ тотъ же вечеръ ко мнѣ пришелъ Биндюгинъ съ озабоченнымъ лицомъ.

— Зачѣмъ вы хотите съ нами ссориться? сказалъ онъ.

— Вовсе не хочу.

— Полноте!.. Вѣдь это ваша корреспонденція въ газетѣ? Между нами скажите.

— Мол... но что же изъ этого?

— А то, что она всѣмъ намъ можетъ повредить. Можетъ быть сверху запросъ. Развѣ это пріятно генералу?

— А вы не сочиняйте отчетовъ, такъ и не будетъ запросовъ.

— Вы все свое... Выслушайте меня серьезно: Добряковъ проситъ васъ... оцѣните вы это! просить, а не требуетъ, чтобы вы прекратили сотрудничество въ газетахъ.

— Съ какой же стати я буду молчать, когда имѣю возможность сообщить интересныя статистическія данныя?

— Полноте, пожалуйста! Вы ребачитесь! Мы васъ встрѣтили радушно, а вы отплачиваете неблагодарностью. Я увѣренъ, что вы обдумаете хорошенько и мы опять заживемъ по прежнему.

На утро, въ штабѣ Биндюгинъ спросилъ меня: надумалъ я или нѣтъ.

Я сказалъ, что нѣтъ.

— Очень жаль... очень! Сами себя неприятности устраиваете.

Съ этого дня его отношенія ко мнѣ приняли официальный характеръ. Радушенко тоже сталъ какъ-то избѣгать меня: бѣднякъ боялся, чтобы товарищескими отношеніями со мной не заслужить дурной репутаціи. У Добрякова я, конечно, пересталъ обѣдать.

Предсказанныя неприятности явились. Я сталъ получать замѣчанія и выговоры почти за каждую бумагу; меня упрекали въ томъ, что я «распустилъ писарей», что я вольнодумничая. Исполненіе каждаго порученія оказывалось неточнымъ, неудовлетворительнымъ; наконецъ, въ аттестаціи противъ моей фамиліи явилось: «неисполнителенъ».

Положеніе мое было очень неловкое.

Мѣсяца черезъ два, Биндюгинъ объявилъ мнѣ, что я, «для пользы службы», переведенъ въ другой штабъ. Въ тотъ же день я получалъ предписаніе «немедленно, по полученіи сего, отпра-

виться въ новому мѣсту служенія, получивъ въ хозяйственномъ отдѣленіи штаба прогоны по положенію».

Въ прекрасную майскую ночь, я выѣхалъ на перекладной. Радуженко заходилъ проститься, троекратно облобызавъ меня и пожелавъ, чтобы новое начальство меня полюбило.

VIII.

Я пріѣхалъ «къ новому мѣсту служенія», какъ разъ въ то время, когда мой новый начальникъ, генералъ Скупагинъ, собрался отправиться инспектировать «ввѣренныя ему войска». Онъ очень былъ доволенъ моимъ пріѣздомъ, потому что иначе ему пришлось бы ѣхать безъ адъютанта или взять за него армейскаго офицера, незнакомаго съ штабными порядками. Мы условились поѣхать вмѣстѣ. При разговорѣ объ отъѣздѣ, генералъ сразу далъ мнѣ понять, что онъ вполне оправдываетъ свою фамилію.

— Я думаю, говорилъ онъ:—мы такъ сдѣлаемъ: поѣдемъ вмѣстѣ; къ чему вамъ платить за пару лошадей? возьмемъ тройку и расходы пополамъ. Такимъ образомъ, вы будете имѣть экономію на половину лошади. А экипажъ мнѣ обѣщавъ полковой командиръ. Согласны?

Я согласился; ѣхать въ экипажѣ было гораздо удобнѣе, чѣмъ на перекладной. Мы условились выѣхать на другой же день, для чего я долженъ былъ явиться на квартиру генерала въ 7 часовъ утра.

Я засталъ его за чаемъ.

— Но хотите ли ставанъ чай? Сейчасъ придетъ мой Василій; такой несообразительный деньщикъ — просто бѣда; поставилъ самоваръ, а за булками не ходилъ; на дорогу нельзя же не поѣсть.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Василій съ узломъ въ рукахъ. Онъ купилъ булокъ на весь данный ему двугривенный.

— Что ты сдѣлалъ? въ ужасѣ вскричалъ Скупагинъ.

— Приказывали хлѣба купить...

— Вотъ голова! Онъ думаетъ, что я могу сразу съѣсть всѣ эти булки!.. Ну, что теперь дѣлать?..

Василій стоялъ растерянный съ узломъ рукъ.

Скупагинъ началъ его усовѣщивать.

— Ну, послушай, ты сообрази: могу ли я все это съѣсть сразу?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Ну, хорошо.. значить ихъ надо взять съ собой и съѣсть

въ дорогѣ; вѣдь ихъ хватить на три дня. Завтра можно бы купить свѣжаго хлѣба гдѣ-нибудь по дорогѣ, а теперь изъ-за тебя я долженъ буду ѣсть черствый цѣлыкъ три дня. Понялъ ты это?

Василій молчалъ.

— Бѣда съ ними, обратился ко мнѣ Скупягинъ:— просто разоряютъ. Давай сюда одну булку, а остальные уложи.

Мы выпили чаю. На улицѣ зазвенѣли бубенчики; привели почтовыхъ лошадей.

Полковой командиръ счелъ долгомъ приѣхать проводить Скупягина. Когда мы усѣлись, онъ пожелалъ счастливаго пути, затворивъ дверцу своего дорожнаго возка, и грозно скомандовалъ ямщику: «пошелъ»!

Мы скоро очутились за городомъ, въ степи. Слѣва видѣлись невысокія горы; по пути изрѣдка попадались небольшія группы бѣлыхъ акацій. Скупягинъ заговорилъ о программѣ инспекторскаго смотра, о слѣдствіи, которое онъ долженъ провезти въ одномъ изъ полковъ по случаю рапорта новаго командира полка о томъ, что, по отчетамъ стараго командира, какіе-то полковые воли въ два мѣсяца съѣли столько сѣна, что его хватило бы на прокормленіе десяти паръ воловъ въ теченіи цѣлаго года.

Вдругъ Скупягинъ, взглянувъ въ окно возка, крикнулъ: «стой»!

— Поди-ка сюда, любезный, закричалъ онъ проходившему солдату, когда возокъ остановился.

Солдатъ подбѣжалъ и вытянулся, взявъ на плечо.

— Развѣ ты не видишь, братецъ, что начальникъ ѣдетъ?

— Ей Богу, не видѣлъ, ваше превосходительство.

— Смотри!.. А какъ зовутъ начальника дивизіи?

— Его превосходительство, генералъ-маіоръ Аристархъ Степановичъ Скупягинъ.

— Молодецъ!.. Ну, ступай себѣ. Только смотри впередъ. Трогай! обратился онъ къ ямщику.

— Я поставилъ себѣ за правило, сказалъ онъ мнѣ:— не преспускать безъ внушенія ни одного солдата и офицера, который не отдалъ чести. Положимъ, тотъ и не видалъ, но онъ долженъ быть внимательнѣе. Онъ видитъ, что на возлахъ сидитъ деньщикъ, значить, въ экипажѣ навѣрно офицеръ; хоть его и не видно, а честь надо отдать.

— Но нашъ маршрутъ можетъ очень замедлиться, если мы будемъ останавливаться изъ-за каждаго солдата, сказалъ я, смѣясь.

— О, вѣтъ! въ моей дивизіи дисциплина доведена до совершенства, солдаты мой экипажъ знаютъ; тотъ, можетъ быть, потому и не отдалъ чести, что я не въ своемъ экипажѣ ѣду. Вре-

мя, знаете, грязное, я пожалѣлъ взять собственный, а полковникъ былъ такъ любезенъ предложить свой. Да... на чемъ, бишь мы остановились?

— На какихъ-то невѣроятно прозорливыхъ волахъ.

— Д-да... ужъ именно невѣроятные воли! Тутъ, конечно, прежній командиръ не безъ грѣшковъ, а прекрасный былъ командиръ: голосъ, какъ труба, когда рапортуетъ, глазами не моргнетъ, одно слово картина. Приказы плохо помнилъ... Я съ нимъ какъ-то держалъ пари на счетъ одного правила при зарѣ съ церемоніей и выигралъ... позвольте я припомню... да... знаете послѣ того, какъ скомандуютъ «накройсь», выходить рапортовать..

Меня стала клонить дремота; смутно слышалъ я слова генерала, воодушевившагося отъ воспоминанія выиграннаго пари: «поворачиваются, не отнимая руки отъ козырька... салютуютъ... по вѣтренной мнѣ ротѣ»... Потомъ, я заснулъ.

— Вставайте, сейчасъ городъ! разбудилъ меня Скуягинъ:— я вамъ сталъ рассказывать, а вы на самомъ интересномъ мѣстѣ заснули.

— Дорогой отлично спится, сказалъ я и сталъ глядѣть въ окно.

Передъ нами былъ сѣренскій уѣздный городъ. Торчала колокольня уѣзднаго собора, около нея нѣсколько зеленыхъ крышъ на домахъ мѣстной аристократіи; при вѣздѣ острогъ.

На бугрѣ стояли два конныхъ вѣстовыхъ, которые, увидѣвъ насъ, поскакали въ городъ. Это были выставлены караульные, чтобы дать знать о нашемъ вѣздѣ командиру полка, который мы ѣхали инспектировать.

У воротъ почтовой станціи насъ встрѣтилъ полковой командиръ въ парадной формѣ.

Скуягинъ, съ солиднымъ лицомъ, выслушалъ рапортъ, взялъ сложенный листъ изъ рукъ полкового командира и передалъ мнѣ съ словами: «приобщите къ дѣлу».

— Здравствуйте, полковникъ, сказалъ онъ уже другимъ тономъ, исполняя эту церемонію, подавая руку.

— Не угодно ли вашему превосходительству пересѣсть въ мою коляску и позволить мнѣ проводить васъ на отведенную квартиру?

— Хорошо-съ.

Мы поѣхали.

— Когда угодно будетъ вашему превосходительству начать смотръ?

— Я полагаю, завтра; сегодня мы отдохнемъ съ дороги. Вы получите приказаніе; пришлите вотъ въ ихъ распоряженіе двухъ писарей и вѣстоваго.

— Слушаю-съ.

Проншла пауза.

— Если ваше превосходительство не располагаете вечеромъ заниматься, то я позволилъ бы себѣ попросить васъ къ себѣ на чай, сказалъ полковникъ заискивающимъ тономъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Вы тоже, вѣроятно, доставите удовольствіе поближе познакомиться съ вами? сказалъ мнѣ полковникъ.

Я сказалъ, что доставлю.

Намъ отвели прекрасныхъ три комнаты со всѣми удобствами. Увидѣвъ высоко взбитую постель, генералъ обрадовался.

— Я лягу, сказалъ онъ мнѣ:—а вы потрудитесь написать приказъ: завтра въ девять часовъ утра смотреть грамотности, потомъ повѣрка суммъ; послѣ обѣда въ 4 часа церемоніальный маршъ и опросъ претензій... Форма полная парадная; для насъ съ вами должны быть присланы верховныя лошади.

IX.

Вечеръ у полковаго командира оказался параднымъ. Два огромныхъ ординарца сняли съ насъ шинели и торжественно растворили обѣ половинки дверей.

— Милости просимъ, ваше превосходительство! сказалъ хозяинъ, низко кланаяся.

Изъ гостиной послѣшно вышла хозяйка въ пышномъ платьѣ.

— Моя жена...

Пошли представленія; гости были только почетные: уѣздный предводитель дворянства, исправникъ, предсѣдатель земской управы и нѣсколько дамъ и дѣвицъ; для ухаживанія за ними приглашены были полковой адъютантъ и два баталіонныхъ.

Появленіе Скуягина въ гостиной произвело переполохъ.

Офицеры, оставивъ свои мѣста около стола, отошли къ стѣнѣ и вытанулись въ струнку.

— Прошу васъ въ нашъ кружокъ, говорила хозяйка.

— Ваше превосходительство, не угодно ли вамъ поближе къ дамамъ? суетился хозяинъ, подвигая кресло.

Скуягинъ очутился окруженнымъ волнами кисей и шелка. Глаза у него замаслились.

— Въ такой глуши и столько красавицъ! сказалъ онъ.

Дѣвицы захихикали.

Офицеры все еще стояли.

— Господа, что же вы стоите? сказалъ Скуягинъ.

Т. ССХІ.І. — Отг. І.

Офицеры сѣли поодаль; нѣкоторые ушли въ залу.

Послѣ чаю, полковой командиръ предложилъ составить пульку. Скупягинъ выразилъ удовольствіе.

— Пульку люблю сыграть, сказалъ онъ:—но только одну, не болѣе.

Пульку составили. Скупягинъ, предводитель дворянства и полковой командиръ.

Скупягинъ игралъ плохо, и ему не везло; полковникъ рѣмизился и, вистуя генералу, бранилъ себя за несообразительность. Но генералъ все-таки проигралъ 7 рублей и вынулъ сторублевую.

Скупягинъ всталъ изъ-за стола огорченный.

— Мнѣ у васъ всегда не везетъ, полковникъ, сказалъ онъ:—прошлый годъ я тоже проигралъ три съ половиной.

— Ваше превосходительство, позвольте предложить два короля въ пикетъ; можете быть, отыграетесь.

— Развѣ только два! уступилъ Скупягинъ.

— У васъ девяносто... мнѣ нѣтъ возможности играть, сказалъ онъ послѣ первой сдачи.

— Могло бы быть, ваше превосходительство, но я разнесъ... представьте себѣ: короля за валета принялъ и снесъ одного. Такая досада... четыре карты, ваше превосходительство.

— Въ такомъ случаѣ негодятся; у меня, хотя и маленькихъ, но пять... отвѣтилъ генералъ уже въ мажорномъ тонѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ опять раздавалось восклицаніе полковника.

— Вотъ несчастіе!.. Снесъ одного туза... держалъ трехъ десятковъ... думалъ пять и пятнадцать купить... а купилъ двухъ тузовъ. Опять четыре карты.

— Не годятся, ваше высокоблагородіе, шутилъ Скупягинъ.

— Что же дѣлать!.. Не везетъ!..

Скупягинъ повеселѣлъ; за ужиномъ онъ говорилъ комплименты хозяйкѣ, увѣрялъ ее, что онъ нигдѣ не ѣдалъ такихъ цыплятъ и такого крема, какъ у нея. Разумѣется, не обошлось безъ шампанскаго. Когда его налили, полковникъ мигнулъ женѣ.

— Господа, выпьемъ за здоровье нашего дорогого гостя, сказала она.

— Ура!.. рывкнули полковникъ и его офицеры.

— Благодарю васъ, господа, отъ глубины души благодарю! Прощаясь съ полковникомъ, Скупягинъ сказалъ:

— Сегодня повеселились, а завтра за дѣло.

Офицеры звякнули шпорами, полковникъ оттолкнулъ ординарца и самъ подалъ шинель Скупягину.

X.

Смотръ грамотности былъ удаченъ. Скупягинъ остался доволенъ и чтеніемъ и письмомъ.

— Запишите, обратился онъ ко мнѣ: — что грамотность найдена мною въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Благодарю васъ, полковникъ.

Полковникъ поклонился.

Законоучитель былъ боленъ и не могъ явиться на экзаментъ.

— И безъ него обойдемся, сказалъ Скупягинъ:—я одновременно произведу испытаніе въ знаніи закона Божія и «того, что необходимо знать солдату».

Подъ этимъ длиннымъ опредѣленіемъ подразумѣвается знаніе титуловъ начальниковъ до ротнаго командира включительно и разныхъ прописей патріотически-нравственнаго содержанія.

— Какъ солдатъ долженъ говорить съ генераломъ? обратился Скупягинъ къ фланговому.

— Ко всякому слову прибавлять: ваше превосходительство.

— Хорошо!.. Читай десятую заповѣдь.

— Не пожелай, ваше превосходительство, жены искреннаго твоего, не пожелай, ваше превосходительство, дома ближняго твоего...

— Хорошо... видно, что знаешь. Молодецъ!.. Какъ зовутъ начальника дивизіи? спросилъ Скупягинъ другого солдата.

— Его превосходительство Аристархъ Степановичъ Скупягинъ.

— Молодецъ!..

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— А, ну-ка, какая седьмая заповѣдь?

— Не прелюбодѣйствуй, ваше превосходительство...

— Не знаешь!.. Слѣдующій!

— Не прелюбодѣйствуй, ваше превосходительство...

— Сказалъ, что нѣтъ, а ты опять повторяешь.

Скупягинъ, переспросилъ всѣхъ и получилъ тотъ же отвѣтъ или благоразумное молчаніе.

— Запишите, обратился онъ ко мнѣ:—что знаніе десяти заповѣдей неправильное... видно, что законоучитель недостаточно объяснялъ ихъ.

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, вступилъ полковой командиръ, что, по моему крайнему разумѣнію, седьмая заповѣдь дѣйствительно: не прелюбодѣйствуй.

*

— Ошибаетесь, полковникъ. Справа, слѣва—заходи; маршь? скомандовалъ Скупягинъ.

Солдаты окружили насъ.

— Запомните, ребята, что седьмая заповѣдь читается такъ: не прелюбы сотвори. Поняли?

— Поняли, ваше превосходительство!

— Вотъ видите, полковникъ, вы ошибались. Жаль, что я не предложилъ пари, вы бы проиграли.

У полковника углы губъ чуть-чуть подернулись улыбкой, но онъ овладѣлъ мускулами лица и пресерьезно отвѣтилъ:

— Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

— Какъ зовутъ начальника дивизіи? опять спрашивалъ генералъ. Ему доставляли видимое удовольствіе отвѣты на этотъ вопросъ. Онъ задавъ его разъ десять.

Покончивъ съ солдатами и выразивъ благодарность командиру полка, Скупягинъ началъ повѣрку военныхъ способностей офицеровъ.

— Предложите имъ письменныя тактическія задачи, скажете мнѣ:—самыя несложныя.

Я наскоро написалъ нѣсколько задачъ.

— Ровно черезъ полчаса, вы должны, господа, представить письменныя отвѣты, сказалъ Скупягинъ:—а мы, полковникъ, пройдемъ въ полковыя кухни, попробоватъ пищу.

На кухняхъ была найдена обычная смотровая чистота и блескъ котловъ. На столѣ, покрытомъ чистой полковничьей салфеткой, стояла маленькая миска и возлѣ нея лежалъ ломоть чернаго хлѣба и серебрянная, тоже полковничья, ложка. Въ мискѣ была пробная порція.

— Прекрасныя щи! Превосходныя щи!.. сказалъ Скупягинъ:—я съ удовольствіемъ позавтракаю. Да такіе солдатскіе щи—просто роскошь!..

— Мое мнѣніе, ваше превосходительство, скромно говорилъ полковникъ:—что солдатъ долженъ быть хорошо накормленъ; тогда онъ и служить будетъ хорошо.

— Совершенная правда! сказалъ генералъ.

— Моимъ собственнымъ наблюденіемъ и разъясненіемъ ротнымъ командирамъ, я достигъ того, что въ моемъ полку солдатъ всегда ѣсть такія щи, какія вы изволите пробовать, ваше превосходительство.

— Запишите, обратился Скупягинъ ко мнѣ:— что горячая пища, а также хлѣбъ, найдены мною не оставляющими желать ничего лучшаго... Такъ и напишите. Благодарю васъ, полковникъ, за солдатскую пищу.

Полковникъ поклонился.

Скупагинъ проглотилъ послѣднюю ложку щей и вытеръ усы.

— Ну-съ, теперь поидежь къ нашимъ полководцамъ... посмотришь, какъ они воюють на бумагѣ, пошутить оны.

Полковникъ счелъ долгомъ слегка засмѣяться.

Рѣшенія тактическихъ задачъ, представленныя офицерами, отличались военно-канцелярскимъ слогомъ. Одно изъ рѣшеній было такъ оригинально, что вызвало общій смѣхъ, который не могъ сдержать даже присутствіе генерала. Онъ и самъ такъ и поклатился отъ смѣха.

Почтенному сѣдовласому ротному командиру была предложена оборона моста при въѣздѣ въ деревню. Онъ написалъ слѣдующее рѣшеніе:

«Въѣренную мнѣ роту рассыплю цѣпью по берегу оврага, и прикажу открыть пальбу рядами, когда будетъ усмотрѣнъ непріятель. Въ тоже время я напишу отношеніе въ уѣздную земскую управу о необходимости разрушить мостъ, и по полученіи отъ оной управы разрѣшенія, приведу оное въ немедленное исполненіе».

Общій хохотъ сконфузилъ почтеннаго капитана, но вотъ Скупагинъ сдѣлалъ серьезное лицо, и всѣ замолчали.

— Господинъ капитанъ! сказалъ онъ:—ну, а если прежде, чѣмъ вы получите отвѣтъ отъ земской управы, непріятель, въ превосходныхъ силахъ, атакуеть мостъ?.. Что вы тогда сдѣлаете?

— Паду съ честію, ваше превосходительство!.. А безъ согласія управы разрушить мостъ не могу, если не получу на то особаго письменнаго приказанія. Я разрушу мостъ, а управа сдѣлаеть начети-сь!

Такая заботливость о жалованьи понравилась генералу.

— Д-да... съ нѣкоторой стороны вы правы, сказалъ онъ:—но вамъ слѣдовало написать, что вы заблаговременно снесетесь съ земской управой, а не тогда, какъ уже покажется непріятель.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Капитанъ нѣсколько успокоился.

Другой офицеръ на вопросъ: почему онъ далъ возможность подойти непріятелю на 400 шаговъ, не отерывши пальбы, отвѣтилъ:

— Я, ваше превосходительство, приказаль-было открыть пальбу, но, увидѣвъ, въ 50-ти шагахъ, подходящаго начальника, долженъ былъ скомандовать «смирно» и отрапортовать, какъ слѣдуетъ?

— Но вѣдь подъ выстрѣлами непріятеля встрѣча начальника неумѣстна.

— Ваше превосходительство, непріятель стрѣлялъ холостыми

патронами и потому я боялся попасть подъ арестъ, если не отдамъ чести начальнику.

Генераль всталъ.

— Вообще, за немногими исключеніями, господа, я вами доволенъ.

Офицеры поклонились.

— Запишите, сказалъ онъ мнѣ:— что умственное развитіе гг. офицеровъ... г-мъ... стоитъ на довольно высокомъ уровнѣ... что указываетъ на благотворное вліяніе гг. баталіонныхъ командировъ и въ особенности самого командира полка.

— Благодарю васъ, полковникъ.

Полковникъ опять поклонился, и этимъ окончился утренній смотръ.

XI.

Послѣ обѣда былъ смотръ церемоніальнаго марша, который довелъ Скупягина до восторга. Онъ подпрыгивалъ въ сѣдлѣ, махалъ руками въ тактъ музыки и кричалъ: «молодцы, ребята!» «Спасибо, стрѣлки!».

Когда прошла послѣдняя рота, командиръ которой во время салютовки такъ изогнулся въ полоборота, что можно было опасаться за цѣлость его стана, Скупягинъ съжалъ объ руки полковника и растроганнымъ голосомъ провизнесъ:

— Ну, полковникъ, у васъ церемоніальный маршъ — просто объяденье.

Послѣ церемоніала оставалось сдѣлать опросъ претензій. Эта церемонія производится слѣдующимъ образомъ.

Офицеры и унтеръ-офицеры каждой роты отходятъ въ сторону; инспектирующій становится передъ ротой и командуетъ «справа, слѣва, заходи, маршъ!..» рота образуетъ кругъ, затѣмъ генераль задаетъ одинъ за другимъ три слѣдующіе вопроса: Не имѣете ли претензій? Все ли получаете по положенію? Пища хороша ли? На эти вопросы рота кричитъ: на первый: «никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!» на второй и третій: «такъ точно, ваше превосходительство!» Затѣмъ инспекторъ, довольный такими отвѣтами, прибавляетъ:—«Спасибо, ребята!» рота кричитъ:— «рады стараться, ваше превосходительство» и разступается, пропуская генерала къ слѣдующей ротѣ, гдѣ повторяется тоже самое.

Мы поѣхали въ полковую канцелярію производить слѣдствіе о волахъ, выказавшихъ невѣроятный аппетитъ.

Это дѣло оказалось однимъ изъ тѣхъ, въ которыхъ невозможно добиться юридическихъ данныхъ.

Свидѣтели говорили очень много, но высказывали только предположенія; свидѣтели-очевидцы или умерли, или отсутствовали; а тѣ, которые были на лицо, выказали способность большинства нашихъ публицистовъ—говорить очень много и въ тоже время не сказать ничего по существу. Одинъ изъ свидѣтелей обдумывалъ по четверти часа каждый свой отвѣтъ и ни однимъ словомъ не проговорился. Скупягинъ начиналъ терять терпѣніе.

— Вотъ разбирайте такіа дѣла, говорилъ онъ, обращаясь къ полковнику:—да тутъ самъ Левокъ ничего не сдѣлаетъ.

— Чрезвычайно запутанное дѣло, согласился полковникъ.

— Нѣтъ, вы возьмите, какъ они показываютъ! Начинаетъ такимъ тономъ и такими подробностями, что думаешь: вотъ-вотъ все дѣло какъ на ладонѣ выложить! Не тутъ-то было: расскажетъ цѣлый романъ, а дѣла все-таки не разъяснитъ. Когда куплены волю?—Не знаю, знаю только, что волю были хорошіе.—Сколько времени они были при полку? Куда дѣлись?—Навѣрное ничего не говорятъ. Вотъ тутъ все записано, что они показывали (Скупягинъ указалъ на тетрадь). А что вы изъ всего этого выводите? Одно только то, что вашъ предшественникъ былъ не безъ грѣха.

— Я тоже думаю, ваше превосходительство.

— А доказать этого ясно нельзя; умный былъ этотъ Обломовъ: скоронилъ концы въ воду. И выходитъ, что волю были какіе-то мнѣстескіе.

Вошелъ ординарецъ и доложилъ, что пришелъ новый свидѣтель по дѣлу о волахъ, капитанъ Трубинъ.

— Можетъ быть, вы разъясните эту темную исторію, встрѣтите Скупягинъ новаго свидѣтеля:—расскажите прежде всего: не извѣстно ли вамъ, были ли дѣйствительно волю или это фантазія?

— Волю были, ваше превосходительство, это мнѣ точно извѣстно, мрачно отвѣтилъ капитанъ Трубинъ, стоя на вытяжкѣ.

— Да вы садитесь, пожалуйста, расскажите все, какъ слѣдуетъ... дайте намъ эту, такъ сказать, нить... какъ бишь ее называютъ..

— Ариаднина нить, ваше превосходительство, подсказалъ полковникъ.

— Вотъ именно... ариаднину нить... можетъ быть, мы, съ вашей помощью, и выйдемъ изъ этого лабиринта.

Капитанъ угрюмо молчалъ.

— Вотъ вы сказали, что волю дѣйствительно были? допрашивалъ его Скупягинъ.

— Такъ точно-съ, ваше превосходительство.

— Хорошо-съ... Вы сами видѣли этихъ воловъ?

— Самъ я ихъ не видалъ, но такъ какъ въ отчетѣ бывшаго нашего командира полка сказано, что волы были и дѣйствительно съѣли именно столько, сколько тамъ показано, то, значить, они дѣйствительно были, и больше я ничего не имѣю показать.

— Ну, вотъ вамъ!.. вотъ и разгадайте истину! Нѣтъ, я больше не въ силахъ... я усталъ.

Скуягинъ вытеръ лицо платкомъ.

— Возьмите, пожалуйста, всё эти показанія, обратился онъ ко мнѣ:—и составьте какое-нибудь резюме. Предать дѣло волѣ Божіей—одно средство.

— Ваше превосходительство, не угодно ли вамъ отдохнуть въ нашъ клубъ? Пульке, если позволите, устроимъ.

— Поѣдемте... надо же и отдохнуть! согласился Скуягинъ.

ХІІ.

Наконецъ, инспектированіе сошло съ рукъ, и полковой командиръ проводилъ насъ за заставу. Мы поѣхали въ слѣдующій городъ осматривать расположенный тамъ полкъ.

Опять передъ нами степная картина съ рѣдкими группами бѣлыхъ авачій, окаймленная слѣва невысокими холмами, далекій горизонтъ справа. Убогія почтовые станціи, перекладка лошадей; завтраки, каждый разъ напоминавшіе Скуягину провинность своего деньщика, накупившаго булокъ на цѣлый двугривенный.

Скуягинъ, отпирая свой дорожный мѣшокъ, прежде всего вынималъ эти булки; онъ не отступалъ отъ рѣшенія съѣсть ихъ, чтобы даромъ не пропали. Размачивая булку въ чаю, Скуягинъ говорилъ деньщику:

— Вотъ видишь, Иванъ... я изъ за тебя долженъ ѣсть черствыя булки... можно бы мягкой купить, еслибы не ты... Вѣдь мягкая булка лучше?.. А? какъ ты думаешь?

— Такъ точно-съ, процѣживалъ угрюмо молчавшій деньщикъ.

— Ну, вотъ видишь, братецъ... А все изъ за тебя.

На слѣдующей станціи повторялся подобный же вариантъ упрёка.

Въ страстную субботу мы приѣхали въ городъ. Квартиру для насъ приготовили отличную. Полковой командиръ явился отрапортовать о благополучіи полка и пригласилъ отъ заутрени разговляться. Скуягинъ общалъ; но послѣ обѣда сталъ жало-

ваться на боль въ животѣ, раскнись и залегь спать, приказавъ Ивану не будить себя къ заутрени.

Полковникъ Трынчиковъ оказался смотровой жилкой. Это былъ замѣчательный фанатикъ парада. Вообще, человекъ довольно мягкосердечный, онъ, какъ только выѣзжалъ передъ фронтъ полка, забывалъ все на свѣтѣ, кромѣ равенія въ рядахъ и въ затылокъ, командъ, поворотовъ и проч. Если инспектирующій генералъ просилъ его передать какую-нибудь команду, онъ бросался въ карьеръ, очертя голову, и ничего не видѣлъ передъ собою; стоящіе на пути кусты, канавы, люди казались ему дерзкими преградами.

Однажды онъ спибъ съ ногъ какую-то даму, пришедшую поглядѣть на смотръ, и не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія. Онъ наслаждался исполненіемъ приказаній. По части равенія это былъ невѣроятный человекъ!

Трынчиковъ не походилъ на другихъ командировъ полковъ, которые изучали церемониальный маршъ по обязанности службы; онъ увлекался ученьями, парадными; онъ жилъ только во время парада; волновался, когда рѣчь заходила о поворотахъ и равеніи. Въ сущности, онъ былъ добрякъ, но страсть къ парадамъ дѣлала его даже жестокимъ. На солдата, который во время церемониальнаго марша выпятилъ грудь или повелъ плечомъ, онъ смотрѣлъ, какъ на великаго преступника, какъ артистъ капельмейстеръ посмотрѣлъ бы такъ на скрипку, комично сфальшивившую во время патетическаго адажіо. На дѣловыя бумаги онъ тоже смотрѣлъ съ точки зрѣнія ранжира и равенія; его адъютантъ рассказывалъ по этому поводу отличные анекдоты.

— Съ нимъ пресмѣшно иной разъ, говорилъ онъ мнѣ:—подаешь бумаги къ подписи... вдругъ онъ схватится за голову, покраснѣетъ весь, чуть не заплачетъ.—Помилуйте!.. Вѣдь я васъ просилъ!.. По товарищески просилъ наблюдать за этими писарями! Посмотрите что сдѣлалъ этотъ варваръ!..

Адъютантъ смотрѣлъ бумагу и не понималъ въ чемъ дѣло.

— Посмотрите, волновался Трынчиковъ:—онъ вышелъ изъ колонны... ну, кто ему мѣшалъ перенести это слово на слѣдующую строку. Вѣдь эта бумага идетъ къ начальству... и вдругъ одно слово выбѣжало... вѣдь это все равно, что неучъ рекрутъ во фронтѣ животъ выпатилъ. Развѣ это красиво?

Трынчиковъ держалъ себя съ офицерами внѣ службы вовсе не поначальнически; онъ не прочь былъ при случаѣ и либеральничать, хотя нервы его имѣли свойство сильно дрожать передъ всякимъ генераломъ; дрожать не отъ страха, потому что Трынчиковъ былъ честенъ, хозяйство полковое велъ отлично, а ужъ

по части церемоніаловъ и говорить нечего. Такимъ образомъ ему бояться было нечего, и если онъ все-таки трепеталъ передъ начальствомъ, то единственно вслѣдствіе того, что каждый генералъ былъ для него кумирь, которому онъ поклонялся «не только за страхъ, но и за совѣсть». Встрѣтить начальника, проводить его, доставить ему то, что онъ пожелалъ, было для него истиннымъ наслажденіемъ. Онъ и жену свою приучилъ къ участію въ этомъ поклоненіи кумирамъ и заставлялъ ѣздить съ визитами куда ей не хотѣлось.

На разговорѣе къ Трынчикову я поѣхалъ одинъ.

Въ большой залѣ по стѣнамъ были столы, удрученные куличами, поросятами съ красными яйцами въ зубахъ, нидѣйками, и прочими принадлежностями разговѣнья.

Заутреню и обѣдню въ полковой церкви отслужили по военному, а прежде, чѣмъ собрались офицеры, бабушка уже показывалъ по залѣ, любовно взглядывая на яства и многочисленныя бутылки. Когда вся зала наполнилась эполетами и зазвучали сабельныя кольца, началось христосованье. Чмоканье было продолжительное. Трынчиковъ трижды лобызался съ каждымъ офицеромъ. Затѣмъ радушные хозяева начали угощать... зашумѣли разговоры.

— Люблю я вотъ такъ, точно семейный кружокъ, говорилъ Трынчиковъ.—А у солдатъ, хороши куличи? вдругъ обратился онъ къ адъютанту.

— Отличные! Я еще вчера попробовалъ .. превосходные куличи!

— Ну, вотъ! Я люблю, чтобы въ такой праздникъ и солдату было весело! Чтобы никто на меня зла не имѣлъ.

Въ глазахъ Трынчикова свѣтилась доброта.

— А что прикажете сдѣлать съ Захарчукомъ? спросилъ вдругъ адъютантъ:—онъ на гауптвахтѣ сидитъ.

— За что? встрепенулся полковникъ.

— Шевелился во фронтѣ, пресерььзно отвѣтилъ адъютантъ.

— Какъ это шевелился во фронтѣ? подхватила жена одного изъ офицеровъ, полковая кокетка.

Трынчиковъ сконфузился.

— Не можетъ быть! Я что-то этого не помню... Когда это было?

— Третьяго дня на ученьи... послѣ команды «смирно» Захарчукъ «шевелился», и вы приказали арестовать его на недѣлю.

— Ахъ, да! Теперь я вспоминаю. Дѣйствительно, этотъ Захарчукъ ужасно портитъ фронтъ. Но все равно: прикажите его выпустить для такого дня.

— Какъ это шевелился во фронтѣ? приставала полковая кокетка.— Олгердъ Андреевичъ! вы-бы и меня посадили на гауптвахту, еслибы я поступила въ вашу полкъ и шевелилась во фронтѣ? ха... ха... ха!.. И за это на недѣлю? Да гдѣ же ваше сердце, добрый Олгердъ Андреевичъ? не унималась полковая кокетка, не обращая вниманія на то, что мужъ трогалъ ее за рукавъ и грозно глядѣлъ на сожительницу: онъ боялся, что командиръ обидится ея смѣхомъ.

— Во фронтѣ нельзя шевелиться, Лидія Степановна, фронтъ какъ стѣна. Успокойтесь, его выпустятъ. Пошлите, пожалуйста, записку съ вѣстовымъ, чтобы сейчасъ выпустили... Позвольте, Лидія Степановна, налить вамъ еще бокалъ шампанскаго.

— Не слѣдовало бы. Вы не добрый. Ну, да ужъ для свѣтлаго праздника... Наливайте!..

— А что его превосходительство? Усталъ съ дороги? спросилъ меня Трынчиковъ, отдѣлавшись отъ дамы.

— Кажется, животъ болить: онъ черствыхъ булокъ наѣлся... Командиръ засмѣялся.

— Да, онъ такъ скупъ! А скажите: какъ онъ смотрѣлъ въ другія полкахъ церемоніальный маршъ?..

— Ахъ, оставь, пожалуйста! вступилась жена:— какъ тебѣ не скучно даже въ таковой праздникъ говорить о церемоніалѣ! Усидишь.

— Я такъ только спросилъ... А ты плохо знаешь свое дѣло, шить очень мало.

Но гости пили и ѣли усердно. Сдѣлалось весело, на сколько можетъ быть весело подчиненнымъ на праздникѣ у начальства.

ХІІІ.

Разумѣется, на смотру у полковника Трынчинова все оказалось въ отличномъ видѣ, и описывать его я не стану. Расскажу только одну оригинальную жалобу юнкера. Онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру и таинственнымъ голосомъ объявилъ, что имѣетъ секретную жалобу къ генералу, которую не могъ принести на инспекторскомъ смотру.

— Садитесь и расскажите въ чемъ дѣло.

— Часто подъ арестъ попадаю, господинъ адъютантъ, по случаю неудовольствія супруги капитана, моего ротнаго командира.

— Да вѣдь вашъ командиръ— капитанъ, а не жена капитана?

— Совершенно справедливо, только такъ какъ господиномъ капитаномъ командуетъ его супруга, то это и на мнѣ отзывается

ся. Видите ли, какъ это вышло. Сяжу я разъ у себя на квартирѣ; вдругъ приходитъ фельдфебель и говорить, чтобы я шелъ къ капитаншѣ. Это зачѣмъ? говорю. — А такъ, говорить, я ходилъ съ докладомъ къ капитану, а какъ вышелъ за ворота, капитанша — она въ палисадникѣ была — и говорить мнѣ: скажи, говорить, юнкеру Молодкину, что я прошу его къ себѣ вечеромъ. — Зачѣмъ, думаю, идти? старая она и скука съ ней страшная. И не пошелъ. На другой день фельдфебель идетъ. — Вы, говорить, не были вчера у капитанши? — Нѣтъ не былъ. — То-то вотъ и есть нехорошо. Она опять приказала, чтобы вы безпремѣнно къ ней пришли. Вотъ она вамъ и письмецо прислала.

Юнкеръ вынулъ изъ кармана листокъ почтовой бумаги и подалъ мнѣ.

— Прочтите, увидите, что я не выдумываю.

Въ запискѣ было написано:

«Мнѣ очинно скушно; мужъ слава Богу куда-то ушелъ; приходишь безпремѣнно, если не хотите, чтобы рассердить меня. Расположенная къ вамъ Евгения».

— Ну, что же вы отправились на rendez vous? спросилъ я.

— Невозможно, г-нъ адъютантъ! Не пошелъ. А на утро приходитъ въ казарму капитанъ, да прямо ко мнѣ. Это, говорить, что у васъ за пуговицы? дѣлый годъ не чищены? А онѣ такъ и горять. Говорю, что вчера только чистилъ. — А! вы еще возражать! извольте идти подъ арестъ на одинъ сутки! Разумѣется, пошелъ — ничего не подѣлаешь. А потомъ, какъ выпустили меня, вечеромъ на бульварѣ съ капитаншей встрѣчаюсь. Вы, говорить, совсѣмъ невѣжливый молодой человекъ. Хорошо на гауптвахтѣ сидѣть? И больше посидите, если не исправитесь. Потомъ она опять приглашала, я опять не пошелъ и опять сидѣлъ сутки.

— Но что же вы хотите? спросилъ я. — Если повести дѣло официально, такъ вѣдь вы же останетесь кругомъ виноваты. Если хотите, можно будетъ переговорить съ капитаномъ; я ему могу дать понять, что генералу извѣстно, что онъ состоитъ подъ командой супруги.

— Ахъ, нѣтъ! вскричалъ юнкеръ: — тогда не оберешься неприятностей; скажутъ, что я жаловался. Попросите только, чтобы меня въ другую роту перевели, для пользы службы, какъ говорится.

Я обѣщалъ юнкеру, что его переведутъ въ другую роту для уравненія числа унтеръ-офицеровъ.

Скупягины страшно хохоталъ, когда я рассказывалъ ему эту исторію, такъ что началъ даже вѣять. При свиданіи съ Трынчиковымъ, онъ замѣталъ ему, что въ первой ротѣ юнкеровъ слишкомъ много и что онъ находитъ нужнымъ юнкера Молод-

кина перевести въ другую роту «по усмотрѣнію командира полка». А на другой день въ приказѣ по полку было уже сказано объ этомъ переводѣ.

— Благодарю васъ, г-нъ адъютантъ, сказалъ мнѣ юнкеръ, встрѣтивъ меня на бульварѣ:—наконецъ-то я изъ-за этой вѣдьмы не буду на гауптвахтѣ сидѣть.

— А, можетъ быть, жена командира пятой роты тоже будетъ васъ приглашать, когда мужа нѣтъ дома?

— У этого-молоденькая жена. Я къ ней и безъ приглашенія пойду, хвастался смазливый юнкеръ.

XIV.

«Для пользы службы» меня вскорѣ перевели отъ генерала Скупягина и прикомандировали, «для изученія строевой службы», къ одному баталіону, квартировавшему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варшавы.

Наша стоянка была прелестное мѣсто. Его можно назвать царствомъ тополей. Чудно блестяли они серебристыми листьями въ лунную ночь, когда офицерство выходило послѣ карты подышать свѣжимъ воздухомъ. Ихъ листья шумѣли возлѣ самыхъ оконъ нашихъ квартиръ. А когда мы ходили гулять къ Вислѣ, то до самой рѣки шли по превосходной тополевой аллеѣ. Надо, впрочемъ, сказать, что мы ходили гулять большею частью только тогда, когда у насъ не было ни копейки; когда всѣ наши «квартирные», «пивные», «фуражные» и «караульные» переходили въ бумажникъ баталіоннаго доктора, который велъ себя вовсе не такъ, какъ подобало бы другу человѣчества. У него были небольшія деньжонки, которыя, сравнительно съ тѣмъ, что каждый изъ насъ получалъ, были большимъ капиталомъ, обладавшимъ эксплуататорскимъ свойствомъ притягивать къ себѣ маленькія суммы.

Служба оставляла намъ много свободного времени, которое мы просто не знали куда дѣвать; ходили въ Варшаву, ухаживали за польками, плясали въ танцкласссахъ, пили «каву» въ цукерняхъ, но времени все-таки оставалось много и мы посвящали его картамъ.

— Господа! говоритъ намъ коварный докторъ:— во всякое время дня и ночи вы можете приходите ко мнѣ повтировать... получите квартирныя—милости просимъ; получите пивныя (два рубля сорокъ три копейки въ мѣсяцъ) и съ ними пожалуйста

безъ перемоніи. Заложу для всякаго сотенную и срывайте себѣ на здоровье, сорвете одну—заложу другую. Только одно условіе: игра на наличныя и меньше полтинника карты не бью.

И вотъ, какъ только офицеръ получалъ какія-нибудь деньги, онъ прямо отъ казначея или квартирмистра шелъ къ доктору.

— А! это вы? встрѣчалъ его докторъ, улыбаясь:—пожалуйте... еще кто-нибудь съ вами или ибѣть?

— Послѣ обѣда собираются много, а я въ Варшаву пойду послѣ обѣда, потому и зашелъ теперь.

— И прекрасно сдѣлали.

Вынималась сто-рублевая, и черезъ четверть часа офицеръ уходилъ безъ квартирныхъ и, вмѣсто того, чтобы идти въ Варшаву, заваливался спать.

Такъ разбивалъ насъ докторъ въ одиночку; но онъ побѣждалъ и тогда, когда мы составляли противъ него цѣлую коалицію съ цѣлью «хорошенько оборвать его». Иногда намъ удавалось сорвать одинъ или два банка; начинались великія надежды; но вдругъ кто-нибудь изъ увлекшихся заламывалъ крупный кушъ, руки доктора, очень скупаго, начинали слегка вздрагивать, мы наслаждались этимъ, шутки, остроты такъ и сыпались... Но вотъ заматавшаяся карта падала направо, и наши надежды постигала участь мыльнаго пузыря. Игра затагивалась, и мы все-таки отдавали доктору свои деньги.

— Теперь, господа, пойдѣте любоваться природою, говорилъ докторъ, спрятавъ выигрышъ.

— Чортъ васъ возьми совсѣмъ! Погорячились мы немного, а то бы вамъ не сдобровать!

— Ужъ и не сдобровать! Сорвали бы третій банкъ, а бы вамъ четвертій, пятій... вѣдь вы бы не скоро забастовали?

— Еще бы! сколько у васъ нашихъ денегъ-то посяно.

— Вотъ погодите, треть придетъ, получимъ жалованье, тогда мы вамъ зададимъ.

— Милости просимъ, господа.

Послѣ полученія жалованья игра затагивалась на нѣсколько дней; играли и ночью, и утромъ, и вечеромъ; игра прерывалась только для ученій, обѣдовъ и для визитацій лазарета. Черезъ нѣсколько дней мы всѣ оказывались разбитыми, огорченными, озлобленными; раздавались проклятія доктору, которому «чортъ знаетъ, какъ везетъ». Толковали о томъ, что онъ всегда выигрываетъ, потому что у него денегъ много. Давались клятвенныя обѣщанія никогда не играть въ карты... Менѣе малодушные не отказывались отъ надежды хорошенько наказать доктора

и пресерьёзно доказывали, что стоило ему только дать девятку и вся игра перевернулась бы и мы возвратили бы свои деньги.

При первой получкѣ денегъ, всё опять въ одиночку или группами шли къ доктору и платили ему рублевою дань.

Очень однообразная была жизнь, прерываемая изрѣдка скандалами, въ родѣ, наиримѣрь, растраты казенныхъ денегъ казначеемъ или квартирмейстромъ, за что прежде всёми офицерамъ приходилось расплачиваться.

Одно время баталіонъ одолѣла объдоманія. Мы стали провожать объдомъ всякаго переводимаго изъ баталіона офицера, если онъ былъ чиномъ не ниже штабсъ-капитана; вновь переводимыхъ тоже встрѣчали объдами. На одномъ изъ такихъ объдомовъ произошла курьёзная демонстрація. У насъ былъ штабъ-офицеръ изъ иѣмцевъ, по фамилии Либераубе. Это былъ весьма несимпатичный человекъ, держалъ себя на словахъ очень вѣжливо и либерально, называлъ себя товарищемъ всякаго прапорщика, а на дѣлѣ былъ иезуитъ и собственноручно давалъ въ зубы солдатамъ. Въ баталіонѣ его терпѣть не могли. На объдѣ, о которомъ я упоминалъ, отъѣзжавшій капитанъ, чуть ли не больше всѣхъ бранившій Либераубе въ кружкѣ товарищей, напился до такой степени, что почувствовалъ необыкновенную иѣжность во всёму человечеству, и вдругъ предложилъ тостъ: за здоровье многолюбимаго, многоуважаемаго Либераубе.

Всѣ были возмущены этимъ неожиданнымъ тостомъ, и, такъ какъ отъ выпитаго вина всѣ ощущали въ себѣ необыкновенную храбрость, то зала огласилась свистками и шипаньемъ.

Либераубе позеленѣлъ, но, не сказавъ ни слова, досидѣлъ до конца объда, съѣлъ пирожное и ушелъ какъ ни въ чемъ не бывало. За нимъ скрылся и его адъютантъ.

На дворѣ подъ огромными каштанами играла музыка и офицеры устроили кадрили; сдѣлано было предложеніе поѣхать въ Варшаву и пригласить для танцевъ «паненокъ»; вдругъ, точно тѣнь командора, омрачившая пиръ, явился адъютантъ.

— Господа! произнесъ онъ:—Либераубе считаетъ себя оскорбленнымъ... сейчасъ будетъ написанъ рапортъ о преданіи суду всѣхъ шивальщиковъ. Кто шиваль, идите къ нему для объясненій.

Веселье смолкло; всѣ моментально отрезвѣли и ощутили робость... нѣкоторыхъ затрясла лихорадка, дѣло выходило серьёзнымъ.

Послѣ продолжительной паузы, вдругъ зашумѣли разные голоса.

— Господа! Кто шикаль, признавайтесь!.. Идите извиняться, может быть, онъ смируется, а то бѣда!..

— Я не шикаль. И я не шикаль!.. И я тоже!..

— Но вѣдь кто нибудь шикаль же?

— Вы шикали! навиннулись на одного офицера.

— Да, я слышалъ, что вы шикали!.. Я рядомъ сидѣл!..

— Ну, что же! я шикаль, только не я одинъ. Всѣ шикали.

— Врете! вы шикали!

Неизвестно чѣмъ-бы все это кончилось, еслибы одному изъ офицеровъ не пришла остроумная мысль.

— Молчите, господа, я все дѣло улажу. Прощайте.

Онъ побѣжалъ въ крыльцу квартиры Либераубе.

— Что онъ съ ума сошелъ? шумѣли голоса: — онъ выдѣстъ тѣхъ, кто шикаль, чтобы себя изъ бѣды выпутать. Это вѣрно.

Прошло томительныхъ десять минутъ. У много зубъ на зубъ не попадалъ, а въ это время въ квартирѣ Либераубе разыгралась очень комичная сцена.

Когда дверь отворилась, Либераубе принялъ позу разгнѣваннаго олимпійца, готоваго, однако, переменить гнѣвъ на милость, если передъ нимъ упадутъ въ прахъ и будутъ молить и плакать о прощеніи. Но вмѣсто кающихся вошелъ капитанъ съ обиженнымъ лицомъ и сказалъ:

— Полковникъ, почему вы насъ всѣхъ обидѣли, приняли на свой счетъ шиканье за обѣдомъ?

— А на чей же счетъ оно стносилось? вскричалъ изумленный Либераубе.

— Развѣ вы сознаете, полковникъ, что вы чѣмъ-нибудь дурно противъ насъ поступили, что приняли на свой счетъ?

— Я?.. Никогда!.. Напротивъ, я насъ всѣхъ люблю. Я готовъ для васъ все хорошее сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ, вы и не имѣли права обижать насъ; вс-первыхъ, шикаль только я одинъ, а не всѣ, и шикаль потому, что мнѣ мѣшали товарищи слушать рѣчь отъѣзжавшаго капитана.

Либераубе совершенно сбился съ роли. Онъ видѣлъ себя одураченнымъ, но въ тоже время былъ радъ, что дѣло формально принимаетъ такой видъ, что онъ можетъ считать себя удовлетвореннымъ и не затѣвать непріятной исторіи. Однако, очевидность того, что его одурачиваютъ, заставила его возразить:

— Вы говорите, что шикали одни... это неправда. Вы сидѣли на право, а я слышалъ шиканье и съ лѣвой стороны.

— Въ залѣ большой резонансъ, серьезно отвѣтилъ капитанъ.

— Но какъ же это? Въ такомъ случаѣ, вы поступили, какъ

невѣжа, противъ товарищей... Вы шикали, вмѣсто того, чтобы попросить ихъ не шумѣть. Вы должны извиниться передъ ними.

— Извольте, я извинюсь, только съ тѣмъ, чтобы и вы извинились передъ всѣми за то, что намъ передали черезъ адъютанта. Я виноватъ и вы виноваты.

— Да... конечно... я люблю справедливость... Попросите ихъ всѣхъ сюда.

Либерабубе былъ очень радъ такому обороту дѣла.

Когда капитанъ показался на крыльцѣ, всѣ къ нему кинулись съ вопросами:

— Ну, что?

— Все какъ слѣдуетъ; сейчасъ опять пить будемъ! Идите за мной... и во всемъ соглашайтесь, что бы я ни сказалъ.

Всѣ вошли въ залу Либерабубе съ пугливымъ недоумѣніемъ на лицахъ.

— Господа! сказалъ пресерьезно капитанъ:—я поступилъ противъ васъ невѣжливо; вмѣсто того, чтобы попросить не шумѣть и дать мнѣ прослушать рѣчь капитана, я позволилъ себѣ такъ громко шикали, что полковнику показалось, будто бы всѣ мы шикали. Извините, меня господа!

Всѣ молча поклонились.

— А полковникъ обѣщалъ извиниться передъ всѣми въ томъ, что онъ принималъ на свой счетъ мое шиканье и приписалъ его всѣмъ вамъ.

— Извините, господа! это точно вышло недоразумѣніе, и я очень радъ. Я думаю, что, зная наше взаимное расположеніе, мы еще можемъ провозгласить тостъ.

Либерабубе началъ цѣловаться со всѣми. Всѣ повеселѣли.

Капитанъ сдѣлался героемъ вечера. Шампанское опять полилось.

XV.

Либерабубе приходили иногда въ голову либеральныя затѣи.

Однажды мы вдругъ прочли въ приказѣ по баталіону нѣчто въ родѣ передовой статьи любой изъ современныхъ газетъ.

«Всякій человѣкъ долженъ стремиться къ самообразованію — говорится въ приказѣ по баталіону — недостаточно, чтобы каждый изъ насъ остановился на томъ военномъ образованіи, которое онъ получилъ въ кадетскомъ корпусѣ; онъ долженъ идти впередъ; чтеніе военныхъ книгъ, военныя бесѣды, военная игра — вотъ средства, которыя въ вашихъ рукахъ. Но еще болѣе дѣл-

ствительнымъ средствомъ для указанной цѣли было бы устройство лекцій по военнымъ предметамъ. Между нами есть нѣсколько человѣкъ, которые, обладая большимъ научнымъ образованіемъ, безъ сомнѣнія, не откажутся взять на себя обязанности лектора; всѣ же остальные, конечно, съ удовольствіемъ будутъ ихъ слушать. Изложивъ эти соображенія, подписываю (въ передовыхъ статьяхъ вмѣсто этого говорится «мы приходимъ къ слѣдующему заключенію»): съ понедѣльника начать чтеніе лекцій въ столовой залѣ поручнику N. по тактикѣ, штабсъ-капитану Z. по военной исторіи, капитану У. по военной топографіи. Прочимъ-же гг. офицерамъ неуклонно присутствовать при этихъ лекціяхъ, зачѣмъ будетъ строгое наблюденіе. Отсутствие на лекціяхъ, безъ особо уважительныхъ причинъ, каковы: болѣзнь, удостовѣренная докторскимъ свидѣтельствомъ, нарядъ въ караулъ, командировка по службѣ и т. п., будетъ принято какъ за уклоненіе отъ исполненія обязанностей службы».

Назначенные лекторами сначала было обрадовались этому проекту, предположивъ, что за лекціи будутъ выдавать суточные; но когда Либерраубе объяснилъ имъ, что «вы, господа, безъ сомнѣнія, исполните эту обязанность безвозмездно по товарищески, ибо суммъ на это не отпускается», то назначенные лекторами хотя и отвѣтили: «конечно, мы съ большимъ удовольствіемъ», но въ то же время про себя были очень и очень недовольны.

Первыя лекціи имѣли полный комплектъ слушателей; впереди сидѣлъ и самъ Либерраубе. Лекторъ сдѣлалъ громкое вступленіе, а потомъ пошелъ все тише, да тише; въ заднемъ ряду кто-то зѣвнулъ; Либерраубе обернулся съ негодованіемъ, но въ то же самое время самъ ощутилъ непреодолимое желаніе зѣвнуть и зѣвнулъ. Замѣтивъ это, лекторъ поспѣшилъ громко сказать: «но объ этомъ скажемъ на слѣдующей лекціи» и раскланялся.

Зашумѣли стулья.

— На первый разъ очень, очень недурно, поощрялъ Либерраубе:—я увѣренъ, господа, что вы войдете во вкусъ и что эти лекціи сдѣлаются для васъ насущной потребностью.

На вторую лекцію Либерраубе пріѣхалъ къ концу и извинился передъ лекторомъ, сказавъ: «мнѣ такъ непріятно, что меня задержали въ городѣ по обязанности службы».

Нѣсколько лекцій посѣщались всѣми аккуратно, изъ боязни быть замѣченными въ уклоненіи отъ службы, но затѣмъ число слушателей все уменьшалось и уменьшалось. Всѣ увидали, что манкированіе пройдетъ безнаказанно, потому что и самому Либерраубе лекціи порядкомъ надобли. Наконецъ, дошло до того, что, когда на эстраду вошелъ лекторъ военной топографіи, то

увидѣлъ только двухъ вновь переведенныхъ въ баталіонъ прапорщиковъ, которые еще не успѣли ознакомиться съ положеніемъ дѣла и опасались не явиться на лекцію, чтобы не попасть на гаупвахту.

— Ну, ужъ это слишкомъ жирно будетъ, чтобы я для васъ читалъ лекціи!... Прапорщикъ—не офицеръ... идите-ка лучше домой! объявилъ капитанъ.

Слѣдующей лекціи уже не было, но Либераубе въ отчетѣ не упустилъ случая помѣстить, между прочимъ, такой параграфъ: «во ввѣренномъ мнѣ баталіонѣ постоянно читались лекціи по военнымъ предметамъ; гг. офицеры отвесили къ нимъ съ горячимъ сочувствіемъ, увидя въ нихъ разумное средство для провозженія времени, свободнаго отъ служебныхъ занятій».

XVI.

Были ли вы, читатель, въ лагерѣ во время ненастья, зарадившаго на нѣсколько дней? Стоитъ побывать, если вы интересуетесь человѣческими бѣдствіями.

Войдемъ въ лагерь съ фронта. По линейкѣ ходитъ часовой; на немъ промокшая шинель; тяжело приподнять ее — столько въ ней прибавилось вѣса; вода капаетъ съ полъ, заливается въ рукава. На линейкѣ мутны лужи, изъ нихъ мутны ручьи лѣниво бѣгутъ между палатками. Часовой уныло смотритъ на небо, не проясняется ли. Сплошная сѣрая туча, слезающаяся безъ конца. Долго еще ждать смѣны: цѣлый часъ остался. А вѣдь часы разной длины бываютъ. Если вы сомнѣваетесь въ этомъ, попробуйте замѣнить часового. Вы скажете, пожалуй, что такой часъ—цѣлая вѣчность.

Вѣчность не вѣчность, а длинный, мучительный часъ, который напомнитъ о себѣ потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, страшнымъ ревматизмомъ.

Зайдемъ въ палатку. Онѣ имѣютъ печальный видъ и стоятъ точно мокрыя курицы; входное полотно пристегнуто наглухо и палатка представляется какъ бы гробницей; недостаетъ только креста, урны или надломленнаго дерева.

Поднимемъ сырую холщевую дверь: передъ нами двѣ скользкія ступеньки; мы опускаемся въ яму сажени полторы въ квадратѣ. Эта яма — квартира 10—12 человѣкъ; въ ней устроены нарты, какъ въ пароходныхъ каютахъ, одна подъ другой. По угламъ разставлены ружья, развѣшана аммуниція. Солдаты лежатъ. На нихъ и кругомъ ихъ все мокро; сверху падаютъ рѣдкія капли;

*

на полу грязь; ручки просачиваются сквозь дернт; солома, изъ которой сдѣланы постели, ситцевыя подушки, шинели, изображающія одѣяло—все это пропитано сыростью.

— Что ночью сегодня было—просто страсть, говорить одинъ солдатъ: — ливень, вѣтеръ—того и глади палатку сорветъ. Въ пятой ротѣ нѣсколько повалило. Сна тебѣ нѣтъ и лежишь—лежишь; зубъ на зубъ не попадаетъ, думаешь: будетъ ли ужь и утро-го?

— Не приведи Богъ, замѣчаетъ другой:—поколѣешь совсѣмъ, коли Господь дожда не уйметъ. Вчера ротный командиръ ругался: «чортъ васъ знаетъ, говорить, сколько васъ болѣетъ! солдатъ, говорить, долженъ все переносить!» Вчера двоихъ въ лазаретъ отправили, сегодня еще одного возьмутъ: вотъ, смотрите, корчится...

На нарахъ, прикрытый мокрой шинелью, лежалъ солдатъ; губы его посинѣли, его трясла лихорадка.

— А чтѣ всегда дождь проходить въ палатку?

— Коли маленькій дождикъ, такъ не проходить... такъ только ровно мокрая пыль; ну, а такой дождь и офицерскіе бараки пробиваетъ, не то, что наши. А бываетъ и такъ, что на аршинъ воды налетитъ въ палатку, шайками выкачиваемъ.

Заиграли сигналъ къ обѣду.

Солдаты оживились.

— Можетъ быть, водки дадутъ; хорошо бы согрѣться, говорили они.

Палатка опустѣла, остался одинъ больной въ ожиданіи доктора. Мы вышли изъ палатки; сѣрое небо слезится попрежнему; солдаты съ ложками и чашками выбираютъ обѣдать.

На линейкѣ встрѣтили маленькаго человѣка, закутавшагося въ башлыкъ. Это одинъ изъ баталіонныхъ докторовъ.

— Здравствуйте, докторъ, вотъ въ этой палаткѣ больной...

— Вы говорите въ *этой* палаткѣ, а я васъ спрошу, въ *какой* палаткѣ нѣтъ теперь больного? Вѣдь третью сутки льетъ дождь. Подождите, я кончу обходъ, зайдемъ ко мнѣ въ палатку.

XVII.

Палатка доктора по наружному виду ничѣмъ не отличалась отъ солдатскихъ; но подъ длинной холщевой оболочкой (у солдатскихъ одиночная) оказался деревянный домикъ въ $1\frac{1}{2}$ квадратныхъ сажени; въ одномъ углу немного протекало: рассохлись отъ жаровъ доски.

Я взял коробочку спичекъ, чтобы закурить папиросу, онъ не загорался.

— Отсырѣли, сказалъ докторъ: — даже у насъ, господь офицеровъ, какъ говорятъ солдаты, и то сыръ какая! ревматизмы такъ и вползаютъ въ тѣло, какъ волосатки, а въ солдатскихъ-то налаткахъ! Вотъ у насъ нѣтъ статистики, а интересно бы узнать, на сколько сокращается жизнь человѣка отъ такихъ дней. Однако, нечего философствовать. Первое дѣло—принять гигиеническія мѣры.

Мы выпили по рюмкѣ очищенной и закусили ватрушкой, которая въ тотъ день приготовилъ деньщикъ доктора.

— А какова болѣзненность въ лагерѣ? спросилъ я.

— Не говорите, сердце болить... да ничего не подѣлаешь; закаляешься понемногу.

— То есть, какъ же это ничего не подѣлаешь?

— А вотъ возьмемъ для примѣра глазную болѣзнь. Болѣзнь эта прихотливая; ее мало вылечить, надо дать отдохнуть глазамъ, нужна обстановка, которая не развивала бы снова болѣзни. А развѣ это возможно? Тутъ докторскія требованія сталкиваются съ требованіями ротныхъ командировъ.

— То есть, какъ же это такъ?

— А такъ. Предписываютъ, на примѣръ, мнѣ сдѣлать осмотръ глазъ всей роты. Осматриваю и нахожу, что третью часть надо лечить. Ротный командиръ въ ужасъ приходитъ. Это, говорить, вы ихъ всѣхъ въ лазаретъ хотите взять? «А то куда же?» — «Какъ можно! Помилуйте! Намъ къ смотру готовиться, вѣдьно выводить какъ можно больше рядовъ въ взводъ, а вы треть роты въ лазаретъ уводите! Какой же это церемоніаль будетъ?»

— Вольно же вамъ слушать! замѣтилъ я:—ротный командиръ не докторъ.

— Все это мы знаемъ. Пишемъ рапортъ старшему врачу, что больныхъ, молъ, столько-то; требуемъ ихъ въ лазаретъ. А старшій врачъ у полкового командира постоянно обѣдаетъ, а человѣкъ хочетъ карьеру сдѣлать — ему ужъ не до науки. «Господа! вы, говорить, не будьте черезъ-чуръ ретивы. Рота — не лечебное заведеніе. Я вотъ самъ сдѣлаю осмотръ, а то вы, молодежь, слишкомъ чувствительны. Вы еще не обслужились, не знаете, что если въ отчетахъ у насъ будетъ много больныхъ, такъ насъ за это не похвалятъ». Ну, и дѣлаетъ старшій врачъ осмотръ; у кого болѣзнь только начинается, онъ его оставляетъ въ ротѣ: промывай, говорить, чистой водой, да выгирай чистымъ полотенцемъ; а у кого ужъ грануляція, того, конечно, отправляетъ

въ лаваретъ. А черезъ нѣсколько недѣль, у этихъ, которымъ вѣлно промывать глаза чистой водой, тоже грануляціи образовались.

— Но къ чему же, послѣ этого, военные доктора?

— Какъ къ чему? Вотъ если у человѣка чахотка или воспаленіе легкихъ, такъ мы скорбные листы ведемъ, осмотры дѣлаемъ, рапорты пишемъ. Теперь вотъ о гигиенѣ толкуютъ. А какая тутъ гигиена! вы заходили въ палатку, видѣли, какая тамъ гигиена. Лекціи о гигиенѣ читаемъ, а сами про себя смѣемся; офицеры слушаютъ, да тоже про себя смѣются, а какой-нибудь корреспондентъ напишетъ: «благодаря просвѣщенному вниманію мѣстнаго начальства, у насъ читаются лекціи, распространяющія здоровыя гигиеническія понятія». Ну-те-ка, еще по рюмочкѣ.

Въ палатку заглянуло чье-то лицо.

— А что, докторъ, придете рѣзаться съ мизерами?

— Приду. Больше-то нѣчего дѣлать...

Рѣзанье происходило въ офицерской столовой; тамъ тоже была сырость, но все-таки столовая мало-мальски походила на комнату, а не на мокрую пещеру, какъ палатки.

Разговоръ шелъ о животрепещущемъ вопросѣ: о погодѣ.

— Въ нашемъ баталіонѣ водку приказано давать каждый день, говорилъ одинъ офицеръ.

— А въ нашемъ такъ черезъ день; командиръ говоритъ, что не останется экономической суммы, если давать каждый день.

— Ну, ужъ это—скупость! замѣтилъ третій.

— Какъ послушаешь васъ, господа, точно вы маленькія дѣти разговариваете, вступился пожилой ротный командиръ. — Вотъ, когда вы сами будете командовать ротой, такъ другое заговорите.

— Да вѣдь на то и экономическая сумма, чтобы тратить ее на солдатскія нужды.

Ротный раскохотался.

— Точно въ книжкѣ написано, такъ и вы говорите. Видно, что правда: курица не птица, прапорщикъ не офицеръ. А не знаете вы того, что если экономическая сумма мала, такъ командиру выговоръ. У васъ каждый день даютъ водку, такъ зато развѣ на хорошемъ счету вашъ командиръ? Каждую ревизію ему замѣчанія дѣлаютъ. А вотъ нашъ командиръ два года къ ряду награды получаетъ, потому что у него хозяйство въ полномъ порядкѣ и экономическая сумма больше всѣхъ.

— Ну ихъ, экономическія суммы! вы что играете?

— Я-то? Мизерчикъ сыграю... темный! извольте ловить.

— Господа, кажись, хочеть бить ведро, сказалъ вопедшій въ столовую офицеръ.

Я взглянулъ въ окно: тучки разбивались на части. Сѣрый цвѣтъ сталъ оживатьъся. Вотъ края облака совсѣмъ поблѣднѣли, вотъ они вспыхнули и лучи солнца рассыпались надъ палатками, заглянули въ эти мокрыя гробницы и принесли туда радость, которой вы не ощущали, читатель.

Эта радость заключалась въ надеждѣ обсушиться. Милліоны людей живутъ только подобными радостями.

Ивановичъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Когда мимо этого дома
Иду по утрамъ я, грустя,
Я радъ, если ты у окошка
Стоишь, дорогое дитя.

Твои темно-каріе глаза
Слѣдятъ напряженно за мной:
«Чего ему, бѣдному, нужно?
«И кто этотъ странникъ большой?..»

— Малютка, нѣмецкій поэтъ я,
Извѣстный въ германской странѣ:
Тамъ, лучшихъ людей вспоминая,
Всегда вспомнать обо мнѣ.

А нужно, дитя, мнѣ того же,
Что многимъ въ родномъ мнѣ краѣ:
Назвавши тягчайшія скорби —
Тебѣ назовутъ и мою..

А. Боровиковскій.

МАТЕРИАЛЫ КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ПОЛИТИКИ РОССІИ

ВЪ

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСЪ.

(По Свѣтозару Милетичу и др. источникамъ).

Передъ нами небольшая брошюлка подъ заглавіемъ «Восточный Вопросъ» д-ра Св. Милетича, составленная его друзьями изъ систематически подобранныхъ статей знаменитаго сербскаго публициста, появившихся въ разное время, въ эпоху между крымской и сербо-турецкой кампаніями (1854—1876), въ извѣстномъ органѣ его «Застава».

Нѣкоторыя изъ этихъ leading articles написаны еще въ то время, когда въ Европѣ, помимо восточнаго вопроса, было много другихъ, частью совсѣмъ еще не рѣшенныхъ, частью полурѣшенныхъ вопросовъ, и на первомъ планѣ нѣмецкій и итальянскій. Относительно этихъ двухъ вопросовъ д-ръ Милетичь былъ убѣжденъ, что итальянскій можетъ быть рѣшенъ только наполовину, нѣмецкій же совсѣмъ не найдетъ рѣшенія прежде, нежели распутается гордіевъ узелъ восточнаго вопроса. Нельзя сказать, чтобы Милетичь, высказывая такое убѣжденіе, слишкомъ преувеличивалъ значеніе послѣдняго вопроса. Дѣло въ томъ, что оба упомянутые вопроса, хотя и получили формальное рѣшеніе, но пока существуетъ Австро-Венгрія въ ея теперешнемъ племенномъ составѣ, окончательное рѣшеніе ихъ мыслимо лишь тогда, когда рѣшится судьба Австро-Венгріи, а съ нею и всего восточнаго вопроса.

Но если Милетичь тогда и не могъ предвидѣть, что въ Европѣ, вслѣдствіе непонятнаго затменія умовъ нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей, возникнутъ одна за другой двѣ великія военныя державы и, подъ вліяніемъ этихъ новыхъ гирь, брошенныхъ сильною рукою германскаго канцлера на вѣсы евро-

пейской политики, еще болѣе усложнится и безъ того сложный характеръ восточнаго вопроса, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія, то зато, съ другой стороны, эта политическая непрозорливость д-ра Милетича, весьма простибельная не дипломату, вполнѣ искупается его самостоятельнымъ и оригинальнымъ взглядомъ на восточный вопросъ, совершенно отличнымъ отъ пристрастныхъ приемовъ обыкновенныхъ политическихъ писакъ.

Милетичъ никогда не писалъ ничего въ духѣ какой-либо одной изъ заинтересованныхъ въ рѣшеніи этого вопроса партій. Въ этомъ отношеніи онъ не сдѣлалъ исключенія даже для Россіи или, вѣрнѣе, для русской политики, а также и для Сербіи, себялюбивую и мелкопомѣстную политику которой онъ третируетъ по достоинству. Никогда не входилъ онъ въ компромиссы ни съ одной изъ этихъ державъ, а тѣмъ болѣе съ ихъ правительствами. Симпатіи его принадлежали всегда однимъ только народамъ Балканскаго Полуострова. Будучи противникомъ непосредственнаго вмѣшательства европейскихъ державъ въ отношенія между Оттоманскою Портою и ея вассальными государствами, Милетичъ утверждалъ, что для рѣшенія восточнаго вопроса достаточно взаимной солидарности и единодушія между этими вассальными государствами; единственно же мыслимый прочный status quo на Балканскомъ Полуостровѣ опредѣлится самъ собою, а именно въ видѣ конфедераціи изъ небольшихъ независимыхъ другъ отъ друга свободныхъ единицъ.

Дѣйствительно, послѣ всѣхъ фіаско, которыя выпали на долю всевозможнымъ проэтамъ раздѣла и политическимъ комбинаціямъ европейской дипломатіи, въ итогѣ оказывается, что въ будущемъ они должны твердо надѣяться только на самихъ себя. Современныя намъ событія какъ нельзя лучше подтвердили эти пророческія слова.

«Всѣ вопросы, возникающіе въ Европѣ, говоритъ нашъ авторъ:—какимъ бы путемъ ни дѣлались попытки къ ихъ рѣшенію на дипломатическихъ конгрессахъ или на поляхъ сраженій, находятся въ связи съ восточнымъ вопросомъ. Послѣдній является, нѣкоторымъ образомъ, ключомъ, который отмыкаетъ и замыкаетъ дѣль этихъ вопросовъ. И это съ какой бы точки зрѣнія вы на него ни смотрѣли: съ національной и народной свободы, или съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія, или, другими словами, съ точки зрѣнія національнаго движенія или кабинетной политики».

Резюмируемъ теперь вкратцѣ историческое развитіе восточнаго вопроса, каковымъ оно представляется Милетичу:

Восточный вопросъ, по его мнѣнію, прошелъ три степени или стадіи въ своемъ развитіи. Во всѣхъ трехъ стадіяхъ выдающуюся роль играла кабинетная политика европейскихъ державъ. Поэтому Милетичъ и говоритъ преимущественно о результатахъ этой политики. Первая стадія начинается съ того момента, когда Россія, вступивъ въ семью европейскихъ державъ, поставила себѣ цѣль округленіе своихъ южныхъ границъ на счетъ провинцій Оттоманской Имперіи и преслѣдовала поэтому совершенно открыто и явно завоевательную политику. Эта наступательная, агрессивная политика Россіи начинается со времени Петра и, достигнувъ своего апогея при Елизаветѣ II, остается такой, хотя съ нѣкоторыми перерывами и далеко не съ прежней энергіей, до 1829 года, когда остальные европейскія державы, единодушнымъ протестомъ, положили предѣлъ этой политикѣ.

Эта эпоха замѣчательна особенно тѣмъ, что Россія, при своемъ наступательномъ движеніи на югъ, какъ и при раздѣлѣ Польши, имѣла въ виду исключительно завоевательные интересы; она была готова раздѣлить также и Турцію съ другими державами и особенно склонялась къ полюбовному раздѣлу съ Австріей и даже съ Франціей.

Какъ извѣстно, въ эту именно эпоху Россія получила тѣ существенныя территоріальныя приобрѣтенія, которыя упрочили ея господство на берегахъ Чернаго Моря.

Посмотримъ теперь, какъ сложились въ эту эпоху отношенія другихъ державъ къ восточному вопросу вообще и къ Россіи въ частности.

До диктатуры Наполеона I, единственнымъ соперникомъ Россіи на Востокѣ была Австрія Маріи-Терезіи, Кауница и Иосифа II. Англія выступила открытымъ и рѣшительнымъ врагомъ Россіи на Востокѣ лишь съ 1829 г., но за то съ тѣхъ поръ постоянно придерживалась враждебной Россіи политики.

Австрія же, потерявъ уже въ 1739 г. всѣ свои завоеванія на томъ берегу Дуная, съ тѣхъ поръ радикально измѣнила свою завоевательную политику по отношенію къ Турціи. Съ этого момента она сдѣлалась державой, охраняющей *statum quo* Оттоманской Имперіи, а слѣдовательно—враждебной Россіи. Слова ея министра Кауница: «Императрица Марія-Терезія не можетъ допустить, чтобы русскіе дѣлали завоеванія по ту сторону Дуная и такимъ образомъ сдѣлались бы сосѣдями Венгрии», стали съ тѣхъ поръ открытымъ девизомъ австрійской политики на Востокѣ.

Несмотря на это, однако, Австрія не могла или не умѣла помѣшать величайшей дипломатической побѣдѣ, которую когда либо

одерживала Россія, а именно безкровному занятію русскими Крыма въ 1783 г. Раздѣлъ Польши, на который могла дать или не дать свое согласіе Россія, и жирный кусокъ, который ожидала себѣ отъ этого раздѣла Австрія, отвлекая ея вниманіе отъ Востока, служила постоянной приманкой для прозорливаго аппетита этой державы.

Но возвратимся къ Англіи. Странное безкорыстіе и даже дружественное расположеніе, которое проявляла къ Россіи эта держава въ теченіи всей первой стадіи восточнаго вопроса, было само собою вынужденное и объясняется во-первыхъ тѣмъ, что у ней тогда было своего дѣла довольно, и, наконецъ, тѣмъ еще, что въ то время ей трудно было найти себѣ союзника въ одной изъ сухопутныхъ державъ на континентѣ. Ведя постоянныя войны съ морскимъ могуществомъ Голландіи и Португаліи, окончивъ съ большими потерями двойную войну съ Франціей, въ то время бывшей на высотѣ своего морского могущества, и съ своими отложившимися сѣверъ-американскими колоніями, опасаясь постоянно коалиціи бурбонскихъ дворовъ Франціи и Испаніи, соединенный флотъ которыхъ могъ нанести существенный вредъ ея тогда еще неокрѣпшему преобладанію на морѣ, Англія Питта, Фокса и даже Каннинга поневолѣ принуждена была смотрѣть сквозь пальцы на возрастающее могущество Россіи.

Эра наполеоновскихъ войнъ окончательно изолировала Англію и въ то же время лишила инициативы большинство континентальныхъ державъ, которымъ тогда было не до Турціи. Никогда не было эпохи болѣе благоприятной для осуществленія завѣщанныхъ желаній Россіи. Самъ Наполеонъ своимъ походомъ въ Египетъ первый нарушилъ неприкосновенность Оттоманской Имперіи, да и впослѣдствіи о присоединеніи Египта къ Франціи говорилъ, какъ о фактѣ почти совершившемся. Въ исторіи этого бурнаго періода былъ моментъ, когда монархъ Россіи и диктаторъ Европы были единственными рѣшителями судьбы народовъ и отъ нихъ доброй воли зависѣло подѣлать между собою вселенную.

— «Пора говорилъ Наполеонъ Александру при свиданіи въ Тильзитѣ:— покончить съ государствомъ, которое само не можетъ болѣе существовать. Мы должны заблаговременно принять мѣры, чтобы развалили съю не послужили къ увеличенію могущества Англіи».

Но русская дипломатія не воспользовалась этимъ намекомъ. Періодъ борьбы Наполеона съ Европой пролетѣлъ совершенно безплодно для русской политики на Востокѣ. А между тѣмъ Россія пролила тогда много крови своихъ сыновъ и издержала много

денегъ въ защиту чуждыхъ ей интересовъ мелкопомѣстныхъ германскихъ князьковъ! Еслибы она на половину столько же сдѣлала хотя бы даже для *своихъ* собственныхъ интересовъ на Востокахъ, то ни одна изъ славянскихъ провинцій Турціи не томила бы болѣе подъ игомъ туранской орды. Заключенный на скорую руку бухарестскій миръ закончилъ этотъ бѣднѣйшій результатами періодъ. «Сербы, сказалъ одинъ русскій полководецъ:—были первой жертвой этого мира». Но кто тогда въ Россіи думалъ о сербахъ или ихъ интересахъ?

Россія приготовлялась тогда къ новой для нея роли верховной покровительницы священнаго союза, и «традиціонная миссія» ея на Востокъ ускользнула, правда, только на время, отъ вниманія ея государственныхъ людей.

Было не до того. Наступала знаменитая эра конгрессовъ. Меттернихъ замѣнилъ собою Наполеона. Реакція и систематическое подавленіе всякихъ поползновеній къ самостоятельной жизни въ народахъ сдѣлались политическимъ символомъ вѣры европейскихъ правительствъ.

Принципъ *малыяности*, враждебный проявленію духа независимости и свободы, не дѣлалъ исключенія и для христіанъ Турціи. Россія, войдя въ тѣсный союзъ съ державами, охраняющими этотъ принципъ въ Европѣ, связала себѣ руки въ своей восточной политикѣ, на знамени которой было написано: «война за вѣру и крестъ»¹.

О политическомъ, расовомъ и социальномъ моментѣ при рѣшеніи восточнаго вопроса не было и рѣчи. Когда Императоръ

¹ Замѣчательно, что въ эту эпоху, православіе и вообще христіанская религія были главнымъ мотивомъ столкновеній Россіи съ Портой. Въ дипломатическихъ документахъ этого времени и долго еще послѣ этого, до самой крымской кампаніи, вѣтъ и рѣчи о *національныхъ* интересахъ славянъ, грековъ и т. д. Въ этихъ вародахъ Россія видѣла во-первыхъ христіанъ-единовѣрцевъ и затѣмъ подданныхъ Отоманской Порты, но и только. Отъ Порты требовали только вѣротерпимости. Какъ мало Россія умѣла сочувствовать *національнымъ* стремленіямъ славянъ, видно изъ того, какъ отнеслась русская дипломатія къ справедливымъ требованіямъ Черногоріи сперва на Вѣнскомъ, а затѣмъ и на Парижскомъ конгрессѣ. Такъ на первомъ изъ этихъ конгрессовъ (въ то время Россія была въ апогее своего величія), она изъявила свое согласіе на продѣлку, посредствомъ которой Австрія оттянула у Черногоріи Боку Которскую, вслѣдствіе чего Черногорія на нѣсколько десятковъ лѣтъ осталась безъ порта. На второмъ конгрессѣ та же русская дипломатія соединилась съ Европой въ оскорбленіи Черногоріи, не протестовавъ послѣ того, какъ Аллахъ назвалъ Черногорію вассальнымъ государствомъ Отоманской Порты. Вообще можно сказать, что принципъ покровительства *національнымъ* стремленіямъ признанъ въ международной политикѣ только съ 1859 г., по почину Наполеона III. Крымская кампанія закончила собою періодъ религіозныхъ войнъ.

Александръ I получилъ на конгрессѣ въ Лайбахѣ извѣстіе о вспыхнувшемъ въ Греціи возстаніи, онъ сказалъ: «Какъ! греки подають руку революціонерамъ Европы? Я только-что хотѣлъ съ Каподистріей сдѣлать шагъ къ ихъ освобожденію, а они дѣлаются союзниками поляковъ и пьемонтцевъ!» Положеніе дѣлъ въ Европѣ не благопріятствовало возстанію. Императоръ Александръ спросилъ затѣмъ Каподистрію: что онъ думаетъ о возстаніи Ипсиланта? «Я полагаю, Ваше Величество, отвѣчалъ тотъ: — что чаша страданій переполнилась». — «Это такъ, продолжалъ Императоръ: — но развѣ они не могли немного подождать?» — «Страдающій не имѣетъ выбора, Ваше Величество, а это христіане, которые умирають мученическою смертью». — «Дѣйствительно, они христіане, отвѣчалъ Императоръ: — но дѣло въ томъ, что злая судьба не позволяетъ мнѣ поступать согласно моимъ внутреннимъ убѣжденіямъ и религіознымъ вѣрованіямъ, но придетъ время, и тогда моя обязанность будетъ подать руку помощи страждущимъ христіанамъ».

Эта злая судьба, на которую жаловался Императоръ, была, ни болѣе, ни менѣе, какъ то фатальное отношеніе Россіи къ св. союзу, которое обязывало ее оказывать содѣйствіе европейскимъ правительствамъ въ ихъ распряхъ съ своими недовольными подданными, и все это *ad majorem gloriam Metternich*, политическимъ видамъ котораго не соответствовало образованіе свободныхъ государствъ на южной границѣ Австріи.

Императоръ Александръ, отъ воли котораго зависѣло въ 1821 году водрузить крестъ на куполѣ св. Софіи, сказалъ около того же времени Шатобріану: «Мой долгъ теперь доказать, какъ глубоко я сочувствую принципамъ, на которыхъ я основалъ св. союзъ. Случай къ этому представляется самый удобный, а именно — возстаніе грековъ. Ничто такъ не соответствуетъ интересамъ моимъ и моего народа, какъ война *за стру* (sic) съ турками; но, усмотрѣвъ въ этомъ возстаніи революціонные помыслы, я не желалъ отдѣлать своего дѣла отъ дѣла монарховъ, съ которыми заключилъ св. союзъ».

Въ 1821 г. греки, тѣмъ не менѣе, провозгласили свою независимость, а въ 1822 г. оповѣстили объ этомъ августѣйшихъ членовъ св. союза, засѣдавшихъ въ то время на веронскомъ конгрессѣ. Но монархи св. союза въ отвѣтномъ циркулярѣ осудили возстаніе грековъ. Ипсиланти, поднявшій первый знамя бунта, офицеръ русской службы, былъ вычеркнутъ изъ списковъ русской арміи. Оскорбленіе, нанесенное мусульманскою чернью Константинополя русскому послу, графу Строгонову, едва избѣгнув-

шуму позорной смерти, не было отомщено. Оно вызвало только небольшой перерывъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Портой.

Послѣдствіемъ такой вялой политики Россіи на Востокѣ было то, что Меттернихъ, уже въ 1828 г., сдѣлалъ Англіи и Франціи предложеніе гарантировать неприкосновенность Оттоманской Имперіи, слѣдовательно, первый вызвалъ противъ и безъ того лояльной Россіи тайную коалицію европейскихъ державъ. Но вотъ Греція, видя полное равнодушіе къ своей судьбѣ континентальныхъ державъ, отдалась подъ покровительство Англіи. Сильное возбужденіе общественнаго мнѣнія въ этой странѣ и присутствіе у кормила правленія такого человѣка, какъ Каннингъ, побудило Англію выступить энергической защитницей грековъ.

Опасаясь, что ореолъ державы покровительницы христіанъ перейдетъ на Англію и Россія лишится такимъ образомъ своего традиціоннаго обаянія на Востокѣ, и замѣтивъ коварныя умыслы европейскихъ державъ, русская дипломатія отказалась, наконецъ, отъ слишкомъ послѣдовательнаго проведенія принципа легальности на Востокѣ, убѣдившись, что въ этомъ отношеніи она играетъ лишь въ руку Европѣ.

4-го октября 1822 г., Поццо-ди-Борго, русскій посолъ въ Парижѣ препроводилъ въ свое министерство депешу слѣдующаго содержанія: «Европейскіе кабинеты неблагодарны. Каждый изъ нихъ извлекаетъ извѣстную пользу изъ св. союза. Въ восточныхъ дѣлахъ каждый слѣдуетъ своимъ собственнымъ внушеніямъ. Англія домогается популярности между греками. Франція между арабами Египта, съ цѣлью вести борьбу противъ грековъ.... Австрія, принимая участіе въ мирныхъ конференціяхъ въ Петербургѣ, въ тоже время поощряетъ турокъ въ ихъ воинственныхъ намѣреніяхъ. Одна Россія приговорена къ бездѣйствію. Только о русскихъ интересахъ не должно быть рѣчи. Только Россіи нѣтъ роли въ этой драмѣ».

Вслѣдствіе этого, 24-го мая 1826 г., въ Петербургѣ былъ подписанъ протоколъ между Англіей и Россіей, которымъ было рѣшено требовать отъ Порты признанія греческой независимости.

Наваринская битва и побѣдоносный походъ Дибича за Балканы были послѣдствіемъ этой политики соглашенія, вызванной взаимной ревностью и недовѣріемъ.

Но униженіе Турціи и мысль, что Константинополь можетъ сдѣлаться русскимъ городомъ, быстро произвели рѣшительный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Англіи. Впрочемъ, боязнь эта и тогда уже служила пугаломъ для всей Европы, такъ какъ уже прежде Наполеонъ I, отъявленной врагъ Англіи, и тотъ на

требованіе Александра I отдать Константинополь Россіи воскликнулъ: «Константинополь! — никогда; вѣдь это было бы равносильно всемірному господству».

Адмиралъ Кодрингтонъ, позволившій себѣ, не имѣя на то необходимыхъ инструкцій, дать туркамъ сраженіе и, что главное, разбить ихъ въ союзѣ съ русскими подъ Навариномъ, получилъ строгій выговоръ отъ парламента. Рѣзкая нога новаго министерства Велингтона-Абердина остановила наши арміи на дорогѣ въ Константинополь.

Заключенный вслѣдъ за этой войной мирный трактатъ 1829 года д-ръ Милетичъ считаетъ началомъ новаго фазиса, въ который отнынѣ вступаетъ восточный вопросъ.

Русская дипломатія приходитъ, повидимому, къ убѣжденію, что задавшись цѣлью прямого завоеванія или, другими словами, ведя съ Турціей открытую борьбу съ мечомъ въ рукахъ, она никогда не разрѣшитъ фатальнаго восточнаго вопроса въ томъ духѣ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ она хотѣла бы видѣть его рѣшеннымъ.

Поэтому мы видимъ, что въ пріемахъ и характерѣ русской политики по отношенію къ Отоманской Имперіи происходитъ радикальная перемѣна, подобная той, которая произошла уже въ прошломъ столѣтіи въ восточной политикѣ Австріи. Изъ стремящейся непосредственно къ завоеванію, изъ наступательной, политика эта становится *охраняющей status quo* Отоманской Имперіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на этой ступени развитія восточнаго вопроса русская политика болѣе чѣмъ когда либо проникается недостатками, свойственными вообще всякой кабинетной политикѣ. Не оставляя своей роли политики, покровительствующей правословію и вообще вѣротерпимости въ Турецкой Имперіи, политика эта въ тоже время продолжаетъ съ прежнимъ упорствомъ игнорировать поползновенія, обнаруживающіяся тамъ и самъ среди христіанскихъ подданныхъ Турціи къ полному освобожденію отъ гнета отоманскаго правительства. Наступившій въ 40-хъ годахъ революціонный періодъ въ Западной Европѣ, рядъ національныхъ возстаній, частью подавленныхъ съ помощью русскаго оружія, опасность, грозившая повсюду священному принципу легальности — все это не могло способствовать, конечно, вступленію русской дипломатіи на путь отверженной національной политики.

Изъ слѣдующей депеши вице-канцлера Нессельроде отъ 31-го января 1830 г. къ В. К. Константину Павловичу видно, какое положеніе заняла отнынѣ Россія, *faute de mieux*, по отношенію къ Отоманской Портѣ. Ниже мы увидимъ, въ чемъ заключались

ея непосредственныя отношенія къ турецкимъ подданнымъ изъ славянъ.

«Миръ въ Адрианополѣ, говоритъ Нессельреде:—обеспечилъ за Россіей дипломатическое преобладаніе въ Константинополѣ (на долго-ли?). Отнынѣ Турція можетъ существовать только подъ покровительствомъ Россіи и будетъ во всемъ слушаться совѣтовъ послѣдней (?). По мнѣнію Государя Императора, такого рода status quo гораздо выгоднѣе для нашихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ, нежели всякая другая комбинація, которая могла бы заставитьъ насъ снова вступить на путь завоеваній или содѣйствовала бы образованію на развалинахъ Турціи другихъ государствъ, которыя современемъ могли бы помѣяться съ нами могуществомъ, культурою и богатствомъ. Не имѣя отнынѣ въ виду разрушенія Оттоманской Имперіи, мы будемъ искать средствъ къ поддержанію ея status quo!»

Слѣдую принципу охраненія и обереганія, политикѣ полужѣръ и компромиссовъ, т. е. въ сущности той же политикѣ, которой придерживалась и остальная Европа, только съ бѣльшей послѣдовательностью, Россія сдѣлалась даже спасительницей своего вѣкового врага, Оттоманской Порты, отстоявъ въ 1833 году тронъ султана отъ дерзкаго покушенія, сдѣланнаго на него его вассаломъ, египетскимъ пашей Мехмедомъ-Али, т. е. рѣшилась на шагъ, который не сочли нужнымъ сдѣлать даже европейскіе кабинеты, подобно тому, какъ, въ 1848 году, она спасла Австрію отъ мадьяръ. Вообще, спасая друзей, Россія постоянно увеличивала число своихъ враговъ.

Но слишемъ интимныя отношенія, завязавшіяся послѣ этого между Россіей и Портой, плодомъ которыхъ былъ выгодный для Россіи ункляръ-искелесскій трактатъ, также мало пришедшій по вкусу западнымъ державамъ, какъ и прежняя вражда между ними. «Коварный Альбіонъ не только не позволилъ Россіи одной спасти Порту отъ грозившей ей вторично, въ 1840 году, опасности быть снова завоеванной своимъ бунтующимъ вассаломъ, но даже превратилъ въ мертвую букву знаменитую секретную декларацию вышеупомянутаго ункляръ-искелесскаго договора».

Между тѣмъ, преслѣдуя официально до поры до времени политику охраненія status quo въ Оттоманской Имперіи, Россія не теряла надежды, если не самостоятельно, то посредствомъ компромиссовъ съ другими державами, однимъ ударомъ покончить съ мусульманскимъ владычествомъ въ Европѣ. Второй и самой могущественной соперницей Россіи въ ея восточной политикѣ, какъ мы уже говорили, съ 1829 года, сдѣлалась Англія. Поэтому съ ней прежде всего слѣдовало считаться. Уже въ 1844 г., импе-

раторъ Николай, въ бытность свою въ Лондонѣ, передалъ англійскому кабинету меморандумъ, въ которомъ, намекая на возможность скорого распаденія Турціи, спрашивалъ, что предпринять Англии и Россіи въ такомъ случаѣ и какъ подѣлить между собою наслѣдство «болного». Но... въ этомъ меморандумѣ ни слова не было сказано объ *освобожденіи* христіанскихъ народностей!

«Для сохраненія Турціи, говорилъ впоследствии Императоръ Николай англійскому послу, лорду Сеймуру:—я не намѣренъ потратить ни одной щепотки пороху... Но Константинополь не долженъ достаться ни Англии, ни Франціи, ни какой либо другой державѣ. Еслибы я счелъ нужнымъ когда-либо занять его, то только на время, въ видѣ залога или тому подобное. Также я никогда не могу допустить возстановленія византійской имперіи или даже такого расширенія Греціи, вслѣдствіе котораго послѣдняя могла бы стать могущественнымъ государствомъ. *Но еще менѣе я могу дозволить, чтобы Турція распалась на нѣсколько маленькихъ республикъ, которыя бы служили убѣжищемъ людямъ вроде Кошута или Мадзини.* Прежде, чѣмъ я допущу это, я лучше начну войну и буду вести ее до послѣдняго солдата и послѣдняго заряда». Слѣдовательно, тойой и этихъ переговоровъ служили завоевательные планы Россіи, а не интересы и потребности славянскихъ подданныхъ Турціи.

«Для характеристики этой политики охраненія status quo Оттоманской Имперіи, а также и той точки зрѣнія, съ которой русское правительство смотрѣло тогда на свои непосредственныя отношенія къ славянскимъ подданнымъ Порты, могутъ служить многочисленныя инструкціи и предписанія, выданныя русскимъ правительствомъ своимъ дипломатическимъ агентамъ на Востокѣ въ эпоху крымской кампаніи. Вотъ, наприимѣръ, выдержка изъ предписанія русскому агенту въ Сербіи, характеризующая политику Россіи по отношенію къ вассальнымъ государствамъ Турціи ¹:

«...Политика Государя Императора по отношенію къ Сербіи была всегда одинакова и останется и въ будущемъ неизмѣнной. Его Величество желаетъ, чтобы эта провинція, поставленная нашими трактатами съ Портой подъ *спеціальное* покровительство Россіи, мирно пользовалась обезнеченными ей преимуществами и чтобы она ни подъ какимъ видомъ не стремилась переступить *предѣлы*, созданные для ея политическаго существованія *нашими* договорами. Съ одной стороны, не слѣдуетъ допускать, чтобы

¹ Изъ Инстр. князю Долгорукому 30 августа 1837 г.

глава сербской націи, превзойдя данную ему власть, позволилъ себѣ дѣйствія, клонящіяся къ угнетенію своего народа, или стремился бы *порвать узы, связывающія его съ Отоманской Портой*. Съ другой стороны, мы не можемъ также допустить, чтобы сербскіе старѣйшины, желая заключить власть князя въ предѣлы болѣе узкіе установленныхъ, *старались подражать примѣру юсударствъ конституціонныхъ* и ввели бы въ Сербію государственныи порядокъ, не соответствующій древнимъ обычаямъ и правамъ страны...»

А вотъ, напримѣръ, случай, гдѣ русская дипломатія оказалась даже *меньше* самой Порты въ своей политикѣ поддержанія status quo въ вассальныхъ провинціяхъ Турціи. Въ 1842 г., сербы, подъ предводительствомъ Вукшича, извѣстнаго «дѣлателя» сербскихъ князей, изгнали Обреновичей и возвели въ княжеское достоинство Александра Карагеоргіевича (до тѣхъ поръ служившаго въ русской военной службѣ). Порта не обратила никакого вниманія на эту перемену и преспокойно утвердила этотъ актъ народной воли. Но русская дипломатія, видя въ такомъ поступкѣ свободнаго народа явное нарушеніе постановленій вѣнскаго конгресса, явное оскорбленіе священнаго принципа легальности и забывъ, что ни Турція, ни Сербія на этомъ конгрессѣ не участвовали, заявила самый энергичный протестъ передъ Портой, упрекая ее въ слабости и потворствѣ «...Князь Михаилъ, говорится въ одномъ изъ министерскихъ посланій посланнику нашему въ Константинополь (въ 1842 г.):—не могъ быть смѣненъ *меньше* образомъ иначе, какъ въ силу авторитета самого султана... Сербская нація приписала себѣ право, которое ей не принадлежитъ... Свергнувъ въ лицѣ князя Михаила законную власть (autorité légitime), назначенную самимъ султаномъ (émanant du sultan), и которую Его Величество одинъ только имѣлъ право лишить престола, она нанесла оскорбленіе авторитету султана...»

Или вотъ также образчикъ той пресловутой агитаціи, въ которой обвиняла насъ всегда Европа, приписывая всѣ возстанія турецкихъ христіанъ *тайнымъ интригамъ* и инсинуаціямъ эмиссаровъ русскаго правительства. По истинѣ, Европа была въ этомъ отношеніи plus russe, que la Russie elle même.

Вотъ что говорится въ инструкціи русскому агенту въ Болгаріи по поводу болгарскаго возстанія 1841. «... Во всѣхъ дѣйствіяхъ нашего агента должна обнаруживаться твердая воля не подавать ни малѣйшаго одобренія какому бы то ни было *замысламъ относительно Порты Отоманской* и оказывать *нашимъ*

*

единоутрамаъ (sic!) покровительство только до тѣхъ поръ, пока они пребываютъ покорны установленнымъ властямъ».

Мы особенно подчеркиваемъ то обстоятельство, что нигдѣ даже и въ эту эпоху въ нашихъ дипломатическихъ переговорахъ съ Портой нѣтъ и рѣчи о нашемъ племенномъ родствѣ съ громаднымъ большинствомъ подданныхъ Турціи. Расовый моментъ, этотъ могущественный рычагъ во всѣхъ политическихъ переворотахъ, совершенно нами игнорировался. Да оно и не могло быть иначе, такъ какъ вся внѣшняя, а отчасти и внутренняя политика Россіи направлялась въ эту эпоху почти исключительно иностранцами, изъ авантюристовъ различныхъ національностей или русскими подданными «изъ нѣмцевъ». «Какіи симпатіи къ славянскимъ или русскимъ интересамъ могли имѣть разные Бироны, Минихи, Нессельроде, Рюдигеры, и пр., и пр., такъ много способствовавшіе совершенной денационализациі русской аристократіи, это извѣстно всякому изучавшему русскую исторію не по однимъ только швольнымъ пособіямъ»¹.

Цитать, подобныхъ вышеприведеннымъ, можно было бы привести еще болѣе. Но за малыми размѣрами нашего очерка мы ограничимся еще слѣдующимъ.

(Изъ инструкціи русскому агенту въ Сербіи по поводу просьмой у него боснійскими бѣглецами защиты 1839).

«... Вы имѣете имъ сдѣлать приличное внушеніе и указать на Порту, какъ на верховную власть, отъ которой они обязаны ожидать защиты и покровительства, и отнюдь не подавать ни малѣйшаго обнадеживанія со стороны Россіи».

Читая эти строки, право, думаешь, что передъ вами губернаторское предписаніе какому нибудь мѣстному исправнику по поводу взбунтовавшихся противъ своего помѣщика крѣпостныхъ блаженного дореформеннаго времени. Поставьте только вмѣсто *Порты* слово *помѣщикъ* и вы довершите иллюзію. Но, рѣшая въ теченіи такого долгаго промежутка времени трудную и едва ли разрѣшимую задачу согласить взаимно противоположныя интересы раба и господина, чего добилась въ сущности русская дипломатія? Увеличилось ли отъ такого лавированія между принципомъ охраненія status quo и традиціонной миссіей покровительства христіанскимъ подданнымъ Порты ея вліяніе на послѣднюю? Улучшилось ли отъ этой политики полумѣръ положеніе христіанскихъ подданныхъ Турціи? Лучшимъ отвѣтомъ на это служить война, объявленная нами Турціи въ 1854 году или, лучше сказать, тотъ фактъ, что мы вообще принуждены были

¹ Слова Св. Милетича.

объявить ей войну. Конечно, Россія, можетъ быть, и не ожидала встрѣтить на сторонѣ Турціи почти всю Европу. Особенно горько было разочарованіе по отношенію къ Австріи, этой вѣрной союзницѣ нашей, когда дѣло шло о поддержаніи разныхъ консервативныхъ и легитимныхъ принциповъ». Но русская дипломатія мнила себя тогда на апогеѣ могущества и вліянія при отоманскомъ дворѣ. Она надѣялась расправиться съ Турціей по домашнему. Графъ Нессельроде, въ депешѣ къ бар. Бруннову отъ 20-го мая 1853 г., т. е. почти наканунѣ войны, писалъ: «Развѣ кто нибудь полагаетъ, что мы нуждаемся въ трактатахъ для того, чтобъ имѣть право вмѣшательства въ дѣла Порты. Когда мы видимъ, что интересы, собственность и даже жизнь *христіанъ* (sic) находятся въ опасности?» Но оказалось, что такъ полагала вся Европа.

И вотъ война навязываетъ Россіи парижскій трактатъ. Опека Россіи надъ Турціей и специальный протекторатъ ея надъ христіанскими подданными Порты дѣлается коллективнымъ правомъ всей Европы, Турція дѣлается членомъ семьи европейскихъ державъ или, вѣрнѣе, отдается подъ опеку цѣлой Европѣ. Неприкосновенность ея территоріи гарантируется всѣми державами, подписавшими парижскій трактатъ. Право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи дѣлается *коллективнымъ*. Ни одна держава безъ согласія остальныхъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ отношенія Порты къ ея подданнымъ.

Парижскимъ трактатомъ восточный вопросъ входитъ въ третью стадію своего развитія; но здѣсь оканчивается перечень политическимъ событіямъ, который дѣлаетъ въ своей брошюрѣ Милетичъ, а потому и мы не будемъ слѣдовать долѣе по тѣмъ новымъ путямъ, на которые вступила съ тѣхъ поръ восточная политика Россіи, если только она вообще на нихъ вступила... Тѣмъ болѣе, что мы намѣреваемся вскорѣ сдѣлать предметомъ спеціальнаго изслѣдованія то вліяніе, которое имѣло на восточную политику Россіи, въ современной намъ стадіи восточнаго вопроса, политика тройственнаго союза или союза трехъ императоровъ. Скажемъ только, что необходимость объявленія нами послѣдней войны, еще разъ обнаружившая слабость нашего дипломатическаго авторитета въ Константинополѣ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что политика тройственнаго союза въ сущности слѣдуетъ по пятамъ традиціи священнаго союза. А мы уже знаемъ, какое гибельное вліяніе имѣли эти традиціи, чуждыя нашимъ національнымъ интересамъ, на результаты восточной политики Россіи.

Уже изъ вышеприведеннаго нами мнѣнія д-ра Милетича относительно такъ-называемаго «права вмѣшательства» европейскихъ державъ въ дѣла отоманскаго правительства и его васальныхъ и непосредственныхъ подданныхъ слѣдуетъ, что нашъ авторъ не могъ не сочувствовать новому международному принципу, провозглашенному на парижскомъ конгрессѣ. И дѣйствительно, д-ръ Милетичъ считаетъ эту новую комбинацію, парализующую агрессивную, всегда одностороннюю политику отдѣльныхъ державъ, но допускающую коллективное вмѣшательство во имя общихъ и высшихъ интересовъ человѣчества, комбинаціей наиболѣе благоприятной для освобожденія народовъ, подвластныхъ Оттоманской Портѣ.

Вліяніе державъ, которыя изъ политическихъ видовъ (т. е. имѣющихъ въ виду территоріальныя пріобрѣтенія, напримѣръ, Россія и Австрія) не сочувствуютъ образованію независимыхъ національныхъ единицъ на развалинахъ Турціи, будетъ уравновѣшиваться противодействіемъ тѣхъ (напримѣръ, Англія), которыя, имѣя въ виду одни торговые интересы, гарантію для сбыта своихъ товаровъ, въ сущности ничего не имѣютъ противъ дѣйствительнаго освобожденія этихъ народностей, но боялись до сихъ поръ, чтобы послѣднія, освободившись, не сдѣлались добычей перваго сильнаго государства, которое поможетъ имъ освободиться.

Въ этой розовой дилеммѣ, опутавшей своими сѣтями судьбу несчастныхъ народовъ Балканскаго Полуострова, заключалось, по мнѣнію Милетича, главнѣйшее препятствіе къ рѣшенію восточнаго вопроса съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія.

Европейскія державы, говоритъ нашъ авторъ, до провозглашенія принциповъ парижскаго трактата, потому только такъ враждебно относились къ освобожденію христіанъ изъ подъ ига турецкаго владычества, что опасались, чтобы освобожденіе это не произошло при содѣйствіи и къ выгодѣ одной лишь Россіи, ибо въ такомъ случаѣ, разсуждали эти державы, можетъ произойти то, что народности эти, слабыя, неподготовленныя къ самоуправленію и разрозненныя, подчинятся исключительно вліянію Россіи и, увеличивая и безъ того значительную боевую силу ея, сдѣлаются этимъ опасными для остальной Европы.

И хотя провозглашеніе парижскимъ трактатомъ «принципа невмѣшательства» для отдѣльныхъ державъ и установленіе третейскаго суда, въ лицѣ европейскаго ареонага, и разрѣшило отчасти вышеупомянутую дилемму, но, по мнѣнію Милетича, только строгая послѣдовательность въ соблюденіи этого, принципа со стороны Россіи можетъ заставить Европу отказаться отъ своего

предубѣжденія. Современная намъ стадія восточнаго вопроса достаточно доказала, насколько Россія была расположена къ послѣдовательному ириведенію этого принципа.

Что такое убѣжденіе о Россіи существуетъ и раздѣляется въ Европѣ всѣми боѣзъ различія партіями, какъ монархическо-аристократическими, такъ и демократическими, то въ этомъ, по мнѣнію Милетича, нѣтъ никакого сомнѣнія. Первые боятся за свое собственное существованіе, вторыя опасаются потерять все, что приобрѣли съ такимъ трудомъ, будучи убѣждены, что монархическія партіи найдутъ въ могущественной Россіи опору для своихъ реакціонныхъ стремленій.

Какъ бы ни ненавидѣли другъ друга эти двѣ партіи у себя дома, но инстинктъ самосохраненія силститъ ихъ противъ общаго врага.

Развѣ, спрашиваетъ Милетичъ, не удалось уже двумъ Наполеонамъ поднять противъ Россіи полъ Европы, объявивъ, для оправданія своего нашествія, своимъ народамъ, будто они идутъ для освобожденія 30 милліоновъ рабовъ? Очевидно, что хотя эти народы и ведутъ постоянно ожесточенную борьбу съ своими правительствами, но для войны съ Россіей они, въ концѣ-концевъ, никогда не откажутъ въ своемъ содѣйствіи.

Изъ сравнительной неудачи Наполеона I-го не слѣдуетъ еще выводить заключенія, что другой на его мѣстѣ—будь онъ Наполеонъ или Гарибальди—не будетъ имѣть болѣе успѣха...

Тотъ же, кто до сихъ поръ еще (особенно послѣ кампаніи 1877 г.) серьѣзно убѣжденъ, что Россія, даже въ союзѣ съ Польшей, достаточно могущественна, чтобы дать побѣдоносный отпоръ соединенной Европѣ, которая, при настоящемъ положеніи дѣлъ, въ состояніи выставить противъ Россіи даже славянъ, тотъ разсуждаетъ подъ вліяніемъ своихъ завѣтныхъ желаній и симпатій, но во всякомъ случаѣ—нелогично.

Слѣдовательно, постоянныя обще-европейскія коалиціи противъ Россіи и неизмѣнное грустное status quo въ положеніи славянскихъ народностей, будутъ, по мнѣнію нашего автора, единственнымъ результатомъ той политики, которой держалась Россія до парижскаго трактата.

И если она будетъ и впредь употреблять тѣже абортивныя средства, то эти коалиціи будутъ повторяться все чаще и чаще, а недовѣріе Европы къ чистотѣ идеаловъ и стремленій славянской расы все болѣе и болѣе увеличиваться¹.

Спеціальное покровительство, говоритъ онъ, которое оказыва-

¹ Пережившіе послѣднія событія убѣдились теперь, какъ вѣрно оцѣнилъ будущее Милетичъ. Берлинскій конгрессъ, въ сущности, подтвердилъ только принципы парижскаго трактата.

ли до сихъ поръ, въ виду своихъ личныхъ интересовъ, отдѣльныя великія державы нѣкоторымъ изъ національностей юго-востока (напримѣръ Англія—грекамъ, Франція—румынамъ, Россія—болгарамъ и сербамъ), только поддерживало и безъ того хронической антагонизмъ, существующій между этими національностями, мѣшающій развитію въ нихъ духа солидарности, необходимаго и единственно достаточнаго условія для ихъ освобожденія отъ ненавистнаго ига.

Но и это послѣднее затрудненіе должно устраниться парижскимъ трактатомъ, такъ какъ отнынѣ покровительство дѣлается коллективнымъ и взаимныя споры и недоразумѣнія между упомянутыми національностями будутъ рѣшаться третейскимъ судомъ европейскаго ареопага.

Но намъ возразятъ, говорить далѣе Милетичъ, что нѣкоторые изъ полунезависимыхъ государствъ, видѣлившихся изъ племеннаго состава Турецкой Имперіи, связаны съ послѣдней трактатами, обязывающими ихъ къ поддержанію извѣстнаго status quo въ своихъ отношеніяхъ къ Портѣ, и трактаты эти гарантированы нѣкоторыми европейскими державами.

Но, во-первыхъ, трактаты эти были заключены не самими заинтересованными вассальными государствами, но, помимо ихъ воли, европейскими державами, слѣдовательно, не обязываютъ нисколько первыхъ къ соблюденію этихъ трактатовъ.

Во-вторыхъ, говоритъ Милетичъ:—между крестомъ и полумѣсяцемъ, уже въ принципѣ, не можетъ быть заключено никакихъ трактатовъ. Послѣ несчастныхъ битвъ на Коссовомъ Полѣ, при Марицѣ и подъ стѣнами Константинополя, ни сербы, ни болгары, ни эллины, какъ націи, не входили съ Портой ни въ какіе мирные договоры. Они обладаютъ, слѣдовательно, правомъ войны и возстанія, доколѣ хотя одинъ турокъ пребываетъ на ихъ землѣ.

«Право, вообще говоря, обуславливаетъ собою только одну формальную сторону государственныхъ переворотовъ. Для фактическаго, матеріальнаго оправданія возстанія *достаточно, если народъ самъ по себѣ обладаетъ силой, нравственной и физической, для того, чтобы, разрушивъ или поввагъ что либо, битъ въ состояніи создать на его мѣсто нечто новое и, главное, прочное, а затѣмъ и далѣе совершенствоваться.*

Если же, сбросивъ съ себя оковы рабства, онъ сдѣлается жертой невѣжества, честолюбивыхъ стремленій отдѣльныхъ личностей, междоусобной борьбы и анархіи, то понятно, что освобожденіе его не можетъ быть пріятно для его сосѣдей.

Могутъ ли, спрашивается, народности Балканскаго Полуострова

предоставить Европѣ достаточныя гарантіи въ своей политической зрѣлости и способности къ самоуправленію? Милетичъ, не колеблясь, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно.

Маленькія государства, какъ-то Сербія, Черногорія, Румынія и Греція, достаточно обнаружили свои способности къ правильной государственной жизни. Они пережили много политическихъ кризисовъ и съ успѣхомъ боролись и съ внутренними враждебными элементами (въ Румыніи—олигархи-бояре, въ Сербіи—бюрократія, въ Греціи—то и другое), и съ внѣшними недругами (дипломатическія интриги великихъ державъ), но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда были предоставлены сами себѣ, съ успѣхомъ преодолевали всѣ затрудненія.

Такъ, Греція, въ 1853 году, заставила своего короля присягнуть конституціи и съ тѣхъ поръ пользуется всѣми благами самоуправленія.

Румынія, въ 1848 году, блистательно преодолѣвъ всѣ внѣшнія дипломатическія интриги, стремившіяся раздвоить ее во что бы то ни стало, добилась единства и пользуется самой широкой и либеральной государственной жизнью.

Сербы, въ 1857 году, съ удивительнымъ тактомъ и безъ пролитія капли крови, чему могутъ позавидовать и европейскія націи, разъ навсегда избавились отъ произвола своихъ князей, которыхъ они, впрочемъ, всегда умѣли во время устранять.

Слѣдовательно, если упомянутыя народности являются достаточно зрѣлыми для самостоятельнаго существованія и доступными европейской цивилизаціи, то, очевидно, полное освобожденіе ихъ отъ гнета туранской орды не угрожаетъ опасностью ни коммерческимъ интересамъ великихъ державъ, ни существующимъ условіямъ европейскаго равновѣсія; все это, конечно, только въ томъ случаѣ, если европейскія державы убѣдятся, что имъ нечего опасаться высшаго надъ ними, подобно дамклову мечу, русско-славянскаго вошмара, т. е. другими словами, если русская восточная политика, строго придерживаясь принципа коллективнаго вмѣшательства и апеллаціи къ европейскому ареопагу, будетъ искренне и безъ всякой задней мысли стремиться въ дѣйствительному, *абсолютному* освобожденію родственныхъ ей въ племенномъ отношеніи народовъ, а не къ тому, чтобы создать изъ нихъ (какъ въ томъ обвиняетъ ее Европа) новое и могущественное орудіе для оказанія поддержки враждебнымъ европейской цивилизаціи догматамъ.

Въ заключеніе прибавимъ, что Милетичъ, понимая, что ни одна изъ населяющихъ Балканскій Полуостровъ народностей (такъ же, какъ прежде ни одна изъ европейскихъ великихъ державъ) не допу-

стать другой до исключительнаго владычества въ Константинополѣ ¹, является горячимъ защитникомъ проекта провозглашенія, съ общаго согласія, Константинополя портс-франко или интернациональнымъ городомъ, состоящимъ подъ покровительствомъ всѣхъ европейскихъ народовъ, подобно вѣчно нейтральной Швейцаріи или Бельгіи.

Это избавить, въ тоже время, и Европу отъ преслѣдующей ее постоянно *idée fixe*, что Константинополь, сдѣлавшись когда либо центромъ русскаго или греческаго (фанариотскаго) вліянія, а съ нимъ и восточнаго православія, превратится въ такой же неизсякаемый источникъ враждебныхъ свѣту и просвѣщенію идей и догматовъ, извѣстныхъ уже въ средніе вѣка подъ именемъ *византизма*, каковымъ былъ Римъ для католической Европы до самаго новѣйшаго времени.

B***

¹ Такъ какъ это было бы возобновленіемъ старинной борьбы, уже разъ стои-
мѣй этимъ расамъ 4-хъ сотъ-лѣтняго рабства.

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

VII.

Титулы.

Въ своемъ неразвитомъ состояніи, человѣческой умъ не дѣлаетъ никакихъ нововведеній. Упорно привязанный ко всему тому, чему научили его предки, первобытный человѣкъ достигаетъ чего либо новаго лишь послѣ ряда измѣненій, независимыхъ отъ его воли. То, что извѣстно въ настоящее время относительно языковъ, а именно что они не созданы, а составляютъ продуктъ развитія, вѣрно и относительно обычаевъ. Къ многочисленнымъ фактамъ, подтверждающимъ этотъ взглядъ, предъидущія главы прибавили нѣсколько новыхъ.

То же замѣчаніе примѣнимо и къ титуламъ. Если мы станемъ разсматривать ихъ въ настоящемъ ихъ состояніи, они покажутся намъ искусственными, и мы будемъ склонны думать, что они были установлены въ ту или другую эпоху съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ. А это равносильно тому, еслибы мы думали, что и наши собственныя имена созданы съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ. Названія предметовъ, качествъ и дѣйствій носятъ первоначально прямо или косвенно описательный характеръ, и тѣ имена, которыя мы подводимъ подъ названіе титуловъ, въ этомъ отношеніи сходны со всѣми остальными. Глухонѣмой не думаетъ вовсе о созданіи какого либо новаго символа, когда, желая напомнить намъ извѣстное лицо, онъ передразниваетъ нѣкоторыя выдающіяся его особенности. Равнымъ образомъ, вовсе не думаетъ объ этомъ и дикарь, ни въ то время, когда онъ изображаетъ, напримѣръ, мѣсто, гдѣ былъ убитъ кенгуру или гдѣ обрушилась скала, ни тогда, когда онъ напоминаетъ намъ извѣстную личность, указывая на какую либо выдающуюся черту въ его наружности, или на какое-либо событіе въ его жизни, ни въ томъ случаѣ, когда онъ даетъ тѣ названія, описательныя

въ буквальный или переносный смыслъ, которыя, отъ времени до времени, превращаются въ титулы.

Даже имена собственные развивались постепенно, нечувствительно. Тотъ фактъ, что у мало цивилизованныхъ народовъ дитя носить долгое время названіе «бури», или новой луны, или «возвратившагося отца», показываетъ намъ, что первоначально имя это было простымъ намекомъ на событіе, происшедшее въ день рожденія ребенка и служащее наилучшимъ средствомъ отмѣтить это дитя. Если позже его называютъ «раздави голову» или «грязное сѣдло» (дакотскія названія), то это потому, что начинаютъ употреблять самопроизвольно другой, иногда лучшей способъ отождествленія. Очевидно, что такимъ же образомъ возникли и другія, менѣе нужныя имена, каковы титулы. Единственное различіе между ними и обыкновенными собственными именами то, что они указываютъ на нѣкоторыя черты, нѣкоторыя дѣйствія или должности, считающіяся почетными.

У различныхъ дикихъ племенъ, послѣ совершенія какого либо замѣчательнаго подвига, виновника награждаютъ почетнымъ титуломъ, который присоединяется къ его прежнему имени или замѣняетъ его. Туписы представляютъ тому прекрасный примѣръ. «Основатель праздника (людоѣдскаго) принялъ еще новое имя, чтобы сохранить воспоминаніе о подвигахъ, совершенныхъ имъ въ этотъ день, а его родственники бѣжали по дому и громко выкрикивали новый титулъ.» Гансъ Стаде говоритъ по поводу того же народа: «Сколько неприятелей они укладываютъ въ битвѣ, столько же и новыхъ именъ даютъ они себѣ; тѣ считаются самыми знатными, у кого наибольшее число подобныхъ именъ. «Такимъ же образомъ въ Сѣверной Америкѣ молодой индѣецъ, приносящій свой первый скаल्पъ, провозглашается мужемъ и воиномъ и получаетъ «военное имя». У болѣе развитыхъ народовъ древняго Никарагуа, этотъ обычай далъ начало общему наименованію, обозначающему вообще всѣхъ лицъ, находящихся въ подобномъ положеніи: лицо, убившее другого въ битвѣ, называли *tapalique*, а у индѣйцевъ Панамскаго Перешейка равнозначущимъ съ этимъ словомъ былъ титулъ *sabra*.

Сравнивая факты, представляемые двумя кровожадными и людоѣдными обществами, находящимися на разныхъ ступеняхъ развитія, мы видимъ, какъ описательные почетные титулы, раздаваемые въ ранніе воинственные періоды времени, обращаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ официальные имена. На островахъ Фиджи храбрѣйшіе воины получаютъ такіе, напримѣръ, титулы: «раздаватель земли», «опустошитель берега», «истребитель жителей острова», при чемъ къ этимъ словамъ прибавляется названіе

мѣстности, о которой говорится. Съ другой стороны, въ древней Мексикѣ, должности, занимаемыя братьями короля или его ближайшими родственниками, носили слѣдующія названія: «человѣкоубійца», «проливающій кровь».

У такихъ народовъ, какъ фиджіицы, имѣющихъ крайне смутное понятіе о различіи между богами и людьми и продолжающихъ обожествлять своихъ вождей, мы находимъ, что и боги носятъ имена, подобныя тѣмъ, которыя получаютъ воины при жизни. Такіе титулы, какъ «похититель женщинъ», «пожиратель мозга», «убійца», «творецъ недавней рѣзни», принадлежать естественно къ тому разряду божественныхъ титуловъ, начало которыхъ коренится въ описательныхъ именахъ употребляемыхъ у людоѣдовъ, поклоняющихся своимъ предкамъ. Что различныя титулы боговъ, которымъ поклоняются высшія расы, имѣютъ подобное же происхожденіе, доказывается тѣмъ фактомъ, что имъ приписываются побѣды. Идетъ ли рѣчь о божествахъ египетскихъ, вавилонскихъ или греческихъ, о нихъ говорится всегда, что они приобрѣтаютъ свою власть путемъ битвъ. Въ разсказахъ объ ихъ воинственныхъ подвигахъ встрѣчаются разныя описательныя имена, какъ напримѣръ, Марсъ «кровожадный».

У первобытныхъ народностей часто, вмѣсто почетнаго титула, описательнаго въ буквальномъ смыслѣ, даютъ почетный титулъ, описательный въ смыслѣ переносномъ. Туписы, на которыхъ мы уже указывали выше, какъ на примѣръ націи, имѣющей обыкновеніе принимать воинственныя клички, «брали свои наименованія съ видимыхъ предметовъ, при чемъ ихъ выборъ опредѣлялся ихъ тщеславіемъ или жестокостью». Разсказы Хименеса о болѣе цивилизованныхъ жителяхъ Гватемалы показываютъ намъ, какъ подобныя имена даются сначала товарищами, подъ вліяніемъ невольнаго движенія восторга, затѣмъ жалуются болѣе обдуманномъ образомъ лицамъ, отличившимся особенною храбростью, и, наконецъ, обращаются въ имена могущественныхъ владѣтелей. Вотъ, согласно словамъ автора, перечисленіе титуловъ короля: «смѣющійся тигръ», «тигръ лѣсовъ», «орелъ притѣснитель», «орлиная голова», «могучій змѣй», и т. д. По всей дикой Африкѣ, королевскіе титулы имѣютъ одинаковое съ этимъ происхожденіе. Въ числѣ почетныхъ титуловъ короля ашантиевъ, мы находимъ титулы: левъ и змѣй. Въ Дагомѣ титулы подобнаго происхожденія употребляются въ превосходной степени; короля называютъ «львомъ львовъ». Въ такомъ же смыслѣ, короля Узамбара называютъ «львомъ неба»; еслибы этого короля обоготворили, титулъ его породилъ бы естественно дѣльный рядъ мисевъ. Страна зулусовъ даетъ намъ новое подтвержденіе того же факта.

Здѣсь мы видимъ, кромѣ того, какъ почетные титулы, взятые съ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, поражающихъ умъ, прибавляются къ почетнымъ именамъ совершенно иного происхожденія и превращаются въ формы обращенія, о которыхъ мы уже говорили выше. Титулы короля слѣдующіе: «благородный слонъ», «ты вѣчный», «ты столь же высокій, какъ небеса», «ты, порождающій людей», «черный», «ты, птица, поѣдающая другія птицы», «ты, столь же высокій, какъ горы», «ты, примиритель». Шутеръ указываетъ въ своемъ разсказѣ на употребленіе зулусскихъ титуловъ, приводя часть рѣчи, обращенной къ королю: «Вы гора, вы левъ, вы тигръ, вы черный! вы не имѣете себѣ равнаго». Кромѣ того, мы имѣемъ доказательство того, что почетные титулы этого происхожденія превращаются въ титулы, примѣняемые скорѣе къ извѣстному положенію, нежели къ лицу, занимающему его; такъ Шутеръ говоритъ, что «жену кафрскаго вождя зовутъ самкою слона, а главную его жену — львицею».

Руководясь этими наблюденіями, мы должны будемъ необходимо прійти къ заключенію, что названія животныхъ, обращенныя въ почетныя имена (какъ это видимъ мы изъ лѣтописей угасшихъ историческихъ расъ), имѣютъ подобное же происхожденіе. Находя, что въ наши дни короля Мадагаскара, между прочими титулами, называютъ «могучимъ быкомъ», и, вспоминая, какъ побѣжденные враги Рамзеса, кланяясь своему побѣдителю, называютъ его подобнымъ же почетнымъ именемъ, мы не можемъ не прійти къ заключенію, что имена животныхъ, жалованныя королямъ, дали начало именамъ животныхъ, жалованнымъ богамъ въ видѣ почетныхъ титуловъ. Такъ Аписъ, въ Египтѣ, дѣлается синонимомъ Осириса и солнца, а быкъ — синонимомъ героя-завоевателя и Индры, бога-солнца.

То же можно связать относительно титуловъ, заимствованныхъ изъ названій предметовъ и наиболѣе поразительныхъ явлений природы. Мы видѣли уже, какъ у зулусовъ гиперболическій комплиментъ, обращенный къ королю: «ты столь же высокъ, какъ и горы», переходитъ отъ формы сравнительной къ формѣ метафорической въ слѣдующемъ обращеніи: — «вы гора». Что метафорическія названія, употребляемыя такимъ образомъ, превращаются въ собственные имена, доказательство тому представляетъ намъ Самоа, гдѣ «вождь Панго-Панго называется въ настоящее время Маунга или гора, почему запрещается произносить это слово въ его присутствіи». Мы имѣемъ сверхъ того доказательство, что и у грубыхъ народностей, гдѣ процвѣтаетъ культъ предковъ, титулы, даваемые богамъ, возникли

подобнымъ же образомъ. Чинуки, навакосы и мексиканцы Сѣверной Америки, перуанцы Южной Америки считали нѣкоторыя горы божествами. Но такъ какъ эти боги имѣли еще и другія имена, то можно предположить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ обоготворенный человѣкъ получалъ, въ видѣ почетнаго титула, либо вообще названіе горы, либо названіе какой-нибудь горы въ частности, какъ то было въ Новой Зеландіи. Льстивыя сравненія съ солнцемъ дали начало не только почетнымъ именамъ и именамъ божественнымъ, но и официальнымъ титуламъ. Читая, какъ мексиканцы называли Кортеса сыномъ солнца, какъ чибчасы величали всѣхъ вообще испанцевъ дѣтьми солнца, какъ народъ Тласкала называлъ Альварадо солнцемъ, какъ въ Перу всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ называли, въ видѣ привѣтствій, сыновьями солнца, какъ тамъ же инки, считающіеся потомками солнца, носили титулы, произведенные изъ названія солнца, мы начинаемъ понимать, почему египетскіе цари, имѣвшіе, кромѣ того, и другіе спеціально имъ принадлежащіе титулы, носили всѣ послѣдовательно титулъ сына солнца. Если мы вспомнимъ теперь, что египтяне, совершая правильное поклоненіе своимъ предкамъ, въ то же время боготворили и живыхъ царей, мы невольно прійдемъ къ слѣдующему заключенію: подобно тому, какъ цари, кромѣ общаго всѣмъ имъ названія солнца, заимствовали у солнца и особые титулы, принадлежащіе каждому изъ нихъ отдѣльно, напримѣръ, «солнце побѣдоносное», «солнце распорядитель созданія» и т. д.,—и боги египтянъ, созданные обоготвореніемъ умершихъ людей, носили титулы, подвергшіеся такой же спеціализаціи, напримѣръ: «причина теплоты», «творецъ свѣта», «могущество солнца», «оживотворяющая причина», «солнце на тверди небесной», «солнце въ состояніи покоя».

Въ метафорически-описательномъ имени, мы находимъ корень происхожденія тѣхъ первобытныхъ почетныхъ титуловъ, которые вначалѣ являются титулами чисто личными, а затѣмъ въ иныхъ случаяхъ обращаются въ титулы, связанные съ должностями.

Если, затѣмъ, мы прибавимъ, что термины, служащіе въ различныхъ языкахъ синонимами нашего слова «богъ», были первоначально описательными именами, то это наше предположеніе удивитъ тѣхъ, кто, вслѣдствіе незнакомства съ фактами, приписываютъ диварямъ мысли, аналогичныя съ нашими; съ такимъ же трудомъ будетъ принято оно и тѣми, которые, хотя и знакомы отчасти съ фактами, тѣмъ не менѣе упорно утверждаютъ, что человѣкъ съ самого начала обладалъ понятіемъ о всемірной созидающей силѣ. Но кто ищетъ истины безъ предвзятой мысли, тотъ увидитъ ясно, что общій терминъ, служащій для обозначе-

нія божества, былъ первоначально не инымъ чѣмъ, какъ словомъ, выражавшимъ просто превосходство. У фиджійцевъ это слово примѣняется ко всему великому и чудесному, у малагазцовъ—ко всему новому, полезному или необычайному, у тодасовъ—ко всему таинственному, такъ что, по выраженію Маршалля, въ сущности, «это прилагательное имя, обозначающее превосходство». Примѣняемое одновременно и къ одушевленнымъ, и къ неодушевленнымъ предметамъ для обозначенія какого-либо необычайнаго качества, слово «богъ» въ этомъ смыслѣ употребляется одинаково и относительно живыхъ людей, и относительно мертвыхъ; но такъ какъ вообще предполагали, что мертвые обладаютъ таинственною силою дѣлать добро или зло живымъ, то слово это, особенно съ теченіемъ времени, стало примѣняться главнымъ образомъ къ мертвымъ. Хотя слова «богъ» и «духъ» имѣютъ у насъ два совершенно различныя значенія, однако, въ началѣ они были синонимами, или, вѣрнѣе, первоначально существовало лишь одно слово для обозначенія сверхъестественнаго существа. Факты, доказывающіе это предположеніе, весьма обильны: такъ, миссіонеры не находятъ ни одного такого туземнаго имени, которое, обозначая бога, не обозначало бы въ равной степени и духа, демона или діавола; не только греки и римляне называли духовъ умершихъ своихъ родственниковъ тѣмъ же именемъ, какъ и своихъ великихъ боговъ; не только на іероглифическихъ надписяхъ египтянъ встрѣчаются опредѣлительныя имена, обозначающія, смотря по надобности, то бога, то предка, то какое-либо знатное лицо—но даже и евреи обозначали словомъ *elohim* какъ высшее сверхъестественное существо, такъ и духовъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ того, напримѣръ, что евреи даютъ это имя могущественнымъ лицамъ, находящимся еще въ живыхъ, естественно вытекаетъ заключеніе, что у нихъ, какъ и вообще у первобытныхъ народовъ, превосходство того или другого рода есть единственный атрибутъ, приписываемый елогимамъ. Если мы вспомнимъ, что, согласно древнимъ вѣрованіямъ, двойника умершаго лица можно видѣть и осязать подобно живому лицу, можно его убить, утопить или инымъ образомъ лишить вторично жизни; что у фиджійцевъ сходство между богомъ и вождемъ столь велико, что весьма трудно распознать различіе между ними; что греческіе боги, которыхъ можно было ранить человѣческимъ оружіемъ, были, какъ то видно изъ «Иліады», во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ людьми, такъ что нужно было особенное искусство, чтобы ихъ отличить отъ людей, то поймемъ, какимъ образомъ естественно возникала и развивалась привычка переносить титулъ бога отъ могущественнаго существа, считающагося вообще невидимымъ,

къ существу могущественному и видимому. Его прилагаютъ къ жигнмъ, или потому что это живое лицо считаютъ двойникомъ какого-либо страшнаго лица, или въ силу его естественнаго превосходства. И въ самомъ дѣлѣ, необходимыми послѣдствіемъ этой теоріи является то, что наиболѣе выдающіеся по заслугамъ люди, превосходящіе въ этомъ отношеніи другихъ, считаются богами или духами, возвратившимися съ того свѣта, и имъ приписываютъ обыкновенно сверхъестественную силу. Вотъ почему австралійцы, ново каледонійцы, жители острововъ Дарнлеа, Круменны, жители малабарскаго берега, мпонгве и т. д. называютъ европейцевъ *духами*; ихъ считаютъ двойниками умершихъ туземцевъ. Вотъ почему имъ придаютъ соответственное наименованіе *боговъ* у бушменовъ, бехуановъ, восточныхъ африканцевъ, фалаховъ, кондовъ, фиджійцевъ, дайаковъ, древнихъ мексиканцевъ, чибчасовъ и т. д. Вотъ, наконецъ, причина, почему у нецивилизованныхъ народовъ, употребляющихъ это слово въ вышеозначенномъ смыслѣ, лица знатнаго рода называютъ себя *богами*, какъ, напримѣръ, *палами* (нѣчто въ родѣ жрецовъ у тодасовъ) и нѣкоторые вожди у новозеландцевъ и фиджійцевъ.

Уяснивши, такимъ образомъ, значеніе и примѣненіе слова «богъ», мы перестанемъ удивляться тому, что его употребляютъ какъ почетный титулъ. Такимъ именемъ титулуютъ царя Лоанго его подданные; то же говоритъ Баттель по поводу царя Мзамбара и то же повторяетъ Крапфъ. У современныхъ кочевниковъ-арабовъ слово богъ служитъ родовымъ названіемъ самаго могущественнаго государя, извѣстнаго имъ. Отсюда не трудно признать достовѣрными и рассказы о томъ, какъ татары, поклоняясь великому ламѣ, называютъ его «богомъ, отцомъ», и это тѣмъ болѣе, что эти рассказы вполне согласуются съ другими фактами; такъ женщины, поющія восхваленія королю Мадагаскара, называютъ его: «о, нашъ богъ»; разговаривая съ королемъ Дагомэ употребляютъ равносильное этому выраженіе «духъ», такъ что, когда онъ посылаетъ за кѣмъ-нибудь, вѣстникъ говоритъ послѣднему: «духъ васъ зоветъ», а когда онъ произноситъ что нибудь, всѣ восклицаютъ: «духъ говоритъ истину». Послѣ всего этого, намъ перестанетъ казаться страннымъ, что древніе цари Востока принимали имя Θεός.

Правда, въ обыденныхъ сношеніяхъ это почетное названіе встрѣчается рѣдко, тѣмъ не менѣе попадаются примѣры и его употребленія. Послѣ всего вышесказаннаго, мы не будемъ удивлены, если увидимъ это слово примѣненнымъ къ умершимъ лю-

дамъ; такъ, по свидѣтельству Мотолініа, древніе мексиканцы называли своихъ мертвецовъ *teote* такой-то, т. е. богъ такой-то, святой такой-то. Благодаря этому примѣру, намъ будетъ легко понять, почему во многихъ случаяхъ слово «богъ» употребляется въ видѣ привѣтствія между живыми людьми. Полковникъ Юль говоритъ о казіасахъ: «ихъ привѣтствія при встрѣчѣ весьма страны: Кюбле! о, богъ!»

А чтобы еще яснѣе представить отношеніе между титулами «богъ» и «отецъ», достаточно обратиться къ первичнымъ формамъ понятій и языка, къ эпохѣ, когда между этими словами не существовало никакой разницы. Даже въ языкѣ, столь развитомъ, какъ санскритскій, слова, обозначающія: дѣлать, производить, родить, создавать, употребляются безразлично для выраженія одной и той же мысли. А это показываетъ намъ, до какой степени въ рѣчахъ первобытныхъ людей является что-то естественною ассоціаціа отца видимаго, создателя новыхъ существъ при жизни и создателя невидимыхъ новыхъ существъ по смерти, со всею массою умершихъ и невидимыхъ производителей; при чемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ, возводимые въ высшій санъ, рассматриваются какъ существа, порождающія вообще творцовъ или создателей. Когда сэръ Рутерфордъ Аллокъ замѣчаетъ, что ненормальное смѣшеніе теократическихъ и патриархальныхъ элементовъ составляетъ основу правительства въ Китаѣ и Японіи, гдѣ императоръ не только называетъ себя патриархомъ и отцомъ народа, но и изъявляетъ притязаніе на божественное происхожденіе, онъ увеличиваетъ число неправильныхъ толкованій тѣмъ, что принимаетъ за точку отправленія болѣе развитыя понятія, вмѣсто ограниченныхъ понятій первобытнаго человѣка. Ибо то, что онъ называетъ «ненормальнымъ смѣшеніемъ» идей, представляетъ въ дѣйствительности нормальный союзъ идей, который, въ данномъ случаѣ, продержался въ теченіи болѣе долгаго времени, нежели то бываетъ обыкновенно въ развитыхъ обществахъ.

Яснѣе всего этотъ союзъ идей виденъ въ примѣра зулусовъ. У нихъ существуютъ преданія объ Ункулункулу (буквально, старый старикъ), «который былъ первымъ человѣкомъ, родившимся и породившимъ людей: онъ породилъ людей и всякаго рода вещи (включая сюда солнце, луну и небеса) и былъ, повидному, негромъ, потому что всѣ потомки его были неграми». Первобытному Ункулункулу не поклоняются, потому что его считаютъ окончательно умершимъ, за то называютъ отцами и поклоняются всѣмъ Ункулункулу различныхъ племенъ, образовавшихся отъ

его потомковъ. Итакъ, здѣсь существуетъ прямая связь между понятіями о создателѣ и объ отцѣ. Отношеніе это выражается такимъ же или даже болѣе характеристичнымъ образомъ въ слѣдующихъ отвѣтахъ древнихъ жителей Никарагуа. На вопросъ: «кто создалъ небо и землю?» они отвѣтили сначала: «Тамагастадъ и Сипаттоваль, наши великіе боги, которыхъ мы называемъ *teotes*»; когда же ихъ заставили разъяснить смыслъ отвѣта, они прибавили: «эти *teotes* — наши отцы; всѣ мужчины и женщины происходятъ отъ нихъ; они созданы изъ кожи и мяса и соединяютъ въ себѣ оба пола; они ходили по землѣ покрытые одеждами и ѣли тоже, что и индѣйцы». А изъ тождества, установленнаго, такимъ образомъ, между богами и первородителями, вытекаетъ родственность понятій «отцовство» и «божество». Наиболѣе отдаленный предокъ, котораго считаютъ существующимъ въ другомъ мірѣ, куда онъ отправился, создатель своихъ потомковъ, «старый старикъ» или «старшина дней», обращается въ главное божество. Такимъ образомъ, понятіе «отецъ» не есть, какъ то мы привыкли думать, метафорическій, а буквальный эквивалентъ понятія «богъ».

Вотъ причина, почему мы встрѣчаемъ употребленіе этихъ словъ, какъ синонимовъ, у всѣхъ народовъ. Въ приведенной нами выше молитвѣ; съ которою ново-каледоніецъ обращается къ духу своего предка: «Милосердный отецъ, вотъ пища для васъ, покушайте ее; будьте милостивы къ намъ за этотъ даръ», мы видимъ доказательство того первобытнаго отождествленія отцовства съ божествомъ, о которомъ говорятъ намъ всѣ мифологіи и теологіи. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если первые иски поклонялись своему отцу солнцу, если Цта, перваго изъ династии боговъ, царствовавшей въ Египтѣ, называли отцомъ отца боговъ, а Зевса считали отцомъ боговъ и людей.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, всѣ эти первобытныя вѣрованія, представляющія такъ мало различія между божественнымъ и человѣческимъ, и изучивъ вѣрованія, существующія еще и теперь въ Японіи и Китаѣ, гдѣ государи, сыновья неба, претендуютъ на происхожденіе отъ отцовъ или наиболѣе древнихъ боговъ, намъ не трудно понять, какимъ образомъ имя «отецъ», въ его наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, примѣняется къ живущему государю. Такъ какъ отцами называли своихъ наиболѣе отдаленныхъ и наиболѣе близкихъ предковъ и различали ихъ эпитетами *grand*, *grand-grand*, *great*, *great-great* (великій, великій-великій) и т. д., то отсюда происходило, что именемъ отца,

*

даваемымъ каждому члену этой серіи, титуловали въ равной степени и послѣднее въ серіи, еще живущее лицо. Къ этой причинѣ присоединяется и другая. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ учрежденіе потомства по прямой линіи дало начало патриархальной семьѣ—имя отца, даже въ его первобытномъ значеніи, было связано съ высшею властью, и сдѣлалось поэтому почетнымъ именемъ. И въ самомъ дѣлѣ, среди націй, образовавшихся изъ патриархальныхъ группъ, простыхъ и сложныхъ, обѣ причины сливаются. Наиболѣе отдаленный извѣстный предокъ каждой сложной группы—въ одно и то же время отецъ и богъ всѣхъ соединенныхъ группъ. А такъ какъ старшій сынъ старшаго является представителемъ не только личности послѣдняго, но и его власти, то отсюда вытекаетъ, что этотъ патриархъ, глава не только своей группы, но и всѣхъ соединенныхъ группъ, находится по отношенію къ нимъ въ томъ же положеніи, какъ и обоготворенный предокъ; онъ до нѣкоторой степени соединяетъ въ себѣ власть божескую, отцовскую и царскую.

Отсюда общее употребленіе слова «отецъ» въ видѣ королевскаго титула. Индѣйцы Америки и жители Новой Зеландіи этииъ именемъ называли властителей цивилизованныхъ народовъ, въ разговорѣ съ ними. Какъ титулъ, мы встрѣчаемъ его и въ Африкѣ. Имя «отецъ» стоитъ во главѣ списка различныхъ наименованій короля зулусовъ; въ Дагомѣ, когда король направлялся съ своего трона во дворецъ, о каждой неровности почвы его предупреждали щелканіемъ пальцевъ, чтобы какъ-нибудь не повредить пальца королевской ноги, что сопровождалось криками: *dadda, dadda!* (дѣдъ, дѣдъ) и *dedde, dedde!* (тише, тише). Въ Азін мы находимъ примѣры соединенія титуловъ «господинъ раджа и господинъ отецъ». Въ Европѣ, въ наше время, царя называютъ отцомъ; въ прежнія времена, имя это, подъ формою *sire*, примѣнялась во всѣмъ властелинамъ безъ различія, къ феодальнымъ владѣльцамъ и къ королямъ, и даже въ наше время говорятъ *sire* при обращеніи къ монарху ¹.

¹ Послѣ долгихъ преній о происхожденіи словъ *sire* и *seigneur* пришли къ заключенію, что оба эти слова происходятъ изъ одного корня, означающаго старшій дѣтями. Но такъ какъ слово *sire* было сокращенною формулою, употреблявшеюся раньше *seigneur* (сокращеніе *seigneur'a*), и вслѣдствіе этого получило болѣе общее значеніе, то оно и сдѣлалось синонимомъ отца. Что такое дѣйствительно было его первоначальное развитіе и распространеніе, видно изъ того, что оно употреблялось относительно разныхъ должностныхъ лицъ, а не исключительно для обозначенія сеньера, а его синонимія съ отцомъ доказываетъ тѣмъ, что въ раннемъ французскомъ языкѣ употреблялось, вмѣсто *grand père*, слово *grand-sire*, и что холостого не называли никогда *sire*.

Быть может, этому-то двойному значенію и обязанъ титулъ отецъ своимъ столь быстрымъ распространеніемъ, и мы дѣйствительно находимъ, что повсюду имъ обозначали всякаго рода высокопоставленныхъ лицъ. У зулусовъ — слово *baba* (отецъ) не только приимается къ королю, но и употребляется лицами низшаго званія, когда они говорятъ съ лицами, стоящими выше ихъ. Ливингстонъ рассказываетъ, что его слуги называли его «нашъ отецъ». Тѣмъ же именемъ называли бачассины Бурчелла. Эта форма въ древнія времена употреблялась и на Востокѣ; мы, напримѣръ, читаемъ: «и приблизились слуги его, и стали говорить съ Нааманомъ и сказали ему: отецъ нашъ», и даже въ настоящее время она въ ходу на крайнемъ Востокѣ. Японскіе ученики называютъ своихъ патроновъ «отцами». Въ Сіамѣ дворянскихъ дѣтей низшія лица называютъ отцами и матерями, а Гукъ рассказываетъ, что видѣлъ, какъ китайскіе рабочіе падали ницъ передъ мандариномъ съ крикомъ: «Покой и счастье нашему отцу и матери!» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слово это указываетъ не только на рангъ, но и на болѣе старшій возрастъ, при чемъ послѣднее значеніе имѣетъ преимущество надъ первымъ, какъ, напримѣръ, въ Сіамѣ и до нѣкоторой степени въ Китаѣ и Японіи. Примѣры такого расширенія въ употребленіи этого титула представляетъ намъ древній Римъ, гдѣ *pater* былъ одновременно титуломъ сановника и титуломъ, съ которымъ обращались младшіе къ старшимъ даже тогда, когда между ними не было и тѣни родства — также современная намъ Россія, гдѣ имя «отецъ» употребляется при обращеніи какъ къ царю, такъ и къ священнику, или къ какому бы то ни было старику. Иногда этимъ именемъ только старыхъ, но и молодыхъ. Принимая форму *sire*, титулъ называютъ не «отецъ» обозначалъ феодальныхъ сеньеровъ, болѣе когда въ обихѣ и мелкихъ, въ производной же формѣ *sir* онъ былъ нѣщемъ употребленія въ разговорѣ, и даже въ настоящее время употребляется всегда въ письмахъ.

Намъ необходимо теперь упомянуть о цѣлой группѣ производныхъ словъ, употребляемыхъ цивилизованными и полудивилизованными народами. Желаніе сказать комплиментъ, приписавъ извѣстному лицу достоинство, связанное съ отцовствомъ, привело во многихъ странахъ къ обычаю ямѣнять собственное имя лица какимъ либо другимъ именемъ, которое одновременно напоминало бы и указывало на почетное отцовство, и означало это лицо присоединеніемъ къ нему имени его ребенка. Малайцы, по словамъ Сентъ-Джона, имѣютъ, какъ и дайаки, обыновеніе

принимать имя своего первенца, напримеръ Па-Сипи, отецъ Сипи. Марсденъ говоритъ, что этотъ обычай общераспространенъ на Суматрѣ, а Эллисъ указываетъ намъ, какъ на примѣръ его употребленія, на о-въ Мадагаскаръ. То же имѣеть мѣсто и у нѣкоторыхъ индѣйскихъ горныхъ племенъ; казіасы обозначаютъ другъ друга именами своихъ дѣтей, какъ, напримеръ, Пабобонъ, отецъ Бобона. Африка также представляетъ тому примѣры. Бехуаны, при обращеніи къ Моффату, обыкновенно говорили: «я говорю съ отцомъ Маріа»; а въ государствахъ сѣв. Америки многіе такъ страстно желаютъ поскорѣе носить это почетное имя, что, до того времени, пока молодой человѣкъ не имѣеть дѣтей, его собака занимаетъ по отношеніи къ нему положеніе сына, и его зовутъ отцомъ собаки.

Власть, связанная съ лѣтами въ патриархальныхъ группахъ и въ обществахъ, развившихся изъ сліянія патриархальныхъ группъ, дала начало группѣ титуловъ аналогичныхъ, но нѣсколько различныхъ. Власть эта высказывается во-первыхъ въ приказѣ почитать родителей, который въ десяти заповѣдахъ стоитъ непосредственно послѣ приказа почитать Бога, а во-вторыхъ въ почестяхъ, воздаваемыхъ вообще старикамъ. Такъ какъ старость считается почетною, то слова, выражающія старшинство лѣтъ, обращаются въ почетные титулы.

Начало образованія этихъ титуловъ можно прослѣдить у мало цивилизованныхъ народовъ: вслѣдствіе того, что въ составъ совѣтовъ входятъ лишь одни старики, устанавливается мало по малу нѣкоторая связь между мѣстнымъ именемъ, обозначающимъ старика, и именемъ, обозначающимъ должность, дающую власть, а, слѣдовательно, и почетъ. Замѣтивъ этотъ фактъ, намъ достаточно будетъ прослѣдить у европейскихъ народовъ возникновеніе и развитіе титуловъ, изъ него происходящихъ. У римлянъ слово *senator* или членъ сената (два слова одного корня съ *senex*) обозначало лицо, принимавшее участіе въ собраніи старѣйшинъ, и въ первобытныхъ времена эти сенаторы или старѣйшины, называвшіеся иначе *patres*, являлись представителями различныхъ племенъ. Отецъ и старѣйшина были тогда словами равнозначущими. Другое слово того же корня *senior* измѣнилось въ производныхъ языкахъ въ *signor*, *seigneur*, *senhor*. Вначалѣ эти слова примѣнялись лишь къ властителямъ, вождямъ или феодальнымъ сеньерамъ; впоследствии они обратились въ почетные титулы и для лицъ низшихъ классовъ. То же произошло и съ *ealdor* или *aldor*. Слово это, говоритъ Максъ Мюллеръ, какъ

и многіе другіе титулы, указывающее на рангъ въ различныхъ тевтонскихъ языкахъ, — производное отъ прилагательнаго, означающаго глубокой возрастъ, такъ что *earl* и *alderman*, слова, исходящія изъ одного корня, суть почетныя названія, обязанныя своимъ происхожденіемъ общественному превосходству, связанному съ возрастомъ.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли причислить сюда и нѣмецкій титулъ *Graf*, составляетъ пока предметъ спора. Если Максъ Мюллеръ правъ, считая недостаточнымъ возраженіе Гримма на ходячее объясненіе этого слова, то оно первоначально означало сѣдой, т. е. сѣдая голова.

Что касается другихъ титуловъ, доказывающихъ истину общаго принципа, установленнаго нами, то достаточно будетъ сказать о нихъ лишь нѣсколько словъ.

Относительно происхожденія слова *king* (король) ученые также мало сходятся, какъ и относительно другихъ почетныхъ наименованій первобытнаго времени. Однако, вообще полагаютъ, что корень этого слова слѣдуетъ искать въ санскритскомъ словѣ *ganaka*, а на этомъ языкѣ *ganaki* означаетъ производителя, отца, затѣмъ короля. Если таково дѣйствительно происхожденіе слова *king*, то мы въ немъ имѣемъ новый титулъ для обозначенія главы семейной и патриархальной группы и всей совокупности патриархальныхъ группъ. Единственное замѣчаніе, которое мы считаемъ нужнымъ прибавить къ сказанному выше, относится къ тому способу, помощью котораго это слово въ соединеніи съ другими образуетъ еще болѣе высокій титулъ. Совершенно тоже, что произошло съ еврейскимъ словомъ Авраамъ, т. е. «высокій отецъ», которое служило для обозначенія отца и главы многихъ низшихъ группъ, и съ греческими и латинскими наименованіями нашего слова «патріархъ», которыя означали если не слово въ слово, то, по крайней мѣрѣ, по смыслу, отецъ отцовъ, случилось и съ титуломъ «король» вождей, признанный главою многихъ вождей, началъ во многихъ случаяхъ называться описательнымъ именемъ «король королей». Въ Абиссиніи этотъ сложный королевскій титулъ употребляется и по настоящее время; онъ былъ усвоенъ древними египетскими монархами и существовалъ также и въ Ассиріи, какъ важнѣйшій изъ титуловъ. Здѣсь мы усматриваемъ связь между небесными и земными титулами: подобно словамъ «отецъ» и «король», — «король королей» означалъ одновременно и главу видимаго, и главу невидимаго.

Потребность дать новое, болѣе отличительное или добавочное имя властителю, сдѣлавшемуся главою многихъ другихъ властителей, породила и рядъ другихъ почетныхъ титуловъ. Въ феодальной Франціи, пока король былъ просто старшимъ сеньёромъ, его называли въ разговорѣ *sire*; то былъ титулъ общій всѣмъ вообще феодальнымъ сеньёрамъ; но когда, со второй половины XVI вѣка, его верховная власть была окончательно установлена, ему придали, въ видѣ отличія, титулъ «величество». То же произошло и съ второстепенными владѣтелями. Въ первый періодъ феодальной эпохи, титулы *баронъ*, *маркизъ*, *герцогъ* и *графъ* часто смѣшивались. Такъ какъ ихъ атрибуты, какъ феодальныхъ сеньёровъ, начальниковъ пограничныхъ областей, военныхъ вождей и королевскихъ друзей, были почти однородны, то титулы эти не могли служить средствомъ для установленія рѣзкаго и яснаго отличія между ними. Но, по мѣрѣ все большаго и большаго дифференцированія должностей, указанные титулы получили различныя значенія. «Слово *баронъ*, говоритъ Шершель:—служить-повидимому, родовымъ наименованіемъ всякаго рода знатныхъ лицъ, слово герцогъ—всякаго рода военныхъ вождей, слова графъ и маркизъ—всякаго рода управляющихъ извѣстными областями. Въ рыцарскихъ романахъ эти титулы употребляются почти безразлично. Но послѣ установленія феодальной іерархіи титулъ баронъ сталъ означать сеньёра низшаго въ сравненіи съ графомъ и высшаго сравнительно съ простымъ рыцаремъ». Другими словами, по мѣрѣ развитія политической организаціи и образованія новыхъ вождей надъ прежними вождями, высшимъ стали давать спеціальныя титулы сверхъ тѣхъ, которые были у нихъ общи съ ихъ подчиненными.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ фактовъ, спеціальныя титулы, подобно общимъ титуламъ, не были созданы самопроизвольно: они образовались путемъ развитія, и вначалѣ были описательными. Желая представить другой примѣръ этого описательнаго происхожденія и показать, до какой степени безразлично въ первобытныя времена употреблялся то одинъ, то другой титулъ для означенія однихъ и тѣхъ же лицъ, перечислимъ тѣ различныя названія, подъ которыми были извѣстны мэры въ мэровингскую эпоху; ихъ называли *major domus regiae*, *senior domus*, *princeps domus*, въ другихъ мѣстахъ *praepositus*, *praefectus*, *rector*, *gubernator*, *moderator*, *dux*, *custos*, *subregulus*. Изъ этого списка (замѣтимъ, что слово *maire*—производное изъ латинскаго слова *major*, т. е. большаго или старшаго) видно, ка-

каким образом почетные титулы приводят насъ къ словамъ, означавшимъ первоначально старшинство лѣтъ, и какъ синонимы, замѣняющіе эти описательныя слова, указываютъ на долготу жизни.

Употребленіе титуловъ показываетъ намъ, какимъ образомъ, путемъ распространенія, обрядовыя формы, служившія вначалѣ для умиловивленія наиболѣе могущественныхъ людей, служатъ впоследствии для приобрѣтенія благосклонности и менѣе могущественныхъ людей, и, наконецъ, для умиловивленія всѣхъ вообще.

Примѣры тому представляютъ намъ какъ нецивилизованные и полудивилизированные народы, такъ и цивилизованные народы всѣхъ временъ. На Самоа «всѣ жители, разговаривая другъ съ другомъ, называютъ своего собесѣдника, въ вѣжливости, начальникомъ, вождемъ. Если вы станете прислушиваться къ разговору маленькихъ мальчиковъ, вы услышите, какъ они называютъ другъ друга господиномъ то той, то другой, то третьей вещи». Въ Сіамѣ, сыновья младшихъ женъ, обращаясь къ отцу, называютъ его: мой «господинъ король», и слово *Naï*, означающее вождя на самоанскомъ языкѣ, «обратилось у сіамцевъ въ вѣжливый терминъ, постоянно употребляющійся въ разговорахъ». Въ Китаѣ, сыновья, говоря о своемъ отцѣ, называютъ его величествомъ семьи, «княземъ семьи». Китай представляетъ и другой примѣръ, тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ встрѣчается исключительно только въ немъ одномъ. Въ этой странѣ, гдѣ преобладаніе древнихъ воспитателей народа получило такую силу, что титулы *тсе* или *футзе*, означающіе, въ соединеніи съ другими именами, «великій учитель», были впоследствии прибавлены къ именамъ знаменитыхъ писателей; гдѣ различія классовъ, основанныя на умственномъ превосходствѣ, составляютъ характеристичную особенность общественной организаціи — почетный титулъ «учитель» обратился въ общеупотребительный комплиментъ.

Древніе римляне доставляютъ другого рода доказательства. Духъ, руководившій распространеніемъ титуловъ, превосходно выясненъ Момзеномъ: онъ описываетъ, какъ почести триумфа, «достававшіяся вначалѣ лишь вождю, какою-либо побѣдою увеличившему могущество государства, стали впоследствии воздаваться и лицамъ, ничѣмъ не заслужившимъ ихъ. Въ тѣхъ видахъ, чтобы не было больше триумфаторовъ, не выигравшихъ никакихъ сраженій... рѣшили устраивать триумфы лишь тѣмъ лицамъ, которые будутъ въ состояніи доказать, что они дали сраженіе, гдѣ

было убито не менѣе 5,000 враговъ; но это доказательство часто обходили помощью фальшивыхъ биллетеней... Въ прежнее время, изъявленія благодарности отъ имени республики достаточно было для вознагражденія однажды на всегда за всѣ услуги, оказанныя государству; теперь всякое хорошее дѣйствіе требовало, повидимому, особаго отлічія, которое осталось бы навсегда за нимъ... Установился обычай давать побѣдителямъ и его потомкамъ прозвище, производное отъ выигранныхъ ими побѣдъ... Примѣру, поданному высшими классами, послѣдовали и низшіе». Подъ вліяніемъ этого титула, *dominus* и *rex* стали обозначать иногда и обыкновенныхъ людей.

И среди современныхъ намъ европейскихъ народовъ можно найти примѣры подобнаго распространенія и умноженія титуловъ. Не разъ было замѣчено, до какой степени общераспространены на континентѣ дворянскіе титулы; въ нѣкоторыхъ странахъ число ихъ превышаетъ возможные предѣлы. По словамъ капитана Спенсера, «полагаютъ, что въ Мекленбургѣ, дворяне составляютъ половину населенія... Въ одномъ трактирѣ хозяинъ былъ господинъ графъ, хозяйка—госпожа графиня, конюхъ, дворникъ и чистильщикъ сапогъ—графы, а кухарки и горничныя — графини. Мы говорили что въ одной деревнѣ всѣ жители, кромѣ четырехъ, принадлежали къ дворянскому сословію».

Исторія Франціи, быть можетъ, нагляднѣе всякой другой показываетъ намъ различныя фазисы распространенія титуловъ. Замѣтимъ прежде всего, что первоначально титулъ *madame* давали лишь дамамъ благороднаго происхожденія, жену же адвоката или медика называли *mademoiselle*. Позже, въ XVI вѣкѣ, титулъ *madame* примѣненъ былъ къ замужнимъ женщинамъ и этихъ ранговъ, незамужнихъ же, по прежнему, называла *mademoiselle*. Перейдемъ теперь къ исторіи мужскихъ титуловъ *sire*, *seigneur*, *sieur*, *monsieur*. Въ средніе вѣка, титулъ *sire* служилъ для обозначенія дворянина; въ 1580 г., по замѣчанію Монтеня, титулъ этотъ, хотя и употреблялся въ высокомъ значеніи этого слова относительно короля, но давался въ то же время и людямъ низъ черни; къ высшимъ же классамъ онъ вовсе не примѣнялся. Впослѣдствіи ввелъ слово *seigneur*, между тѣмъ, какъ слово *sire* теряло свое первоначальное значеніе вмѣстѣ съ расширеніемъ своего употребленія; долгое время слово *seigneur* употреблялось рядомъ съ *sire*, а затѣмъ сократилось на *sieur*. Мало-по-малу, *sieur* распространилось и на низшіе классы. Позже было установлено новое различіе помощью прибавленія къ *sieur* слова *mon*, и *monsieur* вошло въ употребленіе: титулъ этотъ, ставшій принадлеж-

ностью знатныхъ дворянъ, составлялъ еще новинку въ 1321 г.; его давали при обращеніи къ сыновьямъ короля и герцогамъ. Мало-по-малу, онъ распространился на всѣ высшіе классы, и *sieur* обратился въ мѣщанскій титулъ. Съ этого времени и такимъ же точно путемъ, древнее слово *sire* и болѣе новое *sieur* совсѣмъ исчезли и замѣнились общераспространеннымъ *monsieur*. Такимъ образомъ, существовало какъ бы три теченія въ распространеніи титуловъ *sire*, *sieur* и *monsieur*, которые послѣдовательно распространялись на низшіе классы.

Испанія представляетъ намъ блестящій примѣръ того, какъ путемъ подобнаго распространенія высокіе титулы становятся принадлежностью и самыхъ низкихъ классовъ общества. Въ этой странѣ даже нищіе при встрѣчѣ называютъ другъ друга *«senor y caballero»*.

Теперь мы укажемъ вкратцѣ, какимъ образомъ только что приведенные нами факты сходятся въ значеніи съ предъидущими. Обычай дикарей, послѣ побѣды надъ врагомъ, человѣкомъ или животнымъ, надѣлать побѣдителя титуломъ, который, въ буквальномъ или переносномъ смыслѣ, обозначаетъ данное лицо, именемъ какого либо подвига, совершеннаго имъ, коренится несомнѣнно въ военномъ строѣ общества. Хотя болѣе общія имена отецъ, король, господинъ, старшина и производныя изъ нихъ слова не указываютъ непосредственно на воинственное происхождение, но они намекаютъ на него косвеннымъ образомъ, потому что они развились подъ вліяніемъ воинственной дѣятельности; и въ самомъ дѣлѣ, они составляютъ принадлежность вождей, отправляющихъ обыкновенно военныя функціи, а въ первобытныя времена командовавшихъ своими подданными на полѣ битвы. Даже самые обыденные изъ нашихъ титуловъ указываютъ на такое именно происхождение. *Esquire* (воинъ) и *mister* (*monsieur*)—слова производныя, первое изъ слуги рыцаря, а второе изъ *magister*, т. е. влстителя или вождя, въ рукахъ котораго первоначально сосредоточивалась военная власть, а впоследствии гражданская.

Какъ и въ другихъ случаяхъ, сравненіе различныхъ общественныхъ типовъ представляетъ намъ новое доказательство этого отношенія. Замѣтивъ, что при кровожадномъ и деспотическомъ дагомѣйскомъ правительствѣ «въ странѣ этой врядъ ли существуютъ какія либо личныя имена, потому что имена мѣняются вмѣстѣ со всякимъ новымъ положеніемъ лица», Бартонъ прибавляетъ слѣдующее: «сановъ несмѣтное количество; за исключеніемъ рабовъ и черни, почетныя титулы составляютъ для всѣхъ

правило, а не исключеніе; изъ нихъ большая часть наследственныя. То же можно сказать относительно деспотическихъ правительствъ Востока. «Собственное имя каждаго Бирмана, по словамъ Юля, исчезаетъ вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ титула, связаннаго съ извѣстнымъ званіемъ или должностію; о собственномъ имени больше не упоминается». Въ Китаѣ, кромѣ «пяти древнихъ дворянскихъ званій, существуютъ двѣнадцать дворянскихъ званій, которыми и награждаются исключительно члены императорской семьи или его «мама». То же явленіе представляетъ намъ и Европа. Лица, путешествовавшія по Россіи и Германіи, гдѣ общественная организація подчинена воинственнымъ цѣлямъ, рассказываютъ о «бѣшеной алчности, съ какою тамъ добываются разнаго рода титуловъ». Въ Россіи даже мелкій полицейскій чиновникъ принадлежитъ къ четырнадцатому классу и имѣетъ право на титулъ «ваше благородіе». Въ Германіи, гдѣ титулы, связанные съ извѣстнымъ рангомъ или должностію, раздаются въ необыкновенномъ обиліи, всякій требуетъ, чтобы его называли принадлежащимъ ему титуломъ, и употребленіе этихъ титуловъ въ разговорѣ или письмѣ представляется настоятельно необходимымъ. Напротивъ того, въ Англіи, гдѣ общественный строй сдѣлался уже съ давнихъ временъ менѣе воинственнымъ, эта черта всегда не такъ рѣзко бросалась въ глаза; въ настоящее же время, по мѣрѣ развитія промышленнаго духа и вытекающихъ отсюда органическихъ измѣненій въ строѣ общества, употребленіе титуловъ въ общественныхъ сношеніяхъ значительно уменьшилось.

Отношеніе это выказывается столь же ясно во всякомъ обществѣ. Почетныя имена составляютъ принадлежность членовъ той правительственной организаціи, которая образовалась подъ вліяніемъ воинственнаго состоянія общества. Тринадцать классовъ англійской арміи и четырнадцать классовъ англійскаго флота показываютъ намъ, что одни только воинственныя строевія продолжаютъ отличаться многочисленными, исключительно имъ принадлежащими титулами. Высшія ранговыя отличія принадлежать, главнымъ образомъ, высшимъ классамъ, пользующимся наибольшимъ преобладаніемъ, т. е. потомкамъ или представителямъ древнихъ военныхъ вождей; а изъ другихъ титуловъ тѣ, которые раздаются духовнымъ лицамъ и чиновникамъ, составляютъ также часть правительственной организаціи. Остальные члены общества, земледѣльцы, торговцы и промышленники лишь въ исключительныхъ случаяхъ пользуются такого рода титулами; обыкновенно же они носятъ такіе титулы, которые, вслѣдствіе

своего распространения по всей массѣ, почти совершенно утратили свое первоначальное значеніе.

Итакъ, несомнѣнно, что, во-первыхъ, титулы служили первоначально для сохраненія въ памяти побѣдъ дикарей надъ ихъ врагами, затѣмъ распространились, умножились и дифференцировались по мѣрѣ превращенія, путемъ завоеванія, небольшихъ обществъ въ большія, и, во-вторыхъ, что составляя принадлежность типа общественнаго строенія, порождаемаго войною, они теряютъ свое значеніе и свою цѣну и исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ этотъ строй замѣняется новымъ, болѣе благоприятнымъ для мирныхъ занятій.

Гербертъ Спенсеръ.

ОПРАВДАНИЕ.

(Подражаніе Улангу).

Ты правъ, смѣясь надъ тѣмъ, кто, ставъ слугою
Прекрасныхъ, но несбыточныхъ задачъ —
Въ уныніи поникнулъ головою
И духомъ палъ отъ первыхъ неудачъ!..

Ты правъ, смѣясь, когда онъ, полный муки,
Что сбывся снамъ его не суждено,
Въ отчаяніи свои ломаетъ руки:
Его уныніе — смѣшно...

Увы, мое уныніе — иное:
Въ надзвѣздной мглѣ мечтой я не парилъ;
За правое, возможное, земное
Боролся я до истощенія силъ...

Но въ глупый мозгъ, въ нелюбящія души
Для правды путь напрасно я искалъ:
Всесильны вы, неслышащія ушв!..
Я побѣжденъ — я передъ вами палъ!..

Доступенъ я порывамъ благороднымъ,
Но для борьбы — нѣтъ больше силъ во мнѣ...
И надъ моимъ уныніемъ безысходнымъ —
Твой смѣхъ — жестоко не по винѣ!..

А. Боровиковскій.

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА.

(Отрывокъ шестой и послѣдній).

Федюшка конокрадъ.—Въ объясненіе недосказаннаго.

I.

Августъ мѣсяцъ шель къ концу; утромъ и вечеромъ въ воздухѣ стала чувствоваться сильная свѣжесть; переходившая ночью въ крѣпкій, осенній холодъ. Смеркаться стало рано и темъ по ночамъ сдѣлалась непроглядная. Привычный деревенскій житель, знающій въ своей деревнѣ каждый камушекъ на улицѣ, каждую ямку, лужу, каждое дерево, иной разъ очутившись въ такіа темныя, «черныя» ночи на улицѣ, не узнавалъ дороги, не узнавалъ своего дома, да и добравшись до двора, долго искалъ ногою лежащій у крыльца камень... Тьма убивала въ человѣкѣ способность видѣть, лишала возможности свободнаго движенія, даже притупляла чуткость уха. Два человѣка, столкнувшись случайно въ этой темнотѣ, долгое время даже по голосу не могли узнать другъ друга, и непремѣнно съ нѣкоторою оторопью вели такіе разговоры:

— Кто тутъ?

— Я!

— Кто такъ—я?

— Да Иванъ!

— Какой Иванъ?

— Да Иванъ, стало быть, Петровъ!..

— Ахъ шутъ тебя возьми... Эка темень-то!..

— Тюрьма чистая! Это ты что-ли, Сафроничъ?

— Что ты, перекрестись!..

— Ай Кузьма?

— Какой тамъ Кузьма! Эво ты!.. Егора-то Перепелкина забылъ...

Т. ССХLI. — Отд. I.

— Ишь ты вѣдь, братецъ ты мой... Ну, и темень только—чистая преисподняя!

Въ такіа ночи, ничего не стоитъ заблудиться въ двухъ саженьяхъ отъ деревни, захватъ невѣсть куда и т. д. Но не этимъ страшны темныя августовскія ночи деревенскому жителю: страшны онѣ главнымъ образомъ волками и конокрадами. Тѣ и другіе начинаютъ дѣйствовать съ изумительной смѣлостію, волки съ голоду, а конокрады и съ голоду и по расчету—настаетъ время осеннихъ ярмарокъ, хорошаго сбыта скотины; настаетъ осень, время холодное, когда неприютному человѣку западаетъ мысль о теплѣ, о тепломъ кафтанишкѣ... Тьма покровительствуетъ и волкамъ и конокрадамъ. Испугавшись шума осенняго вѣтра, который въ эти дни уже начинаетъ знакомить деревенскую публику съ своими аккордами грядущихъ осеннихъ завываній, овцы, благодаря непроглядной темнотѣ ночи, разбѣгаются по оврагамъ, лѣсамъ, сваливаются съ кручи въ рѣку, и повсюду настагаетъ ихъ неистовый волчій аппетитъ. Волкъ рѣжетъ овецъ и въ оврагахъ, и въ лѣсахъ, забирается даже въ овчарню, прямо на дворъ къ крестьянину, и тутъ, съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ полѣ, совершаетъ свои операціи. Тьма и вѣтеръ, пугающій скотину, помогаетъ и конокрадамъ, все потому же, что заставляеть скотину разбредаться, терять дорогу, блудить... Тутъ-то и караулить крестьянскую скотину конокрадная гольтьба. Да! И въ этомъ дѣлѣ есть главныя и второстепенныя дѣятели. Главный конокрадъ носить въ народѣ названіе «воровской матки». Эта воровская матка сумѣетъ пріютить и спрятать цѣлый табунъ, и дѣйствуетъ главнымъ образомъ при помощи пастуховъ. Наворованныхъ лошадей, отогнавъ ихъ предварительно на значительное разстояніе отъ мѣста кражи, главный воръ поручаетъ на сохраненіе первому деревенскому пастуху: «побереги!» говорить, и пастухъ бережетъ краденныхъ лошадей гдѣнибудь въ ближнемъ лѣску, гдѣ они ходятъ со спутанными ногами. Бережетъ онъ краденныхъ лошадей потому, что «воровская матка» грозитъ ему: «не то, говорить, изъ твоего табуна угоню». И угонить, навѣрное угонить чужими руками, руками гольтьбы, оставаясь самъ здоровъ и невредимъ. Сбываютъ краденныхъ лошадей за безцѣнокъ первымъ встрѣчнымъ обозникамъ, пришлымъ изъ далека рабочимъ, которыхъ въ это время (молотьбы) много въ полѣ и т. д. Не безупречны въ отношеніи конокрадства и сами господа пастухи. Знатокъ утверждаютъ, что большинство воровскихъ матокъ выходитъ именно изъ пастуховъ. Люди эти умѣютъ обращаться со скотиной, умѣютъ повелѣвать ею, знаютъ мѣста, гдѣ ее спрятать. А подручной гольтьбы, которая своими руками будетъ обдѣлывать темное дѣло кражи

всегда много, и отвѣчать-то въ случаѣ чего, придется этой же самой голытьбѣ. И жестоко же расправляются деревенскіе люди съ этими раззорителями крестьянскаго хозяйства! Бѣда только, что главные-то, «коренные-то воры», почти непопадаютъ подъ карающую крестьянскую руку, а весь ужасъ мести выпадаетъ на долю голытьбы. Вотъ что рассказывали мнѣ о такой мести очевидцы ея и участники, крестьяне сельца С., въ которомъ я жилъ прошлое лѣто. Фактъ этотъ, помимо своего непосредственнаго значенія, во многомъ пригодится намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящихъ замѣтокъ...

«Почевало насъ въ ту ночь на полѣ со скотиной человекѣвъ пятнадцать... Въ такія ночи, одному пастуху не справиться; для осторожности наряжаемъ караулъ по очереди изъ своихъ... Тутъ, въ этукую темень, да въ вѣтеръ, тутъ ужъ сохрани Богъ звать, то есть заснуть, стало быть, или задремать... Тутъ ужъ сиди, гляди въ оба... Огонь у насъ не переводится, и всю ночь мы вокругъ табуна показивали да посвистывали... А ночь темная-растемная, и сыро и вѣтеръ... И валить съ ногъ-то, а все крѣпнисься, держисься, потому напуганы мы въ ту пору оченьо шибко. Что ни день, то откуда-нибудь и идетъ слухъ: тамъ вчера тройку угнали, а тамъ пару... Стало, какъ никакъ надоть крѣпиться съ вечеру до полуночи, да и за полночь-то, такъ часу до второго, кой-какъ справлялись... Морить-морить тебя, клонить сонъ-то, — встряхнешься, и опять въ ходъ пошелъ... А вѣдь устанешь за день-то въ эту пору, не приведи Богъ; съ трехъ часовъ утра на работѣ, да цѣлый день до сумерекъ: въ эту пору и хлѣбъ убираемъ на полѣ, и съ поля возимъ, и молотимъ, самое это бѣдовое время... Бился, бился я такъ-то самъ съ собой, глаза эдакъ-то растопыривалъ, растопыривалъ всѣми способами—хватъ и свалился, какъ спозъ».

«Толкаетъ кто-то меня, слышу подѣ бокъ, изо всей тоись мочи кулакъ мнѣ подѣ ребро посылаетъ... Я было и крикнулъ, да ротъ мнѣ зажали: «воры!» шепчуть... Очнулся я—догадался, что наши ребята ползкомъ подползи, притаились... «Гдѣ молъ, воровъ видишь!»—а вонъ, бають, двое ползуть... Не замай, доберутся до лошадей, тогда съ разу всѣмъ единымъ духомъ броситься и шумъ поднять... И, точно приглядѣлся я къ темени-то: вижу дѣйствительно шевелятся въ двухъ мѣстахъ... Ну, прямо сказать, на звѣря такъ душа не замираетъ... Кажется, цѣлый годъ прошелъ цокудова дождались мы конца. И просто, по совѣсти сказать, безъ памяти бросились всѣ, какъ одинъ человекѣвъ, только было одвнѣ изъ воровъ за гриву лошадь поймалъ... А ужъ заорали, гаркнули, такъ и сейчасъ мнѣ удивительно, какъ у меня нутрѣ дѣ-

*

ло осталось... Налетѣли мы на нихъ—ястребомъ... Такъ налетѣли, что у одного ногу, у другого руку переломили; секунда, ва- жется, одна, а глядимъ ужъ они какъ куренки валяются ничкомъ, и только охаютъ... Единнымъ духомъ:—руки назадъ, мордой въ землю, лежи, дожидайся свѣту... Порѣшили было не бить, а пол- ностію предоставить въ волость, да вѣдь, что будешь дѣлать-то, больно ужъ мучители-то большіе: караулимъ сидимъ, ужъ конечно, не молчимъ, да нѣтъ-нѣтъ кто-нибудь и тронетъ... То сапо- гомъ этакъ въ бокъ... то возжой, то за волосы... Вѣрите ли, те- перь вспомнить, оторопь беретъ, а въ ту пору, не то что жалѣть! а прямо сказать сладить, коли-ежели вѣдѣишься... Не утаю, было и моего грѣха въ этомъ дѣлѣ, но въ мѣру... Прочіе же, напри- мѣръ, ребята такъ разыгрались, въ такую охоту, что коротко вамъ сказать, приспособовали мы ихъ къ свѣту до безчув- ствія... Пришлось вести на деревню подъ руки... Одинъ-то по- старше все молчалъ, ни словечушка не сказалъ, а другой-то по- моложе взмолился: — «Не ведите молъ насъ по деревнѣ, други милые! Убьютъ насъ!.. Охъ, отцы мои родимые... Вѣдь, я гово- рить, вашъ землякъ, Сычовскій... Пожалѣйте своего-то... Я го- ворить, Ѳедоръ!.. Въ ту пору невдомекъ намъ было, каковъ та- ковъ Ѳедоръ!.. (а вѣдь точно нашъ, Сычевскій оказался), а, при- знаться, жалковато будто становилось; потому сами то мы натѣ- шились, зло сорвали, а ужъ въ деревнѣ, мы это вѣрно знали, имъ, ребятамъ, своей препорціи не миновать... И сказалъ было я: «а что; ребята, не отвесь ли въ самомъ дѣлѣ въ волость, за- дами?»—Да дерни дурака Ѳедьку сказать эти слова, что молъ вашъ я, землякъ, Сычовской...—«А молъ, такой сякой, такъ ты своимъ землякамъ вредъ, напримѣръ...» И опять замутило на сердцѣ:—«Веди, ребята, деревней!» гаркнули товарищи; и пово- локли мы ихъ улицей...

«Солнушко еще и не думало показываться, чуть свѣтало, и народъ еще спалъ. Думали-думали—куда идти? пошли къ Ивану Васильеву... Первѣющій былъ у насъ голова! Староста былъ, копейки мірской не утаилъ, за мірское дѣло горой стоялъ, правду блюлъ пуще глазу, зеницы ока... И откуда такой уродился человекъ, дивное дѣло! Съ годъ назадъ его лошадь зашибла, всей деревней хоронили, потому заслужилъ!.. Такихъ еще мы людей и не видывали потомъ... Первый нашъ судія, хранитель мір- ской, божій человекъ... Заберетъ его за сердце какимъ дѣломъ— живъ не разстанется, послѣднюю овцу продастъ, а ужъ добьется своего. Вотъ къ этому-то человеку и повели воровъ-то... Подве- ли къ дому, разбудили, вышелъ Иванъ Васильевъ: «что молъ такое?»—Такъ и такъ, говоримъ, воры... Поглядѣлъ онъ такъ- то на нихъ, поглядѣлъ съ искосу, скрипнулъ зубами: «карауль-

те говорить, а я народъ подыму!..» Больше ничего не сказавъ, только пошелъ отиѣривать вдоль порядку, сажениными шагами, да по окнамъ бухать—«вставай! воры! выходи!.. «Вспокоилась наша Сычовка. Поднялся народъ, въ чемъ былъ, валить со всѣхъ сторонъ, а у насъ полтора ста дворовъ... Окружили насъ со всѣхъ сторонъ, даже самими не повернуться; и ругали, и плевали на воровъ—въ полную волю... Но настоящаго чтобы—ничего никто не зналъ, какъ быть и что дѣлать. Только идетъ назадъ Иванъ Васильевъ, и лица на немъ человѣческаго нѣту. Рукава засучилъ, побѣлѣлъ ровно полотно. «Ребята, говорить, своимъ судомъ грабителей!» И что есть силы-мочи даль... значить по скулѣ, одному и другому! «Бей!» гаркнулъ. Ну, тутъ ужь... Ужь тутъ и мы свѣту не взвидѣли... Что было! Пресвятая владычица! Матерь Божія! Били камнями, палками, возжами, оглоблями, одинъ даже осью тележною... Всякій наровилъ дать ударъ, безъ всякаго милосердія, чѣмъ попало!.. Тутъ ужь мы, караульщики—кто куда!.. Тащить ихъ толпа своей силой, а упадутъ, поднимуть, гонять впередъ, и все бьютъ, все бьютъ, одинъ сзади наровитъ, другой спереди, третій съ боку цѣлится чѣмъ попало... Жестокая была битва, истинно кровопролитная!.. Побѣждалъ я за писаремъ (пришло мнѣ въ голову, что не надо ли молъ чего-нибудь по закону сдѣлать), прибѣгъ съ писаремъ то назадъ, вижу столпился народъ около амбара посреди улицы—и слышу разговариваютъ: «глянь-ко, малый, глаза-то выпучилъ!..» Пробрался я севозъ народъ—вижу, точно сидитъ бѣдняга на земли: одинъ, постарше-то, этакъ вотъ спиной къ амбару привалился, и глаза точно стали, недвижимо стоять, только грудь ходитъ, какъ жерновъ... А другой; Федюшка-то, стонетъ, за сердце хватается... Писарь съ допросомъ къ старшему. «—Кто такой? Откуда?» Смотритъ тотъ глаза выпучилъ, а говорить не говорить... Откуда ни возмись Иванъ Васильевъ.—«Запираться, говорить, дьяволъ эдакой?» Да въ волосы ему... Ужь, Воже мой, какъ жестоко! И сказать нельзя. Упалъ тотъ ничкомъ и лежитъ не дышетъ. «Померь!» говорятъ.—«Какъ же! помираютъ эдакіе черти! какой-то старичокъ объявилъ.—Онъ, такой сякой, слово знаетъ! Да мертваго-то (точно вѣдь померъ старшій-то) по спиѣ-то, да по чемъ попало... «Отходить! отходить!» и другой-то отходить!..» закричали... И точно... помутились глаза и у Федюшки... Забрало меня за ретивое:—«Федя! говорю, тебѣ-бы молочка испить»... «Шевелить губами, а сказать не можеть»...—«Испей, Федюшка, молочка-то... можеть стойдетъ»... И что-жъ онъ мнѣ отвѣтилъ на эти слова?—«М-медку-бы...» чуть слышно прошепталъ такъ-то, и духъ вонъ...

«И напалъ на всѣхъ насъ страхъ. Никто не думалъ, что убьеть до смерти, всякій билъ за себя, за свое огорченіе, не считалъ,

что и другіе бѣуть. А какъ увидѣли: два покойникъ—оторопь и обузда всѣхъ... Всѣ въ расщипую. — «Не я... не я... не я...» Каждому страшно сдѣлалось. — «Ничего не будетъ!» сказалъ Иванъ Васильевъ и приказалъ ему рыть, травы и льду въ яму класть, а на ледъ покойниковъ положили и одѣтъ събѣжей травой завалили.

Судъ былъ. И точно—ничего не было. Всѣхъ оправдали. Съ тѣхъ поръ потише стало».

II.

«Всѣхъ оправдали!» сказалъ мнѣ рассказчикъ; что же это за люди, что это вообще за существа, которыхъ можно истязать, убивать, и за все это получать только одобреніе?—«Такъ! такъ и надо!» говорить совершенно по совѣсти всякій обыватель. «Нѣтъ, невинны!» говорить также по совѣсти судъ присяжныхъ... Злодѣйство, беспощадность злодѣйства, выразителями которыхъ являются два убитыхъ человека, не подлежатъ сомнѣнію; но по всеобщему «совѣстливому» мнѣнію никакихъ иныхъ средствъ и острастки злодѣевъ, кромѣ истязанія, нѣтъ. Спрашивается: изъ какихъ-такихъ источниковъ выходятъ люди, способные заниматься такими злодѣйскими дѣлами, откуда родятся эти разорители, эти губители крестьянскаго хозяйства? Вѣдь не валяются же они съ неба, вѣдь не родятся же они исключительно съ злодѣйскими помыслами? Вѣдь хотя убійство двухъ злодѣевъ и санкціонировано совѣстію господъ убійцъ и господъ судей, но вѣдь и господа конокрады также могли бы представить кое-какія соображенія въ объясненіе своей злодѣйской совѣсти, и вѣроятно представили бы, еслибы ихъ заблаговременно не ухлопали.

Размышляя такимъ образомъ, я невольно пришелъ къ вопросу: откуда берется и какъ дѣлается такой удивительный, ожесточенный, безстыдный сортъ людей, которыхъ можно раздавить, какъ клоповъ, и чувствовать себя приятно совершенно невиннымъ?

При первомъ же свиданіи съ рассказчикомъ исторіи убіенія, я спросилъ его:

«— А это такой этотъ Федюшка?

— Который-съ?

— А вотъ, котораго убили то, конокрадъ?

— О-о, этотъ! Этотъ нашъ, Сычосвскій; нашъ, нашъ... Этотъ-то нашъ. А вотъ другой-то, такъ и не признали чей... Больше ничего, знаемъ—черномазый... Ну, а Федюшка точно нашъ...

— Кто жъ онъ такой? есть у него отецъ, мать?

— А вотъ какъ удобно на это вамъ отвѣтить. Есть, слѣдо-

затѣлю, этотъ Оедюшка спрота... Принесла его одна, стало-бытъ, дѣвица... И выйдя потомъ эта самая дѣвица замужъ. Повалясь человѣкъ, не посмотрѣлъ на грѣхъ, согласенъ былъ взять и съ ребенкомъ; ну, только узнавъ объ этомъ старикъ-родитель, отъ ребенка отказался. — «Отдай, говоритъ, ребенка въ люди, тогда прииму въ домъ, не отдашь, не наде мнѣ тебя». Ну, сами знаете, дѣло родительское, сурьезное.. Хорошо, какъ переговорилишъ родителя—твое счастье, ну, а какъ попадетсѣ родитель-то изъ крѣпкихъ, тутъ ужъ изъ его слова не выбьешся.. Вы не знаете ли, тутъ у насъ на деревнѣ есть мужикъ, Емельяномъ звать?

— Нѣтъ не знаю...

— Такъ вотъ я что объ немъ скажу: мужикъ этотъ человѣкъ работащій, одно слово, человѣкъ правильный, ну, только что больно тихъ, значить, попорченъ... И что-жъ съ нимъ отецъ родной дѣлаетъ? Посылаетъ его милостыню собирать, по праздникамъ... Этого то человѣка? Да, онъ и безъ чужого хлѣба своего бы добывалъ въ полныхъ размѣрахъ, ежели бы былъ по-сурьезнѣе, а то ну-ко, съ сумкой по деревнѣ шатается... Смотрѣть-то, я вамъ доложу, стыдъ чистый... А почему? Главная причина, нельзя родительскаго благословенія забывать; надобно родителей почитать... Положимъ, такъ сказать, каковъ родитель. Иного родителя, надо прямо говорить, и слушать бы не зачѣмъ; вотъ хоть бы Емелькина отца, судите сами: разлѣнился старикашка, ни на что не похоже... Вдовый онъ; и одинъ у него сынъ Емелька. Покуда сынъ-то подросталъ, ничего былъ человѣкъ, бился по христіански, одинъ самъ собой все хозяйство правилъ, а какъ впросѣ Емелька, какъ женилъ его, легъ на печь, «не мое молъ дѣло» и началъ канальскій старикъ сладить...

— То есть какъ же такъ?

— Слѣдовательно, то есть вотъ какии манеромъ. Примѣрно надо бы ему на работу идти, въ поле, а онъ, старый хрычъ, съ удочками на рѣчку, да дѣлный день и сидитъ на рѣчкѣ... Наловить рыбы—этого у него, у стараго хрыча, и званія нѣтъ, чтобы продать или что-нибудь для дому—куда! все самъ съѣсть! Вотъ это самое и есть, что я вамъ сказалъ себѣ сладить... Ну, а гдѣ ужъ одному женатому съ семьей справиться?.. Чѣмъ бы съ печки-то слѣзть, да помочь сыну, а онъ ему—«иди, говоритъ, по міру, собирай!»... Ну, и идетъ... Потому родительское слово свято... Не послухай его: «проклянудь», скажетъ, ну, а вѣдь это, ужъ сами судите, довольно будетъ вредно нашему брату... Такъ-то вотъ.

«— Это я къ тому говорю, проделжалъ рассказчикъ, что вотъ и Оедюшкинъ-то вотчимъ изъ послушныхъ былъ... Противъ родителя не осмѣливался... Да и мать-то Оедюшкина тоже... то есть,

куда-жь, позвольте спросить, дѣться ей, съ этойой, напримѣръ, приеупкой? Хорошо еще самое-то берутъ, не бросаютъ, и то еще надо дорожить, что нашелся добрый человекъ... Вотъ мать-то и отдала Ѳедюшку къ теткѣ; была у нея старушка, тетка... бездѣтная... Отдать-то отдала, да не далъ ей Господь вѣву, черезъ два года и померла. Остался Ѳедюшка сиротой. Покуда жива была тетка, ну коѣ-какъ, да коѣ-какъ перебивался, росъ... а эдакъ съ седьмого или восьмого года, и побираться сталъ... Ну, ужъ тутъ, конечно, житье не легкое: дадутъ шапку—въ шалкѣ пойдешь, не дадутъ—гулай безъ шапки... Хорошо коли ночевать пустать, — ну, почувешь, а какъ не случится гдѣ приткнуться—и такъ гдѣ-нибудь, на вольномъ воздухѣ ночь скоротаешь... Ну, однако-жь, надо сказать прямо, у насъ этого нѣтъ, чтобы прочь гнать, и пожалуй, что безъ ночлегу Ѳедюшке жить не приходилось; вотъ, черезъ это самое, какъ я полагаю, онъ и избаловался: сегодня здѣсь почуветь, завтра тамъ, поутру проснулся, ушелъ, никто не смотреть, не видѣть, всякій идетъ по своему дѣлу... вотъ отъ этого-то самаго и повадился нашъ молодецъ побаловываться... Тамъ, изволите видѣть, чулки, напримѣръ, сухонкія надѣнетъ, тамъ рукавички оставитъ, которыя похуже, а которыя потешѣе, себѣ возьметъ. Такимъ манеромъ, постепенно... Стали замѣять. Допрашивать иной разъ принимались, да на бѣду мальчонка-то былъ боекъ, востеръ, все ему спускали...

«— Ты молъ, Ѳедюка, рукавички мои обмѣнилъ?»

«— Я! говоритъ.

«— Какъ же такъ, шельмецкій ты сынъ, это не порядокъ? За это знаешь...

«— А холодно, говоритъ, дяденька...

«Потрепlesh его за вихоръ, и будетъ—что съ него возьмешь? Сирота...

«Такимъ манеромъ и приучился мальчонка побаловываться... Пробовалъ было онъ въ подпасаки наниматься, да не долго нажилъ... Не понравилось, видно, по ночамъ не спать, сбѣжалъ...

«— На моей памяти и дѣло-то это было. Ъхалъ я въ городъ, за кладью; кладь мы возили къ одному барину въ имѣніе. Ъду такъ-то гляжу—Ѳедоръ. Армячишко на немъ длинный, предлинный, босикомъ, шапка эва какая, гора Голгова настоящая, съ перьями, генеральская, и палка. Дуетъ парень по грязи, ножонками-то своими молотить, всюю то есть мочь...

«— Куда молъ?»

«— Въ городъ, говоритъ, подвези молъ меня, дяденька...

«— Ай ты отъ пастуха-то сбѣгъ?»

«Посадилъ его.

«— Сбѣгъ, говоритъ.

«— Что такъ?

«— Больно худая жизньъ, говорить. Бьетъ, пастухъ-то. Лютъ.

«— Куда-жь ты это въ городъ бѣжишь?

«— А въ сиротское, говорить, призревіе?

«— Это что-жь такое, сиротское призревіе? Что-то, говорю, будто не слыхалъ я этакого призревія-то... Что-жь оно такое?

«— А это, говорить, зданіе... Большое—пребольшое, и все сироты въ немъ... двадцать тысячъ сиротъ, безродныхъ, безъ отца, безъ матери. Царь сдѣлалъ. И всѣхъ кормить на царскій счетъ и у каждаго свой сундукъ, и одежда каждому идетъ отъ Царя. А по двадцатому году, всѣхъ сиротъ женять, и идутъ они въ царскіе крестьяне... И земли даютъ тѣмъ крестьянамъ и дома, и скотину, одно слово, живи, не тужи.

«— Это, говорю, хорошо, ежели правда.

«— Это, говорить, вѣрно, мнѣ вѣрные люди сказывали...

«— Ну, коли вѣрно, дай, молъ, Богъ тебѣ счастья... Только что, говорю, наврядъ, напримѣръ..

«— Нѣтъ, говорить, это вѣрно.

«— Можетъ, говорю, мѣстовъ нѣтъ.

«— Ну, вотъ—нѣтъ! Это вотъ какой домино — съ версту. И почалъ онъ мнѣ опять расписывать, расхваливать.

«— Ладно, ладно, говорю, ступай съ Богомъ.

«Привезъ я его въ городъ, мнѣ, стало быть, на станціи оставаться, а ему въ, это самое зданіе бѣжать. Побѣгъ. Хватился я послѣ — одного мѣшка нѣту! «Ахъ, думаю, шельмецъ этакой, какъ ловко станулъ, и не въ примѣту даже». Ну, думаю, Господь съ нимъ...

«Такъ онъ и пропалъ не вѣсть куда. И забыли было о немъ. Только черезъ полгода этакъ мѣста, приходитъ ко мнѣ нашъ писарь:

«— Запрягай, говорить, Родіонъ, лошадь, въ волость требуютъ по дѣлу.

«А въ то время, надо сказать, состоялъ я въ правленскихъ ямщивахъ.

«— Какія, говорю, дѣла тамъ у васъ?

«— Требуютъ, баетъ, личность удостовѣрять... Обозначилось, напримѣръ, лицо, и что оно есть за лицо такое, никому неизвѣстно.

«Ладно. Поѣхали. Приѣзжаемъ, глядъ на крыльцѣ Ѳедька трется.

«— Ужъ не ты ли, говорю, Ѳедоръ, личность-то самая есть?

«— Я, говорить...

«— Ахъ, ты говорю, шутъ гороховый.

«И писарь-то тоже сѣялся; все былъ мальчонка, а тутъ эва что—личности!

«— Ты говори, какъ же это, личность ты этакая, къшнокъ то у меня укралъ?»

«— Ъсть, говорить, нечего было. Продалъ за пятнадцать копеекъ.

«— Ну, а зданіе то, спрашиваю, розыскалъ ли?

«— Обманъ! говорить.

«— Что ты?

«— Право слово. Я, бантъ, въ острогъ попалъ, думалъ пойду въ самый большой домъ, а это острогъ... Какъ узналъ я, говорить, что это острогъ—бѣгомъ. Сутокъ трое побирался, потомъ въ часть взяли, изъ части въ острогъ, а изъ острога сюда, домой.

«— Зачѣмъ, молъ, тебя домой-то?

«— А я, бантъ, почѣмъ знаю...

«А между прочимъ, надѣтъ на немъ новый армякъ... Поглядѣлъ я, думаю:—«Недаромъ, поди, въ острогъ сидѣлъ», потому откуда у него армяку взяться? да еще новый армякъ-то, цѣлконыхъ, поди, подъ десятокъ...

«— Чей молъ, армякъ-то?

«— Извѣстно, мой!

«И смѣется...

«Н-ну, прочиталъ намъ въ волости писарь бумагу, спросилъ про Оедюшку.—«Вашъ-ли, молъ?»—«Нашъ!» говоримъ. «А коли вашъ—везите его домой... Напримѣръ, на мѣсто жительство водворить. Росписались, повезли. Ъдемъ мы дорогою-то, и думается мнѣ: «вѣдь пропадаетъ парень-то, право, пропадаетъ... Полгода въ острогѣ просидѣтъ—не шутка; чему не научать!» И жалко вато мнѣ его стало. Чуяло мое сердце, не по хорошей дорогѣ пошелъ мальчонка. А онъ и въ усъ не дуетъ, и горя мало. Прибаутокъ нахватался, сквернсловить, напримѣръ, потѣшаетъ насъ съ писаремъ... Да что еще, какую удралъ, анаеема, штуку... Пешель, изволишь видѣть, дождичекъ, и довольно даже порядочный... Вотъ писарь-то и говорить:—«Дай, говорить, Оедюнька, мнѣ твои армячкомъ накрыться»... Далъ—накройся, говорить, старичокъ, ничего, накрывайся». Накрылъ тотъ голову—ѣдемъ... Много-ли, мало-ли проѣхали, ужъ это у меня изъ памяти вышло, только Оедюнька и говорить.—«А что говорить, писарь, а тебѣ скажу, вѣдь въ армякъ-то у меня что зѣбрѣя этого самого... Заѣдать они тебя»... Услыхалъ писарь—долой армякъ, ну, рукой то чистить, и спину и воротникъ: «ахъ ты пострѣлъ! что не сказалъ»... А Оедюнька взялъ армякъ, закутался и поѣхалъ... Всю дорогу писарь мокнулъ на дождѣ. До костей его пробрало. Только ужъ потомъ, какъ до дому добрались, Оедюнька-то и загоготалъ:—«Это я говорить шутку, съ писаремъ то, смутить»... Ну, каково это покажется? Эданая шельма сталъ.. Ну, привезли мы его. Водворили...

— Куда жь вы его водворили-то?

— Да куда-жь его водворить? Приѣхали—ну, и слезай съ телеги, вотъ тѣмъ и весь сказъ...

— То есть, какъ-же это—привезли въ деревню, и оставили на улицѣ?

— Зачѣмъ на улицѣ! Привезли, значить, ну, и ступай съ Богомъ...

— То есть, куда-же—«ступай!»

— Да куда ему идтить-то? Ему идти некуда. Кабы родня у него была? А то родня у него нѣтъ... Ну, и добрые-то люди, тоже, послѣ острога-то, не очень, чтобы... Милостыньку-то—подать, подадимъ, а ужъ насчетъ ночлега, не всякій-то съ охотой... «Тѣсно молъ, поди къ сосѣду»... А у сосѣда—тоже не просторно... Ужъ тутъ пошелъ другой разговоръ. Повертѣлся онъ у насъ на деревнѣ-то такъ съ недѣлю, да слимонилъ у кабатчика полтину мѣди, да ковшикъ желѣзный, и опять убѣжалъ... Съ тѣхъ поръ, только ужъ годовъ черезъ шесть, я его увидалъ. Какъ въ коноврадахъ его изловили... И правду сказать, не узналъ, и выросъ и бороденка обозначилась... Такъ онъ и жизнь кончилъ...

— «Меду-бы!» напомнилъ я.

— Д-да! вотъ поди-ты... Меду захотѣлъ... И съ чего это?.. видно, дожилось не больно сладко...

Этотъ рассказъ, какъ мнѣ кажется, доказывающій, что Оедюшка, еслибы не былъ убитъ, могъ-бы разсчитывать на нѣкоторое снисхожденіе совѣстныхъ судей, навелъ меня на рядъ самыхъ странныхъ мыслей, и именно по слѣдующему случаю.

III.

— «Нѣтъ не виновентъ!» мысленно произнесъ я, прослушавъ рассказъ словоохотливаго обывателя и представляя себѣ Оедюшбу живымъ, сидящимъ на скамьѣ подсудимыхъ. Но точно ли, стало приходить мнѣ въ голову, Оедюшка могъ быть оправданъ? Я ни капли не сомнѣвался въ томъ, что біографія Оедюшки непременно бы тронула господъ судей совѣсти, но въ тоже время, я не могъ не видѣть, что главное дѣйствующее лицо всей этой исторіи, не Оедюшка, и не убійцы-миряне, а нѣчто иное, нѣчто такое, что заглушаетъ голосъ совѣсти, заставляетъ его молчать, именно... лошады! «Конечно, думать-бы судья, біографія Оедюшки печальна: сиротство, нищета, голоданье и холоданье, все такъ, все это извинительно—но... лошады! Какъ-бы то ни было, вѣдь все-таки лошады скотина хозяйственная, украсть лошады, значить, разрушить или, по край-

нѣй мѣрѣ, ослабить платежную силу крестьянскаго двора... Конечно, подумалъ бы судья, такъ звѣрски истязать человѣка, такъ безжалостно и беспощадно поступать съ разумнымъ существомъ, вещь возмутительная, въ высшей степени дикая, омерзительная, даже прямо сказать, ужасная, но съ другой стороны, нельзя же и не извинить неразвитаго человѣка, потому что вѣдь тутъ замѣшано довольно важное обстоятельство... лошадь! Какъ бы то ни было, лошадь—это вещь хозяйственная, и для *бѣднаго* крестьянина...» и т. д. Правильно ли я представлялъ себѣ сужденія судей совѣсти по настоящему дѣлу, предоставляю судить читателю; но по моимъ соображеніямъ, выходило какъ-то такъ, что именно даже, во имя гуманныхъ идей, Федюшкѣ не было бы никакой возможности уйти отъ арестанскихъ ротъ или отъ острога. Хозяйственный ореолъ лошади помрачалъ всякія соображенія о страданіяхъ человѣка, помрачалъ до того, что во имя этого лошадиного ореола оказывалось позволительнымъ ухлопать человѣка, какъ собаку, и не чувствовать при этомъ ничего, кромѣ сознанія, что вотъ моль, теперь стало, на этотъ счетъ, по-тише»...

Признаюсь, всѣ эти соображенія произвели на меня не очень-то пріятное впечатлѣніе, непріятное почти въ той же мѣрѣ, какъ и слѣдующая, видѣнная мною на дняхъ сцена. На крылечкѣ одной избы сидѣла женщина и ласково-преласково гладила кошку; кошечка была хорошенькая, молоденькая, очевидно, недостигшая еще кошачьяго совершеннолѣтія; женщина ласкала и приговаривала:—«Умница! Вотъ ужъ умница, Пеструшечка!.. Мышку поймала! Первеньку!». А хорошенькая, молоденькая кошечка, нервно виляя хвостомъ, утирала лапкой окровавленный ротикъ... Я очень хорошо знаю, что нельзя допускать мышей безнаказанно распоряжаться въ кладовой, я, кромѣ того, рѣшительно не стою за мышиную автономію, но я не люблю и милыхъ, наивныхъ мордочекъ, у которыхъ окровавлены миленькія, хорошенькія губки... Я бы не рѣшился гладить и ласкать эту невинную съ окровавленной мордой тварь, хотя и признаю, что тварь эта дѣйствовала на законномъ основаніи, хотя и понимаю, что столь раннее сознаніе своихъ обязанностей, какое обнаружила молоденькая кошка, достойно всякаго почтенія... Понимаю я также и то, что лошадь—подруга и подпора въ великой крестьянской нуждѣ. Что посягать на эту подругу и подпору худо, даже подо и мерзко... Что вполне достойна уваженія та энергія, съ которою человѣкъ, не задумываясь ни на одну минуту, караетъ другого человѣка, желавшаго сдѣлать ближнему худо—все это я чудесно понимаю, и все-таки мнѣ обидно и не хорошо на душѣ за этихъ милыхъ, добродушныхъ людей, «до конца

постоявшихъ за правое дѣло»... Въ глубокой наивности сознанія правоты этого дѣла—сомнѣваться нѣтъ никакой возможности. Все сдѣлано «какъ слѣдуетъ», «по Божьи». Во 1-хъ, убить его не хотѣли, каждый ударилъ по разу, по два, а во 2-хъ, не бить, то есть, «не учить» раззорителей—тоже нѣтъ никакой возможности. Посудите сами, когда-же будетъ конецъ мужицкому раззоренію, ежели всѣмъ разбойникамъ потакать? Все это сдѣлано чистосердечно, безъ задней дурной или злой мысли—и все-таки обидно, все-таки эти добродушныя, неповинныя ни въ чемъ худомъ физіономіи, какъ будто бы не совсѣмъ чисты.—«А послѣ этого, Господь далъ, потише стало!» поглаживая причесанную вѣтромъ бороду, говорить почтенный и умный, и добрый сычевскій крестьянинъ; и мнѣ невольно припоминается милая, умненькая кошечка, умывавшая лапкой свой хорошенькій ротикъ... И, право, не хорошо на душѣ...

Покуда я предавался соображеніямъ и размышленіямъ обо всѣхъ этихъ невинныхъ людяхъ, словоохотливый сычевскій обыватель продолжалъ свою рѣчь, начавъ ее словами:

— Нѣтъ, вотъ человѣкъ-то былъ, такъ ужь человѣкъ!.. Ужь одно слово!

И онъ рассказалъ мнѣ про Ивана Васильева, другое дѣйствующее лицо въ деревенской драмѣ, и рассказъ этотъ немного посвѣжилъ мою голову, потому что лицо, о которомъ шла рѣчь, было въ самомъ дѣлѣ лицо замѣчательное, и ужь совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ убитый Оедюшка. Жаль было, конечно, убитаго мальчишку, но такъ какъ сожалѣніями сдѣланнаго не воротишь, то я и предпочелъ отдохнуть думою на свѣтломъ образѣ доровитаго, честнаго и дѣятельнаго общественнаго деревенскаго человѣка.

Именно, служеніе общему, «для всей деревни нужному дѣлу» было основной чертой характера Ивана Васильева. Если читатель помнить, этотъ Иванъ Васильевъ, *первый* подалъ знакъ къ бою, въ дѣлѣ съ конокрадами, и тѣмъ самымъ *первый* бралъ на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія, а это куда какъ много значить, куда какъ рѣдко встрѣчается на бѣломъ свѣтѣ. И вотъ эта-то рѣшимость взять добровольно на себя отвѣтственность за то или другое общественное дѣло, взять отвѣтственность предъ міромъ и предъ начальствомъ, словомъ, «не жалѣть» себя, это-то дорогое качество и цѣнилъ въ Иванѣ Васильевѣ міръ. Много я слышалъ рассказовъ объ этомъ человѣкѣ, и всегда рассказывались факты, рисующіе его, какъ общественнаго дѣятеля, тогда какъ про другихъ только и слышишь, какой былъ хозяинъ, какъ наживалъ, да какъ проживалъ; про Ивана же Васильева рассказъ идетъ всегда въ связи съ

мірскими дѣлами. Какъ и откуда выходятъ такіа личности, какими судьбами, при настоящихъ обстоятельствахъ, могутъ онѣ развиваться до заботы объ общемъ благѣ, я понять не могъ, сколько ни разспрашивалъ родственниковъ покойнаго. Постороннихъ вліяній, постороннихъ людей, посторонняго добраго слова, тутъ не было. Такъ просто уродился человекъ съ отзывчивымъ, горячимъ сердцемъ, свѣтлымъ умомъ, родился во тьмѣ, и въ глуши, и пошелъ руководимый искрою Божьей... Куда пришелъ бы онъ, еслибы потребность общественной работы увлекла его изъ глухой деревни, что бы онъ сказалъ и сдѣлалъ на бѣломъ свѣтѣ, ожидающемъ такихъ, съ отзывчивымъ сердцемъ, людей—мудрено сказать; можно только жаловаться на всесокрушающій русскій «случай», который обыкновенно уноситъ такихъ людей невѣдомо куда, большею частью, въ могилу. «Хорошіе—Богу нужны!» говоритъ народъ, и эта участь хорошихъ людей постигла Ивана Васильева: совершенно здоровый, сильный, онъ былъ убитъ лошадыю (она лягнула его въ грудь)—и умеръ мгновенно.

Умеръ онъ молодымъ, двадцати четырехъ лѣтъ, въ самомъ началѣ своего душевнаго и умственнаго разцвѣта, и, несмотря на то, память о немъ въ деревнѣ останется на долго. Если вѣрять сычевскому разсказчику, то дѣятельность Ивана Васильева была по истинѣ неутомима, и вспоминается теперь на каждомъ шагу... Идемъ мимо кабака, вспоминаемъ Ивана Васильева, разсказчикъ говоритъ, что Иванъ Васильевъ ни за что не пускалъ въ деревнѣ кабака, и когда міръ все таки отдалъ было право на торговлю какому-то солдату, взявъ съ него за это пятьдесятъ рублей, то Иванъ Васильевъ самъ отдалъ эти деньги назадъ, изъ своего кармана, и устыдилъ этимъ міръ. Кабакъ открыли послѣ его смерти.

А вотъ рядъ избъ новенькихъ, т. е. сравнительно съ другими, почернѣвшими, и опять рѣчь объ Иванѣ Васильевѣ: это онъ надумилъ купить сообща цѣлый плоть лѣсу на Волгѣ, и вышло дешевле, лучше и прочнѣе... А вонъ на горѣ лѣсокъ—тоже Иванъ Васильевъ постарался... Кабы не онъ, теперь бы пришлось міру за него въ три-дорога отдать; отдавалъ баринъ этотъ лѣсокъ мужикамъ за девятьсотъ рублей—не брали; за тысячу потомъ отдавалъ, уже вырубивши что получше,—не брали; наконецъ, когда еще кое-что было поврублено, валили таки за тысячу триста рублей и то только благодаря Ивану Васильеву, который присталъ къ міру, какъ съ ножомъ къ горлу... И Боже мой, какихъ трудовъ, какихъ усилій стоило улаживаніе всѣхъ этихъ, на видъ такъ незначительныхъ деревенскихъ дѣлъ! Сколько нужно сдержанности при такомъ горячемъ характерѣ, какой былъ у Ивана Васильева, чтобы не испугать мірянъ новизной идеи, чтобы не возбудить

подобрительности слишкомъ жаркой защитой ея у столбовъ сельской сходки, ветхихъ дѣньми и напуганнымъ крѣпостными порядками старичковъ! Сколько нужно сдержанности, чтобы не вспылить, не взбѣситься отъ негодованія на упорство, твердое и непослушное какъ камень, которое ничего не знаетъ, кромѣ того, что надобно во всемъ «имѣть опаску», и которое въ большей или меньшей степени, проникаетъ всегда всю сходку сплошь, безъ изъятія. Каждый доводъ въ пользу того или другого плана надобно было повторять не сотни, а тысячи разъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, на всякомъ мѣстѣ, во всякъ часъ... Надо было умѣть не устать удержаться на ногахъ отъ ежеминутнаго однообразнаго повторенія одного и того же, отъ этого упорнаго, утомительнаго долбленія въ одну точку, чтобы, въ концѣ концовъ, то шуткой, то смѣшкомъ, то въ сурьезъ, продолбить-таки толстый и крѣпкій слой общественной трусости, равнодушія, и ничего нежелающаго слышать и знать упорства!

Приведу два примѣра дѣятельности Ивана Васильева изъ разсказанныхъ мнѣ сычовскимъ обывателемъ, чтобы читатель самъ могъ убѣдиться, какъ въ природной даровитости этого человѣка, такъ и въ дѣйствительности одушевлявшихъ его общественныхъ качествъ. И то и другое стало для меня особенно яснымъ, когда обыватель разсказалъ мнѣ о передѣлѣ общественныхъ земель. Дѣло это въ здѣшнихъ мѣстахъ происходитъ, по словамъ разсказчика, обыкновенно, такимъ образомъ: въ годъ передѣла, всѣ общественники-землевладѣльцы, со старостой во главѣ, отправляются на мѣсто передѣла, и во-1-хъ, обходятъ общественную землю, дѣля ея на три поля, во-2-хъ, обходятъ отдѣльно каждое поле (озимое, яровое, паръ), дѣля на участки по качеству, также на три участка, хорошій, средній и плохой... и въ-3 хъ... но въ-3 хъ начинается нѣчто, для обыкновеннаго смертнаго, невѣроятное. Представьте себѣ, что, по раздѣлѣ земли на поля, въ каждомъ полѣ оказалось по десяти десятинъ (говорю примѣрно), а, по раздѣлѣ на участки по качеству, десять десятинъ поля раздѣлились такимъ образомъ: хорошей, положимъ, (изъ 10-ти десятинъ) оказалось двѣ десятины, средней три, а плохой пять. Вотъ эти-то куски и требуется раздѣлить между всѣмъ міромъ, между восьмидесятью человѣкъ. Судите теперь сами, какая египетская работа (ужь не знаю чего: ума или чего-нибудь другого) нужна, напримѣръ, для того, чтобы, опредѣлять ту цифровую дробь десятины, которая приходится на душу въ двухъ десятинахъ хорошей земли, сѣумѣть потомъ, по пчелиному точно, и вѣрно, безъ обиды, отмежевать эту дробь на землѣ; потрудитесь представить себѣ все невозможное пересеченіе линий, всѣ эти геометрическія фигуры, которыя могутъ при этомъ возникнуть:

прибавьте къ этому, что точно такая же операція происходитъ надъ каждымъ полемъ, слѣдовательно, повторится девять разъ, и подивитесь необычайной силѣ памяти Ивана Васильева, который, въ качествѣ сельскаго старосты (два года онъ былъ сельскимъ старостой), могъ *помнить* однея всѣ эти трижды восемьдесятъ геометрическихъ фигуръ! Каждому домохозяину не трудно помнить границы своихъ участковъ въ трехъ поляхъ, но помнить одному границы всѣхъ участковъ—дѣло громадное, а Ивана Васильева именно и хвалить за то, что онъ «помнилъ», что онъ не давалъ маху въ случаяхъ споровъ и всегда могъ вѣрнѣйшимъ образомъ указать что кому слѣдуетъ. Но этого еще мало; земля, раздѣленная такимъ аптекарски совершеннымъ способомъ, обыкновенно не остается въ такомъ видѣ, какъ изображено выше. Почти тотчасъ по раздѣленіи ее аптекарски правдиво, на сцену выступаетъ во 1-хъ, взаимное соглашеніе, а во 2-хъ, нужда, и моментально сбиваютъ всю эту кучу геометрическихъ фигуръ, всѣхъ этихъ треугольниковъ, угловъ, клиньевъ, скрупуловъ, драхмъ и унцій въ одну перепутанную массу, совершенно уничтожающую аптекарскую правдивость передѣла: тутъ оказывается, что владѣльцы хорошихъ драхмъ предпочли взять побольше худыхъ золотниковъ, тутъ земля ускользнула, потому что «ты мнѣ подверженъ», потому что нужда велитъ ее отдать въ наемъ, и т. д., и т. д. до безконечности. Но если аптекарски-аккуратный видъ правдиваго дѣлежа и исчезъ, если въ дѣйствительности и вышло такъ, что нѣкоторые изъ получившихъ землю, пошли домой вовсе безъ земли, или съ правомъ только на худую землю, тогда какъ другіе съ тѣмъ же правомъ исключительно на хорошую, то все таки, для сельскаго старосты необходимо помнить, крѣпко держать въ головѣ весь процессъ превращенія передѣла изъ одной формы въ другую, то есть памятуя обо всѣхъ вышеупомянутыхъ треугольникахъ и прочихъ фигурахъ, необходимо знать, какъ, на какомъ основаніи фигуры эти очутились вовсе не въ тѣхъ рукахъ, въ которыя попали онѣ при аптекарской развѣскѣ. Все это необходимо было помнить, въ виду необходимости разрѣшать очень и очень частыя недоразумѣнія, возникающія изъ смѣшенія нужды съ правомъ, а права съ «ты мнѣ подверженъ». А Иванъ Васильевъ все это зналъ, все помнилъ, и фигуры, и драхмы, и «ты мнѣ подверженъ», и что «кому слѣдуетъ». По крайней мѣрѣ, его рѣшенія по разнымъ земельнымъ спорамъ крѣпко помнить вся деревня, говоря, что справедливыя его никто ни прежде, ни послѣ такихъ дѣлъ разбирать не умѣлъ, потому что никто не обладалъ такою способностію вникать во всю эту геометрію нужды. И мнѣ кажется, что Иванъ Васильевъ не могъ бы въ такомъ совершенствѣ выполнять

этого труднаго дѣла, еслибы напряженіе его вниманія не поддер- живалось глубокимъ сознаниемъ общественной важности этого дѣла.

Другой рассказъ обывателя, касавшійся дѣятельности Ивана Васильева, рисуетъ его также при дѣлежѣ общественнаго имуще- ства, именно лѣса. Дѣло это, хотя нѣсколько и въ меньшей степени, все-таки требуетъ недюжиннаго вниманія къ обще- ственнымъ интересамъ. Лѣсъ дѣлится такимъ образомъ, во 1-хъ, мірине, по возможности, въ полномъ составѣ назначаютъ уча- стокъ, который подлежитъ въ срубкѣ, для чего, всѣмъ міромъ дѣлаютъ обходъ этому участку, затѣмъ, во-2-хъ, вновь обходятъ отведенный участокъ, и сортируютъ его на разряды, по качеству лѣса, причемъ топоромъ отмѣчаютъ деревья перваго сорта, вто- рого и третьяго, для чего необходимо обойти лѣсъ три раза, а всего, стало быть, ужъ четыре, и въ-3-хъ... но тутъ опять прес- исходить нѣчто поразительное, именно: обойдя лѣсъ четыре раза, мірине дѣлаютъ каждый свою мѣтку или жребій съ своей мѣт- кой; для этого берутся по возможности ровные сучья, рубятся на равнина шашки и на этихъ шашкахъ каждый мірянинъ ста- вить свой знакъ, кружокъ, крестикъ, крестикъ и палочку и т. д. Затѣмъ всѣ эти шашки складываются въ шапку старосты и міръ, предшествующій старостой съ шапкой, трогается въ путь, разу- мѣется сначала къ деревьямъ перваго разряда. У перваго же дерева, весь міръ, всѣ восемьдесятъ человекъ останавливаются и староста вынимаетъ жребій, и дерево мѣтится тою же мѣт- кой, какаѣ на жребіи. И затѣмъ, такая процедура происходитъ буквально у каждаго дерева, каждаго куста, чуть не у каждаго сучка. Бываютъ случаи, что иной не признаетъ мѣтку своей, бы- ваетъ, что мѣтки сойдутся одинаковыя, бываетъ множество слу- чаевъ, когда мірянинъ норовитъ отдѣлаться отъ дерева, кото- рое ему не по нутру—и вотъ почему старостѣ надо помнить всѣ мѣтки, двадцать разъ пересмотрѣть ихъ, чтобы не было одина- ковыхъ, похожихъ, двадцать разъ переспросить каждаго, чтобы онъ предъ всѣмъ міромъ и притомъ не разъ засвидѣтельство- валъ всѣ особенности своей мѣтки. Необходимо помнить всѣ эти кружки на мѣткахъ и сучки на шашкахъ, въ особенности въ виду такъ называемыхъ *нечекъ* (нечки), т. е. лично не присут- ствующихъ при дѣлежѣ. Занятый работой крестьянинъ пору- чаетъ вынуть жребій сосѣду, знакомому, первому попавшемуся обывателю. Въ такихъ случаяхъ, обыватель, которому довѣрено вынутіе жребія, ставитъ на этотъ жребій довѣрителя ту же мѣт- ку, какаѣ стоитъ и на его жребіи. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ, не въ обиду мірянамъ будь сказано, довольно таки частенько бывають случаи, что худое дерево достается нечкѣ, а хорошему, кому нечкѣ довѣрялъ. Необходимо поэтому добиться, чтобы

при одинаковости мѣтокъ, являющийся довѣреннымъ миранинъ призналъ бы какую-нибудь изъ шапекъ за свою и какую-нибудь за нечика. Тутъ ужъ нужно помнить такіа вещи, какъ напримѣръ сучокъ, и при томъ съ какого боку, и великъ ли, потому что сучокъ можетъ быть и на той и на другой шапекѣ, но только что тутъ поменьше, а тамъ побольше, и не съ того боку, да и потоньше... Все это надо помнить, чтобы никому не было обидно, и Иванъ Васильевъ помнилъ, но крайней мѣрѣ, всѣ сычовскіе жители говорятъ, что за его время никому въ этихъ дѣлахъ обиды не было, что Иванъ Васильичъ никому не дасть фальшивить...

Сычовскій обыватель не ограничился этими двумя примѣрами общественной дѣятельности Ивана Васильева, и указалъ мнѣ на другой фактъ, рисующій этого человѣка въ самомъ хорошемъ свѣтѣ. Но признаюсь, я слушалъ его не съ особеннымъ вниманіемъ: я вспомнилъ біографію Федюшки... Федюшка, шатающійся за подааніемъ, Федюшка, научающійся быть воромъ, надѣвая чужіе чулки, Федюшка, шествующій разыскивать какое-то сиротское прирѣвнѣ, вспомнился мнѣ въ ту самую минуту, когда рассказчикъ рисовалъ мнѣ картину, не то чтобы дѣлажа, а прямо сказать, ощупыванія каждаго куста, каждаго сучка, и я невольно изумился передъ тѣмъ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго вниманія къ участи человѣка, которая выпала на долю Федюшки... Почему на его долю не приходилось ни сучьево, ни полѣньево, ни геометрическихъ фигуръ? Почему, ощупывая каждое дерево, міране не нащупали промежду себя брошеннаго на произволъ судьбы сироту? И почему, наконецъ, эти самые міране оказываются невинными, убивъ сироту, для котораго они не сдѣлали ровно ничего, кромѣ карьеры вора, и осторожнаго жителя?

И отчего, думалось мнѣ, столь внимательная къ «твоему» и моему деревенская мысль, не удѣлила самой крошечной дозы этой внимательности, на долю Федюшки? Кому отъ этого былъ бы убытокъ?.. Отчего бы, напримѣръ, тому же самому Ивану Васильеву, или кому-либо изъ деревенскихъ жителей не выйдти на сходкѣ, по случаю отдачи права на кабакъ, и не заявить, примѣрно, такого прожекта.

— Вотъ ребята, что я мекалъ, стало быть, насчетъ кабашныхъ денегъ... Есть тутъ у насъ на деревнѣ мальчонка, сирота, ни отца нѣту, ни матери... Семь бы мы на кабашные тѣ деньги корову купили, у меня у самого коровенна продажная есть...

— Куда жъ ты съ коровой-то съ эстой воткнешься?

— Да мекалъ такъ: отдать бы ребенка и съ коровой, гдѣ побѣдише... Вотъ у насъ старуха съ дочерью безъ мужа бьются, вонъ опять дѣвица одинокая кое-какъ перебивается, тоже безъ всякихъ способовъ... Мало ли... Дать бы имъ корову, овѣ и сами

вернуть мальчонки-то отдохнуть... А деньги мірскія все одно, пожалуй, что изведутся зря... Велико ли тутъ изъ двухъ-то сотъ кабаныхъ, пятнадцать цѣлковыхъ отдать... По крайности, человекъ не пропадетъ; станетъ подростать, можно опять же и учителю за него заплатить, вырастетъ, обучится письму, намъ будетъ благодаренъ, а, пожалуй, ежели Господь ему дастъ понятія, и писаремъ намъ послужить... Такъ какъ же, православные?..

Я ничуть не сомнѣваюсь, что еслибы было произнесено кѣмъ-либо что-нибудь подобное, то, по нѣкоторомъ размышленіи, навѣрное началось бы сначала одиночныя, а потомъ и гуртовныя заявленія сочувствія означенному проекту. Особливо было бы хорошо, еслибы нашлся такой человекъ, который бы сдѣлалъ, на примѣрахъ прошлаго, показать міру предстоящую Федюшкину карьеру, который бы, убѣдивъ міръ въ томъ, что пятнадцать рублей, удѣленные въ пользу сироты, убытку міранамъ не сдѣлаютъ, упоманулъ бы при этомъ, что, молъ, все равно, отдадите же эти деньги, на примѣръ, какому-нибудь Ивану Фадѣеву, который нуждается въ деньгахъ, потому что завелъ очень большую комерцію, и обѣщаетъ платить міру за эти деньги хорошей ростъ, примѣрно, по копейкѣ съ рубля въ мѣсяць и ставитъ ведро вина... Хорошо было бы также пристыдить мірянъ и этимъ ведромъ, сказавъ нарѣчіе: «али мы ребята своего вина не видали? Покорыстоваемся этимъ поганымъ виномъ, а оставимъ безъ призора и помощи сироту!.. Но лучше всего бы, еслибы, повторяю, кто-нибудь нашлся и начертилъ будущую жизнь сироты, если ему не будетъ оказано мірскаго вниманія. Кто его возьметъ даромъ? У всякаго своей заботы много. А за деньги сыщется человекъ, возьметъ и взроститъ. Деньги у насъ есть, стало надо дать, потому, ежели мы не дадимъ, изматается мальченка, избродяжничаеетсл, а не въ долгъ и въ острогъ угодить. А ужъ изъ острога, сами знаете, какой народъ выходитъ. На насъ же въ сердцахъ, что мы пятнадцать рублей на него пожалѣли, что мы душу его погубили, воромъ сдѣлали, пожалуй, еще какую-нибудь вреду сдѣлаетъ, пѣтуха пустить, лошадей начнетъ воровать...

Еслибы все это происходило, то вѣтъ сомнѣнія, что Федюшка былъ бы живъ, не былъ бы воромъ, не имѣлъ бы нужды существовать, разоряя своего же брата крестьянина. Но такъ какъ, въ дѣйствительности, Федюшка оказывается воромъ, разорителемъ, такъ какъ Федюшка убитъ, а убійцы оказались невинными, то волей-неволей приходится заключить, что вышеописанной сцены почему-то производти не могло... До такой степени не могло, что вся вышеприведенная сцена и теперь кажется читателю фальшивой. Не правда ли, какая кислосладкая сантимен-

*

тальность? Такія сцены возможны были развѣ въ сентиментальныхъ романахъ карамзинскаго направленія, а теперь, еслибы я вывелъ въ какой-нибудь повѣсти такого крестьянина, который бы *на сходкѣ* завелъ рѣчь о призрѣннн сироты, мнѣ бы каждый сказалъ, что это фальшь, вздоръ, что этого не бываетъ. «Пейзанина представилъ, а не крестьянина!»

И это вѣрно, потому что *этого* въ самомъ дѣлѣ не бываетъ.

А отчего бы? Чего бы стоило ему быть? Чего бы стоило спасти человека?

Однако, нѣтъ. «Сентиментальность! Этого не бываетъ! вранье!»

И точно, на моихъ глазахъ, мѣсяца за полтора до того времени, когда пишутся эти строки, происходила точь въ точь такая исторія; отдавали кабакъ и отдали за двѣсти рублей въ годъ и десять ведеръ вина угощенія. Пьянство и оранье шло далеко за полночь, и увы! никто не вышелъ, не произнесъ вышеозначенной рѣчи, хотя и Ѳедюшки, и сироты всѣхъ возможныхъ видовъ существуютъ въ селеніи, собирая кусочки, перебиваясь со дня на день и т. д. Да мало того, что никто не вышелъ, какъ думаете вы, поступили міряне съ двумястами рублей, которые имъ оказались ненужными, такъ какъ недоимокъ у нихъ нѣтъ? Они рѣшили раздѣлить деньги по рукамъ, причемъ на душу досталось по два съ чѣмъ то рубля. Такое мудрое рѣшеніе я могу подтвердить копіей съ мірскаго приговора, изъ котораго, кромѣ того, узналъ, что крестьяне, взявъ съ цѣловальника такую высокую для него, хотя и не нужную для нихъ плату, уступили ему, вмѣстѣ съ правомъ на кабакъ, и мѣсто сельскаго писаря, т. е. предали себя, за эти десять ведеръ вина и за два цѣловыхъ, ощущаемыхъ въ рукѣ, на полное сѣдленіе цѣловальника-писаря. Контрактъ этотъ они заключили на два года. Теперь, очевидно, всякое частное деревенское недоразумѣніе, доходящее до волостнаго суда, или, по крайней мѣрѣ, составляющее предметъ деревенскихъ толковъ, будетъ прекращаться виномъ, разрѣшаться пьянымъ сномъ подъ заборомъ, въ грязи...

Что же это такое? Самоубійство ли это или помѣшательство? Ни то, ни другое. Все дѣло въ томъ, что въ деревнѣ нѣтъ и при настоящихъ условіяхъ нѣтъ возможности быть такому человеку, который бы внесъ въ общинную жизнь деревни новую мысль, который бы новыми взглядами освѣтилъ (прежде деревня освѣщалась взглядомъ помѣщика) положеніе незнающаго, несмѣлаго и неразвитаго крестьянина? Не смѣшно, когда, изучая исторію умственной жизни высшихъ классовъ, указываютъ на личности, внесшія въ высшее общество *новые* взгляды, когда говорятъ, что тогда-то въ общество «проникли» такія-то идеи, и преобразили его въ такомъ то благотворномъ направленіи... и и т. д. Почему же смѣшно, и странно, и глупо желать того же

для деревни? Почему же для деревни нужна только земля, частые или рѣдкіе передѣлы, почему нужно увеличеніе только надѣловъ, выгоновъ и т. д., и вовсе не нужно идей, которыя бы освѣжили этотъ ссыхающійся на копейкѣ деревенскій умъ? Почему такъ много заботъ и вниманія сочувствующая народу пресса удѣляетъ недонимкѣ? почему такія энергическія усилія энергическихъ умовъ направляются на изобрѣтеніе способовъ, которые бы уничтожили это народное бѣдствіе? вообще почему бѣдствіе только налоги и недонимки?.. И почему — не бѣдствіе и не предметъ вниманія то удивительное обстоятельство, что «невнемлющая и недающая отвѣта» народная масса поминутно выдѣляетъ изъ себя только хищниковъ, кулаковъ, міроѣдовъ, возводящихъ (какъ напримѣръ, конокрады) разграбленіе своего брата крестьянина до степени промышленности, торговаго предприятия, вродѣ, напримѣръ, торговли шерстью, оптовой торговли льномъ, и т. д., тогда какъ дѣйствительная торговля льномъ, шерстью и т. д., которую именно въ деревнѣ-то и можно бы, и должно довести до степени доходной статьи, не находитъ почему-то въ крестьянской средѣ хорошаго организатора.

Очевидно, что тутъ есть, дѣйствительно, какая-то недонимка, только не въ крестьянскомъ карманѣ и не въ кассѣ контрольной палаты, а въ народномъ умѣ, развитіи и сознаніи. Не будь именно этой второй недонимки, развѣ двѣсти рублей общественныхъ денегъ могли бы оказаться лишними въ бѣдной деревнѣ, гдѣ въ семидесяти дворахъ, навѣрное, есть десятокъ сиротъ, малыхъ и старыхъ, гдѣ есть десятки хворыхъ, безпомощно валяющихся гдѣ нибудь въ грязныхъ сѣняхъ подъ дверью, гдѣ нѣтъ человѣка, кромѣ кабатчика, который бы умѣлъ прочесть письмо и написать отвѣтъ? Развѣ могла бы тогда деревня чувствовать себя «невинной», убивъ Федюшку, передъ которымъ она кругомъ виновата?

IV.

Вотъ именно на эту-то вторую недонимку деревенскаго житія-бытѣя, я и желалъ обратить вниманіе читателей, когда писалъ мои деревенскіи замѣтки. Недонимка, какъ видите, вполне ясна, и вниманія достойная, и, однако, какъ это не странно, замѣтки мои подверглись обвиненію. Обвиненій этихъ я перечиталъ и переслушалъ не мало, и хотя я очень хорошо сознаю, что писать къ какому-то замѣтканъ еще какія-то комментеріи, дѣло не особенно дѣльное, но въ виду такого обвиненія, какъ «измѣна», считаю нужнымъ не то, чтобы оправдать, а досказать недосказанное; это тѣмъ болѣе будетъ у мѣста, что настоящимъ очеркомъ деревенскія замѣтки озаглаиваются.

«Не вотрафилъ» я моими замѣтками, какъ мнѣ кажется, глав-

нымъ образомъ, потому, что въ настоящее время въ литературѣ возникъ какой-то странный, небывалый взглядъ на положеніе народа, взглядъ, который, если можно назвать (какъ говорить дѣти) — *неправдышнимъ*. Происхожденіе такого неправдышнаго взгляда, какъ мнѣ кажется, можно объяснить слѣдующими обстоятельствами: утомленная сознаниемъ трудности переживаемой минуты, общество и печать, (кто раньше, кто позже судить не берусь) пожелали облегчить свое положеніе, какъ бы сговорившись «не думать» объ этомъ положеніи, думать о другомъ. Такое намѣреніе дѣлается совершенно понятнымъ и основательнымъ, если только представить себѣ, въ какомъ въ самомъ дѣлѣ ужасномъ состояніи находилась недавно душа русскаго человѣка, какъ бы случайно, на живую нитку пристегнутаго къ европейскимъ порядкамъ. Русскій человѣкъ неожиданно узналъ, что эта живая нитка — не нитка, а канатъ, и узналъ силу этого каната, именно въ ту минуту, когда только что было сталъ приходить въ себя, строить планы думать, жить. Русская душа оживала, начинала ощущать присутствіе совѣсти; русская мысль, впервые попробовавшая расправить крылья, понеслась было, какъ птица, въ высь, понеслась смѣло, фантазируя, не стѣсняясь и все народы устроить по новому... И вотъ именно въ эту-то торжественную минуту пробужденія, русскій человѣкъ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ уже жилъ, что онъ не юноша, что онъ уже поврежденъ, и не можетъ дать ходу своимъ новымъ побужденіямъ. Смѣлость мысли, возникавшая въ немъ, парализовалась привычною трусостью; раскаяніе въ прошлыхъ неправдахъ побивалось непобѣдимою потребностію держать ухо востро и т. д... И вотъ съ этой минуты началась для него не жизнь, а каторга. Какъ бѣлка въ колесѣ, сталъ вертѣться русскій человѣкъ въ кругу противорѣчій, созданныхъ для него временемъ; отъ мысли передѣлать весь свѣтъ, онъ перескакивалъ къ мысли набить свой карманъ; набивая карманъ, каялся, а раскаяваясь, пугался и думалъ только о собственномъ спасеніи. Въ такомъ положеніи онъ стрѣлялся, выбрасывался изъ оконъ, принималъ ядъ, и, разумѣется, переставалъ страдать, но тотъ, кто не принималъ яду, не бросался изъ четвертаго этажа на мостовую, тотъ изнывалъ, томился тѣмъ нравственнымъ нулемъ, который образовывался изъ этихъ плюсовъ и минусовъ, побивавшихъ одинъ другого въ самой глубинѣ души.

Въ такомъ состояніи, измученному обществу пришла мысль остановить маховое колесо европейскихъ порядковъ, увлекавшее насъ на ненавистный путь всяческой неправды, насъ, которые не хотятъ ея, которые хотятъ по чести, по совѣсти, и все такое... И вотъ въ спицы этого колеса стали засовывать разные пренатствія, оказавшіяся, впрочемъ, весьма ~~ненадежными~~

колесо продолжало размахивать, вышвырывая тѣ, большею частію, бумажныя препятствія, которыми хотѣли его остановить; славянская раса, славянская идея, православіе, отсутствіе пролетаріата и т. д.—все это, доказанное на огромномъ количествѣ листовъ бумаги, было смолото и растреплено не перестававшими махать колесомъ, которое какъ бы говорило при этомъ русскому человеку: все это вздоръ; пролетаріатъ у тебя и есть, и будетъ въ большомъ количествѣ... Фарисей! Обманщикъ! Самъ обворовывающій себя и жалующійся на каку-ту Европу! обманщикъ! лжецъ! трусъ! лѣптай!

Сербская война была опытомъ на дѣлѣ доказать, что всѣ обвиненія (раздававшіяся собственно въ сознаниіи каждаго кто хотѣлъ доказать) — неправда... Было двинуто все, что только считалось силою и орудіемъ сопротивленія. Тронулись съ хоругвями, съ причтомъ, съ колоколами, даже чудовскихъ пѣвчихъ съ неистовыми басами двинули изъ Москвы черезъ Вѣну по Дунаю, прямо на аванпосты Мухтара-паши.. По части національной идеи была предъявлена широкая дѣятельность славянскихъ комитетовъ; была предъявлена доброта русскаго сердца, беззащитность, безотвѣтность, безпрекословность, безтрепетность и безропотность... Была предъявлена также отчаянная храбрость, готовность смерти, даже какъ будто желаніе смерти, отвага, говорившая «ну бей! бей! ты думаешь я побюсь!» Было предъявлено безстрашіе, достигавшее безумія, и хладнокровіе, почти граничившее съ умопомраченіемъ; такіа крупныя характерныя черты, само собой разумѣется, не могли не перемѣшиваться съ чертами мелкими, хотя и также характерными: была, между прочимъ, предъявлена русская ширь, душа на распахку, а съ тѣмъ виѣсть предъявленъ былъ и кулакъ; и скула свороченная какъ-то сюда замѣшалось, и значеніе слова «учить» было разъяснено. И надъ всѣмъ этимъ носилось достигшее почти европейскихъ размѣровъ лганье прессы...

И, несмотря на то, что было поднято на ноги все, что есть въ наличности самаго сокровеннаго—вышло... Чтѣ вышло? Положа руку на сердце, можно сказать, что вышло—невѣсть что! Въ концѣ-концовъ оказалось, что кто-то нажился, «зацапалъ въ карманъ» — и все! Послѣ этого, что-жъ такое происходило? И почему, въ концѣ-концовъ только и слышишь: «виноваты!» Виноваты тотъ, виноваты другой, виноваты сербы... Въ чемъ виноваты? Развѣ тутъ что-нибудь худое случилось?..

Дѣйствительно, случилось очень худое. Оказалось, что западно-европейскія явья въ русскомъ человѣкѣ такъ же много (или почти также), какъ и въ его подлинникѣ, да вдобавокъ и не-европейскія-то черты русскаго человѣка также оказались съ азвами.

Между тѣмъ, понавъ вмѣстѣ съ обществомъ, быть можетъ по невѣдѣнію, на ложную дорогу самовосхваленія, самопрославленія, литература не могла, какъ не могло и общество, сразу отдаться еще горшему, чѣмъ прежде, разочарованію. Послѣ этихъ торжествъ, сказать себѣ: «будетъ!» и приняться за трудную работу надъ самимъ собой, за безпристрастное изученіе обнаруживавшихся язвъ, дѣло нелегкое, и какъ общество, такъ и литература не могли сдѣлать этого вдругъ. Проклявъ интеллигенцію, которая залѣзаетъ въ сундуки, страдаетъ раздвоенностію и мелкодушїемъ и т. д., они все сочувствіе сосредоточили на народѣ, но опять-таки не въ смыслѣ сочувствія его дѣйствительному положенію, или его терпѣнію, съ которыми онъ его переноситъ — нѣтъ! появилось какое-то слащавое, чтобы не сказать, слюнявое отношеніе къ народу. Въ то время, когда интеллигенція, ея недуги, скорби и язвы разрабатывались довольно подробно и дѣльно, всякое дѣловое отношеніе къ народу считалось какъ бы неумѣстнымъ. Народъ стали просто хвалить за его непочатое, непосредственное чувство, а о томъ, въ какой школѣ воспитывается это чувство, по какой дорогѣ оно идетъ и пойдетъ — объ этомъ не говорилось. Говорилось вообще, примѣрно, такъ: дѣлаю небольшую выписку изъ одной статьи газеты «Недѣля» 1876 года. Статья называется «Отъ себя или отъ деревни?» и вотъ что, между прочимъ, въ ней пишется: «Проѣзжій въ этихъ мѣстахъ — большая рѣдкость; поэтому, если станція приходилась въ деревнѣ, обыкновенно собиралась толпа поглазѣть... Усаживаемся это, бывало, съ своей свитой: въ пасмурную погоду сдѣлаютъ тебѣ кибитку, натащатъ роговъ и вотъ собравшіеся отъ нечего длаять крестьяне начнутъ укутывать и снизу, и сбоковъ, и спереди, чтобы нигдѣ не промогло, точно своего роднаго выправляютъ. Врѣзалось мнѣ лицо одного парня — одно изъ славныхъ: русскихъ лицъ; онъ болѣе всѣхъ старался и, кончивъ, весело сказалъ: «ну, теперь ладно, не проймаетъ!» Что я былъ этимъ людямъ? Что они мнѣ? Откуда такое почти родственное участіе къ проѣзжему?» И вотъ на этомъ-то фактѣ строится цѣлая теорія, доказывающая, что все спасеніе общества лежитъ въ глубинѣ «непосредственнаго чувства», насквозь пронизающаго душу и тѣло (!) простого человѣка. Признаюсь, я вовсе не вижу, чтобы въ вышеописанномъ подвигѣ было чтонибудь такое, отъ чего можно было бы приходиться въ умиленіе, такъ какъ для того, чтобы обернуть проѣзжему ноги, да притомъ «отъ нечего дѣлать», да еще въ деревнѣ, гдѣ «проѣзжающій большая рѣдкость» вовсе, мнѣ кажется, нѣтъ надобности въ какихъ-то особенныхъ, исполнскихъ размѣрахъ нравственнаго чувства, пронизающаго будто бы не только душу, но даже — страшно сказать — и

самое дѣло, да притомъ еще «насквозь!» Ужь ежели на этомъ строить радующія и радужныя теоріи будущаго, то какую блистательную будущность долженъ я предсказать такъ называемому гнилому Западу, на основаніи слѣдующаго факта: одинъ гнилой западникъ, съ которымъ я ѣхалъ, на омнибусѣ, въ проливной дождь, проѣхалъ лишникъ три или четыре длинныя парижскія улицы (тогда какъ ему давно надо было слѣзть) потому, что у меня не было зонтика и онъ держалъ свой зонтикъ надо мной! Если прибавить къ этому, что проѣзжающихъ въ Парижъ будетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ ѣздилъ авторъ выше поименованной статьи, что они не составляютъ предмета развлеченія, и что, наконецъ, человѣкъ этотъ сдѣлалъ доброе дѣло не отъ нечего дѣлать, а въ силу сознанія кокой-то обязанности, то во сколько разъ этотъ поступокъ будетъ выше поступка «одного изъ славныхъ русскихъ лицъ», воспѣваемыхъ авторомъ. Да и кромѣ всего этого, меня, признаться, беретъ сомнѣніе насчетъ одного обстоятельства: мнѣ почему-то представляется, что при этихъ обоюдныхъ симпатіяхъ барина и «славнаго лица», дѣло едва ли обошлось безъ мелочи, такъ что-нибудь вродѣ двургвеннаго... Право, должно быть что-нибудь тутъ непременно промелькнуло, какое-нибудь «съ вашей милости», или просто такъ: «на, молитвѣ, спасибо!» и, конечно, «благодаримъ покорно!» Очень можетъ быть, впрочемъ, что я и ошибаюсь; я согласенъ, что иной разъ въ карманѣ не бываетъ мелочи, и тогда непосредственное чувство проникаетъ насквозь безъ всякаго гонорарія... Но и тогда непосредственное чувство все-таки ни какъ не можетъ служить характеристивой народныхъ доблестей, и строить на немъ одною что либо прочное и величественное для будущаго не представляется никакой возможности. Судите сами: среди площади, на сельской ярмаркѣ происходитъ драка, толпа окружаетъ дерущихся, такъ какъ такія явленія вообще рѣдки и посмотрѣть на нихъ любопытно. Но посмотрите, что дѣлаетъ это же самое непосредственное чувство, проникающее насквозь.

«— Хорошенько его, хорошенько!» раздаются голоса.—Рыжій! рыжій, въ богу его, лысаго, суй! Суй его по боку-то, по боку-то... Эй, лысый, не плошай! Дуй его, рыжаго-то, въ сусалы, эхъ, проѣхалъ», и т. д. И что-жъ! благодаря этимъ совѣтамъ людей постороннихъ, собравшихся посмотрѣть на битву отъ нечего дѣлать, уже и въ самомъ дѣлѣ, насквозь пробиваются бока, причѣмъ не обходится безъ смѣху, также безискусственнаго.

Вотъ на такихъ-то тоненькихъ, какъ пленка кипяченаго молока, какъ папирсная бумага, фактахъ, стали выстраиваться въ литературѣ добродушныя, милые взгляды на народъ. Можно даже сказать, что литература стала строить народу глаза. Съ этими-то сердцемъ (и тутъ фактъ: одинъ мастеровой далъ выку-

рить папиросу и не спросить за это на водку), какъ у такого народа, да это что-жь такое будетъ! на разные тоны возглашали народные любители и плодили такихъ любителей въ публикѣ. «Народное горе», горе темнаго царства съ Титъ Титычами и Катериными, горе сель, дорогъ и городовъ, горе деревенской избы, деревенской женщины, горе лошадинаго и бесплоднаго труда, горе бесплодныхъ страданій, и т. д., и т. д.—все это исчезло изъ области литературнаго вниманія, пошли въ ходъ «славныя» лица, молодцы-ребята, непосредственное чувство, непочатые углы смиренномудрія и дѣломудрія и т. д., и т. д. Особенно удобно для всѣхъ нежелающихъ унывать, это *неправдыное* направленіе было тѣмъ, что, разсуждая и хваля, оно не брало почти никогда фактовъ изъ текущей дѣйствительности. Факты эти были въ изобиліи, но они обыкновенно ставились безъ всякихъ комментариевъ, случайно, какъ обгорѣлые пни на цвѣтущей долинѣ лжесвидѣтельства. И замѣчательнѣе еще маневръ, проектируемый этимъ милостивнымъ направленіемъ: всякій разъ когда дѣло касалось положенія народной мысли, всякій разъ, когда простыхъ бездоказательныхъ выхваленій оказывалось недостаточно, а необходимо было дать читателю нѣчто осязаемое, представители направленія ловкимъ маневромъ устремлялись въ глубину исторіи... «Какъ такъ, говорили они:—русская народная мысль не дѣйствуетъ, не живетъ? Кто это говорить? Кто говорить, что расколъ, напимѣръ, похожъ на старый сапогъ?» И для того, чтобы показать, что этотъ сапогъ не старъ, современная его дряблость начинала освѣжаться давно прошедшей жизненностію происходившихъ въ немъ явленій, и выходило не только хорошо и умно, а, прямо сказать, блистательно, до того блистательно, что, глядя на стоптанный сапогъ, невольно думалось: ужъ не во снѣ-ля а?..

Удивительно милостивое выработалось направленіе: скользкое, какъ налимъ, ускользящее отъ всякаго подозрительнаго разсмотрѣнія, и въ тоже время жирное, пріятное, какъ налимья уха..! Оказывалось, что мысль народная не только не мертва, но, напротивъ, живуща, бурлива... Правда, бурлить она тамъ гдѣ-то, невидимо, но это и хорошо, пусть ее копаются въ своихъ подземныхъ дырахъ, не мѣшайте ей, вы только испортите! вы, интеллигентный гнилой человѣкъ, наживайте себѣ деньги, получайте оклады, но, ради самого Создателя, не трогайте народъ, не суйтесь къ нему съ своимъ «головнымъ» недугомъ... Ради самого Бога!..

V.

При такомъ-то странномъ взглядѣ на русскій народъ, когда стали восхваляться разные качества этого народа, независимо отъ условій, въ которыхъ имъ приходится развиваться, мом деревенскія замѣтки, разумѣется, должны были произвести весьма

непріятное впечатленіе: читатель только что было изобрѣлъ средній сочувствующій меньшему брату и ни къ чему необязывающій взглядъ, только что успѣлъ поусловоятся, и вдругъ, вмѣсто милыхъ «деревенскихъ домиковъ», вмѣсто славныхъ русскихъ лицъ и т. д., являются какія-то шаршавыя, карявыя, плохо пахнущія деревенскія картины, хотя не было сомнѣній, что лица у всѣхъ этихъ непоправившихся читателю людей были лица славныя, симпатичныя, хотя и сердца у нихъ были чудесныя и непосредственнаго чувства было много. Я не отрицаю ни единымъ словомъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ качествъ, а только хотѣлъ сказать, что качества эти, воспитываясь въ извѣстной школѣ, могутъ принять то или другое направленіе, что и въ домѣ Вяземскаго на Сѣнной, рождаются, и живутъ, и развиваются невинныя дѣти, но что условія, въ которыхъ находится этотъ домъ, неволью направляютъ нравственныя и умственныя силы невиннаго, симпатичнаго, талантливаго ребенка по извѣстному направленію. Люди, нападавшіе на меня, умалчивали о мѣстѣ, въ которомъ помѣщается матеріалъ, а толковали только о томъ, что матеріалъ этотъ превосходный; я же, не отрицая превосходныхъ качествъ матеріала, хотѣлъ только сказать, что именно происходитъ съ этимъ матеріаломъ, и въ какихъ условіяхъ онъ находится. Вотъ и вся разница.

Пренебрегать условіями, въ которыхъ живутъ русскіе люди, полагать, что добрыхъ качествъ русской души не могутъ измѣнить никакія внѣшнія давленія,—нѣтъ никакой возможности. Вся исторія съ Сербіей, очевидцемъ которой пришлось быть и пишущему эти строки, какъ нельзя лучше доказала, въ концѣ концовъ, что школа, въ которой воспитывается русскій человѣкъ, уже пожинаетъ плоды своихъ усилій. Разносторонность, разнообразіе природныхъ качествъ и навыковъ, которыми вообще русскій человѣкъ блисталъ предъ иностранцемъ, тѣмъ не менѣе вовсе не препятствовали тому, чтобы изъ самаго широкаго, свободнаго, обставленнаго всевозможными удобствами проявленія этого разнообразія, не получился бы въ результатъ такой скучный ноль, какой получился. Въ русскомъ человѣкѣ есть все, только онъ самъ не знаетъ что именно ему-то самому нужно, и отъ этого онъ способенъ исполнять рѣшительно все...

Въ виду огромнаго значенія, которое имѣетъ система воспитанія; въ виду уже получившихся результатовъ этого воспитанія, нельзя было не обратить на нее вниманія и при изученіи деревни. Ошибка моя состояла въ томъ, что я въ моихъ замѣткахъ показывалъ большею частію только результаты; вотъ мужъ, продающій жену, вотъ человѣкъ, желающій только набить карманъ — а зачѣмъ набить—разберемся послѣ и т. д. Читатель, также не обращающій вниманія на систему воспитанія и

принесенные ею плоды, не могъ быть доволенъ этими невеселыми картинами, увлекаясь славными лицами и непосредственными чувствами. Между тѣмъ, зная педагогическія условія, въ которыхъ находятся эти непосредственныя чувства, а, главное, зная, что въ деревнѣ не только нѣтъ даже тѣни чего нибудь равносильнаго этимъ условіямъ въ смыслѣ отпора, читатель, можетъ быть, не такъ бы негодовалъ на непривлекательныя поступки нѣкоторыхъ деревенскихъ обывателей, и, пожалуй, разглядѣлъ бы, что и у мужа, продающаго жену, тоже одно изъ славныхъ русскихъ лицъ. Недавно вотъ было напечатано въ газетахъ, что арендаторъ одной мельницы подговорилъ своихъ рабочихъ убить (докончить) съ хозяиномъ, у котораго онъ эту мельницу арендовалъ. Чтобы склонить рабочихъ на свою сторону, онъ далъ имъ на пропой по четвертаку и общалъ 25 р., когда дѣло будетъ кончено. Дѣло было кончено успѣшно въ ту же ночь, и я покорно прошу объяснить мнѣ, какую именно роль въ этомъ чарующемъ значеніи четвертака играетъ незначительность надѣла, обиліе налоговъ, или недовѣки и т. д., и т. д. Нетрудно видѣть, что принять грѣхъ на душу и за двадцать пять рублей не было никакого резону, потому что эти двадцать пять рублей вовсе не такія деньги, чтобы въ нихъ можно купить земли, уплатить подать, словомъ, «поправиться». Словомъ, никакими корыстными, экономическими, даже политическими соображеніями объяснить такое явленіе невозможно, если не обращать вниманія на педагогическія условія русскаго народа. Признаемся, не трудно догадаться, что ребята, которые услужили г. арендатору за четвертакъ—суть именно тѣ же самыя славныя лица, которыя съ такой заботливостью укутывали ноги господину проѣзжающему. Непосредственное чувство играетъ въ обоихъ случаяхъ одинаковую роль, подчиняясь въ первомъ случаѣ состраданію къ промокшему проѣзжему и желанію разсѣять скуку, а въ другомъ желанію—не убить, нѣтъ, Боже сохрани—а просто желанію выпить... Хозяинъ, очевидно, зналъ моментъ, когда завелъ рѣчь о четвертакѣ—и, благодаря водкѣ, все это какимъ-то образомъ и произошло.

И такъ, въ какихъ же собственно педагогическихъ условіяхъ находится въ настоящее время деревенскій житель и, главнымъ образомъ, молодое деревенское поколѣніе? Сравнивая прошлое съ настоящимъ, съ увѣренностію можно сказать, что хрѣстостное право, несмотря на всю свою незаконность, имѣло передъ теперешнимъ полноправіемъ одно несомнѣнное преимущество, именно искренность этой незаконности. «Что хочу, то дѣлаю» и «ты мнѣ подвержешь»—эти два положенія, управлявшія русскою деревнею, были до такой степени всѣмъ деревенскимъ жителямъ лично-беззаконны, что рѣшительно не было никакой надобности

заподозривать въ отношеніяхъ къ помѣщику какой нибудь подвохъ. Дѣло было совершенно ясное; оставалось только изучать владѣльца, изучать его повадки, прихоти, привычки... Хоть и не всегда помѣщикъ представлялъ собою предметъ, достойный изученія, тѣмъ не менѣе, крестьянской мысли была работа, было о чемъ подумать, а, главное, была нѣкоторая мірская связь въ виду одинаково надъ всѣми стоящаго беззаконія; благодаря этой мірской связи, одинаковость условій могла иной разъ даже крѣпко сплочивать крестьянскую среду, могла сосредоточивать деревню на какомъ-нибудь намѣреніи, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что норадки были безобразныя, но безобразіе ихъ было явно, просто, безхитростно. Теперь не то. Теперь деревенскій житель опутанъ какими-то туманомъ, сбивающимъ неопытнаго человѣка съ толку и пути. Теперь деревенскаго человѣка увѣряютъ, что онъ также свободенъ, какъ и помѣщикъ, говорятъ ему, что онъ самъ управляется съ своими деревенскими дѣлами, словомъ, какъ будто поднимають его изъ ничтожества, и какъ бы даже желаютъ, чтобы онъ не слишкомъ робѣлъ, всталъ бы на ноги, оправился... А между тѣмъ, во всѣхъ этихъ, повидному, самыхъ гуманныхъ, заботахъ, одновременно съ ними, переплетая ихъ тонкою, но цѣпкою нитью, таятся какая-то нескончаемая фальшь и даже лицемеріе. Деревню, напримѣръ, увѣряютъ, что въ своихъ личныхъ дѣлахъ она такой же хозяйниъ, какъ и помѣщикъ— и точно, деревня является самостоятельной единицей, когда платитъ повинности; но вотъ помѣщикъ поѣхалъ въ городъ, заложилъ имѣніе въ банкѣ, привезъ деньги, прикупилъ земли—а попробуй сдѣлать ту же операцію деревня, ей не повѣрятъ денегъ такъ, какъ повѣрили помѣщику... Крестьянскій міръ увѣряютъ въ томъ, что онъ самоуправляется, что въ его домашнихъ дѣлахъ никто ему не помѣха, а, между тѣмъ, сельскаго старосту—о значеніи котораго для деревни читатель можетъ судить изъ разсказа объ Иванѣ Васильевѣ—можетъ смѣнить непремѣнный членъ, то есть человѣкъ совершенно міру посторонній, ничего въ деревнѣ не знающій и непонимающій. Деревню убѣждаютъ заводить ссудныя товарищества, дають ей денегъ, говорятъ, что это ее облегчить, поможетъ, и т. д. И съ виду какъ будто бы оно такъ и есть—а попробуйте какъ слѣдуетъ изучить уставъ, который составляется не въ деревнѣ, и вы рѣшительно будете не въ состояніи рѣшить вопроса о томъ, напримѣръ, въ какихъ размѣрахъ надо выдавать ссуду: въ одномъ мѣстѣ сказано, что можно выдавать въ три раза противъ суммы внесеннаго пая, и узнавъ объ этомъ членъ товарищества говорить: — «Вотъ это ловко! хорошо! отъ этого польза будетъ!» А тутъ же рядомъ весьма категорически объявляется, что можно выдавать только треть, то есть на три внесенныхъ рубля, какъ будто можно выдать и де-

вать рублей, и въ тоже время нельзя дать больше четырехъ... Въ первомъ случаѣ, крестьянинъ радъ платить по копейкѣ съ рубля — онъ получаетъ кромѣ своихъ трехъ еще шесть рублей лишнихъ, а во второмъ, ему кромѣ своихъ трехъ приходится получить только одинъ рубль лишнихъ денегъ, а платить надо и за свои же собственные деньги три копейки, то есть дѣлать нѣчто невозможное: платить проценты за собственные свои деньги!...

Вотъ такою-то гуманностью проникнута вся почти современная педагогическая система деревни. Съ великимъ трудомъ, путаясь въ этихъ правахъ, натываясь на плетни, преграждающіе путь къ этимъ правамъ, спотыкаясь и недоумѣвая на каждомъ шагу, деревенскій житель, стремящійся доподлинно узнать, въ чемъ же дѣло, что ему можно и что нельзя, встрѣчаетъ сухой, мертвый взглядъ педагога, вмѣсто ожидаемой, но сладости рѣчи, симпатичной доброй физиономіи.

Человѣка десять недѣль бьетъ лихорадка; у него нѣтъ денегъ, чтобы съѣздить въ городъ взять лекарства. Хоть есть въ деревнѣ богатъ, который даетъ ему, разумеется, за громадине проценты, денегъ, чтобы вылечиться, поправиться, но крестьянинъ не возьметъ денегъ на свое лечение; а вотъ на подати — возьметъ, за какой угодно процентъ. Можно кончить виномъ на мирской сходкѣ какія угодно личныя крестьянскія дѣла, недоразумѣнія, даже преступленія, но преступленія противъ педагогическихъ требованій — нельзя.

Настойчивость, неуклонность, съ которыми предъявляются деревнѣ эти требованія, сдѣлали то, что, наполнивъ собою современные крестьянскія учрежденія, они уже значительно измѣнили и тѣ порядки, которые созданы были когда-то самою деревней. Такъ, восхищаясь общиннымъ землевладѣніемъ, этою удивительною точностію, достигающею аптекарскаго совершенства при дѣлехъ общественнаго имущества — нельзя оставлять безъ вниманія тѣхъ измѣненій первоначальнаго идеала, которыя произошли вслѣдствіе преобладанія въ крестьянскихъ понятіяхъ важности не просто людскихъ, своихъ интересовъ, а интересовъ совершенно постороннихъ. На справедливости, обнаруживаемой деревнею въ распредѣленіи общественнаго имущества, нельзя уже строить особенно плѣнительныхъ фантазій насчетъ справедливости деревни вообще къ человѣку, нельзя уже увѣрять себя, что у насъ «всякій» равенъ «всякому», такъ какъ слово *душа*, фигурирующая въ общинныхъ дѣлежахъ, имѣетъ уже особенный, установленный педагогической системою смыслъ и вовсе не означаетъ души и человѣка, обладающаго ею вообще. Вѣдь вотъ Оедюшва оказался неимѣющимъ души. Ни въ водахъ, ни въ лѣсахъ, ни въ поляхъ, составляющихъ общественное имущество, ему не принадлежало ни сучка, ни рыбки, ни лоскута земли.

Да и не одна Федюшка, безродный и сирота, не имѣетъ права считаться душою. Самое дѣленіе семьи на ѣдковъ (въ иныхъ мѣстахъ на вопросъ: сколько у тебя человѣкъ семьи, отвѣчаютъ: — Да *ложеть* съ восемь, али, пожалуй, съ девять наберется), работниковъ и душъ, дѣлимое, принятое во всѣхъ вопросахъ, касающихся общественнаго имущества, указываетъ ужь, что душа имѣетъ въ деревенскихъ порядкахъ не подлинное, а искусственное значеніе. Шестъ человѣкъ семьи, при одномъ работникѣ, имѣютъ двѣ платёжныя души—это значитъ, что изъ шести человѣкъ только двое вкушаютъ прелести передѣловъ, а четверо сидятъ на шеѣ двонхъ. Или: старуха съ дочерью и внучкой—эти три существа, не имѣя работника, не могутъ ужь считаться въ числѣ душъ, и такимъ образомъ всѣ трое не участвуютъ ни въ лѣсахъ, ни въ водахъ, ни въ земляхъ, а мерзнутъ отъ холода, и побираются христовымъ именемъ. Умри въ семьѣ, при шести человѣкахъ, работникъ, какъ представитель «души»—и всѣ шесть человѣкъ дѣлаются бездушными. Такимъ образомъ, выходитъ, что если въ той или другой деревнѣ считается, положимъ, пятьдесятъ душъ, то это не значитъ, чтобы и было дѣйствительно пятьдесятъ; пятьдесятъ—это патентованныя, въ дѣйствительности же деревни навѣрное имѣетъ подлинныхъ человѣческихъ душъ втрое большее количество, которое, однако, не пользуется общинными благами.

Теперь прошу представить себѣ положеніе деревенскаго человѣка, который понялъ порядки, среди которыхъ онъ живетъ. Непочувствуетъ-ли онъ себя одинокимъ въ этой общинѣ и не мелькнетъ-ли у него мысль уйти отъ сюда, туда, гдѣ полегче, гдѣ понятнѣе и посправедливѣе? Представьте себѣ къ тому же, что человѣкъ, сообразившій педагогическую механику, на столько еще не деревенѣль, что жалѣетъ, положимъ, своего ребенка, не хочетъ, чтобы тотъ умеръ какъ нибудь случайно, «горлушникомъ», какъ умираютъ на его глазахъ сотни дѣтей ежегодно, не хочетъ, чтобы его, такого милаго мальчика, колотилъ палкой какой нибудь фельдфебель, чтобы его съѣлъ этотъ міръ за баловство, за неплатежъ повинностей—и вотъ является желаніе добиться денегъ, нажиться, и уйти. Уйти изъ этихъ условій необходимо, потому что сдѣлать мірской вопросъ изъ этихъ погибающихъ дѣтей, изъ этихъ сѣченій изъ этихъ фельдфебелей—нѣтъ никакой возможности. Таквихъ вопросовъ деревенскій міръ не касается, всякій подавленъ имъ въ одиночку и уже утратилъ вѣру въ то, чтобы вопросы эти могли когда нибудь быть достойными общественнаго вниманія. И вотъ, желаніе выйти, порождаетъ желаніе добиться средствъ, и въ человѣкѣ талантливомъ, даже сердечномъ, который понялъ свое собственное положеніе—начинаетъ зарождаться кулакъ, сначала

во имя полного нравственного одиночества, а потому, современемъ, и ужъ просто во имя наживы. Тамъ гдѣ—какъ говорится—«не зачѣ вѣзаться», можно продать барину и жену—лишь-бы выбраться на божій свѣтъ; тамъ же, гдѣ хороша земля, гдѣ природа не обидѣла человѣка, умный деревенскій человѣкъ выбивается въ люди и не покидает деревни. Такъ какъ особенно строгой нравственности система отъ деревенскаго человѣка не требуетъ, то безцеремонность въ средствахъ людей, не желающихъ оставаться въ дуракахъ, доходитъ до поразительнѣйшихъ размѣровъ.

Образованіе этого класса людей, этой аристократіи современной деревни, дѣлаетъ положеніе простаго мужика еще болѣе труднымъ, и еще болѣе суживаетъ размѣры его мысли. На ряду съ трудомъ, для удовлетворенія постороннихъ интересовъ, онъ не меньше трудится и на аристократію деревенскую; благодаря этой аристократіи, несовершенныя формы современнаго общиннаго землевладѣнія нѣмнѣются еще болѣе. Вы видѣли, что дѣлежъ земли и безъ аристократіи довольно неудовлетворителенъ; аристократія дѣлаетъ то, что многія изъ признанныхъ за души души принуждены уступить свои владѣнія богатѣямъ, причѣмъ иной властвуетъ надѣлами пяти-шести человѣкъ. Судите же теперь, много ли настоящихъ хозяевъ въ деревнѣ, если исключить изъ общаго числа живыхъ деревенскихъ людей все, что не имѣетъ и по закону права пользованія землею, и вообще, если вспомнить все, что по поводу этого было сказано выше.

Значительное большинство крестьянскаго населенія, благодаря вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, все болѣе и болѣе теряетъ между собою свою мірскую связь, такъ какъ все болѣе и болѣе чувствуетъ трудность личнаго своего положенія. Дѣлежъ двухъ сотъ рублей, взятыхъ съ кабатчика, между душами (конечно, только законными) лучше всего доказываетъ, до какой степени вымерла мысль о дружномъ общественномъ хозяйствѣ и вниманіи: у всякаго много своихъ заботъ и всякому нужны свои два цѣлевыхъ, тогда какъ тѣ же двѣсти рублей дали бы міру около двухсотъ же десятинъ земли (въ сосѣдствѣ, въ удѣльномъ вѣдомствѣ, сдаются земли въ аренду по 1 р. 1—25 за десятину) и десять десятинъ дровагого и издѣльнаго лѣса. Каждый видитъ, что надежда только на себя и, сообразно съ этимъ, живетъ вс-дня въ день. Интересуясь двумя рублями, потому что они попадаютъ ему прямо въ руки, онъ вовсе не интересуется своими собственными сотнями и тысячами, которые растрачиваются разными старшинами и писарями, не интересуются потому, что все равно изъ этихъ денегъ никому не достанется ни копейки.!

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРИНЦИПЫ ЗЕМСКАГО ОБЛОЖЕНІЯ.

(Съ береговъ Волги).

Одинъ юный землевладѣлецъ изъ числа моихъ пріятелей прочелъ гдѣ-то, кажется, у Рау, что демократическій податной типъ составляетъ подать съ капитала, подать, которая облагаетъ цѣнное, поглощающее капиталъ имущество, не обращая вниманія на то, приносить ли оно доходъ или служитъ для роскошнаго употребленія, въ родѣ дворцовъ, теплицъ, парковъ, и требуетъ однихъ издержекъ. Послѣ этого, получивъ окладной листъ, онъ съ восторгомъ и торжествомъ показывалъ мнѣ сдѣланную на немъ надпись: «окладъ составляетъ столько-то рублей съ тысячи» — «Смотрите, говорилъ онъ:—наше земство демократическое облагаетъ капиталъ.» — «А какимъ образомъ произведена оцѣнка?» — спросилъ я. — «Оцѣнка у насъ самая справедливая», отвѣчалъ онъ увѣренно. Однакоже, несмотря на свою увѣренность, онъ ея основанія все-таки не зналъ. Спрашивайте направо и налево, отовсюду вы получите отвѣты нерѣшительные, а къ компетентнымъ источникамъ я вамъ совѣтую лучше не обращаться, если вы не желаете попасть въ еще худшее положеніе, т. е. получить отвѣты сбивчивые. Земскіе воротила менѣе всего любятъ распространяться объ этомъ предметѣ. Изъ окладныхъ листовъ вы, напримѣръ, убѣждаетесь, что патріархальный способъ обложенія по числу десятинъ уже оставленъ: оставленъ онъ потому, что при этомъ одинаковымъ сборомъ приходилось облагать земли, которыхъ доходъ относился какъ одинъ къ двадцати пяти и т. п.; но чѣмъ онъ замѣненъ остается въ туманѣ неизвѣстности. Стоитъ сдѣлать первую попытку вникнуть въ дѣло, чтобы понять безъ всякаго труда причину, по которой туманъ этотъ охраняется отъ дерзостныхъ начинаній разгоняющаго его луча. Сравните на удачу нѣсколько окладныхъ листовъ съ земель, которыхъ доходъ вамъ извѣстенъ, и вы тотчасъ убѣдитесь, что меж-

ду числомъ десятинъ этихъ участковъ и наложенными на нихъ сборами нѣтъ никакой пропорціональности, точно также, какъ нѣтъ никакой пропорціональности и между этими сборами и доходами съ земель. Сплошь и рядомъ земля, которая и по пространству своему обширнѣе и по относительному достоинству и дѣйствительной относительной доходности своей гораздо значительнѣе, обложена, однакоже, меньшимъ сборомъ, чѣмъ ея злополучная сосѣдка, насчитывающая меньшее число десятинъ и обладающая худшей, бездоходной почвой. И надобно удивляться тому искуству, съ которымъ земскіе воротила умѣютъ условонять безпрерывныя и надобливныя сомнѣнія плательщиковъ. Ясно, что это искусство было бы невозможнымъ, еслибы не было спасительнаго туманцу и все-таки, несмотря на благодѣтельный мракъ, все болѣе распространяется убѣжденіе, что земское обложеніе сквозь несправедливо. Вотъ почему приведеніе въ извѣстность истинной доходности имуществъ стало составлять теперь насущнѣйшую потребность земствъ. Потребность эта живо ощущается плательщиками и еще живѣе распорядителями. При настоящихъ условіяхъ, хотя сколько-нибудь справедливое обложеніе для нихъ безусловно невозможно и эта невозможность ставить ихъ въ самое фальшивое и несносное положеніе. Насъ такъ воспитывали, что мы съ малыхъ лѣтъ привыкли вѣрить какому-то всевѣденію и всемогуществу начальства; начиная отъ самаго начальства насъ со всѣхъ сторонъ такъ усердно увѣряли въ этомъ, что это убѣжденіе сдѣлалось въ насъ инстинктивнымъ. Но именно поэтому мы привыкли во всякой несправедливости начальствующихъ и распорядяющихся видѣть не независація обстоятельства и не ошибку, а умыселъ, эгоистичное и корыстное намѣреніе. Вотъ почему для чиновника очень трудно избѣжать подозрѣнія во взяточничествѣ и умышленномъ потворствѣ сильнымъ, а для земскаго дѣятеля это почти невозможно: побужденные на выборахъ пользуются инстинктивной подозрительностью общества самымъ безцеремоннымъ образомъ, какъ лучшимъ своимъ орудіемъ. Сравните два участка, обложеніе которыхъ для земцевъ болѣе безразлично, и вы легко убѣдитесь, что равномерности въ немъ нѣтъ, но вы также скоро поймете, какъ безплодно доказывать обиженной сторонѣ, что эта неравномѣрность произошла безъ вины и въ особенности безъ умысла распорядителей. Вы будете побиты позорнѣйшимъ образомъ; мы такъ долго упражнялись въ искусствѣ подозрѣвать, что обладаемъ въ этихъ случаяхъ цѣлымъ арсеналомъ неотразимыхъ аргументовъ. Живость, съ которой ощущалась земствами потребность въ опѣнкѣ земель, вызвала рядъ попытокъ, но мы ихъ разбирать не будемъ; разборъ этотъ, чтобы быть сколько-нибудь основательнымъ, потребовалъ бы цѣлой книги, непотѣрно длинной и скучной; мы рассмотримъ только одинъ изъ новѣйшихъ плановъ, планъ костромскаго земства, утвержденный 20 іюня 1878 года. Причина, по которой мы избираемъ именно этотъ планъ, заключается въ той

обстановкѣ, среди которой онъ возникъ ¹. Составители его не теоретики, а чистые практики; ихъ дѣль заключалась не въ томъ, чтобы создать что-нибудь поражающее и необыкновенное, а въ томъ, чтобы непременно и основательно удовлетворить потребности, которую они вполне правильно считали настолько насущною и безотлагательною, что не признавали возможнымъ ризковать на производство экспериментовъ, на практикѣ вовсе не применимыхъ. Поэтому они не только не пускались въ изобрѣтеніе собственной своей теоретической идеи, но даже не считали возможнымъ руководствоваться заграничнымъ опытомъ, которой очень легко могъ оказаться неприменимымъ у насъ. Они пошли далѣе, они оставили въ сторонѣ опытъ нашихъ отечественныхъ кадастрацій, потому что и этотъ опытъ былъ проведенъ среди иныхъ обстоятельствъ. Единственнымъ руководителемъ своимъ они признали фактической опытъ земствъ. Планы, встрѣтившіе сопротивленіе, оказавшіеся неудачными, они отвергли, и выбрали все то, что по опыту оказалось наиболее легко осуществимымъ. Это-то и драгоцѣнно для насъ; мы имѣемъ передъ собою такой планъ, который съ наибольшей легкостью способенъ прозябать въ земской атмосферѣ; онъ характеризуетъ эту атмосферу, онъ показываетъ, что она есть и къ чему она способна, какое направленіе она дастъ общественной жизни при естественномъ и свободномъ своемъ развитіи. Къ несчастью, мы не можемъ похвалиться намѣреніемъ пѣтъ хвалебный гимнь плану костромской земской управы; но наши порицанія отнюдь не слѣдуетъ относить къ членамъ этой управы. Обсудивъ дѣло зрѣло, всякій долженъ будетъ убѣдиться, что они поступали такъ, какъ того требовали обстоятельства, и сдѣлали, можетъ быть, все, что было возможно среди этихъ обстоятельствъ, поэтому то и слова наши относятся не до лицъ, а именно до этихъ обстоятельствъ. Прежде всего наше вниманіе останавливается на личномъ составѣ оцѣночныхъ комиссій; тутъ устраненъ всякій статистическій и кадастровый авторитетъ и нельзя сказать, чтобы

¹ Мы имѣемъ весьма основательныя изложенія финансовыхъ системъ Англій, Франціи, Германіи, Россіи, но существуетъ крайне ощутительный недостатокъ въ разъясненіи хозяйства штатовъ Америки, кантоновъ Швейцаріи. Почему?—Каждый штатъ и кантонъ хозяйничаетъ по своему, каждая партія, достигла власти по своему, разнообразіе большое, источники недоступны и никто не берется за это дѣло. Единственный практический приемъ заключался бы въ томъ, чтобы взять одинъ планъ и основательно разъяснить его, показавъ его отношеніе къ другимъ ему подобнымъ, путемъ нѣсколькихъ сравненій. Но это опять-таки не дѣлается потому, что подобный подробный разборъ, разборъ отдѣльнаго плана, возникшаго въ отдѣльномъ штатѣ или кантонѣ, кажется писателямъ недостойнымъ вниманія публики, и въ высшей степени интересное демократическое хозяйство остается за непрогляднымъ туманомъ. Чтобы тоже не случилось съ системою нашего земскаго обложения и рѣшили приподнять завѣсу, употребивъ въ дѣло единственный практический приемъ, т. е. подробный разборъ одного плана.

это устраненіе было случайное; оно прямой плод земскаго опыта. Статистикамъ не повезло въ земскихъ собраніяхъ, въ результатахъ ихъ работъ выходили однѣ смуты и неурядицы. Почему? Я зналъ въ Сибири близко одно обширное коммерческое предпріятіе, которое включало въ себѣ золотныя промыслы, винокуренные заводы, казенныя поставки и пр. Въ то время, когда всѣ подобныя предпріятія тамъ лопались, оно одно держалось съ удовольствіемъ своихъ компаньоновъ. Во главѣ его стоялъ хорошій хозяинъ, исполнителями были ловкіе прикащики, однимъ словомъ, въ немъ было все, кромѣ хорошихъ бухгалтеровъ. Есть положенія, которыя не выносятъ математики, для которыхъ точность цифры гибель; она дѣлается немедленно источникомъ разлада и неудовольствія, а потому она и стирается рукавомъ вездѣ, гдѣ ея усмотрать. Уже первый штрихъ плана носить на себѣ весьма характеристическій отпечатокъ приемовъ земско-административной ловкости. Въ докладѣ управы говорится: «Просматривая списокъ *крупныхъ землевладѣльцевъ*», мы обращались къ тѣмъ, которые, по нашему мнѣнію, могли бы такъ или иначе принять участіе въ рѣшеніи этого важнаго для обѣихъ сторонъ (земства и землевладѣльцевъ) вопроса, но, къ сожалѣнію, не получили никакихъ отвѣтовъ. Почтили управу своимъ согласіемъ на предложеніе участвовать въ мѣстныхъ комиссіяхъ *между прочимъ* слѣдующія лица, которыхъ мы думали бы раздѣлить на двѣ мѣстныя комиссіи». Затѣмъ въ концѣ названы лица, назначенныя членами комиссій. Почему же приглашались одни *крупные* землевладѣльцы, развѣ мелкіе не заинтересованы въ дѣлѣ, почему земство противуполагается землевладѣльцамъ, развѣ они не одинаково заинтересованы въ правильномъ распредѣленіи сборовъ? Загляните въ списокъ гласныхъ и кончикъ завѣсы подыметъ передъ вами, крупные—большинство, мелкіе—меньшинство¹. Но хотя гласные отъ мелкихъ—меньшинство, за то же сами мелкіе составляютъ громадное большинство; чего добраго, они могли бы возопіать, а потому земство противуполагается землевладѣльцамъ. Не думайте же, что крупные землевладѣльцы распоряжаются тутъ какъ хотятъ, надъ ними есть начальство—земство, управа. Это начальство и позаботится о томъ, чтобы никто не остался въ обидѣ. Тутъ же представляется и доказательство авторитетности этого начальства. «Вотъ какова она, наша управа-то, подумаетъ мелкій землевладѣлецъ:—назначила членовъ комиссій, да и все тутъ. Была бы это палата какаянибудь, ей бы небось пришлось трехъ кандидатовъ на каждое мѣсто по начальству представить. Начальство кандидатовъ этихъ и не знаетъ и има въ первый разъ слышать, а все-таки своей волей сдѣлать не смѣй, а наши гласные этихъ другихъ, которые просились, вѣроятно, и вдоль и поперекъ знаютъ, а сужденія имѣть имъ не полагается: сказано тебѣ, «между

¹ Въ костромскомъ уѣздномъ собраніи гласныхъ отъ землевладѣльцевъ 25, а отъ сельскихъ общинъ 15.

прочимъ-де и другіе желали» — ну и довольствуйся, управа и безъ тебя знаетъ, кого слѣдуетъ назначить. Сильна, вотъ оно что, а сильна, значить, справедлива». Читатель жестоко ошибется, если подумаетъ, что положеніе, принятое управой, есть плодъ честолюбивыхъ замысловъ ея членовъ; вѣрнѣе всего будетъ сказать, что оно имъ просто навязано, потому что большинство, которое въ сущности есть меньшинство, только при томъ условіи и можетъ вести свои дѣла успѣшно, если оно сотретъ съ земства характеръ самоуправленія и придастъ его органамъ силу независимой бюрократіи, которой всѣ повинуются болѣе или менѣе безмолвно. Земству стѣдуетъ поставить дѣло на точку истиннаго самоуправленія, и заявить избирателямъ, что не управа, а они управляютъ, и меньшинство, которое въ сущности есть громадное большинство, будетъ по каждому случаю поднимать такой гвалтъ, что никакой порядокъ и никакое распоряженіе не будутъ возможны. Дѣла земскія могутъ идти только такъ, какъ они идутъ, т. е. при томъ условіи, что громадное большинство избирателей въ дѣло носа своего не суитъ, а смотрятъ на земскія распоряженія точно также, какъ на дѣйствія всякаго другого начальства: наше дѣло-де исполнять, а не разсуждать. Что только такимъ образомъ дѣла могутъ идти, выяснилось очень скоро; вонечно, управляющій въ земствѣ классъ долженъ былъ принять и послѣдствія своей политики, онъ самъ долженъ былъ подчиниться, признать необходимымъ вломъ денежныя растраты, дороговизну и небрежность управленія и т. д. Каждая изъ оцѣночныхъ комиссій имѣетъ техника; одинъ изъ нихъ получаетъ даже значительное вознагражденіе — 2,400 рублей въ годъ. Прочитавъ это, землевладѣлецъ произноситъ, о! и остается вполне успокоеннымъ; теперь, значить, не то, что прежде, оцѣнка будетъ настоящая. Онъ и не подозреваетъ, что это безобиднѣйшіе и безвреднѣйшіе техники, т. е. просто землемѣры. Но за то же, какъ успокоительно звучать возлагаемыя на нихъ обязательства, составить алфавиты — *съ точнымъ означеніемъ* современныхъ владѣльцевъ, количества и качества угодій и приложить карту *съ показаніемъ почвъ утзда*. По привычкѣ вѣрить въ авторитетъ управы, землевладѣлецъ приметъ эти обязательства за гарантію, тѣмъ болѣе, что за выполненіе ихъ платятся большія деньги. Вѣдь мы глубоко убѣждены, что если что-нибудь стѣдуетъ дорого, то значить оно хорошо; поэтому намъ и не придетъ въ голову, что землемѣръ вовсе не обладаетъ тѣми знаніями, которыя необходимы для выполненія подобныхъ обязательствъ, да и въ составѣ комиссій нѣтъ ни одного члена, который бы ими обладалъ, а еслибы и нашелся такой, то ему стрѣзанъ путь къ рациональному опредѣленію почвы, потому что комиссіямъ пояснено, что свойство почвы должно быть изслѣдовано *не* путемъ химическаго анализа; поясненіе, впрочемъ, лишнее, такъ какъ въ числѣ членовъ нѣтъ ни одного химика. Зем ле

мѣры могли бы, по крайней мѣрѣ, измѣрить землю, измѣреніе безобидное, такъ какъ количество десятинъ ничего не значить, если принять въ соображеніе, что доходъ одной десятины можетъ относиться къ доходу другой, какъ 1 къ 25; но и тутъ рациональный путь отрѣзаетъ: измѣреніе устраняется, такъ какъ измѣреніе даетъ все таки ошибки. Поучитесь мудрости, господа астрономы! къ чему всѣ эти сложныя вычисленія при измѣреніи разстояній въ мировомъ пространствѣ, вѣдь всякое измѣреніе даетъ ошибку, а вы измѣряли даже и тогда, когда вы не могли точно доказать, что измѣряемое пространство не есть безконечность. Такъ какъ измѣреніе даетъ ошибки, то управа допускаетъ лишь рекогносцировку, т. е. *примѣрное измѣреніе*, да и то лишь по отношенію къ отдѣльнымъ участкамъ и не иначе, какъ по требованію комиссиі. Меня восхищаетъ мысль, что составленная такимъ образомъ почвенная карта не только окончателно зашьетъ кривливые рты безпокойныхъ землевладѣльцевъ, но и получить научный авторитетъ; наши великіе ученые будутъ ссылаться на нее, какъ будто между тѣмъ, что въ ней нарисовано и дѣйствительностію будетъ что-нибудь общее; опираясь на нее, какъ на гранитную скалу, они докажутъ безмѣрность землевладѣльческихъ аппетитовъ здѣшняго крестьянства. Принципъ такого управленія, какъ земское, это — успокоеніе, прежде всего успокоеніе, чтобы не было лишнихъ разговоровъ, безпокойства, сомнѣній, и вотъ, обезпечивъ за дѣломъ достоюжную авторитетность, ему создается и популярность. Свѣденія должны быть собираемы на мѣстахъ непосредственно отъ *самихъ* владѣльцевъ, ихъ управляющихъ и арендаторовъ, *только въ крайнихъ случаяхъ* отъ окольныхъ людей. Что можетъ быть лучше, восхищается землевладѣлецъ, я самъ себя оцѣниваю, такъ сказать, самъ какую захочу, такую и налагаю на себя подать. При поверхностномъ взглядѣ, оно, конечно, выходитъ такъ, но вѣдь этого только и нужно достигнуть, тутъ все рассчитано на поверхностный взглядъ съ одной стороны и на подавляющій авторитетъ — съ другой. Землевладѣлецъ успокоенъ, а затѣмъ дѣло ставится такъ, чтобы оно было въ рукахъ своихъ распорядителей, чтобы его можно было повернуть, какъ того требуютъ обстоятельства. Обстоятельства же эти составляютъ настоящее положеніе земства. Уѣздное земство выбирается по сословіямъ, съ преобладаніемъ дворянства, губернское уже чисто дворянское ¹. Такія учрежденія во времена оны повсемѣстно существовали въ западной Европѣ и въ позднѣйшее время повсемѣстно уничтожались, какъ несоотвѣтствующія духу времени. Наша интеллигенція воспитывается въ за-

¹ На губернское земское собраніе можно полагать 5% крестьянъ, остальное почти все одни дворяне и крупныя землевладѣльцы, исключеніе составляютъ немногія губерніи, въ родѣ Вятской, гдѣ землевладѣльческій элементъ слабъ.

падно-европейскихъ идеяхъ и до такой степени пропитывается ими, что она должна была съ перваго раза взглянуть на земство глазами западно-европейцевъ и не могла смотрѣть иначе; мѣрля западно-европейской мѣркой, это учрежденіе съ перваго же разу представилось ей учрежденіемъ устарѣлымъ; въ немъ видѣли орудіе власти, средство получить теплыя мѣста. И дѣйствительно, самое учрежденіе земства еще не создало земскаго самоуправленія. но послѣднее могло изъ него возникнуть. Возникновеніе это было, однакоже, возможно не иначе, какъ послѣ возникновенія *мѣстной* прессы. Если я получилъ право избирать какаго-нибудь дѣятеля, напримѣръ, гласнаго, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что мнѣ дано въ руки самоуправленіе; мнѣ дана только возможность приобрѣсти самоуправленіе; для того, чтобы эта возможность превратилась въ дѣйствительность, необходимы еще другія наисущественнѣйшія исполненія. Чтобы я управлялъ самъ своими земскими дѣлами, я долженъ прежде всего знать положеніе этихъ дѣлъ, затѣмъ предлагающіе себя въ избранію кандидаты должны заявить мнѣ обстоятельно, какъ они отнесутся къ этому положенію; наконецъ, я долженъ знать, что дѣлаетъ мой избранникъ въ земствѣ, какъ онъ выполняетъ предложенную имъ мнѣ программу. я долженъ не только знать, но обсуждать. Все это требуетъ прежде всего *провинціальной* прессы, а у насъ пока никакой провинціальной прессы, обсуждающей земскія и общественныя дѣла, не существуетъ; у насъ все сосредоточено въ столичной прессѣ, а въ эту прессу могутъ попасть только крупныя земскіе скандалы и вообще такія вещи, которыя извѣстны избирателямъ значительно ранѣе, чѣмъ онѣ попадутъ въ печать, а потому столичная пресса не можетъ имѣть никакого значенія въ дѣлѣ превращенія земства въ самоуправленіе. Только одна мѣстная печать можетъ обсуждать все, что говорится и дѣлается въ земствѣ, городскомъ и общественномъ управленіи и обрисовывать дѣятельность каждаго гласнаго и выборнаго; вся масса избирателей должна заниматься чтеніемъ и обсужденіемъ этой прессы по существу прежде, чѣмъ можно говорить о самоуправленіи. Затѣмъ, самое избраніе должно производиться правильно организованными партіями, которыя бы приступали къ избранію не иначе, какъ согласившись на счетъ того, что должно быть сдѣлано въ предстоящій избирательный періодъ и выставить кандидатовъ наиболѣе способныхъ провести въ жизнь то, на чемъ сошлись избиратели партій. Такъ какъ вскорѣ послѣ возникновенія земства, пресса и гласность по земскимъ дѣламъ были ограничены, вмѣсто того, чтобы расширяться, то о возникновеніи земскаго самоуправленія не могло быть и рѣчи. Именно поэтому и выборы въ земствѣ сосредоточились почти исключительно на богатыхъ людяхъ. Тамъ гдѣ существуетъ дѣйствительное самоуправленіе, кромѣ богатыхъ людей, вездѣ пользующихся извѣстностью,

известными дѣлаются еще дѣятели прессы, организаторы и проч.; но въ нашемъ земствѣ эти пути къ приобретению известности отбрасаны, а потому и избраніе сосредоточивается на однихъ сравнительно богатыхъ людяхъ изъ всѣхъ сословій, какъ на единственно имѣющихъ известность. Кроме того, при полнѣйшемъ отсутствіи у избирателей всякаго зачатка знанія того, что дѣлается ихъ гласнымъ въ земствѣ, при выборѣ этихъ лицъ не обращается никакого вниманія на ихъ направленіе, о которомъ, по большей части, даже вовсе и не спрашивается. Такимъ образомъ, земство получаетъ на практикѣ окончательно олигархическую окраску. Для того, чтобы приспособить оцѣнку къ этому характеру земства, придуманъ весьма остроумный способъ. Чего добивается планъ: хочетъ ли онъ опредѣлить дѣйствительный доходъ владѣльцевъ для того, чтобы соразмѣрить оклады съ этимъ доходомъ? Нѣтъ, напротивъ, онъ отвергаетъ способъ оцѣнки, который, по выраженію плана, былъ бы «направленъ къ опредѣленію дохода, зависящаго отъ приложенія труда къ обработкѣ поля и отъ личныхъ качествъ владѣльца», онъ требуетъ оцѣнки *объективной*¹. Понимаете ли, читатель, какъ мы искусно употребляемъ слово? Въ прямомъ своемъ смыслѣ слово *объективный* здѣсь нельзя употребить, оно употреблено совсѣмъ не у мѣста, но въ этомъ-то вся и штука, именно поэтому ему и можно придавать какой угодно смыслъ. Вы видите, что члены управы — люди, не лишеные учености, и постигли, какъ строится наука знатоками ремесла; они прекрасно знаютъ, что стоитъ только употребить ученое слово не въ настоящемъ его смыслѣ — и передъ употребившимъ открывается возможность влить сколько понадобится. Въ планѣ есть, однакоже, нѣчто, хотя съ отрицательной стороны, опредѣляющее смыслъ этого выбитаго изъ своей колеи слова: при оцѣнкѣ должно быть отстранено все зависящее отъ приложенія къ землѣ труда и отъ личныхъ качествъ владѣльца. Что можетъ быть прелестнѣе подобнаго условія для оцѣнки? Еслибы кто-нибудь сказалъ, что по отношенію къ доходу съ земли трудъ и искусство распоряжаться ею — все, а самая земля — ничто, тотъ былъ бы неизмѣримо ближе къ истинѣ, чѣмъ человекъ, сказавшій обратное, т. е. по отношенію къ доходу, земля — все, а трудъ и искусство — ничто. Въ Россіи вы видите землю, которая даетъ дохода (аренды, ренты) отъ 25 коп. до 60 рублей съ десятины²,

¹ На этотъ типъ оцѣнки слѣдуетъ потому обратить особенное вниманіе, что онъ признается господствующимъ и характеристическимъ для земства типомъ.

² Въ настоящее время есть земли, которыя даютъ 80 р. и 100 р. съ десятины аренды, если владѣлецъ знаетъ самъ, какъ пользоваться подобной землей или умѣетъ приискать такого арендатора, который способенъ получить произведеній рублей на 250; такія аренды даются не только садовниками и огородниками, но и, напримѣръ, подъ посѣвомъ льна.

если вы скажете, что только десятая доля этой разницы зависит от качества самой почвы, то вам скоро покажется, что вы сказали слишком много, потому что вы, порывшись, отыщете почву болѣе хорошаго качества, которая даетъ доходу 30 к., и болѣе плохаго, которая даетъ сорокъ рубликовъ, да еще съ хвостикомъ. Желаете вы видѣть еще болѣе поразительные примѣры, перенеситесь для сравненія въ Англiю, тамъ вы видите такую же землю, которая, однако же, даетъ не 25 коп., а отъ 25 до 300 рублей ренты. Еслибы возможно было взять изъ Англiи десятину земли, которая даетъ 50—100 руб. ренты, и помѣстить ее за шестьдесятъ верстъ отъ Костромы, то, черезъ 5 лѣтъ, она стала бы арендоваться за 2 рубля; до такой степени не земля, а люди составляютъ причину доходности. Конечно, тутъ оперируютъ два равносильные факта: производители, ихъ искусство и трудъ, и покупатели, ихъ бѣдность и богатство, т. е. бѣдность и богатство рынка. Степень богатства рынка опредѣляетъ предѣлы, т. е. минимумъ и максимумъ возможнаго близъ него искусства, а искусство обрабатывающаго опредѣляетъ доходъ и размѣръ арендной платы. Нашъ заурядный хозяинъ не могъ бы вовсе хозяйничать въ Англiи, не усовершенствовавши свои агрономическiя знанiя и, въ свою очередь, ниболѣе искусное производство немислимо у насъ, за немѣнiемъ покупателей для такихъ произведенiй. Съ своей стороны, искусный производитель платитъ за ту же землю болѣшую ренту. Развитие благосостоянiя въ странѣ, создавая лучшихъ покупателей, увеличиваетъ искусство сельскихъ производителей; общее развитiе искусства въ хозяйствѣ производитъ общее повышениe ренты и дохода. «Боже мой, какая жалкая почва», воскликнулъ я однажды.—«Я съ ней продаю на двѣсти рублей капусту», отвѣтилъ мнѣ арендаторъ земли, огородникъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, я увидалъ тотъ же клочекъ, онъ представлялъ изъ себя нѣсколько голыхъ лысинъ, засоренныхъ всякой дрянью и обросшихъ жидкой травой. Какъ-то подъ Петербургомъ, мнѣ случилось наблюдать работу англичанина, онъ воздѣлывалъ почву весьма посредственнаго качества, однако же, платилъ аренды 30 рублей за десятину и легко выручалъ эти деньги, продавая съ нея молодой картофель; восемь лѣтъ ранѣе, эта земля не давала дохода и считалась негодною. Земля—это скрипка, скрипки бываютъ и хуже, и лучше, но все-таки вся суть дѣла въ скрипачѣ, а не въ скрипкѣ. Не думайте, что у насъ это иначе. Энгельгардтъ рассказываетъ, что онъ устроилъ доходъ съ своей земли; прочитайте, что онъ о себѣ пишетъ, и вы увидите, что онъ просто только расчетливый сельскiй хозяинъ; онъ вовсе не такой искусникъ, какъ тотъ англичанинъ, о которомъ я только-что упомянулъ; что же касается до высшаго искусства, то онъ имъ совсѣмъ не обладаетъ, онъ не садовникъ и не огородникъ. У насъ имѣютъ о сельскомъ хозяйствѣ вообще самыя дикiя понятiя; у насъ воображаютъ, что англичане выбиваютъ свою среднюю семидесяти-пяти рублевую

съ десятины ренты путемъ какихъ-то искусныхъ сѣвооборотовъ надѣ рожью и пшеицей. Основной принципъ сѣвооборота одинъ — зерно (корнеплодное) и трава; чѣмъ больше травы, тѣмъ больше удобренія и возможности увеличить *нѣкоторые* урожаи. Гдѣ больше травы, чѣмъ въ иныхъ нашихъ степяхъ, гдѣ больше урожаевъ экваторіальныхъ, однако же, ни наши казаки и степные инородцы, ни американскіе гаучо и средне-африканскіе негры не дѣлаютъ земель столь же доходными, какъ въ Англіи. Не сѣвообороты увеличиваютъ доходность земель, а постоянно возрастающая, съ увеличеніемъ богатства населенія, возможность производить на землѣ все болѣе цѣнные продукты — вотъ что увеличиваетъ доходность земли. На островахъ Англіи землю можно превращать въ громадныя теплицы для искусственнаго возвращенія винограда, потому что онъ имѣетъ сбытъ въ Лондонѣ; вотъ почему эти земли считаются наиболѣе доходными даже въ Англіи. Американское и австралийское мясо, которое гораздо лучше мяса нашего навознаго скота, стоитъ въ Англіи 12 коп. фунтъ и рядомъ съ этимъ обширный сбытъ имѣетъ мѣстное мясо, которое такъ хорошо, что продается по 50 коп. фунтъ. Пшеицей Англія снабжается изъ Америки и т. д., въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ она, за малоцѣнностью, играетъ роль только дополнительнаго продукта, точно также, какъ въ нашей мелочной лавочкѣ ржаная мука и хлѣбъ продаются только между прочимъ, а настоящій доходъ получается отъ конфетъ и т. п. Этотъ способъ возвышать доходъ съ земли не высказываетъ сразу изъ ничего для такихъ странъ, какъ Англія: онъ создается постепенно вѣками и процессъ этотъ повсемѣстно идетъ своимъ ходомъ. Въ настоящее время въ Россіи, въ нашемъ Костромскомъ Уѣздѣ, на примѣръ, теперь нельзя уже вести хозяйство такъ, какъ оно велось въ былыя времена, даже крестьянинъ вынужденъ присовокупить къ своему производству болѣе цѣнные продукты; неискусный или слишкомъ бѣдный живетъ и оплачиваетъ повинности, нанимался въ работу, а свою собственную землю оставляетъ невоздѣланной. Какое значеніе уже теперь здѣсь приобрѣло искусство сравнительно съ достоинствами почвы — видно изъ того, что крестьянинъ иногда арендуетъ землю худшаго качества, а свою, лучшую, оставляетъ невоздѣланной, потому что арендованная, по его выраженію, ему болѣе съ руки; искусство разрушаетъ стародавнее понятіе о достоинствахъ почвы и беретъ надъ нимъ верхъ. Слѣдя за тѣмъ, какъ управа предполагаетъ выполнить свой планъ, такъ называемой, объективной оцѣнки, можно подумать, что ея члены никогда не выѣзжали изъ города Костромы и никогда не видали здѣшнихъ полей. Они предполагаютъ раздѣлить землю на усадебную, пашни, выгомы и т. д. Развѣ здѣсь существуетъ что-нибудь, что было бы пашней, выгономъ и т. д., независимо отъ личной дѣятельности владѣльца, т. е. по самой природѣ вещей. Гуляйте въ здѣшнихъ поляхъ и вы постоянно будете наткнаться на такіе,

которых поверхность вамъ покажетъ, что здѣсь были пашни, раздѣленные на полосы, имѣвшія межи и т. д.; теперь же здѣсь или выгонъ, или лугъ, или даже лѣсъ; въ другомъ мѣстѣ крестьянинъ вамъ покажетъ пашню и скажетъ, что тутъ еще недавно былъ выгонъ, а теперь десятина въ два года, въ видѣ арендной платы, даетъ столько же, сколько стоила ея покупка. Члены управы могли бы даже и не выѣзжая изъ Костромы убѣдиться, что здѣшній хозяинъ увеличиваетъ производительность своей земли присовокупленіемъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ. Чтобы они не замарали своихъ щегольскихъ ботинокъ въ грязи волжскихъ береговъ, я имъ предлагаю наблюдательный пунктъ съ сусанинской площади. Съ этой высоты они могутъ удобно видѣть разнокалиберныя лодки и суда, причаливающія къ берегу съ капустой, хмѣлемъ, рѣпой и т. д., а если огланутся направо, то они увидятъ склады льна, порожденные невозможностью вести здѣсь хозяйство безъ пособія болѣе цѣнныхъ продуктовъ. Вообще мысль опѣивать землю для овлада не по дѣйствительному, а по какому-то доходу, а по какому-то доходу, который она способна приносить независимо отъ личности своего владѣльца, до такой степени поразительная и странная, что она мнѣ показала просто загадочной. Разгадать эту загадку не мудрено, отвѣтилъ мнѣ одинъ мой пріятель:—имѣется въ виду облагать землевладѣльцевъ тѣмъ выше, чѣмъ они бѣднѣе, но устроить эту прогрессивную подать, идущую не снизу вверхъ, а сверху внизъ возможно только при такихъ ловкихъ оборотахъ и при томъ утонченномъ искусствѣ, какимъ обладаетъ здѣшняя управа.

Землевладѣлецъ у насъ облагается земствомъ 4-мя руб. 20 коп. съ 1,000 руб. стоимости земли. Всякій знаетъ, что у насъ очень охотно покупаются бумаги, которыя приносятъ дохода $4\frac{1}{4}\%$, если только и сохранность капитала, и доходность его несомнѣнны. Земля прочтѣе какой бы то ни было бумаги, это капиталъ неискоренимый и притомъ обладающій не только несомнѣннымъ, но постепенно возрастающимъ доходомъ; поэтому земля цѣнится такъ высоко, что будетъ не слишкомъ много, если мы скажемъ, что ея доходъ составляетъ $3\frac{1}{2}\%$, т. е. 35 руб. съ тысячи. Это въ особенности справедливо для послѣдняго времени, когда всѣ другія цѣнности такъ сильно пошатнулись и когда повсюду слышится только одинъ общій крикъ: «избави Богъ отъ компаній, избави Богъ отъ бумагъ». Отсюда ясно, что земство беретъ 12% съ дохода. Сборъ этотъ признается далеко не покрывающимъ всѣхъ нуждъ земства; утверждаютъ, что вскорѣ онъ возрастетъ до шести рублей съ тысячи и тогда онъ будетъ составлять около 17% дохода съ земли. Такое возрастаніе весьма правдоподобно; до послѣдняго времени у насъ всѣ общественныя нужды находились въ такомъ крайнемъ пренебреженіи, что общественный расходъ у насъ растетъ богатырски, не по днямъ, а по часамъ, въ то время, какъ въ Англіи государственный расходъ возросъ съ 68 на 78 м. ф., у насъ онъ возросъ съ 200

на 600 м. р., онъ росъ въ 24 раза быстрѣе. Кромѣ того, по причинѣ крайней невѣрности помѣщенія денегъ въ компаніяхъ, у насъ множество работъ, производящихся въ другихъ мѣстахъ частными лицами, должны быть производимы на общественный счетъ или съ общественной гарантіей. Земскій расходъ составляетъ приблизительно только пятидесятую часть всѣхъ общественныхъ расходовъ, включая, конечно, и государственный. Послѣ этого читателю не трудно понять, до какой степени сременительнымъ долженъ былъ бы казаться плательщикамъ налогъ въ 12% съ дохода, да еще съ видомъ на увеличение, хотя онъ удовлетворяетъ такой малой долѣ общественной нужды. <Что дѣлаетъ для насъ земство? заставляетъ насъ ѣздить по грунтовыми дорогамъ — встѣ и вся его польза>, кричатъ со всѣхъ сторонъ. Народное образованіе, важется, прямое его дѣло, а, между тѣмъ, по отчету за 1874 г., костромское земство дало на школы только 4,137 р. 6 к., а изъ другихъ источниковъ на вх. содержаніе получено 18,904 р. 9¼ к., т. е. слишкомъ втрое болѣе. Если, несмотря на все это, плательщики не волнуются и даже, повидимому, довольно кладнокровно относятся къ перспективѣ будущаго увеличенія расходовъ, то читатель догадывается, что на это должны существовать какія-нибудь вѣскія причины. Въ Костромскомъ Уѣздѣ, въ надѣлѣ у крестьянъ находится 172,581 дес. 1 685 саж., у прочихъ землевладѣльцевъ — 148,986 дес. 797 саж. Крестьяне платятъ земскихъ сборовъ 10,649 р. 69 коп., по 5 коп. съ десятины. Владѣльцы платятъ 4,566 р. 70 к., по 2 к., т. е. болѣе чѣмъ вдвое менѣе. Платежи всякаго рода костромскихъ крестьянъ, по вычисленіямъ податной комиссіи, превышаютъ доходъ отъ земли для государственныхъ крестьянъ на 146%. для бывшихъ помѣщичьихъ — на 240%, слѣдовательно, въ качествѣ землевладѣльцевъ, они вовсе не могутъ быть привлечены къ земскому обложенію. Но такъ какъ земству желательно было взять подоходную подать и съ этихъ землевладѣльцевъ, которые не только никакого дохода не получаютъ, но получаютъ значительный дефицитъ, то управою и приняты остроумный, но неслыханный и чудовищный приемъ объективной оцѣнки, который даетъ возможность облагать подоходной податью и отсутствующіе доходы и дефициты, и все, что угодно, и по безгранично-произвольной оцѣнкѣ. Если читатель сравнитъ принципъ этой, такъ называемой, объективной оцѣнки съ тѣмъ обстоятельствомъ, что государственные крестьяне получаютъ 146%, а бывшіе помѣщичьи 240% ущербу, то онъ прямо убѣдится, что люди платятъ здѣсь обратно прогрессивный налогъ, т. е. тѣмъ болѣе, чѣмъ они бѣднѣе. Въ томъ же самомъ онъ убѣдится, если сравнитъ крестьянъ съ другими землевладѣльцами. Надѣльныя земли крестьянъ недавно и точно измѣрены и, кромѣ того, управа распорядилась оцѣнивать ихъ на основаніи уставныхъ грамотъ, выкупныхъ договоровъ, владѣнныхъ записей, кадастровыхъ книгъ, между тѣмъ, какъ земли крупныхъ землевладѣльцевъ будутъ оцѣ

живаться исключительно по ихъ собственнымъ показаніямъ, такъ какъ всѣ указанныя провѣрочныя средства: планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній, купчія крѣпости и прочее, за существенно измѣнившимися обстоятельствами, не могутъ оказывать оцѣнщикамъ почти никакой помощи. Теперь для читателя будетъ понятной и та причина, по которой межеваніе земель воспрещается ради будто бы возможныхъ при этомъ ошибокъ. Когда нужно было опредѣлять платежи крестьянъ, тогда измѣреніе не оказывалось лишнимъ, но для крупныхъ землевладѣльцевъ совсѣмъ другое; они сами гораздо лучше землебра опредѣляютъ количество своихъ земель. Государственные крестьяне, при такой постановкѣ дѣла, будутъ, дѣйствительно, платить 12⁰/₀ съ чистаго дохода отъ ихъ земель, такъ какъ оцѣнка ихъ надѣловъ приблизительно вѣрна съ ихъ дѣйствительною стоимостью; тутъ будетъ упущено изъ виду только одно маленькое обстоятельство, что чистый доходъ этотъ съ излишкомъ поглощается ихъ платежами. Объективную оцѣнку защищаютъ демократическимъ обложениемъ капитала, но неужели такое сравненіе можно сдѣлать, не допустивъ крайняго пристрастія; если я часть своего капитала употреблю не на промышленное предпріятіе, а на собственное удовольствіе, неужели можно сказать, что этотъ капиталъ мнѣ ничего не даетъ? если я половину своего дома отдаю въ наймы, а другую занимаю самъ, неужели можно сказать, что эта половина мнѣ ничего не даетъ? вѣдь еслибы я пожелалъ пользоваться такими же удобствами внѣ своего дома, я долженъ былъ бы нанять это помѣщеніе и дать его владѣльцу чистый доходъ. Можно ли сравнивать такой капиталъ съ капиталомъ, котораго чистый доходъ я долженъ съ излишкомъ выплачивать другому? Дѣйствуя послѣдовательно, земство должно было бы обложить землевладѣльца за то, что онъ получаетъ аренду, а арендатора за то, что онъ ее платитъ, какъ и государственный крестьянинъ, чтобы имѣть землю, потомъ землевладѣльца за то, что онъ нанимаетъ рабочихъ, чтобы получать съ земли доходъ и т. д., пока не переполнится чаша несправедливости. У находящихся на выкупѣ крестьянъ земля оцѣнена для выкупа въ среднемъ уровнѣ вдвое дороже, чѣмъ надѣльная земля государственныхъ крестьянъ, у временнo-обязанныхъ оцѣнка дохода еще выше; есть такіе, у которыхъ она въ пять разъ выше¹. Въ Костромскомъ Уѣздѣ крестьяне одного селенія купили у своего помѣщика оставшуюся за надѣломъ землю и заплатили за десятину въ шесть разъ менѣе, чѣмъ оцѣнивается ихъ надѣльная десятинна чрезъ капитализацію оброка. И такъ, крестьянамъ этимъ придется платить значительно болѣе 12⁰/₀ съ фактивнаго дохода, который въ дѣйствительности превращается для нихъ въ подавляющій дефицитъ. Не забудьте, что временнo-

¹ Государственные крестьяне, платя менѣе, получили земли на 25⁰ болѣе и притомъ землю лучшаго качества, тогда какъ помѣщики старались спихнуть въ надѣлъ крестьянамъ то, что похуже.

обязанные платить также въ качествѣ землевладѣльцевъ; посредствомъ какого логическаго сальто-мортале, они превращены въ землевладѣльцевъ, то даже и уму непостижимо¹. Хотя изобрѣтеніе объективной оцѣнки, которая предназначена для того, чтобы сбросить значительную часть налога съ владѣльцевъ, получающихъ чистый доходъ на тѣхъ, которые его не получаютъ, должно весьма расположить крупныхъ землевладѣльцевъ къ плану земства, однако же, они все таки закричали бы караулъ, еслибы имъ пришлось дѣйствительно платить по 12% съ своего дохода. Я представляю себѣ какимъ ахиллесовскимъ гнѣвомъ разразился бы здѣшній землевладѣлецъ, получающій доходу 5,000 р., еслибы онъ, получивъ докладъ управы, увидаль, что ему придется платить земству 600 руб. въ годъ. Теперь же онъ прочтетъ докладъ управы безъ малѣйшаго волненія, потому что онъ очень хорошо видитъ, что ему нетолько не придется платить 12%, но и 3% и даже 2% съ доходу; онъ очень хорошо понимаетъ, что этотъ, повидимому, чудовищный 12% окладъ, составляетъ ничто иное, какъ звено, необходимое для созданія прикрытаго внѣшнимъ видомъ пропорциональности прогрессивнаго налога сверху внизъ, который сначала въ арифметической прогрессіи поражаетъ плательщика тѣмъ болѣе, что онъ бѣднѣе, а затѣмъ достигаетъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что даже и дефицитъ облагаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ значительнѣе.

Для того, чтобы понять, какъ маневрируетъ это орудіе среди самихъ частныхъ землевладѣльцевъ, скажемъ сначала нѣсколько словъ о томъ, изъ какихъ элементовъ они состоятъ. Ихъ можно сначала раздѣлить на двѣ категоріи: сравнительно болѣе бѣдныхъ и болѣе богатыхъ. Въ первую категорію войдутъ владѣльцы, имѣющіе около 200 или 250 десятинъ и менѣе. Сюда относятся прежде всего земли бывшихъ небогатыхъ помѣщиковъ, оставшіяся за надѣломъ и раздѣлившіяся на мелкіе клочки между ихъ наследниками. Тѣ, которыхъ родители были заботливы и дали имъ образованіе, всѣ улетѣли искать себѣ лучшей обстановки посредствомъ личнаго интеллектуальнаго труда, земли ихъ находятся въ такомъ запущеніи, далѣе котораго невозможно идти; ими награждается первый встрѣчный съемщикъ, или какая-нибудь бывшая любовница подъ именемъ экономки, или какой-нибудь любимецъ и т. п. Не лучше земли тѣхъ, которые оставляютъ ихъ за собою въ видѣ дачи, чтобы имѣть куда выѣхать на лѣто. Постоянные жители состоятъ изъ лицъ, которымъ по какому-нибудь случаю не удалось кончить образованіе или пристроиться, изъ вдовъ, лицъ, пріѣхавшихъ на покой и т. д.—у всѣхъ у нихъ хозяйство находится въ жалкомъ состояніи или по бѣдности, или по неумѣнію,

¹ Вы можете встрѣтить окладные листы на 1678 г., въ которыхъ облагается число десятинъ земли, данной въ надѣлъ и оставшейся за надѣломъ, и такіе, въ которыхъ надѣлъ временно-обязанныхъ уже исключенъ. На дѣлѣ временно-обязанные платятъ земству за свою землю сами.

или по небрежности. Общее положеніе для всѣхъ этихъ категорій такое: если обрабатывается десятая часть земли, то это еще хорошо, часто обрабатывается только двадцатая. Луговъ сравнительно много, потому что въ то время, какъ крестьяне постоянно распахиваютъ луга, подобные владѣльцы запускаютъ подъ луга всѣ пашни, которыя могутъ превратиться въ сносные луга. Есть такіе владѣльцы, у которыхъ пашень вовсе нѣтъ и все запущено подъ луга. Это потому, что земли надо обрабатывать дорого стоящимъ наймомъ или отдавать въ аренду, а арендаторъ далеко не всегда отыскивается, луга же можно скосить помочами или сдать безъ затрудненія; послалъ разъ другой за водой и луга скошены, а для уборки нанялъ бабъ по 20 копеекъ въ день и дѣло въ шляпѣ. Несмотря на это и луговъ не ахти; если они составятъ вмѣстѣ съ воздѣланными полями десятую часть земли, то и хорошо. Другое дѣло выгонъ, онъ, пожалуй, будетъ втрое больше луговъ. Корму для скота при такомъ образѣ хозяйствовать казалось бы обиліе, а скота все-таки мало, приблизительно столько, сколько у иного зажиточнаго крестьянина и притомъ скотъ навозный, самаго плохого качества; поэтому, часть выгона остается безъ всякаго употребленія, всѣ эти уголья вмѣстѣ составляютъ какую-нибудь третью часть земли, принося минимумъ дохода, къ которому они способны. Остальная двѣ трети состоятъ отчасти изъ неудобной земли, запущенной и сдѣлавшейся поэтому негодной и неудобной, а всего болѣе изъ лѣсу, который въ большинствѣ случаевъ не приноситъ ровно никакого дохода. Если набѣжить покупатель на какой-нибудь высокорослый лѣсъ, то онъ продается съ величайшимъ удовольствіемъ, но это рѣдкое исключеніе, по болѣе части лѣсъ такого качества, что онъ ни для кого не нуженъ. Иную десятину можно было бы выворчевать, но самому не подъ силу, а кому отдашь? для готовой-то десятины, охотника не найдешь, гдѣ тутъ найти охотника взять десятину подъ огнище. Подобный владѣлецъ чаще всего обходится однимъ рабочимъ семействомъ, гдѣ работникъ получаетъ 50 рублей въ годъ или около того. Другой родъ владѣльцевъ составляютъ понажившіеся крестьяне или тому подобные люди, которые скупили землю болѣе или менѣе за безцѣнокъ у тѣхъ землевладѣльцевъ, о которыхъ мы только что говорили, у тѣхъ владѣльцевъ, которые спятъ и видятъ какъ бы продать свой участокъ. Положеніе крестьянина, благодаря подавляющимъ платежамъ, сдѣлалось, наконецъ, до такой степени невыносимымъ, что многие бросаютъ жену, дѣтей, землю, все и бѣгутъ куда глаза глядятъ; многіе совсѣмъ пропадаютъ, многіе бьются кое-какъ, но оказываются и такіе, которые набьютъ деньгу. Сколотивъ съ помощію счастливыхъ случайностей тысячку или двѣ, подобный господинъ думаетъ о томъ, какъ бы бросить эту жизнь, исполненную похожденій и риска, и успокоиться. За безцѣнокъ онъ покупаетъ землю у владѣльца, жаждущаго ее сбыть во что бы то ни стало. Плѣнившись дешевой-

ной, онъ для покупки вытянулся во всю ширину своего капитала и, за уплатой прежнему собственнику, у него не осталось ничего, кромѣ долговъ. Онъ обладатель обширнаго барскаго дома, старой и неприглядной развалины, съ дренными, обширными и запущеннымъ садомъ. Онъ ласкаетъ себя тщетной надеждой, что въ городѣ отыщется охотникъ нанять ее на дѣто, а между тѣмъ, размѣщается въ отдѣльной пристройкѣ, въ кухнѣ или даже въ скотной, если его жена имѣетъ предразсудокъ противъ плиты и всѣмъ возможнымъ новѣйшимъ изобрѣтеніямъ предпочитаетъ старинную русскую печь. Остальная его земля идетъ къ практическимъ для него хозяйственнымъ соображеніямъ, точно также, какъ эта руина бывшаго величія къ соответственному для него образу жизни. Поэтому хозяйство у него идетъ не сколько не лучше, если не хуже, чѣмъ у бѣдныхъ и серомныхъ наследниковъ бывшаго гордаго дворянства. У всѣхъ этихъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ хозяйство идетъ совсѣмъ инымъ порядкомъ, чѣмъ у крестьянъ, гдѣ надѣльной влочокъ земли получаетъ наилучшее употребленіе, возможное для людей, изъ году въ годъ разоряемыхъ непосильными платежами. У крестьянъ пашни и луга составляютъ не десятую долю, а большую часть ихъ земли; для нихъ невозможно запустить ее подъ выгонъ, а не только оставить бездоходно; изъ-за выгоновъ они бьются, какъ рыба объ ледъ, и, купивъ выгонъ, они, гонимые нуждою, опять-таки его распаиваютъ. Но это обстоятельство именно и обличаетъ дальнѣйшую неравномѣрность въ распредѣленіи оклада. Размѣръ земель частныхъ владѣльцевъ остается въ туманѣ, надъ распредѣленіемъ земель и ихъ доходностью туманъ еще гуще; несомнѣнно одно, что хозяйство здѣсь менѣе производительное, чѣмъ на земляхъ крестьянскихъ. Они платятъ земству отъ 5% до 7% съ своего дохода и все таки это обложеніе по отношенію къ богатымъ землевладѣльцамъ оказывается обратно прогрессивнымъ. Я нисколько не оспариваю того факта, что земля у насъ получаетъ наилучшее употребленіе въ рукахъ крестьянскихъ обществъ, что вся земля, находящаяся въ частномъ землевладѣніи, значительно утрачиваетъ въ размѣрахъ своей производительности, а нисколько не спорю и противъ того, что даже и земля, только что описанной категоріи, исключительно тогда получаетъ наиболѣе полезное употребленіе, когда она арендуется и покупается обществами крестьянъ, а не отдѣльными лицами изъ крестьянскаго, мѣщанскаго и т. д. сословія, но я оспариваю тѣ выводы, которые дѣлаются изъ такого положенія. Изъ него вовсе не слѣдуетъ, что земство должно брать съ крестьянъ болѣе, чѣмъ съ другихъ землевладѣльцевъ, такъ какъ оффиціально приведено въ извѣстности, что весь чистый доходъ съ крестьянскихъ земель съ избыткомъ поглощается ихъ платежами и земство не имѣетъ права игнорировать этого факта, или произвольно выбирать только одинъ родъ платежей, напримѣръ, оброкъ и оставлять безъ вниманія другіе. Такъ какъ крестьяне составляютъ наиболѣе про-

изводительный и полезный изъ всёхъ родовъ землевладѣльцевъ, то отнюдь не слѣдуетъ мѣшать имъ развивать хозяйство, завести породистый скотъ вмѣсто навознаго, раззоря ихъ въ концѣ обратнo прогрессивными налогами и доводя до такого отчаянія, что они бросаютъ и землю, и семью—и бѣгутъ. Изъ этого не слѣдуетъ также, что бѣдная часть частныхъ землевладѣльцевъ должна платить обратнo прогрессивный налогъ сравнительно съ богатыми, потому что хотя ихъ земли и получаютъ не удовлетворительное употребленіе, но вѣдь это происходитъ именно потому, что они бѣдны, и все, что увеличиваетъ ихъ бѣдность, ухудшаетъ положеніе, вмѣсто того, чтобы улучшать. Намъ указываютъ на слабость протеста со стороны этихъ землевладѣльцевъ, но, виняиу въ причину этой слабости, мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ оправданіи. Крестьянинъ, купившій землю, облагается 7% съ чистаго дохода и въ восторгѣ; онъ чувствуетъ себя вполне привилегированнымъ лицомъ сравнительно съ своими собратьями. Теперь онъ платитъ за 150 или 200 десятинъ почти столько же, сколько онъ платилъ когда-то съ одного надѣла, т. е. съ 4½ десятины, и вдвое менѣе, чѣмъ онъ платилъ за весь свой пай въ общественной землѣ. Бѣдный дворянинъ находится въ иномъ настроеніи; онъ сравниваетъ себя не съ крестьянами, а съ богатыми дворянами и, хотя его налогъ равенъ только 5% его чистаго дохода, но онъ все-таки волнуется и бѣжитъ въ управу объясняться. Управа передъ его взорами проводитъ сравненія совсѣмъ иного рода, она показываетъ ему, что крестьянинъ, имѣющій такую же землю, какъ и онъ, и обложенный болѣе значительнымъ сборомъ, все-таки доволенъ; ему указываютъ на общественныя, крестьянскія земли, которыя, при справедливомъ обложеніи, ничего не должны были бы платить, а платятъ все-таки болѣе частныхъ землевладѣльцевъ, и убѣждаютъ его, что современные порядки для него все-таки наиболѣе выгодны. Онъ также начинаетъ чувствовать себя привилегированнымъ и успокаивается. У членовъ управы сваливается гора съ плечъ, она можетъ удовлетворить теперь требовательности тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, обладая участками, превышающими 250 дес., составляютъ центръ тяжести давленія на органы земскаго управленія.

Эти крупные землевладѣльцы состоятъ опять-таки изъ двухъ категорій: изъ легкомысленныхъ и раззорившихся наслѣдниковъ когда-то блестящихъ и гремѣвшихъ дворянскихъ родовъ, и изъ экономныхъ и расчетливыхъ землевладѣльцевъ, богатѣющихъ съ года на годъ, чаще всего безъ шума и блеску. Лица первой категоріи часто вовсе никакого дохода не получаютъ, они живутъ на счетъ новыхъ долговъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ крахъ и не свергнетъ ихъ въ бездну безвыходной уже нищеты. Несмотря на это, въ ихъ числѣ есть люди весьма вліятельные въ земствѣ, въ качествѣ гласныхъ и разныхъ членовъ. Несмотря на свою безумную расточительность, это часто люди самые скарденные и самые при-

жнимыя; никто не может превзойти ихъ въ искусствѣ сорвать чуждыи цѣну съ бѣднаго человѣка въ минуту нужды за хлѣбъ или сѣно. Они-то именно и повторяютъ непрестанно, что крупное землевладѣніе бездоходнѣе мелкаго и настаиваютъ на обратно прогрессивномъ окладѣ. Имъ не трудно подтверждать таковой взглядъ собственнымъ своимъ опытомъ, такъ какъ дѣйствительно ничто не можетъ быть непродовольствительнѣе ихъ безалабернаго хозяйства. Экономные и дѣйствительно богатые землевладѣльцы пользуются подъ шумокъ крикомъ ихъ раззорившихся собратьевъ. Пути, которыми достигается обратная прогрессивность въ окладѣ частныхъ землевладѣльцевъ, отличаются той же простотой и тѣмъ же невиннымъ видомъ, какъ и всѣ прочія мѣры разбираемаго нами въ своемъ родѣ геніальнаго плана. На первомъ мѣстѣ стоитъ слѣдующее правило: выгонъ полагается въ одной цѣнѣ съ пашней. Мы видѣли, что чѣмъ бѣднѣе здѣшній землевладѣлецъ, тѣмъ большій размѣръ имѣетъ у него выгонъ, такъ что у бѣднѣйшихъ онъ превышаетъ, наконецъ, втрое и болѣе обработанныя поля. Чѣмъ бѣднѣе землевладѣлецъ, тѣмъ меньше у него скота и тѣмъ меньшею частью выгона онъ пользуется и, наконецъ, тѣмъ хуже этотъ скотъ. Владѣлецъ, котораго выгонъ кормитъ ворову, дающую въ годъ 200 ведеръ молока, какъ бываетъ это у дѣйствительно богатыхъ владѣльцевъ, получаетъ отъ него, конечно, несравненно болѣе выгоды, чѣмъ владѣлецъ, имѣющій навозный скотъ. Читателю, желающему получить объ этомъ предметѣ понятіе, я посоветовалъ бы обратиться къ статьямъ Энгельгардта, напечатаннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» первой половинны 1878 г. Свое мнѣніе объ оцѣнкѣ выгона управа основываетъ на доходности скота, но вѣдь въ такомъ случаѣ слѣдуетъ оцѣнить скотъ, а не выгонъ, почему же управа предпочитаетъ оцѣнку выгона. Я полагаю, что такимъ образомъ бѣднѣйшимъ хозяйствамъ придется платить втрое болѣе, чѣмъ лучшимъ по своей обстановкѣ. Исслѣдованія земствъ Черниговской Губерніи показали, что въ лучшихъ хозяйствахъ выгонъ можетъ дѣйствительно давать такой же доходъ, какъ пашня, но въ бѣдныхъ, наоборотъ, онъ не даетъ и пятой доли. Московское земство оцѣнило лучшіе выгоны въ 110 р. десятину, а лучшія пашни въ 220 р., т. е. вѣдвое дороже; худшіе выгоны въ 22 р., худшія же пашни въ 55 руб., т. е. въ два съ половиною раза дороже; но «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній» по Московской Губерніи не соглашается съ этой оцѣнкой, онъ оцѣниваетъ лучшіе выгоны въ 75 руб. 85 к., а худшіе въ 17 р. 7.; средний доходъ съ выгоновъ 2 руб. 37 к. относится, по его вычисленію, къ среднему доходу пашень, 7 р. 16 к. какъ 1:3¹. Отсюда читатель получитъ нѣкоторое понятіе о томъ, справедливо ли сравнивать пашни съ выгономъ. Въ хорошо устроенныхъ имѣніяхъ выгонъ ничтожный, составляетъ,

¹ «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній» по Московской Губерніи, отдѣлъ хозяйственной статистики. Т. I, Москва 1877 г., стр. 91.

напримѣръ, десятую часть воздѣланныхъ земель; его замѣняетъ паровое поле или пастбище въ кустарникѣ, угодыя, которыя, по правиламъ плана, не оцѣниваются какъ выгонъ, и тамъ, гдѣ хворость не имѣетъ цѣны, должны быть отнесены въ разрядъ неудобныхъ земель. При десятипольномъ хозяйствѣ, которое составляетъ цвѣтъ хозяйственности въ здѣшнемъ уѣздѣ, выгонъ вовсе не нуженъ, потому что тутъ хлѣбъ сѣется на поляхъ только четыре раза въ десять лѣтъ, два раза сѣются кормовыя травы и четыре раза пахатное поле служить пастбищемъ.

Опытъ Западной Европы показалъ, что кадастрація земель вовсе не способна достигать своей цѣли, т. е. правильнаго опредѣленія дохода съ повсемельныхъ участковъ, на основаніи котораго можно было бы правильно распределить налогъ. Въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ достигали только того, что покупатели прибѣгали къ кадастровымъ книгамъ и между прочимъ руководствовались ими для того, чтобы составить себѣ понятіе о настоящей цѣнности покупаемой земли. Какъ скоро наступалъ подобный случай, кадастраторы гордились этимъ выше всякой мѣры; это было высшимъ для нихъ торжествомъ, потому что въ громадномъ большинствѣ случаевъ между кадастровой оцѣнкой и дѣйствительной цѣнностью и доходностью земли не было ничего общаго; покупатели не обращали на нее никакого вниманія, такъ какъ она могла только сбивать ихъ съ толку. Всякая кадастрація требовала большихъ издержекъ и потому могла быть возобновляема очень рѣдко. Для достиженія исключительнаго, приведеннаго нами блестящаго результата, земля требовала самыхъ мелочныхъ измѣреній и раздѣленія на весьма большое число отдѣловъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ разграниченій. Этимъ цѣнность кадастраціи значительно увеличивалась, такъ что приходилось еще болѣе удлиннять срокъ возобновленія, а между тѣмъ даже и въ самомъ началѣ кадастровая оцѣнка дохода и дѣйствительный доходъ владѣльцевъ въ большихъ размѣрахъ не соответствовали другъ другу, хотя оцѣнка наконецъ и дѣлалась способной служить для опредѣленія достоинствъ земли, но главная, *дѣйствительная дохода*, она все-таки не опредѣляла, а черезъ нѣсколько лѣтъ появлялась возмутительная неравномѣрность налога. Такимъ представлялось дѣло тамъ, гдѣ кадастрація производилась самымъ тщательнымъ образомъ и притомъ чиновниками, передъ которыми всѣ плательщики были равны и которые дѣлали свое дѣло, такъ сказать, машинообразно и механически; какъ скоро дѣйствовало выборное лицо или учрежденіе, то положеніе означительно ухудшалось; въ этихъ случаяхъ кадастрація являлась уже орудіемъ для обложения плательщиковъ въ тѣхъ большихъ размѣрахъ, чѣмъ меньше было ихъ вліяніе на выборахъ; если на выборахъ, какъ въ нашемъ земствѣ, имѣлъ перевѣсъ одинъ классъ, то онъ и дѣлался исходной точкой, отъ которой начиналось прогрессивное обложение въ направленіи къ наименѣе вліятельнымъ. Эта прогрессивность возрастала тѣмъ

сильнѣе, чѣмъ менѣе въ правилахъ кадастраціи было постановленій, стѣсняющихъ произволъ оцѣнщиковъ. Планы нашихъ земствъ доводятъ это отсутствіе стѣсненій почти до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Планъ костромскаго земства совершенно правъ, отвергая принятое другими дѣленіе мѣстности на разряды сообразно степени урожая ржи. Прежде всего наши свѣдѣнія объ урожаяхъ это не статистическія данныя, а ни къ чему не годныя выдумки о русскихъ урожаяхъ, наши свѣдѣнія отличаются не большей и не меньшей точностью, чѣмъ наши свѣдѣнія о населеніи Аравіи или Средней Азіи; еслибы возможна была поправка, то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что ошибка въ отношеніи къ азиатскому населенію менѣе круглая. Отвергнувъ этотъ безъ всякаго сомнѣнія негодный способъ оцѣнки, управа ухитрится избрать еще болѣе негодный; она владеть въ основаніи оцѣнки характеръ почвы и притомъ не въ томъ состояніи, въ которомъ почва эта находится въ настоящее время, а въ какомъ-то первобытномъ, докультурномъ состояніи. Поэтому она обязываетъ комиссію собирать образцы почвъ и подпочвъ, *избѣгая* удобренныхъ земель. Можно ли болѣе широко распахнуть врата безграничнаго произвола; конечно, послѣ этого между оцѣнкой и дѣйствительнымъ доходомъ съ земли не будетъ и не можетъ быть ничего общаго. Какое значеніе для оцѣнки дѣйствительнаго дохода съ земли имѣетъ первобытное, докультурное состояніе почвы? Оно можетъ сбивать съ толку и только сбивать съ толку. Вы возьмете образецъ почвы лучшаго качества и сдѣлаете на этомъ основаніи для земли самую высокую оцѣнку, а между тѣмъ окажется, что эта земля—негодное болото, не приносящее никакого дохода; для того, чтобы сдѣлать ее доходною, нужно употребить на нее такой значительный капиталъ, который не возвратитъ никакой современной культура; это приложеніе капитала можно будетъ сдѣлать только тогда, когда населеніе будетъ вчетверо гуще и богаче. Я бы посовѣтывалъ членамъ управы прочесть объ этомъ у Карен, тамъ гдѣ онъ доказываетъ, почему наиболѣе плодородныя почвы подвергаются культурѣ позднѣе бесплодныхъ ¹. Сколько существуетъ естественныхъ, независимыхъ отъ культуры вліаній, значительно измѣняющихъ плодородіе почвы при томъ же самомъ составѣ. Таже самая почва, если она составляетъ наклонную плоскость, можетъ дать въ серединѣ урожай самъ-восемь, внизу вымокнуть и невозвратить сѣмянъ, а вверху урожай самъ-третій и т. п.; обстоятельства измѣнятся, если лѣсъ будетъ внизу или вверху; изъ двухъ участковъ съ одинаковой почвой, одинъ будетъ давать средній урожай самъ-шесть,

¹ Чтобы вѣрнѣе оцѣнить этотъ фактъ, я бы посовѣтовалъ читателю походить пѣшкомъ по здѣшнимъ землямъ, тогда бы онъ замѣтилъ какими злѣзками идутъ дороги между незначительными селеніями и убѣдился бы, что обходы эти дѣлаются по причинѣ массы нигуда негодныхъ и непроходимыхъ низменныхностей, которыя, однако же, обладаютъ сравнительно лучшей почвой.

а другой самъ-другъ, потому что онъ расположенъ высоко и переполненъ камнемъ. Можно ли себѣ представить что нибудь болѣе нераціональное начальническаго предписанія разрѣшить *отнюдь не съ научной*, а съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія чисто научный вопросъ о докультурномъ состояніи почвы и притомъ для такой цѣли, для которой это не можетъ имѣть никакого значенія. Еслибы опредѣлялось не докультурное, а дѣйствительное состояніе почвы, то это было бы еще нѣсколько разумнѣе. Но и тутъ, чтобы не толковать много, я приведу цитату изъ извѣстнаго у насъ новѣйшаго изслѣдованія хозяйственнаго положенія Московскаго Уѣзда. На стр. 86 говорится: «Только поешныя почвы, составляющія относительно ничтожное количество въ Московскомъ Уѣздѣ, имѣютъ значеніе для доходности земли въ силу своихъ естественныхъ свойствъ; подмѣнить же вліяніе грунта на доходность остальныхъ земель не представляетъ никакой возможности»¹. Про плотность населенія говорится уже, что она имѣетъ «несомнѣнно важное значеніе для доходности земли», однакоже, и она не можетъ служить основаніемъ для вывода арендныхъ цѣнъ (стр. 88). Затѣмъ перечисляется рядъ важныхъ вліяющихъ условій, какъ-то: близость или отдаленность отъ Москвы, близость отъ шоссе, удобреніе, и все-таки всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ имѣютъ второстепенное значеніе сравнительно съ родомъ культуры. Въ среднемъ уровнѣ выгоны и обыкновенныя покосы арендуются за 2 р. 61 к. съ десятины, пашни за 5 р. 96 к., а огородныя земли за 41 р. 27 к.; даже въ отдаленныхъ частяхъ, гдѣ близость Москвы не вліяетъ; среднее отношеніе для первыхъ 1 р. 30 к., для вторыхъ 3 руб. 24 к., для третьихъ 24 р. 51 к. Въ свою очередь, огородныя земли, смотря по культурѣ, даютъ арендатору отъ 10 р. 66 к. до 74 р. 90 к., пашни отъ 1 р. 85 к. до 14 р., а въ отдаленныхъ волостяхъ до 6 руб. Это разнообразіе вліяній въ отдаленныхъ отъ Москвы частяхъ уѣзда тѣмъ болѣе для насъ интересно, что и тамъ, какъ въ Костромскомъ Уѣздѣ, преобладаютъ супесчанныя и суглинистыя почвы. Планъ костромскаго земства сравнительно съ другими, окажется, однакоже, скорѣе однимъ изъ лучшихъ, тѣмъ изъ худшихъ; для опредѣленія цѣнности онъ обращается хотя къ чему-нибудь дѣйствительно существующему въ природѣ; есть такія земства, которыя и этого не дѣлаютъ, они принимаютъ основанія для оцѣнки, которыя рѣшительно не изъ чего не вытекаютъ, кромѣ желанія оцѣнивать земли такъ, какъ имъ вздумается, окончательно не стѣсняясь существующимъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, Галицкое земство рѣшило оцѣнивать земли не по производительности, а по капитализаціи оброта съ крестьянскихъ надѣловъ; изъ этой капитализаціи слѣдуетъ

¹ «Оборникъ статистическихъ свѣдѣній» по Московской Губерніи, выпускъ I-й, Московскій Уѣздъ. «Статистическія свѣдѣнія» о хозяйственномъ положеніи Московскаго Уѣзда, Москва 1877 г., стр. 86.

скинуть $\frac{1}{5}$ (на какомъ основаніи $\frac{1}{5}$, а не $\frac{1}{10}$ и не $\frac{1}{2}$ и т. д.), изъ остатальной суммы взять 80% (почему 80%, а не 75%, не 20%) — полученную сумму раздѣлить на число десятинъ надѣла (какую сумму и какого надѣла?), съ полученнаго частнаго брать для опредѣленія дохода земель перваго разряда 10% (почему не 8% и не 12%?), для втораго 6%, для третьаго 2% (да почему же?). Этими путемъ десятина 1-го разряда оцѣнена была въ 25 р. 60 к., втораго въ 9 р. 60 к., третьаго въ 2 р. 13 к. Костромской губернаторъ сдѣлалъ расчетъ на этомъ же основаніи и у него цѣнность десятины перваго разряда опредѣлилась не въ 25 р. 60 а к., 51 р. 20 к.; такъ какъ онъ бралъ законную капитализацію надѣла въ 150 р., то и выяснилось, что земство брало не эту, а другую какую-то оставшуюся въ туманѣ капитализацію оброка ¹.

Ничто не подаетъ повода къ столькимъ вопиющимъ злоупотребленіямъ, какъ оцѣнка дохода для оклада въ такихъ условіяхъ, въ какихъ находятся земскія собранія, т. е. когда большинство выбирается однимъ привилегированнымъ классомъ плательщиковъ. Поэтому давно признано правило, что единственный рациональный способъ распредѣленія подобныхъ налоговъ, это распредѣленіе, сдѣланное самими плательщиками въ поголовномъ собраніи. Онъ стоитъ выше лучшей кадастраціи и неизмѣримо выше такихъ оцѣнокъ, какія дѣлаются нашими земствами. Главное его достоинство заключается не въ безукоризненной вѣрности его раскладки, а въ томъ, что тутъ дѣло вручается тѣмъ рукамъ которыя въ немъ прямо заинтересованы и до которыхъ оно прямо относится. Если человекъ предоставляетъ мою судьбу въ мое собственное распоряженіе, насколько онъ это можетъ сдѣлать, то онъ дѣлаетъ для меня все, что я по справедливости могу отъ него требовать; но если онъ самъ берется опредѣлять за меня, хотя не имѣетъ и не можетъ получить достаточныхъ данныхъ для вѣрнаго опредѣленія, то общество естественно побуждается смотрѣть на меня, какъ на его жертву, и упрекать его въ легкомысліи, пристрастіи, недобросовѣстности или чрезвѣрномъ самоиѣніи. Конечно, нѣтъ возможности собирать всѣхъ плательщиковъ въ Кострому, это напоминало бы политику Фаши въ женеvскомъ кантонѣ и подало бы поводъ къ еще большимъ злоупотребленіямъ, но и помимо этого весьма легко придумать практической образъ дѣйствія, который бы все-таки отдалъ оцѣнку и распредѣленіе налога въ руки самихъ плательщиковъ. Управа могла бы поручить комиссіямъ вмѣсто совершенно непосильной для нихъ работы: оцѣнки дохода, получаемаго каждымъ землевладѣльцемъ, оцѣнивать относительную доходность земель по различнымъ волостямъ. Тутъ не потребуется разъяснять такое множество совершенно неразъ-

¹ «Сборникъ постановленій костромскаго губернскаго земскаго собранія». Кострома, 1869 г. II постановленіе съ 12-го по 8 октября, стр. 65 и сл.

яснимыхъ частныхъ и достаточно будетъ вѣрно схватить общую характеристику волости, тутъ не нужно опредѣлять точный доходъ каждаго поземельнаго участка, а достаточно выяснить признаки сравнительнаго благосостоянія волостей. Опытъ, произведенный земствами трехъ уѣздовъ Черниговской Губерніи и статистическимъ описаніемъ Московскаго Уѣзда, доказываютъ, что возможно сносное выполненіе этой задачи. Всего важнѣе то, что при этомъ блѣднѣетъ та тѣнь подозрѣнія, которая неизмѣнно тяготеетъ надъ земскою дѣятельностію, если земство само беретъ распредѣлять налогъ между отдѣльными владѣльцами. Такъ какъ большинство выбирается однимъ классомъ землевладѣльцевъ и такъ какъ въ числѣ гласныхъ крупныя землевладѣльцы имѣютъ подавляющее превосходство надъ прочими, то естественно предполагать пристрастіе; но ни одна изъ волостей не посылаетъ большинства гласныхъ, а потому не будетъ никакого основанія подозрѣвать управу или земское собраніе въ предпочтеніи одной изъ волостей другимъ. Если губернское земство облегчаетъ себѣ распредѣленіе предоставленнаго ему губернскаго и государственнаго сбора, раскладывая его только между 12 уѣздными земствами и между 20 городами и посадами, то, конечно, и уѣздное земство можетъ доставить себѣ облегченіе, распредѣляя свои сборы только между волостями. Затѣмъ комиссія ¹ могутъ собрать въ каждой волости отдѣльно отъ каждаго землевладѣльца свѣденія о его дѣйствительномъ доходѣ, потребовавъ отъ него непременно подробное обозначеніе дохода отъ каждаго рода культуры или употребленія земли, съ подробнымъ обозначеніемъ количества десятинъ, получающаго каждое изъ этихъ различныхъ употребленій. Этими свѣденіямъ они составляютъ вѣдомость съ обозначеніемъ противъ каждаго владѣльца своихъ замѣчаній и своей оцѣнки. Эта вѣдомость печатается въ формѣ афиши и приклеивается публично во всѣхъ селеніяхъ волости. Давъ землевладѣльцамъ время познакомиться съ вѣдомостью, они всѣ безъ исключенія, какъ крестьяне, такъ и прочіе, приглашаются въ волостное правленіе для обсужденія оцѣнки. Тутъ комиссія докладываетъ имъ вѣдомость и вноситъ въ третью графу, какъ замѣчанія, сдѣланныя кѣмъ бы то ни было изъ присутствующихъ на оцѣнку отдѣльныхъ владѣній, такъ и окончательную оцѣнку большинства присутствующихъ или заключеніе о необходимости повѣрки на мѣстѣ. Тѣ, которые будутъ опасаться злоупотребленій при подобномъ способѣ оцѣнки, вслѣдствіе недостаточной смѣ-

¹ Такъ какъ цѣль этой статьи характеризовать въ извѣстныхъ отношеніяхъ земское управленіе вообще, то костромской читатель не можетъ ожидать, чтобы я входилъ здѣсь въ разсмотрѣніе такихъ вопросовъ, которые имѣли бы значеніе исключительно для костромскаго земства, какъ напр. вопросъ о томъ, слѣдовало ли составить комиссію такъ, какъ она составлена, или слѣдовало принять предложеніе таксаторовъ съ платою за приведенную вновь въ извѣстность десятину.

лости крестьянъ при защитѣ своихъ интересовъ, должны однакоже принять въ соображеніе, что подобное собраніе будетъ несравненно менѣе подѣляемо крупнѣйшихъ изъ землевладѣльцевъ, чѣмъ земство, управа и комиссія. Члены и гласные въ городѣ постоянно вращаются въ обществѣ этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, считаютъ для себя за удовольствіе или даже честь быть принятыми въ ихъ домахъ, въ большинствѣ случаевъ сами принадлежатъ къ ихъ числу, а потому насковъ пропитаны ихъ воззрѣніями. Мнѣніе же мелкихъ владѣльцевъ и крестьянъ они едва вмѣютъ случай когда либо услышать, а если и услышатъ, то удостоятъ самой малой долей вниманія. Что же касается до мнѣнія тѣхъ, что въ подобномъ собраніи, гдѣ крестьяне составляютъ большинство, землевладѣльцы могутъ остаться въ обидѣ, то я вмѣ отвѣчу, что, несмотря на это большинство, существуютъ всѣ причины опасаться, что не крупные землевладѣльцы, а крестьяне останутся въ обидѣ. Мы видѣли выше, что весь чистый доходъ отъ крестьянскихъ земель съ излишкомъ поглощается ихъ платежами, поэтому даже полное ихъ освобожденіе отъ всякаго налога было бы только возстановленіемъ справедливости; между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ничего подобнаго не будетъ, а они будутъ платить. Вѣдь теперь они облагаютъ же сами себя общественными сборами, вдвое превышающими земскій сборъ,¹ хотя значительная часть этихъ сборовъ идетъ на такіе предметы, которые бы, по всей справедливости, могли быть возложены на земство. Такъ напр. не рѣдко случается, что сельскія общества даютъ на народное образованіе даже болѣе, чѣмъ земства; въ Костромской Губерніи этотъ случай имѣетъ мѣсто изъ 12-ти уѣздовъ въ четырехъ: сельскія общества въ уѣздахъ Варнавинскомъ, Галичскомъ, Чухломскомъ и Юрьевецкомъ дали на народное образованіе 9391 р. 64 к., а земства 7807 р. 64 к.—Не подлежитъ также сомнѣнію, что процентъ, который они заплатятъ съ *не получаемой* ими чистаго дохода, будетъ значительнѣе того, который заплатится крупными землевладѣльцами съ чистаго дохода, ими *дѣйствительно получаемой*. Причина заключается въ томъ, что по отношенію къ крестьянскимъ надѣламъ существуетъ столько точныхъ данныхъ, что чистый ихъ доходъ можетъ укрыться только въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ; относительно же земель крупныхъ землевладѣльцевъ почти никакихъ точныхъ данныхъ не имѣется. Если подѣйствуетъ на нихъ чувство справедливости и чести, если при той публичности, которую будутъ получать ихъ показанія въ волостныхъ оцѣнкахъ, въ нихъ будетъ вызвано желаніе приобрести популярность посредствомъ вѣрнаго и не скарднаго обозначенія своихъ доходовъ, то можно надѣяться достигнуть благоприятныхъ результатовъ. Но если захотятъ отнестись къ

¹ Въ 1867 г. земскій сборъ съ крестьянъ Костромской Губерніи составлялъ 164,169 р. 18 к., а мірской, 348,420 р. 66 к.

нимъ враждебно или терроризировать ихъ, то можно предвидѣть только одинъ неблагоприятный для обложения исходъ. Притѣсненіе крупныхъ землевладѣльцевъ немислимо; несравненно скорѣе слѣдуетъ ожидать дряблой и вялой дѣятельности со стороны крестьянъ. Они держались, и до сихъ поръ держатся въ черномъ тѣлѣ, такъ что даже на самыхъ интеллигентныхъ изъ нихъ лежитъ печать забитости. «Какъ-же съ! сказалъ инѣ од нажды одинъ изъ здѣшнихъ сельскихъ орловъ:—мы гласными были, въ такихъ же креслахъ сидѣли, какъ и господа».—«Что-же вы тамъ дѣляли въ земскомъ собраніи?» спросилъ я.—«Что дѣлали? признаться сказать, молчали».—«Всѣ гласные изъ крестьянъ молчали?»—«Всѣ молчали. Извѣстно служба, такъ и ѣдешь, а какъ тамъ голосъ подынешь, осмѣлиться не можешь».—Вотъ по чему крестьянамъ нужно будетъ время для того, чтобы научиться контролировать оцѣнку и необходимо будетъ возобновлять собранія года черезъ два или около этого.

Мы видѣли выше, что то положеніе, въ которое поставлено земство, не дало развиваться самоуправленію и превратило управы въ бюрократическія учрежденія; оно же окончательно уничтожило самостоятельность земствъ и подчинило ихъ губернтарамъ—даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ нѣкоторые бюрократическія учрежденія въ губерніи, напр. военное, судебное, удѣльное вѣдомство. По закону, земство пользуется болѣе независимостью, чѣмъ сельское общество и волость, и несравненно болѣею, чѣмъ поманутыя вѣдомства. Желаніе не только законодателя, но и правительства состояло въ томъ, чтобы создать изъ земства и городскихъ обществъ болѣе самостоятельное самоуправленіе, чѣмъ сельское и волостное, чтобы удовлетворить постоянно обнаруживающемуся стремленію общества къ расширенію предѣловъ самоуправленія. Почему же оно не удалось?—Причина знаменательна. Читайте законы и вы увидите, что въ правительствѣ не только не обнаруживалось стремленія создать изъ военного и судебного самостоятельныя въ губерніи вѣдомства, но скорѣе обратное; приглядитесь къ практикѣ и вы удивите, что ни военное, ни судебное вѣдомства не обнаруживаютъ рѣзкаго стремленія отстаивать свою самостоятельность, они имѣютъ традицію прямо противоположнаго характера, и все-таки самостоятельны. Самостоятельность ихъ вытекаетъ изъ господствующаго убѣжденія, что они имѣютъ свою спеціальность, въ которой они компетентнѣе губернатора и куда ему вмѣшиваться неприлично и неумѣстно. Самостоятельность основана тутъ на такомъ же господствующемъ убѣжденіи, какъ самостоятельность медиковъ въ леченіи, инженеровъ въ технической части; для губернатора было бы неумѣстно послать во врачебную управу рецептъ для исполненія. По закону, сельское общество зависимо, на практикѣ нѣтъ ничего податливѣе по отношенію къ началству, чѣмъ сельское общество, на дѣлѣ сельское общество составляетъ единственное истинное самоуправленіе, какое у насъ су-

ществуетъ. Самоуправленіе это ограничивается одними внутренними его дѣлами и ограждается всеобщимъ и совершенно основательнымъ убѣжденіемъ, что тутъ общество компетентѣе какой бы то ни было другой власти, и что внимательство власти породить несомнѣнное зло. Сельское общество не только въ распредѣленіи сборовъ, но и въ распредѣленіи главнаго источника жизни и собственности крестьянъ, земли, дѣйствуетъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ успѣхомъ; всѣ образованные люди и начальствующіе и не начальствующіе одинаково пришли бы въ негодованіе, еслибы становой или другой начальникъ взялъ на себя такое распредѣленіе, потому что они предвидѣли бы отъ этого самыя печальныя послѣдствія. Это породило бы самый худшій изъ видовъ рабства для крестьянъ. Совсѣмъ иное дѣло волостное самоуправленіе; оно въ значительной степени неудалось, потому что въ немъ уже нѣтъ двухъ необходимѣйшихъ условій для успѣха самоуправленія, нѣтъ одинаковаго участія всѣхъ и нѣтъ достаточнаго знанія дѣла; на волостномъ сходѣ участвуетъ только десятый и этотъ десятый имѣетъ очень мало средствъ знать, что дѣлаютъ волостныя власти въ теченіи года. Изъ сельскаго схода хотѣли сдѣлать нѣчто зависимое, а онъ вышелъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ муравейникѣ; изъ волостнаго суда хотѣли сдѣлать нѣчто вполне независимое, онъ рѣшалъ окончательно, существовала какая-то иделическая мечта создать изъ него крестьянскій самосудъ и мечта эта имѣла судьбу всякой мечты—она не удалась, постоянныя сѣтованія крестьянъ вынудили ограниченіе и предоставленіе имъ право жаловаться; лишь только оно появилось въ законѣ въ зачаточной формѣ оно тотчасъ же выродилось на практикѣ въ настоящее подчиненіе. И такъ, что нужно для того, чтобы какое-нибудь учрежденіе пользовалось самостоятельностью въ своей сферѣ дѣйствія?—нужно общее убѣжденіе, что это учрежденіе несомнѣнно выполнитъ свое дѣло лучше, чѣмъ стремящаяся выполнить его дѣло власть. Еслибы крестьяне на сельскихъ сходахъ дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ дѣйствуетъ земство, то и общиннаго владѣнія и сельскаго самоуправления давно бы не существовало. Сельское общество не подымало своего голоса, а извѣстно «дѣтя не плачутъ, мать неразумѣетъ»; оно вызвано было къ официальному существованію въ прошлое царствованіе по односторонней мысли случайнаго администратора; общество тогда не обращало на него никакого вниманія; думалось тогда, да думается и теперь, что еслибы сельская община была назавтра уничтожена, то крестьяне покорились бы безъ протеста. Земство—совсѣмъ иное дѣло, въ немъ видно было стремленіе къ самостоятельности, въ немъ слышенъ былъ протестъ противъ посягательствъ губернатора, общество обращало на него большое вниманіе и желало наперекоръ всему видѣть въ немъ самоуправленіе—почему же дѣло его не выгорѣло? Подойди, посмотри и увидишь. Разсмотримъ для примѣра бо рьбу востромскаго земства съ губернаторомъ. Въ концѣ шести-

десятихъ годовъ въ губернскомъ земствѣ стали оспаривать право губернатора вмѣшиваться въ земскую раскладку, стали утверждать, что дѣло губернатора должно ограничиваться только огражденіемъ казеннаго интереса. Во главѣ этого движенія стоялъ такой извѣстный писатель, какъ Нилъ Колюпановъ; его поддерживали люди такіе вліятельные и такой безукоризненной репутаціи, какъ гласный А. Шиповъ, Анатолій Грекъ и т. д. Законъ стоялъ на ихъ сторонѣ; толкованіе губернатора было такое произвольное, что его не допустилъ бы ни одинъ знающій дѣло юристъ. Почему же общество осталось такимъ равнодушнымъ къ этой борьбѣ, какими разоблаченіями губернаторъ подавлялъ въ немъ всякое движеніе негодованія? — Когда въ засѣданіи 30-го сентября 1868 г., Колюпановъ сталъ оспаривать права губернатора по отношенію къ земской раскладкѣ, тогда председатель приготовительной комиссіи, Петровъ, заявлялъ, что право это во все время существованія земскихъ учрежденій ни разу не возбуждало даже и сомнѣнія. Пропитанный идеями прогресса, одушевленный желаніемъ участвовать въ созиданіи первыхъ основъ русскаго самоуправленія, крѣпкій сознаниемъ своей правоты, Колюпановъ явился, однакоже, мечтателемъ, а Петровъ, съ своимъ грубымъ здравымъ смысломъ, сразу постигъ, что задаться великими цѣлями, въ родѣ самоуправленія, земству и не съ руки и не по плечу, что оно можетъ прозавать только пережившимъ съ бюрократіею и присосавшимъ къ ней. Управа, обращенная въ бюрократическое присутственное мѣсто, полное повиновенія губернатору — вотъ тотъ истинный путь, на который волею и неволею пришлось выйти земству. Не затѣй Колюпановъ и товарищи борьбу съ губернаторомъ, покровы не были бы сорваны для востромичей, идиллія и Аркадія не были бы разрушены, въ счастливомъ невѣденіи мы бы воображали, что у насъ все обстоитъ благополучно, что у насъ процвѣтаетъ истинное самоуправленіе и въ унисонъ съ губернаторомъ и прочими властями мы бы восхваляли истинно полезную и благотворную дѣятельность земства. Но несчастный шагъ былъ совершенъ, и передъ нами раскрылись всѣ тайны и махинаціи, путемъ которыхъ создавался обратнo-прогрессивный налогъ. Изъ посланія губернатора мы узнали, что юрьевецкое земство опредѣлило среднюю цѣнность десятины крестьянскихъ земель положить въ 24 р., владѣльческія же оцѣнило ровно вдвое дешевле, т. е. въ 12 р., однакоже, эта оцѣнка сдѣлана была только для однихъ; земли менѣе счастливыхъ должны были оцѣниваться въ 17 р.; про эту послѣднюю оцѣнку губернаторъ выразился, что это просто штрафъ, налагаемый земствомъ на нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ. Интереснѣе всего то, что землевладѣльцы оказались недовольствованными такой оцѣнкой; они находили, что земли ихъ были слишкомъ высоко оцѣнены, эта оцѣнка принята была по настоянію крестьянъ; можетъ быть, увлекшись примѣромъ одного

помѣщика¹, землевладѣльцы желали весь земскій налогъ свалить на крестьянъ. Кологривское земство назначило съ владѣльческихъ земель 1⁵/₆ к. съ десятины, а съ крестьянскихъ 3¹/₁₂ к. съ десятины.

Развитіе обратно-прогрессивнаго налога въ земствахъ въ свою очередь шло прогрессивно; въ 1867 г., цѣнность разныхъ земельныхъ угодій въ имѣніяхъ вычислялась изъ выводовъ по удѣльному хозяйству, а цѣнность крестьянскихъ земель по даннымъ надѣловъ. Такъ какъ удѣльные земли самыя бездоходныя изъ всѣхъ земель, то это было уже достаточно несправедливо, но землевладѣльцы не удовлетворялись этимъ. Губернаторъ замѣчаетъ, что сдѣланная послѣ этого оцѣнка земель не основана уже ни на какихъ данныхъ, о нихъ даже и не упоминается въ постановленіи собранія. По Кологривскому Уѣзду, напримѣръ, земли владѣльческія раздѣлены были на три разряда, съ оцѣнкою въ 10 руб., 5 руб. и 2 руб. 50 коп., а крестьянскія на два разряда съ оцѣнкою въ 10 руб. и 5 руб. и притомъ, на перекоръ дѣйствительности, постановлено въ каждомъ владѣніи считать по ровной части всѣхъ этихъ земель; отсюда произошло въ первыхъ то, что крестьянамъ пришлось платить болѣе другихъ владѣльцевъ, такъ какъ земли ихъ оцѣнивались въ 7 р. 50 к., а прочихъ владѣльцевъ въ 5 руб. 83 коп., а затѣмъ, какъ крестьянамъ, такъ и прочимъ владѣльцамъ, пришлось платить тѣмъ болѣе, чѣмъ они бѣднѣе. Буйское земство раздѣлило земли на два разряда и отнесло крестьянскія земли всѣхъ угодій и качествъ къ 1-му разряду и обложило ихъ вдвое болѣе противъ земель владѣльческихъ, отдаваемыхъ въ аренду, которыя опять-таки всѣ отнесло ко 2-му разряду, не обращая вниманія на ихъ производительность. Арендныя земли, по замѣчанію губернатора, въ свою очередь обложены вдвое противъ тѣхъ, которыми пользуются сами владѣльцы. По Маварьевскому Уѣзду владѣльческихъ земель числится 246,674 десятины, а за временно-обязанными крестьянами 71,844 дес., между тѣмъ, на владѣльческія земли исчислено земствомъ расхода по мировымъ учрежденіямъ 1,429 р. 89 к., а на земли временно-обязанныхъ 2,834 р. 93 к. и это обложение оставалось годъ за годомъ безъ всякаго измѣненія. Кромѣ того, вниманіе губернатора было обращено и на нѣкоторыя случайности въ сметахъ, весьма подозрительнаго свойства. Такъ, земля купца Гарелина 872 дес. обложена въ 120 рублей, обложеніе чрезмѣрно высокое, но если обратить вниманіе, что земля эта оцѣнена въ 4,000 руб., то можетъ оказаться, что обложеніе замаскировываетъ обложеніе въ 12 руб., въ свою очередь, чрезмѣрно низкое, употребляемое для земель въ 150 или 200 дес. Такъ какъ обратно-прогрессивный налогъ вытекаетъ изъ самой организаціи и обстановки земствъ, то административ-

¹ Сборникъ постановленій костромскаго губернскаго земскаго собранія. Кострома. 1869 г. пост. 28-го сентября 1868 г., стр. 44.

ными мѣрами невозможно превратить его въ справедливое обложение. Поэтому онъ процвѣтаетъ по прежнему до сихъ поръ. Нерехотское земство одно изъ самыхъ либеральныхъ; нѣкоторые готовы его признать даже радикальнымъ. Въ то время, какъ большинство востромскихъ земствъ давало на народное образованіе около 2,000 руб. Нерехотское земство дало 8,360 руб. Однако же, вотъ каковъ характеръ оцѣнки, произведенный этимъ земствомъ въ 1872 году. Доходъ съ лучшихъ земель опредѣленъ для владѣльческихъ земель 1 руб. 90 коп. съ десятины, а для крестьянскихъ, даже за вычетомъ оброка, въ 2 р. Вы подумаете, что причина такой низкой оцѣнки владѣльческихъ земель заключается въ бездоходности принадлежащихъ въ нимъ лѣсовъ—разочаруйтесь. Доходъ съ владѣльческихъ пашень и луговъ оцѣненъ въ 3 руб. съ десятины. Оброкъ съ крестьянской десятины составляетъ 2 р., слѣдовательно, доходъ съ земли оцѣненъ въ 4 р. десятина, а такъ какъ въ крестьянскомъ надѣлѣ не одни пашни и сѣнокосы, а есть и малопродуктивныя земли, то доходъ съ первыхъ нужно считать оцѣненнымъ, но крайней мѣрѣ, въ 4 р. 50 коп. Если у частныхъ землевладѣльцевъ есть действительно много малопродуктивныхъ лѣсовъ и выгоновъ, то за тоже и именномъ постоумныхъ пашни и луга доходнѣе крестьянскихъ. При освобожденіи, они оставили за собою лучшія земли, а кромѣ того, имѣя сравнительно со всей землей гораздо меньшую запашку, они могутъ ее лучше удобрить, а отсюда и слѣдуетъ, что доходность ихъ земель уменьшена почти вдвое. Земли второго разряда оцѣнены еще несправедливѣе. Доходъ съ владѣльческихъ оцѣненъ въ 1 руб. 20 коп. съ десятины, т. е. на 70 коп. дешевле, а доходъ съ крестьянскихъ 1 руб. 75 коп., т. е. только на 25 коп. дешевле. Въ первомъ разрядѣ крестьянскія земли оцѣнивались на 11%, во второмъ они оцѣниваются на 45% выше. Доходъ обработанныхъ владѣльческихъ земель оцѣнивается уже только въ 2 руб. съ десятины. Если къ доходу съ крестьянскихъ земель прибавить вычитанный для замаскированія истинной оцѣнки оброкъ и отдѣлить обработанныя отъ малопродуктивныхъ, то доходъ обработанной крестьянской десятины окажется оцѣненнымъ въ 4 руб. 19 коп. Затѣмъ Нерехотское земство признало $\frac{2}{3}$ владѣльческихъ земель этого разряда вовсе бездоходными; справедливости требуетъ слѣдовательно и по крестьянскимъ землямъ также сосредоточить весь доходъ на однихъ обработанныхъ и признать $\frac{1}{3}$ крестьянскихъ земель вовсе бездоходными, тогда доходъ съ обработанной десятины окажется оцѣненнымъ въ 5 руб. 53 коп. Если принять въ соображеніе, что владѣльческія земли этой категоріи сравнительно съ крестьянскими еще болѣе доходны, чѣмъ земли предъидущей, потому что большее количество удобрения для нихъ имѣетъ еще большее значеніе, то и окажется, что сравнительная доходность владѣльческихъ земель уменьшена здѣсь втрое. Для читателя дѣлается яснѣе дня, что и здѣсь люди осуждаются платить тѣмъ болѣе, чѣмъ они бѣднѣе. Въ третьемъ разрядѣ уже

$\frac{2}{3}$ владѣльческихъ земель признаются бездоходными, а доходъ съ пашень и сѣнословъ оцѣниваютъ въ 1 руб., доходъ же со всякихъ земель крестьянскаго надѣла, съ исключеніемъ оброка, въ 1 руб. 60 коп. Если мы для восстановления справедливости признаемъ только половину крестьянскихъ земель бездоходною, то окажется, что десятина обработанныхъ крестьянскихъ земель оцѣнена по доходности въ 7 руб. 20 коп. Слѣдовательно, если даже не принять въ соображеніе, что владѣльческія земли этой категоріи доходнѣе, чрезъ лучшее удобреніе, то окажется, что ихъ доходъ уменьшенъ болѣе, чѣмъ въ семь разъ, а на дѣлѣ владѣльцы можетъ быть заплатить десятую долю того, что имъ слѣдовало бы заплатить; крестьяне же должны авиться окончательно задавленными тяжестью налога. Изъ этого читатель видитъ, что такъ какъ обратно-прогрессивное обложеніе вытекаетъ изъ самой организаціи и обстановки земства, то оно и сохраняется неизмѣнно и только измѣняется его замаскировка, которая придумывается все искуснѣе и дѣлается все неуловимѣе. Читатель прямо убѣдится въ этомъ, если онъ нерехотскій планъ сравнить съ современнымъ востромскимъ. Когда мы говорили о распоряженіи плана относительно приведенія въ извѣстности до культурнаго состоянія нотвы, тогда читателю навѣрное не приходило въ голову, какое изъ этого будетъ сдѣлано употребленіе. На дѣлѣ же вышло вотъ что: если въ извѣстномъ мѣстѣ земли разныхъ владѣльцевъ оказывались дающими различный урожай, то для всѣхъ предполагается, что они дадутъ минимумъ урожая. Если земли бѣднѣйшихъ владѣльцевъ, не имѣющихъ никакого удобрения, даютъ самъ $3\frac{1}{2}$, то земли какъ болѣе исправныя такъ и самыхъ богатыхъ хозяевъ считались дающими самъ $3\frac{1}{2}$, хотя они на дѣлѣ даютъ самъ 6, самъ 8 и самъ 12. Земли съ самой несовершенной культурой служили нормой для земель наиболее выгоднаго производства. Этого одного оказалось достаточно для установленія самаго притѣснительнаго изъ обратно-прогрессивныхъ налоговъ; люди съ самой строгой послѣдовательностію должны платить тѣмъ болѣе, чѣмъ они бѣднѣе, бѣднѣйшіе же болѣе всего. Но именно отъ этого невозможно, чтобы изъ современнаго земства когда либо выработалось настоящее самоуправленіе; опасеніе, чтобы самостоятельность земства не сдѣлалась источникомъ бѣдствій для рабочаго населенія, будетъ побуждать общество сочувствовать административному вмѣшательству, какъ единственному средству для огражденія бѣднѣйшей части населенія. Въ свою очередь административное вмѣшательство, т. е. вмѣшательство губернатора, по многимъ причинамъ, не можетъ замѣнить собою истиннаго самоуправления при распределеніи налога. Оцѣнивать будетъ все-таки земство, и потому оно наконецъ научится дѣлать это дѣло такъ, чтобы достигнуть своей цѣли, т. е. обратно-прогрессивнаго налога и быть неуязвимымъ для администраціи. Официальное положеніе губернатора значительно стѣсняетъ его свободу дѣйствія. Чтобы убѣдиться

въ этомъ, стоитъ сравнить предложенія губернатора съ рѣчами его оппонента, Н. Колупанова. Колупановъ говоритъ совершенно свободно о бѣдствіяхъ крестьянства, объ истощеніи ихъ платежной силы, объ усиленной продажѣ крестьянскаго имущества, до того раззоравшей крестьянъ, что пришлось послать члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чтобы прекратить это зло и т. п., и направляетъ эти аргументы противъ губернатора, когда это выгодно для того дѣла, которое онъ защищаетъ. Губернаторъ съелъ бы несогласнымъ съ своимъ официальнымъ положеніемъ говорить что нибудь подобное.

Онъ, въ силу этого самаго положенія, не можетъ выставлять на показъ основной, органической пороки въ устройствѣ земства, и потому онъ вынужденъ опираться не столько на аргументы, сколько на свой авторитетъ, и это придаетъ въ глазахъ общества его протестамъ такой видъ, какъ будто въ ихъ пользу аргументовъ нѣтъ. Факты должны сами по себѣ бить въ глаза для того, чтобы общество все-таки стало на его сторону. Фальшивость положенія такъ велика, что, напримѣръ, по врѣвенской смѣтѣ губернаторъ кажется протестующимъ противъ гласныхъ изъ крестьянъ, а не противъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Все это весьма облегчаетъ задачу земства сдѣлаться неуязвимымъ. Всего ярче эта фальшивость положенія обнаружилась, однакоже, въ его дѣйствіяхъ по велгужскому земству. Велгужское земство наиболѣе прогрессивное изъ всѣхъ земствъ Костромской Губерніи. Мы характеризовали прогрессивность нерехтскаго земства тѣмъ, что оно дало 8300 руб. на народное образованіе, вчетверо болѣе того, что давалось большинствомъ земствъ, велгужское земство дало 9914 руб.; въ то же время и раскладка его наиболѣе справедливая изъ всѣхъ раскладокъ Костромской Губерніи¹; несмотря на то, что это была единственная попытка приблизиться къ справедливости, губернатору пришлось протестовать противъ нея и притомъ протестовать не въ пользу

¹ Чтобы читатель не слишкомъ увлекался велгужскимъ либерализмомъ, я ему приведу слѣдующія данныя: дѣйствительно по всей Костромской Губерніи владѣльцы платили 108,100 р. 86 к., а крестьяне 164,172 р. 18 к., въ Велгужскомъ же уѣздѣ владѣльцы платили 9640 р. 80 к., а крестьяне 6608 р. 89 к., но за то владѣльцы имѣли 1.171,818 дес. и платили съ десятины менше копейки, а крестьяне имѣли всего 167,588 дес. и платили почти четыре копейки съ десятины, т. е. вчетверо болѣе; такъ какъ у насъ различны статистическіе источники дають относительно тѣхъ же предметовъ не совпадающія данныя, то я въ теченіи разсказа бралъ тѣ данныя, которыя мнѣ казались по различнымъ причинамъ наиболѣе вѣрными, но если я дѣлалъ сравненіе, то я всѣ данныя бралъ изъ одного и того же источника, по причинамъ, которыя понятны читателю безъ объясненія. Это я говорю для того, чтобы читатель не поразился не вполне совпадающимъ цифрамъ.

крестьянъ, а въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. По своему положенію, онъ долженъ былъ поддерживать заявленіе гласнаго отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Ветлужское земство, не имѣя никакой возможности получить точныя свѣденія о чистомъ доходѣ съ лѣсовъ разныхъ владѣльцевъ, рѣшилось опредѣлять доходъ съ лѣсовъ по размѣрамъ потребления лѣснаго матерьяла, о чемъ гораздо легче было получить хотя сколько нибудь годныя цифры. Оно высчитало цѣнность ежегодно даваемого лѣсами матерьяла въ 225,068 р. и опредѣлило такимъ образомъ цѣнность лѣсной десятины въ ничтожную сумму 3 р. 65 к., затѣмъ, раздѣливъ лѣсныя дачи на два разряда, оно нашло, что дачи 1 разряда даютъ дохода 22,64 к., а дачи втораго разряда 15,1 к. Это была, конечно, безмѣрно низкая оцѣнка и было бы совершенно основательно, еслибы землевладѣльцы другихъ угодій протестовали противъ слишкомъ низкаго обложенія лѣсовъ. Но не такъ разсуждало управленіе государственнымъ имуществомъ. Изъ 1.046,119 десятинъ лѣса ветлужскаго уѣзда казнѣ принадлежитъ 540.524 десятины. Несмотря на это, гласный отъ государственныхъ имуществъ утверждалъ, что изъ казенныхъ дачъ отпущено лѣсу всего на 20,540 руб., такъ что изъ всего наложеннаго на лѣса сбора частныя владѣльцы должны платить за лѣсной матерьялъ цѣною въ 204,528 р., а казна за долю въ 20,540 р. Такую несообразность въ потребленіи лѣса членъ объяснилъ легкомысленнымъ истребленіемъ лѣсовъ частными владѣльцами съ одной стороны и заботою о сохраненіи лѣса въ казенныхъ дачахъ—съ другой. Полезно говорить о лѣсоистребленіи, объ истощеніи почвы, но надо знать, гдѣ это у мѣста.

Представьте себѣ, что для охраненія почвы отъ истощенія правительство отчислило бы въ вѣдомство казны большую часть воздѣланныхъ земель и затѣмъ $\frac{9}{10}$ оставало бы безъ обработки. Всякій скажетъ, что эта мѣра невозможная. Точно также всякій скажетъ, что такой отпускъ изъ ветлужскихъ казенныхъ дачъ, о какомъ говоритъ членъ, невозможенъ. Это значило бы прекратить всѣ лѣсные промыслы, отнять у крестьянъ единственное средство, которое они имѣютъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ для поддержанія своего хозяйства, заморить ихъ отъ голоду и холоду. Первое, что долженъ подумать всякій, взглянувъ на мнѣніе члена, будетъ состоять въ томъ, что изъ предполагаемаго отпуска владѣльцевъ на 204,528 р., тысячъ семьдесятъ, а, можетъ быть, и сто взято воровски изъ казенныхъ лѣсовъ, потому что лѣсное управленіе или въ конецъ деморализировано, или крайне безпечно, и что слѣдуетъ немедленно продать всѣ эти казенные лѣса по какой бы то ни было цѣнѣ, потому что иначе они цѣлый уѣздъ превратятъ въ неисправимыхъ воровъ и развратятъ его чиновничество. Чтобы не дѣлать такихъ ге-

роническихъ предположеній, остается думать, что членъ въ излишнемъ пылу усердія стремился развить въ пользу казны и во вредъ частнымъ землевладѣльцамъ обратно-прогрессивный налогъ, а говорю развить и развить до крайнихъ размѣровъ, потому что обратно-прогрессивный налогъ уже существовалъ. Казна, имѣя въ Ветлужскомъ уѣздѣ 544,347 дес., платила одна-коже только 3,144 р., т. е. по 0,58 к. съ десятины, частные владѣльцы, имѣя 585,868 десятинъ, платили 6,180 р. 40 к. по 1,54 к., т. е. втрое болѣе казны; крестьяне, какъ мы видѣли выше, платили по четыре копейки съ десятины, т. е. въ восемь разъ болѣе, чѣмъ казна. Предложеніе губернатора оказалось искусѣе придуманнымъ и болѣе практичнымъ, оно направлено было не къ тому, чтобы свалить налогъ съ казны на другихъ лѣсовладѣльцевъ, а къ тому, чтобы свалить его съ лѣсовъ на обработанную землю. Но тогда Н. Колюпановъ, въ качествѣ представителя Ветлужскаго Уѣзда и предсѣдателя тамошняго земства, отвѣтилъ ему, что такое предложеніе въ сущности переложить налогъ съ казны на крестьянъ, такъ какъ 90% воздѣланныхъ земель въ уѣздѣ принадлежатъ крестьянамъ. Съ нихъ сходитъ 6,633 р. одного уѣзднаго земскаго налога, предложеніе же губернатора увеличило бы этотъ налогъ на 4000 р., т. е. на 60%, кромѣ того, налогъ этотъ, по случаю введенія мировыхъ учреждений, увеличивается еще 33%, такъ что, слѣдовательно, удвоится. Краснорѣчиво изобразивъ бѣдственное и раззоренное положеніе ветлужскихъ крестьянъ, Колюпановъ далъ понять всѣ мрачныя послѣдствія такого безцеремоннаго обложенія. И такъ, губернаторъ, столько разъ протестовавшій противъ несправедливаго обложенія крестьянъ, въ концѣ самъ предложилъ обратно-прогрессивный налогъ. Однако, внимайте въ его положеніе и вы убѣдитесь, что онъ не могъ поступить иначе. Онъ смягчилъ безмѣрную требовательность управленія государственными имуществами и это было все, что онъ могъ сдѣлать. Онъ былъ естественнымъ защитникомъ казеннаго интереса противъ земства; всякому извѣстно то пренебреженіе, съ которымъ у насъ относятся ко всякому общественному, а въ томъ числѣ и казенному интересу; если губернаторъ не будетъ его охранять, то чиновничество отнесется къ нему съ окончательнымъ невниманіемъ. Но если губернаторъ, при распредѣленіи земскихъ налоговъ, станетъ защитникомъ интересовъ казны и удѣла, то онъ чрезъ это приметъ положеніе стороны и не можетъ въ тоже время ставить себя безпристрастнымъ судьей между сторонами. Такимъ образомъ потребность въ самоуправленіи, гдѣ бы всѣ стороны уравновѣшивали другъ друга, остается во всей своей силѣ.

Нельзя не желать, чтобы самоуправленіе у насъ вышло, наконецъ, за предѣлы сельской общины и начало дѣйствовать на удовле-

твореніе мѣстныхъ нуждъ болѣе обширнаго круга. При поверхностномъ взглядѣ могло бы показаться, что путь развитія отъ сельской общины лежитъ къ волости и что намъ слѣдуетъ сначала позаботиться о томъ, чтобы въ волости установить истинное самоуправленіе вмѣсто ложнаго его призрака, а потомъ уже посвящать крестьянъ въ болѣе обширный кругъ земскаго хозяйства. Но внимательное разсмотрѣніе дѣла убѣдитъ насъ въ противоположномъ. Нормальный ходъ воспитанія крестьянъ въ дѣлѣ самоуправленія ведетъ отъ сельской общины къ земству, а оттуда уже обратно въ волость. Волостное и земское самоуправленіе носить на себѣ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ сельское. Это дѣло заглазное, оно требуетъ наблюденія за выборными лицами, чрезъ посредство періодически собирающихся представителей, а главное черезъ прессу. Волостное управленіе несомнѣнно улучшается, мало-по-малу начинаетъ исчезать та безотвѣтная и робкая покорность, при которой крестьяне представлялись рабами ими же самими выбранныхъ начальниковъ; мнѣ извѣстны случаи, гдѣ угодники начальства оставались на выборахъ въ возбуждавшемъ всеобщую веселость меньшинствѣ. Контроль за старшинами все-таки очень слабъ, а волостные суды вовсе не ревизуются крестьянами; произволь этихъ властей по прежнему очень великъ; главное же злоупотребленіе заключается въ томъ, что чиновники и даже волостные писаря не рѣдко сочиняютъ рѣшенія за волостной судъ, вписываютъ въ книгу договоры, которыхъ содержаніе искажается въ глазахъ нанимающихся въ работу крестьянъ и даже цѣлыя приговоры волостнаго схода, которые остаются крестьянамъ совершенно неизвѣстными и на основаніи которыхъ, однако же, расходуются тысячи общественныхъ денегъ. Обратитъ вниманіе крестьянъ на это зло, которое дѣлаетъ изъ волостныхъ учрежденій не орудіе самоуправленія, а орудіе плутней мелкаго чиновничества можетъ только мѣстная пресса, читаемая крестьянами. При отсутствіи мѣстной прессы, конечно, и земское самоуправленіе будетъ невозможнымъ, но при ея существованіи контроль прессы безъ всякаго сомнѣнія сдѣлается дѣйствительнымъ сначала относительно земства, въ которомъ заинтересованы не одни крестьяне, а и все образованное населеніе. По естественному ходу вещей, образованные люди сдѣлаются первыми корреспондентами этой прессы, первые будутъ распространять ея произведенія въ народъ и покажутъ ему ея значеніе для контроля самоуправленія. Самоуправленіе имѣетъ еще то существенное преимущество надъ бюрократическими учрежденіями, что оно гораздо легче подвергается контролю и порицанію со стороны прессы. Прежде всего самоуправленіе не считается солидарнымъ съ высшими бюрократическими учрежденіями и потому пользуется съ ихъ стороны мень-

нимъ охраненіемъ, а затѣмъ лица, служащія по земству, даже наиболѣе второстепенныя, пользуются значительно большею самостоятельностью по отношенію къ нему, нежели чиновники по отношенію къ бюрократіи, они легко могутъ переходить отъ одного земства къ другому или входить потомъ въ составъ бюрократіи и т. д., поэтому они могутъ свободнѣе корреспондировать и легче сообщать свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ. Наше общество отличается примитивною невинностью, оно о томъ учрежденіи наиболѣе худаго мнѣнія, которое всего болѣе бранить и о которомъ въ печати всего болѣе разсказывается пакостей. Между тѣмъ, еслибы оно обладало зрѣлостью сужденія, приличной взрослому человѣку, то оно дѣлало бы свои заключенія совершенно иначе. Оно бы знало, что во всякомъ учрежденіи есть люди всѣхъ размѣровъ честности и въ среднемъ уровнѣ всѣ учрежденія по личному своему составу окажутся приблизительно одинаковыми. Если же о какомъ нибудь учрежденіи разсказывается большее число пакостей, чѣмъ о другомъ, то это чаще всего означаетъ не то, что въ немъ ихъ больше дѣлается, а то, что личный составъ учрежденія имѣетъ менѣе средствъ скрывать ихъ отъ опубликованія. Какъ скоро пакости нельзя скрывать отъ опубликованія, то онѣ начинаютъ исчезать и учрежденіе совершенствуется. Такимъ образомъ явленіе, которое въ глазахъ нашей невинной публики говоритъ противъ учрежденія, въ глазахъ мыслящихъ людей могло бы говорить въ его пользу. Итакъ пожелаемъ отъ всей души появленія у насъ и развитія мѣстнаго самоуправленія.

Одинъ изъ землевладѣльцевъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Созивъ сенаторскихъ избирателей.—Консультація правыхъ.—Возвращеніе Гамбетты. — Два избирательные успѣха непримиримыхъ. — Гренобльская рѣчь Гамбетты и ея вліаніе на выборъ делегатовъ.—Вѣрность республиканскаго большинства въ сенатѣ, вычисляемая заранее. — Смерть епископа Дюпанлу и разстройство въ католическомъ лагерѣ.—Процессъ по поводу конгресса рабочихъ.—Возобновленіе дѣятельности военныхъ судовъ. — Преходя амнистія.

Наконецъ, избирательный періодъ для возобновленія одной трети сенаторовъ наступилъ и находится въ полномъ разгарѣ. Какое значеніе это возобновленіе имѣетъ для всей будущности французской республики, читателямъ хорошо извѣстно, а потому я, не желая повторяться, могу начать прямо съ передачи фактовъ, связанныхъ съ практикою этого періода.

8-го октября появились одновременно три декрета, которыми приглашались общины Франціи, Алжиріи и колоній тѣхъ департаментовъ, гдѣ предстоятъ выборъ сенаторовъ, приступить 27-го къ выбору своихъ делегатовъ. Этими делегатамъ, вмѣстѣ съ депутатами, генеральными и окружными совѣтниками заинтересованныхъ департаментовъ, 5-го января будущаго года предоставлено избрать новыхъ сенаторовъ.

Читатели, можетъ быть, еще не позабыли тѣхъ напряженныхъ попытокъ, которыя реакціонеры сената проявляли подлѣ самый конецъ послѣдней сессіи, съ цѣлью добиться отъ республиканскаго министерства объявленія, когда именно оно думаетъ назначить этотъ избирательный періодъ, для того, чтобы, при помощи голосованія въ сенатѣ, не допустить его открытія ранѣе возобновленія парламентской сессіи. Дюфоръ отнесся тогда съ презрѣніемъ къ этой попыткѣ, и прямо отказался удовлетворить любопытству враговъ республики, добившись, послѣ нѣкоторой борьбы, простого перехода къ очередному порядку. Реакція послѣ этого пришлось прибѣгнуть къ избрѣтенію какого либо другого способа для достиженія отсрочки выборовъ. И вотъ, въ первыхъ числахъ октября, сенаторскій комитетъ правыхъ публиковалъ консультацію своихъ юрисконсультовъ, въ средѣ которыхъ, впрочемъ, не

оказалось ни одного имени, пользующагося хотя бы какой нибудь компетентностью. Этою консультацией онъ пытался установить слѣдующіе три пункта: 1) что правительство не должно созывать муниципальные совѣты для избранія делегатовъ прежде, нежели обѣими палатами будетъ утверждено кредитъ для вознагражденія этихъ делегатовъ, 2) что назначеніе дня для частныхъ сенаторскихъ выборовъ ранѣе окончанія полныхъ трехъ лѣтъ, послѣ первыхъ общихъ сенаторскихъ выборовъ, происходившихъ 30-го января 1876 года, будетъ явнымъ нарушеніемъ конституціи и, 3) что даже и это число не можетъ быть признано законнымъ въ виду того, что сенатъ, созданный національнымъ собраніемъ, имѣлъ первое свое засѣданіе только 8-го марта 1876 года, возобновленіе же одной трети сенаторовъ должно произойти не ранѣе того, чѣмъ исполняется полные три года ихъ присутствія въ сенатѣ.

Консультация эта была очень дурно принята общественнымъ мнѣніемъ, и, на основаніи соображеній простаго здраваго смысла, вполне опровергнута всею либеральной печатью, такъ какъ три года, упоминаемые въ конституціи, означаютъ ни что иное, какъ три полныя парламентскія сессіи; если же признать трехгодичный срокъ отъ числа первоначальныхъ выборовъ, то пришлось бы нарушить конституцію, запрещающую палатамъ отрываться отдѣльно и опредѣляющую точный срокъ ежегоднаго открытія парламентской сессіи во второй вторникъ января. Такимъ образомъ, признавать исходной точкой для выборовъ 30-е января было бы однимъ только ребячествомъ, бесполезно замедляющимъ на 15 дней правильный ходъ общественныхъ дѣлъ, а считать такой срокъ съ восьмого марта было бы просто вопіющею нелѣпостью.

Несмотря на такое категорическое опроверженіе, реакціонныя газеты продолжали упорно поддерживать мнѣніе консультациіи не столько изъ убѣжденія въ ея правильности, сколько изъ желанія затруднить республиканцевъ. Въмѣстѣ съ этой защитой онѣ старались распространять тревожные слухи о томъ, будто бы маршалъ-президентъ намѣренъ произвести министерскій кризисъ и возобновить попытку 16-го мая. При такой атакѣ республиканцамъ уже не слѣдовало отступать, такъ какъ это послужило бы только къ уменьшенію ихъ авторитета въ странѣ. Конечно, министерство легко могло бы отсрочить созывъ для избранія делегатовъ до конца ноября, чтобы такимъ образомъ успѣть заручиться кредитомъ палаты, долженствовавшихъ собраться 28-го октября и все-таки успѣть произвести сенаторскіе выборы ранѣе наступленія второго вторника будущаго января. Но еслибы министерство согласилось на такую уступку, то всѣ враги республики постарались бы придать ей характеръ пораженія, а страна была бы введена въ заблужденіе насчетъ истинныхъ намѣреній Мак-Магона и могла бы предположить, что онъ рѣшился и про-

тивъ Дюфора направить такой же ударъ, жертвой какого уже былъ Жюль Симонъ.

Что маршалъ колебался, и желанію министерства назначить болѣе близкій срокъ выборовъ противопоставлялъ опроверженіе, почерпнутое изъ доводовъ, приведенныхъ въ консультаціи правыхъ — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но поэтому-то самому такъ и важна его подпись подъ тремя декретами 8-го октября. Она въ этомъ случаѣ послужитъ блестящимъ доказательствомъ сознанія имъ окончательной невозможности продолженія той «миссіи», ради которой былъ изобрѣтенъ его септенатъ. Я не поручусь, конечно, чтобы подписывая эти декреты и заявляя этимъ снова «свое подчиненіе» республиканцамъ, онъ не задумывался при этомъ сильнѣе обыкновеннаго о ложности своего положенія, но намъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до его личной судьбы и до того, намѣренъ ли онъ оставаться «до конца» на своемъ посту, или считаетъ отъ него отказаться: все дѣло въ томъ, что съ подписаниемъ этихъ декретовъ, у него отнята всякая возможность вредить республикѣ. До начала избирательнаго періода онъ могъ бы еще отважиться на какую-нибудь нелѣпую попытку реакціи, но съ наступленіемъ его — случаевъ въ этому ему уже не можетъ представиться вплоть до того времени, когда выборы сенаторовъ будетъ уже произведенъ, и только при такомъ условіи, если, наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ, эти выборы не послужили бы къ образованію въ сенатѣ значительнаго и прочнаго республиканскаго большинства.

Едва декреты 8-го октября появились въ официальномъ журналѣ, какъ Гамбетта поторопился оставить замокъ «des Crêtes» — мѣсто своего отдыха, и поспѣшилъ вернуться во Францію черезъ Савойю. 10-го онъ былъ уже въ Греноблѣ, и оваціи, какими онъ тамъ былъ встрѣченъ, нисколько не уступали тѣмъ оваціямъ, какими чествовали его сограждане въ прошломъ мѣсяцѣ. Протестъ противъ нихъ возникъ только со стороны непримиримыхъ. Такъ въ парижской «Marseillaise'ѣ» появились статьи, гдѣ говорилось съ негодованіемъ объ «идолопоклонствѣ» оппортунистовъ передъ личною трибуна, да въ одномъ изъ парижскихъ кварталовъ и въ Муленѣ, гдѣ происходили выборы депутата и члена въ муниципальный совѣтъ, были выбраны оба кандидата изъ лицъ, которыхъ не поддерживалъ органъ Гамбетты «République Française». Но какъ ни старалась раздуть послѣдній фактъ реакціонная полемика, онъ не оказалъ рѣшительно никакого вліянія на республиканскій союзъ депутатовъ всѣхъ фракцій относительно принятаго имъ образа дѣйствій въ виду сенаторскихъ выборовъ. Точно также не удалась и новая интрига орлеанистовъ противъ Гамбетты, цѣль которой была, воспользовавшись нѣкоторыми изъ выраженій его рѣчи въ Греноблѣ, разсорять его съ министерствомъ и преимущественно съ Дюфоромъ, для того, чтобы воспользоваться полу

официальной поддержкой послѣдняго и провести въ сенатъ, вмѣсто настоящихъ республиканцевъ, нѣсколько такъ называемыхъ «конституціоналистовъ». Признавъ открытымъ письмомъ кандидатуру отъ департамента Луары весьма умѣреннаго республиканца, Роберта де-Масси, дальновидный Гамбетта выказалъ эгимъ, вс-первыхъ, что никто не превзойдетъ его въ умѣренности требованій въ тѣхъ случаяхъ, когда таковая понадобится для выборныхъ цѣлей, и, во-вторыхъ, то, что прошло время, когда могли передъ избирателями появляться такіе кандидаты, которые накидывали на себя только личину сторонниковъ республики, и, благодаря одному этому, могли имѣть успѣхъ.

Рядомъ съ такимъ письмомъ, Гренобльская рѣчь Гамбетты должна была показаться значительно рѣзкой, и, дѣйствительно, въ ней попадаются весьма сильныя выраженія, въ родѣ, напри-мѣръ, новаго упоминанія о «новыхъ общественныхъ слояхъ», фразы, вызвавшей въ 1872 году такое ожесточенное негодованіе большинства версальскаго собранія, и на которую такъ сильно нападала съ трибуны Дюфоръ, чтобы снять отвѣтственность за нее съ правительства Тьера. Не менѣе рѣзко, напри-мѣръ, и то мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ обзываетъ «бесильными и глупцами» всѣхъ тѣхъ, кто прозвалъ нѣкогда его «коми-вожатеромъ демократіи». Враги республики нарочно раздували всѣ эти и подобныя рѣзкости, надѣясь произвести раздоръ между Гамбеттой и Дюфоромъ, но если съ одной стороны у Гамбетты и вырываются еще иногда рѣзкія выраженія, то сущность его рѣчей всегда примирительная, такъ какъ онъ существованіе республиканскаго союза и миръ съ министерствомъ считаетъ въ настоящую минуту всему необходимѣе для Франціи. Съ другой стороны, и Дюфоръ, какъ бы онъ ни сердился внутренно на Гамбетту, сознаетъ, что министерство все свое значеніе получаетъ отъ поддержки его главою республиканской партіи, и изъ за мелочей не станетъ рисковать своимъ положеніемъ, и положеніемъ своихъ друзей. Разумѣется, что въ будущемъ, когда республика прочно водворится во Франціи, на единодушіе дѣйствій между Гамбеттой и Дюфоромъ разсчитывать нельзя. Гамбетта и Дюфоръ или лица имъ подобныя стануть главами различныхъ группъ, враждебныхъ между собою и будутъ оспаривать власть другъ у друга. Консерваторы встануть направо, а радикалы налево, но какъ бы ожесточенно ни велась между ними борьба, прогрессъ отъ нея ничего ни проиграетъ, такъ какъ важнѣйшій для настоящей минуты вопросъ о сохраненіи республики будетъ стоять внѣ ея. До тѣхъ же поръ, пока еще самому существованію республики угрожаютъ опасности, всякій раздоръ въ средѣ республиканцевъ, былъ бы страшнымъ бѣдствіемъ для Франціи, и тѣ лица, которыя способствовали бы такому раздору, должны были бы нести на себѣ обвиненіе въ измѣнѣ дѣлу республики. Союзъ республиканцевъ, возникшій 25-го февраля 1875 года, во время извѣстнаго

голосованія поправки Валлона, когда, благодаря одному голосу большинства, конституція, задуманная съ монархическою цѣлью, обратилась въ республиканскую — обусловилъ, какъ известно, весь успѣхъ республиканцевъ при законодательныхъ выборахъ 1876 и 1877 годовъ — и долженъ оставаться несокрушимымъ впродъ до увѣнчанія зданія республики, т. е. до окончания сенаторскихъ выборовъ въ 1879 году. Союзъ этотъ, какъ я уже не однажды объяснялъ въ прошедшихъ своихъ корреспонденціяхъ, былъ подготовленъ Тьеромъ, а Гамбетта только расширилъ его границы, такъ какъ Тьеръ при его образованіи опирался на одни центры, а Гамбетта ввелъ въ него и крайнихъ лѣвыхъ. Гамбетта, однимъ словомъ, такъ же обезпечиваетъ, какъ и Тьеръ, полную безопасность настоящаго Франціи, съ тою только разницею, что онъ въ тоже время открываетъ ей и дверь для будущаго.

На таксе именно направленіе своей политики, которой онъ любитъ придавать эпитетъ научной (*scientifique*), намекаетъ Гамбетта и въ рѣчи своей отъ 10-го октября слѣдующими словами: «къ несчастью, даже и въ настоящую минуту мы можемъ называться только республиканцами безъ республики, что не приносить намъ ни чести, ни заслуги. Необходимо, наконецъ, чтобы такой порядокъ вещей пересталъ существовать». Или, говоря иначе, если при Тьерѣ Франція могла представлять собою «республику безъ республиканцевъ», то пришла пора, когда для «республики» явились и республиканцы, къ которымъ она и должна перейти по праву.

Основною цѣлью рѣчи Гамбетты въ Греноблѣ была специализація его Романской программы для воодушевленія сенаторскихъ избирателей. Ловкій и искусный ораторъ не упустилъ въ ней ничего, что могло бы привлечь къ его взглядамъ, заинтересовать, убѣдить и увлечь французскаго крестьянина, отъ котораго, въ настоящую минуту, все зависитъ. Если читать его рѣчь, не имѣя въ виду этого обстоятельства или разбирать ее съ точки зрѣнія чистаго ораторскаго искусства, то многое въ ней, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ и должно показаться банальнымъ и слабымъ, а безпрестанныя повторенія одного и того же могутъ показаться просто невыносимыми. Но кто знаетъ ту массу слушателей, какихъ имѣлъ ораторъ въ виду при произнесеніи своей рѣчи, тотъ пойметъ, что только такимъ образомъ и можно было ее расшевелить и подѣйствовать на нее. Такъ, напримѣръ, сравненіе плебисцита 1870 года съ совмѣстнымъ дѣйствіемъ делегатовъ и департаментскихъ избирателей въ 1876 — 1879 годахъ весьма натянутое, но въ отношеніи пользы для дѣла республики, не одинаковый ли произойдетъ результатъ, если теперь, какъ тогда 7 миллионъ французовъ, 17 тысячъ сельскихъ делегатовъ стануть также единодушно вѣрить, что, выйдя въ делегаты республиканца, они тѣмъ гарантируютъ строгій миръ и свободу, что они спасаютъ страну отъ разру-

шенія и анархїи? Картина ненужныхъ кризисовъ 16 и 24-го мая была сильно драматизирована ораторомъ, и сельчане вывели изъ нея заключеніе, что все будущее спокойствіе Франціи, которымъ такъ дорожатъ земледѣльцы-собственники, зависить отъ того, будутъ или нѣтъ удалены изъ сената враги республики, но лишившіеся еще силы вредить успѣшному ходу дѣлъ, установленныхъ конституціей. Другой ораторъ на мѣстѣ Гамбетты, менѣе его ловкій и опытный пустился бы нападать на самое учрежденіе сената и сталъ бы критиковать смѣшную систему и затруднительныя формы, приданныя выборамъ новыхъ сенаторовъ ихъ реакціонерными изобрѣтателями. Гамбетта же, несмотря на недавнее прошлое сената, не затруднился указать на него въ ближайшемъ будущемъ, какъ на «великій совѣтъ французскихъ общинъ». Аудиторию свою, состоявшую преимущественно изъ земледѣльцевъ, онъ привелъ при этомъ въ совершенный восторгъ слѣдующими словами: «Я поздравлялъ себя постоянно (при введеніи этой системы выборовъ), я внутренно радовался и радуюсь до сихъ поръ, что, при такой системѣ, элементу демократическому, сельскому, элементу мелкихъ собственниковъ, тѣхъ, которые трудятся и въ потѣ лица своего оплодотворяютъ землю, которые нуждаются въ трудѣ, покровительствѣ и безопасности — дана широкая возможность, быть, такъ сказать, господами положенія, отъ которыхъ зависить обезпечить себѣ и этотъ трудъ, и это покровительство, и эту безопасность. Я совершенно увѣренъ, что въ тотъ день, когда каждый сенаторскій избиратель вполне пойметъ свои интересы, обязанности и громадность своей отвѣтственности — разумъ и здравый смыслъ самаго народа не встрѣтитъ ни въ комъ противодѣйствія, и самъ народъ дѣйствительно станетъ господиномъ своихъ судебъ». Онъ заявилъ при этомъ свое убѣжденіе, что «этотъ день уже наступаетъ и демократія, по преимуществу, демократія сельская не позволитъ уже себя больше обмануть». Затѣмъ онъ сталъ разсчитывать, какое число республиканцевъ дадутъ предстоящіе выборы, и нашелъ, что въ средѣ новыхъ сенаторовъ, они представляютъ большинство, по крайней мѣрѣ, въ 20 голосовъ. Въ послѣдствіи «Le petit Lyonnais», дѣлая такой же предварительный расчетъ, на основаніи разбора вѣроятностей успѣха всѣхъ кандидатовъ, находитъ, что большинство будетъ еще значительнѣе, до 36 голосовъ. Эти предварительные расчеты весьма полезны, такъ какъ нервѣшительныхъ сельскихъ избирателей они могутъ ободрить подавать голоса противъ вліятельныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ или духовныхъ.

Смерть епископа орлеанскаго Дюпанлу, происшедшая въ замкѣ «de la Combe», въ нѣсколькихъ льѣ отъ Гренобля, 11-го октября, въ то самое время, когда Гамбетта чествовался всевозможными триумфами въ этомъ городѣ, глубоко поразила реакціонеровъ. Разстройство въ станѣ монархической коалиціи, члены которой во всѣхъ критическихъ обстоятельствахъ, сближаются меж

ду собою подъ знаменемъ клерикализма, значительно усилилось отъ этой потери талантливѣйшаго изъ всѣхъ клерикальныхъ интригановъ, такъ много пораждѣвшаго въ дѣлѣ возникновенія 24-го и 16-го мая. Слухи, которые носились о томъ вліяніи, которое имѣлъ умершій духовникъ герцогини Маджентской на ея совѣсть, а черезъ нее и на Мак Магона, не были нисколько преувеличенными. Дюпанлу во всю свою жизнь умѣлъ дѣйствовать на государственныхъ дѣятелей, чрезъ посредство женщинъ. Такъ, едва онъ успѣлъ выйти изъ семинаріи, какъ сдѣлался духовникомъ герцогини Беррійской; послѣ 1830 года, онъ сталъ исповѣдникомъ королевы Амаліи. Родившись въ Савойѣ отъ бѣдныхъ родителей, онъ воспитывался въ парижскихъ семинаріяхъ, на средства семьи де-Рогановъ. По окончаніи курса, онъ сразу попалъ въ самый центръ какъ легитимизма, такъ и орлеанизма, такъ какъ ему одновременно было предложено быть законоучителемъ какъ герцога Бордоскаго, внука Карла X-го, такъ и младшихъ сыновей Луи-Филиппа I-го. Такъ какъ обѣ эти семьи, черезъ 18 лѣтъ одна послѣ другой, были лишены правъ на престолъ и изгнаны изъ Франціи, онъ, съ 1850 года, сдѣлался естественнымъ ихъ примирителемъ, и если не онъ былъ изобрѣтателемъ знаменитаго «единенія», то никто больше и ревностиѣе его не работалъ въ пользу его. Ради этого единенія, онъ всталъ въ оппозицію имперіи и, попавъ въ національное собраніе, сдѣлался душою всѣхъ темныхъ происковъ и интригъ, затѣванныхъ въ то время съ цѣлью реставраціи Бурбоновъ—объихъ линій. Известная попытка добиться отъ графа Шамбора, въ октябрѣ 1873 г., отреченія отъ блага знамени—была произведена имъ. Никто, вѣроятно, не позабылъ, какъ нелюбезно отнесся къ этой попыткѣ первый кандидатъ на французскій престолъ, не захотѣвшій и слышать о такой позорной капитуляціи своей королевской совѣсти. До этого прискорбнаго обстоятельства, Дюпанлу былъ болѣе хитрецомъ, чѣмъ злымъ интриганомъ, но эта неудача облылила его и ожесточила до бѣшенства. Несравненно съ болѣшимъ хладнокровіемъ передъ тѣмъ, онъ перенесъ другую неудачу, когда обстоятельства вынудили его подчиниться догмату папской непогрѣшимости, противъ признанія котораго онъ такъ горячо ратовалъ на Ватиканскомъ Соборѣ. Призналъ этотъ догматъ онъ потому, что считалъ необходимымъ для себя быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ римскою куріей, помимо которой онъ не могъ бы дѣйствовать успѣшно на пользу реставраціи; честолюбіе же его рисовало ему, что, по ея осуществленіи, онъ встанетъ во главѣ всего народнаго образованія во Франціи, на каковомъ постѣ и кардинальская шапка не была бы для него лишнимъ бременемъ. Но вотъ ему наступаетъ 70 лѣтъ, а его мечты даже и не начинаютъ осуществляться. Отказъ графа Шамбора еще болѣе отдаляетъ осуществленіе ихъ, и онъ совершенно теряетъ всякое самообладаніе. Досада и злоба искажаютъ самыя черты его лица, кровь его превращается въ желчь и онъ

уже не может ни говорить, ни действовать как все люди. На палатской трибунѣ, онъ является какимъ-то бѣснующимся, въ печати, въ своемъ органѣ «Défense», онъ, полемизируя съ кѣмъ-либо, не можетъ доказывать и развѣивать свои положенія, но только ругается самымъ площаднымъ образомъ... Не довольствуясь борьбою съ живыми лицами и учрежденіями, онъ затѣваетъ цѣлый походъ противъ тѣни Вольтера, ради чего славословитъ Иоанну д'Аркѣ, нѣкогда сожженную въ Руанѣ его же единомышленниками, и нескончаемымъ рядомъ писемъ сопротивляется противъ чествованія его юбилея. Этимъ онъ достигаетъ того, что правительство запрещаетъ всякія уличныя процессіи по поводу этого юбилея, но и это его не удовлетворяетъ. Ему хотѣлось бы, чтобы все лица, позволяющія себѣ издавать сочиненія ненавистнаго ему безбожника—были отданы суду исправительной полиціи, и въ отвѣтъ на такое безумное требованіе добивается... во время сенатскаго засѣданія, громкаго хохота своего бывшего друга, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ чрезмѣрномъ уваженіи къ Вольтеру—галликанца Дюфора... О! если въ темныя и холодныя декабрьскія ночи 1877 года не произошло взрыва государственнаго переворота, то виною этого былъ уже никакъ не онъ, вѣрный себѣ и тогда; онъ стоялъ съ фитилемъ у пороховой бочки... Хотя бонапартизмъ и былъ ему ненавистенъ, но онъ былъ бы готовъ на все, чтобы помочь малограмотному птенцу Баденга вскарабаться на французскій престолъ. Своимъ содѣйствіемъ *такой* реставраціи, онъ отмстилъ бы разомъ какъ графу Шамбору, не пожелавшему выпустить изъ своихъ рукъ благаго знамени, такъ и римской церкви, не умѣвшей оцѣнить всѣхъ его заслугъ, и не догадавшейся, что ему давно пора обладать красною шапкой... Будемъ справедливы: заслуги его, принесенныя римской церкви, дѣйствительно велики. Всѣмъ извѣстно, что безъ его дѣятельнаго участія, де-Фалу никакъ бы не удалось въ 1850 году достигнуть принатія закона о первоначальномъ и среднемъ обученіи, благодаря которому, конгрегаціи, запрещенныя даже при монархіи, и въ томъ числѣ конгрегаціи іезуитовъ, получили возможность, дѣйствуя почти легально, испровергнуть все, что было подготовлено съ 1789 года въ видахъ распространенія правильнаго и либеральнаго образованія въ средѣ народныхъ массъ. Дюпанлу же удалось, воспользовавшись случайнымъ большинствомъ собранія, организовавшагося, по удачному выраженію одного изъ его единомышленниковъ, Бѣле, «въ злополучный день», достигнуть побѣды надъ государственнымъ университетомъ и добиться законной санкціи университетовъ католическихъ. До того времени, когда политическія неудачи не привели его еще въ состояніе бѣснующагося фанатика, онъ уже обладалъ, благодаря своей роли исповѣдника королевъ, принцессъ и свѣтскихъ женщинъ, возможностью вліять весьма значительно на народное образованіе, чѣмъ и служилъ весьма усердно католицизму, а личное свое значеніе счумѣлъ поставить

такъ прочно, что всѣ его ученики и послѣдователи получали доступъ во всякимъ вліятельнымъ мѣстамъ и карьерамъ съ одинаковымъ успѣхомъ при всѣхъ правительствахъ, смѣнявшихся во Франціи. Религіозному образованію онъ старался придать псевдонаучный характеръ, а вводя въ него и эстетическіе элементы, дѣлать его привлекательнымъ и для обучающихся. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что въ семинаріяхъ его діоцеза процвѣталъ и процвѣтаетъ полнѣйшій классицизмъ, такъ что ученики разыгрываютъ цѣлыя греческія трагедіи на чистѣйшемъ древнегреческомъ языкѣ. Вейльо не понялъ этой тактики, состоявшей въ противопоставленіи духу времени классическаго идеала, и, какъ извѣстно, затѣялъ съ орлеанскимъ епископомъ комическую борьбу, обвинялъ орлеанскаго епископа во внесеніи въ христіанское воспитаніе языческихъ элементовъ. Борьба эта достигла такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что для ея прекращенія потребовалось вмѣшательство покойнаго папы, который тоже не мало отличился въ этой шутовской исторіи, принявъ въ ней съ самымъ серьезнымъ видомъ сторону Вейльо... Всѣмъ извѣстна другая исторія Дюпанлу съ академіей, которую онъ отказался посѣщать потому, что въ число ея членовъ былъ принятъ Литтрэ. Дюпанлу въ этомъ случаѣ раздражало вовсе не то, что академія, почтившая въ немъ самую любовь и культивированіе античной эрудиціи и поэзіи, почтила въ тоже время въ Литтрэ духъ современной науки. Онъ легко могъ бы простить своему сопернику его атеизмъ и матеріализмъ, но онъ не могъ простить ему, какъ практикъ и вѣрный слуга католицизма, того, что глава позитивизма твердо стоялъ на своемъ положеніи, что только однѣ математическія науки могутъ и должны служить прочною и серьезною основою для человѣческаго знанія и образованія. Покойный епископъ хорошо понималъ, что съ людьми точнаго научнаго знанія ничего не подѣлаешь, и что католицизмъ можетъ существовать только до той поры, когда при воспитаніи людей можно всю его систему основывать на развитіи воображенія въ ущербъ другимъ человѣческимъ способностямъ. Вейльо, конечно, и до сихъ поръ ничего этого не понимаетъ, такъ какъ иначе, въ своемъ некрологѣ лично ненавидимаго имъ Дюпанлу, онъ не забросалъ бы самую непристойною грязью свѣжей могилы этого послѣдняго ревностнаго католическаго дѣятеля, который, благодаря широтѣ своего пониманія и образованія, былъ дѣйствительно способенъ поддерживать борьбу католицизма съ духомъ времени.

Погребеніе епископа орлеанскаго, совершившееся 23-го октября, въ кафедральномъ орлеанскомъ соборѣ, произведено было съ чисто королевскимъ великолѣпіемъ. Богослуженіе совершали два кардинала въ красныхъ шапкахъ — украшеніе, котораго такъ жалко и такъ тщетно добивался при жизни умершій — и 30 прелатовъ въ митрахъ. Изъ Версаля, гдѣ наканунѣ этого дня происходилъ праздникъ, о которомъ я буду говорить дальше, при ве-

посредственномъ участіи редакціи «Фигаро», былъ организованъ особый желѣзнодорожный поѣздъ въ Орлеанъ. Вильмессанъ самолично и со всей свитой своихъ сотрудниковъ былъ на церемоніи, Вейль же блисталъ своимъ отсутствіемъ... Говоря серьезно, смерть одного изъ искуснѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ интригановъ, стоявшаго въ этомъ смыслѣ чуть не рядомъ съ герцогомъ де Броли, предохраняетъ Францію, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ отъ вѣроятности кризиса, каковаго такъ опасались пессимисты. Утрата республиканцами Тьера, благодаря Гамбеттѣ, заявавшему тотчасъ его мѣсто, не была для нихъ особенно ощутительной, но потеря клерикалами фузіонистами Дюпанлу, котораго имъ положительно не кѣмъ замѣнить—дѣло для нихъ весьма печальное.

Въ то время, какъ въ германскомъ рейхстагѣ обсуждался извѣстный законъ противъ социалистовъ, нашему правительству пришлось прибѣгнуть, по собственному его сознанію, къ способу не совсѣмъ легальному для воспрепятствованія осуществленія международнаго конгресса, на которомъ предполагалось обсужденіе жгучихъ социальныхъ вопросовъ современности. Но при этомъ случилось слѣдующее. Въ то самое время, какъ была признана неподсудность всѣхъ иностранцевъ, болѣе или менѣе скомпрометированныхъ въ подготовленіи этого конгресса, 39 французскихъ гражданъ, рабочихъ и народныхъ публицистовъ были подвергнуты суду. Но такъ какъ никого изъ нихъ нельзя было обвинить въ международной агитаціи, то подвели подъ законъ, запрещающій собранія лицъ болѣе 20 ти, если на нихъ не испрашено особое позволеніе. Виновность болѣе части этихъ лицъ оказалась до того проблематическою, что пришлось ограничиться самыми легкими наказаніями. Такъ двое подсудимыхъ были совершенно оправданы, 26 подверглись взысканіямъ въ 100, 50 и даже 16 франковъ безъ ареста, двое приговорены къ штрафу и заключенію въ тюрьмѣ на 8 дней, 4 на 15 и трое на мѣсяць, а въ томъ числѣ и Флананс (позитивистъ религіознаго отъѣна Лафъта), считавшійся главнымъ подсудимымъ, такъ какъ онъ нанялъ помѣщеніе, въ которомъ должно было происходить подготовительное засѣданіе конгресса и энергически воспротивился впуску полицейскаго комиссара въ частное собраніе, то-есть въ такое, въ которомъ могли присутствовать только лица, приглашенныя по именнымъ билетамъ. Наибольшимъ наказаніямъ подверглись два лица, не принадлежащія къ рабочему сословію, а именно студентъ медицины Девилль (2 мѣсяца тюрьмы и 100 франковъ штрафу) и Базиль, редакторъ еженедѣльной газеты «Равенство», которая не начинала даже еще и выходить (шесть мѣсяцевъ и 200 фран. штрафу). Эти сравнительно тяжелыя наказанія выпали на ихъ долю за то, что исправительная полиція признала ихъ политическими рецидивистами и что они держали себя на судѣ и защищались съ такимъ презрѣніемъ къ судьямъ, что заслужили ихъ крайнее неблаговоленіе.

Какъ разъ одновременно съ открытіемъ избирательнаго сенатскаго періода и за нѣсколько дней до празднествъ закрытія выставки, послѣдовало около 20-ти арестовъ за участіе въ инсургенціи 1871 года. Аресты эти были произведены, какъ это не замедлили объяснить публикѣ всѣ республиканскія газеты, какъ крайнія, такъ и умѣренные, съ двойною цѣлью устрашенія, какъ сельчанъ избирателей, чтобы этимъ помочь реакціонерамъ попасть въ сенатъ, такъ и парижанъ изъ предмѣстій, чтобы отбить у нихъ охоту къ повторенію праздничныхъ манифестацій 1-го мая и 30-го іюня. Эта продѣлка могла бы быть очень ловкимъ ударомъ республиканцамъ, еслибы запоздалые каратели коммунаровъ заранѣе не намѣтили въ число своихъ жертвъ лицъ, виновность которыхъ была внѣ всякихъ сомнѣній. Но ихъ выборъ былъ какъ разъ вполнѣ неудачный. Такъ въ число обвиняемыхъ попалъ нѣкто Финэ, личный другъ Гамбетты, человѣкъ безукоризненной репутаціи, постоянный президентъ съ 1872 года избирательнаго комитета XIX парижскаго округа, и котораго, за нѣсколько дней до этого, по случаю открытія въ этой части Парижа новой мэрии, лично благодарилъ министръ де-Марсэръ. И частныя ходатайства за арестованныхъ, и шумъ, единодушно поднятый газетами, произвели страшный переполохъ въ правительствѣ. По справкамъ оказалось, что нетолько ни въ одномъ изъ министерствъ, но даже и въ полиціи никто не зналъ, почему военный судъ затѣялъ эти несвоевременные аресты. Былъ созванъ совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ Мак-Магона и когда къ Борелю обратились его товарищи за разъясненіемъ дѣла, то и онъ оказался ничего незнающимъ. Тогда полицейскій префектъ печатно объявилъ своимъ агентамъ, чтобы они впередъ не осмѣливались производить никакихъ арестовъ безъ его прямого приказанія. Министръ же внутреннихъ дѣлъ разослалъ ко всѣмъ префектамъ телеграммы, въ которыхъ приказалъ немедленно повсюду прекратить всякія розыски коммунаровъ, заочно осужденныхъ или не розысканныхъ. Мѣра эта, очевидно, дѣйствительнѣе извѣстнаго письма Мак-Магона къ генералу Сисса, бывшему нѣкогда военнымъ министромъ, и множеству несчастныхъ людей, которые вынуждены были до сихъ поръ скрываться, наконецъ, возвращенъ покой, а множество изгнанниковъ, которые могли опасаться, что военные суды знаютъ и объ нихъ, могутъ, наконецъ, вернуться въ отечество.

II.

Последніе праздники выставки.—Даровня представлевія 20-го октября. «Вильгельмъ Телль» и «Марсельеза» въ Большой Оперѣ.—Публичныя чтенія.—Раздача наградъ во Дворцѣ промышленности: украшенія самаго зданія и кортежи. — Республиканская рѣчь маршала-президента.—Иллюминація 21-го октября. — Версаль и его неудачный праздникъ 22-го.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что въ послѣдней статьѣ конституціи 1875 года, столицею Франціи признанъ Версаль, а не Парижъ. На основаніи этого, остроумные совѣтники Мак-Магона, съ которыми онъ, несмотря на неудачу попытки 16-го мая, не умѣетъ разстаться, успѣли увѣрить его, что было бы не *конституційно*, еслибы всѣ праздники, какіе устраивала въ выставочное время Франція для своихъ чужеземныхъ гостей, происходили въ одномъ Парижѣ. Отговорить маршала отъ выполненія этой мысли было рѣшительно невозможно, такъ какъ за нее усиленно ухватилась герцогиня Маджентская, а, главное, потому, что Мак-Магонъ рѣшилъ устроить праздникъ на суммы, которыя вотировали ему палаты на издержки представительства.

Сознавая однако же, что и Парижа сердить не слѣдуетъ, маршалъ назначилъ на 20-е октября дневные даровые спектакли, которыхъ недоставало на праздникъ 30-го іюня. На сценахъ театровъ Одеона и Французской комедіи были назначены «Родоюна» Корнеля и Мольеровскій «Мизантропъ» въ обыкновенной обстановкѣ, въ какой они даются на этихъ театрахъ для избранной и платящей публики. Въ зимнемъ циркѣ происходилъ обычный классическій концертъ Паделу и знаменитый венгерскій маршъ изъ «Проклятія Фауста» Берліоза, былъ повторенъ три раза и публика потребовала бы еще новаго исполненія, еслибы не увидала въ-время, что музыканты выбились изъ силъ. Въ Комической Оперѣ шелъ шедевръ Бюльдьё «La Dame blanche» и вызвалъ совершенный восторгъ въ публикѣ, хотя и исполнялся весьма посредственно второстепенными пѣвцами и пѣвицами. Но главнымъ событіемъ дня былъ спектакль въ Большой Оперѣ, даровой входъ въ которую происходилъ еще въ первый разъ. Назначено было исполненіе «Вильгельма Телля». Около зданія театра, еще наканунѣ вечеромъ, стали собираться толпы народа, чтобы ночевать на площади, несмотря на неблагоприятную погоду. Сильный дождь, продолжавшійся всю ночь, вынудилъ эти толпы удалиться, но утромъ онъ опять образовался, несмотря на то, что дождь лилъ съ удвоенною силою до 11 часовъ, такъ что, когда послѣ полудня театръ былъ открытъ для впуска публики, то ея оказалось втрое болѣе, чѣмъ сколько можетъ помѣстить въ себѣ это громадное зданіе. Въ прежнее время, при подобныхъ случаяхъ, публика обыкновенно впускалась массою и каждый уже самъ заботился о томъ, чтобы

найти себѣ помѣщеніе; стулья и кресла изъ ложъ обыкновенно выносились, такъ что на пространствѣ, отведенномъ для сидѣнія четырехъ лицъ могли стоя помѣщаться отъ 10 до 12 человѣкъ. Послѣ того двери театра оставались во все время представленія открытыми и толпы входившаго и выходившаго народа могли сколько имъ угодно толкаться по корридорамъ и заламъ. На этотъ разъ было не такъ. Хотя 6,000 человѣкъ могли бы свободно разгуливать по театру, фойе, корридоры и лѣстницы котораго могутъ помѣстить вдвое большее количество лицъ противъ зрительной залы, но распорядителя спектакля опасались, чтобы громадная толпа народа не повредила драгоцѣнныхъ украшеній театра, почему и былъ принятъ новый порядокъ. Съ двухъ сторонъ театра одновременно впускалось по пятидесяти человѣкъ, которые и размѣщались гдѣ и какъ имъ было угодно. Когда всѣ мѣста наполнились, то входныя двери были заперты и не открывались вплоть до окончанія спектакля. Такимъ образомъ, даже во время антракта, какъ на лѣстницѣ, такъ и въ большомъ фойе было очень мало публики; а именно тамъ прохаживались только тѣ изъ зрителей, которые не попали на хорошія мѣста; тѣмъ кому удалось сѣсть удобно, оставались на своихъ мѣстахъ изъ боязни потерять ихъ, добрыхъ четыре съ половиной часа, то есть все время продолженія спектакля. Положеніе этихъ зрителей было бы весьма незавиднымъ, еслибы участі ихъ не усладилъ очень предприимчивый кондитеръ, который, по соглашенію съ распорядителями, взялся на этотъ дѣй доставить для всѣхъ зрителей дешевые завтраки въ сорокъ сантимовъ, состояшіе изъ ставана вина, хлѣба и сосиски. Рабочіе, впрочемъ, привышіе къ даровымъ спектаклямъ и не ожидавшіе на этотъ разъ нововведенія и особенной къ себѣ любезности, явились въ театръ съ своей собственной провизіей. Особенный эффектъ произвела огромная кружка принесенная компаніей рабочихъ, переходившая изъ рукъ руки, и которая наполнялась сначала виномъ, а потомъ накачивалась водою изъ муниципальной помпы, приготовленной на случай пожара. Замѣчательно, что рабочихъ въ блузахъ, которые въ прежнее время составляли большинство зрителей даровыхъ спектаклей, почти не было—ихъ можно было насчитать всего 10, 12 человѣкъ и всѣ они размѣстились на самые верхи. Женщинъ тоже было весьма мало, но зато явилось семействъ до 50 ти съ дѣтьми, которыя, впрочемъ, всѣ были старше семи лѣтъ и разодѣты по праздничному. Большинство зрителей составляла молодежь, такъ называемые парижскіе гамены, которые, къ слову, съ увеличеніемъ въ Парижѣ школъ совершенно утратили свой легендарный типъ относительно внѣшности и одежды. Теперь они внѣ школы одѣваются весьма пристойно, покупая себѣ костюмы въ дешевыхъ магазинахъ готовыхъ платьевъ. Но улучшивъ свою внѣшность, парижской гаменъ не утратилъ при этомъ нисколько своей находчивости, живости и остроумія. Еслибы спектакль шелъ дурно, то своими выход-

ками и перерывами они придали бы ему еще болѣе комичный характеръ. Но «Вильгельмъ Телль» шелъ хорошо и совершенно поглотилъ ихъ вниманіе, такъ что они въ полной тишинѣ прослушали всю оперу. Особенный энтузіазмъ въ публикѣ возбудило знаменитое тріо конца втораго акта. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Фигаро», пробравшись въ театръ съ пошлою цѣлью повеселиться надъ наивностью публики—крикнулъ въ одномъ изъ антрактовъ: «Марсельезу!». Разумѣется публика на такую удочку поддавалась и поддержала это требованіе—оркестръ былъ въ первѣйшей степени, но вотъ изъ ложи министра внутреннихъ дѣлъ и полицейскаго префекта былъ данъ знакъ капельмейстеру и звуки гимна Руже де-Лили огласили своды театра. Пришлось повторить гимнъ дважды сразу, да исполнить его еще по новому требованію публики по окончаніи представленія. Во время этого послѣдняго исполненія, вся публика, не исключая и властей, встала и прослушала его съ непокрытыми головами, послѣ чего начались крики «да здравствуетъ республика!» и нескончаемыя выходы артистовъ.

Тѣ же самые крики и въ тоже время раздавались еще не только въ театрѣ Шателе, гдѣ происходило тоже даровое представленіе и давался «Марсо», но и въ театрѣ—Шатодо, и въ залѣ Леваляу, гдѣ происходили публичные чтенія, плата за входъ на которыя была назначена въ пользу школьныхъ кассъ. Несмотря на то, что въ этотъ день происходили даровые спектакли, на этихъ чтеніяхъ было около 8 тысячъ народу. Въ залѣ Леваляу читалъ депутатъ Паскаль Дюпра объ обязательномъ даровомъ и свѣтскомъ первоначальномъ обученіи, въ залѣ Шатодо—Мартенъ Надо, бывший каменщикъ—объ образованіи ремесленномъ и профессиональномъ. На этомъ послѣднемъ чтеніи распорядителемъ былъ Гамбетта и хотя онъ собственно никакой рѣчи не произнесъ, но предъ началомъ и по окончаніи чтенія импровизировалъ по нѣскольку словъ. Такъ Надо окончилъ свое чтеніе словами надежды, что республика будетъ «создана». «Она уже создана, замѣтилъ на это Гамбетта:—и утверждена на прочной основѣ народнаго сочувствія, одинаковаго во всей странѣ. Самыи крикъ «да здравствуетъ республика», служившій въ прежнее время одновременно выраженіемъ какъ надежды, такъ и угрозы, потерялъ свой прежній характеръ. Когда мы кричимъ теперь «да здравствуетъ республика», то свидѣтельствуемъ этимъ, — что она уже существуетъ среди насъ, упрочена и носитъ въ себѣ всѣ признаки прочности и благоденствія».

Послѣ всевозможныхъ провѣрокъ, международные жюри выставки составили, наконецъ, списокъ наградъ. По этому списку экспонентамъ присуждено, не считая наградъ орденами,

571 по:
131 бо:
2 724 во:
6 520 се:
9.177 б
9.403 г
720

Итого 29.306

Список награжденных
в 500 страниц, на
его громко прочитать
то ни о какой различ
или по группам — в
возможности собрать
градъ и пригласить
дѣломъ, правда, та
крытомъ воздухѣ,
думать. Поэтому
не во всѣхъ на:
Дворцѣ Промышл
рижу выставкой
залось возможн
всего 23,000 че
ненты, получив
шенныя лица
цевъ и кончал

Внутри, дво
метра длины
— былъ деко
толокъ былъ
ватаго цвѣт
лонны был
нахъ повѣи
дотого шн
Францїи, п
ваго арус
флаги съ
висѣли м
мавшихъ
были уг
француз
тывали
или R,
значен
массы
увѣнч

лись гербы
 pes hergiest
 Между гербов
 ложенными
 растениями
 разставлены
 образчики
 шия награды
 тюръ.

Осмотръ
 никто даже
 ное время
 дйленное
 возвысти
 чались
 четный са
 вленные са
 татовъ, а
 видентъ
 цаска д'А
 и д'Астор
 на д'Астр
 При
 ма
 уно
 пера
 вили
 долж
 мой
 съжал
 отстоя
 шися
 За ис
 оркестр
 унцъ

къ бы то
 по уже и
 ганизаци
 но съ уве
 ельно, его
 ниваого

ори, состав
 иненъ, что
 ика довольна
 о окончаніи

шептываться:
 ркестромъ ав
 ась, что стелъ
 о невозможно!
 твуютъ «пре
 а и до самаго
 кликами тол
 здалось и въ
 «Магонъ!»

ительственные
 малитету, были
 мь газовыхъ и
 бенно хороше
 ртскихъ Вы
 много гуляю
 ть свои дома,
 съ закоулкахъ
 омадная триум
 хоръ пѣвцовъ,
 вѣщеніе зданія
 стнымъ. Прост
 ны и до церкви
 исейскихъ По
 ирляндахъ, ни
 вѣщеніе оказа
 одной стороной
 онскаго двор
 стнѣе выдава
 а Звѣзды, вса
 менскомъ пред
 а земледѣлія и
 езвычайно эф
 рону
 ди
 ю
 ь

между прочимъ, исполняетъ красивый, но нѣсколько шумный хоръ изъ «Макавеевъ» Генделя.

Когда маршалъ поднялся мѣста для произнесенія рѣчи, нѣсколько голосовъ воскликнуло «да здравствуетъ республика!» Крики эти повторялись во все время ея произнесенія, а когда маршалъ кончилъ, то стали до того единодушны, что даже многія лица на официальной эстрадѣ ихъ подхватили.

И дѣйствительно, въ этотъ разъ маршалъ высказалъ громкимъ и твердымъ голосомъ такую рѣчь, которая должна была справедливо однихъ обрадовать, другихъ огорчить. Для послѣднихъ было горше всего, что, по волюѣ достовѣрнымъ и официальнымъ свидѣтелямъ, рѣчь эта не была навязана маршалу на совѣтъ министровъ, а сочинена имъ самимъ. Она очень коротка, и достаточно банальна, но зато вмѣсто того, чтобы подобно всѣмъ предшествовавшимъ рѣчамъ Мак-Магона, заключать въ себѣ какіе-нибудь угрожающіе намеки, составлена безхитростно и маршалъ еще впервые упоминаетъ къ ней о «сравнительствѣ республики». Когда маршалъ произнесъ эти два слова, то публика, не дожидаясь окончанія фразы, послѣшила подчеркнуть ихъ продолжительными криками: «вивать» и «браво». Крики эти еще усилились, когда публика замѣтила, что глава государства не безъ удовольствія принялъ такую овацію. Признаніе, что выставка 1878 года «нисколько не уступала предшествовавшимъ если даже не превзошла ихъ», было какъ бы кровавой обидой, брошенной въ лицо бонапартистамъ, клерикаламъ, фигуристамъ и инымъ дѣятелямъ 16-го мая, которые не брезгали никакими средствами сначала для того, чтобы помѣшать ея осуществленію, а потомъ, чтобы всячески повредить ея успѣху, въ концѣ рѣчи встрѣчаются какіе-то робкіе и неопредѣленные намеки на что-то, но общественное мнѣніе растолковало ихъ въ благоприятную сторону. Вотъ этотъ конецъ: «нельзя было не видѣть, что прочность нашего кредита, изобиліе нашихъ ресурсовъ, мирное настроеніе нашихъ городовъ, спокойствіе населенія, обученіе и хорошее состояніе нашихъ войскъ, только что преобразованныхъ, служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что наша организація будетъ плодотворна и прочна. Но наше національное самолюбіе этимъ не ограничится. Если мы стали болѣе предусмотрительны и трудолюбивы, тѣмъ были прежде, то мы обязываемся еще, во имя пережитыхъ нами невзгодъ, поддерживать между нами духъ согласія, абсолютное уваженіе къ законамъ и учрежденіямъ и горячую и безкорыстную любовь къ отечеству». Я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые въ словахъ о нашей арміи готовы были видѣть какой-то таинственный намекъ; но такъ какъ, по пословицѣ, обжегшись на молокѣ, станешь дуть и на воду, то я не придаю особеннаго значенія заявленію маршала о его привязанности къ настоящимъ учрежденіямъ, такъ какъ онъ, очевидно, готовъ былъ также привязаться и къ тѣмъ учрежденіямъ. Какія внесло бы

въ нашу жизнь 16-е мая, еслибы оно имѣло успѣхъ. Какъ бы то ни было, всѣ слушатели вынесли убѣжденіе, что хорошо уже и то, что маршалъ убѣдился, что республиканская организація можетъ существовать, никому не угрожая и одновременно съ увеличеніемъ общаго благосостоянія, и что, слѣдовательно, его «подчиненіе» 14-го декабря 1877 года не принесло никакого ущерба ни Франціи, ни его личному достоинству.

Отчетъ министра Тейсерена де-Бора о трудахъ журн, составленный весьма ловко, былъ, однако же, слишкомъ длиненъ, чтобы публика его усердно выслушала. Не была публика довольна также и гимномъ, который исполнилъ оркестръ по окончаніи торжества: «Воже сохрани Францію».

Музыканты, замѣтивъ это неудовольствіе, стали перешептываться: не грянуть ли «Марсельезу»? но дирижировавшій оркестромъ авторъ гимна, Лоранъ де-Рилле, пришелъ въ такой ужасъ, что счелъ нужнымъ обратиться къ нимъ со словами: «Нѣтъ, это невозможно! Марсельеза—это *призывъ къ войнѣ*, здѣсь же присутствуютъ «представители мира». Маршалъ, по выходѣ съ торжества и до самаго въезда въ Елисейскій Дворецъ, былъ привѣствуемъ кликами толпы: «да здравствуетъ республика!» причѣмъ не раздалось и въ этотъ разъ ни одного клика: «да здравствуетъ Мак-Магонъ!»

Вечеромъ, очень рано, чуть стемнѣло, всѣ правительственныя зданія и зданія, принадлежащія парижскому муниципалитету, были иллюминированы съ такимъ же блескомъ и изобиліемъ газовыхъ и электрическихъ огней, какъ и 30-го іюня. Особенно хорошо былъ въ этотъ вечеръ видъ на Парижъ съ Монмартрскихъ Высотъ, и такъ какъ въ этомъ кварталѣ появилось много гуляющихъ, то обыватели внезапно затѣяли иллюминировать свои дома, вдругъ освѣтившіеся даже въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ этой мѣстности. Въ Батиньолѣ была построена громадная триумфальная арка, на вершинѣ которой помѣстился хоръ пѣвцовъ, исполнявшій патріотическія пѣсни. Электрическое освѣщеніе зданія Большой Оперы въ этотъ вечеръ было особенно эффектнымъ. Пространство отъ Тюльерійскаго дворца съ одной стороны и до церкви Мадлены съ другой—все было залито свѣтомъ. Въ Елисейскихъ Поляхъ тоже не было недостатка ни въ газовыхъ гирляндахъ, ни въ мачтахъ съ звѣздами изъ огней; но такое освѣщеніе оказалось бѣднымъ по сравненію съ иллюминаціями по одной сторонѣ Сены Площади Согласія, а съ другой—зданій Бурбонскаго дворца и министерства финансовъ. За то тѣмъ эффективѣе выдавалась въ концѣ длинной аллеи триумфальная арка Звѣзды, вса горѣвшая электрическимъ солнцемъ. Въ Сен Жерменскомъ предмѣстьи особеннымъ блескомъ сіялъ отель министра земледѣлія и промышленности, главнаго хозяина выставки. Чрезвычайно эффектно освѣщено также было зданіе Наполеона. По ту сторону Сены, на улицѣ des Ecoles и на бульварѣ Сен-Мишель, среди освѣщенныхъ домовъ, толпились массы студентовъ и другой молодежи со шпалками и венеціанскими фонарями на шпалахъ

далекахъ и эстрадахъ. Часть этой веселой толпы прорвалась съ криками и пѣснями на большіе бульвары, гдѣ массы публики въ этотъ вечеръ были еще гуще, тѣмъ 30-го іюня и 1-го мая, и произвела оваціи передъ домами редакцій *Harpe*'я и *République Française*, и шаривари передъ домами «Фигаро» и «Рауэ». Въ громадномъ центрѣ парижской промышленности въ кварталахъ Сен-Дени, Монторгейль и Сен-Антуанъ съ одной и въ Тампльскомъ и Монмартрскомъ предмѣстьяхъ—съ другой, происходило тоже необычайное одушевленіе, и многіе изъ обывателей дали полный разгулъ своей фантазіи. Такъ, одинъ мясникъ устроилъ передъ своею лавкою знамя изъ трехъ барановъ, два изъ которыхъ были выкрашены въ синюю и красную краски, а колбасникъ сочинилъ трехцвѣтную же гирлянду изъ бѣлыхъ сосисокъ, красныхъ копченыхъ языковъ и *колумбъ* (!) омаровъ. Одинъ фабрикантъ, получившій крестъ ордена Почетнаго легіона, устроилъ изображеніе такого креста *en grand* изъ шпекликовъ, а ленту къ нему протянулъ черезъ всю улицу. Часовщикъ, получившій медаль за свои произведенія, выставилъ огромные столовые часы изъ газовыхъ огней. Такъ какъ въ настоящее время года цвѣты рѣдкость, то недостатокъ въ нихъ пополнялся изобиліемъ транспарантовъ съ самыми разнообразными изображеніями, эмблемами, девизами и надписями. Такъ на одномъ изъ нихъ были изображены двѣ цѣлующіяся женщины—Миръ и Республика, на другомъ, республика нацѣпляла звѣзду на блузу рабочаго; нечего и говорить, что рабочій изображалъ самого хозяина и т. д. Въ девизахъ фантазія тоже играла не послѣднюю роль; одинъ сукощикъ такъ передѣлалъ извѣстное выраженіе: король—умеръ, да здравствуетъ король: «Выставка умерла—да здравствуетъ выставка».

Холодное время не позволяло устройства импровизированныхъ баловъ подъ открытымъ небомъ, какъ это было 30-го іюня и 1-го мая. Но все-таки не обшлось и безъ подражанія имъ; такъ въ двухъ мѣстностяхъ въ предмѣстьи Сен-Дени и въ кварталѣ Сантье—были устроены балы въ крытыхъ дворахъ. Фейерверковъ не было устроено ни правительствомъ, ни муниципалитетомъ, но въ тысячи мѣстахъ жильцы верхнихъ этажей весь вечеръ пускали для удовольствія публики изъ оконъ ракеты, римскія свѣчи, или жгли бенгальскіе огни.

Только одинъ кварталъ, и именно тотъ, въ которомъ я живу, не захотѣлъ праздновать 21-е октября, какъ онъ праздновалъ 1-е мая и 30-е іюня, выражая тѣмъ свое неудовольствіе на то, что у парижанъ, перенесшихъ всѣ неудобства, сопряженныя съ выставкой, и выразившіяся въ усиленной дороговизнѣ всѣхъ предметовъ, отнята честь празднованія закрытія выставки—для Версаля. Я думаю, что мои сосѣди поступили нерассудительно и, напротивъ, должны бы были тутъ-то и не пожалѣть издержекъ на иллюминаціи, чтобы частнымъ праздникомъ Париза затмить официальное торжество Версаля, которое, какъ увидать

читатели, совершенно и не удалось, чѣмъ и подтвердилось, что даже въ дѣлѣ устройства праздниковъ все дѣйствительно выходящее изъ ряда и все грандіозное—можетъ являться только въ Парижѣ, этой настоящей, а не фиктивно-официальной столицѣ Франціи.

Маршалъ поступилъ хорошо, принявъ издержки Версальскаго праздника на свой счетъ, но онъ сдѣлалъ дурно, поручивъ его организацію и разсылку приглашеній лицамъ его окружающимъ. Приглашенія были сдѣланы такъ нелѣпо, что множество лицъ, которыя имѣли на нихъ право, не были приглашены за свой крайній демократизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашены были такія личности, которыя пользуются извѣстностью только въ средѣ дамъ полусвѣта. Приглашеній была разослана такая масса, что когда всѣ десять или двѣнадцать тысячъ приглашенныхъ явились предъ Версальскимъ дворцомъ, то распорядители не знали, что имъ дѣлать съ такою толпою публики. Ничего не было бы легче, какъ предоставить лицамъ, лично приглашеннымъ маршаломъ, иностраннымъ принцамъ и членамъ дипломатическаго корпуса, отдѣльный входъ черезъ двери, ведущія въ сенатъ или палату депутатовъ; но распорядители даже и этого не сумѣли сдѣлать. Они сочли болѣе эффектнымъ и торжественнымъ открытіе для всей публики главный входъ дворца по широкой праздничной лѣстницѣ и только раздѣлили ее пополамъ, такъ чтобы съ одной стороны поднимались по ней привилегированные, а по другой простые смертные. Такъ называемый почетный дворъ, находящійся передъ этой лѣстницею, оказался, однако, слишкомъ тѣснымъ, и если привилегированныя лица, благодаря тому, что ихъ сопровождала почетная конная свита, и могли подѣзжать къ лѣстницѣ, то обыкновенные смертные должны были ждать по нѣскольку часовъ, прежде чѣмъ для нихъ экипажей наступала очередь появляться у входа. Многія лица, потерявъ всякую надежду попасть на праздникъ, предпочли просто вернуться домой. Пѣшеходамъ, т. е. такимъ лицамъ, которыя пріѣхали въ Версаль по желѣзной дорогѣ, на долю выпали не меньшія испытанія. Такъ имъ пришлось свои бальные костюмы перепачкать въ грязь, которую наѣхали лошади на почетномъ дворѣ, а, проливнувшись на лѣстницу и поднявшись по ней, они не нашли достаточно прислуги, которая могла бы взять на сохраненіе верхнее платье, такъ что многимъ изъ нихъ не осталось ничего другого, какъ уйти. Около 11 часовъ, едва не произошло серьезнаго несчастія. Лошадь испугалась душечнаго зала, извѣщавшаго о началіи фейерверка; многія изъ нихъ бросились въ разные стороны, и Богъ знаетъ сколько передавали бы пѣшеходовъ, еслибы въ этомъ дѣлѣ не разыгралъ роль провидѣнія вашъ соотечественникъ Яблочковъ, или, лучше сказать, его освѣтительные аппараты, благодаря которымъ было свѣтло, какъ днемъ, что и дало возможность всѣмъ, кому угрожала опасность, отъ нея отстраниться.

Не меншіе беспорядки происходили и въ паркъ, открытомъ для народа, т. е. для всѣхъ, кто не былъ удостоенъ приглашеніемъ во дворець. Такихъ лицъ набралось до 80 тысячъ — таково было, по крайней мѣрѣ, число билетовъ, взятыхъ туда и обратно на Парижско Версальской желѣзной дорогѣ на этотъ вечеръ. Во весь этотъ день было ненастье и шелъ сильный дождь, такъ что всѣ дорожки въ паркъ размякли и сдѣлались скользки, вѣтромъ же загасило всѣ фонари, которыми для указанія пути были обвѣшаны всѣ главныя аллеи. Такъ какъ по обѣимъ сторонамъ аллеи сверхъ того были протянуты желѣзные прутья, то публика, скользя по грязи, безпрестанно на нихъ наткалаась и падала. Тѣ, которые не особенно дорожили своимъ платьемъ или являлись въ паркъ предусмотрительно одѣвшись во все старое, были, по крайней мѣрѣ, вознаграждены зрѣлищемъ, дѣйствительно великолѣпнаго фейерверка, такого, какой вряд ли кому когда либо еще приходилось въ жизни видѣть. Освѣщеніе Нептунова бассейна и другихъ фонтановъ безчисленными огнями всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ представляло собой нѣчто совершенно волшебное. Фейерверочные букеты состояли чуть не изъ десятковъ тысячъ ракетъ.

Между тѣмъ, какъ простые смертные возвращались съ фейерверка въ вокзалъ желѣзной дороги, хотя нѣсколько вознагражденные за хлопоты этого дня, искусъ «приглашенныхъ» все еще продолжался, такъ какъ одни изъ нихъ все еще не могли попасть во дворець, а другіе выйти, до тѣхъ поръ, пока одному изъ распорядителей не пришла въ голову мысль, что публику можно пускать и по привелегированной сторонѣ лѣстницами, тѣмъ болѣе, что въ этому времени почти всѣ великіе міра успѣли уже разѣхаться по домамъ; но когда вся лѣстница была открыта для публики, то произошла новая бѣда. Въ громадномъ зеркальномъ залѣ и смежныхъ съ нимъ салонахъ оказалось невообразимая давка, такъ что самому маршалу, при помощи нѣсколькихъ приставовъ, приходилось съ трудомъ проталкиваться черезъ толпу. Ни въ одинъ изъ дѣйствительно роскошно убранныхъ и изобильно снабженныхъ всякими яствами и питіями буфетовъ не было положительно прохода ни для дамъ, ни для самыхъ знатныхъ изъ гостей, до тѣхъ поръ, пока, для приведенія въ порядокъ раздачи консомаций, не явился чуть ли не цѣлый отрядъ кавалерійскихъ солдатъ. Толпы любителей хорошо поѣсть и выпить на даровщинку забрались туда съ позаранку и никакъ не хотѣли уходить изъ такого значаго мѣста, чтобы предоставить возможность и другимъ утолить свою жажду и укрѣпить свои силы послѣ трудовъ, употребленныхъ на то, чтобы попасть во дворець.

Несмотря на сумятицу и давку въ зеркальномъ залѣ, два оркестра музыки поочередно гремѣли все время, какъ бы стараясь заглушить шумъ, господствовавшій тамъ. Танцевали или не танцевали на этомъ балѣ — этого не могли рѣшить большія

ство гостей, такъ какъ до танцевальныхъ залъ могли обратиться только тѣ счастливицы, которые, приѣхавъ рано въ Версаль, обеспечили себѣ въ немъ ночлегъ, такъ что могли быть во дворцѣ до начала давки на лестницѣ и переждать окончанія ея при разѣздѣ. Впрочемъ, и танцующимъ не было особенныхъ удобствъ; толкотня и давка придавала балу характеръ оперныхъ маскарадовъ. Такъ мнѣ рассказывали, что въ одномъ изъ кадрилей весьма приличный господинъ танцевалъ во фрагѣ съ оторванными фалдами, а его визави потеряла шиньонъ и шлейфъ отъ своего платья. Мужей, потерявшихъ женъ, и женъ, потерявшихъ мужей, было не меньше, чѣмъ на любомъ изъ оперныхъ маскарадовъ. Но самая главная бѣда состояла въ томъ, что множество лицъ получили значительныя простуды, такъ какъ отыскать при разѣздѣ салопо или пальто было чуть ли не такъ же трудно, какъ выиграть главный кушъ въ лотерею. Большинство вынуждено было отправляться по домамъ въ однихъ фракахъ или бальныхъ платьяхъ. Доказательствомъ того, что я ни сколько не приувеличиваю, можетъ служить слѣдующее невѣроятное заявленіе, появившееся на другой день во всѣхъ газетахъ, и которое я привожу съ буквальною точностью: «Лица не могшія добиться выдачи ихъ верхняго платья на балѣ 22-го октября, симъ приглашаются пожаловать за полученіемъ ихъ въ Версальскій Дворецъ. Вещи, которыя не будутъ оттуда вѣребованы, будутъ перевезены въ пятницу 25-го въ ванцеларію Елисейскаго Дворца, гдѣ и будетъ производиться ежедневно ихъ раздача съ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера!» Замѣйте, что многимъ изъ потерпѣвшихъ крушеніе на этомъ балѣ, приходилось возвращаться ночью въ открытыя мѣстахъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, окончившихъ эту перевозку только подъ самое утро!

Но какъ бы это ни было печально, замѣчательно то, что все какъ-то идетъ на пользу республикѣ. Мы видѣли, что военныя суды арестуютъ случайно вліятельнаго избирателя и вотъ амнистія, которой такъ долго и тщетно добивались, почти достигается и притомъ сама собой. Праздникъ въ Версалѣ не удастся и невозможность признанія его столицей Франціи становится для всѣхъ очевидностью.

Дурное впечатлѣніе, которое долженъ былъ оставить по себѣ неудавшійся версальскій балъ въ знатныхъ лицахъ, посѣтившихъ Парижъ подъ самый конецъ выставки, въ счастью, могло быть заглажено блестящимъ баломъ, который далъ для этихъ лицъ министръ иностранныхъ дѣлъ немедленно послѣ праздника въ Версалѣ, подобно тому, какъ министръ народнаго просвѣщенія за недѣлю до него.

Лица же, не бывшія въ Версалѣ, сохранять объ окончившейся выставкѣ самое пріятное воспоминаніе, такъ какъ они останутся подъ впечатлѣніемъ великолѣпнаго парижскаго праздника 21-го октября.

III.

Музыкальныя новости: «Полиевтъ» опера Гуно на сценѣ Большой оперы и «Веронскіе любовники» опера маркиза д'Иври на сценѣ Итальянскаго Театра.

Я гдѣ-то читаль, что чуть ли не у васъ или у испанцевъ существуетъ пословица, которая въ денежныхъ знакахъ выражаетъ положеніе человѣка, который не имѣлъ ничего и внезапно получаетъ... очень немного. Какъ-то въ родѣ «не было ни сантима и вдругъ очутилось цѣлое су». Пословица эта пришла мнѣ на память потому, что она отлично характеризуетъ наше настоящее положеніе, когда послѣ долгихъ и томительныхъ ожиданій, что во время выставки мы услышимъ какую нибудь новую оперу и національная наша академія музыки озаботится о томъ, чтобы гости, собравшіеся въ Парижъ со всѣхъ концовъ міра, получили понятіе о состояніи современной французской музыки—подъ самый конецъ выставки дождались таки осуществленія нашихъ надеждъ и вмѣсто одной оперы получили разомъ двѣ, поставленныя одновременно на двухъ оперныхъ сценахъ.

Изъ двухъ этихъ оперъ, впрочемъ, только одна могла бы быть причислена къ категоріи тѣхъ музыкальныхъ произведеній, появленіе которыхъ составляетъ событіе, такъ какъ написана она композиторомъ, признаннымъ главою современной французской музыки, Шарлемъ Гуно: Я говорю о «Полиевтѣ», поставленномъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ на сценѣ «Большой Оперы». Другая опера, появившаяся на подмосткахъ итальянскаго театра, называется «Веронскіе любовники» и написана композиторомъ-дилетантомъ, маркизомъ д'Иври. Ее собственно нельзя назвать даже и новостью, такъ какъ она написана цѣлыхъ 15 лѣтъ тому назадъ.

Я сказалъ уже, что «Полиевтъ», до своего появленія на сценѣ, возбуждалъ громадныя ожиданія. Парижане еще не забыли тѣхъ особенныхъ условий, при которыхъ Гуно задумалъ создать музыкальную драму изъ христіанской трагедіи Пьера Корнея. Мысль эта явилась у композитора въ 1870 году и совпала съ самымъ романтическимъ эпизодомъ его жизни, поздней любовью къ замужней женщинѣ, бѣгствомъ изъ-за этой любви въ Англію, судебнымъ скандаломъ, полупомѣшательствомъ и полнѣйшею мистическою экзальтаціею. Письма его того времени, въ которыхъ онъ такъ много говоритъ о своей будущей оперѣ, въ которой онъ затѣвалъ воплотить все свое религіозно-мистическое настроеніе и которою надѣялся разбудить угасающую въ челоѣчествѣ вѣру—напечатанныя изъ мести къ нему лицомъ, къ которому онъ ихъ писалъ—были прочтены всею Франціею. Въ письмахъ этихъ, переходившихъ порою въ безсвязный бредъ мистика-визионера, пробивалась съ тѣмъ вмѣстѣ струя страстнаго рели-

госнаго убѣжденія и какаго-то суроваго аскетизма. Всѣ эти данныя заставляли ожидать отъ Гуно, можетъ быть, и страннаго, но во всякомъ случаѣ самобытнаго, сильнаго и вдохновеннаго религіознаго произведенія.

Что же произошло? Когда 7-го октября, въ три четверти восьмого, дирижеръ оркестра, Ламуру, взмахнулъ своимъ смычкомъ, вся зала притала дыханіе; нѣсколько тысячъ зрителей, готовые восхищаться, напрягли все свое вниманіе, въ полной надеждѣ услышать нѣчто великое и необычайное. По окончаніи перваго акта, публика переглядывалась въ недоумѣніи, какъ бы не рѣшаясь выразить словами произведеннаго на нее впечатлѣнія; когда же окончился и послѣдній актъ, то фанатическіе поклонники маэстро не оставляли своихъ мѣстъ, какъ бы все ожидая, что же будетъ дальше. Опера дѣйствительно какъ бы безъ конца, Полиевкта и Паудину не бросаютъ въ ней на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ, и если публика и не особенно горевала объ отсутствіи торжествующаго финальнаго хора язычниковъ, то она ждала религіозныхъ гармоній, въ родѣ изображенія радости ангеловъ о протерпѣвшихъ до конца христіанахъ или выраженія того высокаго блаженства, какое должны были испытывать многострадалные мученики. вмѣсто всего этого поднялся занавѣсъ и публика увидала... режиссера въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, перечислявшаго не безъ граціи длинный списокъ именъ либреттистовъ, декораторовъ, балетмейстеровъ и т. д... Разочарованная публика, не дослушавъ этой литаніи, испуганно побѣжала изъ театра, позабывъ даже, что слѣдуетъ, хотя бы изъ приличія, вызвать если не автора, то лучшихъ изъ исполнителей... Однимъ словомъ, повторилось совершенно тоже, что произошло послѣ представленія печальной памяти «Іоанны д'Аркъ».

Я не принадлежу къ числу людей особенно благочестивыхъ, но дѣню очень высоко религіозную музыку. Я не считалъ бы для себя большимъ лишеніемъ не слышать вовсе оперы, написанной на сюжетъ трагедіи Корнеля, не дающей для этого даже достаточно матеріала, но съ удовольствіемъ прослушалъ бы ораторію, написанную на эту легенду, какъ и всякую другую ораторію. И что же? съ самаго начала торжество триумфатора Севера и празднество въ честь Юпитера, обставленное всѣмъ блескомъ языческаго великолѣпія, прямо отнимаютъ отъ аскетической поэмы всю ея сурово наивную прелесть и заставляютъ меня быть въ одно время и слушателемъ и зрителемъ. Но зритель уже не то, что слушатель; если слушатель, ради вышшаго наслажденія идеальной гармоніей, можетъ наслаждаться съ закрытыми глазами и забыть, что онъ существуетъ на землѣ, то зритель, по самой своей природѣ, существо земное и положительное: онъ полюбуется съ удовольствіемъ полчаса на танцы легкой и граціозной балерины, какова дебутантка Маури, онъ потеряетъ, не жалуясь, другіе полчаса, слѣдя за шествіемъ древнеримскихъ вогуль, несущихъ побѣдоноснаго триумфатора, слѣдомъ

за которыми идут закованными побѣжденные имъ правители, но, помимо всего этого и прежде всего, ему необходима драма, которая могла бы его заинтересовать, а нѣкоторые моменты ея или положенія увлекать и приковывать его вниманіе. «Поліевекъ» же, увѣ, одинаково неудачное произведеніе какъ для зрителя, такъ и для слушателя. Въ немъ нѣтъ ни одной поражающей сцены, ни одного музыкальнаго порыва, который могъ бы восхитить слухъ. Во все продолженіе пьесы вы видите, что только что начинается что либо интересное, какъ все внезапно прерывается самымъ банальнымъ образомъ. Но это еще не главная бѣда: въ оперѣ есть нѣчто гораздо худшее. Такъ, слушая торжественный маршъ и глядя на триумфальное шествіе перваго акта, вы невольно вспоминаете «Жидовку» и находите, что Галевн несравненно выше Гуно. Во второмъ дѣйствіи, изъ глубины сцены доносятся отзвуки римской оргн, а на аван-сценѣ происходитъ крещеніе Поліевекта; вы вспоминаете совершенно такую же сцену, изъ «Сицилійскихъ вечереиъ» и замѣчаете, что Верди сдѣлалъ даже въ одномъ изъ слабѣйшихъ своихъ произведеній съ несравненно большимъ искусствомъ, чѣмъ Гуно, разработать двойной эффектъ одинаковой сцены. Въ финалѣ 3-го акта, когда Поліевекъ и Нерархъ, послѣ языческаго праздника, бросаются на идолы и разбиваютъ ихъ, вы просто поражаетесь той банальностью, съ какою переданъ и фанатизмъ христіанъ, и недоумѣніе и гнѣвъ народа; при этомъ вы невольно вспоминаете подобный же драматическій финалъ второго акта Моисея и называете мысленно Россини гениемъ. Во второмъ актѣ есть одно мѣсто, которое дѣйствительно хорошо, именно: посвященіе Вестъ и слѣдующій за нимъ любовный дуэтъ Паулины и Севера, великолепно исполненной г-жею Краусъ и Лассалемъ, съ оркестровкой на манеръ Глюка. Въ четвертомъ актѣ, при появленіи Паулины, желающей спасти своего мужа изъ тюрьмы, между тѣмъ какъ Поліевекъ стремится вынести мученичество, можно было надѣяться потрясающей сцены, въ родѣ дуэта Валентины и Рауля въ Гугенотахъ—но вѣдь для такой сцены потребовалась бы мощь Мейербера. Напрасно г жа Краусъ старается страстно выразить безстрастную музыку, ея Поліевекъ—теноръ безъ всякаго одушевленія, Саломонъ, котораго впоследствии замѣнилъ, къ счастью, Селле ученикъ консерваторіи, только-что ее оставившій—затягиваетъ безкомечную мелопею, которая, можетъ быть, и вполне религіозна, но нагоняетъ невыразимую тоску и скуку. Если Мейерберъ сдѣлалъ вполне повятымъ, почему Валентина становится гугеноткой, то Гуно заставляетъ рѣшительно недоумѣвать, изъ за какой радости Паулина дѣлается христіанкой и рѣшается на смерть вмѣстѣ съ своимъ тоску нагоняющимъ мужемъ, между тѣмъ, какъ его почтенное мученичество предоставило бы ей только возможность самымъ благовиднымъ образомъ соединиться брачными узами съ несравненно болѣе симпатичнымъ Северомъ. Что касается до заключительнаго credo,

то, въ виду религіозности Гуно, можно было ожидать чегонибудь высоко-гармоничнаго и торжественнаго. И что же? Слушая его, вамъ приходится въ голову, какъ замѣчательно сильно и хорошо сгедо въ «Поліеветъ»... Доницетти.

Я думаю, что нечего и говорить о томъ, что если новая опера Гуно въ цѣломъ болѣе, чѣмъ неудачна, то въ ней всѣтаки есть многія подробности, которыя прелестны и значительно выдавались бы въ произведеніи менѣе серьёзномъ. Но въ «Поліеветъ» онѣ представляются какими-то фіалками среди чащи дѣвственнаго лѣса, время отъ времени запахъ ихъ раздражаетъ ваше обоняніе, но тотчасъ же исчезаетъ безслѣдно. Оркестровка обдуманно-строгая прегрѣшаетъ именно тѣмъ, что совершенно не соответствуетъ ни блеску декоративной обстановки, ни избытку движенія въ нрессѣ. Такая религіозная инструментовка произвела бы свой эффектъ при исполненіи ея въ концертной залѣ или въ церкви, но въ оперѣ, гдѣ отведено такъ много мѣста декоративному блеску, танцамъ и земной страсти, она производитъ впечатлѣніе органа, который исполнялъ бы Генделя, въ качествѣ акомпанимента къ водевильнымъ пулетамъ.

Неуспѣхъ «Поліевета» заставилъ Аланье объявить, что онъ собирается ставить «Сигурда», оперу музыкальнаго критика «Journal des Débats», Рейэ, увертюра которой, также какъ и нѣсколько другихъ отрывковъ, хорошо извѣстны парижской публикѣ, такъ какъ были нѣсколько разъ исполнены съ успѣхомъ въ большихъ концертахъ. Онъ заявилъ также, что для его сцены Массенэ, сдѣлавшійся на дняхъ профессоромъ композиціи въ консерваторіи, оканчиваетъ свою «Иродіаду». Массенэ, какъ читатели знаютъ, въ настоящее время пользуется значительною славой, и если новая опера Амбруаза Тома, автора «Гамлета» и «Мишеньи», «Франческа де Римини», окажется также неудачной, какъ и «Поліеветъ», автора «Фауста» и «Ромео и Джульетты», то главою современныхъ французскихъ музыкантовъ будетъ подезительно признанъ Массенэ.

Если Аланье не поставилъ вмѣсто «Поліевета», «Франческу де Римини», во время выставки, какъ это предполагалось, то виною этого самъ Амбруазъ Тома, который поставилъ необходимыя условія постановки своей оперы, чтобы теноровую партію исполнялъ въ ней Капуль. Капуль же сдѣлался временно директоромъ театра Вантадуръ, послѣ внезапнаго отказа музыкальнаго издателя Эскудье, при пособіи правительственной субсидіи, поддерживать третью лирическую національную сцену. Отдать же «Франческу» Капулю для его театра, Тома, конечно, не хочется, такъ какъ это значило бы лишить ее преимуществъ той блестящей обстановки, какая возможна только въ Большой Оперѣ. Такимъ образомъ, еще ничего неизвѣстно, когда мы, наконецъ, услышимъ «Франческу де Римини».

Впрочемъ, управленіе Капуля театромъ Вантадуръ продолжится, вѣроятно, не долго и сродъ этотъ находится въ славѣ со степенью

материальнаго успѣха «Веронскихъ любовниковъ». Маринъ д'Иври не нуждается въ субсидіи и поставилъ свое произведеніе на свой счетъ, такъ какъ на другихъ условіяхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не могъ добиться нигдѣ его постановки. Обыкновенно, подобныя постановки на свой счетъ, какія могутъ позволять себѣ одни только миллионеры, дѣлались для произведеній, не имѣвшихъ никакого артистическаго значенія, и не приносящихъ никакой денежной выгоды. На этотъ разъ дѣло вышло не такъ; оперу слушаютъ съ удовольствіемъ не одни только друзья и прихлебатели графа, готовые, за гостепримство амфитріона, поощрить его слабость къ музыкальному авторству. Казалось бы, что со стороны композитора-дилетанта, большая дерзость являться съ новымъ вариантомъ на сюжетъ лучшей драмы Шекспира, послѣ того, какъ онъ былъ обработанъ въ музыкальномъ отношеніи такимъ мастеромъ, какъ Гуно въ его «Ромео и Джульеттѣ»; но такъ какъ «Веронскіе любовники» умѣли успѣхъ (написана же эта опера была прежде «Ромео и Джульетты» Гуно), то дерзость композитора вѣнчалась ему въ заслугу и музыкальная критика отнеслась къ его произведенію съ сочувствіемъ и снисходительностью. Удешевленная же плата за мѣста, сдѣлавъ доступнымъ ознакомленіе съ этой оперой массамъ публики, обладающей болѣе любовью къ музыкѣ, чѣмъ матеріальными средствами — обусловила и денежный успѣхъ ея.

Маринъ д'Иври выказалъ весьма много литературнаго такта и вкуса относительно либретто. Оно написано отличными стихами и очень близко въ драмѣ Шекспира, нѣкоторыя же мѣста просто представляютъ весьма вѣрный ея переводъ. Если въ немъ такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ операхъ на этотъ сюжетъ, и выпущена послѣдняя сцена примиренія семейства Монтекии и Капулетти надъ трупами погибшихъ изъ-за ихъ вражды симпатичныхъ дѣтей, за то оставлены всѣ комическіе эпизоды и великодушный типъ старой и цинической кормилицы сохранены во всей его неприкосновенности. Передъ тѣмъ, когда, по ея совѣту, Джульетта рѣшается выпить напитокъ, приготовленный Фра-Лоренцомъ, она поетъ комическую пѣсню, что и составляетъ весьма эффектный и удачный контрастъ съ только-что передъ тѣмъ исполненнымъ и весьма сильнымъ по глубинѣ вложеннаго въ него чувства — трио. Оркестровка не вполнѣ удовлетворительна и оставляетъ многого желать; композиторъ вообще не совладалъ съ рѣзкими переходами и сильными мѣстами своего произведенія; но за то весь любовный элементъ музыки обработанъ отлично и весьма поэтично; мелодій и притомъ болѣею частью прелестныхъ не оберешься. Понятно, почему Капуль пожелалъ исполнять эту музыку преимущественно передъ всякой другой — она, какъ будто для него написана; пѣть ее ему легко, и при ея исполненіи скрадываются всѣ недостатки его голоса и манеры пѣнія, и выражаются всѣ ихъ достоинства. Играетъ онъ Ромео просто и отлично, изящество игры его, такъ нравящееся зри-

тельницамъ, доходить до совершенства въ сценахъ дуэли съ Тибальдомъ и дуэта передъ гробницей. Для Капуля собственно эта роль составила лучшій успѣхъ во всей его артистической карьерѣ, не исключая даже и партіи Павла въ «Павлѣ и Virginіи». Разумѣется, что и за границей Капуль станеть исполнять эту партію повсюду, гдѣ только найдетъ для себя подходящую Джульету. У насъ такою Джульетою была г-жа Гейльбронъ, исполнявшая также и Virginію въ Gaité, поочередно съ г-жею Риттеръ. Она очень эффектна и представительна по своей внѣшности и, пожалуй, даже слишкомъ представительна, но какъ пѣвица, она донельзя капризна, и одинъ вечеръ поеть превосходно, а другой — плохо изъ рукъ вонкъ. Даже въ одно и тоже представленіе она можетъ попеременно увлекать васъ до восторга и заставлять просто негодовать на себя. Остальные исполнители импровизированной труппы залы Вантадуръ ведутъ отлично свои второстепенныя партіи и не портятъ ансамбля. Маркизь д'Иври, вѣроятно, и въ самыхъ пылкихъ мечтахъ своихъ не надѣялся на такой успѣхъ своей оперы, какового, при помощи Капуля, добился на сценѣ нашего итальянскаго театра.

Парижъ, 25-го октября 1878 г.

Людвигъ.

МЕЛКІЙ ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТЪ

ДЛЯ ПОКУПКИ КРЕСТЬЯНАМИ ЗЕМЕЛЬ.

Давно уже у насъ не было такого обилія всевозможныхъ проектовъ по части крестьянскаго благоустройства, какъ за послѣдніе годы. Припомните только: проектъ всеобщей волости петербургскаго земства; колесовскій проектъ фермерства; проектъ гр. Орлова-Давыдова о созданіи крупнаго землевладѣнія; проектъ Шереметьева объ отрѣшеніи крестьянъ отъ земли; нѣсколько проектовъ артельной обработки полей и интенсивнаго хозяйства, имѣвшихъ цѣлью доказать, что можно извлекать большіе доходы и изъ малыхъ надѣловъ; нѣсколько проектовъ кредита для покупки крестьянами земель у помѣщиковъ и казны; поземельную теорію проф. Васильева, предлагавшую примѣненіе къ крестьянскому быту майоратнаго права и обезземленіе всѣхъ тѣхъ, кому

идо не суждено родиться первенцемъ; разнообразные проекты нѣкоего Миттельштедта, изложенные имъ въ особомъ сочиненіи и т. д. Одно обиліе этихъ проектовъ показываетъ уже, что съ крестьянскимъ вопросомъ обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Что же, новое зданіе крестьянской реформы, выстроенное лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ — нуждается ли оно въ совершенной перестройкѣ, или же дало только трещины, которыя нужно только нѣсколько законопатить и замазать? Чрезвычайно было бы интересно свести всѣ эти проекты вмѣстѣ и посмотреть, какъ они смотрятъ на этотъ вопросъ, что предлагаютъ и насколько проектируемыя ими мѣры имѣютъ въ виду дѣйствительно поднять крестьянское благосостояніе. Но, такъ какъ обо всѣхъ почти этихъ проектахъ уже говорилось въ нашей литературѣ, то читатель болѣе или менѣе уже знакомъ съ ними. Не обратила только достаточнаго вниманія литература на проекты кредита для покупки крестьянами земель, между тѣмъ какъ проекты эти наименѣе эксцентричны и наиболѣе осуществимы на практикѣ. У насъ проектировались для этого: особые большіе банки на акціонерныхъ началахъ, съ участіемъ капиталистовъ; проектировались земскіе банки и наконецъ мѣстныя мелкія общества взаимнаго кредита, съ земскою и правительственною поддержкою. Вопреки заявленію князя Васильчикова въ его «Землевладѣніи и Земледѣліи», что крестьяне махѣлены у насъ вполне достаточнымъ количествомъ земли, отовсюду раздаются жалобы на недостаточность земли, и, что всего замѣчательнѣе, самъ кн. Васильчиковъ состоитъ авторомъ одного изъ проектовъ такого кредита или, по крайней мѣрѣ, возбуждаетъ о немъ вопросъ, какъ о дѣлѣ первой, настоятельной и государственной необходимости. Наиболѣе чуткими въ данномъ случаѣ оказались, впрочемъ, по обыкновенію, не отечественные публицисты, а капиталисты, ищущіе постоянно новыхъ источниковъ обогащенія и помѣщенія для своихъ капиталовъ. Въ 1874 г., въ министерство финансовъ былъ представленъ проектъ большаго акціонернаго банка для содѣйствія покупке крестьянами земель и для выдачи мелкихъ ссудъ, не разрѣшенныхъ уставами земельныхъ банковъ (ниже 300 р.). Подъ влияніемъ ли робости отъ новизны дѣла или же, напротивъ, рассчитывая взять накалиствомъ, проектъ требовалъ правительственной и земской гарантіи, благодаря чему, можетъ быть, и не былъ утвержденъ министерствомъ. Въ 1874 жѣ году, на харьковскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, былъ возбужденъ и обсуждался вопросъ о земскомъ кредитѣ для той же цѣли. Въ 1875 г., въ газеты проникъ слухъ объ образованіи въ одной изъ среднихъ губерній большой кампаніи землевладѣльцевъ, которая собиралась устроить большой акціонерный банкъ, при содѣйствіи земства, распространяя его дѣятельность на всю Россію. Имѣлъ ли этотъ проектъ дальнѣйшее движеніе — не знаемъ. Въ 1876 г., вышла брошюра кн. А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева «Мелкій земельный кредитъ въ Россіи», проектировавшая мѣстныя товарищества

взаимнаго кредита, на подобіе сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ, но съ большимъ райономъ дѣйствія и съ особымъ учрежденіемъ — Центральною кассою народнаго кредита. Намъ наиболѣе интересуютъ послѣднее предложеніе, такъ какъ всѣ остальные проекты суть не больше, какъ плохо прикрытая спекуляція, не имѣвшая ничего общаго съ интересами народнаго благосостоянія. Нечего много говорить о томъ, насколько примѣненіе акціонернаго начала къ дѣлу крестьянскаго земельного кредита, въ видѣ ли устройства особаго банка или расширенія сферы дѣятельности существующихъ кредитныхъ учреждений, не выдерживаетъ критики. Это можетъ внести спекуляцію и ажіотажъ въ крестьянскую жизнь, или, лучше сказать, можетъ вынести крестьянское благосостояніе на биржу и сдѣлать его предметомъ спекуляціи для разныхъ дѣльцовъ и аферистовъ, а, въ концѣ концовъ, кончиться обезземеліемъ народа. Отдавать дѣло народнаго кредита въ руки капиталистовъ все равно, что поручать волку овчарню или козлу огородъ. Поголовнаго обезземелія крестьянства, конечно, не произойдетъ, но уцѣлѣютъ весьма немногіе; большинство, слабое, задавленное и обремененное платежами, очутится въ состояніи батрачества, меньшинство — разбогачится. Намъ очень пріятно, что также понимаютъ этотъ вопросъ и гг. князь Васильчиковъ и Яковлевъ. «Мелкій земельный кредитъ, читаемъ мы въ ихъ брошюрѣ, представляетъ собою обоюдо острый мечъ, который можетъ оказать громадные услуги большинству мелкаго землевладѣнія или можетъ, наоборотъ, совершенно его убить. Намъ однажды привелось слышать разсужденія одного реформатора, который для созданія послушнаго класса рабочихъ видѣлъ единственное средство въ обезземеліи крестьянъ посредствомъ уничтоженія круговой поруки по платежу повинностей и продажи за каждую личную недоимку принадлежащаго недомыцику участка земли. Эта дѣль еще легче и скорѣе можетъ быть достигнута мелкимъ земельнымъ кредитомъ, если учрежденія этого кредита зададутся исключительными дѣлами наживы, безъ соображенія съ дѣйствительными интересами страны» (70). То, что крестьянская земля находится въ общинномъ землевладѣніи и, до окончанія выкупа, не можетъ быть предметомъ продажи, не составляетъ еще препятствія: крестьяне, окончившіе выкупъ, а равно и неокончившіе такового, если они вносятъ выкупную ссуду, имѣютъ право выдѣлаться изъ общины и продавать свои участки; выкупная операція значительно подвинулась впередъ, и окончаніе ея не за горами; наконецъ, есть многочисленныя лазѣйки и выходы для обхода законодательства. Намъ попалась недавно въ «Новомъ Времени» публикація: «покупаютъ крестьянскіе надѣлы и ходатайствуютъ о выкупной ссудѣ. Сергіевская, д. 59, кв. 1, отъ 10 утра до 3 час.» (№ 908, 1878 г.). Нужно замѣтить, что публикуетъ это простая комиссіонерская контора, у которой на первомъ планѣ стоитъ барышъ и на послѣднемъ тоже барышъ. Кредитъ также можетъ быть

приспособленъ къ этой цѣли, и, если будутъ встрѣчаться препятствія, то, кто знаетъ, можетъ быть, послѣдуетъ и дальнѣйшее вмѣненіе законодательства въ неблагопріятномъ смыслѣ для общины, въ пользу чего приводится такъ много доводовъ даже на мотивы государственныхъ соображеній. Но, оставляя все это въ сторонѣ, возьмемъ самое простое: приобретаая участокъ при помощи кредита на сторонѣ, крестьянину надѣлъ не будетъ представляться особенно цѣннымъ (въ большинствѣ случаевъ ему, вѣроятно, придется заводить два хозяйства), а выкупить ли онъ вновь приобретенный участокъ, это — вопросъ, на который, какъ увидимъ ниже, можно дать скорѣе отрицательный отвѣтъ. Продавецъ, конечно, ничего не теряетъ: онъ обезпечитъ себя, на случай неуплаты, или тою же землею, или какими либо иными гарантіями. Поэтому распространеніе акціонернаго земельного кредита, устроеннаго капиталистами, не только нежелательно на существующее крестьянское землевладѣніе, но и для приобретенія новыхъ земель, нежелательно, несмотря на всю настоятельность земельного кредита для крестьянъ. Требованіе правительственной и земской гарантіи является уже требованіемъ совсѣмъ излишнимъ со стороны спекулянтовъ. Въ земельномъ кредитѣ для крестьянъ могутъ быть заинтересованы не одни только наши, но и иностранные дѣльцы. Народное землевладѣніе — это такой источникъ для разнообразныхъ спекулятивныхъ комбинацій, который къ намъ загонитъ, вѣроятно, не одного биржевого волка, въ родѣ забѣжавшаго недавно Струсберга. Въ немъ могутъ быть заинтересованы и земельные банки, обремененные просроченными имѣніями, подъ которыя выданы громадныя ссуды и которыя нейдутъ съ рукъ; и землевладѣльцы, которые платятъ въ банки 0%, далеко не соотвѣтственный получаемой рентѣ, и, наконецъ, владѣльцы закладныхъ листовъ, спускавшихся недавно до 77 р. и искусственно поднятыхъ центральнымъ банкомъ. Надти покупщика на землю чрезвычайно интересно, какъ для банковъ, такъ и для самихъ владѣльцевъ: первые не получаютъ 0% и погашенія и ведутъ скучную процедуру публикацій и продажи, которая зачастую кончается тѣмъ, что имѣніе остается на шеѣ банка; а вторые, получивъ уже стоимость имѣнія, въ видѣ ссуды, заинтересованы дополучить нѣкоторую толку изъ разности между ссудою и опѣной. Могутъ быть заинтересованы въ продажѣ земель крестьянамъ и тѣ землевладѣльцы, которые, имѣя землю въ избыткѣ, не могутъ сдавать ее въ аренду и не имѣютъ ни достаточнаго капитала, ни необходимаго количества рабочихъ рукъ для эксплуатаціи. Таковыми будутъ, на примѣръ, большая часть землевладѣльцевъ нашихъ южныхъ, степныхъ губерній. Вопросъ о земельномъ кредитѣ, возбуждавшійся на югѣ неоднократно и обсуждавшійся на харьковскомъ съѣздѣ, имѣлъ подъ собою именно такого рода подкладку. Обстоятельство это необходимо имѣть въ виду при обсужденіи проѣзтовъ, идущихъ съ юга. Нашъ югъ, надѣленный превосходною природою, не имѣющей недо-

статка въ землевладѣльцахъ и агрономахъ, нуждается въ рабочемъ человѣкѣ, котораго и нужно туда залучить во что бы то ни стало. Южане долго сидятъ надъ этою китайскою головоломкою. Достаточно припомнить по этому поводу одни воили бессарабскаго дворянина Леонарда, опубликованныя въ отдѣлѣ объявленій «Голоса»; достаточно припомнить многочисленныя проекты для прельщенія переселенцевъ разными фиктивными льготами и, наконецъ, проектъ законтрагованія ихъ черезъ особыхъ агентовъ, подобно тому, какъ это практикуется свеклосахарными заводчиками югозападнаго края и нѣкоторыми желѣзными дорогами. Знаменитые Щедринскіе генералы, попавшіе сверхъестественнымъ чудомъ на необитаемый островъ, были гораздо счастливѣе: они нашли спящаго мужика и заставили его исполнять свое назначеніе. Правда, что югъ, во время косовицы и уборки хлѣбовъ, посѣщается рабочими, приходящими на заработки изъ другихъ губерній, но это не то. Наши южане не привыкли платить высокихъ цѣнъ и желали бы хозяйничать на подобіе южанъ Америки. Они пришлымъ элементомъ не довольны: пришлый человѣкъ, будучи элементомъ вольнымъ и передвижнымъ, имѣетъ привычку стремиться продавать свой трудъ возможно дороже, не то уходить въ другое мѣсто, а, въ случаѣ дурнаго обращенія и неудовлетворительнаго содержанія, бросаетъ даже работу, несмотря на условія (у г. Леонарда это подробно объяснено и даются даже совѣты—какъ догонять, ловить и водворять такихъ ушедшихъ рабочихъ); наконецъ, приходящіе рабочіе, по увѣренію землевладѣльцевъ, отличаются нетрезвостью, неакуратностью и проч. Словомъ, было бы гораздо лучше имѣть рабочихъ постоянныхъ, и притомъ такихъ, которые не были бы очень самостоятельны. Лучше всего для этого было бы сдѣлать такъ, чтобы трезвые и хорошіе работники переселялись на югъ, не приобретаая земли въ собственность, а арендовали бы ее у помѣщиковъ; но если это невозможно, то, въ крайнемъ случаѣ, можно давать имъ землю, не даромъ, конечно, а за деньги, и при томъ давать или возможно меньше земли или самую плохую землю, продавая ее по вольной цѣнѣ, т. е. возможно дороже. Какъ понятно, совершенію всего этого мѣшаетъ община и круговая порука, затрудняющая увольнительныя приговоры отъ обществъ, хотя круговая порука имѣетъ гораздо большее отношеніе не къ общинѣ, а къ податной системѣ. Типическимъ представителемъ вышеозначеннаго взгляда можетъ служить, напр., Г. Замятинъ, ораторствовавшій въ этомъ смыслѣ въ 1874 г. на харьковскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ и проектировавшій эксплуатировать для этого земскій кредитъ. Считаемо не лишнимъ вкратцѣ познакомить читателя съ свирѣпыми взглядами этого землевладѣльца¹. Желая сдѣлать доброе дѣло для края, г.

¹ Мы пользуемся для этого находящеюся у насъ подъ руками брошюрою «Значеніе южной полосы Россіи въ общемъ земледѣльческомъ строѣ страны».

Замятинъ приглашалъ крестьянъ изъ Курской губ. переселиться въ Павлоградскій Уѣздъ Екатеринославской губ. на его незаселенную землю въ 2700 десятинъ, которую онъ думалъ сдать имъ небольшими участками въ аренду на 12 лѣтъ. Желаніе быть полезнымъ краю было такъ сильно въ г. Замятинѣ, что онъ «самъ» поѣхалъ съ этою цѣлю въ Курскую Губернію, «но приглашаемыхъ крестьянъ не выпустили общины, боясь лишиться хорошихъ хозяевъ». Рисуя мрачною кистью «въ какомъ безвыходномъ положеніи находятся теперь въ Новоросіи особенно крупныя землевладѣльцы, обрабатывающіе свои поля посредствомъ приходящихъ издалека работниковъ—бродягъ (?), которые придуть и нерѣдко не хотятъ идти на работу за установившюся на рынкѣ цѣну (?), которые въ два мѣсяца хотятъ заработать столько, сколько имъ нужно на цѣлый годъ (?), отъ неумѣлой работы которыхъ трещатъ земледѣльческія орудія и гибнетъ скотъ (?), изъ которыхъ 3 чел. не дѣлаютъ того, что слѣдуетъ требовать отъ двухъ» и т. д., г. Замятинъ прежде всего «съ негодованіемъ» указывалъ на общинные порядки и доказывалъ необходимость «соотвѣтствующими правительственными мѣрами облегчить крестьянамъ выходъ изъ общины» (стр. 50—53). Затѣмъ, когда кто-то на сѣздѣ возбуждалъ вопросъ объ отводѣ переселенцамъ земли на основаніяхъ выкупа, подобно 1861 г. и объ участіи въ этомъ дѣлѣ правительства (которое, кромѣ всѣхъ остальныхъ соображеній, могло быть полезнымъ въ данномъ случаѣ еще потому, что «всѣ лучшія земли въ Новоро-

А. Многогрѣшнаго. (Одесса 1877 г.). Г. Многогрѣшный смотритъ на вещи подъ совершенно другимъ угломъ, а потому взглядъ его на заселеніе южныхъ гуащихъ пустынь совсѣмъ иной, которому въ общемъ нельзя не сочувствовать. Онъ предлагаетъ: отводить переселяющимся крестьянамъ отъ 80 до 40 дес. на семью не иначе, какъ на правахъ общиннаго землевладѣнія; оцѣнку отводимыхъ земель производить не выше существующихъ въ уѣздѣ среднихъ цѣнъ особыми мѣстными комиссіями, состоящими: изъ предводителя дворянства, члена земской управы, уѣзднаго начальника или исправника, продавца земли и четырехъ землевладѣльцевъ; выкупъ производить при содѣйствіи правительства, которое выдаетъ землевладѣльцамъ, уступающимъ землю, выкупныя свидѣтельства, половину оцѣночной суммы принимаетъ на счетъ казны, а другую половину зачисляетъ поселку въ долгосрочный кредитъ (64). Переселенцамъ долженъ быть данъ 6 лѣтній льготный срокъ, должны быть даны льготы въ подачахъ и повинностяхъ и открытъ краткосрочный кредитъ (въ формѣ ли судо-сберегательныхъ товариществъ или особнхъ банковъ, рекомендованныхъ на Харьковск. сѣздѣ сельскихъ хозяевъ), для первоначальнаго обзаведенія, покупки скота, орудій, сѣмянъ, устройства колодезевъ, запрудъ и т. п., подъ залогъ дворовъ, скота и всего движимаго имущества, за исключеніемъ земли, которая составляетъ государственную собственность: «во 1) по общинному принципу, а во 2) потому, что половина стоимости земли принимается на счетъ государственной казны» (66). Если не во всемъ можно согласиться съ г. Многогрѣшнымъ, то тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что предлагаемыя имъ мѣры неизмѣримо выше всего того, что предлагалось по этому поводу другими лицами.

ссійскомъ краѣ давно уже разобраны, розданы и принадлежать нынѣ частнымъ лицамъ», которые, владѣя иногда всѣми водами въ данной мѣстности, могутъ такимъ образомъ тормозить заселеніе края, требуя за свою землю несообразныхъ цѣнъ или обращая ее въ орудіе эксплуатаціи переселенцевъ, и правительство лучше, чѣмъ кто-либо, могло бы склонить ихъ къ уступкѣ части своихъ земель ради общей пользы), то Г. Замятинъ выразилъ по этому поводу крѣпкое неудовольствіе и рекомендовалъ для продажи земли и для правительственнаго участія совершенно особня основанія. Онъ рекомендовалъ для перваго устройство земскихъ банковъ для мелкаго долгосрочнаго поземельнаго кредита, которые выпускали бы билеты стоимостью въ 50—100 р. (подобные обращающимся въ Помераніи и Галиціи, гдѣ стоимость ихъ не превышаетъ 100 тал. и гдѣ они приносятъ не болѣе 4%), поощряли бы покупку крестьянами земель у помѣщиковъ и выдавали бы имъ подѣ пріобрѣтенные участки до $\frac{3}{4}$ ихъ стоимости; что же касается до правительства, то оно должно было покровительствовать этому, не вмѣшиваясь, однако, въ оцѣнку земель, которая должна быть дѣломъ вольнымъ. Аргументировались эти доводы съ самою беззащитною откровенностью. Г. Замятинъ говорилъ, что, «принадлежа по рожденію къ классу землевладѣльцевъ, онъ считаетъ долгомъ заявить, что трудную эпоху переживаетъ нынѣ этотъ классъ, лишенный помощи извнѣ (?); что предлагаемая имъ нынѣ мѣра была бы благотворна для этого класса, что на владѣльцевъ земли не слѣдуетъ *накладывать никакой посторонняго мета* при соглашеніи ихъ съ покупателями относительно цѣны продаваемыхъ ими участковъ, что всего менѣе можетъ быть допущено опредѣленіе этой цѣны учрежденію, которое будетъ стоять во главѣ этого дѣла, что, при условіи свободнаго соглашенія, цѣна земли возрастетъ и можетъ быть поднимется такъ высоко, какъ мы и не ожидаемъ» (55—6). Вотъ, какія неприличные мысли выложилъ г. Замятинъ на харьковскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ и встрѣтилъ имъ сочувствіе со стороны многихъ. Для крестьянъ не успѣлъ еще окончиться одинъ выкупъ земель, какъ уже готовится другой, болѣе тяжолый, такъ какъ цѣны на землю поднялись, и поднялись не нормально, а вслѣдствіе крестьянскаго же безземелья, неудобства надѣловъ, чрезполосности необходимыхъ угодій и невозможности заняться чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ земледѣлія. Не представляется ли возможнымъ организовать подобные выкупы въ цѣлую систему? Крестьянинъ будетъ выкупать землю у помѣщиковъ по дорогой цѣнѣ и затѣмъ продавать ее по дешевой тѣмъ же помѣщикамъ, затѣмъ опять выкупать и т. д. изъ поколѣнія въ поколѣніе. Очень можетъ быть, что подобная финансовая комбинація и носится въ умахъ какихъ-нибудь доморощенныхъ финансистовъ. Удержатъ землю, купленную по ненормально высокой цѣнѣ, крестьянинъ не можетъ. Одно изъ элементарныхъ и важныхъ условій землевладѣнія заключается въ томъ, чтобы рента принадле-

жала землевладельцу, чтобы земля не была обременена настолько тяжелыми платежами, которые поглощали бы ренту, иначе землевладение будет повинностию, а не правом, будет не доходомъ, а бременемъ, которое нетолько пожелаютъ многие сбросить, но и сбросать поневолю. Все это въ особенности будетъ имѣть мѣсто при разрушеніи общины, разрушеніи, составляющемъ *ria desideria* буржуазіи всѣхъ странъ, прилагывающей къ этому свои усилія съ рѣдкимъ упорствомъ и энергіей. Банковые билеты, обезпеченные земствомъ, суть въ сущности билеты, обезпеченные тѣмъ же крестьянствомъ, являющимся главнымъ земскимъ плательщикомъ, хотя и не имѣющимъ въ большинствѣ земствъ равнаго представительства съ другими сословіями. Г. Замятинъ говоритъ о рабочихъ бродягахъ, запрашивающихъ будто бы невѣроятныя цѣны и разоряющихъ землевладельцевъ, и ни слова не говоритъ—сколько именно получаютъ эти бродяги, и что испытываютъ они, нища работы. Вамъ говорятъ о непомерно высокихъ цѣнахъ и умалчиваютъ о фактахъ, вамъ указываютъ на примѣръ Галиціи и ни слова не говорятъ о томъ, что крестьяне тамъ быстро разорятся и распродадутъ свои земли. Мы остановились довольно подробно на мотивахъ, побуждавшихъ спекулянтовъ и южныхъ землевладельцевъ проектировать кредитъ для покупки крестьянами земель, для того, чтобы показать—какова подкладка у благого съ виду намѣренія и каковы могутъ быть послѣдствія въ случаѣ непредусмотрительности при организациіи поземельнаго кредита.

Все это въ особенности имѣетъ отношеніе къ проекту князя Васильчикова и Яковлева, къ которому мы теперь переходимъ и который, разумѣется, старается быть предусмотрительнымъ. Все, что говорятъ гг. Васильчиковъ и Яковлевъ относительно необходимости долгосрочнаго народнаго кредита, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Что возразишь въ. Васильчикову противъ того, что «одна изъ самыхъ элементарныхъ и неоспоримыхъ истинъ сельскс-хозяйственной науки и практики есть то, что для земледѣлія вообще, для усовершенствованія культуры, орудій, полеводства, необходимъ прочный кредитъ?» (17). Или что скажешь г. Яковлеву, когда онъ говоритъ: «Мы исходимъ изъ факта, въ настоящее время признаннаго всѣми, какъ приверженцами мелкаго, такъ и приверженцами крупнаго землевладѣнія, изъ факта, что большинству крестьянъ даннаго имъ надѣла недостаточно; мы желаемъ, путемъ хорошо организованнаго кредита, дать этому большинству возможность пополнить покупками недостающее ему количество земли. Мы желаемъ кредитомъ содѣйствовать къ увеличенію размѣровъ мелкой собственности и къ выкупу ими падающихъ на нихъ въ настоящее время различныхъ тяжелыхъ повинностей. Мы желаемъ увеличенія размѣровъ мелкой собственности потому, что теперешніе ея размѣры, несмотря на существованіе общины, которая еще не вступила въ періодъ общаго хозяйства, при всемъ напряженіи силъ, не даетъ даже

средствъ на прокормленіе; при теперешнихъ ея размѣрахъ всякая надежда на какое-либо правильное или улучшенное хозяйство представляется... смѣшною. Слишкомъ мелкая собственность даже въ такихъ странахъ, какъ Франція, доказавшая въ послѣднее время особенную способность къ экономической жизни, дѣлаетъ невозможнымъ правильное хозяйство и уже вызываетъ къ жизни новое явленіе сельско-хозяйственныхъ ассоціацій съ цѣлью, выразившеюся въ мѣткѣ выраженіи *collectiver le sol* (75). Что, повторимъ мы, возразишь противъ этихъ доводовъ, противъ этихъ благородныхъ и логичныхъ намѣреній? Точно также не возразишь ничего и противъ многихъ другихъ соображеній авторовъ, пока они изъ области общихъ разсужденій не переходятъ къ дѣлу. Замѣтимъ, между прочимъ, что область общихъ разсужденій такъ пространна, разговорный и литературный языкъ такъ выработался, что даже графъ Орловъ-Давыдовъ не вычеркиваетъ изъ своего лексикона словъ—«мелкое землевладѣніе» и признаетъ его, ограничивая только его размѣры *minimum*’омъ—въ 600 десятинъ. Возраженія, впрочемъ, ниже. Князь Васильчиковъ продолжаетъ: «Если поземельный кредитъ признается существеннымъ условіемъ сельскаго хозяйства, если руссійское дворянство считало себя вправѣ жаловаться, что временное закрытіе банковъ и ссудъ подъ залогъ имѣній въ 1860 г. панесло помѣстному сословію сокрушительный ударъ, то, спрашивается: можетъ ли процвѣтать, или даже поддерживаться другая отрасль народнаго хозяйства, по пространству владѣнія и по числу владѣльцевъ, превышающая число помѣщиковъ и количество помѣщичьихъ земель, когда этой части, этой отрасли, составляющей главный корень аграрнаго нашего строя, отказывается въ томъ же самомъ кредитѣ, который признается необходимымъ условіемъ землевладѣнія и земледѣлія?» (19). Нужно замѣтить, что у насъ въ Россіи, по расчету кн. Васильчикова, имѣется только 350,000 землевладѣльцевъ, владѣющихъ 75—80 милліон. десят., изъ которыхъ, какъ онъ доказываетъ, «пользуется въ сущности поземельнымъ кредитомъ только самое ничтожное меньшинство»¹, и, затѣмъ, все крестьянство, владѣющее 122 милліон. десят., и казачество (исключая малороссійскихъ, вошедшихъ въ предыдущій итогъ) 54 милліон. десят. не пользуются земельнымъ кредитомъ совсѣмъ. Намъ сдается, говоритъ князь Васильчиковъ, что фактъ этотъ «отвѣчаетъ на всѣ недоразумѣнія объ относительномъ застоѣ крестьянской культуры, который приписывается многоразличнымъ причинамъ, а объясняется вполне тѣмъ соображеніемъ, что *крестьянское сословіе и мелкая собствен-*

¹ Расчетъ сдѣланъ по 41 губерніи. Пользуются кредитомъ 71,000 крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ, имѣющие 65 милліон. десят., а 242,897 мелкихъ владѣльцевъ пользуются имъ только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ, кромѣ въ общей сложности 4,646,111 десят. и, въ среднемъ выводѣ, по 19, 12 десят., онѣ, по малоземности своихъ имѣній, не подходятъ подъ *minimum* банковскихъ ссудъ въ 500—1,000 р., соответствующихъ дѣностямъ 750—1,500 р. (стр. 81).

ность вообще никогда не пользовались теми кредитными пособиями, которая открыты были крупнымъ землевладѣльцамъ и по преимуществу классу. Первые отстали отъ вторыхъ на такое же разстояніе, какое отдѣляетъ человѣка, занимающаго деньги по лихвеннымъ %/о/о, 25 и 50 к. съ рубля, отъ другого, получающаго ссуду съ погашеніемъ за 6, 7, 8⁰/о (18). Останавливаясь на этомъ соображеніи, какъ исходномъ, князь Васильчиковъ обращается къ Западной Европѣ и находитъ тамъ, что, благодаря «привилегированному положенію поземельнаго кредита, концы пользовались только привилегированныя сословія, мелкіе владѣльцы все болѣе и болѣе ситѣлись, распродавали свои земли крупнымъ и среднимъ собственникамъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, или исчезли вовсе (съ Англии, Мекленбургѣ, Римской Области), или дошли до крайней мелкопомѣстности (во Франціи), или же превратились изъ хлѣбопашцевъ въ огородниковъ и бобилей, сохранившихъ за собою одну усадебную осѣдность (въ Западной Германіи).» Разумѣется, эти явленія имѣли и другія причины, но едва ли какая-либо изъ нихъ имѣла такое «всесильное дѣйствіе» (19). Затѣмъ, у насъ замѣчается слѣдующее явленіе: крестьяне вездѣ стремятся къ покупкѣ земель и къ арендованію ихъ; «покупщиками распродаваемыхъ помѣщичьихъ имѣній являются болѣею частью смежныя сельскія общества, или отдѣльные крестьяне, или товарищества крестьянъ, и цѣны ими предлагаемыя, значительно превышаютъ оптовыя цѣны при продажѣ цѣльныхъ имѣній» (11). «Арендваніе помѣщичьихъ земель также производится почти исключительно крестьянами», причемъ «арендная плата возвышается еще быстрѣе, чѣмъ продажныя цѣны», безъ «правильной соразмѣрности» съ ними (12). Все это, «повидимому, указываетъ на улучшеніе крестьянскаго быта, развитіе ихъ силъ, умноженіе ихъ денежныхъ средствъ» (10). Это съ одной стороны, а съ другой: во многихъ мѣстностяхъ обнаруживается, что число свота уменьшается, многіе хозяева распродаютъ или уступаютъ свои надѣлы односельцамъ и переходятъ «въ состояніе бобилей, владѣющихъ одною усадьбою, или совершенно безземельныхъ батраковъ» (10). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и цѣльныхъ губерніяхъ число безземельныхъ достигаетъ 5, 10 и даже 15⁰/о числа дворовъ (14). Въ 68 уѣздахъ, о которыхъ имѣются уже официалныя свѣдѣнія, на общее число 1.193,667 крестьянскихъ дворовъ или семействъ приходится безземельныхъ 75,081, съ одною усадьбою—7.406, и постороннихъ жителей, приписанныхъ къ обществамъ, 16,740 семей, а эти посторонніе жители по большей части находятся на томъ «роковомъ рубежѣ, который отдѣляетъ обывателя-домохозяина отъ пролетарія». Многіе изъ нихъ пристроились на гумнахъ и огородахъ другихъ крестьянъ и имѣютъ «въ своихъ утлыхъ избахъ только пристанище и кровъ» (15). «Сельскій пролетаріатъ зарождается въ Россіи и растетъ быстро, говоритъ князь Васильчиковъ:—хотя, въ общей массѣ крестьянства, «положительно нѣтъ ни упадка,

ни застоя или разстройства хозяйственного быта» (3); хотя «въ общей сложности земледѣльческая культура очень расширилась въ послѣдніе 10—12 лѣтъ», а площадь производительныхъ земель и количество сельскихъ произведеній, въ особенности хлѣба, «значительно умножилось» и т. д.; «но въ частности, въ отдѣльныхъ случаяхъ и личностяхъ, сельскія сословія пострадали отъ крутыхъ реформъ, какъ крестьяне, такъ и помѣщики; слабые хозяйства, одинокіе и многосемейные, или безпечные и разгульные, не выдержали кризиса, не успѣли воспользоваться пожалованной имъ волею, не совладали со своими слабостями и трудностями переходнаго времени» (16). «Явленіе это, совершенно естественное, должно было быть напередъ предвидѣно; оно знаменуетъ у насъ въ Россіи тотъ моментъ, роковой въ жизни народовъ, когда, по освобожденіи отъ крѣпостныхъ и феодальныхъ узъ, по провозглашеніи полноправности всѣхъ состояній, зарождается хозяйственное неравенство, развивается нищество и безземелье въ низшихъ слояхъ общества и закладываются основанія того общественнаго строя, который такъ процвѣтаетъ въ Западной Европѣ, съ *крутымъ земледѣльчѣмъ вверху и сельскимъ пролетаріатомъ внизу*. Моментъ этотъ надо схватить» (16). Ошибочно думать, «чтобы какое-либо правительство или общество могло по своему произволу выбирать удобное время для организаціи поземельной собственности», время это настаетъ, когда, послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, складываются внутреннія отношенія гражданъ къ землѣ въ извѣстныя формы и «когда предусмотрительное правленіе можетъ направить эту организацію и, не насылая народныхъ нравовъ и стремленій, не нарушая ни чьихъ правъ, дать имъ разумныя руководства» (24). Этому-то вотъ горю и можетъ пособить «устройство поземельнаго кредита для мелкихъ собственниковъ», которымъ существующія кредитныя учрежденія не служатъ и, какъ это обстоятельно доказывается и кн. Васильчиковымъ и Г. Яковлевымъ, служить не могутъ. При устройствѣ поземельнаго кредита для крестьянъ, «съ самаго начала, представляется очень важное недомѣніе: крестьяне наши живутъ на общинномъ правѣ; земли ихъ мірскія, неотчуждаемыя и не подлежащія залого, обременены выкупными платежами, не представляють поэтому никакого обезпеченія для ссуды, и, такимъ образомъ, всякій поземельный кредитъ оказывается какъ бы немислимымъ. Вопросъ о кредитѣ такого рода подлежитъ еще обсужденію и, по трудности своей, долженъ быть на первое время обойденъ; можетъ быть, со временемъ, когда установятся болѣе правильныя понятія о нашемъ мірскомъ владѣніи (неправильно смѣшиваемомъ съ общиннымъ), задача эта будетъ разрѣшена. Но, на первыхъ порахъ, *кредитъ необходимъ и долженъ быть устроенъ не подъ залогъ мірскихъ земель, поступившихъ въ надѣль крестьянамъ, но подъ залогъ приобретенныхъ или приобретаемыхъ ими мелкихъ участковъ изъ постороннихъ имѣній, частныхъ и казенныхъ*» (16). Что

касается до казны, то она «располагает сотнями миллионов десятинъ, которыя ожидаютъ переселенія и культуры, чтобы сдѣлаться производительными»; въ одной Европейской Россіи у нея около 100 мил. десятинъ (32—35). У частныхъ лицъ также есть земли, которыя имъ продать выгодно, и которыя купить крестьянамъ въ особенности желательно. «Извѣстно, что, при крѣпостномъ правѣ и при постоянной отлучкѣ помѣщиковъ (абсентеизмъ) изъ своихъ имѣній, крестьяне пользовались, гласно или тайно, съ вѣдома, или безъ спроса барина, почти всѣми господскими угодьями; въ особенности въ сѣверной и восточной полосѣ, приволье ихъ было полное, и старинный обычай владѣть всѣмъ пространствомъ, «куда ходятъ топоръ, коса и соха», сохранился до новѣйшихъ временъ во многихъ частныхъ имѣніяхъ и еще болѣе въ казенныхъ, гдѣ это хожденіе составляло оброчную статью для селскаго начальства и лѣсной стражи. Эти-то участки, нынѣ отрѣзанные по уставнымъ граматамъ и владѣннымъ запискамъ, отхожія пустоши, лядины, лѣсныя нивы, залежи, на которыхъ сильнѣйшіе, многосемейные хозяева добывали сѣно, ленъ или просо, пшеницу, въ дополненіе продуктовъ, собираемыхъ на мірской землѣ и недостаточныхъ для содержанія скота и домохадцевъ въ большой семьѣ, эти-то отрѣзныя земли составляютъ предметъ ихъ неодолимаго пожеланія» (27). Не подлежатъ сомнѣнію, говорить кн. Васильчиковъ, что и для помѣщиковъ, и для казны продажа такихъ отдаленныхъ и черезполосныхъ участковъ, въ большинствѣ случаевъ, выгодна, въ сравненіи съ заботами и расходами надзора, и препятствіе продажѣ составляетъ только безденежье покупателей. Совершающіяся въ настоящее время сдѣлки съ разсрочкою платежей *крайне неудобны* и для землевладѣльцевъ, и для крестьянъ, которые, сверхъ продажной цѣны, переплачиваютъ еще *непозитрные проценты* ростовщикамъ (28). Большинство землевладѣльцевъ продаютъ землю или «по нуждѣ въ деньгахъ или чтобы обратитъ ихъ на интенсивную культуру остальной части коренной своей запашки», слѣдовательно, разсрочивать платежъ имъ невыгодно. Что же касается до покупателя, то положеніе его, сверхъ всего прочаго, еще недостаточно обезпечено въ юридическомъ отношеніи. Сдѣлки обыкновенно совершаются такъ: вносится задатокъ и пишется домашнее условіе, платежъ разсрочивается на 3, 6—12 лѣтъ и купчая крѣпость совершается только по окончаніи уплаты всей суммы. Продавецъ при такихъ сдѣлкахъ обезпеченъ: получая задатокъ, не выдавая купчей «и не дозволяя распашки новыхъ земель или рубки лѣса, иначе какъ при взносѣ соотвѣтствующей суммы, онъ гарантируетъ себя совершенно отъ не исправности плательщиковъ.» Но покупатель можетъ очутиться въ самомъ критическомъ положеніи, если не извлечетъ изъ земли необходимой суммы и не выручатъ мѣстные ростовщики. На основаніи всего этого, проектируемые банки «должны имѣть въ виду, какъ главную операцію, *ссуду денегъ для покупки мелкихъ*

*участковъ, цѣнностью до 500—1,000 р. подъ залогъ этихъ земель»; они могутъ брать при этомъ 8 и даже 10⁰ о, которые не тяжелы для крестьянъ «въ сравненіи съ процентами, нынѣ ими уплачиваемыми»; «при учрежденіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, сами крестьяне всегда принимаютъ за нормальный процентъ 1% въ мѣсяцъ, 12 въ годъ, признавая таковой очень умѣренными» и т. д. (28). «Мы настолько же признаемъ вредною, говоритъ кн. Васильчиковъ:—общую оптовую распродажу государственныхъ имуществъ или пожалованіе обширныхъ имѣній крупными собственниками, не занимающимся культурой своихъ земель, или отводъ земель колонистамъ по дарственной безденежной уступкѣ, насколько признаемъ необходимымъ организацию правильной, регулярной продажи казенныхъ земель поселянамъ, воздѣлывающимъ ихъ собственнымъ трудомъ, и въ этой организациіи видимъ всю будущность колонизациі нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ и восточныхъ степей» (33). Наконецъ, послѣднее соображеніе, которому кн. Васильчиковъ придаетъ особое государственное значеніе, это *близкое соотношеніе покупки крестьянами земель къ выкупной операціи*: «при надѣлѣ и оцѣнкѣ земель по разнымъ мѣстностямъ, были сдѣланы очень грубыя ошибки, впрочемъ, неизбежныя при такой сложной операціи; дознано, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и цѣльныхъ губерніяхъ надѣлы оказались крайне недостаточными, а въ другихъ оцѣнка крестьянскихъ угодій въ нѣсколько кратъ выше или ниже дѣйствительной ихъ стоимости. Но исправленіе этихъ погрѣшностей представляетъ столько трудностей, что мы очень сомнѣваемся, чтобы какими либо общими распоряженіями или правительственными мѣропріятіями можно было возстановить правильныя отношенія крестьянскаго надѣла къ рабочимъ силамъ мѣстнаго населенія и настоящей цѣнности земель. Только частными сдѣлками, вольною покупкою земель, могутъ быть пополнены надѣлы сельскихъ обществъ въ губерніяхъ мало-земельныхъ, и кредитъ, имѣ отрываемый для таковыхъ покупокъ, можетъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи разсматриваемъ какъ *продолженіе и ректификація еякой выкупной операціи*. Принципъ остался бы тотъ же: признавая, что известное количество угодій необходимо для обезпеченія быта крестьянъ, правительство, при выкупной операціи, принимаетъ на себя посредничество между землевладѣльцами и крестьянами, выдаетъ первымъ гарантированныя процентныя бумаги и взимаетъ платежи съ послѣднихъ. Поземельный банкъ дѣйствуетъ на тѣхъ же основаніяхъ, съ тою только разницею: а) что принимаетъ въ основаніе не нормальную цѣну, установленную неизмѣнно для цѣлаго уѣзда или для губерніи, а *вольную цѣну, опредѣляемую взаимнымъ соглашеніемъ продавца и покупателя* и повѣряемую агентами банка, и в) что гарантируетъ себя з акладнымъ правомъ на отчуждаемую землю» (34). Таковы доводы кн. Васильчикова въ пользу мелкаго земельного кредита, въ подробности устрой-*

ства котораго онъ не входитъ, оставляя это знатокѣ и практикѣ банковаго дѣла—г. Яковлеву.

Г. Яковлевъ, прежде всего, счелъ необходимымъ поддѣржить и пополнить доводы кн. Васильчикова доводами съ своей стороны. Если кн. Васильчиковъ говоритъ, что крестьяне бойко покупаютъ помѣщичьи земли и являются почти исключительными ихъ арендаторами, то г. Яковлевъ добавляетъ, что «оставшаяся фактически крупная земельная собственность въ дѣйствительности почти уже не существуетъ», такъ какъ «хозяйничаетъ въ ней мелкій арендаторъ—крестьянинъ, настойчиво стремящійся къ ея раздробленію постепенными, насколько позволяютъ средства, мелкими покупками» (44). Если кн. Васильчиковъ говоритъ, что у насъ стало зарождаться экономическое неравенство и безземеліе, которому можетъ помочь покупка крестьянами земель, то г. Яковлевъ добавляетъ, что самыя условія освобожденія крестьянъ уже «заключали себѣ зародышъ громаднаго передвиженія недвижной собственности», что правительство не *находило возможнымъ* дать крестьянамъ такое количество земли, «которое бы вполне обеспечивало ихъ безбѣдное существованіе», и что «покупка земель мелкими участками въ значительныхъ размѣрахъ должна была завершить великое дѣло, которое составляетъ славу нынѣшняго царствованія, и поставить на твердую ногу созданное мелкое землевладѣніе». (37) Если кн. Васильчиковъ говоритъ, что лишеніе народа земельного кредита порождаетъ множество экономическихъ бѣдъ, то г. Яковлевъ добавляетъ, что «только этимъ пренебреженіемъ къ потребностямъ крестьянскаго сословія, которое теперь еще можно считать синонимомъ мелкаго землевладѣнія, только этимъ однимъ, можно объяснить себѣ ту приманку, которая привлекаетъ агитаторовъ направлять свою агитацію на сельское населеніе, которое во всей Европѣ всегда считалось самымъ консервативнымъ элементомъ и вѣрнымъ оплотомъ противъ всякихъ агитацій» (45). Словомъ, г. Яковлевъ считалъ необходимымъ сильно подчеркнуть красными и синими карандашами доводы кн. Васильчикова. Съ своей же стороны, онъ считалъ необходимымъ добавить, что земельный кредитъ для народа, кромѣ значенія, какъ регулирующаго орудія для болѣе цѣлесообразнаго распредѣленія поземельной собственности (о значеніи его для хозяйственныхъ усовершенствованій говорить при настоящемъ положеніи мелкаго землевладѣнія «еще слишкомъ рано»), долженъ принять у насъ еще одну, «хотя по существу своему и не свойственную ему, но, тѣмъ не менѣе, неизбѣжную роль орудія для народнаго промышленнаго кредита» (38). Громадные обороты вустарной промышленности и широкіе размѣры нѣкоторыхъ подспорныхъ промысловъ, которые обходятся теперь совсѣмъ безъ кредита или изнемогаютъ подъ гнетомъ ростовщиковъ, требуютъ такой помощи. Приверженцы крупнаго производства, говоритъ г. Яковлевъ, давно пророчатъ гибель этимъ мелкимъ промысламъ, и мыя передъ глазами исторію ихъ въ Западной Европѣ, гдѣ

крупный капиталъ и машины давно вытѣснили ихъ. Но неужели можно идти сознательно къ такой замѣнѣ, не думая о ея послѣдствіяхъ (т. е. объ обращеніи самостоятельныхъ хозяевъ въ фабричныхъ пролетаріевъ). «Существованіе кустарной промышленности и подспорныхъ промысловъ составляетъ необходимый элементъ въ экономической жизни мелкаго землевладѣнія въ Россіи. Оба промысла должны существовать до тѣхъ поръ, пока сельское хозяйство въ мелкомъ землевладѣніи не разовьется настолько, чтобы оно могло давать достаточно занятія для труда въ зимнее время и достаточно дохода для прокормленія всего семейства въ теченіи года. Безъ сомнѣнія, введеніе въ извѣстное производство машинъ, требующихъ затраты значительнаго капитала или производства въ крупныхъ размѣрахъ, можетъ вытѣснить тотъ или другой кустарный промыселъ, но для этого должно быть употреблено всевозможное стараніе къ введенію артельного производства и должна быть открыта возможность къ замѣнѣ такого промысла другимъ. Для того, чтобы замѣна мелкихъ промысловъ крупнымъ производствомъ не была тягостна и не сопровождалась тѣми печальными столкновениями и результатами, которые мы видѣли на Западѣ, для того, чтобы развитіе сельскаго хозяйства въ мелкомъ землевладѣніи сдѣлалось возможнымъ, необходимъ кредитъ, кредитъ въ кредитъ» (39). Нуждамъ народной промышленности, существующія учрежденія промышленнаго и коммерческаго кредита не служатъ и служить не могутъ. Главная ихъ операція — учетъ векселей, которыми мелкій производитель не можетъ пользоваться (разстояніе до банковъ вызываетъ тяжелые расходы для мелкихъ векселей; требуется со стороны банковъ особое знакомство не только съ положеніемъ кредитующагося лица, но и лицъ, участвовавшихъ въ оборотѣ; сроки векселей обыкновенно кратки въ сравненіи съ оборотомъ промышленности и т. п.). При невозможности «пользоваться вексельнымъ оборотомъ, мелкая народная промышленность можетъ представить только одно обезпеченіе — землю, и должна искать кредита въ земельномъ кредитѣ» (41). Наши банки, какъ объяснено уже княземъ Васильчиковымъ, недоступны для мелкихъ владѣльцевъ. Г. Яковлевъ рассчитываетъ, что не могутъ пользоваться услугами земельныхъ банковъ владѣльцы 40 десятинъ и менѣе въ полосѣ черноземной и 200 десятинъ и менѣе въ полосѣ нечерноземной. Если это думаетъ, что крупные коммерческіе банки могли бы служить народу посредствомъ широкаго развитія агентуръ, то «надо быть слишкомъ идеалистомъ, чтобы рассчитывать на это. Крупные мѣстные банки до сихъ поръ еще не обратили вниманія на удовлетвореніе потребностямъ крупныхъ хозяйственныхъ единицъ; эта операція должна была бы составлять одну изъ главныхъ ихъ операцій, еслибы они поняли свое истинное назначеніе и немного прислушались къ заявляемымъ жизнью требованіямъ» (43). Теперь, что касается до ссудосберегательныхъ товариществъ, то

«цѣль ихъ весьма ограничена. Цѣль и организація ихъ направлены къ удовлетворенію только самыхъ неотлагаемыхъ потребностей кредита крестьянина. Они, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду дать возможность мелкимъ хозяевамъ регулировать ихъ хозяйственные обороты, которые неизбежны для нихъ по ихъ положенію собственниковъ нѣсколькими десятками земли. Въ области кредита товарищества составляютъ противоположный полюсъ большимъ банкамъ. Если послѣдніе служатъ учрежденіемъ maximum'a размѣровъ кредита, возможныхъ въ данное время, то товарищества суть учрежденія minimum'a кредита». А расширить рамки, «въ которыя теперь стѣснены операціи товариществъ, мы считаемъ невозможнымъ» (42). Въ опроверженіе этого, продолжаетъ г-нъ Яковлевъ, «можетъ быть нѣкоторые сошлутся на примѣръ кредитныхъ товариществъ въ Германіи. Просимъ, однакоже, вспомнить то, что только что было сказано о прямой цѣли товариществъ, учреждаемыхъ въ Россіи». Кромѣ того: «Главная характеристическая черта организаціи товариществъ, это равенство правъ на кредитъ для всѣхъ принятыхъ въ члены товариществъ. Эта черта составляетъ ту узду, которая должна сдерживать товарищества въ ихъ стремленіяхъ къ расширенію операцій, въ стремленіяхъ слѣвать изъ товариществъ учрежденія уже высшаго разряда кредита. Сохраненіе этой узды тѣмъ болѣе необходимо, что въ нѣкоторыхъ товариществахъ, гдѣ во главѣ управленія стали мѣстные богачи, уже стали проявляться стремленія сбросить эту узду. Допустить неравенство кредита или допустить болѣе высокій кредитъ для нѣкоторыхъ его членовъ, значило бы совершенно разрушить то, что уже въ настоящее время слѣдано для народнаго кредита» (43). Возражая профессору Бунге, полагающему, что въ мелкихъ народныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ можно было бы дозволить соединить операціи краткосрочнаго коммерческаго кредита съ долгосрочнымъ земельнымъ, г. Яковлевъ говоритъ, что «практика ссудосберегательныхъ товариществъ указываетъ на положительную невозможность такого смѣшенія» (63). Для этого и средства товариществъ (приобрѣтаемыя ими путемъ вкладовъ и займовъ у земства, въ государственномъ банкѣ и другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ) недостаточны, и приобретаются эти средства на короткіе сроки, сообразно съ краткосрочными ссудами (въ государственномъ банкѣ обязательства товариществъ учитываются на 6 мѣсяцевъ), и земельный кредитъ требуетъ, наконецъ, большихъ формальностей (64). Словомъ, для долгосрочнаго народнаго кредита необходимы особыя учрежденія. Въ такого рода учрежденіяхъ «не можетъ быть введена система одинаковаго для всѣхъ членовъ кредита (?), какъ это принято въ ссудосберегательныхъ товариществахъ» (80); для такого учрежденія «нужна уже группа лицъ, имѣющихъ на правѣ полной собственности опредѣленную, свободную отъ всякихъ обязательствъ недвижимую собственность, представляемую въ товарищество материаль-

нынѣ обезпеченіемъ» (86); «круговая порука въ этомъ случаѣ можетъ явиться только средствомъ выманить (?) ссуду и не представить собою никакой гарантіи» (85) и т. д. Разбирая подробно встрѣчающіяся для устройства учрежденій земельного кредита затрудненія, г. Яковлевъ сводитъ ихъ 1) къ затрудненіямъ производства правильныхъ, обезпечивающихъ ссуду оцѣнокъ; 2) къ присканію необходимыхъ капиталовъ и 3) къ сложнымъ и дорогимъ юридическимъ формальностямъ и неполнотѣ существующаго законодательства. Въ особенности важны послѣдняго рода затрудненія. «Эти юридическіе тормазы заключаются, главнымъ образомъ: а) въ формальностяхъ покупки недвижимой собственности; б) въ формальностяхъ залога; в) въ формальностяхъ публичной продажи; и ко всему этому еще слѣдуетъ прибавить: г) неопредѣленность юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ положенія 19-го февраля 1861 г., относительно права залога земель крестьянами собственниками и сельскими обществами» (65). До тѣхъ поръ, говоритъ г. Яковлевъ, «пока этотъ порядокъ не измѣнится, мелкій земельный кредитъ, въ какой бы то ни было формѣ, положительно невозможенъ. Желающіе блага Россіи, должны поторопиться измѣненіемъ его къ лучшему и болѣе доступному порядку» (67). Такъ какъ банку мелкаго земельного кредита «болѣе всего придется имѣть дѣло съ мелкими собственниками крестьянскаго сословія или сельскими обществами», то г. Яковлевъ ставитъ слѣдующіе наиболее существенные вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно предшествовать учрежденію банка, съ какой бы то ни было формѣ, и вызываетъ къ готовности правительства разрѣшить ихъ: «1) Могутъ ли крестьяне-собственники, обязанные правительству выкупными платежами или временно обязанные, каждый въ отдѣльности или цѣлыми сельскими обществами, или отдѣльными товариществами, закладывать принадлежащія имъ, независимо отъ надѣловъ, недвижимости, и если могутъ, то можетъ ли банкъ быть гарантированъ въ преимущественномъ правѣ взисканія выданной подъ эти недвижимости ссуды, предъ отвѣтственностью крестьянина-собственника, по круговой его порука по выкупнымъ платежамъ? 2) Можетъ ли банкъ, въ случаѣ выдачи ссуды подъ принадлежащія сельскимъ обществамъ или отдѣльнымъ лицамъ земли, независимо отъ надѣловъ, не допускать дробленія такихъ земель ниже извѣстнаго принятаго имъ для извѣстной мѣстности размѣра? 3) Можетъ ли банкъ выдавать ссуды подъ крестьянскіе надѣлы, выноны и луки съ выкупомъ выкупной ссуды и можетъ ли быть гарантируема такая ссуда, безъ продажи земли? 4) Можетъ ли быть подвергнуто продажѣ недвижимое имущество, независимо отъ надѣла, заложенное банку, за долгъ, падающій на владѣльца ея по круговой порука въ платежѣ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей сельскаго общества, и подлежитъ ли такой долгъ преимущественному удовлетворенію передъ долгомъ банку?» (69). Это, гово-

реть г. Яковлевъ, «только нѣкоторые вопросы», за которыми слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ: объ упрощеніи проце- дуры укрѣпленія правъ при покупкѣ имущества (66); о предо- ставленіи банкамъ права продажи просроченныхъ имѣній не въ правленіяхъ, какъ это разрѣшено уставами, а на мѣстахъ на- хожденія имѣній (68); о системѣ перемежняющихся залоговъ (102) и пр. Но и одни эти *только некоторые* вопросы настолько важны, что требуютъ къ себѣ самаго серьезнаго вниманія. Они затрогиваютъ коренную форму нашего быта—общинно- землевладѣніе, которыя, при непредусмотрительности, могутъ быть, если не упразднены совершенно, то распатаны настолько, что обломки ихъ расхитятъ спекулянты и развѣдутъ по вѣтру либералы. Однако, прежде чѣмъ высказаться по этому поводу, мы посмотримъ поближе на самый планъ проекутируемаго учреж- денія и такимъ образомъ покончимъ съ содержаніемъ брошюры. Изложивъ затрудненія, г. Яковлевъ излагаетъ и самый проекутъ, или, какъ онъ выражается, «попытку представить планъ такой организаціи учрежденія, которая уменьшала бы значеніе указан- ныхъ затрудненій» (70) и сдѣлалась «практически осуществимою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ» (71). Можно думать, что планъ этотъ обсуждался совмѣстно или, по крайней мѣрѣ, былъ одобренъ и княземъ Васильчиковымъ. Не мѣшаетъ, между прочимъ, за- мѣтить, что авторы не претендуютъ на немедленное примѣненіе къ дѣлу этого плана, а имѣютъ въ виду «единственную цѣль обратить вниманіе литературы и мыслящихъ земскихъ людей на этотъ серь- ъезный вопросъ» (110). Авторы предлагаютъ устройство мѣстныхъ (разумѣя районъ самое большое въ одинъ уѣздъ) товариществъ взаимнаго кредита, съ числомъ членовъ неопредѣленнымъ, но съ такимъ, однако, расчетомъ, чтобы съ общей суммы потребнаго имъ для ссудъ капитала можно было отчислить 1,000 рублей на веденіе дѣла. Эта сумма должна составлять не болѣе 1% съ ка- пitalа, который, слѣдовательно, долженъ равняться 100,000 руб- лей. Ссудный капиталъ приобрѣтается товариществами не вы- пускомъ вкладныхъ листовъ, а особымъ образомъ, при посред- ствѣ *центральной кассы народнаго кредита*, къ которой товари- щества примыкаютъ по мѣрѣ возникновенія и которой отведена въ дѣлѣ кредита главная роль. Центральная касса прежде всего воз- никла изъ *двухъ главныхъ мыслей, положенныхъ въ основаніе плана*, а именно: 1) *устраненія принципа для эксплуатаціи* и 2) *необходи- мости известной опеки*. Строгий контроль и опека, по словамъ про- екта, являются необходимыми гарантіями, какъ для лицъ, ссужаю- щихъ товариществамъ капиталы, такъ и для предохраненія членовъ «отъ повальнаго раззоренія, возможнаго при существующемъ не- вѣжествѣ» (77). «Направленіе орудія столь сильнаго, какъ кре- дитъ, поаснаютъ наши авторы—должно быть, съ политической, государственной и общественной точки зрѣнія, подчинено требова- ніямъ интересовъ страны и не можетъ быть предоставлено од- ному вліянію личнаго интереса капиталистовъ. Уравновѣшеніе

интересовъ личныхъ и общественныхъ въ каждомъ предпріятіи дѣло государства» (73—76). Государству, впрочемъ, какъ увидимъ ниже, отведена весьма слабая роль. Въ пользу учрежденія кассы говорили и опасенія кулаковъ, и необходимость знающихъ дѣла руководителей, и затруднительность, наконецъ, доставать средства. Закладные листы, которые могли бы выпускать товарищества и которыхъ прозектъ основательно¹ не допускаетъ, не доставили бы необходимыхъ капиталовъ: нельзя рассчитывать, чтобы они нашли на петербургской биржѣ «для себя хотя самое скромное мѣсто», а безъ этого они не нашли бы «себѣ покупателя и въ мѣстномъ населеніи» (82). Обязательства же кассы — другое дѣло. Относительно контроля составителя прозекта замѣчаютъ, что правительственный контроль и опека обыкновенно тяжелы и не достигаютъ цѣли. Ссудосберегательныя товарищества, обязанныя доставлять свои отчеты въ министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, доставляютъ ихъ весьма не аккуратно и далеко не все, тогда какъ комитету о ссудосберегательныхъ товариществахъ, помимо всякой обязанности, доставляютъ почти всѣ (90%) и принимаютъ всѣ его замѣчанія (89). Контроль, предполагающій преслѣдованія и взысканія, въ данномъ случаѣ можетъ только парализировать свое значеніе. Въ случаѣ обнаруженія нарушеній правилъ, *единственнымъ послѣдствіемъ* контроля должно быть указаніе товариществу неправильности, или же, въ случаѣ существованія денежныхъ отношеній, уменьшеніе кредита (?). «Въ этой снисходительности заключается въ настоящее время все успѣхъ этого важнаго дѣла» (91). Роль контролированія и направленія дѣятельности товариществъ «могъ бы принять на себя и исполнять свое назначеніе какой-нибудь образованный по частной инициативѣ комитетъ, въ родѣ того, какой уже существуетъ для распространенія ссудосберегатель-

¹ Основательно не потому, чтобы они дѣйствительно не нашли покупателей ни въ большихъ денежныхъ центрахъ, ни въ мѣстномъ населеніи (сами авторы указываютъ на примѣры Германіи и остзейскихъ земельныхъ банковъ, которые почти всѣ свои выпуски помѣщаютъ у себя же въ губерніи у мѣстныхъ капиталистовъ), а потому, что они могутъ быть предметомъ биржевой игры и при выпускѣ ихъ могутъ быть большія злоупотребленія, такъ какъ въ правленіи товариществъ навѣрное заберутся дѣльцы. Одинъ доводъ, приводимый авторами противъ закладныхъ листовъ мѣстныхъ товариществъ, заслуживаетъ, впрочемъ, полнаго вниманія, это — измѣненіе курса закладныхъ листовъ и измѣненіе, сообразно съ этимъ, величина платимаго процента. Такъ напри- мѣръ, заемщикъ, получившій закладные листы по 77 р. за 100, платитъ за полученную наличную сумму капитала 9%, а получившій по 93 р., т. е. когда курсъ листовъ стоялъ выше, платитъ 7 $\frac{1}{2}$ %. «Эта разница въ платежѣ %», говоритъ г. Яковлевъ: — сдѣлалась для нихъ обязательною на 43 $\frac{1}{2}$ года» (99). Вообще, выдавая ссуду не чистыми деньгами, а листами, банкъ ставитъ заемщиковъ въ прежнее положеніе. — возлагаетъ трудъ отысканія свободныхъ капиталовъ на самихъ заемщиковъ, которые часто незнаючи съ положеніемъ денежнаго рынка и спускаютъ ихъ на 4, 5 и даже 7% ниже биржевой цѣны а, слѣдовательно, получаютъ въ дѣйствительности въ ссуду гораздо меньшій капиталъ.

ных товариществъ. Эту роль могъ бы взять на себя даже этотъ самый комитетъ. Цѣли товариществъ мелкаго земельного кредита прямо подходятъ къ его цѣлямъ распространенія народныхъ кредитныхъ учреждений, основанныхъ на началѣ взаимности» (81). Но организація и матеріальная средства этого комитета недостаточны даже для веденія дѣлъ по ссудосберегательнымъ товариществамъ: онъ получаетъ отъ министерства финансовъ только 10,000 рублей въ годъ (83), и вообще, въ настоящемъ видѣ «не можетъ взять на себя дѣла народнаго земельного кредита». Между тѣмъ все дѣло народнаго кредита должно быть сосредоточено «въ одномъ сильномъ центральномъ учрежденіи, обнимающемъ собою интересы всѣхъ видовъ его» (83). А потому «роль комитета должна перейти цѣликомъ въ это учрежденіе». Назначеніе центральной кассы: 1) «содѣйствовать образованію мѣстныхъ ссудосберегательныхъ товариществъ, товариществъ мелкаго земельного кредита и другихъ товариществъ, имѣющихъ цѣлью доставленіе мелкаго кредита. 2) Наблюдать за правильностію ихъ дѣйствій. 3) Доставлять мелкимъ товариществамъ, необходимыя для ихъ операцій денежные средства. 4) Исполнять порученія товариществъ». Содѣйствіе образованію товариществъ должно выражаться двояко: а) путемъ доставленія необходимыхъ свѣденій, брошюръ, сношеній, лекцій и т. п., и б) путемъ непосредственнаго участія къ образованію товариществъ. Разсчитывать при открытіи товариществъ на одну мѣстную инициативу трудно: предполагая, что средній размѣръ требованій кредита будетъ 1,000 рублей, нужно допустить приглашеніе 100 землевладѣльцевъ, а это трудно, даже «невозможно» (87). Поэтому кассѣ предоставляется выдавать ссуды вновь возникающимъ товариществамъ (84) и группировать заемщиковъ въ товарищества путемъ выдачи ссудъ подъ залогъ мелкой недвижимой собственности, беря съ заемщиковъ согласіе сдѣлаться членами, когда въ извѣстной мѣстности наберется достаточная сумма обезпеченій для открытія товарищества (87—8) Открытая товарищество, касса оканчиваетъ свой расчетъ по выданнымъ ссудамъ, передавая ихъ въ товарищество. На обязанности кассы лежитъ снабженіе товариществъ бухгалтерами, для чего она образуетъ артель бухгалтеровъ и приготавливаетъ ихъ къ дѣятельности (92). Такъ какъ касса должна въ себѣ «обобщить всю массу обязательствъ мелкихъ товариществъ и, прилагая свою гарантію къ этому обобщенному обязательству, привлечь свободные капиталы», то ей необходимъ для этого гарантирующий капиталъ (называемый обыкновенно въ банкахъ складочнымъ капиталомъ); «капиталъ этотъ можетъ быть составленъ путемъ акцій, паевъ, можетъ быть доставленъ какимъ либо учрежденіемъ или просто отдѣленъ правительствомъ.» Постороніе же капиталы (ссудные) приобрѣтаются кассою: 1) путемъ приѣма вкладовъ и 2) выпуска долгосрочныхъ обязательствъ кассы, которыя называются долгосрочными облигаціями. Это будутъ въ сущности закладные

листы акціонерныхъ банковъ, но названіе это авторы отмѣняютъ, находя его неправильнымъ, на томъ основаніи, что обязательства эти составляютъ долгъ самаго банка (въ данномъ случаѣ кассы), долгъ его пайщиковъ, а не самихъ заемщиковъ, какъ въ обществахъ взаимнаго кредита, гдѣ они «совершенно справедливо носятъ названіе закладныхъ листовъ» (100). Практика смѣшала эти термины. Что касается до соединенія двухъ формъ привлеченія капиталовъ, т. е. приѣма вкладовъ и выпуска долгосрочныхъ обязательствъ, соединенія этихъ основныхъ чертъ краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита, не допускаемаго нашимъ законодательствомъ въ одномъ учрежденіи, то авторы говорятъ: «Мы думаемъ, что это строгое различіе не можетъ и даже не должно имѣть безусловнаго примѣненія въ операціяхъ такого учрежденія, какъ центральная касса народнаго кредита. Обиная всю область народнаго кредита, какъ краткосрочнаго, такъ и долгосрочнаго, касса, вслѣдствіе этого, должна совмѣстить въ себѣ и оба способа пріобрѣтенія капиталовъ» (94). Сумма принимаемыхъ вкладовъ можетъ быть ограничена небольшимъ размѣромъ, напримѣръ: вдвое больше складочнаго капитала кассы (95). Касса выдаетъ ссуды товариществамъ наличными деньгами. Потери при продажѣ облигацій падаютъ на кассу. Но вмѣстѣ съ этимъ кассѣ предоставляется раздавать пріобрѣтенный капиталъ не за опредѣленный уставомъ процентъ, а взимать то, что дѣйствительно будетъ стоить пользованіе полученнымъ капиталомъ... Дѣлая посредствомъ выпуска облигацій долгъ, она выговариваетъ себѣ также право «погасить всегда свой долгъ ранѣе срока, единовременно, какое имѣютъ теперь заемщики». При удешевившейся цѣнѣ капиталовъ, возможно достигнуть «обмѣна однихъ облигацій на другія, приносящія меньшій %; и затѣмъ, сообразно съ соответствующимъ расчетомъ и выгодами такого обмѣна, понизить проценты, платимые заемщиками (101)». Поэтому касса: 1) выпускаетъ за свой собственный счетъ облигаціи, съ правомъ отгрызать публичныя подписки; 2) выдаетъ ссуды товариществамъ наличными деньгами изъ того расчета $\frac{9}{10}\%$ и погашенія, какой составитъ сумма обязательныхъ платежей кассы къ вырученному посредствомъ подписки наличному капиталу и съ прибавкою извѣстнаго % въ пользу кассы; 3) выкупаетъ по нарицательной цѣнѣ свои облигаціи въ размѣрахъ, хотя бы и превышающихъ сумму срочнаго погашенія (102). Ограниченіе суммы выпущенныхъ въ обращеніе акціонерными земельными банками закладныхъ листовъ суммой выданныхъ ссудъ, «должно сохранять свое значеніе и въ выпускѣ облигацій центральной кассою» (102). Что же касается до другого ограниченія, что сумма выпущенныхъ закладныхъ листовъ должна соответствовать и срокамъ выданныхъ ссудъ, то это «есть результатъ смѣшенія понятія закладнаго листа общества взаимнаго кредита съ облигаціею акціонернаго банка». «Въ настоящемъ случаѣ должна быть принята са-

стема перемежняющихся залоговъ, подобно тому, какъ въ обществахъ взаимнаго кредита краткосрочнаго кредита допущена система перемежняющихся, съ перемежною личнаго состава членовъ, обезпеченій. Система перемежняющихся обезпеченій имѣеть весьма важное значеніе вообще для земельного кредита» (102). Сорока и пятидесятилѣтніе сроки земельныхъ ссудъ «не имѣють серьезнаго основанія». Эта продолжительность основана на томъ *идеальномъ предположеніи*, что ссуда непремѣнно употребляется на капитальную затрату по улучшенію земледѣлія. «Но опытъ не только нашихъ кредитныхъ учреждений, но даже и Западной Европы, гдѣ, какъ говорятъ, умѣють пользоваться кредитомъ разумно, давно доказалъ, что эта идеальная сторона земельного кредита далеко не имѣеть того значенія, которое ему навязываютъ; что земельный кредитъ служитъ очень часто для коммерческихъ и промышленныхъ цѣлей и даже нерѣдко для непродуманныхъ расходовъ роскоши и мотовства» (103). Главное дѣло въ земельномъ кредитѣ, это—срочность погашенія ссудъ. Срочность эта опредѣляется разсчетами и цѣлями самихъ заемщиковъ, а потому товарищества ни въ какомъ случаѣ не должны принимать систему однообразнаго срока для всѣхъ ссудъ. Но тутъ легко можетъ случиться слѣдующее: когда заемщики будутъ нуждаться въ коротко-срочныхъ ссудахъ, капиталисты будутъ требовать долго-срочныхъ облигацій, или же наоборотъ, а это непремѣнно будетъ отражаться на цѣнѣ облигацій. Словомъ, обязательное соотвѣтствіе срока ссудъ съ выпускаемыми облигаціями, и наоборотъ, непремѣнно дурно отражается либо на хозяйственныхъ разсчетахъ заемщиковъ, либо на бумагагахъ учрежденія. Касса должна пріобрѣтать капиталъ на условіяхъ «наиболѣе удобныхъ для капиталистовъ и давать ссуды на условіяхъ, наиболѣе удобныхъ для заемщиковъ». Если сумма облигацій, находящихся въ извѣстную минуту въ обращеніи, можетъ оказаться больше суммы принадлежащихъ кассѣ обезпеченій, то недостатокъ залоговъ долженъ покрываться наличными деньгами. Система перемежняющихся залоговъ, «при значительной разницѣ сроковъ ссудъ и облигацій, можетъ представить кассѣ такіа выгоды, которыя могутъ значительно вліять на уменьшеніе взимаемаго кассою по ссудамъ $\%$. Предположимъ, что касса пропуститъ свои облигаціи на 50 лѣтъ, а вырученный капиталъ будетъ раздавать въ ссуду на 10 лѣтъ; получая съ перваго же года отъ своихъ заемщиковъ большую сумму погашенія, чѣмъ она обязана выплачивать по своимъ облигаціямъ, касса будетъ имѣть возможность, при постоянно уменьшающемся собственномъ долгѣ, совершить пріобрѣтеннымъ капиталомъ не только пять полныхъ оборотовъ, но почти вдвое больше, такъ что, принимая на себя извѣстную потерю при выпускѣ своихъ облигацій, касса будетъ имѣть возможность разложить эту потерю на всю сумму оборотовъ, которые ей удастся

произвести занятымъ капиталомъ, что равносильно уменьшенію процента, падающаго на каждую отдѣльную ссуду» (104). Теперь, что касается до самыхъ товариществъ, то основанія ихъ обыкновенныя, основанныя на взаимности. «Ось, около которой группируются всѣ остальные условія организаціи товариществъ, это—круговая порука». Minimum ссудъ долженъ быть ниже 100 руб., «такъ какъ ссуда въ 100 руб. въ черноземныхъ губерніяхъ будетъ соответствовать 1 или 2 дес., а въ нечерноземныхъ 9 или 10 дес.» (109); maximum же не опредѣленъ, а просто говорится, что крупныхъ ссудъ не должно быть (105); сроки ссудъ, по всей вѣроятности, будутъ рѣдко продолжительнѣе 12 лѣтъ (103). Отношенія товариществъ къ центральной кассѣ могутъ установиться «весьма просто»: лицо, имѣющее недвижимость и нуждающееся въ кредитѣ, вступаетъ въ члены товарищества, обеспечивая отрываемый ему кредитъ этою недвижимостью; при этомъ подписывается имъ обязательство о принятіи на представленное имущество круговой поруки по всѣмъ обязательствамъ товарищества. На основаніи этого порядка, весьма не трудно представить себѣ и отношенія товарищества къ центральной кассѣ, по полученію имъ изъ кассы необходимыхъ для выдачи ссуды денегъ, посредствомъ простой передачи такого обязательства на имя центральной кассы, съ объясненіемъ ответственности по выдаваемой суммѣ подъ это обязательство всѣми принадлежащими уже товариществу обезпеченіями» (110).

Таковъ въ общихъ чертахъ проектъ гг. князя Васильчикова и Яковлева. Намѣтивъ эти общія черты, они говорятъ, что остальное составляетъ уже только «техническую разработку» предмета, которая вполне зависитъ отъ принятія тѣхъ или иныхъ основаній. Много можно было бы сдѣлать возраженій на это удивительное совмѣщеніе совершенно противоположныхъ интересовъ, принципозъ и цѣлей: капиталистическаго интереса (пайщиковъ или акціонеровъ кассы) съ интересами безземельнаго пролетаріата (заемщиковъ); краткосрочнаго кредита съ долгосрочнымъ, промышленнаго съ земельнымъ и выкупною операціею, крупныхъ операцій съ мелкими¹, акціонерныхъ началъ съ началами круговой поруки и т. д. Но все это потребовало бы отъ насъ не журнальной статьи, а, по крайней мѣрѣ, такой же брошюры, каковую написали авторы. Соб-

¹ Maximum ссудъ не опредѣленъ, хотя проектъ и говоритъ, что это необходимо и въ одномъ мѣстѣ предположительно опредѣляетъ его въ 3,000 руб. (108). Сравнительно съ ссудами большей части ссудосберегательныхъ товариществъ, это очень большая цифра; средний размѣръ ссудъ въ ссудосберегательныхъ товариществахъ 30 руб. (42); наконецъ, во многихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ допущены большіе и! большое и неограниченное число наемъ, а сообразно съ этимъ большія и неограниченныя ссуды.

ственно финансовая сторона проекта не интересна, и къ тому же она завлекла бы насъ въ область слишкомъ сухую и спеціальную (въ которой чувствуютъ себя благополучно только Кауфманы, а обыкновенный читатель умираетъ отъ зѣвоты), и завлекла бы притомъ преждевременно и совершенно безъ надобности. Авторы вѣдь не претендуютъ на немедленное осуществленіе проекта; наконецъ, вотъ что говорятъ они сами по этому поводу: «Мы рѣшились напечатать нашъ планъ, въ надеждѣ вызвать въ литературѣ серьезное обсужденіе не столько нашего плана, противъ котораго мы и сами можемъ сдѣлать возраженія, сколько обсужденіе вообще вопроса о существующихъ потребностяхъ и возможной будущности нашего мелкаго землевладѣнія» (70). Этому пожеланію авторовъ, какъ несомнѣнно болѣе важному и интересному, мы и постараемся удовлетворить. Но, мимоходомъ, не можемъ, однако, не указать и на нѣкоторыя слабѣя стороны проекта. Желая централизовать народный кредитъ и создавая для этого сильное центральное учрежденіе (чему мы и сами сочувствуемъ), авторы, кажется, не оцѣнили всего того, что было писано не въ пользу этого и не приложили достаточно стараній къ тому, чтобы ослабить отрицательныя стороны централизаціи и поставить вопросъ лучше. Центральное учрежденіе народнаго кредита дѣйствительно должно быть сильно, и совершенно понятно, почему такія широкія права отводить ему проектъ; но кто же будетъ стоять во главѣ этого учрежденія? Пайщики, акціонеры, т. е. вообще капиталисты. Авторы говорятъ о комитетѣ о ссудосберегательныхъ товариществахъ и, слѣдовательно, о дѣятеляхъ его. Допуская, что дѣятели эти вполне компетентны и достойны стоять во главѣ такого важнаго дѣла, въ чемъ мы сильно сомнѣваемся (хотя бы по одному уже тому, что они поборники слишкомъ узкаго индивидуальнаго принципа); но причемъ же они будутъ въ центральной кассѣ? Въ качествѣ ли административныхъ чиновниковъ министерства финансовъ, въ качествѣ ли простыхъ пайщиковъ, или же просто въ качествѣ частныхъ, компетентныхъ людей? Капиталисты, которые дадутъ свои капиталы, конечно, не пожелаютъ, чтобы ими полновластно распоряжались чиновники, или не дадутъ своихъ капиталовъ; они пожелаютъ сами участвовать въ управленіи дѣломъ и заглушать голоса немногочисленныхъ пайщиковъ, а компетентности частныхъ доброжелательныхъ людей противопоставить, конечно, собственную компетентность. Вопросъ этотъ совершенно не разъясненъ нашими авторами. А между тѣмъ, при такихъ условіяхъ, права кассы могутъ быть обращены капиталистами въ свою пользу и могутъ обратиться въ источникъ злоупотребленій. Капиталы, вмѣсто того, чтобы идти въ ссуду подъ приобретаемую бѣдняками землю, могутъ пойти на спекуляцію, на дутыя предпріятія; безсрочныя вклады, вслѣдствіе нужды въ деньгахъ, могутъ оказаться выданными въ долгосрочныя ссуды, пониженія процента по ссудамъ, заемщики могутъ никогда не дожидаться, хотя

бы касса совершала вдвое больше оборотовъ, получала большіе барышни или добывала дешево капиталы, а повышение % можетъ быть такъ велико, что сдѣлаетъ кредитъ раззорительнымъ; погашеніе облигацій можетъ затягиваться или онѣ могутъ гулять въ большомъ, тѣмъ надлежитъ, числѣ, не будучи обезпечены дежонной наличностью; курсъ ихъ можетъ упасть, владѣльцы захотятъ его поднять и т. д., и т. д. Всего этого, конечно, можетъ и не быть; но больше вѣроятія за то, что будетъ. Сами авторы проекта говорятъ, что огражденіе центральной кассы отъ внесенія въ нее «кодекса широкой морали личнаго интереса составляетъ самую трудную, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и самую главную задачу» (105). «Какъ достигнуть этого, продолжаютъ они:—безъ опасности впасть въ тоже время въ другую крайность, въ отсутствіе всякаго интереса, такъ часто мертвѣющаго самыя живыя учрежденія, мы, по совѣсти говоримъ, не знаемъ и просимъ другихъ указать» (106). Тѣ мѣры, которыя они, *тѣмъ не менше*, предлагаютъ для этого, не выдерживаютъ критики, какъ сознаютъ это отчасти и сами авторы, или же высказываются ими только въ видѣ предположеній. «Первою такою мѣрою могло бы быть ограниченіе предѣла и прибыльности паевъ складочнаго капитала и введеніе неотчуждаемости паевъ. Такая неотчуждаемость паевъ сдѣлала бы учрежденіе не только ассоціаціею капитала, но ассоціаціею лицъ, вносящихъ въ учрежденіе свои взгляды, свои убѣжденія, а ограниченіе прибыльности паевъ положило бы непреодолимое препятствіе къ стремленіямъ личнаго интереса». На это можно замѣтить, что при неотчуждаемости паевъ, касса можетъ сдѣлаться замкнутою ассоціаціею лицъ, имѣющихъ очень скверныя убѣжденія и взгляды, можетъ сдѣлаться орудіемъ какой-нибудь партіи, влияние которой на экономическую жизнь вовсе не желательно; а ограниченіе прибыльности паевъ можетъ положить непреодолимое препятствіе и для многихъ капиталистовъ, ищущихъ для своего капитала высокихъ процентовъ. «Мы могли бы, говорятъ авторы:—еще указать на другую мѣру, на участіе правительства въ составленіи складочнаго капитала, съ предоставленіемъ, на основаніи этого капитала, участія въ контролѣ и даже управленіи представителямъ отъ товариществъ, съ предоставленіемъ товариществамъ права постепеннаго выкупа принадлежащей правительству части въ складочномъ капиталѣ кассы; даже съ предоставленіемъ права выкупа всего капитала. Но правительственное участіе въ частныхъ учрежденіяхъ вообще является весьма часто не только не полезнымъ, но даже вреднымъ, парализируя, съ одной стороны, необходимыми формальностями частную инициативу, а съ другой—возбуждая обманчивыя надежды и преувеличенное довѣріе. Точно также предоставленіе товариществамъ обращенія кассы въ исключительную ихъ принадлежность, посредствомъ выкупа ими складочнаго капитала, можетъ сдѣлать кассу орудіемъ одностороннихъ стремленій навѣстнаго кружка товариществъ, почему

либо взявшихъ верхъ надъ другими. Мы думаемъ даже, что сохраненіе участія въ кассѣ известной доли постороннихъ пайщиковъ можетъ скорѣе принести пользу, какъ элементъ, болѣе способный парализовать какія-либо исключительныя стремленія» (106). Всѣ эти опасенія вовсе не такъ велики, какъ въ первомъ случаѣ и какъ кажется авторамъ проэкта, которые, повидимому, больше всего испугались въ данномъ случаѣ того, что народный кредитъ можетъ такимъ образомъ, обратясь въ государственный или общественный, каковымъ онъ, на самомъ дѣлѣ, и долженъ быть. Они очень не любятъ государственныхъ или общественныхъ банковъ и прохотятъ эту форму кредита «совершеннымъ молчаніемъ», ссылаясь на недавно изданную статистику общественныхъ банковъ, «хладнокровное и безпристрастное» разсмотрѣніе которой можетъ показать, «много ли пользы принесли эти банки въ довольно продолжительный періодъ своего существованія» (60). Если общественные банки принесли мало пользы, то для этого были причины, объ устраненіи которыхъ и надлежало подумать, устраненіе которыхъ вовсе не невозможно, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени, и которыя устраняются сами собою съ появленіемъ на сценѣ земства и съ сокращеніемъ бюрократическаго полномочія. Но, не сочувствуя общественному кредиту въ самомъ его принципѣ, они представляютъ его себѣ какою-то мечтою утопистовъ, не стоящую выдѣннаго лица на практикѣ, какимъ то заколдованнымъ лѣсомъ, въ которомъ могутъ только погибать народы. А потому и вопросъ объ участіи правительства разрѣшенъ ими скорѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ. Поговоривъ краснорѣчиво о томъ, что направленіе орудія столь сильнаго, какъ кредитъ, должно быть подчинено интересамъ страны, что уравновѣшеніе интересовъ общественныхъ и личныхъ—дѣло государства, что необходимо разрѣшить нѣкоторые вопросы законодательнымъ порядкомъ, что казвѣ выгодно будетъ продавать свои земли крестьянамъ и что казна можетъ участвовать въ складочномъ капиталѣ кассы, авторы нигдѣ не опредѣляютъ этого участія и вспоминаютъ о немъ уже въ самомъ концѣ брошюры по поводу обузданія личнаго интереса капиталистовъ и относятся къ нему неодобрительно. Между тѣмъ, участіе правительства, сверхъ всего прочаго, могло бы быть чрезвычайно полезно и даже необходимо при производствѣ опѣнокъ по продажѣ частныхъ земель, о чемъ мы отчасти уже говорили. Точно также не опредѣлено проэктъомъ и участіе земства въ народномъ кредитѣ; объ этомъ участіи даже ничего не говорится, за исключеніемъ того, что земства могутъ содѣйствовать открывающимся товариществамъ своими капиталами и что *мыслящіе* земскіе люди должны обратить вниманіе на проэктъ; а между тѣмъ, это участіе также могло бы быть чрезвычайно полезно не только въ смыслѣ контроля, но и въ смыслѣ ближайшаго участія, какъ въ смыслѣ товариществахъ, такъ и въ центральной кассѣ. Такимъ образомъ, дѣло народнаго

кредита и созданія мелкаго землевладѣнія оказывается въ рукахъ капиталистовъ, которыхъ, конечно, не удержитъ одно опредѣленіе высшихъ размѣровъ сдѣлокъ въ каждой отдѣльной кредитной операціи, на которое авторы и сами не надѣются, какъ на гарантію отъ личнаго интереса (105). Это опредѣленіе высшихъ размѣровъ сдѣлокъ неминуемо будетъ имѣть значительные предѣлы, въ чемъ можно убѣдиться даже изъ разсмотрѣнія самаго существа проекта, и, во всякомъ случаѣ, предѣлы достаточные для того, чтобы, если не крупныя, то мелкія капиталы могли обдѣлывать свои дѣла. Вѣдь это только сторонники ссудосберегательныхъ товариществъ могутъ увѣрять, и увѣрять, притомъ, только людей, незнакомыхъ ни съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, ни съ отчетами товариществъ, что ограниченіе высшаго размѣра ссудъ служить надежною уздою для булаковъ и мѣстныхъ капиталистовъ, что товарищества состоятъ дѣйствительно изъ бѣдняковъ, нуждающихся въ 30 рублевыхъ ссудахъ и что если и встрѣчаются въ нихъ лица *больше состоятельными*, то только для того, чтобы «по тѣмъ или другимъ видамъ имѣть вліяніе на веденіе дѣла, или просто, чтобы имѣть подъ рукою источникъ, дающій имъ посредствомъ кредита деньги, какъ орудія мѣны, въ которыхъ такъ часто чувствуется недостатокъ въ деревнѣ» (42). Ссудосберегательныя товарищества съ каждымъ годомъ наполняются все больше булаками, торговцами, мелкими помѣщиками и т. п.; кредитъ, оказываемый ими, вовсе не соответствуетъ равенству правъ (полныя и неполныя пайщики, не одинаковое число паевъ и различныя размѣры ихъ) и достигаетъ громадныхъ размѣровъ, въ особенности въ товариществахъ съ министерскимъ и другими уставами; многія изъ нихъ превратились въ настоящія общества взаимнаго кредита, выдаютъ ссуды подъ товары и недвижимыя имущества, и комитетъ не въ состояніи обуздать ихъ своею уздою. Комитетъ находится въ положеніи того всадника на аничковскомъ мосту, который еще держится за конецъ повода, но уже находится подъ конскими копытами; онъ, разумѣется, не останется и въ такомъ незавидномъ положеніи, потому что ссудосберегательныя товарищества—не чугунный конь, а живое дѣло, не ладно устроенное и неправильно руководимое. То, что число товариществъ увеличивается и обороты ихъ возрастаютъ—не можетъ еще отвѣчать на всѣ «усмѣшки и сомнѣнія, которыми были встрѣчены первыя попытки народнаго кредита» (78) и наполнять сердце ихъ дѣятелей торжествомъ: на родъ пользуется и ростовщиками, а кредитъ ссудосберегательныхъ товариществъ, во всякомъ случаѣ, легче ростовщическаго; выжатая губка съ жадностью впитываетъ какъ шампанское, такъ и помой. Тоже самое, конечно, будетъ и съ земельнымъ кредитомъ, проектированнымъ тѣми же самыми дѣятелями и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ. Дѣятели эти представляютъ, что безъ личнаго интереса и безъ капиталистовъ міръ пропадетъ, а потому, ратуя противъ личнаго интереса, они всегд-

хотать сохранить нѣкоторую долю его и не сочувствуютъ тѣмъ теоріямъ, которыя предлагаютъ болѣе рѣшительныя средства противъ личнаго интереса, которыя понимаютъ личный интереса шире ходячихъ понятій на этотъ счетъ. Отсюда происходятъ постоянное вліяніе изъ стороны въ сторону, которое выражается пословицей «и нашимъ, и вашимъ». Вотъ, на примѣръ, образчикъ этого: «Въ финансовомъ и вообще въ промышленномъ мірѣ, говоритъ г. Яковлевъ:—существуютъ совершенно особыя понятія о нравственности; катехизисъ этого міра далеко растяжимѣе обыкновенныхъ понятій. Альфа и омега кодекса этихъ понятій—личный интересъ; всякаго, вносящаго въ этотъ міръ другія понятія, называютъ въ лицо идеалистомъ, мечтателемъ и глупцомъ за глаза. Самыя высокія цѣли, съ торжествомъ превозглашаемыя повидимому, безкорыстными дѣятелями, служатъ только завѣсой для проявленія подъ ея покровомъ самыхъ грубыхъ, корыстныхъ интересовъ. Мы вовсе не думаемъ этимъ обвинять нашъ финансовый и промышленный міръ. Нисколько; по нашему мнѣнію, это можно считать грустнымъ явленіемъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что это совершенно въ порядкѣ вещей. Гуманныя проповѣди объ общественномъ благѣ и безкорыстїи не имѣютъ смысла тамъ, гдѣ все проникнуто личнымъ интересомъ» (105). А тремя строками ниже вы уже читаете, что даже *относительно отсутствіе всякаго личнаго интереса* и т. д. Все это разсужденіе, предназначенное удовлетворить и вашихъ и нашихъ, поѣдаетъ само себя въ самомъ безжалостномъ противорѣчїи. Г. Яковлевъ, какъ понятно, долженъ затрудились и относительно причины того, почему все проникнуто личнымъ интересомъ, и относительно главныхъ виновниковъ этого, а, слѣдовательно, и относительно мѣръ. Онъ находитъ грубую корыстность въ промышленномъ и финансовомъ мірѣ, но не думаетъ этимъ обвинять финансовый и промышленный міръ, такъ какъ это въ порядкѣ вещей, такъ какъ и народъ, недавно вышедшій изъ крѣпостнаго состоянія и дѣлающій первые шаги свободнаго человѣка, «нерѣдко проявляетъ и жадныя инстинкты угнетеннаго человѣка» (78). Виноваты, слѣдовательно, покойники, т. е. крѣпостное право. Не будемъ, однако, останавливаться на этомъ разсужденїи и искать изъ него выходовъ, а продолжемъ нашу статью.

Теперь мы позволимъ себѣ усомниться въ выгодности для крестьянъ покупать землю на предложенныхъ проектомъ основанїяхъ и въ возможности, такимъ образомъ, увеличить крестьянское землевладѣніе и упрочить его. Будемъ брать доказательство изъ самаго же проекта, который, приводя ихъ по другому поводу, недостаточно оцѣниваетъ ихъ въ данномъ смыслѣ. Продажныя цѣны на земли, говоритъ князь Васильчиковъ, вездѣ возвысились на 20, 30, 50, 75 и 100 процентовъ. Цѣны, платимыя и предлагаемыя крестьянами, *значительно превышаютъ* цѣны при продажѣ цѣльныхъ имѣній; разица эта въ нѣкоторыхъ мѣстно-

«стать громадная: въ Смоленской Губ., гдѣ имѣнія въ цѣльномъ составѣ не имѣютъ никакой опредѣленной цѣны, отдѣльныя угодья скупаются крестьянами по 50 р. за пашню и покосъ и до 75—100 р. за заливные луга; въ Симбирской Губ. среднія цѣны 22—25 р. за десятина, а при покупкѣ подесятинно или участками отъ 35 до 70 р.; въ Тульской Губ. первые отъ 15 до 80 р., вторые до 100—125 р., а заливные луга отъ 200 до 400 р.; въ Нижегородской цѣны доходятъ до 100 р. и т. д. (11—12). Все это, замѣтите, совершилось безъ всякаго улучшенія земледѣлія и увеличенія производительности земель. Послушаемъ теперь другого автора. «Если неопытный человѣкъ, говорить г. Яковлевъ:—захочетъ составить себѣ понятіе о цѣнности земель въ продажѣ, въ какой-либо мѣстности Россіи, на основаніи цѣнъ совершающихся покупокъ, то онъ легко можетъ впасть въ самую крупную ошибку. Онъ можетъ ошибиться болѣе, чѣмъ на 200%». Цѣна отдѣльныхъ покупокъ въ одной и той же мѣстности, при одинаковой доброкачественности, бываетъ совершенно различная; весьма часто она несообразно превышаетъ дѣйствительную существующую цѣнность земель». Главная причина этого, продолжаетъ г. Яковлевъ, заключается въ слѣдующемъ: «кн. Васильчиковъ уже объяснилъ значеніе такъ называемыхъ отрѣзныхъ земель; постоянно возникающія ложныя отношенія поселеннаго крестьянства къ сосѣду-помѣщику, вслѣдствіе недостатка у крестьянъ не только земли, но иногда просто воды, возвышаютъ цѣну даже болоту выше цѣны самой лучшей земли... Такимъ образомъ, въ настоящее время, образовалось двѣ цѣны землямъ, цѣна общая цѣлому имѣнію, когда владѣлецъ долженъ отыскивать обыкновеннаго покупателя-помѣщика, и цѣна по частямъ, при продажѣ по участкамъ сосѣднимъ крестьянамъ. Въ первомъ случаѣ еще различается цѣна, смотря по тому, есть ли въ имѣніи земли, въ которыхъ нуждаются крестьяне, или нѣтъ, въ послѣднемъ случаѣ цѣна, конечно, ниже. Особенная цѣнность нѣкоторыхъ участковъ, конечно, составляетъ явленіе общее всѣмъ странамъ; но тамъ эта цѣна является или результатомъ случайнаго значенія даннаго мѣстоположенія, или результатомъ качества, связаннаго съ внутреннимъ достоинствомъ земли. Во всякомъ случаѣ, цѣна эта не исчезаетъ съ одной только переменной владѣльца. У насъ же, эта разница вызвана созданіемъ класса, составляющаго большинство населенія, класса хозяевъ съ недостаточнымъ количествомъ земли. Тамъ высокая цѣна явилась результатомъ экономической жизни, у насъ, въ большинствѣ случаевъ, она составляетъ результатъ политической мѣры, создавшей эту цѣну въ пользу одного класса и въ ущербъ другому» (47). Слушайте далѣе. Г. Яковлевъ разъясняетъ дѣло просто превосходно: «Такимъ образомъ, правительство, создавая общину при такихъ условіяхъ, тѣмъ самымъ искусственно создало особую цѣну на прилегающіе участки. Цѣна эта исчезаетъ, коль скоро, почему бы то ни было, измѣняются отношенія и означенные

участки земель перестаютъ быть нужными крестьянамъ... Часто вся цѣнность имѣнія, вся его доходность зависятъ только отъ этого искусственно созданнаго отношенія. Владѣлецъ такихъ земель, находя въ этихъ отношеніяхъ источникъ доходовъ, если и соглашается продать нужны крестьянамъ земли, то, конечно, только за такую цѣну, которая бы вознаградила его за потерю присвоеннаго ему преимущества. Такъ, мы знаемъ примѣры, что крестьяне покупали земли по 50—60 р. за десятину въ нечерноземныхъ губерніяхъ мелкими участками, въ то время, какъ остальная и ненужная крестьянамъ земля продавалась по 7—8 р. за десятину... Въ этомъ явленіи нельзя видѣть обыкновенную продажу земли. Въ немъ заключается выкупъ того преимущества, которое законъ создалъ въ пользу одной стороны» (48—9). (Все это г. Яковлевъ говоритъ по поводу затруднительности производства оцѣнокъ для учрежденій земельного кредита.) И вотъ, при такихъ-то условіяхъ, крестьянамъ предлагаютъ покупать землю у помѣщиковъ *по вольной цѣнѣ, определяемой взаимнымъ соглашеніемъ продавца и покупателя!* Нужно замѣтить, что возвышеніе цѣнъ на землю показано проектомъ скорѣе меньше, чѣмъ больше дѣйствительнаго: кн. Васильчиковъ опредѣляетъ его въ 20—100%; а Янсонъ, на основаніи такихъ же официальныхъ данныхъ, выводитъ, что «въ теченіи 10 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ продажныя и арендныя цѣны на землю возвысились приблизительно на 300—400%¹». Во многихъ губерніяхъ цѣны достигли до 120—150—180—200 и болѣе руб. за десятину. Нужно замѣтить еще, выражаясь словами кн. Васильчикова, что «арендная плата возвышается еще быстрѣе, чѣмъ продажныя цѣны, и что между тѣми и другими нѣтъ правильной соразмѣрности», или, другими словами, что еслибы капитализировать арендную плату, положимъ, изъ 8%, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые экономисты, то продажныя цѣны были бы еще выше. Кн. Васильчиковъ дѣлаетъ примѣръ подобнаго расчета и цѣна возвышается почти вдвое (13). Фактъ этотъ прямо указываетъ на крайнюю нужду крестьянъ въ землѣ и на неимѣніе средствъ для покупки ея; но фактомъ этимъ, вѣроятно, не упустятъ случая воспользоваться землевладѣльцы, когда у крестьянъ явятся средства, чтобы накинуть на землю еще нѣкоторую толку. Теперь интересно было бы посмотреть: что сталъ бы получать крестьянинъ съ земли, заплативъ за нее такую высокую цѣну? Земля истощена и съ каждымъ годомъ все больше, и больше слабѣетъ; во многихъ хойзійствахъ трехпольный сѣвооборотъ замѣненъ двухпольнымъ, т. е. земля пашется каждый годъ, безъ всякаго удобренія, и засѣвается попеременно то озимымъ, то яровымъ. Положимъ, купилъ онъ землю въ Тамбовской Губерніи и Тамбовскомъ же уѣздѣ и заплатилъ за нее по 100—120 р. за десятину; положимъ, что банкъ выдалъ ему эту сумму полно-

¹ «Опытъ ст. изслѣд.» и т. д. Спб. 1877 г. стр. 89.

стью (иначе онъ будетъ долженъ землевладѣльцу, что все равно или еще хуже) и онъ платитъ ему, согласно съ проектомъ отъ 8 до 12 р. въ годъ. Средняя доходность 1 десятины удобной земли въ Тамбовской Губ. опредѣлена министерствомъ финансовъ, по свидѣніямъ, полученнымъ имъ отъ губернаторовъ и земскихъ управъ, въ 2 р. 73 к. ¹ (а цѣнность въ 39 р. 8 к.). Положимъ, что цифра эта, полученная специальною оцѣнкою, уменьшена противъ дѣйствительности; но и нормальная доходность десятины Тамбовскаго Уѣзда, выведенная по долгосрочной арендѣ, опредѣлена только въ 5 р. 50 к., ² что очень близко къ дѣйствительности и что все-таки не избавляетъ крестьянина отъ дефицита, который еще увеличивается податями и другими сборами. Припомнимъ то, что мы сказали въ началѣ статьи относительно элементарнаго условія землевладѣнія, чтобы рента принадлежала землевладѣльцу и чтобы лежащія на землѣ платежи не поглощали ея, такъ какъ въ противномъ случаѣ землевладѣніе обращается въ бремя, которое каждый поневолѣ пожелаетъ сбросить. Въ настоящее время, крестьянинъ платитъ такъ дорого за землю потому, что не считаетъ своего труда, который часто, кромѣ земледѣлія, ему некуда приложить для борьбы за существованіе. Покупаютъ землю только отдѣльныя, исключительныя личности, успѣвшія какими-нибудь судьбами сколотить нѣкоторую сумму. Вопреки заявленію князя Васильчикова, что покупка земель идетъ *бойко*, Янсонъ свидѣтельствуетъ обратное и говоритъ, что покупка земель, вслѣдствіе вздорожанія цѣнъ и увеличивающейся крестьянской нищеты, «даже болѣе зажиточнымъ изъ крестьянъ дѣлается все менѣе и менѣе возможной» (88). Кн. Васильчиковъ, между тѣмъ, указывая на эту покупку и арендованіе, поторопился придти къ заключенію, что въ русскомъ народѣ въ общей сложности есть еще много силъ и средствъ, которыя всѣ устремлены къ приобрѣтенію собственности и къ расширенію земледѣльческой культуры» (13). Если мы припомнимъ только что сказанное нами о громадныхъ платежахъ и невозможности для крестьянина ничѣмъ инымъ заработать деньги, то увидимъ, что совершающееся расширеніе культуры совершается форсированнымъ способомъ. Фактъ форсированности нашего крестьянскаго земледѣлія отвѣчаетъ и на другое послѣднее заключеніе князя Васильчикова. Смотра на увеличивавшіяся отпуски сырыхъ продуктовъ и въ особенности хлѣба за границу, на расширеніе площади культурныхъ земель и на вздорожаніе цѣнъ на продукты, онъ приходитъ къ положительному убѣжденію, что земледѣліе вовсе «не находится въ такомъ разстроенномъ положеніи, какъ

¹ См. «Труды ком. для пересм. подат. и сборовъ», т. XVI. Часть II. Спб. 1878. Приложение IV.

² Янсонъ. «Опыт. ст. изслѣд.» стр. 78.

его описываютъ» (6); «по крайней мѣрѣ, говорятъ онъ, намъ неизвѣстны тѣ экономическія начала, которыя позволили бы заключить объ упадкѣ какого-либо промысла по усилению его производства; о стѣсненіи хозяйства по увеличенію сбыта хозяйственныхъ продуктовъ, и о разстройствѣ какой-либо отрасли промышленности или торговли, по вздорожанію товара» (7). Такъ дѣйствительно и думаютъ нѣкоторые экономисты, смотрящіе на вещи односторонне, не принимающіе въ расчетъ ввоза, когда говорятъ о вывозѣ, не принимающіе въ расчетъ того, что въ то время, какъ цѣны на землю возросли на 300—400%, цѣны на хлѣбъ возросли только на 50—80%, а цѣны на трудъ на 50—100%, что показываетъ, что крестьянинъ не въ силахъ былъ переложить возвысившейся цѣны на землю на потребителей хлѣба (онъ самъ одинъ изъ главныхъ потребителей) и не получаетъ съ владѣльцевъ земли и капиталистовъ большого заработка, не знающіе, наконецъ, того, что чрезмѣрное расширение производства и вздорожаніе цѣнъ очень часто знаменуютъ наступленіе экономическихъ кризисовъ; а все это перевертываетъ вверхъ дномъ выставленныя экономическія начала. Но это только между прочимъ. Главное дѣло въ томъ, что покупка земель у помѣщиковъ, при такихъ условіяхъ, крайне невыгодна и можетъ кончиться раззореніемъ и обезземеленіемъ крестьянства. Кредитъ, конечно, представить имъ нѣкоторое временное и соблазнительное облегченіе избавиться отъ переплатъ на арендѣ, но онъ же затянетъ на нихъ и мертвую петлю. Правда, что проектъ предполагаетъ, что одновременно съ помѣщичьими землями будутъ продаваться и казенныя, чѣмъ представится нѣкоторая конкуренція первымъ; но, во-1-хъ, когда то еще будутъ продаваться казенныя земли, можетъ быть, этого и совсѣмъ не будетъ, а частныя земли будутъ продаваться сейчасъ же въ изобиліи, какъ только устроится кредитное учрежденіе; во 2-хъ, во многихъ губерніяхъ казенныхъ земель мало, а переселеніе сопряжено съ юридическими затрудненіями и невозможно для большинства населенія по бѣдности, и въ-3 хъ, самая процедура пріобрѣтенія казенныхъ земель будетъ гораздо сложнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ земель частныхъ, даже заложенныхъ въ поземельныхъ банкахъ. Банки, вѣроятно, не замедлятъ вступить въ услужливое соглашеніе съ центральною кассою народнаго кредита по поводу перевода платежей. Г. Яковлевъ вскользь упоминаетъ о томъ, что на торги, назначаемыя банками, на мелкіе участки «всегда являются или очень мало покупателей, или даже вовсе не являются, и имѣніе или продается за безцѣнное (?) съ ничтожной надбавкой противъ долга, или остается за банкомъ» (68); но онъ долженъ лучше знать, насколько банки заинтересованы въ продажѣ не однихъ мелкихъ, но и крупныхъ имѣній, на которыя также является мало покупателей, потому что банки, подѣ испу-

шеніемъ спекуляцій, выдали подѣ нихъ громады, часто превышающія ихъ дѣйствительную цѣнность ссуды и которыя банки постарались приспособить къ продажѣ крестьянамъ. Словомъ, на конкуренцію казенныхъ земель разсчитывать нельзя, пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ о переселеніяхъ и не будетъ оказываемо переселенцамъ пособіе, о чемъ когда-то толковали редакціонныя комиссіи. А потому продажа земель будетъ выгодна только помѣщикамъ и поземельнымъ банкамъ, обремененнымъ фиктивными цѣнностями, и мы рѣзко протестуемъ противъ такого обирая народа подѣ благовидными цѣлями, протестуемъ, несмотря на всю громадную нужду крестьянства въ землѣ и на сознание необходимости дать ему эту землю. Мы, конечно, ни на минуту не подозреваемъ ни князя Васильчикова, ни г. Яковлева въ какихъ-нибудь личныхъ разчетахъ, и не сомнѣваемся въ ихъ искренности: — съ ихъ стороны это просто теоретическое недоразумѣніе. Князю Васильчикову, кажется, суждено быть постоянною жертвою подобныхъ недоразумѣній, такъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ: предлагая покупку земель по такимъ громаднымъ цѣнамъ онъ, въ тоже время, въ другомъ своемъ сочиненіи («Землевладѣніе и земледѣліе»), распространяется объ историческихъ правахъ народа на землю и о шаткости этихъ правъ у помѣстнаго класса; говоря, что «только частными сдѣлками, вольною покупкою земель, могутъ быть пополнены надѣлы сельскихъ обществъ въ губерніяхъ малоземельныхъ» и исправлены недостатки крестьянской реформы, онъ въ той же самой брошюрѣ приводитъ, что крестьянское землевладѣніе погибло въ Германіи потому, что крестьянская реформа произведена была тамъ безъ пособій правительства, по вольнымъ сдѣлкамъ; что не помогли горю и выкупныя кассы, учрежденныя въ 1849 году и позднѣе, и выдача ссудъ крестьянамъ (23), потому, что цѣны на землю настолько возросли, что сдѣлались недоступны для крестьянства; что въ то время, какъ въ Россіи уже $\frac{2}{3}$ всѣхъ крестьянъ приступило къ выкупу, «въ остзейскихъ провинціяхъ, гдѣ по нѣмецкой системѣ производится не выкупъ, а вольная продажа крестьянскихъ земель, изъ 75,162 крестьянъ-домохозяевъ, по настоящее время (по 1872 годъ), приобрѣли въ собственность свои участки только 10,530, то-есть $\frac{1}{7}$ » (25) и т. д. Нужно замѣтить, что, главнымъ образомъ, подѣ влияніемъ этихъ условій и въ Германіи, и въ Остзейскомъ Краѣ, крестьянство раскололось на двое: на зажиточное меньшинство и неимущее большинство — положеніе въ высшей степени нежелательное. Тоже самое, конечно, было бы и у насъ. Короче, мы считаемъ покупку крестьянами земель у помѣщиковъ единственно возможною только при опредѣленіи цѣны земель правительствомъ по ея дѣйствительной стоимости, по ея дѣйствительной, а не искусственно созданной доходности, на что, конечно, не согласатся ни земледѣльцы, желающіе продать свои земли, ни банки. Въ противномъ же случаѣ, необхс-

дима предварительная мѣра, которая могла бы ввести ненормально возросшую цѣну въ естественные предѣлы. Мѣра эта, какъ само-собою понятно, должна заключаться въ томъ, чтобы поставить крестьянство въ такое положеніе, чтобы оно не зависѣло и не нуждалось въ помѣщичьей землѣ. Такихъ мѣръ можетъ быть только двѣ: 1) созданіе, при помощи государства, большихъ фабрикъ въ губерніяхъ малоземельныхъ, не ремесленныхъ, хотя бы и артельныхъ заведеній, которые рекомендуетъ г. Яковлевъ и которые, только затягивая роковую борьбу съ крупной промышленностью и изнуряя работниковъ, въ концѣ концовъ, погибнуть, а большихъ фабрикъ, вооруженныхъ машинами, которымъ была бы не страшна никакая конкуренція (тамъ, гдѣ еще нѣтъ большого производства, могутъ быть, конечно, полезны и промышленныя мелкія производства); введеніе на этихъ фабрикахъ общественныхъ работъ подъ контролемъ земства или же устройство артелей изъ крестьянъ-общинниковъ и передача фабрикъ, за извѣстный выкупъ, въ собственность общинъ. Но такъ какъ, мѣра эта требуетъ большихъ капиталовъ, то остается только 2) отводъ крестьянамъ казенныхъ земель. Трудно придумать болѣе нецѣлесообразное и непроезжительное употребленіе казеннымъ имуществомъ, чѣмъ то, въ какомъ они находятся въ настоящее время. Штейнъ сильно протестовалъ противъ этого въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда въ Пруссіи было тоже самое, и отчужденіе государственныхъ имуществъ было первою мѣрою, которая поправила печальное финансовое положеніе Пруссіи. Америка, при помощи государственныхъ земель, поставила народное образованіе въ блестящее положеніе, хотя далеко не всѣ земли затрала производительно. Кн. Васильчиковъ считаетъ «даровой надѣлъ безусловно вреднымъ» (34). Допустимъ это, (хотя это опять-таки глубоко противорѣчитъ нашему обычному праву и народнымъ возрѣніямъ, считающимъ землю государственною или мірскою собственностью, и не грозитъ вовсе финансамъ, такъ какъ земля платила бы налоги), но, во всякомъ случаѣ, капитализація выкупа должна быть иная, болѣе легкая, чѣмъ въ 1861 г. Средняя доходность десятины удобной земли опредѣлена, по вышеуказаннымъ свидѣніямъ министерства финансовъ, для 47 губ. Европ. Россіи въ 1 р. 51 1/2 к., а цѣнность въ 22 р. 30 3/4 к., при чемъ только въ 3 губерніяхъ доходность превышаетъ 4 р. (въ Киевской, Курляндской и Тульской), а цѣнность доходитъ до 64 р. 80 к. только въ одной Курляндской губ.; въ остальныхъ же губерніяхъ и цѣнность, и доходность значительно ниже. Вотъ табличка, показывающая это:

	Цѣн- ность.	Доход- ность.		Цѣн- ность.	Доход- ность.
	Р. К.	Р. К.		Р. К.	Р. К.
Архангельской . . .	17 50	70	Олонцкой	12 16	50
Астраханской	25 91	1 55	Орловской	37 91	2 65
Бессарабской	20	1 50	Пензенской	40 19	2 81
Виленской	21 45	1 28	Пермской	7 70	46
Витебской	18 16 ^{1/4}	90 ^{1/4}	Подольской	43	8
Владимірской	18 43	94	Полтавской	89 12	2 78
Вологодской	8 13	48	Псковской	13 7	65
Волынской	83 41	2 17	Рязанской	52 75	3 69
Воронежской	41 52	2 90	Самарской	12 91	77
Вятской	17	1 2	Петербургской	14 7	84
Гродненской	19	1 14	Саратовской	25	1 75
Екатеринославск. . . .	20 78	1 45	Сибирской	15 46	1 8
Казанской	19	1 83	Смоленской	13 90	69
Калужской	14 2	98	Ставропольской	9 58 ¹	1 41
Ковенской	85 27	2 64	Таврической	15 79	1 10
Костромской	8 66	53	Тамбовской	39 8	2 78
Курской	42 19	2 95	Тверской	22 86	1 60
Минской	14 69	88	Уфимской	9 45	75
Могилевской	16 20	97	Харьковской	29 16	2 4
Московской	41 71	2 92	Херсонской	22 22	1 78
Нижегородской	19 4	1 83	Черняговской	19 3	1 83
Новгородской	10 88	54 ^{1/2}	Ярославской	16 69	1

Если мы скажемъ, что для казенныхъ имуществъ и подобная оцѣнка высока, то, конечно, никто противъ этого ничего не будетъ имѣть. Когда крестьяне водворятся на казенныхъ земляхъ, тогда опредѣлится настоящая доходность и цѣнность и помѣщичьихъ земель, и тогда можетъ быть поднятъ вопросъ о покупкѣ ихъ крестьянами. Есть еще одно важное условіе крестьянскаго землевладѣнія, это — община. Мы считали бы не только полезнымъ, но и необходимымъ, чтобы занятіе новыхъ казенныхъ земель, а равно и покупаемыхъ крестьянами у частныхъ лицъ совершалось предпочтительно на общинномъ правѣ. Для этого община прежде всего нуждается въ законодательствѣ, которое бы разъ на всегда обезпечивало ея существованіе. Мы полагаемъ бы полезнымъ приспособить и кредитъ для покупки земель также общинами, при чемъ какъ существующія общины могли бы расширять свои владѣнія, такъ могли бы возникать и новыя общины, группируясь, подобно тому, какъ группируются въ проектѣ гг. кн. Васильчикова и Яковлева, заемщики въ товарищества. Но гг. кн. Васильчиковъ и Яковлевъ смотрятъ на дѣло иначе. Ихъ проектъ приспособленъ исключительно къ личнымъ покупкамъ, хотя авторы и упоминаютъ о томъ, что покупателями помѣщичьихъ земель являются и сельскія общества, и въ вопросахъ, подлежащихъ законодательному разрѣшенію, говорится: могутъ ли крестьяне-собственники или временно-обязанные, каждый въ отдѣльности или цѣлыми сельскими обществами, или отдѣльными товариществами и т. д. Имъ, вѣроятно, недостаточно ясно пред-

¹ Въ Ставропольской Губ. въ 1 графѣ показана средняя продажная, а во 2 средняя арендная цѣна.

ставлялось такое положеніе, что, если личное землевладеніе будетъ пользоваться кредитомъ, а общинное нѣтъ, то послѣднее будетъ по отношенію къ нему въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится народъ къ привилегированному классу, пользующемуся кредитомъ, о чемъ они такъ много распространялись. Думали они или нѣтъ по этому поводу, во всякомъ случаѣ, это обстоятельство можетъ оказать давленіе на общину. Можетъ оказать такое неблагопріятное давленіе на нее проэктируемый кредитъ и иначе. Мы уже указывали, что поставленные г. Яковлевымъ вопросы затрогиваютъ общину. Это сознаетъ и самъ г. Яковлевъ: «развитіе кредитныхъ отношеній, говоритъ онъ, затрогиваетъ всѣ другія области юридическихъ отношеній, не отвѣтствующихъ экономическому движенію страны. Развитіе крупнаго земельного кредита рельефно указало, между прочимъ, всѣ недостатки нашего залоговаго права; развитіе коммерческаго кредита указало на другіе недостатки нашего законодательства; развитіе народнаго кредита, и въ особенности земельного, вывинетъ на первый планъ всю скрытую теперь массу недостатковъ теперешнихъ имущественныхъ и экономическихъ отношеній мелкаго землевладенія и общины, препятствующихъ ихъ развитію, и потребуетъ разрѣшенія и устраненія ихъ» (112). Какія же это дурныя стороны, даже цѣлая масса недостатковъ у общины и какъ это ихъ затронетъ земельный кредитъ? Г. Васильчиковъ гораздо откровеннѣе Г-на Яковлева: онъ желаетъ, чтобы колонизація новыхъ земель производилась на правахъ личной собственности, онъ, наконецъ, прямо (хотя тоже не безъ малыхъ трудовъ) высказалъ свой взглядъ на общину (см. «Вѣстникъ Европы» № 2, 1878), который можетъ быть сформулированъ такъ: до нѣкоторой степени сочувствую, а вообще нѣтъ и не признаю ее вовсе *святыищемъ* или *образцовымъ учрежденіемъ*, которое должно быть охраняемо отъ всякаго вышпательства (стр. 803). Г. Яковлевъ менѣе откровененъ: онъ, какъ будто бы желаетъ сохраненія и развитія общины и въ тоже время, какъ будто бы, желаетъ, чтобы она распустила свои узы, по крайней мѣрѣ, тогда иначе пришлось бы организовать кредитъ. Въ пунктѣ 3 вопросовъ говорится, между прочимъ: «можетъ ли банкъ выдавать ссуды подъ крестьянскіе надѣлы, выгоны и луга съ выкупомъ выкупной ссуды и можетъ ли быть гарантирована такая ссуда, безъ продажи земли?» Въ 1) замѣтимъ, что это не относится къ главной цѣли проэктируемаго кредита — къ покупке земель, и во 2) какія правительство можетъ придумать гарантіи банку, кромѣ продажи земли, въ особенности послѣ выкупа выкупной ссуды? Г-ну Яковлеву, повидимому, нежелательно, чтобы продавались крестьянскіе надѣлы, но въ тоже время, онъ не предрѣшаетъ этого, такъ какъ, говоря ниже о взысканіи ссудъ, высказываетъ: «Что должно быть сдѣлано въ этомъ отношеніи мы указать не можемъ. Это работа законодателя, для котораго открытъ возможность прикасаться и измѣнять существующія положенія в

Мелкій долгосрочный кредитъ.

интересахъ общаго блага. Частное лицо можетъ предаваться мечтамъ, для которыхъ предѣловъ ни кѣмъ не указано, но за то не указано также и то, чтобы изъ этихъ мечтаній выходилъ только» (110). Зачѣмъ, наконецъ, крестьянину нужно выкупать его надѣлъ и платить банку за ссуду гораздо дороже чѣмъ онъ платитъ правительству? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: по статьѣ 36 Общ. Пол. о Кр., онъ тогда можетъ установить, даже противъ общей воли, свое личное право собственности надъ извѣстнымъ участкомъ, а, слѣдовательно, и продать его. Такимъ образомъ, если надѣлъ не продать банку, то продать самъ крестьянинъ. А побужденій къ этому будетъ много: онъ можетъ купить, при посредствѣ банка, съ разсрочкою платежа, вдвое болѣеший участокъ; онъ пожелаетъ попытаться счастья въ торговлѣ или въ какомъ нибудь ремеслѣ. Временное обладаніе средствами можетъ соблазнительно вліять на другихъ, а по ст. 54 Общ. Пол. о Кр. нужно только большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ на сходѣ, чтобы постановить приговоръ о замѣнѣ общиннаго землевладѣнія частнымъ. Пунктъ 1 и 4 вопросовъ г. Яковлева затрогиваетъ еще въ неблагоприятномъ смыслѣ общинную круговую поруку, а п. 2-й, ужъ неизвѣстно для чего, желаетъ не допускать, при выдачѣ ссуды, дробленія крестьянскихъ земель ниже извѣстнаго, принятаго банкомъ, для извѣстной мѣстности размѣра (проектъ, какъ мы видѣли, допускаетъ ссуды ниже 100 р. и приспособляетъ къ залoгу даже 1 десятину). Мы, конечно, ничего не имѣли бы противъ благъ, сулимыхъ проектомъ, еслибы купленная крестьяниномъ земля не разорила его и онъ удержалъ бы ее, еслибы ремесло его не раздавила крупная фабрика и еслибы изъ него не вышелъ кулакъ, цѣловальникъ или мелкій подрядчикъ-эксплуататоръ своего же брата мужика, чему такъ сильно содѣйствуютъ ссудосберегательныя товарищества и вообще всѣ учрежденія, пропагандирующія и поддерживающія узкое эгоистическое начало. Вотъ почему прежде всего и важна община, этотъ мірской или народный майоратъ, какъ ее удачно называетъ князь Васильчиковъ. Она, сохраняя землю для всѣхъ и cadaго, обезпечивая такимъ образомъ населенію извѣстное благосостояніе, въ тоже время является охранительницею кодекса совершенно иной морали, чѣмъ мораль финансоваго и промышленнаго міра. Это—не челнокъ только и спасительная доска для однихъ слабыхъ, посредственныхъ, довольствующихся немногимъ натурт, на которой они могутъ держаться около берега посреди экономическихъ бурь и тревоженій, и стѣсняющая людей сильныхъ, даровитыхъ и предприимчивыхъ, какъ это доказывали у насъ нѣкоторые писатели (община не мѣшаетъ ни усовершенствованію земледѣлія и промышленности, ни наукамъ и искусствамъ, и не видимъ мы всего этого у крестьянъ, конечно, не по винѣ общины); но именно прочное основаніе нашей государственной самобытности, вѣрное матерьяльное обезпеченіе народныхъ массъ и зародышъ новыхъ экономическихъ отношеній, изъ котораго,

при благоприятныхъ условіяхъ, могутъ развиваться такіа политическія и гражданскія общественныя формы, которыя удовлетворительнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, разрѣшать вопросы труда и капитала, за что въ особенности стояли другіе писатели. Разрушивъ общину, черезъ нѣкоторое время, вѣдь, навѣрное, придется говорить о томъ, что необходимо *collectiver le sol*, что необходимо устраивать ассоціаціи, надъ которыми такъ долго и такъ неудачно хлопочетъ Европа, склоняющаяся за послѣднее время, въ лицѣ своихъ представителей науки и государственныхъ людей, опять къ общинѣ, которую, однако, устроить вновь не такъ-то легко. Разрушавшіе общину всегда забывали только одну вещь, что въ ней заключается большая вѣковая и вѣчно новая идея, а «идею убить нельзя, говорить I. Шерръ, потому что мнимые мертвецы возстанутъ и съ востока до запада раздастся такой вопль, какого еще не слыживали даже въ откровеніи Іоанна»¹. Повторяемъ, что мы считаемъ гораздо болѣе необходимымъ разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ, обеспечивающій существованіе и развитіе нашей общины, чѣмъ разрѣшать всѣ вопросы, поставленные проектомъ поземельнаго кредита. Равнымъ образомъ, мы считаемъ необходимымъ прежде всего приспособить и самый кредитъ къ нуждамъ и потребностямъ нашей общины. Неудачная практика волостныхъ кассъ ровно ничего не доказываетъ, потому что онѣ находились въ полномъ распоряженіи администраціи, и еще нашей старой администраціи, и весьма мало походили на кредитныя учрежденія. Единственное возраженіе, которое дѣлалось противъ общиннаго кредита дѣятелями, устраивавшими ссудосберегательныя товарищества, состояло въ томъ, что крестьяне всякую ссуду дѣлятъ поголовно, поровну, въ чемъ можно усматривать развѣ только одинъ недостатокъ, что ссуда могла бы быть затрачена еще цѣлесообразнѣе, еслибы была употреблена на какую-нибудь общественную работу. Да и какъ, наконецъ, понимать тогда стремленіе комитета ввести въ ссудосберегательныхъ товариществахъ равенство правъ на кредитъ для всѣхъ членовъ, и слова г. Яковлева, который рѣшительно заявляетъ, что «допустить неравенство кредита или допустить болѣе высокой кредитъ для нѣкоторыхъ его членовъ, значило бы совершенно разрушить то, что уже въ настоящее время сдѣлано для народнаго кредита» (43). Почему же ссудосберегательныя товарищества, а не общинныя кассы? Если въ общинѣ есть нерадивые и лѣнныя члены, то, конечно, и члены товариществъ не отличаются равными качествами. Но, конечно, это — также одно изъ недоразумѣній со стороны дѣятелей по народному кредиту, которыхъ у нихъ такъ много. Они-то распространяются о важномъ значеніи ссудосберегательныхъ товариществъ для народной промышленности, земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, то вдругъ находятъ ихъ совершенно непригодными для этого: одинъ, какъ гн. Васильчиковъ, начинаетъ доказывать, что въ то

¹ Комед. Всем. Ист. т. II, стр. 240.

время, какъ ссудосберегательныя товарищества выдаютъ ссуды на 6—9 мѣсяцевъ, для озимыхъ хлѣбовъ требуется кредитъ не менѣе какъ въ 15—18 мѣс. и для яровыхъ около 12 (больше даже, чѣмъ полагали противники), а «при устройствѣ хлѣбопашества, распашкѣ новыхъ земель, чисткѣ лѣса, осушеніи болотъ затраты еще продолжительнѣе» (17); а другой, какъ г. Яковлевъ, начинаетъ говорить о *помощахъ* (42). Они то говорятъ, что надѣлы крестьянъ вполне достаточны и чуть ли даже не велики, то находятъ ихъ недостаточными даже для прокормленія. Конечно, во всякомъ такомъ случаѣ, имѣются выходы, въ которые можно благородно ретироваться: можно, напримѣръ, сказать, что кредитъ проектируется специально для покупки крестьянами земель, а если это не будетъ ввязаться съ заявленіемъ о достаточности надѣловъ, то можно сказать, что надѣлы недостаточны только въ частныхъ случаяхъ и т. п. Вѣроятно, тоже самое будетъ и съ земельнымъ кредитомъ, т. е. будутъ впоследствии открыты въ немъ указываемыя нами прорѣхи. Замѣчательно, между прочимъ, что кн. Васильчиковъ, издавая въ 1877 г. свое «Землеуладѣніе и земледѣліе», не включилъ туда, въ видѣ очень умѣстной главы, своихъ соображеній о кредитѣ; а когда г. Головачовъ указалъ ему на этотъ пробѣлъ, то онъ созналъ его, и, указывая на свою брошюру, добавилъ, что считаетъ себя въ этомъ важномъ вопросѣ не компетентнымъ, а коснуться его въ больномъ сочиненіи слегка «не смѣлъ». Не беремъ разъяснять этого новаго недоразумѣнія, такъ какъ разъяснить его можетъ только кн. Васильчиковъ. Происходитъ эта печальная исторія съ дѣятелями по народному кредиту потому, что они постоянно лавируютъ между Сциллами и Харибдами, постоянно стремятся примирять непримиримое и совмѣщать несовмѣстимое. Ити по равнодѣйствующей общественныхъ силъ, уравновѣшивать интересы различныхъ экономическихъ состояній—считается въдь верхомъ политической премудрости. Исходя изъ этой премудрости, они не ищутъ истины, какъ ищеть ее безпристрастный изслѣдователь, а прямо полагаютъ, что она находится непремѣнно въ серединѣ, причѣмъ середина эта опредѣляется, конечно, по собственному усмотрѣнію. — Nous ne croyons pas les choses, parce qu'elles sont vraies, mais nous les croyons vraies, parce que nous les aimons, замѣтилъ еще Паскаль. «Истина будетъ въ серединѣ», говоритъ князь Васильчиковъ по поводу распространяющихся мнѣній объ упадкѣ нашего сельско-хозяйственнаго быта (7); тоже самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Во всемъ этомъ очевидны слѣды электизма. Электизмъ надѣлалъ когда-то большаго шуму и имѣлъ даже значеніе цѣлой философской системы. Онъ соединялъ и примирялъ всѣ философскія доктрины, но самъ, какъ философская доктрина, оказался не выдерживающимъ критики. Когда Кузень думалъ, что всѣ доктрины заключаютъ въ себѣ смѣсь истины и заблужденія и надѣялся, что, сводя ихъ, можно выяснитъ, что въ нихъ есть

ошибочнаго, то онъ упустилъ изъ виду только одно, что въ нѣкоторыхъ доктринахъ неполное пониманіе истины, а въ другихъ полное ея непониманіе, и что нѣтъ критерія для опредѣленія заблужденій. Электизмъ въ философіи давно уже умеръ, по крайней мѣрѣ, послѣ Конта, оставивъ послѣ себя единственное полезное дѣло—то, что возбуждалъ обширныя историческія изысканія, но въ политикѣ онъ сохранился еще и до сихъ поръ, хотя дальнѣйшая судьба его, конечно, и здѣсь та же самая. Астрономы бываютъ разные, говорятъ Льюисъ въ своей «Исторіи философіи», по поводу несостоятельности электизма въ наукѣ, одни какъ Птоломей, другіе какъ Коперникъ. Выбирайте одного изъ двухъ, если не хотите уподобиться Сизару, который на вопросъ: что движется вокругъ другъ друга земля или солнце? отвѣчалъ: «иногда земля, а иногда солнце». Такихъ Сизаровъ и такихъ разрѣшеній вопросовъ очень много, въ особенности въ вопросахъ экономическихъ. Между тѣмъ и здѣсь существуетъ также только одна истина и, слѣдовательно, только одно разрѣшеніе вопроса. Здѣсь даже отнестись средину очень трудно, гораздо труднѣе, чѣмъ на аршинѣ, потому что какъ разъ найдешь ее такимъ образомъ, что на одной сторонѣ окажется фабрикантъ или землевладѣлецъ, а на другой десятки тысячъ рабочихъ. Сохранить безпристрастіе здѣсь гораздо труднѣе, чѣмъ въ наукѣ: люди очень часто проявляютъ бессознательно, инстинктивно заботы сословнаго самосохраненія, очень часто принимаютъ за истину свою собственную мечту, очень часто даже признаютъ несправедливость своей стороны, но стать на другую сторону не хватаетъ мужества, не хватаетъ силы справиться съ своими привычками и привязанностями. Вотъ и приходится балансировать: то говорить, что надѣлы крестьянъ достаточны, то чувствовать, что это неправда, что надѣлы походятъ на вершину конуса, на которой не усидишь, и потому создавать земельный кредитъ, а, создавая земельный кредитъ, опять затрудняться отрясти прахъ отъ ногъ у порога стараго режима. Подобное балансированіе чрезвычайно трудно (можетъ быть, оно приятно — не знаю). Въ какія ужасныя пропасти срывались всѣ эти балансёры — Наполеоны, Меттернихи, Тьеры и т. д. Не думаемъ, чтобы подобное балансированіе было и приятно: когда князь Васильчиковъ выпустилъ свое «Землевладѣніе и земледѣліе» и получалъ съ разныхъ сторонъ неприятыя реприманды, то не думаемъ, чтобы онъ дѣйствительно хорошо себя чувствовалъ и сознавалъ, что стоитъ на вѣрной стезѣ, какъ объ этомъ заявилъ онъ въ отвѣтъ своимъ критикамъ и рецензентамъ («Вѣстникъ Европы» № 2, 1878 года). Между прочимъ, князь Васильчиковъ обидѣлся на насъ за то, что мы примѣнили къ нему изреченіе Іисуса, сына Сирахова: «Горе сердцамъ страшливымъ, и рукамъ ослабленнымъ, и грѣшнику ходящу на двѣ стези». Онъ остался недоволенъ и самымъ этимъ изреченіемъ, и нашимъ «библейскимъ слогомъ». Напрасно. Слогъ,

конечно, пустое дѣло, но въ Св. Писаніи, у апостоловъ, пророковъ и святыхъ отецъ есть превосходныя глубоко продуманныя и полныя глубокаго смысла мѣста, и мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи привести еще одно изреченіе изъ пророка Іереміи: «Аще перемѣнить плыниѣ кожу своя и рысь пестроты своя».

НОВЫЯ КНИГИ.

Еврейская Библіотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ VI. Спб. 1878.

Съ пятью предыдущими томами «Еврейской Библіотеки» мы не знакомы, а прочтя теперь съ полнымъ вниманіемъ ея VI томъ, мы, откровенно говоря, и не почувствовали особеннаго желанія ознакомиться съ ними. Съ принципіальной точки зрѣнія, мы, конечно, ровно ничего не имѣемъ противъ «Библіотеки» и не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ничего не имѣли бы и противъ какой-нибудь «Алеутской Библіотеки», а и въ смыслѣ признанія ея *raison d'être*. Если русскимъ евреямъ есть что сказать, какъ евреямъ — пусть говорятъ; если они имѣютъ спеціальныя интересы, требующіе спеціальныхъ защитниковъ — пусть таковые защитники явятся; если, наконецъ, въ ихъ средѣ созрѣла потребность въ самосознаніи, въ самоопредѣленіи — пусть создаются литературныя органы, которые бы служили этому полезному дѣлу. И конечно, трехмилліонное еврейское населеніе Россіи, бойкое, энергическое, дѣятельное, не можетъ обойтись безъ этихъ стремленій, полной законности которыхъ не признать невозможно. Но насколько хорошо и какими путями удовлетворяются эти законныя стремленія — это иной вопросъ и, что касается собственно «Евр. Библ.», нельзя не признать, что она исполняетъ свою задачу по ветхозавѣтному шаблону, непригодность котораго слишкомъ очевидна. Въ одной изъ обстоятельнѣйшихъ (въ фактическомъ отношеніи) статей этого тома «Библіотеки», именно въ статьѣ «Коробочный сборъ», мы, на первыхъ же шагахъ, встрѣчаемъ слѣдующее: «Въ нѣсколькихъ строкахъ одной изъ статей свода законовъ, частности которой развиты въ заброшенномъ гдѣ-то приложеніи, содержится установленіе особаго съ евреевъ сбора, въ которомъ, на нашъ взглядъ, до настоящаго времени заключается центръ тяжести такъ называемаго еврейскаго вопроса». (61) И такъ, по мнѣнію «Евр. Библ.», центръ тяжести еврей-

скаго вопроса заключается въ коробочномъ сборѣ. «Нѣсколько строкъ одной изъ статей свода законовъ» создали то болѣзненно-натянутое положеніе, неудобства котораго такъ тяжело отзывались и на русскихъ, и на евреяхъ. Какъ ни важна въ народной жизни роль экономическихъ факторовъ и, какъ бы ни тягостенъ былъ самъ по себѣ этотъ пресловутый «коробочный сборъ», тѣмъ не менѣе всякій читатель скажетъ не обинуясь, что приурочивать широкой общественно-національный вопросъ къ извѣстной формѣ спеціального налога значитъ рѣшительно не понимать ни сущности, ни значенія этого вопроса. И это не простая обмолвка со стороны «Евр. Библ.». Дѣло въ томъ, что эта узость и бѣдность пониманія—обыкновенный удѣлъ тѣхъ, кто судитъ о вещахъ исключительно съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ корпоративныхъ интересовъ. А что бы тамъ ни говорила «Библиотека», нельзя не признать значительной резонности упрековъ, дѣлаемыхъ евреямъ за ихъ національную исключительность, изолированность, «какальную замкнутость», какъ говорится обыкновенно. Эта исключительность, въ практическомъ отношеніи, придаетъ имъ, какъ извѣстно, большую силу и сопротивленія, и активнаго дѣйствія: репрессалии безсилны передъ этой компактной массой, а достиженіе тѣхъ или другихъ цѣлей облегчается этой болѣе, чѣмъ національной—почти семейной солидарностью.

Но это же самое сообщаетъ ихъ теоретическимъ воззрѣніямъ такую узость и односторонность, которая иногда, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, просто комичны, не говоря уже о ихъ несостоятельности. Лучшіе изъ евреевъ были евреями только по происхожденію, да и стали-то они «лучшими» только благодаря тому, что успѣли эмансипироваться отъ нетерпимаго, узко-эгоистическаго духа своей національности и съумѣли возвыситься не только до критики, но и до прямого осужденія, какъ напр. Лассаль, говорившій: «Я вовсе не люблю евреевъ, я даже вообще ненавижу ихъ. Я вижу въ нихъ лишь весьма переродившихся сыновъ великаго, но давно-давно исчезнущаго прошлаго». Гдѣ есть еврейскій вопросъ—а онъ есть вездѣ, гдѣ есть евреи, которые вездѣсущи—тамъ этотъ вопросъ обыкновенно стоитъ какимъ-то одинокимъ, острымъ, назойливо лѣзущимъ въ глаза коломъ. Но пока *общая* почва и *общій* климатъ останутся тѣже, что и теперь, можно быть увѣреннымъ, что этому «колу» не зацвѣсти, подобно жезлу Аарона. Французъ, котораго цитируетъ «Евр. Библ.», конечно, весьма справедливо говорить, что всякая страна имѣетъ тѣхъ евреевъ, которыхъ она заслуживаетъ, и это не вина польскихъ евреевъ, если они стоятъ на другой культурной степені, чѣмъ ихъ единовѣрцы въ Англіи, Германіи, и Франціи. Во всякомъ случаѣ, это вина не ихъ однихъ (112). Это, повторяемъ, *вообще* справедливо, но вопросъ не столько въ *степени* культуры нашихъ евреевъ, сколько въ ея характерѣ, въ *ея типѣ*. Фактъ тотъ, что въ Россіи проживаетъ многое множество всяческихъ инородцевъ, культура которыхъ еще гораздо

ниже еврейской и тѣмъ не менѣ между ними и русскими нѣтъ того печальнаго, рѣзкаго антагонизма, который существуетъ между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, еврейскій вопросъ — не исключительно русскій, а почти общеевропейскій вопросъ: всѣмъ извѣстно, что и въ нѣкоторыхъ, пользующихся свободными учрежденіями, слѣд., по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи развитыхъ странахъ антипатія со стороны населенія не менѣ сильна, чѣмъ и въ какой нибудь забытой Бѣлоруссіи. Отчужденіе евреевъ, ихъ «проклятіе» — явленіе сложившееся исторически, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ — и бытовыхъ, и культурныхъ, и этнографическихъ, и религіозныхъ. Ставить въ вину этотъ фактъ исключительно евреямъ, какъ это часто дѣлается ихъ слѣпными антагонистами, очевидно несправедливо: они первые страдаютъ отъ послѣдствій этого факта; но сваливать эту вину, какъ это дѣлается защитниками еврейства, исключительно на преслѣдованія со стороны христіанъ, на средневѣковныя костры и «строчки» современныхъ кодексовъ и сводовъ въ такой же степени несправедливо. Защитники еврейства обращаютъ все свое вниманіе и негодованіе на внѣшніе факторы, очень мало занимаясь внутренними, лежащими въ ихъ собственной организаціи, столь ревниво оберегаемой ими, въ фанатической заскоружности ихъ понятій, въ рабской привязанности ихъ къ выдохшимся миодамъ—традиціямъ и идеаламъ—фікціямъ. «Не сдѣлавшись гражданами страны по духу, евреи не могутъ сдѣлаться ея гражданами по правамъ» — вотъ основной доводъ противниковъ еврейства, доводъ, въ которомъ заключается одна половина истины. «Не сдѣлавшись гражданами по праву, евреи не могутъ стать гражданами по духу» — вотъ основной доводъ защитниковъ еврейства, доводъ, въ которомъ заключается другая половина истины. Выходитъ какая-то странная и запутанная игра понятій, какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ, если угодно, можно кружиться, какъ бѣла въ колесѣ, хоть цѣлыя столѣтія.

«Еврейская бібліотека», не раздумывая долго, круто гнетъ вопросъ въ одну сторону, посвящая свои досуги обычнымъ lamentaціямъ, еще болѣе обычнымъ и въ нравственномъ отношеніи довольно таки низкопробнымъ восхваленіямъ даровитости евреевъ¹, въ которой никто никогда и не сомнѣвался и т. п.

¹ Кстати объ этомъ. Самовосхваленіе всегда смѣшно и неприлично, но когда оно, за недостаткомъ ли матеріала въ настоящемъ или по другимъ причинамъ, обращается на дѣятелей далекаго прошлаго, оно становится бессмысленнымъ «мусачествомъ». «Бібліотека», съ очевиднымъ удовольствіемъ, переводитъ статью Шлейдена «Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія наукъ въ средніе вѣка» и удивляется, почему на русскомъ языкѣ не появляется такихъ оригинальныхъ статей. Напрасное удивленіе. Въ статьѣ Шлейдена доказываются заслуги, оказанныя нѣкогда евреями положительнымъ наукамъ. Но допуская эти заслуги даже въ несравненно большихъ, чѣмъ они есть въ дѣйствительности, размѣрахъ, очевидно, никакого даже самоналѣпаго вывода о

Если почтенный еврейский сборникъ воображаетъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ служить долгу еврейскаго самосознанія, то онъ горько ошибается. Дѣло самосознанія есть прежде всего дѣло самовритики, спокойнаго самоосужденія, внимательнаго и безпристрастнаго анализа своихъ собственныхъ органическихъ недостатковъ. «Еврейская Библіотека» очень озабочена реабилитацией евреевъ, но вѣдь наци, какъ и индивиды, реабилитируютъ себя не словами, а живыми фактами. Недостаточно восклицать «Господи, Господи!» чтобы войти въ царствіе небесное. Теоретическія разсужденія, даже справедливыя, безсилны передъ тѣсною дѣйствительностью и живучестью нѣкоторыхъ въ самомъ дѣлѣ недѣльныхъ и возмутительныхъ обвиненій противъ евреевъ, обвиненій, много разъ ученѣйшимъ образомъ опровергнутыхъ и аккуратно вновь выплывающихъ на поверхность, доказываетъ это безсиліе самымъ нагляднымъ образомъ. Это печально, но это естественно, и «Библіотека» совершенно напрасно тратится на восклицательные знаки по этому поводу. Пока массы будутъ недоброжелательно и недоувѣрчиво относиться къ евреямъ, до тѣхъ поръ эти обвиненія не перестанутъ раздаваться, потому что дѣло извѣстное, люди не требуютъ строгихъ доказательствъ того, въ чемъ имъ хочется убѣдиться. Это фактъ народной психологіи, противъ котораго ничего не подѣлаешь. Дѣйствуйте на причину этихъ обвиненій, старайтесь уменьшить антипатію, вызывающую ихъ, перекиньте мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую евреевъ отъ русскихъ и всевозможныя несправедливыя обвиненія упряднятся сами собою «за ненадобностью». Беллетристическіе очерки Франдоза, напримѣръ, (переводъ ихъ имѣется въ этомъ томѣ «Евр. Библ.») съ художественной точки зрѣнія, весьма слабые, тѣмъ не менѣе производятъ именно такое примиряющее впечатлѣніе, показывая читателю, безъ идеализаціи и безъ утрировки, неприглядную жизнь польскаго еврейства, придавленнаго исторіей и, еще того болѣе, опутаннаго сѣтью своихъ собственныхъ предрассудковъ, своего непокрытаго невѣжества. Но, конечно, впечатлѣніе отъ такихъ разсказовъ совершенно, такъ сказать, паллятивно и роль литературы вообще и русско-еврейской въ частности была бы очень жалкою ролью, еслибы должна была ограничиться воззваніями къ состраданію читателя, къ его гуманному чувству. Мы думаемъ, что еслибы наши образованные евреи перемѣнили свою тактику и, вмѣсто довольно безплодной агитаціи въ средѣ русскаго общества, обратили свое вниманіе на пропаганду въ средѣ самого еврейства; еслибы они, вмѣсто шта-

современныхъ евреевъ мы сдѣлать не можемъ, на основаніи признанія этихъ заслугъ. Арабы, напримѣръ, послужили дѣлу науки и цивилизаціи не меньше евреевъ, но это нисколько не мѣшаетъ оставаться современнымъ потомкамъ ихъ на задворкахъ цивилизаціи. Русскому обществу очень мало дѣла до еврейскаго поэта Самуила Галеви, до еврейскаго астронома Исаака бенъ-Сиды, но ему очень много дѣла до подрядчика Варшавскаго, до хабатчика Шмула и до арендатора Ицки, которые не причастны ни къ поэзіи, ни къ астрономіи

блонныхъ сборниковъ и журналовъ на русскомъ языкѣ, побывали о дешевомъ изданіи на ново еврейскомъ языкѣ, въ которомъ общедоступно и только разъяснились бы элементарнѣйшія идеи адрваго общегитія—дѣло прогресса русскаго еврейства выиграло бы гораздо больше, нежели теперь, при существованіи журналовъ, для русскаго читателя ненужныхъ—у него другіе интересы, для образованнаго еврея излишнихъ—передъ ними открыты литературы не русско еврейской чета, а для массы еврейскаго пролетариата недоступныхъ ни въ интеллектуальномъ, ни въ матерьяльномъ отношеніи.

Въ заключеніе, скажемъ два слова о тѣхъ упрекахъ, которые дѣлаетъ «Еврейская Библіотека» русской журналистикѣ за ея равнодушное, будто бы, отношеніе къ еврейскому вопросу. Упреки эти, странные по существу, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, можно сказать, просто безразсудны. Въ «Библіотекѣ» имѣется, напримѣръ, любопытный (помнится, что онъ приводился и въ нашихъ газетахъ) меморандумъ или петиція делегатовъ «Всеобщаго Еврейскаго Союза», представленная берлинскому конгрессу. Въ этой петиціи предъявляется требованіе установленія въ Сербіи, Румыніи и Румелии полноправности евреевъ, требованіе, мотивирующееся, между прочимъ, «услугами, оказанными евреями на перевозочныхъ пунктахъ, въ госпиталяхъ и ихъ поведеніемъ на полѣ сраженія, доставившимъ имъ глубокой почетъ». Петиція оканчивается воззваніемъ: «вотъ дѣло, котораго міръ ожидаетъ отъ конгресса, засѣдающаго въ 1878 году!» «Еврейская Библіотека» спрашиваетъ по этому поводу: «какъ отвѣслась къ этому предмету русская печать?» И отвѣчаетъ сама себѣ: «она, печать наша, объ этомъ предметѣ... молчала» (152). «Библіотека», очевидно, думала пристыдить русскую журналистику, но обнаружила только или свою недалновидность или свою неблагодарность. Еслибы русская журналистика занялась анализомъ этого документа и стала бы припоминать по этому поводу «услуги», оказанныя намъ въ прошлую войну нашими евреями, и тотъ «глубокой почетъ», который приобрѣли они на этомъ поприщѣ; еслибы затѣмъ она отгѣнила съ достаточною рельефностью это, смѣемъ сказать, безстыдное увѣреніе, что отъ конгресса, созданнаго съ цѣлью устроить политическую судьбу приниженаго юго-западнаго славянства, «міръ ожидаетъ», будто бы, главнымъ образомъ, установленія еврейской полноправности—евреямъ, думаемъ мы, не поздоровилось бы отъ такихъ разъясненій. Но это—частный случай, отдѣльный примѣръ. Общій отвѣтъ, который можетъ дать русская журналистика на упреки еврею за равнодушіе къ ихъ судьбѣ, столько же просто, сколько резонентъ: многомилліонное русское крестьянство имѣетъ несравненно больше правъ на ея вниманіе, нежели всѣ евреи земнаго шара, вмѣстѣ взятые. Задачи, поставляемыя жизнью этихъ десятковъ милліоновъ, настолько серьезны и разнообразны, что русская литература можетъ отвѣтить «Еврейской Библіоте-

нѣ»: у русской журналистики, по крайней мѣрѣ, у той части ея, которая еще не потеряла сознанія своихъ обязанностей, есть своего рода Иерусалимъ, о которомъ она съ большимъ, съ несравненно большимъ правомъ, нежели какой бы то ни было еврейскій писатель, можетъ сказать словами вашего же псалма: да отсохнетъ моя десница, если я забуду тебя.

Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ (1846—1876) Г. М. Максимова. Слб. 1878.

Г. Максимовъ очень удачно обрисовалъ литературный характеръ свой книжки эпиграфомъ, взятымъ у Крылова: «удивленіе любя, чужъ робкій на зарѣ чиривалъ про себя, не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось, и не за что: такъ какъ-то пѣлось». Книжка, дѣйствительно, написана нетолько безъ какихъ бы то ни было претензій на литературныя достоинства, но и съ тѣми замашками добраго стараго времени, которыя современному читателю рѣжутъ и ухо, и глаза. Рассказывая, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ о разныхъ разностяхъ театральнoй жизни, г. Максимовъ прибавляетъ: «эти свѣдѣнія сообщены пишущему почтеннѣйшимъ Петромъ Павловичемъ Суворовымъ, слышавшимъ ихъ отъ его высокопревосходительства Николая Петровича Синельникова» (228). Такъ писалось въ тѣ очаровскія времена, когда литература и литераторы были въ полной зависимости отъ разныхъ милостивцевъ и благодѣтелей, отъ высородія до высокопревосходительства вллючительно. Эта простодушная манера не должна, однакоже, отталкивать читателя, потому что это именно только манера, не вредящая ни искренности, ни даже независимости автора. Въ авторѣ нѣтъ и тѣни сервизизма и онъ передаетъ факты съ очевиднымъ безпристрастіемъ, не обливая ихъ жолчью неудачника и не обкуривая ошмивомъ преуспѣваго и почтительно благодарнаго Молчалина. А факты, передаваемые г. Максимовымъ, зачастую очень интересны не въ одномъ только анекдотическомъ отношеніи, а и въ смыслѣ общественной характеристики. Въ театральныхъ нравахъ и порядкахъ, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ», отражаются общественные порядки и нравы и, слушая рассказы г. Максимова, непремѣнно признаешь, что «туть русскій духъ, туть Русью пахнетъ». «Да, добродушно вздыхаетъ авторъ, резюмируя свои рассказы:—да, какъ припомнится, то и въ прежнія времена и въ закулисномъ мѣрѣ, также какъ и въ городскомъ обиходѣ, кулакъ игралъ весьма значительную роль. Машинисты были плотниковъ, старшій бутофоръ младшихъ, «мастера» сапожный и портной были помощниковъ, взвекиторы были каждый подчиненныхъ по своей части, смотритель театра былъ всѣхъ безъ разбора: сторожей, плотниковъ, сапожниковъ и портныхъ» (240). Наряду съ этой «весьма значительной ролью кулака» шло, разумѣется, повальное воровство, которое авторъ, вѣрный своей благодушной манерѣ, называетъ «непорядкомъ въ администраціи театровъ». Воровство это производилось самымъ семейнымъ, даже халатнымъ манеромъ, безъ

тѣхъ цивилизованныхъ пріемовъ, которые составляютъ славу нашего времени и, благодаря которымъ, воровство называется не воровствомъ, а, какъ извѣстно, «самопомощью». Прежде люди были на этотъ счетъ проще. Директоръ театровъ Геденовъ, «однажды просматривая какіе-то отчеты, ужаснувшись ихъ безобразію, долго упрекалъ нѣкоторыхъ причастныхъ дѣлу субъектовъ. Наконецъ, упреки перешли въ брань и ругань, которая закончилась плевкомъ («разумѣется, на полъ», спѣшить добавить авторъ въ скобкахъ) и назидательными словами: воруите, чортъ васъ возьми, покуда я живъ!» (143). Воровали и грабили, конечно, всѣ, кто только могъ, но, какъ видно изъ рассказовъ г. Максимова, кассиры уже и тогда представляли собою какихъ-то лихихъ соколовъ между мелкими хищниками. Авторъ разсказываетъ объ этомъ одинъ случай, характерный и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. «Однажды покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая по Большой Морской, былъ удивленъ громадностью только-что въ чернѣ отстроеннаго дома. Удивленіе Государя Императора было настолько велико, что онъ поинтересовался узнать имя владѣльца дома, и удивленіе Его Величества возросло еще больше, когда ему доложили, что владѣлецъ дома есть никто иной, какъ *вожакъ*, доставившій въ Россію слона, подареннаго персидскимъ шахомъ, и что *вожакъ* (совершенно уже обрусѣвшій и женившійся), въ настоящее время, состоитъ на коронной службѣ, занимая должность кассира при Большомъ театрѣ. Узнавъ таковыя подробности, Государю Императору благоугодно было приказать: «узнать, на какія суммы строится этотъ домъ?» На такой прямой запросъ бывшій *вожакъ* слоновъ отвѣчалъ также прямо, что домъ принадлежитъ не ему, а женѣ его... Жена же, спрошенная о пріобрѣтеніи капитала на постройку такого огромнаго дома, отвѣчала: что пріобрѣла капиталъ... извѣстнымъ ей способомъ» (152). Вотъ что называется открытенностью! И, Боже мой, что за умилительная простота нравовъ! Жаль только, что у анекдота нѣтъ конца.

Жизнь и личности актѣровъ г. Максимовъ рисуется съ теплымъ чувствомъ, нисколько, однакоже, не скрывая ихъ слабостей, родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ. Для насъ, конечно, могутъ имѣть извѣстный интересъ только послѣднія, какъ продуктъ общественной среды и специальной обстановки артистовъ. Огромное большинство актѣровъ отличалось, прежде всего, почти полнѣйшимъ отсутствіемъ даже элементарнаго общаго образованія. «Театральное училище», главнымъ образомъ поставлявшее актѣровъ, не давало въ этомъ отношеніи ровно ничего, до того, что, какъ свидѣтельствуетъ г. Максимовъ, «нѣкоторые изъ артистовъ, бывшіе воспитанниками театральнаго училища, съ *трудомъ* расписывались въ полученіи жалованья, причѣмъ дѣлали непростительныя грамматическія ошибки» (288). «Чентора споличия помчи филоганъ полвтаетъ» — такая росписка, разсказываетъ г. Максимовъ, означающая въ переводѣ: «четырнадцать съ пол-

тиной получилъ фигурантъ Полетаевъ», имѣлась на страницахъ книги театральнoй конторы. Нравственное и материальное положение артистовъ (впрочемъ, не «первачей», а «маленькихъ» актёровъ—техническія театральныя выраженія) соответствовало уровню ихъ образованія. Г. Максимовъ подробно рассказываетъ объ одномъ режиссёрѣ, который обращался къ актерамъ съ такими воззваніями: «эй, вы, несчастный!» и который однажды «предложилъ, въ видахъ экономіи, во избѣжаніе вечеровой платы помощникамъ бутафора, для уборки мебели употреблять маленькихъ актёровъ; предложеніе начальникомъ репертуарной части было *весьма одобрено*» (176). Нечего и говорить, что, при такихъ условіяхъ, шпіонство, наушничество, интриги, слѣстки царили въ этомъ мірѣ деспотически. Это была отчаянная борьба за существованіе, которая, при всемъ трагизмѣ своей основы, имѣла нѣсколько комическій колоритъ, такъ какъ призомъ ея служила не болѣе, какъ великолѣпная «чентора сполочия» въ мѣсяцъ. Четырнадцать съ половиною! Такъ какъ акриды въ Петербургѣ не водятся, а ходить во вретисцѣ въ благоустроенномъ городѣ не полагается, то «маленькимъ» актерамъ приходилось измышлять различные способы, чтобы спастись отъ голодной смерти. Одни «проводили жизнь въ трактирахъ, гдѣ сводили знакомство, съ цѣлью *покормиться*. Трактирныя же кормежки, какъ водятся, не обходились безъ попойки, и актеръ мало по малу привыкалъ къ нимъ и втягивался въ нихъ» (270). Другіе, поэнергичнѣе и понаходчивѣе, придумывали другія средства: «одинъ держалъ за кулисами буфетъ, съ чаемъ и закусками; другой періодически разыгрывалъ безпронгрышныя лоттереи; третій издавалъ еженедѣльный каррикатурный журналъ (?). Иные же на сторонѣ прискивали себѣ занятія» (271). Но въ особенности поучительныя похужденія какого-то актера Ивана Андреевича Л—на, который «участвовалъ въ роли «объяснителя» при панорамахъ рѣки Миссисипи, показываемой какимъ-то французомъ; случалось, хаживалъ по трактирамъ и, увидя кого-нибудь съ подвязанной щекой, предлагалъ свои услуги: изцѣлить зубную боль посредствомъ натравія за ушами мазью собственнаго изобрѣтенія» (272). Наконецъ, этотъ же невѣдомый, но, очевидно, гениальный Иванъ Андреевичъ «великимъ постомъ исхodataйствовалъ у начальства, для своего представленія, вечеръ въ Александринскомъ театрѣ и выставилъ афиши слѣдующаго содержанія: такого-то мѣсяца и числа, будетъ имѣть честь дать первое представленіе извѣстный всему образованному міру профессоръ бѣлой магіи и экспериментальной физики, престадигаторъ и чревовѣщатель Жанъ Лео изъ Парижа и проч. При этомъ случаѣ, Иванъ Андреевичъ, чтобы казаться французомъ, объяснялся съ публикою не совсемъ чистымъ русскимъ языкомъ, отпуская фразы въ родѣ слѣдующей: «я беру этотъ шляпъ, вы видите, что въ немъ никто не живеть» (273).

Такъ жили «артисты» наши, люди, которые доставляли намъ

эстетическое наслажденіе, служители «святого искусства». Мы сказали—такъ *жми*, да и все время говорили въ прошедшемъ времени, но вѣдь воспоминанія г. Максимова доходятъ до 1876 года включительно и стало быть относятся къ дѣламъ не столь давно минувшихъ дней. И мы спрашиваемъ себя: точно ли эти дни—дни минувшіе?

Стихотворенія *Л. Е. Оболенскаго* (1868—1878 г.). Спб. 1878 г.

Одинъ русскій писатель сдѣлалъ такое опредѣленіе поэта, вполнѣ, конечно, примѣнимое и во всякому другому художнику: «поэтъ есть человѣкъ, умѣющій говорить за себя и за другихъ». Принимая это, по нашему мнѣнію, очень точное и удачное опредѣленіе за нормальную мѣрку и прилагая ее къ стихотвореніямъ г. Оболенскаго, мы должны сказать, что онъ поэтъ только вполнину: онъ хорошо говорить за себя, но лишентъ существеннѣйшей стороны поэтическаго таланта—умѣнья хорошо говорить за другихъ. У г. Оболенскаго есть чувства, идеи, «сознанья высшаго печали», какъ онъ выражается, болѣею частью очень хорошія чувства и идеи, которыя заслуживаютъ быть высказанными и которыми онъ передаетъ въ довольно гладкихъ и звучныхъ стихахъ. Но глубоко войти къ чужое положеніе, угадать чувства и страсти, вызываемыя этимъ положеніемъ и правдиво передать ихъ, однимъ словомъ, сказать за другихъ то, что ими пережито и переиспытано—этого г. Оболенскій положительно не въ состояніи. Субъективно-лирическія стихотворенія г. Оболенскаго, т. е. стихотворенія, въ которыхъ онъ говоритъ непосредственно отъ себя и за себя, болѣею частью удачны и, несмотря на свой личный характеръ, имѣютъ извѣстное общественное значеніе. Но лишь только онъ пробуетъ перенести себя въ сферу чужой жизни и индивидуальности—онъ немедленно блѣднѣетъ, впадаетъ въ риторику или въ резонерство и, вмѣсто энергическаго чувства, котораго вообще авторъ вовсе не лишентъ, мы находимъ рядъ рюемованныхъ энергическихъ фразъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерно стихотвореніе «Сократъ послѣ приговора». Такимъ образомъ, намѣреніе г. Оболенскаго «учить любить», о которомъ онъ заявляетъ, его *мечтанія* «душу человѣка къ сознанью правды пробудить, вражду, царящую отъ вѣка, любви сіанемъ освѣтить» (3) и пр., и пр.—нельзя не признать слишкомъ чрезмѣрными.

За всѣмъ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, лирика г. Оболенскаго не лишена извѣстнаго значенія. Хотя онъ самъ сознается, что онъ «не трибунъ», и хотя, какъ мы видѣли, онъ также и не поэтъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, но, благодаря тому, что мысль автора постоянно направлена на общественные интересы и, еще того болѣе, благодаря искреннему и честному отношенію автора къ этимъ интересамъ, вниманіе читателя не угонмляется. Г. Оболенскій—поэтъ бодрости, надежды, борьбы, а не унынія и вялой эпатіи—вотъ что прежде всего мы вмѣняемъ ему въ заслугу. Онъ не проповѣдуетъ, подобно щедринаскому герою, что

«все на свѣтѣ семь превратно, все на свѣтѣ колдовратно», и что, рано или поздно, «всѣмъ тѣмъ» будемъ». Онъ не поэтизируетъ, подобно г. Кутузову, нравственное безсиліе, преждевременную усталость и разочарованіе. Онъ иногда горячо и горько проклинаетъ, но никогда не ноетъ и не хнычетъ, не выставляетъ, по извѣстному выраженію, гной душевныхъ ранъ на диво черни простодушной; нѣтъ такой мрачной краски, которую бы онъ нашелъ слишкомъ мрачной, когда ему приходится говорить о настоящемъ; но въ будущемъ онъ не отчаявается и, предавши анаемѣ современнаго «Ваала» (его любимая тѣма), онъ неизмѣнно кончаетъ надеждой, что «Мессія къ людямъ вновь придетъ». Другая симпатичная черта въ г. Оболенскомъ — это его теплое и участливое отношеніе къ народу. Правда, это участіе какъ-то ужъ слишкомъ непосредственно; идейная, теоретическая основа его совершенно неопредѣленна; находя, на примѣръ, что «слиянiе» съ народомъ —

униженіе одно,

Униженіе свѣта до тьмы вѣковой,

Возвращеніе назадъ, допетровскій застой! (198),

заявляя затѣмъ, что «спасеніе не въ томъ, не въ слѣднѣхъ ту-помъ, не въ забвеньи ума передъ новымъ божкомъ», авторъ представляетъ свою программу «спасенія»:

Чтобъ родную страну каждый больше узналъ,

Чтобъ реальныя нужды сторонки родной

Замѣнили погоню за личной мечтой.

Чтобы листья и корни и пр.

Далѣе идутъ обычные поэтическія метафоры, очень хорошія метафоры, но слабо способствующія уясненію, столь необходимому, предложенной программы. Но что особенно подкупаетъ насъ въ пользу г. Оболенскаго, насъ, еще не освободившихся отъ гнетущаго впечатлѣнія патріотическаго даянія на луну разныхъ гг. Головинныхъ, Кутузовыхъ и пр. — такъ это то, что во всей его книгѣ не нѣтъ ни одного стихотворенія, которое бы могъ съ удовольствіемъ продекламировать полковникъ Скалозубъ.

Желѣзно-дорожное хозяйство. Т. II. Условія, опредѣляющія движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. Сочиненіе А Чумрова. М. 1878 г.

Въ нашей экономической литературѣ за послѣдніе годы стали проявляться признаки замѣтнаго оживленія и поворота къ лучшему. Въ короткій промежутокъ времени, она обогатилась нѣсколькими замѣчательными трудами, посвященными или разбору живыхъ явленій русской дѣйствительности, или новой постановкѣ теоретическихъ научныхъ вопросовъ. Мы имѣли уже случай обращать вниманіе читателей на нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, имен-но на изслѣдованія гг. Посникова, Янжула, Зибера и другихъ молодыхъ ученыхъ, сумѣвшихъ выбиться изъ подъ ярма старой школьной рутины и пристать къ новому, живому направ-

ленію въ наукѣ. Къ той же, пока еще немногочисленной группѣ русскихъ экономистовъ новой школы принадлежитъ и г. Чупровъ.

Работа г. Чупрова затрогиваетъ область изслѣдованія совсѣмъ еще не разработанную экономической наукою. До послѣдняго времени, хозяйственныя явленія, связанныя съ дѣятельностью желѣзныхъ дорогъ, не привлекали къ себѣ вниманія ученыхъ изслѣдователей. Между тѣмъ анализъ этихъ явленій несомнѣнно представляетъ существенный интересъ и въ теоретическомъ и въ практическомъ смыслѣ.

Приложеніе пара къ передвиженію людей и грузовъ произвело въ перевозной промышленности, а, чрезъ ея посредство, и во всей сферѣ явленій обмѣна, переворотъ, аналогичный съ тѣмъ, какой вызванъ былъ паровыми машинами въ области промышленности обрабатывающей. Желѣзныя дороги сдѣлались однимъ изъ важныхъ факторовъ экономического развитія. Понятно поэтому, что изслѣдованіе: въ какой мѣрѣ и въ какую сторону направляется ими это развитіе при тѣхъ или другихъ условіяхъ—не можетъ не имѣть существенной важности. Но и помимо этого, желѣзнодорожная промышленность сама по себѣ заслуживаетъ вниманія, какъ въ виду громадной массы труда и капитала, ею поглощаемой, такъ и вслѣдствіе многихъ характеристическихъ особенностей, ей присущихъ. Изученіе этихъ особенностей должно способствовать въ извѣстной мѣрѣ уясненію и дополненію общихъ экономическихъ истинъ. Такъ, напримѣръ, анализъ явленій желѣзнодорожнаго хозяйства проливаетъ новый свѣтъ на вопросъ о границахъ государственной и частной дѣятельности въ хозяйственной сферѣ, а этотъ вопросъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ важныхъ въ экономической наукѣ, въ настоящемъ фазисѣ ея развитія. Собственно для нашего отечества, выясненіе условій хозяйственной дѣятельности желѣзныхъ дорогъ имѣетъ, быть можетъ, особенно существенный интересъ. Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею нашего желѣзнодорожнаго дѣла, знаетъ до какой степени ощупью и въ потьмахъ брели мы до сихъ поръ въ этомъ дѣлѣ, и какъ много господствовавшая смутность понятій способствовала наглой эксплуатаціи народнаго достоянія разными проходившими въ недавнюю пору спекулятивной горячки.

Въ виду всего сказаннаго, нельзя не обратить особаго вниманія на трудъ г. Чупрова, представляющій собою первый научный опытъ систематическаго изученія вопросовъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Общій планъ этого труда таковъ: г. Чупровъ сосредоточиваетъ свои изслѣдованія главнымъ образомъ около вопроса о причинахъ, опредѣляющихъ размѣры издержекъ производства, прибыли и валового дохода желѣзнодорожныхъ предприятий. Выясненіе значенія желѣзныхъ дорогъ въ общей народной экономіи и вліянія, оказываемаго ими на разныя стороны хозяйственной жизни, не составляетъ его прямой задачи. Онъ разсматриваетъ этотъ предметъ только въ очень крупныхъ и общихъ

чертах во вступительных главах своего сочинения; самую существенную же часть книги занимают вопросы собственно железнодорожной экономии в тѣсном смыслѣ. Г. Чупровъ начинаетъ съ анализа издержекъ производства. Этому анализу посвященъ 1-й томъ сочинения. Разбирая различные виды издержекъ, необходимыхъ для осуществленія железнодорожнаго движенія, г. Чупровъ приходитъ къ общему выводу, что железнодорожныя предприятия, со стороны издержекъ производства, представляютъ весьма важныя отличія отъ другихъ отраслей промышленности. Отличія эти заключаются главнымъ образомъ въ тѣсной зависимости размѣра издержекъ, необходимо выпадающихъ на каждую единицу продукта, отъ количества этихъ единицъ. Железнодорожное хозяйство не въ силахъ ни приспособлять трудъ и капиталъ къ условіямъ измѣняющагося спроса, ни направлять самый спросъ къ затратамъ, опредѣляемымъ техническими требованіями. Отъ этого размѣры издержекъ въ железнодорожныхъ предприятияхъ опредѣляются главнымъ образомъ размѣрами спроса, т. е. обширностью движенія. Съ развитіемъ движенія и доля издержекъ, выпадающихъ на каждую единицу перевозкы, имѣетъ тенденцію постоянно уменьшаться. Но уменьшеніе дѣйствительной цѣны услугъ не вызываетъ еще непременно и соотвѣтственнаго пониженія продажныхъ цѣнъ (т. е. провозныхъ платъ). Железнодорожный промыселъ имѣетъ монопольный характеръ и потому провозныя платы не регулируются издержками производства. Вообще въ железнодорожныхъ предприятияхъ не существуетъ никакого естественнаго регулятора провозныхъ платъ и прибылей; точно также и попытки искусственно регулировать ихъ путемъ закона, сказываются недостигающими цѣли. Вслѣдствіе этого, прибыль въ железнодорожной промышленности имѣетъ тенденцію постоянно и прогрессивно расти съ развитіемъ движенія и вызываемымъ этимъ развитіемъ паденіемъ издержекъ производства. Эти особенности железнодорожнаго хозяйства приводятъ къ выводу о непримѣнности къ нему частнопромышленной системы и выдвигаютъ впередъ вопросъ о выкупѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ рукахъ частныхъ компаній.

Выяснивъ тѣсную зависимость размѣра издержекъ производства и прибылей въ железнодорожномъ хозяйствѣ отъ размѣровъ спроса, г. Чупровъ, во 2-мъ томѣ своего сочинения, переходитъ къ изслѣдованію условій самаго спроса, или, иными словами, къ разясненію причинъ, опредѣляющихъ движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. Онъ сводитъ всѣ причины различій въ размѣрахъ валоваго дохода желѣзныхъ дорогъ къ четыремъ важнымъ факторамъ: количеству грузовъ, разстоянію ихъ перевозкы, роду грузовъ и величинѣ провозной платы. Въ двухъ выпускахъ втораго тома, вышедшихъ до настоящаго времени, г. Чупровъ останавливается на первомъ изъ этихъ факторовъ, т. е. на изслѣдованіи количества груза, поступающихъ на желѣзныя дороги, и на разясненіи причинъ, отъ которыхъ оно зависитъ.

Мы не имѣемъ возможности передать въ бѣглой замѣткѣ результаты этого изслѣдованія; замѣтимъ только, что г. Чупровъ касается при этомъ весьма многихъ любопытныхъ вопросовъ и приходитъ къ важнымъ заключеніямъ; въ особенности интересны выводы его объ условіяхъ конкуренціи желѣзныхъ дорогъ между собою и съ другими родами сообщеній, о значеніи портовъ, прирѣчныхъ и пограничныхъ пунктовъ въ товарной перевозкѣ и, наконецъ, о районахъ притяженія грузовъ къ желѣзнымъ дорогамъ. Дальнѣйшіе выпуски труда г. Чупрова будутъ посвящены изслѣдованію остальныхъ факторовъ валового дохода. Въ заключеніе г. Чупровъ общаетъ «примѣнить полученные результаты къ вопросамъ хозяйственной организаціи желѣзно-дорожныхъ предпріятій, именно: къ выбору направленія желѣзныхъ дорогъ, системы ихъ постройки, размѣра предпріятій и, наконецъ, къ тарифной политикѣ».

Кромѣ новости и важности вопросовъ, которыхъ касается г. Чупровъ, и тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ, сочиненіе его интересно и со стороны научныхъ приемовъ, употребляемыхъ авторомъ. Г. Чупровъ принадлежитъ къ числу экономистовъ, идущихъ къ общимъ заключеніямъ отъ непосредственнаго изученія конкретныхъ явленій дѣйствительности. Онъ старается постоянно стоять на фактической почвѣ и основывать выводы свои на данныхъ статистики, а не на апіорныхъ соображеніяхъ. Приемъ свой г. Чупровъ называетъ методомъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія. Этотъ методъ, говоритъ онъ — «заключается съ одной стороны въ сопоставленіи между собою сходныхъ фактовъ, наблюденныхъ въ большихъ массахъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разные моменты времени, а съ другой стороны — въ разложеніи сложныхъ явленій на простѣйшіе элементы». Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что г. Чупровъ не всегда могъ выдержать во всей строгости приемъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія. Примѣненіе этого приема предполагаетъ существованіе массы предварительно установленныхъ статистическихъ наблюденій, сопоставленіе и анализъ которыхъ и должны служить основаніемъ для общихъ выводовъ. Но, по отношенію къ предмету своего изслѣдованія, г. Чупровъ далеко не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго фактическаго матеріала; притомъ же матеріалъ этотъ находился въ такомъ видѣ, что г. Чупрову приходилось подвергнуть его цѣлому ряду предварительныхъ операцій, чтобы сдѣлать пригоднымъ для своихъ цѣлей. При такихъ условіяхъ далеко не вездѣ могло имѣть мѣсто сопоставленіе «сходныхъ фактовъ, наблюденныхъ въ большихъ массахъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разные моменты времени». Въ особенности это относится ко второму тому сочиненія г. Чупрова. Здѣсь ему приходилось почти исключительно основывать свои выводы на данныхъ относительно русскихъ дорогъ и притомъ всего за два года. Поэтому, мнѣatoria изъ положеній его являются слишкомъ догматичными и не подкрѣпленными достаточными доказатель-

ствами, такъ что за известною частью разсуждений г. Чупрова можно признать скорѣе достоинство правильной и ясной постановки вопросовъ, нежели окончательнаго ихъ разъясненія.

Каковы бы ни были, впрочемъ, частныя замѣчанія, которыя могутъ быть сдѣланы относительно книги г. Чупрова, они не отнимаютъ отъ нея права быть признанною капитальнымъ вкладомъ въ экономическую литературу. По новости поднятыхъ вопросовъ, обширной эрудиціи, тщательности анализа и, наконецъ, замѣчательной стройности и ясности изложенія, книга эта заслуживаетъ самаго полнаго вниманія. Остается только пожелать, чтобы г. Чупровъ довелъ свой трудъ до конца съ тѣмъ же усѣхомъ, съ какимъ онъ началъ.

Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, Христіанство и Утилитаризмъ. Сочиненія Джона Стюарта Блэки. Изданіе К. Т. Солдатенкова М. 1878.

Читающій людь привыкъ съ довѣріемъ относиться къ изданіямъ г. Солдатенкова. Большая часть ихъ дѣйствительно замѣчательна въ томъ или другомъ отношеніи и нѣтъ между ними ни одного, на которое можно бы было указать, какъ на продуктъ спекуляціи. Тѣмъ страниче появленіе «Четырехъ фазисовъ нравственности».

Это заглавіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію книги, потому что въ ней нѣтъ никакихъ «фазисовъ», если разумѣть подъ этими словами ступени развитія. Сочиненіе Блэки представляеть просто четыре отдѣльные этюда. Точку зрѣнія самаго автора уловить довольно трудно, потому что, будучи ярымъ противникомъ утилитаризма, онъ говоритъ иногда такія, напригѣръ, вещи: «Оалесь, объявивши, что вода есть начало всѣхъ вещей, возвѣстилъ великую истину: совершенно вѣрно, что безъ влаги нѣтъ жизни, что засуха порождаетъ лишь пыль, холодъ и смерть. Но изъ открытія этой истины нельзя было сдѣлать никакого примѣненія: съ ея помощью невозможно было ни очистить колодезь, ни улучшить качество вина, и люди ни въ умственномъ, ни въ физическомъ отношеніи не стали лучше съ признаніемъ космической истины подобнаго рода... Еще полезнѣе было предположеніе Анаксагора, что солнце есть ни что иное, какъ громадная масса блестящаго камня или металла, во много разъ больше земли. Предположеніе это, будь оно даже вѣрно, не научитъ невѣжественнаго дикаря развести костеръ или заставить маслину приносить болѣе обильныя и лучшаго качества плоды» (14). Такую несообразность рѣшится сказать не всякій утилитаристъ, даже очень грубо понимающій свою доктрину. Правда, Блэки не держится на этой точкѣ зрѣнія, высказываетъ и совершенно противоположныя мысли, но это-то и худо. Худо въ особенности для русскаго читателя, не имѣющаго подъ руками богатой европейской нравственной литературы и способнаго сбиться даже и безъ такихъ руководителей, какъ Блэки. Противорѣчіе между отношеніями Блэки къ древне-греческимъ космогоническимъ теоріямъ и къ утилитаризму, къ сожалѣнію, не единственное. Такъ на стр. 51—52 доказывается, что нрав-

ственность, этическая теорія можетъ быть построена не иначе, какъ на фундаментѣ религіи. Каковы бы ни были эти доказательства, но читатель съ нѣкоторымъ удивленіемъ увидитъ, что, восхваливъ Аристотеля, какъ великаго моралиста, признавъ его этику «совершенно мужественной и здоровой», Блэки только въ самомъ концѣ этаго замѣчаетъ, что религіозный элементъ въ этикѣ Аристотеля совершенно отсутствуетъ. «Эта погрѣшность, заключаетъ Блэки: — такого человѣка въ такомъ дѣлѣ да послужить предостереженіемъ нашимъ новѣйшимъ философамъ, естествоиспытателямъ, матеріалистамъ, утилитаріанамъ!» Но какое же тутъ предостереженіе, если Аристотель великій моралистъ и если его этика «совершенно мужественна и здорова»?

Блэки сторонникъ теоріи врожденныхъ идей и преимущественно на этой почвѣ побиваетъ утилитаристовъ. Аргументы его не отличаются ни новизной, ни силой, а нѣкоторые даже изъ рукъ вонъ плохи. Такъ онъ сочувственно цитируетъ «шотландскаго мыслителя, который, въ справедливомъ негодованіи на фокусничество, продѣлываемое съ словомъ ассоціація, раздражается такимъ восклицаніемъ: «Ассоціаціонная психологія, этотъ бесплодный выродокъ, нѣчто среднее между матеріализмомъ и идеализмомъ, какъ будто и придуманная только ради насмѣшки надъ служителями алтара, есть оскорбленіе здравому смыслу».

Въ концѣ концовъ, книжка Блэки представляетъ просто бесѣду на ходячія нравственные тѣмы, бесѣду человѣка средняго ума. и совершенно не научнаго направленія, но не лишенаго здраваго смысла и наблюдательности. Вслѣдствіе этаго, въ книжкѣ есть небезынтересныя замѣчанія, ради которыхъ, однако, переводить ее все-таки не стоило.

Не зная подлинника, мы не можемъ судить о точности перевода, но, какъ производеніе русскаго слова, онъ, по своимъ достоинствамъ, очемъ выдѣляется изъ массы нашихъ переводныхъ изданій.

Курсъ общей физиологіи. Жизненные явленія, общія животнымъ и растениямъ, *Клода Бернара*. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Пер. съ французскаго М. А. Антоновича. Спб. 1878.

Клодъ Бернаръ не нуждается въ рекомендаціи. Мы хотимъ только извѣстять читателей о выходѣ въ русское переводѣ «Жизненныхъ явленій» и указать общій характеръ сочиненія. Это, собственно говоря, не «курсъ физиологіи», а нѣчто большее. Это—философія физиологіи, такъ какъ книга имѣетъ цѣлью не только передачу послѣдняго достоянія науки въ смыслѣ фактическомъ, но и рѣшеніе наиболѣе общихъ вопросовъ животной и растительной жизни, а также анализъ приемовъ мысли и опыта въ физиологіи. За смертью автора, сочиненіе не кончено, но счастливое совпаденіе въ лицѣ Бернара сильной обобщающей мысли и точности экспериментатора дѣлаетъ «Жизненные явленія» едвали не единственною въ своемъ родѣ книгою. Къ сожалѣнію, ясный и даже блестящій языкъ Бернара значительно по

терпѣть въ русскомъ переводѣ, который нельзя, пожалуй, назвать невѣрнымъ, но который полонъ галицизмомъ и вообще очень тяжелъ. Едва ли можно по-русски назвать Линнея «знаменитымъ натуралистомъ въ Упсалѣ» (234). Едва ли можно сказать по русски: «Видъ, представляемый ихъ структурой и организацией, и способъ ползанія представляютъ наибольшія аналогіи между этими миксомицетами (слизистыми грибами) и животными протистами Геккеля» (213) Или: «Жизнь не есть ни принципъ, ни результатъ; она есть *слѣдствіе* столкновенія между организмомъ и вѣшнимъ міромъ» (286, оглавленіе). Или: «Было бы иллюзіей надѣяться дойти до причины явленій посредствомъ ума или посредствомъ матеріи» (315).

Н. А. Лейкинъ. Неувяжающіе россияне. Разказы и картинки съ натуры. Спб. 1879 г.

Г. Лейкинъ писатель плодовитый и не безъ таланта. Читателей у него навѣрное много и они навѣрное много смѣются, читая «разказы и картинки съ натуры» г. Лейкина. Мы и сами смѣялись, читая нѣкоторые очерки. Но вѣдь и на масляничныхъ балаганахъ можно иногда разсмѣяться. Желаніе смѣшнить доходить у г. Лейкина, напримѣръ, до того, что онъ заставляетъ влюбленнаго нѣмца и влюбленную нѣмку объясняться другъ другу въ любви на ломаномъ русскомъ языкѣ. При этомъ нѣмка мечтаетъ, какъ она будетъ варить «супъ селедочной головы», а нѣмецъ спрашиваетъ ее среди самаго экстаза признанія въ любви: «Позволить Элоиза свой Абельяръ пять шапсъ и два бутылка пива? Позволить Буадисъ свой Фелемонъ ходить на кегельбанъ и клубъ?» Оно, пожалуй, смѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ обидно за автора, способнаго на нѣчто гораздо лучшее, какъ показываютъ небольшая повѣсть «Двѣ неволи» и особенно очерки «Коновалъ» и «Человѣкъ божій».

Ужасная женщина. Современный великосвѣтскій этюдъ. Сочиненіе кн. В. Мещерскаго. Спб. 1878.

Кто читаетъ романы кн. Мещерскаго, того не урезонишь никакими рецензіями, равно какъ и самого князя. Не съ такими цѣлями мы и упоминаемъ объ «Ужасной женщинѣ». Мы хотимъ только предупредить любителей пикантнаго и «ужаснаго» чтенія, чтобы они не тратились на покупку новаго произведенія плодовитаго князя. Въ «современномъ великосвѣтскомъ этюдѣ» нѣтъ нетолько «гостинницы тринадцати повѣшенныхъ», а и ровно ни одного повѣшеннаго; нетолько «тайнственнаго монаха», а и рѣшительно никакой тайны; нетолько «кинжала и крови», а и никакого смысла. Есть, правда, маленькій кусочекъ «битвы русскихъ съ кабардинцами», но гдѣ же его теперь нѣтъ? «Ужасная женщина» даже въ дурачьи ничего не обыгрываетъ, а просто кокетничаетъ. Наконецъ, въ «этюдѣ» нѣтъ и той вѣшной наблюдательности, которая все-таки пробивалась въ прежнихъ произведеніяхъ кн. Мещерскаго, быстро исписывающаго данный ему скромный талантъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Процессъ Гулакъ-Артемовской. — Процессъ славянскаго суда въ засѣданіи славянскаго благотворительнаго общества 29-го октября.

Я внимательно прочиталъ процессъ по дѣлу Гулакъ-Артемовской и, признаюсь откровенно, никакъ не могу понять: почему пресса предается радостнымъ взыграніямъ по поводу этого процесса. Правда, процессъ представилъ намъ картину страшной деморализаціи нашего культурнаго общества, но вѣдь это для насъ не новость... Это мы знали давно и по нашимъ собственнымъ частнымъ свѣденіямъ, и по безчисленному множеству разныхъ извѣстій, собираемыхъ прессою, и, наконецъ, по нѣсколькимъ прежнимъ подобнаго рода процессамъ. Пора бы намъ, наконецъ, уже не восторгаться тѣмъ, что вотъ, дескать, какую картину нашихъ безобразій представилъ намъ судебный процессъ, а требовать, чтобы наши праведные судьи, ведущіе подобные процессы, пользовались ими какъ средствомъ для отысканія корней этихъ безобразій и заботились объ искорененіи этихъ именно корней. Вотъ еслибы каждый судебный процессъ, обнаруживающій общественныя безобразія, употребляемъ былъ какъ средство для исторженія изъ общества хотя нѣсколькихъ такихъ корней, тогда было бы чему радоваться. А теперь радоваться нечему. Процессъ этотъ представляетъ въ существѣ своемъ ни что иное, какъ картину казни «маленькихъ ворышекъ для удовольствія большихъ». Я не имѣю ничего сказать противъ вердикта присяжныхъ по дѣлу Гулакъ Артемовской. Если угодно, относительно, вердиктъ этотъ вполне справедливъ. Потому что дѣло присяжныхъ въ томъ и состоитъ, чтобы произнести свое: да или вѣтъ относительно даннаго того или другого случая согласно тѣмъ даннымъ, которыя представлены судебнымъ слѣдствіемъ. Они свое дѣло и слѣдали. Но разыскивать и обнаруживать корни, которые указываются слѣдствіемъ, это не ихъ дѣло, а жрецовъ Фемиды. Но послѣдніе почему то у насъ именно въ процессахъ, которые представляютъ картины общественныхъ безобразій, и, пользуясь которыми, легко можно было бы доисаться до корней общественныхъ безобразій, оказываются бездѣтельными. Помните, въ процессѣ о ссудно коммерческомъ банкѣ въ Москвѣ, докторъ Струсбергъ прямо заявилъ, что такъ, какъ дѣйствовать оны, подкупомъ, дѣйствуетъ въ Россіи не оны одины, а дѣйствуютъ и другіе, и готовъ былъ назвать этихъ другихъ, но его никто объ этомъ не спросилъ. Въ послѣднемъ процессѣ мы

встрѣчаемъ тоже самое. Вотъ, напримѣръ, сцена изъ судебного слѣдствія въ этомъ процессѣ.

Подсудимая на вопросъ предсѣдателя: откуда она брала тѣ большія денежные средства, которыми она, по ея словамъ, владела, отвѣчаетъ, что она занималась, благодаря своему знакомству, связямъ, родству, «проведеніемъ» большихъ выгодныхъ дѣлъ. Присяжные засѣдатели черезъ своего старшину заявили, что они «считаютъ необходимымъ спросить подсудимую, какимъ образомъ, проводя дѣла, она могла нажить состояніе, и предложить ей указать какое нибудь дѣло, за которое она получила значительный кушъ?»

Предсѣдатель. Я прошу въ васъ, подсудимая, отвѣтить на этотъ вопросъ. Но если вамъ нужно будетъ замѣшивать сюда какія-нибудь фамиліи, которыми вы не хотите назвать, то вы можете не отвѣчать.

Подсудимая. Какъ прикажете, хотите — назову, хотите — нѣтъ.

Предсѣдатель. Гг. присяжные желаютъ, чтобы вы указали хоть на одно крупное дѣло.

Подсудимая указываетъ на дѣло Юдина по взысканію 108,000 р. съ Рыбинско-Бологовской дороги, за проведеніе котораго она получила 10,000 р., кромѣ того, говоритъ, что за проведеніе одного устава получила также значительную сумму, въ доказательство представляетъ довѣренность по приведенному дѣлу и уставъ, присовокупляя при томъ, что она имѣла до 30 подобныхъ документовъ по крупнымъ дѣламъ и получала хорошіе куши за нихъ «проведеніе». На это *товарищъ прокурора* замѣчаетъ, что «представленный уставъ вовсе не служитъ доказательствомъ, чтобы по нему были получены какія-нибудь деньги. Довѣренность Юдина представляетъ только обѣщаніе уплатить деньги въ случаѣ благопріятнаго исхода дѣла; всѣ остальные заявленія подсудимой, что она получала деньги за проведеніе дѣлъ и подтверждаются доказательствами!!!».

Подсудимая обижается такимъ голословнымъ заявленіемъ товарища прокурора — и обижается, прибавлю я, вполне резонно, и обращается къ предсѣдателю съ слѣдующею просьбой:

«Г. предсѣдатель, находите ли вы удобнымъ вызвать изъ Москвы, въ качествѣ свидѣтеля, г. Варенцова и спросить его: проводила ли я этотъ уставъ или нѣтъ?» *Предсѣдатель* объявляетъ, что «судъ не можетъ уважить эту просьбу въ виду несвоевременности ея заявленія». Подсудимая настаиваетъ. «Трудно допустить, говоритъ она, чтобы я позволила себѣ такъ дерзко выдумывать. Вѣдь я указываю же на получение 10,000 р. и представляю документъ». Но требованіе подсудимой остается напраснымъ — вмѣсто отвѣта на него, товарищъ прокурора проситъ спросить подсудимую: «когда Пастуховъ сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужемъ?»

Приведенная мною сцена изъ судебного слѣдствія невольно бросается въ глаза всякому читающему процессъ Гулакъ-Артемовской. Вѣдь собственно говоря, весь общественный интересъ этого процесса сосредоточивается именно на «проведеніи ея дѣлъ». И вотъ когда на вопросъ присяжныхъ: какимъ образомъ проводились подсудимой дѣла, послѣдняя отвѣчаетъ, что она

готова назвать фамиліи, если угодно будетъ суду, судъ ее отъ этого отклоняетъ. Представьте себѣ, что подсудимая нажила деньги не посредствомъ «проведенія» дѣлъ практическихъ, а посредствомъ «проведенія» черезъ тѣ или другія лица вредныхъ идей. такімъ ли же образомъ поступилъ бы судъ въ этомъ случаѣ? Положимъ, распространеніе вредныхъ идей въ обществѣ дѣло не желательное и тѣхъ, которые занимаются ихъ распространеніемъ и которые содѣйствуютъ этому, надобно подвергать законному наказанію. Но вѣдь и распространеніе деморализаціи въ обществѣ дѣло тоже нежелательное и тѣхъ, которые занимаются ея распространеніемъ и которые содѣйствуютъ этому, точно также надобно подвергать законному наказанію. Разъ на вопросъ: какимъ образомъ «проводились» дѣла, подсудимая вы звалась сама назвать фамиліи лицъ, надобно было пригласить ее назвать всѣ тѣ фамиліи, съ которыми и черезъ которыя она вела свои дѣла. Въ особенности надлежало позаботиться объ этомъ г. товарищу прокурора, который долженъ былъ бы помнить, что онъ не частный обвинитель, а представитель государственной власти, на обязанности котораго лежитъ блюсти за исполненіемъ законовъ и преслѣдовать ихъ нарушенія, и для котораго, слѣдовательно, должны имѣть великую важность всѣ показанія, ведущія къ открытію нарушителей законовъ. Г. же товарищъ прокурора повелъ себя въ данномъ случаѣ точно частный обвинитель, весь интересъ котораго состоитъ въ томъ, чтобы обвинить преслѣдуемое имъ лицо, а затѣмъ въ обществѣ—хоть трава не роси—мнѣ, дескать, все равно. вмѣсто того, чтобы настоять на томъ, чтобы подсудимая была приглашена назвать всѣ тѣ фамиліи, которыя она можетъ назвать, онъ провозглашаетъ, что не только представленны подсудимому уставъ и довѣренность по дѣлу Юдина ничего не доказываютъ, но что и *всѣ остальныя заявленія подсудимой*, что она получала деньги за проведеніе дѣлъ, не *подтверждаются никакими доказательствами!!!* А замѣтите, что подсудимая никакихъ остальныхъ заявленій и не дѣлала, она только вызвалась ихъ сдѣлать, если судъ изъявитъ желаніе ихъ выслушать. Какъ же г. товарищъ прокурора могъ узнать, что эти остальные заявленія, еще невысказанныя подсудимой, не подтверждаются никакими доказательствами! Желательно бы кромѣ того знать, почему г. товарищъ прокурора не призналъ доказательствами представленныхъ подсудимому устава и довѣренности по дѣлу Юдина, когда она при этомъ указывала лица, которое должно быть вызвано для подтвержденія ея сообщенія. Какія онъ доказательства признаетъ доказательствами? По закону, обвиняемому должны быть даны всѣ средства къ оправданію. Разъ онъ называетъ лица, которыя могутъ свидѣтельствовать въ его пользу, судъ не можетъ смотрѣть на эти наименованія подсудимымъ лицъ иначе, какъ на представляемыя подсудимымъ доказательства. Онъ обязанъ выслушать указываемыхъ свидѣтелей, оцѣнить ихъ показанія и тогда только, если не найдетъ въ нихъ доказательной си-

лы, можетъ сказать о подсудимомъ, что онъ не подтвердилъ своего заявленія никакими доказательствами. Теперь же г. товарищъ прокурора сдѣлалъ такое заявленіе болѣе, чѣмъ поспѣшно. Почему онъ знаетъ, что показали бы на судѣ тѣ лица. фамиліи которыхъ выывалась назвать подсудимая? Очень можетъ быть, что показанія ихъ представили бы подсудимую совершенно въ другомъ свѣтѣ, и мало этого: дали бы совсемъ другой поворотъ процессу, выдѣливъ изъ него новый особый процессъ чисто общественнаго характера о «проводителяхъ» дѣлъ? Не трудно видѣть, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на процессъ Гулак-Артемовской, что преступность ея, насколько она соприкасается съ общественною деморализаціею, чисто условная: не будь «проводителей», подсудимая не имѣла бы возможности заниматься «проведеніемъ» дѣлъ.

Вообще вопросъ о проведеніи Гулак-Артемовскою дѣлъ «остался, какъ замѣчаетъ защитникъ гг. Пастуховыхъ, г. Гаевскій, въ сущности неразъясненнымъ и приходится только догадываться о томъ, что значить «проведеніе» дѣлъ». Разъ такое олушение сдѣлано — а что оно сдѣлано, это признается такимъ опытнымъ юристомъ, какъ г. Гаевскій — то тогда уже нельзя сказать, чтобы судебное слѣдствіе было ведено мастерски и чтобы подобное веденіе дѣлъ можно было рекомендовать *для рѣшис ия судьбы царствъ и народовъ*, какъ выразилась какая-то газета.

Въ виду всего сказаннаго мною, интересно начало рѣчи г. товарища прокурора по дѣлу Гулак-Артемовской. Разсказавъ сначала, что дѣло это настолько рѣдкое, что подобное ему едва ли бывало у насъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ, понеже десятъ дѣло это вышло «изъ міра темной, но сильной среды, изъ міра сильныхъ протекцій и всемогущихъ связей, подъ покровомъ которыхъ играютъ инстинкты самаго необузданнаго, безстыднаго хищничества», г. товарищъ прокурора продолжаетъ:

«Вотъ какой міръ, вотъ представители какого міра въ яркіхъ образкахъ и картинахъ прошли предъ нами въ теченіи этихъ двухъ наматныхъ для всѣхъ насъ дней. Приподнялась только часть завѣса, только уголъ ея. Мы смутно чувствуемъ всѣ, что хотя это дѣло, на которое мы потратили всю энергію, всю настойчивость, все вниманіе, проходило здѣсь два дня, но все-таки, я полагаю, вы раздѣлите это убѣжденіе, чувствуете, что еще далеко не все мы знаемъ, что тутъ есть много замученныхъ подробностей, много лицъ, много тайныхъ пружицъ, которыя остались скрыты отъ насъ, и которыя, быть можетъ, навсегда скрыты. Въ этомъ и заключается особенность настоящаго дѣла. Когда выступать на судѣ лица, принадлежащія къ такой средѣ, которая и сильна, и матеріально богата, и имѣть связи, имѣть знакомства съ высокопоставленными лицами — о! какъ трудно правосудію здѣсь достигнуть дѣла! Сколько препятствій, сколько затрудненій, сколько негодования вызываетъ только попытка уголовного правосудія поставить предъ вами на судѣ этихъ лицъ и осуществить слова законодателя, который постановилъ равенство всѣхъ передъ судомъ! Это равенство, которое провозглашено державнымъ законодателемъ, дарованнымъ судебную реформу Россіи — какъ часто остается оно только словомъ! Какъ трудно осуществить слова законодателя, оправдать великое слово, можно видѣть изъ настоящаго дѣла!»

Чтя эти строки, думаешь, что г. товарищъ прокурора пред-

ставляетъ извиненіе, что въ слѣдствіи допущено то опущеніе, о которомъ я говорилъ выше, что, дескать, при всемъ желаніи выяснитъ вопросъ о «проведеніи» дѣлъ, прокурорская власть не могла этого сдѣлать *по независимости*. «Ну, что же!» сказалъ бы на это всякій: — на нѣтъ, и суда нѣтъ, нельзя такъ и нельзя. Мы такъ мало привыкли еще къ гласности, а въ особенности къ отыскиванію разныхъ корней, что въ какой бы сферѣ ни стали разѣискивать эти корни, всегда дойдемъ, наконецъ, до того предѣла, гдѣ встрѣтятся *независимія*, которыя дальнѣйшую раскопку остановятъ. Всѣ мы это болѣе или менѣе знаемъ, и еслибы г. товарищъ прокурора остановился на приведенной мною выдержкѣ изъ начала его рѣчи, то всѣ бы этимъ остались довольны, объясняя извѣстныя опущенія въ слѣдствіи невозможностію выяснитъ дѣло въ настоящемъ его видѣ. Но г. товарищъ прокурора на этомъ не останавливается. Далѣе онъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что всѣ, дескать, тѣ препятствія и затрудненія, о которыхъ толковалъ я, побѣждены и что, дескать, слѣдствіе произведено мастерски. А очевидное, дескать, и доказательство такого мастерства то, что «вы видите передъ собой картину, которую, еслибы она была изображена въ повѣсти, вы вѣрно назвали бы преувеличенною, вы сказали бы: какъ преувеличиваютъ и выдумываютъ эти литераторы!» Г. товарищъ прокурора находится въ увѣренности, что картина эта «не останется безъ вліянія на наше общественное развитіе». «Иногда полезно созерцать, прибавляетъ онъ: — эти картины, чтобы понять, что среди насъ срывается болѣе важное зло, чѣмъ мы предполагаемъ». Напрасно. Нисколько не могутъ быть полезны эти картины, пока вы будете готовить ихъ намъ только для созерцанія и не будете заботиться объ удаленіи тѣхъ элементовъ изъ общества, которыя дадутъ матеріалъ для подобныхъ картинъ. Много мы такихъ картинъ видали въ прежнихъ процессахъ, много слышали такихъ же шумящихъ рѣчей, какъ ваша, но толку изъ этого никакого не выходитъ. Мы желаемъ видѣть не картины въ вашихъ процессахъ, а правду, правду и правду... Дайте ее, если можете; а если не можете, не шумите вашими рѣчами, не сбивайте людей съ толку, а скажите прямо, что вы не можете добыть желаемой правды по *независимости*.

Разъ вопросъ о «проведеніи дѣлъ» остался не выясненнымъ — процессъ Гулакъ-Артемовской естественно долженъ былъ прервать всякій общественный интересъ и превратиться въ одинъ изъ самыхъ обыденныхъ, заурядныхъ у насъ процессовъ по подлогамъ, тѣмъ болѣе, что и подлогъ здѣсь былъ характера самаго примитивнаго. Между подписями на векселяхъ, представленныхъ Гулакъ-Артемовскою, и дѣйствительными подписями умершаго Пастухова не оказалось никакого сходства, такъ что возникъ вопросъ: можно ли подобныя векселя считать поддѣльными и товарищъ прокурора счелъ нужнымъ въ рѣчи своей на основаніи двухъ кассационныхъ рѣшеній сената доказывать что это все-таки подлогъ, такъ какъ рѣшеніе гласитъ, что «для понятія подлога вовсе не требуется, чтобы подложныя подписи

были сходны съ дѣйствительными». Но если суть дѣла была такъ проста, несложна, примитивна, если притомъ было предположено ограничиться только этой сутью и никакихъ *корней не искать*, то для чего всѣ эти тщательныя изысканія, «имѣла ли Гулакъ-Артемовская деньги или не имѣла ихъ? И въ особенности: откуда ихъ имѣла?» Съ одной стороны: имѣеть ли чело-вѣкъ деньги или не имѣеть ихъ, этого узнать никакъ нельзя справкою въ трехъ или четырехъ банкахъ города Петербурга. Кромѣ петербургскихъ банковъ, есть много банковъ и въ другихъ городахъ и въ Россіи, и въ Россіи, не говоря уже о томъ, что можно имѣть милліоны и не держать ихъ вовсе въ банкахъ. Съ другой стороны, еслибы и было доказано, что Гулакъ-Артемовская имѣла не одинъ, а даже нѣсколько милліоновъ денегъ, то этимъ возможность подлога нисколько не устранялась бы и представленные ею векселя все-таки надобно было бы признать, на основаніи кассационныхъ рѣшеній сената, подложными и подписъ на нихъ приписать также Богданову, какъ и теперь. Слѣдовательно, вся та энергія, которая, по словамъ товарища прокурора, потрачена была на разясненіе денежной состоятельности Гулакъ-Артемовской, потрачена была совершенно безцѣльно и напрасно. Г. товарищъ прокурора старается увѣрить насъ, что только благодаря этой «энергіи приподнять для насъ, выражаясь его фразами, уголь завѣсы темнаго, но сильнаго міра, міра внѣшняго изящества и внутренняго безобразія, міра матеріальнаго обезпеченія и нравственнаго убожества» и т. д., и намъ представлена картина. Но мы ничего подобнаго, никакой такой картины въ процесѣ положительно не видимъ. Видимъ, правда, имена нѣсколькихъ генераловъ, посѣщавшихъ или утромъ или вечеромъ Гулакъ-Артемовскую, но отъ этого случайнаго посѣщенія ея извѣстными лицами до дѣловыхъ сношеній далеко еще, какъ отъ земли до неба. Кто не знаетъ, что русскій чело-вѣкъ до сихъ поръ остается еще такъ-то, что разъ онъ немножко разбогатѣлъ и сталъ хоть немножко открыто жить, онъ не можетъ существовать безъ того, чтобы не украсить своихъ собраній присутствіемъ ка-кого нибудь генерала. Безъ этого ему жизнь не въ жизнь, и онъ употребитъ всѣ средства, чтобы достигнуть этого. Съ другой стороны, въ нашемъ *земскомъ* царствѣ неприсутственной аристократіи, пока, слава Богу, не развилось, наши генералы не горды; къ тому же какъ русскіе люди, любятъ выпить и закусить, и нѣкоторые изъ нихъ своимъ присутствіемъ удостоиваютъ даже официальные столы, устраиваемые разными лицами по разнымъ семейнымъ празднествамъ, единственно для того только, чтобы не огорчить тѣхъ добрыхъ людей, которые просятъ ихъ почтить своимъ присутствіемъ тс или другое семейное празднество! Что-жъ послѣ этого удивительнаго и необыкновеннаго въ томъ, что тѣ или другіе генералы показывались иногда въ салонѣ женщины, живущей широко, образованной, молодой, любезной, красивой. Это та-кая приманка, на которую, не пускаясь въ изысканіе ни родо-словной хозяйки салона, ни ея скрытыхъ отъ свѣта дѣлій, съ

охотой сбѣгутъ не только русскіе, но и инородцы, и иностранцы всѣхъ чиновъ и отличій. Мы не видимъ однакожъ въ процессѣ, чтобы какое-нибудь изъ высокихъ лицъ было даже хоть сколько-нибудь прикосновенно некрасивымъ дѣламъ хозяйки или даже знало только о нихъ. Мы видимъ, что темныя дѣла свои Гулакь-Артемовская совершаетъ съ разными темными личностями: Хаймовичами, Гутцайтами, Зыбинными, Митропольскими и т. п.

Такимъ образомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ веденъ былъ процессъ Гулакь-Артемовской, онъ не представляетъ ничего подобнаго той картинѣ, которую почему-то видятъ въ немъ г. товарищъ прокурора. Или г. товарищъ прокурора знаетъ гораздо больше, чѣмъ сколько выяснилось на судѣ, и между строками процесса, всѣми видимыми, читаетъ другія, никому невѣдомыя строки, или, увлекаясь потокомъ собственнаго краснорѣчія, производитъ только *много шума изъ ничего*.

Гораздо болѣе заслуживаетъ названія картины недавно бывшій другой судъ, судъ безъ всякихъ судебныхъ формъ и обрядовъ, судъ нашъ славянскій, патриархальный. Судъ этотъ происходилъ 29-го прошедшаго октября въ общемъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества, на которомъ, въ числѣ многихъ членовъ, присутствовало тринадцать генераловъ, пять или шесть профессоровъ, четыре литератора: гг. Достоевскій, А. Майковъ, Гербель, Розенгеймъ. Я съ намѣреніемъ поименовалъ четырехъ присутствовавшихъ на собраніи литераторовъ: они удостоились этой чести именно, какъ члены Общества. Вообще же славянское общество литераторовъ не терпитъ и составило даже какое-то особое постановленіе, недавно имъ опубликованное, въ силу котораго литераторы на собраніи славянскаго общества не допускаются, потому не были допущены и 29-го октября. Причина, конечно, та, что литераторы любятъ выносить соръ изъ избы, давая всему *превратныя* толкованія. А мы все жалуемся на разные правительственные органы—провинціальныя за то, что они, дескать, не терпятъ корреспондентовъ, преслѣдуютъ ихъ т. п. А вотъ и частное общество, да еще столичное, изъ отборной интеллигенціи, тоже не очень жалуется, когда начинаютъ *вольнодумно* говорить о его дѣлахъ, и употребляетъ противъ литераторовъ тѣже самыя мѣры, что и провинціальныя правительственные органы, т. е. изгоняетъ ихъ изъ своей среды. И если, подобно послѣднимъ, не преслѣдуетъ какими-нибудь другими мѣрами, болѣе острыми, напримѣръ, не садитъ въ кутузку, такъ только потому, что власти такой въ рукахъ нѣтъ. Нечего, значитъ, жаловаться на нетерпимость и суровость официальныхъ властей: всѣ однимъ муромъ мазаны, и девизъ у всѣхъ одинъ: «мовчатъ: бо-благоденствуютъ». Надъ чѣмъ-же и надъ кѣмъ происходитъ судъ? Официально собраніе было созвано для того, чтобы «произнести окончательный приговоръ: на сколько серьезны были обвиненія комиссіи, ревизовавшей комиссію по сбору пожертвованій, существовавшую при названномъ обществѣ въ 1875—1876 годахъ?» Исторія, какъ видитъ читатель, старая, но вѣчно юная въ нашемъ халатномъ россіи-

скомъ обществѣ! Является какое-нибудь важное общественное дѣло. Для внимательнаго разсмотрѣнія его или для наилучшаго его веденія, или для того и другого вмѣстѣ—это зависитъ отъ того или другого характера самаго дѣла—назначается особая коммиссія, избираемая изъ *наиспособнѣйшихъ* къ дѣлу лицъ. Избранная коммиссія иногда набрасывается на дѣло горячо, потому мало по малу къ дѣлу охладѣваетъ, наконецъ, начинается вести его спустя рукава, самымъ небрежнымъ образомъ. Этотъ ходъ дѣятельности въ нашихъ коммиссіяхъ почти обыкновенный, такъ что съ давнихъ временъ по поводу такой дѣятельности ходитъ слѣдующій анекдотъ, о которомъ можно сказать: *si pop è vero, è ben trovato*. Два члена одной и той же коммиссіи, оба давно знакомые, встрѣчаются другъ съ другомъ. «Ты гдѣ служишь нынче?» спрашиваетъ одинъ изъ нихъ другого. «Да я ужь вотъ два года, отвѣчаетъ другой:—состою членомъ въ коммиссіи такой-то.»—«Какъ же это, братецъ мой, такъ! удивляется первый:—вѣдь и я въ ней служу вотъ уже около полутора года. Какъ же это мы съ тобой никогда не встрѣчались?»—Нѣчто подобное происходило и въ коммиссіи по сбору пожертвованій. Изъ тридцати слишкомъ членовъ ея одинъ не былъ въ засѣданіи ни разу, двое были по одному разу, одинъ два раза, только трое были болѣе 40 разъ, а всѣхъ засѣданій было 81.—Изъ засѣданій коммиссіи 11 было въ присутствіи 9 членовъ, 15 въ присутствіи 8, 17—7, 12—6, 2—5, одно засѣданіе состояло изъ одного члена. Самое большое засѣданіе коммиссіи и притомъ единственное состояло всего изъ 14 членовъ. Цифры говорятъ всегда точно и ясно для всякаго. И потому, изъ приведенныхъ мною цифръ и безъ моихъ толкованій, всякій пойметъ, что коммиссія по сбору пожертвованій не особенно усердствовала къ возложенному на нея дѣлу. Потому неудивительно, что когда для обзорванія дѣятельности этой коммиссіи назначена была ревизія, найдены были многія прорухи—и не незначительныя. Въ раскрытіи этихъ прорухъ особенную дѣятельность показалъ одинъ изъ членовъ, назначенныхъ для ревизіи, П. К. Мартыановъ. Онъ употребилъ много времени и труда, чтобы пересмотрѣть всю запутанную отчетность бывшей коммиссіи по сбору пожертвованій и вывести наружу всѣ тѣ опущенія, недосмотры, небрежность, произволъ, которыя коммиссія допустила въ своихъ дѣйствіяхъ, и результаты своихъ изслѣдованій обнародовалъ въ извѣстной брошюрѣ: «*Свои замѣчанія, представленныя въ ревизіонную коммиссію с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества членомъ означенной коммиссіи Мартыановымъ*». Я не буду входить здѣсь въ разсмотрѣніе по существу ни замѣчаній, помѣщенныхъ въ этомъ сводѣ, которыя болѣею частью вошли и въ докладъ той ревизіонной коммиссіи, которой онъ былъ членомъ, ни замѣчаній на докладъ бывшей коммиссіи по сбору пожертвованій, ни новыхъ недавно напечатанныхъ объясненій г. Мартыанова; довольно сказать, что бывшая ревизіонная коммиссія, по разсмотрѣніи замѣчаній на ея докладъ коммиссіи по сбору пожертвованій, за исклю-

ченіемъ немногихъ пунктовъ, *въ остальныхъ замѣчаніяхъ не наша настолько уважительными, чтобы измѣнять высказанное въ докладѣ 29 ю мая, а потому докладъ признала остающимся въ своей силѣ.* Но ревизіонная коммиссія мотивы для такого своего рѣшенія положила доложить общему собранію словесно, а Мартыановъ принялъ на себя трудъ, чтобы облегчить трудъ общаго собранія, изложить ихъ писменно, что оговорилъ и въ самой подписи означеннаго доклада ревизіонной коммиссіи, и дѣйствительно, къ дню общаго собранія, представилъ *«записку съ соображеніями»* о томъ, почему выводы, сдѣланные въ докладѣ ревизіонной коммиссіи и его особомъ мнѣніи, должны остаться въ своей силѣ. Разсмотрѣніемъ этой-то записки Мартыанова, въ связи съ словесными объясненіями къ ней бывшихъ членовъ ревизіонной коммиссіи, а вмѣстѣ и возраженій бывшей коммиссіи по сбору пожертвованій, и должно было заняться общее собраніе, чтобы произнести окончательный приговоръ о томъ: насколько серьезны были обвиненія коммиссіи и т. д., для котораго оно было созвано. Вмѣсто этого собраніе... Но, позвольте, я буду рассказывать по порядку.

«Засѣданіе началось чтеніемъ письма, присланнаго въ самый день засѣданія на имя предсѣдателя членомъ ревизіонной коммиссіи г. Мартыановымъ, который изданіемъ своей брошюры такъ сильно повредилъ благотворной дѣятельности славянскаго общества. Въ письмѣ своемъ, онъ извѣщаетъ К. П. Вестужева-Рюмина, что при паденіи изъ экипажа повредилъ себѣ ногу, а потому и не можетъ присутствовать въ собраніи, но для охраненія интересовъ славянскаго дѣла просилъ предложить на предварительное разрѣшеніе собранія три вопроса, изъ которыхъ два оставлены безъ вниманія, а третій—можетъ ли предсѣдательствовать въ собраніи К. П. Вестужевъ-Рюминъ, какъ бывший членъ коммиссіи по сбору?—собраніе разрѣшило утвердительно и единогласно. Причемъ Д. П. Романовскій заявилъ, что вся ревизіонная коммиссія проситъ собраніе принять къ свѣденію, что она не имѣетъ ничего общаго съ своимъ сочленомъ г. Мартыановымъ. Затѣмъ, засѣданіе продолжалось подъ предсѣдательствомъ К. П. Вестужева-Рюмина».

Все это рассказываетъ хроникѣръ «Петерб. Вѣдъ», не простой хроникѣръ-литераторъ-литераторовъ, какъ я уже вамъ сказалъ, на засѣданіи общества не было—а хроникѣръ, по меньшей мѣрѣ, членъ славянскаго общества. Я говорю: по меньшей мѣрѣ, потому что сообщеніе его очень отзывается официальнымъ буветомъ, такъ что невольно приходится на мысль: ужь не было ли оно предварительно—чего добраго!—проредактировано совѣтомъ славянскаго общества? Но это, конечно, только моя догадка и я буду считать хроникѣра просто членомъ славянскаго общества.

Прежде, чѣмъ я буду разбирать: справедливо ли общество отказало г. Мартыанову въ его просьбѣ, я васъ широкъ, благосклонный читатель: возможно ли, мыслимо ли въ какомъ нибудь обществѣ подобное невѣжественное, оскорбительное отношеніе къ одному изъ лучшихъ своихъ членовъ, о какомъ повѣствуетъ приведенное нами извѣщеніе и какое заявляется самимъ официальнымъ репортеромъ этого извѣщенія. Я говорю: къ одному изъ лучшихъ своихъ членовъ, ибо Мартыановъ—членъ, отличен-

ный самимъ обществомъ; само общество почтило его избраніемъ въ члены ревизіонной комиссіи, слѣдовательно, признало его болѣе способнымъ и достойнымъ для этого дѣла, чѣмъ другихъ; потому это — членъ, потрудившійся для общества, какъ, можетъ быть, ни одинъ изъ членовъ комиссіи по сбору пожертвованій, потому что раздавать кружки, книжки и т. п. для сбора пожертвованій, принимать деньги, расходовать ихъ, это не то, что сидѣть, рыться въ безпорядочномъ бумажномъ хламѣ разныхъ сношеній, отношеній, записокъ, отчетовъ, распоряженій, чтобы привести все это хотя въ какой-нибудь порядокъ и дать хоть приблизительный отчетъ о дѣятельности комиссіи по сбору пожертвованій! А г. Мартяновъ составилъ такихъ отчетовъ два. И вдругъ этому почтенному человѣку кѣкто изъ членовъ же славянскаго общества бросаетъ въ своей хроникѣ такое обвиненіе, что «онъ изданіемъ своей брошюры повредилъ благотворной дѣятельности общества». А вы бы, г. членъ славянскаго общества, сначала сообразили, что вѣдь еслибы комиссія по сбору пожертвованій вела свое дѣло какъ слѣдуетъ, то г. Мартянову и писать было бы нечего въ своей брошюрѣ, а потомъ припомнили бы и то, что небрежность и распущенность комиссіи дошла до того, что градоначальникъ нашелся вынужденнымъ увѣдомить ея предсѣдателя, что по кружечному сбору много злоупотребленій. Наконецъ, если по вашему мнѣнію, для усиленія благотворительности, надобно скрывать дѣло, какъ бы онъ плохо ни велось, то каждый разумный человѣкъ вамъ скажетъ, что никогда для усиленія благотворительности въ пратки играть не слѣдуетъ, а какъ бы плохо ни велось дѣло, надобно давать ему полную гласность, потому что разъ вы не скрываете своихъ ошибокъ и промаховъ, всякій будетъ думать, что вы стараетесь, чтобы ихъ не было на будущее время, и будетъ вѣрить вамъ; а, кромѣ того, какъ ни скрывай, шила въ мѣшкѣ не утаишь; кончится все-таки тѣмъ, что дѣло огласится, но огласится уже чрезъ градоначальника, какъ и было съ комиссіей по сбору пожертвованій. Впрочемъ, вопросъ о томъ: что полезнѣе для благотворительности: гласность или обычное русское *шитс-крыто*—это подлежитъ разрѣшенію не славянскаго общества, а всего русскаго общества, съ котораго славянское собираетъ деньги. Еслибы членъ хроникѣръ немножко подумалъ о томъ, что неправильно брать съ русскаго общества деньги и не давать ему подробнаго отчета въ этомъ, а еще неправильнѣе распорядиться этими деньгами небрежно, зря и стараться замаскировать это, то онъ поблагодарилъ бы г. Мартянова за его брошюру, а не бросалъ въ него грязью. О заявленіи г. Романовскаго мы ничего не будемъ говорить, такъ какъ онъ печатно объяснилъ, что своимъ заявленіемъ, несмотря на его видимую суровую форму, онъ и не думалъ говорить ничего предосудительнаго или оскорбительнаго для г. Мартянова, что заявленіе это касается исключительно только преждевременнаго напечатанія г. Мартяновымъ статьи безъ уполномочія на то комиссіи, но что касается существеннаго содержанія самой статьи,

то, не будь она напечатана г. Мартыновымъ, она, съ нѣкоторыми замѣненіями и дополненіями, явилась бы въ печати за общимъ подписомъ всѣхъ членовъ ревизіонной комиссіи. Мы можемъ, конечно, только пожалѣть, что генералъ Романовскій не выяснилъ этого своего взгляда на дѣло въ общемъ собраніи и краткостію своего заявленія относительно г. Мартынова, подалъ поводъ члену-хроникѣру съ виднымъ злорадствомъ замѣтить, что вотъ, дескать, какой Мартыновъ, «отъ него отстрелились даже сами члены ревизіонной комиссіи.» Но что же, спрашивается, сдѣлалъ г. Мартыновъ такого постыднаго, чтобы позволительно было публично его позорить? Что онъ въ общественный или казенный сундукъ славилъ? Векселя поддѣлывалъ? Морилъ солдатъ голодомъ, употребляя ихъ пайки себѣ на пользу? Вѣдь ничего этого нѣтъ; г. Мартыновъ третируется только за то, что позволялъ себѣ смѣять свое сужденіе имѣть и то въ кой-чемъ только отдѣльное отъ сужденія всей ревизіонной комиссіи. Но вѣдь это точно также его право, какъ и право всякаго члена комиссіи. Каждому члену позволено подавать свое особое мнѣніе, если только онъ хочетъ. «Да, слышатся голоса нѣкоторыхъ членовъ:—но онъ публично клеветаетъ на общество, производитъ скандалъ?» Но господа, какой же это клеветникъ! Онъ стоитъ передъ вами съ цѣлымъ ворохомъ бумагъ и счетовъ и готовъ доказать документально каждое слово, которое сказалъ. Онъ о томъ только и проситъ, чтобы его выслушали. Выслушайте же его и повѣрьте. Если онъ окажется клеветникомъ, отдайте его въ руки прокурорскаго надзора. Но не творите самосуда. Не изображайте изъ себя, изъ своего славянскаго общества, въ нашѣмъ просвѣщенномъ XIX вѣкѣ, тѣхъ старинныхъ безобразныхъ славянскихъ сходокъ, гдѣ подозрѣваемыхъ начинали бить и иногда убивали, не выслушавъ ихъ, не давая сказать слова.

Теперь обращаюсь къ письму г. Мартынова, въ которомъ, по словамъ хроникѣра-члена, Мартыновъ предлагалъ на предварительное разрѣшеніе общества три вопроса. О двухъ изъ этихъ вопросовъ хроникѣръ умалчиваетъ, а третій вопросъ состоялъ въ томъ: можетъ ли г. Бестужевъ-Рюминъ предсѣдательствовать въ собраніи, какъ бывший членъ комиссіи по сбору пожертвованій? Не знаю, какіе были два вопроса, скрытые хроникѣромъ, но что этотъ вопросъ имѣлъ основаніе и былъ дѣльный—этого нельзя не признать. Всякій согласится, что г. Бестужевъ-Рюминъ, какъ бывший членъ комиссіи по сбору пожертвованій, не только не могъ быть предсѣдателемъ собранія, гдѣ должны были разсматриваться дѣйствія этой комиссіи, но и не могъ имѣть права голоса въ этомъ собраніи, точно также какъ и другіе члены бывшей комиссіи, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые состоятъ и членами совѣта славянскаго общества, не могли имѣть этого права. Равнымъ образомъ не должны были имѣть права голоса и всѣ члены ревизіонной комиссіи. Если славянское общество не приняло во вниманіе этого вполне резоннаго соображенія и на вопросъ, по-

ставленный г. Мартыновымъ, отвѣчало утвердительно и даже единогласно (!), то мы этого ничѣмъ другимъ объяснить не можемъ, какъ только тѣмъ, что, входя въ собраніе, оно, на этотъ разъ, отрѣшилось отъ всѣхъ тѣхъ разумныхъ началъ, которые служатъ обыкновенно руководствомъ для правильного разбора каждаго дѣла, признавая ихъ порожденіемъ и даже, вѣроятно, дьявольскимъ порожденіемъ, какъ выражается о протоіерей Янышевъ (зри ниже), гнилого и разлагавшаго Запада, и положило руководиться единственно тѣмъ славянскимъ духомъ вражды и нетерпимости, отъ которыхъ съ незапамятныхъ временъ гибнуть славянскія племена и славянскія общества, пожирая другъ друга и то, что въ нихъ есть лучшаго. Передъ нимъ, славянскимъ обществомъ, стояло теперь не дѣло, не лучшее его устройство, не успѣхъ его, а человѣкъ, потрудившійся, и много, и безворотно потрудившійся для того, чтобы указать ему, что дѣло ведется имъ не такъ, какъ должно. Этотъ человѣкъ, съ кипюю всевозможныхъ документовъ въ рукахъ, представляемыхъ имъ въ доказательство истинности своихъ словъ, былъ для него, этого общества, преступникомъ.

Здравый смыслъ только разъ мелькнулъ въ теченіи дѣлаго засѣданія общества—и то на одно только мгновеніе, но потомъ исчезъ безвозвратно и навсегда до самого конца засѣданія. Это было именно то мгновеніе, когда только приступили къ обсужденію вопроса по ревизіонному дѣлу и А. Д. Башмаковъ предложилъ избрать для обсужденія этого дѣла особую комиссію на правахъ общаго собранія, т. е. такую комиссію, въ составъ которой не вошли бы ни члены комиссіи по сбору пожертвованій, ни члены ревизіонной комиссіи. Онъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что «дѣло до такой степени сложно, что разобрать въ одно засѣданіе не будетъ никакой возможности». Предложеніе это было поддержано членами ревизіонной комиссіи, которые, съ своей стороны, прибавили, что «въ общемъ собраніи подобная работа будетъ затруднительна, потому что собранію пришлось бы имѣть дѣло съ дѣлою массою сырого матеріала». Но общество, воодушевленное помянутымъ славянскимъ духомъ, возстало противъ этого благоразумнаго предложенія. Какъ, дескать, возможно, чтобы тягостная для славянскаго общества смута танулась еще дольше; мы желаемъ непременно кончить ее какъ можно скорѣе.—Странные люди! Какъ будто ее можно кончить, не разобравши дѣла до корня!

Съ момента этого заявленія, начинается сплошная комедія, которая и идетъ до самаго конца засѣданія.

Прежде всего является на сцену нѣкто П. А. Бриллиантъ, чиновникъ контроля, одинъ изъ членовъ славянскаго общества. Этотъ чиновникъ, одаренный необыкновенною храбростію, ибо безъ необыкновенной храбрости, какъ увидитъ читатель далѣе, невозможно позволить себѣ такъ дерзать передъ обществомъ, какъ дерзалъ этотъ чиновникъ—говорить: новая комиссія не прибавитъ ничего новаго къ тому, что извѣстно уже членамъ... онъ, Бриллиантъ, изучилъ отчетность комиссіи по сбору пожертвованій во всѣхъ подробностяхъ...

все дѣло, по его, Бриллианта, мнѣнію, сводится къ тремъ вопросамъ, которые если общее собраніе разрѣшитъ, все дѣло будетъ кончено.

Всякое другое общее собраніе нашло бы такое заявленіе, по меньшей мѣрѣ, неприличнымъ и осадило бы храбраго чиновника на первыхъ же порахъ. «Какъ вы берете смѣлость, сказала бы оно ему:—говорить, что общество не узнаетъ ничего новаго. Мы еще не слышали доклада ревизіонной комиссіи на замѣчанія комиссіи по сбору пожертвованій; мы не читали записки г. Мартянова. Да, кромѣ того, мы нисколько не знакомы съ тѣмъ матеріаломъ, на основаніи котораго дѣлаютъ совершенно разнородные выводы объ комиссіи и Мартяновѣ. Если вы не нашли въ этомъ матеріалѣ ничего новаго, то какъ вы можете такъ самонадѣянно говорить, что и никто другой не найдетъ тутъ ничего. Могутъ въ числѣ членовъ общества найтись лица, которые видятъ гораздо далѣе васъ, и найдутъ многое тамъ, гдѣ вы ничего не нашли».

Но общество, угнетенное славянскимъ духомъ, ничего не возразило г. Бриллианту на приведенную нами рѣчь его, и храбрый чиновникъ высказалъ слѣдующіе три вопроса, разрѣшеніемъ которыхъ, по его мнѣнію, должно рѣшиться все дѣло: «1) признаетъ ли общее собраніе кассовый отчетъ бывшей комиссіи по сбору пожертвованій правильнымъ? 2) Признаетъ ли собраніе дѣйствія комиссіи по сбору пожертвованій правильными и вполне соответствующими ея назначенію? 3) Исполнила ли ревизіонная комиссія возложенныя на нея обязанности и оправдала ли довѣріе общества?»

Всякое другое общество, конечно, удивилось бы самому предложенію подобныхъ вопросовъ на разсмотрѣніе. Какъ оно, въ самомъ дѣлѣ, можетъ рѣшить вопросы, требующіе внимательнаго изученія всего дѣла, когда оно съ этимъ дѣломъ вовсе почти не знакомо? Но славянское общество, подъ угнетеніемъ своего славянскаго духа, встрѣтило ни съ чѣмъ несообразное предложеніе г. Бриллианта взрывомъ продолжительныхъ апплодисментовъ и криками: «баллотировать, баллотировать вопросы!»

Затѣмъ выступаетъ на сцену ректоръ здѣшней духовной академіи, протоіерей Лянышевъ. Онъ говоритъ, «что во всякомъ добромъ дѣлѣ дьяволъ съетъ плевелы и что эти плевелы, въ данномъ случаѣ—внутренній раздоръ, мѣшающій единодушно продолжать служеніе добруму дѣлу». Такъ какъ въ силу этого заявленія о протоіерей, вѣроятно, думаетъ, что на счетъ дьявола же должны быть отнесены запутанность и даже отсутствіе отчетности въ комиссіи по сбору пожертвованій, неправильное расходованіе ею собранныхъ суммъ, то онъ не счелъ нужнымъ подвергать изслѣдованію это дьявольское дѣло, ибо съ дьявола ничего не возьмешь, а предложилъ прямо, «растроганнымъ голосомъ», объявить немедленно благодарность обществу бывшему казначею П. И. Петрову, ожидающему уже два года оцѣнки своихъ трудовъ и, благодаря вознямъ дьявола, до сихъ поръ не получившему ея. Общество апплодировало этому совѣту и немедленно постановило принести глубокую благодарность г. Петрову.

*

Послѣ этого редакция вопросовъ г. Бриллианта была принята безъ поправки. Поставленъ былъ первый вопросъ и «кассовый отчетъ комиссіи по сбору пожертвованій былъ признанъ *сдѣланымъ правильною*», безъ всякихъ возраженій. Только члены ревизионной комиссіи (генераль Романовскій почувствовалъ себя душно вскорѣ послѣ рѣчи Бриллианта) заявили, что въ постановкѣ и баллотировкѣ вопросовъ они участія принимать не будутъ. — Поставленъ былъ второй вопросъ. О. ректоръ Янышевъ снова попросилъ слова и расквалилъ трудную дѣятельность комиссіи по сбору пожертвованій, полную энергію и любви къ славянству, подразумевая, конечно, что недостатки отчетности, неправильное расходование суммъ и прочіе недостатки были дѣломъ дьявольскимъ, а не ея дѣломъ. Въ заключеніе, онъ сказалъ, что если общество казначею Петрову принесло глубокую благодарность, то комиссія по сбору пожертвованій надобно поклониться до земли. «И съ этими словами первый низко поклонился, вознудившись рукою земли». Опять восторженныя рукоплесканія, и «комиссіи по сбору пожертвованій выражена единодушная, сердечная благодарность за ея дѣйствія, вполне правильныя, соответствовавшія желаніямъ и цѣлямъ общества».

«Третій вопросъ, повѣстуетъ хроникѣръ: - благодаря глубоко тронутому всѣхъ приглашенію ректора Янышева вспомнить, что цѣль общества сдѣлать мирно добро нуждающимся и потому всѣ недразумнія, всѣ уклоненія отъ этой цѣли слѣдуетъ «простить и забыть», оставленъ вовсе безъ разрѣшенія, и засѣданіе было закрыто. Такимъ образомъ, всѣ тѣ злоупотребленія, о которыхъ трубила малая наша пресса, оказались мыльными пузырями».

Какъ у почтеннаго члена-хроникѣра вышло: *такимъ образомъ* — даже и понять нельзя. Одними голословными постановленіями общества никакъ не уничтожишь бывшихъ злоупотребленій и не превратишь ихъ въ мыльные пузыри; какъ они были, такъ и останутся злоупотребленіями. Точно также и то соображеніе о. ректора академіи, что во всякомъ добромъ дѣлѣ дьяволъ съѣтъ плевелы, никакъ не можетъ освободить отъ ответственности лицъ, которыя плохо и небрежно вели въ этомъ дѣлѣ отчетность и неправильно расходовали ввѣренныя имъ деньги. Намъ, признаться сказать, кажется, что если кому-нибудь, то болѣе всего о. ректору академіи не подобало бы въ подобныя чисто человѣческой воли дѣла припутывать дьявола. Его руководству и попеченію ввѣрено юношество, приготовляющееся послѣдствіемъ занять мѣста профессоръ академіи и семинарій, мѣста пастырей церкви. Чтѣ, если и оно, принявъ къ сердцу назиданіе своего руководителя и попечителя, во всѣхъ неисправностяхъ кассъ, къ которымъ оно будетъ приставлено, будетъ видѣть только дѣйствіе дьявола, сѣющаго плевелы, и, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать подобныя дѣла установленнымъ въ законѣ порядкомъ, будетъ заботиться только о томъ, чтобы все «простить и забыть»!!! «Простить и забыть» — прекрасныя, христіаннѣйшія слова, но они тогда только у мѣста, когда дѣло идетъ о нашихъ личныхъ обидахъ и о нашихъ собственныхъ деньгахъ, но у казенныхъ и общественныхъ сундуковъ они вовсе не у мѣста.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ .

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиного Двора, № 46.

Бывшій А. И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги :

Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 28-й. М. Ц. 2 р. вѣс. 2 ф.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 23-й. Спб. Ц. 3 р. вѣс. 3 ф.

Курціуса, Э. Исторія Греціи. Т. II. (До начала персидскихъ войнъ). М. Ц. 5 р. вѣс. 3 ф.

Пироговъ, В. Исслѣдованіе по римской исторіи преимущественно въ области Третьей Декады Ливія. Спб. Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.

Герои и дѣятели Русско-Турецкой войны 1877—78, 2-е изд. съ 20-ю рисунками изъ русско-турецкой войны. Изданіе Турбы. Спб. Ц. 2 р. вѣс. 2 ф.

Субботина, А. Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торговопромышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. Спб. 2 р. вѣс. 2 ф.

Хруцова, И. О древне-русскихъ историческихъ повстаніяхъ и сказаніяхъ XI—XII столѣтій. Кіевъ. Ц. 1 р. 80 к. вѣс. 2 ф.

Блэкин, Д. С. Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, Христіанство и Утилитаризмъ. М. Ц. 2 р.

Лекціи о мнѣ, подъ редакцію И. К. Коссова и И. А. Стебута. Выпускъ I. М. Ц. 1 р.

Ходина, д-ра. Объ опредѣленіи симуляціи слѣпоты и ослабленія зрѣнія. Спб. Ц. 50 к. вѣс. 1 ф.

Гольдендахъ, Ю. Лекціи современныхъ нѣмецкихъ вѣдущихъ. Книжка 2-я. М. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

Др. О. Неетамп. Атласъ. Анатомія человѣка. Вып. 6-й съ 108 рисунками. М. Ц. 1 р. 75 к. вѣс. 1 ф.

Мещерскій, мн. В. «Ужасная женщина», современный велико-свѣтскій этюдъ, въ 2-хъ частяхъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Бугагобей, Ф. Предсмертные годы дѣятельности извѣстнаго сыщика Лекко. М. 2 р. вѣс. 2 ф.

Герштемеръ, Ф. Два каторжника, романъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Доде, А. Набавъ. Французскіе нравы. Перев. съ французскаго. М. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Лейнимъ, Н. Неунывающіе россияне. Разказы и картинки съ натуры. Спб. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Оболенскаго, А. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.

Павлицева, Н. И. Сочиненія: Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину. 3 ч. Спб. Ц. 6 р.

Еврейская Библиотена. Историко-литературный сборникъ. Т. VI. Спб. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Менкенинъ и Эрби. Путешествіе по славянскимъ областямъ въ Европейской Турціи. 2 т. 3 р.

Островскій. Сочиненія т. 9-й, содержащій въ себѣ «Трудовой хлѣбъ», комед. въ 4-хъ дѣйствіяхъ, «Богатая невѣста», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, «Волки и Овцы», комед. въ 5-ти дѣйствіяхъ, «Правда хорошо—а счастье лучше», комед. въ 4-хъ дѣйствіяхъ, «Послѣдняя жертва», ком. въ 5 дѣйствіяхъ. М. Ц. 2 р. вѣс. 2 ф.

Сонне. Геометрія теоретическая и практическая, съ примѣненіями къ линейному черченію, архитектурѣ, землемѣрнѣ, съемкѣ плановъ, гномоникѣ, перспективѣ, тѣнямъ и пр. и главнѣйшія начала начертательной геометріи. Вып. 6-й. Геометрическія тѣни и различныя приложенія. М. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

Петрушевскій, Ѡ. Современное состояніе маячнаго освѣщенія и физическіе вопросы сюда относящіеся, съ 2 листами чертежей. Спб. Ц. 65 к. вѣс. 1 ф.

Кунце, М. Учебникъ древонзмѣренія. Переводъ съ 2-го изданія, похъ редакціей Ѡ. Арнольда. М. Ц. 3 р. вѣс. 1 ф.

Орлова. Общедоступная физика или популярное изложеніе физическихъ явленій, встрѣчаемыхъ въ природѣ. Съ полтипажами въ текстѣ. Спб. Ц. 2 р. 25 к. вѣс. 2 ф.

Рале. Конструкторъ, руководство къ проектированію машинъ для инженеро-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Съ 714 полтипажами въ текстѣ. Вып. I. М. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Забѣлаша, I. В. орд. проф. М. М. Х. Аладеміи Фармакологіи. (Изданіе окончено послѣ смерти автора). Цѣна вмѣсто назначенной 4 р.—2 р. 50 к. Спб. вѣс. 4 ф.

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER.

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Polce, maison de l'Église Hollandaise,

à St.-Petersbourg.

- La guerre en Orient.** (1876—1878), par un officier supérieur. 1 vol. in-8°; pr. 8 r. 40 c.
- Emile Zola.** Théâtre. Thérèse Raquin. — Les héritiers Rabourdin. — Le bouton de Rose, avec préfaces. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- **L'attaque du moulin.** Nouvelle; pr. 1 r. (premier numéro de la «Réforme»).
- Dumas fils.** Entr'actes. **Deuxième série:** Histoire du supplice d'une femme.—Sur les idées de M-me Aubray.—La question d'Orient.
- Lettre sur les choses du jour.**—Discours funèbres, etc. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 cop.
- Gréville.** (Henry). L'amie. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Marier sa fille.** 1 vol; pr. 1 r. 60 c.
- La Niania,** 1 vol; pr. 1 r. 60 c.
- Cadol** (Edouard). Berthe Sigelin. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Ulbach** (Louis). Monsieur Paupe. 1 vol.; pr. 1 r. 60 c.
- Simple amour** (Suite et fin de «Monsieur Paupe»). 1 vol.; pr. 1 r. 60 c.
- Auderbrand** (Philibert). Les yeux noirs et les yeux bleus. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Haller** (Gustave). Le clou au couvent. 1 vol. in-12, avec un beau dessin de A. de Neuville; pr. 1 r. 60 c.
- Montépin** (Xavier). La marquise Castella. I. Le crime d'Auteuil. II La voleuse d'amour. 2 vol. in-12; pr. 2 r. 70 c.
- Verigay.** Ella Wilson. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Labassade** (Léon). Le droit du seigneur et la rosière de Salency. 1 joli volume d'amateur imprimé avec luxe; pr. 1 r. 80 c.
- Marryat** (Florence). Pétronille, traduit de l'anglais. 2 vol. in-12; pr. 2 r. 70 c.
- Fleming.** Le mystère de Cathéron, traduit de l'anglais 2 vol.; pr. 1 r. 20 c.
- Chavette.** La recherche d'un pourquoi. 1 vol.; pr. 1 r. 60 c.
- Gastyne.** L'écuyère masquée. 1 vol.; pr. 1 r. 35 c.

- Fervaeques et Bachaumont.** Durand et Co. Scènes de la vie parisienne. 2 vol.; pr. 2 r. 70 c.
- Barbier et Carré.** Polyucte, grand opéra en 5 actes d'après la tragédie de Cornille, musique de Charles Gounod; pr. 75 c.
- Augier (Emile).** Les Fourchambault, comédie en 5 actes. 1 vol. in-8°; pr. 2 r.
- Darwin (Charles).** Des différentes formes de fleurs dans les plantes de la même espèce. 1 vol. in-8° cartonné; pr. 3 r. 60 c.
- Gubernatis (Angelo).** La mythologie des plantes ou les légendes du règne végétal. Tome premier. 1 vol. in-6° cartonné; pr. 3 r. 15 c.
- Tylor.** La civilisation primitive. Tome second. 1 vol. in-8° cartonné; pr. 4 r. 50 c. (Traduit de l'anglais).
- Charvériat.** Histoire de la guerre de trente ans, 1618—1648. 2 vol. in-8°; pr. 8 r. 10 c.
- Double.** Brunchaut. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Souveroff (Princesse).** Quarante jours à New-York. Impressions de voyage. 1 vol. in-12; pr. 90 c.
- Thévet.** Les singularités de la France antarctique. Nouvelle édition avec commentaires par Paul Gaffarel. 1 vol. in-8°; pr. 6 r. 75 c.
- Lande (Louis).** Basques et Navarrais. Souvenirs d'un voyage dans le Nord de l'Espagne. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Benoît Champy et Milon.** Navigation de plaisance. Les yachts à voi, les de course pour la mer et la rivière. Recueils de plans de coque et de voilure. 1 broch. in-4° avec un atlas in-folio; pr. 4 r. 50 c.
- Du Moncel.** Le téléphone, le microphone et le phonographe. 1 vol. in-12 illustré; prix 1 r. 10 c., cartonné: 1 r. 60 c. (Bibliothèque des merveilles).
- Wurtz.** Dictionnaire de chimie pure et appliquée par une société de chimistes français, sous la direction de Wurtz, 26-e et dernier fascicule prix 1 r. 60 c.
- Legrand.** Grammaire grecque moderne, 1 vol. in-8°. prix 3 r. 60 c.
- Bihélas.** Les Grecs au moyen-Âge. Etude historique. Traduit du grec par Legrand, 1 vol. in-12; prix 1 r.
- Bis-Paquet.** Documents inédits sur les falences charentaises. 1 vol. in-12, avec planches en couleur; prix 4 r. 5 c.
- Fenvielle.** La prévision du temps. (Actualités scientifiques), in-12; prix 70 c.
- Amicis.** Constantinople. Traduit de l'italien. 1 vol. in-12; prix 1 r. 60 c.
- Jules Simon.** Le gouvernement de M. Thiers; 2 vol. in-8°; prix 6 r. 75 c.
- Lord Palmerston,** sa correspondance intime pour servir à l'histoire diplomatique de l'Europe de 1830 à 1865, traduit de l'anglais par M-me Craven. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 60 c.
- Spencer.** Principes de sociologie. Tome premier. 1 vol. in-8°; pr. 4 r. 50 c.

NB. Les personnes de l'intérieur sont priées d'ajouter aux prix ci-dessus indiqués les frais de port d'après le tarif de la poste.

1-го ноября вышла и разслана подписчикамъ XI-я, ноябрьская,
книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНІЕ: I. Инокентій, архіепископъ Херсонскій и Тавриче-
скій, біографическій очеркъ (продолженіе).—II. Журналъ путеше-
ствія В. Н. Зинovieва за границей 1785—1786 гг.—III. Записки
анадимиана-профессора Тьебо: встрѣчи и знакомства съ достопа-
мятными русскими, замѣтки и анекдоты объ историческихъ ли-
цахъ и событіяхъ.—IV. Очерки и воспоминанія Э. С...ва: IV. Трес-
кинъ и Сперанскій въ Иркутскѣ.—Гаврила Степановичъ Батен-
ковъ.—«Король» Кузнецовъ и проч. въ 1849 г.—V. Разказы,
замѣтки, матеріалы и мелочи.—VI. Некрологъ: А. В. Кочубей.—
VII. Судебное дѣйство, зрѣлище, составленное и исполненное
Горюшкинымъ и его учениками, 1809 г.—VIII. Библиографическій
листокъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТО-
РИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1879 году выходитъ на тѣхъ же
основаніяхъ, какъ и въ первыя девять лѣтъ изданія (1870—
1878 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, съ прило-
женіемъ гравированныхъ портретовъ достопамятныхъ дѣателей.

Годовое издаше изъ двѣнадцати книгъ составляетъ три тома. Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, и одновременно разсылается всѣмъ подписчикамъ.

Цѣна за 12 книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1879 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Невскомъ Проспектѣ, д. № 46 (противъ Гостиного Двора). Въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ М. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, на Кузнечномъ Мосту, д. Фирсанова.

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», у Еватерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изъ прежнихъ годовъ изд. «Русской Старины» можно получить: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 и 1878 г.—каждый годъ въ 12 книгахъ или трехъ томахъ—по восьми руб. съ перес.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. Семевскій.

ПОДПИСКА НА <БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ>

въ 1879 году.

Съ 1879 г. «Биржевыя Вѣдомости» вступаютъ, подъ нынѣшней редакціей, въ шестой годъ своего существованія.

Отнюдь не имѣя исключительно спеціальнаго характера, на который повидимому указываетъ заглавіе газеты, «Биржевыя Вѣдомости» по своей программѣ представляютъ собою органъ политическій, литературный, экономическій и общественный.

Сообразно этой программѣ, сверхъ передовыхъ статей по вопросамъ внѣшней политики и внутренней жизни, корреспонденцій изъ-за границы и русскихъ городовъ, библиографическихъ замѣтокъ, театральныхъ и музыкальныхъ рецензій, текущихъ извѣстій и т. п., составляющихъ обычный, ежедневный матеріалъ газеты, въ ней помѣщаются, въ видѣ еженедѣльныхъ періодическихъ обзорннй: а) разборъ текущихъ явленій русской литературы и журналистики (А. М. Снабичевскаго); б) воскресный фельетонъ подъ заглавіемъ «Наброски и Недомолвки», имѣющій содержаніемъ петербургскую общественную жизнь (И. О. Василевскаго); в) юмористическое обзорнне, въ стихахъ и прозѣ, явленій современной общественной жизни, подъ заглавіемъ «Чѣмъ Хата Богата» (Д. Д. Минаева); г) «Московскія Письма» (А. П. Лукина). Въ остальные дни, въ фельетонѣ газеты дается мѣсто другимъ статьямъ фельетоннаго характера и произведеніямъ беллетристическимъ, какъ оригинальнымъ, такъ и переводнымъ. Въ отдѣлѣ судебномъ помѣщаются подробные или сокращенные стенографическіе отчеты о выдающихся процессахъ. Заграничныхъ корреспондентовъ газета имѣетъ: въ Лондонѣ, Парижѣ, Миланѣ, Вѣнѣ и Прагѣ; внутреннихъ: въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Оренбургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Николаевѣ, Новочеркасскѣ, Таганрогѣ, Твери, Ригѣ, Архангельскѣ, Енисейскѣ и др. городахъ.

Труды собственно редакціонныя раздѣляетъ съ нижеподписавшимся Э. Н. Ватсоуъ, завыдающій также и иностраннымъ отдѣломъ. Постоянное участіе въ газетѣ принимаютъ слѣдующія лица: Я. Д. Боборыкинъ, И. О. Василевскій, П. И. Вейнбергъ, О. О. Вороновъ, Н. П. Галлеръ, В. О. Кеневичъ, Н. Н. Константиновъ, Н. С. Курочкинъ, С. И. Лаванскій, А. П. Лукинъ, Н. В. Максимовъ,

Д. Д. Минаевъ, В. О. Михлемицъ, А. Н. Пасцовъ, А. О. Премцовъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, Г. И. Успенскій, Н. Н. Фирсовъ.

Подписка на «Биржевыя Вѣдомости» принимается на слѣдующихъ основаніяхъ:

ПОДПИСКА ВЪ РОССИИ.

Мѣсяцы.	Городскіе.		Иногор.		Мѣсяцы.	Городскіе.		Иногор.					
	Безъ до- ставки.	Съ до- ставкою.	Съ пере- сылкою.	Съ пере- сылкою.		Безъ до- ставки.	Съ до- ставкою.	Съ пере- сылкою.	Съ пере- сылкою.				
	Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.				
12	14	50	16	—	17	—	6	8	50	9	50	10	—
11	13	75	15	—	16	—	5	7	—	8	—	9	—
10	13	—	14	—	15	—	4	5	50	6	40	7	20
9	12	—	12	70	14	—	3	4	10	4	70	5	70
8	10	75	11	50	13	—	2	2	80	3	20	3	80
7	9	50	10	50	12	—	1	1	50	1	70	2	—

Подписка открыта въ главной конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42; въ Москвѣ — у Н. А. Мейера, на Маросѣйкѣ, д. Леонова, Въ Одессѣ — въ отдѣленіи конторы «Биржевыхъ Вѣдомостей» Успенская улица, домъ № 33. Въ Харьковѣ — въ отдѣленіи конторы, у Николая Петровича Овсянникова, Богуновскій переулокъ, домъ Савченко.

Подписка принимается не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ — по третямъ за ручательствомъ г. казначея того учрежденія, въ которомъ находится подписавшійся; для неслужащихъ — по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 руб., въ концѣ марта 6 руб. и въ началѣ августа 4 руб.; а съ доставкою въ Петербургъ — уплачиваютъ въ конторѣ при самой подпискѣ 6 р. въ концѣ марта 5 и въ концѣ іюня 5 руб.

Редакторъ-издатель В. А. Полятина.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ

ВЫШШІЙ

«ДѢТСКІЙ САДЪ»

будеть выходить въ 1879 году въ направленіи, принятомъ съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила себѣ задачей, въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія, выяснять теорію, на которой должно быть основано воспитаніе. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси — замѣтки изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста помѣщаются рассказы, стихотворенія, біографіи, статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1878 г. были помѣщены статьи, въ педагогическомъ отдѣлѣ: Вліяніе семьи и школы, Забывчивость, Мнѣніе англійскаго педагога объ экзаменахъ, Теорія воспитанія Спенсера, Дюбуа Реймонъ о современномъ образованіи, Причина дѣтской смертности *Португальюва*, Женское руководѣлье *М. Артемьевой*, Дѣти игрушки, Чего должно требовать отъ учителя. Чтеніе, какъ воспитывать женщину, Воспитаніе, какъ наука, *Бэна*, Воля, Преподаваніе географіи, Глухота къ нотамъ. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Вильямъ Пеннъ, Сказка о рубашкѣ, Булатъ и мысль, стихотвореніе, Бури и кораблекрушенія, Зеленый островъ, Изъ пѣсенъ о городѣ, стихотвореніе А. Михайлова. Н. А. Некрасовъ *М. Артемьевой*, съ портретомъ Некрасова. Пища, одежда, способы перевоза. Для младшаго возраста. Встрѣча, съ рисункомъ. Пропажа Лены, Каучукъ и гуттаперча, Погоня при лунномъ свѣтѣ, Алена *М. Артемьевой*, съ рисункомъ, Пчелы, съ рисункомъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8 ю долю большаго формата. Ц. 4 р. 50 к. безъ доставки, съ

пересылкой и доставкой 5 р. Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи, Екатерингофскій проспектъ л. 51, кв. 4.

Издатель *А. Поповъ*. Редакторъ *Н. Блюзерская*.

Въ редакціи продаются книги для дѣтей и юношества.

Сборникъ журнала «Воспитаніе и обученіе» для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р. 35 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ извѣстномъ переплетѣ 1 р. 85 к.

Сборникъ журнала «Воспитаніе и Обученіе» для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 45 к., въ переплетѣ 1 р. 80 к.

Сборникъ журнала «Дѣтскій Садъ» для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 40 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Сборникъ «Дѣтскаго Сада» для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 35 к., въ переплетѣ 1 р. 70 к.

Зеленый островъ, разсказъ о томъ, что такое деньги, торговля и трудъ. М. Фаусетъ. Ц. 15 к.

Дѣтскіе разсказы М. Цебриковой. Ц. 85 к., въ переплетѣ 1 р. 35 к. съ рисунками.

Быль и вымыселъ, сборникъ ея же. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Записки гувернантки, повѣсть для юношества, ея же. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Патриція Кэмбаль, Линнъ-Линтонъ, романъ для молодыхъ дѣвушекъ. Ц. 1 р. 50 к.

Американка XVIII вѣка. Ц. 1 р. 75 к.

Подписчикамъ журнала 20% уступки. За пересылку прилагается 25 к. за первый фунтъ съ упаковкой, за слѣдующіе по разстояніямъ по почтовой таксѣ. За журналъ 76 и 77 года за 3 фунта.

1879 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 г.

52 КК

ВСЕМІРНАЯ

52 КК

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

ВОЛШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ ВЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годовая цѣна: 13 р. безъ доставки, 14 р. 50 к. съ доставкой
и 16 р. съ пересылкою.

48 КК

МОДНЫЙ СВѢТЪ

48 КК

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДАМЪ И ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Съ картицами, выкройками и разными другими приложеніями.

Годовая цѣна I изд. 4 р.—5 р. 50 к. съ дост. и 6 р. съ перес.
> > II изд. 5 р.—6 р. 50 к. > > и 7 р. > >
> > III изд. 7 р.—8 р. 50 к. > > и 9 р. > >

52 КК

ОГОНЕКЪ

52 КК

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

СЪ 24 ВЕЗПЛАТНЫМИ ПРЕМІЯМИ ВЪ ГОДЪ.

Годовая цѣна: 4 р. безъ дост. и 5 р. съ доставк. и пересылкою.

Главная контора редакцій этихъ журналовъ находится въ
С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

- минація 21-го октября.—Версаль и его неудачный праздникъ 22-го.—III. Музыкальныя новости: «Поліевтъ», опера Гуно на сценѣ Большой Оперы и «Веронскіе любовники», опера маркиза д'Иври на сценѣ Итальянскаго Театра. Людовина 36
- XVI. — МЕЛКІЙ ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТЪ ДЛЯ ПОКУПКИ КРЕСТЬЯНАМИ ЗЕМЕЛЬ. 63
- XVII. — НОВЫЯ КНИГИ. Еврейская Библіотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ VI.—Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ (1846—1876). Г. М. Максимова.— Стихотворенія Л. Е. Оболенскаго.—Желѣзно дорожное хозяйство. Т. II. Условія, опредѣляющія движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. А. Чупрова.—Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, Христіанство и Утилитаризмъ. Соч. Джона Стюарта Милля.—Курсъ общій физиологій. Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Клода Бернара.—Неунывающіе россияне. Разказы и картинки съ натуры. Н. А. Лейкина.—Ужасная женщина. Современный великосвѣтскій этюдъ. Кн. В. Мещерскаго. 203
- XVIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Процессъ Гулакъ Артемовской.—Процессъ славянскаго суда въ засѣданіи славянскаго благотворительнаго общества 29-го октября
- XVIII — УКАЗАТЕЛЬ КЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ» ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1868—1877. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. XLIX — LXXX).

Объявленія: Объ изданіи въ 1879 году «Отечественныхъ Записокъ», «Всемирной Иллюстраціи», «Модный Свѣтъ», «Огонекъ», «Виржевыхъ Вѣдомостей» и «Воспитаніе и Обученіе». О выходѣ новой книги Н. К. Михайловскаго и новгородской книжки «Русскія Старинны». Отъ книжныхъ магазиновъ: Н. П. Мамонтова и Е. Мелле.

При № 11 разсылаются иногороднымъ подписчикамъ объявленія объ изданіи въ 1879 году журналовъ: «Дѣло», «Живописное Обозрѣніе», «Русская Рѣчь». О дѣтскихъ книгахъ М. О. Вольфа. О «Сокращенномъ Молитвословѣ». Для всѣхъ подписчиковъ объявленіе о подписаніи на 1879 г. «Нива» и Каталогъ книгъ отъ книжнаго магазина Дейбнера, бывшаго Гесселя.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ будутъ выходитьъ въ 1879 году
ежемесячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и
блѣт.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкою: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германию, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данию,
Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію,
Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редаціи «Отечественныхъ
Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Буль-
варѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требова-
ніями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ За-
писокъ».

СОЧИНЕНІЯ

М. Е. САЛТЫКОВА

(ЩЕДРИНА):

Благонамѣренныя рѣчи. 2 т. Ц. 4 руб.

Въ средѣ умѣренности. 1 т. Ц. 2 руб.

Сказки и рассказы. 1 т. Ц. 60 коп.

Складъ изданій у автора, С.-Петербургъ, Литейная, д. № 62.
Иногородные, обращающіеся прямо къ автору, за пересылку
не платятъ.

Выписка „Стихотворенія А. А. Некрасова“ черезъ Главную
Контору „Отечественныхъ Записокъ“ пренращена, за распро-
дажей имѣвшихъ въ конторѣ экземпляровъ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

1878

№ 12 ДЕКАБРЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. А. КРАВВСКАГО (Басельна, № 2).

- I. — МОЛОДЫЕ ПОВѢГИ ОТЪ СТАРЫХЪ КОРНЕЙ.
Школа семейныхъ добродѣтелей. Н. Рускина. 257
- II. — ПРОЛОГЪ.—ЛОНДОНЪ.—ПРОГРЕССЪ. (Изъ Бар-
бье). (Стихотворенія). И. П. Иванова. 293
- III. — КАРТИНКИ ДОМАШНЯГО ВОСПИТАНІЯ. А—ва. 297
- IV. — ОСЕНЬЮ ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНѢ. (Сти-
хотвореніе). А. Жемчужникова. 318
- V. — ОБЩИННО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЛА-
ДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЭЛЬЗАСА ВЪ
СРЕДНІЕ ВѢКА. Н. Зибера. 319
- VI — ЗЕМЛЯ. (Стихотвореніе). Алексѣя Жемчужникова. 368
- VII. — ПЕТРУШКА РУДОМЕТОВЪ. (Очерки горнозавод-
ской жизни). А. Быдариной. 371
- VIII. — РАЗРЯДНЫЙ НАЛОГЪ. 413
- IX. — УСТОИ. Исторія одного поселка. Н. Златовратскаго. 455
- X. — ВЛАДѢННЫЯ ЗАПИСИ ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕР-
НИИ И ОБЩИННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕ-
НІЕ ИХЪ ДЛЯ НАШЕГО СѢВЕРА ВООБЩЕ. 485
- XI. — ФРАНЦУЗСКІЕ ЭСКИЗЫ АНГЛІЙСКИМЪ МѢ-
ЛОМЪ. Разказы Гренвила Муррея, автора «Депута-
та города Парижа». Приложение въ концѣ книги.
(Стр. 53—104).

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

- XII. — СТРАТОТЕРПЦЫ МЕЛКАГО КРЕДИТА. (По по-
воду сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товари-
ществъ). Г. У. 133
- XIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕБЮТЫ НЕКРАСОВА. (Би-
блиографическіе матерьялы). В. Горленко 149
- XIV. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Последній
день парижской всемірной выставки.—Ея значеніе
и результаты.—Параллель между выставками 1867
и 1878 годовъ.—Національная лоттерея, ея громад-
ный успѣхъ и методъ произведенія тиража.—За-
крытіе выставки рабочихъ.—Рѣчь Луи Блана.—Бан-
кетъ иностранныхъ секцій. — Прощальный обѣдъ
представителей международной прессы въ павиль-
онѣ Марсова Поля.—II. Открытіе парламентскихъ
сессій.—Продолженіе провѣрки полномочій.—Про-
вѣрка выбора Поля де-Кассаньяка и оскорбленіе
имъ маршала.—Письмо къ префекту.—Дурная услуга
правымъ де Мёна.—Анонимный манифестъ.—Новые
пожизненные. — Кандидатуры Грелэ и Монтали-
вэ.—Отсутствіе памяти у графа д'Оссонвиля.—При-

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ I. Цѣна 2 рубля.

Складъ у автора: Бассейная, № 33. Иногородные, обращающіеся въ главную контору „Отечественныхъ Записокъ“, за
„ пересылу не платятъ. . .

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУАРНАЛА

„ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

въ 1879 году.

„Отечественныя записки“ въ 1879 году будутъ издаваться подъ редакціей М. Е. Салтыкова (Щедрина) при постоянномъ участіи Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловскаго. Сотрудники журнала, а равнымъ образомъ, срокъ выхода книжекъ, объемъ и форматъ журнала останутся прежніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, безъ доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою (въ С.-Петербургѣ)	16 » — »
Съ пересылкою	17 » — »

Заграницу:

Въ Германію и Австрію	} 19 руб.
» Бельгію и Нидерланды, Придунайскія Княжества	
» Данію	
» Англію, Швецію, Испанію, Португалію	
» Турцію и Грецію	
» Швейцарію	
» Италію	
» Америку	
» Францію	

Подписка на «Отечественныя Записки» 1879 г. принимается попрежнему только въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, за которыя редакция вполне отвѣтственна; экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» въ 1879 году будутъ попрежнему сдаваться въ газетную экспедицію въ бандероляхъ, съ адресомъ получателя и съ обозначеніемъ числа, когда № сданъ на почту. Подписка въ почтовыхъ конторахъ не принимается.

Вслѣдствіе заявленія Почтоваго Департамента, редакция доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что жалобы на неполученіе №№ журнала должны быть доставляемы своевременно, то есть не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ: Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Васейной, домъ № 2.

Въ Москвѣ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** съ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ, присылая свои адреса, четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, такъ какъ Газетная Экспедиція Спб. Почтамта отвѣчаетъ за аккуратную доставку только чрезъ свои отдѣленія и конторы; относительно же экземпляровъ, адресуемыхъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ не имѣется почтовыхъ отдѣленій, никакихъ справокъ не дѣлаетъ.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ ОТЪ СТАРЫХЪ КОРНЕЙ.

Школа семейныхъ добродѣтелей.

I.

Чертогъ сіялъ. Ежели пѣвцы не гремѣли хоромъ при звукѣ лиръ, то потому только, что лиры давно вышли изъ употребленія. Тѣмъ не мевѣ:

«Она всёхъ сводила взоромъ
И пышный оживляла пиръ».

Кстати же, ее звали Клеопатрой Ивановной.

Чертогъ представлялся въ видѣ большой, высокой, вязочно отдѣланной гостиной предсѣдательши заглоховской земской губернской управы. Потолки были лѣпные, хотя и аляповатые. Подожники были мраморные, хотя треснувшіе и пожелтѣвшіе; обои были безукоризненно темно-бархатистые съ тоненькими золотыми вѣточками. Въ паркетѣ не хватало нѣсколькихъ треугольничковъ, но зато на него было наведено столько скользкости, что не будь чертогъ сплошь заставленъ и засаженъ отборными цвѣтами заглоховскаго общества, страшно было бы ходить. Но цвѣты въ шлейфахъ, фракахъ и мундирахъ густо наполняли чертогъ, и взаимно охраняли другъ друга отъ опасности, усугубляемой вязной мебелью на тоненькихъ комариныхъ ножкахъ, цѣплявшихся за тяжелые шлейфы. «Она», какъ мы сказали, была Клеопатра Ивановна. Она сидѣла въ уголку на козетѣ и состояла изъ темнофіолетоваго бархатнаго платья и огромнаго количества пышно взбитыхъ золотистыхъ волосъ. Кромѣ того, она состояла изъ продолговатаго лица, съ продолговатымъ, отмѣченныи кокетливымъ горбикомъ посрединѣ носикомъ; съ губками граціозными, словно онѣ постоянно произносили букву «пэ», съ небольшими голубыми, немного недоумѣвающими глазами. Не то эти глаза чего-то опасались, не то что-то сторожили, не то недавно пла-

кали о чемъ-то. На этомъ лицѣ лежалъ густой остатокъ пудры; красота не исчезла, а какъ будто подсохла и зажелтѣла немного.

Потомъ, она состояла, разумѣется, изъ рукъ, тоже продолговатыхъ и высохшихъ, тоже покрытыхъ слоємъ пудры. Вопреки обычаю заглоховскихъ дамъ, ея руки были безъ перчатокъ; зато рубины, сапфиры, брилліанты и опалы такъ и сверкали на безымянныхъ пальцахъ и мизинцахъ обѣихъ рукъ; царапали руки тѣхъ, кто съ ней здоровался—она жала руку крѣпко, дружески—и издавали сухой царапающій звукъ, когда она граціозно клала ихъ одна на другую.

Все это вмѣстѣ взатое—много бархатнаго платья, много золотистыхъ волосъ, маленькое личико, и продолговатая рука—составляло гибкое, стройное, граціозное цѣлое и издавало много членораздѣльныхъ звуковъ на разныхъ нарѣчіяхъ. Звуки были вообще пріятныя и разнообразныя, напоминавшіе то игривость дѣтскихъ лѣтъ, то пѣвучесть юности, то томную грусть и сожалѣніе о прошедшемъ. Рѣчи были занимательныя, надо полагать, ибо мужчины предпочитали ея бесѣду бесѣдѣ съ остальными дамами, съ буфетомъ и даже картамъ. Около ея шлейфа stalkивались фраки и мундирны. Несомнѣнно, что она

Пышная оживляла пиръ.

— Le coeur saignant, я отѣхалъ вчера отъ вашего крыльца, не заставъ васъ дома, докладывалъ Клеопатрѣ Ивановѣ извѣстный управляющій государственными имуществами, упрямо до чина дѣйствительнаго статскаго сохранявшій почти юношескій видъ, словно на зло своей быстро старѣющей и ревнивой супругѣ.

Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ заглоховскій Антоній, и Клеопатра, какъ-то ухитрившись убраться съ половины козетки своей бархатъ и оцарапавъ Антонію руку брилліантами, по пріятельски посадила его рядомъ съ собой.

— Ce qui est retardé n'est pas perdu. Causerons.

И они стали causer.

Позиція, занятая юнообразнымъ статскимъ генераломъ на козеткѣ, была крѣпкая, но все-таки оказалась непрочною. Непріятель наступалъ со всѣхъ сторонъ, и былъ слишкомъ многочисленъ, чтобы можно было удержать за собой драгоценную мѣстность. Гусарскій ротмистръ выбилъ изъ-за бархатнаго окоца счастливица, и занялъ его мѣсто. Управляющій государственными имуществами отретировался съ легкимъ вздохомъ и, опрокинувъ по дорогѣ вверхъ золотыми ножками не имѣющій вѣсу стулъ, наступилъ на два шлейфа, произнесъ полдюжины извиненій и дюжину комплиментовъ, и пробрался къ двери хозяйскаго кабинета.

нета. Почувствовавъ взглядъ супруги, заботливо слѣдившей за нимъ во время его путешествія между шлейфами, онъ еще разъ вздохнулъ и нырнулъ въ кабинетъ, дабы не сокрушать свою дрожайшую половину, трепетавшую, какъ бы въ гостиной не захватила и не увлекла его какая-нибудь шолоковая волна.

Въ кабинетѣ мужчины играли или собирались играть, и черезъ пять минутъ онъ сдавалъ карты гемороидальному губернатору, сухонькому насмѣшливому, дрыгающему безпрестанно подъ столомъ ногами прокурору и самому хозяину, рыхлому, большому, округлому, съ лица простоватому, съ макушкой лысоватому Петру Степановичу Калинину, недавно избранному въ предсѣдателя губернской земской управы.

У каждаго изъ высокопоставленныхъ партнеровъ было по карпинѣ на пальцѣ, и, можетъ статься, на сердцѣ, оставленной соприкосновеніемъ съ Клеопатрой Ивановной, и покуда карты не поглотили ихъ вниманія, рѣчь шла о ней же. Каждый по своему похвалялъ ее. Веселый прокуроръ замѣтилъ, что она превеселая барыня, раскохотался и дрыгнулъ ногами подъ столомъ. Управляющій былъ эстетикъ: восхищался превосходно развитымъ бюстомъ; при этомъ его глаза покрывались маслянистой влагой. Губернаторъ воздалъ должное ея умѣнью одѣваться. Калининъ былъ человекъ положительный. Онъ рѣшительно заявилъ, что это все не то, а что главное дѣло она ангель жена и мать; идеаль добродѣтели.

— Вѣдь она, помилуйте, говоритъ хозяйнѣ:—изъ аристократической семьи, привыкла къ Петербургу, къ удовольствіямъ, къ роскоши, къ богатству! и теперь, посмотрите, какъ все это переносить..

— Да что же она такое переносить? спросилъ прокуроръ; онъ въ Заглохловѣ былъ вновь еще.

— Помилуйте! какъ что? такъ изумился хозяйнѣ, что даже не съ той масти вышелъ:—виновать!.. какъ что? Да вѣдь ея мужъ служилъ въ гвардіи, въ кавалеріи, у него и у нея было огромное состояніе. Все это прожили; сначала ея состояніе, потомъ его, а тутъ какъ разъ дѣти пошли..

Губернаторъ замѣтилъ, что проживать состояніе, когда дѣти рождаются, весьма предосудительно. Управляющій вступился, объяснивъ:

— Такія прелестныя женщины либо наживаютъ, либо проживаютъ состоянія. Прозабать онѣ не могутъ; это неестественно.

— Что дѣлать, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, продолжалъ хозяйнѣ, недавно продавшій выкупныя свидѣтельства по низкому курсу:—ну, прожили, что дѣлать! Зато какъ она это переносить!

*

вы поглядите! Мужъ бы теперь могъ гвардейскимъ полкомъ командовать, а онъ для армейскихъ полковъ овесъ закупаетъ; изъ подъ майорскихъ эполетъ не выберется на этомъ мѣстѣ; однимъ жалованьемъ жить. И какъ прилично живутъ.

— Да, туалеты блистательные, и экшнажи прелесть, замѣтилъ прокуроръ:—и дома обстановка хоть во дворцѣ.

— Все это—соболѣзнованіе изобразилось на лицѣ Калинина— все это остатки прежняго величія; все это крохи, которыя она, понявъ свое положеніе, спасла, соскребла, сохранила. Обставила себя и мужа прилично. Хоть обстановка позволяетъ иногда забывать о потерянномъ положеніи и потерянномъ состояніи. А главное дѣло, какъ она хозяйство, семью ведетъ; какъ дѣтки одѣты, какъ они воспитаны; и гувернантка англичанка... Какъ она о мужѣ заботится!

— Да, заботится, о немъ надо заботиться. Кабы не она, онъ, проживъ состояніе, погабъ бы гдѣ-нибудь въ долговомъ, въ Петербургѣ. Ему бы не выдумать даже на мѣсто опредѣлиться. Право. Онъ честенъ, это бесспорно, честенъ, до... до...

— До глупости, ха! ха! ха! подсказалъ прокуроръ.

— Пожалуй... стоитъ взглянуть на него.

Супругъ Клеопатры Ивановны тоже въ карты игралъ, въ противоположномъ углу кабинета, и на него дѣйствительно стоило взглянуть. Это былъ образецъ красиваго животнаго человѣка. Ему было лѣтъ 35. Рослый, съ прямоугольными плечами, высокой грудью, густыми, какъ папаха, курчавыми черными волосами, съ смуглой, но нѣжной кожей, вообще очень красивый лицомъ, съ пухлыми, яркими, добрыми губами, небольшими усами и темными глазами теленка, потерявшаго надежду когда-либо быть взрослымъ. На немъ былъ общій армейскій майорскій мундиръ съ коваными эполетами. Онъ держался прямо, шевелился мало, игралъ въ карты, какъ автоматъ, улыбался добродушно и непопадъ. Для женщины нѣтъ ничего легче, какъ влюбиться въ такого человѣка, и нѣтъ ничего легче, какъ управлять имъ.

Мужчины питали къ нему чувство, схожее съ любовью къ добронравной ньюфаундлендской собакѣ.

II.

Петръ Степановичъ Калининъ былъ человѣкъ добродѣтельный. Въ этомъ никто не сомнѣвался. У него было много добродѣтелей семейныхъ, общественныхъ, гражданскихъ и патріотическихъ. Между прочими его добродѣтелями занимала особенно

видное мѣсто любовь, можно сказать страсть воспѣвать добродѣтели другихъ, безъ различія пола, возраста и званія. Онъ никогда не упоминалъ о недостаткахъ ближняго; но у всякаго умѣлъ находить несомнѣнныя достоинства, которыя и любилъ избирать темами своихъ бесѣдъ. Краснорѣчье его было убѣдительно и картинно. Если, напримѣръ, Иванъ Ивановичъ былъ глупъ, но честенъ, Калининъ никогда не намекалъ на глупость Ивана Ивановича, но честность иллюстрировалъ событиями изъ дѣяній Ивана Ивановича. Если Федоръ Федоровичъ былъ пошлъ, но остроуменъ, Калининъ касался только остроумія Федора Федоровича и находчивости. Кучеръ Карпъ пилъ запоемъ, но въ трезвомъ видѣ правилъ четверкой, какъ Аполлонъ; Калининъ приравнивалъ Карпа къ олимпійскимъ героямъ, избѣгая намековъ на олимпійца Бахуса. «Сорокинъ съ братьями» продавалъ отличныя копченья и скверныя вина; Калининъ никогда не упускалъ случая за закуской похвалить Сорокинскій балыкъ, или семгу, но вина его игнорировалъ. Даръ слова былъ великой силой Петра Степановича: онъ могъ бы легко убѣдить всякаго, что черное бѣло и обратно. Можете, послѣ этого, себѣ представить, какимъ яркимъ, ослѣпительнымъ блескомъ озярлось дѣйствительно бѣлое, когда къ нему прикасалось краснорѣчье Калинина. Эта похвальная добродѣтель заглохловского оратора содѣйствовала утверженію его ораторской репутаціи, а пуще всего укореняла во мнѣніи его друзей—а кто не былъ его другомъ?—увѣренность въ томъ, что самъ Петръ Степановичъ добродѣтельнѣйшій изъ добродѣтельныхъ смертныхъ, ибо всѣхъ, дескать, на свой аршинъ мѣряетъ. Нѣкоторые находили, что онъ слишкомъ увлекается иногда людскими добродѣтелями, слишкомъ до вѣрчивъ. Но такъ какъ онъ увлекался и тѣми, кто такіа еретическія сужденія имѣлъ, то и они, поразмысливъ, охотно прощали ему его увлеченія.

Петръ Степановичъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, рыхливалъ Клеопатру Ивановну. Но и безъ посредства Калининскаго краснорѣчья, подобно телескопу приближавшаго къ глазу обыкновенныхъ смертныхъ чуть замѣтныя свѣтила, достоинства Клеопатры Ивановны были очевидны, ярко на виду у всѣхъ сіяли, какъ звѣзды первой величины.

Клеопатра Ивановна была идеаломъ свѣтской женщины. Были, конечно, взыскательные резонеры, называвшіе ее въ ранней молодости пустой, а нынче неразвитой. Но такихъ и идей было мало. Клеопатра Ивановна была образцомъ пріятной свѣтской женщины, и, что еще важнѣе, пріятной не во всѣхъ отношеніяхъ. Не было такого мужчины на свѣтѣ, начиная съ петербург-

ских сановниковъ и кончая сосланнымъ въ Заглохово студентомъ изъ евреевъ, познакомившимся съ нею черезъ ея дѣтей въ городскомъ саду, который не могъ бы похвалиться отменно любовнымъ съ нею обращеніемъ Клеопатры Ивановны. И вмѣстѣ не было такого мужчины (начиная съ красавца барона, полнаго генерала, командовавшаго въ Петербургѣ полкомъ кавалерійскихъ солдатъ и, по крайней мѣрѣ, эскадрономъ дамскихъ сердецъ, и кончая толстогузымъ, лысымъ купчиной Краснопузовымъ, имѣвшимъ дѣла по службѣ съ ея мужемъ и облизывавшимся при ея видѣ, какъ песъ передъ недоступной для него тарелкой съ костями), который могъ бы похвалиться, что она оказала ему предпочтеніе, или хотя малѣйшую склонность быть въ его пользу пріятной во всѣхъ отношеніяхъ.

Она была превосходной женой, и ея нью-фундлэндскій песъ могъ быть спокоенъ. И хорошо, что онъ могъ быть спокоенъ. Онъ бы зубами разорвалъ на куски того, кто осмѣлился бы чѣмъ бы то ни было доступнымъ его разумнію оскорбить репутацію его жены.

Она была превосходною матерью, и несравненной хозяйкой. Жалованья было меньше 1000 руб., состояніе—въ трубѣ, и все-таки семья и домъ, какъ игрушечка.

Всѣ эти достоинства Клеопатры Ивановны кидались въ глаза всякому прохожему, имѣвшему понятіе о положеніи ея мужа и повстрѣчавшему на улицѣ вѣскую коляску, уносимую орловскими рысаками, и наполненную нарядными, веселыми, здоровенькими дѣтьми и счастливейшими родителями. Важно то, что всѣ эти достоинства были не казовыя; что обратная домашняя сторона медали была еще привлекательнѣе. Дома, въ семьѣ, въ ситцевой блузѣ, въ дѣтской, Клеопатра Ивановна была еще добродѣтельнѣе, чѣмъ въ янтарномъ бархатѣ, въ сіяющемъ чертогѣ, среди кавалеровъ аих *sœurs saignants*.

Она рѣдко давала вечера и обѣды. Но, появляясь на всѣхъ заглоховскихъ пиршествахъ, была обязана изрѣдка гостепріимствомъ отвѣчать не гостепріимство. И когда она приглашала къ себѣ гостей, они во всѣхъ отношеніяхъ имѣли право оставаться довольными; не только хозяйкой—это само собой разумѣлось—но и угощенемъ. Размѣры угощенья не были ни широки, ни роскошны, но все было проникнуто такой столично-великосѣтской комильфотностію и вмѣстѣ простотой, что богатѣйшіе заглоховскіе магнаты старались подражать, но безуспѣшно. Къ тому же, всякому гостю, заглянувшему безъ приглашенія, она была рада, и предлагала, что Богъ послалъ; и всѣмъ было съ нею и у ней весело, по себѣ.

Огнины жили въ дивизионномъ штабѣ, въ пяти верстахъ отъ города, въ небольшомъ, плохомъ сѣренькомъ деревянномъ казенномъ домикѣ. Внутри этого домика, отъ гостиной съ гамбсовскою мебелью до спальни деньщика, полутемной вонуры за кухней, все содержалось въ порядкѣ и чистотѣ. Прислуга роптала на эту чистоту, но не доводила своего ропота до брани и воркотни. Барыня была добра до прислуги и кормила ее сытно. Дѣти и мужъ тоже ѣли вкусно и сытно. Когда дѣти выходили или выѣзжали, ихъ одѣвали роскошно. Дома все на нихъ было изящно и опрятно. Платица дѣвочкамъ, и даже костюмъ младшему семилѣтнему мальчугану Сенѣ, она шила сама также, какъ и большинство своихъ собственныхъ платьевъ, при содѣйствіи гувернантки англичанки. Правда, она выписывала множество модныхъ журналовъ. Хорошенькія дѣтки не только были всегда изящно одѣты, они были всегда веселенькія, пухленькія, розовенькія, крѣпилькія и счастливенькія. Мало того, они были ученые дѣти. Они знали гораздо больше самой матери и отца. Родителю очень это нравилось. Относительно воспитанія дѣтей и выбора для нихъ книгъ, Клеопатра Ивановна руководилась совѣтами барыни, которой чуждался великосвѣтскій кружокъ Заглоклова, ибо она ничего въ себѣ великосвѣтскаго не заключала. Это была жена инспектора гимназіи, очень бѣднаго человѣка, подозрѣваемаго въ вольномысліи. Но Клеопатра Ивановна подозрѣвала его только въ близорукости отъ усидчиваго чтенія, и, вмѣстѣ съ всевосхваляющимъ Калининнымъ, очищала репутацію заглоловскаго педагога отъ роковыхъ подозрѣній.

Наконецъ, самъ супругъ Клеопатры Ивановны, майоръ Семенъ Семеновичъ Огнинъ былъ дѣйствительно счастливейшимъ изъ супруговъ. Правда, онъ былъ весьма нетребователенъ; но будь онъ въ тысячу разъ требовательнѣе, онъ ничего лучшаго не могъ бы желать. Онъ имѣлъ причины чувствовать себя спокойнымъ и счастливымъ. Онъ благодушествовалъ, жирѣлъ и добрѣлъ.

Между тѣмъ, ихъ обстоятельства были дѣйствительно очень тяжелы, сравнительно съ прошлымъ. Еще недавно они перенесли одинъ за другимъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ, и хотя сами были виноваты, но вѣдь пуля, пущенная въ лобъ собственной рукой, бьетъ такъ же больно, какъ и чужая... Но Семенъ Семеновичъ только добрѣлъ и жирѣлъ подъ ударами судьбы. И дѣти добрѣли и мужъ добрѣлъ, и прислуга добрѣла. Всѣмъ имъ отлично спалось, ѣлось и пилось.

Одна Клеопатра Ивановна худѣла, желтѣла и сохла. Пудра начинала отказываться скрывать желтизну лица при дневномъ свѣтѣ, бархатныя платья—худобу тѣла. Одна она плохо ѣла, пло-

хо спала; но зато она всегда была добродушна, и весела; так же добродушна, какъ мужъ, такъ же весела, какъ дѣти; только часто въ глазахъ у нея стояло что-то безпокойное, страдальческое. Правда, она часто страдала мигренью, но тогда запералась въ спальнѣ, ибо дѣлалась раздражительной и даже злой.

При всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ добродѣтеляхъ, Клеопатра Ивановна, дѣйствительно, была женщиной пустой, какъ осмѣливались замѣчать нѣкоторые еретики изъ отцовъ, или, по малой мѣрѣ, женщиной неразвитой, какъ осмѣливались заявлять нѣкоторые еретики изъ дѣтей. Въ сущности, еретики были правы, и какимъ образомъ изъ этой неразвитости и пустоты вытекало столько добродѣтелей—а еретики этихъ добродѣтелей не отрицали—было, по истинѣ, чудомъ, загадкой.

Загадку разрѣшали разное. Одни подозрѣвали, что Клеопатра Ивановна прехитрая и только прикидывается пустой и мало-мыслящей. Другіе говорили: нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ или «голь хитра на выдумки». Но несостоятельность пословицы тотчасъ опровергалась: если Клеопатра Ивановна представляетъ голь и нужду, то вѣдь и Семенъ Семеновичъ представляетъ голь и нужду. Но Семенъ Семеновичъ не шлетъ, не скачетъ, пѣсенокъ не поетъ и никакихъ хитростей не выдумываетъ. Егдо—пословица непримѣнима и ничего не доказываетъ.

Третьи утверждали, что, при всей своей неразвитости, Клеопатра Ивановна сильна сознаниемъ своего долга, принятымъ ей въ дѣтствѣ ея «великимъ» отцомъ, сильна основной добродѣтелью жены и матери, нынѣ упускаемой изъ виду благовоспитанными дамами.

III.

Клеопатра Ивановна рано собралась домой. До ужина, какъ только карточныя приличія позволили ей мужу оставить зеленое поле. Она собралась домой рано потому, что съ ней была въ гостяхъ ея дочурка, Лиза, свѣтлокудрый, краснощекій херувимъ, съ большими темно-синими глазами. Лизу вызвали изъ дѣтской, гдѣ она играла съ дѣтьми Калинина, прямо въ переднюю. Она вбѣжала, смѣясь всѣмъ личикомъ, съ пылающими щечками, съ встрепанными волосиками, и остановилась, немножко оторопѣвъ передъ большими. Большіе провожали маму; самъ Калининъ и чуть не поджюжны *coeurs saignants* не допускали наемниковъ въ ливреяхъ помогать Клеопатрѣ Ивановнѣ закутываться въ

шалъ, ротонду и шарфъ, и усердно жѣшали ей совершать дорожный туалетъ.

Sœurs vaignants путались въ ротондахъ и шалахъ, смѣялись надъ своею неловкостью. Клеопатра Ивановна тоже смѣялась. Но хозяйка подмѣтила въ лицѣ и даже голосѣ Огненной отбѣнокъ грусти. Хозяйка шепнула мужу и Калининъ согласился. «Что это съ ней, шепнула онъ женѣ: — нездорова?» — Нѣтъ, быстро шепнула въ отвѣтъ жена: — здорова; а тебѣ послѣ скажу...

— Лиза, какъ ты разгорѣлась, вся въ испаринѣ! оглядѣла и ощупала свою дочурку Огнина. — Я вѣдь просила тебя смиренно посидѣть минутку.

— Останьтесь, пообедайте; сейчасъ ужинъ, попробовали было воспользоваться случаемъ хозяева. — И Лиза тѣмъ временемъ отдохнетъ.

Но Огнина не соглашалась. Поздно для ребенка. Она нѣжно отерла Лизѣ душистымъ платкомъ лобикъ, личико, шейку и руки выше локтя; сама завязала ей на-крестъ по груди и спинѣ шерстяной шарфъ; на уши, не взврая на гримаску и ворчанье маленькой мученицы, намотала свой кружевной платокъ, завернула дѣвочку, сверхъ бархатной кофточки, въ свою шаль и простилась.

Монументальная фигура Семена Семеновича, въ военномъ пальто, давно неподвижно высилась между двумя ливрейными лакеями.

Стояла хорошая августовская ночь, съ мягкимъ свѣжимъ вѣтеркомъ. Было темно. Фонари ландо были зажжены и освѣщали больше внутренность просторной кареты, тѣмъ дорогу. Надъ дорогой и темными окрестностями вспыхивала бѣлая зарница. Карета катилась по гладкому шоссе и, черезъ пять минутъ, они уже были за городомъ. Лиза, окутанная въ шаль, дремала въ углу передняго сидѣнья, и вздрогнула при рывкомъ взмахѣ зарницы. Отецъ ласково разсмѣялся.

— Что ты, Лиза?

— Гроза, тихо отвѣтилъ ребенокъ.

— Это не гроза, а зарница, протестовалъ родитель.

— Ахъ, папа! зарница тоже отъ грозы, только далеко.

Родитель хотѣлъ было выразить сомнѣнiе, разинулъ ротъ и расхохотался, очень счастливо расхохотался.

— Ахъ, ты, ученая у меня! похлопалъ онъ по плечу ребенка съ необыкновеннымъ оживленiемъ.

Родитель по опыту зналъ, что ученые споры съ дѣтьми оканчивались всегда его поражениемъ и, рѣдко вообще воодушевлявшаяся, онъ постоянно радовался дѣтскимъ побѣдамъ, особен-

но если они одерживали эти победы надъ нимъ при чужихъ: радости и гордости Семена Семеновича тогда не было предѣловъ. Онъ и теперь припелъ было въ волненіе и сталъ заигрывать съ Лизой.

— Симъ, оставь ее, пусть дремлетъ, посоветовала жена.— Она устала.

Симъ послушался. Лиза протестовала: она совсѣмъ не хочетъ спать, она бы могла еще долго играть. Но не успѣла доленать протеста, какъ глазенки стали смыкаться.

Опять зарница и опять Лиза вдрогнула.

— Симъ, пересядь туда, положи Лизу ко мнѣ.

Послушный Симъ пересѣлъ на переднее сидѣнье, бережно передвинувъ дѣвочку на заднее. Мать уложила къ себѣ на колѣни хорошенькую головку ребенка.

Клеопатра Ивановна плотно прижалась въ уголокъ кареты, придерживая одной рукой Лизу. Клеопатра Ивановна не шевелилась и не разговаривала. Это было въ рѣдкость. Огнень сталъ вглядываться въ лицо жены и, при скудномъ свѣтѣ фонарей, открылъ въ немъ выраженіе несовсѣмъ обычное и для его простодушной наблюдательности, несовсѣмъ поматное.

— Ты устала, Пати? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Голова болитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Такъ, чуть-чуть.

Опять молчаніе и внимательное взглядываніе Симы въ лицо жены.

— Что-то ты не по себѣ, Пати? опять спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего. Что это дребезжить?

— Гдѣ дребезжить? Я не слышу.

— Не знаю, въ рессорѣ или въ колесѣ, только дребезжить. Я давно слушаю.

— Вотъ что тебя беспокоитъ, разрѣшилъ свои сомнѣнія супругъ. — Только я не слышу... Ахъ, да, да... согласился онъ, прислушавшись, и, по распоряженію Клеопатры Ивановны, велѣлъ кучеру остановиться, а лакею осмотрѣть рессоры и колеса.

— Съ которой стороны? спросилъ слуга.

— А около праваго задняго.

— Ты путаешь, Симъ, на этотъ разъ весело скомандовала жена:— какъ разъ около лѣваго передняго.

— Около лѣваго передняго, повторилъ Семень Семеновичъ.

— Около лѣваго передняго, повторилъ лакей, и объявилъ, что около лѣваго передняго ничего нѣтъ.

Карета покатилась.

— Ну, ничего; это тебѣ слышалось. Успокоилась теперь? спросилъ Огнивцъ.

Но яркая варница освѣтила опять ея лицо, и лицо это было по прежнему необычайно для мужа.

Это лицо наклонилось къ дѣвочкѣ, очевидно, желая удостовѣриться, заснулъ ли ребенокъ. Лиза ровно дышала, закрывъ глаза и раскрывъ немного влажныя губки.

— Знаешь, Симъ, что я сегодня сдѣлала? спросила Клеопатра Ивановна и продолжала, не дожидаясь отвѣта. — Мы, можетъ быть, въ послѣдній разъ ѣдемъ въ ландѣ.

Ея голосъ немного дрожалъ.

— Это почему? спросилъ очень твердый супружескій баритонъ.

— Калининъ нужна карета и я имъ продала ландѣ.

— Но—что ты? Зачѣмъ?..

— Надо же жить..

Неотразимый аргументъ, совершенно удобопонятный для Семена Семеновича. Онъ безъ малаго 35 лѣтъ знаетъ, что надо жить, и почти столько же лѣтъ знаетъ, что не только надо жить, но надо жить хорошо. Но если продать ландѣ, то останутся только коляска и дрожки, и, слѣдовательно, жить, по крайней мѣрѣ, ѣздить будетъ хуже. Поразмысливъ немного, Семенъ Семеновичъ открылъ, что онъ все-таки не понимаетъ; и, какъ всегда, чистосердечно признался въ томъ супругъ.

— Симъ, да вѣдь у насъ и 25-ти рублей въ домѣ нѣтъ. И доходовъ нѣтъ...

— А мое жалованье? не безъ гордости произнесъ майоръ.

Жалованье, конечно, было деньги и весьма даже полезныя за послѣднее время въ домашнемъ обиходѣ Огнивцыхъ. Но Клеопатра Ивановна ненавидѣла это жалованье. Изъ богатаго родительскаго дома она вышла за красиваго богача и не замѣчала, какъ быстро утекало богатство, до того роковаго дня, когда ей впервые пришлось прибѣгнуть къ расходамъ изъ жалованья мужа. Какіе-то доходы не были получены, потому что источникъ ихъ былъ проданъ; какая-то выкупная сдѣлка не была еще проволочена сквозь всѣ инстанціи присутствія, сѣзды, учрежденія, казны, банки, ихъ же нѣсть числа. Вотъ и пришлось вспомнить, что у мужа есть жалованье. До этого дня, его не замѣчали и не знали, куда оно уходило. Сознательное прикосновеніе къ жалованью впервые пробудило въ Клеопатрѣ Ивановнѣ то грызущее чувство, которое составляетъ проклятіе пролетарія: неувѣренность въ кускѣ хлѣба. Куски хлѣба бываютъ разные, но чувство, въ сособенности основа его—всегда одинакова. Съ того момента, когда

Клеопатра Ивановна прикоснулась къ жалованью мужа, начался періодъ борьбы и заботъ. Правда, у ней было тогда еще много ресурсовъ: выкупныя, лѣса, усадьба на Волгѣ. Мѣсяцы иногда проходили, не напоминая о жалованьи, но оно прорывалось-таки наружу, чаще, чаще и чаще, до тѣхъ поръ, пока благоразуміе заставило перемѣнить родъ службы и выбрать мѣсто, увы! по жалованью. И какое мизерное жалованье!

— Что твое жалованье, почти съ презрѣніемъ отвѣчала Клеопатра Ивановна:—пятьдесятъ рублей!

— Нѣтъ, больше—78.

Клеопатра Ивановна горько усмѣхнулась, повторила: «надо жить» и вздохнула. И мужъ вздохнулъ. Онъ начиналъ понимать не только почему продано ландо, но и почему жена грустна. До сихъ поръ еще они ничего не продавали изъ своей движимости, для того, что надо жить. Переѣзжая изъ Петербурга въ провинцію, они распродали много цѣнныхъ вещей, но это потому, что переѣзжали, а не потому, что надо жить, хотя, въ сущности, вырученныя за продажу вещей въ Петербургѣ деньги помогли имъ жить въ Загложловѣ. Но теперь эти деньги изсякли, и надо продавать по нуждѣ вещи, къ которымъ привыкъ, продавать по крайности. Это понялъ Сима. Для Клеопатры Ивановны эта продажа открывала новую тревожную эпоху, подобно первому прикосновенію къ жалованью. Хуже. Чувство было болѣе сильное. Чувство пролетарія, который впервые несетъ къ закладчику свой воскресный кафтанъ.

Понятно, что Клеопатра Ивановна была грустна, взволнована. Сима начиналъ понимать, и вдругъ, совершенно убитымъ, полнымъ раскаянія голосомъ, произнесъ:

— А я-то, скотина! опять проигрался.

Увыніе, поканіе такъ не ладилось съ мужественнымъ, беззащитно-спокойнымъ существомъ Сима, что чуткая ко всему, что возбуждало веселье, Клеопатра Ивановна не могла удержаться отъ смѣха, несмотря на подавляющее ее новое чувство.

— Гдѣ это, у Каливинныхъ? въ табельку? разсмѣялась она.

— Да, по полкопейкѣ.

Она еще веселѣе разсмѣялась.

— Ужасъ, ужасъ, Сима! какъ тебѣ не стыдно! шута упрекнула она и протянула ему свою свободную руку въ разорванной перчаткѣ.

— Видишь, я перчатку разорвала, пара пропала. Убитку больше, чѣмъ ты своими картами, надѣлала. Ахъ ты, Сима. Сима!

И Симу такъ это понравилось, что онъ сразу раскохотался и поцѣловалъ сухую, но красивую руку жены.

Несмотря на одиннадцатилѣтнее супружество, между Огнинными существовали самыя нѣжныя любовныя отношенія. Они обвѣнчались потому, что любили другъ друга. Они оба были красавцы. Онъ теперь, въ смыслѣ физической красоты и силы, стоялъ въ глазахъ жены даже выше, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ. Съ этой стороны, Симъ вполне ее удовлетворялъ; она охотно позволяла за собой ухаживать всякому, но никого не ставила на одинъ уровень съ своимъ спокойнымъ, послушнымъ, ласковымъ богатыремъ. Она знала, что Симъ изъ всякой бѣды можетъ буквально вынести на плечахъ и ее, и всю семью; и, еслибы понадобилось, можетъ истребить цѣлое полчище обыкновенныхъ смертныхъ, еслибы эти смертные вздумали ее обижать. Бѣдшаго и не приходило въ голову требовать отъ Сима. Ея супружеская вѣрность не была даже достоинствомъ, а просто дѣломъ вкуса и отчасти долга. Отъ добра добра не ищутъ.

Симъ тоже продолжалъ любить и ласкать жену, несмотря на то, что ея красота желтѣла и высыхала. Не потому, чтобы онъ сознательно цѣнилъ ея нравственныя качества, не потому, чтобы онъ былъ особенно нравственнымъ человѣкомъ. Онъ ни о какихъ нравственныхъ принципахъ въ жизнь свою не думалъ; и если какіе принципы и были къ нему привиты воспитаніемъ и обществомъ, такъ это были принципы того кодекса, который, представляя смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, или, вѣрнѣе парижскаго съ петербургскимъ, остроумно изыскиваетъ всевозможныя оправданія для семейной разнузданности. Но не этотъ кодексъ стоялъ на сторожѣ у его супружеской вѣрности. Эту вѣрность спасалъ его спокойный темпераментъ, заставлявшій годъ отъ году больше дорожить семейной жизнью, ея комфортомъ, и втягиваться въ ея радости. Его спасало умѣнье Клеопатры Ивановны поддерживать въ немъ страсть. Эту вѣрность спасало даже ухаживанье за Клеопатрой Ивановной чуть не всѣхъ мужчинъ поголовно. И нынче мужчины ухаживали за ней не меньше, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. И Семень Семеновичъ ощущалъ нѣкотораго рода гордость. Ему приятно было одному обладать тѣмъ, чего такъ многіе ищутъ. Тѣмъ болѣе, что наружность Клеопатры Ивановны принадлежала къ тѣмъ рѣдкимъ наружностямъ, которыя, даже въ періодъ увяданія, соблазнительнѣе всего въ ночномъ чепчикѣ и ночной кофточкѣ. Какъ природа ухитряется создавать такія наружности—это ея великая тайна. Но она создаетъ ихъ, и однимъ изъ этихъ созданий была Клеопатра Ивановна.

Симъ поцѣловалъ ладонь протянутой ему руки въ разорванной перчаткѣ и потрепалъ этой рукою самого себя по губамъ, чернымъ, какъ смоль, бакамъ.

— Ахъ! кабы ты у меня такой же хорошій хозяинъ былъ, какъ... Клеопатра Ивановна не договорила.

— Какъ что?..

— Какъ мужъ, почти шепнула она и зарылась въ уголокъ кареты.

— Зачѣмъ мнѣ хозяйничать; ты лучше меня хозяйничаешь...

— Да я о службѣ говорю.

— Что же? я служу. Жалованье получаю, ха, ха, ха! Вышему гвардейскому кавалеристу до сихъ поръ всегда было смѣшно говорить о своемъ жалованьи:—а ты вотъ о немъ и разговаривать не хочешь.

— Да что жалованье. Жалованье получаешь, а свои деньги теряешь.

Атлетъ вытаращилъ большіе глаза; онъ давно все растерялъ; растерялъ при содѣйствіи жены и недоумѣвалъ, что это ей вдумалось старымъ его попрекать. Жена продолжала:

— Годъ назадъ, какъ только мы сюда пріѣхали, Викторовъ исправлялъ твою должность; помнишь, сколько онъ тебѣ денегъ привезъ отъ Краснопупова... (Викторовъ былъ помощникъ Огнينا по должности, руководитель по опыту и уму). А нынче, ты ничего не получалъ; свои деньги потерялъ...

— Какъ же свои?.. Огнинъ весьма недоумѣвалъ. Жена смѣялась надъ нимъ.

— Ха-ха, Симъ. Да не укралъ же ты ихъ въ прошломъ году?

Конечно, Симъ не укралъ. Симъ ничего никогда не только не вралъ, но и не зажимивалъ. Онъ раззорился, но даже долговъ терпѣть не могъ. У него ни гроша долгу не было.

— Вѣдь ты не укралъ? Значить, твои деньги.

Симъ пробурчалъ опять что то въ родѣ сомнѣнія.

— А чьи же? убѣждала жена. Вѣдь не Краснопупова—нѣтъ? Онъ не таковский, не даль бы, кабы его были; и не Александра Петровича (Александръ Петровичъ былъ казначей). Чьи? конечно, твои. А нынче ты ихъ даль, подарилъ Краснопупову.—Клеопатра Ивановна вглядѣлась въ лицо мужа; видимо, она произвела на него впечатлѣніе: оно приняло жалкій, болѣзненный видъ, признакъ сосредоченной думы въ этой головѣ, которой такъ трудно думать. Онъ задумался надъ страннымъ вопросомъ: ему всегда казалось, что деньги не его, хотя онъ ихъ въ прошломъ году и взялъ, по неопытности, отъ Викторова; но, если не его, чьи же онѣ, въ самомъ дѣлѣ? не подрѣдчива же, не казна-

чая же! Сидя погрузился въ недоумѣніе, доходящее до болѣзненности. Клеопатра Ивановна нанесла ему окончательный ударъ.

— А теперь вотъ мнѣ карету пришлось продать...

Сидя, какъ терпѣливый песъ, котораго ранили, что-то глухо прорычалъ и мотнулъ курчавой головой.

Карета катилась, нѣжно колыхаясь на англійскихъ рессорахъ; зарница вспыхивала, освѣщая мѣстность, окружающую штабъ. Дѣвочка ровно дышала. Отецъ и мать молчали.

До дому оставалось съ версту.

— И все это гадкое земство, вдругъ капризнымъ голосомъ прервала молчаніе жена.—Я это все высказала, все Калининой высказала. Пусть мужу передастъ. Они сами богаты, обеспечены, имъ дѣла мало до другихъ.

На лицѣ мужа изобразилось нѣчто въ родѣ ужаса:—Что ты высказала? спросилъ онъ.

— А то я ей высказала, что когда въ земство Викторовъ ѣздилъ, они исполняли его просьбу, давали настоящія цѣны, а ты, мой простякъ, поѣхалъ, такъ они прижимають—срамы!.. Я все знаю, мнѣ Викторовъ говорилъ. Я ей сказала, что ты свои деньги приплатилъ.

Изъ фигуры атлета послышалось отрицательное мнчаніе.

— Да, свои. Я ей сказала прямо; и по винѣ земства. Отъ того и карету ей продаю... и роуль придется продать... если... Сидя! милый! продолжала она сквозь слезы, окончательно растрогавшія мужа:—ты завтра утромъ въ управу за этими гадкими цѣнами поѣдешь?..

— Да...

— Будь милый, будь хорошій! сдѣлай, какъ Викторовъ, чтобы тебя не прижимали...

— Да я, Пати, знаешь, я какъ-то не умѣю... какъ-то это, какъ будто скверно...

Клеопатра Ивановна заволновалась, зашевелилась, и розовое разгорѣвшееся личико дѣвочки приподнялось съ бархатныхъ колыбѣ матери.

— Надо умѣть... сквернаго ничего нѣтъ... Надо умѣть. Ну, ради меня... видишь, вотъ карета, потомъ роуль... а даже... можетъ быть, мнѣ придется отказать... проговорила поспѣшно Клеопатра Ивановна, поспѣшно, потому что глазки ребенка стали сознательно оглядываться то на мать, то на отца, поспѣшно, потому что карета подъѣзжала къ ихъ плоскому сѣрому штабному обиталищу, стоявшему въ сторонѣ отъ темнѣвшей большой группы большихъ плоскихъ красныхъ кирпичныхъ домовъ —

казармъ, манежей, между которыми едва едва свѣтились достойные жалости масляные фонари.

Карета была давно отложена. Лиза давно спала въ своей кровати. Весь домъ спалъ. Только въ столовой былъ огонь. Семень Семеньчъ проголодался и подкрѣплялъ себя холодной курицей, предварительно проглотивъ рюмку англійской. За небольшимъ круглымъ столомъ, почти рядомъ съ нимъ, сидѣла его жена въ своемъ непреложно обворожительномъ ночномъ туалетѣ: въ бѣломъ просторномъ пеньюарѣ, въ кокетливомъ бѣломъ чепчикѣ, густо обшитомъ узенькими кружевами, округлявшими ея лицо и скраивавшими его худобу. Она казалась почти молоденькой; она ласкалась къ мужу. Семень Семеньчъ наслаждался и халатомъ, и курицей, и хересомъ, и женой; онъ охотно наслаждался бы и бесѣдой съ женой, еслибы она перемѣнила тему разговора. А она продолжала говорить о предстоящей на завтра дѣловой побѣдѣ въ городъ, въ земскую управу; упрашивала, чтобы онъ, какъ Викторъ, не позволялъ себя прижимать этому жадному, гадкому земству.

Симъ сначала возражалъ, потомъ пересталъ возражать, только кивалъ головой. Его начинала одолевать дремота.

— Ну, пора спать, встрепенулась, наконецъ, жена, начинавшая чувствовать, что наговорила достаточно.

И, положивъ на могучее плечо мужа свою красивую руку, длинными пальцами которой щекотала его толстую, покрытую мелкимъ мягкимъ волосьямъ пухомъ шею, она повела его, какъ ребенка. Онъ сладостно улыбался...

— Такъ ты будешь—милый? будешь завтра милый? спросила она, заглядывая ему въ лицо и поцѣловала въ румяныя сочныя губы.

— Мм—му, промычалъ полусонный Симъ:—мм-му, все какъ-то не умѣю а... все какъ-то скверно...

Клеопатра Ивановна почти оттолкнулась отъ мужа и надула губки. Онъ, сонно недоумѣвая, поглядѣлъ на жену и доволочась до супружескаго ложа, быстро раздѣлся и легъ.

Онъ давно храпѣлъ, а она все еще молилась передъ кивотомъ; ея глаза, полные слезъ, и лицо, полное страданія, полное заботы, о которой она не знала четыре года тому назадъ, были устремлены на большой образъ Спасителя въ золотой ризѣ.

Этимъ образомъ благословилъ ее ея покойный отецъ, суровый, но любящій, трудолюбивый и величавый, ея полубогъ, полубогъ семьи. Ложась въ постель, она продолжала шептать молитву.

Мужъ все еще храпѣлъ. А она не спала и беспокойно металась

въ постели. Лишенія, дѣти—вставали болѣзненными грезами, когда она забывалась; она вздрагивала и просыпалась. Черная ночь долго смотрѣла въ ея спальню сквозь опущенныя бѣлыя шторы. Окна сливались съ черной темнотой. Наконецъ, они обозначились чуть замѣтными большими четырехъугольниками, затѣмъ стали сѣрѣть, потомъ бѣлѣть. Потомъ, по нимъ разлился нѣжный розовый свѣтъ.

Она все не спала. Храпъ могучаго Сима оборвался; онъ на секунду открылъ глаза, смутно сознавъ, что жена не спитъ, улыбнулся и хотѣлъ перевернуться на другой бокъ. Но нервное возбужденіе женщины достигло до невыносимости. Она не могла не заговорить... она подѣловала мужа, обняла его. И она заговорила опять о томъ же, какъ будто ночь не легла между нихъ вчерашнимъ разговоромъ и утромъ. Въ ея мысляхъ не было перерыва. Мужъ покуда совсѣмъ не очнулся, хмурился и былъ сердитъ, но, мало по малу, его лицо приняло обычное добродушное выраженіе и онъ сталъ спокойно слушать, лаская жену. Онъ тѣмъ нѣжнѣе ласкался къ ней, что ему было жаль ее. Онъ зналъ, что она провела безсонную ночь. Она начала съ того, чѣмъ онъ кончилъ наканунѣ «какъ-то скверно». За ночь она обдумала два средства, чтобы подѣйствовать на мужа, убѣдить, что не скверно—сама она была глубоко убѣждена, что не скверно. Одно средство—привести ему тѣ самые доводы, которыми убѣдилъ ее самую опытный Викторовъ. Эти убѣжденія могли подѣйствовать черезъ посредство мышленія.

Другое средство — примѣръ ея полубога-отца. Это средство образнѣе, убѣдительнѣе: оно должно подѣйствовать на воображеніе Сима.

IV.

Покойный Иванъ Борисовичъ, родитель Клеопатры Ивановны былъ полубогомъ семьи и всѣхъ родныхъ, великимъ сыномъ отечества, извѣстнымъ даже за его предѣлами. Онъ началъ свою карьеру почти безъ связей, съ крохотнымъ состоянцемъ, а ему не было еще и пятидесяти лѣтъ, когда онъ уже находился на высотѣ блестящаго величія и заслуженнаго почета, когда имя его было окружено ореоломъ славы. По смерти своей, послѣдовавшей вскорѣ послѣ выхода замужъ Клеопатры Ивановны, онъ оставилъ своимъ дѣтямъ состояніе такое серьезное, что, несмотря на все искусство, они могли прожить его только съ величайшими усиліями. Одинъ изъ сыновей даже махнулъ ру-

кой, видя безнадежное упорство наслѣдства; такъ и остался богатымъ человекомъ.

Почести, слава и величіе Ивана Борисовича были вполне имъ заслужены. Онъ былъ труженникомъ и въ университетѣ и потомъ на службѣ, и въ маленькихъ чинахъ и на широкомъ пути. Его подчиненные боялись, онъ ихъ давилъ работой и взыскивалъ; но они его уважали, ибо онъ самъ работалъ пуще ихъ и поощрялъ наградами усердныхъ. Мало того, что онъ былъ труженникъ, его трудъ былъ производителенъ; онъ былъ даровитый, почти гениальный труженникъ. Онъ бралъ на себя работы, отъ которыхъ всѣ отказывались, и выполнялъ ихъ. Онъ принималъ должности, которыя всѣ считали опасными и не только не падалъ со скользкой высоты, но подымался все выше и выше.

Ему соотечественники были обязаны осуществленіемъ широкихъ и благодѣтельныхъ мѣръ, человеколюбивыхъ и разумныхъ. Тѣ, къ кому эти мѣры примѣнялись, согласно мысли Ивана Борисовича, благословляли имя Ивана Борисовича.

Около него группировались люди, проникнутые самыми благими наміреніями. Эти люди, подобно ему самому, были проникнуты любовью къ народу, ненавистью къ взяткамъ, неправому суду, и проч. Они были пренеполнены жаждою благодѣтельныхъ реформъ. Эти люди были энергичны. Иванъ Борисовичъ своей энергіей и примѣромъ усиливалъ ихъ энергію.

Слава, величіе и почетъ были имъ заработаны также трудомъ цѣлой жизни. Онъ любилъ почетъ. Но только почетомъ, взо всего имъ благопріобрѣтеннаго, и любилъ пользоваться. Его личные вкусы и привычки были просты; онъ ихъ не измѣнилъ съ молодости, и, еслибы не семья, навѣрно, могъ бы прожить, не замѣчая ни малѣйшихъ личныхъ лишеній, на жалованьи столоначальника.

Но у него была большая семья и много родныхъ, сползшихся въ столицу со всѣхъ концовъ Россіи на вкусный, сытый запахъ мощнаго единоплеменника, какъ тараканы на запахъ щей. И онъ жилъ широко и роскошно. Вся ширь и роскошь была не для него самого, а для его семьи и родственниковъ. Онъ былъ семьянинъ суровый и требовательный, но разсудительный. Онъ сознавалъ свой долгъ относительно семьи и выполнялъ его. Его рѣдія ласки цѣнились дѣтьми, къ которымъ онъ былъ всегда справедливъ. И дѣти его любили въ юности, начинали боготворить, входя въ возрастъ и осмысливая, сколько онъ для семьи потрудился. Клеопатра Ивановна окончательно преклонилась передъ отцомъ, когда онъ, прочившій ее вовсе не за Огнина, а за кого-нибудь лучше, согласился на ея бракъ съ этимъ атле-

томъ. Она ожидала родительской грозы и получила ласку: «Глу-бо дѣлаешь, что выходишь замужъ за этого дурака; но я сдѣлалъ бы еще глубѣе, еслибы сталъ тебѣ запрещать», сказалъ Иванъ Борисовичъ. Клеопатра Ивановна была такъ счастлива, что да-же не почувствовала «дурака», отправленнаго по адресу de l'Élu de son soug.

Иванъ Борисовичъ трудился для семьи. Откладывалъ деньги и отписывалъ дома и помѣстья на имя каждого изъ дѣтей, раздавалъ мѣста своимъ родственникамъ. И мѣста хорошия; часто въ своемъ вѣдомствѣ, но никогда не вблизи себя. Еще же чаще въ вѣдомствахъ своихъ пріятелей. Онъ самъ трудился, но разги-бая спяны. Но онъ только улыбался, когда родственники, а осо-бенно ихъ жены и маменьки благодарили за должность.

«Такое отличное содержаніе, жалованье такое большое, и ни-какого дѣла», расхваливали родственницы мѣста своихъ супру-говъ и сыновей.

«Большое содержаніе, проганы, подъѣмные, награжденные, очень мало дѣла, никакой отвѣтственности», было ходячимъ идеаломъ между многочисленными родственниками, ползавшими около Ива-на Борисовича. А онъ только улыбался. Потому что онъ былъ человѣкъ родственникъ.

Несмотря на суровость Ивана Борисовича, суровость, впрочемъ, дѣловитую, но проявляемую имъ и съ семьей, и съ облагодѣтель-ствованными родственниками, и съ подчиненными, и подчинен-ные и облагодѣтельствованные родственники ему не только кла-нялись, но и поклонялись. Онъ былъ не только ихъ провидѣніемъ; но ихъ идеаломъ, образцомъ, подражать которому они изощря-лись всѣми дарованными имъ природой талантами. Съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, каждый изъ нихъ натуживался подра-жать его образу мыслей, его стремленію къ прогрессу, его неуто-мимой бюрократической дѣятельности, и конечно, его пріемамъ, доставившимъ ему почетъ и богатство. Въ особенности богат-ство.

Образецъ, идеалъ былъ человѣкъ эпохи отживающей, но, однако, въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не труд-но было съ успѣхомъ подражать его либерализму, и усердію къ осуществленію прогрессивныхъ реформъ. Неголько люди и обстоя-тельства, небо и воздухъ содѣйствовали такому благому подра-жанію. Нѣсколько труднѣе было съ успѣхомъ практиковать его методъ къ повышеніямъ. Но и это, при извѣстной сметѣ и умѣньи примѣняться къ обстоятельствамъ, замѣнять суровость и на-стойчивость любезнымъ краснорѣчіемъ и блестящими проэтами, удавалось людямъ школы Ивана Борисовича.

Однакожь, быстрое обогащеніе часто ускользало изъ рукъ его учениковъ. Это было тѣмъ болѣе досадно, что они отлично чувствовали, что стигія и провидѣніе не препятствовали имъ обогащаться. Но приемы для обогащенія, годившіеся для періода Ивана Борисовича, были неудобны для періода его учениковъ. Онъ достигъ степеней высокихъ, остался либераломъ и обогатился. Онъ даже намѣтилъ, такъ сказать, для своихъ послѣдователей и учениковъ способы обогащенія. Онъ не баловалъ подчиненныхъ, но тѣхъ, кто заслуживалъ награды, онъ награждалъ не одними чинами и крестами, а доставленіемъ средствъ обогащенія на службѣ. Командировки съ двойными и тройными прогонами, и суточными, по разнымъ дѣламъ, въ одно и то же мѣсто. Денежныя порученія съ перспективой крупныхъ экономій, экономій, которыми казна пренебрегала пользоваться. Содержаніе казенныхъ воровъ, подъемныя и тому подобныя всегда легальныя средства обогащенія доставлялись имъ избраннымъ труженникамъ-подчиненнымъ, ибо, повторяемъ, будучи начальникомъ требовательнымъ и суровымъ, онъ былъ человѣкомъ справедливымъ.

Для своихъ отдаленныхъ родственниковъ онъ доставлялъ тѣ же способы наживы, независимо отъ ихъ гражданскихъ доблестей—ибо онъ былъ человѣкомъ родственнымъ.

Ни для кого не было секретомъ, что онъ самъ обогатился главнымъ образомъ при помощи тѣхъ же самыхъ приемовъ, ибо онъ былъ примѣрнымъ семьяниномъ. А такъ какъ онъ былъ кораблемъ большимъ, то и плаваніе его было большое и состояніе его, сложившееся изъ прогоновъ, экономій и суточныхъ, было колоссальное.

Его враги—у него, конечно, было много враговъ, иначе онъ не былъ бы вполне великимъ человѣкомъ—старались представить въ неблагоприятномъ свѣтѣ его способы обогащенія. Но за то они и были врагами; онъ оставался чистъ и неуязвимъ.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было упрекнуть его? Онъ взятокъ нѣтолько не бралъ, но преслѣдовалъ ихъ самымъ безжалостнымъ образомъ; онъ не торговалъ своей совѣстью, и не совершилъ ни одного несправедливаго дѣянія. То, что онъ бралъ, онъ бралъ съ вѣдома начальства, хотя у него изъ верху оставалось такъ мало начальства, что его собственная совѣсть занимала главное мѣсто между его начальниками. А совѣсть великихъ и опытныхъ людей—начальникъ весьма снисходительный. Совѣсть имѣла основательныя причины быть споймою, ибо онъ ни у кого ничего не отнималъ, не вымогалъ. Онъ обогащался на счетъ казны, а обогащеніе на счетъ казны еще никогда никого не разворадо. Онъ не хвастался своими усѣхами

въ сферѣ обогащенія, потому что иногда ни чѣмъ не кресталса, но оъ и не скрывалъ своихъ дѣяній. И это имало не прелятствовало ему ни осуществлять свои либеральныя идеи, ни подыматься все выше, и выше, и выше.

Напротивъ.

Да, Иванъ Борисовичъ торжественно прослѣдовалъ по жизненной стезѣ безъ страха и упрека. На него еще свѣтили блестящія лучи золотого вѣка Екатерины. Но когда его ученики, родственники и даровитые подчиненные, свѣтю раскиснувшіеся по лицу отечества, только подумали о примѣненіи приемовъ ихъ идеала для упроченія репутаціи заботливаго семьянина, то они съ ужасомъ увидали, что нѣчто невѣдомое, неосязаемое парализовало эти приемы. Тѣмъ ужаснѣе было, что врагъ былъ невѣдомъ. Люди были тѣ же, обычан не измѣнились, казна осталась той же нестоимой казной, а приемы Ивана Борисовича стали непригодны. Странно...

Какъ бы сталъ поступать, при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, ихъ идеаль и образчикъ (они, конечно, не сомнѣвались, что оъ отыскалъ бы блестящій исходъ)—ученики Ивана Борисовича не знали. Ибо безжалостный параличъ уложилъ Ивана Борисовича сначала въ постель, а потомъ въ могилу въ Александро-Невской Лаврѣ. Оъ немного не дожидъ до реформы 19 февраля, которой сочувствовалъ всей душой. Школа осталась безъ учителя въ самую затруднительную эпоху. Но время—учитель въ своемъ родѣ, неуступающій и Иванамъ Борисовичамъ. Не имѣя возможности сразу открыть утраченный секретъ философскаго камня, многочисленныя ученики Ивана Борисовича, будучи людьми практически, на время пристроились къ разнымъ аціямъ, и вице-мундиръ въ обиліи выступили на пейзажѣ коммерціи, промышленности и торговли. Кромѣ того, они заняли (по праву, ибо бесспорно были способнѣйшіе и отлично выдрессированные граждане и дѣльцы) новыя казенныя мѣста съ крупными окладами.

На время, покуда оглядѣлись, это было не дурно. А когда аціи стали выказывать сродство съ мыльными пузырями; когда коммерческо-промышленно-торговый пейзажъ обратился въ титаническую картину безплодныхъ пространствъ, пораженныхъ засухой и освѣщенныхъ заревами подмоговъ; когда «крупныя оклады» стали такими же мелкими относительно, какъ были и ихъ предшественники, когда на эти новыя оклады порядочному человѣку стало невозможно существовать порядочно—къ тому времени, растерявшіеся ученики Ивана Борисовича уже успѣли собраться съ мыслями. Постигли «духъ времени», осудивъ его

новѣйшіе капризы съ элементами гражданственности своего отечества, и свободно стали распускать свои паруса. Многие изъ нихъ стали уже и сами большими кораблями. Они прошли сквозь школу интенсивнаго прогресса, прогресса à grande vitesse, и нѣкоторые съ пренебреженіемъ относятся къ памяти великаго учителя, вѣднвшаго, хотя и съ тремя казенными подорожными въ кармаѣ, но все-таки только на почтовыхъ. Положимъ, на курьерскихъ. Но чтѣ такое курьерская тройка въ сравненіи съ курьерскимъ поѣздомъ!

V.

Такова была школа Ивана Борисовича, и таковъ былъ самъ Иванъ Борисовичъ, покойный родитель Клеопатры Ивановны. Клеопатра Ивановна выросла, обожая родителя, и, что дѣлаетъ ей, конечно, большую честь, послѣ его кончины, чтла въ немъ полубога. Она знала, что онъ былъ великій человекъ, она не сомнѣвалась, что онъ былъ гений, добрѣйшій и умѣйшій изъ гениевъ; сознание семейнаго долга, руководившаго отцомъ всю жизнь, крѣпко привилось въ дочери. Но ея дѣтство и молодость, до и послѣ замужества, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, протекали въ довольствѣ, богатствѣ и беззаботности, и ей не было причинъ изучать дѣянія родителя, обезпечившія за нимъ славу полубога; а тѣмъ менѣе изучать его систему и приемы обогащенія.

Когда ея богатство стало псыкаться и время отъ времени она стала ощущать нужду—не въ хлѣбѣ, и даже не въ удобствахъ жизни, даже не въ роскоши, а только нужду въ деньгахъ, потребныхъ для оплаты всѣхъ этихъ благъ—она стала прозрѣвать, стала чувствовать, такъ сказать, въ чемъ заключалось гражданское добросердечіе и законодательная филантропія ея отца. Онъ заботился о благѣ тѣхъ, кто нуждается. Нужда такая ужасная вещь, даже тогда, когда нуждаешься въ деньгахъ на оплату новой пары караковыхъ рысаковъ. Ахъ! Клеопатра Ивановна начинала понимать нуждающихся, несмотря на то, что сама начинала нуждаться, строго на строго завазала мужу, командирова его писать уставныя грамоты и отводить надѣль, чтобы онъ и за что, ни за что не обижалъ мужичковъ, чтобы онъ далъ имъ все, чего они попросятъ. Атлетъ мужъ былъ добрякъ до конца ногтей и мужики не были обижены.

«Да, меланхолически радовалась по этому поводу Клеопатра Ивановна:—это дань памяти папы, онъ такъ заботился о мужичкахъ, о бѣдныхъ».

Еще менѣе, чѣмъ о гражданскихъ принципахъ своего отца, Клеопатра Ивановна знала о способахъ, которыми онъ самъ обогащался и помогать обогащаться своимъ послѣдователямъ. Онъ самъ объ этихъ способахъ никогда не упоминалъ въ семьѣ. Но тѣмъ не менѣе, благодаря многочисленнымъ тетузкамъ и кузинамъ, сынодья, мужья и братья которыхъ были облагодѣтельствованы, въ ея хорошенькой головкѣ сложилось нѣкоторое общее понятіе о системѣ пріобрѣтенія денегъ.

Поменьше дѣла, и побольше денегъ—идеалъ гражданской дѣятельности. Самъ отецъ любилъ трудъ, но онъ вѣдь былъ геній, исключеніе. Для всѣхъ остальныхъ девизъ: «меньше дѣла и больше денегъ». Легче всего достигать этого идеала при помощи казенныхъ денегъ. И это самое честное средство. Потому что, сколько бы казенныхъ денегъ ни бралъ, казна не обидѣтъ и никто не обидѣтъ, и никого не обидишь.

Таковы были общія понятія Клеопатры Ивановны, почерпнутыя изъ семейныхъ наблюденій и разговоровъ кузинъ и тетужекъ. Но эти понятія очень долго оставались для нея отвлеченностію. Они оба съ мужемъ были слишкомъ заняты проживаніемъ, чтобы думать объ обогащеніи.

Однако, черные дни наступили. Состояніе было прожито; претензія затруднялась прискать Симу подходящее къ его способностямъ и положенію мѣсто. Для того, чтобы питаться, ея мужъ долженъ былъ взять мѣсто, конечно, по совѣту жены, сопряженное съ заботами о питаніи солдатъ и лошадей. Солдатъ и лошадей питать не мудрено; но какъ питаться самому при 700—900 руб. жалованья? Вопросъ, который, конечно, не Симъ было рѣшать. Съ энергіей, достойной дочери Ивана Борисовича, Клеопатра Ивановна принялась сама за рѣшеніе этого вопроса. Она воскресила въ своей памяти свѣдѣнія и теоріи, назавшіяся ей въ юности пустыми отвлеченностями. Несмотря на усердное ихъ обсужденіе, она, можетъ, не пришла бы ни къ какимъ практическимъ результатамъ, еслибы не Викторовъ. Викторовъ, несмотря на то, что онъ никогда не имѣлъ счастья сопріякаться съ ея отцомъ, конечно, зналъ о немъ, читалъ его и понималъ его. Викторовъ не только помогъ ей всѣ отвлеченности привести въ логическую систему, въ практическую программу, не только осѣтилъ эту программу надеждой и упованіемъ, но онъ осѣтилъ самня дѣянія ея отца, дотолъ ей неслыныя. И дорогая тѣмъ родного полубрата стала еще величавѣе и прекраснѣе.

О, еслибы Симъ могъ хоть немножко, хоть немножко поступить также, какъ папа! Хотъ бы онъ понималъ его такъ, какъ понималъ Викторовъ!

Должность Викторова была должность второстепенная, подручная при должности, занимаемой Огинскимъ. Когда Огинскій былъ назначенъ въ Заглохолово, прямо изъ гвардіи, Викторовъ уже не одинъ стулъ просидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Онъ крѣпко цѣнился за свое мѣсто; высшее начальство не сомнѣвалось въ его умѣлости и усердіи, и неохотно его награждало, по преимуществу, денежными, ибо онъ былъ человѣкъ бѣдный. Но у него не было связей и ходу ему не давали. Онъ былъ слишкомъ тусклъ; онъ представлялъ, по внѣшности и манерамъ, смѣсь плебея съ бурбономъ; могъ возбудить подозрѣнія къ какому, подозрѣнія неосновательными, можетъ быть, но тѣмъ не менѣе питаемымъ общественнымъ мнѣніемъ вспомонъ вѣка къ вѣдомству, которое украшалъ собою Викторовъ. Высшее начальство Викторова въ Петербургѣ и даже начальство косвенное, полковныя и дивизионныя власти въ Заглохоловѣ были люди современныя, блестящіе. Ихъ, какъ жены цезаря, не могло возмутить подозрѣніе, и они выдвигали впередъ только себя подобныхъ—людей современныхъ и, если не блестящихъ, то, по крайней мѣрѣ, подправанныхъ, одинъ видъ и грація которыхъ способны были парализовать злостную подозрительность общественнаго мнѣнія. А также старомодныхъ бурбоновъ, которые, въ самые элегантныя моменты своей жизни, приглашая, напримѣръ, даму на туръ вальса въ дворянскомъ собраніи, напоминали то чѣмъ-то предосудительномъ и вычеркнутомъ изъ великосвѣтской жизни—и улыбка у нихъ подъяческая, и каблуки щелкаютъ по бурбонски, и мундиръ шипитъ по мѣщански—такихъ людей блестящее начальство уважало, какъ усердную чернорабочую силу, поощряло и покровительственно къ нимъ относилось, но, зорко охраняя репутацію своего вѣдомства, ходу имъ не давало. Къ тому же, и antecedentes Викторова могли способствовать развитію подозрѣній. Его отецъ, въ чинѣ поручика вѣдомства путей сообщенія, въ теченіи четверти столѣтія, жилъ среди лѣсовъ и болотъ на какой-то водной системѣ и завѣдывалъ системой очень сложныхъ шлюзовъ. Время и мрачный видъ этихъ черныхъ лицинговъ, черныхъ балокъ, черныхъ воротъ, во всей своей совокупности напоминавшихъ плаги, состарили поручика ранѣе, чѣмъ стали подростать дѣти. Состарили и умудрили. Поручикъ былъ человѣкъ скромный и бѣдный, по крайней мѣрѣ, жилъ бѣдно. Проѣзжающее по системѣ, а иногда и просто навѣщающее начальство онъ, конечно, угощалъ не хуже, чѣмъ любой изъ его сослуживцевъ, ниже и выше по системѣ. Но себя и своихъ во всемъ отказывалъ. Товарищи называли его скрагой, рывовой задвижкой, но онъ не обижался, и повторилъ постоянно, что человѣкъ онъ бѣдный, еле-еле хлѣбъ жасующій добывающимъ.

И по бѣдности своей и по мудрости своей, онъ рѣшилъ, что сыну надо дать такое воспитаніе, которое могло бы обезпечить за нимъ кусокъ хлѣба. Инженерное вѣдѣство, конечно, прожорливо отца, прокормить и сына. Но за послѣднее время, люди забрали себѣ въ голову разныя насчетъ зеленой выпушки подозрѣнія. И потому поручикъ, весьма основательно предполагалъ, что красный цвѣтъ не можетъ препятствовать добывать кусокъ хлѣба, точно тѣми же путями, какъ и зеленый, опредѣлилъ сына не въ институтъ путей сообщенія, свою Alma mater, а въ инженерное училище.

Военный, дескать, а не гражданскій будетъ, а все-таки инженеръ. Будетъ имѣть право составлять сметы, наблюдать за возведеніемъ общественныхъ зданій etc. etc. и, слѣдовательно, съ голоду не умереть.

Но въ стѣнахъ средневѣковаго замка, украшающаго уголь Марсова Поля, будущему инженеру не повезло. Юноша былъ аккуратенъ, расчетливъ не по лѣтамъ, но рѣшительно не могъ понять, отъ чего нельзя считать и подсчитывать сколько нужно щебенки на версту шоссе, или кирпичей на казарму, безъ разныхъ косинусовъ, проэкцій, dx , dy , dz . Онъ спотыкался на дифференціалахъ, окончательно провалился сквозь китрую сѣть интеграловъ и выплылъ черезъ два года въ офицеры въ какомъ-то армейскомъ полку, сквозь юнкерскую службу.

Дифференціаловъ и интеграловъ прапорщикъ Викторъ не понималъ, но считать умѣлъ, и понималъ, что родительскихъ денегъ ему въ своемъ карманѣ никогда считать не придется, хотя до него и доходили слухи, что его родитель, предя въ негодность вмѣстѣ съ ремонтируемыми имъ въ теченіи двадцатилѣтій шлюзами, оправдавшими-таки опасенія, возбуждаемыми изъ чернымъ, злобѣщимъ видомъ, вышелъ въ отставку и удалился на покой въ какое-то имѣніе своей супруги, невѣдомо когда благопріобрѣтенное. Молодой прапорщикъ зналъ родителей и понималъ, что надо самому позаботиться о томъ, чтобы быть сытымъ. Фронтальная служба его не удовлетворяла. Постройки и подряды были на вѣки похищены отъ него двойственными крѣпками интеграловъ. Надо было искать иного. Онъ искалъ, пробивался, наконецъ, пробился до того мѣста, на которомъ мы его открыли. И застрѣлъ тамъ, повидному, не безъ удовольствія. По крайней мѣрѣ, онъ ни малѣйшаго неудовольствія не выказывалъ, и, повидному, довольствовался тѣмъ, что былъ сытъ, не гоняясь за дальнѣйшимъ. Жилъ онъ тихо, скромно, какъ холостякъ армейскій оберъ-офицеръ, и, будь его манеры и рѣчь конзачиѣе, а усы мѣвѣе похожи на миниатюрную модель треугольной шляпы На-

полеона, ни малѣйшее подозрѣніе великосвѣтскаго начальства не могло бы коснуться Викторова.

Короче, по русски, Викторовъ былъ сверчокъ, который знаетъ свой шестокъ; ѣлъ онъ пироги съ грибами, а языкъ держалъ за зубами. Держалъ языкъ очень крѣпко, никогда ни съ кѣмъ постороннимъ о пирогахъ и грибахъ не говорилъ. Никто нетолько не знаетъ, другихъ ли только онъ кормилъ, или и самъ кормился, никто даже и не давалъ себѣ труда думать объ этомъ. Викторовъ сумѣлъ отвлекать мысли общественнаго мнѣнія отъ своей службы. Да вся особа его была въ заглохловскомъ обществѣ невидною.

Но съ ближайшимъ начальствомъ нельзя было всегда языкъ держать за зубами. Когда красивый Огнинъ съ своей ослѣпительной супругой пріѣхалъ изъ Петербурга, Викторовъ осторожно сталъ къ нему приглядываться. Тѣмъ осторожнѣе, что съ предмѣстникомъ Огнина Викторовъ не ладилъ. Предмѣстникъ имѣлъ свои особыя возрѣнія, которыя не сходились ни съ бурбонскими возрѣніями Викторова, ни съ возрѣніями блестящаго петербургскаго начальства. Предмѣстникъ палъ жертвой этой дисгармоніи взглядовъ, но его паденіе не подняло кверху Викторова. Поэтому, къ новому принципалу Викторовъ приглядывался осторожно. И скоро понялъ, что дѣло не въ майорѣ, а въ майоршѣ. Онъ всегда наравилъ вести дѣловые переговоры съ Огнинимъ въ присутствіи его жены. Въ особенности, если ихъ разговоры касались тонкостей службы, ни въ уставѣ, ни въ законѣ, ни въ указахъ не указанныхъ, тонкостей, которыя Огнинъ также туго усвоивалъ, какъ когда-то его помощникъ дифференціалъ тангенса, или производную отъ коснуса.

Между паденіемъ предмѣстника и назначеніемъ Огнина, Викторовъ естественно завѣдывалъ всѣми дѣлами, и это какъ разъ былъ періодъ весьма крупныхъ годовыхъ служебныхъ операций собранія справочныхъ цѣнъ, сношеній съ подрядчиками, заготовокъ приѣмовъ. Операция еще не была вполне окончена, когда Огнинъ вступилъ въ должность, но онъ съ удовольствіемъ предоставилъ Викторову докончить начатое дѣло, а Викторовъ не безъ удовольствія его окончилъ. И, окончивъ, явился доложить о результатѣ, подъ вечеръ осени ненастной, когда грязь въ городѣ была по колѣно, когда масляные фонари безсильно боролись съ туманомъ, наплывшимъ съ сосѣднаго болота, когда офицеры и офицерши сидѣли дома, когда Викторовъ былъ увѣренъ найти своихъ начальника и начальницу вдвоемъ, и только вдвоемъ.

Онъ не ошибся, даже дѣти легли спать; англичанка сидѣла въ своей комнатѣ.

Больше темные глаза Сина долго слѣдили за мѣщанскимъ указательнымъ пальцемъ съ плоскимъ ногтемъ, которымъ Викторъ водилъ по цифрамъ, графамъ, вѣдомостямъ, итогамъ. Больше темные глаза старались во всю свою ширь глядѣть на эти графы, вѣдомости и цифры; но въ уши входили такіа усыпительныя слова, что глаза стали тускнуть, силась не смыватьсь; вѣки стали моргать.

— А вотъ это, внезапно, какъ показалось, по крайней мѣрѣ, рѣшительно потерявшему всякую нить объясненій Огнину:—это, тихо, но отчетливо произнесъ Викторъ, положивъ на столъ толстый пакетъ набитый ассигнаціями:—это вотъ деньги, что вамъ слѣдуетъ, и что надо по принадлежности отослать.

И Викторъ зорко оглядѣлся кругомъ. Это было окончательное испытаніе, которому онъ подвергалъ свое новое начальство.

Клеопатра Ивановна все время вышивала у лампы, но слушала и бодрствовала. Ей повезало, что она можетъ понять. Видъ денегъ нѣсколько разогналъ дремоту Семена Семеновича. Но ему даже не казалось, что онъ понимаетъ, онъ даже не могъ заставить себя подумать, понимаетъ онъ или нѣтъ.

Викторъ улыбнулся, поощренный проблескомъ сознанія въ глазахъ начальницы, и сталъ пояснять начальнику.

Конечно, Семену Семеновичу было известно ранѣ назначенія на должность, что съ нею сопряжены нѣкоторые маленькіе доходы. Ну, въ родѣ квартирныхъ, столовыхъ, только такихъ, что въ штатѣ нѣтъ...

Семень Семеновичъ дѣйствительно вспомнилъ что-то такое въ этомъ родѣ.

Ну, вотъ это-то именно эти доходы и есть. Какъ они получались? Очень просто. Совершена годичная операція, сдѣланы заготовки. Справочныя цѣны были выхлопотаны (Викторъ такъ и сказалъ «выхлопотаны», а не получены или вытребованы) отъ губернской земской управы имъ самимъ, Викторымъ, лично; цѣны настоящія (настоящія въ смыслѣ выгодныя, крупныя), по этимъ цѣнамъ была сдѣлана заготовка и все принято. Товаръ превосходный. Викторъ говорилъ правду: продукты были безукоризненны; самый избалованный солдатъ, самый взыскательный ре-визоръ не могли бы ни къ чему придраться. Продукты превосходныя, но такъ какъ цѣны были настоящія, то подрядчики поставили продукты по цѣнамъ ниже справочныхъ, полученныхъ отъ земства.—А это?—пакетъ съ деньгами. Вотъ экономія, которая слѣдуетъ ему—Виктору, Огнину и еще... Каждой инстанціи—обычаемъ опредѣленный процентъ. На все установленъ порядокъ...

Клеопатрѣ Ивановѣ начинало казаться, что она хорошо понимаетъ. Семенъ Семеновичъ сдѣлалъ сверхъ-естественное усиліе надъ своими мозгами, и достигъ, наконецъ, до сознанія, что онъ ничего не понимаетъ. Это было немного, но все-таки шагъ впередъ съ его стороны.

Викторовъ продолжалъ пояснять: обычай, дескать, межъ людей. Никто не обиженъ. Напротивъ, солдатамъ такіа деликатесы припасены, что пальчики оближутъ. Подрядчики зашибли копейку. Расходы не превышаютъ настоящихъ цѣнъ. Чьи деньги? Да какъ сказать? казенныя, то есть даже и не казенныя, а такъ ничьи. Незаконно? какъ незаконно? Въ штатѣ нѣтъ, правда, но «обычай» предоставляеть... Мало того, и «по принадлежности» процентъ посылается... Кому «по принадлежности»?

Викторовъ назвалъ хорошо извѣстное супругамъ имя... ну, конечно, не прямо на его имя...

При знакомомъ имени, Клеопатра Ивановна встрепенулась, и Симъ будто бы очнулся.

— Ахъ, милый Платонъ Васильевичъ! такъ по имени и отчеству звали того милостивца, котораго Викторовъ, въ своемъ ничтожествѣ, осмѣливался называть только по чину и фамиліи: — милый Платонъ Васильевичъ! Помнишь, Симъ? Вѣдь онъ тебѣ и мѣсто доставилъ. Да. Вѣдь и ему помогъ въ люди выйти покойникъ папа. Онъ — папино созданье! И какой молодець до сихъ поръ. Какой красавецъ! До сихъ поръ танцуетъ. Помнишь, Симъ, какъ онъ пикиръ съ княгиней М. устроилъ, еще баронессу потащилъ. Потѣха!

И Клеопатра Ивановна съ увлеченіемъ рассказала эпизодъ великосвѣтской петербургской гулянки, героемъ которой былъ Платонъ Васильевичъ, папино созданье. Глаза Симъ стали оживать. Когда эпизодъ былъ рассказанъ и супруги сладко мѣли въ воспоминаніяхъ, Викторовъ пояснилъ, что вотъ именно ему-то, Платону Васильевичу, и слѣдуетъ... Вотъ предмѣстникъ Семена Семеновича былъ упрямецъ, совѣтовъ своего помощника не слушалъ, настоящихъ справочныхъ цѣнъ у губернской управы не выхлопывалъ; экономіи не было; ни себѣ, ни людямъ. И продукты-то не чета нынѣшнимъ. Съ нимъ, Викторовымъ, не ладилъ. Ну, и потерялъ мѣсто.

Клеопатра Ивановна окончательно конгла. И Симъ очутился между двумя наставниками.

Деньги были подѣлены; доля Огнина была положена Клеопатрой Ивановной въ карманъ. Симъ донялъ кѣ-торые факты, но связь ихъ была на столько для него смутна, что когда наступилъ слѣдующій періодъ операций, онъ все напуталъ, а Викто-

ровъ не могъ и на этотъ разъ выхлопывать. Но онъ старался растолковать майору, что суть въ двухъ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ: выхлопотать настоящіа цѣны у земства, которое всегда прижимаетъ, неизвѣстно къ чему, ибо никакого матеріальнаго касательства не имѣеть... Второе: толковый уговоръ съ поставщиками.

Симъ и тамъ, и тутъ опростоволосился: и съ земствомъ, и съ кушцами. И продукты вышли неважные, и экономіи не оказалось. Другихъ обидѣлъ, и свои деньги, какъ выражалась Клеопатра Ивановна, потерялъ. Теперь, когда приблизился второй періодъ операций, совершить которую предстояло Симу, натурально ея материнское сердце замирало, и натурально же, въ союзѣ съ Викторovichъ, она употребляла всѣ усилія, чтобы какъ слѣдуетъ подготовить мужа къ работѣ.

Благодари Викторову, она омончательно поняла отца, и вызвала въ воображеніи Сима великую тѣнь Ивана Борисовича, едва только Симъ очнулся отъ своего богатирскаго сна. Она говорила и ласкалась, покуда за стѣной въ дѣтской не послышались голоса проснувшихся дѣтокъ. Она продолжала ласкаться, говорить и убѣждать, когда они сидѣли вдвоемъ за чаемъ. Намекать взоромъ, когда съ ними были дѣти.

Въ 10 часовъ велѣно было закладывать и попросить къ Семену Семеновичу Кирила Федоровича Викторова.

Когда Кирилъ Федоровичъ явился и, по просьбѣ Клеопатры Ивановны, обстоятельно натвердилъ своему принципалу, что ему слѣдуетъ говорить въ земствѣ, гдѣ навѣрно будутъ прижимать—тамъ всегда прижимаютъ, и чортъ знаетъ для чего прижимать... Когда Семенъ Семеновичъ затвердилъ урокъ, онъ попытался было спастись.

— Да не съѣдите ли вы, Кирилъ Федоровичъ, за меня?

— Положительно неудобно. Всѣ знаютъ, что вы давно вступили въ должность, всѣ знаютъ, что вы здоровы, вчера были у Калинина, сегодня собираетесь на обѣдъ къ вице-губернатору... Потому, меня тамъ не любятъ. Вамъ, но многимъ причинямъ, удобнѣе...

— Не съѣдите ли вы со мной, по крайней мѣрѣ?

— Какъ это можно! Неловко, главное: нянька. Вѣдь они вообще косятся, что мы ѣдимъ... думаютъ, что и бумаги достаточно... на одного косятся, а тутъ вдругъ оба...

Огнень вздохнулъ.

Черезъ часъ его эгонетка трещала по заглоховскому булыжнику. Въ его зубахъ дымилась толстая сигара. Въ головѣ, какъ клубы табачнаго дыма, такіа же неуловимыя и неясныя крутились мысли: въ самомъ дѣлѣ, чьи же эти деньги? А все су-

щество было проникнуто болѣзнью, почти страхомъ: гдѣ мнѣ не слумѣю я, вѣдь я не тесть. Вѣдь я не Викторевъ.

VI.

Когда эгонстка Огниня подвѣтила къ крыльцу Заглоховской земской управы, коллегія была вся въ сборѣ въ совѣщательной комнатѣ. Калининъ, красный, взъерошенный, недоспанный, сидѣлъ на своемъ президентскомъ креслѣ у огромнаго стола. Вокругъ стола, дымя папиросами, сидѣло четверо членовъ. Одинъ изъ нихъ дѣлалъ отмѣтки карандашемъ на листѣ бумаги, со словъ высокаго, широкаго, съ охладистой черной бородой, въ черномъ суконномъ кафтанѣ, крестьянина, видимо пользующагося благами земными и расположеніемъ начальства. Крестьянинъ, растопыривъ по зеленому сукну стола толстые, опратно вымытые пальцы—въ жирѣ безымяннаго пальца врызалось тонкое золотое обручальное кольцо—медленно, въ свою бороду, отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы, пытливо вглядываясь своими маленькими сѣрыми глазами въ экзаменаторовъ-земцевъ.

Въ углу, у конторки рылся въ бумагахъ маленький, блѣбрысый, худосочный секретарь, съ жиденькой козлиной бородкой. Онъ не спускалъ съ крестьянина тоже пытливыхъ и смѣющихся глазъ. Эти глаза секретаря какъ будто подкарауливали, что мужикъ совретъ.

Дебѣлый мужикъ былъ Онисимъ Быстровъ, содержатель мѣстной почтовой станціи. Заглоховское земство вело въ то время переговоры о принятіи въ свое завѣдываніе отъ казны почтовыхъ станцій въ губерніи, подготовляло условія, расчеты, и, между прочимъ, сегодня допрашивало, въ качествѣ эксперта, Быстрова.

Рѣчь шла о расходахъ на мѣстное начальство, неупоминаемыхъ закономъ, но освященныхъ обычаемъ, и производимыхъ содержателями почтовыхъ станцій по необходимости. Предметъ занимательный, денежный. Вниманіе управы было естественно поглощено всецѣло пивантными откровеніями Быстрова, когда одинъ изъ писцовъ управы пріотворилъ дверь и робко доложилъ, что майоръ Огнинъ желаетъ видѣть г. предсѣдателя.

Предсѣдатель, Калининъ, еще больше нахмурился, еще больше взъерошилъ волосы и вопросительно взглянулъ на товарищей.

— Опричники! крикнулъ, со злобой себѣ подъ носъ и легонько сплюнулъ одинъ изъ членовъ управы, наиболѣе раздражитель-

ный. Онъ всёхъ, состоящихъ не на земской службѣ, называлъ опричниками. — И зачѣмъ шляются?

— За справочными цѣнами, я думаю, пояснилъ другой членъ.

— Бумага на то есть!

— Подождать, я думаю? полувопросительно обратился къ коллегия предсѣдатель. — Мы съ Быстровымъ скоро кончимъ.

— По-о-дождать, еще злостиѣ согласился сердитый членъ.

— Попросите подождать, приказалъ онъ писцу и писецъ нырнулъ въ канцелярію, осторожно, но плотно притворивъ за собою дверь святилища.

— Ну, ну, говори, говори дальше, обратился Калининъ къ Онисиму, вопросительно моргавшему на него глазами: дескать, продолжать, али не продолжать? — Говори; такъ ты въ губернскую контору платишь по 42 р. въ мѣсяцъ. Въ уѣздную?

— До уѣздной конторы, намъ, Петръ Степановичъ, касательства нѣтъ, потому самому, что мы въ губерніи стоимъ...

— Ну, а содержатели станцій въ уѣздахъ?

— Тѣ платятъ тоже, тамъ сколько съ лошади придется. По два рубля, али по три съ лошади, по мѣсту глядя...

— Тебѣ, примѣрно, сколько же въ годъ съ лошади придется переплатить?

Быстровъ растопырилъ другую руку по столу, навалился низомъ брюха, подумалъ и объяснилъ, что у него въ годъ съ лошади болѣе двухъ четвертныхъ сойдесть; а у уѣздныхъ содержателей мало, чѣмъ меньше.

— А получаешь ты на лошадь отъ казны — 235 рублей въ годъ? Ямщикъ кивнулъ головой.

— Значить, около четверти. Ямщикъ кивнулъ головой. — А натурой?

— Натурой? Извѣстно, что бы всегда пара была наготовѣ... Ну, мой работникъ всегда при конторѣ... Ну, въ уѣздахъ этого нѣтъ. Намъ тяжелѣе всего будетъ.

— Ну, а если бы все это съ тебя снять, сколько бы ты за лошадь согласился взять?

Мужикъ растопырилъ сѣрые глаза, дохнулъ въ бороду и откачнулся назадъ.

— Что это? И что бы не платить, и чтобы пары не держать, и воды не возить?.. такъ изволите спрашивать?

— Да.

— Гдѣ же это возможно.

— Ну? а? ну?

— Охъ! я бы отъ казны, вотъ, какъ передъ Богомъ передъ

Христомъ... больше полтора ста за лошадь не сталъ бы просить! Потому, этого безпокойства, этихъ неприятностейъ...

Допросъ былъ на этотъ день докопченъ, Быстровъ отпущенъ. Членъ, дѣлавшій отмѣтки, подсчиталъ цифры.

— Подумаемъ, повторилъ совсѣмъ взерошенный Калининъ. — А теперь надо съ этимъ Огненнымъ покончить. Онъ ждетъ.

— Мы не нужны? заговорили члены и стали было расходиться.

— Я бы просилъ когонибудь изъ васъ остаться со мной обратился председатель: — мнѣ бы не хотѣлось объясняться съ Огненнымъ съ глазу на глазъ.

— Да что тутъ объясняться съ нимъ? онъ пріѣхалъ за отвѣтомъ на бумагу о справочныхъ цѣнахъ—ну, и дадимъ ему бумагу со справочными цѣнами, замѣтилъ членъ, на долю котораго, по всѣмъ соображеніямъ, выпадало собесѣдованіе съ майоромъ.

— Вотъ бы, Петръ Степанычъ, ехидно замѣтилъ желчный членъ, неупускавшій случая пустить шпильку по адресу широкихъ и обильныхъ проэктовъ председателя-реформатора: — вотъ бы составить проекецъ о принятіи земствомъ на себя интендантскихъ обязанностей — сколько бы мы на экономію дорогъ построили, богадѣленъ. Пфа! Только держись! Вмѣсто Быстрова, въ качествѣ эксперта, пришлось бы подрядчика Краснопузова вызвать. Хе, хе.

И желчный членъ удалился, вмѣстѣ съ двумя другими. Четвертый остался съ председателемъ.

— Что же ему! приказать выдать справку, да и кончено, замѣтилъ членъ:—зачѣмъ они ѣздятъ сами! Что за переговоры!

— Да. Но, говорятъ, однако, что мы прошлый разъ дали имъ такіа цѣны, что они не справились. Съ начальствомъ имѣли неприятности.

— Кто это вамъ говорилъ — онъ? членъ указалъ на дверь, за которой предполагалось присутствіе Огнина:—или Викторозъ?

— Нѣтъ. Не они... А такъ я стороной слышалъ...

Калининъ не договорилъ, отъ кого онъ слышалъ стороной, а слышалъ онъ отъ своей жены, наканунѣ вечеромъ, когда гости разѣхались. Клеопатра Ивановна, предложивъ мадамъ Калининной купить ландо и рояль, не скрыла, что она продаетъ эти вещи изъ нужды, что дѣти нуждаются, что, можетъ быть, еще больше будутъ нуждаться. Что мужъ потерялъ свои деньги на послѣдней заготовкѣ, что произошло это потому, что земство доставило ужасныя цѣны. Что вотъ завтра мужъ опять будетъ получать цѣны изъ земства. И если опять его обидать — можетъ, придется по жиру пойти. Земство этого ничего не знаетъ и проч.. и проч. Мадамъ Калинина была дама весьма разсудительная и

чувствительная; она вошла въ положеніе бѣдной матери семейства. Мадамъ Калинина общала поговорить мужу, чтобы онъ завтра былъ осмотрительнѣе, не притѣснялъ Огнина. Она, кромѣ сердечной доброты, была въ тому побуждаема искренней ненавистью къ земству. Мужа она любила, но мужъ не могъ примирить ее съ этими глупостями, какъ она называла земскія реформы. Мадамъ Калинина была дочь мѣстнаго помѣщика, и четверть губерніи была ей сродни. Чуть не всѣ ея родные ругали земство, только весьма ничтожный ихъ процентъ, кое-гдѣ (пристроившійся къ управамъ, былъ толерантенъ, ибо получалъ. Огромное большинство никуда не пристроилось, ничего не получало, только платило, платило годъ отъ году больше, съ тѣхъ поръ, какъ завелось земство; платило за честь быть владѣльцами земель, не дававшихъ дохода... Да и тѣ, кто получалъ—(хоть бы сама мадамъ Калинина: жалованье цѣликомъ передавалось ей супругомъ) ничего не выигрывалъ. Жалованья не хватало на расходы, а времени не хватало на занятіе хозяйствомъ. Разворенье, да и только. Да и мужа—бывало домосѣда—все у нея отнимало земство. Либо онъ въ управѣ сидитъ, либо онъ объ управскихъ дѣлахъ толкуетъ, либо онъ по управскимъ дѣламъ въ разѣздахъ.

Мадамъ Калинина терпѣть не могла земства. Какъ супруга, вѣрная своему долгу, она въ обществѣ, конечно, не выказывала своихъ антипатій; но, при случаѣ, наединѣ съ Петромъ Степановичемъ, отводила душу.

Случай представился. Мало этой управѣ раззорять помѣщиковъ, а и постороннихъ людей—Огнинныхъ—раззорять. Калинина рѣшилась высказать это мужу. Ближайшій удобный случай, конечно, представился, когда супруги отошли ко сну и потонули въ старосвѣтскомъ, облако-образномъ, охватывающемъ вспариную пуховикѣ.

Мадамъ Калинина осаждала мужа почти при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ Клеопатра Ивановна атаковала Сима. Но Клеопатра Ивановна брала лаской и хитростію, помѣщица же вела открытую битву, не стѣсняясь ни выраженіями, ни тономъ.

Къ утру, обѣ супруги были побѣдительницами. Калининъ поругался съ женой за утреннимъ чаемъ, и уѣзжая въ управу, былъ сердитъ на жену, но, какъ всегда, у него въ головѣ гвоздемъ засѣли ея доводы и эти справочныя цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, не напутала ли, не отнеслась ли къ этимъ цѣнамъ управа небрежно? Онъ имѣлъ причины впадать въ сомнѣніе. При самомъ открытіи земства, когда собраніе справочныхъ цѣнъ было передано въ вѣденіе земства, Калининъ настоялъ на систематизи-

рованіи способа ихъ собранія. А именно, въ каждомъ уѣздѣ, по нѣскольку гласныхъ должны были ежемѣсячно сообщать объ нихъ свѣдѣнія въ уѣздную управу, а уѣздныя управы, съ своими соображеніями, доставлять губернской, а губернская дѣлать выводы. Онъ хотѣлъ, чтобы въ цифрѣ отражалась жизнь. Система была принята. Но справочныя цѣны, повидимому, ничѣмъ органическимъ не были связаны съ земскимъ дѣломъ. Онѣ становились формальностію, почти помѣхой. Свѣдѣнія стали собираться по печатнымъ бланкамъ, рассылаемымъ гласнымъ, гласные стали представлять въ мѣсяца въ мѣсяць одиѣ и тѣ же цифры. Эти цифры можно было бы напечатать. Уѣздныя управы стали доставлять губернской въ мѣсяца въ мѣсяць одиѣ и тѣ же стереотипныя соображенія. Въ цифрахъ жизни не отражалось. Система родилась мертвою. Это были мертвыя простые значки, переписываемыя въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и рассылаемыя въ видѣ справокъ и отчетовъ лицамъ и учрежденіямъ, чуждымъ земству...

Это омертвленіе всей системы, которой онъ былъ родителемъ, давно огорчало Петра Степановича, и онъ былъ склоненъ допустить, что земство могло ошибиться, грубо ошибиться — могло повредить. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, Огнины могли пострадать. Говорятъ злыя языки о разныхъ злоупотребленіяхъ. Охъ-хо-хо! Петръ Степановичъ былъ добрый христіанинъ, любилъ подавать милостыню. Иногда, протягивая грошникъ хромому нищему съ сивымъ носомъ, онъ думалъ; «пропеть шельма, надуваетъ». Но тутъ же успокоивался; «лучше, дескать, пусть меня обманываютъ, а я все-таки доброе дѣло сдѣлаю».

Этотъ истинно христіанскій принципъ онъ примѣнялъ къ общественной и даже государственной жизни, ибо выдача интендантскому вѣдомству справочныхъ цѣнъ — дѣло государственное.

Ну, если Огнинъ и надуваетъ, грѣхъ на его душѣ. А вѣрнѣе, что мы напутали! надо поправить ошибку. Женѣ онъ не сознался въ такомъ результатѣ ея атаки. Но она, по опыту, была увѣрена въ побѣдѣ.

Теперь, въ управѣ Петръ Степановичъ повѣрилъ свои сомнѣнія и помыслы оставшемуся съ нимъ товарищу, умолчавъ, по христіанскому смиренію, о своемъ христіанскомъ правилѣ и схватѣ съ женой. Членъ выразилъ нѣкоторое, весьма, впрочемъ, слабое предположеніе: что, дескать, мошенники они...

— Ну, ужъ не Огнинъ же мошенникъ, даже засмѣялся Калининъ: — онъ только и годится для коня, да для жены. Какой онъ мошенникъ! Только взглянуть стѣбитъ.

Дѣйствительно, достаточно было взглянуть на Огнина, когда

онъ вошелъ, чтобы всякія подозрѣнія обратились въ прахъ. Безпомощность, невинность, дѣвственность, можно сказать, этого могучаго атлета никогда не проступала такъ отчетливо наружу, какъ теперь. Онъ былъ блѣденъ, большіе глаза блуждали боязливо, руки чуточку дрожали; казалось, онъ даже не совсѣмъ твердо держался на ногахъ. Рѣчи были тихи и несвязны; почти дѣтскій лепетъ. Сизъ находился въ высшей степени возбужденія и истощенія. Его голова столько передумала съ утра, что онъ совсѣмъ изнемогъ, а въ головѣ все таки былъ хаосъ. Онъ скорѣе осваивалъ, чѣмъ сознавалъ, подъ впечатлѣніемъ уроковъ жены и Викторова, что ему надо достать настоящія цѣны. А что если онъ ихъ не достанетъ? Онъ не исполнитъ своего долга; Платонъ Васильевичъ разсердится, ландо будетъ продано, романъ тоже, англичанкѣ-губернанткѣ придется отказать. Надо достать настоящія цѣны. Надо.

Жена говоритъ, что онъ уподобится великому Ивану Борису-ичу. Этотъ доводъ сильно его поразилъ; онъ былъ стимукемъ, но, однако, не убавленіемъ. Доводъ этотъ не выходилъ изъ ума и производилъ тамъ большой безпорядокъ. Надо достать настоящія цѣны.

А трудно. Какъ бы не забыть, что надо говорить? какъ Викторовъ училъ? что они, это земство, будутъ говорить? Они пройдутъ. Какъ я съ ними справлюсь. А надо достать настоящія цѣны.

Огнине трусилъ. Онъ несравненно охотнѣе съ эскадрономъ кавалеріи отважился бы завоевать цѣлое средне-азиатское ханство, или полѣзъ бы на стѣну осаждаемаго города, или схватился бы въ рукопашную съ медвѣдемъ, чѣмъ поѣхать въ земскую управу, а нечего дѣлать: надо достать настоящія цѣны.

Онъ растерянно и полусознательно лепеталъ то, что ему навѣрилъ Викторовъ, и, къ счастью, ему какъ разъ говорили и у него спрашивали то, что предсказывалъ Викторовъ. Сизъ машинально, дремотно обводилъ глазами кругомъ, почти не замѣтилъ, какъ былъ позванъ секретарь, какъ секретарь рылся съ предсѣдателемъ въ ворохъ какихъ-то вѣдомостей, какъ настроилъ 10 строчекъ отношенія съ дюжиной цифръ. Эти цифры, однако, показались Огнину чѣмъ-то знакомымъ, какъ будто именно тѣ самыя, которыя ему навѣрилъ Викторовъ. Когда Огнине положилъ въ боковой карманъ подписанное управой отношеніе, пощупалъ его, всталъ, чтобы проститься и Калининъ громко сказалъ ему: «ну видите, Семень Семенычъ, мы на этотъ разъ навѣрно не ошиблись. По вашему». Тогда Огнине сталъ приходить въ себя, сталъ ощущать какое-то радостное

чувство: сознание выполненнаго дѣла; труднаго, страшно труднаго дѣла, перваго, можетъ статься, головоломнаго дѣла во всей его жизни. На чистомъ воздухѣ, среди сжатыхъ полей, на дрожкахъ, уносившихъ его домой, онъ начиналъ даже ощущать нѣкоторую гордость, собой гордиться. Чѣмъ не Иванъ Борисовичъ, въ самомъ дѣлѣ!

Но когда дома, по тщательномъ осмотрѣ справки Викторovyмъ, оказалось, что цѣны совсѣмъ «настоящія», когда жена его трепала, цѣловала, и шепнула, что, можетъ быть, ландо не придется даже продавать, что Симъ молодецъ; когда Викторovy фамильярно хлопалъ его по плечу, тоже приговаривая: молодецъ!— онъ, какъ добрый пестъ, чуждый всякихъ начальническихъ инстинктовъ, подставлялъ свою спину и чувствовалъ себя въ самомъ блаженномъ состояніи. Тѣмъ болѣе, что Викторovy великодушно пообщалъ съ Краснопуховымъ самъ дѣло обдѣлать. «Вы тамъ въ другой разъ, замѣтилъ Викторovy:—довольно нынче потрудились».

Черезъ нѣсколько недѣль, Симъ блаженствовалъ, еще болѣе вкушая плоды своихъ усилій. Ландо не было продано. Разныя залежавшіяся счета по лавкамъ уплачены. Дѣти къ зимѣ одѣты, какъ куколки. Клеопатра Ивановна для себя ни ленточки не купила. Но мужу она выписала отъ Фейба сигары, какихъ онъ давно-давно не курилъ. Онъ съ такимъ наслажденіемъ попыхивалъ эти сигары, растянувшись на оттоманѣ въ кабинетѣ, что Клеопатра Ивановна, несмотря на мигрень, плохо дружившую съ табачнымъ запахомъ, не имѣла силы уйти отъ мужа. Такой онъ былъ красивый, счастливый, спокойный, мощный! Къ тому же, онъ начиналъ практично смотрѣть впередъ. Первый шагъ былъ труденъ. Но мало по малу...

Р. S. Въ Бухарестѣ всѣ отлично знаютъ полковника Огнива и его помощника Викторова. Огнинъ работаетъ не менѣе успѣшно, чѣмъ Викторovy. Клеопатра Ивановна значительно пополнила, помолодѣла и гораздо рѣже страдаетъ мигренью.

Л. Русницъ.

ПРОЛОГЪ.

(Изъ Барбы).

Пусть говорятъ, что я готовъ надъ всѣмъ смѣяться,
Что въ тнѣ и въ грязи люблю я пресмыкаться;
Что я, какъ Діогенъ, хочу негодовать,
Хочу въ его плащѣ цинизмомъ щеголять...
Что иногда мой стихъ, съ насмѣшкою злорадной
Все: имя, славу, честь поносить безлощадно...
Пускай себѣ кричитъ кругомъ толпа глупцовъ,
Поддѣльныхъ чувствъ своихъ безстыдныхъ продавцовъ!
Пускай бѣснуется, на фразахъ выѣзжая,
Какое дѣло мнѣ до пошлаго ихъ дая!..
Нѣтъ, если стихъ мой грубъ, несдержанъ такъ норою,
То въ нашъ продажный вѣкъ не могъ онъ быть мною:
Людской цинизмъ его невольно заражаетъ,
И ненависть къ злу иперболы рождаетъ..
Нѣтъ, нѣтъ ни чей упрекъ мнѣ совѣсть не смутить:
Пусть будетъ грубъ мой стихъ, но честно онъ звучитъ!..

ЛОНДОНЪ.

(Изъ Барбье).

Въ теченіе вѣковъ, усиліями людскими,
Разросся онъ кругомъ съ предмѣстными своими;
Насколько видитъ глазъ, въ пространствѣ онъ лежитъ,
Воздвигнувъ къ небесамъ свой мраморъ и гранитъ,
Колонны и дома—громады вѣковныя,
Торчащія во мглѣ, какъ призракъ тѣмныя.
Здѣсь, точно кѣлій адъ влопочетъ подъ землей,
Безъ умолку стоитъ и стонъ и гулъ глухой;
И, застывая день, кружась подъ небесами,
Несется паръ и дымъ густыми облаками.
Надъ массой кирпича красивые шпили
Въ туманной высотѣ видѣются вдали;
Зловонная рѣка волной своей тлетворной
Катитъ межъ береговъ потоки грязи черной;
Желѣзные мосты, всей тяжестью своей,
Гигантами висятъ, раскинувшись надъ ней;
Со всѣхъ концовъ земли, подъ темныя ихъ своды,
Съ богатствами всѣхъ странъ несутся пароходы;
За верфью— снова верфь, за складомъ—новый складъ,
Какъ будто помѣстить весь міръ сюда хотятъ...
Здѣсь, словно рудокопъ, запачканный и грязный,
Покажется на мигъ ликъ солнца безобразный,
Сквозь копоть поглядитъ съ глубокою тоской
И спрячется тотчасъ за тучами и мглой...
И въ этой суетѣ, въ пучинѣ непроглядной,
Въ борьбѣ на жизнь и смерть съ нуждою безпощадной,
Волнуясь, человекъ за золотомъ бѣжитъ
И по пути равно добро и зло творитъ...

ПРОГРЕССЪ.

(Изъ Барбле).

Напрасно намъ въ примѣръ и въ назиданье
Исторія — свидѣтель прошлыхъ дней,
Передаеть, минувшія дѣянья
И рядъ судебъ народовъ и людей:
Все тотъ-же мѣръ, все тѣ же въ немъ надежды
И нищета и роскошь та-же въ немъ;
И такъ-же мы, какъ жалкіе невѣжды,
Своихъ отцовъ преданьями живемъ..

Въ іюльскій день, подъ знойными лучами,
Межъ тѣмъ, какъ мѣръ намъ весь рукоплескаеть,
Народный хоръ, украшенный вѣнками,
Хвалебный гимнъ свободѣ распѣвалъ.
Мы пѣли всѣ, въ пылу очарованья,
Въ тотъ свѣтлый мигъ, не вѣдая о томъ,
Какія ждутъ еще насъ испытанья,
Какъ за нее заплатимся потомъ!
Мечтали мы, безумцы, о лавуре,
Когда гроза была надъ головой,
Густѣла тьма вокругъ... и новой бури
Вдали гремѣлъ предвѣстникъ роковой.

И снова къ камъ явились, какъ на смѣну,
Порокъ и зло безстыднѣйшихъ вѣковъ;
Корысть, развратъ и низкую нечѣстную
Минувшихъ лѣтъ увидѣли мы вновь.
Слѣпой вражды мертвящая картина
Во всей красѣ разверзлася опять:

И легся кровь и, въ ужасѣ за сына,
Молясь дрожить, рыдающая мать.
Предѣловъ нѣтъ порывамъ озлобленья:
Кругомъ картечь неустово греметь;
Желѣзный штыкъ, не зная сожалѣнья,
Грудныхъ дѣтей и женщинъ не щадеть.
Былыхъ временъ воскресли всѣ невзгоды,
Бъ будто міръ, свершивъ переворотъ,
Наперекоръ законамъ всей природы,
Ужъ съ давнихъ поръ не движется впередъ.

М. П. Исаковъ.

КАРТИНКИ ДОМАШНЯГО ВОСПИТАНІЯ.

Прошло четыре года послѣ того, какъ я была у Климовой, съ цѣлю прісмотреться къ ея дѣтамъ и къ воспитанію, которое она имъ давала. Въ эти четыре года я потеряла ихъ изъ вида, хотя, впрочемъ, до меня и доходили объ нихъ слухи. Рассказывали, что сестра Климовой, Маша, уѣхала за границу держать экзаменъ, что самъ Климовъ отыскался, наконецъ, вернулся изъ Америки, опять сошелся съ женою — и у нихъ пошли новые порядки.

Мнѣ захотѣлось взглянуть и на нихъ, и на эти новые порядки; встать, у меня подвернулось дѣло, и я отправилась къ нимъ.

Я вошла въ переднюю не звоня, дверь стояла настежь. Горничная, старая знакомая, болтала на лѣстницѣ съ почтальономъ.

- Дома барыня?
- Дома, пожалуйста.
- А баринъ?
- Баринъ на практикѣ.

Я вошла. Квартира была та же, но имѣла другой видъ. Она была нарядна и даже изящна. На окнахъ висѣли занавѣсы, на дверяхъ портьеры; на мѣсто дыряваго кожаннаго дивана и разнокалиберныхъ стульевъ, стояла хорошенькая мягкая мебель; на столѣ не лежали уже грудой наваленныя книги и газеты, а стояла лампа въ помпейскомъ вкусѣ, и такія же вазочки.

Эта помпейская лампа прежде всего бросилась мнѣ въ глаза. «Вотъ оно что! подумала я:—ну, теперь я кое-что понимаю». Дѣло въ томъ, что я сдѣлала свое маленькое замѣчаніе—я его не выдаю за абсолютную истину, нѣтъ -- но я примѣтила, что

нотариусы, доктора, и отчасти адвокаты, когда имъ жизнь начинается стлаться скатертью, и они начинаютъ пробираться въ область ликующихъ, непременно начнутъ съ того, что на первыхъ порахъ украсятъ себя въ помпейскомъ вкусѣ: или квартиру займутъ съ красной лѣстницей, или галерею выкрасятъ въ красное, или просто лампу заведутъ красную. Но это такъ, между прочимъ.

И такъ, гостиная Климовыхъ имѣла другой видъ, обличала довольство, и даже нѣкоторую элегантность. Въ открытую дверь видѣлся кабинетъ мужа, удобный и красиво заставленный мебелью. Зато комната Климовой осталась таже самая. Это была рабочая комната нетребовательнаго человѣка. Въ ней было только самое необходимое: маленькая желѣзная кровать, столъ, комодъ, два, три стула. Столъ стоялъ посрединѣ комнаты и былъ заваленъ книгами, газетами, брошюрами. Этотъ столъ стоялъ во время дню въ гостиной, а теперь онъ занималъ чуть ли не треть комнаты. Вдоль стѣны тянулася большая этажерка для книгъ изъ простого дерева, не крашенная. Это была новая этажерка; такъ что, судя по ней, личные вкусы и потребности самой Климовой не измѣнились.

Въ ожиданіи хозяйки, я сѣла и принялась за альбомъ.

Рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, шелъ крупный разговоръ. Разговаривали громко, такъ что до меня долетало каждое слово.

Я пробовала кашлять, передвигала стулья, но меня не замѣчали.

— Я не могу... не могу... понимаешь ли ты, что я не могу! говорилъ молодой голосъ страстно, чуть ли не съ плачемъ.

Говорила Мата, старшая дочь Климовой.

— Ты говоришь вздоръ... это вещь невозможная, чтобы ты не могла.

— Не могу.

— Это упрямство, больше ничего—нежеланіе.

— Какая ты странная, мама... съ какой стати я буду упрямиться... для чего? Какая мнѣ отъ этого польза?.. Я просто не могу.

— Послушай! Вѣдь это можетъ взбѣсить кого хочешь!.. Какъ это, въ шестнадцать лѣтъ не быть въ состояніи заставить себя выучить то, что нужно.

— Какъ ты хочешь, мама, а катехизисъ невозможно выучить... его непременно спутаешь.

— Отчего же другіе учатъ?

— Другіе могутъ, а я не могу!..

— Мата!

— Нѣтъ, увѣряю. Начну: многочастнѣ, многообразнѣ, много-
частнѣ, многообразнѣ—оказывается, что я точно во снѣ твержу
это, а самой меня тутъ нѣтъ.

— Ты себя распукаешь... сосредоточься, заставь себя...

— Ахъ, мама, если я не могу! Я хочу, да не могу... у меня
болѣзнь воли...

— Что-о?.. болѣзнь воли? Это ты откуда выкопала?.. Это что
значить?.. Опять фразы!..

Мать сердилась, дѣвочка оправдывалась.

— Мама, это не фразы, говорила она:—увѣряю тебя, что не
фразы. Я не могу себя заставить дѣлать то, что хочу... Развѣ
я не понимаю... я все понимаю... я знаю, что нужно, я не могу...
Развѣ мнѣ пріятно, что ты на меня часто сердилась... У меня
нѣтъ никакой силы надъ собою...

Въ тонѣ дѣвочки было отчаяніе... Отвѣтъ матери былъ не-
слышенъ.

— Но, увѣряю тебя, мама, что сама я ничего не могу сдѣ-
лать. Заставляй меня ты... тогда я буду дѣлать.

Климова заговорила громко, въ ея тонѣ слышался гнѣвъ.

— Заставляй ее!.. Вотъ къ какому результату пришли мы въ
шестнадцать лѣтъ! ничего толково не знаемъ, не можемъ вы-
держать экзамена въ шестой классъ—не знаемъ того, что знаетъ
каждая дѣвочка тринадцати лѣтъ...

— Но, зато я знаю то, чего не знаетъ другая и двадцати.

Мать не слушала возраженія, и продолжала тѣмъ же тономъ.

— Ничего не знаетъ, даже писать не умѣеть, и, къ доверше-
нію всего, «заставляй» ее дѣлать то, что ей нужно... Постыдись!..
Неужели тебѣ не дорога свобода дѣйствія?..

— Ахъ, мама! на что мнѣ эта свобода! Что мнѣ съ нею дѣ-
лать? совсѣмъ она мнѣ не нужна эта свобода.. только неприят-
ности...

Мать опять всплила. Въ словахъ ея слышалась горечь, до-
сада. Дѣвочка плакала.

Мнѣ было неловко. Я нѣсколько разъ пыталась уйти. Но эта
сцена волновала и меня. Мнѣ захотѣлось узнать, почему это все
такъ вышло.

Въ сосѣдней комнатѣ смогло.

Я уронила альбомъ.

— Это ты, Николай? послышался голосъ Климовой.

— Нѣтъ, это я... Кожухова.

— Вы? Вотъ не ожидала! подождите, я сейчасъ приду.

Минутъ черезъ пять, вошла Климова. На мои глаза она измѣ-
нилась. Похудѣла. Въ лицѣ прибавилась какая-то черта, которая

дѣлала выраженіе ея лица мягче, но и грустиѣе. Самоувѣренности было меньше, она стала какъ-то проще, привѣтливѣе.

Она была взволнована, и не скрывала этого.

— Слышали вы нашъ разговоръ? спросила она меня послѣ первыхъ привѣтствій.

— Слышала.

Она замолчала и задумалась.

— Вы знаете... Я не знаю, что дѣлать съ моими дѣтьми... Иногда на меня находитъ отчаяніе... Рѣшительно ничего не понимаю... кто правъ, кто виноватъ, но, очевидно, тутъ виноватый есть... и этотъ виноватый, вѣроятно, я... конечно, я... Но, воля ваша, я тутъ ничего не понимаю... Что я просмотрѣла... что испортила—не знаю... Я знаю только одно: что у меня была цѣль жизни—дѣти... воспитаніе ихъ... А теперь оказывается, что я пришла къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ добивалась... Совершенно не то, чего я хотѣла... Я въ положеніи курицы, которая думала вывести цыплятъ... Чтѣ я говорю: цыплятъ?.. орлятъ... Вотъ что я думала... и вдругъ оказалось Богъ знаетъ что...

— Но въ чемъ же дѣло?

— Сама не знаю!

— Однако, какъ же это?.. Что такое?..

— Да просто я пришла къ тому заключенію, что я, или совсѣмъ дура, ничего не понимаю, или что мать не можетъ, и не должна быть воспитательницей своихъ дѣтей. На это должны быть специалисты... Нужна другая обстановка... общественная жизнь, школа что ли! Однимъ словомъ, совсѣмъ не то, что мы можемъ имъ дать. А мать, потому только, что она мать, не можетъ, въ особенности, если она страстно относится къ дѣлу. Вы знаете, «охота смертная, да участь горькая».

— Однако, мы видимъ много примѣровъ...

— Чтобы мать, добросовѣстная.... умная.... женщина нашего времени... нашего злосчастнаго круга сказала вамъ, что она довольна результатами своего воспитанія—не вѣрю! Или она вретъ, или сама ничего не понимаетъ.

— Нѣтъ... вотъ Madame Домерсмейеръ.

— Нѣмка?.. Вы бы такъ и сказали: про нѣмокъ я ничего не говорю. И про такихъ женщинъ, «которыя похожи на нѣмокъ»... тѣ, можетъ быть, и знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Онѣ и могутъ. Видите ли, онѣ имѣютъ преимущество передъ нами. Она знаетъ навѣрно, чтѣ она дѣлаетъ. У нея есть три-четыре истины, она и стойтъ на нихъ. Учися хорошо, какъ показано въ программѣ, одобренной министерствомъ народнаго просвѣщенія; не расточай,

а лучше берегай; не пачкай платья, умѣй быть пріятнымъ... Почему я знаю, чему она ихъ учить? Но чему она ихъ учить, того, конечно, достигаетъ...

— Ну, а мы-то почему не можемъ добиться того, чего хотимъ?

— Ахъ, Боже мой! Потому, что мы вопросъ ставимъ шире. Она хочетъ воспитать практическаго человѣка, она сама практическая—ну и воспитаетъ, конечно... А мы сами не знаемъ, чего хотимъ. Мы всего хотимъ!

— Да! мы всего хотимъ, мы хотимъ нашей кружечкой зачерпнуть весь океанъ, сказала я со вздохомъ.

— Да, именно кружечкой! Что мы знаемъ? Чего мы сами стоимъ? Ничего!.. Въ насъ вѣдь нѣтъ ничего такого... настоящаго, цѣльнаго, опредѣленнаго... У насъ только стремленія, побужденія, желанія, ощущенія—больше ничего! и все это мы принимаемъ за нѣчто. А знанія настоящаго, знаете, такого, которое необходимо, когда берешь на себя воспитать живую человѣческую душу, воспитать человѣка полезнаго себѣ и другимъ—вотъ этого знанія у насъ нѣтъ. Мы сами ходимъ чуть ли не ощупью, безпрестанно спотыкаемся, сами мы слѣпы, глухи, глупы, сами рабы до кончика ногтей, а хотимъ прокладывать путь свободному, новому человѣку!

Климова была сильно взволнована. На глазахъ у нея блестѣли слезы. Видно было, что она выкрикивала съ болью свою мучительную мысль.

— Знаете ли, къ какому я еще пришла результату? начала она опять.

— Ну?

— О! я пришла ко многимъ неутѣшительнымъ результатамъ!—Такъ какъ условія, въ которыхъ мы всѣ существуемъ въ настоящее время, ненормальны, невозможны, такъ какъ вездѣ, если не ложь, то потворство лжи, разладъ, компромиссы, независимыя причины—значить, негдѣ и искать среды, которая была бы со всѣмъ подходящая, и которую мы желали бы для нашихъ дѣтей... Однимъ словомъ, нѣтъ такой среды, въ которой мы не гнали бы ихъ, не вносили бы въ ихъ душу разлада!

— Ну?..

— А если такой хорошей среды нѣтъ, если есть среда скверная, то, по моему, гораздо лучше, если въ эдакой средѣ и родители будутъ скверные... Пусть дѣтямъ худо живется, пусть объ нихъ не заботятся, пусть даже они слегка страдаютъ... повѣрьте, это будетъ лучше.

— Богъ съ вами! Что вы такое говорите!

— Нѣтъ, убѣряю. Я убѣждена и докажу вамъ, что у эгоистичныхъ, непорядочныхъ, нехорошихъ родителей скорѣе будутъ хорошія дѣти. Конечно, я не говорю о самодурахъ, о деспотахъ, о тѣхъ, которые ломаютъ и коверкаютъ—нѣтъ! я говорю объ обыкновенныхъ среднихъ людяхъ. Если ребенку худо живется, то у него является недовольство, потомъ, при извѣстномъ толчкѣ, скоро зарождается самостоятельная мысль—смотришь, онъ ужъ и сравниваетъ, понимаетъ; онъ многое что начинаетъ понимать, потому что самъ на себѣ все испытываетъ. Онъ самъ сознаетъ неправду и отстаиваетъ себя, борется; у него являются силы, вырабатывается мощь... онъ будетъ живое лицо!

— Ну, а наши дѣти? !

— Наши дѣти? Я не знаю, какіе они будутъ люди, но теперь въ нашемъ ребенкѣ ничего нѣтъ самостоятельнаго, ни мысли, ни чувства: все мы ему приподнесли раньше даже, чѣмъ могъ быть запросъ. Ничего онъ на своихъ плечахъ не вынесъ, не прочувствовалъ; онъ пользуется готовыми мыслями, которыя даже зачастую ничего ему не говорятъ. Обернули мы ему жизнь мякишемъ и искусственно играемъ на его сердцѣ разные этюды по своему усмотрѣнію. Гдѣ же тутъ явиться энергичному лицу съ самостоятельной мыслью? Такихъ людей нельзя искусственно фабриковать: они сами вырабатываются. А мы своихъ дѣтей даже обесиливаемъ воспитаніемъ.

— Но, знаете ли, то, что вы говорите, подлежитъ еще большому сомнѣнію... Вы мало даете значенія воспитанію.

— Я больше даю значенія врожденнымъ свойствамъ, и самостоятельной выработкѣ. Конечно, и воспитаніе, но...

— По вашему, выходитъ, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Этимъ путемъ мы всѣ давно были бы совершенствами...

— Дѣло въ томъ, что относительно насъ пропорція не была соблюдена; гнета было больше, чѣмъ противодействующихъ силъ.

Мы опять замолчали.

Вдругъ изъ дѣтской послышались рулады, сначала тихія, вполголоса, потомъ пѣсня полилась веселая, звонкая. Климова перестала ходить, у нея опустились руки, на лицѣ выразилось раздраженіе.

— Слышите, какъ разливается?.. Это Мата... и послѣ того, какъ мы съ ней говорили. Ну, что вы скажете? Что она легко относится къ своимъ обязанностямъ? Или не сознаетъ ихъ? Да! она не сознаетъ ихъ! мнѣ кажется, что она положительно не сознаетъ, что ей нужно, необходимо нужно пріобрѣсть дипломъ...

Климова быстро зашагала по комнатѣ, потомъ остановилась противъ меня и заговорила въ раздумьи.

— Но, знаете, въ этомъ опять она не такъ виновата, какъ кажется, и судить ее строго нельзя. Это цѣлая серія ошибокъ—нашихъ ошибокъ... И эти разговоры, наши умные разговоры... вѣдь дѣти всегда были съ нами, и это мы ставили себѣ въ заслугу. Мы точно не подозрѣвали, что передъ нами не аппараты съ восковыми сердцами, на которыхъ мы можемъ, по произволу, чертить рѣзцомъ, что хотимъ. Мы точно не думали, что передъ нами живой человѣкъ, подверженный извѣстнымъ человѣческимъ законамъ. Мы нарушали послѣдовательность.. О, это цѣлая серія ошибокъ! цѣль какая то фатальная! Представьте, что не только Маша, но и другія дѣти, также какъ мов, неспособны къ труду, къ усидчивости, къ дисциплинѣ. Помните, вы тогда осуждали—вы были правы—мы будили только ихъ любознательность, и для этого низводили науку въ веселое время-препровождение. А теперь вотъ — результаты. Маша врядъ ли выдержитъ гдѣ экзаменъ: бездна пробѣловъ. Системы въ знаніи нѣтъ, техническая сторона дѣла дается съ невообразимой трудностью. Память не достаточно развита. Вообще, какое-то выдуманное воспитаніе, выдуманное развитіе... понимаете ли? Мы всѣ какой-то протестъ дѣлали всему, что насъ не удовлетворяло, всему, что было около насъ мерзкаго. Воспитаніе, которое мы давали дѣтямъ, было неровное, чуждое результатовъ, добытыхъ и жизнью, и знаніемъ. Наше общественное неустройство и на воспитаніе дѣтей дѣйствовало разрушающимъ образомъ. Ну чтѣ, кажется, свобода? Что можетъ быть лучше свободы? А я и ма свободѣ обожглась, мнѣ она дала дурные результаты.

— Чтѣ вы? Побойтесь Бога, какую несообразность вы говорите...

— Нѣтъ, увѣряю! Дѣти у меня пользуются полной свободой. Я систематически хотѣла развить въ нихъ качества свободнаго человѣка: правду, смѣлость, великодушіе.

— Ну, и что же?

— А вотъ что. Свобода должна идти объ руку съ самостоятельностью, съ стояніемъ на своихъ ногахъ, и отвѣтственностію за свои поступки. Но возможно ли это на практикѣ? — вотъ вопросъ. Отвѣтственность за поступки у ребенка! у ребенка, который ничего не смыслитъ и ничего не знаетъ! Вѣдь это только такъ говорится: «отвѣтственность!» Ну разъ сдѣлать, два, что поступки дѣтей обрушатся на ихъ голову, но постоянно это дѣлать нельзя! А поэтому приходится сглаживать, устраивать, настолько для нихъ, сколько для своихъ цѣлей. Ну, отдастъ она свои платья первому, кто нуждается, вѣдь нужно ей сдѣлать платье — ну и дѣлаешь! Не учится она, объѣстся, уйдетъ куда

не нужно... мало ли что! Ну и опять сглаживаешь. Выходитъ, что свобода-то истрачивается на мелочахъ, въ пустякахъ, а иногда и дурно истрачивается. Выработывается этимъ путемъ своеволие, самодурство, а не свобода. Чтобы не ходить на помочахъ, нужно знать кое-что, нужно понимать—а что знаетъ ребенокъ? И что онъ можетъ? Нѣтъ, все скверно, и лучшія вещи не во спасеніе намъ!

— Такъ гдѣ же искать спасенія?

— Не знаю!.. Можетъ быть, въ народѣ, покуда онъ еще не завелъ культурныхъ привычекъ и не цивилизовался нашей цивилизаціей, или у тѣхъ интеллигентныхъ людей, гдѣ жизнь течетъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ. Я слышала недавно удивительную исторію изъ быта небогатаго чиновника. Правда, это было въ провинціи. У него семь человѣкъ дѣтей, и трое сиротъ отъ сестры. Жена всѣхъ ихъ выхаживала, выучила, сама для этого сначала выучилась, изъ экономіи, чтобы не платить учителямъ. Дѣти вышли прекрасныя, но ихъ воспитывали не по правиламъ педагогики, ихъ воспитала сама жизнь; чуть ли не съ первыхъ своихъ шаговъ, они активно вступили въ дѣйствительную жизнь. Отецъ труженикъ, мать труженица и дѣти должны были работать. Это былъ не искусственный физическій трудъ. Они не играли въ работу. Ихъ трудъ былъ необходимъ. Это не то, что у насъ.

— Вѣдь и у васъ обстановка была не дурна, сколько мнѣ помнится.

— Нѣтъ, и у меня она была искусственна. И у меня былъ большой диссонансъ въ жизни, а это, повѣрьте, хуже всего.

Климова задумалась. Изъ дѣтской слышалось громкое «Многочастнѣ, многообразнѣ», потомъ «Птичка подъ моимъ окошкомъ»... И полилась пѣсня. Климова улыбнулась блѣдной, грустной улыбкой, пожала плечами и заговорила.

— Я опять вернусь къ вопросу о свободѣ. Знаете, дѣти мои не цѣнятъ свободы, надъ ними никогда не было насилія, имъ не приходилось отстаивать себя и свои желанія, имъ далась свобода безъ борьбы; она предложена имъ раньше, чѣмъ у нихъ являлась потребность въ ней—вотъ они и индифферентны къ ней.

— Послушайте! вѣдь абсолютной-то свободы нѣтъ; все-таки приходится сдерживать себя... Мало-ли ради чего приходится сдерживать себя?

— Да, вотъ и тутъ у меня опять брешь. Мою свободу и свободу сестры Маши, они всегда попирали ногами. Мы были имъ вѣрные слуги. Онѣ многое чего не выучились уважать. Онѣ не уважаютъ чужого труда и, представьте, онѣ барышни въ пол-

нѣтъ смысла слова. Удивительное дѣло! Я ведрами, такъ сказать, лила въ нихъ демократическіе принципы, а онѣ больше аристократки, чѣмъ демократки! конечно, бессознательныя, и...

Раздался звонокъ. Въ гостиную вошелъ мужъ Климовой.

Климовъ былъ еще человекъ молодой, изящный, съ умнымъ лицомъ и прекрасными манерами. Онъ былъ докторъ и либераль. Отношенія его къ женѣ были нѣсколько странны. Онъ любилъ ее и гордился ею, но какая-то легкая, неуловимая черта проглядывала въ его отношеніяхъ къ ней. Онъ будто не въ серьёзъ принималъ ея убѣжденія и всю ея жизнь. Не вѣрилъ ли онъ искренности ея стремленій, или подсмѣивался надъ самыми этими стремленіями—трудно было разобрать. Вѣрнѣе, впрочемъ, что это былъ вообще извѣрившейся человекъ.

— А я дѣтей привелъ; смотрю, бѣгутъ мои дѣвочки съ портфелями, обрадовались очень, когда я ихъ привелъ по Невскому. Купилъ имъ по банту и по перчаткамъ въ четыре пуговки.

— Въ четыре пуговки?—Это для чего? У нихъ есть перчатки, прекрасныя, фильдекосовыя... Опять ты...

— Я раньше зналъ, что ты будешь браниться, только я не виноватъ, воля твоя. Заноза меня уговорила: говорить, мамочка посердится—и пройдетъ, а имъ безъ этихъ перчатокъ почему-то нельзя... Какіе-то очень серьёзные доводы приводили.

Вошли двѣ меньшія дочери, Гуля и Заноза. Онѣ очень выросли и выровнялись. Туалетъ ихъ былъ въ порядкѣ. Лица привѣтливыя и умныя.

— Вы въ гимназій были? спросила я Гулю.

— Нѣтъ, мы только готовились къ гимназій. Мы ходимъ къ Марьѣ Васильевнѣ, и она насъ подготавливаетъ.

— Мы были два года въ гимназій, въ частной гимназій, заговорила Заноза.—Тамъ совсѣмъ не такъ учили—вотъ Маня и не можетъ подготовиться.

— А вы можете?

— У насъ въ нашемъ классѣ не важно; въ казенной, кажется, даже лучше, не нужно такъ много выдумывать, обдумывать, параллели дѣлать.

— Что же, мы ѣдемъ сегодня въ театръ? спросилъ отецъ.

— Гуля не можетъ, сказала съ важнымъ видомъ, меланхолически, Заноза:—она говорить, что не можетъ.

— Да, я не могу—такая досада!—И это вѣчно! вѣчно!

Гуля сердилась.

— Почему же ты не можешь?

Гуля смотрѣла на меня.

Т. ССКЛІ. — Отд. I.

— Можешь все говорить при Аннѣ Михайловнѣ. Почему ты не можешь ѣхать?..

— Мама! Амалия такая лѣнивая, такая неряшливая... я не знаю, какъ ты ее удержишь! Ее давно нужно прочь.

— Въ чемъ дѣло?

— Еслибъ ты видѣла мою юбку! какъ она выглажена — ужасъ! совсѣмъ мятая, точно неглаженная! Полоса какая-то по среднѣй. Я не могу ее надѣть; въ подъ барежа все будетъ видно, лучше ужь не ѣхать.

— И воротничекъ Матн не выглаженъ, сообщила Заноза, дѣлая опять важную мину.

— Амалия! зачѣмъ вы не выгладили?

— Гульна юбка выглажена, утюгъ былъ только нехорошъ, остылъ, меня послали въ лавочку. А воротникъ я выглажу къ вечеру, не было времени, говорила Амалия, стоя въ дверяхъ.

— Выглажена? Моя юбка выглажена! Это такая гадость, что нельзя надѣть! Я не могу ее надѣть.

— Привередничаете вы; дѣлать вамъ нечего.

— Вотъ видишь, папа, всегда такъ; она скажетъ дерзость, отвѣтишь ей—мама сердится, а она себѣ позволяетъ... Я не привередничаю, а вотъ вы, лѣнивая—это правда! вы ничего не хотите дѣлать, а въ за васъ я не могу ѣхать.

— Можете ѣхать, вы только капризничаете. Ваша мама — большая, а совсѣмъ не такая требовательная.

— Ну, хорошо, хорошо, ступай, можешь отправляться... довольно! сказалъ Климовъ.

Ему была неприятна эта сцена, но онъ иначе смотрѣлъ на нее, чѣмъ жена. Онъ сдерживалъ себя, чтобы не выгнать Амалию.

— Значить, ты не ѣдешь, Гуля? спросила мать, очень серьезно.

— Мама... она такая лѣнивая, эта Амалия! она ничего не хочетъ дѣлать! Ты ее балуешь... а она думаетъ, что можетъ...

— Конечно, мама, вмѣшалась Заноза:—она говорить, что ей не было времени, а я сама видѣла, что она долго сидѣла за чаемъ, а потомъ писала письмо.

— Какъ будто она не могла написать послѣ!

— Когда сдѣлала бы свое дѣло...

— Нѣтъ, мама, папа правъ, какъ ты хочешь! она у насъ зажилась. Можно за эти деньги отличную взять, а эта себѣ такъ много позволяетъ.

Мать сначала молчала, потомъ спросила, повидимому, совершенно холодно, хотя голосъ ея слегка дрожалъ, и страданіе разлалось по лицу.

— Ну, а вы? что вы дѣлали вчера вечеромъ?

— Мы? Гуля играла съ Марьей Васильевной въ домино, я наклеивала декалькомани. А Мата? Гуля! что дѣлала Мата?

— Мата смотрѣла, какъ мы играемъ.

— Отчего Мата не выглядила себѣ воротничекъ?

— Да развѣ это ея дѣло?

— И потомъ Мата, вѣрно, устала: она училась.

— А Амалия не могла устать, стоя цѣлый день у плиты?

— Ужасная важность выглянуть воротничекъ! она за это деньги получаетъ!

— И это мои дѣти! сказала утомленнымъ голосомъ Климова.— Аня Михайловна! понимаете вы мое ощущеніе! Это въ нихъ жила я душу свою, мысль, все, что было во мнѣ лучшаго!— Судорга въ горлѣ помѣшала говорить Климовой.— Походите прочь отъ меня!

— Мамочка! жалобно пискнула Заноза.

— Это все Амалия! сказала разсерженно Гуля.

— Выйдите, дайте мнѣ успокоиться!

Дѣти вышли.

— Послушайте, вы слишкомъ серьезно принимаете дѣтскую болтовню. Вѣдь Гуля всего 14 лѣтъ.

— Онѣ, по развитію, головой выше своихъ сверстницъ. Примите въ соображеніе, что онѣ знаютъ, какъ нужно смотрѣть на вещи, знаютъ мой взглядъ... мои отношенія... Но, понимаете ли, все это безплодно. Онѣ барышни старыхъ временъ. Знаете-ли, что меня пугаетъ? Мнѣ кажется, это какъ въ сказкахъ, вотъ, какъ Эльфы: въ нихъ все пусто и прозрачно, мысли пролетаютъ насквозь, не задѣвая ничего! Хорошо, по крайней мѣрѣ, что хитрости нѣтъ въ нихъ. И то спасибо!

— Зачѣмъ такъ трагически смотрѣть на вещи? говорилъ мужъ хладнокровно, спокойнымъ тономъ.— Когда дѣвочки войдутъ въ возрастъ, я увѣренъ, что онѣ поймутъ; теперь онѣ еще положительно дѣти. Въ нихъ слишкомъ много наложено—гдѣ имъ все это скомбинировать!

— А кромѣ того, дѣти вѣдь мѣняются, сказала я.

— Но, увѣряю васъ, что въ ихъ годы я совершенно иначе относилась къ прислугѣ. Я входила въ ея жизнь, и эта жизнь мучила меня. А ты знаешь, при какихъ условіяхъ я воспитывалась, чѣмъ меня личкали.

— Протестъ былъ... Протестовала, и дѣвочки протестуютъ противъ тебя, и наваливаютъ все на Амалию.

— Но противъ чего онѣ протестуютъ? спросила я.

— Противъ насилія.

— Противъ какого насилія?

— Против насилія надъ ихъ мыслью, и надъ ихъ ощущеніемъ. Она косвенно навязываетъ имъ свои мысли и свои ощущенія. Она вѣдь начинила ихъ разными «душеспасительными идеями» и «высокими чувствами». Запросу на нихъ еще не было, и не могло быть, а имъ все это было приподнесено, всѣ послѣдніе выводы, понимаете-ли? онѣ еще и первой страницы не открыли, ничего не испытали, и не видали, а ужъ узнали, какъ на что нужно смотрѣть. Индигестія произошла.

— Да, это правда, сказала въ раздумьи Климова:—всему есть свое время...

— Отчего не приучили вы ихъ работать, вѣдь это было бы большое спасеніе, сказала я.

— Это физическій-то трудъ?

Климовъ улыбался.

— Да.

— Пробовали мы и въ эту игрушку играть! Какже! Приѣзжаю сюда, а онѣ моютъ, скребутъ, чистятъ, начинаютъ, мажутъ, а Амалия сидитъ и книжку читаетъ съ папирской въ рукѣ.

— Николай! развѣ можно надо всѣмъ смѣяться и выдумывать?

— Милая, не смѣйся! не сердись, но вѣдь ты сама все это прекратила. Я ни слова не сказала, все какъ то само собою кончилось, и вошло въ свои колеи.

— Иначе нельзя было. Ты внесъ большой диссонансъ въ нашу жизнь. Когда мы жили на полтораста рублей въ мѣсяцъ, и большая часть этихъ денегъ шла на воспитаніе дѣтей, мы могли всѣ работать, и это выходило, болѣе или менѣе, естественно. Но съ тобою вошли новые элементы въ нашу жизнь. Условія измѣнились, ну, и дѣти стали смотрѣть на мое желаніе, чтобы они работали, какъ на капризъ. Твоя идея, и твоя манера жить приходились имъ болѣе по вкусу. Ну, я и бросила наставать. Сама я продолжаю дѣлать, что дѣлала, и дѣти, въ видѣ особой ко мнѣ любви, иногда дѣлаютъ кое-что въ домѣ... Но вѣдь, собственно, вся наша обстановка, вся наша манера жить, и мои идеи—это какъ-то не ладится. Я покорилась обстоятельствамъ... Ну, да, впрочемъ, это наше домашнее дѣло.

— Но знаете ли, Николай Петровичъ, мнѣ кажется, что вы идете противъ самыхъ элементарныхъ требованій воспитанія... Ребенокъ долженъ все умѣть дѣлать самъ.

— Слышали и это, только не знаю за чѣмъ? Свѣтъ вѣдь останется еще долго такимъ, каковъ онъ есть. Если дѣвочка будетъ богатая, то ничего она не будетъ дѣлать; а если самой придется зарабатывать деньгу, то нужно сосредоточиться на одной спеціальности, а разбрасываться неудобно и невыгодно.

— Вотъ эти и тому подобныя разговоры Николай всегда ведетъ при дѣвочкахъ.

— Ну, и потомъ съ нравственной стороны: станетъ ли она лучше и человѣчнѣе смотрѣть на Амалию, если сама будетъ глядѣть воротнички и мести комнату?

Мы всё замолчали. Молчаніе было довольно тягостное. Климовъ усиленно курилъ, жена ходила по комнатѣ.

— Скажите, пожалуйста, знаете вы Соснову? спросила я Климову.

— И да, и нѣтъ. Спросите мужа, онъ ее лучше знаетъ; онъ теперь ее лечитъ.

— Людмилу Андреевну? сказалъ мужъ.

— Да.

— Знаю.

— Что вы объ ней скажете?

— Въ какомъ отношеніи вамъ нужно знать?

— Ну, какъ она?

— Не дурна, богатая барыня, и, какъ водится, съ придурью... Добродѣтельная.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, что она изъ себя представляетъ, какъ относится къ сыну, къ мужу... вообще.

— Мужъ ея большой руки мерзавецъ, и еслибы онъ не былъ Сосновъ, важный баринъ, то вотъ кого прокуроръ долженъ былъ бы, и имѣлъ бы полное основаніе признать разрушающимъ основны. Ужь это была бы не фикція.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вотъ кто на дѣлѣ, и, главное, всю свою жизнь, не столько потрясаетъ, сколько подкапывается подъ всякія основы. Надо всё въ глумится... Все попираетъ ногами.

— Но въ силу чего?

— Въ силу своего нравственнаго убожества — и только. Но замѣчательно, чѣмъ распущеннѣе и безъидейнѣе его жизнь, тѣмъ крѣпче онъ держится, тѣмъ громче говоритъ за мораль, и обычай. Посмотрѣли бы вы на него, когда онъ начинаетъ судить. Осанистѣе самого Висмарка. И строже всѣхъ самыхъ строгихъ.

— А онъ имѣетъ вліяніе на сына? воспитываетъ его?

— Какъ-же! Самъ былъ свидѣтелемъ. Добродѣтельнѣйшія правила преподаетъ! Но чему только они его не учатъ, купно съ маменькой, этого несчастнаго птенца! Съ намѣреніемъ искажаютъ жизнь. Хотите, расскажу сцену.

— Расскажите, пожалуйста!

— Прихожу я какъ-то зимой. Сидитъ Никсъ — мальчишка зовутъ Никсъ. Ну, въ лобоналъ — ему одиннадцать лѣтъ, ломоны

но плечамъ—а на лбу волоса подрѣзаны бохромочкой. Фантазія маменьки: говорить, что это на англійскій ладъ. Впрочемъ, я слышала, что мальчикъ таяготится своимъ украшеніемъ. Ну, вотъ сидитъ Никсъ, противъ него барышня, Огнева, хорошая барышня, и дразнить его. Никсъ разсерженъ. Онъ долго подѣскивалъ евой-нибудь эпитетъ, чтобы обидѣть ее, ну, и нашелъ, назвалъ ее нигилисткой. Она его спросила:—«Знаешь ты, что значить нигилистка?»—«Знаю», отвѣчалъ мальчикъ.—«Ну что?»—«Этотъ особы, которыя себя неприлично вели...»—«Какъ не прилично вели?»—*Mais comme ça! Arrangement par ce qu'elles n'ont pas reçu une bonne education!*.. «Вотъ и ты нигилистка, потому что ты тоже не хорошо воспитанъ, хочешь меня обидѣть». — Нѣтъ я не нигилистка, потому что всѣ нигилисты простые люди. — Какіе такіе простые? какая разница между простыми и не-простыми?»—«Простые—это такіе, которые не знаютъ, что значить быть великодушнымъ; они жадные, не умны, пьютъ водку, ходятъ въ кабаки и колотятъ жену, *ils sont malhonnêtes et mal-propres*. — Ну, а другіе какіе? спрашивала барышня. — Другіе? *les nobles?*... Ты говори по-русски. — Благородные?... это такіе, которые имѣютъ честь, сердце, благотворять... *ils ne savent pas mentir!*—По-русски, по-русски!..—Они не должны лгать, *et ils ont les manières de gens comme il faut, et le bon Dieu leur a donné le blason* — имъ Богъ гербъ далъ, сказалъ мальчикъ.

— Да откуда же приобрѣлъ онъ всю эту премудрость? спросила я Климова.

— Отъ маменьки, и, должно быть, отъ *grande tante*.

— Что это за *grande tante*, я объ ней ничего не слышала.

— Старая дѣва и писательница.

— Писательница? вотъ какъ!

— Да, сначала писала дѣтскія повѣсти; у нея всегда рѣзались милыя малютки на лугахъ и птички были на сценѣ, и вѣночки. Малютки складывали ручки и пѣли гимны. Теперь она пишетъ душевспасительныя брошюры для народа, и участвуетъ въ нравственно-воспитательномъ журналѣ также для народа. И тутъ тоже у нея рѣзвятся крестьянскія малютки съ вѣночками и гимнами. Ну, а папашъ, и мамашъ этихъ интересныхъ малютокъ она видѣла только на Сѣнной, когда проѣзжала мимо въ каретѣ.

— Ну, а сама Соснова?... Про нее вы мнѣ расскажите побольше... я буду у нея на дняхъ, и, разъ подготовленная, асифѣ буду видѣть.

— Она сама? про ея умъ я ничего не могу вамъ сказать. Я не знаю, умна ли она или нѣтъ, но она прекрасно воспита-

на, выдресирована, если хотите. Она вся проникнута чувством долга, и дисциплинирована. Она способна дать распыть себя ради тѣхъ идей, въ которыхъ была воспитана, и которыхъ держится, какъ альфы и омеги всего существующаго. Только подъ часъ курьёзно это. Случается, что ея нравственная теорія не совпадаетъ съ ея жизненными обычаями; вертится она, вертится, потомъ вдругъ ловко перескочить—и опять пошла. Она не задумывается надъ этимъ. Она, кажется, даже не замѣчаетъ пробѣла...

— Въ чемъ же состоитъ ея теорія?

— Она христіанка, и притомъ католичка-мистикъ, хотя и православная. Она была воспитана на французскихъ книгахъ. Мораль почерпнула изъ *Livres d'enfance* и другихъ подобныхъ нравственныхъ книгъ. Ее русской сдѣлала тетка, та самая, которая съ вѣночками.

— Ну, а къ мальчику своему какъ она относится?

— Такъ же старается словать; да она и всѣхъ словала бы, еслибы была ея воля. Уже на что ея супружеская жизнь не сладка—она знаетъ, что ея мужъ мерзавецъ, и онъ оскорбляетъ ее на всякомъ шагу, какъ человека, и какъ жену, оскорбляетъ все, что она привыкла чтить; она знаетъ, что онъ имѣетъ содержанокъ, мотаетъ на нихъ свои средства... И характеры у нихъ разные, и говорить имъ между собою нечего, и, какъ мужчина, онъ ей противенъ до омерзения. И все-таки она примѣрная жена. И исполняетъ свои обязанности относительно мужа въ точности.

— Любопытная дама. Ну, а добрая?

— Безстрастная. Ее считаютъ доброй, но доброты собственно въ ней нѣтъ. Женская мягкость, нервозность. Указано ей дѣлать добро въ известномъ случаѣ—будетъ дѣлать, не указано—не будетъ. Ну, а сына она воспитываетъ съ помощью тетки. Зимой учителя къ нему ходятъ патентованные, при немъ до сихъ поръ находится англичанка, миссъ Грей, лицо безъ рѣчей и безъ движенія, глазами только хлопаетъ.

— Гдѣ они теперь и какъ къ нимъ попасть?

— Въ деревнѣ. Четыре часа ѣзды по желѣзной дорогѣ, а а тамъ верстъ семь.

Дней черезъ пять, я сидѣла на балконѣ стариннаго барскаго дома въ Сосновкѣ. Стоялъ великолѣпный день въ половинѣ

августа; листья слегка начали желтѣть; предо мною разстился громадный запущенный садъ. Впрочемъ, передъ самымъ балкономъ дорожки были разчищены и масса цвѣтовъ наполняла клумбы. Былъ даже небольшой фонтанъ, который сверкалъ на солнцѣ и точно стекляннымъ колпакомъ накрывалъ цвѣты, посаженные бордюромъ, и большіе поздравителныя камни, переложенныя мхомъ. А дальше видѣлись сосны и угрюмыя ели. Оттуда вѣтеръ донесилъ смолистый запахъ и запахъ сыровой земли, перегнившихъ вгль и шишекъ, и этотъ запахъ смѣшивался съ запахомъ цвѣтовъ. Кругомъ было тихо—никакихъ звуковъ. Только какіе-то любимецъ хозяйки дома, прикованный за лапу, путешествовалъ по клѣткѣ и кричалъ своимъ неприятнымъ, пронзительнымъ крикомъ.

Фасадъ дома, обращенный въ садъ, сплошь былъ покрытъ стѣной изъ дикаго винограда. Листья уже начали краснѣть и желтѣть, а мѣстами приняла даже темнолиловый цвѣтъ. Большія окна дома стояли настежь, съ опущенными маршезами; маршезы были бѣлыя, подбиты зеленымъ; отъ нихъ въ высокихъ комнатахъ тѣнь и прохлада. Вездѣ и во всемъ роскошь и удобство; вообще хорошо.

Людмила Андреевна сидѣла въ гостиной съ сыномъ.

Людмила Андреевна серьезно занималась сыномъ; она почти цѣлый день проводила съ нимъ, сама воспитывала его и даже учила. Лѣтомъ, исключая матери и тетки, да еще миссъ Грей, никто не занимался съ нимъ. Людмила Андреевна терпѣть не могла гувернантокъ, а молодого человѣка студента боялась взять: онъ могъ дать превратныя идеи ребенку, и притомъ молодой человѣкъ въ домѣ, когда мужа почти никогда не бываетъ дома, это какъ-то неловко; она еще не стара, могутъ выйдти толки, и потому она разъ уже обожглась. Они теперь ищутъ подходящаго старичка въ Швейцаріи, но Швейцарія не то что прежде: стала опасна, потому что тамъ также превратныя идеи развелись. Слѣдовательно, покуда Людмила Андреевна сама занималась съ сыномъ.

— Ma tante! я хочу прежде всего, чтобы онъ былъ христіанинъ, говорила Людмила Андреевна теткѣ.

— Oh, ma chère! говорила тетка.

— Я хочу сама насаждать первыя сѣмена нравственности и религіозности въ его молодомъ сердцѣ.

— Oui, ma chère, c'est votre droit, говорила тетка.

И Людмила Андреевна принялась насаждать. «И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ»,

говорила она сыну:—это значить, Никсъ, что божественный Спаситель учить насъ...

— Пожалуйста, не вздумай увѣрить его, что въ самомъ дѣлѣ нужно прощать долги, говорилъ мужъ.—Нѣтъ, Никсъ, ты этого никогда не дѣлай... глупо, братецъ! И, главное, не думай, что этого Богъ желаетъ... для чего же существуетъ вексельное право? Эдакимъ путемъ, ты на соломя останешься, а законъ говорить ясно...

— Mais c'est au figuré, mon cher! долги наши... значить вины наши... обиды, оскорбленія... Значить, если насъ обидятъ...

— Это, матушка, мораль для монаховъ и бабъ... Если тебя обидятъ, Никсъ, да ты проглотишь обиду — ну, и будешь ты устрица, байбакъ, дуракъ, тряпка, всякій на тебя плюнетъ! Нѣтъ, братъ, ужъ лучше самъ тресни, чѣмъ ждать, чтобъ тебя треснули!

— Анатолю!.. ради Бога!.. что ты говоришь? вѣдь это урокъ религіи...

— Я ничего не говорю противъ религіи! Уважай ее, благоговѣй передъ ней, Никсъ! C'est une sainte chose que la religion! Она необходима.

Людмила Андреевна возилась со своимъ сыномъ, какъ съ писанной торбой. Но не столько по личному желанію, сколько по обязанности. Это была также одна изъ розгъ, которыми она себя немилосердно казнила. Лѣтомъ, въ деревнѣ, она жила для него, хотя ее лично тянуло или на острова, или въ Баденъ-Баденъ. Она распредѣлила день съ математической точностью. Назначила часы занятій, часы прогулки, часы благотворительности, часы, которые онъ долженъ быть съ миссъ Грей.

Утро она всегда проводила съ Никсомъ; сначала она учила его, потомъ онъ ей читалъ, въ то время, когда она работала. Одинъ день онъ ей читалъ книги историческаго содержанія, другой — путешествія, третій — религіозныя. Религіозныя были большею частью французскія, потому что съ ними была больше знакома сама Людмила Андреевна.

И такъ, я сидѣла на балконѣ съ книгой. Въ гостиной Людмила Андреевна сидѣла за пальцами и усердно считала points своего ковра. Не далеко отъ нея, въ большихъ вреслахъ, сидѣлъ Никсъ и читаетъ тоненькимъ, монотоннымъ голосомъ «Imitation de Jésus Christ.»

Людмила Андреевна слушаетъ сына, слушаетъ крикъ какаду; слушаетъ плескъ фонтана и иногда, послѣ долгаго молчанія, переставляетъ сына и спрашиваетъ. Мальчикъ отвѣчаетъ, не торопясь, вяло, больше односложно: «Oui, papa; non, papa».

Сама Людмила Андреевна иногда зѣваетъ, но украдкой, прикрывая лицо маленькой ручкой, на которой сверкають изумруды, рубины, опалы.

Она часто смотритъ на часы, которые болтаются у нея на поясѣ. Никсъ также смотритъ на часы на каминѣ, но смотритъ бочкомъ, однимъ глазомъ, въ то время, когда мать наклоняетъ голову къ узору.

— Lisez comme il faut, mon enfant.

— «Возбудите самого себя, противъ себя, читаетъ мальчикъ:— и не допускайте духа гордыни поселиться въ васъ, старайтесь сдѣлаться такими покорными, такими маленькими, чтобы каждый могъ ходить по васъ и попираить васъ ногами, какъ уличную грязь...

— Eh bien, enfant! Отчего ты остановился? Продолжай.

— Мaman, тутъ сказано... тутъ написано... что нужно обратиться въ уличную грязь!..

— Eh bien?

— Какъ же это! въ уличную грязь... Чтобы меня попирали!

— Правило, мой милый!.. существуетъ правило... никогда не нужно относиться критически къ предметамъ священнаго писанія. Написано и вѣрь... Слѣпо вѣрь. Свободомыслие — c'est une peste... И это все отъ гордости. Гордость—одинъ изъ капитальныхъ грѣховъ... изъ семи (она вспомнила романъ Сю). Богъ этого не любитъ.

— А ты мнѣ говоришь, мама, зачѣмъ я съ Ванькой и Ленкой... что у меня гордости нѣтъ?

— Это совсѣмъ не то... это совсѣмъ сюда не относится... Какой ты странный мальчикъ! ne sois donc pas bête!.. то вопросъ религiи, а это вопросъ житейскiй... Гордость благородная должна быть... C'est autre chose..—Людмила Андреевна нѣсколько спуталась.—Равенства между людей нѣтъ, и не можетъ быть... Это Богъ указать...

— Отчего же я не могу съ ними играть?..

— Отъ того, что они тебѣ не ровные... il faut se respecter..

Въ дверяхъ показалась «ma tante».

— Вы не кончили?.. Двѣнадцать было...

— Кончили! Но мы разсуждаемъ... Вотъ скажите ему, ma tante, можно ли ему быть въ компанiи Ваньки и Ленки?

— Да, милый, эта компанiя тебѣ вредна, она можетъ пагубно дѣйствовать на тебя. Ils sont menteurs! Но и имъ вредно быть съ тобою, а объ нихъ нужно подумать, потому что объ нихъ никому подумать, исключая насъ. Они сами ничего не понимаютъ. Они люди темные. И это наша обязанность!

— Какъкъ вредно, когда онъ со мною? сказалъ съ выраженіемъ сомнѣнія Никсъ.

— Да, дитя! Ему это еще вреднѣе, чѣмъ тебѣ, потому что это можетъ заронить ему въ душу сомнѣніе, гордость, Онъ можетъ подумать, что онъ все равно, что ты, что онъ можетъ позволить себѣ то, что ты можешь позволить себѣ. Онъ захочетъ постоянно быть въ компаніи, которая не его. Онъ можетъ сдѣлаться недовольнымъ тѣмъ положеніемъ, которое ему назначено. Можетъ начать роптать. Вотъ къ чему это можетъ привести! А потомъ знаешь, что еще можетъ быть? Вдругъ онъ не захочетъ, вдругъ ему не понравится быть крестьяниномъ! Et c'est un grand péché! Богъ каждому указалъ путь, и каждому намѣтилъ мѣсто. Это очень почетное мѣсто, быть честнымъ и благонамѣреннымъ крестьяниномъ—ну, и будь честнымъ крестьяниномъ, и оставайся...

— А какъ же Ломоносовъ?.. и святая княгиня Ольга?

— Боже мой, откуда берутся эти мысли у мальчика?.. Тебя не спрашиваютъ, мой другъ, разсуждать. Ломоносовъ вышелъ въ люди по волѣ Божіей, и святая княгиня Ольга — тоже; на это былъ особый персть Божій. А вообще, всякій долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

— А вотъ внукъ няни, шапан... онъ теперь...

— Assez, довольно! ты сталъ несносенъ.

— Генераль... договорилъ—таки мальчикъ.

— Ступай къ миссъ Грей, попроси ее съ тобою идти въ садъ.

Вечеромъ, за чайнымъ столомъ, у насъ шелъ интересный разговоръ. Людмила Андреевна разсказывала, какъ она попала въ просакъ съ учителемъ.

— Вообразите, и рекомендація была отличная. Всѣ его хвалили. Ректоръ университета рекомендовалъ его *ma tante*. Ну, мы и взяли его прошлымъ лѣтомъ сюда. — Но вотъ что вышло. И, представьте, мы это узнали послѣ; все это послѣ открылось, когда ужъ онъ ушелъ. Представьте, несмотря на мое формально-выраженное нежеланіе, онъ все-таки позволялъ Никсу играть съ мальчишками. Уйдутъ въ лѣсъ, и тамъ играютъ.—*N'est ce pas comme c'est joli?* Но это еще ничего. Въ игрѣ разъ Никсъ позволилъ себѣ дерзость, прибилъ мальчика. На мѣсто того, чтобы его наказать или пожаловаться мнѣ—я бы ему этого не пропустила—какъ бы вы думали, что онъ сдѣлалъ? Пари держу, что не догадаетесь! Онъ распорядился, чтобы этотъ мальчишка ударилъ въ свою очередь Никса! — Какъ вамъ это нравится? Простота нравовъ... а?.. Удивленіе!..

— Maman! tu disais... la reli... началъ-было мальчикъ...

— Cessez... Не твое дѣло. Тебя не спрашиваютъ.

— Вслѣдствіе этого вы ему и отказали?

— Нѣтъ! я этого не знала, говорю вамъ, я это только послѣ узнала... quand il est parti. Нѣтъ, онъ самъ ушелъ, раскапризничался. И я рада, что это такъ вышло, что онъ самъ ушелъ.

— Раскапризничался? Вотъ какъ!..

— Да, вообще съ этими учителями и гувернантками комиссія! И все дѣло вышло изъ пустяковъ, какъ водится. Я ему сдѣлала небольшой выговоръ, и собственно не выговоръ, а такъ, замѣчаніе... J'espère que c'est mon droit. Слышу какъ-то шумъ въ дѣтской, пискъ, плачь. Прихожу. Оказывается, что Никсъ еще въ постели, что онъ сердится. Человѣкъ не принесъ ему сапоговъ, или не помогъ надѣть ихъ, или не вычистилъ хорошо—не знаю, не поняла. Но при этомъ господинъ Ивановъ разводитъ свои теоріи мальчику... «Что, можетъ быть, ему самому придется сапоги чистить, что, вообще, чистка сапоговъ дѣло очень почетное... que sais-je? что, можетъ быть, Никсу—кому?.. Никсу! моему сыну!—придется зарабатывать хлѣбъ чистой сапоговъ... или чѣмъ-то въ родѣ этого. Естественно, это меня взорвало!

На другой день, я гуляла къ Никсомъ и миссъ Грей по саду. Изъ-за забора выглядывали бойко два востроглазыхъ мальчишка. Лица ихъ освѣтились радостью, когда они увидали Никса.

— Ванька! Ленька! сказали мальчикъ. Глаза его оживились, милая улыбка осмыслила все лицо.—Ленька! у тебя грачъ?..

— И грачъ, и ворона...

Никсъ было бросился къ нимъ, но миссъ Грей остановила его. Мальчикъ ужасно покраснѣлъ, и злобно проворчалъ что то. Мальчишки сочувственно кивали ему своими всклооченными головами.

Потомъ, когда мы остались одни съ Никсомъ, мы разговорились. Онъ довольно довѣрчиво говорилъ со мною, въ особенности, когда я сказала, что знаю его бывшего учителя.

Мальчикъ опять оживился, когда я съ нимъ говорила объ учителѣ.

— Да, онъ хорошій! Я его люблю... мнѣ жаль его...

— Но вѣдь онъ вамъ сдѣлалъ что-то неприятное? Помните, маманъ ваша рассказывала...

Мальчикъ замолчалъ. Потомъ, минутъ черезъ пять, онъ подошелъ ко мнѣ, смѣло взглянулъ мнѣ въ глаза и совершенно серьезно сказалъ:

— А знаете, что я думаю?.. Это справедливо было, что Вань-

за меня прибилъ тогда... Я теперь не сержусь. И папан, и grande tante не такъ говорятъ. Ванька совсѣмъ не лгунъ, онъ честный, добрый... А вотъ князь—онъ глупъ и трусь. Ивановъ—хорошій, а миссъ Грей — дура... И вотъ еще: Imitation... Онъ остановился.

— Что же, Imitation?

— Этого нельзя сказать.

А—ва.

ОСЕНЬЮ ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНѢ.

Въ часъ позднихъ сумерекъ я вышелъ на дорогу.
Нѣтъ встрѣчныхъ; кончился обрядъ житейскій дня;
И тихій вечеръ снялъ съ души моей тревогу.
Спокойствіе — во мнѣ и около меня.
Вотъ облака ползутъ, своимъ покровомъ мутнымъ
Скрывая очерки знакомыхъ мнѣ вершинъ;
Вотъ парусъ, вѣтеркомъ изогнутой попутнымъ,
Въ пустынѣ озера видѣется одинъ.
Вотъ къ берегу струи бѣгутъ неторопливо;
Чуть слышенъ плескъ воды и шорохъ тростника;
И прерываетъ строй природы молчаливой
Лишь мимолетное гудѣніе жука...
Нѣтъ, звукъ еще одинъ я слышу; онъ заранѣ
Про смерть мнѣ говоритъ, пока еще живу:
То съ яблонь или съ грушъ, стоящихъ на полянѣ,
Отжившаго плода паденіе въ траву.
Сурово для ума звучать напоминающа;
А сердце такъ межъ тѣмъ настроено мое,
Что я, внимая имъ, не чувствую желанья
Теперь ни продолжать, ни кончить бытіе.
Извѣдалъ радости я лучшія на свѣтѣ;
Пришелъ конецъ и имъ, какъ эта ночь пришла...
О, будьте счастливы, возлюбленные дѣти!
Желанье пылкое вамъ шлю въ моемъ привѣтѣ,
Чтобъ длилась ваша жизнь радушна и свѣтла!

А. Жемчужниковъ.

Сентябрь.
Меггенъ, близъ Люцерна.

ОБЩИННО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЭЛЬЗАСА

ВЪ СРЕДНЕ ВѢКА.

III.

Теперь мы обращаемся къ тому, что составляет предметъ нашей статьи въ собственномъ смыслѣ слова, а именно, къ эльзасскимъ сельскимъ учрежденіямъ.

Послѣ нашествія вандаловъ, свевовъ и алановъ Эльзасъ былъ занятъ аллеманами (V стол.). Подобно нѣкоторымъ другимъ странамъ, завоеваннымъ германцами, эльзасская провинція испытала двоякую судьбу: въ однихъ мѣстностяхъ туземныя племена изгонялись, въ другихъ они только должны были потѣсниться и, смѣшиваясь съ побѣдителемъ, уступить ему часть собственной территоріи. Обыкновенно полагаютъ, что въ отличіе отъ римлянъ, которые отбирали у побѣжденныхъ только $\frac{1}{3}$ дома для помѣщенія солдатъ, германцы отнимали не менѣе $\frac{1}{3}$ всего имущества и всѣхъ продуктовъ почвы. Такъ, по крайней мѣрѣ, согласно утвержденію *Веронъ-Ревилля*, дѣлились съ покоренными бургунды и визиготы, а, можетъ быть, и франки. Но такъ или иначе, а въ послѣдствіи оказалось, что къ сѣверу отъ Страсбурга и вдоль Вогезовъ страна долгое время была организована марками: здѣсь встрѣчается мало владѣльческихъ дворовъ и привилегированныхъ земель. Напротивъ того, въ долину Нижняго Эльзаса владѣльческія общины встрѣчаются почти вездѣ и многія изъ нихъ пользуются большими привилегіями (иммунитетами). По мнѣнію *Ганауера*, эти два ряда фактовъ могутъ быть связаны между собою слѣдующимъ образомъ. Марки сохранились именно тамъ, откуда населеніе было болѣею частью изгнано и гдѣ, поэтому, была возможность примѣнить германское

общинное устройство въ его полнѣйшей чистотѣ. Правда, по дѣламъ судебнымъ свободныя марки Эльзаса, подобно владѣльческимъ крестьянамъ, подчинялись власти намѣстниковъ (advocati) и фогтовъ, но права этихъ послѣднихъ были здѣсь гораздо меньше, чѣмъ во владѣльческихъ общинахъ, и расширяются значительно только къ концу среднихъ вѣковъ, какъ и повсюду. Напротивъ того, шефы завоевателей, которые, повидимому, не нашли въ территоріи этихъ марокъ благоприятной почвы для своихъ интересовъ, вознаградили себя за то въ долинѣ. Тутъ они встрѣтили, конечно, остатки римскихъ виллъ, доманы императорскаго фиска, latifundia крупныхъ римскихъ сеніоровъ, среди которыхъ водворялись ими съ гораздо большими удобствами владѣльческія общины изъ сервовъ и колоновъ. Этимъ порядкомъ насажденія здѣсь владѣльческихъ общинъ рѣшается, быть можетъ, и старый ученый споръ о томъ, имѣло ли позднѣйшее учрежденіе зависимыхъ или владѣльческихъ крестьянъ германское или римское происхожденіе. Извѣстно, что отношеніе римскихъ колоновъ къ своимъ господамъ было чѣмъ-то въ родѣ наследственной аренды, соединенной съ прикрѣпленіемъ къ землѣ и съ лишеніемъ нѣкоторыхъ другихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Но, на основаніи словъ *Тацита*, положеніе германскихъ рабовъ мало чѣмъ отличалось отъ положенія римскихъ колоновъ: подобно этимъ послѣднимъ, они жили самостоятельно и только отдавали господамъ извѣстную часть продуктовъ своего труда. Поэтому, не трудно допустить, что германскіе владѣльческіе крестьяне самою силою вещей и сходствомъ положеній должны были придти къ усвоенію себѣ тѣхъ же началъ, которыя регулировали эксплуатацію римскихъ виллъ. Но и при этомъ они сохранили сравнительно большую самостоятельность, какъ это можно видѣть изъ ихъ судебного устройства, посягающаго демократическій характеръ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что первоначальное учрежденіе владѣльческаго крестьянства въ Эльзасѣ должно быть отнесено къ отдаленнымъ временамъ завоеванія, при которомъ часть территоріи на томъ или на другомъ титулѣ попала въ руки сильныхъ міра. Но отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что и средневѣковая владѣльческая община, устройство и положеніе которой представляетъ ближайшій предметъ обсуждения въ настоящей статьѣ, была ничѣмъ инымъ какъ непрерывнымъ продолженіемъ именно этой первоначальной владѣльческой общины. Не говоря уже о существованіи несомнѣнныхъ доказательствъ въ пользу позднѣйшаго закрѣпощенія и обезземеленія свободныхъ первоначально поселенъ, одного уже пространственнаго расширенія вла-

дѣльческихъ земель на счетъ свободныхъ совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться, что между первоначальными зависимиыми крестьянами и позднѣйшими имѣется лишь очень мало общаго.

Ганауэру удалось найти не болѣе двухъ, трехъ текстовъ уставныхъ грамотъ, относящихся къ эпохѣ, которая предшествовала XIV столѣтію, большая же часть открытыхъ имъ документовъ относится къ XIV и къ XV столѣтіямъ. Въ сборникахъ *Шенфлина*, *Буркардта* и *Гримма* болѣе раннія уставныя грамоты также почти совершенно блистаютъ своимъ отсутствіемъ. На этомъ основаніи можно было бы, повидимому, думать, что отношенія крестьянъ къ сеньерамъ, опредѣляемыя въ этихъ грамотахъ, имѣютъ происхожденіе болѣе или менѣе новое, а также, что и тѣ права и преимущества, которыя обезпечиваютъ онѣмъ крестьянамъ, имѣютъ своимъ источникомъ щедроты и благорасположеніе сеньеровъ. Но это не такъ въ дѣйствительности. Ни въ одной изъ упомянутыхъ уставныхъ грамотъ, писанныхъ въ ближайшее къ намъ время, не говорится, что самыя порядки, освящаемыя уставомъ, представляютъ собою нѣчто новое. Напротивъ того, даже самыя древнія грамоты единогласно заявляютъ, что утверждаемое ими положеніе вещей существуетъ съ незапамятнаго времени. Вотъ, напр., начало одной изъ нихъ, составленной для селенія С. Кирина и относящейся къ 1137 году: «Мы принимаемъ на себя заботу сдѣлать краткій очеркъ преданій предковъ и путей юстиціи, *сохраняемыхъ съ древнихъ временъ*, чтобы кто-либо не вздумалъ поступать легкомысленно или невѣжественно въ отправленіи юстиціи этой мѣстности, называемой С. Кириномъ»...¹ Далѣе немедленно слѣдуетъ указаніе «на три народныя собранія, созываемыя ежегодно и называемыя годичными, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ сохраняются». Говоря вообще, уставныя грамоты содержатъ болѣе или менѣе полное перечисленіе правъ и обязанностей владѣльческихъ крестьянъ своей эпохи, но онѣ не указываютъ ни числа, ни тѣхъ ближайшихъ обстоятельствъ, которыя сопровождали редактированіе грамотъ. Иногда въ грамотѣ говорится, что она составляется на основаніи особаго изслѣдованія черезъ опросъ свѣдущихъ людей, въ особенности же лицъ заинтересованныхъ. Въ образецъ подобной уставной грамоты можетъ быть приведе-

¹ Hanauer. Les paysans de l'Alsace au moyen-âge, p. 5, изъ Archives du Bas Rhin, fonds Marmoutier, p. 609: «Ne quis facile vel quasi ignoranter in justice aliquid in loco qui dicitur Sanctus Quirinus face:e presumat, tradite seniorum et tramitem justicie ex antique conservatum perstringere breviter curamus».

на грамота, написанная въ 1298 году, по приказанію аббатиссы Аплаусской для ея бризгаусскихъ крестьянъ (*Гриммъ*, Т. I, стр. 821). Даже самое указаніе на число составленія грамоты, когда оно встрѣчается, не служитъ для обозначенія той эпохи, когда возникли опредѣляемыя отношенія; при этомъ, все-таки, ссылаются обыкновенно на преданія, существующія съ незапамятнаго времени. Редакція уставныхъ грамотъ имѣла, по всей вѣроятности, единственной цѣлью поставить на мѣсто давняго обычая писанный законъ, когда, съ одной стороны, претензіи сеньеровъ непрерывно возрастали, а, съ другой, усильное сопротивленіе городовъ и общее интеллектуальное движеніе XIII и послѣдующихъ столѣтій возбудили и въ крестьянахъ охоту и потребность противопоставить силѣ силу. Фактъ этотъ, по словамъ *Ганауера*, вытекаетъ изъ всѣхъ эльзасскихъ текстовъ. Онъ же болѣе или менѣе ясно указанъ и въ тѣхъ уставныхъ грамотахъ, которыя опубликованы *Гриммомъ*. Самая древняя изъ приводимыхъ у послѣдняго уставныхъ грамотъ была та, которую епископъ Вормскій Бурхардтъ далъ въ 1024 году серванъ св. Петра. Это была грамота, которую епископъ, по его собственнымъ словамъ, велѣлъ написать въ видахъ возобновленія древнихъ обычаевъ. «Просмотрите, говоритъ *Ганауеръ* (Ib. 295):— всѣ дипломатическіе сборники, допросите наши архивы и всѣ памятники прошедшаго, и вы не встрѣтите ни одного текста, который допускалъ бы измѣненіе въ уставѣ владѣльческой общины (*colonge*), предшествующее изданію уставной грамоты... Начала, управлявшія владѣльческой общиной въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ, формулированы или предполагаются всѣми древними законами. Вотъ одно или два доказательства. Въ хартіи, данной въ 823 году Людовикомъ Кроткимъ аббатству Массево, не встрѣчается ни одного предписанія, которое бы не входило въ уставную грамоту Гевенгейма (часть этого аббатства). И, наоборотъ, эта послѣдняя грамота не заключаетъ ни одной существенной мѣры, которая не была бы изложена, или, по крайней мѣрѣ, указана въ этой хартіи IX столѣтія. Хартія, данная Шварцаху въ 758 году, находится въ полнѣйшемъ согласіи съ уставными грамотами, опубликованными или разобранными *Гриммомъ*. Наконецъ, всѣ документы франкской эпохи, касающіеся епископства Страсбургскаго, аббатствъ Эберсмиюнстерскаго и Вейссенбургскаго, капитула Гальстахскаго и пр. и пр. представляютъ такое же согласіе. Мы сомнѣваемся, чтобы самая субтильная критика могла открыть хоть одно слово, хоть одну черту, которая позволила бы ей сказать: вотъ данное, которое не находитъ

ся въ согласіи съ владѣльческо-крестьянскими уставными свѣдѣніями»).

Итакъ, древность тѣхъ отношеній, которыя опредѣляются въ уставныхъ грамотахъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но именно свободный и независимый характеръ нѣкоторыхъ изъ этихъ отношеній и является ручательствомъ за то, что понятіе позднѣйшей владѣльческой общины далеко не совпадало съ понятіемъ первоначальнаго учрежденія зависимыхъ крестьянъ, хотя послѣднее и могло служить ядромъ этой общины. Волею-неволею остается заключить, что путаница феодальныхъ отношеній, которую стремятся регулировать при помощи уставныхъ грамотъ, скрываетъ подъ собою во многихъ случаяхъ понятіе о свободной маркѣ, утратившей уже въ пользу сеньеровъ болѣе или менѣе значительную часть своихъ исконныхъ правъ и преимуществъ. Все это представится читателю яснѣе при ближайшемъ разсмотрѣніи и изученіи тѣхъ условій, въ которыхъ находилась въ эпоху составленія грамотъ владѣльческая крестьянская община.

Взаимныя отношенія альзасскихъ сеньеровъ и крестьянъ различались, главнымъ образомъ, смотря по тому признаку, какія категоріи земель занимали и обрабатывали крестьяне. Категорій этихъ было три: *земля салическая, земля владѣльческая или предназначенная для колонновъ и земля общинная*. Обратимся къ характеристикамъ тѣхъ признаковъ, которые лежатъ въ основѣ каждаго изъ этихъ видовъ владѣнія землею, и тѣхъ феодально-сословныхъ отношеній, которыя обуславливались ими.

Въ учрежденіи *салической земли* и салического двора мы изучаемъ то самое учрежденіе—земли, обрабатываемой посредствомъ общественныхъ повинностей, и двора, служащаго мѣстомъ для собраній и для отправленія суда—о которомъ мы говорили уже выше. Это—дворы, съ отнесенными къ нимъ опредѣленными участками земли, которые были учреждены въ пользу наиболѣе почетныхъ и прославленныхъ мѣстныхъ или земскихъ родовъ марен. Это—дворы по преимуществу, лучшіе и старшіе дворы. Салическія земли и дворы встрѣчаются во всѣхъ странахъ, которыя послѣдовательно занимаются германцами—во Франціи, въ Италіи, въ Англіи, точно также какъ и въ самой Германіи. Быть можетъ, указаніе *Тацита* на то, что германцы дѣлятъ свои земли по достоинству, относится именно къ первоначальному состоянію упомянутого учрежденія. На основаніи словъ *Тацита*, у германцевъ еще за два столѣтія до вторженія, на ряду съ землями, надѣленными людямъ обыкновеннаго положенія, существовала еще и другая земля, болѣе значительная по своимъ размѣрамъ, по привилегіямъ, по назначенію,

*

предоставляемая князьямъ племени. По всей вѣроятности, именно на этой землѣ жили тѣ роды, о которыхъ говорится у Тацита, что они имѣли свое жилище, своихъ пенатовъ (домашнія божества) и доставляли господину только хлѣбъ, животныхъ и одежду. Впослѣдствіи саллическая земля окончательно выдѣляется изъ остальной земли марки¹, и самъ ея владѣлецъ перестаетъ уже ежегодно избираться вновь, а дѣлается прирожденнымъ судьей и старшиной деревни. Таковъ характеръ, повсюду представляемый саллической землей послѣ завоеванія. Здѣсь отправляется юстиція, здѣсь назначаются собранія марки, здѣсь платятся повинности и выполняется барщина, здѣсь живетъ потомокъ древнихъ князей, защитникъ и наследственный судья крестьянъ, которые группируются вокругъ его жилища. Послѣ того, какъ, такимъ образомъ, саллическая земля сдѣлалась сердцемъ деревни, продать или отдать ее другому стало тѣмъ же, что продать или отдать кому-либо самую деревню. Вся деревня стала въ меровингскихъ хартіяхъ называться нерѣдко *curia*, т. е. дворомъ. «Пятьдесятъ разъ, говорить *Tanquer*:—мы вѣрили этотъ фактъ, слѣдили за исторіей эпохъ дворовъ и находили въ концѣ концовъ общину». Можно положительно утверждать, что во многихъ случаяхъ позднѣйшая владѣльческая община имѣетъ ядромъ своимъ тотъ же самый саллическій дворъ и саллическую землю, откуда вытекаютъ, частью, и тѣ прерогативы, которыми пользовался здѣсь сеньеръ. Въ качествѣ соучастника во владѣніи общинною землею, сеньеръ естественно имѣлъ право требовать, чтобы отчужденіе этой послѣдней не происходило безъ его вѣдома². Въ качествѣ крупнаго землевладѣльца мѣстности, отъ котораго находились въ зависимости крестьяне и сервы, сеньеръ имѣлъ право блюсти за тѣмъ, чтобы тяжесть общинныхъ налоговъ не лишала ихъ возможности нести въ его пользу повинности, и на этомъ основаніи принималъ

¹ Слѣдующая характеристика *Герара* саллической земли подтверждаетъ тѣ свойства особенно владѣнія, которыми отличается эта земля, какъ выдѣленная изъ земли общинной: «Въ дѣламъ, говоритъ Гераръ (ib. 492):—саллическая земля есть земля семьи, подобно домѣну переходящая къ дѣтамъ или къ другимъ наследникамъ; подобно тому же домѣну это—земля, отличная отъ бенефицій. Однимъ словомъ, она во всемъ и повсюду походитъ на то, что составляетъ домѣнъ и на-что отличается отъ того, что не несетъ характера домѣна: слѣд. саллическая земля есть земля самаго домѣна».

² Дальнѣйшее развитіе подобнаго отношенія сеньера къ общинной землѣ уже очень рано представляетъ намъ Англія: «Владѣльцы барщинныхъ дворовъ являются также владѣльцами земли, оставшейся въ общемъ пользованіи, нераздѣленной земли, права же всѣхъ другихъ землевладѣльцевъ на общинную землю суть только права пользованія чужою собственностью» (Nasse, Die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England, 44).

участіе въ народныхъ собраніяхъ всей общины. Наконецъ, въ качествѣ представителя одного изъ древнѣйшихъ родовъ, онъ былъ наследственнымъ судьей деревни, т. е. исполнителемъ судебныхныхъ приговоровъ общины.

Салическая земля, или принадлежащая сеньёру исключительно и безусловно, служила мѣстопробываніемъ сеньёра и состояла изъ двора въ собственномъ смыслѣ (*casa* или *domus dominica*, *mansus dominicata*, *Salhof* или *Frohnhof*) и болѣе или менѣе значительнаго количества угодій (*terra salica*, *curia*, *curtis dominicata*, *Frohngrut*, *Salgut*, *Salland*). Земля эта была огорожена, хотя и обрабатывалась, подобно крестьянскимъ землямъ, по трёхпольной системѣ; каждое изъ трехъ полей оставалось черезъ два года въ третій подъ паромъ и служило даровымъ пастбищемъ. Въ этомъ предоставленіи крестьянамъ права даровой пастбы на паровомъ полѣ, въ вознагражденіе за которое сеньёръ имѣлъ соотвѣтствующее право на земляхъ общины, не трудно видѣть слѣды первоначальнаго происхожденія салической земли, посредствомъ выдѣла ея изъ земель марки. Когда сеньёръ самъ жилъ въ деревнѣ или самъ эксплуатировалъ свою землю, то онъ обрабатывалъ ее частью посредствомъ труда поденщиковъ и слугъ (*Lohnlute* и *Knechte*), частью же посредствомъ барщины своихъ владѣльческихъ крестьянъ или колоновъ и сервовъ (*Eigenlute*). Колоны, помимо оброчныхъ взносовъ, отбывали въ пользу сеньёра обыкновенно по три дня барщины въ годъ на обработку почвы, снятіе жатвы и косьбу. Этотъ до ничтожества малозначительный размѣръ повинностей служитъ намъ первымъ указаніемъ или совершенно свободнаго происхожденія колоновъ или же самаго недавняго (рѣчь идетъ объ эпохѣ составленія уставныхъ грамотъ) закрѣпощенія ихъ сеньёру. И еще здѣсь подразумевается классъ людей, сидящихъ на завѣдомо чужой землѣ, какою должна считаться земля салическая, или, по крайней мѣрѣ, обрабатывающій эту землю. Впрочемъ, терминъ «салической земли» могъ въ послѣдствіи прилагаться также и къ землямъ другихъ категорій, на основаніи сходства положенія и условій обладанія ими. Въ послѣдствіи, повинности владѣльческихъ крестьянъ, все равно живущихъ ли на салической землѣ или же на землѣ иного свойства, мало по малу сравниваются съ первоначальными повинностями упомянутыхъ выше сервовъ, вѣроятно, потомковъ прежнихъ рабовъ и прежнихъ зависимыхъ людей. Эти послѣдніе отбывали на салической землѣ по три дня въ недѣлю барщины и за это получали отъ двора пищу во время отправленія работъ, а также ферму, которую они могли обрабатывать на себя съ семьею, не платя уже ни десятины, ни другихъ какихъ-либо по-

вннностей. Эта организація, встрѣчаемая въ барщинныхъ дворахъ Мармуте ¹ и Вейссенбурга, вначалѣ XII столѣтія была,

¹ Различіе между положеніемъ крестьянъ и сервовъ прекрасно обнаруживается изъ слѣдующаго мѣста уставной грамоты мѣниіа Мармуте: «Есть три рода участковъ или угодій (maner): первыя — свободныя (ingenui, fri), вторыя — крестьянскія (serviles, diensthuben), третья — владѣльческія (proprietii, eigenhaben). Первыя отданы аббатствомъ въ ленъ баронамъ и дворянамъ; эти ничего не платятъ и не несутъ никакихъ повинностей; но если аббатъ когда-либо оставитъ страну и переселится въ другое мѣсто, то они (увомянутыя лица) должны сопровождать его верхомъ и давать ему своихъ лошадей (асно, что эти участки въ рукахъ бароновъ и дворянъ могли снова подвергаться дѣленію на землю владѣльческую и крестьянскую). Въ этомъ и состоитъ ихъ служба. Тѣ, кто держитъ участки крестьянскіе или крѣпостные, обязаны слѣдующими повинностями: они даютъ денежную ренту, ренту хлѣбомъ, лѣнами, курами, отработываютъ три дня барщины плугомъ (въ теченіи года, на салоческой землѣ), доставляютъ носильщиковъ и пр. Они живутъ принадлежашій сеньеру хлѣбъ, свозятъ его въ амбары, разгружаютъ здѣсь повозки; но не ихъ дѣло подниматься на чердакъ для размѣщенія сноповъ, или молотить хлѣбъ на воздухѣ, или вѣять его, или мѣрять, или свозить въ закромы. То же дѣлаютъ они съ виномъ, принадлежашимъ монастырю: они собираютъ виноградъ; везутъ его въ давиальню сеньера, разгружаютъ свои повозки; но они не обязаны ни давить виноградъ, ни разливать вино въ бочки. Такъ же поступаютъ они по отношенію къ сѣну... Такъ же по отношенію къ дровамъ: они станутъ нести ихъ въ лѣсу, должны разгрузить ихъ передъ кухней или передъ булочной, но они не обязаны носить ихъ на кухню или въ булочную, разводить огонь, помогать готовить кушанье. Имъ не должны давать ни ѣсть, ни пить и они будутъ возвращаться домой съ пустою повозкою (или съ пустымъ желудкомъ — Magen мѣсто Wagen). Они станутъ также вывозить навозъ изъ конюшни, но не обязаны везти его далѣе. Тогда тѣ, которыхъ мы назвали выше сервами (proprietii, Eigenhaber), соберутъ навозъ и сложатъ его въ кучи. Ихъ называли такъ потому, что они отдались тѣломъ и имуществомъ св. Мартину; ихъ тѣло не должно служить никому, кромѣ монастыря. Въ вознагражденіе за ихъ услуги ихъ имущество освобождается; они не платятъ ни оброка, ни десятины, ни за сады, ни за луга, не несутъ повинностей ни курами, ни лѣнами. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ служба: они получаютъ снопы у новоски вышеупомянутыхъ крестьянъ или колоновъ, вносятъ ихъ на чердакъ, вносятъ ихъ потомъ на воздухъ, молотятъ, вѣютъ, мѣряютъ верно и свозятъ его въ закромы. Такимъ же образомъ они берутъ снятое съ повозокъ сѣно и складываютъ его въ стоги. Они носятъ виноградъ въ давиальню, давятъ его и наполняютъ виномъ бочки; они носятъ дрова въ булочную и на кухню, рубятъ ихъ, помогаютъ повару, топятъ печь въ булочной и гособлаютъ готовить хлѣбъ и пиво. Изъ нихъ берутся сторожа во дворѣ сеньера и для охраненія тюрьмы. Когда аббатъ желаетъ оставить мѣстность, они даютъ ему конюю, который долженъ защищать его. Наконецъ, они же чистятъ рвы (Strohhuber). Такимъ образомъ, они должны во всемъ служить монастырю на особый манеръ. За это они будутъ получать пищу и питье, но не другое жалованье. Такова была служба этихъ колоновъ. Прежде люди св. Мартина служили, такимъ образомъ, монастырю своимъ тѣломъ и имуществомъ. Впоследствии (въ XII столѣтіи) эта служба ихъ была уничтожена, участки ихъ были присоединены къ деревнѣ и въ вознагражденіе за вышеупомянутую службу участки эти были обложены известными денежными повинностями и оброкомъ (dienstpfennig и kinspfennig)»

безъ сомнѣнiя, въ принципѣ общимъ условіемъ салическихъ земель. Но она представляла слишкомъ большія неудобства, она обременяла сеньера слишкомъ мелкими заботами и потому должна была довольно рано подвергнуться модификаціямъ. Дѣйствительно, въ другихъ имѣніяхъ салическія земли уже раздѣляются между колонами и въ настоящемъ видѣ ихъ остается очень мало. Въмѣсто того, чтобы самому завѣдывать своимъ имѣніемъ, сеньеръ поручалъ надзоръ за нимъ одному изъ своихъ оффиціалитовъ. Съ этихъ поръ «Frohnhof» становится мѣстопробываніемъ старшины или мэра и начинаетъ даже мѣстами называться «Mayerhof» и «Schultheissshof». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ сохраняется еще и барщина. Замѣчательно, что, при управленіи ея, соблюдается полнѣйшая патріархальность отношеній. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ уставной грамоты въ Эндгофенѣ: «Каждый колонъ обязанъ въ этотъ день (быть можетъ, рѣчь идетъ о чемъ либо подобномъ нашей «помочи» или «толокѣ») обрабатывать земли сеньера съ тою упряжью, которую онъ обыкновенно употребляетъ для самаго себя. Тотъ, у кого нѣтъ рабочаго скота, станетъ работать лопатою для удаленія всего, что могло бы воспрепятствовать плугу. Кромѣ корма для скота, рабочіе получаютъ отъ мэра на самомъ полѣ сыръ и хлѣбъ, а въ тотъ часъ, когда мэръ воротится домой обѣдать, имъ подадутъ два блюда говядины и двухъ сортовъ вино». На основаніи другой уставной грамоты (Обергергкеймъ), «когда выполняется барщина, мэръ ставитъ на каждой оконечности поля по боченку, содержащему мѣру вина, и по новому ковшу. Кромѣ того, на

Серви этой послѣдней категоріи вообще могли быть отчуждаемы не иначе какъ съ землею; хотя это и не всегда соблюдалось. Они могли приобрести имущество и даже сами владѣть сервами. Такъ, напримѣръ, Адонъ уступилъ въ 774 году аббатству Цейсенбургскому извѣстное число сервовъ и въ томъ числѣ «Видикова съ его женою Гизой и мѣзъ двумя сервами—Вульфратомъ и его женою—Ратиндою». Въ 888 году аббатъ Мурбахскій говоритъ, что «одинъ изъ его сервовъ, по имени Отардъ, родился отъ дѣвщины, рожденной благородными родителями (de nobilibus parentibus), и эти послѣдніе просили его дать свободу дѣтамъ, происшедшимъ отъ этого брака... Аббатъ освободилъ Отарда, сына его Герарда и дочь его Отарду и получилъ взаменъ ихъ трехъ другихъ сервовъ». Имущество сервовъ было подъ защитою трибунала. Свидѣтельствовать противъ свободныхъ серви не могли, какъ, впрочемъ, и многія другія лица. Вступать въ бракъ и переходить съ мѣста на мѣсто безъ разршенія сеньера также не могли. Но, тѣмъ не менѣе, начиная съ XII столѣтія, сервъ перестаетъ уже быть рабомъ. Онъ пользуется уже значительною свободою. Ничтожная поголовная подать, мертвая рука послѣ смерти, нѣсколько ограниченій относительно вступленія въ бракъ—вотъ почти все, что сохраняется еще въ эту эпоху отъ стараго положенія сервовъ. Между тѣмъ, еще въ VII, и въ IX столѣтіяхъ серви почти вездѣ отдавали сеньеру половину своего времѣни, т. е. три дня въ недѣлю.

каждый плугъ выдается по бѣлому хлѣбу. Когда плуги возвращаются съ полей, мэръ даетъ имъ, сколько пожелаютъ, вина, жареной и вареной говядины и хорошаго ржаного хлѣба. Если колонъ имѣетъ какую-нибудь вражду противъ мэра и отказывается идти къ нему во дворъ, мэръ посылаетъ ему на домъ два куска телатинны, два куска жаркаго, кувшинъ вина и хлѣбъ, стоющій два денъе». Спрашивается: носить ли эти отношенія хотя малѣйшіе слѣды зависимости или рабства? Но это еще не все. Въ Аппенвиллерѣ, «когда хозяинъ не позаботится угостить рабочихъ завтракомъ, каждый изъ нихъ имѣетъ право собрать такой снопъ, который можетъ быть охваченъ связкой изъ вербы, не ломаа послѣдней. Онъ возвращается домой, молотить хлѣбъ и нести зерно къ мельнику. Отсюда онъ идетъ къ булочнику, заставляетъ испечь себѣ хлѣбъ и когда поѣсть его достаточно, тогда возвращается къ своей работѣ, если только еще не наступила ночь». Иронія, которою проникнуто все это постановленіе отъ начала до конца, можетъ указывать на чтó угодно, но только не на притѣсненіе и угнетеніе. Тѣмъ же юмористическимъ характеромъ отличаются и нѣкоторыя другія уставныя грамоты. Такъ, «мэръ Кюнгейма подастъ имъ (колонамъ) вина, хлѣба и всего остальнаго. Если они будутъ недовольны, онъ прибавитъ меду и пива. Если у него нѣтъ меду, то онъ нальетъ воды въ улей, въ которомъ недавно были соты, и подастъ имъ этого напитку. Онъ нальетъ также воды на снопъ овса: это будетъ для нихъ нивомъ и они должны будутъ имъ довольствоваться». Сервы Герлискейма «имѣютъ право получить въ день св. Мартина пирогъ такихъ размѣровъ, что, если его опереть объ оконечность ноги, то, чтобы сервъ могъ отломить отъ него, выше колѣна, кусокъ достаточный для насыщенія его; чтó же касается остальнаго, то онъ отдастъ его, кому захочетъ. Кромѣ того, ему должны еще подать такой кусокъ говядины, чтобы онъ перевѣшивался черезъ края блюда и чтобы этого излишка было достаточно для насыщенія колона; остальнымъ же колонъ также распорядится по своему желанію». Колонъ Гюнингена, обязанные доставлять по назначенію вино, принадлежащее базельскому капитулу, отправлялись за нимъ въ Иштейнъ, во дворъ мэра, который долженъ былъ давать имъ ѣсть и пить и, сверхъ того, давать «столько орѣховъ, чтобы хватало по ладужку». Потомъ они спускались внизъ по Рейну и отправлялись въ домъ прево. «Тутъ, прибавляетъ уставный свитокъ:—имъ подаютъ ѣсть и пить въ изобиліи и заставляютъ ихъ такъ хорошо напиться, чтобы они не могли достигнуть своей лодки иначе, какъ покачиваясь». Женщины, отбывавшія барщину, имѣли право во время жары воз-

вращаться домой въ деревню и предаваться здѣсь покою. Кромѣ того, всякая работающая въ лугахъ сеньера женщина, у которой былъ младенецъ, имѣла право по три раза въ день возвращаться на одинъ часъ домой, чтобы кормить младенца грудью; при этомъ каждый разъ она могла брать съ собою по вазанкѣ сѣна (Stoffel, стр. 211). А спустя около полутысячелѣтія, въ теченіи котораго общественная жизнь въ Европѣ успѣла совершить гигантское движеніе впередъ, англійская парламентская коммиссія отказывается отъ возможности принудить фабриканта отпускать беременную фабричную женщину домой, подъ тѣмъ единственнымъ предлогомъ, что фабрикантъ не въ силахъ услѣдить, кто именно изъ находящихся въ его фабричномъ заведеніи женщинъ собирается родить (см. мою статью «Новѣйшее фабричное законодательство Великобританіи», «Отеч. Записки», 1877 г., май).

Итакъ, учрежденіе салическаго двора и салической земли является источникомъ власти сеньера надъ зависимыми отъ него людьми, которые, частью, живутъ на этой землѣ съ давняго времени, частью, только отбываютъ на ней непродолжительную барщину. Но этотъ источникъ сеньерской власти былъ не единственнымъ и, вообще игралъ въ закрѣпощеніи крестьянъ сравнительно второстепенную и незначительную роль. Тутъ преобладаніе однихъ лицъ надъ другими шло снизу или отъ периферіи общественаго тѣла, путемъ наслѣдственнаго подбора особенно выдѣляющихся земскихъ родовъ, которымъ придавались извѣстныя привилегіи, послужившія впоследствии точкою опоры для расширенія ихъ власти. Но дѣло въ томъ, что само то это расширеніе власти происходило уже въ обратномъ направленіи—отъ центра къ периферіи и гораздо болѣе ускореннымъ путемъ, благодаря раздачѣ королемъ своимъ дружинникамъ обширнаго пространства невоздѣланной общинной марки. Словомъ, въ Эльзасѣ въ этомъ отношеніи совершается въ миниатюрѣ то же, что происходило en grand во всѣхъ германскихъ странахъ. Эти два, частью совершенно самостоятельныя теченія шли рядомъ, совпадали и снова расходились, такъ что въ эпоху составленія уставныхъ грамотъ было уже почти невозможно прослѣдить, на основаніи какого именно изъ этихъ двухъ титуловъ, тотъ или другой сеньеръ оказывался стоявшимъ во главѣ крестьянъ и управлявшимъ ихъ землею. Неопредѣленность эта неизбежно повторилась и въ раздѣленіи на категоріи самихъ крестьянъ и ихъ земель, и, мало-по-малу, различія между свободными и не-свободными землями и крестьянами, а также между Dienstgräfами и Edelgräfами окончательно уничтожаются, оставляя позади себя

одну только бездонную пропасть между дворянами и крѣпостными ихъ.

Въ моментъ завоеванія и впослѣдствіи многія земли неопредѣленнаго назначенія, которыя по прежнимъ обычаямъ германцевъ должны были войти въ составъ необработанной общинной земли, были объявлены землею королевскою. Понятно, впрочемъ, что земли этой категоріи находились только въ распоряженіи королей и не могли еще считаться ихъ частной собственностью. Но ограниченіе королевской власти распоряжаться ими нашло себѣ противодѣйствіе въ готовой и весьма удобной для франкскихъ королей теоріи римскаго права, которая, дѣйствительно, считала всѣ неопредѣленной принадлежности и невоздѣланныя земли ничѣмъ инымъ, какъ частной собственностью короля. Такъ, между прочимъ, попали въ королевскій фискъ обширные лѣса, лежавшіе въ то время въ отдаленіи отъ всякаго обширнаго поселенія. Тутъ было начало тѣхъ превосходнѣйшихъ охотъ, которыя дѣлали пребываніе въ Эльзасѣ необыкновенно заманчивымъ и привлекательнымъ для князей меровинговъ. Но щедроты различныхъ Дагоберовъ, Тьеры и проч. относительно ихъ графовъ и аббатовъ послѣдовательно уменьшали площадь этихъ лѣсовъ и настолько же обогащали сенѣровъ. Тогда для вознагражденія своихъ воиновъ, короли стали дробить на части марку, изолировали общины и разорвали одну долю нитей, привязывавшихъ послѣднія одну къ другой. Конечно, на первыхъ порахъ всѣ эти лица также не получали абсолютныхъ правъ на распоряженіе землей, такъ какъ король не могъ имъ давать то, чего не имѣлъ самъ. Но, въ то же время, этимъ, очевидно, была положена широкая основа дальнѣйшему развитію сословій и упроченію въ Эльзасѣ феодальныхъ отношеній. Все это дѣлалось тѣмъ легче, что эльзасцы ни той эпохи, ни предъидущей не имѣли яснаго понятія о собственности; у нихъ не было даже слова для правильнаго обозначенія ея, и самый терминъ «eugen» не всегда точно формулировалъ понятіе ея. Германцамъ было все равно, они ли сами считались полными хозяевами земли, или же объявляли себя верховными владѣльцами ея король и впослѣдствіи сенѣръ. Разъ, что уважалось ихъ право наследственнаго пользованія всѣми продуктами земли; разъ, что за ними сохранялось право посылать свой скотъ на пастбище, брать дрова изъ лѣсу и проч., ихъ мало беспокоила претензія, которая казалась имъ лишнею примѣненія. Съ другой же стороны, необходимо было наблюдать за сохраненіемъ въ неприкосновенномъ видѣ имущества общины, въ особенности лѣса, необходимо было регулировать обычай и обезпечить выполненіе правды. Съ

этой цѣлю, между прочимъ, устанавливаются должности полевныхъ и лѣсныхъ сторожей, и сосѣдній сеньёръ получаетъ назначеніе поддерживать ихъ силою, за что ему присвоиваются извѣстныя привилегіи и штрафы. Мало по-малу, сеньёры расширили свою роль протекторовъ, а также и свои прерогативы. Будучи вначалѣ простыми должностными лицами общины, они впоследствии начинаютъ составлять постановленія безъ участія послѣдней, удерживаютъ за собою права охоты и рыбной ловли и произвольно ограничиваютъ и даже отчуждаютъ крестьянское пользованіе общинною землею, которое до тѣхъ поръ было общимъ и бесспорнымъ правомъ. Нѣсколько ниже мы приведемъ примѣры такого постепеннаго развитія территориальнаго господства фогтовъ и другихъ сеньёровъ, которое въ новѣйшую эпоху смѣнилось правомъ собственности ихъ на земли марокъ.

Именно пожалованіе (бенефиція) изъ королевскаго домена и является, судя по многимъ признакамъ, источникомъ происхожденія земель второй изъ тѣхъ трехъ категорій, о которыхъ мы говорили выше, а именно: земли *владѣльческой* или *такой, которая отаодится колонамъ*. По мнѣнію *Бурхардта*, вся земля новыхъ поселеній въ необитаемыхъ мѣстахъ носила характеръ земли послѣдней категоріи, такъ какъ здѣсь вовсе не замѣчается земель общинныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно брался общинный лѣсъ или другая необработанная земля и раздѣлялся на нѣсколько участковъ или *mansees* — одинъ изъ нихъ служилъ для содержанія священника, другой предназначался мзру, а остальные раздавались крестьянамъ въ потомственное пользованіе за извѣстную барщину и за другія повинности. Такъ утверждалась владѣльческая община, откуда потомъ происходила деревня, а иногда и городъ.

Но хотя подобныя мнѣнія и считались довольно рано частной собственностью сеньёра, чѣмъ-то въ родѣ большой фермы нынѣшняго времени, однако, они представляли существенныя отличія отъ салической земли. По отношенію къ салической землѣ сеньёръ былъ собственникомъ безусловнымъ, онъ могъ ее продавать, завладѣвать, дарить, уступать въ аренду, отдавать въ качествѣ феода или лена. Но по отношенію къ занятой колоннами землѣ, онъ былъ ужъ болѣе стѣсненъ, и именно въ этомъ стѣсненіи его правъ можно видѣть довольно ясныя слѣды происхожденія его власти надъ этою землею. Чтò бы ни говорили *Шоффуръ* и *Веронъ-Ревиль* на тѣму о смягченіи временъ и нравовъ, превратившемъ безправіе рабовъ-колоновъ въ послѣдственное пользованіе *землей сеньёра*, на которой они жили, но на самомъ дѣлѣ, ограниченіе правъ сеньёра въ распоряженіи

этой землею имѣло источникомъ правъ самихъ крестьянъ, которымъ принадлежало старшинство владѣнія послѣдней. Конечно, сеньёръ могъ дѣлать и съ этой категоріей земель весьма и весьма многое, но не иначе какъ съ соблюденіемъ пракъ волюновъ. За лѣны, за несправность въ отбываніи повинностей и проч., колонъ платился, правда, сначала штрафомъ, а впоследствии и конфискаціей имущества. Жалобу сеньёръ приносилъ на это мѣру, и мѣру передавалъ ее въ крестьянскій трибуналь, который имѣлъ полную свободу постановлять рѣшеніе по этой жалобѣ по своему желанію. Но, при соблюденіи феодальныхъ обязательствъ, участокъ и дворъ колона представлялъ наследственное имущество (Erbе или Erblehn) колона. Пользованіе, переданное ему навсегда и связанное со многими привилегіями, составляло родъ собственности (Eigenschaft) не менѣе священной, чѣмъ самыя права сеньёра. Колонъ могъ отдать такой участокъ въ займы, заложить его, продать, обмѣнять, отдать въ даръ, передать по наследству. Все это, конечно, терпѣло нѣкоторыя ограниченія при столкновеніи съ правами самого сеньёра на соблюденіе цѣлости повинностей и интегральности всего имѣнія, а также и съ правами всей общины. Поэтому-то для продажи колономъ земли, нужно было сперва согласіе двора, потомъ землю слѣдовало предложить родственникамъ, за отказомъ ихъ, другимъ колонамъ, а за отказомъ и этихъ послѣднихъ, кому пожелаетъ продавецъ, лишь бы только приобретатель согласился принять на себя всѣ обязанности продавца, какъ по отношенію къ общинѣ, такъ и по отношенію къ двору (Рейтенбургъ, Даугендорфъ). Подобная продажа производилась обыкновенно въ торжественномъ собраніи владѣльческихъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ мэра, посредствомъ передачи изъ рукъ въ руки соломенки, и за нею слѣдовали обыкновенно великодушный пиръ и выпивка. Существуютъ даже въ уставныхъ грамотахъ постановленія на тотъ предметъ, какое именно вино и мясо должны при этомъ подаваться для угощенія публики, въ какомъ количествѣ и въ какомъ порядкѣ. Но если такъ широки были права колона, то, съ другой стороны, и самъ сеньёръ могъ отчуждать ту землю, которая была отведена колонамъ, лишь бы, при этомъ, сохранялось ихъ пользованіе этою землею. Впрочемъ, отчужденіе земли въ тѣ времена носило совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ теперь; по выраженію *Грара*, отчужденіе это было того же рода, какъ и уступка королямъ провинціи. Говоря иначе, оно являлось уступкою доходовъ или клиентель, совершенно на подобіе того, какъ въ наше время продается фирма, т. е. производится антиципація болѣе или менѣе вѣрнаго дохода съ

установившагося круга покупателей. Только съ этой точки зрѣнія и могутъ быть объяснены нѣкоторые весьма темные параграфы тогдашнихъ хартій, упоминающихъ объ отчужденіяхъ не только сервовъ или недвижимыхъ имуществъ, но и объ отчужденіяхъ совершенно свободныхъ людей, даже сосѣдей — «cum liberis, liberis, asscolabus». Отчуждались, въ сущности, доходы, доставляемые патронатомъ надъ всѣми этими людьми.

Участки, отводимыя владѣльческимъ крестьянамъ — *pentag'w* или *hub'w* (*manus* и *hoba*), первоначально, какъ порознь, такъ и вмѣстѣ, должны были оставаться въ рукахъ колонновъ, при жизни и на случай смерти не подлежащими раздѣлу. Отчасти въ этомъ видны слѣды общиннаго владѣнія землею, отчасти же стремленій сеньёровъ къ сохраненію интегральности имѣнія. Впослѣдствіи, мало-по-малу, крестьянскіе участки потеряли свойство нераздѣльности, хотя и продолжали фиктивно признаваться цѣльнымъ, а также удержали трехпольную систему обработки, причѣмъ на каждомъ погѣ воздѣлывались одинъ годъ рожь, другой — овесъ, а на третій — поле оставалось подъ паромъ. Но мѣстами обычай недѣлимости сохранился и впослѣдствіи. Такъ, напримѣръ, въ графствѣ Горбургъ до самой революціи сохранился 61 дворовый ленъ (*Hoflehn*), т. е. такое число дворовъ, подчинившихся этому правилу. Начало этихъ леновъ теряется во мракѣ времени и составляетъ тайну для самихъ архивариусовъ графства, но ихъ поддерживали, опираясь на причины, изложенныя выше. Еще и въ настоящее время самые богатые крестьяне Рохерсберга часто владѣютъ подобными нераздѣльными фермами, и, хотя послѣднія давно уже потеряли принадлежавшее имъ свойство вѣчной аренды, но крестьяне предпочитаютъ ихъ почему-то даже праву собственности.

Присмотримся теперь поближе къ составу феодальныхъ отношеній между сеньёромъ и крестьянами, сидѣвшими на упомянутыхъ владѣльческихъ участкахъ. Отношенія эти могутъ быть выяснены всего лучше изъ разсмотрѣнія взаимныхъ правъ и преимуществъ обоихъ названныхъ сословій. Прежде всего, за пользованіе нѣвѣстными количествомъ земли колоны или крестьяне обязаны были нести въ пользу сеньёра опредѣленную повинности. Спрашивается: какъ велико было это количество земли и каковы были размѣры этихъ повинностей? Отвѣчать на этотъ вопросъ съ той полнотой и точностью, которыхъ онъ заслуживаетъ, довольно затруднительно, если только не вовсе невозможно. Во-первыхъ, сравненіе съ нынѣшними мѣрами тогдашнихъ, которыя опирались на чисто случайныя основанія, представляетъ почти непреодолимыя трудности. Во-вторыхъ, норма по-

вѣностей и способъ ихъ опредѣленія въ различныхъ мѣстностяхъ были неодинаковы. Поэтому, придется ограничиться лишь нѣсколькими данными, имѣющими только приблизительное значеніе. Вообще, можно полагать, что губы или участки, находившіяся въ распоряженіи у одного крестьянскаго семейства, заключали въ себѣ отъ 8 до 12 гектаровъ. Но пока эти участки были еще недѣлимы, они, повидимому, были больше. Такъ, наприимѣръ, губы аббатства Нейбурга содержали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по 24 акра. Въ Гаусбергенѣ и Эйбольдгеймѣ каждый губъ былъ равенъ 30-ти акрамъ. Въ Гейлигенбергѣ губъ равнялся 32 акрамъ, въ Рацгофенѣ — 42 акрамъ, въ окрестностяхъ Мармутье—35 акрамъ. — Что касается повинностей, то въ Оненгеймѣ, въ 1407 году, ферма въ 10 гектаровъ приносила въ годъ оброчу 4 мѣшва ржи, 4 мѣшва овса и 4 курицы. Если оцѣнить, говорить *Ginsauer*, мѣшокъ ржи въ 13 франковъ, мѣшокъ овса— въ 11 фр. 20 с., курицу въ 1 фр., да прибавить въ этому еще по 3 фр. за каждый изъ 3-хъ дней барщины, то мы получимъ сумму въ 105 фр. 80 с. или по 10 фр. 60 с. за гектаръ. Но слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что въ этомъ имѣніи барщина давала крестьянину право рубить въ лѣсу дрова въ теченіи одного дня (новое указаніе на происхожденіе самихъ крестьянъ и ихъ земли изъ прежней марки), а также право на ѣду во время работы: въ февралѣ ему давали ржаной и бѣлый хлѣбъ, соленую капусту, два блюда овощей, хорошее вино и пиво, осенью — два говяжьихъ блюда, сыръ или груши и проч. Въ цѣломъ получится весьма не высокая сумма повинностей за пользованіе собственно землею. По такому же расчету, имѣющему только приблизительное значеніе, въ Гаусбергенѣ платилось по 1 фр. 20 сантим. съ акра. Въ Адрацгофенѣ за 42 акра взносилось круглымъ числомъ 176 мѣшковъ ржи и пшеницы. Но для полноты и точности баланса, отсюда, быть можетъ, слѣдовало бы вычесть права волона на пастбище, на жолуди въ лѣсу и проч., а, вмѣстѣ того, включить тѣ платежи, которые онъ былъ обязанъ нести при переходѣ изъ рукъ въ руки имуществу (*laudemium*), а также въ случаѣ смерти (*mortuarium*). Эти послѣдніе платежи хотя и не имѣли постоянного характера, какъ это слѣдуетъ изъ самого наименованія ихъ, были, однако же, довольно тяжелы. Такъ, въ одной уставной грамотѣ изъ числа опубликованныхъ *Burkhardtoma*, говорится: «Если умираетъ холопъ или сервъ, то онъ заплатитъ шультгейссу мортуарій (*fall*), т. е. лучшую сотинну изъ числа оставленныхъ имъ... тогда наследникъ можетъ принять ферму, не платя лаудемія, или же онъ можетъ выкупить мортуарій, посредствомъ уплаты лаудемія, т. е. годо-

вого взноса повинностей за ферму виномъ, деньгами или хлѣбомъ... Сколько разъ имущество перейдетъ изъ рукъ въ руки, столько разъ оно заплатитъ лаудемію». Въ другой уставной грамотѣ постановляется: «пусть знаютъ, что всякое имущество, находящееся въ завѣсности отъ барщиннаго двора въ Вольфсгеймѣ, подлежитъ уплатѣ мортуарія. Если покойный оставляетъ скотъ, то онъ платитъ вторую скотину, если же онъ человѣкъ аббатства (сервъ), то онъ даетъ два мортуарія: первую скотину за свое тѣло, а вторую за свое имущество». Въ такомъ же родѣ говорится и въ другихъ уставныхъ грамотахъ, и хотя *Гаммауеръ* утверждаетъ, что налогъ этой категоріи выплачивался не однимъ лишь крестьянами, но также и свободными людьми, но, очевидно, что крестьянамъ было отъ этого не легче.

Любопытны тѣ условія, которыми, на основаніи уставныхъ грамотъ, должны удовлетворять различные оброчные продукты. Въ Вольфсгеймѣ и въ Вибельсгеймѣ, «если мэръ найдетъ, что вино не хорошо, онъ даетъ его пробовать двумъ колонамъ. Если эти послѣдніе заявятъ подъ присягою, что удовлетворительно, мэръ обязанъ принять его» (*Гаммауеръ* I, 241). Въ Бишгольцѣ «сеньеры барщиннаго двора должны довольствоваться простымъ виномъ фермы, хотя бы оно было такъ кисло, что щипало бы копыто лошади, еслибы она опустила въ него ногу» (Ib. II, 381). Въ монастырѣ св. Іоанна «мэръ возьметъ изъ оброчныхъ денегъ въ день св. Мартина два су и купитъ за нихъ поросенка. Онъ станетъ его кормить три недѣли отрубями и три недѣли — мукою, чтобы никто не слышалъ, что животное кричитъ отъ голоду. Тогда онъ возьметъ поросенка и понесетъ его въ монастырь. Если поросенокъ стоитъ 10 су, то, значитъ, мэръ кормилъ его какъ слѣдуетъ; если поросенокъ стоитъ болѣе, то госпожа (вѣроятно, аббатиса) не станетъ жаловаться на это» (Ib. II, 375). Въ Гейвиллерѣ «если колонъ принесетъ пшеницу... и мэръ имѣетъ какое-нибудь сомнѣніе насчетъ ея качества, то онъ пойдетъ къ воротамъ, которыми проходитъ свиная пастухъ и посыплетъ пшеницы на землю. Если свинья, имѣющая семь поросятъ, остановится, чтобы поѣсть ея, то мэръ принужденъ довольствоваться ею; если же свинья пройдетъ мимо, то колонъ обязанъ доставить пшеницу лучшаго качества» (Ib. II, 42). Какъ ни кажется комичнымъ этотъ наивный способъ полагаться на рѣшеніе спорнаго вопроса при помощи свиньи, но, въ дѣйствительности, онъ могъ быть не меньше серьезенъ, чѣмъ, напримѣръ, обычай убѣждаться въ виновности или невинности вѣдьмъ, смотря по тому, останется ли она на поверхности воды, или потонетъ. Оброчныя куры должны быть настолько велики, чтобы ихъ можно было вѣдѣть

на вертелъ. Въ Даннемари «онѣ должны быть настолько сильны, чтобы могли взлѣтѣть съ земли на лѣсенку, съ лѣсенки къ корыту, съ корыта на шесть». Если рѣчь идетъ о сырѣ, то онѣ должны быть настолько тверды, чтобы, «будучи брошены объ стѣну, отскочилъ отъ нея, не ломаясь». Въ Геймспрингѣ «сыра должно хватать, по крайней мѣрѣ, на четыре глотка». Въ другихъ мѣстностяхъ «хлѣбъ и сыръ должны быть такихъ размѣровъ, чтобы, помѣщая въ центрѣ большой палецъ, можно было бы среднимъ пальцемъ въ точности описать ихъ окружность» (*Штисфбель* 93).

Въ цѣломъ, разумѣется, довольно трудно придти къ сколько-нибудь опредѣленному заключенію, представляютъ ли всѣ подобныя постановленія одни только непонятныя курьезы, простую игру остроумія составителей уставныхъ грамотъ, или же имѣютъ серьезное значеніе. Но въ томъ и другомъ случаѣ онѣ одинаково свидѣтельствуютъ, что положеніе крестьянъ совсѣмъ не было въ эту эпоху такъ отчаянно, какъ обыкновенно привыкли утверждать. Такъ какъ въ составленіи уставныхъ грамотъ, несомнѣнно, принимали участіе сами крестьяне, то шутовскость тона упомянутыхъ постановленій свидѣтельствуетъ о болѣе или менѣе патриархальныхъ отношеніяхъ ихъ къ сеньорамъ и о веселомъ состояніи ихъ духа. Если же постановленія эти представляли не что иное, какъ совершенно серьезное, хотя и нѣсколько наивное изложеніе дѣла, то и въ такомъ случаѣ они показываютъ намъ, что пронаволъ въ опредѣленіи размѣра и качества оброковъ и повинностей старались замѣнить посредствомъ тщательнаго и объективнаго изслѣдованія признаковъ предъявляемыхъ предметовъ.

Теперь намъ слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ повинностяхъ крестьянъ, которыя они несли въ вознагражденіе за услуги, оказываемыя имъ сеньоромъ. Но прежде надо разсмотрѣть, въ чемъ заключались самыя услуги со стороны тогдашнихъ протекторовъ и фогтовъ. Въ періодъ времени, предшествовавшій XIII столѣтію, сеньеры являлись, по отношенію къ крестьянамъ, сильною исполнительною властью. Они приводили въ исполненіе казни и конфискаціи имущества, наблюдали за продажей вина въ питейныхъ заведеніяхъ, охраняли крестьянскіе лѣса, иногда занимались въ этихъ лѣсахъ обязательной охотою за дикими звѣрами и т. д. Обязанности эти они выполняли частью лично, частью посредствомъ своихъ намѣстниковъ, уполномоченныхъ и другихъ должностныхъ лицъ. Словомъ, они являлись представителями организованной военной и гражданской силы, которую пускали въ дѣло, когда къ нимъ обращались съ просьбою объ

этомъ. Но не слѣдуетъ думать, чтобы самое обращеніе къ прокурительству сеньёровъ представляло для крестьянъ что-либо обязательное. Въ дѣлахъ этого рода, какъ и во всемъ, что происходило въ средніе вѣка, прежде всего не слѣдуетъ искать какого-либо единообразія и порядка. Вотъ, напримѣръ, одно постановленіе, свидѣтельствующее о томъ, какою условностью отличались феодальныя отношенія сеньёровъ къ отправленію юстиціи крестьянъ: «Барщинному двору Зюндгофена (грамата относится къ 1303 году) принадлежать юрисдикція и высшая юстиція, относящаяся къ воровству и къ проступкамъ. Во дворѣ сеньёра должна существовать тюрьма; если будетъ пойманъ воръ, его посадить туда, и какъ только вора арестуютъ, полицейскій агентъ деревни обратится къ ближайшимъ жителямъ сосѣднихъ деревень, чтобы увѣдомить ихъ объ этомъ и пригласить явиться къ отправленію юстиціи ¹. Придутъ ли они, или нѣтъ, шультгейссъ (прево) при помощи намѣстника горбургскаго или его представителя долженъ присутствовать на судѣ и судить вора. Если воръ обвиненъ, то посылается вѣстникъ къ ландграфу энсисгеймскому, чтобы пригласить его явиться до полудня на маршу (на границу, межу), гдѣ воръ будетъ сдать ему на руки для повѣшенія. Ландграфа слѣдуетъ ждать до полудня. Если онъ явится, ему сдадутъ вора, если же нѣтъ, то самъ шультгейссъ распорядится преданіемъ вора смерти посредствомъ повѣшенія, и никто не можетъ помѣшать ему въ этомъ. Если на ворѣ будутъ найдены деньги, или, если воръ самъ выкупить себя за известную сумму, то третья часть этой суммы поступаетъ къ намѣстнику, а остальные двѣ трети принадлежать шультгейссу». А вотъ другой примѣръ: «Если человекъ епископа (вѣроятно, сервъ) желаетъ эмигрировать, онъ долженъ дать знать о томъ фогту, который сопровождаетъ его на протяженіи одной мили за деревню. Если бы фогтъ сталъ пренебрегать этой обязанностью, то ему слѣдовало бы оставить свое намѣстничество (so sol er die Vogtie pfgen). Но самую ббльшую вразумительностью отличается условный характеръ заступничества со стороны сеньёра, да, пожалуй, и самой зависимости колона отъ барщиннаго двора, въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ уставной граматы Сиренца, XIV

¹ Сходство съ судебными учрежденіями общины юго-западной Россіи здѣсь просто бьетъ въ глаза: «Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собираться на кону въ назначенный срокъ (*Ивановъ*. «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи», 15). Многія другія параллели судебного устройства альзасской и западно-русской древней общины мы принуждены здѣсь оставить безъ упоминанія, чтобы не выйти изъ предѣловъ поставленной себѣ задачи.

столѣтія: «Если кто-либо нападетъ на человѣка, принадлежащаго епископству, и нанесетъ вредъ его тѣлу или его имуществу, то онъ долженъ принести о томъ жалобу фогту, который долженъ гнаться (nachriten) за разбойникомъ до третьей ночи, чтобы возвратить этому человѣку то, что ему принадлежит. Если же фогтъ въ томъ не успѣетъ, то ему (обиженному) дадутъ ключъ отъ погреба, въ которомъ епископъ держитъ приносимый имъ оброкъ. Оброкъ этотъ будетъ весь отданъ въ его распоряженіе». Договорныя свойства всей сдѣлки здѣсь совершенно очевидны: колонъ не получилъ защиты, за которую онъ вноситъ часть оброка, и оброкъ этотъ возвращается ему обратно. Конечно, можно согласиться съ мнѣніемъ *Шофбура*, что прежде, чѣмъ выдавать подобныя постановленія за дѣйствительность, необходимо еще убѣдиться, выполнялись ли они на практикѣ. Но тутъ важна не столько буква того или другого закона, сколько духъ его, а этотъ духъ совсѣмъ не говоритъ въ пользу предположенія, что власть сеньера, въ эпоху составленія грамотъ, отличалась особенно грознымъ характеромъ.

Повинности крестьянъ въ вознагражденіе за услуги фогтовъ были болѣею частью весьма не велики. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На земляхъ Вейсенбурга, оброкъ за покровительство сеньера, составляетъ по 1 денье съ человѣка. Въ Гюнингенѣ «каждый домъ даетъ фогту двѣ курицы—одну во время карнавала, а другую осенью и одну мѣру овса. Тотъ, кто не даетъ овса, заплатитъ 4 денье». Въ Нидергофѣ, принадлежавшемъ базельскому епископу, «каждый домъ даетъ фогту по курицѣ во время карнавала; кромѣ того, онъ получаетъ одну треть подоходнаго налога (taille) и два обѣда: въ половинѣ февраля даютъ ему, его намѣстнику, его конюшему, его пѣшему слугѣ, тремъ охотничьимъ собакамъ и соколу—сухую конюшню, бѣлую солому, рѣпу, говядину и красное вино, а также курицу для сокола; въ половинѣ мая ему подадутъ сала, козьяго мяса и бѣлаго вина. Издержки будутъ распределены между людьми аббатства, сообразно со средствами каждаго». Тутъ, очевидно, идетъ рѣчь объ обязательной охотѣ, которой занимается въ пользу крестьянъ сеньеръ. О существованіи такой повинности со стороны сеньера, которая впоследствии, вѣроятно, обращается въ привилегію охоты, еще яснѣе говорится въ уставной грамотѣ Гевенгейма (аббатство Массево): «въ аббатствѣ Массево признается маршалъ, который *долженъ* охотиться съ тремя парами собакъ, *если* колонъ приласяетъ его. Пятнадцать дней до св. Ивана и 15 дней послѣ онъ станетъ охотиться отъ Ганенбаха до Крацена. Смотри по мѣстности, въ которой застигнетъ его ночь, онъ долженъ оста-

наливаться въ одной изъ слѣдующихъ четырехъ фермъ... и тамъ ему дадутъ бѣлое покрывало, свѣжей (kratzend) соломы и красного вина, а собакамъ его сухую конюшню и ржаного хлѣба. Если онъ охотится въ теченіи полутора мѣсяца, то каждый колонъ даетъ ему снопъ ржи и снопъ овса» (*Штоффель* 81).

Не имѣя права вмѣшиваться въ отправленіе юстиціи крестьянъ, фогтъ является въ народное собраніе по требованію мѣстныхъ властей, чтобы исполнить то или другое постановленіе или отнять землю у неисправнаго колона. «Тогда, говорится въ уставной грамотѣ *Берин*:—онъ получаетъ за свои услуги обѣдъ для себя и для своей свиты (семь человекъ), солому и сѣно для своихъ лошадей». По истинѣ, говоритъ *Ганауръ* (I, 20):—вотъ графъ, одинъ изъ тирановъ средневѣковой эпохи, у котораго не особенно ужасный видъ. Въ Зюндгофенѣ графъ Горбургъ предсѣдательствуетъ въ народномъ собраніи, при обсужденіи уголовныхъ дѣлъ и за это получаетъ $\frac{1}{3}$ штрафовъ; онъ же участвуетъ въ конфискаціи имущества и получаетъ 5 су въ вознагражденіе за путевыя издержки, можетъ требовать нѣкоторыхъ другихъ услугъ отъ каждаго жителя, можетъ поставить на 2 недѣли 3 лошадей въ дворовыя конюшни и т. д.; но при всемъ томъ, «когда мэръ приглашаетъ фогта оказать ему вступничество или конфисковать имущество и этотъ послѣдній отказывается, то мэръ можетъ искать себѣ другого фогта повсюду, гдѣ найдетъ его, чтобы онъ поддержалъ его права». Можно ли допустить, говоритъ *Ганауръ*:—читая эти строки, чтобы около 1300 года—эпоха редакціи разсматриваемой уставной грамоты—графъ Горбургъ былъ сувереномъ Зюндгофена? Развѣ онъ не былъ здѣсь простымъ иностранцемъ, права котораго регулируются, содѣйствіе котораго опредѣляется тарифомъ, которому угрожаютъ смѣщеніемъ, если онъ окажется невѣрнымъ принятымъ на себя обязанностямъ? Читатель, конечно, согласится, что это справедливо. А между тѣмъ, хотя это положеніе вещей не измѣняется ни путемъ договора, ни путемъ какаго бы то ни было отчужденія, что видимъ мы впоследствии? Въ урбаріѣ 1472 года, самомъ древнемъ урбаріѣ графства уже заявляется, что сенѣръ Горбурга располагаетъ «вышей и низшей юстиціей, всевозможными видами суверенитета, правомъ взимать налоги по своему желанію и пр.» Очевидно, что между редакціей этого урбарія и редакціей уставной грамоты лежитъ цѣлая пропасть, въ этотъ промежутокъ времени произошла цѣлая революція: простое намѣстничество или фогство здѣсь превратилось въ суверенитетъ. Тоже самое преобразование совершилось и въ другомъ имѣніи того же графства, Миттельвирѣ. Здѣсь, въ 1472 году, графъ Гор-

*

бургъ располагаетъ уже правами высшей и низшей юстиціи, правомъ взимать налоги виномъ, деньгами и овсомъ и пр. А на основаніи болѣе древней уставной грамоты двора, принадлежавшаго въ этой деревнѣ капитулу St. Dié, оказывается, что «когда должно быть здѣсь конфисковано имущество, то эта конфискація должна быть исполнена свободною рукою: капитулъ возьметъ этого свободного человѣка (фогта), гдѣ захочетъ, и въ вознагражденіе ему дадутъ 5 су; за это фогтъ будетъ дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: въ какомъ бы мѣстѣ между Вогезами и Рейномъ дворъ ни нуждался въ немъ, онъ долженъ на собственный свой счетъ представить въ распоряженіе господъ St. Dié война, который поддерживалъ бы ихъ права. Если фогтъ не дѣйствуетъ такимъ образомъ, тогда... арестуются всѣ принадлежащія ему во дворѣ доходы, пока не принудятъ его къ этому (*Штоффель*, 233). Очевидно, что и этотъ текстъ исключаетъ самую мысль о территоріальномъ суверенитетѣ: въ концѣ XIII и въ началѣ XIV столѣтія здѣсь не могли еще имъ пользоваться ни графъ Горбургъ, ни какой-либо другой сеньёръ. Такимъ образомъ, въ эту эпоху власть графовъ Горбургъ надъ крестьянами и ихъ землями была въ высшей степени ограничена. Весь суверенитетъ ихъ сводился на обладаніе двумя или тремя участками салической земли, на фогтство или намѣстничество въ десяткѣ деревень съ его довольно незначительными, какъ мы видѣли, доходами, да на нѣкоторыя почетныя права. То же самое явленіе повторяется и въ въ другихъ эльзасскихъ сеньоріяхъ Ферретовъ, Рибоьеровъ, Вангеновъ, какъ и во всѣхъ германскихъ странахъ.

IV.

Намъ остается рассмотреть тѣ отношенія между сеньоромъ и крестьянами, которыя возбуждались между ними владѣніемъ *общинною землею*. Если происхожденіе владѣльческой земли и порождаемыхъ ею отношеній представлялось не совсѣмъ яснымъ, благодаря тому смѣшенію началъ протектората и намѣстничества съ началами старой собственности и родового старшинства, которое произвела исторія, то происхожденіе земли общинной является вполне понятнымъ. Но тѣмъ курьёзнѣе за то называются феодальныя отношенія, возникшія на почвѣ обладанія общинными землями. Не говоря уже о томъ, что часто дворы колоновъ и дворы людей свободныхъ съ принадлежащею тѣмъ и

другимъ общиною землею¹, встрѣчаются боже о боже въ рубежѣ одной деревни², сами колоны почти вездѣ имѣютъ болѣе или менѣе обширное право на пользование общиною землею. Съ другой же стороны, частью на основаніи своихъ первоначальныхъ, а, частью, въ силу въ послѣдствіи приобретенныхъ правъ, сеньоры постоянно вмѣшиваются въ завѣдываніе общинными землями и, мало по малу, захватываютъ ихъ себѣ. Вотъ тутъ-то, на этихъ отношеніяхъ различныхъ классовъ сельскаго населенія къ богатымъ и обширнымъ общиннымъ землямъ и можно изучить вопросъ, кто собственно является подъ видомъ владѣльческихъ крестьянъ въ эпоху составленія грамотъ? Были-ли это потомки прежнихъ рабовъ и крѣпостныхъ, или, напротивъ, представители совершенно свободной нѣкогда марки, утратившей въ пользу сеньоровъ часть прежнихъ своихъ правъ на землю? По совершенно основательному мнѣнію *Ганауера*, достаточно обратить вниманіе на одно только движеніе барщинныхъ дворовъ, на ихъ увеличеніе и уменьшеніе, чтобы сдѣлать несомнѣнный выводъ, что дворы эти съ принадлежащими къ нимъ угодіями

¹ «Выраженіе *альменда*, говоритъ *Буркардтъ* (op. cit. 152):—земля неопредѣленная, земля общинная—прилагается далеко не вездѣ; для существованія альменды было необходимо, чтобы барщинный дворъ былъ расположенъ въ предѣлахъ деревни, иными словами, чтобы онъ былъ содержимымъ, а не содержащимъ; въ такомъ случаѣ, необработанная и нераздѣленная земля была общиною землею. Повсюду, гдѣ *Dinghof* или барщинный дворъ встрѣчался безъ деревни или сосѣдняго мѣстѣ, альменды не существовало, вся обработанная и не обработанная земля принадлежала сеньору двора.»

² Въ каждой деревнѣ, кромѣ барщиннаго двора и колоновъ, было еще нѣсколько человекъ, не находящихся въ зависимости отъ двора—*banlute, dorflute*. Большею частью это были остатки стараго свободнаго крестьянства. Мѣстами свободная община существовала рядомъ съ барщиннымъ дворомъ. Такимъ образомъ, возникали двѣ общины—свободная и владѣльческая, которыя дѣйствовали то рядомъ, то смѣшиваясь между собою. Такъ было, на примѣръ, въ Гриннгенѣ. Здѣсь свободная община избираетъ мэра, среди колоновъ, и мэръ этотъ располагаетъ всякой юстиціей, за исключеніемъ уголовной, которая представляется сеньору. Мэръ, свободные и владѣльческіе крестьяне сообща распоразаются гѣсами. Штрафы принадлежатъ вмѣстѣ и гѣмъ, и другимъ крестьянамъ. Помимо этого, тѣ и другіе поселяне могутъ отдать сообщу внайми известную часть альменды, если того требуютъ потребности деревни или церкви, не обращаясь за разрѣшеніемъ ни къ фогту, ни къ мэру, ни къ шультгейссу. Но за этия предѣлами свободные крестьяне имѣютъ собственное управленіе, они имѣютъ старшину—*еймбурга*, въ выборѣ котораго колоны не принимаютъ никакого участія и который самъ назначаетъ общиннаго пастуха и полевого сторожа (*Burckhardt*, 65). Но не въ уставныхъ грамотахъ выражаются съ такою опредѣленностью. Большею частью, онѣ заботятся о предоставленіи двору права наименованія полевыхъ сторожей, выбора шультгейсса, вмѣшательства въ установленіе налоговъ и въ отчужденіе общинныхъ земель.

никогда не занимали всей совокупности сельского рубежа (ban); въ противномъ случаѣ имъ не отсюда было бы возрастать и не куда терять часть своей территоріи. А отсюда, въ свою очередь, слѣдуетъ, что учрежденіе барщинныхъ дворовъ съ причисленными къ нимъ землями и крестьянами, какъ бы ни было древне его существованіе, само возникло изъ учрежденія еще болѣе древняго, а именно, свободной марки. Совмѣстное существованіе, въ эпоху составленія грамотъ, владѣльческихъ крестьянъ или волоновъ и членовъ свободной марки, причемъ и тѣ и другіе имѣютъ право пользованія общинною землею, доказываетъ только то, что первые принадлежали къ слою населенія, нѣсколько ранѣе захваченному крѣпостничествомъ, тогда какъ остальнымъ еще только готовилась участь сосѣдей.

Находящіеся вокругъ деревни лѣса и пастбища составляли общественное имущество, которое называлось *Allmende*, если оно употреблялось въ дѣло одной деревней, и маркою, если принадлежало нераздѣльно двумъ или нѣсколькимъ общинамъ. Даже до настоящаго времени можно въ Эльзасѣ указать съ удивительною точностью старыя границы общинъ. Вторженіе опустошило провинцію, франкскіе короли раздѣлили ее между своими графами и приближенными, феодализмъ повсюду размножилъ свои сеньеріи и княжества, но все это не помѣшало маркѣ пережить всѣ раздробленія земли и просуществовать до XVIII и до XIX столѣтій. Такъ, напримѣръ, *Веронъ-Резимъ* въ первомъ изъ указанныхъ выше сочиненій (145) цитируетъ интересный примѣръ марки, которая принадлежала деревнямъ, подчиненнымъ четыремъ различнымъ сеньбрамъ. На ряду съ нею была другая, лѣсная марка (*Markwald*), принадлежавшая одновременно шести владѣльческимъ дворамъ и четыремъ имѣніямъ. Лѣтописи старыхъ судовъ биткомъ набиты безконечными процессами, которые были порождены древними связями и родствомъ общинъ. Невозможно сомнѣваться, что всѣ эти общинныя земли были вначалѣ повсюду общею собственностью. Такъ, напримѣръ, аббатъ Мурбаха, несмотря даже на свои претензіи на суверенитетъ, признаетъ это начало въ своей хартии, послужившей для основанія Гольдбаха (1135 годъ). «Главные жители *нашихъ* поселеній (слѣдуетъ перечисленіе 6 деревень), говоритъ онъ:—и другіихъ сосѣднихъ земель соединились вмѣстѣ и, отъ своего имени и отъ имени своихъ согражданъ, пожелали предъявить свою жертву этому новому храму истиннаго Бога. Они принесли ему въ даръ изъ *благорасположенія* и безвозмездно изъ *своихъ* лѣсовъ и марки (*de communi suo commarchio et silvestri conterminio*) столь значительное количество земли, что доманъ, который былъ уступ-

ленъ нами, оказался увеличеннымъ болѣе, чѣмъ въ десять разъ» (Als. dipl., T. I, стр. 211). Также точно жители Дамбаха и Элфита сдѣлали пожертвованія изъ своей общинной земли въ пользу духовенства въ Баумгартенѣ въ 1125 и 1190 годахъ. Далѣе императрица Аделаида, вручая свои владѣнія въ Аммершвири аббатству Мурбахскому (родъ бенефиціи) выразительно подчеркиваетъ то условіе, что этотъ монастырь входитъ во всѣ ея права. Въ чемъ же заключались эти послѣднія? «Нѣкоторыя части деревень, лѣса, пруды, ручьи, говоритъ она:—останутся во всѣ времена и безъ всякаго нарушенія общею собственностью всѣхъ деревень (марки), на томъ же основаніи, на какомъ эти земли были обладаемы и эксплуатируемы ею и ея сонаслѣдниками»¹. Но въ моментъ завоеванія и особенно впослѣдствіи, общинныя земли сдѣлались собственностью сеньюровъ и за общинной сохранилось только общинное пользованіе этими землями. Движеніе это, разумѣется, шло тѣмъ быстрѣе и прочиѣе, чѣмъ больше усиливалась сначала королевская власть, раздававшая бенефиціи, и чѣмъ больше впослѣдствіи расширялась власть самихъ сеньюровъ. Уставы Гатчау относятся къ концу XV столѣтія. Они послѣднее и блестящее отраженіе древней автономіи общинъ. Уставы Уффрита ведутъ свое начало съ 1528 года. Здѣсь жертва уже принесена, встрѣчаются только слѣды древней политической свободы. Но въ качествѣ поземельной организаціи, имѣніе Ритъ, со своими общинными фермами, которыя каждыя 9 лѣтъ подвергаются передѣлу между членами общины, напоминаетъ первоначальную природу сельской собственности. Наконецъ, марка Рыбовильская, на основаніи уставной граматы, представляетъ фрѣдкій примѣръ группы деревень, сохранившихъ на протяженіи вѣковъ несомнѣнную собственность на нераздѣльную общинную землю. Все это, по справедливому замѣчанію *Гангауера*, въ состояніи заставить окончательно отбросить старую теорію, на основаніи которой крестьянинъ былъ первоначально сервомъ, а впослѣдствіи все расширялъ свои права. *Лёу* уже въ двадцатыхъ годахъ думалъ, что теорію эту «никто въ настоящее время не осмѣлится болѣе поддерживать, съ тѣхъ поръ какъ стало лучше извѣстно, какимъ образомъ развивалось устройство германскихъ «ародовъ». А, все-таки, нашлись такіе смѣльчаки!

Постепенное увеличеніе и расширеніе власти сеньюровъ надъ эльзасскими общинными землями всего лучше выясняется при

¹ Als. diplom. T. I, стр. 130: «Quorum que dam campis videlicet sylvas, aquas, aquarum que decursus, sicut coheredes ipsius cum ipse simul haec tenerunt et communiter eis fruebantur, sic inter familias ipsorum deinceps sine omni controversia communia permanent».

помощи историческихъ примѣровъ. Въ одномъ урбаріумѣ Горбургской сеньеріи отъ 1472 года говорится, что крестьяне Библенгейма платили въ годъ по 2 ливра 10 шилл. бургфогту Бильштейну. Въ вознагражденіе за это, «бургфогтъ обязанъ охранять вашъ лѣсъ, какъ мой собственный. Онъ можетъ также въ нашемъ лѣсу рубить вѣтви и собирать оторванные вѣтровою сучья, привозя все это въ видѣ топлива на собственной своей лошади въ замокъ Рихенвильскій». Помимо этого, ему же за надзоръ принадлежитъ и половина штрафовъ съ лицъ, неправильно рубящихъ, а, чтобы не могло на этотъ счетъ возникнуть недоразумѣній, сама община, приступая къ рубкѣ, должна уведомлять о томъ бургфогта. Уже по этимъ даннымъ можно видѣть, что надзоръ бургфогта, обусловливаяющій извѣстнымъ образомъ и отношенія между сеньеромъ и общиной, идетъ въ эту эпоху немножко слишкомъ далеко. Но столѣтіе спустя, община попадаетъ уже въ полнѣйшую опеку. Постановленіемъ по лѣсному вѣдомству графа Горбурга отъ 1581 года, общинамъ дѣлается уже формальный выговоръ и внушеніе за то, что они, «посредствомъ своихъ обычныхъ и присяжныхъ стрѣлковъ и сторожей», плохо охраняютъ свои лѣса, смотрятъ сквозь пальцы на покражу лѣса (кѣтъ?), умалчиваютъ о случаяхъ нападенія на лѣсъ и о случаяхъ, когда необходимо взыскать штрафъ, и такимъ образомъ злоупотребляютъ взаимными правами; далѣе тамъ предписывается общинамъ подчиняться распоряженіямъ лѣсныхъ сторожей и лѣсничихъ сеньера, въ противномъ же случаѣ, имъ будетъ отказано въ пользованіи лѣсомъ. Тутъ мы видимъ превосходный примѣръ того, какъ, мало по малу, функція простаго надзора и охраненія крестьянскихъ интересовъ переходитъ сначала въ супрематію, а потомъ и въ частную собственность. Въ эпоху составленія уставныхъ грамотъ, этотъ процессъ еще не былъ оконченъ. У сеньеровъ была, правда, и своя частная собственность, напримѣръ, лѣса въ замкѣ Бильштейнѣ въ Риневирской сеньеріи. Но и сами общины Риневирская, Библенгеймская обладали еще лѣсами. Въ донанціяхъ, полученныхъ Вейссенбургскимъ аббатствомъ въ VII и въ VIII столѣтіяхъ, нельзя еще найти мелкой собственности безъ клочка лѣсу или пастбища, такъ что даже отдѣльные крестьяне имѣли издавна лѣса. Полный захватъ общинныхъ земель совершается только впоследствии. Мѣстами онъ встрѣчалъ оригинальныя препятствія, служащія еще лучшимъ, нежели что-либо другое, подтвержденіемъ исконныхъ правъ крестьянъ на земли. Такъ, когда въ 1784 году графы Горбургъ стали помышлять объ отнятій всѣхъ общинныхъ земель графства, адвокаты, съ которыми они совѣтовались, старались отговорить ихъ отъ этого слѣдующимъ

образомъ: «на основаніи обычнаго права провинціи, собственность на общинныя земли или на альменды принадлежит общинамъ, такъ сказать, подъ надзоромъ высшихъ территоріальныхъ сенъёровъ, въ настоящее же время подъ надзоромъ провинціальныхъ (правительственныхъ) комиссаровъ. Чтобы вручить сенъёрамъ собственность на эти земли, необходимъ обычный титулъ съ спеціальнымъ обозначеніемъ владѣнія или же фактическое владѣніе, достаточное для давности» (Fonds Horgburg, L. 216, № 1, *Ганауэр*).

Правда, на основаніи уставныхъ грамотъ, общинная земля находится мѣстами въ положеніи довольно шаткомъ и неопредѣленномъ: вообще въ нихъ, болѣею частью, сохраняется молчаніе о вопросѣ собственности, и правъ владѣльческихъ крестьянъ, повидному, ограничиваются часто однимъ только пользованіемъ общинною землею. Интересно тутъ слѣдить смѣшеніе правъ сенъёра и крестьянъ. Въ однихъ случаяхъ общинная земля формально признается за общиной. Такъ, въ Нидербургауптѣ на основаніи грамоты 1382 года «крестьяне имѣютъ лѣсъ, который долженъ охраняться лѣсничимъ сенъёра». «Альменды, лѣса, поля, и все, что находится отъ нихъ въ зависимости, принадлежитъ общинѣ Нидернъ-Раншпахъ и людямъ, которые живутъ тамъ, и никто другой не имѣетъ на нихъ права». Въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ Ринсгеймѣ, владѣльческая община Тирштейнъ «имѣетъ свой лѣсъ Шоръ и каждый колонъ имѣетъ право набирать тамъ вѣтвей на плетень на двѣ веревки». Но въ то же время, «когда крестьянинъ идетъ въ этотъ лѣсъ, онъ долженъ спросить дозволенія у мэра и привести съ собою полевого сторожа». Помимо этого, владѣльческіе крестьяне имѣютъ здѣсь свою часть въ общинной маркѣ и, «когда распредѣляютъ топливо или строевой лѣсъ между совладѣльцами послѣдней, то и владѣльческимъ крестьянамъ слѣдуетъ давать того и другого, какъ и другой владѣльческой общинѣ, пропорціонально ея размѣрамъ. Такимъ же образомъ, упомянутая владѣльческая община должна имѣть участіе въ пользованіи всѣмъ тѣмъ, что растетъ на общинной землѣ, подобно другимъ дворамъ, такъ какъ на ея пастбищахъ пасутъ больше, чѣмъ на другихъ». Тутъ, повидному, колонны только представляютъ права своего владѣльца на общинную землю, какъ соучастника въ правѣ пользованія ею. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сенъёръ уже отбираетъ крестьянскую собственность, онъ все же дозволяетъ крестьянамъ пользоваться ею иногда даромъ, иногда за извѣстныя повинности. Напримѣръ: «всѣ альменды отъ Ганенбаха до Крацена принадлежать (?) госпожѣ аббатисѣ (Массево), однако, такимъ образомъ, что жители каждой мѣст-

ности могут пользоваться ими сообща». Или же: «Аббатисса Эрштейнская имѣетъ лѣсъ, по названію Гардтъ, въ предѣлахъ общины Кунгейма... И такъ какъ люди этой общины и владѣльческаго двора пользуются пастбищемъ и лѣсомъ, то всѣ тѣ изъ нихъ, у которыхъ имѣются дойныя коровы, должны отбывать трехдневную повинность въ годъ на салической землѣ въ половинѣ марта, въ половинѣ іюня и въ половинѣ августа». То же самое происходитъ и съ правомъ посылать свиней въ лѣсъ, которое оставляется за крестьянами то даромъ, «если это не вредитъ дубу», то за извѣстныя повинности. Тутъ, между прочимъ, рельефно выясняется для чего сеньеру нужна была *частная собственность на общинную землю*, которою онъ въ ту эпоху, большею частью, не могъ воспользоваться самъ: она была поводомъ къ созданію новыхъ и къ увеличенію старыхъ повинностей, то есть средствомъ для увеличенія *добавочной работы* крестьянъ. По временамъ, наоборотъ, формулируются права самого сеньера на общинную землю. Напримѣръ: «Всякій разъ, какъ въ этомъ лѣсу Реппъ будетъ имѣться пастбище или пища для свиней, мой означенный сеньоръ, пресвященный приоръ (изъ св. Ульриха) долженъ и можетъ пасти здѣсь до шести свиней, и если у него нѣтъ стойла для свиней, онъ можетъ взять дерева изъ упомянутого общиннаго лѣса Реппъ, чтобы сдѣлать себѣ стойло. И всякій разъ, какъ мой вышеназванный сеньеръ желаетъ строить въ упомянутомъ св. Ульрихѣ, онъ можетъ взять шесть бревенъ изъ упомянутого лѣса Реппъ, которые должны ему поименованные владѣльческіе крестьяне св. Ульриха»¹.

¹ Мѣстами сеньеры добивались раздѣла общиннаго имущества. «На основаніи протокола 1788 года, говоритъ Bonvallet въ своихъ *Contumes de la Haute Alsace dite de Ferrette*:—и другихъ документовъ, графъ Фереттъ и 17 деревень имѣнія (baillage) пользовались сообща нѣкоторыми лѣсами. За удовлетвореніемъ потребности всѣхъ соучастниковъ (сoмраргонниер) въ топливѣ, дегтѣ и желудяхъ, остатокъ лѣса продавали, а собраніе желудей отдавали въ аренду. Ежегодная выручка дѣлилась между всѣми заинтересованными. Домъ Мазарини (тогдашній владѣлецъ), не желая примѣшаться къ этимъ порядкамъ, которые онъ находилъ убыточными для своихъ интересовъ и вредными для дѣлности лѣсовъ, получилъ въ январѣ 1749 года отъ эльзасскаго интенданта полномочіе, которымъ отводилось въ пользу 17 общинъ, бывшихъ соучастниками въ собственности (сoргоріетаігес) 2,120 веревовъ топлива, 140 дубовъ и 669 сосенъ для гонки дегтя... Такъ какъ эти новыя мѣры способствовали охраненію лѣсовъ не лучше старыхъ, то домъ Мазарини пожелалъ выйти изъ общей собственности и сталъ ходатайствовать въ государственномъ совѣтѣ короля о разрѣшеніи раздѣла». Это и было исполнено, и общины остались этимъ очень недовольны, хотя, по замѣчанію Bonvallet, получили больше и больше лѣсу, чѣмъ хотѣли.

Изъ всѣхъ этихъ разнорѣчій и различій одно, во всякомъ случаѣ, вытекаетъ несомнѣнно, что крестьяне владѣльческаго двора, частью сами, частью съ сообществъ съ другой общиной, деревней или маркой обладали значительною частью общинной земли. Повсюду, даромъ или нѣтъ, крестьяне этого двора пользуются указаннымъ имуществомъ: посылаютъ туда свиней и скотъ, могутъ получать оттуда лѣсъ и отопленіе и почти всегда строевой матеріалъ. По совершенно основательному мнѣнію *Ганауера*, самую снисходительность въ преслѣдованіи лѣсныхъ преступленій, совершаемыхъ крестьяниномъ, слѣдуетъ приписать еще не утратившемуся сознанію того права, которое имѣетъ каждый крестьянинъ на общинную землю, или воспоминанію права, какое онъ имѣлъ на нее въ прежнее время. Вотъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ велика бывала въ ту эпоху подобная снисходительность къ крестьянамъ. «Если дворовый человѣкъ, говорится въ уставной граматѣ Обергагентала (капитуль базельскій):—нуждается въ деревѣ для дома или для плуга, то онъ обращается за нимъ къ мэру или къ лѣсному сторожу, и получаетъ сколько ему нужно. Но если кто либо рубить дрова самовольно и отказывается дать закладъ, то платитъ 30 шил. 1 д. штрафу. Если его ловятъ съ поличнымъ *только тогда, когда онъ уже вывезъ дрова въ поле*, онъ платитъ 9 ш. штрафу. Если кто-либо опустошаетъ лѣса не для собственнаго употребленія (nit zu notdurfftigen bruch), то, кромѣ возстановленія убытка, онъ платитъ 60¹/₂ шил. штрафу шультгейссу и 20 ш. 1 д. фогту». Въ этомъ постановленіи является полнѣйшее смѣшеніе обязанности сенъера наблюдать за цѣлостію общиннаго лѣса, его же права частной собственности на этотъ лѣсъ и равносильнаго права на этотъ лѣсъ со стороны крестьянъ. Въ Гохштаттѣ «если крестьянинъ найдетъ въ заповѣдномъ *церковномъ* лѣсу другого крестьянина, который рубить дрова, онъ можетъ помочь ему нагрузить эти дрова, не вреда ни присягѣ, ни чести другъ друга; но если рубящаго дрова крестьянина найдетъ сенъеръ или мэръ, то этотъ крестьянинъ заплатитъ *каждому владѣльческому крестьянину* по 2 шил. штрафу и самому сенъеру столько шиллинговъ, сколько всѣмъ колонамъ; если же крестьянинъ, нарубивши дровъ, *успѣетъ, не будучи пойманымъ, удалиться отъ древеснаго ствола* на такое разстояніе, на какое можно бросить топоръ, то онъ не будетъ обязанъ платить чѣмъ-либо». Въ Опенгеймѣ, «если человѣкъ нарубилъ дрова въ лѣсу и прибылъ съ грузомъ ихъ по ту сторону Шахвега, то у него нельзя требовать заклада (если не ошибаемся, родъ предварительнаго штрафа и въ то же время вещественное доказательство

совершеннаго проступка); но если его можно удержать на пути за задній конец повозки, то онъ долженъ дать закладъ». Чело-вѣкъ, пошедшій въ лѣсъ и прокричавшій три раза—когда рубилъ дрова, нагружалъ и уѣзжалъ, почти повсюду находился и въ преслѣдованій. «Всѣ крестьяне и монастырскіе люди имѣютъ право пользоваться въ лѣсу пастбищами и сухимъ лѣсомъ. Если крестьянинъ нуждается въ дровахъ для своего плуга, то онъ долженъ срубить ихъ и положить на верхъ своей повозки, если же онъ прачетъ ихъ въ повозку, то онъ платитъ штрафъ (birget er es darein, er soll es bessern)». Мы тутъ присутствуемъ при совершеніи одного изъ любопытнѣйшихъ общественныхъ процессовъ новѣйшей эконолической исторіи, а именно постепеннаго преобразованія правъ регулированія общиннаго хозяйства въ частное право собственности на имущество крестьянъ. Сначала сеньеръ получаетъ только въ видѣ части штрафовъ плату за охраненіе общиннаго лѣсу, впоследствии же эти штрафы, мало по малу, превращаются во всеобщую крестьянскую повинность за пользованіе тѣмъ же лѣсомъ. Но, при несовершенствѣ всѣхъ земныхъ дѣяній, метаморфоза эта повсюду выдаетъ слѣды тѣхъ бѣлыхъ нитокъ, которыми ее сметали: уже признавъ общинные лѣса своими, сеньеры повсюду золотятъ эту ниточку посредствомъ тысячи поблажекъ и лазеекъ, предоставляемыхъ еще крестьянамъ, чтобы усилить традиціонное сознаніе ихъ. И еще находятъ такъ часто люди, которые изъясляютъ удивленіе по поводу того, что крестьяне никакъ не могутъ примириться съ мыслью о частной принадлежности лѣсовъ.

Относительно правъ охоты и рыбной ловли, которыя впоследствии оказались исключительной привилегіей сеньеровъ, въ уставныхъ грамотахъ говорится очень мало. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Ружемонсѣ, рыбная ловля для личныхъ потребностей была свободна. Въ Мюнстерѣ, всѣ освобожденные сервы имѣли право удить, но съ тѣмъ, чтобы приносили аббатству часть лучшей рыбы. Выше мы привели примѣръ того, что мѣстами охота была не правомъ, а обязанностью сеньера. Въ другихъ случаяхъ упоминается о правѣ на охоту крестьянъ и объ условіяхъ, которыми обставляется это право. Такъ, въ одной неизданной еще грамотѣ (Одернъ) говорится про долину св. Американа: «Мы имѣемъ право охоты, начиная съ горы, называемой Шпитцъ до мѣстности по имени Гирценшпрунгъ и во всей этой области никто не имѣетъ права запретить намъ охотиться. Когда будетъ убитъ олень, ему отрѣжутъ голову по шею и правую лапу по колѣно и представятъ это сеньеру (вотъ она, настоящая то символика надзора, а совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищетъ ее Рошеръ).

То же дѣлается и по отношенію къ кабану и медвѣдю. Но если эти животныя самки, то не будетъ дано ничего». Но эти права, которыми Одернъ, Феллерингенъ и Грейтъ пользовались еще не нарушило въ XII столѣтіи, уже оспориваются у нихъ въ XV и въ началѣ XVI (1516) вѣка. Жители этихъ деревень, судя по документамъ той эпохи, должны уже просить прощеніе за то, что желали защитить традиціи своихъ предковъ. Въ актѣ 1537 года аббатство Мурбахъ формально присуждаетъ себѣ въ собственность общинныя земли съ исключительнымъ правомъ рыбной ловли, охоты и прочее.

Вообще слѣдуетъ повторить еще разъ, что не въ X, XI и XII столѣтіяхъ всего болѣе угнетались крестьянскія общины, а гораздо позднѣе. Однимъ изъ послѣдствій этого были крестьянскія войны. Нѣсколько словъ изъ манифеста крестьянъ¹ подтверждаютъ это самымъ положительнымъ образомъ. Актъ этотъ, какъ оказывается, былъ редактированъ весьма умѣренно. Но онъ не былъ послѣднимъ словомъ возставшихъ. Они сохранили за собою право возражать и впоследствии противъ всего, что казалось имъ нечестнымъ и отяготительнымъ (*wider Gott und Beschwerisz des Nächsten*). Потребовавши права выбора священниковъ, лучшаго употребленія большой десятины, уничтоженія крѣпостничества, свободы охоты и рыбной ловли, крестьяне продолжаютъ такъ: «въ патыхъ, мы имѣемъ жалобы относительно дровъ, ибо наши сеньѣри захватили лѣса въ свою собственную пользу, и когда бѣднякъ нуждается въ чемъ либо, онъ принужденъ покушать это за двѣ монеты (*umb zwei gelt*). Наше мнѣніе таково, что всѣ лѣса, находящіеся въ рукахъ духовныхъ или свѣтскихъ лицъ и которые не были приобрѣтены покупкою, должны возвратиться ко всей общинѣ (*wider anheim fallen*). Община должна имѣть свободное право присвоивать каждому безвозмездно лѣсъ для топлива и строевой матеріалъ—все это, однакоже, съ вѣдома лицъ, которыхъ община выбрала бы надсмотрщиками. Если лѣса куплены на основаніи закона, то съ владѣльцами ихъ поладать по-христіански и по-братски. Если лѣса были первоначально захвачены, а потомъ перешли въ другія руки путемъ продажи, то съ владѣльцами ихъ сойдутся, смотря по обстоятельствамъ и сообразно началамъ братской милости и святаго евангелія». Они протестуютъ далѣе противъ повинностей, которыя возрастаютъ со дня на день, и желаютъ платить не больше, чѣмъ платили ихъ отцы (*wie unsre Aeltern gedient haben*); они требуютъ, чтобы соблюдалась ненару-

¹ Archives de la ville de Colmar, у Ганауера

шимость контрактовъ между сеньёрами и съёмщиками; ходатайствуютъ о безпристрастномъ пересмотрѣ арендныхъ договоровъ и о соблюденіи древнихъ уголовныхъ порядковъ (bey alter geschrybner Straff straffen). Наконецъ, еще разъ возвращаясь къ общинной землѣ: «въ десятиныхъ», говорятъ они, «мы жалуемся на то, что нѣкоторые лица завладѣли лугами и полями, принадлежащими общинѣ (die dann euner Gemeyn zu gehörend). Эти земли община возьметъ обратно, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если онѣ не были приобретены законно (покупкою и т. п.). Но если продажа была совершена неправильно, то община поладитъ на основаніи братскаго и добровольнаго соглашенія, смотря по обстоятельствамъ». Читатель видитъ, что, несмотря на всѣ ухищренія сеньоровъ и ихъ юриспруденціи, крестьяне сумѣли, однако, сохранить вполне здоровое и ясное сознание той правды, которая скрывалась подъ феодальной оболочкой. Жаль только, что они считали безъ хозяина, которымъ, какъ увидимъ ниже, является въ ту пору не только сеньерія, но смерть того и, неизвѣстнаго для нихъ происхожденія, новый баринъ—капиталъ.

У.

Общее движеніе различныхъ феодальныхъ отношеній между эльзасскими сеньёрами и крестьянами представляетъ слѣдующую картину. Потомки германскихъ principes, принадлежаще къ числу знаменитѣйшихъ фамилій Эльзаса: Ферреты, Габсбурги, Горбурги, Рибоьеры и т. д. являются естественными протекторами поселянъ, военачальниками ихъ и судьями. За это они вознаграждаются въ формѣ общественныхъ повинностей, частью услугами, частью продуктами со стороны крестьянъ. Такимъ образомъ, послѣ завоеванія, высшая юстиція сохраняется за графами, и большая часть другихъ правъ суверенитета принадлежитъ владѣльцамъ салической земли. Но эти землевладѣльцы дѣлаются могущественными сеньёрами—графами, аббатами и пр. Отсюда возникаетъ власть, которую становится довольно трудно примирить съ прерогативами центральной власти. Тогда послѣдняя отступаетъ. Отъ нея получаютъ хартии на привилегіи или иммунитеты, которыя были, частью, ничѣмъ инымъ, какъ подтвержденіемъ исконныхъ правъ, частью же дѣйствительной уступкой, и такимъ образомъ внутри великой франкской монархіи создается родъ независимыхъ государствъ. Монастыри, негдѣ могущественные дворяне, крестьяне, цѣлыя деревни становятся

тогда подъ покровительство сенъёровъ. Будучи сначала совершенно свободнымъ и условнымъ, патронатъ этотъ постепенно превращается въ наслѣдственный, на томъ же самомъ основаніи, на которомъ простой раздѣлъ королевскаго фиска повлекъ за собою дѣленіе самой монархіи. Становилось неблагоразумнымъ дѣломъ искать заступничества у отдаленнаго сенъёра и создавать себѣ въ сосѣдномъ владѣльцѣ замка опаснаго врага. Отсюда эти массы деревень, которыя очень рано стали группироваться около сенъёриальнаго бурга. Отсюда и тѣ странныя права на отчужденіе не только крѣпостныхъ людей, но и свободныхъ съ принадлежащими тѣмъ и другимъ землями, о которыхъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Но отъ этого патроната, хотя бы и ставшаго наслѣдственнымъ, было еще очень далеко до настоящаго территориальнаго верховенства: понадобились дѣлы поколѣнія, чтобы пополнить это разстояніе. Пробѣгая урбаріи Ферретовъ, Горбурговъ, Рибоцьеровъ, можно видѣть, что сенъёры эти, за исключеніемъ нѣсколькихъ налоговъ, почти ничѣмъ не обладали въ болѣе части деревень, входившихъ въ составъ завѣдываемыхъ ими графствъ. «Никто, говоритъ *Мауеръ*¹: — не пользовался въ своей территоріи безграничною властью... Сенъёры и ихъ оффиціалсты только руководили совѣщаніями при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ въ принадлежащихъ имъ дознахъ. Организация эта повторялась въ каждой провинціи, въ каждой сенъеріи и въ каждой деревнѣ». До XIII столѣтія судебная и законодательная власть въ каждой деревнѣ принадлежала самой общинѣ подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ мэра. Вѣдомство крестьянскихъ сходокъ обнимало вопросы хозяйственные, гражданскіе и уголовные. «Мы пробѣжали, говоритъ *Ланауеръ*:—протоколы нѣсколькихъ сотъ крестьянскихъ засѣданій, и чтеніе это произвело на насъ глубокое впечатлѣніе: настолько замѣчательны спокойствіе, здравый смыслъ и чувство справедливости, господствующіе въ этихъ народныхъ собраніяхъ. Когда претензіи сенъёра казались имъ мало основательными, они сопротивляются... «Нашъ уставъ не говоритъ объ этомъ, отвѣчаютъ они съ твердостью: — отцы наши никогда не говорили намъ ничего подобнаго». Но если вина на ихъ сторонѣ, то они безъ сопротивленія подчиняются тексту закона». Владѣлецъ салической земли назначалъ въ этомъ маленькомъ государствѣ известное число должностныхъ лицъ. Сенъёръ прибѣгалъ къ вмѣшательству въ дѣла общины въ исключительно торжественныхъ случаяхъ и покрывалъ своею шпагою какъ всю

¹ Die Fronhöfe, T. IV, 463.

общину въ совокупности, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Наконецъ, въ туманной и неопредѣленной дали явилась тѣнь центральной власти, которая, за исключеніемъ королевскихъ виллъ и собственныхъ вассаловъ, почти ни въ чемъ не принимала участія.

Но съ наступленіемъ XIII столѣтія въ этихъ отношеніяхъ начинается революція. Она происходитъ медленно, съ послѣдовательной и нечувствительной градаціей; въ одномъ мѣствъ быстре, въ другомъ тише. Но въ теченіи трехъ столѣтій она совершаетъ большую часть своего пути. Фогты возвышаютъ свои денежные претензіи, поглощаютъ, мало-по-малу, судебную власть общины и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ не только надзоръ, но и ответственность на общинныя земли. Это медленное и глухое преобразование происходило почти безъ вѣдома тѣхъ, кто сдѣлался его жертвою. Часто достаточно самого ничтожнаго повода, чтобы лишить общину того, что являлось въ прежнее время ядромъ ея независимости. Вотъ одинъ примѣръ того, какъ умерщвлялись крестьянскія права. «До этого времени, говорится въ постановленіяхъ аббатства Мурбахскаго отъ 1538 года:—каждый годъ съ большими издержками созывались четыре собранія владѣльческихъ крестьянъ. Чтобы избѣжать этихъ расходовъ, нынѣшнимъ актомъ эти собранія уничтожаются: три почтенныя лица, взятые изъ числа нашихъ зависимыхъ, а именно бургомистръ, мэръ и членъ общины будутъ назначены для собранія съ нашихъ крестьянъ за мѣсяць до св. Мартина... доходовъ денегами, курами, овсомъ и капустами». Братко и ясно! Въ концѣ XV столѣтія территориальная супрематія уже перешла въ дѣло. Но движеніе на этомъ не остановилось, налоги продолжали возвышаться, политическая свобода продолжала уменьшаться въ теченіи XVI, XVII и даже XVIII столѣтія. Общины превратились въ простые ассоціаціи фермеровъ, лишеныя политическаго значенія, приведенныя къ одной только хозяйственной юрисдикціи. Большая часть общинъ исчезла; нѣкоторыя получили новыя уставныя грамоты; другія стали видѣть въ античныхъ привилегіяхъ своихъ уставныхъ свитковъ одну мертвую букву. Если подчасъ еще и возвышается какой-нибудь докучный голосъ, стремящійся къ восстановленію ихъ, то на него отвѣчаютъ такъ, какъ это сдѣлалъ 7-го мая 1688 года сеньёръ Рибопьеръ по отношенію къ минстерскому аббатству: «что касается до древнихъ правъ двора, которыя ваше аббатство могло имѣть въ Оненгеймѣ въ прежнее вѣка, то права эти болѣе не употребительны и вотъ уже 100 лѣтъ какъ ни разу не приводятся въ дѣйствіе, такъ что все это пришло въ упадокъ и подверглось очень продолжительной давности». Также коротко и ясно! Вотъ тутъ-то и пришли

на помощь сильнымъ міра господъ ученые юристы, и, подводя феодальныя отношенія между сеньорами и крестьянами подъ норму римскаго права (эмфитевзисъ), объявили сеньора собственникомъ крестьянской земли, а крестьянина его арендаторомъ, владѣющимъ землею на правѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пользованія. Самъ даже *Рошеръ* (op. cit. 340, примѣч. 5) утверждаетъ, что «это—такая же роковая юридическая ошибка, какую совершилъ лордъ *Корнуэльсъ*, признавшій въ Бенгаліи наследственныхъ сборщиковъ податей (землидаровъ) за крупныхъ помѣщиковъ, а крестьянъ (ріотовъ) за ихъ арендаторовъ».

Неудивительно поэтому, что и языкъ немногихъ новыхъ уставныхъ грамотъ, вмѣсто прежняго наивнаго и непосредственнаго характера, приобретаетъ характеръ канцелярскій. «На мѣсто символическаго языка и часто гордаго тона первоначальныхъ уставовъ является нѣсколько параграфовъ короткихъ, асныхъ, усмѣляющихъ. Холодный разумъ легистовъ изгналъ фантастическія внушенія народнаго здраваго смысла. Изъ святаго мѣста изгоняются поэзія права, *antiqui juris fabulae*, для того, чтобы заговорить здѣсь языкомъ Юстиніана и сухостью новѣйшихъ кодексовъ замѣнить драгоценныя рисунки стариннаго формализма, котораго живописную простоту перестали уже понимать. Наше сердце часто сжималось, когда мы просматривали поземельныя книги XVII и XVIII столѣтій. Этотъ народъ, который, въ старыхъ документахъ, можно было чувствовать дѣйствующимъ и живущимъ, который съ такимъ добродушіемъ перечислялъ вамъ въ подробностяхъ карту своихъ обѣдовъ, который въ самыхъ своихъ законахъ насмѣхался надъ лѣснымъ сторожемъ, который поощрялъ рвеніе своихъ фогтовъ въ такихъ шутовскихъ выраженіяхъ — этотъ народъ уже умеръ, вы не слышите и не видите его болѣе» (*Ганауеръ*, 290).

Теперь, когда читатель имѣетъ самъ передъ глазами основанный на несомнѣнныхъ фактахъ очеркъ постепеннаго развитія власти сеньоровъ и соответствующаго ему обезземеленія и зачръпощенія крестьянъ въ Эльзасѣ, мы остановимся внимательнѣе на нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ возраженій, которыя были заявлены противъ того единственнаго въ мірѣ толкованія фактовъ, какое, въ данномъ случаѣ, возможно. Пусть судить самъ читатель, насколько правы авторы подобныхъ возраженій.

По мнѣнію *Шоффюра*, изданіе уставныхъ грамотъ относится къ тому періоду развитія феодализма, когда мнѣнія, помянуван-
Т. ССХLI. — Отд. I. 23

ния отъ меровинговъ и каролинговъ сеньерамъ свѣтскимъ и духовнымъ (бенефиции) обращаются окончательно въ наследственную собственность сеньеровъ. Послѣ 1648 года, характеръ владѣльческой общины или колоната все больше и больше стирается изъ памяти самихъ крестьянъ, которые, во многихъ случаяхъ, отдають передъ нимъ преимущество *вѣчному найму* земли съ однообразнымъ платежемъ, безъ лаудеміа, мортуарія и т. под. Великая французская революція кончаетъ это дѣло къ явному удовольствію крестьянъ. Вотъ, пренебрегая этими-то историческими фактами, и можно было создать какой-то идеальнѣйшій барщинный дворъ или общину, на мѣсто гораздо болѣе прозаической дѣйствительности. Юристы XVI и XVII столѣтій, обративъ вниманіе на всеобщее въ средніе вѣка разчлененіе собственности (чьей?), на голое право (*dominium directum*) и на пользование (*dominium utile*), стали приписывать ему различныя объясненія. Наконецъ, толкуя въ извѣстномъ смыслѣ нѣкоторыя фразы *Цезаря* и *Тацита*, они остановились на той мысли, что эфитевгическій контрактъ, т. е. предоставленіе земли въ вѣчное пользованіе за неизмѣняемый платежъ, находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ древними традиціями германцевъ. Эта теорія имѣла, по меньшей мѣрѣ, то удобство, что она совпадала съ состояніемъ собственности въ средніе вѣка, когда собственность эта находилась въ рукахъ многочисленнаго класса лицъ, который обрабатывалъ ее своимъ трудомъ и въ теченіи цѣлѣхъ столѣтій платилъ за *обладаніе ею* одинъ только постоянный и единообразный налогъ, не считая другихъ натуральныхъ повинностей—какъ, на примѣръ, барщины—на которыя сеньеръ имѣлъ законный титулъ въ самой своей супрематіи. Крестьяне въ жалобахъ своихъ, предшествовавшихъ трагическому взрыву 1525 года, требовали полной собственности на земли, которыя они сдѣлали плодородными, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ постоянная работа, въ теченіи поколѣній, замѣнила первоначальную почву почвой новой, составляющей продуктъ труда. Это дѣло, какъ можно видѣть, не чтó иное, какъ курьёзное изданіе того самаго *права на трудъ*, которое заявлялось такъ часто и раньше и впоследствии во время социальныхъ кризисовъ. Несмотря на всю жестокость пораженія, крестьяне все же продолжали настаивать на этомъ правѣ и продолжали во многихъ мѣстностяхъ провинціи, подъ предлогомъ сдѣланныхъ ими затратъ на улучшение, продавать имущество, которымъ они пользовались, не забываясь о согласіи своихъ сеньеровъ и даже не дѣлая различія между землей, которую они владѣли потомственно, и той, которую снимали лишь на время. Страсбургскій сенать былъ озабо-

чень этимъ состояніемъ вещей, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на злоупотребленіе, и потому, декретомъ 1604 года онъ воспретилъ эти продажи, подѣ страхомъ отобранія имѣній и даже тѣлесныхъ наказаній. Но это рѣшеніе не пособило дѣлу, насколько можно судить изъ того, что, въ теченіи XVII столѣтія, подобныя декреты довольно часто слѣдовали другъ за другомъ. Наконецъ, ученіе крестьянъ пустило корни на основаніи слѣдующихъ началъ: временный стѣмщикъ, владѣніе котораго возникло изъ письменнаго найма, не имѣетъ права отчуждать нанятую имъ землю; напротивъ того, стѣмщикъ, владѣющій землей потомственно и, слѣдовательно, пользующійся *dominium utile*, можетъ отчуждать это послѣднее право, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы пріобрѣтатель согласился выполнять, по отношенію къ землевладѣльцу, всѣ обязательства, соединенныя съ наследственной арендой. Помимо этого, стѣмщикъ, могущій доказать, что онъ владѣетъ занятою имъ землею въ теченіи 30 или 40 лѣтъ за взносъ однообразной ренты, признавался наследственнымъ владѣльцемъ *dominium utile* даже въ томъ случаѣ, когда не было заключено письменнаго условія о простомъ или о наследственномъ наймѣ. Право, которое, отчасти молчаливо, было порождено только что указаннымъ положеніемъ вещей, получило названіе *Schauffelrecht*. Нужно ли распространяться и доказывать, какія громадныя измѣненія внесло это ученіе въ положеніе сельскихъ классовъ провинцій?

Рядъ грозныхъ войнъ—вторженіе венгерцевъ, войны бургиньонскія и арманьякскія, вторженія лотарингскія, французскія и шведскія — нанесли окончательное разореніе эльзаскимъ землевладѣльцамъ и разогналъ ихъ во всѣ стороны. Когда же, въ послѣдствіи, по умиротвореніи страны и по возвращеніи населенія, землевладѣльцы пожелали возобновить старую колонатную систему, то крестьяне противопоставили имъ *Schauffelrecht* и всюду находили въ этомъ защиту у судовъ. Такимъ образомъ, столь восхваляемую владѣльческую общину (*colonge*) разрушили сами крестьяне. Располагая вѣчнымъ пользованіемъ, которое имъ было гарантировано посредствомъ *Schauffelrecht*, они свели всѣ прежнія повинности на одинъ только платежъ умѣренной и неизмѣнной ренты. Нужно сознаться, что крестьяне были бы слѣпыми, если бы не сдѣлали въ данномъ случаѣ сдѣлать нисколько для нихъ не затруднительный выборъ. При всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію, что одному только сенъеру, и никому болѣе, принадлежала собственность на землю, все равно, идетъ ли рѣчь о землѣ, состоящей въ пользованіи отдѣльныхъ стѣмщиковъ, или же о той,

*

которая находится въ пользованіи всѣхъ жителей деревни (allmende). Самыя марки имѣли своимъ источникомъ часть древній династическія владѣнія, частью же древній римскій фиска, который позже превратился въ фиска меровинговъ и капетинговъ. Марка Мармутъ была дана аббатству того же имени въ полный суверенитетъ, въ качествѣ необработанной земли — terra de eremo excolenda — королемъ Гильдебертомъ. Марка Мюнстеръ была также частью фиска. То же самое справедливо относительно Гаугау, Уффрита и проч.

Не менѣе неосновательно, по мнѣнію *Шоффура*, и то предположеніе, будто владѣльческая община когда-либо пользовалась свободной юрисдикціей и правомъ народныхъ собраний. Права эти очень рано стали нарушаться королевскою властью даже у людей свободныхъ. По превращеніи же бенифіцій въ наследственное имущество, единственнымъ источникомъ юстиціи сдѣлался сеньеръ, одному только ему стало принадлежать право устанавливать юрисдикціи и учреждать судей. И это совершенно понятно. Право юстиціи было до такой степени неразрывно связано съ правомъ *суверенной собственности*, что оно распространилось рѣшительно на все, что составляло часть этой послѣдней — на вещи и лица, которыя находились подъ опекой господина (mundium), и даже на всѣхъ тѣхъ, кто случайно находился въ границахъ его супрематіи. Колоны могли заниматься об-сужденіемъ однихъ только хозяйственныхъ вопросовъ, и то подъ строгимъ надзоромъ и по инициативѣ самого сеньера.

Такова теорія *Шоффура*. Читатель видитъ, съ какою смѣлостью онъ извращаетъ очевиднѣйшіе факты, имѣя, впрочемъ, въ этомъ ученое и достойное дѣлѣ предшественниками тѣхъ самыхъ юристовъ XVI и XVII столѣтій, которые, по его словамъ, сначала подвели протекторатъ сеньера подъ договоръ потомственного найма, а впоследствии изобрѣли еще какой-то новый *Schauffelrecht*. Никто, конечно, не станетъ удивляться, что, потерявъ надежду на восстановленіе своихъ старинныхъ правъ, крестьяне остановились на меньшемъ изъ двухъ золъ и согласились предпочесть тяжелому закрѣпощенію потомственное пользованіе землею за постоянный взносъ оброка. Но чтобы крестьяне считали эту пере-мѣну какимъ-либо особымъ благодѣяніемъ для себя, это сомнительно; тѣмъ болѣе, что, какъ показываетъ «крестьянскій манифестъ», никакія ухищренія господъ-юристовъ не могли разубѣдить ихъ въ томъ, что земля принадлежитъ именно имъ, а не сеньерамъ. Въ добавокъ къ этому, новыя экономическія отношенія дѣлали въ эту эпоху систему фермерства болѣе выгодною для самого сеньера, чѣмъ обработку почвы крѣпостными.

Возраженія другого эльзасскаго ученаго *Веронъ-Ревиль* ничѣмъ почти не отличаются по существу отъ только-что рассмотрѣнныхъ воззрѣній, а потому мы можемъ ихъ оставить въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что самыя рельефныя мѣста его полемики уже цитированы нами въ одномъ изъ примѣчаній. Замѣтимъ только, что *Веронъ-Ревиль* какъ будто нѣсколько колеблется въ произнесеніи окончательнаго приговора, тогда какъ у *Шоффура* оказывается увѣренности на двоику, или, во всякомъ случаѣ, гораздо больше, чѣмъ было бы желательно.

Теоріи упомянутыхъ ученыхъ нельзя придавать серьезнаго значенія, уже на томъ одномъ лишь основаніи, что въ противномъ случаѣ Эльзась являлся бы какимъ-то страннымъ исключеніемъ изъ прочихъ европейскихъ странъ, пятномъ на европейской картѣ. Въ трудахъ *Маурера*, *Нассе*, *Мэна* большая или меньшая универсальность процесса феодализаціи доказана какъ нельзя лучше. Даже и господа юристы оказываются вездѣ одни и тѣ же. Такъ, напр., у *Мэна*¹ мы читаемъ, что «одно изъ затрудненій, представляемыхъ изученіемъ исторіи сельскихъ учреждений Англии, заключается въ той исторической теоріи англійскаго поземельнаго права, которую усвоили всѣ англійскіе юристы и которая даетъ своеобразную окраску всѣмъ англійскимъ трактатамъ и всѣмъ рѣшеніямъ англійскихъ судовъ—теоріи, которая, сказать правду, разсматриваетъ въ дѣйствительности систему владѣльческихъ хозяйствъ (manorial system), какъ не имѣющую никакихъ, могущихъ быть доказанными, antecedentovъ, а всѣ права, несомнѣнныя съ ней prima facie, какъ установленныя посредствомъ давности и благодаря *тертимальности лорда*». Даже если оставить въ сторонѣ тѣ феодальные порядки, значеніе и смыслъ которыхъ разъяснены уже болѣе или менѣе достаточно, и обратиться къ отношеніямъ, менѣе извѣстнымъ, то и тутъ намъ встрѣтятся одни «знакомыя все лица». Такъ, напр., *Ивановъ* въ своей маленькой брошюрѣ *О древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Россіи* съ большою основательностью доказалъ, что самостоятельная крестьянская судебная община стала здѣсь такою же точно жертвою помѣщичьяго произвола, какъ это совершалось всюду. Авторъ другого сочиненія о крестьянахъ, а именно *Очерка исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, И. Новицкій*, приходитъ къ тому выводу, что «въ періодъ господства феодальной системы... большинство земледѣльческаго населенія Литовско-Русскаго великаго княжества сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось судомъ об-

¹ Village-Communities in the east and west, 168—169.

щиннымъ; ограниченіе правъ крестьянъ началось прежде всего съ суда, потомъ выразилось въ переходѣ къ землевладѣльцамъ налогового права и, наконецъ, въ отрицаніи крестьянскаго права землевладѣнія и личной свободы; вслѣдъ за окончательнымъ закрѣпощеніемъ началось постоянное возвышеніе крестьянскихъ повинностей, что вызывало, въ свою очередь, усиленное бѣгство крестьянъ, аграрныя преступленія и открытыя возстанія» (159—160 *passim*). Наконецъ, В. Антоновичъ въ своемъ *Исследованіи о крестьянахъ юго-западной Россіи* приходитъ къ такимъ же приблизительно результатамъ, да еще даетъ нѣсколько сравнительныхъ таблицъ крестьянскихъ повинностей, изъ которыхъ оказывается, что крестьяне, отбывавшіе когда-то не болѣе нѣсколькихъ дней въ теченіи года барщины — въ XVIII столѣтіи отправляли волынскіе отъ 231 до 321 въ годъ, кievскаго Полгься отъ 162 до 312 дней, жившіе на рубежѣ Полгься и степной Украины отъ 82 до 214 (стр. 45—50). Развѣ-же все это не представляетъ простого повторенія исторіи крестьянъ Эльзаса?

VI.

Въ заключеніе мы сдѣлаемъ попытку построить, на основаніи приведеннаго въ нашей статьѣ фактическаго матеріала, нѣсколько обобщеній, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе объективный взглядъ на все теченіе процесса образованія сельскихъ сословій и порождаемаго имъ закрѣпощенія крестьянъ, а также и на ту реальную подкладку этого процесса, которая прикрывается отъ насъ абстрактными понятіями о «политической» или «общественной власти», о «суверенитетѣ», о «правѣ частной собственности на землю» и пр. и пр. Чтобы достигнуть этой цѣли, намъ необходимо подняться надъ изучаемымъ періодомъ общественной исторіи на такую высоту, съ которой исчезали бы вдали всѣ субъективныя понятія и представленія людей о своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ какую бы ни облекались жизненную форму и на сколько ни казались бы они реальными и ясными. Необходимо обратиться къ разсмотрѣнію однихъ лишь голыхъ общественныхъ явленій, имѣть въ виду одинъ лишь подлинный и несомнѣнный остовъ средневѣковаго общественнаго тѣла, одну только дѣйствительную канву или основу, на которой потомъ плетутся нити различныхъ субъективныхъ представленій и понятій, каковы напр. понятіе о собственности, власти и ленныхъ отношеніяхъ. Въ чемъ же будутъ состоять эти на-

болѣе общія фактическія очертанія процесса образованія словій?

Они исчерпываются понятіемъ о постепенномъ *усложненіи* и приведеніи въ систему общественнаго склада, происходящемъ, главнымъ образомъ, подъ стимуломъ военныхъ столкновеній. Мы видимъ, что, благодаря условіямъ войны, изолированны другъ отъ друга, но занимающіея всѣ однимъ и тѣмъ же дѣломъ поселане сливаются, мало по малу, въ обширное цѣлое, чтобы имѣть возможность противопоставить непріятелю соединенныя усилія. Но для объединенія разбросанныхъ силъ земледѣльцевъ, необходимо на первыхъ-же порахъ какой-нибудь связующей ихъ и, въ то же время, *вѣдущей* элементъ. Роль этого связующаго начала является *особой* функціей, въ томъ сборномъ, коллективномъ дѣлѣ, какое выполняютъ наши поселане. Подобной функціей въ системѣ раздѣленнаго труда окажется всегда такая, которая одинаково обнимаетъ всю совокупность *частныхъ* функцій цѣлаго, какъ можетъ служить тому примѣромъ функція рулевого или капитана по отношенію къ отдѣльнымъ операціямъ гребцовъ или матросовъ, или же функція капельмейстера по отношенію къ игрѣ отдѣльныхъ музыкантовъ завѣдываемаго имъ оркестра. Въ военномъ дѣлѣ, т. е. въ самомъ настоятельномъ и неотложномъ изъ числа тѣхъ дѣлъ, какія только выполняются людьми, стоящими на высшихъ ступеняхъ развитія, функціей объединенія оказывается функція вождя. И такъ, мы видимъ, что *обобщающая* функція сама является не болѣе, какъ *частной* *вѣдущей* въ системѣ раздробленнаго труда и самое возникновеніе въ ней потребности служить критеріемъ того, что въ данной простой организаціи общества образовались новые элементы и для достиженія новыхъ цѣлей становятся уже необходимыми извѣстныя усложненія.

Читатель могъ замѣтить, что мы рассматриваемъ объединяющую функцію, какъ вѣчто совершенно независимое отъ той или другой отдѣльной личности, облеченной выполненіемъ ея, какъ будто въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ отправленіи механизма, а не объ отправленіи постоянной личной воли и личнаго ума. Дѣйствительно, мы полагаемъ, что организація труда всегда является ничѣмъ инымъ, какъ соціальной машиной, винтами и колесами которой служатъ люди, и по отношенію къ которой гораздо болѣе значенія имѣютъ свойства самыхъ функцій, нежели то обстоятельство, кто именно, какая личность выполнять ту или другую функцію. И это вполне понятно, потому что задачи общественной организаціи суть очевидно чисто вѣдущія для насъ задачи, размѣръ и качества которыхъ опредѣляются

средой. Положеніе это остается совершенно справедливымъ, несмотря на противоположное понятіе, основанное исключительно на томъ, что на известныхъ ступеняхъ общественной исторіи тѣ или другія функціи срастаются съ известною личностью, родомъ и даже классомъ общества (сословіе и каста) и какъ бы прирываются и маскируются послѣдними. При всемъ томъ, однако же, не подлежитъ сомнѣнію, что, по самой своей природѣ—способствовать *объединенію* частныхъ операцій—наша *общая* функція должна быть въ каждое данное время сосредоточена въ *однихъ* рукахъ, въ противномъ случаѣ, очевидно, нарушалось бы условіе единства дѣйствія. Въ началѣ, по краткости и простотѣ военныхъ операцій, объединительная функція еще не приростаетъ къ отдѣльной личности, а поручается различнымъ лицамъ попеременно и на время. Такъ, мы видимъ, что первобытные военные вожди отправляютъ свои обязанности по выборамъ и временно, совершенно такимъ же образомъ, какъ еще долгое время спустя выполняются частныя должности пастуха, дѣснаго и полевого сторожа и проч. При столь нехитрыхъ и несложныхъ отношеніяхъ, говоря теоретически, каждый совершеннолѣтній и полноправный земледѣлецъ является однимъ изъ кандидатовъ на занятіе высшихъ должностей, «каждый солдатъ можетъ быть сдѣланъ генераломъ». Но, мало-по-малу, по мѣрѣ усложненія дѣла, а также сообразно съ тѣмъ, какъ въ немъ принимаетъ участіе все большее и большее число людей, объединительная функція становится все труднѣе и труднѣе. Еслибы эта функція была равна по *качеству* всякой другой частной функціи дѣла, то, во избѣжаніе представляемыхъ ею затрудненій, ее можно было бы разложить на составныя части и поручить во временное завѣдываніе различнымъ лицамъ. Но въ томъ-то и дѣло, что именно эта функція, какъ общая, оказывается наименѣе дѣлимой, а следовательно, и впредь должна сосредоточиваться въ однихъ рукахъ или въ немногихъ, хотя она и сдѣлалась при новыхъ обстоятельствахъ сложнѣе и труднѣе прежняго. Съ другой же стороны, кругъ кандидатовъ на избраніе становится теперь все уже, благодаря тому, что усложненіе общей функціи сопровождается и усложненіемъ подготовки къ ней, а такъ какъ эта подготовка происходитъ насчетъ другихъ людей, то ясно, что, *при бедности послѣднихъ*, она можетъ быть доставлена лишь крайне ограниченному числу лицъ. Отсюда неизбежно вытекаютъ два крупныя послѣдствія. Во-первыхъ, насколько исполнители общей функціи предоставляютъ себя ей исключительно, ихъ матеріальныя житейскія условія перестаютъ быть сходными съ экономическимъ положеніемъ всѣхъ прочихъ сообщенинговъ: земля ихъ

выдѣляется и начинаетъ обрабатываться при помощи общественныхъ повинностей. Во-вторыхъ, отправленіе общей функціи постепенно становится пожизненнымъ, а въ послѣдствіи и наследственнымъ, и такимъ образомъ, возникаетъ и развивается съ соблюденіемъ извѣстной іерархіи совершенно особый и находящійся внѣ массы земледѣльческаго населенія правительственный классъ или дворянское сословіе. Замѣтимъ это—образованіе сословій на извѣстной ступени общественнаго развитія есть непосредственное слѣдствіе экономической необходимости, а именно отсутствія у первобытныхъ земледѣльцевъ средствъ для подготовки всѣхъ и каждаго или, по меньшей мѣрѣ, большого круга лицъ къ занятію высшихъ военныхъ должностей. Что необходимость эта носитъ лишь временной характеръ — доказываютъ уничтоженіе сословій и замѣна ихъ широкими общественными классами, происходящія въ Европѣ въ теченія послѣднихъ двухъ столѣтій и составляющія результатъ гигантскаго скопленія богатства.

Хотя первоначальное дѣленіе труда между военачальникомъ и массой населенія и дѣлается мало-по-малу неподвижнымъ, но до поры до времени оно все же остается для всякаго понятнымъ цѣлымъ, въ основаніи котораго лежитъ то обстоятельство, что одна личность или родъ принимаетъ на себя роль руководителя и обобщителя всѣхъ частныхъ операций и за это снабжается отъ остальныхъ средствами существованія и подготовки, потребными для выполненія общей функціи. Съ чисто экономической точки зрѣнія, отношеніе между ними представляетъ родъ первобытнаго и совершенно добровольнаго обмѣна между отдѣльной личностью и обществомъ, направленаго къ поддержанію и сохраненію единства всей системы. Но по мѣрѣ усложненія дѣла, по мѣрѣ увеличенія страны и постепеннаго развитія военно-жоролевской іерархіи, частичныя функціи все болѣе и болѣе утрачиваютъ наглядную связь съ цѣлымъ, связь эта становится для исполнителей такихъ частичныхъ функцій все менѣе и менѣе понятной. Въ этомъ явленіи — источникъ военной дисциплины и дальнѣйшаго развитія ея — государственной или «политической власти», или, говоря иначе, власти отдѣльныхъ личностей надъ массой, представителей объединяющей функціи надъ представителями отдѣльныхъ функцій. И дѣйствительно, при томъ условіи, что исполнители частичныхъ функцій перестаютъ уже отдавать себѣ отчетъ въ той связи, которая соединяетъ эти функціи въ одно цѣлое, власть дѣлается неизбѣжнымъ средствомъ для поддержанія единства. А, между тѣмъ, утрата пониманія массой этой связи является естественнымъ послѣдствіемъ

того, что, по мѣрѣ превращенія общей функціи изъ выборной въ наследственную, вся совокупность частичныхъ функцій также приобретаетъ наследственный характеръ. Итакъ, общественная власть однихъ лицъ надъ другими имѣетъ своимъ источникомъ обширное и сложное общественное дѣленіе труда въ соединеніи съ наследственнымъ отправленіемъ всѣхъ или большей части функцій, которыя скрываютъ отъ большинства людей значеніе и цѣли ихъ собственной организаціи.

Въ качествѣ представителя общей функціи и облеченный политической властью, военачальникъ, а потомъ король, становится, мало по-малу, олицетвореніемъ и воплощеніемъ всего общества, живымъ носителемъ и представителемъ скрытаго въ обществѣ единства. Королю начинаютъ поклоняться, какъ фетишу своей же собственной общественной организаціи. Нѣчто подобное такому поклоненію и подъ влияніемъ одинаковой причины—дробленія труда, происходитъ и по отношенію къ деньгамъ, которыхъ назначеніе объединять собой путемъ обмѣна безмѣрное количество разнообразнѣйшихъ товаровъ. И здѣсь, одинъ товаръ, хотя по существу такой же *частный*, какъ и всѣ другіе, предполагается, однакожъ, воплощеніемъ какихъ-то *общихъ* свойствъ, которыхъ лишены всѣ прочіе товары, непосредственной покушной силы или власти, мѣрила цѣнности и проч.; а потому и признается товаромъ наиболѣе почтеннымъ и высокимъ. Съ теченіемъ времени, все относительное и субъективное, что заключается въ подобномъ представленіи и служитъ поводомъ къ его возникновенію, стирается изъ памяти и остается убѣжденіе въ дѣйствительномъ существованіи воплощенія.

Служа олицетвореніемъ общества и обладая политической властью, военачальникъ получаетъ право регулировать важнѣйшія отношенія общества къ воздѣланной и невоздѣланной землѣ. Что касается земли уже воздѣланной, то объясненіемъ такого права является потребность постоянно знать, какое число воиновъ можетъ быть доставлено съ извѣстнаго пространства и снабжено наличнымъ продовольствіемъ съ земли и заботиться о сохраненіи этихъ отношеній. Въ основаніи распоряженія невоздѣланной землею лежитъ тотъ же самый поводъ, но лишь на случай новыхъ поселеній, которыя должны слагаться по прежнимъ типамъ. Отсюда «право суверенитета» или верховно-королевскаго господства надъ единственнымъ источникомъ существованія населенія—землей. Но, хотя, на основаніи этого права, король раздаетъ ужъ «бенефиціи» изъ невоздѣланной земли, однако, ясно, что здѣсь нѣтъ еще и рѣчи о правѣ частной собственности короля на земли марокъ. Господство надъ землею здѣсь

представляетъ лишь единственныйъ возможный способъ для контроля надъ отбываніемъ военной службы. Правда, что это же господство, посредствомъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, ведетъ въ послѣдствіи къ закрѣпощенію ихъ труда.

Хотя функція объединенія и отличается сравнительною нераздѣльностью, но, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ усложненія, она подраздѣляется на составныя, сравнительно немногочисленныя, части. Поэтому, развитіе королевской власти является въ одно и то же время и развитіемъ іерархіи военныхъ должностей. Всѣ второстепенные начальники, по укрѣпленіи королевской власти, пріобрѣтаютъ въ ней извѣстное участіе, хотя ихъ предки сами когда то уступили часть своей власти королю. Личный характеръ королевской власти, какъ слѣдствіе той спеціальной или частной роли, какую занимаетъ функція объединенія въ системѣ раздѣленія труда, передается и власти королевскихъ герцоговъ, гауптмановъ и графовъ. На самомъ дѣлѣ герцогъ или гауптманъ есть только исполнитель доли общей функціи по отношенію къ меньшей группѣ земледѣльцевъ. Но, какъ членъ феодально-политической системы, онъ — «ленникъ» короля, онъ — представитель и замѣститель той группы земледѣльцевъ, которая вѣряется его надзору, и, въ то же время, онъ какъ-бы откупщикъ доходовъ, принадлежащихъ королю или странѣ. При всемъ томъ отношеніе его къ землѣ, служащей источникомъ существованія крестьянъ, является не больше, какъ косвеннымъ послѣдствіемъ той власти, какую обладаетъ онъ по отношенію къ самой личности владѣльцевъ, и раздѣляетъ временный ея характеръ ¹.

¹ Не можемъ воздержаться, чтобы не привести здѣсь двухъ примѣровъ, хотя и относящихся къ средѣ, которая является только аналогической съ германскимъ строемъ, но, тѣмъ не менѣе, могущихъ послужить прекрасной иллюстраціей для феодальныхъ отношеній. Въ жалованной грамотѣ великаго князя Литовскаго *Александра*, данной въ 1500 году *Гендрику Шалгеру* на имѣніе въ вудѣ Бертонской, говорится слѣдующее: «И тое имѣніе и люди вышешисанные потвержаемъ... съ спаты грошовыми и медовыми и кунячими и которыми колвекъ именемъ могутъ названы, або менены быти... нехай онъ то держитъ, а намъ зъ того службу земскую *заступаетъ*, какъ-же онне бояре, шляхта наша намъ служатъ». Въ другой грамотѣ того же князя отъ 1496 года сказано: «Билъ намъ челомъ намѣстникъ Звягольскій *Яцко Мезъ*, а просилъ у насъ въ Вруцкомъ повѣтъ человека, на имя *Лазорка*, и зъ его сыни и зъ братанчи его, а повѣдалъ намъ. штожь дей съ нихъ *одна служба*, а данн они дають двадцать ведеръ меду и четыре ведра, а помернаго два гроша и подымщина, а служба дей ихъ — тое три дня сѣно косать, а три дня жыта жнуть и инья службн служатъ; ино мы того человека *Лазаря Мошкевича* и зъ его сыни и зъ братанчи его дали ему и зъ данью и зо всеми ихъ *землями* спашными и зо всеми потому, что здавна тии люди, держали (*В. Анто-*

Благодаря раздачѣ бенефицій, центральная объединительная власть, мало по малу, теряетъ подъ собою почву и уступаетъ мѣсто второстепеннымъ руководителямъ народа. По мѣрѣ упадка королевской власти, та часть верховнаго господства, которая была поручена послѣднимъ, перестаетъ быть только частью, а сама дѣлается цѣлымъ. Вся совокупность тѣхъ повинностей, которыя отбывались и поступали прежде въ пользу центральной власти, становится при новыхъ обстоятельствахъ безспорнымъ достояніемъ различныхъ герцоговъ и графовъ. По мѣрѣ уменьшенія территоріи, всѣ отношенія между центральной объединительной властью и народомъ становятся конкретнѣе и ближе, а потому эта послѣдняя естественно выигрываетъ въ значеніи и въ силѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить обращеніе должностей сеньера изъ временной въ наслѣдственную, а также учрежденіе отдѣльных отрядовъ войска, и всѣ элементы для закрѣпощенія крестьянъ отъ народа оказываются на лицо, хотя роль сеньера еще въ теченіи продолжительнаго времени продолжаетъ оставаться *общественною* ролью судьи, администратора, вождя. Но на закрѣпощеніи крестьянъ дѣло, какъ извѣстно, не останавливается. Спрашивается, какимъ ближайшимъ образомъ совершается обезземленіе крестьянъ, т. е. превращеніе функціи надзора и управления ими въ право частной собственности сеньера на ихъ земли? Чтобы отдать себѣ въ этомъ отчетъ, намъ слѣдуетъ взглянуть поближе на характеристику того явленія, которое соотвѣтствуетъ различнымъ сторонамъ понятія о правѣ собственности на землю.

Между способами владѣнія землею на правѣ собственности различныхъ классовъ общества существуетъ громадное различіе. Собственность общины на занимаемыя ею земли характеризуется главнымъ образомъ посредствомъ постояннаго, фактическаго обращенія общины къ предмету своего труда. Такое отношеніе необходимо обуславливается, во-первыхъ: самою природою земледѣлія, а, во-вторыхъ: отсутствіемъ пожизненнаго и наслѣдственнаго дѣленія труда между отдѣльными членами общины. Что касается природы земледѣлія, то ея предъявляется настоятельное и неизбѣжное требованіе, чтобы предметъ труда — пшеница,

смчч, op. cit. 15—16)». Личный характеръ общественной сдѣлки тутъ просто бьетъ въ глаза своею очевидностью. А, между тѣмъ, дѣло идетъ ни богѣ, ни менѣе, какъ о передачѣ упомянутымъ помѣщикамъ части суверенной власти надъ извѣстной группой крестьянъ и, косвенно, надъ ихъ землею. Въ обихъ указаннаго примѣра, а во-второмъ особенно, сама земля упоминается лишь мимоходомъ, въ качествѣ принадлежности людей, а главное вниманіе сосредоточено на людяхъ и приносимыхъ ими данахъ, т. е. продуктахъ ихъ труда. При этомъ формально признаются права крестьянъ на занимаемыя ими земли.

скоть, ленъ, лѣсъ и пр.—находился въ долговременной связи съ почвою, прежде нежели будетъ готовъ для потребленія или для дальнѣйшей переработки. Съ другой-же стороны, отсутствіе дѣленія труда между отдѣльными земледѣльцами принуждаетъ каждаго изъ нихъ къ выполнению всей совокупности земледѣльческихъ операцій и, такимъ образомъ, еще болѣе закрѣпляетъ ихъ постоянное отношеніе къ землѣ. Съ переходомъ отъ общаго владѣнія пахатными полями и лугами къ участковому владѣнію ими, которое обусловливается усложненіемъ земледѣльской культуры или, лучше сказать, наивно-эмпирическими представленіями земледѣльцевъ о природѣ и потребностяхъ этого усложненія¹, на смѣну постоянного отношенія всѣхъ и каждаго къ землѣ общины является такое же постоянное отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ отдѣльному участку. Итакъ, мы видимъ, что, какъ бы ни были велики или важны различныя соціально-экономическія послѣдствія этого превращенія частной собственности всей общины въ индивидуальную собственность отдѣльныхъ ея членовъ—само по себѣ, оно ничего не измѣняетъ въ томъ коренномъ критеріумѣ крестьянскаго землевладѣнія, который исчерпывается постояннымъ отношеніемъ земледѣльца къ обрабатываемой имъ лично почвѣ.

Совсѣмъ иное дѣло—такъ называемое крупное землевладѣніе сеньеровъ. Характеристическимъ признакомъ являлось тутъ постоянное отношеніе не къ землѣ, а къ лицамъ, обрабатывающимъ землю, и притомъ вначалѣ къ опредѣленнымъ, прикрѣпленнымъ

¹ У Nasse (Ueber die mittelalterige Feldgemeinschaft in England, 9) мы читаемъ: «Я не могу не обратить вниманія на то, насколько лежитъ въ природѣ вещей, что при всѣхъ хозяйственныхъ системахъ, при которыхъ время общаго пользованія значительно преобладаетъ надъ временемъ индивидуальнаго пользованія, частная собственность отдѣльныхъ лицъ на отдѣльные участки земли болѣею частію не употребительна. Не стоитъ труда удерживать за собою индивидуальную собственность, которая цѣлыя десятилѣтія не имѣетъ практическаго значенія. Постоянно новое подраздѣленіе частей почвы, поступающихъ каждый разъ въ обработку, оказывается при такихъ условіяхъ гораздо удобнѣе. Только при тѣхъ хозяйственныхъ системахъ-вступаетъ въ земледѣліе всеобщая отдѣльная собственность, при которыхъ время отдѣльнаго пользованія продолжительнѣе, чѣмъ время пользованія общаго». Итакъ, болѣе усовершенствованная и сложная хозяйственная система тѣмъ и отличается отъ менѣе сложной, что требуетъ болѣе постоянного ухода за землею. *Обыкновенно* изъ этого именно источника развивается участковое владѣніе землею, но должно-ли оно *всегда* сопровождать собой переходъ къ усовершенствованной культурѣ—это подлѣхтъ пока сомнѣнію. Достоверно лишь то, что переходъ къ участковому владѣнію совершается чисто эмпирически и, тамъ сказать, безосознательно, хотя въ послѣдствіи недостатокъ земли, происходящій отъ раздѣловъ, и служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что въ основаніи безосознательныхъ поступковъ не всегда лежитъ болѣе или менѣе вѣрное инстинктивное чутье».

къ землѣ лицамъ, а въ послѣдствіи ко всякимъ вообще. Пока земля обрабатывается при помощи крѣпостного труда, она сама, какъ собственность сеньѣра, такъ мало принимается въ расчетъ, что даже не измѣряется геометрически. Отсюда всѣ эти «kuhessen», «huftъ», «коровьи участки», «обжи», «сохи», «дни» и «косари», подъ которыми разумѣются весьма неодинаковыя количества земли, смотря по плодородію послѣдней, а также потому, какое время необходимо на ея воздѣлываніе, при помощи или безъ помощи скота. Когда же въ послѣдствіи власть надъ *крестьянами*, мало по малу, уступаетъ мѣсто владѣнію ихъ *землею*, то это служитъ явнымъ признакомъ, что общее экономическое положеніе страны подверглось глубокимъ измѣненіямъ. Извѣстно, что колоссальное расхищеніе общинныхъ земель въ Англіи въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ совпало съ развитіемъ городскихъ мануфактуръ и международнаго обмѣна и повело повсюду къ увеличенію городского населенія и къ преобразованію земледѣльческой системы. На мѣсто стараго трехпольнаго хозяйства явилось сначала клиновое хозяйство въ большихъ размѣрахъ, а въ послѣдствіи и плодосмѣнная система. Тоже самое явленіе, хотя и въ менѣе значительномъ объемѣ повторилось также и на континентѣ. Повсюду продукція въ большихъ размѣрахъ, продукція на сбытъ для прокормленія многолюдныхъ городовъ и за границу, пришла на смѣну общинно натуральнаго хозяйства и превратила продуктъ отъ прежнихъ общественныхъ повинностей крестьянъ въ доходъ отъ земледѣльческаго предпріятія. Самая сущность дѣла испытала при этомъ болѣе количественныя измѣненія, чѣмъ качественныя. Понятно, что закрѣпощеніе крестьянъ утратило значеніе: при уменьшеніи потребности въ числѣ рабочихъ, при всегда готовомъ контингентѣ свободныхъ для употребленія рукъ, для большого хозяйства стало дѣломъ совершенно безразличнымъ, тѣ-ли именно, или другія руки будутъ въ данную минуту на лицо. Но ясно также, что съ освобожденіемъ *крестьянъ*, т. е. съ отмѣной личнаго ихъ прикрѣпленія, съ тѣмъ болѣею силою и интенсивностью долженъ былъ стать на первый планъ вопросъ о принадлежности самой *земли*, которая, по прежнему, являлась фондомъ для приложенія труда. При этомъ, политическая функція сеньѣра, мало по малу, уступила мѣсто хозяйственно-владѣльческой функціи его, и, какъ прежде онъ былъ военнымъ или судебнымъ руководителемъ крестьянъ, такъ въ послѣдствіи, лично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ (фермеровъ и управителей), онъ является хозяйственнымъ руководителемъ своихъ рабочихъ.

Итакъ, мы прежде видѣли, что потомственное раздѣленіе въ обществахъ труда, съ преобладаніемъ общей функціи надъ всѣми

остальными, послужило источником развитія политической «власти», а теперь мы приходимъ къ заключенію, что тоже раздѣленіе труда, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, привело къ установленію новѣйшей «крупной поземельной собственности», которой выпало на долю снабжать мануфактурное и фабричное населеніе сырыми матеріалами и пищею. И насколько владѣніе большимъ количествомъ земли есть «власть»—оно находится въ непосредственной, родственной связи съ политической властью.

Н. Зиберъ.

ЗЕМЛЯ.

Волнуемъ воздухомъ, какъ легкая завѣса,
Съ вершинъ альпійскихъ горъ спускается туманъ.
Ужъ высатся надъ нимъ кой-гдѣ макушки гѣса...
И вотъ—весь выступилъ онъ, красками убранный,
Въ который рядить деревья любить осень,
Не трогая межъ нихъ зеленыхъ вѣчно сосенъ.

Какъ много радости и свѣта въ мѣръ принесъ,
Побѣду одержавъ надъ мглою, день прозрачный!
Не сумраченъ обрывъ, повеселѣлъ утесъ,
И празднично—свѣтло по всей долинѣ влачной,
Лишь около деревъ развѣсистыхъ на ней
Узоры темные колеблятся тѣней.

Казалось, что теперь небесное свѣтло,
Вступивъ на зимній путь, прощальный свѣтъ лило;
И, на него глядя, земля благодарила
За яркіе лучи, за влажное тепло,
Что разносилъ, струясь надъ нею, воздухъ зыбкій,
И озарялась вся привѣтливой улыбкой.

Красавица-земля! Не въ этой лишь странѣ,
Въ виду гигантовъ-горъ, склонюсь я предъ тобою.
Сегодня ты была-бъ вездѣ прелестна мнѣ,
Лишь бы съ деревьями, съ кустами и съ травой,
Гдѣ красокъ осени игралъ бы переливъ,
Или хоть съ блѣдною соломою сжатыхъ нивъ.

Чѣмъ дольше я смотрю, тѣмъ шире и сильнѣе
 Все разрастается къ тебѣ моя любовь...
 О, запахъ милый мнѣ!.. То, сладостно пьянѣя,
 Какъ-бы туманюся имъ, то возбуждаюсь вновь...
 Землею пахнетъ! Я—твое, земля, создамъ!
 И нѣтъ иного мнѣ милѣй благоуханья.

Земля-кормилица! Работница-земля!
 Твой вѣченъ трудъ; твои неистощимы нѣдра...
 Межъ тѣмъ, какъ чадѣ своихъ ты, нуждамъ ихъ внемля,
 Плодами и зерномъ ужь одарила щедро,
 Я вижу—требуя еще твоихъ услугъ,
 Тебя тамъ на холмѣ, опять взрываетъ плугъ.

Я жизни путь прошелъ, топча тебя небрежно,
 Какъ будто я не сынъ тебѣ, родимый прахъ!
 Найти я внѣ тебя рвался душой маетежной
 Причину тайную житейскихъ золъ и благъ;
 И мысль, страшась конца, не вѣдая начала,
 Во тѣмъ и въ пустотѣ, тоскливая, блуждала.

Земля! меня теперь влекутъ стремленья думъ
 И сердца пылъ къ тебѣ... Не знаю, оттого ли,
 Что отъ меня далека тревожной жизни шумъ,
 Иль правды я ищу, иль утомленъ отъ боли
 Разрушенныхъ надеждъ, оплаканныхъ потерь,
 Но твой къ покою зовъ мнѣ слышится теперь.

О, мать-земля! Я здѣсь одинъ; людей не видно;
 Хотѣлъ бы пасть я ницъ и лобызать тебя...
 Увы! я не могу, и не людей мнѣ стыдно:
 Восторгомъ былъ я полнъ, красу твою любя;
 Но лишь тебя призналъ я матерью моею,
 Печаленъ и смущенъ, ласкать тебя не смѣю.

Тебѣ еще я чуждъ, но я отнынѣ твой.
 Дай силы мнѣ своей на бодрый подвигъ жизни,
 Чтобъ я, на склонѣ лѣтъ, одинъ съ самимъ собой,
 Отрады не искалъ въ тоскѣ и въ укоризнѣ;
 И чтобъ меня, когда наступитъ смерти мгла,
 Ты примиреннаго съ тобою приняла.

Т. ССХІ.—Отд. I.

Поднялся вѣтерокъ, свѣжѣя понемногу;
Я вижу на горахъ вечернюю зарю,
И тѣни длинныя ложатся на дорогу...
Пора домой идти. Земля, благодарю!
Обязанъ я тебѣ, твоимъ осеннимъ чарамъ,
Что уходящій день прожить былъ мной не даромъ.

Октябрь.

Меггенъ, близъ Людерна.

Алексѣй Шенчуминковъ.

ПЕТРУШКА РУДОМЕТОВЪ.

(Очеркъ горнозаводской жизни).

I.

Маленькое, невеселое поселеніе около рудника называлось Комарами. Официально рудникъ, впрочемъ, былъ извѣстенъ подь названіемъ Петровскаго, но въ народѣ это названіе рѣдко употреблялось. Комары какъ-то скорѣе подвергивались на языкъ. Да правда, въ лѣтнее время объ нихъ и забыть было никакъ нельзя: такъ много ихъ гудѣло около рудника. Чтобъ сколько-нибудь избавиться отъ нихъ, жители рудника держали въ избахъ курево. Даже отправляясь въ огородъ полоть, женщины брали съ собой курево или мазались дегтемъ. Въ одинъ изъ огородовъ и я поведу читателя. Сидѣвшіе въ огородѣ на межѣ дѣвушка, Орна Груздева, и молодой, очень еще молодой человекъ, почти мальчикъ, Петруша Рудометовъ, не были отъ нихъ заколдованы. Комары очень имъ надоѣдали, несмотря на курево, разведенное не подалеку, и Петруша, сорвавъ вѣтку рябины обмахивалъ ею себя и свою собесѣдницу, торопливо дошивавшую розовую ситцевую рубашку.

— И откогда ихъ столько взялося! сердился Петруша, оглядываясь кругомъ: — ужъ и досаждаютъ же они мнѣ на работѣ, а Еремка намѣднись даже взвылъ отъ нихъ.

— Небось взвоешь, сказала Орна, слегка передернувъ плечами, которая плохо защищала отъ комаровъ старенькая бѣлая руба шва.— Стегни ты меня по плечамъ, Петруша!

По туня исполнилъ ея желаніе. Орна была не хороша собой,

но и не особенно дурна. Ея широкое румяное лицо красилось ласковымъ взглядомъ добрыхъ сѣрыхъ глазъ и привѣтливой улыбкой. Она была средняго роста, широкоплечая, крѣпкаго сложенія дѣвушка. Ей было двадцать два года. Петруша, былъ мальчикъ семнадцати лѣтъ, но ростомъ выше Орины, только очень худощавъ и тонокъ. У него было красивое правильное лицо, носъ съ горбинкой и большіе, живые и умные черные глаза. Черные, волнистые волосы были сильно спущены и прикрыты обтрепанной фуражкой; сверхъ холщевой, старой рубашки наброшенъ былъ дырявый кафтанишко. Дѣвушка тоже была одѣта не лучше: бѣлая рубашка и синяя холщевая юбка составляли весь ея нарядъ.

— Ну, вотъ и дошла! сказала дѣвушка, подавая Петрушѣ рубашку:—это, знать, послѣднюю рубашку я тебѣ шила. Кто-то тебя, сиротинку, безъ меня приголубить? И Орина ласково и грустно посмотрѣла на Петрушу, засовывая въ пазуху нитки и наперстокъ.

— А ты куда дѣнешься? встрепенулся Петруша.

— Да меня хотять замужъ отдавать, сказала Орина такъ спокойно, какъ будто это и не касалось ея.

— Замужъ? А за кого? спросилъ Петруша дрогнувшимъ голосомъ.

— За Степана Деньшина въ заводъ; прислали ужъ сватовъ.

— И ты пойдешь? спросилъ Петруша, впиваясь въ Орину глазами.

— И рада бы не пошла, да отецъ съ матерью велеть. Больше ихъ не будешь.

Петруша вскочилъ съ мѣста, отошелъ въ сторону и сталъ смотрѣть черезъ огородъ, чтобы скрыть навернувшіяся слезы.

— Чего ты тамъ не видалъ? сказала Орина, подходя къ нему и заглядывая ему въ лицо.—Что загорюнился? Али меня жалко?

— Тебя, Орина, жалко, заговорилъ Петруша порывисто, дрожащимъ голосомъ.—Послушай, что я тебѣ скажу: не ходи ты замужъ! Пожалуйста, не ходи!

Орина глядѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Да тебѣ-то что, глупый? Обшивать что ли тебя некому? Ну, такъ изъ-за этого мнѣ жениху отказывать не приходится. Женихъ хорошій, работающій, смиренный; другого такого-то, пожалуй, и не дожدهшься. Нѣтъ ужъ, Петрушенька, изъ-за тебя я въ дѣвкахъ вѣкъ вѣковать не стану.

— Зачѣмъ въ дѣвкахъ вѣкъ вѣковать? Да я бы...

Петруша захлебнулся отъ волненія и замолчалъ.

— Ну, что бы ты? спросила Орина.

— Да я бы тебя за себя взялъ, выговорилъ, наконецъ, Петруша и отвернулся въ сторону. Орина громко расхохоталась.

— Ой, прокурать ты, парень! Право, прокурать! проговорила она сквозь смѣхъ.— Вотъ сказать ужъ дѣвкамъ, такъ смѣху-то будетъ!

— Ты дѣвкамъ лучше не говори, угрюмо сказалъ Петруша:— смѣшного тутъ не много.

— Какъ не много. Какой ты женихъ! Вѣдь ты еще угланъ, ни кола ни двора у тебя нѣту. И Орина снова расхохоталась.

— Ты еще и дѣвокъ-то боишься! прибавила она, не переставая смѣяться.— Ну, напустилъ!

Петруша до крови искусалъ себѣ губы, пока Орина смѣялась и, наконецъ, не выдержавъ, бросился бѣжать изъ огорода, не захвативъ даже своей обновы. Злость, тоска, любовь попеременно волновали и мучили его весь вечеръ. Это было наканунѣ Петрова дня. Въ Петровъ день, Орина встала рано и, нарядившись, отправилась къ обѣднѣ въ заводъ, заказавъ матери отдать Петрушѣ рубаху, если онъ зайдетъ. Дорогой она не могла удержаться, чтобъ не рассказать подругамъ, шедшимъ вмѣстѣ съ ней, о прокуратѣ Петрушкѣ. Дѣвушки много смѣялись и, разувѣтая, рассказали объ этомъ знакомымъ парнямъ.

II.

Петруша убѣжалъ въ лѣсъ и воротился домой только поздно вечеромъ въ Петровъ день. Онъ жилъ съ старухой матерью въ такой плохой избушкѣ, что надо было удивляться, какъ еще она стоитъ. Матери онъ не засталъ дома и, отыскавъ въ сѣнахъ на полѣхъ краюху чернаго хлѣба, сѣлъ подъ окошко и принялся усердно ѣсть ее, сильно проголодавшись за сутки. Онъ почти совсѣмъ уснокоился; поѣвши, досталъ гармонику съ полки и сталъ что-то наигрывать. У Петруши были двѣ страсти: къ охотѣ и къ музыкѣ. Последней онъ удовлетворялъ до нѣкоторой степени, имѣя гармонику и бандурку. Но первая оставалась пока неудовлетворенной. Ему страстно хотѣлось завести ружье, но до сихъ поръ онъ еще не могъ заработать на покупку его денегъ. Ружье можно было, въ крайнемъ случаѣ, купить и за рубль серебра, но и рубля свободнаго у Петруши не бывало. Онъ почелъ себя очень счастливымъ, когда одинъ изъ сосѣдей далъ ему однажды ружье на охоту. Но это было годъ тому назадъ и только одинъ единственный разъ, послѣ чего Петруша ходилъ на охоту только съ силками и тенетами. Иногда

случалось ему убивать спокойно сидящую птицу камнем или палкой, и тогда онъ торжествовалъ. Но и это было рѣдко. То ли бы дѣло, еслибъ было ружье, думалъ Петруша, вспугивая въ своихъ глѣсныхъ экскурсіяхъ большую стаю рябчиковъ или выслѣживая гдѣ-нибудь на озеркѣ утинный выводокъ. И въ этотъ разъ онъ видѣлъ птицы много и рѣшился, возвратясь, попросить ружья у того же мужика, который уже давалъ ему рязъ «Теперь онъ пьянъ, думалъ Петруша, поглядывая въ окно:—либо нѣтъ его дома, а завтра утромъ я къ нему и пойду. Неужто онъ не дастъ?»

Но и на другой день неудача преслѣдовала его. Мужикъ, къ которому онъ пришелъ, уже продалъ ружье. Въ досадѣ Петруша задумалъ было воротиться домой и, поѣвши, идти ставить силки, но повстрѣчался съ знакомымъ, который уговорилъ его идти съ нимъ вмѣстѣ въ хороводъ. У него была куплена новая гармоника, втрое лучше той, которую имѣлъ Петруша, а онъ слылъ лучшимъ игрокомъ на гармонию не только во всемъ рудникѣ, но и во всемъ заводѣ. Былъ уже второй часъ дня, когда они подошли къ хороводу. Съ утра день былъ жаркій и ясный, но въ полдень потянуло маленькій вѣтерокъ, и изъ-за сосѣдней горы поднялась туча. Петруша съ товарищемъ подошли къ кучкѣ парней, стоявшихъ около хоровода.

— Здорово, женихъ! привѣтствовали Петрушу насмѣшливые возгласы:—съ нарѣченной невѣстой!

Петруша сконфузился. «Неужели Оринка рассказала?» думалъ онъ. Товарищъ Петруши, ничего не слыжавшій раньше, тоже удивленно смотрѣлъ на него.

— Когда будетъ свадьба? приставали назойливо парни, довольные представившимся случаемъ посмѣяться. — Чай, ужъ и пиво сварено.

— Меня пригласи въ шафера, Петровичъ, вывернулся изъ толпы оборванный мальчишка лѣтъ двѣнадцать. — Я чудесный дружка буду: умѣю на головѣ стоять и на рукахъ ходить.

— А меня въ боаре, выискался другой изъ толпы: — я тоже на всѣ штуки гораздъ!

Петруша угрюмо молчалъ. Между тѣмъ, туча надвинулась со всѣмъ ближе и началъ накрапывать крупный дождь, угрожавшій превратиться въ ливень.

— Пойдемте въ нашу новую избу! предложила одна изъ бывшихъ въ хороводѣ дѣвушекъ.—Неужели такъ и раскодитесь изъ-за дождя, не поигравши.

Всѣ согласились и бѣгомъ направились къ новой, еще не со всѣмъ достроенной избѣ. Въ ней не было печи и рамы въ окнахъ,

что полъ и лавки уже были сдѣланы. |Изда была очень просторная, и собравшаяся публика осталась очень довольна помещеніемъ. Пригласили туда же войти парней съ гармониками и начались танцы. Петрушѣ предлагали играть на гармоникѣ, но онъ отказался и, прислонившись къ косяку, всталъ въ самыхъ дверяхъ.

— Пусти-ка насъ, милый, посторонись! сказалъ чей-то грубый голосъ сзади его, и двое молодыхъ людей въ курткахъ и шляпахъ вошли въ избу. Это были: сынъ заводскаго управляющаго и одинъ изъ служащихъ въ конторѣ.

— Гдѣ-то я тутъ Петрушку съ рудника видѣлъ? сказалъ сынъ управляющаго, высокій молодой человекъ, обращаясь къ кучкѣ музыкантовъ. — Отдайте ему новую гармонику и пусть играетъ кадрили.

— Уже мы его заставляли, да не играетъ, отвѣтили ему.

— Какъ же не играетъ! Зачѣмъ?

— Надо полагать все оттого, что жениться собрался.

— Жениться! такой то угланъ! Что за вранье! И молодой человекъ подошелъ къ Петрушѣ и жестомъ пригласилъ его играть.

— Я, Василій Алексѣичъ, играть не стану, угрюмо отвѣтилъ Петруша, упирався, такъ какъ тотъ взялъ его за рукавъ и старался оттащить отъ двери.

— Ну, полно, не артаться, уговаривалъ его Василій Алексѣичъ: — сыиграй хоть одну кадрили. Петруша началъ колебаться и уже отошелъ отъ дверей. Въ это время въ избу вошла Орина съ своей подругой и съ своимъ будущимъ женихомъ. Мальчишки снова обступили Петрушу и принялись дразнить, называя отставнымъ женихомъ. Василій Алексѣичъ отошелъ и всталъ на свое мѣсто, въ увѣренности, что Петрушка сейчасъ заиграетъ. Орина тоже помѣстилась въ число танцующихъ паръ съ своимъ женихомъ, не подалеку отъ Петруши. Увидавъ его, она весело разсмѣялась. Петрушка вдругъ почувствовалъ, что у него мурашки забѣгали по спинѣ и задрожали колѣни.

— Не буду я играть! сказалъ онъ сердито и громко, изподлобья глядя на Орину, которая разговаривала съ женихомъ, повернувшись лицомъ къ Петрушѣ.

— Ну, такъ и убирайся къ чорту! закричалъ на него управительскій сынъ и, схвативъ его за плечи, вытолкалъ за дверь. Хотя это было сдѣлано быстро, но мальчишки все-таки успѣли послать въ догонку Петрушѣ нѣсколько насмѣшекъ. Одинъ даже высвочилъ вслѣдъ за нимъ на крыльцо, врываясь и величая его женихомъ. Петруша, все время сдерживавшійся, вдругъ расслабился. Онъ схватилъ мальчишку за волосы и сбросилъ съ крыль-

га на кучу стружекъ и щепъ съ такой силой, что мальчишка даже потерялъ способность кричать. Потомъ Петрушка пустился бѣжать вдоль улицы, не обращая вниманія на крупный и частый дождь, смочившій его до нитки въ одну минуту. Задыхаясь отъ злости и горя, трясаясь, какъ въ лихорадкѣ, онъ бѣжалъ, самъ не зная куда. Улицы были пусты, но въ домахъ слышались говоръ и пѣсни. Пробѣжавъ улицу, Петруша, наконецъ, опомнился. Чтобы попасть на дорогу въ рудникъ, онъ долженъ былъ или вернуться назадъ мимо дома, изъ котораго его такъ безцеременно выгнали или пройти въ переулокъ и вернуться по другой улицѣ. Онъ предпочелъ послѣднее, и теперь ему приходилось пройти мимо дома управителя. Окна низенькаго флигеля, занимаемаго его сыномъ, были отворены настежь, хотя въ комнатахъ не было видно никого. Петруша взглянулъ въ окна какъ-то машинально, и первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, было ружье, висѣвшее на стѣнѣ передъ окномъ. Петруша вдругъ будто приросъ къ мѣсту. Потомъ подошелъ къ окну вилоть и, какъ бы укрываясь отъ дождя подъ навѣсомъ крыши, заглянулъ въ комнату—никого! Онъ перешелъ къ другому окну, въ другую комнату, и тамъ тоже никого. Прислушиваясь, онъ нѣсколько времени въ раздумьи глядѣлъ на ружье. Стѣило только отодвинуть стоявшій у окна стулъ, шагнуть въ комнату, схватить ружье, выскочить обратно и бѣжать прямо въ лѣсъ. Какъ только эта мысль выскочила въ головѣ Петруши, онъ сейчасъ же и привелъ ее въ исполненіе, и, на счастье или несчастье, совершенно благополучно. Никто ничего не видалъ и не слышалъ, и даже на встрѣчу Петрушѣ никто не попался, пока онъ бѣжалъ до лѣсу. А въ лѣсу Петруша чувствовалъ себя уже вполне безопаснымъ въ это дождливое время. Оттуда, по знакомымъ тропинкамъ, далеко обойдя рудникъ, онъ прошелъ къ глухому, давно ему извѣстному мѣсту и, бережно обсушивъ ружье и полюбовавшись имъ нѣкоторое время, спряталъ его въ дупло.

III.

Черезъ двѣ недѣли послѣ Петрова дня, была свадьба Орини. Она нѣсколько разъ пыталась завзять Петрушу къ себѣ на дѣвичникъ, но онъ упорно отказывался. Въ будни, онъ съ удивительнымъ прилежаніемъ рылъ свою гору, а праздники пропадалъ въ лѣсу. Несмотря на все желаніе употребить ружье въ дѣло, онъ еще не смѣлъ, боясь натолкнуться на когонибудь. Еслибъ еще это было простое ружье, а то двустволка. «Никто

не повѣрять, чтобы я купилъ», думалъ Петруша. Цѣлые дни и ночи ломалъ онъ голову надъ тѣмъ, какъ бы сдѣлать ружье неузнаваемымъ, и эта забота совсѣмъ вытѣснила изъ его головы мысль объ Оринѣ. Разъ онъ все-таки не утерпѣлъ, и крадучись, гдѣ ползкомъ, гдѣ какъ, пробрался съ ружьемъ въ самую глухую чащу лѣса, почти не посѣщаемую охотниками, и убилъ нѣсколько штукъ дичи, которую и продалъ въ заводѣ, отстоявшемъ отъ рудника за пятнадцать верстъ. Успѣхъ ободрилъ его, и, полагаясь на то, что всѣ тропинки въ лѣсу ему были такъ извѣстны, какъ улицы родного селенія, онъ сталъ ходить на охоту такъ часто, какъ только могъ. Выручаемыя за убитую дичь деньги онъ копилъ на ружье. Онъ прискалъ еще нѣсколько тайниковъ, гдѣ могъ прятать ружье; а для себя устроилъ изъ вѣтвей и древесной коры шалашъ, чтобы отдыхать и укрываться отъ дождя. Еслибъ было можно, онъ совсѣмъ бы поселился въ лѣсу на время охоты, но страхъ привлечь на себя вниманіе не допустилъ его до этого. Какъ только у него набралось денегъ около трехъ рублей, онъ тотчасъ-же купилъ ружье, уже давно приторгованное имъ въ томъ заводѣ, гдѣ онъ продавалъ дичь.

Но Петрушѣ долго не представлялось возможности пользоваться своей покупкой, такъ какъ наступили непрерывные осенніе дожди, сопровождаемые суровымъ, холоднымъ вѣтромъ и слякотью. Весь октябрь стояла такая погода, и только къ концу подстыло и снѣжокъ запорошилъ и грязныя улицы, и дорогу съ ея глубокими колеями, и глыбы ржаво-красной земли въ изрытой горѣ, и кучки добытой руды. Тяжелъ былъ этотъ мѣсяць для Петруши, такъ какъ у него не было теплой одежды. Хотя онъ сильно не любилъ работу въ шахтахъ, но все-таки недѣли двѣ работалъ тамъ, потому что тутъ было, по крайней мѣрѣ, тепло, и не мочилъ дождь. Но чуть запорошилъ снѣжокъ, какъ Петрушу опять потянуло въ лѣсъ и, бросивъ работу, онъ сталъ пропадать цѣлыми днями. Хотя ружье было далеко хуже того, изъ котораго Петруша привыкъ стрѣлять послѣднее время, однако, онъ предпочиталъ его, потому что съ нимъ не было надобности прятаться. Отправляясь въ лѣсъ, онъ запасался только краюхой хлѣба съ горстью соли и въ этомъ состояла вся его пища. Изрѣдка къ этому прибавлялось нѣсколько картофелинъ или луковицъ, и тогда Петруша уже считалъ свою трапезу обильной. Случалось, впрочемъ, что онъ пекъ какогонибудь рябчика или утку, которую слишкомъ сильно разнесло дробью, но это бывало рѣдко. Онъ былъ изумительно терпѣливъ, спокоенъ и выносливъ, привыкнувъ съ ранняго дѣтства ко всевозмож-

нымъ невзгодамъ и лишениямъ. Въ послѣднее время, однакожъ, у него начинало появляться смутное желаніе улучшить свое положеніе, и онъ понималъ, что этого достигъ можно только усиленнымъ трудомъ. Но вѣдь и къ труду тоже надо привыкать съ дѣтства. А его дѣтство прошло въ безтолковомъ шатаньи по улицамъ и окрестностямъ рудника, въ играхъ и дракахъ съ сверстниками. Въ заводѣ хотя и существовала школа, но въ нее попадалъ изъ десяти мальчиковъ одинъ; остальные же находили, что гору копать можно и не зная граматѣ. Петруша не попалъ въ школу, какъ потому, что самъ не имѣлъ охоты учиться, такъ и потому, что матери это какъ-то не вспало въ голову, а отца у него не было. Слабая и болѣзненная мать, получавшая отъ заводовладѣльца 1 руб. 20 коп. пенсіи, всегда и вполне подчинялась всѣмъ желаніямъ своего сына. Въ рудникѣ начинали ужъ поговаривать, что изъ Петрушки не выйдетъ проку, какъ вдругъ парень самъ взялся за умъ и, года полтора назадъ, въ одно утро применилъ къ кучѣ рабочихъ, копающихъ гору. Такъ какъ плата производилась задѣльно, а въ рабочихъ не было особеннаго избытка, то Петруша былъ принятъ безъ всякаго замедленія. Ему отвели мѣсто, дали лопату, кирку и тачку, огородили досками пространство земли, величиной въ квадратную сажень, а вышиной въ полъ-аршина, для ссыпанія добытой руды, и онъ принялся за работу.

IV.

Такъ прошла вся осень: стояла степель, время передъ Рождествомъ. Сырой теплый вѣтеръ порывисто дулъ съ горы, стоялъ и завывалъ въ лѣсу, почти задувая пару пылающихъ голловней, воткнутыхъ въ снѣжную пирамиду, возлѣ которой работалъ Петруша. Онъ принесъ себѣ огня изъ костра, разложеннаго рабочими по другую сторону того воронкообразнаго углубленія, на краю котораго онъ работалъ. Петруша сгребалъ съ большой кучи руды снѣгъ, покрывавшій ее толстымъ слоемъ, для того, чтобы вошкикамъ, которые будутъ на другой день перевозить руду, не было задержки. Самая добыча руды въ этомъ открытомъ рудникѣ по зимамъ не производилась. По случаю оттепели и сырого, осѣвшего снѣга, выгребаніе даже прежде добытой руды составляло довольно утомительную и медленную работу. Петруша сильно усталъ и, покуривши, сидя на глыбѣ, затаилъ унылую, однообразную пѣсню, напѣвъ и слова которой вполне гармонировали съ окружающей мрачной природой. Въ

пѣснѣ говорилось о томъ, что: «студена зима настала, а у молодца нѣтъ шубенки, нѣтъ тулупа, нѣтъ и теплыхъ сапоговъ, не въ чемъ къ Сашѣ въ гости побывать». Пѣсню подхватили у зостра, и вотъ она потянулась, сливаясь съ завываньемъ вѣтра. Но скоро и эти грустные звуки оборвались и умолкли, точно унесенные порывомъ вѣтра въ узкую сосѣдную лощину, гдѣ и превратились въ долгій, протяжный стонъ. Рабочіе принялись за прерванную на время работу и работали долго, пока совершенно стемнѣло, и въ селеніи появились огни. Работа была взята на подрядъ и потому они спѣшили ее окончить скорѣе. Но какъ ни спѣшили Петруша, ему все-таки пришлось отстать отъ другихъ и поработать еще нѣсколько минутъ послѣ того, какъ голода и шаги уходящихъ рабочихъ замолели въ отдаленіи. Поздно возвращался онъ къ своей старенькой, плохой избушкѣ, совершенно почерѣвшей отъ дыма лучины, гдѣ ожидалъ его скудный ужинъ. Уныло повѣсивъ голову и вскинувъ лопату на плечо, онъ тихо шелъ по улицѣ, отдавшись тоскливой думѣ о своей бѣдности. Изъ воротъ ближайшаго къ рѣкѣ дома, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Петруши, вышла женщина съ коромысломъ и ведрами и проворнымъ шагомъ направилась къ рѣкѣ. Наконецъ, женщина остановилась надъ прорубью и зацѣла.

Петруша остановился; его поразило голосъ молодой и звучный и манера пѣть. «Кто это? думалъ онъ удивленный:—наши дѣвки такъ не поютъ. Кто это? Откуда?» Въ другое время онъ подошелъ бы ближе, чтобъ рассмотреть въ лицо, но тутъ на него напалъ какой-то страхъ, и онъ молча стоялъ на мѣстѣ. Поющая женщина, должно быть, не видала его; зачерпнувъ воды, она тихо пошла къ дому, и Петруша глядѣлъ ей вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока ея фигура не слилась съ окружающимъ мракомъ. Придя домой, онъ не переставалъ думать объ этомъ необыкновенномъ явленіи весь вечеръ, стараясь сыграть на гармоніи слышанный мотивъ. «Ни у кого нѣтъ такого голоса ни здѣсь, ни въ заводѣ, думалъ про себя Петруша:—я его въ первой слышу». Даже во снѣ Петрушѣ слышался этотъ голосъ и снились какіе-то невѣроятные, непонятные сны. Первый вопросъ Петруши, когда онъ встрѣтился днемъ съ знакомымъ парнемъ, былъ такой:

— Не знаешь, кто живетъ у Конѣва?

— У Конѣва? Да никого нѣту. Сами они и живутъ.

— Нѣтъ, у него есть кто-то пріѣзжій.

— Никого пріѣзжихъ нѣту. Только Наташка пріѣхала третьёво-дня.

— Это что за Наташка?

— А его дочь, что жила у мирового въ горничныхъ.

Наступили святки, и въ первый-же день на вечеринкѣ у Груздевыхъ, устроенной оставшейся въ старшихъ сестрой Орини, Анной, Петруша увидѣлъ Наталью Конёву. Это была хорошенка-вая, блѣкучая дѣвушка съ насмѣшливыми голубыми глазами, съ нѣсколько толстыми, часто складывающимися въ пренебрежительную усмѣшку губами. По одеждѣ и манерамъ, она рѣзко отличалась отъ жительницъ рудника. Ея свѣтло-зеленое шерстяное платьѣ съ паньё и оборками ловко охватывало стройную томенькую талию. Серебряный медальонъ на красной ленточкѣ, длинными концами ниспадавшей по спинѣ, служилъ предметомъ зависти и удивленія ея сверстницъ. Въ началѣ вечера, она очень важничала и почти не выѣшивалась въ игры подругъ, сидя въ единственномъ стулѣ въ избѣ, въ позѣ скачущей барышни, и слѣдя за прибывающими въ избу кавалерами. А кавалеры, какъ нарочно, почти всѣ были изъ числа рудничныхъ рабочихъ. Ни одного скрутка, ни одного сколько нибудь заслуживающаго ея вниманія. Короткіе, изъ дешеваго драпа или трико пальто, изъ подъ которыхъ видѣлись выпущенныя сверху брюки ситцевыя рубашки, грубыя лица, красныя, большія и жесткія руки и совершенное отсутствіе галантности лакеевъ и писарей, съ которыми Наталья до сихъ поръ водила свои знакомства. Но вотъ составился кружокъ, и Наталья, обладавшая очень недурнымъ голосомъ, встала въ кругъ и присоединила свой голосъ къ хору. Петруша сидѣлъ на лавкѣ съ гармоникой, машинально подыгрывая поющимъ, и не сводилъ своихъ разгорѣвшихся глазъ съ дѣвушки, очаровавшей его своей красотой и голосомъ. Наталья вскорѣ замѣтила эти большіе, черные глаза, упорно уставленные на нее и, хотя ей понравилось красивое лицо, которому появлявшіеся усики придавали видъ возмужалости, но слишкомъ простой и даже бѣдный костюмъ Петруши заставилъ ее преррительно отвернуться отъ него. Между тѣмъ, вечеръ пошелъ веселѣе и оживленнѣе, потому что появилось двое заводскихъ франтовъ, одѣтыхъ ужъ совсѣмъ по европейски. Блестящія цѣпочки новаго золота и красивыя, съ лакированными носками штилеты производили ослѣпительный эффектъ. Но, къ сожалѣнію и тайной досадѣ Натальи, они не пригласили ее танцовать, и ей пришлось просидѣть первую кадрили. Петруша сидѣлъ, какъ на иголкахъ и, къ общему удивленію, игралъ крайне вяло. Ему вдругъ пришла охота танцовать, показать, что онъ не хуже этихъ франтовъ знаетъ фигуры кадрили, и что вообще онъ ничѣмъ не хуже ихъ, хотя и одѣтъ бѣдно. По окончаніи кадрили, онъ вручилъ свою гармонику молоденькому парню, и

присоединился къ кучкѣ танцоровъ, отиравшихъ вспотѣвшіе лбы. Слова составила кадрили, и хотя Петруша не успѣлъ пригласить Наталью, на этотъ разъ танцовавшую съ однимъ изъ франтовъ, но пригласилъ какую-то другую знаемую дѣвушку и танцовалъ съ увлеченіемъ. Большая и высокая изба Груздова, парадно освѣщенная двумя салными свѣчами, все-таки слишкомъ много поглощала свѣту, и потому въ ней царствовалъ полумракъ, но танцующіе не находили въ этомъ никакого неудобства. Кадрили быстро слѣдовали одна за другой, чередуясь съ святочными играми, и балъ кончился только въ пять часовъ утра. Петрушѣ удалось попасть въ число провожавшихъ Наталью, и дорогой онъ выказалъ все свое искусство въ игрѣ на гармоникѣ. Съ этого времени, Петруша сдѣлался однимъ изъ самыхъ пріемныхъ работниковъ. Самые старые, годами приобрѣвшіе навыкъ въ работѣ рудокопы удивлялись его неутомимости и ловкости. Такъ какъ плату рудокопы получали за взвѣстное количество добытой руды, то онъ скоро достигъ самой высокой цифры заработной платы, какую только можно было получить. Его рвеніе, веселье и бодрость сообщались и артелямъ, и онъ скоро сталъ на дружеской ногѣ со всѣми рудокопами. Всѣ свои заработки Петруша тратилъ на костюмъ и скоро одѣлся не хуже другихъ рудничныхъ франтовъ. Воскресные вечера онъ опять сталъ проводить въ домѣ Груздова, потому что тутъ всегда была Наталья, которую сердитый отецъ почти никуда не пускалъ, кромѣ Груздовыхъ, приходившихся ей родней.

V.

Такъ прошла вся зима и наступила весна, ранняя и теплая. Высыпали на улицу насидѣвшіеся за зиму въ душныхъ и тѣсныхъ избахъ ребятишки, а за ними и взрослые стали выходить посидѣть на заваленкѣ и скамеечкѣ у воротъ. Дѣвушки съ рудокопомъ и парни съ гармониками тоже стали собираться кучками и долго засиживались по вечерамъ. Въ одинъ изъ теплыхъ вечеровъ, Петруша сидѣлъ на бревнѣ напротивъ Натальи, довазывавшей чулокъ.

Между молодыми людьми за зиму установилась нѣкоторая короткость. Наталья садилась къ Петрушѣ на колѣни и разбирала и разглаживала его волнистые волосы. Она постоянно звала его Петей и Петинькой, но онъ ее всегда звалъ Натальей Васильевной. Иногда она трепала его по щекѣ или хлопала по плечу и смѣялась надъ его краской и смущеніемъ. Петруша бы-

валъ въ это время на верку блаженства и у него являлась снѣжность обнять и поцѣловать Наталью, что и ей не было неприятно. Однакожъ, дальше этого, вслѣдствіе робости Петруши и вслѣдствіе постоянного надзора за молодежью со стороны старшихъ, ихъ отношенія не заходили.

— А вѣдь у насъ весной хорошо, Наталья Васильевна, началъ Петруша.

— А что хорошаго?

— Тепло, полянка зеленеетъ, на черемухѣ листья распустились, птица прилетѣла...

— Да вѣдь теперь и вездѣ тепло. Нѣтъ, у меня и зимой, и весной все одна дума: какъ бы отсюда уѣхать!

Не разъ въ теченіи зимы Наталья жаловалась на скуку и на бѣдность отца. Живя въ горничныхъ, она привыкла къ хорошей пищѣ, привыкла пить чай. Семейство у Василья Конѣва было большое, а работниковъ только онъ одинъ; въ послѣднее время, правда, начиналъ помогать отцу двѣнадцатилѣтній сынъ, но эта помощь была еще слишкомъ ничтожна. Наталья занималась шитьемъ и вязаньемъ, но этой работой можно было заработать, какъ говорятъ, только изъ-за хлѣба на квасъ. Мать уже давно ворчала, чтобъ Наталья шла вмѣстѣ съ отцомъ въ шахту, какъ дѣлали другія рудничныя дѣвушки, но избалованной трехлѣтней хорошимъ житьемъ Натальѣ эта работа казалась и тяжелой и грязной. Она упорно отказывалась и просилась, чтобы ее отпустили опять куда нибудь на сторону въ горничныя или даже въ кухарки.

— Это у тебя одно баловство на умѣ, возражалъ ей отецъ, и не отпускалъ. Въ послѣднее время семейство его еще увеличилось вновь явившимся на свѣтъ членомъ и тягость стала еще замѣтнѣе. Мать чаще ворчала, Наталья огрызалась и упрекала и отца и мать, что, живя у нихъ, она замерла съ голоду и обносилась, и настоятельно просилась въ городъ, гдѣ давно уже жила ея тетка, неоднократно наказывавшая, чтобъ Наталья ѣхала въ городъ, что она найдетъ ей хорошее мѣсто. Отецъ молчалъ и думалъ, а мать, хотя въ душѣ и была согласна отпустить Наталью, не рѣшалась говорить, зная, что пока отецъ не надумается самъ, то не послушаетъ никакихъ резоновъ. Петруша зналъ все это и не разъ его сердце больно сжималось при мысли, что вотъ Наталья куда нибудь уѣдетъ, и онъ опять останется одинъ, какъ перстъ. При новомъ напоминаніи дѣвушки объ отъѣздѣ, Петруша повѣсилъ голову.

— И тебѣ никого не жаль здѣсь? спросилъ онъ, помолчавши и опять заглядывая Натальѣ въ глаза.

— Кого мнѣ жалѣть? Отца съ матерью жалѣть не причитается, потому они сами меня не жалѣютъ. Мать гонить въ шахту руду добывать, отецъ никуда не отпускаетъ. Самъ видѣть, что жить мнѣ здѣсь не у чего, и все не отпускаетъ.

— Ну, можетъ быть, женихъ найдется и ты выйдешь замужъ?

— За кого я выйду? Богатый не посватается, а за бѣднаго я сама не пойду, отрѣзала Наталья, и, помолчавъ прибавила:— за бѣднаго выйти — опять тоже будетъ: либо иди съ нимъ въ шахту робить, либо сиди надъ одними щами изъ крупъ.

— А знаешь что, Наталья Васильевна, не смѣло проговорилъ Петруша:—вѣдь это только такъ кажется, что въ шахтѣ тяжело робить. Я прежде самъ не любилъ, а нынѣ привыкъ и ничего. Вотъ кабы ты въ нашу артель попала, такъ я бы за тебя половину работы робилъ, а ты бы только деньги получай...

Наталья весело разсмѣялась.

— Однако, ты прокурать, Петруша! сказала она:—и ужь, какъ погляжу я, больно до дѣвочекъ-то охочь!

— Ну, это ты напрасно, Наталья Васильевна, обиженно заговорила Петруша:—это я не для всякой, а для тебя только.

Наталья оглянулась кругомъ и, снова разсмѣявшись, сказала:

— Кабы не народъ на улицѣ, поцѣловала бы я тебя... Ужъ такъ бы поцѣловала!

На другой вечеръ, когда Петруша, придѣввшись послѣ дневной работы, вышелъ изъ избы, чтобы идти къ дому Конѣва, его осликнула въ окно Анна Груздева:—Слышалъ про Наталью?

— Не слышалъ, отвѣтилъ онъ, съ безпокойствомъ взглянувъ на Анну.

— Письмо ей пришло изъ города отъ тетки: мѣсто, писать, предоставилъ.

— Можетъ, отецъ не отпуститъ, проговорилъ Петруша, упавшимъ голосомъ.

— Отпускаетъ отецъ, надумалъ ужь. Завтра хочеть билетъ выправлять въ волостномъ. Наталья ушла въ заводъ искать попутчиковъ.

Петруша повѣсилъ голову и молча пошелъ по дорогѣ въ заводъ, надѣясь встрѣтить Наталью. И точно, онъ встрѣтилъ ее почти у самаго рудника.

— Прощай, Петинька! еще издали закричала Наталья, весело прыгая съ камня на камень, чтобы какъ можно сберечь свои ботинки. Ея лицо разгорѣлось отъ ходьбы, глаза сияли удовольствіемъ. Съ невыразимымъ волненіемъ глядѣлъ Петруша на эту дѣвушку, казавшуюся ему такой несказанной красавицей. Когда Наталья подошла къ нему совсѣмъ близко, онъ вдругъ схватилъ

ее въ свои объятія и стала цѣловать ея раскраснѣвшіяся щеки и раскрывшіяся отъ испуга алія губы.

— Что ты! что ты! сначала ласково отбивалась Наталья: — съ ума ты сошелъ никакъ! Среди дороги попалъ! Пустя! И она сердито рванулась и отошла въ сторону, оправляя свой костюмъ. Петруша молча, съ виноватымъ видомъ, шелъ за ней.

— Хотя бы ты на минуточку зашла со мной въ лѣсокъ, хоть бы побаяли, простылись бы, умолялъ Петруша. Но Наталья поворно пла, не обращая на него вниманія. У воротъ она оставилась и обернулась.

— Ну, прощай, вѣдь еще увидимся, я еще дня черезъ три поѣду, сказала она съ лаской во взглядѣ и голосѣ.

Петруша молча глядѣлъ на нее, въ глазахъ у него стояли слезы.

— Охъ, паренъ, паренъ, бѣда мнѣ съ тобой! вздохнула Наталья и скрылась за воротами. Долго въ ту ночь она не могла заснуть, ей все мерещилось молодое, красивое лицо Петруши, его то горящія страстью, то ласковые и грустные глаза, его жаркіе поцѣлуи.

— И хорошо, что я ѣду, а то, пожалуй, не долго и до бѣды, усмѣхнулась про себя Наталья, укутывая себѣ плечи старой вѣточкой и стараясь заснуть поскорѣе.

Черезъ три дня, Наталья уѣхала. Петруша не пришелъ проститься, когда она отправлялась изъ дому, но уже за заводомъ онъ вдругъ вышелъ съ тропинки изъ-за кладбища съ ружьемъ за плечами и подошелъ къ подвигавшейся шагомъ телегѣ. Наталья весело прыгнула и пошла съ нимъ рядомъ. Но тщетно старалась она вовлечь Петрушу въ какой-нибудь пустой разговоръ; онъ упорно молчалъ, уныло повѣсивъ голову. Даже лицо у него за эти дни какъ будто похудѣло и осунулось. Такъ шелъ онъ верстъ шесть и, наконецъ, сказалъ глухимъ голосомъ, указывая на узенькую тропинку, ведущую въ лѣсъ:

— Мнѣ сюда надо. Прощай, Наталья Васильевна, не поминай ликомъ!

VI.

Въ день Александра Невскаго, въ заводѣ былъ храмовой праздникъ и къ вечеру, всѣ рабочіе, которые пили водку, были или пьяны или навеселѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Петруша. По отъѣздѣ Натальи, онъ сталъ заглушать виномъ чувство тоски, становившееся все сильнѣе и сильнѣе. Раньше онъ вина

почти не пробовалъ, но когда попробовалъ, то ему очень понравилось его дѣйствіе. Послѣ двухъ-трехъ ставановъ, языкъ развязывался, тяжести и горя на сердцѣ какъ не бывало, даже движенія и жесты становились живѣе и вольнѣе. Успѣхъ Петруши у женщинъ навлекъ на него вражду завистниковъ, но тѣ, которые схватывались съ нимъ одинъ на одинъ, были всегда побиваемы. Въ этотъ день, противъ Петруши составился заговоръ между самыми отчаянными кутилами, наиболѣе недовольными возрастающими успѣхами и популярностью Петруши.

— Надо ему обломать бока, говорилъ Яковъ Плотниковъ, болѣе извѣстный въ заводѣ подъ именемъ Яшки Гвоздили:—совсѣмъ завялся парень! Я говорю ему вчера: давай, молъ, завтра съ утра гулять вмѣстѣ. Нѣтъ, баеть, у меня и кромѣ васъ есть съ кѣмъ гулять. Захожу теперича къ Грушкѣ, смотрю, барышня наша передъ зеркаломъ такъ и вертится. Я полштофа на столъ: Аграфена, молъ, Егоровна, побесѣдуйте! Некогда, говорить, иду въ хороводъ играть!

— Ну, ее въ хороводъ не примутъ, заговорила слушавшая Гвоздигу молодежь.

— Принимаютъ! выскочилъ изъ толпы низенькій рябой мальчишка, всего еще лѣтъ четырнадцати.—Слышь, Петрушка сказалъ дѣвкамъ, что ежели онѣ Груньку не примутъ въ хороводъ, то онѣ и самъ не придетъ и парней не пустятъ. Онѣ для дѣвокъ теперича все равно, что начальство: что прикажетъ—все исполняютъ.

Между тѣмъ, Петрушка смѣшилъ прибаутками толпу дѣвушекъ, собравшуюся играть на полянкѣ. Вскорѣ на перекресткѣ показались Аграфена Егоровна Мурашева, запросто извѣстная подъ именемъ Груньки Мурашевы, красавица, благосклонностью которой пользовался въ послѣднее время Петрушка. Когда-то, лѣтъ шесть, семь тому назадъ, это была скромная и работающая дѣвушка, но съ ней случилось несчастье, о которомъ поется и въ пѣснѣ:

Любилъ парень дѣвушку,
Любилъ да покинулъ...

У Груни не было матери, и когда, въ виду неизбежной огласки ея любви, она повалилась въ ноги отцу, онъ, въ отвѣтъ на мольбы и слезы, схватилъ ее за косу и вытащилъ за ворота съ строгимъ наказомъ не казать ему больше безстыжихъ глазъ. Груня такъ и сдѣлала. Она нашла пріютъ у одной солдатки, пользовавшейся весьма дурной репутаціей и скоро сама прослыла за самую отчаянную въ заводѣ. Но года три тому назадъ, ея отецъ внезапно умеръ, а такъ какъ у мачихи ея не было дѣтей,

то Груня вдругъ оказалась единственной наследницей отцовскаго имущества, состоящаго изъ дома, коровы и кой-какой рухляди. Такъ же безжалостно, какъ когда-то ее выгнали, выгнала она свою мачиху и поселилась въ домъ отца. Сначала она хотѣла повести честную трудовую жизнь, но старыя пріатели и безпорядочныя привычки помѣшали осуществиться этому намѣренію. Положеніе Груни было таково, что ее каждый могъ обижать и оскорблять безнаказанно. Ея домикъ часто противъ ея желанія былъ театромъ буйствъ и дракъ, и она все сильнѣе начала сознавать надобность въ прочной защитѣ. «Хоть худъ мужичишко, да огородишко», думала Груня и тайла въ душѣ все сильнѣе и сильнѣе желаніе выйти замужъ. Когда она сошлась съ Петрушей, надежда, что онъ, какъ молодой, неопытный, не имѣющій гроша за душой парень, возьметъ ее за себя, была почти единственной причиной этого сближенія.

Смиренно опустивъ глаза, она подошла къ хороводу и низко поклонилась дѣвушкамъ, пожелавъ имъ весело играть. Аграфена была красивая темноволосая дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, и хотя лицо ея огрубѣло нѣсколько отъ прежней безпорядочной жизни, но, привнярядившись въ одно изъ своихъ лучшихъ платьевъ, накрывъ волосы пунцовымъ кашемировымъ платочкомъ, она имѣла совсѣмъ приличный видъ. Она скромно остановилась въ сторонѣ, ожидая приглашенія со стороны играющихъ, и оно не замедлило.

— Становись въ хороводъ, Аграфена Егоровна! Милости просимъ, поиграй съ нами! заговорили дѣвушки, любезно расступаясь, и Груня встала въ хороводъ.

Около играющихъ начинали собираться зрители. Бабы скоро примѣтили Аграфену и отнеслись къ ея появленію въ хороводъ со всѣмъ не такъ снисходительно, какъ дѣвушки. Однакожъ, онѣ ограничились бы, вѣроятно, толками и шушуканьемъ между собой, еслибъ къ кружку не подошла Федосья Башмакова, жена пудлинговаго мастера, суровая и грубая женщина лѣтъ сорока, извѣстная строгостью нравовъ и прамотой. Ея зоркіе глаза, внимательно оглаживавшіе наряды дѣвушекъ, не вдругъ замѣтили Аграфену, но какъ только замѣтили, такъ и полилось ея негодованіе неудержимымъ потокомъ. Сейчасъ же растолкавъ хороводъ, она вытащила оттуда свою дочь и племянницу и прогнала ихъ домой. А затѣмъ принялась стыдить остальныхъ дѣвушекъ за то, что принимаютъ въ хороводъ развратницъ и пьянчугъ. Аграфена вышла изъ толпы дѣвушекъ, и, отойдя къ сторонѣ, закрыла лицо платкомъ и заплакала. Ни одинъ голосъ не поднямался въ ея защиту, хотя въ числѣ собравшихся тутъ женщинъ в

дѣвущей было не мало такихъ, которыя были не лучше ея, но только у нихъ были отцы или мужья, прикрывавшіе ихъ грѣхи.

— Да что вы ее слушаете, красны дѣвицы? раздался, наконецъ, голосъ Петруши, который сначала опѣшилъ, какъ и всѣ.— Видите, она пьяна!

— Я-то пьяна! звонко закричала Башмачиха, прерывая Петрушу.—Ахъ ты щенокъ, молокососъ! Угланишко! Да когда ты меня пьяную видѣлъ? Хворостиной бы тебя!

— Не тебѣ ли хворостино-то эту въ руки дать? смѣясь подбоченился Петрушка:—шалишь, тетушка, руки коротки!

— Не плачь, Аграфена Егоровна, раздался чей-то грубый голосъ надъ самымъ ухомъ Аграфены.

Аграфена отняла платокъ и взглянула. Передъ ней стоялъ одинъ изъ заводскихъ рабочихъ. Это былъ ужъ не молодой человекъ, одѣтый просто въ бешметъ, изъ подъ котораго мелькала розовая ситцевая рубашка. Аграфена его почти не знала, или, лучше сказать, знала объ немъ только то, что онъ вдовъ и живетъ гдѣ-то за рѣкой съ своей замужней дочерью.

— Какъ мнѣ не плакать? вздохнула она:—заступитесь за меня некому. Всякій, кому охота, меня облаетъ среди улицы.

И, снова заплакавъ, она пошла домой.

— А ты плути! снова посоветовалъ Аграфенѣ ея новый знакомый, идя съ ней рядомъ.—Ты не гляди на то, что я сѣрый, да не умытый. Мы, хотя и мужики, а также люди и понимать можемъ. Ты на рожу мнѣ не смотри, а въ душу мнѣ загляни...

Аграфена съ недоумѣніемъ взглянула на своего спутника, и, встрѣтивъ пристально устремленный на нея взглядъ карихъ глазъ, почувствовала какую-то странную тревогу. Гдѣ-то далеко въ глубинѣ этихъ глазъ свѣтилось теплое человѣческое чувство... Аграфена опустила голову и вздохнула. Они подошли къ ея дому.

— Если дозволишь, я зайду къ тебѣ, Аграфена Егоровна, сказалъ мужикъ, останавливаясь у воротъ:— мнѣ съ тобой бы поговорить нужно.

— Милости просимъ, сказала Аграфена, отворяя ворота.

VII.

Наступила тихая безлунная ночь; только звѣзды ярко горѣли на темносинемъ небѣ. Улицы затихали; кое-гдѣ только слышались шаги запоздавшихъ пѣшеходовъ, да звуки гармоньки. Но въ большей части домовъ было шумно и весело, а въ нѣкото-

*

рыхъ не только шумно, но и буйно. Къ числу послѣднихъ въ бывшее время принадлежалъ и домъ Аграфены, но въ этотъ вечеръ въ немъ была тишина, удивлявшая всѣхъ, проходившихъ по улицѣ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что, судя по силуэту широкой мужской спины, рисовавшемуся въ освѣщенномъ окнѣ, можно было заключить, что у Аграфены гости.

Да, у ней былъ гость, все тотъ же проводившій ее съ гулянья рабочий. Онъ сидѣлъ за столомъ, передъ нимъ стоялъ штофъ съ водкой и пирогъ съ рыбой. По другую сторону, сидѣла Аграфена, облокотившись на столъ обѣими руками. Ея лицо было одного цвѣта съ тѣмъ яркочернымъ платкомъ, который она сняла съ головы по приходѣ домой и повѣсила на гвоздь возлѣ зеркала, и теперь ея черныя глянцевитыя косы были покрыты только сѣткой изъ черныхъ нитокъ. Передъ ней, на обрубѣ дерева, замѣнявшемъ стулъ, сидѣла старушка-нищенка, жившая у Аграфены ради Христа. Она держала въ рукѣ кусокъ пирога и медленно ѣла его, осторожно выбирая рыбы кости. Шло сватовство. Когда именно явилось у Федота Васильевича (такъ звали мужика) желаніе посватать Аграфену, опредѣлить трудно, но теперь онъ убѣждалъ, что эта дума у него давно на умѣ, и краснорѣчиво убѣждалъ Аграфену поскорѣй ударить по рукамъ.

— Вотъ баушка и руки разоиметь, говорилъ онъ:—а потомъ, благословясь, и за свадебку. Совѣтоваться у тебя не съ кѣмъ: ни отца, ни матери, и у меня никого, окромѣ дочери, а дочь отцу не указчица. Я считаю себя такъ, что я одинъ, какъ перстъ, и ты одна. Думать тебѣ тоже много нечего: я передъ тобой весь на лицо. Я не пьяница, хоть, конечно, испиваю по праздникамъ.

— Кто нынѣ не пьетъ-то, прошамкала старуха:—не то надо спрашивать, кто пьетъ, а то, каковъ во хмѣлю живетъ.

Аграфена молча подняла потупленные глаза и, поглядѣвъ на старуху, медленно перевела ихъ на лицо жениха.

— Я во хмѣлю смирный, заговорилъ тотъ послѣшно:—ни сволъ не буянивь. Въ этомъ будь безъ сумленья; не то, что драться, не избраню николѣ.

— И корить меня не будешь, что была не честная? выговорила Аграфена какимъ-то глухимъ голосомъ, точно насильно выдавливая его изъ гортани и не отвоя своего пристального взгляда отъ лица жениха.

— Что ты, Аграфена Егоровна? Николѣ не укорю, беру зазнамо.

— Все ли ты знаешь? снова заговорила Аграфена такъ же медленно и глухо.—Гульная я была, самая отгѣтая во всемъ

заводѣ, по улицамъ съ парнями въ объѣмку ходила пьяная, распьяная...

Федотъ Васильевичъ хотѣлъ что-то говорить, но Аграфена положила къ нему на плечо руку, требуя молчанія и продолжала:

— Въ ту пору, какъ я своего дитя скоронила, у меня сердце стало словно камень. Не стало во мнѣ ни стыда, ни жалости, ни совѣсти...

— Да что ты со дна-то у себя выворачиваешь? перебила старуха нищеника, вдругъ вставъ съ мѣста и заговоривъ съ неожиданной силой.— Ты Богу кайся, а не людямъ. Люди и всѣ не безъ грѣха.

— Извѣстно, не безъ грѣха, снова поспѣшно заговорилъ Федотъ Васильевичъ.— И ты это напрасно, Аграфена Егоровна, себя обносишь. Мало ли что бывало! Ты забудь и не поминай, и я не поману. И Федотъ Васильичъ перекрестился широкимъ крестомъ.— Будемъ жить въ законѣ, будемъ законъ блюсти.

Рука Аграфены тяжело упала на столъ; она задумалась, уставивъ глаза въ пустое пространство, и ничего не отвѣчала.

— Не думай ты, не думай! и не сокрушайся понапрасну, опять заговорилъ Федотъ Васильичъ, стараясь заглянуть ей въ глаза:— а говори прямо, коли есть у тебя охота за меня идти. Говори.

— Не тронь ты ея, сказала старуха, отходя отъ стола и садясь на голбчикъ:— пусть она эту думу одумаетъ.

— Да, что думать-то? что? Не сумлевайся ты ни въ чемъ и не думай ничего; эхъ-ма! Федотъ Васильичъ глубоко вздохнулъ и замолчалъ, истощивъ все свое краснорѣчье. Помолчавъ, онъ налилъ въ стоудіе передъ нимъ и Аграфеной рюмки водки и сказалъ:— Ну, такъ по рукамъ, что ли, Аграфена Егоровна? Вотъ и запили бы.

— Запивать-то твоимъ надо, отвѣтила Аграфена, выходя изъ задумчивости и берясь за налитую рюмку.

— Такъ что-жь? коли прикажешь, такъ я сейчасъ, заговорилъ Федотъ Васильичъ, вставая.

— Нѣтъ, нѣтъ, остановила его Аграфена:— ты со своимъ то пожалуй завтра, да и свата съ собой приведи. Тогда и по рукамъ ударимъ, коли хочешь, при свидѣтеляхъ.

— Ну, и на томъ спасибо, обрадовался Федотъ Васильичъ.— Я мастера своего, съ которымъ роблю у одной печи, приведу.

Порѣшивши на этомъ, Федотъ Васильичъ и Аграфена разстались, выпивши еще на прощанье. Проводивъ гостя, Аграфена заперла на жердь ворота, и, возвратившись въ избу, поспѣшно

стация съ себя свое нарядное платье и сѣтку и, бросивъ на лавку, легла спать. Отъ выпитаго вина, слезъ и волнений, пережитыхъ за день, у нея сильно болѣла голова. Старуха нищенка подошла и стала бережно складывать нарядъ Аграфены.

— Ничего не пускай, бабушка, если кто застучается, сказала ей Аграфена, подымая голову съ подушки.—Да погаси огонь-то скорѣе.

Сложивъ платье, старуха убрала остатки пирога и водки въ шкапъ и задула свѣчу. Въ это самое время на улицѣ раздался протяжный молодецкій свистъ. Аграфена вздрогнула, и снова приподнявъ голову, проговорила:

— Не сказывай меня, бабушка, дома.

— Не повѣрять, отрывисто прошептала старуха, принимая лицомъ къ стеклу.

Свистъ повторился ближе, почти подъ самыми окнами. Въ тоже самое время раздался топотъ и крики бѣгущихъ людей.

— Бей его, ребята! валяй его, мошенника!

— Никакъ Петрушку бьютъ! проговорила старуха какимъ-то свистающимъ тономъ, тщетно стараясь разглядѣть что нибудь въ массѣ барахтающихся по срединѣ улицы людей. Аграфена вскочила съ постели и припала лицомъ къ другому окну. Ея зоркіе глаза сейчасъ различили высокую фигуру Петрушки, храбро отбивавшагося отъ сыпавшихся на него ударовъ. Дрались кулаками. Нанося здоровые удары направо и налево, Петрушка старался приблизиться къ воротамъ Аграфены, рассчитывая проскользнуть въ нихъ и запереть ихъ за собой. Но когда онъ, наконецъ, прислонился къ нимъ и, продолжая отмахиваться лѣвой рукой, правой нажалъ щеколду, ворота оказались запертыми. Ворота были новыя, жердь крѣпкая.

— Грушка, отвори! громко крикнулъ Петрушка, прижавшись спиной къ воротамъ. Его позиція теперь была хороша и нападающіе остановились, ожидая, что ворота отворятся и готовясь ринуться слѣдомъ за Петрушкой. Но ворота не отворялись. Между тѣмъ шла крупная перебранка; потерпѣвшіе отъ Петрушки подзадоривали другихъ, Петрушку разбирало зло, что его не впускаютъ. Въ рукахъ одного изъ нападающихъ появилась здоровая палка.

Петрушка прыгалъ и уворачивался отъ ударовъ съ изумительной ловкостью, но все-таки ему досталось порядкомъ и, сваливъ сильнѣйшимъ ударомъ кулака въ глазъ своего главнаго противника Гвоздегу, онъ пустился бѣжать. За нимъ не погнался никто, потому что съ противоположной стороны приближались полицейскіе. Начинало рассвѣтать.

VIII.

Что это за странныя завыванія! точно протяжные стоны какого-то громаднаго чудовища. Рудометовъ, ходившій съ ружьемъ по лѣсу, быстро поднялъ голову, и сталъ прислушиваться.

Увы! это тревога на Угольномъ, тотъ потрясающій нервы свистокъ, которымъ даютъ знать, что случилось несчастье. Рудометовъ, что было силы въ ногахъ, пустился бѣжать по узенькой тропицкѣ, сквозь частый лѣсъ, къ каменноугольнымъ косямъ. Когда онъ приближалъ на мѣсто работъ, то, по клубамъ густого чорнаго дыма, валившаго изъ шахты, служившей для вентиляціи воздуха, понялъ, что въ косяхъ произошелъ пожаръ. Еще утромъ онъ слышалъ запахъ дыма съ этой стороны, но, предположивъ, что это нанесло вѣтромъ съ завода, не обратилъ вниманія. Онъ миновалъ шахту съ лѣстницами, по которымъ спускались рабочіе въ копи, и быстро пробѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась другая шахта, черезъ которую поднимали добытый уголь; около нея стояла кучка рабочихъ.

— Рудометовъ! обратились къ нему изъ толпы:—тебя Петръ Петровичъ спрашивалъ.

— Гдѣ онъ?

— Въ работахъ.

— Спустите меня, братцы, сказалъ Рудометовъ, вскакивая въ вагонъ, колеблющійся на канатѣ надъ отверстіемъ шахты, и дергая звонокъ.

Его спустили. Въ томъ широкомъ и высокомъ корридорѣ, въ который спустился Рудометовъ, воздухъ былъ еще хорошъ, дымомъ почти не пахло, и онъ побѣжалъ въ ту сторону, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ быть пожаръ. Заторопившись, онъ не взялъ съ собой фонаря, и быстро бѣжалъ впередъ, пока не слышалъ бѣгущихъ къ нему навстрѣчу и громко разговаривающихъ людей. Они тоже были безъ фонаря, и Рудометовъ, по голосу, узналъ между ними смотрителя.

— Петръ Петровичъ? окликнулъ онъ, когда они уже почти столкнулись.

— Рудометовъ, это ты? Гдѣ ты пропадалъ? Вели принести фонарей, да распорядись, чтобъ какъ можно скорѣе спускали сюда досокъ, надо закрывать входъ въ новые штреки тамъ горитъ. Распорядись еще, чтобъ добывали и подкатывали песку засыпать входы.

— А заливать не будемъ, Петръ Петровичъ?

— Заливать невозможно! И смотритель завернул въ другой корридоръ, въ которомъ мерцали фонари въ рукахъ у бѣгущихъ людей.

— Ну, что? спросилъ у нихъ смотритель.

— Да тамъ пройти нельзя, дыму натянуло.

— Такъ вы и не дошли до конца?

— Не дошли.

— Такъ какъ же быть-то, ребята? вѣдь нужно узнать, горятъ ли и въ той сторонѣ, или только, вслѣдствіе тяги воздуха, дымъ туда набрался.

— Нельзя узнать-то! нельзя пройти туда, заговорили рабочіе, почесывая головы.

Въ это время подошли нѣсколько человѣкъ рабочихъ съ тачками земли, другіе тащили бревна и доски для задѣлыванія входовъ. Рабочіе сказали смотрителю, что пріѣхалъ управляющій и страшно ругается.

— Чѣмъ ругаться-то, сюда бы шелъ, сказалъ смотритель. — Скажите ему, что я его сюда зову.

— Они не пойдутъ, Петръ Петровичъ; на лѣстницѣ дымъ, а въ вагонѣ они спускаться и въ добрую пору боится. Они насъ къ себѣ требуютъ.

Смотритель крѣпко выругался.

— Неудоволь, скажи управляющему, что мнѣ являться къ нему некогда и чтобъ посылалъ людей сюда, рабочихъ мало у насъ, а ты, Рудометовъ, присматривай за рабочими; мало лѣсу, такъ выламывайте крѣпежи изъ корридоровъ. Да землю засыпайте толще! Егоръ, поидемъ, братъ, со мной!

И, взявъ фонарь изъ рукъ рабочаго, смотритель быстро зашагалъ, углубляясь въ тотъ корридоръ, изъ котораго вернулись рабочіе, не успѣвшіе проникнуть въ глубь его, за дымомъ. Рудометовъ принялся за работу съ такой ловкостью и находчивостью, что можно было подумать, что дѣло тушенія пожаровъ въ копяхъ ему давно знакомо. Онъ распорядился толково и разумно и такъ усердно помогалъ рабочимъ, что скоро одинъ изъ входовъ былъ наглухо задѣланъ досками и засыпанъ землей. Но изъ другого вдругъ пошелъ густой дымъ, и рабочіе, не окончивъ дѣла и въ половину, бросились бѣжать къ выходу изъ копей.

— Черти! куда вы? закричалъ Рудометовъ, бросаясь вслѣдъ за ними:—вѣдь если мы этой дыры не задѣлаемъ, то и прежняя наша работа совсѣмъ пропадетъ!

Но народъ не слушалъ и продолжалъ убѣгать: одни по направленію къ лѣстницамъ, другіе—къ угледожденной шахтѣ.

— Намъ задыхаться-то не изъ-за чего! кричали ему.— Ты изъ-за рюмки водки стараешься, а намъ и того не будешь!

Въ вагонъ разомъ вскочило нѣсколько человѣкъ и дернули звонокъ.

— Пошлите вмѣсто себя свѣжаго народу, закричалъ имъ вслѣдъ Рудометовъ:— скажите управляющему, что свѣжій народъ сюда нужен!

— Ладно, пошлемъ! отвѣтили ему.

— Вернемтесь, братцы! предложилъ Рудометовъ оставшимся, схватываясь за брошенную тачку съ землей:— здѣсь мы немножко отдышались, можно опять за работу приняться. Айда, за мной!

И онъ покатилъ тачку. Человѣка три послѣдовали за нимъ. Потомъ къ нимъ присоединились еще тѣ, которыхъ управляющій прислалъ съ верху, но скоро и эти отказались работать въ душливомъ дымѣ и снова были замѣнены свѣжими. Пока происходила смѣна рабочихъ, Рудометовъ сидѣлъ внизу подъ шахтой и пилъ воду прямо изъ ведра. Водой же облилъ онъ свою стаямѣвшую голову и, захвативъ руками виски, въ которые стучало, точно молотками, тяжело дышалъ. Онъ снова вернулся съ свѣжимъ народомъ къ мѣсту работы, и не оставилъ, пока она не была окончена.

— Ну, теперь скорѣе долой! закричалъ одинъ изъ рабочихъ, бросая пустую тачку:— я, братъ, такъ угорѣлъ, что хуже всякой бани! Рабочіе заспѣшили къ выходу.

— А гдѣ Петръ Петровичъ? спросилъ у нихъ Рудометовъ.

— Его наверху нѣтъ, отвѣтили ему.

— Можетъ, онъ вышелъ по лѣстницамъ, предположилъ кто-то.

— Къ лѣстницамъ онъ долженъ былъ пройти мимо насъ, сообразилъ Рудометовъ, останавливаясь:— онъ, братцы, ушелъ вотъ сюда съ Лапнымъ и не возвращался. Еслибы они воротились, мы бы видѣли ихъ; да Петръ Петровичъ и не прошелъ бы мимо нашихъ работъ, не сказавши намъ ни слова. Пойдемте, ребята, поищемте ихъ, грѣхъ намъ будетъ оставить ихъ тамъ! Можетъ, они задохлись отъ дыму.

Двое изъ рабочихъ согласились вернуться, вдохнули въ себя сравнительно свѣжаго воздуха, засвѣтили фонари и вошли въ указанный Рудометовымъ корридоръ. Чѣмъ далѣе подвигались они, тѣмъ душливѣе и гуще становился дымъ, наполнявшій его. Дышать становилось все труднѣе; жгучія слезы застилали глаза.

— Вернемтесь, ребята, силъ нѣтъ идти дальше, прохрипѣлъ одинъ изъ рабочихъ, останавливаясь.

— Подвинемся еще немного, только до новаго штрека, убѣж-

далъ Рудометовъ, схвативъ остановившагося за руку и таща его за собой. Молча проишли еще нѣсколько саженъ. Вдругъ они спотынулись о какое то лежащее поперекъ дороги тѣло и всѣ разомъ остановились. Освѣтили его фонарями: это оказался Ланинъ. Фонарь, выпавшій изъ его рукъ, лежалъ тутъ же.

— Подымайте его и тащите. Да пошлите мнѣ на подмогу свѣжихъ людей, я пошщу Петра Петровича, онъ, вѣрно, тутъ не далеко. И онъ пошелъ еще впередъ, свѣта фонаремъ передъ собой. Рабочіе же, сопровождавшіе Рудометова, подхвативъ Ланина подъ мышки, волокли его за собой такъ поспѣшно, какъ только позволяли изнуренныя силы. А Рудометовъ все шелъ, пристально оглядывая землю. Онъ нѣсколько разъ пробовалъ закричать, позвать, но изъ гортани выходилъ только хриплый шопотъ. Наконецъ, при входѣ въ самый дальній штрекъ, онъ различилъ какую-то лежащую темную массу.

«Это онъ», подумалъ Рудометовъ, ускоряя шаги. Когда онъ нагнулся, чтобъ посмотрѣть въ лицо лежащему на землѣ зрителю, онъ вдругъ почувствовалъ, что голова у него сдѣлалась страшно тяжела, и чуть не упалъ на него. Онъ поспѣшно выпрямился и попытался втянуть въ себя сколько возможно болѣе воздуха. Въ гортани у него саднило отъ дыму, во рту было страшно горько. Затѣмъ, повѣсивъ фонарь на гвоздь, вбитый при входѣ въ штрекъ, онъ быстро нагнулся, поднялъ зрителя и, взваливъ его себѣ на плечи, хотѣлъ снять фонарь съ гвоздя, но фонарь вдругъ уклонился отъ его руки; онъ хотѣлъ схватить его другой рукой и тоже не могъ. Ему показалось, что фонарь чуть мерцаетъ гдѣ-то вдали, что его будто кто-то уноситъ. Рудометовъ крѣпче обхватилъ свѣсившіяся у него съ плечъ руки зрителя и пошелъ, сгибался подъ тяжестью его тѣла, оставивъ фонарь. Онъ не боялся заблудиться, но боялся, что ему измѣнятся силы; онъ чувствовалъ, что колѣни у него дрожатъ и подгибаются, что воздуху совсѣмъ не стаетъ, что голова становится все тяжелѣе и тяжелѣе, а сознание начинаетъ его оставлять. И все-таки онъ шелъ, шелъ, спотыкаясь на каждомъ шагѣ и шатаясь, какъ пьяный. Дорога казалась ему страшно длинной.

«Не вытаскить мнѣ его, мольбало у него въ головѣ. — Неужели они не пошлютъ мнѣ на подмогу? ежели не пошлютъ — мы погибли». Это была послѣдняя мысль; затѣмъ, точно стукнулъ кто его по головѣ, и онъ упалъ безъ памяти, впрѣдъ, однако, уже болѣе половины дороги.

Но подмогу послали. Рабочіе скоро нашли ихъ тутъ, и безчувственныхъ, посадивши въ вагонъ, подняли на поверхность земли. Когда Рудометовъ открылъ глаза, онъ лежалъ на землѣ

и ясное небо ласково сіяло надъ нимъ своей серебристой весенней синевой. Онъ поднялъ голову и оглядѣлся. Бучка людей, съ фельдшеромъ во главѣ, суетились около лежащаго не подалеку отъ него смотрителя. Фельдшеръ пускалъ ему кровь.

Черезъ три недѣли послѣ этого происшествія, Рудометова и тѣхъ двухъ рабочихъ, что пошли съ нимъ отыскивать смотрителя, позвали въ контору и вручили имъ двадцать рублей награды отъ заводовладѣльца за спасеніе жизни смотрителя, а также и за усердіе, выказанное ими при тушеніи пожара въ каменноугольныхъ копяхъ. Деньги, разумѣется, были тутъ же раздѣлены поровну, но такъ какъ никто на эти деньги не рассчитывалъ, то онѣ и не пошли никому въ прокъ, а были пропиты.

IX.

На перекресткѣ, гдѣ дорога съ угольныхъ копей выходила на дорогу въ заводъ, на кучѣ угольнаго мусора, которымъ усыпалась дорога вмѣсто щебня, сидѣлъ Рудометовъ и курилъ. Это было уже въ концѣ лѣта. Онъ сильно измѣнился, возмужалъ, сталъ шире въ плечахъ, а темный шелковистый пухъ на подбородкѣ превратился въ густую курчавую бороду. Только выраженіе лица и самое лицо измѣнилось не къ лучшему; оно стало злѣе и грубѣе. Бѣлки глазъ были красноваты, вѣки припухли; видно было, что спиртные напитки употреблялись имъ въ изобиліи. Одежда Рудометова была грязная и рваная, но это, впрочемъ, могло служить и признакомъ бережливости, такъ какъ хорошую одежду въ рабочее время никто не надѣваетъ. Но Рудометовъ былъ въ этотъ день не на работѣ. Валяющіяся возлѣ него ружье и пара утокъ показывали, что онъ возвращается съ охоты. Небольшая собака, съ виду похожая на лисицу, сидѣла у его ногъ. Рудометовъ глядѣлъ на дорогу, усиливаясь распознать показавшихся вдаль двухъ пѣшеходовъ. У одного изъ нихъ былъ берестяной кузовъ за плечами и набирушка въ рукахъ.

«Это вѣрно по грибамъ ходилъ кто-нибудь, думалъ Рудометовъ, пристально вглядываясь въ пѣшеходовъ:—а вотъ другой-то кто? Эге! да это никакъ Конѣвъ! воскликнулъ онъ поспѣшно вставая, и, оставивъ Лису—такъ звали собаку—стеречь ружье и утокъ, пошелъ къ путникамъ навстрѣчу.

— Конѣвъ! Василій Федотычъ! да ты откуда? крикнулъ Рудометовъ, подходя къ пѣшеходамъ и протягивая Конѣву руку.—Я и не зналъ, что тебя дома нѣту.

— Вотъ какъ! Да ты развѣ не ходишь на рудники?

— Рѣдко хожу: почитай, что три недѣли не былъ. А тебѣ куда Богъ носилъ?

— Далече. Какъ была ильинская поводи, я сплылъ на караванѣ до Камы, а тамъ на пароходъ, да и въ городъ. Наташку захотѣлъ провѣдать. А что, свать, не посидимъ ли здѣсь на кучѣ, не отдохнемъ ли? обратился Конёвъ къ своему спутнику.

— Пожалуй, согласился спутникъ Конёва.

Это былъ одинъ изъ заводскихъ рабочихъ, Севастьянъ Пестеревъ, старикъ уже лѣтъ шестидесяти. Выраженіе его морщинистаго лица и мутно-сѣрыхъ глазъ было печальное и озабоченное. Онъ бережно снялъ съ плечь кузовъ съ грибами и, осторожно опустивъ его на землю, сѣлъ и самъ возлѣ него.

— Ишь вѣдь онъ ихъ наколупалъ! сказалъ Конёвъ, заглядывая въ кузовъ и присаживаясь на кучу мусору. — Ну ко, Петрованъ, угости табачкомъ-то.

Рудометовъ поспѣшилъ вытащить свой кисеть съ табакомъ. Набивъ трубку Конёва, онъ предложилъ покурить и его спутнику, но тотъ отказался.

— Не занимаюсь этимъ, сказалъ онъ: — съ молоду не навикъ, а теперь, подъ старость, надо старыя грѣхи замаливать, а не то что новыя заводить.

— А у тебя видно грѣховъ много, свать? разсмѣялся Конёвъ, попыхивая изъ своей коротенькой трубочки. Старикъ вздохнулъ.

— У кого ихъ нѣтъ-то? сказалъ онъ грустно: — всѣ грѣшны, да только не всѣ одинаково платятся за грѣхи. Иной нагрѣшить столько, что и сказать страсть, а живетъ сполагоря. А иной и Бога боится, и совѣсть имѣеть, а бѣды да напасти не оберется. Вотъ хошь бы я теперича, что на своемъ вѣку натерпѣлся, а послѣдняя бѣда, кажись, всѣхъ горше.

— Да что съ тобой случилось? что за бѣда? спросилъ Конёвъ, выколачивая докуренную трубку.

— Надъ дѣвкой у меня насмѣялся какой-то лихой человекъ, тихо, не подымая головы, сказалъ Пестеревъ.

— Надъ какой дѣвкой? удивился Конёвъ.

— Одна у меня полуумненькая Дашка осталась. Кои были дѣти умныя, тѣмъ Господь вѣку не далъ. А эта вотъ на грѣхъ живетъ.

— Такъ неужто надъ ней, надъ полуумной-то? ужаснулся Конёвъ, привставъ съ мѣста. — Да какой это такой варваръ, не христь нашелся. Вы бы попытали ее: можетъ, скажетъ. Вѣдь его, подлеца, за это засудятъ.

— Чтѣ она можетъ сказать? Она правой руки отъ лѣвой отличить не умѣетъ.

— Какъ же узнали-то? вѣдь сама же, чай, сказала?

— Узнали-то мы ужь безо времяя. Узнали, потому что на виду дѣло стало, вотъ и узнали.

Конёвъ въ ужасѣ хлопалъ руками.

— Охъ, грѣхъ великій, грѣхъ тяжкій! И какой только отпѣ-
тый этого грѣха не побоялся! говорилъ онъ, качая головой. —
Да какъ же вы не досмотрѣли за дѣвкой? накинулся онъ на ста-
рика. — Что сватья глядѣла? Вѣдь это ея дѣло. Вѣдь вы ее въ
свѣтъ пустили, вы и должны за нея Богу отвѣтъ держать.

— Ужь я корилъ свою бабу, сказалъ старикъ уныло: — да что
въ томъ пользы. Вѣдь надо и то сказать, что дѣло наше оди-
новое, и работа тоже... никакъ нельзя и усмотрѣть.

— Да она у васъ, почитай, что безъ всякаго призора шата-
лась по заводу и по лѣсу, упрекнулъ Конёвъ старика.

— Это точно, что ходила вездѣ, согласился старикъ: — на одно
у ней и толкъ былъ — ягоды собирать.

— Запирать бы ее, на запорѣ бы держать надо, сказалъ
Конёвъ.

— Воетъ на запорѣ-то, словно собака на цѣпи. Да опять же
она вѣдь была смирная, никому вреда не дѣлала. Ну, мы и не
страшились.

— Что-жь ты теперь будешь дѣлать, свать?

— А что дѣлать? ничего теперь не подѣлаешь! Не знаю, что
и дѣлать, развелъ руками старикъ.

— Въ волостное-то, по крайней мѣрѣ, заявилъ-ли?

— Ходилъ къ старшинѣ. Спрашиваетъ, не имѣешь ли подо-
зрѣнія на кого? а что я скажу? Ничего я не примѣчалъ, ни-
чего не видалъ, никакого ни на кого подозрѣнія не имѣю.

— А она что? говоритъ же чтонибудь?

— Дашка? ничего не сказываетъ. Ужь мать сколь пытала, и
добромъ уговаривала, и била; либо молчитъ, либо околесную уч-
ветъ городить. Ничего толку не добьешься. А по пустякамъ какъ
станешь говорить?

— Извѣстно, по пустякамъ нельзя. За такое дѣло человѣка
вѣдь въ Сибирь угонять, сказалъ Конёвъ и, кряхтя, поднялся съ
мѣста. Всталъ и старикъ, и молча повѣсилъ себѣ за плечи ку-
зовъ съ грибами. Въстѣ съ ними собрался и Рудометовъ.

— Поди-ко и ребенокъ-отъ у ней будетъ полуумный, говорилъ
Конёвъ дорогой какъ бы про себя и потомъ прибавилъ, обраща-
ясь къ Рудометову: — Ты вѣдь по лѣсу-то часто шатаешься, поди,
видалъ ее?

— Видать, какъ не видалъ, особливо по тѣ годы, когда я въ

рудникѣ жить. Тамъ вѣдь кругомъ по угорамъ земляника—ну, тамъ и видалъ. А этотъ годъ я въ той сторонѣ разу не бывалъ.

— А крѣпко бы надо это дѣло довѣдать и злодѣя примѣрно наказати! горячился Конѣвъ дорогой.

Въ заводѣ спутники разстались, и Рудометовъ направился къ своей избѣ. Когда онъ проходилъ мимо Груздевыхъ, его окликнулъ въ окно малолѣтній сынниша Груздева.

— Ты куда, Петрованъ?

— Домой, старуху хочю провѣдать.

— Да ты развѣ не знаешь? вѣдь ее дома нѣту!

— А гдѣ она?

— На заводѣ, увезли къ раскодчику въ няньки. А у васъ въ избѣ потолокъ провалился.

— Врешь?

— Ну, вотъ! чего врать, то! сказываю, рухнулъ совсѣтъ; какъ еще баушку Богъ спасъ. Она въ это время у насъ сидѣла...

Рудометовъ съ минуту молча постоялъ среди улицы, потомъ подошелъ къ избѣ и заглянулъ въ окно, изъ котораго вывалились послѣднія стекла. Тамъ царствовало полнѣйшее разрушеніе: потолокъ рухнулъ, печная труба тоже пала, груды земли и кирпичи лежали на полу вмѣстѣ съ осколками горшковъ и чашекъ, свалившихся съ полки; полуотворенная дверь, прижатая осѣвшей стѣной, не двигалась. На порогѣ сидѣла старая безухая кошка, и ея блестящіе глаза пристально устремились на Рудометова. Онъ вздрогнулъ и быстро отошелъ отъ окна.

— Иди къ намъ ночевать, Петрованъ! раздался голосъ самой Груздики. Рудометовъ подошелъ къ крыльцу и, поздоровавшись, отвязалъ и подалъ Груздикѣ пару болтавшихся у его носка утокъ.

— На что ты это? не надо! отговаривалась Груздика, отстраняя рукой подарокъ.

— Ну, да не кобеняся, а бери да жарь, сказалъ Груздевъ, выглядывая изъ дверей. Онъ только что возвратился съ работи и снималъ съ себя свою грязную одежду. Затѣмъ всѣ вошли въ избу, гдѣ ужъ былъ накрытъ столъ для ужина и слышалось тихое жужжаніе мухъ, густо усаживавшихся на ночь по темнымъ стѣнамъ избы, Груздика зажгла лучинку и, воткнувъ ее въ свѣтлецъ, подала на столъ чашку дымящихся щей изъ крупъ, приправленныхъ лукомъ и сметаной.

— Что-жь ты теперь съ избой-то станешь дѣлать? спросилъ Груздевъ у Рудометова, когда щи были съѣдены.

— Да что съ ней дѣлать, на дрова иврубить надо, отвѣтилъ онъ угрюмо.

— Отдай мнѣ. Я когда отъ простой поры, разберу ее и испилю на дрова съ парнишкой; а онъ переколетъ и складеть въ поленницы.

— Что-жь, возьми. Мнѣ на что? Дома у меня нѣтъ теперь и топить нечего.

И Рудометовъ подавилъ вырывающійся вздохъ. Онъ остался почевать у Груздевыхъ, и, подсунувъ подъ голову брошенную ему Груздихой гуно, пытался заснуть, растянувшись на лавкѣ въ сѣняхъ. Онъ чувствовалъ усталость и какую-то слабость въ тѣлѣ и думалъ, что вскорѣ уснетъ; но уснуть не могъ. Мѣшало чувство гнетущей тоски и все чаще и чаще закипавшая въ немъ какая-то непредѣльная горечь. Ему казалось, что кѣмъ-то онъ тяжело обиженъ, и, глядя бессонными глазами въ непроглядный сумракъ ночи, онъ невольно сжималъ кулаки.

Рано утромъ, онъ ушелъ отъ Груздева и, спускаясь съ крыльца, даже не взглянулъ на свою старую полуразрушившуюся избу. Онъ долженъ былъ въ это утро явиться въ Угольное къ смотрителю, гдѣ подрядился крѣпить шахту, за что ужъ и взялъ небольшой задатокъ. Работники, съ которыми Рудометовъ брался выполнить эту работу, были давно найдены, и обѣщали прійти въ этотъ день на Угольное, но такъ какъ Рудометову приходилось идти мимо ихъ домовъ, то онъ и зашелъ къ одному изъ нихъ. Тутъ его задержали просьбой подождать, когда поспѣетъ горячій завтракъ, а, въ ожиданіи завтрака, товарищъ предложилъ сходить въ кабакъ. Гостепримныя двери кабака уже были открыты, несмотря на раннее утро. Выдался хорошій, ясный день; въ воздухѣ попахивало осеннимъ холодомъ, и, хотя солнце поднялось высоко, но обильная ночная роса еще лежала на кустахъ крапивы, густо разросшейся подъ окнами кабака, въ которомъ такъ и застралъ Рудометовъ съ товарищами. Часовъ около одиннадцати, отъ зашедшихъ въ кабакъ мужиковъ Рудометовъ узналъ, что ночью пріѣхалъ владѣлецъ завода, Волжинскій, что онъ пробирается на Асьву для охоты и что ему требуется нѣсколько человѣкъ въ провозатне.

— Плату даетъ по рублю въ день, присовокупили рассказывающіе мужики.

— Иду! крикнулъ Рудометовъ, схватываясь съ мѣста. Онъ былъ порядочно навеселѣ.

— А какъ же наша работа? остановили его товарищи по работѣ.

— Работа отъ насъ не убѣжить. Петръ Петровичъ меня позождеть, сказалъ Рудометовъ, и, не слушая возраженій товарищей, опасавшихся, чтобъ смотритель не разсердился и не отдалъ

работы кому-нибудь другому, убѣжалъ по направленію къ господскому дому.

Часа чрезъ два, Рудометовъ выѣзжалъ въ качествѣ путевода-теля во главѣ отряда охотниковъ, состоящаго человѣкъ изъ десяти. Всѣ ѣхали верхомъ. У мужиковъ, сопровождавшихъ охотниковъ, которыхъ было четверо, позади сѣделъ были привязаны тюби съ походной палаткой, походной кухней, походной кроватью и ящики съ ружьями и рыболовными принадлежностями. Но Рудометовъ ошибся въ расчетѣ. Ему не обошлось даромъ удовольствіе поглядѣть, какъ господа охотятся. Смотритель разсердился на него за неавву и на другой же день отдалъ работу другимъ рабочимъ. А Волжинскій и его спутники, располагавшіе провести на Асьѣ около недѣли и заняться геологическими изслѣдованіями ея береговъ, удовольствовались двумя днями, и даже не распаковывали всѣхъ ящиковъ съ ружьями и рыболовными снарядами. Съ досады и отъ бездѣлья Рудометовъ запыльствовалъ, и на этотъ разъ пьянствовалъ долго. Къ концу грязной и ненастной осени, у него ничего не осталось изъ одежды, все было пропито и пережаложено, кромѣ рабочей гунны и полушубка.

X.

Однажды, Рудометовъ проходилъ мимо дома Севастьяна Пестерева, какъ другъ изъ воротъ выскочила дѣвушка, босая, простоволосая, въ одной рубашкѣ и юнкѣ, и бросилась къ нему на шею. Рудометовъ остановился, удивленный и испуганный, и пытался оторвать ее отъ себя. Но дѣвушка, цѣпкая, какъ кошка, повисла на немъ и держалась крѣпко. Это была полуумная дочь Пестерева, которая, съ мѣсяцъ тому назадъ, родила живого и здороваго ребенка. Приняла ли она Рудометова за своего соблазнителя, или ею руководили вновь проснувшіеся инстинкты, но Рудометовъ скоро понялъ, что значать ея дикія ласки и безсвязный лепетъ, и въ ужасѣ пытался освободиться отъ нея.

— Что! вѣрно попался, сударикъ! раздалось около Рудометова. Проходившая мимо старуха Башмачиха остановилась передъ нимъ и глядѣла на него съ гнѣвомъ и укоромъ.—Эго видно ты, разбойникъ, надъ ней надругался? Грызи его, Дашка! души его за горло, душегуба, разбойника!

Въ это же время на улицу вышла мать Дарьи съ корытцемъ на плечахъ. Это была уже не молодая, но еще бодрая и крѣпкая женщина невысокаго роста. Съ виду она была значительно

моложе своего мужа, хотя пережитое горе, а также мелкія житейскія нужды наложили и на нее свой суровый отпечатокъ. Ея сѣрые глаза сначала съ недоумѣніемъ остановились на представившейся сценѣ, но когда она сообразила, въ чемъ дѣло, то бросила ведра, и, съ крикомъ подбѣжавъ къ Рудометову, пыталась схватить его за волосы, и затѣмъ принялась колотить его по спинѣ и осыпать укворизнами и проклятіями.

— Извергъ ты! Нехристь проклятый! кричала она, задыхаясь отъ гнѣва. Ошеломленный обрушившейся на него бѣдой, Рудометовъ пытался оправдываться и возражать, но его ужъ не слушали. Наконецъ, ему удалось оторвать удѣвившія его за шею руки и оттолкнуть отъ себя полуумную, но тогда въ него выплилась мать и требовала, чтобы онъ сію же минуту шелъ съ ней въ волостное правленіе.

— Не пойду я, тетка, не зачѣмъ мнѣ идти! отбивался Рудометовъ.

— Если ты не виноватъ, съ чего же она на тебя накинулась?.. Ходилъ же народъ мимо, да ни на кого не кидалась!

— Видеть Богъ, тетка, я не виноватъ! Вѣдь она у васъ полуумная, никому неизвѣстно, что у ней на умѣ. Видишь, опять она на меня лѣзетъ, держи ты ее ради Бога! вскричалъ Рудометовъ и рванулся было чтобы убѣжать. Но разъяренныя женщины такъ и закоченѣли, удѣвившись въ него.

— Нѣтъ, ворогъ мой лютой, ступай со мной въ волостное! Жива не буду, ежели я тебя выпущу! хрипѣла Пестериха, таща Рудометова за собой.

— Да изволь, я согласенъ и въ волостное идти! только, видать Богъ, не повиненъ я въ этомъ дѣлѣ! Хоть сейчасъ подь присягу, не повиненъ.

— Хорошо, подь присягу, такъ подь присягу: пойдемъ къ попу.

— Изволь, мнѣ все одно. Только ты напрасно его потревожишь; всѣ знаютъ, что я въ заводѣ рѣдко и бываю.

— Какъ не рѣдко! изъ кабаковъ, почитай, не выходишь. Только и слышно, что Рудометовъ тамъ пьянствовалъ, да въ другомъ мѣстѣ буянилъ. Извѣстенъ всему заводу!

— Покайся лучше, повинись, прими ребенка на свое попеченіе, усовѣщевали его собравшіяся женщины, всей толпой подвигаясь въ дому священника.

— Ни въ чемъ я не виноватъ и не въ чемъ мнѣ виниться, угрюмо отбивался Рудометовъ.

— Вотъ вы подлецы каковы, надругатели! Подумай ка ты, куда же старика то съ ея ребенкомъ дѣнутся.

— И все-таки я тутъ не причемъ!

— Подыми икону на голову и поклонись, коли это дѣло не твое, предложила одна изъ женщинъ.

— Изволь, хотъ сейчасъ, согласился Рудометовъ.

— Да развѣ онъ Бога боится? Развѣ есть у него совѣсть? возразила Башмачиха, сопровождавшая Рудометова вмѣстѣ съ другими.— Ты, Силантьевна, лучше тащи его въ волостное. Что ему попъ? Ты спроси-ко, бывалъ ли онъ когда въ церква? Тащи его въ волостное.

— Ну, въ волостное я съ вами не пойду, подумалъ Рудометовъ, начинавшій терять терпѣніе и глубоко пристыженный и разсерженный всей этой сценой. Онъ чувствовалъ, что Пестерика держать его за рукавъ уже не такъ крѣпко, какъ въ началѣ, и потому, рванувшись изо всей силы, высочилъ изъ толпы женщинъ и бросился бѣжать. Силантьевна хотѣла было кинуться за нимъ, но Башмачиха удержала ее.

— Гдѣ тебѣ его догнать! ты иди своимъ порядкомъ въ волостное и жалуйся. Насъ, свидѣтелей, много, мы всѣ засвидѣтельствуемъ. Что нужды, что онъ убѣжалъ, начальство достанетъ.

Потолковавъ еще, женщины разошлись, а Силантьевна вернулась домой, порѣшивъ прежде посоветоваться съ своимъ старикомъ, который ужъ скоро долженъ былъ вернуться съ работы, такъ какъ начинало смеркаться. Но прійдя домой, она узнала отъ сосѣдки, что Дарья вырвалась изъ рукъ и убѣжала черезъ огородъ въ другую улицу.

— Да вѣдь она босая и въ одной юбкѣ! Вотъ бѣда моя! сокрушалась Силантьевна:— не знаю, что и сдѣлалось съ дѣвкой? Смирная была, коша и не съ умомъ, а слушалась, а теперъ вотъ...

— Я хотѣла за ней бѣжать, да побоялась ребенка одного оставить. А ты не сокрушайся, можетъ, намерзнется, такъ сама придетъ, утѣшала сосѣдка Силантьевну.

— Да вѣдь и пропасти-то на нее нѣту, плакала Силантьевна:— живеть на грѣхъ. Прости ты меня, Господи! говорятъ грѣхъ изъ бывать-то, а какъ ты утерпишь?

Пока онѣ сидѣли и сѣтовали, Дарью чуть не на рукахъ притащилъ мужикъ изъ другой улицы. Ея посинѣвшія руки были связаны зушакомъ, она билась и конвульсивно подергивалась.

— Возьмите ее, зачѣмъ пускать на улицу? закричалъ мужикъ, пихнувъ Дарью на лавку.— Ишь она совѣтъ помѣшалась! Паскочила на меня, челуху городить, срамъ слушать. Онъ плюнулъ и, снявъ шапку, отеръ свой вспотѣвшій лобъ. Силантьевна стала извиняться, плачась и жалуясь на свое несчастіе. Она началъ

развязывать Дарьѣ руки, чтобы возвратить 'принесшему ее мужику опояску, но какъ только узелъ ослабъ, Дарья вырвала руки и принялась бить и царапать мать. Ее снова связали и положили на голбчикъ.

— Заприте ее куда нибудь, посоветовалъ мужикъ, уходя.

— Куда ее запрешь? Въ голбцѣ студено, въ чуланъ—и того студенѣе. Да что только это съ ней сдѣлалось? что сдѣлалось? дивилась Пестериха. Пришелъ Пестеровъ съ работы и, былъ крайне удивленъ и огорченъ всѣмъ случившимся. Онъ почему-то полсжительно не вѣрилъ въ виновность Рудометова и не совѣтовалъ женѣ ходить жаловаться.

— Только волокита одна. И сама ты ей не рада будешь, а что съ него возьмешь? говорилъ Пестеревъ, и помолчавъ, прибавилъ, какъ будто про себя:—ежели это и его дѣло, то не таковой онъ человѣкъ, чтобы повиниться, свидѣтелей никакихъ не имѣемъ.

Пестериха долго не соглашалась съ мужемъ, спорила и убѣждала его жаловаться, даже ходила потихоньку отъ него къ старшинѣ, но, не найдя и тамъ поддержки, сходила въ церковь и, оставивъ за своего вѣрога свѣчку, зажженную съ нижняго конца, успокоилась.

XI.

Разъ, возвращаясь съ охоты, Рудометовъ пробирался лѣсомъ къ тайнику, гдѣ онъ пряталъ двустволку. Онъ держалъ ее въ рукахъ, и выйдя на берегъ пруда, остановился въ раздумьи, видя ли ему лѣсомъ или берегомъ. Идя лѣсомъ, онъ могъ быть увѣренъ, что ни съ кѣмъ не встрѣтится, тогда какъ на тропинкѣ, пролегающей по краю берега и выводящей на мостикъ, устроенный вверху пруда, иногда попадались люди. Короткій осенній день клонился къ вечеру; порошилъ снѣжокъ. Рудометовъ оглядѣлся и прислушался; было тихо и пустынно, и онъ спокойно пошелъ по береговой тропинкѣ. Когда онъ свернулъ съ тропинки на мостикъ, ему показалось, что на той сторонѣ что-то хрустнуло. Рудометовъ насторожилъ уши, пытаясь разглядѣть что-нибудь сквозь окружающую бѣлесоватую мглу, но ничего не было видно. Когда же онъ сошелъ съ мостика и проходилъ то мѣсто, гдѣ скрещивались нѣсколько тропинокъ, то почти носъ къ носу столкнулся съ Васильемъ Алексѣичемъ, который тоже возвращался съ охоты. Рудометовъ въ испугѣ шархнулъ въ сторону

и прижалъ ружье къ боку. Но это движеніе не помогло; Василій Алексѣичъ сейчасъ же узналъ свою двустволку.

— Стой! покажи ружье! закричалъ онъ, наступая на Рудометова.

— Не покажу, отвѣтилъ Рудометовъ, отступая къ мосту.

— Какъ не покажешь! это мое ружье. Сказано: подавай его сейчасъ!

— Было твое, было и мое, а теперь будетъ ничье, сказалъ Рудометовъ, и разгнѣвшись бросилъ его дуломъ впередъ въ прудъ. Ружье пробило тонкій, еще не успѣвшій окрѣпнуть ледъ и скрылось подъ водой.

— Ахъ ты, подлецъ! крикнулъ въ бѣшеной злобѣ Василій Алексѣичъ, схватывая Рудометова за воротъ. — Пстой! я тебя не выпущу! И Василій Алексѣичъ пытался стащить Рудометова съ мостика, но тотъ былъ на сторожѣ и держался крѣпко. Съ одной стороны мостика, состоящаго изъ двухъ широкихъ плахъ, положенныхъ на поставленныхъ въ водѣ козлахъ, были перильца, съ другой не было. Слегка откинувшись къ перильцамъ, выставивъ впередъ правую ногу, Рудометовъ въ свою очередь ухватился за Василя Алексѣича. Они стояли другъ противъ друга, оба одинаково высокіе, одинаково сильные; оба уважаемые охотничьими приважденностями и убитой птицей и смотрѣли другъ другу въ глаза. Василій Алексѣичъ былъ страшно золъ, Рудометовъ былъ спокоенъ.

— Ежели я полечу съ моста, такъ полечу не одинъ, сказалъ ему Рудометовъ.

Подъ мостомъ было не глубоко, но перспектива выкупаться въ холодной водѣ Василю Алексѣичу не понравилась.

— Хорошо, сказалъ онъ: — а завтра со старшиной и съ иными вытащу его изъ воды.

— Ну, что-жь, види! а теперь ступай своей дорогой, Василій Алексѣичъ.

— Изволь, разойдемся. Только ты и не думай, что я тебѣ это спущу! Я упеку тебя туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ! грозился Василій Алексѣичъ, выпуская Рудометова. Тотъ слегка встряхнулся и отошелъ далѣе на мостъ. Василій Алексѣичъ, пославъ ему вслѣдъ нѣсколько крѣпкихъ словъ, пошелъ по лѣвому берегу пруда, пробираясь къ заводу. Проводивъ его глазами, Рудометовъ другой тропинкой тоже пошелъ въ заводъ.

Въ послѣднее время, у Рудометова завелась тамъ интрижка совсѣмъ особеннаго свойства: интрижка съ замужней женщиной. Женщина эта, до знакомства съ Рудометовымъ, вела вполне порядочную жизнь и, сходясь съ нимъ, поставила непрѣмнымъ

условіемъ полнѣйшее сохраненіе тайны. Поэтому, Рудометовъ ходилъ къ ней съ большими предосторожностями, выбирая самыя темныя ночи, когда мужу ея приходилось работать. Сегодняшняя ночь обѣщала быть темной, Рудометовъ зналъ, что мужа не будетъ дома, и предположилъ навѣстить свою сударку. Часовъ до девяти вечера онъ просидѣлъ у одной знакомой женщины, занимавшейся продажей хлѣба, браги и квасу, а по секрету торговавшей иногда и водкой, и пивомъ. Когда Рудометовъ собрался уходить, хозяйка у него спросила: придетъ ли онъ ночевать? Рудометовъ отвѣтилъ, что если не ночуетъ тамъ, куда ему нужно сходить, то придетъ ночевать къ нимъ. Затѣмъ онъ ушелъ и, возвратившись незадолго до разсвѣта, забрался на полати и проспалъ чуть не до обѣда. Злѣдшіе передъ обѣдомъ рабочіе сообщили взволновавшую и удивившую всѣхъ въ заводѣ новость, состоящую въ томъ, что въ эту ночь ограбили надзирателя пудлинговой фабрики. Рабочіе не любили надзирателя за придирчивость и наущничество, и потому къ его бѣдѣ относились безъ всякаго сочувствія, даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Но смѣлость и ловкость, съ которыми совершенно былъ грабежъ, удивляли всѣхъ. Дѣло было такъ: часовъ около десяти вечера, у запертыхъ уже дверей надзирателя кто-то постучался. На вопросъ кухарки, отвѣчали, что пришелъ рабочій и желаетъ видѣть надзирателя по крайне нужному дѣлу. Когда же кухарка отвѣтила, что надзирателя нѣтъ дома, то тотъ же голосъ сталъ просить ее сказать смотрительшѣ, что пришелъ мужичекъ съ Вильвы, принесъ рябовъ, и что ему непремѣнно нужно увидать если не самого смотрителя, то хоть его жену. Жена смотрителя, ничего не подозрѣвая, велѣла отворить и впустить мужика съ рябами. Но, вмѣсто одного, вошло четверо рабочихъ съ вымазанными сажей лицами, съ наглобученными на глаза шапками. Кухарка въ испугѣ закричала и хотѣла бѣжать въ комнаты, но ее поймали, связали руки, заткнули ротъ платкомъ и спустили въ голбець. Таже участь постигла и жену смотрителя. Затѣмъ пробрались въ спальню, и тамъ, разломавъ, съ помощью кухоннаго ножа, шкатулку, вынули изъ нея около ста пятидесяти рублей денегъ и ушли, не тронувъ болѣе ничего. Въ той же шкатулкѣ лежало нѣсколько серій, но серіи остались нетронутыми, потому ли, что воры не знали, что это деньги, или побоались, что съ такими необыкновенными деньгами можно попасться.

Въ тотъ же день, во всѣхъ кабакахъ произведены были строгіе допросы, а затѣмъ были спрошены и торгующіе пивомъ и брагой женщины; въ число ихъ попала и хозяйка того дома, гдѣ ночевалъ Рудометовъ. Она показала, что у ней не было ни

вечеромъ ни ночью никого, кромѣ Рудометова. А на Рудометова въ тотъ день жаловался старшинѣ Василій Алексѣичъ, и потому, какъ только услышали его имя, тотчасъ же подробно разспросили, когда онъ пришелъ, что дѣлалъ и много ли пилъ? И узнали, что онъ пришелъ въ сумеркахъ, выпилъ только буракъ браги и затѣмъ, часовъ около девяти, куда-то уходилъ и пришелъ домой ужъ не задолго до свѣту. Все это, разумѣется, было принято къ свѣденію, и Рудометова арестовали.

ХІІ.

Началось слѣдствіе. Оно состояло, главнѣйшимъ образомъ, изъ допросовъ пострадавшихъ женщинъ и Рудометова. Противъ него была одна, но зато очень вѣская улика, а именно то, что онъ отказался сказать, гдѣ онъ провелъ тѣ часы ночи, когда былъ произведенъ грабежъ. Онъ, впрочемъ, сказалъ, что провелъ ихъ у своей сударки, но положительно отказался назвать ее. Тщетно слѣдователь угovarивалъ его сказать имя женщины, представляя ему, что онъ вредитъ себѣ своей скромностью; Рудометовъ не согласился.

— Не хорошо, ваше благородіе, срамить дѣвку; я ей Богомъ заклинался, что скорѣе умру, а ея не выдамъ. А только я въ этомъ дѣлѣ нисколько не виноватъ и кѣмъ дѣло сдѣлано, не знаю, говорилъ Рудометовъ слѣдователю.

Въ пользу Рудометова было показаніе кухарки надзирателя, увѣрившей, что между ворвавшимися къ нимъ четырьмя ворами не было ни одного такого високаго, какъ Рудометовъ. Въ его пользу служило еще и то, что онъ никогда не работалъ въ пудлинговой и, слѣдовательно, не имѣлъ никакихъ личностей съ надзирателемъ, а кухарка показала, что, спуская совершенно растерявшуюся, почти обезумѣвшую отъ страха жену надзирателя въ голбець, воры говорили: «Ну, счастливъ твой мужъ, что мы его не застали дома: онъ бы отъ насъ такъ дешево не отдѣлался, мы на него давно зубы грыземъ». Денегъ у Рудометова нашли только нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ. Слѣдователь освободилъ его по недостатку улики, поручивъ однако полиціи надзоръ за нимъ, а также и за всѣми подозрительными лицами. Но такъ какъ въ средѣ рабочихъ на пудлинговой фабрикѣ не было ни одного, который когда-нибудь бы надзирателю отплатить за всѣ его каверзы, то и приходилось подозрѣвать или всѣхъ, или никого. Время шло, дѣло не выяснялось и никакихъ слѣдовъ преступленія не открывалось.

Жалоба Васи́лїа Алексѣича тоже въ началѣ не имѣла никакого успѣха, но тутъ Рудометову справиться было уже труднѣе. Не успѣвши доканать своего врага формальнымъ порядкомъ, Васи́лій Алексѣичъ уговорилъ старшину и мірской сходъ постановить приговоръ о ссыльѣ Рудометова въ Сибирь, какъ чело-вѣка опаснаго и порочнаго.

Вечеромъ, отъ возвратившихся со скода мужиковъ Рудометовъ, работавшій въ это время въ каменноугольныхъ копахъ, узналъ, что его рѣшено сослать, и вѣсть эта поразила его, какъ громъ. Онъ не могъ уснуть всю ночь. «Какъ въ Сибирь? За что? Я никого не убилъ, никого не ограбилъ, никому не сдѣлалъ вреда— и вдругъ меня въ Сибирь!» думалъ Рудометовъ, ворочаясь съ боку на бокъ. Чуть только разсвѣло, какъ онъ ужъ шелъ въ заводъ, мысленно перечисляя всѣ свои провинности передъ волостнымъ начальствомъ. А провинностей за нимъ накопилось много: онъ былъ неисправнымъ плательщикомъ, кромѣ того, былъ всегда скоръ на грубый отвѣтъ, на насмѣшку. Результатъ этихъ объясненій оказался такой: въ тотъ же день Рудометовъ былъ взятъ подъ арестъ, а за тѣмъ вскорѣ отправленъ въ городской острогъ.

Прошла зима. Наступила и прошла весна, и уже въ концѣ мая, распечатывая и пробѣгая только что полученныя съ почты бумаги, волостной писарь сообщилъ старшинѣ, что приговоръ о Рудометовѣ нашли составленнымъ не по установленной закономъ формѣ и потому не утвердили. Что объ этомъ уже объявлено Рудометову, и онъ выпущенъ на волю.

— Значить, теперь онъ опять къ намъ припожалуетъ? сказалъ старшина, почесывая голову.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, по дорогѣ въ заводъ, слабыми невѣрными шагами тащилась высокая сторбленная фигура, опираясь на суковатую палку. Попадавшіеся на встрѣчу пристально всматривались въ эту фигуру, въ блѣдное, испитое лицо съ провалившимися щеками и заострившимся носомъ, и удивленно всплескивали руками.

— Господи! восклицали они:—да это никакъ Рудометовъ!

Да, это былъ Рудометовъ. Не дойдя съ версту до завода, онъ присѣлъ на камень на краю дороги, чтобъ отдохнуть отъ усталости и волненія, охватившаго его при видѣ родимыхъ горъ. Его глаза съ невыразимымъ наслажденіемъ покоились на ихъ знакомыхъ очертаніяхъ, а больная грудь, такъ долго дышавшая вонючимъ воздухомъ увѣднаго острога, жадно впитывала живительный влажный воздухъ.

«Дома я, на свободѣ», думалъ Рудометовъ, и радостныя слезы

закипали у него на глазахъ. Отдохнувши и нѣсколько оправившись отъ волненія, онъ продолжалъ свой путь. Прийдя въ заводъ, Рудометовъ прежде всего зашелъ въ волостное правленіе. Какъ разъ въ этотъ день вечеромъ назначенъ былъ мірской сходъ, и старшина, хотя и непріязненно встрѣтившій Рудометова, велѣлъ ему прийти на сходъ и просить общество простить старыя грѣхи и снова принять его въ свою среду.

— Хорошо, Григорій Терентьичъ, я міру поклонюсь; только ужъ и ты заступи за меня, просилъ Рудометовъ:—я теперича буду совсѣмъ другой человѣкъ.

— Ладно, ладно! мнѣ что! а, пожалуй... Я вѣдь на тебя зла не имѣю, говорилъ старшина, тронутый болѣзненной переменной въ наружности Рудометова.

Выйдя изъ волостного, Рудометовъ остановился, въ недоумѣніи: куда идти? На рудникъ къ Коневу, или Груздеву, такъ до рудника еще три версты, а онъ ужъ и такъ усталъ. Вотъ еслибъ онъ зналъ, гдѣ мать живетъ, пошелъ бы къ ней.

— Эге! да это никакъ Рудометовъ! раздалось около него, и передъ нимъ остановилась фигура фабричнаго рабочаго, одного изъ старыхъ пріятелей Рудометова, прозывавшагося Косымъ. Свѣозъ толстый слой сажи, покрывавшій его молодое лицо, проглядывалъ здоровый румянецъ, а пара добрыхъ глазъ разглядывала Рудометова съ участіемъ и сожалѣніемъ.—Ты, братъ, не изъ могли ли вышеть? али нездоровъ?

— Тюрма—все одно, что могла, отвѣтилъ Рудометовъ:—а ты, скажи-ко мнѣ, другъ, не знаешь ли, гдѣ моя мать живетъ?

— Умерла она, сказалъ Косой, почему-то вдругъ понизивъ голосъ и не глядя на Рудометова:—тебѣ долгій вѣкъ оставила.

Рудометовъ онѣмѣлъ. Ему часто приходило въ голову, что мать его стара и можетъ умереть, но вѣсть о ея смерти все-таки была для него совсѣмъ неожиданна. Онъ тихо отошелъ къ воротамъ, возлѣ которыхъ была устроена лавочка, сѣлъ на нее и, облокотившись руками на колѣни, склонилъ на нихъ свою голову. Косой подошелъ къ нему.

— Ты, братъ, не горюй, старуха вѣдь была. Пора ужъ и на покой. Ты лучше о себѣ подумай. Да пойдѣмъ-ка ко мнѣ, прибавилъ онъ, точно что вспомнивъ:—у меня баба сегодня баню топала...

Но Рудометовъ отказался.

— Я лучше посижу здѣсь до схода; старшина велѣлъ мнѣ явиться на сходъ. А потомъ ужъ уйду на рудникъ. И, снова опустивъ голову на руки, онъ просидѣлъ тутъ до вечера.

Когда міръ узналъ о возвращеніи Рудометова, то неудоволь-

ствіе его было направлено не на Рудометова, а на писаря и преимущественно на старшину, противъ котораго, къ предстоящимъ осенью выборамъ, составлялась многочисленная оппозиція.

— Это значить, говорили мужики:—мы только напрасно истратились на прогоны, да на содержаніе его въ острогъ. Старшина и писарь должны бы знать законы, и коли Рудометовъ не подходилъ подъ нихъ, такъ не надо было его и ссылатъ.

Рудометову сдѣлали нѣсколько строгихъ внушеній насчетъ его будущаго поведенія и постановили принять его въ общество снова и имѣть подъ надзоромъ. Съ своей стороны, Рудометовъ далъ обѣщаніе, что будетъ впередъ вести себя лучше и исправно уплачивать все, что съ него причитается мірскихъ сборовъ.

Рудометовъ поклонился и тихо побрелъ на рудникъ. Онъ вспомнилъ, что не взялъ съ Груздева ни гроша за старую избу, и теперь рассчитывалъ пожить у нихъ съ недѣлю. Подходя къ дому Груздева, онъ взглянулъ на то мѣсто, гдѣ стояла его изба: тамъ лежала только небольшая кучка разбитыхъ кирпичей, и шуршала кусты молодой крапивы.

XIII.

Стоить жаркій іюльскій день. Въ раскаленномъ воздухѣ томительная тишина. Тишина и въ заводѣ. Фабрики умолкли, ихъ черныя трубы не посылаютъ въ небо обычныхъ клубовъ дыма, даже дому, незнающую ни отдыха, ни праздниковъ круглый годъ, выдули и остудили. Населеніе въ заводѣ тоже точно вымерло. Большая часть его на покосахъ, а оставшіеся дома спятъ тяжелымъ послѣобѣденнымъ сномъ. Улицы пусты; не видать даже ребятишекъ, этихъ шумливыхъ и неутомимѣйшихъ ея обитателей. Но особенно тихо, пусто и скучно въ большомъ зданіи заводской больницы. Больныхъ мало: ихъ много бываетъ осенью, зимой и весной, когда въ заводъ собирается много посторонняго народа. Въ одной изъ палатъ, вмѣщающей около двадцати кроватей, ихъ всего два человѣка. Они помѣстились въ разныхъ углахъ, и, судя по громкому дыханію, можно подумать, что оба спятъ. Но нѣтъ, тотъ, который скорѣе сидитъ, чѣмъ лежитъ, прислонившись спиной къ цѣлой горѣ больничныхъ подушекъ, набитыхъ мочалками, не спитъ. Его большіе темные глаза, кажущіеся еще больше отъ синеватыхъ круговъ подъ ними, открыты и пристально устремлены куда-то въ даль. Судя по огню, которымъ они загараются порой, по напряженному выраженію мертвенно блѣднаго лица, можно заключить, что больной о чемъ-

то думаетъ. Его руки не лежатъ спокойно: онъ то закладываетъ ихъ на голову, то вытягиваетъ вдоль тѣла, то кладетъ на грудь, тяжело волнуемую хриплымъ, свистящимъ дыханіемъ.

Это—Рудометовъ; онъ, какъ видите, не отдышался на волѣ. О чемъ онъ думаетъ, одиноко бодрствуя въ этой огромной комнатѣ, уставленной кроватями? Онъ мечтаетъ и, должно, быть мечтаетъ о чемъ-нибудь хорошемъ. Но иногда, по временамъ, его брови нахмуриваются, въ глазахъ отражается тяжелая душевная мука и тогда его руки еще тревожнѣе раскидываются по подушкамъ; онъ точно силится оттолкнуть мрачныя воспоминанія, прерывающія мечты и вызывающія душевную боль. Онъ слегка трясетъ головой, примѣчая, что его мысли путаются, дѣлаютъ усиліе и настраиваетъ ихъ снова на прежній ладъ.

«Да, я сдѣлаю это, сдѣлаю непременно, думаетъ, почти шепчетъ Рудометовъ, хлопнувъ рукой о подушку.—Вотъ только поправлюсь и тотчасъ примусь за работу. Годъ проработаю на Угольномъ, заработаю денегъ и буду проситься въ лѣсники. Эта должность по мнѣ. Отчего только раньше мнѣ объ ней въ голову не входило? да, молодъ былъ, не приняли бы. А теперь мнѣ довѣрить можно; водки не пью и пить не буду. Я женюсь на простой, самой бѣдной невѣстѣ и чтобы безъ родства; придется ей жить со мной въ лѣсу, такъ чтобы по роднѣ не тосковала. А въ лѣсу жить лучше, чѣмъ на людяхъ, грѣха меньше. Вотъ смотритель въ Троицкомъ совсѣмъ въ лѣсу живетъ, отъ завода верстѣ сорокъ будетъ, и ничего, живетъ, мѣсяца по два и въ заводъ не ѣздитъ. А онъ вѣдь все же не нашему брату чета, образованный; постоянно газеты читаетъ. Безпремѣнно и я грамотѣ доучусь и отъ простой поры по зимамъ стану хоть старыя газеты читать. У того же Петра Петровича выпрошу; у него ихъ что въ кабинетѣ разбросано! Да я такъ думаю, что и безъ газетъ тоска не возьметъ. Вѣдь я въ лѣсу, почитай, что каждую лѣсинку знаю. И всѣ мѣста кругомъ. Ахъ, что за веселыя есть мѣста въ той сторонѣ!» И Рудометовъ киваетъ головой въ ту сторону, о которой думаетъ, а глаза у него вспыхиваютъ огнемъ.

«Вотъ мнѣ бы такое мѣсто, какъ у трехъ ключей, гдѣ живетъ Мизгирь». Но тутъ у Рудометова не находится словъ и онъ продолжаетъ думать образами. Вызванное силой воспоминанія «веселое мѣсто» встаетъ передъ его умственнымъ взоромъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Вытекая изъ высокой горы, одинъ за другимъ, сливаются три ключа и, образуя по каменистому склону нѣсколько небольшихъ водопадовъ, теряются въ густой чащѣ прибрежнаго кустарника и высокыхъ, почти въ ростъ человека папоротниковъ. Немного пониже того мѣста, гдѣ берутъ

ключи свое начало, на широкой террасѣ пріютился бревенчатый домикъ лѣсника. Въ окна этого домика цѣлый день свѣтитъ солнце, а видъ изъ нихъ простирается на нѣсколько десятковъ верстъ. Далеко на полдень, сливаясь съ горизонтомъ, раскинулись луга, покрытые богатой растительностью и кое гдѣ испещренные группами прибрежныхъ кустарниковъ. По лугамъ, то пропадая въ кустахъ, то сверкая и блестя, какъ серебро, на открытыхъ мѣстахъ, змѣей извилась Асва. А какъ тамъ хорошо въ половодье, когда по лугамъ разольется вода и только кой-гдѣ видѣются зеленые островки! Какъ звучно и весело журчатъ ручьи и рожучуть водопады, какая чудная музыка раздается въ вышинѣхъ надъ долиной! И сколько всякой птицы щебечеть въ кустахъ! Рудометовъ всегда безошибочно узнаеть ихъ всѣхъ по голосамъ. А за домомъ лѣснаго стѣной стоятъ лохматые сѣрые ели; онѣ идутъ все выше и выше, точно хотятъ зацѣпить вершинами за облака. Въ ихъ густой чащѣ такъ хорошо, прохладно, почти сыро; такіе густые зеленые мхи одѣваютъ сѣрые камни, разбѣянные по лѣсу. Да, хорошо бы въ такой жаркій день укрыться въ этомъ лѣсу, посидѣть на обросшемъ мхомъ камнѣ, подышать живительнымъ, влажнымъ воздухомъ. Только этой весной, задыхаясь въ тюрьмѣ, биткомъ набитой арестантами, когда больная грудь Рудометова точно разрывалась отъ кашля, онъ вполне оцѣнилъ этотъ благодатный, вольный воздухъ лѣсовъ. Тамъ же въ острогѣ, глядя на грязныя стѣны, на почернѣвшій низкій, точно придавившій его потолокъ, онъ вспомнилъ привольную ширь луговъ, и озера, и болотинки на нихъ, и тѣ безчисленныя лѣсныя тропинки въ горахъ, точно уходящія въ небо. Какъ сильно колотилось его сердце при одномъ воспоминаніи объ этой суровой, пустынной и дикой, для всякаго заѣзжаго человѣка, сторонѣ и полной такого невыразимаго очарованія для него. Какъ страстно тосковалъ онъ по ней! какими горькими слезами обливалъ онъ изголовье! Эти ѣдкія слезы выжгли глубокая борозды на его щекахъ. И теперь, при одномъ воспоминаніи о тюрьмѣ, его пробираетъ дрожь.

«Нѣтъ, больше я не попаду туда! думаетъ Рудометовъ, энергично встряхивая головой.—Встѣ только поправиться бы мнѣ, только бы силы набратъся! Грудь у меня ужъ не болитъ, только кашель, да хрипота остались. А, главное, силушки, силушки нѣту! Еще осенью я всѣхъ въ заводѣ сильнѣе былъ, двое на одного шли, да и то не могли одолѣть. А теперь, пожалуй, и мука врыломъ сшибетъ». И Рудометовъ разсматриваетъ свои исхудалыя, бѣлыя и чистыя руки и дивится ихъ страшной худобѣ.

«Да это ничего, мясо наростетъ на костяхъ, только бы кости

были цѣлы, успокоиваетъ онъ себя, закидывая руки на голову. Фельдшеръ сказалъ сегодня, что я скоро поправлюсь, да я и самъ чувю, что уже недолго мнѣ тутъ маяться. Вотъ только задыхаюсь все. Хоть бы гдѣ окошко отворили, чтобъ вѣтеркомъ лѣснымъ меня опахнуло! Выйду-ка я въ корридоръ, тамъ завсегда окошко отворено... и лѣсъ и горы видно.»

И Рудометовъ встаетъ. Съ лихорадочной поспѣшностью, быстрыми, хотя и невѣрными шагами проходить по палатѣ, выходить въ корридоръ, но, дойдя до окна, вдругъ схватывается одной рукой за грудь и, чувствуя, что послѣднія силы оставляютъ его, другой старается удержаться, и все-таки падаетъ. Спавшій на широкой скамьѣ у дверей сторожъ, разбуженный стукомъ упавшаго тѣла, вскопчилъ, протеръ глаза и, примѣтивъ Рудометова на полу у окна, подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ вышелъ? укоризненно воскликнулъ онъ, наклонясь къ нему. Но, встрѣтивъ его потухающій, полный смертельной тоски взглядъ, вздрогнулъ и бросился звать на помощь.

Рудометова перенесли на кровать. Мучительная агонія длилась до поздняго вечера. Но когда ночная прохлада проникла въ открытое окно палаты, гдѣ лежалъ Рудометовъ, онъ уже успокоился, и больничный сторожъ, къ своему крайнему удивленію, почему-то растроганный его смертью, одѣвалъ его исхудалое тѣло въ чистое больничное бѣлье.

А. Бударина.

РАЗРЯДНЫЙ НАЛОГЪ.

Труды комиссіи Высочайше учрежденной для пересмотра састемы податей и сборовъ. Томъ XVI. Часть II. Спб. 1878 г.

Проектъ разряднаго налога вызвалъ, какъ извѣстно, со стороны нашей печати множество указаній на неудовлетворительность своей разработкѣ, причѣмъ большинство органовъ оказалось не только не противъ новаго налога въ принципѣ, но превосходило другъ друга въ великодушнѣе облегченія податныхъ сословій и въ обложеніи сословій привилегированныхъ: «почему, говорили одни, разрядный, а не чистый подоходный налогъ?»; «почему, замѣчали другіе, медленно возрастаетъ прогрессія обложенія, сравнительно съ возрастаніемъ доходовъ?» и т. п. Въ пользу новаго налога высказались, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и наши земства. Даже самый вопросъ о немъ былъ первоначально возбужденъ въ 1870 г. въ земскихъ собраніяхъ, когда на обсужденіе ихъ былъ препровожденъ, согласно постановленію комитета министровъ, проектъ податной комиссіи о преобразованіи подушныхъ сборовъ, предлагавшій замѣнить ихъ подворнымъ налогомъ и поземельною податью, причѣмъ земства высказались за необходимость уничтоженія подушныхъ податей и за замѣну ихъ подоходнымъ или разряднымъ налогомъ (одни земства предлагали подоходный, другія — разрядный налогъ). Фактъ этотъ довольно необыкновененъ, такъ какъ введеніе подоходнаго налога вездѣ въ Европѣ встрѣчалось крайне недружелюбно. И многіе, конечно, придутъ отъ этого факта въ удивленіе и занесутъ его въ лѣтопись нашихъ совершенствъ и нрав-

ственныхъ преимуществъ передъ гнилымъ Западомъ, гдѣ господствуетъ страшный антагонизмъ между сословіями и гдѣ высшіе классы далеко не такъ доброжелательны къ низшимъ. «Помните, скажутъ они:—крѣпостное право у насъ было наиболѣе мягкимъ; оно походило скорѣе на добрыя семейныя отношенія, такъ что крестьяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Царскосельскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству мѣстнаго предводителя дворянства, г. Платонова), сожалѣли о немъ; затѣмъ, если не сами помѣщики отпустили крестьянъ на волю, то, по свидѣтельству «Московскихъ Вѣдомостей», они изъявили радостную готовность на это, лишь только правительство зайнулось о своихъ намѣреніяхъ; наконецъ, въ настоящее время мы по рыцарски подставляемъ свое привилегированное плечо подъ податное бремя! Какъ хотите, а это замѣчательно! Какъ хотите, а мы далеко шагнули по пути политическаго развитія! Въ одной развѣ только англійской исторіи можно встрѣтить нѣчто подобное, да и тамъ неоднократно раздавались протесты противъ income tax!» Ниже, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, мы увидимъ, насколько гражданское великодушіе нашихъ земствъ и печати не столь велико, какъ это кажется; насколько подходящий налогъ является естественною историческою необходимостью для Россіи настоящаго времени, подходящей въ податномъ отношеніи на Францію конца прошлаго столѣтія, и насколько онъ не страшенъ, а удобенъ для большихъ состояній. Газеты, упрекавшія комиссію въ недостаточности налога на большіе доходы и поставлявшія ей на видъ, что земства, сами назначая болѣе большой процентъ, 5 и 7,5%, конечно, не потрудились ознакомиться съ проектами великодушныхъ земствъ, напримѣръ, хоть московскаго земства, которое, опредѣляя взимать въ одномъ частномъ случаѣ 7,5%, въ то же время переноситъ всю тяжесть подоходнаго налога на бѣдняковъ (крестьянъ, ремесленниковъ, рабочихъ и т. п.) и не взимаетъ болѣе 1,200 р. даже съ самыхъ громаднхъ доходовъ, напримѣръ, съ компаній, имѣющихъ свыше 1 мил. р. основнаго капитала и т. д. Обложеніе въ 7,5% вовсе не является въ видѣ правильной прогрессіи, а какъ-то неожиданно; шкала доходовъ и окладовъ раздѣлена только на 10 разрядовъ и т. п. Словомъ: проектъ московскаго земства хуже проекта комиссіи, хотя послѣдній максимумъ обложенія доводитъ только до 3% съ дохода. Наконецъ, земствъ, предлагавшихъ увеличеніе налога до 5 и 7,5%, было только два. Оговоримся, однако, что мы вовсе не имѣемъ въ виду защищать проекта комиссіи, неудовлетворительнаго во многихъ отношеніяхъ, а

равно и возражать противъ многихъ вѣрныхъ указаній печати. Мы хотимъ, напротивъ, съ своей стороны, констатировать неудовлетворительность проекта и сдѣлать нѣсколько замѣчаній на подоходный налогъ по самому его существу, какъ налогъ, не достигающій обыкновенно главной цѣли — равномернаго обложенія гражданъ. Все это мы считаемъ въ особенности необходимымъ сдѣлать потому, что разрядный налогъ, хотя и потерпѣлъ фiasco въ печати, тѣмъ не менѣе, говорятъ, будетъ введенъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Не хотѣлось бы думать, чтобы указанія печати не были приняты въ соображеніе. Эти указанія были бы, разумѣется, сдѣланы и раньше, еслибы комиссія не выработывала своего проекта въ такой строгой тайнѣ и безгласности; но время не ушло еще и теперь...

«Отечественныя Записки» (№ 9, «Внутреннее обозрѣніе») уже высказались, насколько введеніе новаго налога, при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ, тяжело для страны и не рационально даже съ чисто финансовой точки зрѣнія, такъ какъ неминуемо должно повлечь за собою дальнѣйшее паденіе нашего злополучнаго рубля и легко можетъ не дать необходимыхъ средствъ; насколько, въ интересахъ фиска, выгоднѣе было бы обложить налогомъ не фиктивные бумажныя цѣнности и доходы, а землю, уменьшая въ тоже время и уравнивая поземельные платежи крестьянъ, и насколько, наконецъ, настоятельно прежде всего подумать о восстановленіи нашей валюты, объ извлеченіи изъ обращенія избыточнаго количества кредитныхъ билетовъ, объ усиленіи производительности и проч. Мы и въ настоящее время держимся того же мнѣнія, что введеніе новыхъ налоговъ, при настоящихъ условіяхъ, крайне нераціонально, что гораздо лучше даже прибѣгнуть къ новому займу, какъ это предлагали нѣкоторые, а для погашенія займовъ и уплаты процентовъ обратиться къ сокращенію бюджета (въ особенности военныхъ издержекъ) и къ реформѣ податной системы, въ смыслѣ внесенія въ нее болѣе уравнительности и справедливости. Само собою разумѣется, что еще болѣе, чѣмъ подоходному налогу мы не сочувствуемъ увеличенію косвенныхъ налоговъ (въ министерство финансовъ, какъ сообщили недавно газеты, представлена цѣлая серия проектовъ: объ увеличеніи акциза на вино, сахаръ, проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и т. п.), которые тяжелѣе всего лягутъ на бѣднѣйшее населеніе, а равно не сочувствуемъ и проектированному также увеличенію подушныхъ податей еще на 30 к. съ души, такъ какъ это еще непосредственнѣе и больше обре-

менить податныя сословія. Если время не ждет и деньги для уплаты по займамъ нужны завтра, то податная реформа и мѣры къ усиленію производительности и восстановленію валюты нужны сегодня, если деньги нужны сегодня, то послѣднія нужны сейчасъ. Это не голословное наше убѣжденіе, а убѣжденіе, которое мы можемъ защищать опытомъ европейскихъ народовъ и финансовою наукою. Если, наконецъ, сокращеніе бюджета невозможно, если займы требуютъ платежей, и безъ налога обойтись нельзя, то гораздо лучше, не увеличивая косвенныхъ налоговъ и не вводя проектированнаго разряднаго налога, по его неудовлетворительности, ввести подоходный налогъ въ видѣ экстренной временной мѣры, подобно тому, какъ это было у насъ испробовано въ 1812 году ¹, и подобно тому, какъ тоже самое дѣлалось и въ другихъ странахъ; а одновременно съ этимъ приступить къ разработкѣ податной реформы и къ пересмотру и исправленію проектированнаго разряднаго налога. Если подобная мѣра будетъ тяжела и будетъ носить характеръ внутренней контрибуціи, (на добровольныя показанія получаемыхъ доходовъ полагаться нельзя), то, во всякомъ случаѣ, она будетъ только временною мѣрою, и будетъ, слѣдовательно, легче неудовлетворительныхъ налоговъ, вводимыхъ на долгія времена. Привычка населенія къ извѣстному налогу очень важная вещь; налогъ, кромѣ того, дѣйствуетъ воспитывающимъ образомъ на населеніе, образуя или поддерживая въ немъ извѣстныя юридическія понятія, извѣстный взглядъ на право и т. д. Расчетъ на то, что практика и время могутъ поправить недостатки налоговъ, легко можетъ оказаться расчетомъ ошибочнымъ, въ особенности когда налоги неудовлетворительны въ самомъ своемъ основаніи. Все это только еще болѣе говоритъ въ пользу осмотрительности, въ пользу временнаго, хотя бы и болѣе тяжелаго налога, который будетъ продолжаться до окончанія податной реформы и, вѣроятно, послужитъ къ ней не малымъ стимуломъ, въ чемъ она такъ нуждается. Прошло уже 17 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ была признана самимъ правительствомъ на-

¹ Всѣ доходы съ недвижимыхъ имѣній, безъ различія званія и состоянія владѣльцевъ, начиная съ 500 руб., были обложены въ слѣдующихъ разрядахъ: съ доходовъ отъ 500 до 2,000 р. взымалось по 1%, отъ 2,000 до 4,000 р.— по 2%, отъ 4,000 до 6,000 р.— по 3%, отъ 6,000 до 8,000 р.— по 4%, отъ 8,000 до 10,000 р.— по 5%, отъ 10,000 до 12,000 р.— по 6%, отъ 12,000 до 14,000 р.— по 7%, отъ 14,000 до 16,000 р.— по 8%, отъ 16,000 до 18,000 р.— по 9%, и свыше 18,000 р.— по 10%. Налогъ этотъ 1-го января 1810 года былъ отмененъ.

шимъ неудовлетворительность существующей податной системы и настоятельность коренной реформы въ оной, для чего и была учреждена особая коммиссія. Между тѣмъ, податная реформа до сихъ поръ ни съ мѣста, если не считать частныхъ и маловажныхъ измѣненій, (напримѣръ, въ гербовомъ сборѣ, промысловомъ налогѣ, въ мѣщанской подати, переложенной частью на городскую недвижимую собственность и т. п.), измѣненій, которыхъ, вдобавокъ, еще нельзя назвать удачными. Между тѣмъ, податная система съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе неуравнительною и неудовлетворительною. Несмотря на то, что собрано много матерьяла для изученія вопроса, дѣло до такой степени еще далеко отъ окончанія, что даже самый планъ реформы до сихъ поръ не выработанъ; по крайней мѣрѣ, о немъ ничего не слышно ни оффиціально, ни неоффиціально. Крестьянская, земская, судебная и другія реформы, всѣ въ совокупности, не заняли столько времени. До какой степени мы медленно спѣшимъ въ данномъ случаѣ можно отчасти видѣть изъ исторіи проекта разряднаго налога: послѣ того, какъ земства возбуждали о немъ въ 1870 году вопросъ и многія изъ нихъ представили подробные проекты налога (изъ которыхъ, замѣтимъ между прочимъ, ни одинъ не былъ одобренъ коммиссіей), въ 1871 году Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ особой коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, рассмотреть и обсудить насколько предположеніе земскихъ собраній о преобразованіи прямыхъ налоговъ соотвѣтствуетъ видамъ правительства въ общегосударственномъ значеніи. Затѣмъ, въ 1873 г., послѣ всеподданнѣйшаго доклада предположеній и заключеній особой коммиссіи, послѣдовало высочайшее соизволеніе министру финансовъ: войти въ соображеніе о преобразованіи прямыхъ податей. И съ этихъ-то вотъ поръ дѣло, рѣшенное земствами въ теченіи года, продолжало стоять на точкѣ замерзанія, претерпѣвая продолжительныя соображенія министерства и разныхъ коммиссій и субъ-коммиссій, пока не началась война съ Турціей и «необходимость изыскать новый источникъ для покрытія расходовъ» не вызвала наконецъ проекта на свѣтъ Божій. Но посмотримъ, однако, на самый проектъ разряднаго налога и укажемъ его недостатки, отчасти уже указанные нашею печатью.

Прежде всего, что бросается въ прозектъ въ глаза, это то, что разрядный налогъ проектируется какъ налогъ самостоятельный, а не уравнительный, какъ налогъ сверхбюджетный, а не имѣющій цѣлью внести въ податную систему болѣшую справедливость:

слать, напримѣръ, съ крестьянскихъ земель излишніе платежи, или, какъ предполагалось, замѣнить подушную подать. Мы видѣли, что земства понимали разрядный или подоходный налогъ именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Въ этомъ же смыслѣ можно было понимать и высочайшее соизволеніе министру финансовъ, данное въ 7-й день 1873 года, гдѣ прямо говорилось о преобразованіи подушныхъ податей, необремененіи поземельной собственности, въ виду неудовлетворительнаго состоянія таковой во многихъ частяхъ имперіи, и о томъ, что, при введеніи новыхъ налоговъ, должно принимать за основаніе общее обложеніе всѣхъ платежныхъ силъ государства, безъ различія сословій. Въ этомъ, наконецъ, смыслѣ понимали разрядный налогъ и литература, и общественное мнѣніе. Все это, однако, ни мало не смутило комиссію: «Въ виду экстраординарныхъ расходовъ, говоритъ она:— вызванныхъ войною, заключены государственные займы, требующіе уплаты по нимъ интересовъ и погашенія. Кромѣ того, война вызоветъ чрезвычайно значительные расходы, которые будутъ продолжаться и послѣ ея окончанія. Посему представляется необходимымъ озаботиться изысканіемъ средствъ къ усиленію ежегодныхъ государственныхъ доходовъ». Въ объяснительной запискѣ къ проекту поясняется также, что установленіе умѣренного подоходнаго налога съ высшихъ сословій въ особенности справедливо и своевременно потому, что «общественное мнѣніе въ средѣ самихъ сихъ сословій вполне сознало необходимость экстраординарныхъ расходовъ на войну и неоднократно заявляло о всеобщей готовности жертвовать своимъ достояніемъ на пользу отечества» (2). Это очень находчиво со стороны комиссіи, хотя и не понравится, конечно, многимъ нашимъ патріотамъ, кричавшимъ о необходимости войны и недумавшимъ, чтобы война могла кончаться такими пассажемъ, какъ налогъ на нихъ. Но не въ этомъ дѣло. Ниже мы увидимъ, насколько проектируемаго налога недостаточно для уплаты *интересовъ и погашенія* даже по вновь заключеннымъ займамъ, не говоря уже о *чрезвычайно значительныхъ расходахъ*, которые будутъ продолжаться и послѣ войны, насколько ошибочно, не измѣняя податной системы, обращать новый налогъ на займы, заключенные для военныхъ цѣлей и проч., а теперь продолжаемъ нашу рѣчь о замѣнѣ новымъ налогомъ подушной подати. Самое большое, что могла сдѣлать комиссія, это—не распространять новый налогъ на плательщиковъ подушныхъ податей, (съ нѣкоторыми, впрочемъ, и тутъ исключеніями) и замѣнить ими незначительный остатокъ мѣщанской подушной подати, име-

нуемой окладнымъ сборомъ съ мѣщанъ¹. Комиссія говоритъ, что большаго нивкомъ образомъ нельзя было сдѣлать, такъ какъ «годы, слѣдующіе непосредственно за войною», очень неблагопріятны для этого; замѣна въ подобное время государственной подушной подати, доставляющей свыше 54 мил. руб.,² болѣе правильными и менѣе обременительными налогами не могла бы обезпечить казнѣ необходимыхъ средствъ. Совѣтуя подождать *болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ*, комиссія, какъ можно думать изъ нижеслѣдующаго, не видѣла и особой настоятельности въ этомъ: мѣщане, говоритъ она, дѣйствительно, зажиточный и бѣдный, «платять одинаковый окладной сборъ дѣйствительно по душамъ, и притомъ за живыя и умершія ревизскія души, за способныхъ и неспособныхъ къ работѣ»; а «крестьяне обыкновенно раскладываютъ ее по тагламъ и тѣмъ придаютъ ей отчасти характеръ имущественнаго налога» (5 стр. Об. Зап.). Опровергать это мнѣніе комиссія нѣтъ никакой надобности въ виду очевидной его несостоятельности. Самое существенное возраженіе противъ замѣны подушной подати разряднымъ налогомъ заключается въ томъ, что разряднаго налога проеэтировано получить только около 17.400,000 руб., а за вычетомъ 1.500,000 руб. расходовъ взиманія, только около 15.900,000 р., тогда какъ подушной подати собирается свыше 54 мил. р. Но, во-первыхъ, сама комиссія говоритъ, что] исчисленная ею цифра «во всякомъ случаѣ» ниже той, которая получится въ дѣйствительности, ибо во всѣхъ исчисленіяхъ приняты за основаніе только минимумы дохода, и, кромѣ того, въ расчетъ не вошли «тѣ весьма значительные доходы, которые получаются изъ источниковъ, относительно коихъ не имѣется даже приблизительныхъ свѣдѣній»; а, во-вторыхъ, размѣръ обложенія крайне незначителенъ и непропорціоналенъ съ другими налогами. Средній размѣръ проеэтируемаго разряднаго налога опредѣленъ комиссіей въ 2,3% чистаго дохода. При такихъ условіяхъ, т. е. при уменьшеніи доходовъ на 25—50, а можетъ быть и болѣе %, и при низкомъ % обложенія, не мудрено, что комиссія расчитываетъ получить съ акціонерныхъ обществъ и товариществъ только около 968,400 руб., изъ которыхъ на долю желѣзныхъ дорогъ падаетъ только 428,400 р. (стр. 133);

¹ Сборъ этотъ, взимаемый въ размѣрѣ отъ 8 до 91 к. съ души, доставляетъ казначейству около 1.300,000 руб. По проэкту эти мѣщане отнесены къ 1-му разряду и дадутъ 250,800 р.

² Проэкты распространяются только на 49 губерній и область Войска Донскаго.

съ 94.493,308 десятинъ земли, принадлежащей «владѣльцамъ, кромѣ крестьянъ», только около 2.781,200 р.; съ фабрикантовъ, заводчиковъ, ремесленниковъ и всякихъ другихъ промышленниковъ только 2.300,000 руб. и т. п. Въ то время, когда крестьянскіе платежи превышаютъ принятую земствами нормальную доходность земли отъ 97 до 565%¹, въ то время, когда платежи крестьянъ достигаютъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ 7 р. 16 к. и 8 р. 42 к. съ десятины и поглощаютъ 56%, а иногда и весь посторонній заработокъ, мы стѣсняемся наложить на чистый доходъ болѣе 3%. Это чрезвычайно деликатно! Не говоря уже объ экстренныхъ обстоятельствахъ, вызываемыхъ войнами, когда, какъ, напримѣръ, въ Англіи въ началѣ прошлаго столѣтія или какъ въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, налогъ доходилъ съ большихъ доходовъ (начиная съ суммы 590 таллер.) до 20%², онъ въ болѣе спокойныя времена въ Англіи достигалъ неоднократно 10, а въ настоящее время составляетъ 3³/₄%; въ Америкѣ съ доходовъ отъ 600 до 5,000 доллар. платится 5% и съ доходовъ высшихъ 10%. Выработывая проектъ, комиссія, очевидно, придерживалась прусскаго законодательства, гдѣ средній размѣръ классифицированной подати равняется 2,78% дохода. Комиссія, разумѣется, не изъ финансовыхъ соображеній, а именно изъ деликатности установила подобный размѣръ налога, такъ какъ иначе, конечно, подумала бы, что народная бѣдность имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашимъ финансамъ, и что, если тяжело владѣльцамъ желѣзнодорожныхъ бумагъ, фабрикантамъ и землевладѣльцамъ платить, при настоящихъ условіяхъ 2,3%, то крестьянину, при тѣхъ же условіяхъ, еще тяжелѣе платить его налоги. Онъ отъ паденія курса страдаетъ также, какъ и рантѣе, даже больше рантѣе. Въ прожнихъ трудахъ податной комиссіи есть не мало данныхъ, обнаруживающихъ крайне неравномѣрное распредѣленіе нашихъ податей, съ одной стороны между податными и неподатными сословіями, а съ другой—между самими крестьянами различныхъ наименованій.—Распредѣленіе это какъ разъ обратнo пропорціонально имуществу: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ на немъ лежитъ больше платежей; государственные крестьяне платятъ меньше помѣщичьихъ, а изъ бывшихъ помѣщичьихъ получившіе полныя надѣлы платятъ меньше получившихъ надѣлы средніе и низшіе. Разница между платежами государственныхъ

¹ Яковъ «Опытъ ст. изслѣд. о крест. над. и плат.». Спб. 1877 г., стр. 32.

² Финанс. реформы въ Пруссіи. Ю. Ф. Самаринъ. «Сбор. Госуд. Записк. Т. VI. 1878 г.

и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ достигаетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по разсчету профессора Янсона, 236% и даже 290%. Но разница эта, конечно, незначительна въ сравненіи съ разницею между крестьянскими и владѣльческими землями. Переложеніе податной тягости съ одного конца на другой могло бы значительно уравнивать податное коромысло. И помѣщичьи земли, цѣны на которыя такъ значительно поднялись за послѣдніе годы, разумѣется, могли бы поднять болѣе значительный % подоходнаго налога чѣмъ 2,3%. Между тѣмъ комиссія не назначила въ дѣйствительности и такого %, такъ какъ приняла за основаніе уменьшенной разсчетъ доходности. По ст. 14 проекта, доходность земли исчисляется по суммѣ государственнаго поземельнаго налога, причитающагося съ нея, принимая его въ $2\frac{1}{2}\%$ съ дохода. Комиссія руководствовалась при этомъ раскладкою, составленною въ 1874 г. (3,63 к. на десятину) и опредѣленіемъ средней доходности десятины удобной земли по свѣдѣніямъ министерства финансовъ (1 р. $53\frac{1}{3}$ к.), при чемъ среднее отношеніе этого налога къ доходности было для *крулоты* принято вмѣсто 2,4% въ $2\frac{1}{2}\%$ (стр. 125), т. е. не меньше, какъ бы слѣдовало, а больше. Очевидно, что доходность десятины удобной земли больше 1 р. $53\frac{1}{3}$ к. Кто же не знаетъ, насколько свѣдѣнія министерства финансовъ разнятся отъ дѣйствительности. Подобный доходъ приносятъ развѣ только однѣ казенныя земли, подъ управленіемъ чиновниковъ или сдаваемые съ торговъ капиталистамъ громадными участками. Мы пожалуй имѣемъ оцѣнку доходности лѣсовъ въ Тамбовской Губерніи, гдѣ такъ дороги лѣса, въ 1 р. съ десятины, и видимъ, что когда земство пыталось два раза установить болѣе вѣрную оцѣнку, опредѣляя ее для лѣсовъ 1-го разряда въ 1000 р. съ доходностью въ 12 р., то губернаторъ оба раза признавалъ эту оцѣнку слишкомъ высокою и неуравнительною ¹. Но мало ли что у насъ дѣлается. Со всѣхъ сторонъ только и слышно о вздорожаніи земель: арендные цѣны тамъ и сямъ поднялись до 20 и болѣе руб. за десятину, а продажныя до 100—200 и 400 р. за десятину, такъ что въ среднемъ выводѣ, по разсчету г. Янсона, цѣны поднялись на 300—400% ². И разсчетъ этотъ, нужно замѣтить, относится только къ первому десятилѣтію со времени освобожденія крестьянъ, а съ тѣхъ поръ цѣны еще увеличились. Правильнаго кадастра у насъ не было и нѣтъ еще. Оцѣнки, производимыя земскими

¹ «Земскій Ежегодникъ на 1876 г.», Спб. 1878 г. стр. 1025.

² «Опись Ст. Исслѣд. о крестьян. надѣл. и плат.» Спб. 1877 г., стр. 89.

собраниями, нѣсколько различаются между собою по цѣлѣ и приѣмамъ, но отличаются зачастую и невѣрностью приѣмовъ. Специальныя оцѣнки значительно, вдвое и втрое, разнятся отъ нормальныхъ; одно земство выводитъ доходность по одной сложности лѣтъ, другое по другой; земли совершенно одинаковыхъ качествъ поэтому часто оцѣнены совершенно различно. Почему же подоходный налогъ долженъ взиматься не по дѣйствительной доходности, опредѣляемой гораздо ближе арендною платою, а по оцѣнкѣ для государственнаго поземельнаго налога? Въ Англии, какъ знаетъ и комиссія, доходность земли для раскладки подоходнаго налога опредѣляется «по суммѣ *высшей* годовой арендной платы, которая дѣйствительно получена, или могла бы получиться» (Прил. II, стр. 24). Въ Пруссіи также, при опредѣленіи дохода отъ поземельныхъ имуществъ, доходомъ признается: если имущество сдано въ аренду, «могущая поступить наемная или арендная плата, съ присовокупленіемъ добавочнаго пользованія, въ видѣ натурального или другого довольствія, или иного, выговореннаго у сьемщика права»; а если имѣніе не сдано въ аренду, то выводится по среднему чистому доходу, полученному за 3 послѣдніе года собственными хозяйственными распоряженіями владѣльца, при чемъ идутъ въ счетъ и всѣ сельскія фабрично-хозяйственныя операціи (мельницы, каменоломни и проч.). если только доходъ съ нихъ не высчитывался отдѣльно (Пр. II, стр. 92). Руководствуясь прусскимъ разряднымъ налогомъ, мы, къ сожалѣнію, брали и изъ него не все, что слѣдовало. Приблизительно также отнеслась комиссія и къ другимъ источникамъ обложенія: желѣзнымъ дорогамъ, банкамъ, торговлѣ и проч. «Отечественныя Записки», высказываясь въ № 9 за налогъ на землю и, говоря противъ обложенія служащихъ и владѣльцевъ фиктивныхъ бумажныхъ цѣнностей, разумѣется, имѣли въ виду только настоящую минуту; но когда заходить рѣчь о налогѣ въ принципѣ или о примѣненіи налога на долги времена, то, разумѣется, было бы крайне несправедливо оставлять въ привилегированномъ положеніи кого бы то ни было и какіе бы то ни было источники. (Доходъ однихъ только чиновниковъ и лицъ служащихъ по частному найму, какъ увидимъ ниже изъ расчета комиссіи, значительно выше дохода землевладѣльцевъ). Между тѣмъ, по проекту, доходность и этихъ другихъ источниковъ то уменьшалась на десятки милліоновъ *для осторожности*, какъ, на примѣръ, доходъ отъ промышленности (Об. Зап. с. 127), то округлялась, какъ, на примѣръ, въ торговлѣ (стр. 128), то неизвѣстно ради чего сокращалась на цѣлую $\frac{1}{4}$, какъ, на примѣръ,

доходъ лицъ служащихъ (стат. 14, п. 7), что одно уменьшило этотъ источникъ обложенія до 45 мил. руб. Доходъ банковъ, торговыхъ, страховыхъ, промышленныхъ и пароходныхъ обществъ, по словамъ комиссiи, никакъ не могъ быть принятъ выше 3% съ основнаго ихъ капитала. Желѣзныя дороги, имѣющія по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, основнаго и дополнительнаго къ нему капитала 1.640,475,144 р. могли бы доставить изрядную сумму, но у нихъ не могли быть обложены: во 1) облигаціи, во 2) акціи, гарантированныя правительствомъ, земствами и городами, если дивиденды ихъ не превышаютъ гарантію, и 3) бумаги, оставленныя правительствомъ за собою; а вслѣдствіе этого пришлось изъять отъ налога 429.512,755 р. облигаціоннаго капитала, 654.916,945 р. бумагъ, оставленныхъ правительствомъ и 180.000,000 р. акціонернаго гарантированнаго капитала, по которому производится приплата правительствомъ, т е. всего 1.264,429,701 р. Но этого мало: и въ остаткѣ (150 мил. гарантированныхъ и 226 мил. негарантированныхъ акцій) нужно было уменьшить доходность. Доходъ съ гарантированныхъ акцій опредѣленъ въ 5% (7½ мил.), а съ негарантированныхъ, «въ виду убыточности не малаго числа дорогъ», только въ 3% (6.780,000 р.). Такимъ образомъ и смылился чистый доходъ желѣзныхъ дорогъ до 14.280,000 р., а налогъ съ него до 428,400 р. Положимъ, что есть основаніе для изъятія бумагъ, оставленныхъ за собою правительствомъ, но почему изъяты гарантированныя акціи? Развѣ онѣ не приносятъ чистаго дохода, хотя бы нѣсколько и меньшаго сравнительно съ другими процентными бумагами? Почему не облагается облигаціонный капиталъ? Не снесетъ ли онъ въ счетъ долговъ общества или, можетъ быть, онъ не приноситъ дохода своимъ владѣльцамъ? Но такимъ образомъ онъ совершенно ускользаетъ отъ обложенія, такъ какъ владѣльцы его, не заплативъ налога у источника, облагаются уже по квартирѣ, которая представляетъ плохое мѣрило для большихъ капиталовъ. Попробуемъ выписать расчетъ комиссiи, сдѣланный ею для опредѣленія доходовъ, подлежащихъ налогу. Доходъ лицъ, отнесенныхъ по ст. 11 проекта къ первому разряду, неизвѣстенъ. Эго лица, какъ увидимъ ниже, имѣющія всѣ признаки нищества, лица, подлежащія настоящему подушному сбору въ 60 коп. и неизвѣстно для чего занесенныя въ списокъ плательщиковъ податнаго налога, а потому мы ихъ оставимъ въ сторонѣ.

	Средній размѣръ налога.	Сумма налога.
Затѣмъ, доходъ землевла- дѣльцевъ, кромѣ крестьянъ, опредѣленъ съ 94.493,308 десятинъ въ	120.922,040 р. 2,3%	2.781,200 р.
Доходъ землевладѣльцевъ отъ земель ихъ, состоя- щихъ въ надѣлѣ временно- обязанныхъ крестьянъ.	24.000,000 р. 2,3%	552,000 р.
Доходъ собственниковъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ съ 750.000,000 руб. капитальной стоимо- сти по 6%	45.000,000 р. 2,3%	1.035,000 р.
Доходъ фабрикантовъ, за- водчиковъ, ремесленниковъ и другихъ промышленни- ковъ съ 1.000,000,000 р.	100.000,000 р. 2,3%	2.300,000 р.
Доходъ торговцевъ съ об- щаго оборота нашей тор- говли 2.700.000,000 р.	270.000,000 р. 2,3%	6.210,000 р.
Доходъ (жалованье) слу- жащихъ на государственной службѣ (105,735,959 р.), земской (9.500,000 р.), го- родской (4.486,765 р.) и частной (58.000,000 р.) все- го 177.722,724 р., а въ раз- мѣрѣ $\frac{3}{4}$	133.292,044 р. 2,3%	3.065,700 р.
Доходъ пенсіонеровъ, по- лучающихъ пенсіи свыше 200 р., 13.348,134 р., а въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$	10.011,100 р. 2,3%	230,255 р.
Доходъ акціонерныхъ ком- паній и товариществъ на паяхъ съ капитала, въ 600 мил. по 3%	18.000,000 р. 3%	540,000 р.
Доходъ желѣзныхъ до- рогъ	14.280,000 р. 3%	428,000 р.
Итого	735.505,184 р.	17.142,155 р.

Для того, чтобы разложить 54 мил. подушной подати на исчисленный доходъ, пришлось бы установить средній размѣръ обложенія въ 7.3%, облегчая, разумѣется, небольшіе доходы и прогрессивно увеличивая налогъ на доходы большіе. Но исчисленіе дохода, какъ мы сказали уже, значительно уменьшено. Не нужно также упускать изъ виду, что въ расчетъ комиссіи, вслѣдствіе отсутствія или недостаточности свѣденій, не вошли еще доходы: арендаторовъ, владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздахъ, не входящихъ въ составъ землевладѣній, пенсіонеровъ, получающихъ пенсію изъ эмеритуръ разныхъ вѣдомствъ и изъ земскихъ, городскихъ и сословныхъ сборовъ, а также доходы многихъ служащихъ на частной службѣ, адвокатовъ и вообще лицъ, такъ называемыхъ, либеральныхъ профессій и людей, живущихъ «своимъ капиталомъ», ростовщиковъ и проч., налогъ съ которыхъ вѣроятно составилъ бы крупную цифру. Все это, по всей вѣроятности, могло бы дать не только достаточную сумму для замѣны подушной подати, но и тѣ 17 мил., которые предположены комиссіей, или, наконецъ, могло бы послужить къ уменьшенію % обложенія, который, впрочемъ, при существующихъ налогахъ съ крестьянъ, не долженъ казаться столь ужаснымъ для лицъ, до сихъ поръ ничего не платившихъ или платившихъ очень мало. Разговоръ объ отмигнѣннѣй подушной подати, какъ видите, былъ вовсе не невозможенъ. Еслибы комиссія сочувствовала самому принципу подушныхъ податей (для чего есть, какъ увидимъ ниже, нѣкоторые резоны) и желала бы видѣть ихъ сохраненными въ системѣ нашихъ налоговъ, то и тогда она должна была бы желать ихъ преобразованія, въ смыслѣ уменьшенія и болѣе справедливости, что было еще болѣе возможно; но дѣло въ томъ, что комиссія стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Нужно замѣтить еще, что, по проекту положенія, разрядный налогъ не распространяется, не говоря уже о Финляндіи, на царство Польское, Закавказскій край, Сибирскія губерніи и области, Туркестанское генералъ-губернаторство и области Тургайскую и Уральскую, что, конечно, только еще уменьшаетъ средства податной уравнительности и съуживаетъ государственное значеніе самаго налога. Проектируемый налогъ относительно суммы всѣхъ прямыхъ нашихъ налоговъ, показанныхъ въ отчетѣ государственнаго контролера за 1876 г. въ 129.685,500 р., составитъ только 13,41%. Въ другихъ государствахъ, гдѣ введенъ подоходный налогъ, отношеніе это болѣе значительно, а именно: въ Англіи: 67,58% суммы прямыхъ налоговъ, въ Пруссіи—47,64%, въ Италіи—40,85%, въ Австріи

22,21% и только въ Баваріи меньше нашего — 5,94%. Такимъ образомъ, разрядный налогъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, нисколько не облегчаетъ нашихъ податныхъ сословій и не исправляетъ недостатковъ существующей податной системы: крестьянство по прежнему остается наибольшимъ плательщикомъ, земля его остается по прежнему обремененною налогами, которые, вмѣстѣ съ подушною податью, ложатся цѣлкомъ на земледѣльческій трудъ и на посторонніе заработки, которыхъ часто негдѣ достать. Та нѣкоторая, просто ничтожная уравнивательность, которая достигается обложениемъ привилегированныхъ земель, капиталовъ и сословій, достигается отрицательнымъ путемъ — расширеніемъ бюджета... Расширеніе государственнаго бюджета не ограничивается только 17 млн., но будетъ сопровождаться расширеніемъ мѣстныхъ сборовъ: привлекая городскія и земскія учрежденія къ участию въ работахъ по обложенію разряднымъ налогомъ, коммиссія относитъ расходы на содержаніе городскихъ и земскихъ членовъ оцѣночныхъ коммиссій на счетъ городовъ и земства «по принадлежности». Определенныя ею издержки взысканія въ 1.500,000 р. идутъ на жалованье непремѣннымъ членамъ (которымъ, по словамъ коммиссіи, никакъ нельзя назначить менѣе 1500 р. жалованья и 1000 р. на разъѣзды и канцелярскіе расходы, «такъ какъ на должность эту слѣдуетъ назначать людей свѣдущихъ и добросовѣстныхъ»), дѣлопроизводителямъ и т. д., а потому она проектируетъ дополнительный къ коренному разрядному налогу сборъ, въ размѣрѣ до 20% налога (стр. 133—41 Об. Зап.). Можно было бы думать, что разрядный налогъ будетъ служить преддверіемъ къ реформѣ, что онъ настолько хорошо выработанъ и послѣдовательно выдержанъ въ своей внутренней конструкціи, что послужитъ и базисомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ для дальнѣйшихъ измѣненій въ податной системѣ. Такъ на него и смотритъ коммиссія, находящая его безусловно справедливымъ и согласованнымъ съ началами европейскаго законодательства и совѣтующая подождать дальнѣйшихъ реформъ, которыя онъ *подготовитъ* и которыя наступятъ, какъ только настанутъ болѣе благоприятныя обстоятельства (стр. 22 Об. З.). Будемъ, конечно, ждать, когда много не скажешь. Мы сейчасъ увидимъ, насколько спроектированный разрядный налогъ не удовлетворяетъ требованіямъ налоговой справедливости, насколько несправедливо и неравномѣрно могутъ быть облагаемы имъ тѣ, на кого онъ имѣетъ распространиться. Коммиссія установила слѣдующіе 25 разрядовъ плательщиковъ и слѣдующіе оклады налога

РАЗРЯДЪ.	ГОДОВОЙ ДОХОДЪ.			ОКЛАДЪ НАЛОГА.	РАЗРЯДЪ.	ГОДОВОЙ ДОХОДЪ.			ОКЛАДЪ НАЛОГА.			
	Р	У	В			Р	У	В				
I	отъ	—	до	—	60	XIV	отъ	3,000	до	4,000	80	к.
II	»	—	»	200	1	XV	»	4,000	»	5,000	110	—
III	»	200	»	300	2	XVI	»	5,000	»	6,000	150	—
IV	»	300	»	400	4	XVII	»	6,500	»	8,000	200	—
V	»	400	»	500	5	XVIII	»	8,000	»	10,000	250	—
VI	»	500	»	600	7	XIX	»	10,000	»	12,500	325	—
VII	»	600	»	800	10	XX	»	12,500	»	15,000	400	—
VIII	»	800	»	1,000	15	XXI	»	15,000	»	20,000	525	—
IX	»	1,000	»	1,200	20	XXII	»	20,000	»	30,000	750	—
X	»	1,200	»	1,500	25	XXIII	»	30,000	»	40,000	1,050	—
XI	»	1,500	»	2,000	35	XXIV	»	40,000	»	60,000	1,500	—
XX	»	2,000	»	2,500	45	XXV	»	60,000	»	80,000	2,100	—
XIII	»	2,500	»	3,000	60	—						

и т. д., прибавляя на каждыя 20,000 тыс. дохода по 600 руб. налога (стр. 6). Начиная съ первыхъ же двухъ разрядовъ, вы встрѣчаетесь уже съ недоразумѣніемъ. Къ 1-му разряду, съ окладомъ по 60 коп., отнесены лица, которыхъ прозекъ характеризуетъ такъ: это «лица, неимѣющія на правахъ собственности или въ арендѣ недвижимаго имущества», незанимающіяся «по торговымъ документамъ торговлею, промысломъ или ремеслами», несостоящія «на государственной, земской, городской, общественной или частной службѣ» и не получающія пенсій, а также и неподходящія «по совокупности своихъ доходовъ ни подъ одинъ изъ высшихъ разрядовъ». Тутъ на лицо, какъ мы выразились выше, всѣ признаки нищенства. Такихъ лицъ у насъ наберется не мало: сюда относить прозекъ мѣщанъ, сюда надо будетъ отнести бывшихъ дворовыхъ и многочисленный контингентъ крестьянъ, лишившихся земли и направившихся на фабрики и заводы. Въ иностранныхъ государствахъ законъ прямо освобождаетъ отъ подоходнаго налога такихъ лицъ, доходъ которыхъ не превышаетъ суммы, необходимой для существованія, причемъ размѣръ этого minimum'a довольно значителенъ, такъ, на примѣръ, со всѣми освобождены отъ налога: Въ Англіи доходы до 150 фунт., въ Сѣвер. Амер. Штатахъ—до 600 долл., въ Австріи—до 600 гульд. и въ Пруссіи—до 140 тал.

Нужно замѣтить, что такое освобожденіе имѣетъ одну чрезвычайно дурную сторону: освобождаясь отъ платежа прямыхъ налоговъ, они, обыкновенно, лишаются въ то же время и своихъ избирательныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ политическихъ правъ, становясь настоящими наріями въ обществѣ. Вотъ почему нѣкоторые писатели и стоятъ, главнымъ образомъ, за прямой личный налогъ, за подушную подать, которая гораздо лучше имущественныхъ и подоходныхъ налоговъ опредѣляетъ равноправность гражданъ; вотъ почему они и не сочувствуютъ совер-

шенному освобожденію бѣдняковъ отъ налога и говорятъ: разъ подушная подать уничтожается, необходимо, чтобы каждый, даже самый бѣднѣйшій человѣкъ платилъ въ другой формѣ прямой налогъ, не слушая чувствительныхъ сантиментовъ по поводу двугривеннаго, отъ котораго стремятся освободить бѣдняковъ либеральные-буржуа, отлично понимающіе, что при этомъ происходитъ продажа права первородства за чечевичную похлебку. Еслибы подоходный налогъ ложился въ основу податной системы и никакихъ другихъ налоговъ не платилось бы, то и мы ничего не имѣли бы противъ умѣреннаго обложенія бѣдняковъ; но, такъ какъ этого еще не было ни въ одной странѣ, въ значительной степени быть не можетъ и у насъ, конечно, не будетъ, то и подоходный налогъ должны платить только люди богатые, имѣющіе чистый доходъ. Мы тогда ничего не имѣли бы и противъ годоваго оклада въ 60 к. и находили бы его только крайне непропорціональнымъ со II разрядомъ, который платитъ только 1 р. и къ которому отнесены, напримѣръ, мелочные торговцы, которые, торгуя на нѣсколько тысячъ рублей, всегда могутъ показывать свой доходъ въ 200 руб. Въ одномъ и томъ же II разрядѣ мы можемъ встрѣтить, напримѣръ, и бывшаго дворового человѣка, арендующаго нѣсколько сажень земли подъ огородъ для собственнаго прокормленія, и цѣловальника, который получаетъ, можетъ быть, тысячи. Относительно неправомѣрнаго распредѣленія плательщиковъ по разрядамъ можно встрѣтить, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи таблицы, много примѣровъ, такъ: въ одинъ и тотъ же разрядъ отнесены и платятъ одинъ окладъ налога люди, получающіе на 100, 500, 1,000 10,000 и даже 20,000 болѣе дохода. Перевалялъ доходъ за ровковую черту хоть рублемъ—и вы отнесены къ слѣдующему разряду. Это такое ужъ свойство разряднаго налога, который вовсе не есть подоходный налогъ, какъ ихъ часто смѣшиваютъ, а только пародія на него. Тамъ плательщикъ платитъ извѣстный процентъ съ своего чистаго дохода, вычитая изъ общей сумми своихъ доходовъ подати, проценты по своимъ долгамъ и даже случайныя потери; здѣсь же онъ платитъ извѣстный окладъ налога, опредѣленный для извѣстнаго разряда, который только приблизительно, «по совокупности внѣшнихъ признаковъ», выражаетъ собою доходъ лица и его благосостояніе.

Комиссія пространно объясняетъ затрудненія, встрѣчающіяся у насъ для введенія подоходнаго налога, который она признаетъ «и справедливымъ и точнымъ» разряднаго; тутъ и недостаточное развитіе мѣстныхъ органовъ самоуправленія, и возможность потерь для казны, вслѣдствіе неврачливыхъ оцѣнокъ, и необло-

димось учредить для чего-то *предварительно* *всесословную* *во-
лость*, и *назидательный*, наконецъ, примѣръ Пруссіи и другихъ
государствъ, гдѣ подоходное обложеніе развивалось исторически
и гдѣ первоначально вводился разрядный налогъ. Комиссія зна-
етъ, что послѣднее зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что
въ Европѣ въ прежнее время «сословія рѣзко отличались одно
отъ другого и притомъ степень зажиточности находилась въ бо-
лѣе прямомъ отношеніи съ общественнымъ положеніемъ», а
«русское общество никогда не отличалось сословною замкнутостью
и обособленностію»; но, тѣмъ не менѣе, считаетъ нужнымъ,
чтобы и у насъ подоходный налогъ развивался также историче-
ски. Сперва, видите ли, нужно приучить населеніе къ неспра-
ведливому налогу и затѣмъ уже переходить къ болѣе справедли-
вому. Всѣ выставленныя затрудненія, къ сущности, сводятся къ
невозможности точно опредѣлять доходы плательщиковъ. Но какъ
будто теперь они будутъ опредѣляться точнѣе?! Идемъ, однако,
дальѣ.—Справедливость предъявляетъ къ подоходному и разряд-
ному налогамъ еще одно требованіе—чтобы они были прогрес-
сивными. Если люди, получающіе дохода 100 р., платятъ, на-
примѣръ, 5 р. налога, то людямъ, получающимъ 1,000 р., слѣ-
дуетъ платить не 50 р., а болѣе, такъ какъ въ первомъ случаѣ
отдѣлить 5 р. гораздо труднѣе, чѣмъ во второмъ. Тамъ остается
95 р., на которые всего необходимаго не сдѣлаешь, здѣсь же
950 р., на которые, принимая во вниманіе даже привычки, можно
имѣть все съ избыткомъ. Признавая справедливость прогрессив-
ности въ налогѣ и стремясь ввести ее, комиссія установила, од-
нако, такую прогрессию, которая, по мѣрѣ возрастанія доходовъ,
идетъ все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, останавливается
на доходѣ въ 80 тысячъ, прибавляя на каждыя послѣдующія
20 тысячъ дохода по 600 р. налога. Какъ разъ тоже самое сдѣ-
лано въ прусской классифицированной подати, только въ прус-
ской системѣ больше послѣдовательности и, благодаря большому
числу разрядовъ, плательщики распределены болѣе уравнительно.
Смотря на вышеприведенную таблицу, читатель самъ найдетъ
въ ней много несообразностей и, такимъ образомъ, избавить
насъ отъ труда демонстрировать надъ нею. Онъ найдетъ и та-
кіе факты, что доходы, напримѣръ, въ 8,000 руб. обложены $2\frac{1}{2}\%$
и тѣми же $2\frac{1}{2}\%$ обложены доходы въ 60 тысячъ руб., тогда
какъ доходы промежуточные, напримѣръ, въ 25 тысячъ, обложе-
ны 3% ; онъ найдетъ и то, что въ одномъ и томъ же разрядѣ
разница въ обложеніи достигаетъ 50% и проч. Все это, конечно,
не Богъ вѣсть какъ важно для большихъ состояній, при умѣ-
ренномъ процентѣ налога, но все это, тѣмъ не менѣе, должно

возбуждать недовольство новыми налогами. Капиталисты, при платежѣ налоговъ, въ особенности любятъ аккуратность и справедливость, а люди недостаточные и дѣйствительно въ ней нуждаются. Законъ не долженъ имѣть подобныхъ недостатковъ. Неравномѣрность будетъ проявляться и во многихъ другихъ случаяхъ, въ особенности, при распредѣленіи плательщиковъ по разрядамъ, такъ какъ признаки доходности и приемы и способы для проверки показаній плательщиковъ крайне неудовлетворительны. Статья 5 проекта, опредѣляющая, что разрядный налогъ съ лицъ семейныхъ взимается по хозяйству, можетъ быть для однихъ, гдѣ всѣ взрослые и работники, благопріятною, тогда какъ для другихъ, гдѣ много дѣтей и стариковъ, очень неблагопріятною. Исчисленіе поземельнаго дохода (ст. 14) по государственному налогу можетъ также быть источникомъ неравномѣрности и недоразумѣній. Далѣе: доходъ, получаемый владѣльцами отъ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ исчисляется (тоу же статьею, пунктъ 3) по чистому доходу, опредѣленному для взиманія городского сбора и казеннаго налога; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ оцѣнкою опредѣлена лишь капитальная стоимость имуществъ, доходъ съ нихъ принимается въ 6% съ капитальной стоимости. Но въ однихъ случаяхъ доходъ домовладѣльцевъ можетъ быть гораздо больше 6%, а въ другихъ можетъ быть—0. Исчисленіе доходности городской и сельской недвижимой собственности весьма мало согласовано между собою и можетъ вести къ непропорціональному обложенію однихъ собственниковъ передъ другими. Въ Англіи изъ-за этого возникало между промышленниками и землевладѣльцами множество самыхъ ужасныхъ пререканій. Наконецъ, городскіе собственники, которые, неся на себѣ прежніе платежи (государственные, городскіе и проч.), гильдейскій сборъ, промысловый налогъ (занимающихся торговлей или какимъ-нибудь другимъ промысломъ много) и новый разрядный налогъ, могутъ говорить о двойномъ обложеніи однихъ и тѣхъ же источниковъ дохода и могутъ указывать на меньшее обложеніе купцовъ, неимѣвшихъ недвижимой собственности и платившихъ только гильдейскій сборъ и промысловый налогъ, которые, какъ извѣстно, весьма мало выражаютъ дѣйствительный размѣръ оборотовъ и доходовъ. Разница въ платежахъ можетъ быть дѣйствительно значительною. Предвидя возраженіе насчетъ двойного обложенія, коммиссія говоритъ: «Возраженіе это имѣетъ только нѣкоторое основаніе въ смыслѣ факта и не имѣетъ никакого основанія въ смыслѣ права плательщиковъ на изъятіе ихъ отъ такого двойного обложенія» (стр. 12. Об. 3). Объясненіе это, конечно, никакъ удовлетворить не мо-

жеть. Далѣе: пунктъ 2, ст. 14 говорить, что доходъ отъ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздѣ, не входящихъ въ составъ землевладѣній (напримѣръ: отдѣльныхъ домовъ, дачъ, огородовъ) исчисляется по оцѣнкѣ для взиманія земскаго сбора, или же, гдѣ земскія учрежденія не введены, опредѣляется уѣздными оцѣночными комиссіями. Одни, разумѣется, могутъ извлекать изъ домовъ, дачъ и огородовъ очень большіе доходы, но если я, напримѣръ, будучи человекомъ очень небогатымъ, съ большими усиліями, выстроилъ себѣ домъ или даже простую избу, въ которой живу и которая мнѣ никакого дохода не приноситъ? Изба моя въ такомъ случаѣ разсматривается, по ст. 15, какъ квартира, по сравненію съ соотвѣствующими помѣщеніями, при чемъ я могу платить за нее очень много, если она находится, напримѣръ, въ дачной мѣстности или въ какомъ-нибудь такомъ захолустѣ, гдѣ дороги помѣщенія. Но, такимъ образомъ, я буду платить за право имѣть четыре стѣны, за право дышать. Мы понимаемъ, когда англійское законодательство говорить, что необработываемыя земли подлежатъ налогу. Тутъ я могу злоупотреблять землевладѣніемъ (разводить парки, луга и т. п.) и лишать земли другихъ, но въ настоящемъ случаѣ ничего подобнаго нѣтъ. У меня не палаццо, не предметъ роскоши, даже не доходная дача, а просто—изба, на которую всякій имѣетъ право. Затѣмъ, по пункту 5 той же 14-й статьи, доходъ фабрикантовъ, заводчиковъ, ремесленниковъ, торговцевъ и промышленниковъ исчисляется по наемной платѣ за занимаемыя ими для производства ихъ промысла и торговли помѣщенія, принимая плату сію не менѣе, какъ въ $\frac{1}{10}$ и не болѣе какъ въ $\frac{1}{3}$ дохода, при чемъ наемная плата опредѣляется: для фабрикъ и заводовъ въ размѣрѣ 6% съ оцѣнки стоимости фабричныхъ или заводскихъ помѣщеній, съ машинами и другими необходимыми принадлежностями устройства, а для ремесленныхъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеній—по дѣйствительно договоренной наемной платѣ или по сравненію съ наемною платою за соотвѣственные помѣщенія, если заведеніе находится въ собственномъ зданіи хозяина. Тутъ можетъ быть цѣлый ворохъ недоразумѣній. Напримѣръ: содержатель гостиницы для прїѣзжающихъ, занимающій вдесятеро большее помѣщеніе, чѣмъ банкиръ, и получающій, можетъ быть, вдесятеро меньше дохода, можетъ платить вдесятеро больше его. Владѣлецъ кирпичнаго завода, у котораго весь затраченный имъ на постройку машины, матеріалъ и работу капиталъ можетъ оборачиваться до 15 разъ въ годъ, принося соотвѣственный барышъ, будетъ, конечно, въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ, положимъ, типографія «Новаго Вре-

мени», занимающая болѣе дорогое помѣщеніе и выписавшая дорогія машины, требующія медленнаго погашенія и т. п. Предвидя недоразумѣнія, проектъ установилъ очень широкія границы для опредѣленія доходности предпріятій, предоставляя опредѣлять ее оцѣночнымъ комиссіямъ. Но, такимъ образомъ, въ руки оцѣночныхъ комиссій дается громадный произволъ: онѣ могутъ доходность помѣщенія, за которое платится, напримѣръ, 3 тысячи рублей въ годъ, выводить и въ 9, и въ 30 тысячъ руб. И, замѣтите, что предѣльными цифрами назначены комиссіей не на основаніи какихъ-нибудь расчетовъ или статистическихъ данныхъ, а просто, какъ говорится, на глазокъ: «Руководствуясь, говоритъ она: — обыкновеннымъ отношеніемъ квартирнаго расхода къ общему доходу частнаго лица, можно наемную плату за помѣщеніе фабрикъ, заводовъ, а равно и промышленныхъ торговыхъ заведеній принять не менѣе, какъ за $\frac{1}{10}$ и не болѣе какъ за $\frac{1}{2}$ дохода оныхъ...» (стр. 67, Об. Зап.). Въ случаѣ несоотвѣтственно высокой оцѣнки, продолжаетъ Объяснительная Записка: — недовольные могутъ просить уѣздную комиссію объ уменьшеніи оцѣнки, а если она на это не согласится, то имъ «открыта возможность принести жалобу въ губернскую комиссію» (стр. 68). Нужно замѣтить, что послѣднее не такъ-то легко. Предприниматель долженъ пройти предварительно черезъ большой испускъ. По ст. 55 проекта, уѣздная комиссія, при разсмотрѣніи прошеній, «имѣетъ право требовать представленія ей всѣхъ тѣхъ доказательствъ, какія она признаетъ нужнымъ», чтобы убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ плательщика. А положеніе многихъ торговыхъ и промышленныхъ людей таково, что обнаруженіе истиннаго положенія дѣлъ для нихъ равносильно ликвидаціи. Проектъ, правда, обязываетъ членовъ комиссіи «могущіе быть затребованными документы, торговныя книги и долговныя обязательства, а равно и другія, не подлежащія оглашенію свѣдѣній, соблюдать въ строгой тайнѣ», но, несмотря на это, конечно, только весьма немногіе станутъ доказывать несправедливость обложенія. Недовольны же будутъ всѣ. Наконецъ, что за колоссальная могла бы возникнуть переписка и дѣлопроизводство по прошеніямъ, еслибы на практикѣ все такъ соблюдалось, какъ проектировано. Комиссія считаетъ «хотя и едва ли желательнымъ, на первыхъ порахъ введенія у насъ разряднаго налога», но, въ то же время, чрезвычайно полезнымъ, чтобы комиссіи производили высшую оцѣнку, въ видахъ «ислѣдованія настоящаго положенія дѣлъ предпринимателей, вызывая ихъ, такимъ образомъ, на представленіе доказательствъ. Такъ, говоритъ она, ведутся дѣла въ Англіи и Пруссіи и даютъ удивительные ре-

зультаты (Об. З., стр. 64). Мы не сочувствуемъ, конечно, такъ называемой коммерческой тайнѣ и веденію дѣлъ въ темную, мы не сочувствуемъ точно также и скриванію доходовъ, каковое, разумѣется, будетъ производиться въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, заставляя опѣночныя комиссіи играть въ жмурки, и желали бы видѣть всѣ доходы капиталистовъ уловленными; но, въ тоже время, мы еще больше не сочувствуемъ вмѣшательству съ фискальными цѣлями чиновниковъ и полиціи въ жизнь цѣлаго общества, среди котораго капиталисты составляютъ незначительный процентъ. Это вмѣшательство у насъ и безъ того велико, неизмѣримо больше, чѣмъ въ Англіи и Пруссіи, да, какъ сейчасъ увидимъ, въ немъ и нѣтъ никакой надобности. Между тѣмъ, по проекту: чиновникъ будетъ наводить о васъ справки (ст. 28), будетъ узнавать, что вы имѣете, кому должны и что рассчитываете получить (ст. 36); ему необходимо также знать о вашихъ супружескихъ отношеніяхъ—виѣстѣ вы живете съ женою или нѣтъ, и, если нѣтъ, то не поссорились ли вы окончательно (ст. 5), такъ какъ тогда она должна быть самостоятельной плательщицею; онъ пожелаетъ узнать, кто ваши домочадцы, кто живетъ у васъ на квартирѣ, есть ли у васъ *наалѣбники*, которые также должны быть самостоятельными плательщиками (ст. 8) и т. д. Все это долженъ знать и узнавать о васъ и у васъ не одинъ чиновникъ, не одна опѣночная комиссія, а и полиція (ст. 36), и вашъ начальникъ, если вы гдѣ-нибудь служите (ст. 41—43), и вашъ хозяинъ, если вы работаете гдѣ-нибудь на фабрикѣ (ст. 40), и вашъ домовладѣлецъ (ст. 37), и даже квартирный хозяинъ (ст. 38). Все это чрезвычайно тяжело и дѣйствуетъ на общество деморализующимъ образомъ. Все это въ особенности и дѣлало въ Западной Европѣ подоходный налогъ самымъ непопулярнымъ налогомъ. Наибольше свободолюбивая страна — Франція всегда отъ него отказывалась: министръ финансовъ Гушо написалъ въ 1848 году проектъ подоходнаго налога для того, чтобы онъ пролежалъ въ учредительномъ собраніи до тѣхъ поръ, пока новый министръ финансовъ, Пасси, не возьметъ его обратно; а Пасси, въ свою очередь, написалъ свой проектъ какъ разъ для того же, пока новый министръ—Фульдъ не возьметъ его обратно; какъ ни тяжело было положеніе Франціи послѣ прусскаго погрома, но она отказалась отъ подоходнаго налога. Прусское законодательство о подоходномъ налогѣ смягчаетъ его вышеуказанную дурную сторону тѣмъ, что не даетъ преобладанія въ составѣ опѣночныхъ комиссій административному элементу и строго предписываетъ имъ «избѣгать слишкомъ близ-

каго и, во всякомъ случай, стѣснительнаго для плательщиковъ, изслѣдованія ихъ имущественныхъ средствъ». Въ Англіи и другихъ странахъ также приложены всѣ старанія для уменьшенія стѣснительности, и, конечно, нигдѣ нѣтъ такого административнаго произвола и вмѣшательства, какой у насъ можетъ быть при примѣненіи проэкта. Проэктъ положительно запрудилъ оцѣночныя комиссіи административными лицами. Губернскія оцѣночныя комиссіи состоятъ: изъ губернатора (онъ же и предсѣдатель), губернскаго предводителя дворянства, управляющаго казенною палатою, управляющаго акцизными сборами, предсѣдателя или члена губернской земской управы и городского головы или члена городской управы; а уѣздныя—изъ уѣзднаго предводителя дворянства (онъ же и предсѣдатель), непремѣннаго члена по назначенію отъ министерства финансовъ (дѣлопроизводитель), уѣзднаго исправника, полицеймейстера, предсѣдателя или члена уѣздной земской управы, городского головы или члена городской управы, двухъ лицъ по выбору уѣзднаго земскаго собранія и двухъ по выбору городской думы (ст. 21—22). Какъ видите, весь полицейскій и административный персоналъ на лицо. Становые пристава, остальные чины городской полиціи и волостные старшины также приглашены играть самую дѣятельную роль (ст. 35). Чтобы придать такому, очевидно, мало компетентному въ дѣлѣ оцѣнокъ составу комиссій компетентность, проэктъ предоставляетъ земскому собранію и городской думѣ, при выборѣ четырехъ земскихъ членовъ, входить между собою въ соглашеніе на счетъ того, чтобы въ составъ ихъ входили: землевладѣлецъ, домовладѣлецъ, торговецъ и фабрикантъ города или уѣзда (ст. 22), что, конечно, должно только стѣснять выборщиковъ, при выборѣ добросовѣстныхъ лицъ. Положеніе мѣстностей, гдѣ введены земскія учрежденія, впрочемъ, еще лучше тѣхъ, гдѣ земскія учрежденія не введены, такъ какъ тамъ земскіе члены замѣнены членами по назначенію губернаторовъ (ст. 22). Въ дѣятельности комиссій чиновнику министерства, т. е. непремѣнному члену, дано положительное преобладаніе (ст. 23). Все это невольно наводитъ на вопросъ: насколько необходимо такое участіе чиновничества и насколько такой составъ комиссій можетъ лучше выполнять задачу, чѣмъ еслибы комиссіи состояли изъ мѣстныхъ жителей, которымъ лучше извѣстно и положеніе плательщиковъ, которымъ не было бы надобности и вникать въ подноготную каждого и которыхъ сами плательщики стали бы меньше обманывать? Ответъ на это можетъ быть только одинъ—не въ пользу проэкта. При земскомъ составѣ комиссій вѣроятно было бы меньше, а можетъ быть даже

и совсѣмъ не было бы взяточничества, которое несетъ за собою чиновничество, какъ дурной запахъ, унаслѣдованный исторически, и которое можетъ при предоставленныхъ комиссіямъ правахъ и способахъ оцѣнки, развиться до громадныхъ размѣровъ. Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ профессоръ Миннаевъ въ своемъ путешествіи (Очерки Цейлона и Индіи) о подоходномъ налогѣ, вводимшемся въ Индіи англійскими чиновниками въ 1860—72 гг. и затѣмъ опять уничтоженномъ. «На малые доходы этотъ налогъ не падалъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ во все время существованія тяжелъ для индійскаго бѣднякаго населенія. По показанію самихъ англійскихъ чиновниковъ, онъ.... былъ источникомъ разнаго рода тяжелыхъ притѣсненій для значительнаго большинства бѣдняковъ, которые должны были давать взятки для того, чтобы ихъ имена не попадали въ списки лицъ, подлежащихъ налогу. Высказывалось предположеніе, что сумма, выплачиваемая, какъ income tax, правительству равнялась суммѣ вынужденныхъ взятковъ.» (стр. 126, т. II). При распредѣленіи плательщиковъ по разрядамъ, конечно, можетъ быть тоже самое. Но идемъ далѣе. Статьею 15 проекта доходъ лицъ, не подходящихъ подъ установленныя въ статьѣ 14 условія, какъ то: врачей, адвокатовъ, литераторовъ, художниковъ и проч., а равно и лицъ, живущихъ процентами, опредѣляется по наемной платѣ за занимаемыя ими квартиры, при чемъ принято, что у лицъ съ среднимъ достаткомъ (отъ 200 до 2,000 рублей дохода) расходъ на квартиру составляетъ приблизительно около $\frac{1}{5}$ дохода, у получающихъ менѣе $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ дохода, а у получающихъ болѣе онъ не превышаетъ $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ и даже $\frac{1}{30}$ дохода (стр. 71. Об. 3.). Данныя эти получены статистикою Берлина. Пользуясь ими, «примѣнительно къ наемной платѣ въ столицѣ и другихъ большихъ городовъ нашихъ» и допуская «нѣкоторыя округленія», комиссія дѣлитъ наши города, по числу жителей, на четыре группы (болѣе 100,000, до 100,000, до 25,000 и до 10,000 жителей), дѣлая повышеніе цѣны для 2-ой группы на 20%, для 3-ей — на 35% и для 4-ой — на 50% сравнительно съ 1-ю группою, при чемъ даже въ 1-ой группѣ доходность по большимъ (свыше 10,000 рублей) квартирамъ никогда не предполагается превышающею болѣе 10 разъ квартирную плату (см. таблица, стр. 73).

Какъ квартирная плата, повидимому, ни удобна для опредѣленія дохода жильцовъ, но и здѣсь возможно множество недоразумѣній. Человѣкъ семейный поневолѣ долженъ имѣть большую квартиру, чѣмъ одинокій. Проектъ допускаетъ для лицъ, имѣю-

щихъ не болѣе 5,000 рублей дохода и имѣющихъ семью болѣе 6-ти человекъ, не считая жильцовъ и прислуги, перечисленіе ихъ на одинъ разрядъ ниже (ст. 16), но это весьма слабое спискованіе. Кромѣ того, могутъ быть и другіе случаи, которыхъ прозектъ не предусматриваетъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, при распределеніи по классамъ, принимается въ соображеніе, кромѣ большого числа дѣтей, еще содержаніе при хозяйствѣ большого числа немущихъ, продолжительная болѣзнь, обремененіе долгами и т. п. И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы человекъ небогатый, отказываете себѣ во всемъ и нанимаете просторную квартиру потому, что у васъ совсѣмъ плохи легкія; между тѣмъ, платить вы будете больше людей очень богатыхъ, гораздо больше васъ проживающихъ, но помѣщающихся только въ отелѣ или въ меблированныхъ комнатахъ. Или возьмемъ другой примѣръ: вы художникъ и рисуете большую картину, для помѣщенія которой нужна очень большая комната; работа ваша для окончанія, если и не требуетъ 20 ти лѣтъ, какъ картина Иванова—явленіе Христа народу, то во всякомъ случаѣ нуждается въ нѣсколькихъ годахъ. Сколько заплатите вы за вашу картину налога! Между тѣмъ лицо, живущее процентами и попавшее, по волѣ судьбы и комиссіи, въ одинъ разрядъ съ артистами, не нуждается въ такой большой комнатѣ; ему, можетъ быть, не нужно даже имѣть въ домѣ и сундука, такъ какъ деньги можно держать въ банкѣ; лицо это, можетъ быть, имѣя большой капиталъ, не гонится за процентами и держитъ его въ освобожденныхъ отъ налога желѣзнодорожныхъ облигаціяхъ или въ гарантированныхъ правительствомъ акціяхъ, на которыя аккуратно получаетъ извѣстную ренту; а, можетъ быть, лицо это занимается и ростовщичествомъ, получая огромные барыши,—и тѣмъ не менѣе, оно можетъ платить меньше васъ. Затѣмъ, сегодня у васъ квартира и доходъ таковы, завтра вы лишитесь мѣста и перебираетесь куда нибудь въ уголъ, между тѣмъ, платить вы будете въ теченіи цѣлаго года по тому разряду, въ какой были записаны. Статья 33 обязываетъ васъ ежегодно, за 10 мѣсяцевъ впередъ, представлять по назначенію и по установленной формѣ заявленіе о получаемомъ вами доходѣ. Прозектъ грозить вамъ, за несоблюденіе правилъ, лишеніемъ права жаловаться на неправильное обложеніе (ст. 74), выисканіемъ налога въ тройномъ размѣрѣ (ст. 75), пенями (ст. 81), продажей имущества (ст. 71) и проч.; а, представьте себѣ, что вы литераторъ и дѣйствительно не знаете своего заработка, или знаете его только въ то время, когда здоровъ? И много въ этомъ родѣ и разныхъ другихъ недоразумѣній не предусмотрено прозектомъ. Мы не перечисляемъ ихъ всѣхъ, такъ какъ это заняло бы слиш-

комъ много времени и такъ какъ полагаемъ, что сдѣланныхъ нами указаній совершенно достаточно для того, чтобы признать проектъ разряднаго налога неудачнымъ. Комиссія приложила много стараній для того, чтобы обставить дѣло такъ; чтобы подъ него, какъ говорится, «и комаръ носа не подточилъ»: тутъ и наука привлечена ¹, и свидѣнія изъ исторіи налоговъ въ Европѣ приложены и заранѣе сдѣланы возраженія на возможность быть сдѣланными замѣчанія; но, несмотря на это, читатель видитъ, что проэктированный налогъ неудовлетворителенъ ни въ общегосударственномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ уравненія податей и приведенія въ лучшее положеніе бюджета, ни въ отношеніи внутренней своей системы, оставляющей такъ много мѣста несправедливости и чиновничьему произволу. Комиссія въ особенности налегаетъ въ объяснительной запискѣ на настоящую нужду въ деньгахъ, вызванную войною, и на то, что новый налогъ долженъ дать средства для платежа по займамъ и для исправленія обстоятельствъ. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что проэктированный налогъ—слишкомъ плохое для этого средство, что онъ: во 1) не дастъ необходимой суммы для уплаты по займамъ: у насъ болѣе миллиарда новаго долга и, по расчету нѣмецкаго финансиста А. Вагнера, превосходно знающаго наши финансы, бюджетъ нашъ увеличится на 60—70 милліоновъ руб. въ годъ, тогда какъ налога предполагается получить только 15.893,000 р., и 2) новый налогъ только еще болѣе можетъ запутать наши финансы, такъ какъ является новымъ отвлеченіемъ средствъ и, одновременно съ нимъ, не предпринимается никакихъ мѣръ для усиленія производительности, которая, при существующей податной системѣ и экономическомъ состояніи народа, никогда успѣшно идти не можетъ. Комиссія нѣсколько разъ ссылается на то, что введеніе подоходнаго налога въ западно-европейскихъ государствахъ находилось въ связи съ войнами, но она ничего не говоритъ о томъ—куда шли эти налоги, какъ платились государства за непроеводительное ихъ употребленіе и истощеніе народныхъ силъ экономическими кризисами и банкротствами и что спасали ихъ и выводили изъ затруднительныхъ обстоятельствъ

¹ Мы не останавливаемся на достоинствѣ научныхъ соображеній комиссіи, на нѣкоторыхъ историческихъ неточностяхъ, въ родѣ того, что современная податная система Пруссіи ведетъ свое начало съ 1820 г., когда начало ея и вѣсть съ тѣмъ начало подоходнаго налога установлены раньше, на нѣкоторыхъ противорѣчій, въ родѣ вліанія 0/о обложенія на сборъ налога въ Англіи (стр. 19 и 28), на сдѣшеніе нѣкоторыхъ поватій и т. п., такъ какъ пишемъ мы о самомъ проектѣ разряднаго налога, а не о литературной арматурѣ, оставляющей желать много лучшаго.

ужь, конечно, не эти налоги.—Ужь, конечно, не подоходный налог выручилъ Англію послѣ войны съ Франціей въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а усилившаяся производительность, открытіе новыхъ рынковъ для сбыта, миръ и отиѣна хлѣбныхъ законовъ. Подоходный налогъ въ 1815—1816 г. вызвалъ такой ропотъ, что его должны были даже отиѣнить. Ужь, конечно, не подоходный налогъ выручилъ Пруссію послѣ іенскаго пораженія, а реформы Штейна и послѣдовавшее усиленіе производительности. Ужь, конечно, не подоходный налогъ выручилъ и Францію послѣ прусскаго погрома, такъ какъ тамъ даже нѣтъ и подоходнаго налога (за исключеніемъ установленнаго въ 1872 г. 3°о сбора съ нѣкоторыхъ цѣнныхъ бумагъ, приносящаго ничтожную сумму), а мировой кредитъ къ національной предпримчивости и производительности и успѣхи послѣдней. Подоходный налогъ являлся обыкновенно или въ видѣ экстренной временной мѣры въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, для того, чтобы перебиться до возможности сдѣлать заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, сократить бюджетъ или открыть новый источникъ доходовъ, или же являлся только орудіемъ податной уравнительности (по крайней мѣрѣ, такъ смотрѣли на него экономисты), спускался въ обыкновенное время до ничтожныхъ размѣровъ. Суммы, доставлявшіяся подоходнымъ налогомъ, никогда, впрочемъ, не были велики, несмотря на довольно высокій % обложенія, и онъ очень часто либо совсѣмъ отиѣнялся, либо обращался въ случайную финансовую процедуру, которая порождала гораздо больше разговоровъ и петицій, чѣмъ приносила дѣйствительной пользы. Безъ сокращенія бюджета и бережливости, безъ усиленія производительности и увеличенія національныхъ доходовъ, не можетъ идти успѣшно и уплата по займамъ и не возстановится валюта, въ свою очередь, значительно вліяющая на производительность. Вотъ почему нельзя оставлять безъ вниманія и внутреннихъ безпроцентныхъ займовъ.

Процентные займы далеко не такъ настоятельны, какъ послѣдніе. Государство, которое немедленно же послѣ войны не обращаетъ вниманія на изытіе изъ обращенія избытка вынужденныхъ ассигнацій, дѣлаетъ очень большую ошибку: Франція, Австрія, Соединенные Штаты Америки и другія государства могутъ дать этому печальныя примѣры. Оно постоянно будетъ переплачивать за иностранные товары и не дополучать за свои, чему, конечно, не помогутъ золотыя пошлины; оно постоянно будетъ переплачивать въ процентахъ по своимъ займамъ и не дополучать при заключеніи новыхъ заграничныхъ займовъ, если задумаетъ и сможетъ заключить таковыя. Вотъ почему, когда

говорятъ, что необходимо платить по вѣнскимъ займамъ, мы говоримъ, что еще болѣе необходимо подумать о безпроцентныхъ и принудительныхъ внутреннихъ займахъ, о сокращеніи бюджета и объ усиленіи нашей производительности, которое невозможно при настоящей податной системѣ, при малоземельи и недоступности земли для крестьянъ, при промышленныхъ привилегіяхъ и монополіяхъ, при отсутствіи государственнаго кредита для народа, при стѣсненіяхъ паспортной системы и при имѣющемся въ обращеніи бумажномъ багажѣ, который постоянно колеблетъ валюту и ложится всею тягостью на работника. Если мы не убѣждены въ этой истинѣ и не изучаемъ европейскихъ финансовъ, то не худо бы намъ прислушиваться къ тому, что пишутъ о насъ не знатные иностранцы, а иностранные экономисты и финансисты, взвѣщающіе на насъ кто съ сочувствіемъ и сожалѣніемъ, а кто просто съ любопытствомъ и удивленіемъ. Вотъ что, напримеръ, говоритъ А. Вагнеръ: «Неимоверное распложеніе кредитныхъ билетовъ не только самый худшій финансовый результатъ войны, этотъ результатъ, въ свою очередь, является дѣйствующею силою, которая производитъ самое *наибольшее дѣйствіе на все народное хозяйство Россіи*» («Новое Время» № 910). Вагнеръ сравниваетъ наше положеніе съ положеніемъ Австріи въ 1848—59 и 1866 годахъ, Италіи въ 1866 г., Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ 1861—65 г. и Франціи въ 1870—71 г., но находитъ наше положеніе хуже, такъ какъ у насъ «пол-милліарда новыхъ кредитныхъ билетовъ навьютились на $\frac{3}{4}$ милліарда старыхъ, болѣе половины которыхъ составляли непогашенные правильнымъ образомъ расходы крымской кампаніи». Вслѣдствіе послѣдней причины, нашъ кредитный рубль постоянно стоялъ ниже пари на 12—20%, а въ настоящее время произошло дальнѣйшее ухудшеніе еще на 20—25%, и поправленія курса, безъ внутреннихъ финансовыхъ мѣропріятій, ожидать нельзя. Сумма кредитныхъ билетовъ все продолжаетъ расти, несмотря на окончаніе войны, такъ какъ военные расходы продолжаютъ и будутъ возрастать по маленьку, пока армія не разоружится. Лѣтомъ Вагнеръ опредѣлялъ количество вновь выпущенныхъ ассигнацій въ 450 мил. руб.; въ сентябрѣ сумма ихъ равнялась уже 479,370,000 руб., а въ настоящую минуту еще больше, такъ что общее количество ассигнацій, находящихся въ обращеніи, приближается къ 1,300,000,000 руб. и можетъ быть, перевалить за эту огромную цифру. Вагнеръ рассчитываетъ сколько мы потеряемъ, приступая послѣ войны къ погашенію ассигнацій, противъ того, еслибы подумали объ этомъ до войны: 5% русскіе металлическіе займы и лучшія желѣзно-

дорожные облигаціи достигали до войны *à pari* и были даже нѣсколько выше; во время войны они пали почти на 30%, т. е. до 70% стоимости; затѣмъ немного поправились, достигнувъ 80—85%. Дальнѣйшаго повышенія курса нельзя ждать, ибо всѣ ждутъ отъ Россіи выпуска внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ въ большихъ размѣрахъ на погашеніе неотвѣжденныхъ военныхъ расходовъ. Замѣчательно, говоритъ нѣмецкій финансистъ, что даже послѣдній русскій внѣшній заемъ 1877 года, несмотря на необыкновенно выгодныя для публики условія погашенія, не совсемъ достигаетъ 85%, т. е. все-таки образуетъ потерю болѣе 15%. «Поэтому можно сказать, что Россія, независимо отъ условій погашенія, послѣ войны должна будетъ платить отъ 6 до 6½% по новымъ займамъ, тогда какъ до войны она могла погасить кредитные билеты займами по 5 или 5½%». Если, продолжаетъ онъ:—на ликвидацію всѣхъ неуплаченныхъ военныхъ расходовъ и на нѣкоторое погашеніе кредитныхъ билетовъ въ первое время потребуется отъ 500 до 600 милл. руб., въ процентныхъ займахъ, «то на уплату однихъ процентовъ по нимъ потребуется отъ 30 до 40 мил. руб. ежегодно, помимо нормальнаго погашенія. Со включеніемъ 0% и погашенія по займамъ внутреннимъ и внѣшнимъ, сдѣланнымъ въ продолженіи войны, расходный бюджетъ государственнаго долга, достигшій въ 1877 году—108 мил. слишкомъ, возрастетъ до 160 мил. и болѣе». Расчетъ этотъ Вагнеръ считаетъ скорѣе оптимистическимъ, чѣмъ пессимистическимъ. Онъ полагаетъ общее возрастаніе нашихъ расходовъ до 70 милл. рублей въ годъ и даже до 80—90 милл., если одновременно будетъ приступлено къ податной реформѣ. Послѣдній расчетъ Вагнера, вѣроятно, нѣсколько чрезмѣренъ, но еслибы даже и въ дѣйствительности потребовалась такая сумма (отъ 10 до 20 милл.) для податной реформы, то останавливаться передъ нею никакимъ образомъ не резонъ, потому что податная реформа необходима и расходы по ней временны. Вагнеръ не рассчитываетъ нашихъ потерь по торговлѣ, не рассчитываетъ, сколько мы переплатимъ по нашимъ займамъ до окончательнаго ихъ погашенія, а равно не опредѣляетъ потерь отъ застоя, экономическихъ колебаній, и проч. Все это, конечно, значительно превышаетъ означенную сумму. Онъ предлагаетъ введеніе подоходнаго налога и налога на наследства. Все это очень преуменьшено, но прежде всего вопросъ въ томъ: дадутъ ли эти источники необходимую сумму и будутъ ли давать ее ежегодно? Затѣмъ, мы не противъ введенія подоходнаго налога, въ особенности хорошо устроеннаго, и налога на наследства, и думаемъ, что они могутъ давать значительныя суммы государству; но про-

должаемъ оставаться при своемъ мнѣніи, что суммы эти должны пойдти на уровненіе, на уменьшеніе платежей съ сословій, обремененныхъ прямыми и косвенными налогами на предметы первой необходимости, а, слѣдовательно, что необходимо одновременно и сокращеніе нашего бюджета. Вагнеръ считаетъ громадное расширеніе государственныхъ расходовъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ явленіемъ, имѣющимъ силу исторической необходимости, явленіемъ, имѣющимъ свойство закона для народовъ цивилизованныхъ. Мы не раздѣляемъ этого взгляда. Въ каждомъ бюджетѣ, за извѣстнымъ необходимымъ его расширеніемъ, есть значительные предѣлы для сокращенія расходовъ, которые не вызываются государственною необходимостью или просто прикрываются злоупотребленіями администраціи. Многіе военные расходы несомнѣнно могли бы быть сокращены; подрады могли бы сдаваться значительно дешевле, безъ комиссіонеровъ, обдиравшихъ казну и т. п. Наконецъ, самое расширеніе бюджета обуславливаетъ обыкновенно собой новое его расширеніе, плоды чинопочвенности и увеличивая издержки по взиманію, контролю и употребленію налоговъ, издержки, составляющія въ каждомъ бюджетѣ немаловажную статью. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, мы укажемъ на лежащую у насъ подъ рукою книгу М. Вирта «Исторія торговыхъ кризисовъ», гдѣ авторъ, между прочимъ, приводитъ цифры бюджета Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, которыя показываютъ, что сокращеніе расходовъ и доведеніе ихъ до весьма незначительныхъ размѣровъ, при бережливомъ правленіи, вполне возможны, несмотря на процвѣтаніе страны: бюджетъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ 1817 году равнялся 40 мил. долларовъ, въ 1834 году онъ составлялъ менѣе 25 мил. дол.; въ 1836 году было опять 18 мил. дол. излишка доходовъ передъ расходами... Въ настоящее время возросъ значительно и американскій бюджетъ, но приведенные факты, несмотря на свою скудость, тѣмъ не менѣе, колеблютъ вышеупомянутую теорію. Теперь получаетъ преобладаніе другая теорія, если не совершенно противоположная, то совершенно отличная отъ первой. Мы имѣемъ одного изъ ея представителей въ лицѣ французскаго экономиста Леруа-Болья, который также признаетъ за увеличеніемъ государственныхъ расходовъ извѣстную неизбежность, но не придаетъ этому факту такого абсолютнаго значенія, какъ другіе. Въ своемъ обстоятельномъ и обширномъ трактатѣ о финансахъ ¹, съ которымъ также не мѣшало бы познакомиться нашимъ финансистамъ,

¹ «Traité de la Science des finances», 2 тома. Парижъ, 1877 г.

такъ какъ тамъ идетъ рѣчь и о насѣ, и о нашей ассигнаціонной болѣзни, ведущей свое начало уже очень издавна (т. II, гл. XV); онъ доказываетъ необходимость для государства щадить интереса частныя лицъ, добывать нужныя ему средства, если сокращеніе расходовъ невозможно, съ наибольшою справедливостію и наименьшею потерей для гражданъ. Онъ предлагаетъ или, лучше сказать, предусматриваетъ совершенно новое направленіе для государственнаго хозяйства, которое оно приметъ въ будущемъ, а именно: что государство само должно будетъ заботиться объ извлеченіи доходовъ. Государство, говоритъ онъ, само можетъ быть собственникомъ, капиталистомъ и промышленникомъ (Т. I, гл. IV, стр. 31). Налоги, по его мнѣнію, вовсе не единственный нормальный источникъ государственныхъ доходовъ; въ этомъ отношеніи могутъ и должны имѣть большое значеніе государственныя имущества (лѣса, рудники, копи, заводы, рыбныя ловли) и въ особенности тѣ виды имущества, которыя начинаютъ переходить и имѣютъ тенденцію перейти изъ частнаго владѣнія къ государству (железныя дороги, каналы и т. п.), что дастъ возможность уменьшить налоги на потребление и упростить финансовую систему. Такую же роль будутъ играть и переходящія въ собственность городовъ газовыя заводы, водопроводы и т. п., уменьшая мѣстные налоги. Относительно земель (пашень, луговъ, виноградниковъ) авторъ придерживается, напротивъ, того взгляда, что государство должно ихъ отчуждать въ частную собственность (оставляя, впрочемъ, лѣса за собою), при чемъ приводитъ примѣры быстрыхъ успѣховъ хозяйства и вообще культуры послѣ раздѣленія земель на мелкіе участки, обрабатываемые мелкими собственниками (стр. 40, т. I-й). Что же касается до лѣсовъ, составляющихъ большую часть недвижимыхъ имуществъ государства, то государство болѣе, чѣмъ частныя лица, способно къ ихъ правильной эксплуатациіи, совершающейся въ большихъ размѣрахъ, методически, приемами, такъ сказать, научными; кромѣ того, государство имѣетъ естественное назначеніе сохранить этотъ видъ богатствъ, который такъ необходимъ для страны и который частныя лица такъ склонны промотать (dilapider). Выручка отъ продажи государственныхъ земель должна идти на погашеніе государственныхъ долговъ и не должна идти не только на непродуманныя издержки, но и на текущіе расходы, такъ какъ выручка эта составляетъ только случайный и одновременный доходъ. Къ несчастью, говоритъ Леруа-Болль, опыты показываютъ, что продажа государственныхъ имуществъ обыкновенно нисколько не служитъ къ улучшенію государственныхъ финансовъ и служитъ обыкновенно, подобно

несомненной находкѣ или карточному вымыслу, расточительности (гл. IV, т. I. стр. 84). Нужны строго нравственные правительственные люди, чтобы удержаться отъ увлеченія перспективами экстраординарныхъ доходовъ. Во Франціи національныя имущества, имѣвшія громадную стоимость, были промотаны безъ всякой пользы для государства, или, лучше сказать, причинили только упрекъ великой революціи, послуживъ поводомъ къ выпуску ассигнацій; въ Испаніи не видно, чтобы продажа церковныхъ имуществъ поправила государственный кредитъ; въ Италіи также: духовныя имущества, хотя суммы отъ продажи ихъ и были употреблены на обыкновенный бюджетъ, не предохранили казны отъ займовъ и дефицитовъ. Отчужденіе государственныхъ земель нѣтъ много противниковъ (напримѣръ Лавеле), которые доказываютъ, сверхъ всякихъ другихъ соображеній, что государству гораздо выгоднѣе не продавать, а сдавать земли въ долгосрочную аренду — на 99 и даже на 150 лѣтъ, (если 99 лѣтъ покажется мало), такъ какъ, по истеченіи этого времени, государство опять становится собственникомъ земель, и притомъ земель улучшенныхъ, къ чему могутъ быть приняты извѣстныя мѣры. Противъ отчужденія есть и еще доводы, а именно, что оно порождаетъ обыкновенно спекуляцію на государственныхъ земляхъ и можетъ служить къ сосредоточенію поземельной собственности въ рукахъ капиталистовъ, что опасно не только для будущаго поколѣній, о которыхъ государство обязано заботиться, но и для населенія живущаго. Такого рода спекуляціи мы видѣли вездѣ въ Европѣ, но въ особенности обширныя размѣры онѣ принимали въ Америкѣ въ 1819—20 годахъ, въ 1837—39 годахъ и въ шестидесятыхъ годахъ. Меруа-Болье говоритъ, что правительства, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, обыкновенно испытываютъ сильное искушеніе на счетъ продажи государственныхъ имуществъ, и приводитъ нѣсколько фактовъ, какъ плачевна бываетъ продажа, совершаемая въ такія минуты. Выручается иногда такъ мало, что гораздо предпочтительнѣе заключеніе займовъ. Цѣны падаютъ такъ низко, что не выражаютъ даже приблизительно стоимости земли. Монастырскія имущества, проданныя при Генрихѣ VIII въ Англіи за 273,000 фун. стерл., въ настоящее время приносятъ 6 милл. фун. стерл. годового дохода (нежду прочимъ, это заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія, потому что и у насъ въ настоящую минуту начнаются спекуляціи на государственныхъ имуществахъ, только не на землю, а на уральскіе горныя заводы). Отчужденіе земель, разумѣется, гораздо лучше производить въ народныя руки. Если капиталисты представляютъ соблазны тѣмъ, что предлагаютъ

сразу большую сумму наличностью, хотя и они тоже требуют часто разсрочекъ, не обходятся безъ помощи иностранныхъ капиталистовъ и, въ концѣ концовъ, берутъ деньги съ народа, то правительство само можетъ достать деньги у иностранныхъ капиталистовъ подъ земли, отчуждаемыя народу и становящіяся несомнѣнно производительными. Образчикомъ этого можетъ служить комбинація, созданная Штейномъ въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Отчужденіе земель въ народныя руки имѣетъ у насъ еще то преимущество, что земли могутъ составлять общинную собственность, а, слѣдовательно, гарантировать страну отъ пролетаріата не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Но не уклоняемся, однако, въ сторону. Взглядъ Леруа-Больѣ на государственныя земли истекаетъ изъ стремленія сдѣлать ихъ наиболѣе производительными. Наибольшая производительность—главная цѣль автора. Онъ желаетъ, чтобы государство вообще предоставило частной дѣятельности тѣ отрасли народнаго хозяйства и промышленности, въ которыхъ оно менѣе способно, и взяло бы себѣ тѣ отрасли, въ которыхъ можетъ дѣйствовать лучше частныхъ лицъ, не подавляя, однако, частную предприимчивость и конкуренцію. Государство должно придти также туда, гдѣ частная инициатива недостаточна. Взгляды Леруа-Больѣ на поземельную собственность, можетъ быть, и ошибочны, можетъ быть, и отличаются извѣстною узкостью, но финансовая его теорія имѣетъ несомнѣнное будущее. Относительно предсказываемой и рекомендуемой имъ дѣятельности государства говорилось и раньше его, въ особенности въ нѣмецкой литературѣ, гдѣ вопросъ этотъ разсматривался теоретически и практически, но отношенію къ государственнымъ доменамъ и переходу въ казну желѣзныхъ дорогъ; но дѣло, собственно, не въ исторіи этого вопроса и не въ хронологіи авторовъ, а въ томъ, что вопросъ этотъ существуетъ и общасть быть живучимъ и дать выходъ изъ заколдованнаго круга экономической жизни. Государство, во всей вѣроятности, найдетъ впоследствии возможнымъ не только эксплуатировать лѣса, рудники и желѣзныя дороги (чему мы уже видимъ много удачныхъ примѣровъ) но и найдетъ возможнымъ основывать фабрики, а равно и заниматься или руководить земледѣліемъ, не становясь монополистомъ, не стѣсня частной дѣятельности и инициативы, а, напротивъ, возбуждая и регулируя ее. Такая дѣятельность государства можетъ быть необыкновенно благотворительна и полезна въ финансовомъ отношеніи. Тогда трактаты по финансовой наукѣ, вѣроятно, будутъ начинаться такъ: чѣмъ государство больше извлекаетъ средствъ собственной предприимчивостью, при наименьшемъ стѣсненіи част-

ной свободы и предприимчивости, чѣмъ меньшій налогъ платять граждане и чѣмъ ихъ меньше беспокоятъ фискальные чиновники, тѣмъ государство лучше выполняетъ свое назначеніе.

Такое будущее государственнаго хозяйства, будущее, хотя и отдаленное, по мнѣнію Леруа-Больё, по признаки котораго замѣчаются уже во многихъ государствахъ и въ особенности въ Пруссіи, сохранившей больше другихъ слѣды феодальнаго устройства и имѣющей различныхъ государственныхъ доменъ больше другихъ государствъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что Леруа-Больё вовсе не социалистъ, у которыхъ голова предполагается набитою всякими утопіями, а скорѣе буржуа, даже отсталой буржуа во многихъ экономическихъ вопросахъ; онъ не легкомысленный какой-нибудь мальчишка, а серьёзный европейскій ученый, экономическіе труды котораго французская академія уже пять разъ увѣличивала своими преміями. Къ сожалѣнію, говоримъ мы, наша податная коммиссія не потрудилась ознакомиться съ его сочиненіемъ о финансахъ, а у него она нашла бы по налогамъ много кое-чего интереснаго и поучительнаго. Такъ, напр., она нашла бы у него суровую критику прусскаго класснаго налога, которую могла бы съ успѣхомъ примѣнить и къ проектированному ему разрядному налогу. Она узнала бы, что Леруа-Больё считаетъ такого рода налоги и произвольными (*arbitraires*), и грубыми (*brutales*), считаетъ ихъ отдающими плательщиковъ на произволъ чиновниковъ и могущими существовать безъ неудобствъ только въ такихъ странахъ, какъ Пруссія, гдѣ администрація очень деспотична и имѣетъ чрезвычайную власть надъ гражданами (т. I, стр. 281). Коммиссія узнала бы, что такого рода налоги имѣютъ тотъ важный недостатокъ, что они существенно неравномѣрны, и что эта неравномѣрность, эта несправедливость лежитъ не въ одномъ только примѣненіи налоговъ, но и въ самомъ ихъ принципѣ, такъ какъ они принуждаютъ къ одинаковому платежу различные доходы. Она узнала бы, наконецъ, что Леруа-Больё думаетъ, что этого рода налоги принадлежать гораздо больше прошедшему, чѣмъ будущему и, что скоро мы не увидимъ этихъ налоговъ (*ibid*, 282).

Леруа-Больё гораздо больше сочувствуетъ чистому подоходному налогу, хотя находить и въ немъ недостатки, и доказываетъ, что подоходный налогъ, а равно и доходъ на капиталъ не могутъ одни питать сколько-нибудь значительнаго бюджета. Чрезвычайно ошибочная мысль, говоритъ онъ, когда разсматриваютъ подоходный налогъ, какъ главную финансовую пружину государства. Это налогъ только дополнительный, только добавочный и компенсирующій, если можно такъ выразиться, который пред-

назначенъ для восстановления въ системѣ фиска справедливости, предъявляя къ классамъ богатымъ и достаточнымъ требованіе дополнительныхъ платежей, такъ какъ они, платя наравнѣ со всѣми прямыя налоги, въ тоже время слишкомъ оберегаются косвенными налогами. Хотя подоходный налогъ и представляется только прибавочной и второстепенною частью податной системы большаго государства (второстепенною потому, что можетъ составлять только $\frac{1}{10}$ и рѣдко $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{5}$ суммы всѣхъ поступленій), но тѣмъ не менѣе онъ представляется и весьма существенною частью податной системы, такъ какъ безъ такого рода налоговъ въ ней не будетъ справедливости, такъ какъ податное уравненіе, чрезвычайно затруднительное, необходимо. Есть люди, которые ничего не платятъ государству, между тѣмъ, какъ получаютъ очень много, и такихъ людей очень не мало. Жалобамъ на двойное обложеніе однихъ и тѣхъ же источниковъ дохода, которыя нерѣдко раздаются при введеніи подоходнаго налога, при существованіи другихъ прямыхъ налоговъ, нельзя придавать особаго значенія, какъ въ виду незначительности подоходнаго налога, такъ и въ виду того, что люди зажиточные и достаточные далеко не въ такой пропорціи подвергаются косвеннымъ налогамъ, какъ рабочіе. Съ своей стороны, мы считаемъ даже необходимымъ, чтобы подоходный налогъ шелъ всегда параллельно съ налогомъ на имущество, сообразуясь съ нимъ, подобно тому, какъ это мы видимъ въ Швейцаріи, и никогда не дѣлался налогомъ унитарнымъ для обложенія достаточныхъ и богатыхъ классовъ. Это необходимо по многимъ соображеніямъ, какъ потому, что затруднительно правильно опредѣлять доходность имущества, и многія имущества, принося большой доход, могутъ совсѣмъ не нести подоходнаго налога, такъ и потому, что вполне справедливо парализировать большіе захваты земель и другихъ естественныхъ богатствъ, которыя, если даже и не приносятъ владельцамъ ихъ соответственнаго дохода, то составляютъ предметъ роскоши, вредный для общественнаго благосостоянія. Въ противномъ же случаѣ, придется придать подоходному налогу особое устройство и именно, какъ говоритъ Леруа-Болье по поводу встрѣчающихся затрудненій при введеніи его, раздѣлить его на известное число различныхъ налоговъ, падающихъ на различныя отрасли доходовъ, что значительно измѣнитъ его характеръ. «Il ne s'agit pas seulement de constater tous les revenus, говоритъ Леруа-Болье:— il faut frapper les uns et les autres conformément aux principes de justice» (Гл. X, т. I стр. 426). Затрудненія, встрѣчаемыя подоходнымъ налогомъ для такого справедливаго примѣненія, очень велики; ихъ можно болѣе или менѣе ослаб-

лать, но совершенно устранить нельзя. Здѣсь, говоритъ авторъ, представляется задача, аналогичная съ квадратурою круга. Вотъ напр., два человѣка, говоритъ онъ, въ которыхъ одинъ получаетъ 10 т. фр. въ годъ своимъ личнымъ заработкомъ, а другой, его сосѣдъ, получаетъ также 10 т. фр. въ видѣ процентовъ съ капитала или отдавая свою землю въ аренду фермерамъ. Слѣдуетъ ли ихъ облагать одинаково? Разумѣется, нѣтъ, потому что въ доходѣ перваго рода есть часть, которая должна представлять собою погашеніе и страховую премію, часть, предназначаемая для сбереженія, такъ какъ получаемыя 10 т. ф. не представляютъ собою дохода постоянного, какъ въ первомъ случаѣ. Если хотять, говоритъ Леруа-Больѣ, установить на такой доходъ налогъ вполнѣ справедливый, то нужно изъ него вычесть часть, которая должна страховать плательщика на старость, и чтобы оставить небольшое наслѣдство семьѣ. Англійскій экономистъ Мак-Куллакъ давно уже высчитывалъ, что человѣкъ, получающій такимъ образомъ, 1,000 фунт. стер. въ годъ, на самомъ дѣлѣ получаетъ только 660 фунт. и что нести налогъ онъ долженъ только по этой послѣдней суммѣ. Очевидно, что, облагая одинаково ренту и заработокъ, подоходный налогъ несетъ съ собою несправедливость. Кроме этого недостатка, подоходный налогъ имѣетъ еще и другіе постоянные и важныя, по словамъ Леруа-Больѣ, недостатки: онъ не освобождаетъ плательщиковъ отъ чинничьяго произвола, имѣетъ инквизиціонный характеръ и т. д. М. Massey, бывшій англійскій министръ финансовъ въ Индіи, находилъ подоходный налогъ инквизиціоннымъ даже по самой своей природѣ, находилъ его также несправедливымъ въ примѣненіи и деморализующимъ національную нравственность. Все это не мѣшало бы имѣть въ виду тѣмъ поклонникамъ подоходнаго налога, которые видятъ въ немъ послѣднее слово налоговой справедливости и желали бы видѣть его господствующимъ и даже исключительнымъ налогомъ въ государствѣ; эти поклонники въ особенности часто налегаютъ на то, что подоходный налогъ есть настоящее благодѣаніе для бѣдняковъ, освобождающихъ отъ налога. По теоріи, оно дѣйствительно выходитъ довольно гладко: платится налогъ не съ лица, можетъ быть, ничего не имѣющаго, не съ возможности дохода, а съ дѣйствительнаго чистаго дохода, платятъ его люди достаточные, а бѣдняки освобождаются; но на практикѣ дѣло обыкновенно выходитъ вовсе не такъ складно. Обыкновенно богатые люди не соглашаются платить столько, сколько нужно, а желаютъ платить возможно меньше: подоходный налогъ, какъ мы уже сказали, нигдѣ не составляетъ основанія бюджета и доставляемыя имъ суммы пред-

ставляют только незначительное процентное отношение къ суммамъ, доставляемымъ другими налогами. Приведа выше процентное отношеніе подоходнаго налога къ прямымъ налогамъ въ Европѣ, мы, конечно, еще не получили настоящаго понятія о дѣлѣ, такъ какъ прямыя налоги въ большинствѣ государствъ сами представляютъ только слабое отношеніе къ общей суммѣ государственныхъ доходовъ, получаемыхъ главнымъ образомъ посредствомъ налоговъ косвенныхъ. Вотъ, по М. Блокку, въ какомъ видѣ представится отношеніе подоходнаго налога къ суммѣ всѣхъ государственныхъ доходовъ по бюджетамъ иностранныхъ государствъ за 1876 г.:

	Валовая сумма подоходнаго налога.	Сумма всѣхъ госуд. доходовъ.	Процент. отнош. подоход. налога.
Въ Австріи (Цислейтаніи)	19,500,000 гульд.	873,552,842 гульд.	5,22%
Въ Англіи.....	5,280,000 ф. ст.	78,565,036 ф. ст.	6,07%
Въ Баваріи.....	1,203,490 марокъ	257,360,768 марокъ	0,46%
Въ Италіи.....	180,485,946 фр.	1,248,629,180 фр.	14,45% ¹
Въ Пруссіи.....	70,852,000 марокъ	651,429,400 марокъ	10,87%

Отношеніе очень неблагоприятное! Леруа-Больё говоритъ, что въ странахъ благоденствующихъ подоходный налогъ можетъ удваиваться въ теченіи 30—35 лѣтъ, безъ измѣненія размѣровъ обложенія и условій взиманія, и видитъ въ этомъ «un mérite de premier ordre» подоходнаго налога (т. I, гл. X, стр. 458). Между тѣмъ, вотъ что мы видимъ въ странѣ несомнѣнно благоденствующей, въ странѣ, гдѣ подоходный налогъ введенъ раньше другихъ странъ и, по словамъ самого Леруа-Больё, гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Страна эта—Англія. Леруа-Больё приводитъ подробныя цифры развитія подоходнаго налога въ Англіи, разсмотрѣніе которыхъ дастъ слѣдующее: въ 1842—3 году, когда послѣ 4-хъ часовой рѣчи Р. Пилля подоходный налогъ былъ снова введенъ, онъ принесъ 5,607,798 фунт. ст., въ 1852—3 году онъ далъ 5,931,982 ф.; въ 1862—3 г.—11,248,681 ф. Можно бы было думать, что возрастаніе продолжится, но въ 1872—3 году подоходный налогъ далъ только 7,500,000 ф., въ 1873—4 г.—5,691,000 ф., въ 1874—5 г.—4,306,000 ф. и въ 1875—6 г.—4,109,000 фунт. Прошло около 35 лѣтъ и налогъ не только не удвоился, а даже уменьшился.

¹ У насъ проектированный разрядный налогъ, по расчету комиссія, долженъ составлять 8,22% по отношенію къ суммѣ всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, показанныхъ за 1876 г. (за вычетомъ оборотныхъ поступленій) въ 540,157,610 р. Въ настоящее время это отношеніе, конечно, будетъ еще неблагоприятнѣе.

Онъ возросталъ во время итальянской, австрійской и франко-прусской войны, онъ достигалъ во время крымской кампаніи даже до 16,915,332 фунт., онъ возросталъ по случаю неблагопріятной жатвы и промышленныхъ затрудненій (что доказываетъ только, что зажиточные классы могутъ платить значительные налоги), но, разъ положеніе поправлялось, налогъ уменьшается съ 16 мил. сначала до 7 мил., а на слѣдующій годъ до 5 мил. и даже менѣе. Процентъ обложенія спускался съ 4,8% и 6,6% до 2,5%, 1,64%, 1,23% и даже 0,82%. Подобная растяжимость налога, позволяющая безъ внутреннихъ замѣшательствъ, смотря по обстоятельствамъ, увеличивать и уменьшать бюджетъ, разумѣется, составляетъ качество налога, и англійское правительство имъ отлично пользуется, какъ клапаномъ для предупрежденія народныхъ неудовольствій; но дѣло въ томъ, что податного облегченія народа вовсе не происходитъ и расплачиваться за все приходится народу, а не лордамъ и буржуазіи. Одновременно съ подоходнымъ налогомъ мы видимъ сильное возрастаніе косвенныхъ налоговъ, возрастаніе, совершающееся изъ году въ годъ, въ непрерывной прогрессіи, такъ что нетолько не происходитъ компенсаціи косвенныхъ налоговъ, какъ это предполагается, но происходитъ даже обратное. Другіе прямые налоги также далеки отъ этого: въ англійскомъ бюджетѣ 1876 г. они составляютъ только 7,812,000 фун., т. е. менѣе 10% всѣхъ государственныхъ доходовъ. Словомъ, совершается переключиваніе податной тяжести на бѣдняковъ. Но это только одинъ способъ переключиванія налога, способъ, такъ сказать, парламентарный, законодательный; рядомъ съ нимъ существуетъ другой способъ, частный, который, по всей вѣроятности, успѣваетъ переложить на бѣдняка все остальное, что не переложено по первому способу. Лордъ переключиваетъ свой налогъ на фермера, а этотъ послѣдній на земледѣльца—работника и на цѣну хлѣба; купецъ переключиваетъ свой налогъ на покупателя, а фабрикантъ на купца и рабочаго, даже чиновникъ требуетъ себѣ у государства соответственной прибавки жалованья и возвращаетъ то, что у него взято налогомъ. Отдуться за всѣхъ, въ концѣ концовъ, приходится послѣдней спицѣ въ государственной колесницѣ, которая переложить налога ни на кого уже не можетъ и если дѣлаетъ попытки къ этому, прося прибавки заработной платы, то по большей части безуспѣшно. Нашъ проектъ разряднаго налога предоставляетъ, между прочимъ, нанимателямъ право удерживать изъ жалованья служащихъ вносимые за нихъ налоги, что, конечно, совершенно излишне, такъ какъ это будетъ происходить и безъ этого. Подоходный налогъ, вѣроятно, будетъ даже служить

во многихъ случаяхъ, подобно таможенной пошлинѣ, предложомъ для перекладыванія налога съ излишкомъ, съ преміей, точно также какъ повышеніе пошлинъ или паденіе курса служитъ предложомъ для повышенія цѣнъ на товары въ болѣе значительной степени, чѣмъ упалъ курсъ или повысилась пошлина. Процедура подобнаго перекладыванія, конечно, довольно неприятна — сопряжена съ неприятными разговорами, а, можетъ быть, даже и исторіями, потому что послѣдняя спица въ государственной колесницѣ нѣкоторое время тоже упирается, такъ что, въ виду этого, нѣкоторые изъ перекладывающихъ, вѣроятно, уступятъ все-что, но рассчитывать на это послѣдняя спица не можетъ — она можетъ рассчитывать только на доброту и великодушіе перекладывающихъ, расчетъ на которыя столь шатокъ. Между прочимъ, въ №№ 8 и 9 «Вѣстника Европы» за нынѣшній годъ напечатана, если недостаточно обстоятельная, какъ увидимъ ниже, то весьма интересная статья Л. Черняева, направленная противъ подоходнаго налога, въ которой авторъ, между прочимъ, приводитъ доказательства тому, что подоходный налогъ сопровождается въ Англіи возрастаніемъ цѣнъ на хлѣбъ и товары, какъ обложенные акцизомъ или пошлиною, такъ и свободные отъ нихъ. Все это привело автора къ убѣжденію, что подоходный налогъ, который въ особенности нѣмецкими экономистами рассматривается, какъ налогъ на богатыхъ и достаточныхъ, напротивъ, «есть налогъ на бѣдныхъ въ пользу богатыхъ болѣе, чѣмъ всякій другой потребительный акцизъ», а по отношенію къ назвѣ онъ «имѣетъ характеръ отрицательныхъ свойствъ, т. е. уменьшаетъ поступления отъ другихъ источниковъ бюджета». Авторъ идетъ дальше и говоритъ, что подоходный налогъ есть даже не косвенный, а прямой налогъ на бѣдныхъ. И дѣйствительно, несмотря на освобожденіе нищихъ, онъ непосредственно падаетъ тяжелѣе всего на тѣхъ, кто только поднимается изъ нищенства. Въ Пруссіи, на примѣръ, изъ 100 плательщиковъ 96 бѣдняки, получающіе 400 таллер. дохода. Вотъ какого рода цифры находятся у Э. Энгеля въ «Zeitschrift der K. Preussischen Statist. Bureau», Берлинъ 1868 и 76 г., касательно распредѣленія подоходнаго налога въ населеніи: 1) классную подать платили:

	1855 г.		1866 г.		1878 г.	
	ЧЕЛ.	ТАЛ.	ЧЕЛ.	ТАЛ.	ЧЕЛ.	ТАЛ.
Плательщики съ доходъ ниже 400 тал., обложенные отъ $\frac{1}{2}$ до 8 тал.	5.096,309	6.387,285	5.729,145	7.063,704	6.016,710	7.655,070
Плательщики съ доходъ отъ 400 до 1000 тал., облож. отъ 10 до 24 тал.	142,587	2.015,766	186,904	2.697,992	207,502	3.009,748
	5.238,896	8.358,051	5.916,049	9.761,696	6.224,212	10.664,818

Между тѣмъ, какъ классифицированной подати, съ доходовъ выше 1000 тал., платилось за тѣ же года: въ 1865 г. — 49,997 плательщиками 2.972,200 тал.; въ 1865 г. 69,565 плательщиками 4.334,160 тал. и въ 1873 г. 98,150 плательщиками 6.958,494 тал. То, что число плательщиковъ и сумма сбора увеличивается въ категоріи большихъ доходовъ больше, чѣмъ въ малыхъ, показываетъ только, по словамъ г. Черняева, что «подходный налогъ является для большихъ доходовъ какъ бы поощряющимъ, какъ бы источникомъ дохода». Если доводы автора показались недостаточно убѣдительными, то во всякомъ случаѣ онъ смотритъ на предметъ подѣ болѣе вѣрнымъ угломъ, чѣмъ газеты, расписавшіяся за подходный налогъ и рисовавшія его верхомъ справедливости и какимъ-то волшебнымъ элексиромъ, который залечитъ наши язвы. И въ Пруссіи подходный налогъ составляетъ незначительную часть бюджета, и тѣмъ, что составляетъ даже такую часть, онъ главнымъ образомъ обязанъ тому, что платятъ его бѣдняки: ремесленники, годовые мастера, подошвышники и т. п. Наибольшее число плательщиковъ приходится на первые разряды и на низшіе оклады: 15 зильбергр., 1 тал. и 2 тал. (окладъ, служащій ценомъ для выборнаго права), затѣмъ и число плательщиковъ, и вносимая ими общая сумма налога довольно рѣзко обрывается. И въ Пруссіи косвенные налоги составляютъ главную основу бюджета и развиты въ цѣлую систему. Въ 1855 г. въ общей суммѣ доходовъ государства, равнявшейся 108 мил. тал., доставлялось прямыми налогами только 12 мил. тал. и 11 мил. государственнымъ доменами: Приблизительно тоже самое и теперь: хотя классифицированная подать и поднялась въ 1876 г. до 29 мил. марокъ, но за то возросъ и бюджетъ до 651½ мил. мар. Видѣть въ подходномъ налогѣ рѣшеніе финансовой и тѣмъ болѣе экономической квадратуры круга ни коимъ образомъ нельзя. Слѣдуетъ всегда помнить, что капиталисты не склонны платить добровольно налоговъ¹, что надѣ всѣмъ обществомъ приходится водружать административную и полицейскую палку, что въ каждый карманъ, а зачастую и въ душу, приходится посылать чиновника и что, наконецъ, въ заключеніе всего этого, совершается перекладываніе налога на послѣднюю слицу

¹ Въ этомъ отношеніи налогъ, введенный у насъ въ 1812 г. и представлявшій владѣльцамъ показывать свой доходъ по доброй вѣрѣ и чести, далъ очень откровенный примѣръ. По сохранившимся свѣденіямъ видно, что въ государственна росписи было занесено этого налога: къ 1818 г. — 1.224,289 р., въ 1817 г. — 585,000 р., въ 1818 г. — 585,000 р. и въ 1819 г. — 639,900 р. Недомки стали накопляться съ перваго же года и не могли быть высланы до августа 1826 г., когда послѣдовалъ всемілостивѣйшій манифестъ о сложеніи ихъ (Гр. Пол. Ком. т. XVI. ч. II.).

*

въ государственной колесницѣ. Но иной читатель, прочтя статью Чернилева, можетъ, однако, придти къ абсурду, а именно: что богатыхъ людей, сколько ни облагай подоходнымъ налогомъ, они все равно переложатъ его на кого слѣдуетъ, а потому, молъ, не лучше ли будетъ ихъ совсѣмъ освободить отъ налога или обложить такимъ малымъ налогомъ, который они платили бы сами добровольно. Это, говоримъ мы, абсурдъ, какъ съ точки зрѣнія справедливости, такъ и потому, что перекладывать можно всякій прямой налогъ: и большой, и малый, и земельный и промысловый, и даже налогъ на наслѣдства. Прежде въ наукѣ существовало мнѣніе, что земельный налогъ всегда падаетъ на ренту, но мнѣніе это, поколебленное еще знаменитымъ Риккардо, давно уже оставлено. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что землевладѣлецъ надлежитъ освободить отъ налога на землю. При извѣстныхъ условіяхъ перекладываніе поземельнаго налога можетъ быть затруднительнымъ, при извѣстной дѣятельности правительства оно можетъ ослабляться и уравниваться, и земельный налогъ имѣть много защитниковъ (напримѣръ, хоть того же Леруа Болье). Неудачная практика подоходнаго налога и обнаруженія имъ отрицательныя стороны также ничего еще не доказываютъ въ этомъ отношеніи. Налоги на роскошь въ Англии (на экипажи, гербы, прислугу и т. д.)—assessed taxes и добавочный къ нимъ aid and contribution tax имѣютъ еще болѣе печальную исторію, но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы отъ налоговъ на роскошь слѣдовало отказаться, по крайней мѣрѣ, это было бы очень печально, пока существуютъ налоги на соль и другіе необходимые предметы. Все это показываетъ только, что, при введеніи такихъ налоговъ, слѣдуетъ быть осмотрительнѣе, что однимъ введеніемъ ихъ ограничиться нельзя, что должны приниматься мѣры противъ перекладыванія ихъ на послѣднюю спицу, и къ тому, чтобы сама эта послѣдняя спица могла противодѣйствовать такому перекладыванію или могла его уравнивать повышеніемъ заработной платы или какими-нибудь иными способами, которыхъ не мало въ рукахъ правительства. Сюда-то преимущественно и должны направляться заботы государства при введеніи новыхъ налоговъ. Не слѣдуетъ еще никогда упускать изъ вида, что подоходный налогъ иногда (по обстоятельствамъ, или въ видахъ будущаго) встрѣчается очень охотно высшими сословіями: такъ, напримѣръ, англійская аристократія и буржуазія съ сочувствіемъ отнеслась къ нему въ 1842 году, когда чартистское движеніе приняло значительные размѣры; точно также охотно прежде лорды принимали на себя поземельные налоги, когда добивались политическаго преобла-

данія и стремились къ обезземеленію народа. Изъ всѣхъ ошибокъ французскаго дворянства, самую капитальную, по мнѣнію Токквилля, была та, что оно взвалило все податное бремя на народъ и упорствовало, защищая свою податную льготность. Это было главною причиною его печальной участи, тогда какъ англійское дворянство выиграло. Оно оказалось умнѣе: «я плачу прямой налогъ, говорило оно:—а потому завѣдую расходами и управляю страной». (О косвенныхъ налогахъ говорилось, конечно, что всѣ ихъ платять одинаково). Прямые налоги легли въ основу политическаго представительства. Въ Пруссіи избирательное право также принадлежитъ только платящимъ прямые налоги. Когда же въ основу избирательныхъ правъ кладется имущественный цензъ, то выходитъ то, что не только громадное большинство націи лишается права голоса, но и тѣ изъ бѣдняковъ, которые платять прямые налоги, не имѣютъ съ людьми богатыми одинаковыхъ правъ. Такъ, напримѣръ, по прусскому избирательному трехклассному закону 1849 года, плательщики прямыхъ податей были раздѣлены на три класса такимъ образомъ: къ I-му классу относились 153,808 избирателей, ко II му—409,945 и къ III-му—2,691,950. Такимъ образомъ, оказывалось, что 2,691,950 работниковъ, мѣщанъ и крестьянъ, платившихъ низшіе оклады класснаго налога, имѣли одинаковое число голосовъ съ 153,807 человекъ, людей богатыхъ, платившихъ классифицированную подать, а съ другой стороны, съ 409,945 человекъ средняго достатка... Къ этому также подлежитъ быть особенно внимательнымъ. У насъ, конечно, нѣтъ политическаго представительства, но у насъ есть земское представительство, земское избирательное право, земское хозяйство, земская раскладка податей и т. д. Вотъ почему мы и стоимъ за то, чтобы право голоса было связано не съ имуществомъ, не съ имущественнымъ налогомъ, а съ налогомъ личнымъ. Вотъ почему мы и стоимъ за сохраненіе у насъ принципа личнаго налога, не въ формѣ и не въ размѣрахъ, разумѣется, нашей подушной подати, а въ формѣ болѣе совершенной и справедливой. Хорошо ли понимали всѣ, ратовавшіе у насъ противъ подушныхъ податей, значеніе этихъ вопросовъ—не знаемъ. Многіе, конечно, только стыдились ихъ, какъ слѣдствъ нашего крѣпостнаго права, какъ слѣдствъ нашей недавней проституціи, стыдились за наше реноме въ Европѣ. Они знали, что подушныя подати отмѣнялись у цивилизованныхъ народовъ, они читали кое-что по политическимъ наукамъ и можетъ быть даже вычитали у Монтескьё, знаменитаго автора «Духа законовъ», что «поголовная подать прилична рабству, а подать на имущество—свободѣ»; но вотъ двѣ страны, находящіяся на очень

высокой ступени цивилизаціи, гдѣ личный налогъ еще сохранился и до сихъ поръ, это — Франція и большая часть штатовъ Американскаго Союза (Леруа-Больё, т. I, стр. 272). Говоря это, мы не сомнѣваемся, что у насъ есть и люди отлично понимающіе значеніе настоящаго вопроса, и имъ-то, главнымъ образомъ, мы и советуемъ: или выступить откровенно съ своими планами, или же, подумавъ о предметѣ, ратовать не за уничтоженіе подушныхъ податей, а за ихъ уменьшеніе и податную реформу вообще, въ видахъ внесенія въ нее бѣльшей уравнительности и справедливости. Старое вовсе не все такъ худо, какъ кажется защитникамъ новаго, которое часто бываетъ даже вовсе и не ново. Леруа-Больё критически относится къ системѣ нашихъ подушныхъ податей, при которой личный налогъ терпелъ «*son véritable caractère*» и «*devient un impôt sur le revenu de la plus mauvaise nature*», но онъ говоритъ, что «*cet impôt est raisonnable en principe*» и «*parfaitement justifiable*», добавилъ, впрочемъ, къ послѣднему, что «*l'impôt personnel ne se justifie que lorsqu'il se rattache à la jouissance des droits politiques et en est la condition*» (гл. V, т. I, стр. 272—4).

УСТОИ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСЕЛКА ¹.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Раздѣль.

Въ Ямской слободѣ губернскаго города N наибольшей извѣстностию среди трудового странствующаго крестьянства пользовался постоянный дворъ выписавшагося въ мѣщане крестьянина деревни Дергачи Еремѣя Еремѣича Строгаго. Надо думать, что окрестили его такимъ прозвищемъ не даромъ, такъ какъ былъ онъ, дѣйствительно, мужикъ «строгихъ правилъ» и притомъ «строгаго обличія». Высокій, коренастый, сутуловатый, съ большой лысиной на головѣ, длиннымъ носомъ, поросшимъ сѣдыми волосами на концѣ, сердитымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ и сѣдой бородой—онъ вездѣ, въ церкви ли, въ думѣ ли среди гласныхъ, на базарахъ ли, рѣзко выдѣлялся изъ толпы. А его суровый, глухой, но сильный, какъ труба, голосъ хорошо былъ извѣстенъ какъ торговому, такъ и крестьянскому сословію, назвавшему въ городѣ. Кромѣ того, онъ пользовался извѣстностию, какъ человѣкъ справедливый и неподкупный; справедливый потому, что не обсчитывалъ мужиковъ, насыпалъ полныя мѣры овсомъ и не только не допускалъ насыпки «слегка», но даже постукивалъ по бочкамъ желѣзной мѣры и встряхивалъ ее, въ доказательство своей «справедливости»; неподкупный—потому, что постоянно велъ войну съ мелкой полицейской сошкой, давая которой взятки считалъ «отъ Бога нигдѣ не положеннымъ» и «ни отъ кого не предписаннымъ». Эта война очень не рѣдко доводила его до самого губернатора, съ которымъ онъ имѣлъ храбрость объясняться безъ холопства и безбоязненно, вѣроятно,

¹ См. «От. Зап.» май и октябрь, 1878 г.

потому, что вполне вѣрилъ, что выше губернатора есть еще Богъ, да царь. Вотъ этотъ-то «строгихъ правилъ» человекъ возвращался, однимъ зимнимъ утромъ, отъ раннихъ обѣденъ, къ себѣ домой.

Войдя въ первую, просторную комнату, съ черными лакированными стѣнами, увѣшанными дубочными картинами религіозной морали, онъ помолился въ передней уголѣ, и, распоясывая кушакъ, крикнулъ своимъ громовымъ голосомъ.

— Эй! живы ли?

— Живы, живы, по милости Божіей! отвѣчалъ изъ заднихъ комнатъ, вѣроятно, изъ «стрипной» чей-то женскій голосъ.

— Ну, и слава Создателю!... кипяточку бы наставить не мѣшало.

— Готово, готово.

— А это и еще лучше. Нутро попарить — важное дѣло! перекливался Еремѣй Еремѣичъ, стаскивая съ себя кафтанъ. Онъ остался въ красной ситцевой рубахѣ и, похрапывая, усѣлся на лавкѣ, растопыривъ ноги, какъ человекъ, вполне довольный самимъ собой.

— Али никто не навертывался? крикнулъ онъ опять.

— Есть, есть... Мы, батюшка, навернулись... Нашъ судьба вернула... Али не примѣтилъ на дворѣ подводы-то? сказала старуха Оеклуша, выходя изъ стрипной.

— Да ты, старая, какъ забралась сюда? спросилъ Строгий.

— Ты на меня не дивись. А то дивись, мы вѣдь къ тебѣ всѣмъ Волчьимъ Поселкомъ тронулись. Вонъ она — какая машина! И Ульяна Мосевна, и братья — всѣ съ родного гнѣзда тронулись.

— Что такъ?

— Вотъ и такъ. И я ужъ за ними... Старичка-то моего, Мосея, скоронили, такъ на свободѣ я теперь... Вотъ и притыкаюсь ко всѣмъ... Они тронулись въ городъ, и я думаю, хошь Богу помолюсь. Авось то же не безъ пользы будетъ къ ихнему дѣлу.

— Да какое дѣло-то?

— Да нушто ты невѣстентъ? укорительно качая головой, повязанной синимъ повойникомъ, сказала Оеклуша: — Да полно се, Еремѣй Еремѣичъ, шутки со мной шутить.

— Говорю, ничего не знаю! крикнулъ Строгий.

— Ой, не кричи, родимый! схватилась старушка руками за уши, а ея сухошавая фигура такъ и заколыхалась, словно подъ налетомъ вѣтра: — и совсѣмъ ты меня рѣчи лишишь, такъ-то трубивши! Ты полегче, родимый, со мной... Вѣдь ужъ мнѣ, люди-то считаютъ, за девъ носомъ перевалию.

— Ну, ладно, пощажу твою драхлость. Давай-ка вот попьемъ кипяточку, а тѣмъ временемъ не торопясь и расскажешь, шутить Строгий, принимаясь заваривать чай изъ самовара, который внесла толстая, грудастая дворничка.

— Слышалъ? Дѣла-то какія? спросила она мужа и вышла опять.

— Да нѣту же!

— Али не бывали у тебя Ванифантій-то Мосенчъ съ крестникомъ? спросила Оеклуша.

— Нѣту.

— Ишь ты! У крестнаго отца не былъ! А поди ужъ съ мѣсяцъ въ городѣ живутъ.

— Петюшка-то съ отцомъ?

— Они, они, вмѣстѣ теперь, неразлучно.

— А Ульяна-то гдѣ же? Говоришь, и Ульяна здѣсь?

— Ушли... только что приѣхали—и ушли... Хлопотать въ палаты ушли. Тоже боятся, какъ бы просрочки не сдѣлать.

— Да что у нихъ такое, скажешь ты или нѣтъ? не выдержалъ опять Еремѣй Еремѣичъ и даже ногой прытопнулъ.

Оеклуша такъ и обмерла. Чуть выговаривая, задыхаясь, она только твердила: «мышьядь... мышьядь... одолѣла, родимый, мышьядь».

— Какая такая мышьядь? Ну, да Богъ съ тобой — пощажу твою драхлость, махнулъ рукой Строгий: — рассказывай сама, какъ ума хватить. И Еремѣй Еремѣичъ принялся усиленно клебать съ блюдечка чай.

— И пошла, родимый, съ самой-то осени, начала, нѣсколько приходя въ себя Оеклуша: — и пошла это мышьядь... Такая мышьядь, такая мышьядь — видимо-невидимо... И идетъ, и идетъ, откуда только едакая машина этой гадины берется... Это, видишь, какъ разъ, когда старика похоронили... Ну, думаю-гадаю, не къ добру это... Ой, не къ добру!... Говорю:—унесъ съ собой, старый, въ гробъ райскую тишину изъ гнѣзда! И повалила эта мышьядь... Все валить, все валить..

— Да ужъ слышалъ! Дальше-то что?

— А за-раньше того, пчела у меня взбунтовалась. Вотъ и бунтуетъ пчела, вотъ и бунтуетъ—и нѣту мочи съ ней, никакого сладу. Вѣкъ за пчелой ходила, а такого бунту отъ нея не видела....

— Ты мѣй вотъ что, старуха, перебилъ Оеклушу Строгий: — ты мѣй одно только скажи толкомъ: зачѣмъ они въ палату пошли?

— Да судьбище у нихъ, родимый, судьбище промежъ собой началось.

— За что? Чего дѣлать?

— Въ раздѣлъ пошли!

— Въ раздѣлъ?... Что за оказія! Это братья-то Волка?

— Они, родимый, они самые! благомысленные братья...

— Да вѣдь я у нихъ на праздникѣ былъ, ничего не пригѣтель... какъ быть семья благословенная!

— Что говорить! Праздникѣ былъ истинно благословенный. Раньше-то было и вышло у нихъ препирательство, а тутъ и опять все забыли... Свои люди, побранятся, сами и помрутся... И Ванифантій Мосеичъ, и Петруша, и Вахромей Мосеичъ—всѣ какъ будто по душевному одинъ съ другимъ. Ульяна Мосевна не нарадовалась... Только вотъ, послѣ тебя-то, на третій день ужъ это будетъ, сидѣли это всѣ съ гостями у качелей, пѣсни играли... Гляжу это я, родной, а черезъ улицу-то, къ житницамъ, мышь пошла. Вотъ и идетъ мышь, и идетъ стадомъ, стадомъ... Я такъ и ругами взмахнула, говорю: ой, не къ добру! А меня всѣ ругать... Идетъ это мышь — только за ней слѣдомъ изъ городу москвичъ ѣдетъ, а за москвичемъ староста Макридій Сафроничъ (только что онъ тоже изъ города вернулся: въ казну деньги возилъ). Ну, и принялись ихъ угощать... А Макридій-то Сафроничъ, знаешь, вакой, выпимши-то, на языкъ не воздержный? Сейчасъ это въ великое удовольствіе пришелъ, да и по-завидуй: «Эхъ, говорить, что это у васъ только за жизнь въ селекъ! Хошь бы денегъ такъ пожилъ! Тутъ бы какъ и умеръ отъ одного удовольствія! Да этого еще, говорить, мало... Мы, говорить, всѣхъ въ законный бракъ сочетаемъ!... Ужъ ежли теперь не время, такъ, пожалуй, лучшаго и не дождешься... Всѣ, говорить, теперь на лицо. Вотъ, говорить, прикѣрно Ульянею съ Сатиромъ, шутить, Ивана Забытаго къ Лушѣ приспособимъ, Аннушку Сатирову съ Петромъ Ванифантычемъ, а въ закончаніе всего Ванифантія самого къ солдаточкѣ Сиклетѣй пристроимъ!... Тогда, говорить, неуклонно благодать Господня надъ вами въ вѣки вѣчныя укрѣпится!...» Сказалъ это онъ, а Петръ Ванифантычъ съ отцомъ да съ москвичемъ улыгнулись, да въ одинъ голосъ: «Новѣ времена другія, Макридій Сафроничъ: — кое-что у умныхъ людей и получше удумано! Такъ какъ, говорить москвичъ-то, наши теперь общія дѣла въ городѣ на лучшемъ ходу стоятъ, то позвольте, будущій тятенька, съ вашего позволенія вашу дочку на нашемъ жеребцѣ по улицѣ прокатить! А мы, говорить, уже въ городѣ все прикончили: ваше земельное имущество завтра же заложимъ и ка-

питали получимъ!» Какъ это онъ, родимый, только выговорилъ, и пошла тутъ скорбь на весь поселокъ... Такая ли скорбь!

Старушка закачала головой, замолкла и вслакнула. Долго она вскликивала и утирала носъ платкомъ. Еремѣй Еремѣичъ отъ усиленнаго вниманія, съ которымъ онъ пилъ чай и слушалъ старуху, до того вспотѣлъ, что потъ съ него лилъ градомъ, и онъ только постоянно вытиралъ лицо полотенцемъ, да дѣлалъ знаки женѣ—не перебивать рассказчицу. Онъ уже боялся и заикнуться, чтобы не сбить старуху съ колен, на которую она попала, наконецъ. Старушка продолжала плавать. Дворничиха, смотря на нее, чуть сама не прослезилась, а въ дверяхъ въ страпную, стояла, вся разрисованная мукой, стряпуха и, подперевъ голову руками, умильно смотрѣла на Ѳеклушу.

— Ну! старушка, ну! рискнулъ нѣжно понукнуть Ѳеклушу соскучившейся ея слезами Еремѣй Еремѣичъ.

— Сейчасъ, родимый, сейчасъ... Жалко вѣдь! На Макридія-то Сафронича я все сержусь: не воздерженъ ужъ онъ на языкъ-то очень... И доброе слово сказать тоже надо надо во времени, да къ мѣсту, да съ молитвой...

— Ну, ну, старушка, дальше-то что! подгонялъ Строгий, стараясь возможно спустить свой голосъ на самыя низкія ноты.

— И пошла, родимый, скорбь на весь поселокъ... Вахромей-то Мосевичъ налетѣлъ это на Ванифантія съ Петромъ. «Вы, говорить, съ чьего это спросу, по чьему приказу?» «Мы, говорятъ, ни съ чьего спросу, ни съ чьего приказу, а съ того, что мы мужики умные, не чета вамъ, глѣснымъ дуракамъ!..» Прасковья-то Хину въ спину колотить: «Ты, говорить, дуракъ, чего смотришь? Али, говорятъ, ждешь, пока васъ умные-то люди въ коонецъ оболванятъ!»—А Хипа-то былъ выпимши, не спросясь умаразума, да за Вахромеемъ, кричить: «подавай раздѣлы.. Въ раздѣлъ желаемъ!» — «Нѣтъ вамъ раздѣла, кричить Ванифантій: — а жить вамъ по моему умному приказу... Потому, мы къ тому, чтобы какъ лучше!» — Ѳедосья въ слезы, Луша въ слезы, Сиклетей въ слезы, всѣ бабы, окромя Ульяны Мосевны, ровно съума сошли. Знамо, вѣдь всѣ грѣхи изъ-за бабъ идутъ. Бросились; родимый мой, по избамъ, кто у кого что тащить: кто локханку волочить, кто ухватъ, кто сковороду. Та кричить: мое имущество, другая—мое... А мужики свое выговариваютъ. А я, родимый, стою, эдакъ, въ сторонѣ, да осиновымъ листомъ трясусь, трясусь и молитву твержу... Твержу да плачу...

И старушка опять заплакала.

— Ну, старуха, мы съ тобой до конца-то должно скорѣе не доберемся!.. сказалъ Еремѣй Еремѣичъ: —слава Богу, что и до этого дошли.

— Слава Богу, проговорила старуха.

Еремѣй Еремѣичъ похрахтѣлъ, поразмялъ кости, походилъ по комнатахъ и поглаживая животъ, и, что-то проворчавъ про себя, забрался съ ногами на широкую лежанку изразцовой печи.

А въ то время, какъ Оеклуша вела бесѣду съ Еремѣемъ Еремѣичемъ, по улицамъ города N, пробирался по протоптаннымъ черезъ сугробы тропкамъ, бродила кучка бабъ и мужиковъ, съ зашнурованными бородами и бровями, въ просто нагольныхъ и въ крытыхъ крашениной полушубкахъ, въ сѣрыхъ и въ бурныхъ валенныхъ сапогахъ. То были наши знакомцы: Ульяна Мосевна, Хипа, Прасковья и Филаретушка. Филаретушка волновался, по обыкновенію, размахивалъ руками, что-то говорилъ Ульянѣ Мосевнѣ и постоянно забѣгалъ впередъ.

— Я говорю, примѣрный мужчина, толковалъ онъ: — знаю! Ужъ будьте въ надеждѣ. Ежели какой титулъ, къ кому съ какимъ обращеніемъ къ чину и званію всякаго состоянія относиться, такъ ужъ уважить! Единственный чиновникъ! По крестьянскимъ дѣламъ служить. Вотъ сейчасъ, въ этой улицѣ. Господинъ! обращался онъ къ кому-нибудь встрѣчному: — чиновникъ Вертихвостовъ, въ собственномъ домѣ, гдѣ будутъ находиться? Надо думать—въ этой улицѣ? они въ этой улицѣ проживали...

И вотъ, послѣ многихъ спросовъ, наконецъ, отыскивали они чиновника Вертихвостова въ собственномъ домѣ, жалась въ его узенькихъ сѣняхъ, пока Филаретушка освѣдомился о «расположеніи» чиновника на его кухнѣ. Наконецъ, ихъ «допустили». «Проходите, проходите всѣ», приглашалъ Филаретушка въ чиновничью переднюю своихъ земляковъ. «Въ чемъ дѣло?» говорилъ чиновникъ, считая почему-то непремѣнною обязанностію принять строгій видъ.—Проходи сюда! Ульяна Мосевна не смѣло входила въ залъцу съ еранами на окнахъ, съ плетеной поломанной мебелью, съ портретомъ начальника и литографіей какого-нибудь архипастыря на стѣнахъ, съ неметенымъ еще поломомъ и явными признаками недавняго въ ней присутствія цѣлой оравы ребятишекъ. Чиновникъ въ халатѣ, съ заспаннымъ лицомъ, неумытый и непричесанный еще, сурово садился около стола, въ пол-оборота къ просителямъ, и снисходительно приготовился слушать.

— Вотъ вамъ старуха изложить, рекомендовать Филаретушка, показывая на Ульяну Мосевну:—она всякаго мужчину толковѣе будетъ... Будьте спокойны.

— Въ чемъ дѣло? опять повторилъ сурово чиновникъ.

— А вотъ видите, господинъ, живемъ мы, по нашему дѣлов-

своему завѣту, по деревенскимъ обычаямъ, сообща, какъ искони положено, начинала степенно Ульяна Мосевна, толково выговаривая слова... Долго и обстоятельно льется рѣчь Ульяны Мосевны. Филаретушка изрѣдка вставляетъ въ нее свои замѣчанія. Въ дверяхъ стоитъ высокая, еренистая, добродушная фигура Хипы, плавающего глазами по потолку и стѣнамъ залыцы. Сзади его, внимательно слѣдя за рассказомъ, сердито глядѣла жена его Прасковья, и когда Ульяна Мосевна привставала, чтобъ поклониться чиновнику, Прасковья толкала Хипу въ спину и говорила: «Поклонись!» Хипа спохватывался и отвѣшивалъ низкій поклонъ. Наконецъ, чиновникъ начиналъ звать и вдругъ, недослушавъ и половины, посылалъ ихъ къ другому чиновнику за справкой, бралъ подносимый Ульяной Мосевой рубль и увѣрялъ ихъ, что пріятель его все для нихъ устроитъ въ лучшемъ видѣ.

Опять бродить по сугробнымъ улицамъ города N кучка деревенскаго люда. Опять утѣшаетъ Филаретушка Ульяну Мосевну, что «выше надо подавать! Главнымъ образомъ, выше подавать!» что у него, кромѣ этого чиновника, есть такіе адвокаты, которые въ правительствующій сенатъ не задумаются прописать — и какъ, что и по какой причинѣ». Опять отыскиваютъ крестьяне новаго чиновника «въ собственномъ домѣ», опять начинается обстоятельно выговаривать Ульяна Мосевна: «А вотъ видите, господинъ, живемъ мы по нашему дѣдовскому завѣту, по деревенскимъ обычаямъ, сообща, какъ искони положено»... И снова гуляетъ глазами по стѣнамъ и потолку чиновничьей залыцы добродушный Хипа и снова стучаетъ его въ спину Прасковья и говоритъ: «Поклонись, деревянный!» И снова чиновникъ, принимая рубль, посылаетъ ихъ куда-то за какой-то справкой и снова утѣшаетъ ихъ Филаретушка, «что они безпримѣнно всякую правду отыщутъ», пока, наконецъ, усталые не возвращаются они, при звонѣ къ вечернямъ, на постоянный дворъ Еремѣя Еремѣича Строгаго.

А Строгий, какъ человѣкъ въполнѣ строгихъ правилъ, никогда не упускалъ случая поддержать пріобрѣтенную имъ репутацію. Онъ держался того мнѣнія, что всякій непременно въ чемъ-нибудь да виноватъ, «потому — кто же безъ грѣха?» Выработавъ въ себѣ такіа убѣжденія, онъ не любилъ никому «поблажать», потому, какъ бы ни считалъ онъ человѣка правымъ, все же находилъ необходимымъ дать ему «острастку».

— Ну, что, бунтовать вздумали? крикнулъ онъ, сидя уже за вечернимъ чаемъ, когда ходаки Волчьего поселка вошли въ избу и молились въ передній уголь: — не успѣли дѣда въ яму свалить, а ужъ бунтъ начинать?

— Не мы зачинаемъ, Еремѣй Еремѣичъ, проговорила Ульяна Мосевна, снимая вязокшую отъ сѣнга баранью шубу.

— Мышеядь!.. Вишь, что выдумали—мышеядь! Самн себѣ по-
ѣдомъ съѣдите! Самн! На мышней-то нечего валить!

— Какіе мыши, Еремѣй Еремѣичъ! Не мыши тутъ... А люди
законъ потеряли, на дѣдовскіе заѣты наплевали..

— То то наплевали! не слушая, продолжалъ «задавать остраст-
ку» Еремей Еремѣичъ:—большакъ-то, поди, не хуже васъ знаетъ,
что хорошо... А тебѣ бы, старуха, грѣхъ молодыхъ-то бунтовать.
Тебѣ бы ихъ же надо послушности учить, да покорности къ
большаку, потому онъ теперь всѣмъ вамъ замѣнитъ отца, надо
всѣмн вами владѣть...

— Позвольте, господинъ купецъ, заволновался Филаретуша.
Но его перебила Прасковья.

— Да намъ чтѣ большакъ-то? Да разн бѣльшаку-то позволено
зорить семью? Отъ кого такіе законы? вдругъ сорвалась она съ
лавки и бойко наступала на Еремѣя Еремѣича: — развѣ боль-
шаку-то позволено вертѣть всѣмн, какъ холопами?..

— Молчать! крикнулъ Строгий и даже ногой пристукинулъ.—
Молода еще разговаривать-то!.. Ишь вы набаловались! На мнѣ
бы васъ руки!.. Ты чего жену-то не учишь? спросилъ онъ Хипу.—
Хипа такъ и оварился улыбкой во все свое широкое лицо.

Ходаки присмирѣли! Только Ульяна Мосевна замѣтила стро-
го: «Выше большака, Еремей Еремѣичъ, совѣтъ да любовь въ
семѣ... А колыи паче, ежели къ намъ чужіе люди привороже-
ны. Всѣ мы въ одну житницу хлѣбъ возли, въ одну руку ра-
боты поднимали. Всѣ мы своего ищемъ, надо разсудить по спра-
ведливости!»

— Это вѣрно, вѣрно! подхватилъ Еремѣй Еремѣичъ, вспо-
нивъ при словѣ «справедливость» о своей репутаціи:—помогн вамъ
Богъ! Придвигайтесь-ка къ столу, да попарьте животь-то! Чай
измѣрли, изустали?

— Что ужъ говорить! Ежели бы не вѣрилъ, что у Бога прав-
ду сыщешь, такъ лучше бы въ гробъ лечь, грустно проговорила
Ульяна Мосевна. По лицу ея было замѣтно, что глубокая грусть
и скорбь давно уже поселились въ ея душѣ; у другой женщи-
ны эта скорбь и грусть навѣрно излялась бы неизсякающимъ
потокомъ слезъ, но Ульяна Мосевна не умѣла плавать. Только
на лицо ея все темнѣе и темнѣе ложилась суровья тѣни, только
строже и худѣе дѣлалось ея лицо; серьезныя глаза глубже ухо-
дили въ глазницы, плотнѣе сжимались сухія старческія губы и
меньше было у неа охоты говорить.

— Дѣла! проговорилъ Еремѣй Еремѣичъ.—Въ раззоръ разо-

рать, прибавилъ онъ про себя и, крехтя, сталъ одѣваться. Не говоря никому ни слова, натанулъ онъ по уши баранью шапку и вышелъ.

— Только, тётенька, не отчаявайтесь, утѣшалъ Филаретушка Ульяну Мосевну:—этого нельзя-съ, чтобы правды не отыскать. Ежели въ одномъ мѣстѣ не возьметъ, выше надо подавать. Главное дѣло—подарать и до конца стоять! Одно это требуется!

И съ этой вѣрой утомленные ходоки Волчьего посѣлка скоро заснули.

Было уже совсѣмъ темно, когда вышелъ Строгий на улицу. Въ окнахъ домовъ замелькали огни, тусклыми полосами свѣта освѣщая сугробныя улицы. Строгий, что-то ворча себѣ подъ носъ (это была одна изъ тѣхъ привычекъ, которая придавала ему особенно строгій видъ), переходилъ переулкомъ за переулкомъ, перепрыгивая черезъ погруженную въ мракъ торговую площадь, по которой рыскали собаки, и, наконецъ, на одномъ изъ угловъ ея, вошелъ въ грязенькій трактиришко, хотя въ немъ и имѣлись «шопера для благородныхъ». Строгий протянулъ руку опершемуся локтями на стойку и дремавшему хозяину и спросилъ:

— «Волки у тебя что-ли стоять?» Хозяинъ молча кивнулъ головой на бильярдную и опять задремалъ. Строгий прошелъ въ бильярдную, грязную, тусклую, плохо-освѣщенную висѣвшей съ потолка лампой. На бильярдѣ играло человекъ пять благородныхъ; одни были въ запачканныхъ мѣломъ визиткахъ, другіе въ однихъ жилеткахъ и глаженныхъ сорочкахъ, на которыхъ особенно выдѣлялись всевозможныхъ сортовъ запонки въ видѣ собачекъ, подковъ, лошадиныхъ головъ и пр. Среди этихъ «благородныхъ», очевидно, юныхъ служителей Θεимиды, выдѣлялся своимъ казакиномъ, красной, выпущенной за поясъ рубахой, длинной золотой цѣпочкой черезъ шею, розовыми щеками, красивымъ лицомъ и гордой осанкой статной фигуры землевладелецъ Коронатъ Львовичъ, «адвокатъ изъ уѣзда», какъ звали его въ городѣ. Видимо онъ былъ съ игравшими на пріятельской ногѣ. Послѣ каждаго удара, онъ весело обнималъ одной рукой кого-нибудь изъ юныхъ служителей Θεимиды и «отливалъ пулю», приводившую въ восторгъ его пріателей. Коронатъ Львовичъ считался острякомъ, хотя кромѣ пошлостей никакого остроумія отъ него никто не видалъ. Но ужъ почему-то всѣ привыкли смѣяться при его «пуляхъ». Вдоль стѣны бильярдной сидѣла публика «не благородная», въ сибиркахъ или длинныхъ пиджакахъ; одни изъ нихъ съ видимымъ удовольствіемъ слѣдили за игрой, другіе скучали. Въ числѣ, кажется, послѣднихъ былъ

и Петръ. Онъ сидѣлъ, облокотившись на уставленномъ пивными бутылками столѣ и, небрежно подбрасывая въ ротъ сухари, съ надмѣннымъ, скучающимъ видомъ слѣдилъ за игроками. На его худомъ лицѣ и въ тонкихъ губахъ, и въ тускло-свергавшихъ изъ-подлюбы глазахъ было замѣтно утомленіе, съ примѣсью какого-то полупрезрѣнія ко всему. Но въ общемъ, вся его фигура, его посадка, такъ и была въ глаза гордымъ сознаниемъ удовлетвореннаго самолюбія. Это было еще болѣе замѣтно, когда, послѣ каждой сыгранной партіи, Коронатъ Львовичъ, обнявъ кого-нибудь изъ юныхъ служителей Оемиды (по попадавшимъ въ ихъ разговорахъ фразамъ, нужно думать, что они всѣ были съ университетскимъ образованіемъ), подводилъ ихъ къ столу съ бутылками и весело говорилъ Петру: «Петруша!... Ну-ко, другъ, выпьемъ пивца съ господами юристами!»—Петръ, не измѣняя позы, говорилъ, повертывая голову въ уголъ комнаты: «татенька, прикажи!» И изъ угла поспѣшно подымалась румяная, широкая, улыбающаяся, съ рыжей большой бородой фигура Ванифантія Мосевича, все время дремавшаго въ благодушномъ самоудовольствіи отъ присутствія среди благородной компаніи. Онъ уже не разъ начиналъ клеветать носомъ, но окрикъ Петра постоянно пробуждалъ его. Ванифантій Мосевичъ поспѣшно вскакивалъ, улыбался пріятной улыбкой господамъ юристамъ, спрашивалъ: «пивка что-ли еще?» и отправлялся къ буфету. Очевидно, Ванифантій Мосевичъ начиналъ цивилизоваться—и успѣлъ уже перенять въ городѣ кое-какіе приемы вѣжливаго обращенія, хотя съ этимъ и не особенно мирилась его деревенская тяжеловатая комплекція.

Передъ приходомъ Строгаго только что произошла вышеописанная сцена. Сегодня Петръ былъ какъ-то еще суровѣе.

— Вотъ, другъ мой, этотъ парень... такая гордая скотина! сказалъ на ухо Коронатъ Львовичъ одному изъ пріятелей, отходя отъ стола съ бутылками:—рекомендую! только диву дайшься, откуда они берутся! Въ прежнее время мы что-то не замѣчали такихъ... Думаю, братецъ, проучить...

— Конечно, оборвать надо!—посоветывалъ молодой юристъ.

— Я, другъ мой, по опыту знаю... Наша эманципація только ч дала намъ два типа: или мошенникъ, который въ нужное время, лакействуетъ передъ тобой, руки лижетъ, или вотъ такая бестія, которая по душѣ даже не выпьетъ съ тобой! И оба, въ концѣ концовъ, третируютъ тебя, какъ... Нѣтъ, этого, другъ мой, допускать нельзя! Это можетъ развиться, чортъ знаетъ, до какихъ размѣровъ!

— Обрывать, надо! рѣшилъ юристъ.

И Ванифантій, и Петръ, при внезапномъ появленіи Строгаго, какъ-будто смутились. Надо сказать, что Строгий былъ кумомъ Ванифантія и крестнымъ отцомъ Петра, котораго онъ крестилъ, когда еще жилъ въ Дергачахъ. Ванифантій всегда побаивался крутого характера Еремѣя Еремѣича, который выражалъ свои мнѣнія прямо въ глаза, а Петръ еще съ малыхъ лѣтъ какъ-то привыкъ уважать его. Ему нравилось въ немъ и прямая грубость, и суровость, и неподатливость въ сношеніяхъ съ мелкой начальнической сошкой, и дѣльный, оборотистый характеръ, и смѣлка, и то, что всё его какъ будто побаивались. Въ Строгомъ именно не было того, что выражалъ Петръ словомъ «фиглярить» и чего онъ такъ не могъ терпѣть. Передъ прїѣздомъ къ отцу, онъ счелъ нужнымъ заѣхать къ Еремѣю Еремѣичу.

— Здорово, сказалъ сердито Строгий и, положивъ руку съ шапкой на столъ, присѣлъ на кончикъ стула.

— Здорово, кумъ! улыбаясь привѣтствовалъ Ванифантій, а Петръ только проговорилъ: «здравствуй!»

— Давно-ли прїѣхали? отрывисто спрашивалъ Строгий, безучастно въ тоже время смотря на игру.

— Да ужъ недѣли съ двѣ, поди... Какія у насъ дѣла-то? Дѣла-то какія! А? Слышалъ, чай? горевалъ Ванифантій Мосечъ.

— Чего у меня не встали? не слушая кума, продолжалъ спрашивать Еремѣй Еремѣичъ.

— По дѣлу такъ требовалось, отвѣчалъ Петръ.

Строгий замолчалъ. Потомъ взглянулъ на рядъ бутылокъ на столѣ и внимательно посмотрѣлъ на Петра. Онъ хотѣлъ узнать пилъ-ли Петръ или нѣтъ. Что Ванифантій былъ выпивши—онъ въ этомъ не сомнѣвался. Петръ выдержалъ взглядъ крестнаго, не измѣнивъ ни позы, ни выраженія.

— Али вы здѣсь и спите, и ѣдите? опять сурово спросилъ Строгий.

— Какъ можна-а!... Что-ты, кумъ любезный! обидѣлся Ванифантій.

— Мы два нумера снимаемъ—одинъ для себя, другой для барина—адвокатомъ при насъ состоятъ... Пойдемъ къ намъ, пригласилъ Петръ.

Пошли въ номеръ, провожаемые, незамѣтно для нихъ, подзрительнымъ взглядомъ Короната Львовича. Номеръ былъ грязненькій, но убранъ съ претензіей на барскую ногу: на окнахъ ситцевыя гардины, съ крупными цвѣтами, шторы; такая-же гардина отдѣляла спальню. Въмѣсто увѣсистаго старомоднаго дивана съ клопами, неизбѣжно являющагося въ номерахъ провинціаль-

ных гостиницъ, стояла кушетка, убранная бахромой и плетеные гнутые стулья. На небольшомъ комодѣ стояло два подсвѣчника съ розетками. Надъ нимъ—зеркало въ гнутой рамѣ, но грязное и засиженное мухами. Тѣмъ не менѣе, еслибы кто взглянулъ въ душу Петра, онъ узналъ-бы, какъ пріятно щекало его самолюбіе эта незатѣйливая обстановка. Когда Ванифантій Мосейчъ брался зажигать свѣчи своими корявыми руками, Петръ всегда напоминалъ ему внушительно о розеткахъ. Кровать была одна, хотя съ очень плохимъ, но все же съ байковымъ одѣяломъ и матрацомъ. На ней спалъ Петръ. Онъ ни на минуту не сомнѣвался въ безспорномъ на нее правѣ. Ванифантій Мосейчъ, конечно, нетолько не помышлялъ заявлять на нее какія нибудь претензіи, но даже на кушетку садился всегда «съ осторожностію», а спалъ около дверей, по-деревенски, на полу, подостлавъ бараньи шубу.

Строгій по прежнему угрюмо оглянулъ номеръ и сѣлъ къ столу.

— Выпить не хочешь-ли? спросилъ Петръ.

— Али денегъ много?.. Не надо! отрѣзалъ Строгій.

— Съ этой прокламаціей денегъ не наживешь... Гляди и послѣднія-то спустишь, недовольно проговорилъ Петръ, садясь по другую сторону стола и нервно поправляя салфетку.

Строгій изъ-подлобья поглядѣлъ на него.

— А чего бунтуете? чего семью зорите? затрубилъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ.

— А-ахъ, кумъ! выразилъ было искреннее соболѣзнованіе Ванифантій Мосейчъ и даже руками взмахнулъ, но Петръ взглянулъ на него, и старикъ не договорилъ.

— Не успѣли дѣда въ яму свалить, а ужъ бунты начинаютъ? Чего зорите родныхъ? спрашиваю. А? гремѣлъ Строгій, постукивая рукой по столу, вѣрный своей привычкѣ задавать всѣмъ «острастку»:—кому пользу видите, роднымъ то животы потрошѣ? Самихъ себя съѣдите поѣдомъ! Пракомъ все пустите! Брехамъ польза—вотъ кому польза будетъ!

На голосъ Строгаго, въ дверяхъ номера, незамѣтно, мелькнула фигура Короната Львовича съ кіемъ въ рукахъ. Петръ не возражалъ; онъ далъ высказаться Еремѣю Еремѣичу и не разъ своимъ взглядомъ заставлялъ молчать отца, который, скорбно покачивая голову, порывался высказать—«какую напраслину взводилъ на него любезный кумъ». Наконецъ, когда Строгій успѣлъ ругнуть и «молодыхъ модниковъ, что въ Москвѣ у двурюльниковъ волосы подовьютъ—да и носъ къ верху дерутъ», и «старую бороду» Ванифантія Мосейча, и, такимъ образомъ ис-

топилъ весь запасъ сильныхъ выраженій для поддержанія репутаціи «человѣка строгихъ правилъ», Петръ обернулся къ нему и заговорилъ ровнымъ, увѣреннымъ голосомъ.

— Мы, крестный, такъ издавна полагали, что человѣкъ ты справедливый, съ головой, всякое къ людямъ отношеніе понимающій, къ невѣжеству и фиглярству строгій, а замѣсть того... Весьма это удивительно для насъ, что такую отъ умнаго человѣка видимъ неостоятельность и несправедливость...

— Ну, крикнулъ Строгій:—ты мнѣ объ моихъ-то качествахъ не рассказывай... Я объ своей справедливости давно хорошо извѣстенъ!

— И тѣмъ для насъ удивительнѣе... Мы, можетъ, съ тобой, не въ примѣръ прочимъ, желали бы во всемъ совѣтъ имѣть, отъ твоей разсудительности чѣмъ-нибудь позаимствоваться, а замѣсть того видимъ, что ты старыхъ бабъ слушаешь предпочтительно умственнымъ людямъ... Весьма это для насъ неожиданно!

— Ну, такъ говори: чтѣ у васъ тамъ такое! прикрикнулъ, задѣтый за живое Строгій.

Петръ говорилъ правду: Еремѣй Еремѣичъ Строгій былъ, дѣйствительно, единственный почти человѣкъ съ родины Петра, съ которымъ онъ, не унижая себя, могъ бы снизоити до отвратительной «дѣловой бесѣды», до совѣта въ своихъ дѣлахъ. Отца онъ считалъ человѣкомъ «слабымъ» и, понятно, не могъ довѣряться ему вполне; тѣтку Ульяну онъ хотя и уважалъ, но считалъ «бабой» и если признавалъ въ ней достоинства, то только въ области «бабьяго дѣла». Онъ зналъ, что она ходила за нимъ, вмѣсто матери, какъ за роднымъ сыномъ, зналъ, что она нѣжна, любяща, добра, и за все за это почиталъ ее и былъ ей признателенъ, насколько допускала это его недовѣрчивая, замкнутая натура. Дядя... но дядя были для него именно представителями того добродушнаго, сиволапаго деревенскаго невѣжества и неостоятельности, надъ которой могъ издѣваться послѣдній писарь, которымъ могъ наплевать въ бороду первый проходимецъ, первый хожалый. Онъ, пожалуй, и любилъ ихъ, онъ ни на минуту не переставалъ считать «своими кровными», но себя все-таки считалъ неизмѣримо выше ихъ умственно. Одинъ Еремѣй Еремѣичъ былъ, по его мнѣнію, мужикъ, съ которымъ можно было говорить «о дѣлахъ» «сурьезно», зная, что онъ оцѣнитъ «дѣловитость» всякаго человѣка, «по справедливости», не поддаваясь никакими посторонними соображеніями: родственными, сердечными, предразсудочными и другими. Вотъ почему Петръ толково, ясно и вполне передалъ ему планъ той «земель-

ной» операціи, которая такъ давно была уже имъ «удумана» и осуществить которую онъ явился—было на свою родину. Операція была не особенно сложна: заложить земли Волчьего поселка, полученную сумму прибавить къ имѣющейся уже суммѣ, накопленной въ Москвѣ, купить на эти деньги продававшіися съ аукціона два сосѣднія барскія имѣнія — и всё приобретёнными земли «пустить въ коммерческій оборотъ», отдавая въ аренду нуждающимся крестьянамъ. Чѣмъ дальше развивалъ Петръ свой планъ, тѣмъ все больше и больше, незамѣтно для себя, онъ имъ увлекался.

— Это ли зорить называется? время отъ времени обращался онъ къ внимательно и молчаливо слушающему Строгому:— знаешь ты, какія земли-то вокругъ насъ? — приволье! И все это лежитъ вмертвѣ, впустѣ! А ежели бы Господь далъ собрать ихъ въ однѣ-то руки, къ одному мѣсту—это ли бы разоренье было? Въ барскомъ бы домѣ всё сообща поселились, фундаменты подъ него подвели бы, крыши желѣзомъ вывели, скотные бы дворы открыли... А тамъ, глядишь, малое время погода, пошли бы по Окѣ наши барки... Сами бы провожать ихъ стали, вплоть до Рыбинска!.. Флаги распустимъ! Каюты съ рѣзбой! Лопманъ въ кумачиныхъ рубахахъ! (надо думать, Петръ зналъ слабую струнку Еремѣя Еремѣича: «человѣкъ строгихъ правилъ», еще во времена дѣтства Петра, любилъ иногда помечтать на эту тему и часто развивалъ ее на дергачевской улицѣ, въ длинныя зимніе вечера, съ замѣчательно соблазнительною опредѣленностью). А дядя бы дома былъ, каждый при своей части. А тѣтки на скотномъ дворѣ пусть хозяйничаютъ съ сестренкой. Зятя денежнаго и умственнаго въ домъ введемъ.. Это ли зорить называется? (Глаза Петра какъ будто начали еще глубже уходить въ подлобье и искривляться; его охватывало нервное раздраженіе). — А теперь что сдѣлали? Кто зорить семью-то? Куда теперь деньги-то идутъ? На аблакатовъ, на барское угощеніе, въ пропой. Да еще унижайся, спину гни, подставляй подъ плевики ликъ крестьянскій, чтобы въ раззоръ не раззорили! Кто же зорить-то? Кто въ раздѣлъ-то пошелъ? Собрали дергачевскихъ стариковъ, что изъ ума выжили, и давай распредѣлять родительское достояніе: и тому выдай, и другому выдай, проходимцу какому-то, и вѣсть откуда налетѣвшему, родства непомнищему (Иваномъ Забытымъ недаромъ прозвали) — и тому часть выдай, потому, вишь, по дѣдовскому завѣту—труды его награди... Да съ чего? Въ кровномъ онъ съ нами родствѣ что ли? А дуры бабы—за каждый уполовникъ въ драку. Это ли порядокъ? Кто же зорить-то?

Петръ на секунду приостановился. Строгий молчалъ: «человѣкъ строгихъ правилъ» колебался.

— Поди, раздраженно проговорилъ Петръ:—поди, скажи имъ, кто зорить семью-то, кто самого себя вѣсть, счастья своего не понимаетъ!.. А мы ихнему невѣжеству покоряться не станемъ!

— А мы ихнему невѣжеству покоряться не желаемъ! внушительно подхватилъ Ванифантій Мосенчъ и даже сердито, негодуя, поднялся съ стула:—зорить себя и ихъ, по ихнему невѣжеству, мы не допустимъ!.. Я—большакъ! прикрикнулъ онъ (слезащіяся глаза его, впрочемъ, ни мало не желали терять своего веселодобродушнаго выраженія и гармонировать съ его внезапной суровостью).—Пущай нашему уму покорятся!

— А стариковскіе-те распорядки бросить пора... Потому, это—отъ преданія! замѣтилъ Петръ.

— Пущай нашему уму покорятся—мы не обидимъ! твердилъ Ванифантій Мосенчъ, внушительно тыкая своимъ обрубленнымъ по первый суставъ указательнымъ пальцомъ и постоянно поглаживая другой рукой свою широкую бороду.—А земли изъ своихъ рувъ мы не выпустимъ... Пущай послѣ приходятъ, нашему уму покорятся—мы не обидимъ... Самимъ, дуракамъ, сладко будетъ!..

Молчалъ Петръ. Молчалъ, сурово смотря въ полъ, и Еремѣй Еремѣичъ Строгій. Только Ванифантій Мосенчъ расходился и, немного пошатываясь, ходилъ по комнатѣ, неистово срыпья полонцами, да повторялъ, тыкая передъ собой обрубкомъ пальца: «пущай нашему уму покорятся, ежели счастья своего не понимаютъ! Да!.. Пущай нашему уму покорятся!..»

— Дѣла! только и нашелся, опять вздохнуть, проговорить «справедливый» человекъ Еремѣй Еремѣичъ Строгій. Онъ поднялся, молча застегнулъ на крючки подъ бородой кафтанъ, сказалъ: «Прощайте!» и вышелъ.

— Прощай пока, отвѣтилъ Петръ и вскорѣ, вслѣдъ за нимъ, вышелъ въ биллиардную. Онъ былъ еще раздраженнѣе, еще суровѣе. Бесѣда съ крестнымъ вызвала въ немъ цѣлую массу воспоминаній: и кропотливую выработку неустанной идеи, «чтобы какъ лучше», которая не покидала его все время пребыванія въ Москвѣ, и цѣлый рядъ мечтаній, осуществленіе которыхъ было имъ такъ строго и опредѣленно «удумано», и мелкую борьбу съ разными неблагоприятными обстоятельствами, и страданія вѣчно уязвляемаго самолюбія, которыя, до поры до времени хоронилъ онъ въ своей душѣ. Все это какъ-то хаотически, неопредѣленно перемѣшивалось съ обстоятельствами данной минуты и раздражало его. Онъ сѣлъ опять къ столу съ пустыми бутылками, не говоря ни слова.

— Вотъ что, братъ, Петръ Ванифантѣвичъ, подошелъ къ нему Коронать Львовичъ:—эдакъ, братъ, нельзя... Ты объ чемъ тамъ со всякими мужиками толкуешь?

— А вамъ что?

— То-то и есть. Дѣло, братъ, ежели вести толкомъ, такъ нечего объ немъ звонить встрѣчному и поперечному. Ты еще этого не понимаешь.

— А я вамъ вотъ что скажу: извольте кушать! Ежели въ бутылкахъ пусто, такъ мы и еще прикажемъ... А насчетъ нашего пониманія разговоръ оставимъ.

— Ты, братъ, я замѣчаю, въ послѣднее время очень заносчивъ сталъ.. Смотри, братъ, на кого-нибудь не навернись!

— Извольте кушать! Кажись, безъ угощенія не оставляемъ. Вполнѣ довольствуемъ!

И Петръ загремѣлъ бутылками по столу. Коронатъ Львовичъ сверкнулъ было глазами, но удержался и, ничего не сказавъ, отошелъ къ бильярду.

Петръ принялъ прежнюю позу равнодушнаго и надменнаго полупрезрѣнія и, попрежнему, молча, сталъ подкидывать въ ротъ соленые сухари.

— Вотъ, mon cher, какіе у насъ комми-вожеры въ сумонныхъ халатахъ проявляются! съострилъ Коронатъ Львовичъ, подмигнувъ молодымъ юристамъ на Петра. И самъ Коронатъ Львовичъ, и молодые юристы захохотали. Петръ не понялъ, что сказалъ Коронатъ Львовичъ, но онъ чувствовалъ, что смѣялись надъ нимъ. Его глаза сузились и засверкали. Но онъ только закусилъ свой тонкій усъ, не измѣнивъ ни на іоту своей надменной позы.

Еремѣй Еремѣичъ Строгий, возвращаясь домой по темной торговой площади и сугробнымъ улицамъ, что-то ворчалъ себѣ подъ носъ. Онъ былъ недоволенъ; не часто съ нимъ случались такіа обстоятельства, чтобы онъ не могъ рѣшить чего-нибудь сразу «по-справедливости». Онъ вообще не любилъ головоломныхъ задачъ и привыкъ, худо ли, хорошо ли, рѣшать всѣ вопросы сразу, безапелляціонно. Но теперь подвернулось именно такое обстоятельство, что онъ принужденъ былъ сконфузиться. Еремѣй Еремѣичъ ощутилъ въ своей душѣ раздвоеніе, а онъ этого не терпѣлъ. Вотъ почему онъ часто и сердито плевалъ, поправляя на головѣ шляпу. Вернувшись домой, онъ еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Вѣроятно же всего, что, заставъ не спавшими ходяковъ Волчяго Поселка, онъ сорвалъ бы на нихъ сердце, задавъ «острастку», но они спали. На утро Еремѣй Еремѣичъ рѣшился какъ-никакъ помирить обитателей Волчяго Поселка. Въ этомъ онъ видѣлъ нѣкій душеспасительный подвигъ, и это же льстило его самолюбію, поддерживая пріобрѣтенную имъ репутацію справедливаго и строгаго правителя человѣкъ.

Но пока онъ обдумывалъ, какъ приступить къ этому щезотливому дѣлу, событія не давали себя ждать.

Такъ, разъ брошенъ камень въ тихую зеркальную поверхность воды, все шире и шире раздвигается область волненія, пока не взволнуется вся поверхность. И чѣмъ глубже стояла тишина, чѣмъ невозмутимѣе была эта поверхность, тѣмъ сильнѣе растетъ волненіе.

На третій или на четвертый день по приходѣ въ городъ ходоковъ Волчьяго Поселка, когда, вечеромъ, возвратившись съ базара, Еремѣй Еремѣичъ хотѣлъ-было окончательно приступить къ душеспасительному дѣлу миротворенія, онъ засталъ въ передней избѣ, гдѣ поселилась Ульяна съ своими спутниками, заштатнаго пономаря Θεотимыча. Въ старенькомъ поружѣломъ и заштопанномъ полузафташѣ, съ неизмѣнной сѣдой косичкой на затылкѣ, которой не измѣнялъ онъ во все долгое время своей «заштатной» жизни, Θεотимычъ развѣшивалъ на печи свое мокрое одѣяніе и что-то неторопливо рассказывалъ сидѣвшимъ по лавкамъ Ульянѣ, Хипѣ и Прасковѣ.

— Ты чего, старикъ, приплелся? окрикнулъ его, входя, Еремѣй Еремѣичъ:— али вамъ всѣмъ перемерзнуть дорогой хочется? Чего вы старья-то кости съ Θεкушей растревожили?

— Посланецъ, благожелатель, посланецъ! отвѣчалъ Θεотимычъ:— для ради души спасенія, всѣмъ потщиться надо...

— Что у васъ тамъ еще?

— Все благополучно, вашими молитвами!.. Вахромеѣ Мосенчъ съ извѣщеніемъ къ Ванифантию Мосенчу послалъ, что, мошь, дочь его Лукерія Ванифантьевна изволила свои родины мѣста покинуть!

— Какъ такъ?

— Чего-жь больше теперь и ждать! Разъ начини баламутить— за волной дѣло не станеть... Брось камень-то у одного бережку, а онъ тебѣ волну до другого берега дастъ, сказала Ульяна Мосевна.

— Постой, старуха, прикрикнулъ Строгий:— таеъ какъ же это она смѣлость такую взяла? А?

— А такъ, благожелатель: собрала свой коробъ, на могилку къ матери сходила, память дѣда своего почтила, изъ-подъ снѣгу, около избы, родной землицы щепоточку вырыла и въ ладонку зашила, вышла на улицу, да передъ всѣми и говоритъ: «Прощайте, говорить, пока... Вотъ, говорить, смотрите, что я съ собой беру: это, говорить, только приданое мое... Неравно, лихомъ не помянете... А тѣтонькѣ, говорить, Ульянѣ Мосевнѣ, отъ меня земной поклонъ передайте, а обо всемъ прочемъ я ее извѣщу...» Ну, мошь, Господь съ тобой! Ступай!.. Въ тѣ поры

Вахромея Мосейчъ съ охоты вернулся. Рассказываемъ ему: «Что-жь, говоритъ, она свое взяла — не чужое унесла.. Поди, говоритъ, Θεотимычъ, въ городъ—извѣсти отца». — Вотъ и пошелъ я, благожелатель...

— А въ погоню не посылалъ?..

— Что за ней гнаться-то? Чай, она не воровка, не своей семьи раззорительница, сказала Ульяна Мосевна:—Богъ знаетъ, какъ за наши дѣла наградить.

— Что за ней гнаться! повторилъ Θεотимычъ:—не въ нощи ушла, на людскихъ очахъ.

— Говорили отцу-то?

— Нѣтъ еще, благожелатель.. Признаться сказать—съ духомъ не соберусь... Нутко, къ нему теперь идтить-то... Только ужъ ради души спасенія укрѣплюсь какъ ни то...

— Нну-у! вздохнулъ Еремѣй Еремѣичъ и махнулъ внушительно рукой:—пошла битка въ конь... Одна бѣда, говорятъ, не ходить!..

— Не ходить, благожелатель, не ходить, поддержалъ и Θεотимычъ.

Еремѣй Еремѣичъ оставилъ пока всякую мысль о примиреніи и заказалъ самоваръ.

На слѣдующій день, Θεотимычъ, какъ только заблагоуѣстили къ ранней обѣднѣ, пошелъ въ церковь, чтобы укрѣпиться «на подвигъ». Дряхлый, полуразрушенный старикъ—онъ трусилъ теперь каждаго окрика. Господу же Богу угодно было наложить на него столь тяжелое бремя, какъ сообщеніе большаку объ уходѣ его дочери. Зналъ Θεотимычъ, каковъ бываетъ въ этомъ случаѣ большакъ, а тѣмъ болѣе «испивающій», и заранѣе почувствовалъ, что неповинно должно обрушиться на его старческую голову за такую вѣсть. У обѣдни онъ усердно помолился, затѣмъ, для приданія себѣ храбрости, понюхалъ дружески табачку изъ тавлинки своего сверстника, церковнаго звонаря (при чемъ они сообщили другъ другу, что имъ «давно бы ужъ умирать пора»), и отправился въ номеръ къ Волкамъ—старшему и младшему.

А въ это время Волки, старшій и младшій, сидѣли за самоваромъ, около стола. На столѣ лежали крендели, куски сахара въ синей бумагѣ, соленые огурцы и стояла бутылка водки. Башифантій Мосейчъ уже былъ румянь и весель. Петръ, по обыкновенію, молчаливъ и сердито сосредоточенъ, несмотря на то, что у нихъ сидѣлъ гость. Гость этотъ былъ московскій молодецъ Макаръ Карпычъ. Макаръ Карпычъ былъ тоже чѣмъ-то не совсѣмъ доволенъ.

— Какая отяжка вышла, а-а? танулъ онъ недовольнымъ

тономъ, нѣхота прикусывая крендель:—проволочисто, весьма про-
волочисто вышло! Не ожидалъ! Теперь на самые эти развѣзды
сколько времени потеряли!

— Сдѣлай милость, оставь!.. Не грусти!.. Пожалуйста, прошу
тебя—не грусти! уговаривалъ его Ванифантій Мосенчъ.

Петръ молчалъ, смотрѣлъ упорно на столъ и тихо барабанилъ
по немъ пальцами.

— Ужь одну усадьбу продали, продолжалъ, не слушая, мос-
квичъ:—конечно! Умные люди ждать не стануть!

Онъ замолчалъ.

— Мы тоже, кажись, не глупѣе другихъ считались, провор-
чалъ Петръ.

— Я не про то... А, главное дѣло, въ хозяйнѣ у васъ силы
весьма недостаточно. Вотъ у насъ, какъ мы, значить, уже болѣе
къ купечеству привержены, такъ у насъ, бывало, татенькино
слово—законъ, отъ его рѣчей не только-что родная семья, а
всѣ домочадцы въ трепетаніи находятся... Потому — главенство
вполнѣ! Проволочекъ-то этихъ и не бываетъ — вотъ она, комер-
ція-то и идетъ!..

— Не грусти! пожалуйста, прошу тебя, не грусти! опять умо-
лялъ москвича Ванифантій Мосенчъ.—А что ты обо мнѣ скazy-
ваешь, такъ это ты ошибаешься... Ты думаешь — вотъ я теперь
добрь, такъ и всегда?.. Нѣ-ѣтъ, братъ!.. Спроси-ка Петра, какъ
его въ молодости ловѣемъ обучалъ! Да не то, что Петра, я Луш-
ку — и ту, другой разъ, въ пьяномъ часѣ, поднявши подолъ-то,
похлестывалъ... Вотъ что! Мы страхъ-то божій не хуже кого дру-
гого понимали.

— Надо полагать, не вполнѣ! замѣтилъ москвичъ.

Въ это время вошелъ Θεотимычъ и, остановившись у двери,
сталъ молиться на большой образъ, съ лампадой висѣвшей въ
углу.

— Никакъ Θεотимычъ! крикнулъ Ванифантій Мосенчъ: — Ты
чего, старикъ, съ печки-то слѣзъ? Али помолиться угоднивамъ
задумалъ?

— Помолиться, благожелатель! Удостоился отъ отца благочин-
наго благословеніе принять.

— Ну-ну! Садись, обогрѣйся выпяточкомъ... Вотъ я тебѣ во-
дочки поднесу... Что у васъ—благополучно ли?..

— Молитвами вашими—живемъ!

— Ну, выпей... Выпей, ничего, не бойся!

Θеотимычъ боязливо взялъ дрожащими руками стаканъ и съ
пожеланіями выпилъ, крякнулъ, закусылъ, и опять присѣлъ.

— Вахрамей Мосенчъ кланяться приказалъ.

- Ну, пушай бы и не вляялся—убытку бы не было!
- Приказаль объявить, что дочка ваша Лукерья Ванифантьевна изволила самоохотно отбыть третьягоднашняго числа...
- Чево?—не поная Ванифантій Мосенчъ.
- Отбыть, молъ, отбыть изволила.
- Да ты что говоришь?
- Отбыть, молъ, невзвѣстно куда изволила...
- Это Душа-то? Про нее что ли ты?
- Про нее съ, про Лукерью Ванифантьевну, благожелатель!
- Ну?
- Отбыть изволила...
- Какъ отбыть?

Съ каждымъ вопросомъ глаза Ванифантіа Мосенча открывались все больше, все упорнѣе всматривались въ лицо Θεотимича, который старался не смотрѣть на него.

— А такъ, благожелатель, началъ медленно выговаривать Θεотимичъ: — на могилку къ родительницѣ сходила, память дѣда своего почтила, изъ подъ снѣгу, около избы, родной земли щепоточку вырыла и въ ладонку зашила, вышла на улицу, вынесла свой коробъ, да всѣмъ и говорить: «Вотъ, говорить, добрые люди, смотрите чтѣ я съ собой беру: это, говорить, приданое мое... Не равно лихомъ не помяните! А тятенькѣ...»

— Это, выходитъ, ваша дочка сбѣжала? перебилъ его москвичъ, обратясь къ Ванифантію.

Ванифантій Мосенчъ блуждающими глазами посмотрѣлъ, непонимая вопроса, въ лицо москвича, потомъ на Петра, потомъ на Θεотимича и вдругъ, какъ бы осѣненный сознаниемъ, крикнулъ на Θεотимича: «Ванька Забытый гдѣ?»

— Ушелъ, благожелатель, точно что ушелъ... Надо думать, вѣстѣ они ушли...

— Голубчики, помогите! вдругъ заревѣлъ Ванифантій Мосенчъ:—обокрала! Дочь родная обокрала! Дочь! причиталъ онъ, между тѣмъ, какъ по бородѣ его и по щекамъ лились слезы.

Но вдругъ онъ вскочилъ, схватилъ въ одну руку шапку, въ другую бараній тулупъ и бросился, одѣваясь на ходу, вонъ. Пробѣжавъ черезъ трактиръ, вызвавъ общее любопытство, спустился подъ темный навѣсъ двора, гдѣ стояли лошади, бессмысленно потолкался около саней и, вдругъ, опять бѣгомъ, волоча по полу тяжелыя полы тулупа, поднялся по вонючей и грязной гѣстницѣ трактира вверхъ и снова вбѣжалъ въ номеръ.

— Поѣдмте со мной!.. Скорѣй поѣдмте! Петръ, одѣвайса! кричалъ онъ:—Дочь родная обокрала!.. Сердце родительское обокрала—вотъ что обидно!.. Одѣвайтесь, говори!.. Облаву сгонимъ, со дна моря найду...

— Нечего теперь въ полѣ вѣтеръ ловить... Надо бы раньше знать, какъ хорошо богадѣльни-то строить, да приживальщивовъ съ вѣтру брать проговорилъ Петръ.—За твое-то добро они весьма дадутъ восчувствовать!

— Поѣдемте, говорю, собирайся, кричалъ Ванифантій Мосенчъ, безъ толку хватая пожитки.

— Не зачѣмъ ѣхать, отвѣчалъ Петръ:—образумься лучше.

— Макарушка, родной! бѣги, ступай, хоть до самаго губернатора дойди—поймай ее, излови срамницу! Отдаю ее тебѣ—бери, учи ее, какъ знаешь! говорилъ, все еще плача, Ванифантій Мосенчъ москвичу.

— Не наше теперича здѣсь, вижу я, дѣло... Извините! сказалъ, поднимаясь, москвичъ.

— Ступай къ архіерею!.. Проси, чтобъ всѣмъ помазъ на-стро-го приказалъ ихъ, срамниковъ, подъ вѣнецъ не ставить! Бѣги, опоздаешь, Макарушка!.. Бѣги скорѣе!..

— Точно, что отсюда бѣжать надо... Потому, видно всенкъ прокламаціи здѣсь конца краю не видать! пробормоталъ москвичъ, насмѣшливо улыбувшись, и взялся за шапку.

— Прощенья просимъ... Благодаримъ за угощеніе! . А за свое не изыскиваемъ, сказалъ онъ, иронически раскланываясь, и пошелъ къ двери.

— Вы куда же, Макаръ Карпычъ? спросилъ въ волненіи Петръ.

— Домой-съ, къ маменькѣ... И такъ весьма проволочисто время убили... Мы ужъ лучше съ купцами дѣло поведемъ, проговорилъ москвичъ уже въ корридорѣ между номерами. — Самимъ выходить весьма въ убытокъ! заключилъ онъ, натягивая на уши баранью шапку.

Петръ, шедшій было за нимъ, вдругъ понялъ все — остановился и улыбка не то презрѣнія, не то грусти искривила его лицо.

— Что такое у васъ? спросилъ выбѣгая, въ одной ночной рубашкѣ, изъ номера Коронать Львовичъ. Волосы у него были рас-трепаны, красивое лицо заспано и измято, послѣ безсонной ночи и кутежа. Голосъ былъ хриплый и сердитый.

— Такъ, свои дѣла, отвѣчалъ Петръ, все еще стоя въ какой-то нерѣшимости въ корридорѣ.

— Какія дѣла? Что такое? Онъ ушелъ, компаньонъ-то? вы-нулъ къ лѣстницѣ Коронать Львовичъ.

— Ушелъ...

— Совсѣмъ?.. Что такое вышло?..

— Вполнѣ, значить, умственный человѣкъ, проговорилъ Петръ и зло улыбулся.

— То-то и есть! Онъ, братъ, насъ-то не дереть, а дѣло понимаетъ! сурово выговорилъ Коронатъ Львовичъ, быстро повернулся къ Петру спиной и, вмѣсто того, чтобы пригласить его, по обыкновенію, къ себѣ, захопнулъ ему подъ носомъ съ трескомъ дверь.

У Петра зазвенѣло въ ушахъ. Лицо вспыхнуло. Онъ бросился было къ двери, но остановился. Холодное выраженіе вновь похоронило подъ собой ото всѣхъ вспышку уязвленного самолюбія.

Между тѣмъ, Ванифантій Мосенчъ, посмотрѣвъ безтолково и ничего не понимая вслѣдъ уходившему москвичу, вдругъ набросился на несчастнаго Θεотимыча. Θεотимычъ только разводилъ руками да изрѣдка вытиралъ потное лицо, смиренно поднимая на свои плечи не легкія пожеланія, которыя посылалъ Ванифантій и «побиральцамъ», и «крохоборамъ», и «приживальщикамъ», и своимъ братьямъ, и всему населенію поселка вообще. Петръ вошелъ въ это время въ номеръ, равнодушно посмотрѣвъ на стариковъ, взялъ фуражку—и вышелъ опять, не сказавъ ни слова. Очнувшійся Ванифантій оставилъ, наконецъ, Θεотимыча и бросился за совѣтомъ «къ своему аблакату», Коронату Львовичу. Коронатъ Львовичъ изъ его беззалабернаго разсказа могъ, наконецъ, сообразить, что уходъ Луши имѣлъ вообще для «дѣла» Волковъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ простая любовная интрига. Онъ догадался, что вмѣстѣ съ нею ушла отъ «дѣла» половина силы, въ лицѣ капитальнаго москвича. Коронатъ Львовичъ наматалъ это тотчасъ на усъ. Его уже давно тревожила холодная и надменная «повадка» чувствующаго свою силу мужика. Все еще неуспокоившійся Ванифантій «отъ своего аблаката» бросился на постоялый дворъ Строгаго; по пути обогналъ Θεотимыча — и не упустилъ случая еще разъ его выругать. На постояломъ дворѣ онъ никого не нашелъ, кромѣ Θεклуши. Досталось отъ него и старушкѣ Θεклушѣ, и снова досталась только что доплетшемуся до двора Θεотимычу. «Ахъ ты, Господи, вотъ напасть! проговорилъ даже Θεотимычъ.—Ишь какъ врагъ-то человѣческой наводитъ!» Но, чувствуя, что и имъ нужно «терпѣть и нести» крестъ вмѣстѣ съ своими благожелателями, они не ропща принимали окрики расхаживагося большака. Не заставъ дома Ульяны, Ванифантій бросился въ палату, гдѣ и встрѣтилъ нашихъ ходоконъ на крыльцѣ суда. Облегчивъ свое горе руганью съ сестрой, братомъ, невѣсткой и даже Филаретушкой, Ванифантій, наконецъ, нашелъ гдѣ-то попутчика въ село Доброе и ухалъ одинъ, безъ Петра, производить дознаніе и показывать власть большака въ Волчій посѣлокъ.

Мы не будемъ, однако, слѣдить за подвигами огорченного отца не будемъ рассказывать, какъ онъ жалостно причитывалъ и пенялъ на людскую неблагодарность среди дергачевского міра, какъ онъ роздалъ всѣмъ сестрамъ по сергамъ въ Волчьемъ посѣлкѣ, какъ досталось отъ него и Сатиру и солдатѣ Сиклетѣ. Всѣ эти подвиги, понятно, только обострили еще болѣе взаимное неудовольствіе обывателей Волчьаго Поселка. Мы лучше прямо перейдемъ къ разсказу о томъ, чѣмъ кончилась эта «исторія одного поселка».

Прошло не мало дней, недѣль и даже мѣсяцевъ прежде, чѣмъ рѣшилось «дѣло о раздѣлѣ общаго имущества крестьянъ собственниковъ братьевъ. Волковъ». Не одинъ разъ «обѣ стороны», выражаясь судейскимъ языкомъ, уѣзжали изъ города опять къ себѣ домой, снова прѣзжали, возвращались опять; и опять останавливались ходоки — у Еремѣя Еремѣича Строгаго, а «умственные крестьяне съ своимъ аблакатомъ» въ трактирѣ съ «номерами для гг. благородныхъ». Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Петръ, послѣ того, какъ оставилъ ихъ москвичъ, а отецъ уѣхалъ по дѣлу дочери въ село, тотчасъ же перемѣстился изъ своего номера въ болѣе скромный, уже безъ гардинъ и розетокъ, въ темный, съ окномъ на грязный дворъ, съ диваномъ, наполненнымъ клопами; вообще, онъ значительно сократилъ свой бюджетъ, такъ какъ скопленная имъ въ Москвѣ сумма быстро истощалась на тяжбу. Но еще болѣе сокращались ресурсы ходоковъ, съ Ульяной Мосевной во главѣ. Много разъ уже кожаная кошпа, висѣвшая на груди Ульяны Мосевны, изсыкала до послѣдняго гроша, снова наполнялась, благодаря постепенно вывозимой изъ поселка живности и спускаемой на городскомъ базарѣ, и снова изсыкала. Было спущено въ городѣ уже все, что имѣлось цѣннаго у братьевъ и у самой Ульяны. Въ послѣдній разъ были запроданы въ городѣ свиня суконныя сибирянъ Хипы и Вахромѣя и старинный, шитый парчей сарафанъ самой Ульяны Мосевны. Знакомые Филаретушки «единственные въ мірѣ чиновники и адвокаты, происшедшіе вдосталь всякіе титулы» и даже незадумывавшіеся писать въ правительствующій сенатъ, оказались, во первыхъ, далеко не такъ шустрыми, а, во-вторыхъ, далеко не такъ добросовѣстными, какими считалъ ихъ отзывчивый, душевный Филаретушка. Чѣмъ больше истощался достатокъ, тѣмъ Прасковья становилась злѣе и сердитѣе, тѣмъ больше ругала и Хипу, и всѣхъ и вся, да и самъ Хипа начиналъ выходить изъ себя и тяготиться своимъ безиолвнымъ содѣйствіемъ и соупутствіемъ Ульянѣ Мо-

севиѣ. Отъ бездѣля и городской жизни, онъ привыкъ даже и записывать.

Еремѣй Еремѣвичъ Строгій, послѣ неудавшейся попытки къ примиренію, на которую онъ все-таки рискнулъ было для очищенія совѣсти, теперь обратилъ свои строгія реплики на «всеобщее развореніе» и самоуденіе, которому подвергали себя обѣ стороны разлагающейся семьи. Онъ приходилъ въ чрезвычайное раздраженіе при одной мысли—сколько денегъ прахомъ пошло на «красивное сѣмя» (этимъ именемъ онъ продолжалъ называть и адвокатовъ, нисколько не смущаясь ихъ болѣе прогрессивнымъ значеніемъ, чѣмъ бывшіе подъячіе). И при этомъ, человекъ строгихъ правилъ одинаково соболѣзновалъ какъ о той, такъ и о другой половинѣ семьи Волковъ.

Время шло. Наступала весна. Въ послѣдній разъ пробѣжали на санахъ въ городъ, и то съ трудомъ, ходожи Волчьяго Поселка. Хмуры, раздражительны и молчаливо-суровы были они теперь. Даено уже сошла съ ихъ лица доброта, наивность и ласковая улыбка, воспитанныя среди мирной, безхитростной жизни деревенскаго достатка. Истомленные заботами, непрестанной мыслью о будущемъ, о грозящей страшной нуждѣ, ѣхали они въ городъ, съ тщетной надеждой услышать, наконецъ, рѣшеніе своей судьбы.

И судьба Волчьяго Поселка скоро была рѣшена. Двѣ трети пахатной земли (въ нее входила, преимущественно, земля, которая была въ пользованіи дергачовской общины), была присуждена младшимъ братьямъ; но рожи, третья часть пашни и вся Корявинская пустошь, поступили въ вѣчное и нерушимое владѣніе большака, старшаго брата. Впрочемъ, здѣсь считалъ нужнымъ замѣтить, во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній, что, внося, вскорѣ по своемъ прибытіи въ Волчій Поселокъ, деньги за Корявинскую пустошь, во избѣжаніе тяжбы съ барыней, Петръ вовсе не имѣлъ тогда въ виду приобрести эту пустошь въ свою исключительную пользу: онъ дѣлалъ это для блага всей семьи. И только уже впоследствии, когда оказался неизбежнымъ раздѣлъ и Петръ крѣпко всталъ на принципъ: «пущай нашему уму покорятся—мы не обидимъ», только тогда сдѣлалось такъ, что документы на владѣніе пустошью очень пригодились и для той операціи, о которой онъ мечталъ...

Когда сдѣлалось извѣстнымъ рѣшеніе, Филаретушка вознегодовалъ:—Подавать надо! Выше надо подавать! Какъ такъ? Почему? По какой причинѣ денной грабежъ допускать? Подавать! главнымъ образомъ, подавать выше надо! волновался онъ. Ульяна Мосевна, Хипа и Прасковья стояли въ недоумѣніи, посматривая на Филаретушку и въ нерѣшимости молчали.—Выше надо подавать!..

Намъ еще права предоставлены! продолжалъ волноваться Филаретушка. Они не сомнѣвались въ его личной сердечной добротѣ, но круто чувствовали оскудѣніе своихъ достатковъ, чувствовали, что они уже дотянули до послѣднихъ кишекъ.

— Пускай подавятся! рѣшила сердито Прасковья:— на награбленное добро не разживутся... Встанетъ оно имъ поперекъ горла, да и дѣтамъ то ихнимъ не разъ чужая корка поперхнется! кляла она вслухъ на судейскомъ крыльцѣ своихъ родственниковъ.

— Молитесь, глупые, молитесь, что еще совсѣмъ не раззорились! строго выговаривалъ Еремѣй Еремѣичъ:— что еще не совсѣмъ васъ мышь съѣла!

Ульяна Мосевна не говорила уже теперь почти совсѣмъ.

Съ тѣмъ и уѣхали изъ города ходокъ Волчьего Поселка, неся съ собой скорбный приговоръ его былому патриархальному существованію.

Петръ былъ еще очень молодъ. Только что оконченное «дѣло» было первымъ дѣломъ въ его житейской практикѣ, и вотъ почему, несмотря на то, что результаты далеко не соответствовали задуманному плану, онъ былъ въ глубинѣ души доволенъ, какъ ребенокъ. Онъ чувствовалъ теперь себя человѣкомъ, въ рукахъ котораго и вліяніе, и сила, и, можетъ быть, скорое богатство. Вначалѣ, когда только-что былъ «удуманъ» планъ земельной операціи, онъ, какъ извѣстно, лично ступовывался, такъ какъ операція эта предполагалась быть общимъ дѣломъ всей семьи Волковъ. Но теперь, обстоятельства неожиданно повернули дѣло иначе. Хотя и уменьшились объемы операціи, но за то личное значеніе и сила Петра возросли до того, что онъ могъ *отъ себя* устроить счастье своихъ родныхъ. Его болѣзненно развитому самолюбію это говорило очень много. Но выѣстъ съ тѣмъ, душа Петра была взволнована и возмущена. Его молодая, неоврѣпшая натура еще не мирилась съ такими шуллерскими передержками въ человѣческихъ отношеніяхъ, которыя, съ такой откровенной наглостью, могли продѣлывать опытные практики, какъ Коронатъ Львовичъ и москвичъ. Несмотря на то, что Петръ уже достаточно вышколил свою подвижную физиономію, чтобы скрывать на глубинѣ всякую душевную тревогу, но заглушать и убивать въ себѣ тотчасъ же всякую возможность этихъ душевныхъ тревогъ онъ еще не умѣлъ. Послѣ сцены съ москвичемъ, онъ долго волновался и не успокоился еще и теперь.

Коронатъ же Львовичъ, какъ человѣкъ опытный, смотрѣлъ на дѣло тревѣе: онъ видѣлъ, что предполагаемая операція далеко не удалась, что выигрышъ Петра, въ сущности, былъ очень

повеликъ и что разсчитывать было не на что. Коронатъ Львовичъ былъ уже давно недоволенъ Петромъ, а теперь и вовсе не желалъ съ нимъ стѣснаться.

На другой день послѣ рѣшенія, Петръ дѣлалъ въ трактирѣ «спирски». Народу набралось на даровое угощеніе не мало. Приходили личности, едва извѣстныя Петру, и поздравляли его съ Ванифантіемъ Мосенчемъ. Были тутъ и судейскіе чиновники, и городскіе мѣщане, и пьянчужки изъ села Добраго, и писаря изъ добросельской волости, и даже затесались, какими-то судьбами, два бродячіе пьяные дергачевца, которые, съ самыми кѣжыми и ласковыми улыбками увѣрили и Петра, и Ванифантія, что дергачевскій міръ, по первому ихъ слову, всякое имъ уваженіе предоставитъ. Всѣ, кстати, ругали и Ульяну, и младшихъ братьевъ Волковъ. Почтенная публика давала полное удовлетвореніе надменному тщеславію молодого «умственного» мужика. Гордый, серьезный и суровый, съ обычной презрительной улыбкой, сидѣлъ онъ посерединѣ передъ столомъ, уставленнымъ бутылками и закусками, и равнодушно слушалъ пьяныя увѣренія въ дружбѣ.

Подвыпившій Ванифантій Мосенчъ давно уже, кажется, забылъ свое отповское горе—и румяный, улыбающійся плавалъ по залѣ трактира и съ истиннымъ русскимъ радушіемъ подчивалъ гостей. Но Петръ еще не былъ вполне доволенъ. Онъ ждалъ Еремѣя Еремѣича и Короната Львовича. Пришелъ Еремѣй Еремѣичъ Строгій, «изъ любопытства единственно», какъ заявилъ онъ; не выпуская изъ рукъ шапки, посидѣлъ рядомъ съ Петромъ, помолчалъ, посмотрѣлъ на собравшуюся публику, поворчалъ на Ванифантія и скоро ушелъ. Вслѣдъ за нимъ явился и Коронатъ Львовичъ, какъ-то особенно нагло выступая. Онъ былъ пьянъ; лицо у него обрюзгло, глаза запламы послѣ цѣлой недѣли кутежей.

— Ну, что, братецъ, обратился онъ прямо къ Петру, разваливаясь на диванъ:—доволенъ? Будешь мнѣ благодаренъ?

— Кажется, мы расквитались... Сколько слѣдуетъ оплатил... Намъ съ вами не ребята крестять, надменно отпарировалъ Петръ.

— Что такое ты говоришь?

— А вотъ не желаете ли поздравиться... сверхъ, значить, всего прочаго, что вамъ за аблакатскіе труды уплачено отъ насъ...

— А я, братецъ мой, неоднократно тебѣ замѣчалъ, что ты слишкомъ забываешься... Ты, кажется, забылъ, что я—дворянинъ? поднялся Коронатъ Львовичъ на диванъ и грозно сверкнулъ глазами на Петра.

— Точно-что... Однако, кажись, мы болѣе отъ васъ не въ зависимости... Наплевались въ ликъ-то крестьянскій весьма достаточно...

— Ты—мужикъ! загремѣлъ Коронатъ Львовичъ:—ты въ умственной отъ меня зависимости! Въ умственной! Слышишь?

— Пустое это дѣло-сь, перебилъ его Петръ:—аблокаты-то нынче всякіе есть... Извольте-ка лучше поздравить съ окончаніемъ дѣла... А что насчетъ умственности—такъ это еще Богу извѣстно!

— Мальчишка! Хамъ! заревѣлъ уже вскакивая совсѣмъ Коронатъ Львовичъ, весь побагровѣвъ:—и ты смѣешь... Да я тебя...

И кудакъ Короната Львовича сдѣлалъ внушительную дугу въ воздухѣ.

Петръ вскочилъ, его глаза засверкали и еще глубже ушли въ глазницы. Мгновенно въ его воображеніи мелькнула кака-то давно забытая, но очень похожая сцена въ Москвѣ... Петръ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Бей его!.. крикнулъ онъ, бросаясь съ сжатыми кулаками.

Пьяные гости повскакали съ мѣстъ. Коронатъ Львовичъ, никогда не рассчитывавшій на подобный оборотъ, какъ ни былъ пьянъ, но сообразилъ, что онъ тутъ одинъ...

Два дня спустя послѣ этой сцены, въ Волчьемъ Поселѣ, въ вельѣ Ульяны Мосевны, утромъ собрались братья Вахромѣй и Хипа, ихъ жены, Прасковья и Θεодосья, Θεотимычъ и Θεклуша. Возвратившійся только-что изъ Дергачей Вахромѣй Мосенчъ передавалъ результаты своихъ переговоровъ съ дергачевцами о переселеніи младшихъ братьевъ Волковъ снова въ родную деревню. Дергачевцы уступили имъ подъ усадьбы небольшія клочки земли съ краю деревни, въ обмѣнъ за двойные участки пахатной земли въ поляхъ, доставшихся по раздѣлу братьямъ.

— Торопитесь надо... Пора уже съ этого непутнаго мѣста тронуться... Вишь, какъ его нечистая сила окватила! говорилъ Вахромѣй Мосенчъ:—совсѣмъ загубить, со свѣту сживеть...

— Сглазили, родные! сглазили райское мѣстечко! горевала Θεклуша.

— Такъ что-жь?.. Ежели пуцаютъ, такъ и слава тебѣ, Господи: выбирайтесь по-легоньку, сказала Ульяна Мосевна.

— Пора!.. Чтобы до работъ-то хоть срубы крыши покрыты!.. Чтобы хоть дождемъ лѣтомъ не мочило...

— Эка сила рухнула! шепталъ Θεотимычъ.

Пока разговаривали собесѣдники, въ поселокъ вѣхалъ Петръ. Онъ былъ одинъ. Отца онъ оставилъ въ городѣ, пока не вы-

править нужны бумаги. Петръ подѣхалъ къ своей избѣ. Она была заперта и пуста. Привязавъ лошадь къ вольцу калитки, онъ пошелъ къ кельѣ Ульяны Мосевны. За разговоромъ, никто не слышалъ, какъ онъ пріѣхалъ. Когда Петръ отворилъ дверь, вдругъ всѣ вздрогнули и перемѣнились въ лицѣ. Петръ молча и истово помолился передъ образомъ, затѣмъ въ три пріема низко поклонился роднымъ. Никто не шелохнулся, и только Оеклуша три раза тихонько сплюнула въ сторону, да Ульяна Мосевна перекрестилась.

— Богъ въ помощь! проговорилъ Петръ.

Никто не отвѣчалъ, только опять одна Ульяна Мосевна проговорила тихо: «Благодаримъ... Милости просимъ! Садись!»

Петръ прошелъ къ столу и сѣлъ около него.

Всѣ отодвинулись къ угламъ избы и молчали.

— Весьма для насъ было это неожиданно, началъ слегка дрожавшимъ голосомъ Петръ, постукивая, въ волненіи, пальцами о доску стола и смотря на дверь:—весьма неожиданно, что мы вообще о томъ всю жизнь свою помышляли, чтобы какъ всѣмъ намъ лучше пріустроиться, а замѣстъ того... отъ нашего невѣжества... самихъ себя въ разоренье привели...

Петръ остановился.

— Не отъ невѣжества это, а отъ грѣха, отъ врага рода человѣческаго, замѣтила Ульяна Мосевна.

Вахромѣй закурилъ трубку, отворилъ окно и, облокотившись на него, сталъ выпускать тонкія струйки дыма.

— Но, какъ это дѣло, значить, выходитъ оконченное, укрѣпленіе продолжалъ Петръ:—то объ немъ и панафида пѣть нечего. А къ тому я говорю, что и теперь, ежели умственно дѣло взять, можно еще къ наилучшему все пріустроить. Мы съ татенькой такъ порѣшили: оставаться всѣмъ намъ здѣсь на прежнемъ положеніи, и работы вести сообща, и операцію земельную тожъ сообща произвести. Вы нашему уму покоритесь, а мы васъ не обидимъ. Земли ваши при васъ останутся, а наши при васъ: никому, значить, необидно, а въ то-жъ время сообща о томъ будемъ стараться, чтобы какъ всѣмъ лучше... Какъ ты, тѣтенька, объ этомъ скажешь?

— Мое дѣло, Петрушенька, тутъ сторона. Я и хлопотага не за себя, а за сиротъ. Чего мнѣ надо? Мнѣ ничего не надо... Я на свой вѣкъ отъ трудовъ проворилюсь! сказала Ульяна Мосевна:—Вотъ, дядевъ спрашивай, ихъ бы совѣта тебѣ давно принять надо...

— Наши дядя тутъ насчетъ этого. Кабы они умственного дѣла касались, такъ столь большой скорби для насъ не произо-

шло бы. Вотъ что я вамъ скажу. Такъ вамъ бы посудить ихъ не мѣшало, заказать бы имъ семья-то свои зорить, да отъ вѣрнаго счастья отказываться, ежели у нихъ своего ума-понятія нѣтъ...

— Убью! вдругъ закричалъ Хипа, и съ своими страшными, известными на всѣхъ дергачевскихъ бояхъ, кулаками подскочилъ къ Петру.

Петръ поблѣднѣлъ, но не струсилъ. Онъ не былъ трусъ вообще. Ѳедосья и Ульяна схватили за руки Хипу, безумно поводящаго глазами, и усадили его, между собой, на лавку.

— Мало вамъ? Мало еще! сорвалась съ лавки, вслѣдъ за мужемъ, Прасковья:—мало вы родной-то крови выпили? Чего вы еще захотѣли? Али еще нечистая сила не улеглась въ васъ? Али еще вы своими прелестями мало соблазнили, да крови выпили?.. Будьте вы прокляты!.. прокляты!.. прокляты!..

— Паша... Паша! удерживала за подолъ сарафана Ульяна Мосевна раскодившурся невѣстку.

— Вы у кого хлѣбъ-то отняли? А? Не у насъ, не у дядьевъ—нѣтъ! Нечистая ваша сила изъ дѣточекъ нашихъ кровь пила! Кровь! Подавитесь вы грабленнымъ кускомъ! Провалитесь вы въ вашемъ поселкѣ! Богъ отъ него отступился! Ребячьм дупеньки его прокляли! Мы и дня здѣсь не останемся, на этой землѣ проклятой!.. Не то что на ваши умственные прелести польститься! Мы по-миру лучше пойдемъ, лучше дергачевскому миру въ ноги поклонимся..

Такъ сыпала безостановочно, задыхаясь, махая руками, освирѣпѣвшая Прасковья, не давая никому выговорить слова. Наконецъ, Ульянѣ Мосевнѣ кое-какъ удалось ее уговорить.

— Не желаете, выходить? спросилъ Петръ, послѣ того, какъ въ избѣ настала тишина:—Коли такъ—съ Богомъ! рѣшилъ онъ, вставая въ сильномъ волненіи:—съ Богомъ! А на насъ вину класть нечего! Берите на себя! Подите, поживите съ дергачевцами, коли вамъ мало въ лицѣ-то крестьянскій плевали, коли мало на горбахъ-то у васъ ѣздили кулаки да приказные, коли мало надъ вашей душой Коронашки издѣвокъ дѣлали! Попробуйте, попробуйте кабалы-то! Авось на миру драть будутъ... Остальныхъ коровъ продавать... Старшины въ правленіи за локмотки трепать, становые за бороды трести... Испробуйте!.. Только на насъ вилы не валите! Умственный человекъ о томъ думаетъ, чтобы какъ лучше, а дуракамъ, выходить, законъ не писанъ! закончилъ Петръ, въ нервномъ раздраженіи застѣгивая воротъ кафтана. Онъ плотно надѣлъ на голову фуражку и вышелъ...

— Будьте вы прокляты! кровопийцы! крикнула ему вслѣдъ Прасковья, опять сорвавшись съ лавки, и долго еще неслись за Петромъ изъ оконъ кельи Ульяны Мосевны проклятiя Прасковьи, пока не успокоили ее бабы.

Петръ задами вошелъ въ свою избу.

Когда же, черезъ полчаса, онъ вышелъ оттуда и сѣлъ на лошадь, то услышалъ, какъ желѣзные ломы ударили уже въ крышу избы Вахромѣя. На крышѣ стояли Хипа, Вахромѣй и Сатиръ и рушили совсѣмъ пошатнувшiеся дѣдовскiе устон.

Петръ молча проѣхалъ мимо ихъ въ село Доброе, чтобы кое-къ кѣмъ осмотрѣть еще не проданную барскую усадьбу.

Чуть забрежжилось слѣдующее утро, какъ отъ Волчьего Поселка, по направленiю къ Дергачамъ, снова потанулись возы бревенъ, и попрежнему шутили помогавшiе молодымъ братьямъ Волкамъ дергачевцы: «Опять, значитъ, въ крестьянское сословіе! Такъ-то оно лучше! Грѣха меньше! Пушай ужъ умные мужики помѣщиками живутъ! А мы и такъ, по своей простотѣ, вѣкъ дотянемъ!» «Поселяйтесь, поселяйтесь! покрикивалъ староста Макридій Сафроничъ, когда братья Волки вляли первые вѣнцы:— Селитесь!.. Мы съ вами всегда въ дружбѣ были, одни отъ другихъ не отбивались! Селитесь съ Господомъ! говорилъ онъ, поглаживая бороду, какъ нѣкогда дѣдъ Мосей, влады первые устон своего поселка. А пушай тамъ, кто умнѣе, новыя устон ставить! Ну, что Сатиръ Иванычъ, и ты опять къ намъ!.. Вотъ оно что значитъ произволеніе-то Божіе! Отъ него не уйдешь».

И дергачевцы подсмѣивались, вслѣдъ за своимъ неизмѣннымъ старостой, надъ Сатиромъ.

Только Сатиръ былъ суровъ и угрюмо молчалъ.

Здѣсь кончается *исторiя одного поселка*, но не исторiя нашихъ героевъ. Мы еще встрѣтимся съ ними въ новыхъ условiяхъ и при иныхъ обстоятельствахъ жизни. Можетъ быть, намъ удастся тогда разъяснить то, что осталось еще недосказаннаго въ первой половинѣ нашего труда.

Н. Златовратскій.

ВЛАДѢННЫЯ ЗАПИСИ

Ъ

ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ

и общественно-экономическое значеніе ихъ для нашего сѣ-
вера вообще ¹.

Земля на Сѣверѣ не менѣе важна для крестьянина, чѣмъ въ остальной Россіи. Земля на Сѣверѣ у насъ фигурируетъ все въ той же общезвѣстной русской роли: она есть главная кормилица народа; она же и главный базисъ той общественно-экономической и политической единицы — общины, которая постоянно, въ продолженіи тысячелѣтняго существованія, охраняла Россію отъ огульнаго батрачества; отъ экономической кабалы *всиль* въ пользу нѣкоторыхъ, и которая на Сѣверѣ настолько же жизненна, какъ и всюду у насъ.

Въ Россіи связь между землею и народомъ неизмѣримо прочнѣе и крѣпче, чѣмъ на Западѣ. Эта связь составляетъ главную и основную черту нашего историческаго развитія; она вошла въ плоть и кровь русскаго народа. На Западѣ же, напротивъ того, эта связь земли съ народомъ порвана такъ давно и прочно, что тамъ даже позабыли о ея существованіи «во время оно». Исторія Запада въ этомъ отношеніи прямо противоположна нашей. Въ Европѣ съиздавна порвалась связь между землею и большинствомъ населенія, потому что исторія Европы есть исторія

¹ Авторъ предлагаемой статьи Лалошъ, (нынѣ уже умершій) въ качествѣ чиновника министерства государственныхъ имуществъ, участвовалъ въ составленіи владѣнныхъ записей по Олонецкой Губерніи и былъ, какъ усмотритъ читатель и изъ настоящей статьи, горячимъ роторборцемъ за вполне достаточное обезпеченіе крестьянъ. Мы печатаемъ статью его немножко поодио для дѣла, но благосклонный читатель, конечно, не посягнетъ на насъ за это. Онъ знаетъ, что участь нашихъ *далекихъ* статей такова, что онѣ почти всегда имѣютъ ретроспективное значеніе для того дѣла, ради котораго пишутся.

дѣяній социальныя разрушителей по преимуществу, а не исторія дѣяній разрушителей *биологическихъ*, какъ то было въ Россіи. Въ Европѣ фигурировали завоеватели-администраторы, ставившіе альфой и омегой своей дѣятельности, катехизисомъ своимъ обезземеленіе народа. Въ Россіи же таковыя предпочитали собраніе дани, а объ обезземеленіи и не думали. Въ этомъ различіи историческихъ судебъ и лежитъ разгадка различныхъ отношеній народа къ землѣ тамъ и здѣсь.

Русскій народъ никогда en masse не былъ работою безземельнымъ. Всѣ невгоды, обрушавшіяся на Россію въ продолженіе ея тысячелѣтняго существованія, принадлежать къ одной и той же категоріи — къ категоріи невгодъ, давившихъ извнѣ, но не касавшихся, такъ сказать, нутра социальныхъ отношеній. Монгольское иго, московская централизація, давленіе боярства, усобицы, голода, мѣры и проч., и проч. — все это были убійственные факторы, факторы, уменьшавшіе народонаселеніе, державшіе его въ черномъ тѣлѣ, но не прямыя разрушители общественно-экономическаго строя. Вотъ почему, хотя вплоть до 19-го столѣтія, вся русская исторія есть ничто иное, какъ исторія развитія личнаго рабства, исторія политической кабалы, но не исторія рабства социального, экономическаго. Древняя исторія Россіи есть исторія всеобщаго закабаленія во имя крайне узкой государственности. въ существѣ дѣла мало чѣмъ отличавшейся по духу своему отъ ханства, фізіономія которыхъ собственно и служила, какъ это показано профессоромъ Костомаровымъ, идеаломъ для нашихъ *собирателей земли русской*. Закабаленіе это было чисто личнымъ. Оно принижало личности, обращало всѣхъ въ холоповъ; но экономической сферы не касалось. Давя личность въ ея сношеніяхъ съ властью, смотря на личность по отношенію ея къ власти, какъ на нуль — это закабаленіе оставляло для личности въ экономическомъ отношеніи порядочную дозу свободы.

Въ силу этого-то, то отношеніе, которое обыкновенно устанавливается при нормальныхъ обстоятельствахъ у людей между собою, въ примѣненіи къ землѣ процвѣтаетъ до сего дня среди большинства русскаго народа. Земля въ Россіи поэтому-то до сихъ поръ и стоитъ на первомъ планѣ въ жизни народа. Будучи съ одной стороны главнымъ резервуаромъ, изъ котораго онъ, прилагая свой трудъ, черпаетъ свое пропитаніе, она, съ другой стороны, помимо этого своего хозяйственнаго значенія, имѣетъ еще и значеніе социально-политическое: служить фундаментомъ того сложнаго дѣла, которое именуется общиной¹.

¹ Наши крестьяне изъ поколѣнія въ поколѣніе разрѣшаютъ вопросъ объ отношеніи труда къ капиталу очень просто. Они безъ всякихъ *разсужденій*

Да, тяжела была дань, заплаченная Россією разными стікій-ными силами; горька была ея участь; много погибло народу въ борьбѣ съ тяжкими обстоятельствами; но общественно-экономическія учрежденія остались невредимы.

Пришли монголы, ибили почти все взрослое населеніе мужское и не малую толку женщинъ и дѣтей; сожгли и ограбили все, что можно было сжечь и ограбить, но земли у народа они не отобрали. Они обложили его тяжелою данью; они выжимали изъ него все, что только можно было выжать, но въ безземельное рабство не обратили. Не изъ челоуѣколюбія они этого не сдѣлали; а попросту, потому что монголы были кочевники. Будь ихъ повелитель, Батый, Вильгельмомъ Завоевателемъ, будь они норманами — они не задумались бы ввести въ соціальнй строй Россіи принципъ частной поземельной собственности, эту первую опору сословной розни. Но имъ нужна была дань, и только. До осталнаго имъ дѣла не было. Русскихъ народныхъ учреждений по землѣ они поэтому не только не тронули, но, напротивъ того, должны были счесть ихъ вещь крайне полезною: солидарность членовъ общины крестьянской, напримѣръ, дѣлала поллучу дани болѣе обезпеченною.

Пропитанное принципами ханской государственности не тронуло крестьянскихъ поземельныхъ отношеній и московское единовластіе. Оно даже и не пыталось ихъ трогать. И ему община никогда не могодила и не могла могодить глазъ. Земледѣіе и землевладѣніе крестьянскія были вѣрною порукою въ уплатѣ податей, а этого одного было достаточно для того, чтобы отвратить всякія попытки къ измѣненію междукрестьянскихъ поземельныхъ отношеній. Московскіе цари — самыя деспотическіе изъ нихъ, напримѣръ, Грозный, даже узаконили эти отношенія.

Благодаря такому отношенію московскихъ владыкъ къ поземельнымъ распорядкамъ крестьянъ, не сомнѣвались никогда также въ полезности и законосообразности землевладѣнія бояре-

привнають; что поземельная собственность должна быть общинною, а не личною. Думаютъ они такъ — давно, такъ давно, что опредѣлить время, обозначить моментъ зарожденія таковыхъ ихъ думъ — невозможно; все равно, какъ невозможно ничего опредѣленнаго сказать о томъ времени, когда появился первый портной, салонникъ и проч. Известно только, что въ основаніи всего русскаго соціального строя, поперегъ всей нашей исторіи лежитъ община. Поэтому-то во всѣхъ тѣхъ историческихъ извѣстіяхъ, гдѣ говорится что-либо объ отношеніяхъ нашихъ крестьянъ къ землѣ, говорится о поземельной общинѣ и говорится такъ, какъ только можно говорить о давнымъ-давно установившемся *statu quo*, т. е. говорится просто, безъ всякаго многоглаголанія и безъ всякихъ разсужденій насчетъ прелестей *dominium* сравнительно съ общинъ землевладѣніемъ.

вотчинники. Несмотря на то, что въ то грубое время бояре позволяли, послѣ полученія *семнадцати тысячъ розогъ*, болѣе сѣченому крестьянину лишь одну недѣлю ¹, несмотря на такую личную безправность крестьянъ, бояре поземельныя отношенія крестьянъ уважали. Бояринъ, смотрѣвшій на личность своего крѣпостного, какъ на свою полную собственность, никогда не отрицалъ, однако, его поземельныхъ правъ. Бояринъ на смерть засѣдалъ отдѣльныхъ крестьянъ, но съ «миромъ» совѣтовался о всѣхъ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и безъ него не предпринималъ ничего особенно важнаго въ своемъ хозяйствѣ ².

Однимъ словомъ, боярину, въ то время еще непонимавшему вкуса въ англоманіи à la графъ Орловъ-Давыдовъ—такъ же дико показалась бы мысль о непризнаніи за крестьянами правъ на владѣніе по общинному способу землею, какъ то казалось дико и монголу, и московскому правителю. «Миръ» и для боярина былъ важною и полезною вещью: онъ кормилъ и помѣгъ и его, и его дворню.

Таковы-то были причины, которыя, существуя въ продолженіе всей русской исторіи, обусловили сохраненіе и развитіе вплоть до нашихъ дней въ Россіи той специальной связи между народомъ и землей, о каковой на Западѣ и помину нѣтъ—той специальной связи, благодаря которой, русская сельская община, не отличаясь по руководящей своей идеѣ (идеѣ равенства общинниковъ) отъ всевозможныхъ общинъ древняго и новаго цивилизованныхъ мировъ, отличается отъ нихъ *способомъ приложенія* этой идеи къ условіямъ жизни.

Но если эта связь земли съ народомъ такъ *непосредственна* въ Россіи, если земля всюду въ Россіи играетъ роль базиса для экономической и общественно-политической самостоятельности большинства населенія, то, понятно, что споспѣшествованіе къ всѣмъ, что называется, силъ земледѣлію и землевладѣнію крестьянскому является вещью не только полезною въ финансовомъ отношеніи на Русь, но и самую настоятельную государственною необходимостью. Государство вѣдь не должно стоять внѣ интересовъ народа. Оно не должно игнорировать народныя учрежденія, но, напротивъ того, изучивъ ихъ, оно должно стараться дать этимъ учрежденіямъ болѣе стройное и дѣлсообразное развитіе.

Насколько же широко выполнило эту задачу наше крестьянское законодательство по отношенію къ Сѣверу?

¹ См. «Бывшій бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ», Забѣлина. «Вѣстникъ Европы» 1871 г. книжка 2-я (февраль) стр. 510.

² Ibid. О *стойкости* крестьянскаго міра.

II.

Новѣйшія законоположенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ,¹ по *основной* идее своей, какъ известно, суть копія, двойникъ Положеній 19-го февраля 1861 года. Не внося, сравнительно съ реформой 1861 года, ничего *новаго* въ жизнь русскаго народа, они лишь распространили «главныя статьи начала Положеній 19-го февраля о крестьянахъ временно-обязанныхъ и собственникахъ» на 23 милліона крестьянъ государственныхъ. Въ нихъ не видно желанія критически отнестись къ своей предшественницѣ — реформѣ 19-го февраля и исправить, буде въ ней найдутся ошибки таковой. Они и не помыслили о критикѣ, несмотря на то, что одну реформу отъ другой отдѣлялъ промежутокъ не въ пять дней, а въ пять лѣтъ.

Что же изъ этого вышло?

Вышло то, что реформа 24-го ноября 1866 года прежде всего *должна была* повторить тѣ же ошибки, какія были у ея предшественницы.

Главный смыслъ и все грандіозное значеніе реформы 19-го февраля есть, какъ теперь со всякимъ днемъ становится яснѣе, уничтоженіе лишь крѣпостного права, снятіе личной кабалы съ 20-ти милліоновъ челоуѣкъ. Поэтому-то реформа 1861 года, какъ уничтожающая личную кабалу милліоновъ тысячамъ, знаменательна и прогрессивна, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она не безъ недостатковъ.

Всѣ ея недостатки, какъ легко видѣть, произошли отъ поглощенія принципомъ личной свободы всѣхъ остальныхъ соціальныхъ принциповъ. Вслѣдствіе этого-то поглощенія и явился и неудовлетворительный надѣлъ, и лишеніе крестьянъ лѣса, и высокіе оброки и проч., и проч. — словомъ, все то, что создало въ средѣ нашего крестьянства никогда невиданное и неслыханное на Руси явленіе — *коттерство*, и что, прибавлю я, со всякимъ годомъ впередъ должно споспѣшествовать развитію этого способа землевладѣнія.

Что касается реформы 24-го ноября 1866 г., то хотя она и не ухудшила экономическаго быта государственныхъ крестьянъ, хотя она и не урѣзала у нихъ земли («сельскія общества государственныхъ крестьянъ, говорится въ 1-мъ пунктѣ указа 24 го ноября 1866 г.

¹ См. «Сборникъ постановленій и распред. по поз. устр. госуд. крестьянъ и по выдачѣ имъ владѣній земель». С.-Петербургъ. 1871 г.

сохраняютъ *еще* предоставленныя имъ въ надѣлѣ и состоящія въ нихъ пользованіи земли и угодья») ¹, однако, и она отнеслась къ *улучшенію* (быта крестьянъ въ поземельномъ отношеніи отрицательно).

Главная ея цѣль была «приступить къ окончательному устройству хозяйственнаго быта государственныхъ крестьянъ и въ сѣхъ видахъ *расширить* правъ ихъ по владѣнію и распоряженію предоставленными имъ въ надѣлѣ отъ казны землями» ².

Но чтѣ же значитъ: «расширить правъ по владѣнію и проч.?»

Насколько широко это «расширеніе правъ по владѣнію и распоряженію предоставленными крестьянамъ въ надѣлѣ землями?»

Оно широко, если на него глядѣть съ точки зрѣнія «личной свободы», и узко, если на мѣсто этой точки зрѣнія поставить «улучшеніе экономическаго быта».

Мы это сейчасъ увидимъ.

Реформа по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ тоже имѣетъ смыслъ *личнаго* освобожденія изъ разныхъ путей житейскихъ народа. Она только расширяетъ правъ по владѣнію предоставленными крестьянамъ еще до нея въ надѣлѣ землями, но надѣла не увеличиваетъ, развѣ только въ видѣ исключенія. Она, видимо, считаетъ существующій надѣлъ государственныхъ крестьянъ вполне удовлетворительнымъ, потому что она, хотя и говоритъ о случаѣ «крайнаго недостатка и неудобствахъ землевладѣнія» ³ у крестьянъ (33 ст. Правилъ 31-го марта 1867 г.), но обставляетъ возможность избѣгнуть таковыхъ недостатковъ и неудобствъ, съ помощью прирѣзки дополнительнаго надѣла или переселенія, такую длинную процедуру, что избѣгнуть этихъ недостатковъ можно развѣ только въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ. Вотъ текстъ въ подлинникѣ:

«Если, при предъявленіи владѣнной записи, крестьяне, основываясь на крайнемъ недостаткѣ у нихъ земли и неудобствахъ землевладѣнія, будутъ ходатайствовать о разрѣшеніи какой-либо части членовъ общества переселиться на казенныя земли въ многоземельныя губерніи, или же о прирѣзкѣ обществу необходимыхъ крестьянамъ угодій изъ свободныхъ казенныхъ земель, и если такое ходатайство, въ виду, дѣйствительно, *исключительно* *неизбѣжно* положенія крестьянъ, будетъ признано чиновникомъ, предъявляющимъ владѣнную записъ, и мировымъ посредникомъ, заслуживающимъ уваженія, то они представляють о томъ, че-

¹ См. «Сборникъ Постан.», стр. 2-я.

² См. Ibid, стр. 1-я.

³ См. «Сборникъ», стр. 27.

резъ старшаго въ губерніи чиновника по составленіи владѣнныхъ записей, мѣстному управляющему государственнымъ имуществомъ, для представленія своихъ по сему предмету соображеній въ министерство государственныхъ имуществъ. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ разрѣшеніе прирѣзки къ крестьянскому надѣлу, такъ и отводъ земель для переселенцевъ зависитъ на существующемъ нынѣ основаніи (уст. благ. въ каз. сел. ст. 14, 17, 37 и 38) отъ *устотрѣнія* и хозяйственныхъ соображеній министерства государственныхъ имуществъ¹.

Еще краснорѣчивѣе говорить о томъ, съ какою безповоротностью реформа 24-го ноября 1866 г. относится къ улучшенію быта крестьянъ въ смыслѣ *экономическомъ*, 39-я ст. «Правилъ для составленія владѣнныхъ записей» — статья, говорящая, что «послѣ выдачи владѣнныхъ записей ни размноженіе въ какомъ-либо обществѣ народонаселенія, ни другія обстоятельства не могутъ дать сельскому обществу права домогаться впоследствии увеличенія надѣла, предоставленнаго оному во владѣніе»¹.

Итакъ, строго говоря, реформа быта государственныхъ крестьянъ такъ мало касается вопросовъ о неудовлетворительности крестьянскихъ надѣловъ, что никакихъ отъ этого улучшеній для крестьянскаго хозяйства и быть не можетъ.

Впрочемъ, оно и странно было бы инымъ образомъ ихъ касаться: вѣдь у государственныхъ крестьянъ и безъ того больше земли, чѣмъ у бывшихъ крѣпостныхъ. Ну, что же вышло бы, если бы признать надѣлъ государственныхъ крестьянъ неудовлетворительнымъ? Что же тогда сказать пришлось бы о надѣлѣ бывшихъ крѣпостныхъ, о *maximum'axъ* и *minimum'axъ*, установленныхъ редакціонными комиссіями, о *дарникахъ*, получившихъ въ даръ $\frac{1}{4}$ надѣла и проч., и проч. Не менѣе неудачно отнеслась вслѣдъ за реформой 1861 г. реформа 1866 года и къ другому важному вопросу — къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи.

Посмотрите, напримѣръ, на мнѣніе самихъ государственныхъ крестьянъ о цѣлесообразности въ данномъ случаѣ реформы 24-го ноября 1866 г. Прислушайтесь внимательно къ тѣмъ нѣсколькимъ, совершенно случайно вырвавшимся у нихъ мыслямъ, которыя поразятъ васъ, какъ гармонирующія и со всей нашей прошедшей исторіей, и съ данными строгой экономической науки, своею безкитроною справедливостью.

¹ Интересно, что до введенія во дѣйствіе реформы 24-го ноября тоже самое министерство государственныхъ имуществъ вполне допускало потребности *прибывать души* въ сельскихъ обществахъ, вслѣдствіе чего, не отрицая права этихъ *прибывающихъ* на полученіе надѣла, оно постоянно дѣлало обществамъ періодически земельныя надбавки.

«Какъ возьмемъ владѣнную записъ, говорили, въ 1872 году, дѣ- томъ въ Купанскомъ Уѣздѣ, Харьковской Губерніи крестьяне¹:— такъ сейчасъ сможемъ продавать часть земли, когда будетъ на то со- гласіе двухъ третей общества, а у насъ всегда наберется голъ и дѣнтаевъ и болѣе того. Вотъ паны, да купцы водкою, да деньгами подобють насъ продать имъ часть земли, да еще лучшей; день- ги за землю поступать въ казну, намъ полегчаетъ на нѣсколько копеекъ, а мы ту же проданную землю будемъ нанимать по 9-ти, да по 5-ти рублей въ годъ. Пока земля казенная, я съ голоду не умру, и что бы со мной ни было, а земля останется при мнѣ, а какъ мы выкупимъ, то она достанется богатымъ. Я умру и земля пойдетъ на общество, а вырастутъ дѣти и получатъ землю, а какъ выкупимъ, да подѣлимъ, то пока вырастутъ дѣти, опекуны и волость проживуть землю, какъ бываетъ съ избами и другимъ имуществомъ, и дѣтямъ нашимъ придется таскаться ни- щими!» И далѣе. «Только дай намъ право, такъ добрую волю нашу въ кабакахъ легко будетъ достать; голъ и дѣтян, а ихъ не перечесть, отдѣлять и передадутъ свою землю купцамъ, да панамъ, а сами пойдутъ бродяжничать... Нѣтъ, не нужно намъ владѣнной записи, а то такой-то (ниа и отчество) сейчасъ спонтъ насъ, подкупить волостное и сельское начальство, да и купить у насъ лучшую землю, а мы останемся при однихъ усадь- бахъ и неудобной землѣ».

Этотъ крестьянскій протестъ—далеко недожиданный протестъ. Здѣсь, напротивъ того, серьезнѣе и логичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, трактуется о самыхъ большихъ мѣстахъ современнаго общественнаго строя, отъ которыхъ ужъ такъ сильно и такъ давно страдаетъ Европа, страдалъ Римъ, Греція—словомъ, все человѣчество, и которыхъ не обошли и мы. Здѣсь прямѣе, чѣмъ въ любой политической экономіи, подходятъ люди къ во- просу о землевладѣніи и рѣшаютъ его безъ всякихъ увертокъ; честно и правдиво, а главное, съ полнымъ знаніемъ своего дѣла— съ знаніемъ, добытымъ путемъ долголѣтней практики, взгляды- нымъ потомъ и кровью, продуманнымъ, положимъ, запросто, по- мужицки, то-есть, безъ всякихъ приправъ разными экс-научными утонченностями à la Моллиари, Сэ, Рошеръ, Маклеодъ и даже Джонъ Стюартъ-Милль, но за то глубоко прочувствованнымъ на дѣлѣ въ жизни. Словомъ, здѣсь вы въ первый разъ встрѣчаетесь съ невиданнымъ, кажется, доселѣ въ русской литературѣ явле- ніемъ: съ мнѣніемъ русскихъ крестьянъ о самихъ себѣ, о своихъ нуждахъ, радости и горѣ, и вы видите, что въ этихъ категори-

¹ См. «Петербургскія Вѣдомости», № 197-й, 1872 г.

чески высказанных словахъ, въ этой сказанной экспромтомъ логическою рѣчи нѣтъ фальши.

Послѣ этихъ словъ, вамъ становится, съ одной стороны, очень смѣшно, а съ другой—очень грустно: вы думаете о тѣхъ лекціяхъ гг. юристовъ и экономистовъ, которые вы слушали и въ нашихъ, и въ иностранныхъ университетахъ; вамъ приходится на умъ лучшіе годы жизни, годы юности, когда вы, сидя на университетской скамьѣ, увлекались словами: «свобода», «свобода конкуренціи», «право», «право полной безграничной собственности», вѣщавшихся съ кафедръ...

Крестьяне протестуютъ противъ даннаго имъ новѣйшимъ законодательствомъ права отчужденія земель своего надѣла въ чужія руки и права перевода общиннаго землевладѣнія въ подворное, по согласію $\frac{2}{3}$ голосовъ схода. Они свѣклись съ «неполною собственностью» и съ общиннымъ землевладѣніемъ и дорожатъ ими потому, что въ батрачествѣ, бродяжничествѣ, безъ нѣжня угла, гдѣ голову приклонить—они ничего хорошаго не видятъ.

Почему же, однако, при рѣшеніи такого капитальнаго вопроса, какъ вопросъ о способѣ землевладѣнія, ничего не спросили у крестьянства? А исторія?! Развѣ прошедшее наше мало говорить въ пользу рѣшенія вопроса о землевладѣніи въ духѣ общинности?!

Дѣло объясняется просто. Подобно тому, какъ при рѣшеніи вопроса о достаточномъ надѣлѣ землею, нашлись очень многіе другіе вопросы, отгѣснившіе его въ сторону, нашлись и при рѣшеніи вопроса о способѣ землевладѣнія такіа обстоятельства, которые заставили *рѣшителей* этого великаго вопроса невольно сѣгнорировать и прошедшее, и настоящее русскаго народа.

Дѣло въ томъ, что рѣшители вопроса о способѣ землевладѣнія видимо спутались, à la Милль, при рѣшеніи заданной имъ себѣ отвѣченной задачи: «что лучше: общинный ли принципъ, или личный?»

Милль, какъ извѣстно, на вопросъ: какой принципъ лучше: общинный ли, или личный?—не отвѣчаетъ твердо, категорически, какъ это обыкновенно дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ пересталъ колебаться между двумя противоположными путями и выбралъ окончательно какой-либо одинъ изъ нихъ. Онъ очень пространно толкуетъ объ этихъ принципахъ, разбираетъ ихъ аналогически, сопоставляетъ ихъ, сравниваетъ; но, въ концѣ концовъ, оставляетъ читателя, такъ сказать, на распутии, на перекресткѣ двухъ дорогъ ¹. Онъ видитъ неудовлетворитель-

¹ См. главы I-ю и II-ю, кн. II. Распределеніе. «Основ. полит. эконом.», Дж. Ст. Милль. Т. I-я Спб. 1865 г.

ность современнаго строя жизни, онъ знаетъ, что «почти все сословіе работниковъ въ Англіи и почти во всѣхъ другихъ странахъ Европы» настолько зависятъ «отъ чужой воли, что меньшею свободою могло бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ» (стр. 257, т. I-й), но все-таки не рѣшается осудить «римскій принципъ». По его мнѣнію, какъ ни хорошъ общинный принципъ, сравнительно съ римскимъ, какъ ни много сулить общинное владѣніе, сравнительно съ единоличнымъ, но высказаться противъ принципа личной полной собственности онъ не можетъ, не имѣя на то данныхъ. Онъ рассуждаетъ такъ:

«Современное распредѣленіе имѣетъ много недостатковъ, чему доказательствомъ служитъ пролетаріатъ и пауперизмъ, съ одной стороны, и вавилонская расточительность—съ другой. Но вѣдь это происходитъ не отъ того, чтобы самый принципъ нынѣшняго распредѣленія, принципъ личной собственности, былъ бы не хорошъ, а скорѣе отъ побочныхъ, чисто историческихъ причинъ. Собственность въ Европѣ, говоритъ онъ въ подтвержденіе своего взгляда:—была результатомъ не какого-нибудь справедливаго раздѣленія, не приобретенія посредствомъ труда, а результатомъ завоеванія и насилія, и несмотря на все сдѣланное трудомъ въ теченіи многихъ вѣковъ для пересозданія того, что создано насиліемъ, нынѣшняя система сохраняетъ многочисленныя и большіе слѣды своего происхожденія» (Ibid., стр. 255).

Вотъ эти-то слѣды насилія давнишняго, средневѣковаго, времени великаго переселенія и накладываютъ, по его мнѣнію, на принципъ личной собственности такой слой грязи и уродливостей, что немудрено осудить и ни въ чемъ, пожалуй, неповинный самъ по себѣ принципъ. «Принципъ частной собственности, говоритъ Милль:—еще ни въ одной странѣ не былъ испытанъ на дѣлѣ въ надлежащемъ видѣ» (стр. 255).

Сперва очистите его отъ грязи, густо покрывающей его поверхность, соскоблите все то, что наложили на него слѣпыя силы исторіи, силы, не руководившіяся разумомъ, а затѣмъ ужъ и сравнивайте. Тогда еще неизвѣстно: что будетъ; тогда трудно сказать, кто возьметъ верхъ въ составаніи и займетъ первое мѣсто: община или лицо?

«Мы слишкомъ мало знаемъ о томъ, продолжаетъ Милль:—что можетъ совершить индивидуальная дѣятельность въ лучшей своей формѣ и общинная въ лучшей своей формѣ, потому что мы не можемъ сказать, которая изъ двухъ системъ будетъ окончательной формой человѣческаго общества. Если отваживаться на догадку, то, вѣроятно, рѣшеніе будетъ зависетьъ главнымъ образомъ, отъ того, какая изъ двухъ системъ допускаетъ наиболѣе

свободы и самобытной дѣятельности между людьми» (стр. 257, Ibid.).

Разрѣшая же этотъ послѣдній вопросъ, Милль предполагаетъ, что больше свободы для мнѣній, для разнообразія чувствъ, мыслей и дѣйствій сулитъ людямъ принципъ личный, а не общинный, хотя и это заключеніе, говоря его же словами: «еще вопросъ, требующій изслѣдованія».

Вотъ и все, что говорить Милль насчетъ вопроса о качествахъ сравнительныхъ личнаго и общиннаго принциповъ.

По мнѣнію человѣка, который пишетъ «какъ мыслитель, ищущій только истину», по мнѣнію ученаго, книга котораго «признана за лучшее, самое вѣрное и глубокомысленное изложеніе теорій, основанной Адамомъ Смитомъ»—вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ принциповъ общиннаго и личнаго ему не по силамъ. Итакъ, «въ вѣкъ, подобный нашему, когда, по словамъ Милля, чувствуется неизбѣжность *общаго пересмотра всѣхъ коренныхъ* принциповъ»—этотъ пересмотръ дальше неопредѣленности и колебанія нейдетъ и въ результатъ оставляетъ читателей съ тѣмъ же самымъ *неразрѣшеннымъ* вопросомъ, съ какимъ они были и до начала этого пересмотра.

Вотъ теперь-то, послѣ всѣхъ этихъ разглагольствованій Милля, и становится понятнымъ, почему крестьянскія положенія, признавая «общинный бытъ, какъ первостепенный и несомнѣнный историческій фактъ и могущественное на первый разъ орудіе для обезпеченія повинностей и упроченія крестьянской самостоятельности», вмѣстѣ съ этимъ, нашли безъисходно нужнымъ предоставить общинѣ крестьянской «законный путь къ естественному, лишь *внутреннею* необходимостью вызванному *разложенію* ея, на случай, еслибы *впослѣдствіи* обнаружилась ея несостоятельность и ея *несоответствіе* требованіямъ обновленнаго экономическаго строя»¹.

Прошедшее Россіи, ходъ историческаго развитія, говорили редакціоннымъ комиссіямъ, одно, а политическая экономія, гдѣ битва насчетъ правоспособности принциповъ личнаго и общиннаго была въ полномъ разгарѣ—другое. Что же было дѣлать?

Въ такихъ случаяхъ самый *обиденный* исходъ—элективизмъ, средина... Такъ и вышло. Крестьянскія положенія, признавая одновременно и необходимость общины въ данный моментъ, и возможность ея разрѣшенія въ будущемъ (хотя адѣсь, собственно говоря, о будущемъ и рѣчи не должно было быть), пришли къ тому же «ни да, ни нѣтъ», къ какому пришелъ и Милль въ вопросѣ о личномъ и общинномъ принципахъ.

¹ См. докладъ № 8-й хозяйств. отдѣленія редакц. комиссій.

Они, крестьянскія положенія, могли, пожалуй, думать, что поступают научно-объективно, не высказываясь ни въ пользу общиннаго, ни въ пользу подворнаго способа землевладѣнія, не отдавая предпочтенія ни одному изъ нихъ предъ другимъ. Но на дѣлѣ вышло не то. Жизнь доказала—и мы это слышали изъ устъ такихъ безпристрастныхъ экспертовъ, какъ сами крестьяне—что отвести арену для легальной борьбы общиннаго способа землевладѣнія съ подворнымъ-частнымъ и принципа «неполной собственности» съ принципомъ собственности полной римской¹, значитъ дать оружіе въ руки противъ общинности, вообще и «неполной собственности»—въ частности, т. е. расклеваться передъ пролетаріатомъ и попросить его забратьса къ намъ.

Подъ влияніемъ спора о сравнительномъ достоинствѣ принциповъ землевладѣнія—крестьянскія положенія позабыли, что принципъ полной собственности на землю, вводимый ими въ строй жизни 90% населенія Россіи и до сихъ поръ чуждый ей, и есть именно тотъ

¹ По закону, право перевода общиннаго землевладѣнія въ подворное и продажа общинныхъ земель зависятъ отъ $\frac{2}{3}$ голосовъ схода. Вотъ эти законы (пунктъ 4-й указа 24-го ноября): «Государственнымъ крестьянамъ предоставляется право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрѣнію данными имъ во владѣніе по запискамъ землями, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ: а) по согласію $\frac{2}{3}$ членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ, общество можетъ раздѣлить принадлежащія ему земли на подворные участки, причемъ сумма оброчной подати, лежащей на всемъ обществѣ, раздѣляется между домохозяевами, по величинѣ и качеству подворныхъ участковъ; б) видѣль участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, допускается также по приговору $\frac{2}{3}$ членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ, причемъ определяется и сумма оброчной подати, причитающейся по расчету на выдѣленные участки; в) приговоры общества о выдѣлѣ, равно и приговоры о раздѣлѣ земли на подворные участки должны быть, прежде приведенія ихъ въ дѣйствіе, засвидѣтельствованы мировымъ посредникомъ, который копию съ приговора представляетъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, для свѣдѣнія и для утвержденія сдѣланнаго обществомъ распределенія оброчной подати между домохозяевами; г) въ теченіи трехъ лѣтъ, со времени получения владѣнныхъ записей или общинномъ владѣніи, общество, а при подворномъ—домохозяева, не могутъ отчуждать своихъ земель лицамъ, не принадлежащимъ къ тому же обществу; д) по прошествіи трехъ лѣтъ со времени выдачи владѣнныхъ записей, какъ общество, такъ и хозяева подворныхъ участковъ, могутъ отчуждать земли своего надѣла дозволенными въ законахъ способами не только односельцамъ, но и постороннимъ лицамъ, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ условий: 1) на приобрѣтеніе сихъ земель совершаются крѣпостные акты обыкновеннымъ установленнымъ для совершения таковыхъ актовъ порядкомъ; 2) общество можетъ продавать участки земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи, не иначе, какъ по засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ приговору двухъ третей членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ».

самый принципъ, благодаря которому, до сихъ поръ всюду нарождался пролетаріатъ.

Не вспомнили они также и о союзникахъ этого принципа, съ помощію которыхъ, анти-соціальная его сила стацвится еще разрушительнѣе: по словамъ купящевъ, эти союзники суть «дѣнь» и «цѣянство».

III,

Итакъ, по разсмотрѣніи въ цѣломъ крестьянскихъ реформъ, оказывается, что наше реформенное законодательство не дало достаточнаго надѣла—въ особенности крѣпостнымъ крестьянамъ, и не нашло нужнымъ охранить сельскую общину отъ ударовъ разныхъ представителей, такъ называемаго, капиталистическаго способа производства. Хотя этимъ не уничтожаются многочисленныя блага, приносимыя имъ Россіи, однакожь, всякому ясно, что польза, приносимая крестьянскими реформами есть польза неполная.

Никто, напримѣръ, не станетъ отрицать важнаго значенія реформы 24-го ноября 1866 г. за снятіе съ государственныхъ крестьянъ личной опеки, и мелочно-бюрократическаго попечительства палаты государственныхъ имуществъ съ нихъ «окружными», «помощниками окружныхъ» и пр. Всякій, напротивъ того, укажетъ на снятіе подобной опеки и попечительства, какъ на фактъ прогрессивный. Но никто, вмѣстѣ съ этимъ, не назоветъ такого расширенія круга личной свободы крестьянъ фактомъ, приносящимъ *положительную* пользу; потому что, хотя реформа 24-го ноября и оградила крестьянское земледѣліе и землевладѣніе отъ вмѣшательства казеннаго представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ, но за то усилила другое, тоже постороннее, но еще болѣе страшное вмѣшательство, имя которому: право *отчужденія* земель крестьянскаго надѣла¹.

Отсюда также ясно уже чисто а priori, что отъ реформъ крестьянскихъ на сѣверѣ Россіи вообще, и въ Олонецкой Губерніи въ частности, мы можемъ, самое большое, ждать *одной*; чтобы она дала крестьянамъ, закрѣпила бы за ними тотъ надѣлъ, которымъ они пока пользовались безъ всякихъ *юридическихъ* документовъ, и при томъ на правахъ не римскихъ собственников¹

¹ Сравни съ этимъ статью въ «Отеч. Записк.» за ноябрь 1870 г.; «Новое поз. устр. госуд. крест.».

а собственниковъ російскихъ, не признающихъ за римскими принципами иного назначенія, кромѣ фабрикаціи пролетариата.

Отдача-внесеніе во владѣнныя записи всего того земельнаго пространства, которое, такъ или иначе, несмотря на всѣ стѣсненія, уже отвоевано крестьянами изъ подъ болотъ, гѣсовъ и пр. — вотъ максимумъ, который а ргіогі позволительно требовать у реформы для олопецкихъ и иныхъ сѣверныхъ крестьянъ.

Реформа, какъ видно изъ инструкціи 15-го октября 1869 г., этого спеціального закона для нашихъ сѣверныхъ губерній, именно и желаетъ провзвести такую отдачу. На этомъ основаніи она запрещаетъ уменьшать пространство *постоянными* крестьянскихъ угодій (пашни трехпольная, сѣнокосъ, выгонъ, усадьба) и измѣнять границы оного безъ согласія на то, но крайней мѣрѣ, $\frac{1}{2}$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ (ст. 8, Инстр. 15-го октября 1869 года; стр. 101 сборника) и обезпечиваетъ систему подсѣчнаго (гѣснаго) или, такъ называемаго, непостояннаго хозяйства, такъ распространеннаго на сѣверѣ, категорически требуя, чтобы: «Взамѣнъ состоящихъ въ пользованіи крестьянъ *непостоянными* угодій, было отведено въ постоянный надѣлъ такое пространство удобной для водѣльванія земли, чтобы *соотвѣтственно* существующей въ той мѣстности переложной системы полеводства, крестьяне могли ежегодно засѣвать не меньше противъ обычнаго числа десятины. Такъ, напримѣръ, если по вырубкѣ на какомъ-либо участкѣ гѣса, участокъ этотъ можетъ быть засѣваемъ хлѣбомъ три года сряду, послѣ чего онъ долженъ быть запущенъ снова подъ гѣсъ не менѣе какъ на 20 лѣтъ, то взамѣнъ 3 дес. ежегодной распашки, крестьянамъ отводится 23 десятины переложной земли, включая и гѣсъ, т. е. вмѣсто одной десятины пашни отводится $7\frac{2}{3}$ десятинъ перелогу; но если, по снятіи трехъ хлѣбовъ, достаточно оставлять землю подъ залежь только на 12 лѣтъ, то въ такомъ случаѣ, взамѣнъ 3 дес. ежегодной распашки, отводится 15 дес. переложной земли, т. е. пять десятинъ за одну»¹.

Однако, даже и подобная простая отдача «цесарева — цесаревнѣ» въ полное и потомственное владѣніе есть, какъ это пи странно, благодаря нѣкоторымъ внѣшнимъ условіямъ, какими были обставлены здѣшніе крестьяне, есть не на шутку шагъ впередъ шагъ, долженствующій увеличить доходность крестьянскаго хозяйства чуть не вдвое и при томъ, какъ увидимъ далѣе, шагъ — что еще страннѣе! — крайне трудный, а не легкій. Было,

¹ См. стр. 108 «Сборн. пост. и расп. и пр.»; ст. 11-я Инстр. 15-го окт. 1869 г.

видите ли, время когда население нашихъ сѣверныхъ губерній свободно разгуливало на туземной почвѣ и пользовалось ея растительной силой безъ всякихъ ограниченій и стѣсненій. Но это время, когда крестьянинъ могъ дѣлать посѣвки и подсачивать для смолокурения лѣсъ, гдѣ какъ и сколько ему угодно, давно уже прошло и ему больше не вернуться. Еще въ 1798 году, такъ называемая, оберъ-форстмейстерская инструкція сжала очень сильно розмахъ крестьянскаго труда по отношенію къ землѣ и лѣсу. Она запретила имъ производить «сидѣніе смолы и дегтя», «окромѣ какъ изъ пней и изъ деревъ, вѣтромъ сложенныхъ или сваленныхъ» (§ 35 об. форст. инст.), ограничило до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ *подсачиваніе* деревьевъ (дѣланіе насѣчекъ, надрѣзовъ и сдираніе коры съ деревьевъ, отчего увеличивается въ деревнѣ количество смолы) для смолокурения и отдала на совершенный произволъ волостныхъ правленій, этихъ административно-полицейскихъ, а не сельско-общественныхъ учреждений, право разрѣшать дѣлать посѣвки: § 31 запрещаетъ безъ дозволенія волостного правленія очищать лѣсныя угодья на пашни и паствы¹.

Съ тѣхъ поръ, съ легкой руки оберъ-форстмейстерской инструкціи, стѣсненіе крестьянскаго труда дѣлается неослабимымъ, ибо фраза: «послѣдуетъ-де всенепремѣнно истощеніе лѣсовъ, если только не попридержатъ крестьянскаго рвенія къ посѣвкамъ, сидѣнію дегтя и проч...», становится самою обыденною фразеологиею нашихъ лѣсныхъ администраторовъ, администраторовъ, рѣшавшихъ крестьянскій вопросъ исключительно съ точки зрѣнія пользы для лѣса—для бревенъ и дровъ, а не для крестьянъ.

Народившееся за тѣмъ министерство государственныхъ имуществъ, вплоть до 24-го ноября 1866 г. или даже до 15-го октября 1869 года, когда раздался голосъ въ пользу обезпеченія подсѣчнаго крестьянскаго хозяйства, строго слѣдовало тѣмъ же взглядамъ. Оно всячески старалось стѣснять дѣланіе подсѣвкъ, смотрѣло на нихъ, какъ на какой-то крестьянскій капризъ, штрафуетъ за нихъ при всякомъ возможномъ случаѣ... и все это, разумѣется, на основаніи высокихъ соображеній объ могущемъ послѣдовать «истощеніи лѣсовъ».

Такое отношеніе къ крестьянскому хозяйству повело за собою уменьшеніе эксплуатаціи земли до *minimum*'а (до того, чтобы съ голоду не умереть), то-есть экспропріацію крестьянскаго труда. И дѣйствительно тамъ, гдѣ только была хоть какая-либо возможность *перебиться* безъ обработки подсѣвкъ, ихъ

¹ Полное собр. законовъ, годъ 1798. Указъ 12-го марта, № 18429

даже побросали, заплативъ неоднократно штрафъ. Таковой, впрочемъ, *видимый* результатъ экспроприации крестьянъ составляетъ исключеніе. Перебитыя совсѣмъ безъ подсѣкъ сѣверному крестьянину было невозможно, потому что найти другое занятіе было негдѣ: край сѣверный, какъ извѣстно, есть край дикій, дѣвственный: болотъ, лѣсовъ, озеръ—все неодушевленныхъ вещей—много, а изъ одушевленныхъ все такіе, специальность которыхъ была или прямое приложеніе труда къ дѣлу (крестьяне), или кричаніе по поводу приложенія этого труда особаго veto: «истощеніе лѣсовъ!..» (чиновники). Капиталисты, въ родѣ гг. Громовыхъ, Вѣляевыхъ и проч., появившіе теперь, что съ капиталами въ такія дѣвственные дебри, какъ нашъ Сѣверъ, ходить совсѣмъ безопасно, тогда еще не появлялись на сцену. Наконецъ, и съ появленіемъ капиталистовъ дѣло объ окончательной кассации подсѣчной системы мало двинулось въ головахъ крестьянскихъ впередъ. Крестьянину дорога земля. Дорога она ему не потому только, что кормить и поить его, но и потому, что кормить и поить его *безобиднѣе*, чѣмъ что-либо иное. Онъ лучше любого политика-эконома понимаетъ, что лишь только въ сельско-хозяйственной сферѣ онъ спокоя пожметъ то, что посѣялъ, не отдавая изъ него 50% или 70% какому-нибудь предпринимателю. И потому, какъ научившійся издревле наблюдать выгодно и удобно организовать съ себѣ подобными лишь по землѣ, онъ непремѣнно хватается за земледѣліе, разъ только является хоть какая-либо возможность имъ заняться и если выпускаетъ затѣмъ его изъ своихъ рукъ, то лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Тяжело, слѣдовательно, было нашему сѣверянину разставаться съ своими подсѣками. Это былъ для него вопросъ жизни и смерти. Но сама жизнь заступилась въ данномъ случаѣ за крестьянина. Сила законодательства вовсе не такъ безгранично велика, чтобы она была въ состояніи переустроить и ломать общественную жизнь, какъ ему угодно. Сила эта велика. Много бѣдъ можетъ надѣлать законодательство, не сообразенное съ условіями жизни, но поворотить, что называется, «колесо исторіи» оно все-таки не можетъ. Поэтому-то нашей сѣверной администраціи, какъ ужь слишкомъ пересолившей въ исполненіи предначертаній оберфорстмейстерской инструкціи, и пришлось неволью заключить съ сѣвернымъ крестьянствомъ касательно подсѣкъ—хотя и на тяжелыхъ для этого крестьянства условіяхъ—перемирія; пришлось идти съ нимъ на компромиссъ. Увидавъ, что крестьянство послѣ всякаго новаго тройнаго штрафа за подсѣку все болѣе и

богѣ нищаетъ ¹, начальство хотя и не перемѣнило своихъ взглядовъ на «истощеніе лѣсовъ», но ослабило нѣсколько надзоръ за подсѣками: стало отчасти смотрѣть на подсѣки сквозь пальцы. Оно нехотя должно было сознаться, что подсѣчная система—не крестьянскій капризъ, но безысходно необходимая для крестьянина вещь въ такихъ губерніяхъ, какъ нантъ Сѣверъ. Какъ плотно ни закрывало оно себѣ глазъ и не завѣшивало ушей, однако, суровая дѣствительность вяла перевѣсъ. Такія исторіи, какъ исторія подсѣчнаго хозяйства у Кугоноволоцкихъ крестьянъ Олонецкой Губерніи, были въ самомъ дѣлѣ до того оглушительно краснорѣчивы ², что передъ этимъ краснорѣчіемъ разныя междометія насчетъ «истощенія лѣсовъ» ступевывались чуть не въ нуль. Вслѣдствіе этого, тягота крестьянъ приняла особую форму. Окончательно побросать подсѣкъ крестьяне не побросали. Они не могли этого сдѣлать. Это былъ абсурдъ. Но они вынуждены были платить теперь за подсѣки или матеріально (четвертаками, водкой и прочее)—это своему брату: «лѣснику» и «объѣзчику» (большую часть отставной солдатъ, или нравственно:—«барину» лѣсническому кланяться *въ ноги* за его доброту, за то, что не «обижаетъ мужика», позволяетъ ему рабо-

¹ Насколько были раззорительны для крестьянъ эти штрафы видно, напримеръ, изъ того, что впродохженіе двухъ лѣтъ послѣ надѣленія въ 50-хъ годахъ землемъ Тулноверскихъ крестьянъ—1200 человекъ—Олонецкаго уѣзда, эти крестьяне заплатили за любовь свою къ подсѣкамъ 5,000 (б) рублей серебромъ штрафныхъ.

² Крестьяне Кугоноволоцкой волости, до вкѣпительства въ ихъ хозяйственную дѣла вѣдомства государственныхъ имуществъ, были, подобно большинству сѣверныхъ крестьянъ, трудолюбивые земледѣльцы. Подсѣки у нихъ процвѣтали. Но вотъ налетѣлъ неваждъ: явились штрафы за непоползованіе культивировать днѣи Сѣверъ и штрафы нешуточные. Оглушенные стремительностью лѣсного начальства, неупустительно давившаго ихъ на подсѣкахъ, арестовавшаго выросшій на нихъ хлѣбъ и затѣмъ еще втрое противъ стоимости лѣса на подсѣкѣ штрафовавшаго ихъ—Кугоноволоцчане порѣшили, во избѣжаніе окончательнаго раззоренія, бросать земледѣліе, т. е., подсѣчную систему, и прилаться за ловъ рыбы, которою изобильовали близъ лежащія воды. Сказано—сдѣлано. Кугоноволоцчане не особенно, впрочемъ, долго были рыбаками: рыбы оказалось вовсе не такъ много, какъ думали тогда, когда не налегали на нее изъ-всѣхъ силъ. Затѣмъ, къ одной бѣдѣ присоединилась и другая: мало того, что рыбы становилось со вслѣднимъ днемъ все меньше и меньше, здѣсь еще одолѣвали «міръ»—дуногіе и дурукіе «ерши да щуки»: мірѣвды, обиравшіе послѣднія крохи у бѣдняковъ т. е. у большинства. Рыболовамъ нашимъ приходилось плохо. Наконецъ, когда совсѣмъ стало не въ терпѣжъ, когда голодная смерть не на шутку начала угрожать Кугоноволоцкой волости, рыбаковъ обратились опять къ подсѣкамъ, не глядя ужъ на штрафы: не да штрафѣвъ тогда было.

тать въ «лѣсахъ». Однимъ словомъ, съ появленіемъ на свѣтъ Божій обер-форстмейстерской инструкціи, подсѣчная система пала, говоря словами политико-эконома, въ сферу «небезопасныхъ производствъ». Положеніе, какъ извѣстно, незавидное, приличное временамъ средневѣковымъ.

Изъ этого трагическаго положенія выводитъ крестьянство инструкція 15-го октября 1869 года. Заслуга—не малая. Благотворное значеніе реформы для сѣвера и заключается въ этомъ переводѣ здѣшняго земледѣлія изъ ряда «небезопасныхъ» въ разрядъ безопасныхъ—пользующихся свободнымъ правомъ гражданства—производствъ.

Не будь обер-форстмейстерской инструкціи, не будь цѣлой фаланги дѣятелей, жертвовавшихъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ интересами крестьянства въ пользу лѣсовъ, реформа на Сѣверѣ сыграла-бы въ поземельномъ отношеніи ту же самую скромную роль отдачи «кесарева—кесаревн», какъ и въ остальной Россіи. Ей не пришлось-бы производить никакихъ переводовъ въ положеніи здѣшняго земледѣлія изъ одного разряда въ другой. Крестьяне просто на-просто получили-бы по владѣнной записи то, чѣмъ они владѣли и безъ владѣнной записи. Ихъ обратили-бы изъ неполныхъ собственниковъ въ полныхъ—и только, не увеличивая ихъ надѣла ни на десятину.

Теперь однако вышеупомянутая отдача «кесарева—кесаревн» на сѣверѣ получаетъ совсѣмъ особый оттѣнокъ, вслѣдствіе котораго собственно и выростаеъ еще болѣе заслуга реформы. Эта отдача, а вслѣдъ за нею, слѣдовательно, и вся вообще поземельная реформа на сѣверѣ суть феномены *положительно* полезные, а не только отрицательно полезные; потому что, преграждая гоненіе на земледѣліе, т. е. на подсѣчную систему и, стараясь, напротивъ того, оградить его силою закона отъ нападокъ со стороны увлекшихся лѣсопоклонниковъ, реформа этимъ способомъ создаетъ фактъ, расширяющій не только кругъ личной свободы крестьянъ, но и увеличивающій арену самаго земледѣлія, увеличивающій, значить, крестьянскій надѣлъ на всенъ пространствѣ сѣвера.

Видно разныхъ измышлений объ окончательномъ уничтоженіи подсѣчнаго хозяйства, теперь, наоборотъ, категорически требуется серьезное обезпеченіе этого хозяйства, такое обезпеченіе, «чтобы соотвѣтственно существующей въ извѣстной мѣстности переложной системѣ полеводства, крестьяне могли засѣвать ежегодно не меньшее противъ обычнаго числа десятинъ».

Сдѣлать, однако, это, какъ я уже упоминалъ, вовсе нелегко.

Произвести такую отдачу «цесарева—цесаревн», чтобы крестьяне могли засѣвать «не меньшее противъ обычнаго числа десятинъ» до того трудно, что, далеко не будучи пессимистомъ, сомнѣваешься въ возможности полнаго осуществленія на дѣлѣ принциповъ реформы 15-го октября 1869 года. Дѣло въ томъ, что, благодаря отчасти характеру сѣвернаго хозяйства (*разбросанность, клочковатость* земельной обработки подъ подсѣчную пашню и лѣсной сѣнокосъ), а главное—недостаточно ясному пониманію разныхъ этнографическихъ и бытовыхъ особенностей нашего сѣвернаго края, при отграниченіи здѣшнему крестьянству надѣла, должны встрѣтиться такія комбинаціи, которыя, если только не будутъ устранены во-время, поведутъ къ плачевнымъ результатамъ: къ *экспроприации* крестьянства вмѣсто сулимого инструкціей 15-го октября 1869 года освобожденія его отъ *небезопасности* земледѣлія.

Я говорю о 1-й статьѣ указа 24-го ноября 1866 года.

Эта 1-я статья указа 24-го ноября, какъ извѣстно, строго раздѣляетъ на 2 сорта всѣхъ государственныхъ крестьянъ, а именно: на крестьянъ, земли которыхъ были отграничены еще задолго до выдачи имъ владѣнныхъ записей отъ земель казенныхъ и частныхъ, и крестьянъ, земли которыхъ «неотграничены отъ земель, оставшихся въ непосредственномъ распоряженіи казны»; и сообразно такому раздѣленію на сорта устанавливать и два принципа для надѣленія этихъ крестьянъ землею:

«Сельскія общества государственныхъ крестьянъ, гласитъ она, сохраняютъ всѣ предоставленныя имъ въ надѣлъ и состоящія въ ихъ пользованіи земли и угодья. Въ тѣхъ же обществахъ, гдѣ земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ, неотграничены отъ земель, оставшихся въ непосредственномъ распоряженіи казны, пространство крестьянскаго надѣла опредѣляется по *сообразности съ существующимъ пользованіемъ*, но не свыше, въ уѣздахъ малоземельныхъ, 8 десятинъ, а многоземельныхъ—15 десятинъ на душу? ¹.

Но почему же это такъ? На какомъ основаніи крестьяне государственные, которымъ выпало на долю отграничиться до выдачи владѣнныхъ записей, прямо получаютъ *все* находившіяся въ ихъ пользованіи земли, а крестьяне, владѣющіе неотграниченными отъ казны до сихъ поръ землями, ограничиваются нормою 8-ми и 15-ти десятиннаго надѣла?

Вѣдь очень легко можетъ случиться, что крестьяне, неотгра-

¹ Стр. 2-я «Сборника».

ничтожные отъ казны, владѣють, въ настоящее время, въ мало-земельныхъ уѣздахъ 10-ю или 12-ю и т. д. десятинами земли, а въ многоземельныхъ—20-ю. За что же и на основаніи какихъ рациональныхъ правъ придется у этихъ крестьянъ отрѣзывать всю излишнюю сверхъ 8-ми или 15-ти десятинной нормы надѣлъ землю?

Или развѣ принципы правовые на владѣемую крестьянами землю и тамъ, и здѣсь неодинаковы?

Вѣдь и въ Средней Россіи, и на сѣверѣ право крестьянской собственности на землю было всегда одно и то же. Оно опредѣлялось приложеніемъ къ землѣ труда.

Обработка земли и сборъ съ нея произведеній были единственной печатью, доказывавшею «всѣмъ» и каждому, что «такое-то» мѣсто принадлежитъ такому-то» крестьянину и крестьянскому обществу.

На какомъ же основаніи, повторяю, это право, такъ называемой, неполной собственности при переведеніи въ собственность полную признается реформою для сѣвера лишь въ предѣлахъ 8-ми и 15 ти десятинъ?

Почему 1 я статья Указа 24-го ноября 1866 г., требующая, чтобы пространство крестьянскаго надѣла въ неразграниченныхъ съ казною сельскихъ обществахъ, съ каковыми относятся крестьяне всѣхъ сѣверныхъ и, отчасти, сѣверовосточныхъ губерній, опредѣлялось по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ, ограничиваетъ это пользованіе 8-ю и 15-ю десятинами?

Вѣдь это прямо противорѣчитъ и *основному* тону реформы быта государственныхъ крестьянъ, стоящей, какъ извѣстно, гордой за сохраненіе пространства крестьянскаго землевладѣнія *in statu quo*, и, въ частности инструкціи 15-го октября, заботящейся о томъ же самомъ сохраненіи *statu quo* для сѣвера: 8-я статья этой инструкціи, если помнить читатель, требуетъ, чтобы «пространство постоянного пользованія крестьянъ *не было уменьшаемо*, а границы онаго измѣняемы безъ согласія на то, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ», а 11-я статья той же инструкціи настаиваетъ, чтобы подѣльная система была обставлена какъ можно прочнѣе, «чтобы крестьяне, соотвѣственно существующей въ извѣстной мѣстности преложной системѣ полеводства могли ежегодно засѣвать не меньшее противъ обычнаго числа десятинъ».

Объяснить такое противорѣчіе трудно. Я, по крайней мѣрѣ, никакъ не могу взять въ толкъ, откуда, какъ и почему явилась надобность замѣнить извѣстный принципъ *народнаго* русскаго

гражданскаго права: — принципъ *пользования*, которымъ всегда опредѣлялось пространство, районъ землевладѣнія у нашихъ крестьянъ совершенно произвольными цифрами—8-ю и 15-ю...

Въ данномъ случаѣ ясно лишь одно, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ нашего сѣвера, гдѣ крестьяне имѣютъ больше, чѣмъ по 8-ми или 15-ти десятинъ *постоянными* угодій (усадебъ, пашня, сѣнокосъ, выгонъ) въ своемъ владѣннѣ, отдача «цесарева—кесарю» не состоится...

Но это еще не все.

Истинная несостоятельность 1-й статьи указа 24-го ноября 1866 года выяснится лишь тогда, когда мы увидимъ, насколько несовершенно понимаетъ она, *во-первыхъ*, особенности земельного пользованія (физиономію его) у сѣверныхъ крестьянъ сравнительно съ пользованіемъ великороссійскимъ и насколько, *во-вторыхъ*, некритически относится она къ принципу раздѣленія государственныхъ крестьянъ на 2 различныхъ сорта, глядя на то, ограничены ли или неотграничены ихъ земли отъ земель казенныхъ и частныхъ.

Посмотрите, напримѣръ, что выйдетъ въ результатъ поземельнаго устройства крестьянъ Олонецкой Губерніи (прототипъ всѣхъ остальныхъ нашихъ сѣверныхъ губерній), если только статья 1-я указа 24-го ноября будетъ *буквально* прижѣнена къ жизни. Посмотрите, насколько при этомъ поземельномъ устройствѣ, заботящемся, между прочимъ, о «важнейшемъ обезпеченіи крестьянскаго быта», и о «расширеніи правъ ихъ по владѣннѣ землями», *уменьшится* на сѣверѣ пространство крестьянскаго землевладѣнія сравнительно съ настоящимъ его положеніемъ.

Обратимъ вниманіе на слѣдующую таблицу ¹, показывающую какъ общее количество всей удобной земли, находящейся во владѣннѣ государственныхъ крестьянъ Олонецкой Губерніи, такъ и отношеніе этого общаго пространства удобной земли къ пространству, занятому *постоянными* угодьями, т. е. усадьбою, пашнею, сѣнокосомъ и выгономъ.

Выводы изъ этой таблицы поучительны.

¹ Составлена она по свѣдѣніямъ мѣстной (Петрозаводской) губернской земской управы.

Уезды Олонецкой Губерніи.	Число душъ государствен- ныхъ крестьянъ въ мужской поль).	Общее простран- ство всѣхъ удобной земли, находя- щейся во владѣніи государствен- ныхъ крестьянъ десяткѣ.		Количество земли, обработанной полъ мо- ложными угодьями въ общаго пространства удобной земли, владѣемой этими крестьянами.				Отношеніе общаго пространства удоб- ной земли государ- ственныхъ крестьянъ къ простран- ству, занятому по- стоянными угодья- ми.
		Усадьба.	Пашня трехкол.	Сѣно- косъ.	Выгонъ.	Итого десят.		
							Усадьба.	
Петрозаводскій	24,950	373,549	38,081	68,765	1,423	109,270	3 ² / ₅ ,1	
Олонецкій	14,445	209,545	17,992	25,350	389	46,665	4 ¹ / ₂ ,1	
Лодейнопольскій	11,495	177,975	19,170	25,961	1,186	46,865	3 ⁴ / ₅ ,1	
Вятгорскій	11,899	179,178	18,738	27,522	1,756	48,612	3 ⁷ / ₁₀ ,1	
Каргопольскій	26,659	381,636	53,887	54,117	1,059	110,405	3 ¹ / ₂ ,1	
Пудожскій	12,056	181,954	19,681	28,043	1,626	50,132	3 ³ / ₅ ,1	
Повънецкій	10,075	150,785	20,599	23,938	88	45,387	3 ⁷ / ₁₀ ,1	
Итого	101,579	1,654,021	188,094	253,729	7,477	455,331	3 ³ / ₅ ,1	

Изъ этой таблицы прежде всего видно, что на всякую ревизскую душу въ Олонецкой Губерніи приходится по средней сложности слѣшкомъ 16 десятинъ удобной земли, потому что частное, получаемое отъ дѣленія числа десятинъ всей удобной земли въ губерніи, находящейся во владѣніи государственныхъ крестьянъ, на число душъ этихъ крестьянъ (1,654,921: 101,579) равняется слѣшкомъ 16-ти. Много ли это? Обеспечиваютъ ли эти 16 десятинъ удобной земли олонецкаго крестьянина?

Нѣтъ—отвѣчаетъ та же таблица, 16 десятинъ на сѣверѣ—не Богъ вѣсть какая громада; 16 десятинъ—цифра, въ данномъ случаѣ, лишь съ виду внушительная; на самомъ же дѣлѣ, 16-ти-десятинный надѣлъ для сѣвернаго края малъ и minimum долженъ быть увеличенъ противъ теперешнихъ процентовъ на 50. Намъ какъ-то довелось видѣть донесеніе 60-хъ годовъ одного изъ губернаторовъ Олонецкой Губерніи министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ доказывалось, что, за исключеніемъ Каргопольскаго и Вытегорскаго уѣздовъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ, достаточно и 15-ти-десятиннаго надѣла, крестьянамъ Олонецкой Губерніи нужно непременно дать въ надѣлъ отъ 25 до 30 десятинъ удобной земли на душу, потому что иначе они не будутъ обеспечены въ хозяйственномъ отношеніи. И это—дѣйствительно, вѣрно: взгляните хорошенько въ приведенную таблицу, и, въ особенности, въ отношеніе пространства удобной земли къ обработанной подъ постоянныя угодья и вы увидите, что въ такомъ требованіи нѣтъ ничего страннаго.

Дѣло въ томъ, что въ такихъ губерніяхъ, какъ Олонецкая, относительная производительность земли меньше той же производительности хлѣбородныхъ губерній не только потому, что земля здѣсь сама по себѣ менѣе производительна, качественно ниже, чѣмъ въ губерніяхъ средней и южной Россіи (здѣсь, слѣдовательно, напримѣръ, 16 десятинъ не равняется 16-ти десятинамъ хлѣбородныхъ мѣстностей по урожайности), но также и потому, что благодаря кучковатой обработкѣ; напримѣръ, изъ числа 16-ти десятинъ удобной земли, находящейся во владѣніи каждаго изъ крестьянъ Олонецкой Губерніи, находится подъ пашней, усадьбой, сѣнокосомъ и безгнѣннымъ выгономъ лишь часть этихъ 16-ти десятинъ—четвертая часть съ небольшимъ, какъ показываетъ таблица; остальное же пространство хотя и считается, съ точки зрѣнія межевыхъ узаконеній, удобною землею, т. е. мѣстомъ, годнымъ для обработки, но на самомъ дѣлѣ необработано почти совсѣмъ; такъ что, поэтому, 16-ти-десятинный районъ землевладѣнія олонецкихъ крестьянъ, если

только на него смотрѣть безъ предубѣжденій, оказывается дѣле-
во ниже даже 3-хъ десятиннаго надѣла великороссійскаго.

Некрасиво же, значитъ, будетъ, если этотъ и безъ того не-
достаточный районъ—въ 16-ть десятинъ землевладѣнія крестьян-
скаго—будетъ еще уменьшенъ.

Уменьшится же онъ вотъ почему:

Государственные крестьяне Олопецкой Губерніи считаются
крестьянами, принадлежащими къ категоріи крестьянъ съ неог-
раниченными отъ владѣній казны землями, потому что *de jure*
тѣ земли, тѣ 16-ть десятинъ удобной земли, которыми они до
сихъ поръ владѣли, не были формальнымъ образомъ отмежеваны
отъ земель, считающихся казенными. Къ нимъ, слѣдовательно,
примѣнимо правило 1-й статьи Указа 24-го ноября 1866 года,
объ опредѣленіи пространства надѣла «по соразмѣрности съ су-
ществующимъ пользованіемъ»...

Въ тѣхъ же обществахъ, говорится во 2-й половинѣ этой
статьи, гдѣ земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ, не-
ограничены отъ земель, остающихся въ непосредственномъ рас-
поряженіи казны, пространство крестьянскаго надѣла опредѣ-
ляется *по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ*...

Но чтó же такое за феноменъ это «существующее пользова-
ніе», соразмѣрно которому (но не свыше 15-ти десятинъ) дол-
женъ быть сдѣланъ въ неразграниченныхъ съ казною обще-
ствахъ крестьянскій надѣлъ?

Разумѣются ли подъ «существующимъ пользованіемъ» всѣ
земли, находившіяся во владѣніи крестьянъ, т. е. и вполне, и
невполнѣ обработанныя, и, наконецъ, совсѣмъ не обработанныя,
но расположенныя среди первыхъ, или же подъ «существующимъ
пользованіемъ» понимается лишь земли вполне обработанныя,
т. е. усадьба, пашня, сѣновосъ, выгонъ и переложная пашня?

То или другое пониманіе очень важно для опредѣленія нор-
мы надѣла на сѣверѣ. Если подъ «существующимъ пользова-
ніемъ» разумѣются всѣ земли, находившіяся въ пользованіи го-
сударственныхъ крестьянъ, то ясно, что для Олопецкой, напри-
мѣръ, Губерніи надѣлъ кругомъ на душу опредѣлится такимъ
образомъ: 16-ть десятинъ удобной земли, находившейся до по-
слѣдняго времени во владѣніи ревизской души крестьянъ на
правахъ неполной собственности по принципу русскаго народна-
го права *малою* земля, долженствующая быть отведенною крестья-
намъ въ обезпеченіе подсѣчной системы хозяйства, согласно
11-й статьѣ инструкціи 15-го октября 1869 года, т. е. всего,
приблизительно, до 22-хъ десятинъ (потому что взамѣстъ пол-
сѣкъ на всякую душу не придется дать больше 6-ти десятинъ

переложной земли, ибо за всякую подсѣчную десятину не будетъ, какъ увидимъ дальше, даваться кругомъ на всю Олоонецкую Губернію больше 12-ти десятинъ, а всего подсѣчной земли, *ежегодно заставаемой*, въ Олоонецкой Губерніи больше не выйдетъ какъ по $\frac{1}{2}$ десятины на душу).

Если же подъ «существующимъ пользованіемъ» разумѣется законодательствомъ лишь усадьба, пашня, выгонъ и сѣнокосъ за перелогъ, то надѣлъ для средней ревизской души Олоонецкой Губерніи немовѣрно *сжегнется*; онъ никакъ не превзойдетъ 10 $\frac{1}{2}$ десятинъ, т. е. составитъ пространство на 6 почти десятиныхъ меньшее, чѣмъ современное, дореформенное, 16-ти десятинное; и болѣе, чѣмъ вдвое меньшее сравнительно съ надѣломъ, получающимъ при другомъ, болѣе широкомъ взглядѣ на «существующее пользованіе», сравнительно съ надѣломъ 22-хъ десятиныхъ. Въ самомъ дѣлѣ:

Въ Олоонецкой Губерніи, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, составленной по даннымъ вышеприведенной, приходится кругомъ на душу всей обработанной подъ постоянными угодьями земли крайне немного, а именно, менѣе чѣмъ по $4\frac{1}{2}$ десятины.

Сколько приходится десятинъ на ревизскую душу?

У ѣ з д ы	Усадьба. Пашня. Сѣнокосъ. Выгонъ. Всего.				
	Дес.	Дес.	Дес.	Дес.	Дес.
Петрозаводскій.....	$\frac{4}{100}$	1 $\frac{1}{2}$	2 $\frac{7}{10}$	$\frac{9}{100}$	4 $\frac{2}{10}$
Олоонецкій.....	$\frac{6}{100}$	1 $\frac{32}{100}$	1 $\frac{32}{100}$	$\frac{37}{1000}$	3 $\frac{1}{10}$
Лодейноломскій.....	$\frac{5}{100}$	1 $\frac{7}{10}$	2 $\frac{2}{10}$	$\frac{1}{10}$	4 $\frac{1}{10}$
Витегорскій.....	$\frac{5}{100}$	1 $\frac{57}{100}$	2 $\frac{11}{100}$	$\frac{14}{100}$	4 $\frac{1}{100}$
Каргопольскій.....	$\frac{5}{100}$	2	2 $\frac{2}{100}$	$\frac{4}{100}$	4 $\frac{12}{100}$
Пудожскій.....	$\frac{5}{100}$	1 $\frac{92}{100}$	2 $\frac{2}{10}$	$\frac{12}{100}$	4 $\frac{11}{100}$
Повѣнецкій.....	$\frac{5}{100}$	2	2 $\frac{22}{1000}$	$\frac{4}{1000}$	4 $\frac{6}{100}$

Слѣдовательно, если принять за «существующее пользованіе» только усадьбу, пашню, сѣнокосъ, выгонъ да перелогъ, то для Олоонецкой Губерніи крестьянскій надѣлъ въ 10 $\frac{1}{2}$ десятинъ будетъ непремѣнно среднимъ нормальнымъ надѣломъ, потому что, въ данномъ случаѣ, онъ составитъ изъ слѣдующихъ двухъ факторовъ: въ него прежде всего войдутъ чѣмъ близкомъ тѣ $4\frac{1}{2}$ десятины постоянныхъ угодій, которыя приходится среднимъ числомъ на всякаго олоонецкаго крестьянина и объемъ которыхъ, какъ помнитъ, должно быть, читатель, категорически запрещается уменьшать 8-я статья инструкцій 15-го октября 1869 года; затѣмъ къ этимъ $4\frac{1}{2}$ десятинамъ придется лишь добавить 6 десятинъ подсѣчной земли, для обезпеченія подсѣчнаго хозяйства.

Къ несчастію, реформа 24-го ноября смотритъ на «существующее пользованіе» исключительно съ послѣдней точки зрѣнія. Она считаетъ возможнымъ отдать въ надѣлъ крестьянамъ неразграниченныхъ съ казною обществомъ лишь земли *постоянно*

и *непостоянно* пользованія, разумѣя подъ первыми: «усадьбыныя земли, выгоны и выпуски при селеніяхъ, всё вообще удобряемыя пашни, а изъ неудобряемыхъ тѣ пашни, которыя обрабатываются безъ перерыва по трехъ- и двухъ-польной системѣ полеводства, и, наконецъ, всё полевые и луговые сѣнокосы»; а подъ вторыми—«всё вообще пространства, воздѣлываемыя по переложной и подсѣчной системѣ полеводства, а также сѣнокосы и пастбища по лѣсамъ».

Она ни слова не говоритъ о тѣхъ земельныхъ пространствахъ, поросшихъ лѣсомъ, которыя, хотя и не могутъ быть причислены ни къ категоріи *постоянныхъ*, ни къ категоріи *непостоянныхъ* угодій, но которыя, тѣмъ не менѣе, невыдѣльны изъ области крестьянскаго пользованія, ибо будутъ расположены среди обработанныхъ земель; они служатъ какъ бы цементомъ для этихъ послѣднихъ и составляютъ на сѣверѣ совершенно *естественное* явленіе, такое явленіе, которое есть неизбѣжный спутникъ большинства сѣверныхъ земельныхъ хозяйствъ.

На все то, что не носитъ такихъ явныхъ признаковъ крестьянскаго пользованія, какъ усадьба, пашня или сѣнокосъ, реформа 24-го ноября 1866 года смотритъ, какъ на вещь казенную. Она, напримѣръ, допускаетъ зачисленіе въ земельный надѣлъ крестьянамъ: «незначительныхъ казенныхъ лѣсныхъ участковъ, расположенныхъ чрезполосно среди крестьянскихъ угодій», но почему? «потому что они неудобны, какъ расположенные чрезполосно, для казеннаго завѣдыванія»¹, а вовсе не потому, что на сѣверѣ чрезполосица обработанныхъ земель съ лѣсными участками есть этнографическая особенность.

Она совершенно упускаетъ изъ вида, что *клочковатость* земельной обработки въ такихъ губерніяхъ, какъ Олонецкая, есть вещь нормальная. А отъ этого-то въ результатѣ и получается земельная экспроприация для сѣвера.

Сѣверъ—не Средняя и Южная Россія. Въ немъ есть своя индивидуальность. Благодаря съ одной стороны малолюдію, а съ другой стороны—многоземелію, фізіономія земельной обработки на сѣверѣ совершенно непохожа на великороссійскую. Земля здѣсь обработана не сплошь, а мѣстами, то тамъ, то сямъ. Сплошь обработаться она еще не успѣла. Ни рукъ, ни капиталовъ у этихъ рукъ не хватаетъ для этого. Здѣсь, какъ извѣстно, процвѣтаетъ подсѣчное или переложное хозяйство. Но вѣдь для этого хозяйства не всякая лѣсная почва годится. Мѣста песчанныя, поросшія сосной, а также мѣста, хотя и съ изрядною поч-

¹ См. стр. 99 «Сборника», § 4 инструкціи 15-го октября 1869 г.

вою, но за то неизменныя, въ которыхъ легко застывается весенняя вода, избѣгаются въ данномъ случаѣ. Для подсѣкъ выбирается почва, гѣсная, поросшая *мышинымъ* гѣсомъ (березою, ольхой съ ельникомъ), потому, что такой гѣсъ растетъ на самой лучшей почвѣ и даетъ послѣ сжиганія своего большее сравнительно съ другими породами гѣса, а именно сравнительно съ чисто-хвойными породами и лучшее по качеству удобрение (воду). Негодятся также для подсѣкъ и мѣста съ иловатою почвою, поросшія обыкновенной ивой. Помимо качества почвы и растущаго на ней удобрительнаго матеріала, т. е. гѣса, выборъ мѣста для подсѣки обуславливается еще большею или меньшею возвышенностью его сравнительно съ окружающею мѣстностью, склоненіемъ его въ ту или другую сторону свѣта, разстояніемъ отъ болотъ и прочее. Крестьяне дѣлаютъ подсѣки лишь на такъ называемыхъ *сельцахъ*, т. е. на плоскихъ возвышенностяхъ. Они знаютъ, что на краяхъ, буграхъ и косогорахъ менѣе влажности, чѣмъ сколько нужно для подсѣчной пашни, знаютъ они также, что неизменныя мѣста отличаются другою крайностью — изобиліемъ влаги — вредно дѣйствующею на урожайность подсѣки; вотъ почему они и ведутъ свое подсѣчное хозяйство на сельцахъ, на ровныхъ возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ влаги ни много, ни мало, а достаточно. Вблизи же болотъ отъ подсѣкъ крестьяне не терпятъ оттого, что около нихъ, какъ извѣстно, хлѣбъ рискуетъ вымерзнуть.

Итакъ клочковатость земельной обработки на сѣверѣ обуславливается подсѣчною системою хозяйства, господствующею здѣсь. Мы видѣли, соблюденія какихъ условій требуетъ эта система. Для нея нужны и плоская возвышенность, и та, а не другая порода гѣса, и отсутствіе болотъ и проч. Игнорированіе этихъ условій невозможно, потому что отъ нихъ-то и зависитъ урожайность подсѣки. Попробуйте не соблюсти ихъ строго и ваши труды, положенныя на обработку подсѣчной пашни, пропадутъ даромъ: подсѣки не возвратятъ и сѣмянъ.

Но развѣ всѣ эти условія, необходимыя для успѣшности подсѣчнаго хозяйства, встрѣчаются сплошь и рядомъ? Болотъ, напримеръ, подсѣчное хозяйство боится; а ихъ, какъ нарочно, въ сѣверныхъ губерніяхъ не оберешься. Они здѣсь встрѣчаются чуть не на всякомъ шагу. Необходимы также для подсѣкъ мѣста, открытыя не сосной, а березою, ольхой и проч., мѣста, покрытыя мѣшаннымъ гѣсомъ. Но развѣ у насъ на сѣверѣ мѣшанное гѣсопосажденіе не исключеніе, а сосновые боры — не правило? Развѣ не клочками среди сосновыхъ боровъ расположены мѣста съ мѣшаннымъ гѣсомъ на нашемъ сѣверѣ?

Ключеватость, слѣдовательно, земельной обработки не есть, напримѣръ, капризъ крестьянскій на сѣверѣ.

Крестьянинъ здѣсь если и идетъ за 15, 20 и даже 30 верстъ для разработки подсѣчной пашни, то онъ *обязанъ* это дѣлать. Его гонить нужда такъ далеко. Онъ уходитъ вдаль отъ своего селенія потому, что всѣ мѣста, лежащія близъ этого селенія и годныя подъ подсѣчную пашню уже свою отбыли повинность и теперь должны отдыхать, должны быть запущены подъ заросль лѣтъ на 20, 25 и болѣе. Какъ же, спрашивается, было возможно не принять къ свѣдѣнiю нашему законодательству ключеватости земельной обработки на сѣверѣ — этой характеристической черты земельного пользованія на сѣверѣ, и не постановить затѣмъ *имѣть правилъ, иного счета* для опредѣленія пространства крестьянскаго надѣла, чѣмъ какія введены теперь?

Законодательство наше, какъ мы уже видѣли, понимаетъ подъ «существующимъ пользованiемъ» лишь обработанныя мѣста. Ихъ оно только и думаетъ отдать крестьянамъ въ надѣлъ.

Съ перваго взгляда такое намѣренiе исполнѣе правильно и ничего, видимо, не оставляетъ желать лучшаго.

Крестьяне получаютъ то, что они отвоевали у лѣса своимъ трудомъ, получаютъ всѣ подсѣки, всѣ сѣновосы и пр., и пр. Чего же имъ больше желать? Съ этой точки зрѣнiя даже то *уменьшенiе* пространства землевладѣнiя крестьянскаго въ Олонецкой Губернiи съ 16-ти на 10½ десятинъ, которое мы передъ этимъ видѣли, пожалуй, покажется фиктивнымъ. «Пространство это, могутъ намъ сказать, хотя и уменьшится количественно, но качественно останется тоже самое. У крестьянъ ничего не отбирается въ сущности. У нихъ берется лишь то, что имъ не нужно совсѣмъ, но что, между прочимъ, нужно казнѣ, а именно лѣсъ, негодный подъ подсѣчную пашню. Чего же имъ сѣтовать? И какаѣ же это такая экспроприація ждетъ по этому дѣльнейшее населенiе со введенiемъ въ дѣйствiе реформы 24-го ноября 1866 года, т. е. съ выдачею владѣнныхъ записей? Все это голыя выдумки и больше ничего!».

Такъ ли это, однако?

Къ несчастiю—нѣтъ, не такъ.

Намъ говорятъ о томъ, что крестьянамъ будетъ отдано все обработанное ими; намъ указываютъ на то, что ни пяди подсѣчной земли, ни пяди сѣновосной не будетъ отобрано у крестьянъ при введенiи владѣнныхъ записей, потому что введенiе 16-ти десятиннаго пространства землевладѣнiя, по 10½ десятинное вовсе не уменьшаетъ количества обработанной ими зем-

ли; намъ доказываютъ, наконецъ, что сведеніе 16-ти-десятииннаго пространства земли, на какомъ нибѣ вращаются оломецкіе крестьяне по официальнымъ свѣдѣніямъ, на 10½ десятинное нисколько не убыточно для крестьянъ, потому что, будто бы, отбрасываемыя, въ данномъ случаѣ, у крестьянъ 5½ десятины, имъ вовсе не нужны.

Но всѣ эти соображенія и выводы далеко не истины. Они насъ вѣдь пропитаны духомъ недоразумѣнія и непониманіемъ сѣвера. Напримѣръ:

Не говоря уже о томъ, что отобраніе 5½ десятины на душу изъ области крестьянскаго землевладѣнія въ Оломецкой Губерніи, отзовется на благосостояніи крестьянъ, потому что вѣдь эти 5½ десятины — какъ и остальные до 16 ти — находились въ пользованіи крестьянъ не годъ и не два, а нѣсколько десятилѣтій, нѣсколько десятковъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о, якобы, необходимости этого отобранія. Это отобраніе, напротивъ того, прише убыточно въ хозяйственномъ отношеніи и должно сказаться, поэтому, на экономіи крестьянъ такъ, какъ сказывается всякая экспроприація. Доказать это недолго. Въ доказательство убыточности отобранія, якобы, *лишнихъ* у крестьянъ 5½ десятины достаточно сказать, что это отобраніе поддерживаетъ «пущеніе въ чужой огорождъ» — поддерживаетъ ту неопредѣленность земледѣльческихъ и землевладѣльческихъ крестьянскихъ правъ, отъ которыхъ, собственно говоря, главнымъ образомъ и страдаетъ нашъ сѣверъ. Эти 5½ десятины лежатъ вѣдь *между* обработанными землями. Этими 5½ десятинами обработанныя крестьянами земли, такъ сказать, цементируются и связываются въ одну массу. Слѣдовательно, если обработанныя земли отдать крестьянамъ въ полное и потомственное владѣніе, а связующія ихъ воедино 5½ десятины отчислить въ казну, то вредъ крестьянскому хозяйству неминуемъ. Это по-просту значитъ, какъ всякому должно быть понятно, создавать черезполосицу. Но развѣ черезполосица можетъ быть полезна? Она, какъ извѣстно, вредитъ даже болѣе сильной сторонѣ изъ двухъ соучаствующихъ въ чрезполосномъ владѣніи сторонъ. (Что же сказать о болѣе слабой?!). Поэтому-то черезполосицы всячески стараются избѣгать. Ее обыкновенно выводятъ даже оттуда, куда она давно ужъ забралась, но вновь создавать, разводитъ искусственно — не разводять.

Идемъ далѣе.

Говорятъ, что сведеніе 16-ти-десятииннаго пространства пользованія на 10-ти-десятинное вовсе не уменьшитъ района крестьянскаго труда, потому что и подсѣки, и сѣновосы, и пр. оста-

жуются за крестьянами. Так посмотрите, однако, во сколько, что называется, *вскочить* крестьянамъ такое *неумѣренное* района дѣятельности ихъ земледѣльческой. Посмотрите, какъ дорого, какъ немовѣрно дорого обойдется крестьянамъ отграниченіе земель ихъ надѣла изъ владѣній казны, т. е. выдѣлъ обработанныхъ ими угодій отъ всего остального.

Мы видѣли, что обработанная земля въ такихъ губерніяхъ, какъ наши сѣверныя, расположена *клочковато*. Мы знаемъ также, что законодательство наше, разумѣя подъ пользованіемъ крестьянскимъ въ сѣверныхъ губерніяхъ лишь эти *кочки* обработанныхъ земель, думаетъ только ихъ и отдать крестьянамъ въ надѣлъ.

Но вѣдь это прежде всего—египетская работа!

Вспомнимъ одно: отдать крестьянамъ въ надѣлъ одни только *кочки* обработанныхъ земель, значитъ, наглядно отграничить ихъ отъ всего остального, т. е. поставить столбы съ *клеймами*, выкопать *лмы*, прорубить *прѣсѣки* и пр. на границѣ ихъ съ землями необработанными, зачисляемыми, въ данномъ случаѣ, въ казну.

(Всю эту работу должны выполнить, въ видѣ натуральной повинности, мѣстные крестьяне).

Сколько же времени придется употребить на это отграниченіе?! *Клочковъ* обработанныхъ, какъ извѣстно, очень много на сѣверѣ. Ими испещрены громадные пространства.

Какое же, спрашивается, количество работы нужно убитъ для того, чтобы каждый изъ такихъ *клочковъ* выдѣлнить изъ окружающаго по всѣмъ правиламъ *межеваго* искусства?

Въ отвѣтъ на это могу разсказать слѣдующій фактъ: при отводѣ крестьянамъ Олонецкаго Уѣзда *лѣсосѣкъ* для, такъ называемаго, *продогольствія* крестьянъ *лѣснымъ* матеріаломъ, *лѣсной* чиновникъ *вынужденъ* былъ нарушить *букву* *лѣсной* инструкціи, благодаря массѣ *подсѣкъ*, *лѣсныхъ* *покосовъ* и пр., встрѣчавшихся чуть не на всякомъ шагу въ *лѣсу*, и разбросанныхъ въ немъ *кочками* по всѣмъ направленіямъ.

Лѣсная инструкція требуетъ строгаго отдѣленія изъ *лѣсныхъ* пространствъ всего, что не покрыто *лѣсомъ*, т. е. требуетъ, чтобы всякая *пашня* въ *лѣсу*, всякій въ немъ *сѣнокосъ* были бы непремѣнно *обстоѣлены*, *обрублены* *прѣсѣками* и т. д.

Это, разумѣется, не особенно трудно сдѣлать тамъ, гдѣ такихъ *нелѣсныхъ*, но расположенныхъ въ *лѣсу* пространствъ не много и гдѣ пространства эти *нзрядной* величины. Тамъ же, гдѣ они составляютъ *правило*, а не *исключеніе* и гдѣ они малы (*подсѣки* рѣдко превышаютъ объемомъ *десятину*; онѣ большею частью равняются $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ *десятины*)—эта работа устрашаетъ своею

кропотливостью и тою массою рабочихъ дней, какую они для своего выполнения требуютъ: легко вѣдь сообразить, что сдѣлать, напримѣръ, сто маленькихъ выдѣловъ разныхъ мѣстахъ несравненно труднѣе, чѣмъ одинъ большой; превосходящій величиною каждый изъ маленькихъ, развѣ хоть во сто, потому что въ первомъ случаѣ рабочіе должны сдѣлать гораздо больше и столбовъ, и ямъ отграничительныхъ, и пройти несравненно большее пространство, чѣмъ въ послѣднемъ случаѣ.

Вслѣдствіе-то всего этого, при отграниченіи лѣсосѣкъ крестьянамъ Водлозерской Волости Олонецкаго Уѣзда, ни одинъ изъ обработанныхъ въ районѣ этихъ лѣсосѣкъ *клочковъ* не былъ отграниченъ *отъ натуры* отъ лѣсного пространства. Для того же, чтобы не сбиться со счета и не зачислить всю сумму этихъ клочковъ въ крестьянскія лѣсосѣки, изъ пространства этихъ лѣсосѣкъ, обобщеннаго *одною* лишь окружною межою, было вычтено пространство всѣхъ обработанныхъ клочковъ, лежащихъ среди этихъ лѣсосѣкъ.

Я сравнилъ отдачу въ надѣлъ сѣвернымъ крестьянамъ однихъ лишь обработанныхъ ими земель, клочковато разбросанныхъ на большомъ пространствѣ, съ египетскою работою, потому что, по своей грандіозности, по массѣ затрачиваемаго труда, подобное явленіе можетъ сравниться развѣ только съ работами въ родѣ постройки пирамидъ. Но это сходство еще глубже.

Выдѣлъ надѣла сѣвернымъ крестьянамъ, согласно буквѣ статьи 1-й указа 24 го ноября 1866 г., похожъ на египетскую работу, не только благодаря количеству ухлопываемаго на него труда, но также и потому, что трудъ этотъ *непроизводителемъ* совершенно. Клочковатый выдѣлъ крестьянскаго надѣла изъ казенныхъ лѣсныхъ пространствъ есть, словомъ, Сизифова работа!

Цѣль надѣленія крестьянъ землею на сѣверѣ, какъ и вездѣ, есть, какъ извѣстно, *отграниченіе*, раздѣленіе моего отъ твоего и т. д. въ отношеніяхъ поземельныхъ.

Но развѣ *клочковатымъ* отграниченіемъ что-либо подобное достигается!

Развѣ клочковатое отграниченіе устраняетъ черезполосицу владѣній казны съ крестьянами, благодаря которой вавилонское смѣшеніе моего съ твоимъ — казеннаго съ крестьянскимъ — составляетъ главную характеристическую черту поземельнаго права на нашемъ сѣверѣ?

Нисколько. Оно, напротивъ того, узаконяетъ этотъ сумбуръ поземельныхъ правъ. Оно санкціонируетъ его.

Итакъ, пониманіе «существующаго пользованія» земельного, въ смыслѣ лишь явно эксплуатируемыхъ крестьянами земель,

ведеть сѣверъ нашъ вовсе не туда, куда хочеть вести его инструкция 15-го октября 1869 года.

Вѣсто такой земельной операціи, которая—благодаря узаконенію инструкціей 15-го октября правъ подсѣчнаго хозяйства на существованіе—должна была бы принести нашему сѣверному краю не только отрицательную, но и положительную пользу, является вдругъ отдача совсѣмъ иная: является и урѣзка даже того незначительнаго пространства земли, какое находится у сѣверныхъ крестьянъ на правахъ неполной собственности, и громадная затрата труда на эту урѣзку, и, наконецъ, достиженіе не только иныхъ результатовъ сравнительно съ желаніями инструкции 15-го октября 1869 года и указа 24-го ноября 1866 года, а именно такое отграниченіе крестьянамъ надѣла, которое, если и можно такъ назвать, то не иначе, какъ *неразграниченнымъ разграниченіемъ* (!), потому что оно только видитъ разстановку массы столбовъ, но отграничивать на самомъ дѣлѣ не отграничиваетъ крестьянскихъ земель отъ казенныхъ, и узаконяетъ черезполосицу и т. д.

Какъ же выйти изъ такого неловкаго положенія и какою образомъ парализовать то пониманіе «существующаго пользованія» крестьянскою на сѣверѣ реформой 24-го ноября 1866 г., благодаря которому благія пожеланія инструкции 15-го октября останутся одними лишь пожеланіями?

Ужъ не согласится ли съ мнѣніемъ послѣдователей гг. Данилевскаго (инспекторъ сельскаго хозяйства и рыболовства, исследовавшій, по инициативѣ министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, «коренныя условія экономическаго благосостоянія жителей Архангельской губерніи»¹⁾ и бывшаго архангельскаго губернатора Качалова, доказывавшихъ, что ввести въ настоящее время въ опредѣленные границы относительно земледѣлія сѣверное крестьянство еще рано?

Не начать ли, то есть доказывать, что «владѣнные записи» *непримѣнимы* для сѣвернаго края и не потребовать ихъ, поэтому, отміны ихъ?

Тогда вѣдь, по крайней мѣрѣ, крестьянамъ, если и не сдѣлается лучше—если они, значить, и не будутъ по прежнему подъ ферулою «необезопасеннаго» земледѣльческаго производства—то вѣдь имъ и хуже не станеть. .

Нѣтъ, выходъ есть иной.

Г. Данилевскій, какъ извѣстно, требуетъ неотграниченій крестьянъ на сѣверѣ отъ казны—требуется смѣшаннаго, черезполоснаго владѣнія первыхъ со второю для того, чтобы *усилить кули-*

¹ См. «О мѣрахъ къ обезпеченію народа продовольствіемъ на крайнемъ сѣверѣ». Спб. 1869 г., извлеченіе изъ его отчета.

тировку края: заселеніе лѣсистой пустыни и обращеніе ее въ пастбища, поля и сѣнокосы.

«Нужно, говорить онъ объ Архангельской губерніи (см. его отчетъ стр. 35):—пока совершенно *отложитъ* мысль о надѣлѣ крестьянъ опредѣленною пропорціею земли, такъ какъ этимъ *приковывалось бы* населеніе къ нинѣ занимаемымъ имъ мѣстамъ, а все остальное пространство губерніи осудилось бы на вѣкъ оставаться лѣсною *пустынею*».

По его мнѣнію, не нужно ставить никакихъ границъ для эксплуатаціи лѣсовъ въ земледѣльческомъ отношеніи.

Отрицая, по этому, всякія стѣсненія земледѣльческой крестьянской дѣятельности, указывая на то, что, лишь благодаря подобнымъ стѣсненіямъ, пахатная, луговая, пастбищная и усадебная земля составляютъ въ Архангельской губерніи только ¹/₁₃₃ долю ея лѣсовъ, т. е. каплю въ морѣ, онъ вмѣстѣ съ этимъ отрицаетъ *всякія границы*, а, слѣдовательно, и надѣлъ крестьянъ законною пропорціею земли.

Однако доводы эти критики не выдерживаютъ совсѣмъ.

Мы видѣли, напримѣръ, что, благодаря особенностямъ подсѣчнаго хозяйства (включившей обработкѣ земли) и непониманію этихъ особенностей, «отграниченіе крестьянскаго надѣла отъ казенныхъ земель и лѣсовъ» очень легко можетъ превратиться въ экспроприацію крестьянства на сѣверѣ.

Кто же и что же здѣсь виновато? Что намъ отрицать и стараться уничтожить: подсѣчное-ли хозяйство, непониманіе-ли реформеннымъ особенностей сѣвернаго земельного пользованія, или же наконецъ самый принципъ *отграниченія* земельного?!

Ясно, что изъ всѣхъ этихъ трехъ существующихъ фактовъ, ни подсѣчное хозяйство, ни принципъ отграниченія не виноваты въ экспроприаціи, ожидающей сѣверное крестьянство съ выдачею владѣнныхъ ему записей, но виновато здѣсь только одно *непониманіе* быта этого крестьянства...

Это-то непониманіе, слѣдовательно, и нужно устранить. Но г. Данилевскій въ совершенно параллельномъ случаѣ рассуждаетъ иначе.

Ратуя за усиленіе культуры края, онъ видитъ главнаго врага этому усиленію въ надѣленіи крестьянъ законною пропорціею земли, а не *съ узкими* взглядахъ лѣснаго управленія на государственныя нужды вообще, и на нужды Архангельскихъ крестьянъ—въ частности.

Доводы г. Данилевскаго совершенно обходятъ вопросъ о вредѣ, наносимомъ сѣверному крестьянству неопредѣленностью его правъ повсемельныхъ. Въ этихъ доводахъ совсѣмъ упущена изъ виду та польза, которая должна быть принесена краю, находя-

щемуся въ такомъ варварски-неопредѣленномъ экономическомъ положеніи, какъ нашъ сѣверъ, опредѣленіемъ твердыхъ границъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ нихъ не обращено вниманія именно на тотъ фактъ, благодаря которому (переводъ земледѣлія изъ «необезопасенныхъ» въ обезопасенныя производства) простая отдача всего принадлежащаго сѣверному крестьянству по праву справедливости, обращается въ отдачу *не простую* — въ отдачу, окрашивающую реформу 15-го октября 1869 года въ болѣе интенсивныя цвѣта, чѣмъ какіе на самомъ-бы дѣлѣ, т. е. еслибы не было стѣсненій подсѣчному хозяйству на сѣверѣ, ей, по ея существу (желаніе оставить status quo неизмѣннымъ) приличествуютъ.

Откуда-же такая близорукость? И гдѣ ея исходный пунктъ?

Г. Данилевскій смѣшиваетъ два совершенно разныхъ понятія въ одно: «ограниченіе» со «стѣсненіемъ». Вотъ гдѣ корень его ошибки. Вотъ гдѣ причина того, что для сѣвернаго края онъ такъ категорически требуетъ совершенно «отложить всякую» мысль о надѣлѣ» крестьянскомъ. Онъ убѣжденъ въ томъ, что «отграниченіе надѣла крестьянамъ» на сѣвѣрѣ именно и есть стѣсненіе ихъ труда, экспроприація у нихъ земли, поэтому-то, безъ дальнихъ околичностей, онъ и видитъ главнаго врага культуровкѣ сѣверной лѣсистой пустыни вовсе не тамъ, гдѣ онъ есть; поэтому-то онъ и накидывается такъ сильно на надѣленія крестьянъ узаконенною пропорціею земли» на сѣверѣ, хотя это надѣленіе «ни сномъ, ни духомъ» не виновато въ «стѣсненіяхъ» сѣвернаго земледѣлія разными чиновниками, опекунами крестьянской дѣятельности...

Не менѣе ошибочно, скажемъ здѣсь кстати, смотритъ онъ также на мѣропріятія, на смыслъ и значеніе ихъ, которыя предлагаются имъ для устройства сѣвернаго края взаимѣнъ отрицаемаго, въ данномъ случаѣ, отграниченія «крестьянамъ земельного надѣла, а именно на «лѣсныя расчистки» и «свободу переселенія». Онъ, глядя на эти мѣропріятія слишкомъ ужъ розовыми глазами, приписываетъ имъ такую силу, какой они въ настоящее время ни конимъ образомъ имѣть не могутъ. Онъ думаетъ, что на сѣверѣ «лѣсныя расчистки» и «свобода переселенія» послѣднее слово для обезпеченія земледѣлія. Ему и не въ домѣлъ, что эти мѣропріятія, по сравненіи съ реформенною дѣятельностью 15-го октября 1869 г., суть ничто иное, какъ мѣропріятія *дополнительныя*. Въ доказательство этого достаточно сказать, что въ настоящее время такіе факторы, какъ «лѣсныя расчистки» и «свобода переселенія», бывшіе нѣкогда факторами *организующими* теперь безвозвратно потеряли такое значеніе свое въ земледѣльческомъ отношеніи.

Въ периодъ патриархальныхъ человѣческихъ отношеній, въ періодъ, когда общественная жизнь была гораздо проще жизни современной, земледѣліе и землевладѣніе могли существовать безъ всякихъ «отграниченій». Когда крестьянское хозяйство не стѣснялось ничѣмъ, кромѣ слѣпыхъ силъ природы, когда ни правительство и никто другой не вмѣшивалось въ земледѣліе и прочій бытъ крестьянскій, тогда и «*границы*» имѣть не нужно было. Но съ того времени, какъ явилась чиновничья опека въ родѣ обер-форстмейстерской инструкціи, и другія постороннія крестьянскому люду силы; съ того времени, какъ жизнь усложнилась, когда отношенія стали запутаннѣе, и между ними завязалась борьба, приводившая, какъ мы видѣли уже, къ крайне плохимъ результатамъ, къ обращенію на сѣверѣ земледѣлія въ разрядъ необезопасенныхъ производствъ, съ того времени, вопросъ о земельномъ разграниченіи разныхъ жизненныхъ фракцій сталъ на первомъ планѣ.

Теперь поэтому безъ «отграниченій» жить, значитъ лишь давать *оружіе* на всякомъ шагу поводъ лезть въ чужой огородъ, а проповѣдывать пользу «неограниченія земель крестьянскаго надѣла отъ казенныхъ земель и лѣсовъ», значитъ проповѣдывать возвращеніе къ тому смѣшенію понятій, когда лѣсъ и дрова стояли на одной доскѣ съ человѣкомъ и человѣческіе интересы приносились, какъ это есть и до сихъ поръ на сѣверѣ, въ жертву лѣсоводства. Теперь, когда жизнь стала неизмѣримо сложнѣе жизни временъ допотопныхъ, когда и на дальній сѣверъ проникаютъ дѣятели разныхъ антагонизирующихъ между собою силъ, уже недостаточно «лѣсныхъ расчистокъ» и «свободы переселенія» для того, чтобы облечь соотвѣтственно данному времени силой бытъ земледѣльческій. Теперь такія орудія, какъ «лѣсныя расчистки» и пр. дать сами по себѣ самостоятельность населенію, и дѣйствительно прочно устроить его бытъ не могутъ: время прошло. Съ точки зрѣнія современнаго общественнаго права, такія мѣры, какъ «лѣсныя расчистки» и «свобода переселенія», хороши лишь какъ придатки къ *достаточному* крестьянскому надѣлу, а безъ него равняются нулю, на томъ простомъ основаніи, что неизмѣніе мѣста, гдѣ голову преломить, неизмѣніе прочной, обезпечивающей мое существованіе осѣдлости, обуславливаетъ немислимость *дальнейшаго* движенія моего хозяйства впередъ, таковымъ собственно и является и «свобода переселенія» и «лѣсныя расчистки» въ настоящее время.

Теперь *опредѣленность* всякихъ правъ, а тѣмъ болѣе *имущественныхъ* является, какъ извѣстно, наисущественнѣйшею необходимостью въ средѣ цивилизованнаго общества. Это предохранительное средство. Это общественный громоотводъ, громо-

отводъ, уединяющій общество отъ кулачнаго права и анархическаго произвола.

Но какая же можетъ быть опредѣленность правъ при такомъ земледѣльческомъ устройствѣ, какъ у насъ на сѣверѣ? Крестьянинъ здѣсь положительно зависитъ отъ того, какъ Богъ на душу положить лѣсному управленію, потому что безопасное существованіе подсѣчной системы хозяйства обуславливается исключительно *смислодительностью* начальства. Захочетъ если оно допустить дѣланіе подсѣвъ—допустить; не захочетъ—не допустить.

Г. Данилевскій предлагаетъ, взами́въ отграниченія сѣверныхъ (архангельскимъ) крестьянамъ надѣла—свободу лѣсныхъ расчистокъ и переселенія. Не приглядитесь къ тому «разрѣшенію» лѣснаго начальства, безъ котораго, по мнѣнію того же г. Данилевскаго, не можетъ состояться ни одна лѣсная расчистка. Что это за феноменъ? Гдѣ и каковъ его смыслъ?

Итакъ, повторяю, отграниченіе надѣла необходимо для блага сѣвернаго крестьянства. Необходимо потому, что главное зло, отъ котораго страдалъ и страдаетъ до сихъ поръ крестьянинъ здѣшній, а именно неопредѣленность правъ на землю, лежащую вокругъ него, можетъ устраниться лишь однимъ—отграниченіемъ этого надѣла.

Слѣдовательно, при разрѣшеніи вопроса о томъ, какимъ образомъ парализовать вредное на надѣлъ сѣверныхъ крестьянъ дѣйствіе указа 24-го ноября 1866 года, прийти къ отрицанію отграниченія, къ отрицанію всякаго для крестьянъ надѣла—невозможно.

Это значитъ валить съ больной головы на здоровую, какъ говорится. Мы вѣдь знаемъ, что отграниченіе крестьянскаго надѣла, если только, разумѣется, оно сдѣлано какъ слѣдуетъ, т. е. если въ черту крестьянскаго надѣла вошли всѣ земли *прямо* (обработанныя) или *косвенно* (необработанныя, но служащія связью обработаннымъ клочкамъ) или принадлежащія по принципу народнаго права—есть вещь крайне полезная. Мы знаемъ, что отграниченіе сѣвернымъ крестьянамъ земельного надѣла можетъ явиться мѣромъ несостоятельною по обезпеченію крестьянскаго хозяйственнаго быта лишь, благодаря совершенно *мостороннимъ* причинамъ, т. е. причинамъ, несвязаннымъ логически съ самимъ принципомъ «отграниченія», а не благодаря несостоятельности самого по себѣ этого принципа.

Мы, поэтому, его и не отрицаемъ; и думаемъ, что для того, чтобы благія пожеланія инструкціи 15-го октября 1869 года не остались бы одними пожеланіями, нужно прежде всего *расширить* смыслъ понятія «существующее пользованіе» сообразно жизненной дѣйствительности, т. е. счастье за «существующее пользо-

ваніе» у сѣверныхъ крестьянъ, кромѣ обработанныхъ ими въ лѣсу *кочковъ*, и связь между ними, образуемую необработанными землями, потому что только въ этомъ случаѣ будетъ уничтожена черезполосица, такъ вредно вліяющая на обезопасенность сѣвернаго земледѣлія, и вмѣстѣ съ этимъ будетъ отдано *все* то этимъ крестьянамъ, чѣмъ они владѣютъ.

Для этого достаточно было бы, напримѣръ, постановить взаимнѣ 2-й половины 1-й статьи указа 24-го ноября («въ тѣхъ же обществахъ, гдѣ земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ не отграничены отъ земель, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи казны, пространство крестьянскаго надѣла опредѣляется по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ, но не свыше: въ уѣздахъ малоземельныхъ 8, а многоземельныхъ 15-ти десятинъ на душу), правило въ родѣ слѣдующаго:

«Въ тѣхъ же обществахъ, гдѣ земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ неотграничены ¹ отъ земель, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи казны, *крестьяне государственные тоже сограмяютъ всѣ состоящія въ ихъ пользованіи земли;*

¹ Раздѣлять такъ строго государственныхъ крестьянъ на сорта, какъ раздѣлять ихъ 1 статья указа 24-го ноября 1866 г., едва ли удобно. Принципъ этого раздѣленія—ограниченность или неотграниченность крестьянскихъ земель—собственно говоря, есть ничто иное, какъ фикція. Отграниченныя крестьяне и не отграниченныя отличаются на самомъ дѣлѣ другъ отъ друга по названію, а не по существу. И тѣ, и другіе—одни и тѣ же русскіе крестьяне. Положеніе ихъ, если и разнится чѣмъ, то лишь внѣшностью. Но зачѣмъ же и на какомъ основаніи внѣшность принимать за существенный принципъ?

На томъ основаніи, скажутъ намъ, что земли однихъ отграниченны отъ сѣдей, обставлены разными признаками, обкопаны и пр.; на томъ основаніи, что земли однихъ ясно выражаютъ понятіе о собственности и не смѣшиваютъ «моего» съ «твоимъ», но раздѣляютъ ихъ между собой, а земли другихъ доказываютъ совершенно противное: здѣсь существуетъ полное смѣшеніе «моего» съ «твоимъ», потому что признаковъ, указывающихъ на отсутствіе этого смѣшенія, а именно межъ—нѣтъ...

Но вѣдь говорить это значить не знать ни Россіи, ни Сѣвера, ни прошедшаго, ни настоящаго земледѣльческаго быта народнаго. Было вѣдь время, когда и въ средней Россіи, благодаря изобилію земель и малонаселенности, существовало *подобное* неотграниченіе, какое существуетъ у насъ въ сѣверныхъ губерніяхъ. Это—разъ. Во-вторыхъ: подобное неотграниченіе есть въ сущности неотграниченіе фиктивное, что ясно видно изъ того, что какъ только, напримѣръ, на Сѣверѣ у насъ, захотѣлось бытъ собственникомъ казны, то предметъ для казенной собственности—земля свободна отъ завятія ее другимъ кѣмъ-либо—нашелся сейчасъ же, а, слѣдовательно, въ тотъ же моментъ *явилось и отграниченіе* крестьянскихъ земель отъ казенныхъ. Разграниченіе это, разумѣется, было неполю, подавало постоянно поводъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ, въ утѣсненію болѣе слабой стороны болѣе сильною (отсюда необязательность земледѣлія въ сѣверномъ краѣ) и пр., но, тѣмъ не менѣе, это все-таки было разграниченіе... Оно не было разграниченіемъ, *юридически* утвержденнымъ, но разграниченіемъ *обычаями* утвержденнымъ оно было. Оно, словомъ, если и отличается чѣмъ отъ юридическаго ограниченія, то степенью, количествомъ, а не качествомъ.

но при этомъ — въ виду того, что обработанныя крестьянами земли въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ господствуетъ подсѣчное хозяйство, разбросаны обыкновенно клочками среди лѣса — наблюдается, чтобы эти мелкіе крестьянскіе участки были бы сгруппированы другъ съ другомъ, т. е. отграничиваемы одною окружною межою, если и не въ одномъ мѣстѣ, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ, посредствомъ зарѣзки въ составъ этихъ группъ лѣсныхъ участковъ, лежащихъ чрезполосно съ обработанными клочками.

Такое правило гармонировало бы, по крайней мѣрѣ, вполне съ дѣйствительностью и не насилвало бы жизни. И государственные крестьяне сѣверныхъ губерній, на самоѣ дѣлѣ, не шута, могли бы засѣвать «не меньшее противъ обычнаго числа десятинъ, такъ что земледѣліе бы ихъ было выведено изъ непривлекательной роли необезопасенныхъ производствъ.

12-я статья инструкціи 15-го октября предусматриваетъ случай *разбросанности постоянно* разрабатываемыхъ крестьянскихъ (большеша частью лѣсные покосы; рѣдко — трехпольныя пашни) угодій мелкими участками среди сплошнаго казеннаго лѣса и, памятуя, вѣроятно, какъ о важности этихъ угодій въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ и о невыгодности чрезполосицы, постановляетъ, «чтобы разбросанные среди казеннаго лѣса мелкіе крестьянскіе участки были, по возможности, сгруппированы и чтобы близъ лежащіе одинъ отъ другого участки были отграничиваемы одною общею окружною чертою, посредствомъ прирѣзки къ нимъ прилегающихъ окраинъ изъ малоцѣннаго казеннаго лѣса».

Отчего же, спрашивается, не распространить это правило и на *непостоянную* угодыя, которыя въ сѣверныхъ губерніяхъ, по самому своему существу, какъ мы уже и видѣли, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ мелкими крестьянскими участками, разбросанными среди сплошнаго казеннаго лѣса?

Въ данномъ случаѣ нужно отрѣшиться отъ всякихъ призраковъ и предубѣжденій, но согласовать свои дѣйствія лишь съ тѣмъ, что мы видимъ на самоѣ дѣлѣ въ жизни.

Боятся же фразъ, въ родѣ: «много лѣсу въ такомъ случаѣ отойдетъ крестьянамъ!» или: «если принимать въ счетъ существующаго пользованія, кромѣ обработанныхъ земель-клочковъ и соединяющіе ихъ клочки земель необработанныхъ, то, въ такомъ случаѣ, казнѣ придется совсѣмъ отказаться отъ лѣсовъ въ нашихъ лѣсныхъ сѣверныхъ губерніяхъ и отдать все на *растрату* (sic!) крестьянъ и пр.» — боятся подобныхъ фразъ, повторяю, нѣчего.

Пора, наконецъ, понять, что отдать крестьянамъ все то, что имъ принадлежитъ — не вредно, а полезно; полезно какъ съ точки зрѣнія

морально-юридической, такъ и съ экономической (отдача эта если не состоится, то она нанесетъ громадный матеріальный ущербъ и казнѣ, и крестьянамъ, какъ мы видѣли, потому что, уважаяя чрезположицу, она лишь поспособствуетъ увеличенію «небезопасности» сѣвернаго земледѣлія и обратитъ, такимъ образомъ, отграниченіе надѣла крестьянамъ въ фикцію и пр.).

Нужно помнить, что всякій, кто повторяетъ фразы объ уходѣ лѣсовъ изъ рукъ казны, забываетъ по-просту счесть: «да сколько же, наконецъ, отойдетъ крестьянамъ всего земли въ надѣлъ при расширенномъ взглядѣ на существующее пользованіе?»..

Беремъ для примѣра Олонецкую Губернію.

Жителей здѣсь, т. е. ревизскихъ мужскаго пола душъ 100,000 съ небольшимъ. Они ужъ владѣютъ, какъ мы видѣли, 1,654,000 десятинами удобной земли (слишкомъ по 16 десятинъ на душу)¹, но земли этой имъ недостаточно, потому что очень большое количество подсѣкъ остается за чертою 1,654,000 десятинъ.

Мы видѣли также, что надѣлъ на душу, не убыточный для крестьянъ, т. е. обезпечивающій, согласно 11-й статьѣ инструкціи 15-го октября 1869 года, подсѣчное ихъ хозяйство, не долженъ превысить кругомъ на душу 22-хъ десятинъ: къ 16-ти десятинамъ, владѣемымъ крестьянами въ чертѣ надѣловъ, проэктированныхъ для нихъ бывшею палатою государственныхъ имуществъ, будетъ прибавлено по 5-ти десятинъ подсѣчной земли — для обезпеченія полудесятиннаго кругомъ на душу подсѣчнаго хозяйства у крестьянъ. Коммисія, учрежденная въ Петрозаводскѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора, для установле-

¹ Хотя крестьяне Олонецкой губ. и считаются крестьянами съ неотграниченными землями отъ владѣній казны, но на самомъ дѣлѣ — *de facto*, они отграничены. Въ этомъ насъ убѣждаютъ нѣсколько соображеній, высказанныхъ въ предшествующей выноскѣ, но и слѣдующія обстоятельства: а) въ Олонецкой губерніи почти всюду были сдѣланы палатою государственныхъ имуществъ для государственныхъ крестьянъ надѣлы (съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ межеваго искусства); и хотя этими надѣлами крестьяне остались недовольны, да и министерство не утвердило ихъ, но жизни, обоготелства жителей: развивавшаяся лѣсопромышленность, въ особенности — заставила, однако, и крестьянъ, и палату государственныхъ имуществъ считать ихъ какъ бы утвержденными и высшей инстанціей — министерствомъ — надѣлами. Не менѣе, впрочемъ, развившейся лѣсопромышленности помогло установленіе такого взгляда на не утвержденный министерствомъ надѣлъ еще и то, что крестьяне, въ чертѣ отведеннаго имъ палатою надѣла, могли дѣлать подсѣки безъ всякой опаски: ихъ здѣсь лѣсники ужъ не преслѣдовали, тогда какъ за чертою этого надѣла подсѣки дѣлались только воровски, т. е. послѣ стачки, уговора съ лѣсникомъ, но метоу необезопасенныхъ, словомъ, отъ постороннихъ, враждебныхъ силъ производства.

Затѣмъ появилась на сцену: б) *давность* — вышеупомянутые проэкти надѣловъ дѣлались въ періодъ отъ 40-хъ до 60-хъ годовъ, почему въ числѣ ихъ очень много проэкттовъ, обладающихъ 30-ти-лѣтнею давностью, т. е. феноменъ, противъ котораго, какъ извѣстно, благодаря правилу: «привичка — вторая натура» — бороться трудно, но который именно *привички-то и уважается*.

нія *поугодно* нормъ замѣны всякой подсѣчной десятины, наши, что въ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ Уѣздахъ крестьяне должны получить взаменъ каждой подсѣчной десятины—9 десятинъ; въ Олонецкомъ—10, въ Лодейнопольскомъ—10, въ Петрозаводскомъ—12, въ Пудожскомъ и Повѣнецкомъ—13, такъ что, если предположенія этой комиссiи будутъ утверждены законодательнымъ порядкомъ, то, получая круглымъ счетомъ за всякую подсѣчную десятину по 12-ти десятинъ за $\frac{1}{2}$ десятины, приходящейся кругомъ на душу въ Олонецкой Губернiи, крестьяне получать 6 десятинъ) ¹.

Всего, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ должно отойти на всю Олонецкую Губернiю 2,200,000 десятинъ, т. е. на 600,000 десятинъ больше, чѣмъ сколько нынѣ во владѣнiи крестьянъ считается петрозаводская губернская земская управа.

Въ казѣ, такимъ образомъ, останется свыше 8 миллионъ десятинъ въ Олонецкой Губернiи: продавать, значить, въ Петербургъ дрова, а за границу—бревна будетъ изъ чего: 8 миллионъ десятинъ—кушъ изрядный. Но, можетъ быть, еще и теперь найдутся люди, думающiе, что прибавить 600 тысячъ десятинъ олонецкимъ крестьянамъ къ 1.654,000 десятинъ, *признаваемыхъ* уже во владѣнiи этихъ крестьянъ—много?!

¹ Хотя нормы, установленныя петрозаводской комиссiей для замѣны подсѣчной десятины *поугодно* и нельзя назвать вообще *малыми*, но нельзя не замѣтить въ сѣбѣ съ этимъ, что такъ какъ *умѣдъ* представляетъ *административную* только единицу, а не этнографико-климатическую, то *поуздное* установленiе нормъ критикѣ не выдерживаетъ; очень легко можетъ случиться, благодаря неодинаковости почвъ и пр. въ уѣздѣ, что въ одномъ углу этого уѣзда 12-ти десятинъ будетъ много дать за десятину подсѣчную, а въ другомъ мало, потому что сѣвооборотъ и время оставленiя подѣски подъ заросль въ одномъ—одно, а въ другомъ—другое. Разумѣется, что для того мѣста, гдѣ, напримеръ, 12 десятинная замѣна слишкомъ роскошна, получить лишнее было бы выгодно, но эту выгоду можно и уничтожить, если только взглянуть на 12-ти десятинную норму, какъ на *высшiй* предѣлъ, а не какъ на единицу, которую бы всюду въ известномъ уѣздѣ *обязательно* было давать за всякую десятину. А оно такъ и есть, именно установленiе *поуздное* нормъ замѣны подсѣчной десятины есть ничто иное, какъ установленiе *максимумовъ* для этой замѣны въ уѣздѣ.

Наоборотъ, однако, сдѣлать, т. е. дать больше противъ установленной *поуздно* нормы для тѣхъ мѣстъ, гдѣ, благодаря меньшей растительной силѣ, заставляющей составлять подѣску на большее количество лѣтъ подъ заросль—мало этой установленной нормы—нельзя: норма есть *предѣлъ*.

Такимъ образомъ, *поуздное* установленiе нормъ для замѣны подѣски есть ни что иное, какъ шагъ назадъ, сравнительно съ 11-мъ § инструкцiи 15-го октября, которая, требуя категорически такой замѣны всякой подсѣчной десятины, которая *прямо* соответствовала бы *нормальнымъ* условiямъ земледѣлiя, этимъ самымъ достигаетъ полнаго обезпеченiя подсѣчного хозяйства, вслѣдствiе исключаетъ, слѣдовательно, ту экспроприацiю крестьянства, которой подвергаются многiе крестьяне съ утвержденiемъ *поуздныхъ* нормъ. Инструкцiя 11-го октября вѣдъ постановляетъ коротко и ясно: «взаменъ неспособныхъ угодѣй, дать такое *пространство* удобной для воздѣлыванiя земли, чтобы *соотносительно существующей въ той мѣстности системѣ полеводства, крестьяне могли бы заставить не меньше противъ обычнаго числа десятинъ*».

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТРАТОТЕРПЦЫ МЕЛКАГО КРЕДИТА.

(По новоду сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ).

По поводу доклада, сдѣланнаго г-номъ Хитрово въ императорскомъ обществѣ сельскаго хозяйства о ходѣ дѣлъ въ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, въ № 273 «Русскихъ Вѣдомостей» помѣщена передовая статья, авторъ которой пытается выяснитъ одинъ необычайно странный фактъ, бросающійся въ глаза всякому, имѣвшему возможность видѣть приведенныя г. Хитрово цифры. Въ самомъ дѣлѣ, не страннымъ ли покажется всякому здравомыслящему человѣку слѣдующее обстоятельство: Въ 1877 году, всѣ 1,030 сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, при 131,450 членахъ, имѣя въ оборотѣ *собственно* своего, членскаго капитала 3,882,000 рублей, почему-то привлекли въ свои кассы со стороны, въ видѣ займовъ и вкладовъ, только 4,236,000 рублей, т. е. немного больше того, что они, товарищества, имѣютъ сами? ¹ Принимая во вниманіе, что ссудныя товарищества имѣютъ цѣлю доставить кредитъ сельскимъ заемщикамъ «при помощи гарантіи, представляемой *солидарною* отвѣтственностію членовъ» (Русск. Вѣдом.), невольно спрашиваешь себя, глядя на вышеприведенныя цифры: что значить эта ничтожная цифра количества денегъ, потребленная сельскими товариществами; неужели нѣтъ мелкихъ заемщиковъ, на которыхъ, какъ говорятъ «Русскія Вѣдомости», и были рассчитаны товарищества при ихъ основаніи? Неужели такъ мало въ деревенскомъ населеніи людей, которые бы нуждались въ займахъ и которые могли бы обойтись безъ радужной помощи товариществъ? Нѣтъ! Народу бѣднаго много, деньги нужны наро-

¹ Да и въ этихъ 4,236,000 надобно считать 1,482,000 руб. вкладовъ, образующихся большею частію изъ членскихъ же прибылей, и не разбираемыхъ по рубамъ.

ду помнунто, вообще рѣшительно нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что и деревня могла бы «поглотить» и не такіе грошовые капиталы, какіе поглощены ею при помощи 1,030 товариществъ. Если же причина не въ недостаткѣ заемщиковъ, то не коренится ли она въ недобѣрн капиталистовъ, которые не вѣрятъ товариществамъ своихъ капиталовъ? Но и это соображеніе оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію «Русскихъ Вѣдомостей», во 1-хъ, «ни въ одномъ родѣ кредитныхъ учрежденій дѣлостъ вѣрренныхъ капиталовъ не обставлена такими прочными и вѣрными гарантіями, какъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, которыя, помимо собственнаго значительнаго капитала, отвѣчаютъ по обязательствамъ всѣмъ имуществомъ своихъ членовъ», и во-2 хъ, еще потому что, не смотря на ничтожность обращающихся въ товариществахъ капиталовъ, эти товарищества «успѣли» въ 1877 году заработать чистой прибылі 540,000 рублей!

Что же означаетъ это странное явленіе котораго, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», «мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ обыкновенныхъ банковъ»? Дѣйствительно трудно представить банкъ, который бы имѣлъ капиталу 3 милліона, стумѣлъ бы сдѣлать оборотовъ только на 6; такой банкъ могъ бы существовать только тамъ, гдѣ нѣтъ ни капиталовъ, ни людей—причемъ, какъ видите, не было бы надобности и въ банкѣ. Очевидно, что ссудныя товарищества вовсе не могутъ быть причислены къ такимъ страннымъ безлюднымъ и безкапитальнымъ банкамъ: въ нихъ есть и капиталы, и люди, нуждающіеся въ нихъ, а главное обезпечивающіе эти капиталы какъ нельзя лучше. Товарищества даютъ громадныя дивиденды (на 4 мил. 450 тыс.), словомъ, есть все для самаго благотворнаго и широкаго процвѣтанія и увы!—нѣтъ процвѣтанія!» Недоумѣвая надъ всѣми этими несоразбавностями, авторъ статьи, однако же, какъ будто оставливается на той мысли, что причина непроцвѣтанія коренится въ невниманіи къ товариществамъ гг. капиталистовъ, и объясняетъ это невниманіе печальною особенностію русскаго характера «живо возбуждаться новыми идеями и вопросами, но столь же быстро къ нимъ и охладѣвать».

Но точно ли упрекъ апатіи къ хорошему дѣлу, къ хорошей идеѣ, разрѣшаетъ и вполне уясняетъ причину страннаго явленія, происходящаго въ сельскихъ товариществахъ? Имѣя, благодаря случаю, возможность довольно близко наблюдать ходъ дѣлъ одного такого товарищества, мы, на основаніи опыта, можемъ положительно сказать, что причина неуспѣха этихъ якобы «банковъ» лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ пытается отыскать ее авторъ передовой статьи № 273 «Русск. Вѣдом.» и гдѣ навѣрсе искалъ бы ее всякій, незнакомый основательно съ уставами товариществъ, то есть съ подлинными условіями, въ которыя поставленъ мелкій сельскій кредитъ. Такое знакомство съ мелочами тѣхъ или другихъ явленій русской жвз-

ни, вообще и крайне желательное и не въ одномъ только разсматриваемомъ случаѣ, давно бы сняло покровъ со многихъ чудесъ русской дѣйствительности, чудесъ, отъ которыхъ въ настоящее время принято отдѣлываться какими-то туманными опредѣленіями, вродѣ «врожденныхъ» чертъ характера, національныхъ особенностей и т. д. Подъ покровомъ этихъ неопредѣленныхъ опредѣленій, всегда оказываются не только въ высшей степени вѣскія основанія, совершенно ясныя, объяснимыя причины, но даже и самое разсматриваемое явленіе представляется совершенно не, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ его привыкли видѣть.

Исторія съ сельскими товариществами какъ нельзя лучше подтверждаетъ сказанное: автору передовой статьи, безспорно воодушевленному самыми благими намѣреніями и искренно желающему, чтобы народу было лучше, и т. д., не можетъ не казаться, что сельскія товарищества имѣютъ какое-то сходство съ банками. И дѣйствительно, въ банкахъ — пай, и въ товариществахъ тоже пай; въ банкахъ даютъ деньги и берутъ проценты, и тутъ даютъ деньги и тоже берутъ проценты. Наконецъ, и въ банкахъ и въ товариществахъ получаютъ барыши. Посмотрите (мелькомъ, конечно) въ любой уставъ любого банка и въ уставъ любого товарищества, и вездѣ будетъ бросаться въ глаза несомнѣнное сходство тѣхъ и другихъ. И тамъ, и тутъ — пай, проценты, дивидендъ, а если это сходство существуетъ, то не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что сходство это прекращается, когда дѣло касается процесса и результатовъ дѣятельности? Банкъ, заручившись основнымъ капиталомъ въ три милліона, навѣрное «поглотить» частныхъ капиталовъ въ десять разъ больше, и вотъ другой, который съ тѣмъ же капиталомъ — не поглощаетъ ничего или поглощаетъ грошъ. Банкъ, поглощая такую пропасть, рѣдко даетъ 10—15 процентовъ дивиденда, а не поглощающій ничего другой банкъ, навѣрное даетъ 15%, каждый годъ. Невольно возникаетъ мысль, что тутъ что-то не такъ, какая то національная ерунда, тогда какъ стоитъ только подробно изучить уставъ одного и другого банка — и все дѣло разъяснится, причемъ и окажется, что то учрежденіе, на которое я привыкъ смотрѣть, какъ на банкъ — рѣшительно не то, а что-то другое, т. е. совершенно-совершенно другое. До такой степени другое, что вотъ эти 450 тысячъ *барыша* (вѣдь дивидендъ — чистый барышъ?) для того учрежденія, которое выяснилось вслѣдствіе знакомства съ уставомъ, не только не барышъ, а бремя и, главное, бремя довольно глупое. Откуда взялись эти 450 тысячъ? Откуда скромныя товарищества «усибли» извлечь ихъ? Члены извлекали ихъ изъ собственныхъ кармановъ; никакой другой карманъ, кромѣ членскаго, тутъ не участвовалъ и не могъ участвовать. За что же гг. члены вымотали изъ себя такую кучу денегъ? За то, что они взяли изъ товарищества семь милліоновъ денегъ. Какія же такія это деньги? Это деньги почти

всѣ принадлежать тѣмъ же самымъ членамъ: 3.882,000 —взятыхъ изъ собственнаго кармана (членскіе взносы); да еще 1.432,000 тоже изъ собственнаго, изъ вымотанныхъ (дивидендъ, положенный вкладомъ) и только 2.804,000 рублей были чужіе, за что проценты заплачены особо. И такъ большая часть 450 тысячъ вымотана гг. членами товариществъ изъ своихъ кармановъ для того, чтобы попользоваться болѣею частію своими же деньгами, т. е.: я плачу проценты зато, что лежить у меня въ карманѣ. Положимъ, что эти 450 тысячъ возвратятся въ карманы членовъ въ видѣ прибыли по расчету паевъ, но вѣдь прежде, нежели онѣ возвратятся, ихъ надо извлечь изъ кармановъ, ихъ нужно достать, добыть и внести. Сочтите теперь все, что извлечено изъ кармана и что пришло въ карманъ: 3.882,000 членскихъ взносов, 1.432,000 вкладовъ, опять же своихъ денегъ и 540 тысячъ, *оставшихся* отъ уплаты за пользованіе деньгами товарищества, всего будетъ 5.764,000. Слѣдовательно, нужно было *сначала* вытащить изъ кармана 5.764,000 руб., чтобы удостоиться кредита въ 2.804,000 р. Что же будетъ, ежели гг. капиталисты проснутся отъ своей апатіи, окажутъ товариществамъ благосклонное вниманіе и надѣлать насъ капиталами? Разумѣется, тогда постигнетъ насъ раззореніе, голодъ и морь. Потому что, если за два милліона мы должны вытащить изъ кармана 5 своихъ, да еще принести на алтарь кредита все свое имущество, что же мы должны сдѣлать, ежели намъ вдругъ помогутъ милліонами такъ десятью? Смерть, чистая смерть!

И такъ, вы видите, кажется, все есть, и пай, и проценты и дивиденды, а выходитъ одно божеское наказаніе. Оказывается, что на Руси оказалось 131,457 человекъ какихъ-то добряковъ, которыхъ поставили въ самое нелѣпое, глупѣйшее положеніе, убѣривъ ихъ, что отъ всего этого (я не знаю, какъ назвать) будутъ какіе-то барышни. А вѣдь посмотрѣть со стороны — банкъ! Какъ есть банкъ!..

Если цѣль сельскихъ товариществъ, какъ ее опредѣляютъ «Русскія Вѣдомости», состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность мелкимъ (бѣднымъ?) заемщикамъ попользоваться благами кредита, то нельзя сказать, чтобы уставы товарищества (по крайней мѣрѣ, того, который находится у насъ подъ руками) удовлетворяли этой цѣли. Что такое мелкій заемщикъ? Мелкій заемщикъ, какъ мы его понимаемъ, есть обыкновенный деревенскій мужикъ, имѣющій собственное хозяйство, но не имѣющій денегъ; у него есть двѣ лошади, двѣ коровы, шесть овецъ, у него есть хлѣбъ, овесъ, немного льну и т. д., а, главное, у него есть руки, рабочая сила—вотъ все, что можетъ представить мелкій заемщикъ въ обезпеченіе денежнаго кредита. Кредитъ этотъ ему нуженъ, во-первыхъ, для уплаты повинностей, и во-вторыхъ, для собственнаго обихода, «на нужу». Необходимость эта заставляеть его продавать не въ-время и за безцѣнокъ лишній пудъ хлѣба, лишнюю овечью шкуру, лишнюю мѣру овса, а, главное, застав-

лаеть закабаливаться трудомъ, что прямо разстраиваетъ его хозяйство, на чужой работѣ измаеваетъ его скоть, портить упражненья и хозяйственныя орудія. Чтобы дать такому заемщику справиться, имѣть возможность распорядиться получше своимъ трудомъ, продать, не торопясь и не спѣша, излишекъ, имѣющійся въ домашнемъ хозяйствѣ, ему необходимо, имѣя въ виду только его имущественное обезпеченіе, и уплату выдаваемой ссуды, сообразовать также съ ходомъ его хозяйственныхъ дѣлъ. Если строителю дома въ Петербургѣ, положимъ, банки выдаютъ ссуды на долгіе сроки сначала подъ первый этажъ, потомъ подъ второй, и т. д., совершенно справедливо понимая, что съ каждымъ новымъ этажемъ вырастаетъ цѣнность обезпечивающаго ссуду имущества, то почему же та же система ссудъ и уплаты ихъ не можетъ быть примѣнена къ мелкому заемщику? Оцѣнивъ тщательно имущество лица, желающаго занять деньги, ему, во-первыхъ, можно выдать ссуду всегда гораздо большую той, какую могутъ выдать согласно своимъ уставамъ нынѣ дѣйствующія товарищества, во-вторыхъ, рассрочивъ уплату процентовъ и капитала на долгіе годы, можно погашать его долгъ, не пугая его столь грозной теперь минутой уплаты, и въ-третьихъ, при увеличеніи его имущества (какъ напримѣръ, при надстройкѣ новаго этажа)—вновь увеличивать и ссуду. При такихъ условіяхъ, мелкому заемщику было бы, дѣйствительно, не страшно имѣть дѣло съ деревенскими банками.

Совсѣмъ не то дѣлается (конечно, согласно уставамъ) въ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ теперь. Въ какомъ такомъ «обыкновенномъ» банкѣ, имущество исправнаго плательщика, аккуратно уплачивающаго то, что слѣдуетъ, можетъ быть продано? А вотъ въ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ—его продадутъ, потому что каждый членъ отвѣчаетъ здѣсь, во-первыхъ, самъ за себя, и во-вторыхъ, за все товарищество, конечно, всѣмъ имуществомъ. Да и при такихъ-то «гарантіяхъ»—такому страсотерпцу-члену даютъ только сроку для уплаты ссуды 9 мѣсяцевъ.

§ 52 (Устава) гласитъ: ссуды выдаются на 6 мѣсяцевъ.

§ 53 также гласитъ: По истеченіи срока, можетъ быть допущена отсрочка, но не болѣе, какъ 3 мѣсяца,

а § 54 уже рычитъ: Вторичная отсрочка ни въ какомъ случаѣ не допускается.

То есть, вниъ да положе. Иди и нанимайся въ работу, закабайся на какихъ угодно условіяхъ—а плати.

Но какую же такую благодать предлагать заемщику при такомъ обезпеченіи ссуднаго товарищества?

§ 40, эта соблазнительная сврена всего устава, сладковучно распѣваетъ: *каждый членъ можетъ лично, безъ поручителей, получить въ ссуду полтора раза противъ суммы, принадлежащей ему въ товарищество: ная или наевой домъ.*

То есть, внеся, напримѣръ, три рубля (и рискуя изъ за чьей ни-

будь чужой доли лишиться своего имущества), можно получить только полтора рубля ссуды, или получить своих три рубля назад, да еще полтора. Принимая во вниманіе, что три рубля, которые у меня лежали въ карманѣ, не требовали никакихъ процентовъ, и тотчасъ явились обложенные процентами, какъ только изъ моего кармана, на одно мгновеніе, попали въ кассу товарищества и оттуда опять перешли ко мнѣ, я, по совѣсти, могу считать, что одолженіе, которое мнѣ сдѣлалъ великодушный § 40—равняется только 1 р. 50 к. и проценты, стало быть, я плачу только за нихъ. При 12% годовыхъ, за эти 1 р. 50 к. я долженъ заплатить, платя ежемѣсячно по 4 $\frac{1}{2}$ коп., 54 к. сер., т. е. я долженъ отдать 3 р. 54 коп., чтобы получить ссуды 96 коп. Этого ужъ подлинно нѣтъ ни въ одномъ банкѣ! Въ любомъ банкѣ, при имущественномъ обезпеченіи, берутъ съ заемщика только 10% съ суммы, на которую разрѣшенъ ему кредитъ: чтобы взять изъ банка 500 р. надо представить взносъ 50 р., за гривенникъ даютъ рубль, у насъ же за рубль даютъ только 50 к.

Можете представить, имѣя въ виду вышеозначенный §, какіе громадные проценты приходится платить мелкому заемщику и притомъ, почти исключительно за собственные свои же деньги. Ниже мы представимъ читателю нѣкоторые примѣры распятыхъ мелкимъ кредитомъ великихъ страстотерцевъ, а теперь познакомимся съ дальнѣйшими параграфами Устава.

§ 41. *На ссуду большей суммы требуется поручительство одного или нѣсколькихъ членовъ товарищества.*

§ 43. *Каждый членъ можетъ быть поручителемъ на сумму не свыше четверти размѣра полнаго пая.*

§ 44. *Каждый членъ можетъ быть поручителемъ за одного или за нѣсколькихъ членовъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы сумма поручительства (за?), принятаго на себя, членомъ, не превосходила размѣра определеннаго § 43.*

Большую частію вступающій въ товарищество (по крайней мѣрѣ, въ то, уставъ котораго я цитирую) вноситъ два рубля. Согласно уставу, онъ можетъ получить на себя лично—три рубля (2 своихъ назадъ и чужой 1 р.) и 12 р. 50 коп.¹ на поручителя, всего 15 р. 50 коп., и затѣмъ ужъ можетъ, если пожелаетъ, увеличить ссуду, брать только на себя, потому что ему нѣтъ возможности когда нибудь найти другою поручителя, такъ какъ всякій членъ, вступающій въ товарищество, вступаетъ потому, что ему нужны деньги и, если не желаетъ на 3 р. получить 1 руб. 50 к., то долженъ непременно искать поручителя, который также желаетъ взять денегъ. Въ первый же день учрежденія банка является неразрывная связь между всѣми заемщиками, преграждающая имъ всякую возможность увеличить свой кредитъ, за

¹ Полный пай для нашего товарищества 50 р.—четвертая его часть 12 р. 50 коп.

исключеніемъ кредита въ тѣхъ размѣрахъ, который даетъ § 40, т. е. вносить предварительно двѣ части и брать третью.

На этомъ основаніи соблазнительный—и вѣроятно только для соблазна напечатанный въ уставѣ § 50—къ дѣлу примѣняться не можетъ почти никогда. § этотъ такъ сладко гласитъ: «*Высшій размѣръ ссуды опредѣляется не свыше тройнаго размѣра полаганаго пая*».

Прочитавъ этотъ параграфъ, и въ самомъ дѣлѣ можно подумать, что, внеся 50 р., можно изъ товарищества получить 150 р., т. е. лишнихъ 100 р. Но на дѣлѣ этого не бываетъ. На дѣлѣ внеся 50 р., можно получить 75 р. (самому лично), причѣмъ приходится платить по 36 к. въ годъ за каждый чужой рубль (тогда какъ въ обыкновенныхъ банкахъ, при 10% взноса—немного болѣе 6%), а на другіе 75 р. надобно искать 6 человекъ (!) поручителей, совершенно свободныхъ поручительствъ, чего рѣшительно сдѣлать нѣтъ никакой возможности. Свободные найщики и не берутъ и не поручаются, твердо слѣдуя тому герою Островскаго, который говоритъ про свой твердый умъ: «читаю—а самъ не вѣрю!.. Иной читаетъ и вѣритъ; а человекъ съ твердымъ умомъ—читаетъ, а самъ не вѣритъ!» Читая такимъ образомъ уставъ, членъ товарищества съ твердымъ умомъ понявъ въ чемъ дѣло—и рѣшилъ не поручаться и не брать, а просто ждать прибыли.

Вышеприведенные §§ исчерпываютъ все, что касается размѣровъ ссудъ и условий, на которыхъ послѣднія могутъ быть выданы. Вы видите, что размѣры не велики, а условия почти ни съ чѣмъ несообразно тяжки. Множество, кромѣ всего сказаннаго, мелочей, повидимому, на первый взглядъ незначительныхъ, мелочей, возникающихъ изъ устава—какъ, на примѣръ, взиманіе $\frac{1}{2}$ к. пени съ каждаго рубля послѣ семи дней просрочки—или вытекающихъ изъ постановленій мѣстнаго совѣта и собранія членовъ товарищества—какъ, на примѣръ, очень высокой процентъ 12 к. въ годъ—дѣлать, въ дѣйствительности, займы изъ товариществъ крайне обременительными и бесполезными, до того бесполезными, что иной разъ просто не знаешь: изъ-за чего человекъ мучается?

Для образчика приведу нѣсколько примѣровъ изъ банковыхъ страданій нѣкоторыхъ нашихъ велико-мучениковъ, объясняя ихъ страданія, помимо вышеприведенныхъ §§ и другихъ мелочей устава, еще разнаго рода мѣстными условіями.

Н мученика будетъ 214. Звать его: *Власъ Андреевъ Калагина* изъ с. С—бад, отстоящаго отъ мѣста нахожденія товарищества въ 15-ти верстахъ. Мученическій вѣнецъ принялъ онъ послѣ четырехъ-лѣтняго пребыванія въ товариществѣ членомъ въ 12 день мѣсяца февраля нынѣшняго года. Подъ этимъ числомъ, въ расчетной книгѣ по обороту паявъ и ссудъ, значитъ, что у Калагина:

Паевыхъ взносов 31 р.

Долгу за нихъ 58 р. 50 к.

За которые онъ внесъ 5 р. 27 к. проц. (отсрочился сразу на 9 мѣсяцевъ).

Да за просроченное предъ нимъ значительное время, въ тотъ же день 12-го февраля, внесъ 9 р. 10 к.

То есть мученикъ сей уплатилъ 14 р. 37 к. за то, что пользовался и намѣренъ пользоваться 27 рублями 50 копейками (вычитая 31 р. изъ 58).

Итакъ онъ, имѣющій 31 р. своихъ, прибавляетъ къ нимъ еще своихъ же 14 р. 37 к., то есть вноситъ 45 р. 37 к. собственныхъ денегъ, чтобы пользоваться 13-ю рублями, ему дѣйствительно не принадлежащими.

Нѣтъ спора, что положеніе этого страдальца особенное, что подобныя вещи можно дѣлать только въ восторженномъ состояніи духа; но посмотримъ, до какой степени, «по закону», «по уставу», прорисовать подобныя безобразія. Единственно, что замѣшано въ этомъ дѣлѣ, неотносающагося къ уставу, это — немѣющее законнаго основанія милосердіе, снисходительность гг. членовъ правленія, которые предпочли лучше возложить на него терновый вѣнецъ, нежели льво погубить безъ остатка.

Вотъ какъ шло банковое житіе Власа Калагина.

Пришелъ онъ въ банкъ 14-го апрѣля 1874 года, съ товарищемъ; оба они принесли по два рубля (разсказъ ведется по разсчетной книгѣ), и взяли, поручившись другъ за друга, по 15 руб., уплативъ за полгода впередъ 0% по 90 копеекъ.

— Ничего! Ловко это надумано! Право, ловко! весело говорилъ въ то время Калагинъ товарищу, уходя изъ банка.

— Надумано, гляди, и въ прямъ, и въ худо!.. Пятнадцать копеекъ отдашь, ая у тебя 15 рублей...

— А паю прибавишь, и больше бери!

— Пра, быто ладно... А деньги, сказываютъ, только принесъ въ срокъ, покажи—и опять бери... Что-жь! Ничего! Право, ничего! Процентъ только?

— А прибыль-то! Ая ты забылъ?—Годъ прошелъ—получай прибыль! Чудакъ ты! Твои деньги нѣшто такъ дуромъ будутъ тамъ валаться? Вѣдь на нихъ тоже нарастаетъ!.. Ая, ты милый видный мой пріатель! Вѣдь тамъ растетъ полегонечку... Чего ты это?

— Ну, Андренчъ, и впрямъ дѣло, надо сказать прямо, дѣло это даже и совершенно ежели сказать по чести, вотъ какое дѣло—первый сортъ!

— А то процентъ! пойдемъ-ка, обнимемъ барыши-те... по стаканчику... Ишь, пострѣлъ, и бумажки-то какія новенькія... Гдѣ и берутъ такія?..

Такъ весело разговаривали всѣ Власы, когда начиналось дѣло. Такъ думали и начинавшіе дѣло люди, которымъ стоило немалого труда собрать_вокругъ себя кружокъ, который бы повѣ-

рилъ, что копейка за рубль все-таки выгоднѣй, чѣмъ рубль за рубль, какъ берутъ сельскіе кулаки и мірошды. И, дѣйствительно, первая ссуда, вопреки пословицѣ, летитъ «мелкой пташечкой» и пронзводитъ на кулаковъ и мірошдовъ значительное впечатлѣніе: хотя разъ отъ созданія міра въ деревенскихъ рукахъ появляются какія-то деньги, которыя извѣстному числу лицъ даютъ возможность не даваться въ руки живодеру. «На-ко вотъ, съѣшь!» говоритъ Власъ, говорятъ всѣ, получившіе ссуду, Власы.

— Хотѣлъ ты меня, Сидоръ Петровичъ, въ кабалу уцепь, ну, иначе же, Господь мнѣ поспособствовалъ. Такъ-то! Въ такомъ случаѣ, надоть тебѣ немножечко пообгодить!»

Всѣ ли шесть мѣсяцевъ торжествовалъ Калагинъ—не знаю; но 14-го октября онъ аккуратно явился въ банкъ и принесъ 15 руб. (такъ гласать книги). Но черезъ два дня, онъ опять явился и занялъ уже 18 руб., процентовъ заплатилъ уже за 9 мѣсяцевъ, 1 р. 26 к., и чтобы занять 18 руб. (а не 15 прежніе), внесъ еще 2 р. паю. Отчего же этотъ Власъ не беретъ еще 12 р. 50 к., а только 3 р.? Зачѣмъ ему понадобился 1 руб., когда однихъ процентовъ онъ оставилъ 1 р. 26 к.? Очевидно, что-то тутъ неладно; и вотъ устави, а вмѣстѣ съ нимъ и люди, близко знающіе Власа, объясняютъ вамъ, что дѣло съ нимъ случилось непріятное: какъ разъ къ сроку-то у него и не хватило денегъ. Кажется, какъ не добыть денегъ только на день, на два, только въ банкъ показатъ, и Власъ давалъ за 15 руб. даже 50 коп. росту—но, какъ на грѣхъ, денегъ не было: кто покакуратнѣй, самъ деньги въ банкъ везъ, тожъ показатъ только, кто поручителю уже успѣлъ отдать (тоже, конечно, за процентъ, за прибавочку)—оставался одинъ Сидоръ Петровичъ, который и содралъ съ Власа за пятнадцать рублей рубль. Власъ зналъ, что деньги вернуть, но образовывался уже новый расходъ въ 1 руб. Сидору, да процентовъ надо было заплатитъ за переводку (отсрочку), которые надо было прибавитъ къ 15 р. Уплативъ эти 15 р., Власъ цѣлый девъ жилъ въ деревнѣ, на квартирѣ у кабатчика, выждалъ время, когда пойдти въ «банку». Сразу отдать и взять—неладно такъ то. Кабатчикъ тоже съ него за день съ лошадыю близъ рубля взялъ, такъ что, явившись занимать вновь, Власъ ужъ имѣлъ нужду въ лишнихъ трехъ рубляхъ, нужныхъ уже на вздержки займа.

— Какъ тутъ мнѣ, какъ васъ, благородіемъ, что ли, величаютъ-то... Какъ бы тутъ мнѣ, нельзя ли какъ изъ банки еще бы малость... Главная причина, съ деньгами никакъ не собьемся...

— Есть поручитель?

— То-то поручителевъ-то ноне нѣту; главная причина, всѣ испоручались.

— Ну, внеси еще паю и бери на свои.

(Товарищъ Власа также присутствуетъ здѣсь и говоритъ тоже самое).

— А больше намъ нельзя другъ за дружку поручитъся?

— Нельзя, до тѣхъ поръ, пока не заплатишь.
 — Да мы заплатили.
 — Ну, и поручайтесь опять другъ за друга въ 12—50. А больше нельзя. Ведите другихъ поручителей.

— То-то нѣту, поручителейъ-то.
 — Ну, а нѣту—нельзя. Прибавляйте пай и берите на свои. Внесите еще по два рубля, можно выдать по три, то-есть ужъ по восемнадцати рублей.

Власъ съ товарищемъ переглядываются. Долго раздумывать имъ не приходится, и вотъ они оба говорятъ:

— Ладно... что-жь... А сейчасъ по два-то рубли надо?
 — Да есть съ вами деньги?
 — То-то нѣту только-то! Мы-было на проценты захватили...
 — Такъ я запишу за вами по два рубля, и проценты вычту, говорить снисходительный членъ правленія.—А что останется, на руки возьмете.

Оба Власа опять соглашаются.

Изъ 18 рублей вычитаютъ 2 рубля въ пай и 1 р. 26 к. (изъ снисходительности имъ отсрочили на 7 мѣсяцевъ) процентовъ, на руки Власы получаютъ по 14 р. 74 к. Изъ 74 к. половина остается въ кабакъ, а за недоданные до 16 р. Сидору Петровичу, Власъ четыре, а то и пять дней на него работаетъ.

— Ну, оно... тово... Оно вѣдь барышомъ набѣгаетъ... Теперь у насъ у обѣхъ ужъ по четыре рублевки заложено въ банку-то... Ну, оно тамъ и нарастаетъ полегоньку...

— Что-жь... Пушай... Ничего...

Кончился годъ, собрали общее собраніе. Приѣхалъ и Власъ, разузнать, много ли набѣжало барышей.

— Прибыли вамъ нѣтъ.
 — Какъ такъ? У насъ по четыре?..
 — Очень просто—какъ! Вы когда вносили деньги-то?
 — Весной, поди, до святой!
 — А нужно вносить до новаго года; еслибы вы внесли до новаго года, деньги ваши значились бы въ отчетѣ и на нихъ была бы прибыль, а теперь ваша прибыль придетъ только въ будущемъ году, потому что и деньги будутъ числиться съ новаго года.

— Стало быть сразу за два года отдадите?

— Нѣтъ, только за одинъ; за будущій годъ...

— Ну, а много-ль ее набѣжить-то?

— Да на 4 рубля—копеекъ 60.

— Такъ! говорятъ оба Власа, уже заплатившіе по 2 р. 16 к.

Можно съ увѣренностью сказать, что впечатлѣніе этого отвѣта было столь сильно, что Власъ, именно благодаря ему, явившись въ банкъ 26-го мая, днемъ раньше срока, внесъ 18 р. и ушелъ, не взявъ ничего. Онъ, очевидно, уже началъ крѣпиться и сомѣваться. Но настала рабочая пора, трудное время, когда деньги нужны до зарѣву и когда ихъ нельзя ничѣмъ заработать, потому

что нельзя отвлекаться от земледѣльческаго труда, и Власть опять взялъ (30-го іюня) 18 р. и процентовъ заплатилъ 1 р. 8 к. Отсрочился почти до новаго года. Осенью у него было множество расходовъ; онъ женилъ сына и извелся и деньгами и хлѣбомъ начисто. Не то что процентовъ платить, а гдѣ бы достать на свою нужду, самому деньги нужны до зарѣву. 28-го декабря, снисходительный членъ правленія опять посовѣтовалъ ему внести еще 2 р. и вновь взять 3 р. на расплату, и Власть уходитъ съ долгомъ въ 21 р., но съ 6 руб. пая, на которые онъ уже навѣрное черезъ годъ получить 90 к. прибыли.

Срокъ его платежа 28-го іюня (1876 г.)—опять трудная рабочая пора. Не добившись денегъ въ банкѣ послѣ женитьбы сына, онъ закабалился; своя работа оставлена для чужой, человекъ измался, и вотъ у Власа является новый заемъ въ 37 руб. 50 коп.—причемъ значится, что паю онъ внесъ сразу 25 руб. Можетъ показаться, что Власть вдругъ разбогатѣлъ, пошелъ въ гору, занимая такіе куши. Увы! это ему присовѣтовали. Очень можетъ быть, что онъ принесъ 25 руб., занятые у Сидора Петровича подъ процентъ, съ тѣмъ, чтобы взять въ полтора раза больше, т. е. 12—50 лишнихъ. Но какъ бы это ни случилось, занялъ ли онъ, или банкъ, по незаконной снисходительности, записалъ за нимъ эти 25 руб., вычтя ихъ изъ 37 руб.—дѣла Власа, очевидно, были плохи, такъ какъ изъ этихъ 12 руб. 50 коп. онъ заплатилъ проценты за старые 21 руб., да за новые 37—50 коп., всего за 58—50—5 руб. 27 к. (на 9 м.). Ухалъ онъ изъ банка съ громаднымъ долгомъ, почти въ 60 руб., и съ 6-ю рублями въ рукавъ.

Ухалъ и пропалъ... Не являлся онъ ни 28-го декабря 1876 года. Не являлся онъ и 28-го декабря 1877 года. Пропалъ. Болѣе полутора года человекъ этотъ мучился и терзался, опасаясь продажи имущества, о которой до него доходили слухи, передаваемые односельчанами отъ членовъ Правленія, просившихъ Власа не доводить дѣла до худова, а поступить по хорошему. «Продавай! что ж!» говорилъ онъ, не зная что придумать. Наконецъ, до него дошли слухи о томъ, что въ 1878 году будетъ происходить раздача прибыли за всѣ года, и что Власовы деньги не пропали, а все оборачивались; снисходительное правленіе все поджидало его, не хотѣло обидѣть. 12-го февраля 1878 г., Власть объявился и представился. Быть можетъ, Власть имѣлъ даже въ виду, при помощи прибыли, совсѣмъ расплатиться съ банкомъ, а, быть можетъ, у него скопилось рублей двадцать и, зная на опытъ (Власть хорошо помнилъ, сколько именно ему перешло денегъ на руки), что долженъ онъ не болѣе двадцати—онъ и сообразилъ, что лучше всего ему будетъ раздѣлаться съ банкомъ: пушай, молъ, берутъ и прибыль и все, только, молъ, меня-то выпустите по-доброу, по-здорову.

Явился онъ въ банкъ, смущенный и робкій.

Разсмотрѣвъ его книжку, завѣдующій счетною частію, должно быть, произнесъ:

— Э-э-э! братецъ ты мой! Да ты вѣдь больше, чѣмъ годъ просрочилъ!

— Да ужъ видно, что близу этого числа.

— Что жъ ты, привезъ проценты?

— Н-нѣтъ, ужъ такъ хотѣлось-бы, господинъ, чтобы ужъ начисто раздѣлаться.

— Начисто?

— Да ужъ... будетъ! Очненно далеко ѣздить (деликатная причина, выставляемая всѣми нежелающими обидѣть банковскихъ дѣателей).

— Можно и совсѣмъ. Много-ль ты привезъ денегъ?

— Да двѣ тридцатки (двѣ десяти рублевыхъ).

— Этого мало... Долженъ ты 58—50. Такъ?

— Да ужъ, стало-быть, такъ...

— Паю у тебя 31. Такъ?

— Знамо... надо быть...

— Остается за тобой 27 р. 50 к., да 9 р. 10 к. процентовъ и пени по сіе число—всего 36 р. 60 к.

— А паю-то?

— Да я ужъ его вычелъ...

— Ну, а сказывали, прибыли моль-туть набѣжало?

— Прибыли, дѣйствительно, тебѣ приходится 8 р., а за тобой все-таки 28—60 к.—все-таки 20 руб. мало...

Долго дится обоюдное молчаніе.

— Ну, что-же... какъ?...

— Да ужъ и не знаю, признаться, какъ и быть.

— Ты вотъ что, мудро совѣтуешь одно изъ тѣхъ «славныхъ деревенскихъ лицъ», которыя, будучи членами товарищества, не берутъ займы и не поручаются, а получаютъ только барыши, и очень «прикрасно» знаютъ, что барыши эти образуются именно изъ этихъ безумныхъ процентныхъ взносовъ, каковыя взносы ими и поощряются. И какимъ степеннымъ, мягкимъ, простецкимъ, даже успокоивающимъ голосомъ даетъ мудрый совѣтъ такое «славное лицо».

— А ты бы, Власъ, вотъ я тебѣ что присовѣтую. Ты вотъ прибыль-то возьми, да своихъ прибавь, да и переведись еще, пожалуй, хоть на 9 мѣсцевъ, авось и справишься... А то и двадцать рублей отдашь и все толку не будетъ. Пустить тебя вельзя... А къ осьми-то рублямъ тебѣ теперь, поди, всего патшницу какую надбавить, только и всего, безъ хлопотъ, больше ничего... И ступай съ Богомъ... Еще своихъ денегъ привезешь назадъ... Такъ-то. Какъ хочешь, мнѣ все одно. Въ случаѣ чего и къ мировому, и даже давно слѣдуетъ на этакихъ вотъ, какъ ты... А что говорю по чести, больше ничего, какъ хощи!

— Ну, ну! произносить Власъ, упорно надумавшись, произносить съ рѣшительнымъ вздохомъ и рѣшительнымъ жестомъ.

— Пяни на 9 мѣсяцовъ. Шутъ съ ней. Пушай!

И вотъ онъ вноситъ 14 р.—37 коп. процентовъ за прошлое и будущее и пени, ухлопавъ на эту операцію весь свой пятилѣтній дивидендъ и унося на плечахъ вновь долгъ полныхъ 58 рублей.

По дорогѣ онъ заѣзжаетъ въ кабакъ, и пьетъ, и шумить... и въ пьяномъ видѣ, говоритъ про «банку» пехорошія слова, даже жулакомъ грозить въ ту сторону, гдѣ пригнѣздился банкъ.

— И то есть... и Боже мой... бормочетъ онъ.—Я имъ (славныя русскія слова) дав-вирялъ, а они меня теперича до того произвели—хошь топнись... Нѣтъ, шалишь!. Н-нѣтъ, братъ! Умру, зад-душусь, а ужъ я выболтаю голову изъ этого хомута... Н-нѣтъ!.. Тутъ я тебѣ говорю, другъ! Миронъ! Тутъ съ эстими съ барша-ами—ау, братъ! Со святыми упокой! Коп-пейки не бери!.. То есть гроша ломаного не проси!.. Вотъ что я тебѣ скажу. Налей еще! Шутъ съ ней! За одно...

Чтобы ясно видѣть и понимать причину такого ожесточенія, а, главное, всю основательность его, потрудитесь вновь, еще разъ просмотрѣть всю исторію займовъ Кузьмы Калагина. Изъ этого осмотра, въ концѣ концовъ, окажется слѣдующее:

Изъ банка Власъ Калагинъ получилъ на руки или съ руки деньги только 2 раза.

1) 14 апрѣля 1874 г. онъ получилъ при вступленія 13 р. 50 к. (1 р. на свои 2 р. и 12—50 на поручителя):

и 2) 27-го іюля 1876 изъ 37 р. 50 к. вновь занятыхъ, (за вычетомъ 25 р. въ пай и 5 р. 27 к. процентовъ на общую сумму долга) у него осталось на рукахъ 6 р. 73 к.

Всего Власъ, дѣйствительно, получалъ 20 р. 23 к.

Вы ужъ знаете, что Власъ 12-го февраля 1878 г. расплатился съ банкомъ начисто, и все-таки чистаго долгу за нимъ осталось не 20 р. 23 к., а 27 р. 50,¹ т. е. гораздо больше того, что онъ взялъ въ дѣйствительности.

Банкъ же съ Власа взялъ за пользованіе этими дѣйствительно должными послѣднимъ 20 р. 23 коп., слѣдующіе капиталы:

Въ 1874 г. 2 р. 16 к.

» 1875 » 2 » 34 «

» 1876 » 5 » 27 »

» 1877 » 5 » 27 »

и 9 » 10 » пени.

Всего банкомъ за 20 руб. 23 к., взято 0/о и пени 24 р. 14. к. Правда, Власу присчитали 8 р. барышей за 5 лѣтъ. Причисливъ ихъ къ 20 р. 23 к., получимъ, что Власъ получилъ изъ банка 28—23, а уплатилъ 24 р. 14 к., то есть почти все, что взялъ, и все таки, въ концѣ-концовъ, за нимъ остается непокрытый долгъ, и притомъ большій, чѣмъ онъ бралъ, на семь руб., т. е. 27 р. 50 к.

¹ Вычитая изъ 58—50 к. 31 р. пая, который, при выходѣ Власа, пойдетъ въ уплату.

И такихъ мучениковъ — множество.

№ 35. Василий Костинъ. Декабря 31-го 1875 года, онъ внесъ сразу 5 руб. и занялъ (съ поручителемъ) 20 р., уплативъ 1 р. 20 к. (на руки получилъ 13 р. 80 к.). Юля 20-го 1876 года, онъ 20 р. возвратилъ, но ему, по случаю рабочей поры, нужны были деньги, хотя рублей съ 10. Чтобы получить ихъ, онъ вноситъ якобы 20 р. въ пай и получаетъ 30 р.; изъ нихъ онъ 2 р. 70 к. платитъ процентъ, (стало быть на руки получаетъ только 7 р. 30 к., такъ какъ 20 р., будто бы внесенные въ пай, вычитаютъ изъ 30-ти). Долгу на немъ образуется 50 р., которые онъ долженъ оплачивать по 1 к. за рубль ежесъично, тогда какъ въ дѣйствительности за нимъ только 21 р. 10 к. (13—80 и 7 р. 30 к.).

И запутавшійся такимъ быстрымъ и несообразнымъ образомъ исчезаетъ. «Ну васъ къ Вогу!»

Объявился онъ черезъ полтора года и платитъ 6 р. 75 к. пени, да 4 р. 50 к. процентовъ.

Сентября 17-го 1878 г. онъ вноситъ еще 2 р. процентовъ.

Въ книгѣ, по которой я цитирую, находится еще такое примѣчаніе: пропущено 1 р. 80 к., но я не вижу (въ какомъ именно мѣстѣ онъ пропущены и потому въ счетъ ихъ не ставлю).

Всего, стало быть, № 35 заплатилъ банку: (1 р. 20+2 р. 70+4 р. 50+6 р. 75+2 р.)=17 р. 15 к., а бралъ 21 р. 10 к. Пробыли онъ получилъ 4 р., стало быть 12 р. заплатилъ онъ за 21 р. 10 к. и остается должнымъ 25 руб.

Товарищъ № 244, № 243 понесъ убытки точь въ точь такіе же, какъ и его сосѣдъ.

№ 31. *Афонасій Задворновъ*. Членомъ съ 1-го Января 1875 г. Паю имѣетъ 12 руб.

Долгу считается за нимъ 28 р. (т. е. 16 дѣйствительныхъ).

Процентовъ и пени за три года заплатилъ 16 р. 47 к. или (вычитая дивидендъ 5 р.)—11.

Стало быть, уплативъ изъ собственного кармана 23 р. (12 паю и 11 процентами) и все-таки оставаясь должнымъ банку 28 рублей, онъ въ дѣйствительности пользовался только 16-тью рублями.

И все по уставу.

Не по уставу только снисходительность, допускаемая правленіемъ. Но спрашивается: что было бы съ товариществомъ безъ этой снисходительности? На основаніи устава, оно должно было бы черезъ первые же 9 мѣсяцевъ по открытіи быть закрыто, такъ какъ громадное большинство членовъ не могло внести всей суммы долга, вслѣдствіе чего необходимо было бы приступить къ описи и продажѣ имущества. (Порядокъ этой продажи разработанъ въ уставѣ довольно основательно). Но возможно-ли было пугать этой продажей только что-народившееся товарищество? Какъ же могутъ, послѣ этого, проницнуть въ массу какъ іа нибудь облегчающіи положеніе этихъ массъ идеи, ежели тотчасъ по появленіи такихъ идей, будетъ слѣдовать опись и про-

даже вмущества? Необходимо было дать возможность установиться дѣлу, окрѣпить, чтобы потомъ, согласно § устава, предоставляющаго общему собранію ходатайствовать объ измѣненіи устава перестроить начатое нехорошо дѣло на новый лучший ладъ. Но вотъ прошло пять лѣтъ и дѣло остается въ томъ же порядкѣ. Долгъ выростаетъ надъ стратотерпцами выше лѣсу стоячаго; кто справился—ушелъ. Кто не справился (множество)—совсѣмъ не кажетъ глазъ, пропавъ, не платитъ и слуху о себѣ не даетъ, но новый неопытный человѣкъ, котораго гонить нужда, все подходить со стороны, и число членовъ, несмотря на пропавшихъ безъ вѣсти и убравшихся по-добру по здорову, не уменьшается, а растетъ, съ каждымъ годомъ и комутъ товарищества никогда не остается празднаго. Новые члены запутываются въ него точно такъ же какъ и старые.

И представьте себѣ, что, несмотря на опытъ, безобразное положеніе товарищескихъ дѣлъ, ежегодно то «единогласно», то большинствомъ голосовъ утверждается общимъ собраніемъ всѣхъ членовъ. На нашихъ глазахъ, въ нынѣшнемъ году, были отвергнуты два слѣдующія постановленія: 1) о томъ, чтобы проценты съ 12 былъ уменьшенъ на 8 или 9 и 2) чтобы выдача дивиденда производилась не по паямъ, а по количеству переплаченныхъ членомъ процентовъ, и чтобы тотъ, кто ничего не бралъ, получалъ бы за свои деньги, какъ за заемъ, столько, сколько товарищество платитъ въ государственный банкъ, т. е. 6%.

Сказать, что эти предложенія были *дѣйствительно* отвергнуты *дѣйствительно* большинствомъ — было бы неправдой. Связывается народу на собраніе дѣйствительно много; въ нынѣшнемъ году, напримеръ, были почти всѣ 500 членовъ, но въ числѣ этихъ пятисотъ едва ли найдется человекъ 30, которые бы смогли понять всю банковую механику. Достаточно было «знатокамъ» дѣла сказать, что при меньшемъ процентѣ, не будетъ, молъ, вамъ и тѣхъ 30-ти копеекъ, которые пришлось большинству получить за 1877 годъ, чтобы 12% остались въ прежней силѣ. Предложеніе о дѣйствительно справедливомъ возвратѣ переплаченныхъ процентовъ, было мгновенно уничтожено также «знатоками» дѣла, объявившими, что какъ только такое распределеніе случится, тотчасъ же будутъ вытребованы самые большіе полные пай, а такъ какъ пай эти у мелкихъ заемщиковъ, то, стало быть, немедленно же съ этихъ заемщиковъ начнутъ взыскивать долги.

Толпа ворчать, покрахтываетъ, но слушаетъ этихъ знатоковъ, дѣйствующихъ исключительно въ свою личную пользу... Да какъ, собственно говоря, и не слушаться-то ихъ? Что такое этотъ деревенскій «знатокъ» или, вообще говоря, нарождающийся или уже народившійся кулакъ? Это такой же еще недавно на памяти у всѣхъ сѣрый, бѣдный мужикъ, какъ сѣры и бѣдны сотни ему подобныя; и вотъ этотъ-то человекъ, почти при одинаковыхъ условіяхъ съ сосѣдями, сумѣлъ (очевидно, благодаря уму и даровитости) выбраться на Божій свѣтъ, сумѣлъ устроиться луч-

ше всѣхъ, съумѣлъ лучше всѣхъ одѣться, завести хорошую скотину, сколотить деньги? Всякій знаетъ, что, чтобы выбиться изъ нужды, этому злодѣю надо было работать вдвое противъ своихъ собратьевъ. Собрать, вотъ не поѣхалъ ночью на станцію, больно, вишь, темно и грязно, и волковъ боится, а нарастающій кулакъ не задумался сѣсть съ теплой печи, и погналъ лошадей въ непогодь. У собрата ничего, а у нарастающаго кулака 1 руб. Нарождающійся кулакъ, несмотря на вьюгу и холодъ, всталъ въ глухую полночь и повезъ хлѣбъ въ городъ; онъ двумя часами послѣлъ на рынокъ раньше своихъ собратьевъ и възялъ дорожа. А сколько надобно имѣть твердости духа, чтобы отказаться отъ вина, чтобы не пить, т. е. быть трезвымъ на всѣхъ этихъ сходкахъ, праздникахъ и т. д. Словомъ, всякій знаетъ, что человѣкъ, достигшій кулачьяго званія, достигъ его, благодаря уму, твердости воли, выносливости, терпѣнью и множеству другихъ качествъ, отличающихъ даровитаго человѣка; качества, какія есть не у всякаго. Какимъ же образомъ не слушать совѣтовъ этого человѣка, который «самъ» умѣлъ выбиться изъ нужды? Надо только слушать его однимъ ухомъ, это тоже всякій знаетъ—такой человѣкъ, разумеется, будетъ гнуть въ свою сторону всегда, но вотъ это-то и нужно изучить и узнать, какъ именно надо гнуть въ свою сторону, играть себя въ руку. Нѣтъ сомнѣнн, что кулака давно бы сокрушили, сожгли, словомъ; извели; глухая злоба, касающаяся его возрастающаго благосостоянн, волнуетъ его сельчанъ-неудачниковъ; если же кулакъ продолжаетъ здравствовать, продолжаетъ расти, то этимъ онъ обязанъ исключительно только обаянню, которое производитъ его умъ. «Знанн» (чего бы ни было—все равно) и уваженн къ знанню, къ уму — вотъ что даетъ кулаку право выматывать крестьянскн животинки.

Другого направленн уму и таланту—въ деревнѣ покуда нѣтъ. Нѣтъ и другого знанн.

И такъ кулацкнй умъ и кулацкое знанн всегда настолько сильны и основательны, чтобы, если не убѣдить, то заставить замолчать небольшую кучку «пытающнхся» разсуждать деревенскихъ людей. А за этой кучкой стоитъ сплошная масса народа, который поборно, аккуратно, какъ машина, выноситъ на своихъ плечахъ тяжелое бремя и старыхъ, и новыхъ порядковъ.

Благодаря этой-то массѣ, знатоки дѣла, сидя сложа руки, получаютъ изъ товарищества, въ букввальномъ смыслѣ, громадныя дивиденды. Такъ, напримѣръ, люди, у которыхъ съ основанн товарищества былъ полный пай (50 р.), получили чрезъ четыре года по 50 р. барыша, а сѣрый человѣкъ, занявъ 12 р. 50 к. и заплативъ за нихъ въ 4 года (по 1 р. 86 к. въ годъ, считая на 15 р.), 7 р. 44 к., получилъ барыша много-много 1 р. 60—70 к., потому, во-первыхъ, что изъ 8 р. пая (который онъ вносилъ каждый годъ по 2 р.), онъ два раза ошибся, занесъ его послѣ новаго года, и четыре рубля, благодаря этому, не дали ни копейки.

Въ отношеніи распредѣленія прибыли мы могли бы представить примѣры поразительной несправедливости, если смотрѣть на дѣло «по божески», а не по банковски. Но замѣтка наша и безъ того велика, да, кромѣ того, и въ другой разѣ, въ другомъ письмѣ, быть можетъ, придется коснуться этого дѣла болѣе обстоятельно, чѣмъ теперь.

Въ концѣ концовъ, выходитъ, что сельскія товарищества не поглощаютъ капиталовъ вовсе не потому, что господа капиталисты не предлагаютъ ихъ, а потому, что ихъ нѣтъ возможности поглощать, благодаря ужасному уставу, который обставилъ дѣло мелкаго кредита такъ, что отъ него, кромѣ величайшихъ затрудненій, величайшей тяготы для народа, ничего не вышло, да и не можетъ выйти. Да, наконецъ, намъ и не надо никакихъ господъ капиталистовъ: у насъ, у нашего товарищества, есть кредитъ въ государственномъ банкѣ на 15,000 руб., а мы въ 4 года взяли только 4,000 руб. Остальныхъ мы не беремъ, такъ какъ очень хорошіе барыши, въ 4 года удваивающіе капиталъ, можемъ получать, согласно уставу, просто такъ, зря, за ничто, т. е., не давая плательщикамъ процентовъ почти никакихъ денегъ или давая вздоръ и получая за этотъ вздоръ цѣлую прорву самыхъ настоящихъ денегъ.

Г. У.

15-го ноября.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕБЮТЫ НЕКРАСОВА.

(Библиографическіе матеріалы).

Чрезъ бездны темня Насилія и Зла
Труда и Голода она меня вела ..

Некрасовъ («Муза»).

Въ тѣхъ попыткахъ біографій Н. А. Некрасова, которыя появились до сихъ поръ (гг. Скабичевского, Голубева), періодъ 1838—45 г., т. е. первыхъ годовъ пребыванія поэта въ столицѣ, признается самымъ темнымъ въ біографическомъ отношеніи. И онъ, дѣйствительно такой по недостатку чисто біографическихъ свѣдѣній, но его можно пополнить кой-какими свѣдѣніями о литературной дѣятельности поэта въ ту пору по имѣющимся печатнымъ источникамъ. Настоящія замѣтки и имѣютъ цѣлію пополнить отчасти этотъ пробѣлъ. Мы пользовались почти исключительно доступными для всѣхъ сокровищами Публичной Библіотеки. Только нѣкоторыми очень дѣльными разъясненіями и указаніями обязаны мы Федору Алексѣевичу Кони, бывшему издателю «Литера-
Т. ССХІІ.—Отд. II. 12

турной Газеты» и «Пантеона», постояннымъ сотрудникомъ которыхъ былъ Некрасовъ въ тѣ годы.

Просимъ извиненія у читателя, если сначала намъ придется, хотя очень кратко повторить, для связи, нѣсколько извѣстныхъ уже фактовъ.

Въ сентябрьской книгѣ «Сына Отечества» на 1838 годъ появилось стихотвореніе «Мысль», съ подписью Н. Некрасова и съ примѣчаніемъ редакціи, что это «первый опытъ начинающаго шестнадцатилѣтняго поэта». Кажется, незадолго передъ этимъ, Некрасовъ пріѣхалъ изъ Ярославля въ Петербургъ. Вслѣдствіе извѣстнаго уже обстоятельства — нежеланія поступить въ дворянскій полкъ и стреленія въ университетъ, между Некрасовымъ и отцомъ его произошелъ разрывъ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ то, что будущій поэтъ остался безъ всякихъ средствъ и долженъ былъ приобретать таковыя собственнымъ трудомъ. Молодой мальчикъ безъ денегъ, безъ знакомствъ, безъ подготовки — былъ предоставленъ самому себѣ. Разумѣется, онъ испытывалъ страшную нищету, хотя обратился къ литературному труду почти съ первыхъ дней своего пріѣзда въ столицу. Вслѣдъ за первымъ стихотвореніемъ, въ томъ же журналѣ, появляются другія («Безнадежность», «Человѣкъ», «Смерть», «Изгнанникъ») и даже какой-то маленькій переводъ въ прозѣ съ французскаго, доставшійся съ большимъ трудомъ. Вскорѣ послѣ этого, онъ начинаетъ готовиться въ Университетъ и имя его попадаетъ въ журналахъ рѣже, хотя въ 1839 году, время отъ времени, въ томъ же «Сынѣ Отечества» и въ «Библиотекѣ для чтенія» печатаются стихотворенія съ подписью Некрасова (это стихотворенія, которыя вошли впоследствии въ изданную въ 1840 году книжку «Мечты и Звуки»). Въ 1840 году, Некрасовъ — вольнослушатель Университета, состоитъ репетиторомъ въ приготовительномъ пансіонѣ при Дворянскомъ Полку, содержащемся преподавателемъ этого заведенія Венецкимъ. Въ числѣ товарищей Венецкаго по Дворянскому Полку, былъ Ф. А. Кони, также преподаватель, и въ то время уже издатель «Пантеона». Услышавъ отъ Венецкаго отзывъ о Некрасовѣ, какъ о юношѣ, очень даровитомъ и начинающемъ поэтѣ¹, онъ просилъ Венецкаго познакомить его съ нимъ, что тотъ и исполнилъ. Знакомство это имѣло нѣкоторое

¹ Книжка «Мечты и звуки», появилась незадолго передъ тѣмъ. Безпощадный отзывъ о ней Бѣлинскаго и хвалебные — Полевого и Плетьева — извѣстны. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ любопытной рецензіи «Литератур Газеты» (1840 года, № 16): «Названіе: «Мечты и звуки», совершенно характеризуютъ эти стихотворенія. Это не поэтическія созданія, а мечты молодого человѣка, владѣющаго стихомъ и производящаго звуки правильные и стройные, но не поэтическіе. Со временемъ, мы увѣрены, онъ самъ убѣдится въ этомъ и, оставивъ перо стихотворца, не станетъ увлекаться мечтами, а скорѣе посвятитъ себя занятіямъ дѣльнымъ, предастся наукамъ и будетъ гражданномъ полезнымъ.»

влияніе на дѣла Некрасова. Онъ оставляетъ вскорѣ послѣ этого пансіонъ Бенедиктаго и, поселясь по близости редакціи «Пантеона», (на Владимірской улицѣ,) дѣлается его дѣятельнымъ и постояннымъ сотрудникомъ съ опредѣленнымъ небольшимъ жалованьемъ. Со второго же нумера этого журнала на 1840 годъ, появляется цѣлый рядъ стихотвореній и куплетовъ Некрасова («Провинціальный подъячій въ Петербургѣ»), три отрывка, подписанные псевдонимомъ *Ө. Бобъ*, «Офелія», «Слеза разлуки» и друг.). До того времени, Некрасовъ ничего не писалъ въ прозѣ, а на стихахъ, какъ извѣстно, заработать много нельзя. На совѣты Кони, писать прозу, Некрасовъ отвѣчалъ, что онъ рѣшительно не умѣетъ и не знаетъ, о чемъ писать.— Попробуйте на первый разъ рассказать какой-нибудь извѣстный вамъ изъ жизни случай, приключеніе, совѣтуетъ ему Кони. Предложеніе принято, изобрѣтается для прозы псевдонимъ Перепельскій (имъ подписана бѣльшая часть повѣстей и рассказовъ Некрасова, но не всѣ: другіе, и не всегда лучшіе, подписаны настоящимъ именемъ) и въ № 5-мъ «Пантеона» 1840 года, появляется первый прозаическій опытъ Некрасова, повѣсть «*Макаръ Осиповичъ Случайный*», гдѣ, со всѣми заурядными романическими приѣмами того времени, рассказывается дѣйствительная исторія нѣкоего чиновника Сл—скаго, надѣлавшая въ то время нѣкотораго шума въ Петербургѣ. *Идея* этой повѣсти, содержаніе которой мы, конечно, передавать не будемъ, резюмирована въ слѣдующемъ возгласѣ героя ея Зорина: «Мазурка, мазурка! Когда-то я потерпѣлъ отъ тебя много, пускай же и другіе узнаютъ, какъ иногда ты неприятна!» Единственное мѣсто, нѣсколько выдѣляющееся на тускломъ фонѣ этой романической исторіи—это коротенькое описаніе ненастной, дождливой петербургской осенней ночи, такой ночи, когда даже тѣмъ, «которые сидятъ въ своей теплой, сухой комнатѣ, передъ растопленнымъ каминномъ, съ трубкою или сигарою въ рукахъ передъ стаканомъ чаю, въ то время, какъ у нихъ окна на дворѣ другіе мокнутъ и мерзнутъ подъ небомъ, покрытымъ тучами, это эгоистическое удовольствіе не доставляетъ отрады». Первый опытъ былъ сдѣланъ и сошелъ благополучно. О чемъ писать теперь?— Опишите себя, свое недавнее положеніе, совѣтуетъ тотъ же издатель, и Некрасовъ пишетъ рассказъ «*Безъ вѣсти пропавшій нѣмта*», имѣющій, по словамъ Кони, несомнѣнное автобіографическое значеніе, на которомъ, поэтому, мы и остановимся подольше. Замѣтимъ, что здѣсь, когда молодому автору приходится описывать лично пережитыя и выстраданныя невзгоды, у него является и живость, и меткость и что вообще этотъ и еще другой, позднѣйшій рассказъ въ томъ же родѣ, значительно выдѣляются въ этомъ отношеніи изъ массы другихъ «сочиненныхъ» повѣстей Некрасова той эпохи.

Рассказъ открывається такою, вѣроятно, списанною съ природы, сценою: «Плотно закутавшись въ шинель и дрожащій отъ холода, я лежалъ на коврѣ, разостланномъ по срединѣ моей кварти-

ры и размышлялъ о средствахъ достать чернилъ. Мнѣ нужно было непремѣнно написать одну статейку, на которой основывались всѣ надежды моего бѣднаго желудка, въ продолженіи трехъ дней голоднаго. Годъ былъ урожайный; за статьи платили мало или ничего вовсе, а ѣсть любилъ я много; ни родового, ни благопріобрѣтеннаго я не имѣлъ, слѣдовательно, почему дивиться, что мебель моя состояла изъ одного трехногаго стула и вся квартира простиралась не болѣе, какъ на шесть квадратныхъ шаговъ, половина которыхъ была отгорожена ширмою, за которою жительствовавшій мой слуга, Я находился въ тѣсныхъ обстоятельствахъ во всевозможныхъ смыслахъ этого выраженія; денегъ у меня не было ни гроша; вещей удобопродаваемыхъ тоже...» Въ такую-то тяжелую минуту, когда юный писатель, чтобъ добыть чернилъ начинаетъ осторожно смывать съ сапоговъ своихъ ваксу, является къ нему пріѣхавшій съ мѣста его родины курьезный *мита* Грибовниковъ, явившійся въ Петербургъ искать славы и богатства на литературномъ поприщѣ. Рассказчикъ писалъ на родину, роднымъ и знакомымъ, что литература обогатила его, и вотъ Грибовниковъ соблазнился этими рассказами и самъ захотѣлъ попытаться счастья въ Петербургѣ. Изъ самолюбія, рассказчикъ сначала не хотѣлъ отереть ужасной истины и говорить Грибовникову, что слухи о его богатствѣ совершенно вѣрны, и что та бѣдная обстановка, которую тотъ видитъ предъ собою, есть плодъ его своеобразной идеи: «Вамъ страннымъ можетъ показаться мой образъ жизни, говоритъ онъ:—въ этомъ признались уже всѣ мои пріатели, но нарочно для этого-то я живу такъ. Что-жь? Я могъ бы имѣть хорошую квартиру, мебель, прислугу, пару лошадей, дюжину поваровъ, кучера, дворецкого; но, знаете, все это такъ обыкновенно... Нынче этимъ не удивишь. Да и для меня это полезно; при видѣ окружающей меня бѣдности, я прилежнѣй работаю, какъ будто у меня не лежить ничего въ ломбардѣ... А чуть вспомню... вотъ и бѣда; мы писатели, люди такіе неумѣренны!» Грибовниковъ начинаетъ читать рассказчику свои произведенія и та искренность, съ которою, какъ видно, онъ надѣется на ихъ успѣхъ, его наивная провинціальная вѣра въ чудодѣйственныя свойства званія писателя, обезоруживаютъ совершенно нашего рассказчика и лишаютъ его всякой охоты инстинктивировать бѣднаго *мита*. Послѣ долгихъ попытокъ отклонить его отъ намѣренія посылать себя литературѣ, рассказчикъ не выдерживаетъ своей роли и признается ему въ своей страшной нищетѣ: «Мнѣ стало стыдно, что я морочу этого бѣднаго ребенка изъ пустого каприза казаться не тѣмъ, что я въ самомъ дѣлѣ. Я рѣшился, во что бы то ни стало, снять повязку съ глазъ Ивана Ивановича и отвратить его всевозможными средствами отъ поприща, на которомъ онъ легко можетъ испытать участь, подобную моей.—Откажитесь! воскликнулъ я:—ради Бога откажитесь отъ своего намѣренія; да или нѣтъ?.. Вамъ мало убѣжденій, которыя я привелъ; такъ знайте же, что я вамъ ска-

жу послѣднее: вы можете умереть съ голода, если не откажетесь!.. Знаете ли, что, черезъ нѣсколько часовъ, меня не станетъ!— Но вы кажется здоровы? возразилъ пѣнта.— Я умру, умру съ голоду! съ усніемъ произнесъ я и упалъ на свой коверъ въ изнеможеніи... Я во сто разъ бѣднѣе этихъ жалкихъ существъ, которыя выпрашиваютъ милостыню съ простертой рукой тамъ, на Невскомъ Проспектѣ, у Анничкина моста. О, зачѣмъ вы заставили меня вспомнить мое положеніе!..» «Вѣрите ли вы мнѣ, спросилъ я, нѣсколько успокоившись.— Видите ли теперь какъ выгодно писать изъ-за денегъ. Оставьте ли свое намѣреніе? Не вѣрите! Ха, ха, ха!.. Видно васъ крѣпко увѣрили въ мое богатствѣ. Смотрите, сказалъ я, и раскрылъ мой маленький чемоданъ, въ которомъ лежалъ мой фракъ и нѣсколько худого бѣлья:— вотъ все мое богатство! Любуйтесь, любуйтесь! Это я приобрѣлъ отъ литературы въ продолженіи пяти лѣтъ, неуспыннымъ рвеніемъ, трудами, благороднымъ желаніемъ принести пользу!..»

Въ эту минуту къ мнимому богачу являлся прачка, чиновникъ земской полиціи для высканія по жалобѣ лавочника, которому рассказчикъ, «какъ земляку», задолжалъ 50 рублей, самъ лавочникъ, и, наконецъ, квартирный хозяинъ. Всѣ требуютъ денегъ и спорятъ изъ-за его несчастнаго добришка, которое каждый хочетъ взять себѣ за долгъ, причѣмъ побѣда остается, однако, за квартирнымъ хозяиномъ.

«Нѣтъ! Это выше силъ моихъ!» восклицаетъ несчастный писатель.— Мучители, кровопійцы! Что вы отъ меня требуете?.. Вы хотите меня съ ума свести, хотите вымучить изъ меня душу, растерзать мое тѣло?»— Вы можете все это кончить гораздо для себя выгоднѣе, подаетъ тутъ благой совѣтъ практической квартирный:— немедленно оставивъ квартиру и предоставивъ принадлежашія вамъ вещи кредиторамъ.

Писатель задумался: «Но для васъ это неинтересно: охота ли читать, что происходило въ душѣ человѣка, когда у него въ желудкѣ пусто, въ кошелькѣ пусто и когда ему предстоитъ чрезъ минуту величайшее наслажденіе воскликнуть:

Мнѣ покровъ небесный сводъ —

А земля постелью!

Въ этомъ ничего нѣтъ комическаго!»

Во время этой сцены провинціальныи пѣнта исчезаетъ, оставивъ всѣ свои тетрадки въ квартирѣ рассказчика, котораго спасаетъ являющійся очень кстати для заключенія повѣствованія, «добрый дядюшка Мелентій Мелентичъ». Всѣ поиски «безъ ести пропавшаго пѣнты» Грибовникова остаются тщетны, а тетрадками его рассказчикъ предлагаетъ воспользоваться редакціи, какъ средствомъ для вызова автора изъ безвѣстнаго отсутствія.

Рассказъ этотъ, сопровождавшійся лестнымъ для Перепельскаго примѣчаніемъ редакціи, прошелъ еще успѣшнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ написанъ довольно живо. Неудаченъ въ немъ только «человѣкъ» рассказчика и языкъ театральныи лагеевъ-флю-

софовъ, которымъ онъ говоритъ, языкъ, благополучно процвѣтающій и донинѣ на нашихъ спеническихъ подмосткахъ, да еще фигура *ниты*, сдѣланная карикатурною во вкусъ того времени, т. е. все, что составляетъ собственно вымыселъ въ разсказѣ. Во всякомъ случаѣ, разсказъ этотъ представляетъ большой интересъ по своему автобиографическому значенію. Не лишены также подобнаго же интереса помѣщенные въ №№ 15 и 16 «Литературной Газеты» водевильныя сцены изъ журнальной жизни «*Утро въ редакціи*», не подписанныя, но принадлежащія несомнѣнно Некрасову, по указанію г. Кони. Здѣсь выведенъ редакторъ «Литературной Газеты» подъ именемъ Семячко и самъ авторъ, сотрудникъ его, подъ сокращеннымъ его псевдонимомъ — Пельскій. Содержание сценъ невзгоды редакторской жизни, возна съ непрошенными сотрудниками, считающими себя гениями и ужасно самолюбивыми, съ провинціальными подписчиками, актерами, объ игрѣ которыхъ газета давала отчетъ и проч. Есть тутъ много и другихъ куплетовъ, съ намеками на журнальную перебранку того времени, въ которой отличался преимущественно доблестный Булгаринъ, особенно не взлюбившій Некрасова и старавшійся не разъ всячески вредить ему.

Слѣдующая повѣсть Некрасова въ «Пантеонѣ» — *Пьявица* имѣетъ всѣ признаки вещи, написанной исключительно подъ влияніемъ крайности и для денегъ. Содержаніе ея невѣроятно, лица и событія искусственны въ высшей степени и вообще вся эта исторія, въ которой героиня носитъ имя Ангелики (она итальянка) а герои — графы и бароны — вполне невозможна. Молодому автору, безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ кому бы то ни было, извѣстно было это, въ то время, когда онъ, можетъ быть, голодный, писалъ, напри- мѣръ, начало этой повѣсти, дающее понятіе объ остальномъ: «Молодая дама, прекрасной наружности, сидѣла на кушеткѣ въ грустной задумчивости». Эта дама ждала пріѣзда своего любовника, барона Р. и, вѣроятно, вслѣдствіе этого обстоятельства у нее «отъ груди, какъ отъ раскаленнаго металла, вѣяло пламенемъ», и т. д. Однако, повѣсть была напечатана («Пантеонъ» № 11) даже, какъ будто бы нарочно, съ настоящимъ именемъ автора и ни мало не выдалась своей невозможностью изъ массы подобныхъ произведеній, украшавшихъ столбцы журналовъ того времени.

Почти тоже самое можно сказать о цѣлой серіи повѣстей и разсказовъ, которые печатаются въ слѣдующемъ году въ «Литературной Газетѣ». Изданіе «Газеты» принялъ въ этомъ году на себя издатель «Пантеона» и Некрасовъ перешелъ туда вслѣдъ за нимъ. По словамъ Кони, происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ повѣствованій было слѣдующее: «А вотъ что я сегодня *начиталъ*, говорилъ девятнадцатилѣтній писатель, входя къ своему издателю и передавая ему содержаніе прочитаннаго въ какой нибудь забытой книжкѣ. — Ну, вотъ вамъ и сюжетъ, садитесь и пишете, говорилъ ему издатель, и въ результатѣ явились разсказы, вродѣ

«*Пльвица*», «*Въ Сардиніи*» и т. п. Это было время, когда Некрасовъ оставилъ Университетъ и перебивался исключительно литературной работой. Задача состояла въ томъ, чтобы писать какъ можно больше, такъ какъ платили немного, а потому объ отдѣлкѣ, о жизненности производимаго нѣворда было и помышлять. Такимъ образомъ, въ «Литературной Газетѣ» и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ появляется цѣлый рядъ подобныхъ произведеній, содержанія которыхъ мы здѣсь не будемъ передавать, хотя просмотрѣли ихъ всѣ, такъ какъ они имѣютъ единственное значеніе, какъ факты біографіи поэта, свидѣтельствующіе о массѣ несродной ему работы и о томъ тяжеломъ трудѣ и лишеніяхъ, которые пришлось ему испытать прежде, чѣмъ выбратся на свой настоящей путь. Вотъ заглавіе этихъ сочиненій: *Двадцать пять рублей* рассказъ (Лит. Газ. № 9) *Ростовщикъ*, рассказъ (id. № 25—26), *Капитанъ Кукъ*, рассказъ (id. № 42), *Карета*, *предсмертныя записки дурака* (id. № 60), *Жизнь Александры Ивановны*, повѣсть (id. № 84—87), *Опытная женщина*, повѣсть (Отечеств. Записки, 41 г. № 10), только въ одинъ 41 годъ, не считая стихотвореній, пяти театральнхъ пьесъ и театральнхъ и журнальнхъ рецензій, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ,
За славою въ столицу торопился,
Въ семнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ,
И между тѣмъ, урывками, учился...

говорить поэтъ, вспоминая ту эпоху въ своей предсмертной поэмѣ. По словамъ свидѣтеля, на котораго ужъ мы ссылались, въ то время, Некрасовъ читалъ очень много и съ жадностью, и особенно любилъ чтеніе европейскихъ классиковъ, съ которыми, по незнанію иностранныхъ языковъ, долженъ былъ знакомиться по немногочисленнымъ русскимъ переводамъ. Иногда Кони бралъ того или другаго поэта и переводилъ подстрочно. Случалось, что Некрасовъ заимствовалъ что нибудь изъ прочитаннаго, какъ матеріалъ для своихъ литературныхъ работъ. Такъ, фабулы сказа *«Ростовщикъ»* и водевиля *«Шила въ мшихъ не утаишь»* взяты были изъ повѣстей Нарѣжнаго.

Дѣятельность драматическаго автора и водевилиста была вторымъ источникомъ средствъ къ жизни, который открылъ юный писатель. Съ особеннымъ рвеніемъ предался онъ этой дѣятельности въ 1841 году. Уже съ январскаго номера «Пантеона» выступаетъ онъ, въ качествѣ театральнаго рецензента этого журнала. Въ своемъ первомъ обзорѣни, написанномъ языкомъ живымъ и игривымъ г. Н. Н. (такъ подписывался онъ), давая отчетъ о поставленныхъ въ то время на сцену пьесахъ Шекспира и Шиллера, защищаетъ, между прочимъ, великихъ поэтовъ, духъ коихъ угаданъ имъ былъ ужъ вполне, отъ безобразныхъ перекроекъ и передѣлокъ, которыя производили надъ ними русскіе драматическыя дѣла мастера. Театральнымъ рецензентомъ Некрасовъ остается, однако, не долго. Смотрѣтъ нелѣпости, которыми

пробавлялась, за немногими исключениями, тогдашняя сцена, скоро ему надобно. Одинъ разъ, случилось, что, не въ силахъ будучи досидѣть одного изъ бенефисовъ до конца, рецензентъ ушелъ изъ театра и упомянулъ въ своемъ отчетѣ въ двухъ словахъ о заключительномъ водевилѣ, который, какъ нарочно, по болѣзни одного актера, былъ во время представленія замѣненъ другимъ. Въ слѣдующемъ же номерѣ Н. Н. разъясняетъ самъ свою «ужасную» вину, надъ которой болгаринская «Сѣверная Пчела» не преминула ужъ поострить, съ извѣстными приемами и ловкостью. Театральныя статейки появляются еще въ трехъ-четырехъ номерахъ журнала и потомъ исчезаютъ. Присмотрѣвшись къ дѣлу, Некрасовъ и самъ захотѣлъ попробовать свои силы на драматическомъ поприщѣ и принялся за водевили. Первымъ представленнымъ изъ нихъ былъ *Актеръ*, одноактный водевилъ съ куплетами, въ основу котораго положена та мысль, что актеръ—не скomorохъ, какъ смотреть на него многие въ невѣжественномъ обществѣ, а художникъ, избравшій своимъ поприщемъ сцену. Пьеса, написанная по приемамъ того времени, имѣла полнѣйшій успѣхъ, чему способствовало также прекрасное исполненіе главной роли актера, молодымъ тогда артистомъ В. В. Самойловымъ. Этотъ успѣхъ поощрилъ нашего автора и онъ ставитъ послѣдовательно, въ этомъ и въ 42 году, слѣдующія пьесы:

«Шила въ мышь не утаишь—дѣвушки подъ замкомъ не удержишь», вод. въ 2 дѣйств., сюжетъ котораго взять, какъ мы уже сказали, изъ Нарѣжнаго. Успѣхъ этой пьесы былъ также значителенъ. Какъ и всѣ другія, эта пьеска давалась съ именемъ Перепельскаго. Одному изъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», нѣкоему Л. Л. (Межевичъ), должно быть, хорошему гусю, если «похвалы его въ то время считались все тѣмъ же, что явное намѣреніе повредить молодому литератору» (см. длинное письмо Некрасова по этому поводу къ редактору «Литер. газеты» 41 г. № 62), вздумалась, хвала пьесу Перепельскаго, при этомъ удобномъ случаѣ, открыть публикѣ настоящую фамилію автора. Такое нарушеніе законовъ литературныхъ приличій встрѣтило энергическій отпоръ во многихъ изданіяхъ и, въ особенности, въ «Отеч. Запискахъ» подъ перомъ Бѣлинскаго, тогда еще незнакомаго съ Некрасовымъ. Уличенный борзописецъ оправдывался тѣмъ, что онъ не могъ не *слишать* настоящей фамиліи автора, когда послѣдній *являлся на вызовъ* публики и раскланивался изъ ложи. Оправданіе было очень неловко, такъ какъ публика вызывала Перепельскаго, а не Некрасова.

«Бескнисть Онуфріевичъ Бобъ» или *«Мужъ не въ своей тарелкѣ»*, поставленный вслѣдъ за тѣмъ, напротивъ, успѣха не удостоился, несмотря на превосходную игру Мартина въ главной роли. «Водевилъ написанъ наскоро, говорить современная рецензія:—и притомъ слишкомъ длиненъ, хотя въ немъ (прибавляетъ отчетъ «Отеч. Запис.») все-таки замѣтна способность ав-

тора». Довольно забавные куплеты о петербургской жизни, напечатанные въ «Пантеонѣ», въ представленіи были выпущены. *Дядушкины популаи* (1841) и «*Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису*» (id.)—обѣ передѣланы съ французскаго. О второй пьескѣ одинъ изъ рецензентовъ отзывался, какъ о «премиленкомъ, преумномъ водевилѣ, за который мы опять обязаны Перепельскому». Но едвали не самымъ большимъ театральнымъ успѣхомъ Перепельскаго была драма «*Материнское благословеніе*» или «*Бѣдность и честь*», поставленная въ 1842 года. Пьеса эта, переведенная съ французскаго, съ прибавленіемъ многихъ куплетовъ, одна изъ тѣхъ ловко сдѣланныхъ французскихъ мелодраммъ, съ честною основою, которыя не удовлетворяютъ зрителя, желающаго найти въ сценическомъ произведеніи художественныя качества, но до которыхъ такъ падки театральныя массы, ищущія въ пьесахъ прежде всего поученія, интересной завязки и отвѣта на честные запросы души. Драма эта обошла всѣ столичныя и провинціальныя сцены и еще недавно давалась здѣсь въ какомъ-то клубѣ или на загородныхъ театрахъ.

Последнюю вещь, написанной Некрасовымъ для сцены (въ сообществѣ съ двумя другими лицами), была комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ «*Похожденія Петра Степановича Столбикова*», передѣланная изъ неудачнаго романа Основьяненка, носящаго тоже названіе. Въ ней Перепельскому, вѣроятно, принадлежать одни куплеты, которыхъ много. Вслѣдствіе ли крайне нелестнаго отзыва «Отечественныхъ Записокъ» или перемѣнившася вкуса къ театру, Некрасовъ пересталъ писать для сцены, и на этотъ разъ навсегда. На этотъ періодъ увлеченія театромъ есть указанія въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній поэта. Такъ всѣ помнятъ предѣстную пьесу «*Въ тоскѣ по юности моей...*», посвященную памяти рано угасшей талантливой артистки Асенковой, сводившей съ ума петербургскую молодежь начала 40-хъ годовъ. Въ «*Прекрасной Парти*» поэтъ также вспоминаетъ о томъ времени въ одномъ изъ куплетовъ:

Отрада юношескихъ лѣтъ,
Подруга идеаловъ,
О сцена, сцена! Не поэтъ,
Кто не былъ театраломъ!.. и т. д.

Если вспомнить, что на этой сценѣ подвизались тогда такіе артисты, какъ Сосницкій, Маргитовъ, Асенкова, Самойловы, то это увлеченіе станетъ еще понятнѣе.

Однако, несмотря на столь разнообразную дѣятельность, матеріальное положеніе юности было по прежнему неблестательно. Издатель самъ еле дышалъ и потому не могъ платить много. Около этого-то времени, Некрасовъ входитъ въ сношенія съ книгопродавцами Ивановымъ и Поляковымъ и становится у нихъ поставщикомъ азбукъ и сказокъ. Потомъ онъ рѣшается выступить и самъ въ качествѣ издателя своихъ произведеній. Въ началѣ 1848 года, появляется его первый сборникъ «*Статейки*

въ стихахъ безъ картинокъ», заключающій въ себѣ двѣ стихотворныя шутки: «Встрѣчу стараго года съ новымъ» и первую часть «Говоруна» (записки петербургскаго жителя Оомы Артемьевича Бѣлопаткина). Живость содержанія и дешевая цѣна книжки (30 коп.) способствуютъ ея успѣху и быстрой распродажѣ. Второй томъ появляется вскорѣ за первымъ. Въ немъ помѣщены: во-первыхъ, «Жизнь и моды», философическая сказка съ такимъ содержаніемъ: нѣсколько покойниковъ: чиновникъ, помѣщикъ, актриса, левъ, сочинитель, распростившись съ земною обителью, въ видѣ тѣней, отправляются на тотъ свѣтъ и, встрѣчаясь съ душою жизни, рассказываютъ ему свои земныя похождения съ совершенной откровенностью и, въ концѣ книжки, вторая глава «Говоруна» — фельетона въ стихахъ, знакомаго всѣмъ читателямъ Некрасова, по позднѣйшей его перепечаткѣ въ «Приложеніяхъ» къ 3-й части стихотвореній¹.

Подобно первой, и вторая книжка понравилась и разошлась въ довольно большомъ количествѣ экземпляровъ. Собственно, журнальная дѣятельность Некрасова въ этомъ году, кромѣ рецензій, о которыхъ говорено будетъ ниже, ограничилась помѣщеніемъ двухъ рассказовъ: «Необыкновенный застѣнокъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ», (рассказъ изъ жизни литературной братіи, съ довольно комическими подробностями, и гдѣ, вѣроятно, есть много чертъ, списанныхъ съ природы) и «Помѣщикъ двадцати трехъ душъ» (въ «Литерат. Газ.»), не представляющій, вопреки общающему заглавію, ничего интереснаго, если не считать брошеннаго рассказчикомъ вскользь воспоминанія о «нелѣпомъ восторгѣ, который заставлялъ его бѣгать высунувши языкъ, когда онъ увидѣлъ въ «Синѣ Отечества» первое свое стихотвореніе съ примѣчаніемъ, которымъ былъ очень доволенъ, и дажѣ «о вызовахъ Александринскаго театра». Гораздо важнѣе то обстоятельство, что въ этомъ году написаны были первыя настоящія некрасовскія стихотворенія (напримѣръ, «Современная Ода»). Въ этомъ же году, по свидѣтельству Кони, послѣдовало знакомство и сближеніе Некрасова съ Бѣлинскимъ, имѣвшее такое громадное вліяніе на развитіе міросозерцанія и таланта знаменитаго поэта. Ближайшій поводъ къ нему подали нѣкоторыя рецензій Некрасова, которыми заинтересовался Бѣлинскій. Изъ слышанныхъ нами все отъ того же свидѣтеля свѣденій, Некрасовъ, увлеченный статьями Бѣлинскаго, еще раньше искалъ этого знакомства. Вѣроятно, только обиліе срочной работы помѣшало критику и поэту столкнуться раньше, хотя это и удивительно, такъ какъ Бѣлинскій, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», помѣщалъ свои статьи и въ «Литературной Газетѣ», постояннымъ сотрудникомъ которой былъ Некрасовъ. О рецензіяхъ

¹ Эти двѣ книжки составляютъ теперь величайшую библиографическую рѣдкость. Ихъ нѣтъ даже въ Публичной Библіотекѣ, такъ же какъ и «Дѣдушки Брыло ва», о которомъ мы скажемъ ниже.

Некрасова мы должны здѣсь сказать особо нѣсколько словъ. Поэтъ писалъ ихъ въ свою жизнь очень много. Онѣ разбросаны въ большей части литературныхъ журналовъ того времени — въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Литературн. прибавл. къ «Русскому Инвалиду», «Литературной Газетѣ», «Библиотека для чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ» до 1846 г., а также, вѣроятно, и въ «Финскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ 1845 и 1846 гг. О. Дершау, съ которымъ Некрасовъ былъ тогда въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Всѣ онѣ небольшого объема и, по обычаю русскихъ журналовъ, сохранившемуся до сихъ поръ, не подписаны, почему открыты и перечислены ихъ теперь въ высшей степени трудно. Вѣроятно, самъ поэтъ не помнилъ ихъ всѣхъ, а, конечно, онъ одинъ только могъ при жизни своей дать собирателю нужныя на зтоя счетъ указанія. Вотъ почему мы почти ничего не можемъ сказать покуда объ этихъ рецензіяхъ, хотя тотъ фактъ, что Бѣлинскій заинтересовался ихъ авторомъ, и говоритъ много въ ихъ пользу¹. Въ 1844 г., имя Некрасова попадаетъ только подъ стихотвореніями, но это, вѣроятно, годъ наиболѣе посвященный рецензіямъ. Въ 1845 г., Некрасовъ опять появляется въ «Литературной Газетѣ», въ качествѣ фельетониста. Фельетоны носятъ общее заглавіе «Дагеротипъ», въ которомъ сосредоточиваются «легкіе физиологическіе (слово, пошедшее тогда въ моду, съ легкой руки Бальзака) наброски, замѣтки, касающіяся общества, театра, литературы и прочъ». Первые фельетоны подписаны *Ник.-Нек* (сокращенное Николай Некрасовъ) и писаны то сти-

¹ Изъ числа рецензій Некрасова г. Кони указалъ намъ нѣсколько, напечатанныхъ въ «Литер. Газ.», въ самые первые годы литературной карьеры поэта. Тѣ изъ нихъ, которыя намъ удалось просмотрѣть, отличаются простотой, отсутствіемъ рутинны и вкусомъ. Не рѣдки въ нихъ также остроумныя замѣчанія. Это по большей части разборы стихотворныхъ сборниковъ, романовъ и проч. Вотъ заглавія ихъ: «Литературная Газета» 1841 г., № 52, «Русскія народныя сказки» — Сахарова, «Мозаисти» — Жоржъ-Занда № 67, «Перстень», преданіе, «Безпріютный», повѣсть Угрмова, № 86, «Судъ въ ревельскомъ магистратѣ», ром. Б. Корфа, 1843, № 2, Стихотворенія Н. Молчанова «Виды и неблици», № 8, «Аристократка», ром. Брандта, № 14, «Драматическія сочиненія и переводы Н. Полевого» — «Письма г-жи Безхвостовой» — «Голь хитра на выдумки», № 17, «Наполеонъ, самъ себя изображающій». «Торжество торжествъ или день св. Пасхи», № 20, «Казани», романъ Кузьмича, № 22, «Панъ Ягожинскій», № 35, «Краткая исторія грузинской церкви», № 34, «Путеводитель по Павловску», «Указатель Павловска и его достопримѣчательностей», № 42, «Драматическій альбомъ», № 38, «Стихотворенія старожила», № 43, «Молодикъ», № 48, «Михайло Чернышенко», ром. Кулиша, № 47, «Князь Курбскій», ром. В. Федорова, «Камчадалка», ром. Ключникова, 1842 г., № 53, «Альбомъ избранныхъ стихотвореній», Милюкова, «Секретъ Маши или средство внучить ся музыкѣ безъ помощи учителя», «Указатель С.-Петербурга», «Историческія свѣдѣнія о жизни препод. Евфросинія», № 7, «Дядя-художникъ», «Пять стихотвореній Ступинна». Всѣ эти заглавія списаны изъ редакціонныхъ книгъ «Литературной Газеты» тѣхъ годовъ, гдѣ они отмѣчены, какъ принадлежащія Некрасову.

хами, то прозой. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній («Новости», «Стишки, стишки, давно-ль и я былъ гений?..») «Еще изъ записокъ Вѣлопятина») вошли въ извѣстныя «Приложенія» къ третьей части стихотвореній. Другія были перепечатаны въ сборникъ «Первое апрѣля» или просто остались погребенными въ этихъ давно забытыхъ газетныхъ статейкахъ. Ихъ довольно много. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторые, наиболѣе характеристичные отрывки. Вотъ, напримѣръ, портретъ *ростовскаго*, списанный, кажется, съ дѣйствительно существовавшей личности:

...Говорятъ, есть страсти, чувство —

Не знакомъ, не лгу!

Жизнь, по моему—искуство

Наживать деньгу.

Знать, во мнѣ раненъко скупость

Охладила кровь —

Рано понялъ я, что глупость

Слава, честь, любовь,

Что весь свѣтъ похожъ на лужу,

Что друзья—обманъ.

И затѣмъ лишь лѣзутъ въ душу,

Чтобъ загнѣтъ въ карманъ.

Что отъ чести, отъ влодѣйки,

Плохи барыши,

Что подлець, кто безъ копѣйки,

А не тотъ, кто безъ души.

И я свинска понемногу

Съ ролю скунца,

И, ложась, молился Богу,

Чтобъ прибралъ отца.

Добрый, вѣжливый былъ родитель,

Но въ урочный часъ

Сверился въ горнюю обитель,

Навсегда угасъ.

Я не вынесъ такой раны,

Я на трунѣ упалъ

И, обшаривъ всѣ карманы,

Горько зарыдалъ...

Продалъ все, что было можно,

Хоть за грошъ продать.

И денюжки осторожно

Началъ въ ростъ пускать

.

И теперь зато подъ старость

Есть немножко тутъ!

(хлопаетъ себя по карману).

Пусть приходятъ люди въ ярость,

Говорятъ: овъ плутъ!

Шутки! вѣтъ, нобольше стою!

Я вѣдь знаю свѣтъ:

Лишь трахки-ка я казною,

Да задай обѣдъ,

Всѣ въ объѣзды тотчасъ къ плуту,
 Всѣ въ родню, въ друзья —
 Я честнѣйшій въ ту-жь минуту...
 Что, не такъ ли... а??

Въ небольшомъ юмористическомъ разсказѣ «Какъ опасно предаваться честолюбивымъ снамъ», есть остроумная стихотворная тирада начальника къ подчиненному, котораго онъ распекаетъ за то, что тотъ позабылъ о величїи чиновничьяго званія. Начальникъ доказываетъ, что

. . . . чиновникъ тоже, что воинство
 Для отличенъ въ гражданскомъ кругу,
 Послать на ихъ честь и достоинство
 Позвоительно развѣ врагу.
 Что занята у нихъ все важнѣйшія —
 И торги и финансы и судъ,
 И что служить все люди умнѣйшіе
 И себя благородно ведутъ,
 Что безъ нихъ бы женщины знавали,
 Наслаждался-бы свободой злодѣй,
 Что подъ часъ отъ одной караули
 Участь сотни зависитъ людей!..

Въ другомъ мѣстѣ, бесѣдуя о разныхъ литературныхъ новинкахъ, фельетонистъ вспоминаетъ прошлое и, прерывая прозу, раздражается такимъ куплетомъ:

Читатель мой! Я былъ когда-то самъ,
 Россійскихъ книгъ отъявленный ценитель,
 И яростно (не вѣрю я ушамъ,
 Но утверждалъ такъ нѣкій сочинитель)
 Уничтожилъ таланты и таланты
 Въ младыхъ сердцахъ божественное пламя..
 Но дешево издатель мнѣ платилъ —
 И бросилъ я критическое знамя.

Неизвѣстно, по этой ли самой причинѣ или по какой другой, только Некрасовъ бросаетъ вскорѣ и фельетонное знамя. Вѣрнѣе всего, что въ это время онъ весь отдался составленію и изданію своихъ брошюръ и сборниковъ, которые появляются въ этомъ году действительно одинъ за другимъ. Прежде всѣхъ выходитъ книжка «Дѣдушка Крыловъ», біографія баснописца, незадолго передъ тѣмъ скончавшагося ¹, вслѣдъ за которой появляется «Физиологія Петербурга». «Это едвали не лучший изъ всѣхъ альманаховъ, которые когда-либо издавались, говорить о немъ Бѣлинскій вслѣдъ за его появленіемъ: — потому что, во-первыхъ, въ немъ есть статьи прекрасныя и нѣтъ статей плохихъ,

¹ Она издана безъ имени составителя, но, по свидѣтельству г. Коппа, несомнѣнно принадлежитъ Некрасову. Сообщаемъ для гг. библиографовъ ея полное заглавіе: *Дѣдушка Крыловъ*, книга для подарка дѣтямъ, съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни, рисованными Агнннмъ. Спб. 1845 г., въ типографіи Крайя, въ 16 долу листа, 108 стр. Цѣна 1 р. Теперь счесть рѣдка.

а, во-вторыхъ, всѣ статьи въ немъ образуютъ собою нѣчто цѣлое, несмотря на то, что онѣ подписаны разными лицами. Физиологія Петербурга имѣетъ большой успѣхъ».

Въ концѣ перваго тома «Физиологіи», помѣщены «Петербургскіе углы» Некрасова, одно изъ хорошихъ его прозаическихъ сочиненій, имѣющее въ добавокъ и биографическій интересъ, какъ новое свидѣтельство о томъ близкомъ знакомствѣ съ міромъ гонимыхъ судьбою бѣдняковъ, которое поэту пришлось сдѣлать въ пору ранней молодости. По отзыву Вѣлинскаго, «Петербургскіе углы» могли бы украсить собою всякое изданіе. «Онѣ отличаются необыкновенной наблюдательностью и необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія. Это живая картина особаго міра жизни, который не всѣмъ извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ, картина, проникнутая мыслию». Кажется единственный изъ крупныхъ писателей своего поколѣнія, испытавшій на себѣ его нужды, Некрасовъ, чуть-ли не первый выводитъ въ этомъ разсказѣ на сцену этотъ «особый міръ жизни», который, впоследствии, рисовали намъ Помяловскіе, Слѣпцовы, Успенскіе и др.

Вотъ вкратцѣ содержаніе разсказа:

Молодой пролетарій, Тростниковъ, нанимаетъ уголь за четыре рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ у нѣкоей мѣщанки Акулины Федотовой («на фторомъ дварѣ, впадвалѣ»). Перевезши туда свои вещи (перевозка стала ему въ 10 коп.), Тростниковъ оглядывается:

«Въ комнатѣ царствовалъ матовый полусвѣтъ, какой любятъ художники; полусвѣтъ выходилъ изъ пяти низкихъ окошекъ, которыя снаружи казались стоящими на землѣ, а внутри были неестественно далеки отъ пола. Комната была вышиною аршина въ три съ половиною и имѣла свой особенный воздухъ, подобный которому можно встрѣтить только въ винныхъ погребахъ и могильныхъ склепахъ. Налѣво отъ двери, огромная русская печка съ вывалившимися кирпичами; остальное пространство до двери было завалено разнымъ хламомъ; полъ комнаты дрожалъ и гнулся подъ ногами, щели огромныя; концы нѣкоторыхъ досокъ совсѣмъ перегнили, такъ что когда ступишь на одинъ конецъ доски, другой поднимается. Стѣны комнаты были когда-то оштукатурены, одна изъ досокъ потолка, чернаго и усѣяннаго мухами, выскочила однимъ концомъ изъ подъ средняго поперечнаго бруса и торчала наклонно, чему, казалось, обитатели подвала были очень рады, ибо вѣшали на ней полотенца свои и рубахи...» Эти обитатели подвала являются вскорѣ одинъ за другимъ и Тростниковъ знакомится съ ними. Все это несчастнѣйшіе представители столичной голытьбы. Прежде всѣхъ приходитъ Дворовый Человѣкъ, изгнанный на оброкъ и явившійся искать мѣста въ Питерѣ. Не находя мѣста, онъ живетъ въ подвалѣ и въ карманѣ его въ ту минуту остается еще всего только одинъ завѣтный полтинникъ; за нимъ является Кирыаничъ, человѣкъ съ очень странной профессіей: онъ ловитъ собакъ на

улицахъ и потомъ или продаетъ ихъ, или доставляетъ владѣльцамъ, какъ находку, за что получаетъ награду и, наконецъ, Зеленый Господинъ, выгнанный давно со службы, горьчайшій пьяница—учитель, получающій крошечный пансіонъ, пропиваемый въ первые же дни мѣсяца, остальная часть котораго проходить въ шатаніи по прежнимъ знакомымъ и ученикамъ, дающимъ ему на бѣдность. По просьбѣ Двороваго Человѣка, Тростниковъ даетъ, ради своего новоселья, немного денегъ своимъ сожителямъ для покупки водки. Привозится штофъ и начинается мрачное, горькое пьянство... Въ другомъ отдѣленіи «угловъ» помѣщаются женщины. Всѣ онѣ беременны, что объясняется тѣмъ, что у Акулины Федотовны нѣчто вродѣ пріюта для роженицъ, контингентъ которыхъ, по преимуществу, составляютъ кухарки и горничныя, которымъ въ этомъ состояніи неудобно оставаться на своихъ мѣстахъ. Въ тотъ вечеръ, съ одной изъ этихъ женщинъ—горькой пьяницей—дѣлается припадокъ, вродѣ такъ называемаго *клинкушества*, который очень удачно излечиваетъ посредствомъ угрозы и крика Дворовой Человѣкъ...

Вотъ картина, которую пришлось видѣть Тростникову въ первый день своего переѣзда въ «углы» и которая, вѣроятно, списана съ натуры. Исторія Тростникова остается неразсказанной, но мы встрѣчаемся еще разъ съ этой личностью (или, лучше сказать, съ этой фамиліей, подобно тому, какъ въ двухъ стихотвореніяхъ поэта, съ Валежниковымъ) въ одномъ изъ позднѣйшихъ прозаическихъ сочиненій Некрасова—открывкѣ «Тонкій человѣкъ».

Вторая часть «Физиологіи Петербурга» появилась лѣтомъ 45 года, и, несмотря на этотъ «мертвый сезонъ» книжной торговли, встрѣтила таковой-же успѣхъ, какъ и первая.

Въ теченіи того-же года, поэтъ печатаетъ нѣсколько стихотвореній въ журналахъ (*Портреты*—въ «Пантеонѣ», *Старушки*—въ «Отеч. Записк.»—оба невошедшія въ отдѣльныя изданія), а въ началѣ 1846 года выпускаетъ альманахъ «Первое апрѣля»¹.

¹ Кромѣ эпиграммъ, пародій и извѣстной пьесы «Передъ дождемъ», въ этомъ сборникѣ обращаетъ на себя вниманіе весьма недурное стихотвореніе «Женщина, какія мною». Вотъ оно:

Она росла среди перинъ, подушекъ,
Дворовыхъ дѣвокъ, мамушекъ, старушекъ,
Подобострастныхъ, битыхъ и босыхъ...
Ее поддерживали съ уваженіемъ,
Ей ножки цѣловали съ восхищеніемъ
Въ избыткѣ чувствъ почтительно-нѣмыхъ.

И вотъ подростъ ребенокъ несравненный.
Ея родитель, человѣкъ степенный,
Въ деревнѣ прожилъ ровно двадцать лѣтъ.
Сложилась барышня, потомъ созрѣла...
И стала на свободѣ жить безъ дѣла,
Невыразимо презирая свѣтъ.

Въ томъ-же году печатаются новыя, зрѣлыя стихотворенія Некрасова, тѣ, которыя Бѣлинскій заучивалъ наизусть и пересылалъ въ письмахъ къ друзьямъ («На родинѣ», «Въ дорогѣ» и друг.) и которыя нашли вскорѣ такой отголосокъ во всей Россіи и положили основаніе славы «пѣвца народныхъ страданій». Въ концѣ года является предвѣстникъ «Современника» «Петербургскій Сборникъ» и встрѣчается огромнымъ по тому времени успѣхомъ.

Мы рассмотрѣли почти всѣ статьи и изданія Некрасова первой эпохи, причѣмъ умышленно останавливались преимущественно на прозаическихъ трудахъ, какъ на менѣе всего извѣстныхъ публикѣ. Въ «Современникѣ» Некрасовъ также печаталъ прозу. Кромѣ шутки «Привилегированная краска Дирлинга и комп.» и двухъ романовъ, написанныхъ въ сотрудничествѣ съ Станицкимъ (напечатаны: «Три страны свѣта» въ 1848 г. и «Мертвое озеро» въ 1851 г.), тамъ есть много его рецензій и фельетоновъ. Изъ критическихъ статей болѣе обширныя по объему: «О Тютчевѣ» и «О русскихъ второстепенныхъ поэтахъ». Въ 1856 г., помѣщено было еще, въ «Современникѣ» же, начало романа «Томкій человекъ», четыре тщательно отдѣланныхъ главы съ вводною драматизированною сценою, но начало такъ и осталось началомъ и романъ не былъ конченъ никогда; да еще

Она была дѣвочей идеальной,
Имѣла взглядъ глубокий и печальный,
Сидѣла подъ окошкомъ по ночамъ—
И на луну глядѣла неотвязно.
Болила лихорадочно, несвязно,
Торжественно молчала по часамъ...

Впивалась въ вѣмецкія книжонки,
Влюблялась въ прекрасныя душоны —
И тотчасъ отрекалась... навсегда...
Благословляла, плакала, вздыхала,
Пророчила, страдала... все страдала!..
И пѣла такъ фальшиво, что бѣда.

И вдругъ пошла за барина простого;
За русака дебелига, степного—

На мужа негодуя благородно
Ему дѣтей рожала ежегодно
И двойней разрѣшилась наконецъ.

Печальная, чувствительная Текла
Своихъ людей не безъ отрады сѣкла;
Играла въ карточки до пѣтуховъ,
Гусями занималась, да скотиной—
И было въ ней передъ ея кончиной
Везъ малаго четырнадцать пудовъ...

около года (съ конца 1855 г. и до августа 1856 г.) Некрасовъ писалъ тамъ же «Замѣтки о журналахъ». Одно изъ этихъ обзорѣннй начинается такими словами, звучащими теперь, какъ бы замогильною заповѣдью этого знаменитаго *журналиста* своимъ грядущимъ соратникамъ: «Путь журналиста—это путь не безъ тернй... но, покуда достаетъ любви, не страшны терни!.. Пусть же родникъ ея струится неизсякаемо въ сердцахъ русскихъ писателей, русскихъ журналистовъ, понимающихъ свое призваніе! Съ нею много добраго, много прекраснаго сдѣлаетъ русская литература, много уже сдѣлавшая, издавна игравшая и играющая такую важную роль въ развитіи нашего отечества, которое дорого каждому русскому и еще дороже должно быть каждому литератору, по самой сущности его дѣли, чуждой матерьяльнаго результата: только успѣхи отечества на поприщѣ просвѣщенія могутъ обезпечивать его личный успѣхъ, состоящій въ стремленіи оставить по себѣ память честнаго и полезнаго дѣятеля, на могилу котораго, по неизмѣнному закону Провидѣнія (благословенный законъ!) *непретменно*, рано или поздно, упадетъ одинъ изъ лучей той славы, въ блескѣ которой желаетъ онъ и самоотверженно стремится видѣть свое отечество...» Эти «Замѣтки» (онѣ не подписаны) вообще обличаютъ въ поэтѣ безпредѣльную любовь къ литературѣ и удивительные художественное чутье и вкусъ, качества, отличавшія его редакторскую дѣятельность. Въ нихъ поклонникъ поэта найдетъ много для себя интереснаго: тамъ есть превосходныя страницы о Пушкинѣ, Гоголѣ, о графѣ Львѣ Толстомъ, только-что появившемся тогда съ своими несравненными севастопольскими разсказами, и въ особенности много отзывовъ о поэтахъ, характеристикъ, въ нѣсколькихъ строкахъ рисующихъ художественную индивидуальность каждаго изъ нихъ. Есть тамъ и полемика съ славянофилами, и полемика все съ тѣмъ же Чичеринымъ объ историческомъ значеніи русской сельской общины. Но разсмотрѣніе этихъ позднѣйшихъ трудовъ не входило въ нашу задачу, которая была—знакомство съ литературными дебютами Некрасова, а потому мы отсылаемъ читателя, заинтересовавшагося нашими указаніями, къ самымъ статьямъ, которыя, конечно, не будутъ обойдены, если когда-нибудь приступлено будетъ къ изданію *избранной прозы* Некрасова, чего, полагаемъ мы, искренно желали бы многочисленныя почитатели поэта.

В. Горленко.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Последній день парижской всемірной выставки.—Ея значеніе и результаты.—Параллель между выставками 1867 и 1878 годовъ.—Національная лоттерея, ея громадный успѣхъ и методъ произведенія тиража.—Закрытие выставки рабочихъ.—Рѣчь Луи-Блана.—Банкетъ иностранныхъ секцій.—Прощальный обѣдъ представителей международной прессы въ павильонѣ Марсова Поля.

Въ воскресенье 10-го ноября, въ пять часовъ по полудни, двери зданій всемірной выставки закрылись для публики. Необходимость этого закрытія обусловила наступленіемъ поздней осени, т. е. такихъ сумрачныхъ и ненастныхъ дней, при которыхъ безъ огня даже и въ полдень нельзя было ничего хорошо разглядѣть; не будь этого обстоятельства, посѣщенія выставки легко могли быть продолжены на все то время, пока экспоненты не пожела ли бы разобрать выставленныхъ ими предметовъ. Любопытство публики далеко еще не изсякло, а для лицъ, изучавшихъ на выставкѣ какъ современное состояніе цивилизаціи различныхъ народовъ, такъ и прошлое ихъ, оставалось, вѣроятно, еще такъ много не изслѣдованнаго, по краткости времени существованія выставки, что тѣмъ позднѣе совершилось бы ея закрытіе, тѣмъ болѣе она могла бы принести пользы. Но ужъ всемірная выставка, по самой своей сущности, не могутъ быть слишкомъ продолжительными, и это ихъ основное неудобство, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ вознаградится тѣмъ, что онѣ чаще будутъ устраниваться въ различныхъ государствахъ, что послужитъ не мало и къ болѣе тѣсному, противъ настоящаго, сближенію различныхъ народовъ между собою. Пока, при невозможности обращенія въ постоянный музей предпріятія такихъ громадныхъ размѣровъ, намъ остается удовольствоваться тѣмъ, что возможно къ осуществленію. Такъ, отъ выставочныхъ построекъ, у насъ останется цѣлымъ трокадерскій дворецъ и нѣкоторая часть дворца Марсова Поля. Въ зданіяхъ этихъ предполагается устроить механическій музей, въ которомъ, въ извѣстные дни, при помощи пара, машины будутъ приводиться въ движеніе, и нѣсколько специальныхъ музеевъ этнографіи, педагогичеки и т. д. Кромѣ этихъ матерьяль-

ных остатков настоящей выставки, мы будем иметь возможность подробно и всесторонне изучить ее, при помощи особых описаний, приготовляющихся къ изданію, со всею роскошью и точностью, какихъ только можно пожелать и какія стали возможны, благодаря современному состоянію фотографии и графическихъ искусствъ. Газетныя и журнальныя свѣдѣнія объ ней, записанныя наскоро изо дня въ день, конечно, не могли быть особенно полны и основательны; за достоинство же изданія, о которомъ я говорю, ручается совокупность трудовъ цѣлой массы специалистовъ, и все даетъ право надѣяться, что и въ этомъ отношеніи, выставка 1878 года перещеголяетъ всѣхъ своихъ предшественницъ, т. е. оставитъ послѣ себя такой обильный матеріалъ для всесторонняго изученія современнаго состоянія искусствъ и промышленности, какого эти предшественницы далеко не дали. Кромѣ того, во время выставки, какъ знаютъ читатели, происходило, по инициативѣ правительства, столько конгрессовъ и публичныхъ чтеній по всѣмъ отраслямъ человеческого вѣденія, на которыхъ ученые и литературныя знаменитости со всего міра высказали такую массу свѣдѣній по своимъ специальностямъ, что уже одинъ этотъ результатъ выставки не можетъ не быть названъ драгоценнымъ. А онъ, благодаря стенографіи, сохраненъ во всей своей цѣлости и будетъ напечатанъ на счетъ правительства въ возможно скоромъ времени. Разумѣется, что изданіе всѣхъ отчетовъ, протоколовъ, записокъ и чтеній, составитъ такую громадную коллекцію, что она, по необходимости, будетъ напечатана въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и по цѣнѣ своей едва ли будетъ доступна частнымъ лицамъ. Но, если ей и не предстоитъ слишкомъ значительнаго и скорого распространенія въ публикѣ, то достаточно будетъ одного ея существованія, чтобы не безъ основанія порадоваться. Журналистика получать новѣйшій и достовѣрнѣйшій источникъ научныхъ фактовъ, свѣдѣній, наблюденій, выводовъ и соображеній, изъ котораго ей останется только умѣло черпать обѣими руками, чтобы распространять въ массахъ цѣлыя массы свѣта, знанія, опыта, въ видахъ безчисленныхъ научно-практическихъ примѣненій прогрессивнаго свойства. Вообще, наша выставка сослужила прогрессу немалую службу и если ея возникновеніе и существованіе не ознаменовались никакимъ чрезвычайнымъ и великимъ открытіемъ, то никто не станетъ, конечно, отъ нея отнимать той заслуги, что она въ весьма значительной мѣрѣ способствовала вулгаризаціи на пользу массъ всего, что въ современномъ промышленномъ производствѣ, на основаніи индивидуальнаго, національнаго и международнаго опыта, оказалось наиболѣе полезнымъ, выгоднымъ и практичнымъ.

До тѣхъ поръ, т. е. пока не произведено еще общей ликвидаціи, весьма трудно опредѣлить балансъ между затратами на выставку и доходами, которые она дала, и какъ великъ будетъ при этомъ дефицитъ, но пока достовѣрно извѣстно, что входная плата

выставки 1878 г. превышает входную плату выставки 1867 г., на 2,823,000 франковъ. Этотъ итогъ весьма знаменателенъ, если принять во вниманіе, что выставка 1867 года, которую устраивала имперія, привлекала публику своей увеселительной стороной, на которую устроителями ея было направлено чуть не главное вниманіе, между тѣмъ, какъ настоящая выставка отличалась въ этомъ отношеніи чуть не педантичнымъ ригоризмомъ. Общее число посѣщеній на нынѣшней выставкѣ доходитъ до 16 милліоновъ, такъ что на каждый день приходилось среднимъ числомъ не менѣе 82,600 посѣщеній. Имперія, тщеславившаяся своимъ демократизмомъ, выдала на свою выставку 400 тыс. даровыхъ билетовъ для солдатъ, учащихся и рабочихъ. Республиканское правительство роздало ихъ 500 тыс. однимъ парижскимъ рабочимъ, 200 тыс. солдатамъ и учащимся, до 250 тыс. провинціальнымъ рабочимъ и рабочимъ иностранцамъ, всего 950 тыс. Въ 1867 году только 254 работника изъ внутренней Франціи, получили возможность на правительственный счетъ пріѣхать на выставку въ Парижъ, причеъ на поѣздку каждаго изъ нихъ было затрчено среднимъ числомъ по пятидесяти франковъ; въ настоящемъ году около 22 тысячъ рабочихъ посѣтили Парижъ на такихъ условіяхъ и поѣздка каждаго изъ нихъ обошлась по 120 франковъ.

Такое усиленіе числа даровыхъ посѣщеній выставки, безъ отягощенія государственныхъ фондовъ, сдѣлалось возможнымъ для выставочной администраціи, благодаря успѣху національной лоттереи. Успѣхъ этотъ былъ громадный и я нахожу даже, что распорядители ея злоупотребили имъ, допустивъ число билетовъ до 12 милліоновъ, вдвое больше противъ первоначально предполагаемаго. Низкая цѣна ихъ, по одному франку, представила слишкомъ много соблазна для массъ недостаточнаго люда и возбудило въ нихъ призрачныя надежды къ обогащенію и истиннаты легкой наживы, изъ которыхъ первая осуществится для весьма не многихъ, а послѣдніе повліяютъ весьма дурно на всѣхъ. Республиканское правительство, по моему мнѣнію, не должно прибѣгать къ подобнымъ деморализирующимъ мѣропріятіямъ, но съ другой стороны, мнѣ кажутся смѣшными вопли о погибели во Франціи нравственности, подлнаты, какъ легитимистами, такъ и бонапартистами, очевидно, позабывшими какъ о «королевскихъ лоттереяхъ», такъ и о знаменитомъ розыгрышѣ въ лоттерею 1850—1851 годовъ золотого слитка, красовававшегося передъ взорами публики въ одномъ изъ домовъ Монтмартрскаго бульвара; причеъ, выигралъ ли кто его—такъ и осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ розыгрышъ былъ произведенъ какъ разъ во время катастрофы 2-го декабря.

Способъ произведенія тиража настоящей національной лоттереи весьма занимаетъ какъ общественное мнѣніе, такъ и комитетъ, составленный для его обсужденія изъ журналистовъ, экспонентовъ и чиновниковъ министерства торговли. Еслибъ тиражъ

этой лоттерей стали производить обыкновеннымъ образомъ и по принятому способу, при которомъ всѣ номера билетовъ и выигрышей вынимаются одновременно и последовательно одни вслѣдъ за другими, то на такую процедуру пришлось бы употребить не только цѣлыя недѣли, но, можетъ быть, цѣлые мѣсяцы времени. Еслибы для ускоренія обыкновеннаго способа захотѣли примѣнить электричество, то публика, при такой быстротѣ производства тиража, была бы лишена возможности провѣрять его правильность. Поэтому для розыгрыша была придумана особая смѣшанная система, состоящая въ слѣдующемъ: сначала предполагается въ одинъ сеансъ производить тиражъ при помощи особаго двѣнадцатисторонняго колеса, на каждой сторонѣ котораго изображены цифры отъ 1 до 12, должствующія изображать нумера серій, и аппарата изъ шестистороннихъ колесъ съ указаніемъ 6 чиселъ каждой серіи, на которыя должны выпасть главные выигрыши, уплачиваемые деньгами. Потомъ, когда это дѣло будетъ окончено, при пособіи одного аппарата, вынимать выигрыши каждой серіи последовательно, сообразно номерамъ и порядку, въ какомъ выигрыши эти будутъ классифицированы на особенной ихъ выставкѣ, устраиваемой въ промышленномъ дворцѣ Елисейскихъ Полей. При такой системѣ надѣются успѣть произвести весь тиражъ въ теченіи декабря, такъ чтобы выигрыши могли быть получены тѣми, на чьи билеты они падутъ, къ новому году.

Закрытіе дворца Марсоваго Поля и дворца Трокадеро произошли безъ всякой торжественности. Не такъ было съ частной выставкой рабочихъ, помѣщавшейся въ Avenue de la Bourdonnaye, закрытіе которой, въ теченіи трехъ воскресеній сряду, черезъ недѣлю послѣ закрытія большой выставки, производилось весьма парадно. Во второе же воскресенье, въ зданіи театра Шатод'о, по поводу этого закрытія, было произнесено нѣскольکو рѣчей и главныя награды экспонентамъ на суммы, собранныя по добровольной подпискѣ, раздавались въ присутствіи значительнаго числа радикальныхъ депутатовъ и членовъ муниципальнаго парижскаго совѣта. Особенно замѣчательна была рѣчь Луи Блана, изъ которой я позволяю себѣ привести слѣдующее мѣсто: «Или я жестоко ошибаюсь, любезные сограждане, сказалъ онъ:—или вы вполне поняли то, что составляетъ въ моихъ глазахъ главнѣйшую, специальную важность идеи, породившей коллективную выставку рабочихъ. Свою выставку, вы опредѣлили ту часть, какая въ произведеніяхъ промышленности принадлежитъ собственно искусству рабочаго, вы показали, чего хотите и можете достигнуть рабочій даже тогда, когда онъ предоставленъ однимъ своимъ силамъ, когда его дѣятельность проявляется отдѣльно отъ вліянія капитала, когда ею не управляетъ чужая воля. Ваша выставка противопоставляетъ живое богатство — богатству мертвому. Она утверждаетъ могущество труда человеческого, она закрѣпляетъ право рабочаго на долю почта, которая принадлежитъ ему при производствѣ. Она должна

заставить взглянуть съ уваженіемъ на трудъ тѣхъ, которые привыкли относить все къ чести капитала, направленнаго наукой и при ея пособіи достигнувшаго преобладанія въ промышленности. Она громко вопіетъ о томъ, что необходимо и на человѣка обратить нѣсколько того вниманія, которое всецѣло обращено на машины. Она напоминаетъ нѣмъ намъ, что наука должна приносить услугу человечеству, а не вытѣснять послѣднее съ принадлежащаго ему мѣста».

Въ описываемомъ мною «праздникѣ труда» приняли участіе нѣсколько народныхъ музыкальныхъ, хоральныхъ и инструментальныхъ обществъ, исполнившихъ множество патристическихъ народныхъ пѣсенъ и между прочимъ новую пѣснь труда, написанную Лораномъ де-Рилье, названную имъ «Будущность» и которая сразу сдѣлалась популярною.

Передъ закрытіемъ иностранныхъ секцій на большой выставкѣ, директоръ французской секціи Берже устроилъ въ кафе Riche банкетъ въ честь иностранныхъ генеральныхъ комиссаровъ, а они, съ своей стороны, поднесли ему на этомъ банкетѣ на память драгоценное художественное произведеніе. Берже произнесъ тостъ за «благоденствіе присутствующихъ и за миръ и благосостояніе ихъ отечествъ» и сказалъ краткую рѣчь, составленную въ весьма теплыхъ выраженіяхъ, въ заключительныхъ словахъ которой выразилъ слѣдующую мысль: «Примиреніе при посредствѣ мира (arapisement en paix) — вотъ, что должно быть настоящимъ международнымъ лозунгомъ». На рѣчь эту отвѣтилъ англичанинъ Филиппъ Конлиффъ Оуэнъ похвалами Франціи и... принцу Уэльскому, котораго онъ назвалъ «заслужившимъ одобреніе Франціи». Послѣ того говорилъ министръ Тейссеренъ де-Боръ, который отдалъ должную справедливость любезному отношенію Англии къ Франціи, но тѣмъ не менѣе, не позволилъ себѣ никакой лести этой странѣ въ ущербъ другимъ. Онъ съ одинаковою благодарностью отнесся ко всѣмъ націямъ, отвѣтившимъ готовностью и любезностью на призывъ французской республики участвовать своими произведеніями на ея праздникѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ иностранныхъ комиссаровъ, благодаря которымъ международныя отношенія распорядителей сдѣлались не только магкими, «но дружественными и сердечными». Тостъ свой онъ провозгласилъ «за иностранныхъ государей и правительства странъ, участвовавшихъ въ выставкѣ, и затѣмъ за ея организаторовъ и сотрудниковъ-иностранцевъ, которые были избраны въ качествѣ представителей своихъ національностей». Громкія рукоплесканія сопровождали этотъ международный тостъ. Затѣмъ всталъ итальянскій сенаторъ Корренти, который, по его выраженію, «въ качествѣ представителя древнѣйшей и въ тоже время самой юной изъ націй», произнесъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «Слава, вѣчная слава Франціи, которая, умѣя вдохновляться всякаго рода героизмомъ, вдохновилась на этотъ разъ героизмомъ труда. Слава Франціи и ея правительству». Въ заключе-

ние этихъ международныхъ извѣстій, произнесъ нѣсколько сочувственныхъ словъ Франціи со стороны Россіи, русскій комиссаръ Таль, которому тоже рукоплескали. И въ павильонѣ прессы Марсоваго Поля, наканунѣ закрытія выставки, тоже происходилъ праздникъ. Тамъ былъ устроенъ прощальный завтракъ, на которомъ участвовало до 200 европейскихъ, американскихъ и даже азіятскихъ журналистовъ. Къ сожалѣнію, въ устройствѣ этого прощальнаго праздника свидѣать парижской печати не принималъ участія, и на немъ не было выбрано распорядителей, которые озаботились бы о порядкѣ при произнесеніи рѣчей и заявленій. Поэтому, нѣкоторые изъ французскихъ реакціонеровъ пытались высказать нѣчто несообразное и, еслибы ихъ сразу не осаждалъ общій смѣхъ, то они, можетъ быть, Богъ знаетъ, чего бы не наговорили. Собственно удачнымъ сдѣлался этотъ праздникъ только съ того момента, когда, такъ сказать, потерялъ свой официальный характеръ и публика послѣ завтрака перешла въ изящно убранные салоны перваго этажа. Тутъ появилась самая оживленная, дружеская болтовня (сердитые реакціонеры имѣли тактъ въ-время удалиться) и общія привѣтствій, прощаній, завѣреній въ дружбѣ и т. д.

Еслибы этотъ банкетъ журналистовъ былъ лучше организованъ, то на немъ (какъ это и имѣли въ виду лица, по мысли которыхъ банкетъ осуществился) могло бы быть положено первое и прочное основаніе къ устройству гдѣ нибудь въ центрѣ Парижа мѣста для постоянной встрѣчи журналистовъ разныхъ странъ и даже къ организаціи постоянного общества для общаго взаимныхъ услугъ между аккредитованными представителями всемірной печати, но ни о чемъ подобномъ на банкетѣ вопроса не было поднято. Остается, въ этомъ случаѣ, успокоиться поговоркою, что то, что отложено, еще не потеряно и надѣяться, что и эта мысль, какъ многія другія, зародившіяся въ средѣ представителей международной печати на выставкѣ 1878 года, когда нибудь приведется къ осуществленію. Помочь этому можетъ, напримѣръ, международная ассоціація, возникшая тотчасъ же вслѣдъ за закрытіемъ литературнаго конгресса. При посредствѣ этой ассоціаціи, въ такое международное общество будутъ входить членами писатели и ученые всѣхъ странъ.

II.

Открытіе парламентскихъ сессій. — Продолженіе провѣрки полномочій. — Проверка выбора Поля де-Кассаньята и оскорбленіе имъ маршала. — Письмо къ префекту. — Дурная услуга правнмъ де-Мѣна. — Анонимный манифестъ. — Новые пожизненіе. — Кандидатуры Грезъ и Монталива. — Отсутствіе памяти у графа д'Оссонвиля. — Приготовленія къ сенаторскимъ выборамъ. — Выборъ делегатовъ. — Двѣ рѣчи де-Фурту. — Перерывъ Гамбетты. — Ралица Дюфора — Партія «безъ имени». — Дуэль между Гамбеттою и де-Фурту. — Безсиліе реакціонеровъ.

Открытіе засѣданій палаты произошло 28 го октября, и бюджетная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Гамбетты, тотчасъ же

принялась за обсужденіе бюджета на 1879 годъ. Палата депутатовъ, организовавъ свои бюро, положила не собираться до 4-го ноября, чтобы дать время высказаться реакціонерамъ сената, о воинственныхъ замыслахъ которыхъ ходило много слуховъ, но такъ какъ никакой войны не произошло, то съ перваго же засѣданія, послѣ 4-го ноября, она стала заниматься продолженіемъ провѣрки полномочій и на этотъ разъ тѣхъ изъ выборовъ, при которыхъ было совершенно наибольшее число беззаконій и неправдъ всякаго рода. Вандейскій легитимизмъ и бонапартизмъ при этомъ получили должное возмездіе въ лицѣ Леру, бывшаго вице-предсѣдателя законодательнаго корпуса, и де ла-Рошжамена, покинушаго знамя Генриха V изъ-за жалованья, которое ему было дано имперіей. Точно также былъ инвалидированъ и де-Бургуанъ, бывший шталмейстеръ Наполеона III печальной памяти. Нечего и говорить, какой крикъ подняли по этому поводу реакціонеры, утверждающіе, что республиканцы обратили провѣрку полномочій въ «безкровную гильотину», и забывающіе, что глѣные доказали свою честность и безпристрастіе, признавъ законность, по крайней мѣрѣ, ста выборовъ, которые они имѣли полное право отвергнуть всею массою, какъ официальные, а слѣдовательно и незаконные.

Три изъ новыхъ инвалидацій отличались особенною торжественностью, что понятно само собою, такъ какъ дѣло шло о такихъ рыцаряхъ печальнаго образа, какъ Поль-де-Кассаньякъ — представитель имперіи, де-Мёнъ — представитель клерикализма, и де-Фурту — живое олицетвореніе интриги 16-го мая, этого послѣдняго штурма противъ республики коалиціи монархическихъ партій.

Поль де Кассаньякъ, еще наканунѣ провѣрки его полномочій, уже началъ бѣсноваться. Дѣло шло о выборахъ Леру — и при рѣчи докладчика Клемансо, Кассаньякъ безпрестанно прерываетъ оратора. Когда Клемансо сдѣлалъ въ своей рѣчи намекъ на де-Фурту, Кассаньякъ, думавшій, что онъ говоритъ о Мак-Магонѣ, воскликнулъ: «Послѣ его вѣтвопреступленія — между этимъ человекомъ и нами нѣтъ ничего общаго!» какъ будто бы маршалъ, подобно Наполеону III, принявшему присягу служить республикѣ, принесъ такую же интересамъ реакціонеровъ, которые первые же бы его и покинули, еслибы онъ рискнулъ, напримѣръ, 13-го декабря на государственный переворотъ, и онъ бы не удался.

Взойдя на трибуну для защиты своего собственного дѣла, Кассаньякъ, этотъ безтактнѣйшій изъ политиковъ, хотя, по своей наглости и считающійся за храбрѣйшаго изъ нихъ, возобновилъ свои нападки на маршала и именно въ то самое время, когда, какъ мы увидимъ далѣе, въ сенатѣ только что сформировалось большинство борьбы!

«16-го мая, сказалъ шальной редакторъ «Pays» при дружномъ рукоплесканіи роялистовъ и имперіалистовъ: — во главѣ республики стоялъ президентъ, смотрѣвшій съ ужасомъ на респуб-

ливанцевъ; но это былъ не тотъ президентъ, котораго мы имѣемъ теперь, и я забылъ его имя». Послѣ такого вступленія, онъ началъ приводить всевозможныя цитаты изъ приказовъ по войскамъ, изъ маршальскихъ и президентскихъ манифестовъ и прокламацій времени, предшествовавшаго 14-му декабря, и отдѣльныхъ фразъ изъ нихъ въ родѣ: «Мой долгъ растетъ вмѣстѣ съ опасностью», «Я пойду до конца» и т. д. Лѣвые при этомъ безмолвствовали, правые же, съ дѣтскимъ неразуміемъ, хохотали. Разгораясь все болѣе и болѣе, ораторъ дошелъ до того, что сталъ упрекать маршала за то, что онъ не произвелъ государственнаго переворота и не измѣнилъ Франціи, такъ что предсѣдательствовавшій на собраніи Гревъ вынужденъ былъ обратиться къ нему съ слѣдующими словами: «Г. ораторъ! я не могу допустить, чтобы вы позволяли себѣ навязывать президенту республики такія мысли и желанія, которыя составляютъ государственное преступленіе».

Вообще, Кассаньякъ отнял своимъ дѣломъ у палаты цѣлыхъ два засѣданія. Безмѣрно дерзкія слова его, казалось, вызвали всѣхъ и cadaго на возраженіе, за которое можно бы вызвать возражателя на дуэль, такъ какъ извѣстно, что этотъ бретѣръ дерется почти лучше всѣхъ въ палатѣ на шпагахъ. Но почти вѣдь еще не значитъ лучше всѣхъ, и въ числѣ депутатовъ есть одно лицо, нѣкто Перенъ, дерущійся еще лучше его, а оскорбительный перерывъ Кассаньяку послѣдовалъ именно отъ него. Всѣ полагали, что послѣдствіемъ этого будетъ неизбежно катастрофа и кровопролитнѣйшая дуэль, но... Кассаньякъ—то бы могъ этого ожидать? молча и безъ возраженія проглотилъ горькую пилюлю! Гамбетта не былъ ни на одномъ изъ этихъ засѣданій, опасаясь, чтобы у него не вырвалось какого нибудь рѣзкаго замѣчанія, что могло бы только компрометировать его, какъ главу партіи и представителя національнаго общественнаго мнѣнія. Другіе вліятельные республиканцы не считали необходимымъ кассацию выбора Кассаньяка, зная напередъ, что злокачественный округъ, выбирающій его—выберетъ снова. Такого мнѣнія держался, напр., и Спюллеръ. Всѣ думали, что Кассаньякъ останется въ палатѣ, нѣкоторые же остряки утверждали, что его въ ней держать тамъ даже слѣдуетъ, какъ древніе держали на своихъ пирахъ «пьяныхъ илотовъ», но Флокэ своей рѣчью, которую онъ началъ довольно вяло, но закончилъ блистательно, выказавъ крупный ораторскій талантъ, успѣлъ убѣдить не только республиканцевъ, но даже лицъ лѣваго центра — что нивалидировать его выборъ представляетъ настоятельную необходимость. Это и рѣшило судьбу Кассаньяка, который ушелъ изъ палаты съ театральнымъ величіемъ, произнеся: «до свиданія, господа, и до свиданія скорого!» Шансы Кассаньяка на новый выборъ дѣйствительно весьма значительны, но онъ можетъ потерпѣть и неуспѣхъ, если кандидатуру противъ него рѣшится принять мѣстный окружной врачъ, докторъ Леппелажъ.

Составленіе доклада о выборѣ апостола-кирассира де Мёна было поручено Алэну Тарже—и докладъ оказался образцовымъ. Въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ, въ самыхъ мягкихъ фразахъ докладчикъ въ кровь растерзалъ свою жертву. Обвиненія противъ де Мёна и факты вмѣшательства въ его выборы духовенства и судебного сословія—приведены въ такомъ изобиліи въ докладѣ, что отдѣляться отъ нихъ, ему не было оставлено никакой возможности. Защиту свою де-Мёнъ началъ съ изложенія своего вѣчнаго profession de foi, заученнаго имъ еще въ дѣтствѣ отъ іезуитовъ, о божественномъ правѣ, и съ крайней безтактностью сталъ бросать анаэмы во всеобщую подачу голосовъ и народное самодержавіе. Бонапартисты, которые были вполне расположены его поддерживать, смутились отъ такихъ выходовъ, стали роптать и даже отправили на трибуну отъ своего имени Роберта Митчелля, чтобы «опровергнуть оратора въ принципѣ». Дѣло въ томъ, что въ Жерскомъ округѣ, точно также какъ въ департаментахъ Жиронды, Па-де-Кале и Шарантскомъ, избиратели не стали бы стоять за бонапартизмъ, еслибы они подозрѣвали, что имперія есть тотъ же клерикализмъ, контръ-революція и старый порядокъ, какъ и легитимизмъ, но только замаскированный. Если Кассаньяки, Митчелль, Руэри и имъ подобныя и могутъ еще морочить избирателей, то только потому, что въ средѣ населеній этихъ мѣстностей есть еще много наивныхъ людей, до сихъ поръ не умѣющихъ освободиться отъ обаянія, произведеннаго на нихъ первымъ Наполеономъ. Имя Наполеона (безъ различія даже прибавочнаго нумера) для этихъ простаковъ—синонимъ всего славнаго. По ихъ мнѣнію, Наполеонъ I былъ прямымъ душеприказчикомъ-исполнителемъ великой первой революціи, охранителемъ равенства во Франціи и распространителемъ ея всемірной славы, обезсмертившій себя тѣмъ, что, накануне 18 Брюмера, онъ заявилъ, что національныя земли на вѣчныя времена принадлежать тѣмъ, кто ихъ приобрѣлъ въ собственность, Наполеонъ же III потому-дескать произвелъ государственный переворотъ 2 декабря, что хотѣлъ осуществить такую конституцію, которая была бы прямымъ практическимъ примѣненіемъ принциповъ 1789 г. и узаконила бы навсегда равенство лицъ и имуществъ. Не существуй и не держись упорно въ мало развитыхъ массахъ такой легенды во Франціи, бонапартизмъ въ настоящее время ужъ нечезъ бы безслѣдно.

Вотъ почему Роберту Митчеллю, поддержанному, по крайней мѣрѣ, тремя четвертями бонапартистовъ, пришлось заявлять съ трибуны слѣдующія положенія: «Всеобщее голосованіе—главная наша охрана. Противупоставленіе божественнаго права праву народа—несостоятельно. Ораторъ, нападающій на революцію, не дѣлая различій между ея выразителями, дѣлаетъ огромную ошибку, нападая этимъ и на ту партію, къ которой принадлежитъ и которая здѣсь находится въ средѣ правыхъ»... Вслѣдъ за

тѣмъ, среди ропота правыхъ и смѣха лѣвыхъ, Митчелъ насмѣшливо обращается къ де-Мёну съ такими словами: «Для исправленія несправедливости, которая вамъ лично здѣсь угрожаетъ, вамъ самимъ, конечно, придется прибѣгнуть къ защитѣ того же всеобщаго голосованія, которое вы только что отрицали... И я, и друзья мои подадимъ свои голоса за васъ изъ уваженія къ всеобщему голосованію, вами уничтожаемому.» Послѣ этого, де-Мёнь снова продолжалъ свою рѣчь, но нисколько не отрекаясь отъ своихъ словъ, что національное право почерпается въ однѣхъ только вѣковыхъ традиціяхъ монархіи, требуетъ, чтобы бонапартисты оказали ему поддержку не только въ палатѣ, но и въ округѣ Понтиві въ имя противодѣйствія общимъ ихъ врагамъ—республиканцамъ. На слѣдующій же день, въ «Раусъ» появилась статья Гранье де-Кассаньяка, въ которой онъ, поддерживая протестъ своего единомышленника Митчеля, является въ роли ярого защитника французской революціи, и утверждаетъ, что нигде упорнѣе бонапартистовъ не стоять за народное самодержавіе и, въ свою очередь, обѣщаетъ поддержку легитимизму свою и своихъ друзей въ округѣ Понтиві, но на условіи, что империалисты найдутъ такую же поддержку отъ легитимистовъ въ Жерскомъ округѣ. Абсолютистскимъ журналамъ «Union» и «Univers» пришлось очень не по вкусу эта открытая торговля голосами въ ущербъ принципамъ, и между представителями двухъ главныхъ группъ коалиціи произошелъ обмѣнъ весьма рѣзкихъ ругательствъ, показавшій съ полною очевидностью, какъ непроченъ искусственный союзъ этихъ мнимыхъ друзей.

Между тѣмъ, коалиція эта едва только четыре дня до начала перепалки между ея адептами, успѣла, наконецъ, разрѣшиться манифестомъ къ сенаторскимъ избирателямъ. Манифестъ этотъ, составленный де-Брольи и Батби, явился безъ всякихъ подписей и безъ заявленій какихъ либо опредѣленныхъ стремленій. Кромѣ того, за два дня до статьи «Раусъ», эта анонимная и отрицательная коалиція успѣла доказать, что въ сенатѣ, до самаго обновленія трети сенаторовъ 5-го января, она все-таки будетъ составлять его большинство.

Въ сенатѣ, за послѣднее время, было три вакансіи пожизненныхъ, за смертью двухъ лѣвыхъ сенаторовъ: генерала Шаретона и Ренуара, и одного праваго—Дюпанлу. Лѣвые, назначивъ на 15-го ноября день замѣщенія этихъ вакансій, съ большимъ тактомъ выставили своими кандидатами бывшаго министра Луи-Филиппа де Монталиве, финансиста Альфреда Андрэ и генерала Грелэ—всѣхъ трехъ «конституціоналистовъ», раздѣлявшихъ взгляды Тьера, и вслѣдъ за нимъ появившихъ патриотическую необходимость стоять за республику. Этими республиканцы давали удобный и почетный выходъ тѣмъ изъ колеблющихся конституціоналистовъ междуцентральной группы, отъ присоединенія которыхъ къ лѣвымъ или правымъ зависятъ сенатское большинство. Добродушные члены сенатскаго лѣваго центра считали

этотъ случай благопріятнымъ, чтобы подать помощь своимъ бывшимъ друзьямъ окончательно освободиться изъ сѣтей, разставленныхъ имъ 16-го мая, въ которыхъ они едва не запутались и только отчасти успѣли спастись своимъ отказомъ въ декабрѣ 1877 года участвовать въ новой реакціонной попыткѣ, когда, при открытіи засѣданій сената, Одиффре-Паке, глава колеблющихся конституціоналистовъ, произнесъ нѣсколько словъ въ память умершихъ сенаторовъ, то республиканцы и либералы старались заявить ему какъ можно ярче свои симпатіи и рукоплескали.

Кандидатура Грелзъ была еще тѣмъ выгодна, что она льстила воинственной натурѣ Мак-Магона и его сильной пріязни къ Грелзъ. Рассказывали даже, что маршалъ самъ уговаривалъ своего товарища по оружію принять эту кандидатуру, даже еслибы она и не подавала особенной надежды на успѣхъ, ободряя его явобы такими знаменательными словами: «не выберутъ васъ на этотъ разъ, вы пройдете въ другой, когда послѣ 5-го января будетъ въ сенатѣ другое большинство и *est mi успокоимся!*»

Монталиве, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ и душеприкащикъ Луи-Филиппа, уже давно, какъ я своевременно говорилъ, проникся идеями друга своего Тьера, а среди самаго разгара кризиса 16 мая, извѣстнымъ своимъ письмомъ, поддержалъ заявленіе 363. Потомъ, по поводу празднованія 50-тилѣтія своего брака, издалъ весьма интересную брошюру, подъ названіемъ «Счастливый уголокъ земли», въ которой описывалъ свои наблюденія надъ благопріятными результатами, произведенными демократіей въ экономическомъ положеніи населеній двухъ общинъ, среди которыхъ расположенъ его замокъ Сансеръ. Выводы его клонятся къ тому, что экономическое процвѣтаніе страны находится въ прямой зависимости отъ степени либерализма правительства и существованія равноправности между людьми, и что хотя обѣ попытки этого рода 1830 и 1848 годахъ и не удались преимущественно по винѣ Гизо, но за послѣднее время все заставляетъ надѣяться, что, если утвердится прогрессивное управленіе настоящей республики, то должно ожидать такихъ благопріятныхъ экономическихъ результатовъ, о которыхъ въ прежнее время нельзя было бы и грезить. Кандидатуру свою онъ принялъ охотно, заявивъ, что вполне готовъ способствовать утвержденію того правительства, которое «одно можетъ обезпечить Франціи порядокъ, миръ, трудъ и свободу». И когда одинъ изъ клерикаловъ-легитимистовъ, сенаторъ отъ Дубскаго департамента, де-Меродъ, попытался напечатать въ газетахъ обвиненіе противъ Монталиве въ отступничествѣ отъ идей, создавшихъ его значеніе, то старый либералъ отвѣчалъ ему замѣчательной и глубоко прочувствованной статьей, въ которой доказывалъ, что самъ Луи-Филиппъ свято чтитъ принципы первой революціи и сохранилъ эти взгляды даже и въ самомъ изгнаніи, и что дѣти «лучшей изъ республики» Лафайэта, правнуки членовъ конвента, могли перейти въ лагерь монархистовъ «старого режима» не

иначе, какъ отречьшись отъ всѣхъ идей, въ которыхъ они воспитались и, отказавшись слѣдовать всѣмъ взглядамъ, высказаннымъ въ формальномъ завѣщаніи герцога Орлеанскаго. Какъ ни скромно были выражены эти намеки, они довели до бѣшенства правнука г-жи Сталь. Въ гнѣвѣ своемъ, де-Брольи рѣшилъ выставить кандидатомъ - соперникомъ Монталиве, своего глухого и дряхлаго двоюроднаго брата академика, графа д'Оссонвиля. Но муміи этой нельзя было выступить вновь на политическую арену безъ того, чтобы ему не напомнили тоже его прошедшаго и въ особенности его участія въ «либеральномъ союзѣ», съ цѣлью низверженія имперіи, гдѣ онъ не погнушался сообщничествомъ съ «соціализмомъ», а послѣ того, ставнувшись съ Оливье, онъ самъ сталъ служить имперіи. Формулировать эти напоминанія пало на долю «Journal des Débats». Д'Оссонвилю пришлось, такимъ образомъ, печатно отречься отъ своихъ сношеній съ революціонерами и... Гамбеттой! Съ своей стороны, и Гамбетта, обыкновенно не входящій въ полемики, въ которыя вмѣшивается его имя, напечаталъ письмо, въ которомъ разсказалъ, что д'Оссонвиль, такъ сказать, былъ воспріимникомъ отъ купели... политической его карьеры, восторженно апплодируя въ избирательномъ комитетѣ 1863 года, одной его весьма горячей рѣчи, положившей основаніе дальнѣйшимъ успѣхамъ на пути его общественно республиканской дѣятельности. Когда же Оссонвиль сталъ отпираться отъ этого, притворяясь столько же безпаметнымъ, какъ и глухимъ, то для опроверженія его была перепечатана прокламація отъ избирательнаго комитета по поводу кандидатуры несчастнаго Прево Парадола, подъ которою его имя красуется рядомъ съ неизвѣстнымъ еще въ то время именемъ Гамбетты.

Такая полемика могла бы пристыдить любого совѣстливаго человѣка, но д'Оссонвиль, обладающій мѣднымъ лбомъ, настолько же твердымъ, какъ и лобъ его кузена де-Брольи, все таки выступилъ кандидатомъ въ «пожизненные», вмѣстѣ съ бывшимъ чиновникомъ имперіи, о которомъ легитимистскій адвокатъ Беррье не стѣснялся открыто говорить, что своєю юридическою карьерою онъ обязанъ различнымъ своимъ «адюльтерамъ», и съ извѣстнымъ Нумомъ Бараньономъ.

И такой-то списокъ именъ людей, вся заслуга которыхъ заключалась въ явной ненависти къ республикѣ — прошелъ въ сенатѣ въ цѣломъ своемъ составѣ! Де-Валле получилъ 141 голосъ, д'Оссонвиль — 137 и Бараньонъ — 136. Монталиве потерпѣлъ неудачу — съ 126 голосами, что доказало очевидно для всѣхъ жалкую слѣпоту и упорную нераскаянность орлеанистовъ.

Вообще это голосованіе показало, что въ сенатѣ, при настоящемъ его составѣ, находится на 141 реакціонеровъ различныхъ оттѣнковъ только 126 республиканцевъ, и для того, чтобы республика могла удержаться, необходимо, чтобы при предстоящихъ выборахъ въ сенатъ, вмѣсто 22-хъ республиканцевъ изъ общаго

числа 75 выбывающих сенаторов вошло, по крайней мѣрѣ, 37 таковыхъ (т. е. еще новыхъ 15 голосовъ).

Какимъ образомъ производятся департаментскіе выборы смѣняемыхъ сенаторовъ, и какое значеніе при нихъ имѣютъ общинные делегаты—я уже рассказывалъ не однажды. Повидимому, нынѣ выборы делегатовъ благопріятны для республиканцевъ; большинство ихъ за республику, и всѣ предварительныя вычисленія дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что большинство выбранныхъ сенаторовъ будутъ республиканцы. Реакція уже заранѣе бьетъ тревогу. Но заранѣе знать навѣрно, конечно, ничего нельзя, такъ какъ делегатовъ выбрано 14,021, и предварительная проверка мнѣній каждаго изъ нихъ весьма затруднительна; сверхъ того, весьма многіе изъ этихъ делегатовъ, ко дню выборовъ, по болѣзни или другимъ обстоятельствамъ, замѣнятся кандидатами въ делегаты. Вѣрно одно, что весьма многія изъ этихъ лицъ—люди колеблющихся мнѣній и взгляды ихъ вполне опредѣляются только на самыхъ выборахъ. На нихъ-то и старается дѣйствовать избирательная агитація. Комитетъ дѣловыхъ, на сумми, собранный по подпискѣ (три первыхъ подписныхъ листа дали 100,000 франковъ), снабжаетъ делегатовъ и кандидатовъ въ нихъ газетами и брошюрами, и, кромѣ того, даетъ средства департаментамъ составлять сходки и собранія, на которыхъ могли бы и небогатыя лица изъ кандидатовъ въ сенаторы—показываться передъ своими избирателями. Что же касается до министерства, то оно не пользуется ни однимъ изъ средствъ для фальсификаціи выборовъ, избрѣтенныхъ второю имперією, и усовершенствованныхъ дѣятелими 16-го мая, не угрожаетъ отставкою тѣмъ чиновникамъ, которые не способствуютъ популярности тѣхъ или другихъ кандидатовъ, и не пользуется тѣми еще неотмѣненными законами, при помощи которыхъ ему легко было бы противодействовать пропагандѣ его противниковъ. Избирательная свобода для всѣхъ чрезвычайно не понутру реакціонерамъ, которые видятъ, что при ней никакія ихъ происки и маневры не удаются, что на каждую ихъ статью появляется опроверженіе, и каждая брошюра вызываетъ отвѣтную и т. д. Они начинаютъ понимать, что почти повсюду имъ приходится оставаться въ меньшинствѣ, благодаря тому, что эксплуатація невѣжества населеній дѣлается невозможной. Еслибы они были во главѣ правительства и пропаганды, то, при ихъ способахъ дѣйствія, навѣрное, въ сенатѣ получилось бы рѣшительное реакціонное большинство. Но неудача 16-го мая совершенно лишила ихъ сообразительности. Они были увѣрены, что, убѣдивъ маршала оставаться «до конца» на занимаемомъ постѣ, они будутъ имѣть въ немъ вѣское и послушное орудіе, которое поможетъ имъ добиться реакціонернаго сената, но сами же своею неспособностью и бездѣятельностью заставили маршала взглянуть серьезно на измѣненіе его положенія, и сдѣлали невозможнымъ его участіе въ дальнѣйшихъ конспираціяхъ. Даже доказавъ, что они до сихъ поръ

составляют большинство въ сенатѣ, они ничего не достигли и заставили только населеніе, стоящее за сохраненіе порядка, держаться противъ нихъ на сторожѣ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, де-Мёнъ и Митчель сумѣли вызвать роковой для нихъ антагонизмъ между сторонниками цезаризма и стараго порядка. Не умѣя соединиться ни на какомъ общемъ принципѣ, во имя котораго они могли бы повліять на массы, они оставили дѣло совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было при февральскихъ и октябрьскихъ выборахъ послѣднихъ годовъ. Массы крестьянъ уже знаютъ, что республика, единая и нераздѣльная, уже существуетъ, а восстановленіе которой либо монархіи неизбежно вызоветъ революцію, а вслѣдъ за нею и анархію.

Непризнаніе полномочій де-Фурту 18-го ноября произошло какъ нельзя болѣе встати, такъ какъ, при этой провѣркѣ, дѣло шло вовсе не о подлогахъ при выборахъ, а, какъ удачно опредѣлилъ самъ де-Фурту, о самомъ принципѣ официальной кандидатуры, осужденномъ въ лицѣ его самаго рынаго и безцеремоннаго сторонника. Пораженіе его было полнѣйшее, такъ какъ этотъ чуть ли не самый тщеславный во Франціи, послѣ де-Броли, человѣкъ не имѣетъ никакихъ качествъ высшей представительности и не обладаетъ никакими талантами, которые помогли бы ему съ достоинствомъ держаться на той высотѣ, на которую онъ, благодаря своему пролазничеству и интригамъ, вскарабкался. Защита его была самая жалкая. Не обладая находчивою дерзостью Кассаньяка, онъ безпрестанно возбуждалъ возраженія, тераясь и не умѣлъ ни на одно какъ слѣдуетъ отвѣтить. Лишенный апостольскаго величія де-Мёна, онъ на трибунѣ, при своей плѣшивости и нескладной фигурѣ, представлялъ весьма комическую высшность. Кромѣ того, у него чрезвычайно невнятное произношеніе, а, по своимъ ораторскимъ приемамъ и аргументаціи, онъ гораздо скорѣе походилъ на адвоката низшаго разбора, защищающаго по назначенію мелкаго карманнаго вора, чѣмъ на государственнаго дѣателя, отстаивающаго какой бы то не было принципъ. Онъ произнесъ не одну рѣчь, а цѣлыхъ двѣ, которыя, очевидно, составилъ заранее, и составленіе которыхъ, вѣроятно, стоило ему не мало труда, такъ какъ для каждой изъ рѣчей онъ заготовилъ по нѣскольку вступленій и эффектныхъ окончаній, выученныхъ имъ наизусть, съ цѣлью, произнести только тѣ изъ нихъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, понадобятся. Поощряемый терпѣливостью республиканцевъ, рѣшившихся спокойно выслушать всѣ его доводы, а отчасти и рукоплесканіями небольшой кучки правыхъ, онъ вынужденъ былъ вывалить сразу весь этотъ запасъ, изъ чего читатели могутъ легко понять, какъ много должно было оказаться въ его рѣчахъ послѣдовательности. Рѣчь № 1, представлявшая собою защиту Риберавскихъ выборовъ, положительно усыпила бы всю палату, еслибы не оживлялась весьма рѣзкими опроверженіями членовъ слѣдственной комиссіи чуть не cadaго положе-

нія самодовольнаго оратора. Когда же дѣло дошло до вопроса объ арестованіи, передъ самими выборами, одного избирателя, оказавшагося ни въ чемъ виновнымъ и выпущеннаго на другой же день послѣ выбора, при чемъ арестъ этотъ произведенъ былъ не кѣмъ инымъ, какъ Барди де-Фурту, двоюроднымъ братомъ самого де-Фурту, то послѣдній, желая оправдать этотъ фактъ, совершенно растерялся и высказалъ именно то, что утверждали лѣвыя, т. е., что его двоюродный братъ сдѣлалъ невольную глупость и что арестъ этотъ, не имѣющій себѣ никакого юридическаго оправданія, былъ не чѣмъ инымъ, какъ избирательнымъ маневромъ. Вторая его рѣчь, дивящаяся тоже не меньше часу, чуть не вся состояла изъ подобныхъ же неловкостей. Въ ней де-Фурту, желая оправдать 16-е мая, вмѣсто того, чтобы приводить въ его пользу какія либо смягчающія обстоятельства, позволилъ себѣ сравнить дѣйствія своего министерства съ дѣйствіями настоящаго. Онъ поддерживалъ весьма щекотливую тему, что правительство всегда бываетъ вынуждаемо дѣйствовать не совершенно правильно и прибѣгать къ неособенно справедливымъ мѣрамъ, при чемъ, разсыпаясь въ любезностяхъ передъ настоящимъ министерствомъ, чуть не говорилъ настоящимъ министрамъ: забудемъ все старое и обнимемъя, такъ какъ я и вы одного поля ягода. Такой приемъ весьма не глупъ и де-Фурту могъ бы много выиграть у своихъ слушателей, еслибъ сумѣлъ ловко имъ воспользоваться; но въ томъ-то и дѣло, что де-Фурту не обладаетъ ни остроуміемъ, ни другими какими-либо блестящими умственными способностями, и взялся за дѣло не по силѣ. Попавши случайно въ собраніе, организовавшееся «въ злосчастный день», онъ выступилъ на политическую арену, благодаря только неумѣнью Тьера выбирать людей. Поручивъ ему второстепенный портфель, Тьеръ самъ же и поплатился, такъ какъ едва де-Фурту получилъ нѣкоторое значеніе, то тотчасъ же сталъ интриговать противъ Тьера и послужилъ однимъ изъ орудій, устроившихъ его паденіе. Вообще, это самый бездарный и низменный интриганъ, попавшій случайно на высоту, которая ему совершенно не по силамъ. Желая оправдать 16-е мая и приравнять его къ 14-му декабря, онъ, помимо неправды такого сопоставленія, сдѣлалъ еще и громадную ошибку, вызвавъ этимъ разомъ и презрительное возраженіе Гамбетты и раздавившее его заявленіе Дюфора.

Какъ о возраженіи Гамбетты, такъ и о заявленіи Дюфора я позволю себѣ разсказать подробно, такъ какъ это бесспорно два событія, самыя замѣчательныя въ настоящую сессію.

Де-Фурту, воснувшійся Романской рѣчи Гамбетты, затѣялъ придать ей характеръ объявленія войны избирательнаго большинства (всего въ нѣсколько тысячъ голосовъ) меньшинству и какъ бы оставленія внѣ закона «всѣхъ французовъ, неодоушевленныхъ старою республиканскою вѣрою». — «Это ложь», произноситъ при этихъ словахъ громовымъ голосомъ Гамбетта. — «Къ порядку! къ порядку!» единодушно кричатъ правые. Предсѣдатель Гриви два

ды звонить въ колокольчикъ и воцаряется мертвая тишина. «Г. Гамбетта, говорить онъ:—вы только что употребили выраженіе, которое не должно произноситься въ этомъ собраніи. Вы сами это признаете и, я не сомнѣваюсь, поспѣшите взять его назадъ». Глава большинства подымается и самымъ любезнымъ образомъ отвѣчаетъ:—«Г. предсѣдатель, я готовъ взять назадъ свое выраженіе...», но тутъ тонъ его голоса переходитъ въ выраженіе самаго глубокаго презрѣнія и, небрежно указывая на Фурту, Гамбетта такъ оканчиваетъ свою фразу: «Я сдѣлаю это тогда, когда человекъ, находящійся на этой трибунѣ, начнетъ говорить правду». Правые поднимаютъ самый неистовый шумъ. Кюнео д'Орнано начинаетъ громко бранить республиканцевъ, но Гриви опять звонить и спокойно ироническимъ тономъ продолжаетъ: «Какъ бы ни была справедлива и истинна высказываемая мысль, регламентъ требуетъ, чтобы она выражалась въ парламентской формѣ». Гамбетта снова подымается съ мѣста и говорить: «Ваше замѣчаніе, господинъ предсѣдатель, вполне основательно и я сознаю, что употребилъ слово не парламентское; но когда человекъ, претендующій на роль правительственнаго дѣятеля, приписываетъ своимъ политическимъ противникамъ умыселъ возбужденія междоусобія и угнетенія всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ его политической вѣры, то для характеризованія его словъ, я употребилъ совершенно соответственное французское слово. Изъ уваженія къ регламенту я беру это слово назадъ». Такимъ образомъ, уваженіе къ регламенту было соблюдено, эпитетъ же «лжець» перейдетъ съ именемъ де-Фурту въ исторію.

Едва де-Фурту оставилъ трибуну, какъ на ней появился Дюфоръ. Никогда еще 80-ти лѣтній Дюфоръ не казался такимъ молодымъ, какъ при произнесеніи своего отвѣта. Хотя онъ говорить нѣсколько въ носъ, но голосъ его получилъ необыкновенную ясность и каждое его слово громко и ясно раздавалось по залѣ. Въ отвѣтъ своемъ, высказанномъ строгимъ тономъ, онъ выказалъ и непоколебимую логику, и твердое сознаніе силы и достоинства. Подлѣ меня, на трибунѣ журналистовъ, сидѣлъ одинъ членъ англійскаго парламента, который едва удержался отъ аплодисментовъ и съ восторгомъ говорилъ: Это величайшій ораторъ въ мірѣ! Какая честь Франціи!»

И это было вполне справедливо. Низости новѣйшихъ реакціонеровъ обратили Дюфора изъ бывшаго поклонника реакціи въ убѣжденнаго и либерально-интеллигентнаго республиканца. Атака де-Фурту противъ настоящаго правительства не только не принесла монархистамъ никакой пользы, не только не дала имъ въ руки никакого новаго оружія, но, напротивъ, окончательно ихъ уронила и дала поводъ Дюфору дать имъ презрительный и суровый урокъ.

«Правительству, сказалъ онъ (я привожу его рѣчь въ сокращеніи):—собственно говоря, нѣтъ никакого дѣла до выборовъ, произведенныхъ его предшественниками. Избраніе г. де-Фурту такъ

же его совсѣмъ не интересуютъ. Но дѣло въ томъ, что ораторъ личную свою защиту позволилъ себѣ обратить какъ бы въ запросъ. Правительство ждало каждый день какого-нибудь запроса въ обѣихъ палатахъ, такъ какъ, съ открытія Сессіи, г. де-Фурту и его друзья постоянно объ этомъ твердили, но, разумѣется, ждало запроса, облеченнаго въ законную форму, на который оно и отвѣтило бы «прямо, открыто, подробно и съ достоинствомъ». Что же касается до нападеній г. де-Фурту, который имѣетъ въ виду совершенно извратить характеръ настоящаго избирательнаго движенія, то правительство прежде, чѣмъ опровергать ихъ, должно слѣдять слѣдующее заявленіе: «Мы никакъ не желаемъ, чтобы наши дѣйствія смѣшивались съ дѣйствіями лицъ, создавшихъ 16 мая; мы требуемъ, чтобы насъ обсуждали *отдѣльно и независимо* отъ нихъ».

Г. Дюфоръ отрицаетъ возможность того, чтобы ему указали хотя на одинъ фактъ, который можно было бы истолковать въ смыслѣ поддержки настоящимъ правительствомъ официальной кандидатуры. Кюнео д'Орнано прерываетъ его, напоминая объ известномъ письмѣ, написанномъ имъ передъ 14 октябремъ, и опубликованіе котораго оказало дѣйствіе въ пользу республиканскаго кандидата его округа. «О! отвѣчалъ онъ: — это уже не моя вина, если моимъ частнымъ письмомъ такъ воспользовались, хотя я и очень радъ тому впечатлѣнію, какое оно произвело на избирателей». Письмо это было продиктовано мнѣ моимъ сознаніемъ, продолжалъ онъ:—и къ этимъ средствамъ мы дѣйствительно прибѣгаемъ».

Относительно смѣщеній чиновниковъ и особенно мировыхъ судей, которые завязать отъ министра юстиціи, онъ сказалъ, что смѣщеніе дѣателей 16 мая обусловилося необходимостью обновить мировую юстицію послѣ хозяйничанья въ ней де Бромъ, а недавно смѣщены были только тѣ изъ нихъ, которые въ своихъ циркулярахъ прямо дѣйствовали напереворъ однажды высказанному имъ требованію—воздержаться отъ вмѣшательства въ политику.

Потомъ онъ заявилъ свое удивленіе, что де Фурту обратился къ нему съ вопросомъ указать, что именно представляетъ его правительство? тогда какъ, бывши съ нимъ вмѣстѣ министромъ при Тьерѣ, онъ долженъ бы былъ очень хорошо это знать. При этомъ Дюфоръ съ полною ясностью перечисляетъ партіи, которымъ можно служить во Франціи: императорскую диктатуру, монархію и республику. «Оставаясь въ средѣ одной изъ этихъ партій, продолжаетъ онъ: — еще можно пользоваться общимъ почетомъ. Но есть одна партія, партія безъ имени, и которой подыскать такое, также какъ и представить какую либо программу дѣйствій — абсолютно невозможно, которая можетъ создавать только препятствія всякому правительству, и которая создала бы ихъ и правительству имперіи или реставраціи, какъ создаетъ ихъ

теперь правительству республики. Это та самая партія, къ которой принадлежит почтенный г. де-Фурту!»

Нужно ли говорить о впечатлѣніи, произведенномъ этою рѣчью Дюфора. Большинство депутатовъ и публики, наполнявшей трибуны, не желали проронить ни одного слова. Едва ораторъ кончилъ, какъ на него посыпались поздравленія и всѣ лѣвые депутаты подходили къ нему, чтобы позжать его руку—первымъ же, конечно, подошелъ Гамбетта. Огорчились только правые, видя, что всякая надежда произвести раздоръ между министерствомъ и республиканцами рушилась. Что же касается де-Фурту, то онъ совершенно растерялся, такъ что не воспользовался даже своимъ правомъ отвѣчать Дюфору и, выслушавъ, сверхъ того, рѣчь докладчика слѣдственной комиссiи, тоже весьма для него нелестную, поторопился незамѣтно исчезнуть въ то время, какъ вопросъ о непризнаніи его полномочій рѣшался, разумѣется, не въ его пользу простыми поднятiемъ рукъ.

Парламентская эвексуція де-Фурту нисколько, однакоже, не освобождаетъ ни его, ни его сообщниковъ отъ непріятныхъ счетовъ съ юстиціею, когда слѣдственная комиссiя представитъ палатамъ свои заключенія, но для этого приходится ждать времени, когда въ сенатѣ составитъ большинство, готовое осудить 16 мая.

Столкновеніе Гамбетты и де-Фурту не обошлось безъ послѣдствій. Еще засѣданіе 16-го не было окончено, какъ де-Фурту отъправилъ къ предсѣдателю бюджетной комиссiи двухъ своихъ бывшихъ товарищей депутатовъ, одного легитимиста и одного бонапартиста, съ требованіемъ объясненія, какъ понимать слово «ложь», взятое имъ назадъ только для *рекламента*. Но такъ какъ Гамбетта объясненія не далъ, то вечеромъ къ нему явились, для вызова его на дуэль отъ имени де-Фурту, въ качествѣ секундантовъ послѣдняго — бонапартисты Бленъ де-Бурдонъ и Робертъ Митчель. Для переговоровъ съ ними Гамбетта пригласилъ своими секундантами Алена Таржэ и Клемансо. Дуэль была рѣшена на пистолетахъ, на разстояніи 35 шаговъ и должна была происходить утромъ въ четвергъ, 21-го ноября въ Плесси-Пикэ. Такъ какъ изъ двухъ соперниковъ одинъ кривъ, а другой близорукъ, то дѣло это окончилось благополучно, и пули ихъ только слегка оконтузили дуэлистовъ, одного въ голову, а другого въ ногу, послѣ чего секунданты обмѣнялись рукопожатіями, а Гамбетта и де-Фурту оговорились приподнятiемъ своихъ шляпъ. Ненужно говорить, какъ усиленно занималось этою дуэлью общественное мнѣніе, и вопросъ о томъ, имѣли ли право Гамбетта и де-Фурту, какъ государственные дѣятели, рѣшать свой споръ дуэлью, разрѣшается до сихъ поръ самымъ различнымъ образомъ.

На требованія со стороны Дюфора запроса отъ правыхъ, они отозвались двоякимъ способомъ. Въ палатѣ бонапартистъ Казо потребовалъ обвиненія де-Марсера въ подготовленіи, при посредствѣ префекта, республиканской официальной кандидатуры въ пире

нейскомъ округѣ. Къ сожалѣнію, министръ на такую неправильную придирку отвѣчалъ не съ достаточною рѣзкостью, но за то лѣвыя, не вмѣшиваясь въ споръ, успѣли какъ можно скорѣе его окончить, поднявшись съ своихъ мѣстъ съ требованіемъ простого перехода къ очередному порядку. Въ сенатѣ де-Ларси внесъ запросъ о безпорядкахъ въ Марсели, но взялъ его назадъ, подъ предлогомъ того, что въ засѣданіи оказалось мало сенаторовъ, такъ какъ всѣ выходящіе разѣхались по своимъ округамъ для участія въ избирательной агитаціи. За то на трибуну появился реакціонеръ Гаварди и прочиталъ статью газеты «Evénement», въ которой судебная магистратура названа «несмѣлимою сволочью» (sapaille). Этими онъ хотѣлъ возстановить Дюфора противъ республиканцевъ. Но Дюфоръ не поддакъ на это и на всѣ крики и требованія Гаварди обратить вниманіе на это дѣло, отвѣчалъ съ презрительнымъ лаконизмомъ: «Хорошо, я займусь имъ».

Обсужденіе бюджета началось въ четвергъ 21-го ноября. Оно займетъ въ палатѣ не болѣе полуторы недѣли, въ сенатѣ не болѣе одной. Въ первой половинѣ декабря, всѣ существенныя работы парламента будутъ закончены и какъ сенаторамъ, такъ и депутатамъ можно будетъ исключительно заняться выборами 5-го января.

III.

Бюджетъ и театры: ожиданіе реформъ.—Викторъ Гюго и его недружелюбіе къ музыкѣ. — Мысль объ основаніи свободнаго опернаго театра для народа. — Возобновленіе «Сфинкса» и «Монжу» Октава Фѣлье.—Monsieur Cheribon на театрѣ Одеона.—«La Navette» театра Гимназіи.—Обозрѣніе театра «Variétés».—«Le gentilhomme-citoyen».—«Камарго» на сценѣ театра «Renaissance».—«Свадьба Фернанды» въ Комической оперѣ».

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, какъ у насъ повторяется въ известное время года одно и тоже явленіе: какъ только въ палатѣ доходить дѣло до обсужденія бюджета изящныхъ искусствъ, такъ тотчасъ же въ политическомъ и театральномъ мірѣ начинается оживленная агитація, которая обыкновенно оканчивается съ голосованіемъ бюджета и не приводитъ ни къ чему. Въ настоящее время, кажется, можно надѣяться, что, наконецъ, спутанные вопросы о правительственной субвенціи театрамъ получатъ должное разрѣшеніе. Многие, по крайней мѣрѣ, заставляютъ этого надѣяться. «Одеонъ», пользовавшійся субвенціей, подъ условіемъ представлять собою второй французскій театръ, рѣшительно не исполнилъ своего назначенія, и пора озаботиться о замѣщеніи кѣмъ-либо Алазье, умѣющаго огиально обдѣлывать свои личныя дѣла, но нисколько не способствующаго ни успѣху музыки во Франціи, ни преуспѣванію французскихъ композиторовъ

и исполнителей. Вопрос о «Большой Оперѣ», разумеется, связанъ съ выгодами или самолюбіемъ множества лицъ, почему и обсужденіе его не обходится безъ нѣкотораго скандала. Такъ, напримеръ, исправительная полиція должна была вмѣшаться въ это дѣло по поводу непристойныхъ обвиненій «Фигаро» противъ докладчика бюджетной комиссіи. Но, помимо частныхъ споровъ, въ настоящее время, когда, благодаря выставкѣ, не только французы, но и множество европейцевъ успѣли ознакомиться съ великолѣпнымъ устройствомъ зданія нашей національной академіи Музыки, возникъ вопросъ: нельзя ли изъ Оперы создать дѣйствительно первый театръ въ мірѣ, не только по красотѣ и роскоши зданія, но и по выбору произведеній, какія на немъ будутъ исполняться, также какъ и по совершенству исполненія? Изъ этого вопроса рождался другой: какъ удобнѣе достигнуть осуществленія такой цѣли, передачей ли предпріятія въ руки другого директора или восстановленіемъ казеннаго управленія? Съ другой стороны, такъ какъ осуществленіе подобной мысли потребовало бы новыхъ и значительныхъ затратъ, а для демократическаго правительства республики обязательна во всемъ строгая экономія, то не будетъ ли рациональнѣе, вмѣсто заботъ объ усовершенствованіи Большой Оперы, подумать о превращеніи ея въ народный оперный театръ? Неудачный опытъ въ послѣднемъ смыслѣ въ третьемъ году съ театромъ Шатле, быстрое банкротство Gaité, обращеннаго въ третій лирической французскій театръ, и крайній неуспѣхъ попытки сдѣлать изъ итальянскаго театра нѣчто среднее между обыкновеннымъ и народнымъ театромъ,— конечно, все это такіе факты, которые не могутъ не служить предостереженіемъ, какъ для правительства, такъ и для частныхъ предпринимателей. Но, несмотря на это, какъ министерство, такъ и бюджетная комиссія весьма сильно были озабочены изысканіемъ способовъ цѣлесообразнаго употребленія тѣхъ ста или двухсотъ тысячъ франковъ, которые обыкновенно выдаются, въ формѣ правительственной субвенціи, для поощренія молодыхъ музыкантовъ, и официально обратились къ парижскому муниципальному совѣту съ предложеніемъ, не поможетъ ли онъ успѣшному разрѣшенію этой проблемы, уступивъ даромъ для этой цѣли пользованіе однимъ изъ театровъ, принадлежащихъ городу, напримеръ, хоть Историческимъ Театромъ? На такое предложеніе весьма недружелюбно посмотрѣли любители драмъ, которымъ оперетки, каскадные пьесы и географическія затѣи, во вкусѣ Жюль-Верна, грозятъ изгнаніемъ чуть не со всѣхъ парижскихъ сценъ, и подняли громкій протестъ. Въ числѣ протестантовъ овался и Викторъ Гюго, не любящій музыку за то, что, по его словамъ, «она мѣшаетъ публикѣ слушать стихи и порождаетъ множество либретто съ плохими виршами». Вообще, Гюго, послѣ «маленькаго Наполеона», ненавидитъ всего искреннѣе итальянскихъ композиторовъ, изъ-за которыхъ либреттисты изувѣчили его «Лукрецію Борджіа», «Эрнани» и «Le Roi s'amuse». Огюсть Вагнеръ,

вѣрный взглядамъ своего учителя, разумѣется, не могъ не забыть тревоги въ «Rapport», въ защиту драмы, въ виду опасности чрезмѣрнаго, по его мнѣнію, распространенія музыки. Парижскій муниципальный совѣтъ до сихъ поръ не можетъ ни на что рѣшиться относительно сдѣланнаго ему предложенія, представляя собою какъ бы Панурга, въ то время, когда онъ былъ занятъ вопросомъ о томъ: жениться или ему не жениться?..

Министръ Барду, кромѣ того, напечаталъ въ официальномъ журналѣ приглашеніе ко всѣмъ, кто пожелаетъ сообщить ему свои взгляды и соображенія по слѣдующимъ вопросамъ: составляетъ ли полезную мѣру для преуспѣянія искусства свобода театровъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она провозглашена въ 1864 г., безъ уничтоженія театральной цензуры? и слѣдуетъ ли усилить эту цензуру или вовсе ее уничтожить, или не будетъ ли благоприятѣе вернуться къ прежнимъ опредѣленнымъ привилегіямъ театровъ, когда въ контрактахъ обозначалось, какіе театры имѣютъ право ставить пьесы того или другого рода? По поводу такого предложенія, всѣ директоры парижскихъ театровъ собрались въ фойе театра «Variétés» и результатомъ ихъ совѣщанія были слѣдующія заключенія: 1) относительно театровъ должна быть допущена полная свобода, 2) обязательный сборъ въ пользу бѣдныхъ (весьма значительный во Франціи) долженъ быть отмѣненъ и 3) кафе-шантанамъ должна быть запрещена конкуренція съ театрами. Последнее заключеніе, очевидно, недѣлю. Во-первыхъ, между театрами и кафе-шантанами провести рѣзкую границу весьма трудно, а во-вторыхъ, желать свободы себѣ и отнимать ее у ближняго — неблагоприятно. Что наша музыка, драматическое и сценическое искусство находятъ въ періодѣ упадка, объ этомъ нечего и говорить, но спасеніе ихъ, разумѣется, находится въ одной свободѣ, свободѣ полной и безъ всякихъ ограниченій и разграниченій. Для спасенія музыки уже найдено средство въ статьѣ Магнуса, знаменитаго пианиста и музыкальнаго критика, который считаетъ, что композиторовъ можно защитить и отъ опереточнаго жанра, и отъ «Большой Оперы» — устройствомъ свободнаго народнаго театра, безъ всякихъ правительственныхъ субсидій, на средства артистовъ съ одной стороны и публики — съ другой. Магнусъ давно уже обдумалъ свою мысль и собирался осуществить ее, но онъ такъ практична, что у него уже являются конкуренты, желающіе, чтобы честь ея осуществленія была приписана имъ. Такъ Детройа, редакторъ «Liberté», сталъ уже просить разрѣшенія на устройство большой лотереи, выгоды отъ которой должны послужить фондомъ для устройства такого театра, который былъ бы вполнѣ народнымъ опернымъ театромъ. Такой театръ не будетъ мѣшать публикѣ посѣщать драматическія представленія, если у насъ явятся новые драматическіе писатели и замѣчательныя произведенія, а и то, и другое непременно будетъ, если мы простамся, наконецъ,

и навсегда съ чопорной нашей опекушей—цензурой, и усвоимъ себя нравы, достойные республиканцевъ.

На театрѣ Французской Комедіи не поставлено ничего новаго. Дирекція удовольствовалась возобновленіемъ «Сфинкса» Октава Фёлье, поставленнаго ради возвращенія на сцену Круазетъ, которая очень поправилась и пополнила и поэтому менѣе танетъ за душу своей диціей. Весьма большой успѣхъ имѣла другая возобновленная и безспорно самая лучшая пьеса того же Октава Фёлье: «Монжуа» на сценѣ театра «Водевиля». Въ ней выступилъ въ первый разъ, послѣ долгаго пребыванія въ Петербургѣ, Дюпон съ громаднымъ успѣхомъ. У насъ существуетъ предубѣжденіе, что Петербургъ портитъ французскихъ актеровъ, долго въ немъ заживающихъ, но Дюпонъ служить блистательнымъ этому опроверженіемъ. Онъ у насъ окончательно выработался и приобрѣлъ такую естественность въ игрѣ и манерахъ, какой у насъ никогда бы не достигъ. Всѣ критики единодушно признали въ немъ такого артиста на серьёзные роли, какого именно недоставало Парижу...

«Одеонъ» поставилъ новую трехактную комедію Пупара-Давиля, счастливаго автора «Законной любовницы»: «Monsieur Chéribois». Комедія эта перекроена имъ изъ фельетоннаго романа Тома Ревиллона «Monsieur Jouvenel». Пьеса большого успѣха не имѣла; она вся построена на характерѣ одного лица, мастерски переданнаго хорошимъ актеромъ (Ришаръ), а этого въ наши дни мало, чтобы увлечь публику.

На сценѣ театра «Пале-Рояля» появилась пьеса à propos Нажака и Поля Моро, въ четырехъ актахъ, «Провинціалки въ Парижѣ», разумѣется, на выставкѣ. Явившись послѣ закрытія выставки, она потеряла, конечно, характеръ живого интереса дѣйствительности, между тѣмъ, ставить ее въ то время, когда Парижъ былъ полонъ гостями изъ провинціи, было бы не особенно ловко и любезно. Пьеса эта написана живо, бойко, остро, и хотя все ея содержаніе—совершеннѣйшіе пустяки и путаница, но въ отличной передачѣ Леритъе, Гіасента и Жоффрау, она вызываетъ смѣхъ у самыхъ мрачныхъ людей, а, слѣдовательно, и достигаетъ своей цѣли.

Дирекція театра «Гимназіи», уставъ, вѣроятно, въ безуспѣшной погонѣ за такою новою пьесой, которая могла бы имѣть значительный успѣхъ и обезпечить театру надолго хорошіе сборы, рѣшилась взять разнообразіемъ своей аффиши и поставила сразу четыре новыхъ одноактныхъ пьесы, да еще пригласила хоръ инвекскихъ пѣвцовъ, чтобы въ антрактахъ услаждать слухъ своей публики. Хотя всѣ четыре пьески недурны, но расчетъ дирекціи на сборы едва ли бы оправдался, еслибы въ числѣ ихъ не оказалась одна, а именно «La Navette», доставившая театру громадный успѣхъ... скандала и дѣлую гору денежныхъ знаковъ его кассѣ.

Пьеса эта принадлежитъ нѣкому Бёку, дѣтъ дѣзнацать тому

назадъ выступившему на драматическое поприще, если память мнѣ не измѣняетъ, кажется, на сценѣ театра «Сенъ-Мартенскихъ Ворота», съ весьма серьезной драмой, въ которой было не мало всякихъ достоинствъ, но которая почему-то не имѣла никакого успѣха. Такая неудача разсердила автора, и онъ рѣшился завоевать къ себѣ вниманіе публики во что бы то ни стало, забросавъ въскорѣ беспощадный этюдъ изъ парижской дѣйствительности скабрѣзнаго свойства. «Если только дирекція какого либо театра обратитъ вниманіе на эту бездѣлушку, и цензура ее пропуститъ, то обо мнѣ навѣрное заговоритъ весь Парижъ», сказалъ самому себѣ г. Бекъ, и понесъ свою шалость въ контору театра «Гимназіе». Онъ и не спибся въ своемъ расчетѣ, хотя, повидному, не было никакихъ шансовъ для того, чтобы Монтиньи придалъ этой чрезчуръ откровенной бездѣлкѣ какое-либо значеніе и рѣшился ее поставить, а также чтобы и цензура могла ее пропустить. Ждать совпаденія такихъ счастливыхъ случайностей пришлось Беку таки долго, ровно 12 лѣтъ, когда онъ самъ, по всей вѣроятности, забылъ о своей шалости. И дѣйствительно, еще понятно, что Монтиньи, послѣ разныхъ неудачъ, могъ схватиться за эту оригинальную вещьцу, какъ утопающій за соломенку, но совершенно непонятно, какъ наша дѣломудренная *Анастасія* (такъ величаютъ между собою драматическіе писатели театральную цензуру), обыкновенно столь щепетильная въ дѣлѣ буржуазной нравственности, проглядѣла инкантиную суть этой пьески и не отнеслась безрелигиозно къ той крупной соли, какою вся она пересыпана. Приходится поневолѣ думать, что этимъ она хотѣла какъ бы показать, при возникшихъ толкахъ объ ея упраздненіи, крайнюю необходимость своего сохранения на вѣки вѣчныхъ... Удалось ли это?.. и да, и нѣтъ... Въ Парижѣ, конечно, не мало людей, возмущившихся новою пьесою г. Бека, нашедшихъ «La Navette» геркулесовскими столбами безнравственности, заявляющихъ на всѣхъ перекресткахъ свое недоумѣніе, какъ это ея не запретятъ, но не мало и такихъ, которые не видятъ въ ней ничего безнравственнаго, находя, что если что нибудь въ дѣйствительности не только возможно, но сломъ и рядомъ совершается, то и на сценѣ какъ нельзя болѣе кстати.

Вся сущность этой пьески заключается въ изображеніи одной психологической черты, весьма чутко подмѣченной авторомъ въ душевномъ строѣ большинства нашихъ коготокъ, что онѣ не могутъ любить... за деньги. Любя же самыя деньги, онѣ обыкновенно стараются устроить такъ, чтобы денежныя ихъ отношенія и отношенія чисто сердечныя—стояли особнякомъ. Мало того, онѣ перестаютъ любить друзей своего сердца, едва эти друзья становятся ихъ содержателями, и тотчасъ же имъ измѣняютъ, какъ измѣнили бы всякому другому, съ которыми связывають ихъ одинъ денежный расчетъ... При этомъ, само собою разумѣется, что въ пьесѣ, написанной на такую инкантиную тему, разговоры дѣйствующихъ лицъ нисколько не напоминаютъ навѣ-

ныхъ собесѣдовавѣи монастырскихъ или институтскихъ пансіонерокъ. Но вотъ и все...

А Бѣзъ, о существованіи котораго, послѣ появленія его серьезной, искренней и горячей драмы, едва ли кто и подозрѣвалъ, служить теперь предметомъ любопытства и толковъ всего Парижа и имя его на языкѣ у всѣхъ!..

«Variétés», послѣ успѣха «Niniche», снова загребаетъ деньги лопатами, но уже не пьесой, а такъ называемымъ у насъ *général d'année*, веселымъ обзорѣиемъ всего, что произошло замѣчательнаго въ году, какія ставятся у насъ подѣ конецъ года на сценахъ многихъ театровъ.

«Обзорѣиіе» «Variétés», въ настоящемъ году, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Выставка, иллюминація Парижа, «плѣнный шаръ», публичные чтенія женщинъ и т. д., и т. д., все олицетворяется артистами передъ зрителями въ самомъ забавномъ видѣ; но особенный фуроръ производятъ талантливыя Селена Шомонъ и Готье. Послѣдняя, съ неподражаемымъ совершенствомъ, изображаетъ, какъ извѣстная Шнейдеръ исполняетъ свои роли.. въ драмахъ.

Не считите послѣдняго за шутку. Дирекція «Gaité» придумала такую несообразную приманку для публики и пригласила Шнейдеръ, которой поручаетъ роли въ драмахъ въ родѣ «Grâce de Dieu». Г-жа Готье вступилась за такую мистификацію публики, и отомстила этимъ слишкомъ безцеремонной дирекціи... которая, впрочемъ, наказана и самой публикой, переставшей посѣщать этотъ любимый ею театръ.

Театръ «Ambigu» перенесъ на свою сцену драму обоихъ Дома—отца и сына: «Юность Людовика XIV», которая идетъ со всѣми тѣми-же исполнителями, съ какими она шла на сценѣ второго французскаго театра. Третій французскій театръ, при посредствѣ дѣятельнаго Балланда, изобрѣтателя воскресныхъ утреннихъ представлений, сопровождаемыхъ объяснительнымъ чтеніемъ, продолжаетъ знакомить публику съ молодыми и начинающими французскими драматургами. Въ настоящее время, Балландъ знакомитъ публику съ новымъ авторомъ Эрнестомъ Коленомъ, написавшимъ четырехъ-актную пьесу въ стихахъ, подѣ названіемъ: «Le Gentilhomme - citoyen» — эту пьесу старыхъ французевъ, наклонѣнъ дней обращающихся въ демократовъ. Театръ Кюни, который могъ-бы смѣлѣе всякаго другого ставить новыя пьесы, такъ какъ посѣщается почти исключительно студентами, почему-то пробавляется одними возобновленіями, и въ настоящее время на немъ идетъ возобновленный «Польскій Жидъ» Эрмана и Шатриана. Ассоціація артистовъ, взявшая въ свое управленіе театръ Шатодо, каждый мѣсяцъ ставитъ какую-нибудь новую драму, изъ которыхъ до сихъ поръ не одна не выѣла прочнаго успѣха. Въ настоящее время, на сценѣ этого театра идетъ драма «Докторъ Джонсонъ», въ которой новое, къ сожалѣнію, одно только названіе.

На театрѣ Сен-Мартенскихъ воротъ идутъ, кажется, уже послѣднія представленія «Путешествія въ 80 дней», чтобы уступить мѣсто «Капитану Гранту» тѣхъ же Жюльа Верна и Деннери. Не менѣе вѣчные «Корневильскіе колокола» также съ первыхъ чиселъ декабря очистятъ мѣсто для новой оперетки Оффенбаха: «Госпожа Фаваръ»; «Коко», напротивъ, кажется, никогда не сойдетъ со сцены новаго театра «Nouveautés», а, если дирекція театра «Renaissance» и рѣшилась снять съ афиши «Маленькаго герцога» и поставить «Камарго», то это только двойная любезность какъ относительно г-жи Гранье, до-вельзя замученной, такъ и относительно Зюльмы Буфаръ, весьма долго остававшейся безъ всякаго дѣла. Переимѣна эта, впрочемъ, весьма мало ощутительна для публики, такъ какъ обѣ оперетки принадлежатъ Лекоку, весьма напоминаютъ одна другую и онъ, для послѣдняго своего произведенія, какъ говорится у насъ, переимѣнилъ только ставанъ, наливъ въ него того же вина, какимъ угощалъ публику въ «Маленькомъ герцогѣ».

«Камарго», имя знаменитой французской танцовщицы прошлаго столѣтія, произведшей балетную реформу: она первая ввела въ употребленіе трико и короткія юбки танцовщиць. Воскрешая ее, авторы либретто гг. Ванлоо и Летеррье сдѣлали «героиню ея романа» не менѣе знаменитаго атамана разбойниковъ, Мандрина, обращеннаго ими въ великодушнаго начальника контрабандистовъ. Интрига опереточнаго свойства, происходящая между ними, развивается передъ глазами зрителей въ трехъ различныхъ сферахъ, способствующихъ разнообразію въ типахъ, костюмахъ, декорацияхъ и музыкѣ. Дѣйствіе происходитъ сначала въ фойе парижскаго опернаго театра, потомъ въ старомъ замкѣ, обращенномъ въ притонъ контрабандистовъ и, наконецъ, въ погребкѣ, въ родѣ знаменитыхъ парижскихъ cabaret des Porcherons или de Rampropeau. За исключеніемъ двухъ или трехъ уступокъ дурному вкусу обычныхъ посѣтителей театра «Renaissance», въ родѣ приѣззовъ «Your, your, Javotte» или «Пѣсни о востроулѣ», Лекокъ и въ этомъ своемъ произведеніи остается тѣмъ же, чѣмъ явился со времени появленія «Дочери Анго», то-есть не опереточныкъ дѣлъ мастеромъ, безумно веселымъ или, по крайней мѣрѣ, навидывающимъ на себя такую веселость по рецепту Оффенбаха и Герве, а настоящимъ композиторомъ, такъ что и новому его произведенію, чтобы быть настоящей комической оперой, недостаетъ только буржуазной публики эпохи появленія на сценѣ «Чернаго Домино» и «Почтальона изъ Лонжюмо». Я объ этомъ уже не разъ говорилъ и даже предсказывалъ, что произведенія Лекока будутъ ставиться на сценѣ театра Комической оперы.

Въ Комической Оперѣ поставлена «Свадьба Фернанды» — слова гг. Сарду и де-Нажака, музыка Луи Деффреса. Г. Деффрестъ, ученикъ консерваторіи, получившій, уже около тридцати лѣтъ тому назадъ, римскую премію и въ продолженіи всего этого времени писавшій не дурныя одноактные вещицы, какъ «Le café du Roi»,

«Les Bourguignonnes», «Les Croquettes des pommes», ставившіяся, какъ говорится, для сѣзда каретъ. «Свадьба Фернанды» была первою его попыткою написать трехъ актную оперу и, казалось, что сотрудничество такого либреттиста, какъ академикъ Викторіенъ Сарду поможетъ успѣху музыки. Къ сожалѣнію, пьеса эта написана уже десять лѣтъ тому назадъ, а когда появился «Маленькій герцогъ» и Деффресь замѣтилъ, что обѣ эти оперы ужасно похожи одна на другую, то рѣшился передѣлать всю свою оперу, да еще выждать для постановки ея на сцену, чтобы «Маленькій герцогъ» былъ снятъ съ афиши. И что-же? несмотря на то, что «Фернанда» была обставлена такими отличными исполнителями, какъ г-жи Шеврие и Морле, несмотря на то, что прелестная Галли-Марье является въ ней въ первый разъ въ мужскомъ костюмѣ, пьеса показалась публикѣ скучной и музыка ея нисколько ее не увлекла. Все дѣло въ томъ, что новая опера рѣшительно также хороша, какъ оперы Адама, но... и только. А между тѣмъ, она имѣла-бы огромный успѣхъ, согласись только композиторъ, подобно Леоку, перенести ее на другую сцену и сдѣлать въ ней нѣсколько банальныхъ уступокъ публикѣ, подобныхъ тѣмъ, какія себѣ позволяетъ дѣлать Леоко.

Только что сказанное мною, конечно, составляетъ новое доказательство того, что, хотя наше театральное искусство вообще, а музыка въ особенности, какъ я уже не разъ говорилъ, и находится въ состояніи упадка, но упадокъ этотъ главнѣйше обуславливается тѣмъ, что и самой публикѣ слѣдуетъ измѣниться, разумѣется, въ лучшему... И такъ какъ наше политическое устройство близится къ концу, то, разумѣется, въ этомъ смыслѣ мы въ правѣ питать самыя розовыя надежды. Разъ же мы сами возродимся, возродится у насъ и искусство...

Людвигъ.

Парижъ, 30-го ноября 1878 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Энциклопедія ума или Словарь избранных мыслей авторовъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Составилъ по французскимъ источникамъ и перевелъ *Н. Макаровъ*. С.-Петербургъ. 1878 г.

Судя по эниграфу, который предпосланъ предисловію этой книги («Величайшимъ сокровищемъ было бы собраніе хорошихъ человѣческихъ мыслей»), намѣренія г. Макарова были очень обширныя. А именно: собрать «хорошія» мысли, разбросанныя въ безчисленныхъ сочиненіяхъ безчисленныхъ авторовъ, сгруппировать ихъ въ рубрики, эти послѣднія размѣстить въ алфавитномъ порядкѣ, и въ такомъ видѣ поднести свой цвѣтникъ публикѣ. Еслибы это удалось, то, по нѣкоторымъ отраслямъ знанія, не нужно было бы читать никакихъ подлинниковъ, и достаточно было бы заглянуть въ словарь г. Макарова, чтобы почувствовать себя вполне удовлетвореннымъ.

Но намѣреніе это не удалось и не могло удался. Отдѣльныя мысли, будучи вырваны изъ той логической цѣпи, въ которую онѣ были первоначально заключены, въ качествѣ необходимаго звѣна, принимаютъ характеръ непомнящихъ родства. Онѣ перестаютъ быть мыслями, и дѣлаются краткими и притомъ совершенно случайными изрѣченіями, о которыхъ нельзя сказать, на сколько они вѣрны или ложны, потому что Богъ вѣсть откуда они явились и куда могутъ привести. Поэтому, будучи соединены вмѣстѣ съ другими «мыслями», высказанными по тому же предмету, въ одну рубрику, онѣ представляютъ несвязный и неклепный сбродъ, а будучи взяты отдѣльно, каждая сама по себѣ, онѣ являются чистѣйшимъ пустословіемъ.

Слѣдовательно, хотя г. Макаровъ, не безъ удовольствія говоритъ, что въ его словарь *законъ* имѣетъ 61, а *женщина*—213 мыслей, но это вовсе не означаетъ, чтобы по прочтеніи этихъ рубрикъ можно было получить сколько нибудь обстоятельное понятіе о *законѣ* или *женщинѣ*, а слѣдуетъ понимать эти слова такъ, что и по тому и по другому предметамъ читателю предложень безвкусный ввингретъ, составленный изъ такого-то количества мыслительныхъ обрывковъ. А такъ какъ въ числѣ этихъ обрывковъ нѣкоторые говорятъ *за*, а другіе—противъ, то отъ этого ввингретъ дѣлается сугубымъ, ибо при такомъ соединеніи

діаметрально противоположныя мыслей уже омоничально утрачивается всякое понятіе о ихъ мѣсторожденіи. Такъ, напримѣръ, изрѣченіе: «политика требуетъ только много прямодушія и здраваго смысла», поставленное рядомъ съ другимъ: «вся тайна политики состоитъ въ томъ, чтобы встать обманывать и лгать (оба принадлежать г-жѣ Помпадуръ), можетъ заставить читателя только воскликнуть: зачѣмъ явились рядомъ двѣ столь несовмѣстныя глупости? И притомъ, развѣ можно назвать это мыслями, равно какъ, напримѣръ, и слѣдующую «мысль»: «напыщенность—это крахмалъ краснорѣчія»? По нашему крайнему убѣжденію, это пустословіе и больше ничего.

Тѣмъ не менѣе, при извѣстномъ уровнѣ общественнаго развитія, даже и странныя намѣренія могутъ достигать нѣкоторыхъ небезполезныхъ практическихъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, нѣтъ ничего нелѣпѣе такъ называемыхъ «Письмовниковъ», а между тѣмъ, благодаря громадной массѣ малограмотныхъ людей, спросъ на подобныя книги бываетъ весьма бойкій. Стало быть, существуетъ извѣстная потребность, которая этими книгами удовлетворяется. Точно тоже можетъ случиться и съ «Энциклопедіей ума» г. Макарова. Въ нашихъ культурныхъ слояхъ чувствуется потребность въ мысленіи и даже сознается, что обладаніе невѣстнымъ запасомъ мыслей можетъ доставить человѣку нѣкоторыя выгоды, но привычки мыслить еще нѣтъ. Вотъ на такой-то случай, когда, по обстоятельствамъ, мыслить не лишнее, а мыслей нѣтъ, настоящая книга и представляетъ существенное подспорье. Г. Макаровъ и самъ, очевидно, имѣлъ это въ предмѣтъ, говоря, что энциклопедія его можетъ служить подспорьемъ при недостаткѣ начитанности и памяти; мы же съ своей стороны присовокупляемъ, что она человѣку вполне невѣжественному несомнѣнно поможетъ приобрести репутацію мудреца, въ глазахъ другого столь же невѣжественнаго человѣка.

Представимъ себѣ, напримѣръ, честолюбиваго столоначальника, который уже на зарѣ дней своихъ мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ современемъ уловлять вселенную, но, къ своему горю, чувствуетъ одинъ недостатокъ—не имѣть «мыслей». До сихъ поръ, онъ зналъ только два подходящихъ слова: «ожовыя рукавицы», но такъ какъ нѣчто подсказываетъ ему, что слова эти уже утратили свою творческую силу, то онъ поневолѣ воздерживается отъ нихъ, и волей-неволей большую часть времени проводитъ въ томъ, что сидитъ выпучивъ глаза, а слѣдовательно не имѣетъ и случая выказать свои таланты. Теперь, благодаря г. Макарову, онъ открываетъ «Энциклопедію ума», и говоритъ: «лучшей администраціей бываетъ та, которая представляетъ наиболѣе выгодъ, и имѣетъ наименѣе неудобствъ». Нѣтъ слова, что это изрѣченіе глупое, но, по нашему мѣсту, даже и оно производить пріятное изумленіе. Этого мало, черезъ минуту онъ продолжаетъ: «законъ долженъ походить на смерть, которая ничего не щадитъ». А еще черезъ минуту: «нужно держать народъ

въ строгомъ повиновеніи для его же собственнаго спокойствія», ибо «народы вообще погибають отъ своихъ страстей», а «народы легкомысленные и самонадѣянные, сверхъ того, спятъ на волнахъ и плачутъ на кладбищахъ». И въ заключеніе: «дураки, по необходимости, упрямы; чѣмъ меньше у нихъ идей, тѣмъ крѣпче они и держатся». Опять-таки повторяемъ: все это мысли несомнѣнно глупныя, но какъ только честолюбивый столоначальникъ ихъ высказалъ, такъ его карьера сдѣлана. Особливо, ежели при этомъ присутствуетъ внимательный и благосклонный слушатель, который (какъ это часто у насъ бываетъ) занимается отъискиваніемъ «людей». А разъ карьера сдѣлана, то, само собой разумѣется, что и на мѣстѣ своего новаго назначенія благодарный карьеристъ нетолько не предастъ г. Макарова забвенію, но и сугубу воспользуется его помощью, потомучто ему, навѣрно, понадобится написать циркуляръ, начинающійся словами: «Для того, чтобы сдѣлать народъ добродѣтельнымъ, надо сдѣлать его счастливымъ».

Возьмемъ другой примѣръ изъ другой сферы. Трапичкину необходимо написать въ газету передовую статью, трактующую о финансахъ. И прежде ему случалось писать о финансахъ, но такъ какъ ему было неизвѣстно, въ чемъ состоитъ истинное сокровище и гдѣ оно обрѣтается, то это невыгодно отражалось и на статьяхъ его, которыя не могли быть ни ясными, ни поучительными. Теперь же, развернувъ «Энциклопедію ума», онъ прочтетъ, во первыхъ: «Кто цѣнитъ золото болѣе, чѣмъ добродѣтель, тотъ потеряетъ и золото и добродѣтель», во-вторыхъ: «Просите совѣта у мудрости: она научитъ васъ быть счастливыми безъ богатства»; и въ-третьихъ: «Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, а воры подкапываютъ и крадутъ». И провинувшись этими «мыслями», несомнѣнно напишетъ блестящую передовую статью, которую начнетъ словами: «Когда кто знаетъ четыре правила арифметики, тотъ бываетъ орломъ въ финансахъ», а кончитъ словами: «финансисты поддерживаютъ государство точно такъ же, какъ веревка поддерживаетъ повѣшаннаго».

Но самыхъ отличныхъ услугъ отъ «Энциклопедіи ума» должны ожидать, конечно, свѣтскіе молодые люди. Доникѣ, они находились въ большомъ затрудненіи. Отправляясь на балъ къ г-жѣ Гулакъ Артемовской, молодой человекъ хотя и понималъ, что благопристойная бесѣда составляетъ одно изъ украшеній этихъ баловъ, но такъ какъ у него не было нужныхъ для того «мыслей», то онъ, въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто разговора, только вращалъ зрачками. Теперь никакихъ затрудненій по части мыслей не можетъ быть. Достаточно молодому человѣку, за полчаса до отъѣзда на балъ, проштудировать нѣсколько страницъ «Энциклопедіи ума», чтобы, во время первой же кадрили, произошелъ слѣдующій разговоръ:

Онъ. «Тотъ, кто не любитъ, тотъ есть тѣло безъ души!» (*Смотритъ на ея бюстъ и облизывается.*)

Она (впозмогоса). Не облизывайтесь; мужъ смотреть на насъ. (*Вслушъ*). Да; но «истинная любовь всегда скрывается и никогда не надѣется на успѣхъ». Наша очередь дѣлать фигуру. (*Оба встаютъ и исполняютъ свои кадрилиныя обязанности.*)

Онъ (смотря съ упоеніемъ, какъ она садится). «Любовь—это небесная капля, которую боги влили въ чашу жизни, чтобъ уменьшить ея горечь».

Она (впозмогоса). Вы такъ на меня смотрите, что мужъ непременно... (*Вслушъ*). Я согласна съ вами, но все-таки продолжаю думать, что «истинная любовь всегда сопровождается уваженіемъ». Наша очередь дѣлать фигуру. (*Встаютъ etc.*)

Онъ (забывъ, что ему слѣдовало бы сказать: «да, но любовь приходитъ, равно какъ и уходитъ помимо нашей воли», повторить отъ себя:) Вы думаете?

Она. Да, думаю, потому что «физическая любовь есть горячка: все, что она говоритъ и дѣлаетъ, есть только бредъ»!

Онъ (вновь обращая вниманіе на ея бюстъ). «О женщины! Безъ женщины зоря и вечеръ были бы безъ помощи, и ея полдень—безъ радостей»!

Она. Согласна. Но все-таки «наилучшее украшеніе женщины—это непорочныя нравы». А еще могу сказать вамъ: «женщины не могутъ придумать наряда, который украшалъ бы ихъ столько же, сколько добродѣтель».

И такъ далѣе, до безконечности.

Вотъ что можетъ сдѣлать «Энциклопедія ума», г. Макаровъ, и въ этомъ, по мнѣнію нашему, заключаются ея несомнѣнныя права на вниманіе публики.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, спеціальною комиссіею. Спб. 1878 г.

Наша педагогическая литература такъ разрослась за послѣдніе годы, что народный учитель, а равно и земскій дѣятель, и просто провинціальный житель, заинтересованный въ дѣлѣ народнаго образованія, часто находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи при выборѣ книгъ для школы, библиотекъ, читаленъ и проч. Перечитать все имѣющееся уже и перечитывать все вновь выходящее они, разумѣется, не могутъ: кто по недостатку средствъ, кто по недостатку времени; выбирать же книги по однимъ заголовкамъ и объявленіямъ—весьма трудно. Въ особенности трудно это въ настоящее время, когда педагогическая литература служить предметомъ едва ли не самой бойкой издательской спекуляціи: дѣтскія книги идутъ у насъ не только лучше научныхъ и философскихъ сочиненій, но даже лучше повѣстей и романовъ; разные присяжные и неприсяжные, вольные педагоги страдаютъ на живую нитку не только, такъ называемыя

книги для дѣтскаго чтенія, но даже учебники, успѣвая не рѣдко заручиться для нихъ одобреніемъ какого-нибудь комитета или другихъ авторитетныхъ инстанцій. Затрудненію этому, конечно, могли бы значительно помочь журнальныя и газетныя рецензіи, еслибы рецензіи эти обнимали собою всю педагогическую литературу, а не одни только почему либо выдающіяся сочиненія и еслибы они не были разбѣяны какъ по педагогическимъ, такъ и по другимъ періодическимъ изданіямъ, выписывать которыя не всякій можетъ. Все это давно уже говорило въ пользу составленія критическаго обзора воспитательной и учебной литературы людьми знающими, знающими или имѣющими возможность познакомиться съ этою литературою. Такого рода задачу недавно и взялся выполнить с.-петербургскій комитетъ грамотности, который постоянно осаждался просьбами *отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстъ* порекомендовать имъ наиболѣе пригодныя книги. Разсудивъ, что «удовлетворить надлежащимъ образомъ такого рода требованіямъ не иначе возможно, какъ имѣя подъ рукою сдѣланный специалистами выборъ книгъ, съ болѣе или менѣе обстоятельными о нихъ отзывами по всѣмъ отраслямъ знаній, необходимыхъ для народнаго образованія», комитетъ рѣшилъ учредить специальную комиссію, трудамъ которой принадлежитъ настоящій «Обзоръ» и въ которую вошли слѣдующіе специалисты: Я. Т. Михайловскій (по исторіи, онъ же предсѣдатель комиссіи и главный редакторъ «Обзора»); С. И. Миропольскій (по педагогикѣ, родному языку и пѣнію); М. И. Соколовъ (по закону Божію); В. П. Острогорскій (по грамматикѣ); Э. Б. Вудихъ (по математикѣ); В. П. Шеміотъ (по рисованію и черченію); профессоръ А. П. Доброславинъ (по гигиенѣ); В. Г. Уховъ (по гимнастикѣ); С. Г. Лапченко (по географіи); И. И. Блюдохъ (по естествознанію); В. М. Яковлевъ (по сельскому хозяйству) и Н. Ф. Фант-дербъ-Флитъ (по ссудо-сберегательнымъ товариществамъ). Комиссія, взявшись «за исполненіе такой многосложной, кропотливой и отчасти шекотливой (?) задачи, постаралась, прежде всего, выяснитъ себѣ: а) кругъ знаній, какой требуется для учителя и ученика народныхъ школъ и вообще для простого народа; б) критеріи для оцѣнки разбираемыхъ и рекомендуемыхъ книгъ, равно какъ объемъ и характеръ рецензій, и в) періодъ времени, за который слѣдуетъ заносить въ «Обзоръ» рекомендуемыя книги» (стр. VI). Обсужденіе этихъ вопросовъ привело комиссію къ тому, что она приняла за норму типъ уже выработавшейся на Западѣ высшей народной школы съ общеобразовательнымъ характеромъ, въ которому ближе всего подходятъ, по объему и продолжительности курса, нынѣ учреждаемыя у насъ двухклассныя народныя школы; а сообразно съ этимъ былъ сдѣланъ выборъ предметовъ и «Обзоръ» раздѣленъ на 13 отдѣловъ, причемъ каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ: 1) книги для самообразованія народнаго учителя, 2) собственно учебники и 3) книги для дѣтскаго и народнаго чтенія. Затѣмъ, при выборѣ книгъ, вышедшихъ прибли-

зительно за послѣднее 20-ти-лѣтіе, комиссія руководствовалась прежде всего «ихъ цѣлесообразностью какъ въ отношеніи содержанія, такъ и изложенія, а также и дешевизной», причѣмъ, однако, ей пришлось поступиться «нѣкоторыми своими требованіями», такъ какъ наша народно-учебная литература *еще слишкомъ молода, чтобы можно было ожидать отъ нея вполне зрѣлыхъ и цѣлесообразныхъ произведеній*. Въ виду этого, рецензій составлялись такимъ образомъ, что почти въ каждой изъ нихъ излагалось содержаніе книги, указывались ея главные достоинства и недостатки, и также и то, «какъ и что пригоднаго для себя читатель можетъ извлечь изъ нея». Изъ плохихъ сочиненій комиссія выбирала, впрочемъ, лучшія и нѣкоторыя не одобряла совсѣмъ. Такимъ образомъ: «изъ множества книгъ, рассмотрѣнныхъ комиссіей въ теченіи 103 засѣданій, одобрено ею условно и безусловно для помѣщенія въ «Обзоръ» около тысячи (965) названій».

Весь этотъ приступъ и подготовительная работа были обставлены, какъ видитъ читатель, очень хорошо: на 13 отдѣловъ было выбрано 12 специалистовъ (не 13 же, вѣроятно, по неудобству сидѣть за столомъ), имена которыхъ хотя и не Богъ вѣсть какъ громки, но которые, при усердіи и осмотрительности, конечно, могли выполнить задачу хорошо, чего, къ сожалѣнію, никакъ образомъ нельзя сказать объ «Обзорѣ». Конечно, будетъ полезно до известной степени и настоящій «Обзоръ»: «на безрыбьи и ракъ — рыба»; читатель все-таки узнаетъ изъ него о содержаніи нѣкоторыхъ книгъ и т. п. Но все это, тѣмъ не менѣе, не уничтожаетъ имѣющихся недостатковъ. Прежде всего можно было бы надѣяться, что специалисты наши не будутъ вносить въ выборъ книгъ тенденціозности и пристрастія; между тѣмъ, тенденціозность эта сказывается весьма часто. Вотъ, наприимѣръ, г. Миропольскій, рекомендуя для учителей разныя педагогикки и дидактики, носясь, какъ съ писаною торбою, съ великимъ славянскимъ мыслителемъ Яномъ Амосомъ Каменскимъ и психологомъ Бенеке, могъ бы кажется упомянуть и о педагогическихъ сочиненіяхъ Руссо, Оуэна, Спенсера и др., могъ бы кажется не забыть изъ отечественныхъ авторовъ, наприимѣръ, Л. Толстаго (о которомъ, спасибо, вспомнилъ въ отдѣлѣ литературы г. Острогорскій), а онъ проходитъ ихъ величественнымъ молчаніемъ. И замѣчательно, что, проходя такихъ авторовъ молчаніемъ, г. Миропольскій въ тоже время считалъ своею священнѣйшею обязанностію перечислить и порекомендовать не только сочиненія своихъ педагогическихъ друзей, но даже свои собственныя, столь мало извѣстныя и столь мало говорящія уму и чувству произведенія, которыхъ, между прочимъ, оказывается, по перечню, такъ много, что иной читатель, незнающій г. Миропольскаго, навѣрное составитъ себѣ преувеличенное понятіе о его педагогическихъ заслугахъ. Г. Миропольскому, вѣроятно, казалось, что учителя и ученики испытаютъ невознаградимую потерю, если не

узнають его сочиненій. Тоже самое можно сказать и о других членах комиссиі, изъ которыхъ почти каждый издалъ въ свѣтъ какой-нибудь свой трудъ, къ сожалѣнію, не особенно извѣстный; они или рекомендуютъ сами себя (въ приличныхъ, разумѣется, размѣрахъ), или же рекомендуютъ другъ друга по поговоркѣ: «кукушка хвалитъ пѣтуха». Подобная тенденціозность проглядываетъ и при оцѣнкѣ различныхъ произведеній, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что тенденціозность эта, разумѣется, отличается извѣстною узкостью, столь присущею педагогамъ и зависящею отчасти отъ положенія нашего народнаго образованія. Больше всего, повидимому, педагоги боялись того, что можетъ шевелить критическую мысль народнаго учителя. Они довольны существующими методами преподаванія, совѣтуютъ учителямъ не увлекаться крайностями разныхъ теорій, а держаться середины, и указываютъ ему мимоходомъ, что литература дѣлаетъ иногда не правильные нападки на педагоговъ, какъ, на примѣръ, на Пирогова и т. п. Въ связи съ этимъ, нельзя умолчать еще о руководящихъ статьяхъ «Обзора», предшествующихъ каждому отдѣлу и составляющихъ, по нашему мнѣнію, самымъ своимъ присутствіемъ недостатокъ «Обзора». Къ чему, на примѣръ, руководящія статьи по музыкѣ, черченію и рисованію или по Закону Божию, преподаваніе которыхъ столь извѣстно? Комиссія жалуетса на то, что стѣснялась размѣрами книги и потому сократила рецензіи или выкидывала нѣкоторые изъ нихъ, а между тѣмъ, руководящія статьи занимаютъ болѣе 20 листовъ изъ 46 1/2, т. е. почти половину книги. Въ сочиненіяхъ, которыя рекомендовались комиссіей, заключаются по большей части и методы, и приемы воспитанія и преподаванія, слѣдовательно, самъ учитель могъ бы и узнать дѣло, и выбрать наиболѣе для себя пригодныя приемы, а такимъ образомъ значительно стѣсняется его самостоятельность. Если комиссія находила необходимымъ дать руководящія статьи и составляла ихъ не для одного только самоуслажденія авторовъ, то она могла составить изъ нихъ особую книгу, что было бы гораздо лучше. Съ этими руководящими статьями выходятъ теперь только одни курьёзы: каждый изъ специалистовъ, разумѣется, доказываетъ если не преимущественную важность своей науки передъ другими, то одинаковое ея съ ними право на мѣсто въ программѣ народной школы. Такъ, на примѣръ, Яковъ Тимофеевичъ Михайловскій, ратуетъ за исторію, доказываетъ, что она въ отношеніи нравственнаго вліянія *значительно* лучше словѣсности (518), а относительно развитія *памяти* гораздо лучше естественныхъ наукъ, такъ какъ человѣкъ, изучающій эти науки, «можетъ прекрасно изощрять свою память на фактахъ изъ области этихъ наукъ и въ тоже время оставаться почти безпамятнымъ относительно другихъ предметовъ, какъ это можно заключить изъ примѣра знаменитаго естествоиспытателя Линнея» (525) и т. п. Вообще Яковъ Тимофеевичъ объ исторіи самаго высокаго мнѣнія: она есть «дѣлесообразное

средство примѣромъ предковъ исправлять и поучать потомковъ, порождать въ современникахъ всякаго рода доблести, возбуждать и поддерживать въ нихъ чувства патриотическія, либо религіозныя» (513); она «не утратила своего воспитующаго (?) характера и тогда, когда сдѣлалась наукой въ современномъ намъ смыслѣ слова» (544); она, «по обилію, разнообразію, силѣ и формѣ заключающихся въ ней элементовъ какъ матеріальнаго образованія, такъ формальнаго, можетъ... болѣе, чѣмъ какой-либо другой учебный предметъ въ отдѣльности, содѣйствовать главнѣйшей цѣли учебнаго воспитанія — всестороннему и гармоническому развитію всѣхъ способностей дѣтской души» (515). Почтенный Яковъ Тимофеевичъ не останавливается на этомъ. При помощи «нашей науки», говоритъ онъ: — ученикъ «знакомится съ своимъ внутреннимъ міромъ почти такъ же, какъ, глядя въ зеркало, онъ познаетъ свою наружность», а отсюда пробуждается въ немъ самосознаніе и самонаблюденіе — «качество, не лишнее значенія въ практической жизни»; идеи, воплощенные въ дѣйствіяхъ великихъ людей, «рѣзче бросаются въ глаза ученику, яснѣе ему представляются, скорѣе и тверже усваиваются, чѣмъ тѣ же идеи, которыя проявляются въ дѣйствіяхъ окружающихъ дѣтей», вслѣдствіе чего и «что особенно важно» въ ребѣнкѣ является желаніе подражать великимъ людямъ. При этомъ «дѣлать не въ томъ, конечно, чтобы изъ нашихъ Ваней, Петрушей, Андрюшей сдѣлать какихъ-нибудь героевъ» (последнее, по словамъ Якова Тимофеевича, «при условіяхъ современной жизни невозможно, да едва ли было бы и желательно»), а въ томъ, чтобы приучать дѣтей стремиться къ истинному, доброму и прекрасному (516). Затѣмъ, исторія дѣйствуетъ на учащихся «умѣрающимъ образомъ, не утрачивая при этомъ своей нравственной пользы»: поселяетъ въ немъ вѣру въ прогрессъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «если не любовь, то примиряющее чувство приучаетъ его къ пословицѣ «нѣтъ худа безъ добра», къ тому, что «настоящее все таки лучше въ сравненіи съ ближайшимъ и особенно съ отдаленнымъ прошедшимъ, а будущее, судя по простой аналогіи, будетъ еще лучше» (519). Но и этого мало: исторія развиваетъ гуманность, память, воображеніе, мыслительныя способности (526), вліяетъ на даръ слова, приучаетъ выражаться «связно, точно и ясно» (527) и т. д. Словомъ, Яковъ Тимофеевичъ положительно влюбленъ въ исторію, какъ въ женщину (къ сожалѣнію только, какъ мы достоверно знаемъ, исторія ему не сочувствуетъ). Подобныя панегрики всегда только ослабляютъ впечатлѣніе и силу доводовъ. Положимъ, напримѣръ, читатель остановится на послѣднемъ доводѣ влюбленнаго человѣка и замѣтитъ, что самъ онъ, будучи историкомъ, выражается часто не только безсвязно, не точно и не ясно, но и неправильно грамматически, что онъ подумаетъ? А примѣровъ этому даже въ одной руководящей статьѣ Якова Тимофеевича великое множество. Другія руководящія статьи «Обзора» очень походятъ на статью по исторіи и отличаются либо тен-

*

денщюзностью, либо переходить въ простое пустословіе: М. И. Соловьевъ говорить, что «подъ именемъ Закона Божія принято принимать ученіе о Богѣ и человекѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» и т. д. (56); И. И. Блюдохъ распространяется, что «значеніе естественныхъ наукъ, какъ учебнаго предмета въ сельской школѣ, опредѣляется прежде всего, отношеніями сельского населенія къ ихъ содержанію — къ природѣ», что «простолюдинъ, какъ сельскій житель, долже, чѣмъ кто либо, пребываетъ среди природы; онъ, можно сказать, рождается, живетъ и умираетъ на ея лонѣ, испытывая при этомъ почти ежедневно и ежемгновенно ея вліяніе, вредное и полезное» (645) и т. п. Развѣ все это не пустословіе? Въ заключеніе не можемъ еще не отмѣтить статью г. Фанъ-дериъ-Флита о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, изученіе которыхъ поставлено комиссіей на ряду съ общеобразовательными предметами. Г. Фанъ-дериъ-Флитъ доказываетъ великое значеніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ, распространяется о томъ, что с.-петербургское отдѣленіе комитета о сельскихъ и промышленныхъ товариществахъ «состоитъ изъ представителей теоріи — экономистовъ и финансистовъ и представителей практикы — земскихъ людей» (734) и предлагаетъ ввести въ народныя школы игру въ ссудо-сберегательныя товарищества, введенную уже въ нѣкоторыхъ школахъ, и даже не игру, а цѣлый предметъ преподаванія: учитель долженъ рассказывать ученикамъ объ устройствѣ товарищества и долженъ заставлять ихъ продѣлывать «изъ нарочно разграфленныхъ книгахъ всѣ операціи» (735). Мы противъ этого ничего не сказали бы, еслибы имѣлось въ виду только обучать дѣтей счетоводству, а не пропагандировать начала ссудо-сберегательныхъ товариществъ, педагогическое значеніе которыхъ весьма проблематично.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ. Сочиненіе *Михаила де-Пуле*. СПб. 1878.

Нельзя не замѣтить, что книга г. де-Пуле, по самой тѣмѣ своей, производитъ какое-то странное впечатлѣніе, впечатлѣніе чего-то неожиданнаго, неумѣстнаго, почти неприличнаго. Кольцовъ былъ очень замѣчательный поэтъ; но пѣсенка его до такой степени слѣта, что, право, трудно и придумать, для какой надобности онъ можетъ еще пригодиться намъ. Правда, г. де-Пуле заявляетъ, что «Кольцовъ остается еще безъ историческаго опредѣленія», такъ какъ, «къ сожалѣнію, исторія русской литературы доведена только до Пушкина» (194). Но, къ сожалѣнію, это заявленіе г. де-Пуле нетолько не резонно, а просто смѣшно: авторъ основываетъ свое мнѣніе на томъ обстоятельстве, что «почтенный трудъ профессора Галахова» доведенъ пока только до Пушкина. Такъ какъ исторія литературы сама по себѣ, а «почтенный трудъ профессора Галахова» самъ по себѣ, такъ какъ никто, кромѣ г. де-Пуле, не отождествляетъ этихъ двухъ фактовъ или понятій, никто профессору Галахову монополию на систо-

рически опредѣленія» не уступалъ, то естественно, что недоумѣніе читателя только возрастаетъ отъ такого мотивированія авторомъ своей работы. Это недоумѣніе тѣмъ основательнѣе, что г. де-Пуле все-таки оставляетъ Кольцова безъ «историческаго опредѣленія». О поэтѣ-Кольцовѣ онъ не говоритъ ничего или почти ничего, о прасолѣ-Кольцовѣ, о мѣщанинѣ, о человѣкѣ, онъ распространяется на десяткахъ страницъ; о стихотвореніяхъ Кольцова въ книгѣ г. де-Пуле имѣется нѣсколько словъ, для «историческаго опредѣленія» болѣе чѣмъ недостаточныхъ, но о разныхъ, зачастую, пустѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ подробностяхъ личной жизни Кольцова имѣются самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Книга г. де-Пуле не критика поэта, а біографія человѣка. Но біографія, сочиненная г. де-Пуле, не «трудъ любви», какъ обыкновенно бывають біографіи, а можно сказать, «трудъ ненависти», во всякомъ случаѣ, трудъ, внушенный автору столько же злобнымъ и недоброжелательнымъ, сколько мелкимъ чувствомъ. Казалось бы—съ чего? Кольцовъ не изъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, вредное или благотворное вліаніе которыхъ чувствуется долго послѣ ихъ смерти и извѣстная страстность по отношенію къ которымъ имѣеть, такимъ образомъ, свое оправданіе. Дѣла Кольцова заключаются въ небольшой книгѣ его стихотвореній, и какъ бы г. де-Пуле ни «опредѣлять исторически» Кольцова, онъ, надѣмся, не усмотритъ особеннаго вреда въ томъ, что кто-нибудь прочтетъ на досугъ «Пахара» или пропосетъ «Хуторокъ». Или, быть можетъ, г. де-Пуле подвигли требованія идеальной справедливости? Въ заключительныхъ словахъ своей книги онъ говоритъ: «съ памятью поэта остаются еще непримиренными отецъ его и младшая сестра Анисья. Пусть самъ читатель судитъ ихъ и рассудитъ». Не говоря о странности этого неожиданнаго приглашенія намъ судить Анисью (не было печали!), трудно допустить, чтобы нашелся такой досужій человѣкъ, который бы рѣшился написать цѣлую книгу единственно для реабилитированія нѣкоей Анисьи и нѣкоего воронежскаго мѣщанина, замѣчательнаго только тѣмъ, что онъ былъ отцомъ своего сына. Еще труднѣе допустить, чтобы несправедливые (допустимъ, что несправедливые) отзывы прежнихъ біографовъ Кольцова объ этихъ двухъ интересныхъ личностяхъ могли привести новѣйшаго біографа въ такое, иногда просто комическое озлобленіе, какое обнаруживаетъ г. де-Пуле относительно Кольцова. Словомъ сказать, всѣ мотивы, на которые указываетъ самъ авторъ, поражаютъ своею странностью, своею искусственностью, своею, прямо сказать, пустяшностью. Но со-всѣмъ другое должны мы сказать о мотивахъ, на которые г. де-Пуле не указываетъ, которые, по крайней мѣрѣ, онъ не формулируетъ опредѣлительно, а только мѣстами проговаривается о нихъ. Г. де-Пуле не такъ колосально-наивенъ, чтобы ради прекрасныхъ глазъ Анисьи написать цѣлую книгу. Что ему Гекуба? Ларчикъ открывается очень просто. Въ «сочиненіи» г. де-Пуле трагуетъ столько же о Кольцовѣ, сколько, если не болѣе, о

другъ, учитель, критикъ и биографъ Кольцова—Вѣлинскомъ, при чемъ «дѣло идетъ не просто о влияніи, а о воспитаніи, идеѣ, культурѣ, тенденціозности литературной партіи» (194). Вонъ оно куда дѣло-то пошло! можетъ сказать читатель. «Кольцовъ—созданіе Вѣлинскаго, дѣло рукъ его», говоритъ г. де Пуле (132). «По твореніямъ познають творящаго, по воспитаннику можно составить понятіе и о его воспитателѣ» (140). И вотъ, чтобы отдѣлать «творящаго» и, въ лицѣ его, принизить извѣстные нравственные принципы, г. де-Пуле пишетъ биографію «творенія», биографію по внѣшней формѣ и пасквиль по внутреннему содержанию.

Г. де-Пуле очень недоволенъ биографіей Кольцова, составленной Вѣлинскимъ. «Вѣлинскій пишетъ биографію человѣка точно также, какъ бы онъ писалъ легкую журнальную или фельетонную статью, пишетъ, конечно, не въ одинъ присѣсть, но безъ всякаго приготовленія, не собирая и не изучая источниковъ. Онъ не проштудировалъ, какъ слѣдуетъ, статьи Невѣрова, онъ путаешь показанія Станкевича и самого Кольцова, года и мѣсяцы; онъ крайне небрежно пользуется письмами послѣдняго, онъ не церемонится съ фактами, тѣмъ менѣе съ людьми, которыхъ, совсѣмъ не зная, какъ отца Кольцова, встрѣчаетъ и провожаетъ бравою, или стереотипными кличками, навѣно принимая ихъ за характеристики» (190). Самъ г. де-Пуле распоряжается иначе. Онъ вывѣдывалъ о Кольцовѣ по всему Воронежу, и у тамошнихъ купцовъ, и у поповъ, и у чиновниковъ, и даже у какого-то татарина; для него всѣ свидѣтельства хороши (*татарское* свидѣтельство онъ, впрочемъ, не рѣшился привести и самъ называетъ его сплетней), всѣ, за исключеніемъ только собственноручныхъ писемъ самого Кольцова, въ которыхъ онъ усматриваетъ «хитрость» и «ложь». Онъ не путаешь годовъ и мѣсяцовъ и вообще съ формальной, мелко-фактической стороны его биографія отличается полнотою и въ этомъ отношеніи далеко оставляетъ за собою биографію Вѣлинскаго. Но неразумному сыну не въ пользу богатство, какъ говоритъ пословица. Факты освѣщаются г. де-Пуле такимъ образомъ, что довѣріе въ нимъ читателя совершенно подрывается. Взглядъ г. де-Пуле на Кольцова очень простъ: это былъ, по его мнѣнію, бесспорно способный и, самъ по себѣ, недурной человѣкъ, но въ конецъ «изломанный» разными посторонними влияніями, преимущественно влияніемъ Вѣлинскаго. О Вѣлинскомъ же г. де Пуле говоритъ, что «эта личность была болѣзненная до послѣдней степени и морально искалѣченная». Нужны ли доказательства этому и опроверженія той истинны (? *опроверженія истинны* едвали кому нужны; г. де-Пуле, вы, очевидно, не умѣете выразаться граматно) ¹, что желчность и раздра-

¹ Указанія на неправильности языка, говоря прямо, на безграматность того или другого писателя обыкновенно представляются настолько второстепенными, даже мелочными дѣлами, что рецензентъ чаще всего обходитъ его. Въ болѣ-

жительство плохія спутники страстной и энергической дѣятельности?» (185). Вліаніе «морально-искалѣченной» личности едва ли для кого бы то ни было можетъ быть благотворно и мы не понимаемъ, почему г. де-Пуле, хотя нерѣшительно и неохотно, но признаетъ все-таки, что вліаніе Бѣлинскаго, «какъ отличнаго журналиста и первокласснаго критика», было и полезно для русскаго общества и чрезвычайно сильно. А вѣдь Бѣлинскій дѣйствовалъ и вліялъ на Кольцова совершенно тѣми же средствами, какими онъ дѣйствовалъ и вліялъ и на все образованное русское общество: силою мысли и страстною горячностью своихъ убѣжденій. Мы не будемъ говорить ни о томъ, дѣйствительно ли «желчность и раздражительность» были отличительными свойствами Бѣлинскаго, ни о томъ насколько эти свойства совмѣстными или несомѣстными съ «страстною и энергической дѣятельностью». Но несомнѣнно—и самъ же г. де-Пуле представляетъ тому свидѣтельство—что собственно по отношенію къ Кольцову ни раздражительности, ни желчности Бѣлинскій никогда не проявлялъ. Это были отношенія въ высшей степени участливыя и сердечныя, отношенія любящаго и заботливаго учителя къ даровитому и, по условіямъ своей личной жизни, несчастному ученику. Вотъ какъ и вотъ что писалъ, между прочимъ, Кольцовъ Бѣлинскому въ своихъ письмахъ: «Я весь вашъ! весь и навсегда. Мнѣ востыдиться («sic») бессмысленно пронизываетъ при этомъ г. де Пуле) до вашей дружбы мудроно... Я вашъ давно, но вы мой недавно... Вы въ своемъ кружкѣ переродили меня... Вы мною теперь такъ владѣете, что ваше слово—приговоръ. Не шута и не льста, говорю вамъ: давно я васъ люблю, давно читаю ваши мнѣнія, читаю и учусь, но теперь читаю ихъ больше и понимаю лучше». Такъ пишутъ только къ людямъ, которыхъ мало того, что уважаютъ, но и любятъ горячею и преданною любовью, которая внушается людямъ не желчью и раздражатель-

нностью случаетъ такой образъ дѣйствія совершенно резонанъ, но на безграмотность г. де-Пуле мы считаемъ необходимымъ указать. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ и во многихъ мѣстахъ говоритъ о «необразованности» Кольцова и въ доказательство этой необразованности указываетъ на его неумѣніе «правильно писать» (197), онъ говоритъ о «незнаніи предмета» (русскаго языка) Бѣлинскимъ (186), онъ, наконецъ, претендуетъ поправлять языкъ г. Пипина (188). «Знать она сильна», подумаетъ читатель и жестоко ошибется. Беремъ на поддержку фразу, чтобы не ходить далеко, на первой страницѣ книги: «чѣмъ были, какъ художники, для изображенія русской жизни вообще, Гоголь и Лермонтовъ, тѣмъ же былъ, для изображенія русской народной жизни, Кольцовъ, *хотя* и уступавшій по силѣ дарованія этимъ двумъ великимъ талантамъ, *хотя* же довольно тѣсной сферѣ, въ формѣ пѣсни, но съ ихъ трезвостью и вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни, *хотя* безъ ихъ юмора и горечи» (I). Такихъ неясныхъ фразъ мы могли бы привести изъ книги г. де-Пуле десятки, если не сотни. Въ орографии авторъ также силится, какъ и въ ситаксисѣ. И этотъ-же гимназистъ третьяго класса претендуетъ поправлять замѣчательныхъ стилистовъ и анатомовъ нашего языка!

ностью, а вызывается такою же любовью. Но, говорить г. де-Пуле, «Вѣлинскій привилъ къ Кольцову собственную болѣзненность и раздражительность, сообщилъ ему свои воззрѣнія, свои требованія отъ жизни» (136). Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Прядъ-являть жизни широкія требованія значить, по мнѣнiю г. де-Пуле, быть «раздражительнымъ»; а воззрѣнія Вѣлинскаго, какъ воззрѣнія не только критическiя, но и отрицательныя, свидѣтельствуютъ о несомнѣнной «болѣзненности». Правда, самъ Вѣлинскій смотрѣлъ на это иначе; онъ говорилъ напр. о себѣ и о своихъ друзьяхъ, что, благодаря именно ихъ «огромнымъ требованiямъ отъ жизни», «все къ нимъ льнется, все подлѣ ихъ кнѣжится». Но у г. де-Пуле своя философiя. Онъ, какъ щедринскiй Очищенный, думаетъ, что «чѣмъ болѣе мы стараемся проникать, тѣмъ больше получаемъ щелчковъ. Умъ-то, знаете, у насъ вснпрѣ бѣжить, а оттуда ему щель да щель! И резонно-съ. Потому иди своей дорогой, а по сторонамъ не засматривайся. И не чета намъ люди бывають, да и тѣ, ежели по сторонамъ засматриваются, то по болѣе части въ канаву попадаютъ. По моему, такъ: снть, обуь одѣть — ну, и молчи. Коли ты ведешь себя благородно — и съ тобой всякiй благородно. Коли ты никого не трогаешь — и тебя никто не тронетъ; коли ты ко всѣмъ съ удовольствiемъ — и къ тебѣ всѣ съ удовольствiемъ! Полегоньку да потихоньку — она, жизнь-то, и прошла!» Г. де-Пуле разсуждаетъ совершенно также, какъ и редакторъ «Красы Демидрона». Онъ говоритъ: «Кольцовъ, сынъ степей, «кучичекъ», поэтъ-прасоль... и огромныя требованiя на жизнь... упорное отрицанiе... презрѣнiе грязной русской дѣйствительности... Какъ все это дико для нашего времени!» (138). Правда, правда! А Вѣлинскiй-то! Этогъ, пожалуй, еще почище. Недоучившiйся студентшка... голодный пролетарiй... водозная журнальная кляча... разночинецъ съ «малымъ запасомъ свѣдѣнiй»... и гегелианская философiя, дерзкая критика «основъ», требованiе отъ жизни «всего или ничего»... Какъ все это дико для нашего времени! Но чего же, однако, хотѣлъ бы г. де-Пуле отъ Кольцова? На это въ книгѣ имѣется косвенный, но нисколько недвусмысленный отвѣтъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому Кольцовъ пишетъ: «Дѣло, въ которомъ вы, по добротѣ души вашей, приняли живое участiе, наконецъ, слава Богу, получилъ рѣшительный конецъ; искъ свалился съ плечъ моихъ долой; болѣзнь бѣда прошла... и еслибы не вы, чтобы съ нами было?» По поводу этого письма г. де-Пуле замѣчаетъ: «Въ этомъ отрывкѣ говорить Кольцовъ натуральный, неискалѣченный разными ломками и муштровками — тотъ Кольцовъ, который былъ, дѣйствительно симпатиченъ и занимателенъ своею оригинальностью» (148). И такъ вотъ чего хотѣлось бы г. де-Пуле! «Симпатиченъ» Кольцовъ для г. де-Пуле тогда, когда дѣлуетъ письменно въ плечико своего превосходительнаго покровителя; «занимателенъ» онъ для него тогда, когда хлопочетъ объ «искажъ»; «оригиналенъ» и не искалѣченъ онъ тогда, когда является — заурядѣйшимъ мѣ-

щавинномъ, зашибающимъ копейку. Что-же? Развѣ это не философія Очищеннаго, не презрѣнная мораль Молчалина, исповѣдующаго, что выше лба уши не растутъ, что не должно смѣть свое сужденіе имѣть и что надо угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія? Но это не все. Въ своей біографіи Кольцова, Бѣлинскій говоритъ, что «въ немъ (въ Кольцовѣ) все болѣе и болѣе усиливалось отвращеніе къ дѣламъ (подразумѣваются «дѣла», ради которыхъ Кольцовъ писалъ въ тонѣ салопницы, просительныя письма къ Жуковскому, князю Вяземскому и т. п.). Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья... Тутъ былъ другой, благороднѣйшій источникъ». Т. е. объясняетъ г. де-Пуле, «Кольцовъ почувствовалъ отвращеніе не къ торговымъ дѣламъ вообще, а къ торговлѣ мелкой», и затѣмъ начинаетъ доказывать всю неосновательность этого отвращенія, доказывая, заглядывая въ колюцовскій карманъ и расчитывая, что торговыя дѣла Кольцова отнюдь не были мелки: «онъ велъ дѣла, если не на десятки тысячъ, то на тысячи, при томъ же одинъ, безъ братьевъ» и, кромѣ того, имѣлъ «большой каменный домъ» (144). Какое же тутъ можетъ быть «отвращеніе»? Гг. де-Пуле и Очищенный этого понять не въ состояніи. Но вѣдь Кольцовъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ объ этомъ «отвращеніи» — имѣемъ ли мы право не довѣрять ему? Оказывается, что имѣемъ полнѣйшее. Г. де-Пуле утверждаетъ, что «отвращеніе—выдумка Кольцова, продуктъ его обычной хитрости, которая его никогда не покидала. Нашъ степной простачекъ отлично позналъ своего восторженнаго друга (Бѣлинскаго), его крайнюю идеальность, его дѣтское непониманіе людей и жизни, а понявъ, онъ сталъ играть на этой слабой стрункѣ! Какъ долженъ былъ смѣяться самъ съ собою практической и разумной Алексѣй Васильевичъ! Выводить изъ заблужденія Бѣлинскаго ему не было никакого расчета ни теперь, ни послѣ: перстанъ онъ играть роль жертвы «грязныхъ дѣлъ» и «грязной дѣйствительности» и обаяніе бы отъ него («обаяніе отъ него» — это по-каковски сказано, воронежскій граматы?) совершенно исчезло: Алексѣй Васильевичъ понималъ это отлично» (146). Г. де-Пуле, помилосердуйте! Вѣдь оскорбительныя предположенія, ровно ничѣмъ недоказываемыя и тѣмъ не менѣе выдаваемыя за достовѣрныя, ничто иное, какъ клевета! Если Бѣлинскій въ самомъ дѣлѣ увлекался личностью Кольцова и нѣсколько идеализировалъ ее — чтѣ дѣйствительно вѣрно; если онъ не замѣчалъ тѣхъ неизбѣжныхъ слѣдовъ, которые должна была оставить на нравственной фізіономіи Кольцова липкая грязь мѣщанской провинціальной жизни, такъ вѣдь это, вреда исторической точности его біографіи, только еще больше возвышаетъ ея нравственную сторону. А ваши «предположенія», столь же бездоказательныя, какъ и нѣкоторыя предположенія Бѣлинскаго, въ нравственномъ смыслѣ, просто неприличны, потому что выставляютъ несчастнаго поэта какимъ-то лицемѣромъ, который сознательно носитъ маску, какимъ-то пройдохой-іезуитомъ, который

систематически водить за носъ и эксплуатировать своего искреннѣйшаго друга и терпѣливѣйшаго учителя. Люди всегда мѣряютъ другихъ на свой аршинъ и оттого-то чистыя и искреннія личности, подобныя Бѣлинскому, такъ склонны идеализировать людей, «сочинять» ихъ себѣ; и оттого же люди другой, противоположной категоріи, забрызгиваютъ грязью своей душеньки все, имѣвшее несчастье, такъ или иначе, придти въ сопрیکосновеніе съ ними. Такого же рода и другія «предположенія» г. де-Пуле о Кольцовѣ, напримѣръ, предположеніе, что «горькая зависть запала въ душу поэта» — зависть къ одному воронежскому педагогу¹, строчившему театральныя рецензіи (чему именно Кольцовъ и завидовалъ горько!), которому г. де-Пуле видимо сочувствуетъ, сходясь съ нимъ во взглядахъ на идеи Бѣлинскаго, какъ на «пошлую нелѣпность». Рыбакъ рыбака видитъ издалека и воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Не завидовалъ ли Кольцовъ и вамъ, г. де-Пуле, тогда еще юному гимназисту? Предполагайте, предполагайте!

Но, какъ говорится, кого Богъ захочетъ наказать, того онъ, прежде всего, лишаетъ разсудка. Г. де-Пуле путается въ своихъ собственныхъ изобличеніяхъ и предположеніяхъ и на каждомъ шагѣ противорѣчитъ себѣ. Обвиняя Кольцова, что онъ, будто бы, носилъ передъ Бѣлинскимъ личину и водилъ его за носъ, онъ, въ то же время, упрекаетъ его въ раболовствѣ передъ Бѣлинскимъ: «авторитету Бѣлинскаго, добровольно и всецѣло, до раболовія, подчиняется не поэтъ-Кольцовъ, а человѣкъ-Кольцовъ, что гораздо печальнѣе и прискорбнѣе, ибо литературное подчиненіе оставляетъ человѣку все же значительную долю свободы, между тѣмъ, какъ въ отношеніяхъ Кольцова къ Бѣлинскому ея нѣтъ и слѣда» (134). Вотъ что называется логикой. Точно также совершенно не вяжется обвиненіе Кольцова въ притворствѣ съ обвиненіемъ Бѣлинскаго въ томъ, что онъ «не понималъ Кольцова и сбиль его съ толку» (198), «тащилъ и вырывалъ Кольцова изъ той среды, гдѣ только онъ и былъ мыслить» (195). Одно изъ двухъ: или Бѣлинскій, «тащивши» Кольцова, только заставлялъ смѣяться своего хитраго друга надъ своимъ донкихотствомъ и, слѣдовательно, съ «толку» его не сбиль и не могъ сбиль; или усилія Бѣлинскаго вовсе не были такъ безплодны, онъ успѣлъ внушить Кольцову искреннее желаніе бѣжать, «сбавая душу» (какъ выражался Бѣлинскій), и, стало быть, не гаденькій расчистецъ о сохраненіи своего «обаянія», а искреннее «отвращеніе» заставило Кольцова жаловаться на свою обстановку. На Бѣлинскаго или на Кольцова, но на кого-нибудь изъ нихъ г. де-Пуле наклеветалъ непремѣнно, потому что его обвиненія несовмѣстны, взаимно исключаютъ другъ друга. Истина заключается въ томъ,

¹ По свидѣтельству г. Афанасьева («Русскій Архивъ»), бывшего ученика воронежской гимназіи, этотъ «завидный» педагогъ былъ «настоящимъ тираномъ учениковъ, свѣкъ, билъ, щипалъ, мучилъ ихъ съ удовольствіемъ».

что г. де-Пуле наклеветалъ на обонкъ. До мозга костей про-
никнутый воззрѣніями Очищеннаго, онъ не можетъ понять, чѣмъ
могъ быть недоволенъ Кольцовъ. «По нашему мнѣнію, говорить
онъ:—для Кольцова, какъ для поэта-гѣсенника, трудно было бы
и придумать болѣе лучшее положеніе: человекъ вполне обезпе-
ченный, почти богатый, единственный сынъ у престарѣлаго от-
ца—чего же хотѣть больше!» (198). Т. е. именно какъ говорить
Очищенный: «по моему, такъ: сытъ, обутъ, одѣтъ, ну, и молчи!»
А, между тѣмъ, вотъ что Кольцовъ писалъ Вѣлинскому о своемъ
положеніи въ Воронежѣ: «Здѣсь кругомъ меня другой народъ—
татаринъ на татаринѣ... Здѣсь я за писанія терплю одни оскорб-
ленія... Всякій подлець такъ на меня и гѣзетъ, дескать, пи-
сакѣ-то и крылья ошибать». Какою горькою правдою дышатъ
эти слова! Если даже теперь въ нашихъ провинціальныхъ зако-
дустьяхъ литератору «трудно живется и дышется», какъ это
единодушно свидѣлствуютъ, напримѣръ, наши горемычные
провинціальные корреспонденты, то можно представить себѣ
положеніе дѣла сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда даже въ сто-
лицахъ мысль была какою-то контрабандою, а литераторъ—ка-
кимъ-то отверженцемъ, до того, что, напримѣръ, Пушкинъ ки-
чился своимъ дворянствомъ и чурался своего писательства. А
положеніе Кольцова, какъ литератора, было особенно тяжело и
нетолько потому, что никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ,
не и, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ мѣщанинъ и
на него смотрѣли, какъ на выскочку, который не въ свои саки
сидится. Воронежскіе чиновники, напримѣръ, съ особымъ удо-
вольствіемъ третировали его, какъ «мѣщаниншику», говорили
ему «ты», и «любезный», или, какъ управляющій палатою, въ
отвѣтъ на личную просьбу Кольцова о какомъ-то дѣлѣ: «ходите
по угламъ да закоулкамъ сначала, плутуете, мошенничаете, а
какъ дѣло—и гѣзете ко мнѣ» (114). Для Очищеннаго, который
«такъ себя обшлифовалъ, что хоть на куски его рѣжь, ему и
горюшка мало», такое обращеніе могло казаться совершенно
удовлетворительнымъ. Но поэту, съ чуткой и впечатлительной
натурой, находившемуся въ постоянномъ и интимномъ общеніи
съ человекомъ, стоявшимъ тогда во главѣ русской литературы
и дѣлавшему честь тому обществу, среди котораго онъ родился,
Кольцову, съ его тонкимъ и наблюдательнымъ умомъ, позволяв-
шимъ ему относиться съ критическою независимостью не только
къ воронежскимъ предсѣдателямъ и столоначальникамъ, но (по
свидѣтельству Панаева) и къ авторитетнымъ петербургскимъ ли-
тераторамъ—такому-то человеку г. де-Пуле отказываетъ въ пра-
вѣ тяготиться своимъ положеніемъ! «Чего же хотѣтъ больше?»
спрашиваетъ онъ, доказавши, что «большой каменный домъ»
Кольцова стоялъ изрядныхъ денегъ.

За всѣмъ тѣмъ, совершенно несомнѣнно, что въ Кольцовѣ
было два человека, что въ его натурѣ, дѣйствительно, замѣча-
лась раздвоенность. Это очень понятно. Его жизнь, его умствен-

ный и нравственный склад выработывались подъ влияніемъ двухъ теченій, двухъ факторовъ, не имѣвшихъ между собою ровно ничего общаго. Одинъ Кольцовъ—тотъ, которому симпатизируетъ г. де-Пуле, былъ пронырливый и практичный кулак-торговецъ, который съ самодовольствіемъ «разсказывалъ о своемъ искусствѣ надуть неопытнаго покупателя, продать дороже, купить дешевле», который, ради интересовъ кармана, лебезилъ передъ Жуковскимъ и Вяземскимъ и воронежскаго губернатора величалъ «благодѣтелемъ моей родины». Всѣ эти «грубыя черты жизни безотрадной» были естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общественной и семейной обстановки Кольцова. Другой Кольцовъ—тотъ, котораго только и видѣлъ и любилъ Вѣлижскій—былъ человѣкъ замѣчательный не только своимъ крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ, но и здравымъ и сильнымъ умомъ, которому не доставало только систематическаго образованія, чтобы оставить въ литературѣ прочный и глубокій слѣдъ. Поэтъ-Кольцовъ не успѣлъ взять верхъ надъ мѣщаниномъ-Кольцовымъ. Но, тѣмъ не менѣе, о Кольцовѣ съ большимъ, нежели о многихъ изъ безчисленнаго сонма нашихъ даровитыхъ «не разцвѣтшихъ и отцвѣтшихъ» людей, можно сказать словами Бёрне, что онъ былъ работою обстоятельствъ, но никогда не былъ ласкою ихъ. Если ему и не удалось «спасти душу» свою, разорвать съ прежнею жизнью и войти въ новую, онъ все-таки не опустился до полнаго примиренія съ тою средою, кодексъ которой истерпевается однимъ словомъ «жрать». «Лиходѣяна судьба» привела его къ преждевременной смерти, но преждевременная смерть не то же, что духовная деградация: бываютъ положенія, бываютъ общества, бываютъ эпохи, когда смерть является не гибелью, а спасеніемъ. А что касается Вѣлижскаго, то, по отношенію къ Кольцову, какъ и по отношенію ко всему русскому обществу, его роль была только двигателя, онъ на зло и на горе всѣмъ нашимъ Очищеннымъ, именно училъ «проникать»—въ этомъ его великая и непреходящая заслуга, которой, конечно, не унизить какому-нибудь малограмотному педагогу и злобствующему бюграфу.

Описательная социологія или группы социальныхъ фактовъ, классифицированные и распределенные *Гербертомъ Спенсеромъ*.—Англія. Составилъ Джемсъ Колье. Таблицы и приложения.—Переводъ подъ редакціею И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1878.

«Описательная социологія» Спенсера — сочиненіе очень своеобразнаго характера. Это обширный сводъ отдѣльныхъ фактовъ, относящихся къ настоящему и прошедшему состоянію различныхъ обществъ; факты эти сгруппированы по особой, придуманной Спенсеромъ системѣ, въ видѣ особыхъ таблицъ и объяснительнаго къ нимъ текста. Первоначально сводъ этотъ былъ предпринятъ собственно какъ подготовительный матеріалъ для «Основаній социологіи» Спенсера, но когда принятый способъ классификаціи данныхъ оказался удачнымъ и по этому способу составлено было

нѣсколько таблицъ, Спенсеръ рѣшился продолжать сочиненіе съ цѣлю его обнародованія. Лично Спенсеру принадлежитъ въ этомъ сочиненіи общій планъ его и способъ классификаціи фактовъ; что касается самаго подбора данныхъ, то онъ былъ сдѣланъ для него нѣсколькими другими учеными. «Описательная социологія» задумана въ весьма грандіозныхъ размѣрахъ и въ настоящее время далеко еще не приведена къ концу, хотя надъ нею трудятся нѣсколько лицъ уже около 10 лѣтъ. Все сочиненіе должно состоять изъ трехъ большихъ отдѣловъ, обнимающихъ собою три группы обществъ: 1) нецивилизованныя общества, 2) цивилизованныя общества уже угасшія или пришедшія въ упадокъ и 3) цивилизованныя общества, существующія въ настоящее время. Каждый отдѣлъ будетъ состоять изъ нѣсколькихъ выпусковъ, выходящихъ въ свѣтъ по мѣрѣ ихъ изготовленія; до настоящаго времени такихъ выпусковъ вышло пять. Три изъ нихъ относятся къ первому отдѣлу (низшія расы, африканскіе народы и азіатскіе народы), одинъ ко второму (угасшія американскія цивилизаціи) и одинъ къ первому (Англія). Этотъ послѣдній выпускъ, самый ранній по времени опубликованія, переведенъ г. Лучицкимъ на русскій языкъ.

Каждый выпускъ «Описательной социологіи» состоитъ изъ текста и ряда таблицъ. Текстъ представляетъ собою собраніе краткихъ выписокъ изъ разныхъ сочиненій. Выписки эти сгруппированы подъ извѣстными, однородными для всего труда рубриками, съ одной стороны соотвѣтственно порядкамъ явленій, къ которымъ они относятся, а съ другой соотвѣтственно обществамъ, въ которыхъ эти явленія обнаруживаются. Тѣ же самые факты, которые изложены въ текстѣ, сгруппированы и въ таблицахъ; но въ текстѣ выдержки изъ источниковъ приведены *in extenso*, а въ таблицахъ въ формѣ краткихъ положеній, и размѣщены такимъ образомъ, чтобы можно было удобно обзрѣвать и одновременность и послѣдовательность явленій. Именно каждая таблица состоитъ изъ ряда вертикальныхъ столбцовъ и всѣ данныя, относящіяся къ одному и тому же разряду явленій, соединены въ одномъ столбцѣ. Въ тѣхъ столбцахъ, которые относятся къ обществамъ, имѣющимъ свою исторію, данныя, помѣщенные въ вертикальныхъ столбцахъ, расположены послѣдовательно въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ просмаривая таблицы горизонтально, подъ рядъ за какой-нибудь періодъ времени, мы получимъ рядъ одновременно существовавшихъ явленій; если же мы будемъ читать каждый столбецъ сверху внизъ, мы узнаемъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій даннаго порядка явленій. Общая схема, по которой распределены факты въ таблицахъ «Описательной социологіи» такова: всѣ вообще явленія дѣлятся на двѣ большія группы: 1) относящіяся къ *строю* общества и 2) относящіяся къ его *отправленіямъ*. Строй общества раздѣляется на *выполняющій* (раздѣленіе труда и организація труда) и *направляющій* (политическій, церковный и обрядовый); нѣкоторыя

изъ этихъ общихъ рубрикъ имѣютъ еще дальнѣйшія подраздѣленія. Отправленія дѣлятся также на *направляющія* и *отыскивающія*. Къ первой категоріи отнесены: чувства (эстетическія и моральныя), идеи (религіозныя идеи и знанія) и языкъ. Вторая категорія отправленій распадается на *процессы* (распредѣленіе, обмѣнъ, производство, искусство, скотоводство и земледѣліе) и *продукты* (общественныя работы, жилища, пища, одежда, утварь, оружіе, эстетическія произведенія). Подъ каждой изъ этихъ рубрикъ помѣщена масса отдѣльныхъ фактическихъ указаній. Указанія эти не приведены ни къ какому обобщающему выводу. Они приводятся въ такомъ же сыромъ видѣ, какъ и въ текстѣ сочиненія. Задачу этихъ таблицъ составляетъ только размѣщеніе этихъ фактовъ въ удобной для обзорнія формѣ.

Таковы въ общихъ чертахъ планъ и содержаніе «Описательной соціологіи» Спенсера. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненіе это представляетъ собою трудъ весьма оригинальный и во многихъ отношеніяхъ полезный. Въ таблицахъ Спенсера собрано огромное количество матеріаловъ для сравнительнаго изученія социальныхъ явленій, въ обществахъ самаго разнообразнаго характера; матеріалъ этотъ расположенъ во всѣхъ отдѣлахъ труда по одной общей и очень остроумной системѣ, такъ что ориентироваться въ немъ весьма легко. Вообще для каждаго, изучающаго социальную науку, сочиненіе Спенсера можетъ служить очень цѣннымъ пособіемъ. Но во всякомъ случаѣ характеръ его преимущественно *стравочный* и признать за нимъ то значеніе, которое придаетъ ему самъ Спенсеръ, едва ли возможно. По идеѣ Спенсера, «Описательная соціологія» должна занимать въ области социальныхъ знаній такое же положеніе, какое принадлежитъ въ биологіи описанію строенія и отправленій различныхъ животныхъ. Дотѣхъ поръ, говоритъ онъ, «пока не было систематическихъ описаній различныхъ типовъ организмовъ, описаній, дающихъ возможность сравнить связь между различными частями организмовъ, ихъ формы, дѣйствіе, происхожденіе — наука жизни не могла идти впередъ. Подобнымъ же образомъ прежде, чѣмъ соціологія будетъ въ состояніи давать обобщенія, которыя можно назвать дѣйствительно научными, должны существовать точныя *описанія учреждений и дѣйствій общества различныхъ типовъ*, находящихся на различныхъ степеняхъ развитія, и эти описанія должны быть сгруппированы такъ, чтобы дать соціологу возможность безъ затрудненія доказать свои умозаключенія относительно социальныхъ явленій.» Нѣтъ спора, что точныя фактическія *описанія* конкретныхъ обществъ должны составлять необходимую подготовку для научныхъ соціологическихъ выводовъ. Но *описаніе* того или другого общества и наборъ отдѣльныхъ отрывочныхъ фактовъ относительно этого общества — далеко не одно и то же. Спенсеръ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что соціологическія обобщенія, чтобы быть дѣйствительно научными, должны опираться на массу предварительно собранныхъ фактовъ,

но онъ уже слишкомъ упрощаетъ этотъ предварительный процессъ фактической описательной работы. Выходитъ такъ, какъ будто существуютъ только двѣ стадіи, два фазиса соціологическихъ изслѣдованій: «описательная соціологія» — задача которой собрать возможно большее количество фактовъ и сгруппировать ихъ наиболѣе удобнымъ для обзоренія способомъ, безъ всякихъ выводовъ, и «научная соціологія», которая должна построить общіе соціологическіе законы непосредственно на основаніи матеріала, доставляемаго описательною соціологіею. Промежуточныхъ ступеней между этими двумя фазисами научнаго процесса мы не находимъ. Намъ кажется, что такимъ путемъ едва ли можно придти къ обобщеніямъ дѣйствительно индуктивнымъ. Индукція предполагаетъ непремѣнно извѣстную іерархію въ построеніи обобщеній. Общія соціологическіе законы, чтобы быть индуктивными, должны опираться на цѣлый рядъ предварительныхъ болѣе частныхъ обобщеній. Если при построеніи ихъ, соціологъ имѣетъ дѣло непосредственно съ массою отдѣльныхъ фактовъ, мы весьма легко можемъ получить, подъ видомъ индуктивныхъ обобщеній, выводы въ сущности апріорные, и лишь подтвержденные множественностью фактическихъ примѣровъ. Разобравъ хорошенько соціологическія работы Спенсера, въ нихъ нельзя не найти чертъ именно такого характера. У Спенсера мы встрѣчаемъ всегда подавляющую массу фактовъ, но всѣ эти факты служатъ собственно для иллюстраціи общихъ положеній, самыя же общія положенія получены не столько путемъ анализа социальныхъ явленій, сколько напередъ по аналогіи съ біологическими законами.

Строго говоря, и сама «Описательная соціологія» не чужда вліянія предвзятой теоріи. Хотя это сочиненіе и чисто фактическое по своей задачѣ, но такая фактичность далеко еще не составляетъ до тѣхъ поръ точной гарантіи его объективности. Извѣстный произволъ возможенъ уже въ самомъ выборѣ фактовъ, и еще болѣе въ ихъ классификаціи. Уже въ самой схемѣ, по которой составлены таблицы Спенсера, замѣтенъ извѣстный отпечатокъ его общихъ воззрѣній. Схема эта, очевидно, составлена подъ угломъ зрѣнія т. наз. органической теоріи и сообразно этому и самый подборъ фактовъ сдѣланъ такъ, что они доставляютъ богатый матеріалъ для иллюстраціи положеній именно этой теоріи. Что касается тѣхъ сторонъ, которыя выходятъ изъ рамокъ данной теоріи, то, по отношенію къ нимъ, таблицы далеко не представляютъ такихъ удобствъ. Такъ, на примѣръ, въ «Описательной соціологіи» Англии мы находимъ въ изобиліи данныя, характеризующія постепенное дифференцированіе общественнаго строя и отправленій, но попробуйте поискать, какъ отразилось это развитіе общественныхъ формъ на жизни отдѣльныхъ классовъ общества, и вы найдете только очень скудные указанія. Никакъ нельзя связать, чтобы это зависѣло отъ недостатка матеріаловъ. Въ тѣхъ самыхъ научныхъ трудахъ, которые цитированы Спенсеромъ (на примѣръ у Фруда, Т. Роджерса, Нассе, Brentano), есть много

интересных данныхъ въ этомъ отношеніи, которыя, однако, не вошли въ сводъ Спенсера, потому что не подходили къ его программѣ. Такихъ данныхъ, какъ, напримѣръ, движеніе цѣнъ на трудъ и хлѣбъ и т. п. у Спенсера нѣтъ вовсе, хотя въ англійской литературѣ имѣются матеріалы по этому предмету. Затѣмъ, хотя мы и находимъ въ таблицахъ особыя рубрики: жилища, одежда, утварь и т. п., но свѣдѣнія подъ этими рубриками выбраны и сгруппированы такимъ образомъ, что по нимъ нельзя составить заключенія, какъ вообще измѣнялась постепенно обстановка жизни *различныхъ классовъ* англійскаго народа и существовалъ ли въ этомъ отношеніи общій равный прогрессъ, или же улучшеніе въ жизни одной части населенія покупалось иногда пониженіемъ благосостоянія другой. Взвѣсивъ этого, мы получаемъ много очень детальнаго свѣдѣній о постепенномъ измѣненіи архитектуры зданій, формъ мебели, одежды, утвари и т. п.; мы узнаемъ, напримѣръ, что въ XIII в. стулья дѣлались съ четырехугольными спинками; затѣмъ спинки получили островерхую форму; въ XV в. спинки были высокія и прямыя, а въ XVIII закругленныя; что въ 1774 г. носили длинные фартуки, а въ 1879—гессенскіе сапоги и т. д., и т. д.; но какой именно процентъ населенія Англій ходилъ въ этихъ гессенскихъ сапогахъ и вообще съ котораго времени *все* англичане стали носить сапоги—у Спенсера мы стали бы искать напрасно.

Но не только въ выборѣ фактовъ можно подмѣтить извѣстную односторонность у Спенсера. Даже и тѣ явленія, которыя вошли въ его сводъ, получаютъ у него нѣрѣдко ту или другую оцѣнку опять-таки подъ угломъ зрѣнія его общей теоріи. Хотя вообще Спенсеръ избѣгаетъ прямыхъ выводовъ и старается ограничиться только констатированіемъ фактовъ, но иногда уже самое отнесеніе даннаго факта подъ ту или другую рубрику составляетъ въ извѣстной степени его оцѣнку. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Извѣстно, что въ Англій, какъ и вездѣ, первоначальной формою землевладѣнія была община; извѣстно также, что община разрушена была въ значительной степени путемъ законодательныхъ мѣръ; послѣдніе слѣды ея исчезли послѣ изданія ряда такъ называемыхъ «актовъ объ огораживаніи» или «о развѣстаніи», благодаря которымъ, земля окончательно сосредоточилась въ рукахъ немногихъ собственниковъ, а масса общинныхъ владѣльцевъ была превращена въ простыя рабочія руки. Попробуемъ прослѣдить у Спенсера судьбу общиннаго землевладѣнія. Разсматривая рубрики, относящіяся къ «строю» общества, мы находимъ въ табл. II (англо-саксонскій періодъ), въ колоннѣ «общественный строй» указанія на устройство маркы и организацію земельныхъ владѣній въ ней; въ слѣдующей таблицѣ сообщается нѣсколько данныхъ о феодализациі земельной собственности; наконецъ, въ таблицѣ IV, въ числѣ фактовъ объ организаціи труда, мы встрѣчаемъ, подъ 1485 годомъ, отмѣтку, что «число йоменовъ уменьшилось, вслѣдствіе многихъ стѣсненій».

Ничего болѣе по настоящему предмету въ «строй общества» мы не находимъ. Упомянутое объ «актахъ о разверстаніи» отыскиваемъ уже въ столбцѣ «земледѣліе», въ таблицѣ VI (XVIII в.), причемъ эти акты разсматриваются только какъ признакъ земледѣльческаго прогресса! Трудно сказать, чтобы приведенныя указанія объ исторіи такого важнаго института, какъ общинное землевладѣніе, были и полны, и объективны.

Помимо всѣхъ этихъ недостатковъ, объясняемыхъ извѣстною односторонностію соціологическихъ воззрѣній Спенсера, въ «Описательной соціологіи» есть еще и другія слабыя стороны, о которыхъ нельзя не упомянуть. Такъ отношеніе Спенсера (или его сотрудниковъ) къ литературѣ предмета довольно не разборчиво. Критическаго отношенія къ источникамъ мы вовсе не замѣчаемъ; между тѣмъ, эти источники совершенно разнороднаго достоинства. На ряду съ капитальными сочиненіями, въ числѣ ихъ фигурируютъ и чисто компилятивныя работы; и тѣ, и другія цитуются рядомъ и безразлично. Затѣмъ, далеко нельзя сказать, чтобы вся литература предмета была исчерпана въ компиляціяхъ Спенсера; такъ въ спискѣ сочиненій, изъ которыхъ дѣлались выписки для «Описательной соціологіи» Англии, мы не находимъ, напримѣръ, такихъ капитальныхъ матеріаловъ, какъ труды Ранке, Гизо (исторія англійской революціи), Гнейста, Фокке и т. д.

Сводя все сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что «Описательную соціологію» не только нельзя считать *научнымъ описаніемъ строя и отправленій общества разныхъ типовъ* (какъ это полагаетъ Спенсеръ), но и какъ справочный сводъ фактовъ, она имѣетъ много существенныхъ недостатковъ. Какъ бы то ни было, однако, это все-таки очень цѣнное пособіе при сравнительно историческомъ изученіи соціальныхъ явленій и нельзя не поблагодарить г. Лучицкаго за его попытку сдѣлать настоящее изданіе Спенсера доступнымъ русской публикѣ.

Ю. Э. Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. 1-й Спб. 1878.

Вышедшій въ свѣтъ 1-й томъ «Сравнительной Статистики» г. Янсона составляетъ начало обширнаго труда, предпринятаго авторомъ. Г. Янсонъ задался цѣлью сгруппировать и изложить въ объемѣ и формѣ, доступныхъ для массъ публики, главнѣйшіе результаты статистическихъ работъ русскихъ и параллельно съ ними западно-европейскихъ. Нѣтъ надобности доказывать, что подобный трудъ отвѣчаетъ насущной потребности нашей читающей публики. У насъ вообще очень мало хорошихъ сводныхъ работъ даже и по русской статистикѣ; чтобы ознакомиться съ тою или другою категоріею статистическихъ фактовъ, нерѣдко приходится обращаться къ первоначальнымъ сырымъ матеріаламъ, что не всегда удобно и возможно. Статистика западной Европы извѣстна намъ еще менѣе. Вообще мы очень мало знаемъ о «гниломъ» Западѣ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ намъ очень рѣшительно его третировать. Въ послѣднее время,

наклонность къ такому третированію сдѣлалась особенно сильна; поэтому теперь болѣе чѣмъ когда нибудь любопытно слышать итоги русской и европейской дѣйствительности, какъ они выражаются въ такомъ объективномъ критеріи, какъ статистическія цифры.

Въ дѣломъ, сочиненіе г. Янсона будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый томъ посвященъ статистикѣ населенія и можетъ быть рассматриваемъ самъ по себѣ, какъ законченная монографія. Статистика населенія имѣетъ важный интересъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, явленія, которыми она занимается, принадлежатъ къ числу самыхъ элементарныхъ, основныхъ, безъ точнаго изученія которыхъ невозможно правильное понятіе о другихъ болѣе сложныхъ категоріяхъ социальныхъ фактовъ; въ самомъ дѣлѣ, съ какихъ бы сторонъ мы ни рассматривали ту или другую общественную группу, изученіе самаго состава этой группы должно, во всякомъ случаѣ, составлять нашъ первый шагъ. Но, кромѣ того, статистика населенія представляетъ существенную важность и въ отношеніи методологическомъ: *теорія статистики* создавалась, главнымъ образомъ, путемъ анализа явлений движенія населенія; эти явленія, наряду съ фактами такъ-называемой нравственной статистики, служили главнымъ основаніемъ для установленія вывода о законосообразности социальныхъ фактовъ. Затѣмъ, при изслѣдованіи статистики населенія, выработались и настоящіе приемы статистической техники, какъ по отношенію къ регистраціи первоначальныхъ данныхъ, такъ и по отношенію къ ихъ научной обработкѣ; мы встрѣчаемся здѣсь, съ одной стороны, съ такими грандіозными операціями, какъ однодневныя переписи населенія, а съ другой—съ примѣненіемъ самыхъ сложныхъ и абстрактныхъ научныхъ приемовъ, при исчисленіи, на примѣръ, таблицъ смертности, средней и вѣроятной жизни и т. п.

Въ планъ изслѣдованія г. Янсона, вторая, теоретическая сторона статистики населенія не входитъ. Она ограничивается изложеніемъ главнѣйшихъ фактическихъ *результатовъ* статистическихъ работъ, не останавливаясь на разъясненіи, какимъ путемъ добыты эти результаты. Такимъ образомъ, его книга не даетъ еще полнаго понятія о статистикѣ населенія во всемъ ея объемѣ; но въ тѣхъ предѣлахъ, какіе поставилъ себѣ г. Янсонъ, какъ сводъ фактическихъ данныхъ, книга эта представляетъ трудъ весьма обстоятельный и заслуживающій полнаго вниманія. Во всякомъ случаѣ, это лучшій трактатъ по демографіи, какой существуетъ на русскомъ языкѣ. Г. Янсонъ пользовался по большей части источниками первой руки и лучшими монографическими работами; по отношенію къ русскимъ даннымъ, его сочиненіе представляетъ не простую сводную работу, а самостоятельное изслѣдованіе; нѣкоторыя стороны предмета затронуты имъ только въ первый разъ. Укажемъ, на примѣръ, на анализъ рождаемости и смертности въ различныя времена года, при чемъ г. Янсону удалось подмѣтить извѣстную географическую пра-

вильность въ распредѣленіи maximum'овъ и minimum'овъ рожденій и смертей въ тѣ или другіе мѣсяцы.

Но особенный интересъ книгѣ придаетъ, какъ уже замѣчено выше, ея сравнительный характеръ. Сравненіе является поучительнымъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, факты русской жизни получаютъ гораздо болѣе яркое освѣщеніе, когда они поставлены въ связь съ однородными данными изъ жизни другихъ націй; во-вторыхъ, подобнымъ путемъ весьма наглядно обнаруживаются всѣ пробѣлы и прорѣхи въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о самыхъ элементарныхъ явленіяхъ русской дѣйствительности. А эти пробѣлы весьма велики и напомнить о нихъ лишній разъ далеко не бесполезно. Можно сказать даже, что ни одинъ разрядъ фактовъ, относительно статистики населенія, не установленъ у насъ сколько-нибудь обстоятельно: мы не знаемъ даже точной цифры народонаселенія Россіи; данныя о составѣ этого населенія еще болѣе неточны и неполны; такъ, у насъ нѣтъ свѣдѣній ни о распредѣленіи населенія по занятіямъ, ни о семейномъ (или такъ-называемомъ гражданскомъ) состояніи жителей; возрастной составъ населенія можетъ быть опредѣленъ только приблизительно, путемъ вычисленій и догадокъ и т. д. Регистраціи движенія населенія ведется нѣсколько лучше, но и тутъ отсутствіе свѣдѣній о наличномъ составѣ населенія является препятствіемъ для сколько-нибудь точныхъ и обстоятельныхъ выводовъ. Понятно, что при такомъ характерѣ матеріаловъ, о сравнительной статистикѣ Россіи и Западной Европы, въ точномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи. Это, впрочемъ, нисколько не лишаетъ цѣлесообразности трудъ г. Янсона, такъ какъ, повторяемъ, уже самое напоминаніе о массѣ внутренней работы, необходимой намъ, чтобы хотя нѣсколько «познать себя», далеко не лишено значенія; но результаты сравненія не исчерпываются только этимъ напоминаніемъ. Какъ ни мало однородности представляютъ русскіе и западные матеріалы, они во всякомъ случаѣ даютъ возможность и кое-какихъ прямыхъ выводовъ. Укажемъ для примѣра хоть на явленія смертности. Безъ сомнѣнія, русскія данныя не даютъ отвѣта на очень многіе вопросы по отношенію къ этому разряду явленій; но мы, во всякомъ случаѣ, можемъ сличить коэффициентъ общей смертности въ Россіи и въ Европѣ и даже провести сравненіе нѣсколько далѣе, такъ, напримѣръ, у насъ есть данныя о смертности дѣтей въ раннемъ возрастѣ (тѣсно связанной съ общимъ уровнемъ благосостоянія) и т. д. Только путемъ такого сравненія и возможно оцѣнить правильно факты, устанавливаемые статистическими наблюденіями. Въ самомъ дѣлѣ, если мы знаемъ только, что въ Россіи ежегодно умираетъ среднимъ числомъ 35 чело-вѣкъ на 1,000, этого фактъ самъ по себѣ еще не говоритъ намъ многого; но онъ получаетъ совсѣмъ другое значеніе, если сопоставить его съ тѣмъ, что средняя смертность въ Европѣ составляетъ только 25,2⁰/₀, а въ нѣкоторыхъ странахъ спускается до

17 чел. на тысячу. Тоже самое относится и къ дѣтской смертности; и здѣсь, только путемъ сравненія колебаній коэффициентовъ при разныхъ условіяхъ, мы можемъ выяснитъ, по скольку тѣ или другіе размѣры ея зависятъ отъ общихъ антропологическихъ или социальныхъ причинъ. Если, напримѣръ, мы узнаемъ, что въ Россіи умираетъ на первомъ году жизни болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ родившихся, а въ Англіи на 86% менѣе, мы должны заключить, что въ нашихъ условіяхъ есть что-то болѣе неблагоприятное для человеческой жизни, чѣмъ у нашихъ западныхъ сосѣдей.

Мы привели эти примѣры только для иллюстраціи нашей мысли. Въ книгѣ г. Янсона читатели найдутъ много матеріаловъ для подобныхъ сближеній. Къ сожалѣнію, по большей части, сближенія эти могли быть сдѣланы только въ очень общихъ и крупныхъ чертахъ, но виновать въ этомъ не г. Янсонъ, а недостатокъ того матеріала, съ которымъ онъ долженъ былъ имѣть дѣло.

ВОПРОСЪ

О ПЕРЕДАЧѢ ВЯТСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ЗЕМСКОЙ СЕМИНАРИИ МИНИСТЕРСТВУ.

Извѣстенъ тотъ фактъ, что учительскимъ земскимъ семинаріямъ у насъ на Руси не посчастливилось, несмотря на все сочувствіе къ нимъ общества и на общій недостатокъ подготовленныхъ учителей для народныхъ школъ. Въ настоящее время, такихъ земскихъ семинарій, въ завѣдываніи которыхъ уцѣлѣли бы еще первоначальныя права земства, какъ *устррителя*, осталось уже, кажется, не болѣе трехъ, въ числѣ которыхъ надо пока считать и нашу вятскую земскую учительскую семинарію. Мы говоримъ *пока*, такъ какъ въ вятскомъ обществѣ и въ самомъ земствѣ уже сложилось убѣжденіе, что дни самостоятельнаго существованія земской семинаріи сочтены. Экстренное губернскае земское собраніе, бывшее съ 5-го по 7-е марта этого года, уже согласилось въ принципѣ о передачѣ учительской земской семинаріи въ вѣденіе министерства государственныхъ имуществъ, обусловивъ эту передачу, какъ увидимъ ниже, оставленіемъ нѣкоторыхъ правъ въ завѣдываніи и контролѣ за земствомъ. Окончательное рѣшеніе этого вопроса должно было послѣдовать въ декабрѣ этого года, на губернскомъ очередномъ земскомъ собраніи; можетъ быть, вопросъ этотъ уже и рѣшенъ, тѣмъ не менѣе, въ виду несправедливыхъ нападокъ на положеніе дѣлъ въ земскихъ

училищахъ, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ прошедшимъ и настоящимъ вятской земской учительской семинаріи.

Вопросъ о передачѣ или преобразованіи земской учительской семинаріи—вопросъ болѣе, чѣмъ не новый. Въ докладѣ губернской управы къ экстренному губернскому земскому собранію 28-го августа 1876 года, бывшаго по поводу преобразованія учительской семинаріи въ реальное училище, слѣдующимъ образомъ характеризуются отношеніе губернскаго земства къ этой школѣ: «Въ теченіе времени съ 1868 года по 1876 годъ перемѣнились и выступали на поприще земской дѣятельности три состава губернскихъ земскихъ гласныхъ. Смѣна этихъ составовъ соотвѣтствуетъ тремъ фазисамъ въ развитіи вопроса объ училищѣ. На долю состава гласныхъ 1-го трехлѣтія выпала, такъ сказать, теоретическая разработка вопроса объ училищѣ; составъ гласныхъ 2-го трехлѣтія занятъ былъ осуществленіемъ училища и работами о присвоеніи ему правъ соотвѣствующихъ казенныхъ заведеній, съ сохраненіемъ за нимъ все-таки характера учрежденія земскаго, а не казеннаго; въ періодъ 3-го трехлѣтія земства, возникаетъ стремленіе передать училище въ вѣденіе правительственныхъ учрежденій на правахъ казеннаго учебнаго заведенія». И дѣйствительно, вопросъ объ устройствѣ земствомъ своей учительской земской семинаріи нѣкоторыми гласными былъ поднятъ въ 1868 году на второй очередной губернской сессіи, и для окончательной выработки устава и программы заведенія была выбрана коммиссія изъ семи гласныхъ, которая слѣдующему очередному губернскому собранію 1869 года представила такой окончательный свой выводъ: «Согласно мнѣнію губернскаго земскаго собранія, необходимо учредить на средства губернскаго земства учительскую школу, которая давала бы учителямъ для народныхъ школъ вообще, безъ различія—будутъ ли впоследствии программы начальныхъ школъ увеличены особыми предметами, или оставлены въ существующемъ видѣ». По мнѣнію коммисіи, «характеръ и цѣль истинно народной школы должны опредѣлить характеръ и программу школы учительской»¹. Народная школа, говоритъ также коммиссія, должна давать населенію не одну только грамотность, но главная и существенная задача ея—помочь населенію суммой положительныхъ знаній выйти изъ бѣдственнаго положенія и искоренять предрасудки, касающіеся явленій природы. «Слѣдущій и опытный въ осозательно-полезныхъ предметахъ человекъ всегда внушаетъ крестьянину уваженіе, а потому, чтобы учитель занялъ въ глазахъ населенія должное положеніе и тѣмъ привлечь населеніе къ школѣ, необходимо приготовить соотвѣствующихъ этой цѣли учителей, что можетъ быть достигнуто только особой учительской земской семинаріей, проэктуруемой коммиссіей»². Особенность этой школы должна была состоять въ

¹ Журналъ губернскаго собранія III очередной сессіи 1869 г., стр. 283.

² Ibid., стр. 284.

энциклопедичности теоретических и прикладных знаний и ничуть не быть односторонней, специальной, имея одну только главную цель — готовить учителей в народные школы. Вот в общих чертах основные положения, из которых губернское земство первого трехлетия исходило, устраивая свою особую земскую учительскую семинарию и рѣшаясь затрачивать для земства громадный капитал — 25,000 руб. ежегодно. Къ этому взгляду губернского земства на задачи семинарии надо добавить и тотъ интересный фактъ, что почти всѣ уѣздныя земскія собранія въ 1873 году, обсуждая проектъ двухклассной сельско-хозяйственной школы, выработанный по инициативѣ губернской управы, указывали на ограниченность своихъ средствъ, не отказываясь, однако, при помощи губернского земства, въ видѣ опыта, завести по одной двухклассной сельско-хозяйственной школѣ на уѣздъ. По этому поводу, въ вышеупомянутомъ докладѣ экстраемному губернскому земскому собранію 1876 года губернская управа говоритъ, что «если такъ высказались уѣздныя земства, когда были спрошены, то не было никакого основанія предполагать въ нихъ что-либо другое раньше спроса, и нѣтъ сомнѣнія, что губернское собраніе не предполагало этого, а потому и имѣло цѣлю готовить въ вятскомъ земскомъ училищѣ лучшихъ учителей для тѣхъ народныхъ школъ, какія есть или могутъ быть по усмотрѣнію и средствамъ уѣздныхъ земствъ, но не исключительно для школъ особыхъ, нормальныхъ или сельско-хозяйственныхъ, существованіе которыхъ было и остается доселѣ только задачей.» Почти каждое уѣздное земство, не считая губернскихъ стипендіатовъ, имѣетъ по два и болѣе стипендіатовъ уѣздныхъ въ учительской семинаріи и съ охотой предлагаетъ оканчивающимъ мѣста въ своихъ школахъ, иногда давая болѣе жалованье, чѣмъ кончившимъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ, Орловское земство, такъ какъ кончившіе и некончившіе ученики этого земскаго училища успѣли уже зарекомендовать себя, какъ учителя, во всѣхъ уѣздахъ съ самой выгодной стороны знаніемъ своего дѣла и искреннимъ и серьезнымъ отношеніемъ къ школѣ. Гласные второго трехлѣтія, занимавшіеся осуществленіемъ самой школы, съ неменьшею серьезностію и симпатіей отнеслись къ устройству и организаціи училища, передавъ его своимъ преемникамъ съ весьма хорошо начавшейся и слагавшейся жизнью, обѣщавшею много хорошаго въ будущемъ. Уставъ былъ утвержденъ министромъ на девять лѣтъ, училище имѣло уже хорошее помѣщеніе, опытное поле, бібліотеку, мастерскія, лабораторію, естественный, физическій, и сельско-хозяйственный кабинеты, болѣе 20 уѣздныхъ стипендіатовъ; оставалось только продолжать такъ хорошо начатое дѣло. Но оказалось, что разрушить легче, чѣмъ продолжать начатое, не говоря уже объ созиданіи. Началось съ того, что губернское земство почему-то увидѣло несчастіе и гибель для училища въ отсутствіи правъ для учениковъ относительно отбыванія воинской повинности,

хотя въ сущности никакой тутъ особенной бѣды не было. Правда, въ началѣ дѣйствительно встрѣтилось такое неудобство для учениковъ, находящихся на очереди, которое заставило ихъ выйти изъ училища, не давъ имъ окончить полного курса, сдать экзаменъ при гимназiи на сельскаго наставника и пойти въ учителя въ народную школу на шесть лѣтъ, но и это «зло», въ настоящее время, за неизмѣнимъ и по сіе время правъ училищамъ, почти совсѣмъ устранилось, такъ какъ «очередные» стали поступать моложе, а именно 15-ти или 16-ти лѣтъ, надѣясь къ отбыванiю очереди, кончить и поступить въ учителя, потому что курсъ въ училищѣ полагается четырехлѣтній. На одномъ изъ предшествующихъ собранiй, а именно, въ 1876 г., на экстренномъ губернскомъ собранiи, гласнымъ г. Сипайло было высказано мнѣніе, что неизмѣніе правъ, по здравому смыслу, можетъ служить скорѣе ко благу учащихся, такъ какъ это заставить ихъ придавать большее значеніе знанiямъ, посредствомъ которыхъ, если захотятъ, могутъ добыть и права, а также и ко благу земства, потому что отсутствiе правъ даетъ большее количество учителей, заставляя многихъ воспитанниковъ спасаться отъ очереди учительствомъ въ сельскихъ школахъ, обыкновенно мало вознаграждаемымъ сравнительно съ другими занятиями. Губернское собраніе VIII очередной сессii въ 1874 г., послѣ отъѣзда правительства на ходатайство земства дать воспитанникамъ земскаго училища права второразряднаго, постановило ходатайствовать предъ министерствомъ государственныхъ имуществъ о принатiи училища въ свое вѣденіе, причемъ земство ставило условiемъ сохраненіе основной цѣли училища — приготовленіе учителей, и, предполагая, что программа училища не будетъ измѣнена. Министерство государственныхъ имуществъ отвѣтило на ходатайство земства, что «заведенiя, назначаемыя для приготовленiя учителей, находятся въ вѣденiи министерства народнаго просвѣщенiя, а подвѣдомственные министерству государственныхъ имуществъ спеціальныя сельско-хозяйственныя учебныя заведенiя чужды этого характера. почему и ходатайство Вятскаго земства о принатiи учрежденнаго имъ училища въ вѣденіе этого министерства съ тѣмъ характеромъ, какой земство желаетъ придать этому заведенiю, не можетъ быть удовлетворено». Можетъ быть, земство и махнуло бы рукой на эти несущественныя и не необходимыя права, а считало бы болѣе существеннымъ исполненіе программы, но, къ несчастью, въ 1875 г. внутренняя жизнь училища, послѣ выхода лучшихъ учителей въ 1874 г., много измѣнилась къ худшему, особенно это стало замѣтно, когда въ ней сдѣлался полнымъ хозяиномъ директоръ г. Германъ, личность очень схожая съ г. Ждановичемъ, директоромъ Черниговской учительской земской семинарiи.

Въ 1878 г., въ отчетѣ по учебной и воспитательной части губернскому земскому собранiю очередной VII сессii г. Германъ, будучи уже неправяющимъ должностъ директора, вмѣстѣ съ дру-

гими преподавателями, писали объ ученикахъ слѣдующее: «учащіяся вполне заинтересованы училищемъ, занимаются съ большимъ усердіемъ и внимательностію, оказываютъ вполне удовлетворительные успѣхи, ко всѣмъ требованіямъ педагогическаго совѣта относятся съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ, словомъ, обнаруживаютъ полную серьезность и порядочность, достойную молодыхъ людей, всегда и во всемъ взвѣшивающихъ свои поступки¹». Черезъ два года послѣ своего завѣдыванія земскимъ училищемъ, тотъ же г. Германъ, въ особой запискѣ въ комиссію, избранную губернскимъ собраніемъ для пересмотра устава училища, заявляетъ уже слѣдующее: «74—75 учебный годъ былъ годомъ движенія преподавателей училища. Въ продолженіе года смѣнилось пять преподавателей и, понятно, что подобное движеніе причиняетъ прямой вредъ дѣлу. Причина же движенія преподавателей объясняется очень просто. Каждому учителю приходилось встрѣчаться съ учениками въ классѣ, а, слѣдовательно, приходилось встрѣчаться съ апатіей учениковъ. Недостатокъ энергіи въ ученикахъ убиваетъ энергію въ преподавателяхъ и приводитъ ихъ къ желанію оставить занятія. Скажу о себѣ. Я самый счастливый изъ преподавателей, на мои уроки ученики ходятъ довольно исправно, но, однако, и во мнѣ не стало той энергіи, какая желательна. Я съ удовольствіемъ иду въ 1 и 2 классы, съ желаніемъ въ 3, и съ полной неохотою въ 4²». Много бы можно выписать такихъ краснорѣчивыхъ мѣстъ изъ мѣстной г. Германа, желавшаго убѣдить собраніе въ необходимости преобразованія учительской семинаріи въ реальное училище, такъ какъ, по его мнѣнію, вся апатія учениковъ происходила отъ неимѣнія правъ второразряднаго училища; но, полагаю, что и вышеприведеннаго вполне будетъ достаточно для характеристики читателю этого почтеннаго педагога, дѣлавшаго такъ откровенно приговоръ своему дѣлу на пользу земства. И чего не бываетъ, читатель, на свѣтѣ! «нѣтъ очи видѣти и уши слышати», собраніе согласилось съ мнѣніемъ г. Германа и постановило: преобразовать учительскую земскую семинарію въ реальное училище, съ присоединеніемъ для желающихъ педагогическаго 7-го класса, назначивъ въ директора этого же г. Германа. И вотъ этотъ человѣкъ, почти уничтожившій въ корнѣ лучшую жизнь заведенія, человѣкъ, съ которымъ не могли жить лучшіе преподаватели, уважавшіе свою самостоятельность и свое человеческое достоинство, этотъ педагогъ, говорившій гласно о своей апатіи къ дѣлу, былъ посланъ собраніемъ вмѣстѣ съ председателемъ губернской управы, г. Дерновымъ, къ попечителю казанскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ о преобразованіи!..

Что затѣмъ дѣлалось въ училищѣ, трудно передать словами.

¹ Доклады губерн. зем. управы 1873 г., т. 3, стр. 254.

² Доклады губерн. управы и журналы собранія IX очеред. сессіи 1875 г., 2 т. стр. 586.

Сельскій хозяинъ, г. Вахъ, преподавалъ нѣмецкій языкъ вмѣсто сельскаго хозяйства, которое почти совсѣмъ пересталъ читать, или читалъ такъ, что никто не изъявлялъ желанія его посѣщать; поле было совсѣмъ заброшено и всѣ ученики на лѣто были отпущены; маневрованіе уроками со стороны учителей дошло до того, что ученики и до отпуска почти совсѣмъ не занимались, почему лучшіе изъ нихъ, видя все совершающееся и не ожидая ничего лучшаго впереди, «шли толпой изъ училища», какъ докладывалъ директоръ объ этомъ фактѣ собранію, шли въ наставники сельскихъ земскихъ школъ, сдавая въ Казани при университетѣ и въ Вяткѣ при гимназій экзамены на сельскихъ учителей. Въ 74 — 75 учебномъ году, по словамъ отчета, было 27 человѣкъ изъ 97 человѣкъ, и съ сентября до декабря 75 года 8 человѣкъ, а всего въ 15 мѣсяцевъ 35 человѣкъ¹. Но такъ какъ «худа безъ добра не бываетъ», то и такое безотрадное положеніе дѣлъ въ училищѣ указало собранію, наконецъ, болѣе истинныя причины всеобщей апатіи, тѣмъ отсутствіе правъ, освѣтивъ дѣятельность педагоговъ. На экстренномъ губернскомъ собраніи въ 76 г., въ августѣ, многими гласными было высказано полное порицаніе дѣятельности училищнаго педагогическаго совѣта и собраніе рѣшило оставить училище при прежнемъ уставѣ, попросивъ правленіе училища обратить вниманіе на внутреннюю жизнь заведенія и на болѣе соотвѣтствующій педагогическій персоналъ, который относился бы съ болѣе серьезностію и симпатіей къ задачамъ земства и выполненію дѣли училищемъ. Многими гласными было высказано мнѣніе, что подобное отношеніе учениковъ къ занятіямъ и выходъ ихъ изъ училища обусловливаются отношеніемъ самихъ преподавателей къ своему дѣлу; что же касается до правъ, то они тутъ никомъ образомъ не могли быть причиной упадка заведенія и служить только орудіемъ для этого въ рукахъ директора Германа.

То же почти самое высказало и очередное собраніе въ декабрѣ 76 г., и очередное собраніе въ 77 г., прося правленіе отнестись добросовѣстнѣе къ своей обязанности, озаботиться прискавіемъ достойнаго директора на мѣсто г. Германа, который, по причинѣ разлада съ земствомъ, прошедшимъ лѣтомъ, оставилъ училище. «При разсмотрѣніи доклада управы, говорить особая коммиссія по разсмотрѣнію вопроса о земскомъ училищѣ:—объ отказѣ комитета министровъ утвердить предлагаемыя въ уставѣ училища измѣненія въ дѣлахъ доставленія правъ и преимуществъ преподавателямъ и воспитанникамъ училища, коммиссія высказывается, что *вопросъ о правахъ не представляется особенно существеннымъ*. Практика показала, что отыскивать для училища учителей не представляетъ особенныхъ затрудненій. Что касается правъ воспитанниковъ, то полученіе

¹ Журналы губерн. собранія IX сессіи 76 г. 2 т. 320 стр.

ими льготы по воинской повинности не влечет также особенного вреда для нихъ. Поступая 15—16 лѣтъ въ училище, они кончаютъ курсъ 19—20 лѣтъ и затѣмъ большинство изъ нихъ поступаетъ въ учителя, и такимъ образомъ, по самой обязанности своей, избавляется отъ воинской повинности. *Во видахъ всего этого, впродѣ до пересмотра устава училища по истеченіи 9 лѣтъ, комиссія по измѣненію этого устава.* Здѣсь комиссія еще считаетъ своимъ долгомъ высказать, что слухи о закрытіи училища, распространяемые въ обществѣ, въ настоящее время, парализируютъ занятія учениковъ и вообще дурно вліяютъ на учениковъ. *Уничтожить такое ненормальное явленіе и поставить училище на прочную почву—одна изъ главныхъ задачъ земства.* Поэтому необходимо просить правленіе училища выбрать директоромъ такое лицо, которое, по своему образованію, призванію и нравственнымъ качествамъ было бы для учениковъ авторитетомъ и отвѣчало бы вполнѣ учебно-воспитательной задачѣ, постановленной земствомъ для училища»¹. Большинство собранія согласилось съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ комиссія и для большаго успѣха дѣла выбрало изъ своей среды попечителемъ училища гласнаго г. Кузнецова, прося его содѣйствовать устройству внутренней жизни училища, но оставивъ почему-то тоже самое правленіе, члены котораго, генералъ Шестаковъ и врачъ Арбузовъ, по словамъ нѣкоторыхъ гласныхъ, совсѣмъ почти не посѣщали правленія, и, кромѣ того, они постоянно стояли за передачу и преобразования, а нынѣ на экстренномъ собраніи высказались даже за закрытіе училища или за безусловную передачу его въ вѣденіе министерства. Дѣло въ томъ, что и въ нашемъ крестьянскомъ земствѣ начинается слагаться партія, чуждая земскимъ интересамъ, составляющаяся изъ настоящихъ или бывшихъ чиновниковъ², большинство которыхъ живетъ въ самомъ г. Вяткѣ, гдѣ и находится училище; члены же земской партіи — люди наѣзжие, жители уѣздовъ или уѣздныхъ городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, однако, находятся, какъ Слободской. всего въ 30 верстахъ, и Орловъ въ 50 верстахъ отъ г. Вятки, что не могло бы служить особеннымъ препятствіемъ быть членомъ правленія и пріѣзжать разъ въ мѣсяцъ на засѣданія правленія. Но таковы видны наши ужъ условія воспитанія, что, кромѣ обломовскихъ благопожеланій, ничего въ насъ не выработывается... Но какъ ни мало было надежды на содѣйствіе такого правленія, которое, впродолженіи почти двухъ лѣтъ, несмотря на многократныя просьбы и постановленія собранія, относилось болѣе чѣмъ индифферентно къ своей обязанности и вело дѣло въ училищѣ скорѣе такъ, что можно по самому дѣлу судить о

¹ Журналы губерн. собранія XI очеред. сессіи. 2 т. 225 стр. Вятка, 1878 г.

² Есть даже гласный правитель канцеляріи губернатора, избранный гор. Вяткой.

противномъ предполагаемому содѣйствію, ученики и общество, несмотря на все это «очевидное», любя самую идею и цѣль училища, вѣрили и ждали, что «авось» настанетъ и лучшее, и что наши Магъ-Магоны «подчинятся» же когда-нибудь требованіямъ большинства, душой и сердцемъ такъ или иначе все-таки любящаго это благое земское начинаніе, но, къ несчастію, неумѣющаго дѣлать по своему. Но, кажется, и этой безответной вѣрѣ настаетъ конецъ...

И вотъ, когда уже вопросъ о передачѣ земствомъ училища министерству можно было считать оконченнымъ на болѣе или менѣе продолжительное время, губернская управа, вскорѣ послѣ очереднаго собранія, получаетъ черезъ Вятскаго губернатора увѣдомленіе отъ министерства государственныхъ имуществъ, что «г. министръ народнаго просвѣщенія не встрѣчаетъ въ настоящее время болѣе препятствій къ тому, чтобы Вятское земское училище было передано въ вѣденіе министерства государственныхъ имуществъ и *сращено въ сельско-хозяйственное учебное заведеніе, которое приготавливало бы учителей для сельско-хозяйственныхъ низшихъ школъ, но не для обыкновенныхъ общеобразовательныхъ сельскихъ училищъ*»¹. Въ предложеніи министерства ничего не высказано о степени участія земства въ управленіи училищемъ и относительно контроля по расходу земскихъ денегъ, почему экстренное собраніе, послѣ доклада комиссін, назначенной по поводу этого предложенія, постановило предложить министерству слѣдующія условія, на которыхъ земство только и можетъ передать ему свое заведеніе:

1) Цѣль, поставленная земствомъ для училища — распространеніе сельско хозяйственныхъ и техническихъ знаний и приготовленія учителей — сохраняется и программа училища остается прежняя; измѣненія могутъ быть допущены только несущественныя.

2) Училище управляется попечительнымъ и педагогическимъ совѣтами и, въ качествѣ исполнителя — хозяйственнымъ совѣтомъ. Кромѣ того, земство избираетъ почетнаго попечителя училища.

3) Попечительный совѣтъ состоитъ: изъ попечителя, директора, 3 членовъ отъ земства и члена отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Обязанности его — разсмотрѣніе сметъ и отчетности, контролированіе правильности расходовъ, назначеніе стипендій, ежегодное представленіе свѣдѣній о состояніи училища губернскаму собранію, избраніе директора, представленіе министерству объ утвержденіи и увольненіи его и проч.

4) Въ хозяйственный совѣтъ входятъ директоръ и 2 преподавателя. Дѣятельность его распорядительная и исполнительная въ границахъ, опредѣленныхъ попечительнымъ совѣтомъ.

¹ Журналъ Вятск. губерн. экстреннаго зем. собранія 78 г. 5—7 марта 76 стр.

5) Почетному попечителю предоставляются тѣже права и обязанности, какія присвоены попечителямъ реальныхъ училищъ, содержимыхъ на средства земства.

6) Директоръ избирается попечительнымъ совѣтомъ и утверждается въ должности, а также и увольняется по представленіи совѣта, министромъ государственныхъ имуществъ.

7) Инспекція и наблюденіе за учебно-воспитательной частью предоставляются министерству.

8) Директоръ и преподаватели пользуются правами государственной службы.

9) Воспитанники училища пользуются правами, льготами и преимуществами наравнѣ съ воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній министерства государственныхъ имуществъ и получаютъ, по окончаніи ученія, свидѣтельства на званіе учителя низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и равныхъ имъ учебныхъ заведеній. Тѣ же изъ нихъ, которые въ званіи учителя прослужили 10 лѣтъ, получаютъ званіе личнаго почетнаго гражданина, а 20 лѣтъ—потомственного почетнаго гражданина.

10) Училищныя зданія и имущество, оставаясь въ собственности земства, передаются въ завѣдываніе министерства.

11) Изъ назначаемыхъ въ настоящее время на училище 25,000 р.—19,000 р. отпускаются на содержаніе училища, а 6,000 р., на существующемъ основаніи, остаются въ распоряженіи попечительнаго совѣта на выдачу стипендій ученикамъ училища.

На вышеизложенныхъ основаніяхъ, собраніе постановило: поручить управѣ разработать частности условій передачи, совместно съ попечителемъ и правленіемъ училища, и къ будущему очередному собранію (т. е. декабрю этого года) представить въполнѣ опредѣленные и подробныя условія передачи, такъ чтобы *«собраніе могло уже окончательно и въ послѣдній разъ рѣшить вопросъ о передачѣ училища»*.¹ Что же касается до личныхъ мнѣній относительно предполагаемой передачи, то на нашъ упрекъ одному члену комиссіи, мы получили отвѣтъ, что это рѣшеніе большинствомъ комиссіи было сдѣлано подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ настоящаго состоянія училища и его кажущейся безвыходности положенія; становясь же на точку зрѣнія земскихъ интересовъ, подобное рѣшеніе комиссіи и собранія нельзя оправдать, такъ какъ оно не можетъ не противорѣчить основнымъ цѣлямъ училища, *«которое, по словамъ комиссіи 68 и 69 гг., выработывавшей проектъ училища, должно давать учителямъ для народныхъ школъ вообще, безъ различія—будутъ ли впоследствии программы начальныхъ школъ увеличены особыми предметами, или оставлены въ существующемъ видѣ, такъ какъ народная начальная школа даже и теперь позволяетъ въ тольковомъ чтеніи не только значительно развить учащихъся, но и со-*

¹ Ibid. 86—87 стр.

общить имъ свѣдѣнія, примѣнимыя въ крестьянскомъ обществѣ»¹. Обусловленіе же министерствомъ передачи училища, чтобы оно было «обращено въ специальное сельско-хозяйственное учебное заведеніе, которое приготовляло бы учителей для сельско-хозяйственныхъ низшихъ школъ, но не для обыкновенныхъ общеобразовательныхъ сельскихъ училищъ», противоположно цѣлямъ и задачамъ училища, такъ какъ оно до сихъ поръ исключительно давало учителей «въ обыкновенныя общеобразовательныя сельскія училища», да и въ будущемъ его должно быть таково же назначеніе; открытію же низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ настоящая программа училища препятствовать не можетъ, такъ какъ сельское хозяйство, съ прикладными для него знаніями, проходится въ достаточной мѣрѣ, и низшія сельско-хозяйственные школы не могли открыться, хотя бы «въ видѣ опыта по одной на уѣздъ», какъ полагали сдѣлать нѣкоторыя уѣздныя земства, «по независящимъ обстоятельствамъ» отъ земствъ, которыя нынѣ уже устраняются. Въ полученномъ губернской управой вышеупомянутомъ уѣдомленіи отъ министерства государственныхъ имуществъ по поводу передачи земскаго училища въ его вѣденіе говорится, «что равнымъ образомъ не встрѣчается со стороны г. министра народнаго просвѣщенія препятствій и къ учрежденію низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ съ тѣмъ, чтобы ученики въ оныя поступали по предварительномъ окончаніи курса въ общеобразовательныхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ. Съ такимъ мнѣніемъ согласенъ и г. министръ государственныхъ имуществъ».² Кромѣ того, земледѣльческія училища вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, Горигорѣцкое, Харьковское и др., по образцу которыхъ министерство предлагало преобразовать Вятское земское училище, въ настоящее время, высочайше утвержденнымъ 23-го мая сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта порѣшено преобразовать, на основаніи новаго положенія, по которому, между прочимъ, полный теоретическій курсъ будетъ проходить шесть лѣтъ, въ Вятскомъ же земскомъ училищѣ онъ проходится въ четыре года. Затѣмъ, не мѣшало бы обратить вниманіе и на то, рѣшая вопросъ о передачѣ училища «окончательно и въ послѣдній разъ», что едвали будетъ поступать такой громадный процентъ окончивающихъ въ учителя послѣ преобразованія, какъ въ настоящее время. До сихъ поръ, ни правленіе училища, ни губернская управа почему-то не старались собрать подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ кончившихъ и некончившихъ учениковъ по выходѣ ихъ изъ училища, которыя дали бы возможность хотя приблизительно судить о результатахъ шестилѣтняго существованія училища. Изъ этихъ свѣдѣній, добываемыхъ нами

¹ Журналы губерн. собранія III очеред. сессіи 69 г. 288 стр.

² Журналы губерн. собр. экстрен. сессіи 5—7 марта 1878 г. 76 стр.

частнымъ образомъ объ учившихся въ этомъ училищѣ, можно бы увидѣть, что, за ничтожными исключениями, всѣ кончившіе и некончившіе ученики шли исключительно въ наставники въ начальныя народныя училища, часто съ жалованіемъ въ 250 р. въ годъ. Изъ 15 человѣкъ, окончившихъ за два года, только одинъ пошелъ въ управляющіе и одинъ ушелъ въ высшее учебное заведеніе, остальные 13 человѣкъ сдѣлались учителями сельскихъ школъ въ Вятской Губерніи. Правда, за два года 15 человѣкъ—цифра очень малая за 50,000 руб., которыя въ это время издержаны для нихъ изъ земскаго сундука, и на что обыкновенно, какъ увидимъ сейчасъ, всѣ недоброжелатели любятъ указывать; но намъ извѣстно, что неокончившихъ изъ этихъ двухъ курсовъ, состоятъ теперь учителями, 24 чел.: изъ нихъ *одинадцать* *человѣкъ* *перваго* *курса* *вышли* *изъ* *четвертаго* *класса*, *т. е.* *послѣднюю*, когда уже сельскій хозяинъ г. Бахъ читалъ нѣмецкій языкъ и когда остальные учителя почти совсѣмъ бросили занятія. Зачѣмъ было имъ тутъ оставаться и совѣщать разложеніе своего училища, которое они любили всей душой за первые три года? Изъ этихъ одинадцати пятеро пробыли даже въ четвертомъ курсѣ весь учебный годъ и вышли только по окончаніи учебнаго года, по увѣренію директора г. Германа, потому, что по случаю преобразования семинаріи въ реальное училище, не будетъ имъ дано никакого экзамена. Кончившіе въ первый годъ шестеро случайно остались въ училищѣ и случайно попали на экзаменъ. Вышедшіе же одинадцать человѣкъ всѣ сдали экзаменъ на сельскихъ учителей въ Казани или при вятской гимназіи и пошли въ народныя школы и считаются теперь, какъ засвидѣтельствовали это и нѣкоторые гласные на губернскомъ собраніи, лучшими учителями даже въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ много есть учителей изъ окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи. Кромѣ того, это учителя не на одинъ или на два года, это учителя постоянные, пока хватить энергіи и силъ бороться съ тяжелыми условіями нашей школы и жизни. Въ первый курсъ въ 1872 году, поступило 27 человѣкъ, изъ которыхъ двое умерло, такимъ образомъ, изъ 25 человѣкъ 17 человѣкъ достигли послѣдняго четвертаго класса и, за исключеніемъ одного, всѣ 16 человѣкъ, повторяю, сдѣлались сельскими наставниками; изъ остальныхъ 8 человѣкъ: одинъ кончилъ въ прошедшемъ году, 3 вышли изъ 3-го класса и двое сдѣлались наставниками, и одинъ исключенъ изъ 2-го класса, тоже теперь учитель, но только уѣзднаго училища. Итакъ, первый курсъ далъ 21 учителя, изъ которыхъ 18 человѣкъ, въ настоящее время, учителями сельскихъ школъ Вятской Губерніи. Второго курса, поступившихъ въ 1873 году въ первый классъ было 45 человѣкъ, изъ которыхъ, благодаря преобразовательной эпохѣ, кончило курсъ только девять человѣкъ, когда могло, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, кончить не менѣе 30 человѣкъ. Но кромѣ этихъ 9 кончившихъ, которые также всѣ пошли въ народныя учителя, намъ извѣстна судьба 14 человѣкъ изъ этого

курса, вышедшихъ въ большинствѣ изъ 3-го класса, изъ которыхъ 12 человекъ состоятъ сейчасъ народными наставниками и 2 учителями уѣзднаго училища; затѣмъ 6 человекамъ пришлось уйти въ военную службу. Итакъ, болѣе 20 человекъ опять народными учителями въ Вятской Губерніи, о которыхъ удалось намъ собрать свѣдѣнія. Въ третій годъ, въ 1874 году, поступило 36 человекъ въ первый классъ и нынѣ кончили 14 человекъ, которые опять всѣ подали заявленія въ уѣздную управу о желаніи поступить въ народные учителя; изъ неокончившихъ этого курса имѣю о 8 человекѣхъ свѣдѣнія, что они всѣ сдали экзаменъ на сельскихъ наставниковъ, каковыми и по сіе время въ земскихъ школахъ пребываютъ. Какъ видите, читатель, съ трехъ курсовъ земство получило болѣе шестидесяти народныхъ учителей при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ внутренней жизни училища, половина которыхъ съ полными дипломами объ окончаніи. Мы уже упомянули выше объ отзывѣхъ гласныхъ объ этихъ учителяхъ; вотъ свидѣтельство изъ доклада «Особой комиссіи по разсмотрѣнію вопроса о земскомъ училищѣ», читанномъ на очередномъ собраніи въ декабрѣ 1877 г.: «Представителями тѣхъ уѣздовъ, гдѣ практикуютъ ученики училища, было высказано, что послѣдніе считаются, по общимъ отзывамъ, лучшими учителями народныхъ училищъ и, съ поступленіемъ учителями окончившихъ курсъ въ вятскомъ земскомъ училищѣ, число учениковъ въ тѣхъ училищахъ значительно увеличивается, что нѣкоторые изъ нихъ, гдѣ уѣздное земство доставило къ тому возможность, открыли при школахъ ремесленные отдѣленія и что, наконецъ, нѣсколько человекъ занимаются въ то же время хозяйствомъ на своихъ земляхъ или у частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, въ Уржумскомъ Уѣздѣ»¹. Но вотъ еще данныя о званіи. Изъ 95 учащихся въ 1874 г. въ трехъ классахъ было: 28 крестьянъ, 16 мѣщанъ, 13 дѣтей чиновниковъ, 33 дѣтей лицъ духовнаго званія и 5 дѣтей купцовъ, т. е. 46% всѣхъ учащихся были дѣти крестьянъ и мѣщанъ. Въ 1875 году изъ 31 поступившихъ 14 были дѣти крестьянъ и 3 дѣти мѣщанъ, т. е. болѣе уже 50%. Въ нынѣшній учебный годъ, въ училищѣ, по отчету правленія училища, во всѣхъ четырехъ классахъ было 80 человекъ, которые по сословіямъ дѣлились такъ: 34 дѣти крестьянъ, 16 дѣтей мѣщанъ, 1 сынъ солдата, 18 духовнаго званія и 11 прочихъ званій, т. е. 62,5% дѣтей крестьянъ и мѣщанъ. Изъ вышеприведеннаго видно, что дѣти податныхъ сословій общади сдѣлались въ училищѣ преобладающимъ элементомъ. Пусть извинитъ намъ читатель эти подробности объ учившихся и учащихся, которыя намъ казались необходимыми, чтобы наглядно и фактически можно было оцѣнить пріемы разсужденій и критики нѣкоторыхъ гласныхъ, стоящихъ за закры-

¹ Журналъ губернскаго собранія XI очередной сессіи, 1877 года, II т., 223 стр.

тіе, передачу и за преобразование училища; эти приемы гг. гласными практикуются въ общественныхъ собраніяхъ гласно и стоять ихъ обнародовать хоть бы и потому, что лжи должны быть предѣлы, по пословицѣ: «ври, да знай же, и мѣру». Представитель отъ горнаго вѣдомства¹, статскій совѣтникъ г. Н. Тучемскій, (нынѣ уже, впрочемъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ) «въ особомъ мнѣніи въ журналѣ 19 декабря 1877 г. по предмету вятской учительской семинаріи», которое, надо замѣтить, онъ повторяетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вятская учительская школа для образования народныхъ учителей изъ среды народа далеко не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нее земствомъ въ 1868 и въ 1869 году, когда утверждалась собраніемъ проэктированная особо избранной комиссіей программа курса и потому полагалъ бы полезнымъ закрыть эту учительскую семинарію и преобразовать ее въ частное реальное училище, по слѣдующимъ причинамъ:

«Земству эта школа стоитъ уже 200,000 р., но выпустила ли она хотя бы 20 посредственныхъ учителей, это подвержено сомнѣнію, да и эти болѣею частію не изъ крестьянскаго званія, но изъ другихъ сословій, такъ какъ крестьянскимъ дѣтямъ нѣтъ возможности поступить, по обширности программы школы и ограниченности элементарнаго образования въ начальныхъ училищахъ, даже въ 1-й классъ семинаріи.

«Въ послѣднюю притокъ учениковъ можетъ быть изъ окончившихъ полный курсъ уѣзднаго училища, да еще съ предварительною подготовкою; но тотъ, кто хорошо окончилъ курсъ въ этомъ училищѣ, не пойдетъ въ ученики семинаріи, гдѣ, кромѣ тяжелой обязанности и около 300 руб. жалованья, его впереди не ожидаетъ ничто лучшее, но будетъ продолжать курсъ въ гимназіи, потомъ въ университетѣ, откуда онъ, выходя, получаетъ доступъ ко всякой карьерѣ; наша земская семинарія не даетъ никакихъ правъ.

«Даровитые молодые люди изъ крестьянъ, окончившіе курсъ въ семинаріи, никогда не останутся народными учителями, они продолжатъ ими нѣсколько времени до присканія болѣе выгодныхъ мѣстъ и скорѣе будутъ всѣмъ, чѣмъ угодно, но не учителями по призванію при высшей цифрѣ жалованья въ 300 руб. Поэтому, если земство не хочетъ тратить деньги на воспитаніе купеческихъ прикащиковъ, помѣщичьихъ конторщиковъ, кабацкихъ сидѣль-

¹ Этотъ представитель отъ горнаго вѣдомства былъ прикомандированъ «временю», почему и получаетъ отъ земства «двойной окладъ», хотя уже при вятскомъ земствѣ онъ состоитъ временно прикомандированнымъ болѣе 10 лѣтъ и при чинѣ статскаго совѣтника земству ежегодно стоитъ 3,078 руб. 52 к., а съ полученіемъ чина «дѣйствительнаго статскаго совѣтника» будетъ стоить дороже. Губернское собраніе уже не разъ ходатайствовало предъ правительствомъ объ окончаніи этой командировки или внесеніи должности въ извѣстный классъ.

цовъ, писарей, гдѣ можно получать отъ 600 до 1,000 руб., оно должно отказаться отъ своей программы, по которой каждый окончившій въ ней курсъ, не говоря хорошо, но посредственно, учитель стѣитъ воспитаніемъ свыше 10,000 рублей — такую цифру, на которую можно образовать не только въ полномъ смыслѣ университетскаго профессора, но еще на эту же сумму для большаго усовершенствованія послать его за границу года на два. Мода на народныхъ учителей изъ среды народа прошла, пора бы и нашему земству оставить эти модныя затѣи, подобно тому, какъ другія земства уже отказались отъ воспитанія этихъ дорогихъ учителей для народа»¹. Къ этому еще надо добавить, что г. Тучемскому не могло быть неизвѣстнымъ число кончившихъ въ училищѣ, ни число тамъ обучающихся крестьянскихъ дѣтей, такъ какъ онъ ежегодно присутствуетъ на губернскомъ собраніи въ качествѣ представителя отъ горнаго вѣдомства и получаетъ напечатанные доклады и журналы собранія, слышитъ отзывы объ учителяхъ изъ этого училища не только отъ земцевъ, но и со стороны дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ, которая не считаетъ помѣхой дѣлу ввѣрять въ завѣдываніе правительственными двухклассныя училища учителямъ, окончившимъ въ этомъ земскомъ училищѣ, а равно не могло быть неизвѣстнымъ г. Тучемскому, какъ инженеру, знаніе первыхъ четырехъ ариметическихъ дѣйствій, только незнаніемъ которыхъ можно было бы объяснить имъ опредѣленную стоимость воспитанія одного учителя свыше 10,000 руб.; что же касается мѣншія г. Тучемскаго относительно карьеры молодыхъ людей и положенія сельскаго учителя, а равно и предпочтенія послѣднимъ званія «купческаго прикащика и кабацкаго сидѣльца съ жалованьемъ отъ 600 до 1,000 р.», то это, безъ сомнѣнія, очень похвальный «образъ мыслей», съ трудомъ усвоится въ молодыхъ лѣтахъ; по крайней мѣрѣ, въ нашей Вятской губерніи такихъ примѣровъ еще не бывало. Другой гласный, г. Скуридинъ, на экстренномъ губернскомъ собраніи, бывшемъ въ мартѣ этого года, желалъ «обратить вниманіе земскаго собранія на то, что земская школа стѣитъ въ настоящее время до 200 тысячъ руб. земству, а выпустила она, кажется, всего восемь человѣкъ въ наставники народныхъ школъ. Первоначальная цѣль ея снабженія учителями какихъ-то нормальныхъ школъ, которыя земство мечтало завести въ уѣздахъ, не осуществилась, потому что ни одной такой школы до сихъ поръ нѣтъ и не осуществится потому, что такая школа стѣитъ до 6,000 руб., слѣдовательно, равняется цѣнности содержанія десяти народныхъ школъ, а земство въ настоящее время стѣняется въ средствахъ даже на открытіе народныхъ школъ. Первоначальная цѣль училища — приготовленіе наставниковъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній измѣняется

¹ Журналъ губернскаго собранія XI очеред. сессіи 1877 г. 2 т., 211 и 212 стр.

уже согласіемъ министерства государственныхъ имуществъ принять въ свое завѣдываніе, его прировнявъ къ Горногоръскому, Харьковскому и др., находящимся въ его вѣденіи; слѣдовательно, наша школа будетъ давать намъ специалистовъ, агрономовъ и техникумовъ, которые не будутъ въ состояніи приложить своихъ знаній къ дѣлу, такъ какъ Вятская губернія не имѣетъ почти или имѣетъ очень мало имѣній помѣщичьихъ; нормальныхъ школъ нѣтъ и можно ожидать только въ четырехъ уѣздахъ, и замѣщать такими учителями должности сельскихъ наставниковъ немислимо, потому что программа народныхъ школъ не допускаетъ предполагаемаго обученія. Мальчики въ школахъ отъ 7 до 12 лѣтъ не въ состояніи принять такихъ высшихъ знаній и 300 руб. жалованья сельскаго наставника для человѣка, кончившаго курсъ наукъ во второразрядномъ училищѣ, будетъ далеко неудовлетворительно. Поэтому, онъ снова предлагаетъ собранію обратить училище въ реальную гимназію, которая болѣе соответствовала бы своему назначенію и оправдывала бы 26,000 расходовъ¹. Не подумайте, читатель, что г. Скуридинъ—новичекъ въ земствѣ и не понимаетъ, что расходы на устройство училища должны покрываться не однимъ или двумя курсами, а цѣлыми десятилетиями, или не знаетъ, какъ опредѣлить стоимость учащагося, или сколько на самомъ дѣлѣ окончилъ учениковъ курсъ и вообще училище дало учителей, нѣтъ—онъ мировой судья и заводчикъ; но таковы ужъ у насъ нынѣ «времена и нравы», что можно безнаказанно подтасовывать и извращать факты публично въ общественномъ собраніи, не встрѣчая даже опроверженія со стороны другихъ гласныхъ. Тѣми же только «временами и нравами» можно объяснить характеръ и приемы статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: «Повѣданъ министра народнаго просвѣщенія весной 1878 г.», употребленные неизвѣстнымъ авторомъ въ отзывѣ его о земскомъ училищѣ, а равно и то, что, несмотря на всю невѣрность фактовъ, и по настоящее время мы не встрѣтили опроверженія ихъ лицамъ, на которыхъ лежитъ обязанность это сдѣлать. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого замѣчательнаго отзыва: «Мы сказали выше, что училища, которыя удостоились посѣщенія министра, за немногими недостатками, слѣдами стараго неустройства, уже устраняемаго, оставляютъ по себѣ весьма благоприятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, нельзя того же высказать о вятскомъ техническомъ училищѣ, которое министръ осматривалъ по желанію попечителей этого учебнаго заведенія. Земство желало посадить крестьянскихъ мальчиковъ, взятыхъ съ поля, за изученіе университетскихъ предметовъ—химіи, высшей математикѣ, механикѣ и т. д., безъ достаточнаго предварительнаго приготовленія и образовать изъ нихъ въ тѣхъ же классахъ для практики ученыхъ агрономовъ, механиковъ, техникумовъ и сельскихъ учителей.

¹ Журналы экстр. губерн. собр. 5 марта 1878 г., 65—66 стр.

Указавъ земству, что и планъ такого училища не общасть никакого успѣха, на основаніи, однакоже, правилъ объ учебномъ надзорѣ, министерство разрѣшило открытіе училища на правахъ частнаго учебнаго заведенія, на полномъ содержаніи и отвѣтственности земства.

«Убито, говорятъ, на устройство училища до 100 т. руб.; результаты оказались неудовлетворительны. Каждый воспитанникъ получаетъ стипендію по 10 руб. въ мѣсяцъ во все продолженіе курса, и немногіе изъявляютъ согласіе поступить въ училище. Въ настоящее время, въ заведеніи воспитываются около 80 мальчиковъ, распределенныхъ, какъ кажется, на 8 классовъ, и нѣкоторые классы раздѣлены на 5 отдѣленій. Намъ увѣрили, что писаніе учениковъ переполнено грубыхъ ошибокъ; не имѣя яснаго понятія о грамматикѣ и граматности, они рассуждаютъ о значеніи Кантемира въ русской литературѣ, толкуютъ о всемірной исторіи, не зная географіи и т. д. Графъ Д. А. Толстой старался внушить представителямъ земства, въ нему обратившимся за совѣтомъ, что педагогика—наука о воспитаніи юношества, наука весьма не легкая и не всѣмъ доступная; что едва ли между ними найдется кто-либо специально съ нею знакомый, и потому считалъ гораздо благоразумиѣе избрать для училища выработанные уже образцы и предоставить его внутреннее устройство людямъ, вполне знакомымъ съ задачами умственного и нравственнаго образованія молодыхъ людей! Желательно, чтобы слова министра не были преданы забвенію, предохранили бы училище отъ закрытія, неудачно устроенное, но богато одаренное и направили бы его на болѣе плодотворную дѣятельность».¹ Начиная съ того, что признаетъ даже и г. Тучевскій, а именно: «притокъ учениковъ въ училище можетъ быть изъ окончившихъ полный курсъ уѣзднаго училища, да еще съ предварительною подготовкою», изъ послѣдняго отчета правленія училища, представленнаго бывшему очередному собранію въ декабрѣ 77 г., видимъ, что 80 воспитанниковъ, находящихся въ заведеніи, по первоначальному образованію, раздѣляются: окончившихъ въ уѣздномъ училищѣ 46 человекъ, въ духовныхъ училищахъ (равныхъ прогимназіи) 13, въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ 6, въ которыхъ обучаются, надо замѣтить, пять годовъ, въ образцовой двухклассной школѣ при Вятскомъ земскомъ училищѣ (тоже курсъ пять годовъ) 6 человекъ и сельской школы 4 человекъ, 1 духовной семинаріи, 2 домашняго образованія и 2 изъ гимназій. Поступающіе изъ двухклассныхъ сельскихъ школъ, а также и одноклассныхъ, *приготавливаются особо своими учителями для поступления*, въ особенности по арифметикѣ, которой спрашивается при поступленіи весь курсъ, и по грамматикѣ, изъ которой требуется знаніе всѣхъ основныхъ правилъ роднаго языка, хотя она проходитъ снова и обстоятельно въ первыхъ двухъ курсахъ

¹ «С.-Петербург. Вѣдом.» № 201 отъ 24 іюля 1878 г.

училища; точно также дѣлается и съ географіей, по которой, при поступленіи требуется знаніе со всѣми пятью частями свѣта, хотя также снова проходитъ въ 1 классъ; математика, т. е. алгебра и геометрія, проходитъ въ земскомъ училищѣ обыкновеннымъ образомъ—элементарный курсъ, какъ и въ министерскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, механика—о простыхъ машинахъ, по исторіи всеобщей и исторіи литературы русской обыкновенный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній даже по однимъ и тѣмъ же учебникамъ; о Кантемирѣ проходятъ уже въ 4 классъ; по химіи, технологіи и сельскому хозяйству только основное и т. д.; классовъ въ училищѣ четыре, а не восемь, и безъ всякихъ отдѣленій... Теперь представьте, читатель, наше всеобщее обывательское удивленіе, какъ людей хорошо знаемыхъ съ программой и устройствомъ училища, при чтеніи этой замѣчательной статьи, гдѣ говорится, что крестьянскіе мальчики берутъ земствомъ въ училище съ поля, отъ сохи, что въ училищѣ проходитъ университетскій курсъ по высшей математикѣ, трактуется о значеніи Кантемира въ русской литературѣ безграмматными мальчиками¹ и т. п. «Нонѣшнія времена», конечно, не безызвѣстны обывателямъ, а равно характеръ и приемы нашихъ газетчиковъ; и мы, обыватели, выходя къ неизвѣстнаго автора можемъ объяснить себѣ только тѣмъ, что этотъ неизвѣстный авторъ также одинъ изъ подобнаго сорта газетчиковъ, а никакъ не изъ лицъ специально знакомыхъ съ нелегкой и трудной наукой педагогической, и не изъ людей, вполне знакомыхъ съ задачами нравственнаго и умственнаго образованія молодыхъ людей, которымъ можно было бы даже «по выработаннымъ образцамъ» предоставить устройство внутренней жизни училища, такъ какъ молодыхъ людей, кромѣ «искуствъ», которымъ древніе, по его словамъ, обучали юношество, требуется еще, и прежде всего, научить говорить правду, что позабылъ упомянуть неизвѣстный авторъ, ибо правдѣ, безъ сомнѣнія, онъ молодыхъ людей обучать не могъ бы.

За послѣднее время, въ системѣ нашего общественнаго самоуправления замѣчается, между прочимъ, усвоеніе положенія, что развитіе народа не должно входить въ задачи земства; «но самимъ ли земцамъ нужно отказываться отъ приобретенныхъ правъ и отступать предъ труднымъ дѣломъ»: образованъ свѣдущаго и опытнаго сельскаго наставника въ народную школу, который внушилъ бы крестьянину уваженіе и занялъ въ глазахъ населенія должное положеніе и тѣмъ привлекъ населеніе къ школѣ», тѣмъ задавались вначалѣ первые наши земцы, добывшіе пятилѣтнимъ ходатайствомъ право имѣть свою земскую учительскую семинарію, такъ какъ ни одно изъ существующихъ учебныхъ заведеній, по ихъ словамъ, не даетъ народныхъ учителей, которые соответствовали бы земскому идеалу народнаго учителя—это, безъ сомнѣнія,

¹ Моложе пятнадцати лѣтъ въ училище не приимаются.

вопросъ, вполне заслуживающій общественнаго вниманія; по нашему убѣжденію, передача правъ на завѣдываніе и преобразование училища «по выработаннымъ уже образцамъ», будетъ слишкомъ горькимъ плодомъ и печальнымъ результатомъ дѣятельней земской дѣятельности; одно даже желаніе передачи уже ясно говоритъ о прогрессѣ нашего самоуправленія. Намъ казалось симпатичнѣе и логичнѣе, съ точки зрѣнія земскаго самоуправленія, постановленіе того же самаго собранія въ очередную сессию въ декабрѣ 77 г., согласившагоса съ вышеприведеннымъ уже мнѣніемъ комиссіи по вопросу о передачѣ училища: «впредь до пересмотра устава училища по истеченіи 9 лѣтъ, комиссія не находитъ нужнымъ возбуждать какія-либо ходатайства по измѣненію этого устава. Здѣсь комиссія еще считаетъ своимъ долгомъ высказать, что слухи о закрытіи училища, распространяемые въ обществѣ въ настоящее время, парализируютъ занятія учениковъ и вообще дурно вліяютъ на учениковъ. Уничтожить такое ненормальное явленіе и поставить училище на прочную почву—одна изъ главныхъ задачъ земства. Поэтому необходимо просить правленіе училища выбрать директоромъ такое лицо, которое по своему образованію, призванію и нравственнымъ качествамъ, было бы для учениковъ авторитетомъ и отвѣчало бы вполне учебно-воспитательной задачѣ, поставленной земствомъ для училища ¹». Нынѣшній же учебный персоналъ училища, во главѣ съ новымъ директоромъ, такъ же далеко отъ пониманія и исполненія задачъ земства, какъ и самое правленіе, исключая новаго попечителя, который тутъ одинъ, по пословицѣ, въ полѣ не воинъ. А нельзя не пожелать, читатель, душевно этому училищу успѣха, хотя и плохо вѣрится въ послѣдній.

— иль — инъ.

¹ Жур. губ. соб. XI оч с. 77 г., 2 т. 225 стр.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сборникъ по дѣламъ печати книгопродавца Анисимова. — Комиссія по разработкѣ и составленію новаго закона о свободной прессѣ. — Репрессивная система прессы. — Юрисдикція новыхъ судовъ по преступленіямъ печати. — Признаніе ея недостаточною для огражденія противъ злоупотребленій печати. — Полное подчиненіе печати администраціи съ 1872 года. — Отношеніе администраціи къ практикѣ печати. — Состояніе печати подъ вѣденіемъ административнаго усмотрѣнія и судебной юрисдикціи.

Недавно книгопродавецъ Анисимовъ издалъ въ свѣтъ новый «Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по дѣламъ печати». Это едва ли не первый изъ подобнаго рода сборниковъ, въ которомъ собрано все, что можетъ считаться правительственнымъ указаніемъ для печати. Собраны не только всѣ узаконенія по дѣламъ печати, судебныя рѣшенія, административныя распоряженія, но даже всѣ предостереженія, которыя были даваемы газетамъ и журналамъ, съ изложеніемъ мотивовъ предостереженій. Полнотою собранныхъ относительно печати свѣдѣній Сборникъ обратилъ на себя вниманіе «Правительственнаго Вѣстника», которымъ и рекомендуется «какъ не бесполезное руководство для писателей, редакторовъ, издателей, цензоровъ, содержателей типографій и т. п., вообще для всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ произведеніями печати и цензурою». Другая особенность вновь вышедшаго Сборника состоитъ въ томъ, что онъ снабженъ множествомъ примѣчаній, и притомъ примѣчаній не юридическаго, какія обыкновенно помѣщаются въ подобнаго рода изданіяхъ, а чисто публицистическаго характера. Издатель хотѣлъ не только дать русской публикѣ существующее законоположеніе о печати, но и, въ виду разныхъ нареканій, снабдить его приличною аполוגіею. Приглашенный для этого авторъ, въ множествѣ примѣчаній, разсѣянныхъ по всему Сборнику, доказываетъ слѣдующіе два тезиса: 1) что правительство сдѣлало великое благо, освободивъ печать отъ предварительной цензуры, но что 2) не только литература наша, а даже и общество, не поняли и не оцѣнили этого великаго блага; напротивъ, своими нареканіями они преслѣдовали тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ было доставлено имъ это благо, и, благодаря которымъ, русская печать пользовалась и пользуется широкою свободою и до сегодня. А литература,

сверхъ того, дарованную ей свободу слова употребила себѣ во зло, доведши себя своею необузданностію до того упадка и даже полной деморализаціи, въ какой находитъ теперь. Развивая эти тезисы на всевозможныя манеры, авторъ повсюду говоритъ, какъ человѣкъ убѣжденный, не допускающій ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ призналъ самъ за истину; потому онъ вообще суровъ къ своимъ противникамъ; но въ особенности негодование его не знаетъ предѣловъ, когда онъ говоритъ о намѣренномъ непризнаніи литературою и обществомъ благихъ намѣреній лицъ, позаботившихся о дарованіи имъ свободнаго слова и наблюдающихъ за правильнымъ его употребленіемъ, о намѣренномъ неисполненіи распоряженій этихъ лицъ (авторъ въ этомъ случаѣ все считаетъ не иначе, какъ преднамѣреннымъ, высказываемымъ или совершаемымъ непременно въ пику сказаннымъ лицамъ), о деморализаціи литературы. Тогда пламенная рѣчь его, подъ сѣнью уголовныхъ каръ и административныхъ угрозъ, среди которыхъ она помѣщена, теряетъ характеръ теоретическаго разсужденія и принимаетъ видъ какой-то дѣятельной расправы россійскихъ Эмменидъ надъ ничѣмъ, впрочемъ, неповиннымъ читателемъ. Сначала всѣмъ этимъ невольно поражаешься, потому что никогда ничего подобнаго не встрѣчалъ ни въ одномъ сборникѣ какихъ бы то ни было узаконеній, и все это представляется какъ-то необычнымъ—и публицистика въ кодексѣ законовъ, и публицистическій пылъ и задоръ, но потомъ, пораздумавъ немного, нетолько примиряешься съ мыслию: почему бы не быть и такого рода и характера сборникамъ, но даже и радуешься, что книгопродавцу Анисимову пришла счастливая мысль издать не просто наше законоположеніе о печати, но вмѣстѣ и апологію его, и провести эту апологію подъ однимъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, радуешься даже тому, что онъ нашелъ энергическаго апологета, который высказалъ все, что можно было высказать съ извѣстной точки зрѣнія въ защиту существующей у насъ системы печати, который, въ подтвержденіе своихъ одностороннихъ выводовъ приводитъ даже такіе факты, которые могутъ служить скорѣе къ ихъ опроверженію, чѣмъ къ подтвержденію. Такъ, къ удивленію моему, апологетъ сдѣлалъ выдержку изъ одного моего внутренняго обзорнія, въ доказательство того, что наша литература деморализована, вслѣдствіе якобы излишней свободы печати. Между тѣмъ, приводимая апологетомъ выдержка могла бы быть гораздо съ большимъ основаніемъ приведена въ подтвержденіе какъ разъ противоположной мысли.

Такая страстная защита существующей у насъ системы прессы съ одной исключительной точки зрѣнія, соединенная при томъ съ огульнымъ обвиненіемъ не только литературы, но и общества, вообще всѣхъ инаково съ авторомъ мыслящихъ, давала бы право и намъ стать также исключительно на другую, противоположную точку зрѣнія, освѣтить всѣ вопросы единственно

съ этой точки и отнестись съ такою же страстностію и суровостію ко всѣмъ иначево съ нами мыслящимъ, начиная съ апологета. Но мы не хотимъ быть несправедливыми и постараемся вести наше разсужденіе совершенно объективно, воздерживаясь отъ всякихъ инкриминацій.

Если бы апологетъ въ своихъ примѣчаніяхъ ограничился только защитою существующей у насъ системы прессы, не прилетая къ своей апологій страстныхъ и суровыхъ обвиненій противъ литературы и общества, а бы сказалъ: «да, на той точкѣ зрѣнія, на которую онъ всталъ, онъ совершенно правъ въ своихъ основныхъ выводахъ». Точка зрѣнія апологета данный фактъ — существующее законоположеніе о печати. Онъ не задается никакими идеалами. Онъ не показываетъ намъ, какал, по его мнѣнію, должна быть нормальная высота свободы прессы въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, ни того, на какой степени высоты стоятъ эта свобода въ другихъ европейскихъ государствахъ, чтобы сравнительно съ этимъ опредѣлить уровень свободы нашей собственной прессы и разъяснить намъ, что она настолько высока, что даетъ полную возможность прессѣ вести честно свое дѣло въ настоящемъ и вполне обеспечиваетъ ей дальнѣйшее правильное развитіе въ будущемъ. Вообще вопросъ о внутреннемъ состояніи прессы, о томъ: есть ли въ ней, и насколько есть дѣйствительной свободы, апологета нисколько не занимаетъ. Онъ обращается прямо къ закону. Вотъ, смотрите, говорить — два законоположенія: старое и новое. По старому, цензура тяготѣла надъ каждою вашею мыслию, надъ каждымъ отдѣльнымъ выраженіемъ и словомъ. По своему личному усмотрѣнію, цензоръ безапелляціонно могъ вычеркивать у васъ, какъ у школьниковъ, каждую непонравившуюся ему мысль, каждое выраженіе и слово, и только выдержавъ предварительно такую жестоку попытку, сочиненіе ваше могло явиться въ свѣтъ. Теперь вы имѣете право развивать вашу мысль совершенно свободно въ какихъ хотите формахъ и выраженіяхъ и прямо печатать ваше сочиненіе, не подвергая его ничему предварительному пересмотру. Благо это, или нѣтъ? спрашиваетъ васъ апологетъ. — «Ну, конечно, благо», отвѣчаете вы. — Прекрасно; помните же, заключаетъ апологетъ: — что это благо досталось вамъ только потому, что нашлось лицо, неубоявшееся взять на себя отвѣтственность передъ правительствомъ и цѣлой Россіей за прессу, если ей будетъ дана такая льгота. Далѣе, продолжаетъ апологетъ, обратите вниманіе на существующіе у насъ относительно прессы законы и постановленія и скажите: могла ли бы пресса чувствовать себя сравнительно все-таки льготною и постоянно развиваться, еслибы эти законы и постановленія примѣнялись на практикѣ съ неослабною строгостію? Можете ли вы не признать, что законы и постановленія прилагались на практикѣ съ благоразумною снисходительностію тѣмъ лицами, наблюденію которыхъ была вѣрѣва пресса? — «Да, должны вы отвѣтить и на это, безпристрастно

рассматривая дѣло: — несмотря на многочисленныя взмнанія и кары, которымъ подвергалась и подвергается пресса, все-таки надобно сказать, что существующіе относительно прессы законы и постановленія не примѣняются къ прессѣ со всею строгостію и что при другомъ отношеніи къ прессѣ лицъ, наблюдающихъ надъ нею, положеніе ея могло бы сдѣлаться гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ теперь. И это дѣйствительно такъ; потому что, въ существѣ дѣла, власть нашей администраціи и по изданіи закона 6-го апрѣля 1865 года, освобождающаго прессу отъ предварительной цензуры, осталась такою же безграничною, какою была и до изданія этого закона, какъ читатель легко убѣдится изъ слѣдующаго краткаго очерка нашей *новой* безцензурной прессы.

Для разработки и составленія новаго закона о свободной прессѣ были созымаемы у насъ двѣ комиссіи: одна въ 1862 году, другая въ 1863 году. Годы эти были менѣе всего удобны для составленія закона о свободной печати. Ибо годы эти, какъ извѣстно читателю, были очень тревожные годы, годы почти общихъ опасеній и безпокойствъ. Тогда начало приводиться въ дѣйствіе Положеніе 19-го февраля. Всѣ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотрѣли на ходъ этого дѣла, боясь смуть и волненій. Тогда же начались волненія въ Польшѣ, превратившіяся потомъ въ возстаніе. Рядомъ съ этимъ, въ разныхъ сферахъ возбуждало подозрѣнія и опасенія и необычайное оживленіе интеллигентнаго русскаго общества, которое, будучи возбуждено отъ своего многовѣкового сна къ мысли и дѣятельности освобожденіемъ крестьянъ, желало вмѣстѣ съ этимъ освобожденіемъ обновленія и всего стараго строя жизни, горячо бросалось во всѣ сферы дѣятельности, вездѣ отыскивая въковныя корни злоупотребленій, писало обличенія, протесты, прозекты, настаивало на необходимости передѣлокъ и перемѣнъ всюду. При такомъ общественномъ напряженіи, пресса, въ которой, главнымъ образомъ, отражалось общественное оживленіе, естественно, была въ возбужденномъ состояніи и порождала также подозрѣнія и опасенія въ умахъ робкихъ. Понятно, что отъ вліянія такого тревожнаго состоянія умовъ, существовавшаго въ обществѣ, трудно, да едва ли даже возможно было освободиться и членамъ комиссій, трудившимся надъ разработкою новаго закона о свободѣ печати. Имъ естественно было бояться, что если дать печати полную свободу, подъ охраненіемъ одной юрисдикціи суда, то печать не сумѣетъ ею благоразумно пользоваться, злоупотребить ею и, приобрѣвъ сильное вліяніе на общественное мнѣніе, будетъ пользоваться этою свободою, какъ средствомъ для смуть и волненій въ обществѣ. Вотъ почему ни комиссія 1862, ни комиссія 1863 года не рѣшились дать полной свободы печати, оставивъ ее исключительно подъ юрисдикціею суда. Мотивировали они это свое рѣшеніе главнымъ образомъ недостаточностію нашихъ старыхъ судовъ. «Судъ нашъ, говоритъ комиссія

1863 года:—не только въ настоящее время (т. е. до преобразования), но и въ первое время по его преобразованіи не представлять и не представить достаточнаго обезпеченія ни обществу, ни литературѣ противъ злоупотребленій печати, и что нестому нельзя лишить правительство цензурнаго произвола, не вооруживъ его другимъ орудіемъ огражденія правительственныхъ интересовъ». На основаніи этого мотива, комиссію было рѣшено принять дѣйствовавшую тогда во Франціи систему прессы репрессивную, т. е. при судебной юрисдикціи, подвергнуть прессу вѣстѣ съ тѣмъ и разнымъ административнымъ взысканіямъ. Противъ такого рѣшенія протестовали, было, три члена комиссіи, заявивъ, что «они вообще не могутъ допустить права административной власти налагать взысканія безъ суда по дѣламъ печати». Но въ отвѣтъ на это, остальные шесть членовъ комиссіи высказали слѣдующіе замѣчательные мотивы, по которымъ они рѣшаются принять французскую репрессивную систему прессы:

«Когда въ какомъ-либо спеціальному законоположеніи предлагается мѣра чрезвычайная, вызванная потребностію неотвратимыхъ внѣшнихъ условий, тогда странно и бесполезно было бы судить о достоинствѣ этой мѣры съ отвѣтственной или теоретической точки зрѣнія права и законности. Совѣтъ иныя соображенія должны служить основаніемъ взгляду на относительное достоинство подобной мѣры. Право административныхъ взысканій, предлагаемое проектомъ уставу, принадлежитъ къ числу такихъ чрезвычайныхъ мѣръ, а потому напрасно было бы доказывать, что основаніемъ административнымъ взысканіямъ служитъ произволъ, что оны противны понатію законности и формальной легальности и проч. Проектъ не только не отрицаетъ справедливости этихъ возраженій, а напротивъ, самъ заявляетъ, что *«принять за общую систему такой порядокъ преслѣдованія было бы не согласно съ понатіями о правильномъ законодательствѣ»*. Потому при обсужденіи проекта объ административныхъ взысканіяхъ, слѣдуетъ внимательно вникнуть въ тѣ причины, которыя побудили составителей проекта предложить сію чрезвычайную мѣру и уклоняться до нѣкоторой степени отъ началъ *«правильнаго преслѣдованія нарушенія законовъ о печати»*. Прежде всего надо замѣтить, что при составленіи проекта устава о книгопечатаніи принята была система мѣръ переходныхъ, и эта система единогласно принята и настоящею комиссіею, которая признала, что единственно для всѣхъ произведеній печати переходъ отъ системы предупредительной къ преслѣдовательной, т. е. къ свободѣ слова, ограниченной однимъ судебно-преслѣдовательнымъ законодательствомъ, сопряженъ съ неудобствами, которыя не могутъ быть вполне устранены, пока судъ нашъ не получитъ окончательнаго и повсемѣстнаго устройства. Вслѣдствіе сихъ соображеній комиссію единогласно принявъ параграфъ проекта устава, по силѣ котораго всѣ повременныя изданія, издаваемые частными лицами, каковаго бы объема сіи изданія ни были, подвергаются прежде напечатанія и выхода въ свѣтъ, предварительной цензурѣ. Слѣдовательно, комиссія уже единогласно признала, что повременныя изданія, *«при современномъ состояніи нашего суда, не могутъ быть освобождены отъ ближайшаго надзора административной власти»*.

Далѣе шесть означенныхъ членовъ объясняютъ, что этотъ административный надзоръ за повременными изданіями въ настоящее время «выражается не только въ предварительной цензурѣ, но и въ взысканіяхъ за статьи уже пропущенныя цензурою», что ограниченіе этого надзора одной предварительной цен-

зурой было бы для печати уже большой льготой — теперь же ей дѣлается льгота и еще больше — временнымъ изданіямъ дается возможность, если они пожелаютъ,

освободиться отъ цензуры, но при условіи подчиниться, въ замѣнъ, правиламъ административныхъ взысканій. Это условіе, продолжаютъ шесть членовъ есть послѣдствіе признанія недостаточности судебныхъ средствъ преслѣдованія. Отрицать пользу или необходимость этого условія можно, только доказавъ, что предположенія проекта о недостаточности суда неосновательны. Скоро ли послѣдуетъ общая реформа суда, какъ она, въ особенности на первое время, примется на почвѣ, еще такъ мало у насъ подготовленной, и въ какой мѣрѣ, въ особенности по дѣламъ печати, будетъ она соответствовать дѣйствительной потребности — объ этомъ можно дѣлать болѣе или менѣе гадательныя предположенія. Но основать на этихъ предположеніяхъ законоположеніе, котораго сила и значеніе проявится въ дѣйствіи въ самый день его введенія, было бы въ высшей степени неосторожно и это повредило бы успѣху всей реформы. *Существующій фактъ долженъ быть принятъ за точку отправленія для начертанія правилъ, которымъ суждено имѣть силу, сообразно измѣненіямъ обуславливающимъ ихъ обстоятельства.*

Итакъ читатель видитъ, что тѣ шесть членовъ комиссіи, которые настаивали на необходимости принятія административныхъ взысканій, смотрѣли на эту мѣру, какъ на уклоняющуюся отъ начала *правильнаго преслѣдованія по дѣламъ печати*, какъ на мѣру чрезвычайную, принятіе которой за обычный общій порядокъ преслѣдованія было бы несогласно съ понятіями о *правильномъ законодательствѣ*, что если они принимаютъ ее, то принимаютъ только, какъ неизбежное зло по причинѣ отсутствія судовъ, что разъ *измѣнятся обстоятельства, ее вызывающія*, то есть устроятся новые суды, должна исчезнуть и она, какъ мѣра временная. Такимъ образомъ, по намѣренію комиссіи, вводившей у насъ репрессивную систему прессы, система эта должна была продолжаться только до устройства новыхъ судовъ. Съ ихъ устройствомъ опека администраціи надъ печатью должна окончательно уничтожиться, предоставивъ печать исключительно вѣденію и юрисдикціи суда.

Этого, однакожь, не случилось. И по учрежденіи новыхъ судовъ, административная опека надъ печатью продолжала оставаться, съ тѣмъ только различіемъ, что болѣе важныя преступленія печати передавались на судебное разсмотрѣніе, но и это продолжалось только до 1872 года, когда, какъ увидимъ ниже, печать поступила снова исключительно въ вѣденіе администраціи, въ юрисдикціи судовъ остались только преступленія по личнымъ оскорбленіямъ. Главная причина этого изятія изъ юрисдикціи суда преступленій по дѣламъ печати заключалась, я думаю, въ той особености нашей репрессивной системы, въ силу которой у насъ не нашли возможнымъ выпускать въ свѣтъ всѣхъ сочиненій, признанныхъ преступными, и предавать ихъ судебному преслѣдованію уже по выпускѣ въ свѣтъ. Признавая появленіе и обращеніе болѣе важныхъ изъ такихъ сочиненій въ публикѣ вреднымъ, а, можетъ быть, даже опаснымъ, административная власть задерживала ихъ у себя, не давая являться въ свѣтъ и

въ тоже время подвергала судебному преслѣдованію. Судъ, естественно, становился въ крайнее затрудненіе при разсмотрѣніи такихъ сочиненій. Преступная мысль, равно какъ и преступная воля, немѣняемы сами по себѣ и не могутъ подлежать уголовной отвѣтственности, пока онѣ не проявились въ какомъ нибудь внѣшнемъ дѣйствіи по отношенію къ тому частному или юридическому лицу, противъ котораго они направлены. Одно изображеніе преступной мысли въ печати еще не представляетъ этого внѣшняго дѣйствія, необходимаго для приданія преступной мысли уголовного характера, точно такъ же, какъ не представляетъ такого дѣйствія изображеніе мысли въ письмени. Уголовная отвѣтственность за преступную мысль начинается лишь тогда, когда печатное или письменное ея изображеніе оглашается, получаетъ распространеніе. Поэтому, принимая къ своему разсмотрѣнію сочиненія, задержанныя цензурою, не появившіяся вовсе въ свѣтъ, судъ по закону не могъ преслѣдовать ихъ за преступное дѣяніе; ибо такового совершенно не было. Проявленіе злой воли онъ долженъ былъ отыскивать въ актахъ, предшествовавшихъ этому дѣянію, какъ-то: въ составленіи сочиненія, печатаніи его и т. п., давая этимъ актамъ названія покушенія на преступленіе, умысла и приготовленія на преступленіе и т. д. До какой степени были разнорѣчивы толкованія суда относительно этихъ предварительныхъ актовъ преступленія и какъ онъ затруднялся уловлять тутъ дѣйствіе злой воли, я приведу слѣдующіе три примѣра изъ судебныхъ рѣшеній, помѣщенныхъ въ Сборникъ г. Анисимова.

Въ 1867 г., была напечатана и задержана цензурнымъ комитетомъ книга, заключающая въ себѣ проповѣдываніе социализма, «не въ видахъ оправданія только мнимой теоретической ея справедливости, но *въ видѣ новой религіи*, долженствующей произвести практическія послѣдствія». Авторъ былъ подвергнутъ судебному преслѣдованію. Петербургская судебная палата, разсмотрѣвъ книгу нашла,

<что 1) въ книгѣ заключается порицаніе христіанской вѣры вообще, и нераздѣльно съ нею и церкви православной и глумленіе надъ нею; 2) оспаривается всякая власть вообще и дерзко порицается государственный порядокъ всѣхъ возможныхъ государствъ; 3) прямо отрицаются начала собственности, съ намѣреніемъ разрушить ея основн; всякая личная собственность называется грабежемъ и кражей, а собственники разбойниками, основанія же права собственности лжкомствомъ и насиліемъ>.

Несмотря на это, палата не нашла возможныхъ преслѣдовать автора за неопубликованную книгу, какъ за содѣянное преступленіе: «ибо, говорить она въ своемъ опредѣленіи, невозможно судебное преслѣдованіе мыслей человека, не переданныхъ публикѣ, точно такъ же, какъ невозможно преслѣдовать желанія, надежды и другія движенія духа человѣческаго, не заявленныя публично или неоплашенныя посредствомъ ихъ сообщенія публикѣ».

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, нельзя ли въ задержанной преступной книгѣ видѣть покушеніе на преступленіе, судебная палата и на этотъ вопросъ отвѣчаетъ отрицательно. Потому что

«по ст. 9 уложенія о наказаніяхъ, покушеніе на преступленіе есть такое дѣйствіе, которымъ начинается или продолжается исполненіе преступленія, потому покушеніемъ на преступленіе, совершаемое посредствомъ печати, можетъ считаться такое дѣйствіе, вслѣдствіе котораго начало уже оглашаться въ публикѣ преступное содержаніе книги. Но такъ какъ ни составленіемъ сочиненія, ни отпечатаніемъ его не начинается еще оглашеніе въ публикѣ содержанія сочиненія, то эти дѣйствія не должны быть признаваемы покушеніемъ на преступленіе печати».

Далѣе судебная палата говоритъ, что «и самое отпечатаніе сочиненія, которое, по своему объему, не подлежало предварительной цензурѣ, нельзя считать покушеніемъ на преступленіе, даже и потому, что сочиненія этого рода, не подлежащія означенной цензурѣ, могутъ быть представляемы въ цензурный комитетъ для пропуски и разрѣшенія къ выпуску въ свѣтъ только въ отпечатанныхъ экземплярахъ. Слѣдовательно, отпечатаніе сочиненія, не подлежащаго предварительной цензурѣ, составляя дѣйствіе непроизвольное и даже недобровольное, а обязательное, не можетъ считаться преступнымъ». Но, не нашедши ни въ составленіи сочиненія, ни въ напечатаніи его покушенія на преступленіе, палата въ этихъ же самыхъ актахъ усмотрѣла приготовленіе къ преступленію и, на основаніи статей уложенія о наказаніяхъ 245, 251, 252, 275, въ которыхъ, впрочемъ, идетъ дѣло о тайно составляемыхъ и печатаемыхъ прокламаціяхъ, воззваніяхъ и т. п. противъ верховной власти и т. п.; и наказаніе опредѣляется за самый умыселъ или приготовленіе къ преступленію, приговорила автора къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ и 4 мѣсяца.

Тамъ самая петербургская судебная палата, рассмотрѣвъ въ 1867 году другое сочиненіе, задержанное цензурнымъ комитетомъ и представленное на судебное рѣшеніе, именно номеръ одной газеты, признала содержаніе его также преступнымъ, такъ какъ нашла въ немъ: 1) положительно оскорбительный отзывъ о распоряженіяхъ прямо указаннаго правительственнаго установленія, 2) оглашеніе въ печати о должностномъ лицѣ, прямо названіемъ, такого обстоятельства, которое можетъ повредить его достоинству, и 3) наконецъ, таковое же оглашеніе относительно надзирательницы заведенія. Хотя, и въ этомъ случаѣ, палата не нашла возможнымъ подвергнуть редактора-издателя ответственности за совершенное преступленіе, такъ какъ номеръ былъ задержанъ цензурою и въ свѣтъ не явился, однакожь, признала его виновнымъ въ покушеніи на преступленіе, резюмировавъ свое рѣшеніе такимъ образомъ:

«если совершеніемъ преступленія, по дѣламъ печати, слѣдуетъ считать публикацію и распространеніе сочиненія; если напечатанное сочиненіе, не явившееся въ свѣтъ вслѣдствіе ареста, никакъ нельзя, не лишая закона 6-го апрѣля 1865 года всякаго практическаго значенія (?), считать только приготовленіемъ къ преступленію, то само собою разумѣется, (?), что напечатаніе сочиненія безъ опубликованія и распространенія его, вслѣдствіе наложенія на сочиненіе ареста, есть не что иное, какъ покушеніе на преступленіе. Если такое покушеніе остановлено не по собственной волѣ подсудимаго, а другими независящими отъ него обстоятельствами, то виновный подлежитъ ответственности

двумя, тремя или четырьмя ступенями ниже противъ наказанія, постановленнаго за самое совершеніе преступленія (ст. 114 улож. о наказ.). На основаніи этихъ соображеній, редакторъ-напечататель подвергнутъ заключенію подъ арестъ въ тюрьмѣ на 8 недѣль и денежному взысканію 200 р.р.

Въ 1869 году, сенатъ, разсматривая дѣло по протесту прокурорскаго надзора на оправдательный приговоръ судебной палаты относительно одного бывшаго на ея разсмотрѣніи задержаннаго цензурнымъ комитетомъ сочиненія, далъ, между прочимъ, слѣдующее рѣшеніе по вопросу о томъ: «какою степенью осуществленія злого умысла надлежитъ считать напечатаніе преступнаго сочиненія, задержаннаго до обращенія его въ употребленіе».

«Въ преступленіяхъ печати, имѣющихъ цѣлю распространять въ публикѣ вреднаго мысли, описанія или изображенія, преступленіе надлежитъ считать совершившимся лишь съ распространеніемъ или, по крайней мѣрѣ, выпускомъ сочиненія въ обращеніе, а покушеніемъ на такое преступленіе слѣдуетъ считать всякое дѣйствіе, конимъ начинается распространеніе или выпускъ его въ обращеніе. Поэтому одно напечатаніе сочиненія, когда выпускъ еще не послѣдовалъ или былъ задержанъ, должно быть признаваемо лишь приготовленіемъ къ преступленію, наказуемымъ по общему закону только въ особнхъ, именно означенныхъ законодателемъ случаяхъ, а также тогда, когда содѣланное при приготовленіи есть само по себѣ преступленіе (ст. 118 и 111 уложен. о наказ.)».

Далѣе въ своемъ рѣшеніи сенатъ говоритъ:

«всѣ дѣйствія, занимающія средину между составленіемъ сочиненія и его распространеніемъ, должны быть уравниваемы не съ послѣднимъ, а съ первымъ, и что понятіе о приготовленіи въ дѣлахъ печати, какъ это вытекаетъ изъ общаго положенія закона, оканчивается только тамъ, гдѣ начинается распространеніе».

Изъ представленныхъ мною примѣровъ читатель видитъ, что судъ въ сочиненіяхъ преступнаго содержанія, задержанныхъ цензурнымъ комитетомъ до появленія ихъ въ свѣтъ, не признавалъ преступленія, а находилъ — самое большее покушеніе на преступленіе, а то и просто видѣлъ одно приготовленіе къ преступленію, подлежащее наказанію только въ исключительныхъ, въ законѣ поименованныхъ случаяхъ, вообще же ненаказуемое, или, говоря другими словами, доходилъ до отрицанія всякой преступности автора, хотя сочиненіе было несомнѣнно преступнаго содержанія съ точки зрѣнія закона. На первый взглядъ, это представляется страннымъ, но, въ дѣйствительности, судъ поступалъ даже строже, чѣмъ могъ по закону. Судъ все-таки, хотя и признаетъ печатаніе преступнаго по содержанію сочиненія дѣйствіемъ ненаказуемымъ, но называетъ его приготовленіемъ къ преступленію. А въ дѣйствительности это дѣло не всегда бываетъ такъ: то или другое дѣйствіе можно назвать приготовленіемъ къ преступленію только тогда, когда человекъ, совершающій это дѣйствіе, сознаетъ, что онъ совершаетъ его ради преступленія, имъ задуманнаго, и когда, вслѣдствіе этого, онъ старается скрыть или самое дѣйствіе, или цѣль его, отъ другихъ. Со-всѣмъ иное отношеніе большей части авторовъ какъ къ своимъ преступнымъ сочиненіямъ, такъ и къ тому, что на языкѣ уголов-

номъ называется приготовленіемъ къ преступленію, т. е. напечатанію ихъ. Каждый изъ этихъ авторовъ смотритъ на свое сочиненіе, какъ на величайшее благо, которое онъ даритъ обществу, и съ негодованіемъ отвергъ бы всякій другой путь печатанія своего сочиненія, кромѣ лояльнаго. Конечно, этимъ насколько не измѣняется внутренняя преступность сочиненія съ точки зрѣнія закона. Явившись въ свѣтъ, оно все равно нарушило бы права другихъ, а слѣдовательно, повлекло бы автора къ уголовной отвѣтственности. Но иное дѣло то или другое дѣяніе въ исполненіи, а иное дѣло въ намѣреніи. Назадъ тому много лѣтъ, въ уголовной практикѣ былъ таковой случай. Раскольникъ, негодуя на своего сосѣда православнаго за то, что тотъ не постился по средамъ и пятницамъ и тѣмъ осквернялъ эти божьи дни, вздумалъ принести жертву Богу и убилъ грѣшника. Конечно, раскольникъ приготовлялся къ убійству тайно отъ другихъ, не сказывалъ никому о своемъ намѣреніи, одинъ себя выбралъ и приготовилъ орудіе, и эти его дѣйствія, предшествующія преступленію и совершаемыя втайнѣ, вполне доказываютъ, что онъ понималъ, что замыслилъ нѣчто такое, что закономъ запрещаетъ и чего открытымъ путемъ совершить нельзя. А представьте себѣ, что этотъ самый человѣкъ пришелъ бы въ кварталъ, рассказалъ бы, что онъ задумалъ сдѣлать, показалъ бы купленный имъ для этого топоръ, спросилъ бы здѣсь совѣта: не лучше ли, чѣмъ другимъ?— Развѣ можно было бы тогда его дѣйствіе назвать приготовленіемъ къ преступленію? Первый признакъ приготовленія къ преступленію, если это преступленіе заранѣе обдуманное, есть несомнѣнно скрытіе своихъ намѣреній, относительно преступленія отъ другихъ, скрытіе своихъ дѣйствій, предпринимаемыхъ для этого или цѣли ихъ. А развѣ человѣкъ идетъ въ полицейское вѣдомство, рассказываетъ, что онъ хочетъ сдѣлать и какъ, показываетъ орудіе, которымъ хочетъ достигнуть цѣли, въ твердой притомъ увѣренности, что это вѣдомство непременно оставитъ его въ достиженіи цѣли, если найдетъ ее вредной—такое дѣйствіе, конечно, уже не можетъ быть названо приготовленіемъ къ преступленію. Все это я говорю къ тому, что, по особому свойству и обстановкѣ преступленій, совершаемыхъ посредствомъ печати, пока преступное сочиненіе въ свѣтъ не явилось, предшествующія дѣйствія, т. е. составленіе и печатаніе сочиненій, не только не наказуемы, какъ то рѣшилъ сенатъ, но не всегда могутъ носить даже названіе приготовленія къ преступленію.

Уже одно непривзаніе нашими судами преступленія въ представляемыхъ на нихъ рассмотрѣніе сочиненіяхъ преступнаго содержанія до появленія послѣднихъ въ свѣтъ дѣлали юрисдикцію этихъ судовъ несомнѣнною съ существующею у насъ репрессивною системою прессы. Къ этому присоединились и нѣкоторые другія затрудненія для судовъ, обусловливаемыя недостаточностію нашего законодательства о печати. Преступленія, совершаемыя печатью, болѣею частію преступленія условныя, зависящія

отъ мѣста, времени, той или другой степени образованія даннаго народа, его политическаго развитія и т. п. То, что считается преступленіемъ въ Россіи, можетъ не составлять вовсе никакого преступленія въ Англіи или Франціи, и наоборотъ. Оттого и преступность сочиненій, въ которыхъ содержатся преступленія, совершаемыя посредствомъ печати, также условная. Даже при одинаково преступномъ содержаніи для разныхъ странъ, одно и то же сочиненіе можетъ имѣть совершенно различное значеніе въ той или другой странѣ, смотря потому, насколько оно, по своей формѣ и изложенію, приспособлено къ степени развитія той или другой страны. Самое зажигательное сочиненіе въ Германіи или Франціи у насъ можетъ оставаться вовсе безъ всякаго дѣйствія и даже оставаться непрочитаннымъ. Во время императрицы Екатерины переводились на русскій языкъ самыя наирадикальнѣйшія французскія сочиненія, приводившія въ волненіе всю Францію и строго тамъ преслѣдуемыя—у насъ же переведенныя и отпечатанныя, они преспокойно лежали въ кладовой комиссіи переводовъ, существовавшей при императрицѣ Екатеринѣ, и открыты были тамъ только въ нынѣшнее царствованіе. Изъ этого ясно, что уголовное законодательство по преступленіямъ, совершаемымъ посредствомъ печати, должно быть болѣе или менѣе приспособлено къ преступленіямъ, возможнымъ въ каждой странѣ, сообразно степени ея развитія. У насъ не положено даже и начала такому законодательству. Наше старое законодательство не знаетъ ни о какихъ другихъ преступныхъ печатныхъ сочиненіяхъ, кромѣ возмутительныхъ воззваній, прокламацій, печатаемыхъ тайно. О преступленіяхъ, совершаемыхъ посредствомъ печати вполне лояльнымъ путемъ, оно не имѣетъ никакого понятія. Такъ что суды, какъ мы видѣли, разбирая преступленія, совершаемыя посредствомъ печати лояльнымъ путемъ, поставлены были въ необходимость опредѣлять: что такое приговореніе къ преступленію, что такое покушеніе по статьямъ уголовного кодекса, относящимся собственно къ прокламаціямъ, воззваніямъ, напечатаннымъ тайно. Нѣсколько новыхъ уголовныхъ законовъ, явившихся со времени закона 6-го апрѣля 1865 г., взяты съ иностраннаго и къ намъ или трудно примѣнны, напримѣръ, какъ возбужденіе вражды между сословіями, или недостаточно соображены съ почвою, на которой они должны дѣйствовать. Возьмемъ хотя бы законъ о диффамациі относительно лицъ, занимающихъ казенныя и общественныя должности. Въ случаѣ жалобы должностнаго лица на оглашеніе какаго либо поворачающаго обстоятельства о немъ въ печати, автору или редактору дозволяется доказывать справедливость сообщеннаго ими извѣстія только письменными доказательствами. Безъ такихъ доказательствъ преступленія, законъ приговариваетъ виновнаго къ тюремному заключенію и денежному штрафу. Еслибы законъ этотъ существовалъ въ Англіи, то особеннаго вреда отъ этого не было бы. Тамъ и безъ этого не укроется отъ высшаго начальства чиновное казнокрад-

ство, взяточничество, насиліе и т. п. Потому что подобныя факты будутъ заявлены немедленно въ парламентъ представителями общины, кромѣ того, тамъ и сами потерпѣвшіе имѣютъ право приносить жалобу прямо въ судъ на злоупотребленіе чиновниковъ по должности. У насъ ничего подобнаго нѣтъ и печать представляетъ единственное средство сдѣлать извѣстными часто самыя возмутительныя злоупотребленія въ чиновничьемъ мірѣ. Между тѣмъ въ Англии должностное лицо eo ipso, по самому положенію, открыто для сообщенія о немъ всевозможныхъ свѣдѣній, а у насъ каждое неблагоприятное извѣстіе объ немъ должно быть подтверждено письменнымъ доказательствомъ. Еслибы этотъ законъ примѣнять строго и точно, то это равнялось бы полному запрещенію говорить о самыхъ вопіющихъ фактахъ должностныхъ безобразій. Ибо казнокрадство, взяточничество, насилія и т. п.—такого рода дѣянія, при совершеніи которыхъ избѣгаютъ не только всякихъ рукоприкладствъ, но и вообще присутствія ненадежныхъ людей. Гдѣ же взять письменныхъ доказательствъ для ихъ обличенія? Намъ кажется, что законъ достаточно оградилъ бы должностныхъ лицъ отъ сообщеній, позорныхъ для ихъ чести, еслибы возложилъ на виновниковъ подобныхъ сообщеній обязанность доказывать ихъ обыкновеннымъ порядкомъ. Между тѣмъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, этотъ законъ не совпадаетъ даже съ основнымъ принципомъ новаго суда—суда по совѣсти. Возможны такіе случаи, что судъ и безъ письменнаго доказательства будетъ убѣжденъ въ совершенной вѣрности сообщеннаго поворащаго извѣстія о томъ или другомъ лицѣ, и несмотря на это, будетъ поставленъ въ необходимость, вопреки своей совѣсти, подвергнуть сообщившаго это извѣстіе наказанію, единственно; за неимѣніе требуемаго закономъ письменнаго доказательства. Вообще, еслибы у насъ было составлено новое законодательство о печати, проиницное единствомъ идеи и точно соображенное съ тѣми новыми условіями и требованіями жизни, которыя вызваны крестьянской и другими реформами, и съ современнымъ уровнемъ развитія общества, то нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыхъ изъ бывшихъ процессовъ по дѣламъ печати вовсе не было бы, другіе приняли бы совсѣмъ другой ходъ, потому что новымъ законодательствомъ значеніе печатнаго слова опредѣнивалось бы не по абстрактному разграниченію предметовъ, о которыхъ можно и о которыхъ нельзя говорить, взятому съ иностранныхъ образцовъ, не по хлесткости его фразъ, не по тѣмъ тенденціямъ, которыя оно имѣетъ, но по расчету дѣйствительнаго его дѣйствія, насколько оно представляется возможнымъ и вѣроятнымъ по существующимъ условіямъ и тому или другому составной обществу и по силѣ самого слова. Ибо и слово—единственное орудіе печати—представляетъ собой орудіе весьма условное. Если вы застали человѣка съ окровавленнымъ топоромъ надъ трупомъ убитаго, для васъ это можетъ служить уликою достаточно убѣдительною, что убійство совершено этимъ человѣкомъ. Въ

томъ, по крайней мѣрѣ, для васъ не можетъ существовать сомнѣнiя, что топоромъ можно убить всякаго и что для этого не требуется особенной силы, а достаточно обыкновенной, заурядной человеческой силы. Но еслибы вы этого же самаго человека застали надъ убитымъ съ соломенкою или прутникомъ, въ васъ нетолько въ самихъ не явилось бы подозрѣнiя, что убійство совершено посредствомъ этихъ орудiй этимъ человекомъ, но вы назвали бы сумасшедшимъ того, кто захотѣлъ бы васъ увѣрять въ этомъ. Слово же—именно такое орудiе, которое можетъ быть и топоромъ и соломенкою, смотря потому, въ какой средѣ оно дѣйствуетъ и какой оно силы, и, само по себѣ, какими бы тенденцiями оно ни было начинено, еще не можетъ служить достаточно убѣдительною уликою нетолько существованiя преступленiя, а даже его возможности, а стало быть, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ случаѣ, не можетъ служить и основанiемъ для вмѣняемости, еслибы преступная мысль и была въ авторѣ его. Самое сильное слово не можетъ имѣть ровно никакого дѣйствiя, если для него нѣтъ подготовленной почвы, если люди, къ которымъ оно направлено, стоять, по пониманiю своему, далеко выше или далеко ниже автора, а потому или давно уже переросли тѣ интересы, которыми волнуется авторъ, или еще далеко не до росли до нихъ. Но и при приготовленной для дѣйствiя почвѣ, слово часто не можетъ имѣть никакого дѣйствiя по отсутствию въ немъ самою внутренней силы. Въ обыкновенныхъ преступленiяхъ негодность средствъ, избираемыхъ для совершенiя преступленiя, избавляетъ избирающаго такiя средства отъ всякаго вмѣненiя, хотя преступный умыселъ его и не подлежитъ сомнѣнiю. Такъ никто не будетъ судить за покушенiе на убiйство соломенкой или прутникомъ. Въ преступленiяхъ по дѣламъ печати такой невмѣняемости за негодностию средствъ допустить, конечно, нельзя. Но нельзя же одинаково наказывать преступленiе, достигшее своей цѣли, и преступленiе, оставшее только въ мысляхъ автора. Въ Сборникѣ помѣщено очень любопытное рѣшенiе петербургской судебной палаты, состоявшееся въ 1865 году по поводу одного подобнаго преступнаго сочиненiя, выпущеннаго въ свѣтъ и переданнаго совѣтомъ главнаго управленiя по дѣламъ печати на судебное разсмотрѣнiе. Разсмотрѣвъ книгу, палата нашла, что *«со-держанiе, нѣкоторыя отдѣльныя мысли этой книги преступны, что со-сто-рель, во всемъ сочиненiи порицаются начала брачнаго союза и семейства, и признала, что сочиненiе это ни по формѣ своей, ни по способу изложенiя не можетъ оправдываться научною цѣлю и что цѣль его можетъ заключаться лишь въ стремленiи поколебать основы брачнаго союза и семейства, установленныя христіанствомъ и гражданскими законами. Обращая затѣмъ къ разсмотрѣнiю вопроса: слѣдуетъ ли конфисковать нераспространенные еще экземпляры этого сочиненiя, палата находить, что, несмотря на противозаконную цѣль, сочиненiе это, по слабому достоинству своему, не можетъ служить средствомъ къ достиженiю означенной цѣли и не требуетъ принятiя столь серьезной мѣры».*

Автора сочиненія палата подвергла взысканію по статьѣ, касающейся означеннаго преступленія, но

«въ мѣрѣ болѣе близкой къ меньшей, соотвѣтственно той степени вреда, которую книга могла произвестъ», именно на 7 дней ареста.

Нельзя не отдать чести нашему суду въ томъ, что, при сужденіи о сочиненіяхъ, передававшихся на его разсмотрѣніе по выпускѣ уже ихъ въ свѣтъ, онъ не ограничивался одними абстрактными опредѣленіями закона, но обращалъ вниманіе на то дѣйствіе, которое они имѣли или могли имѣть по тѣмъ или другимъ условіямъ, въ которыхъ дѣйствовали и по своей собственной силѣ. Подобная практика суда, еслибы она велась долго и постоянно, доставила бы драгоценный матеріалъ для разработки и составленія уголовного законодательства по преступленіямъ печати, приспособленнаго къ нашей средѣ. Къ сожалѣнію, по особенностямъ существующей у насъ репрессивной системы, на разсмотрѣніе суда поступало очень мало сочиненій, явившихся уже въ свѣтъ; болѣшая часть напечатанныхъ сочиненій и, притомъ, наиболѣе важныхъ по преступности своего содержанія, обыкновенно задерживалась цензурнымъ комитетомъ и представлялась на разсмотрѣніе суда безъ опубликованія. При сужденіи о такихъ сочиненіяхъ, дѣятельности суда, главнымъ образомъ, сосредоточивалась, какъ мы уже отчасти видѣли, на томъ, чтобы опредѣлить: считать ли сочиненіе покушеніемъ на преступленіе или приготовленіемъ къ преступленію. Причемъ для суда не представляло надобности даже предположительнаго изслѣдованія о томъ: какое могло бы имѣть въ дѣйствительности дѣйствіе то или другое задержанное сочиненіе, еслибы оно явилось въ свѣтъ. Ибо, не признавая въ задержанныхъ цензурой сочиненіяхъ совершившагося преступленія, а только—самое большее—покушеніе на преступленіе, судъ и безъ того долженъ былъ назначать наказанія сравнительно легкія и казавшіяся недостаточнымъ огражденіемъ противъ злоупотребленій печати. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, эти злоупотребленія были такъ велики, что для нихъ судебной юрисдикціи вообще было недостаточно. Онъ находилъ, что многіе авторы такъ ухищряются составлять свои сочиненія, что «въ нихъ не усматривается прямого нарушенія какой либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно, между тѣмъ достоверными свѣденіями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ цѣлю распространить лжеученіе между учащеюся молодежью». Вслѣдствіе этого, министръ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о необходимости дополнить законъ 6-го апрѣля 1865 года противъ сказанныхъ злоупотребленій печати, который въ 1872 г. и былъ дополненъ тѣмъ, что министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право, «въ случаѣ, если онъ признаетъ напечатанныя безъ предварительной цензуры сочиненіе или номеръ повременнаго изданія вредными, сдѣлать немедленно распоряженіе о задержаніи этихъ произве-

деній, представить о воспрещеніи выхода ихъ въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ», причѣмъ «если въ задержанномъ сочиненіи или номерѣ повременнаго изданія усматривается преступленіе, то, независимо отъ задержанія подобныхъ изданій, можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ; въ такомъ случаѣ, разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ подлежитъ собственно вопросъ объ отвѣтственности обвиняемыхъ». Со времени опубликованія этого дополненія къ закону 6 го апрѣля 1865 года не было еще примѣра, чтобы задержанныя сочиненія передавались на разсмотрѣніе суда, вѣроятно, потому, что съ основнымъ принципомъ новыхъ судовъ и неразрывно связанною съ нимъ обрядностію едва ли было бы совѣстимо налагать наказаніе безъ разсмотрѣнія самаго дѣла, за которое налагается наказаніе.

Такимъ образомъ, послѣ дополненія къ закону 6-го апрѣля 1865 года, въ юрисдикціи суда остались только дѣла о диффамаци и клеветѣ. Всѣ прочія преступленія и проступки, совершаемые посредствомъ прессы, надзоръ за нею и руководство сосредоточились въ рукахъ администраціи. Начиная отъ разрѣшенія издавать журналъ или газету до послѣдней печатающейся въ нихъ замѣтки—все здѣсь находится въ полномъ распоряженіи администраціи. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что въ общемъ направленіе прессы, господствующіе въ ней тоны и приемы, сумма, характеръ и постановка вопросовъ, ею затронуемыхъ, все это обусловливается вліяніемъ администраціи. И авторъ прижѣчаній совершенно правъ, когда говоритъ, что пресса своимъ настоящимъ *цѣтуцимъ* положеніемъ обязана тѣмъ лицамъ, главному надзору которыхъ она ввѣрена. Съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, нѣтъ особеннаго преувеличенія даже въ томъ, что онъ считаетъ настоящее положеніе прессы цѣвѣвающимъ. Ибо, становясь на строго легальную почву, можно представить возможность такого суроваго режима, при которомъ пресса могла бы быть приведена въ такое же положеніе, въ какомъ находилась въ дореформенное время. Чтобы читатель, не имѣющій понятія о внутреннемъ состояніи нашей прессы, могъ уразумѣть всѣ эти тезисы, я нѣсколько наглядно познакомлю его съ практикою нашей прессы.

Да самаго настоящаго времени, именно до появленія Сборника Анисимова, мнѣ никогда не случалось видѣть собранія всѣхъ существующихъ у насъ отдѣлительно печати узаконеній, судебныхъ рѣшеній, административныхъ постановленій и распоряженій въ полномъ ихъ составѣ. Только по этому Сборнику я внимательно проштудировалъ ихъ всѣ въ первый разъ. Читатель, незнакомый съ литературнымъ дѣломъ, можетъ подивиться этому. Но удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Большая часть пишущихъ знакома съ законоположеніемъ о печати еще менѣе, чѣмъ я, и нѣкоторые и совсѣмъ не имѣютъ о немъ никакого понятія. Это потому, что изучать наше законоположеніе о печати вовсе не

такъ легко, какъ это представляется съ перваго взгляда. Изъ всѣхъ нашихъ законоположеній едва ли найдется какое нибудь законоположеніе болѣе случайное по своему составу, болѣе противорѣчивое по своему содержанію, болѣе неопредѣленное по своей основной идеѣ, чѣмъ законоположеніе о печати. Вслѣдствіе этого, несмотря на все обиліе входящихъ въ него узаконеній, судебныхъ рѣшеній, административныхъ распоряженій, оно оказывается совершенно недостаточнымъ и неустойчивымъ въ практикѣ — то и дѣло подвергается измѣненіямъ и дополненіямъ, при судебныхъ рѣшеніяхъ подаетъ поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ, наконецъ, не даетъ какъ для административныхъ распоряженій (напримѣръ: случайныхъ запрещеній писать въ то или другое время о томъ или другомъ предметѣ), такъ и для административныхъ взысканій (напримѣръ: предостереженій и т. п.) никакой такой нормы, при помощи которой всякой бы могъ видѣть: составляетъ ли то или другое распоряженіе и взысканіе прямое и необходимое послѣдствіе закона, или оно есть только дѣло случайности, личнаго впечатлѣнія и т. п. Если къ этому присовокупить, что наша администрація не издаетъ время отъ времени такихъ сборниковъ, въ которыхъ были бы помѣщаемы всѣ тѣ законы и постановленія, судебныя рѣшенія, временныя административныя распоряженія, а также взысканія, которыя должны служить руководствомъ для всѣхъ имѣющихъ дѣло съ печатью, что всѣ эти законы, постановленія, распоряженія и т. п. желающій долженъ разыскивать самъ въ многоразличныхъ правительственныхъ и даже частныхъ изданіяхъ, которыя не всегда и не вездѣ есть, что нѣкоторыхъ распоряженій нигдѣ и найти невозможно, то читатель пойметъ, какъ мало удобно для изученія наше законоположеніе о печати, даже еслибы такое изученіе было нужно и могло бы вести къ чему нибудь. Но мы сейчасъ увидимъ, что это вовсе не нужно, ибо никакой опоры пишущему дать не можетъ. «Чѣмъ же, спроситъ меня читатель, мы руководствуемся въ нашемъ писаніи?» — Если вы, читатель, спрашиваете объ объективномъ какомъ нибудь руководствѣ, которое разрѣшало бы намъ, о чемъ можно писать и о чемъ нельзя, и представляло бы гарантію въ этомъ, равносильную закону, то такого руководства мы, конечно, не имѣемъ никакого. О всѣхъ русскихъ литераторахъ, участвующихъ въ той боевой прессѣ, которая имѣетъ дѣло съ злобой дня, можно просто сказать, что они подъ Богомъ ходятъ. Что запрещено и что позволено, они положительно, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе ясно не знаютъ, а пишутъ что Богъ на душу положитъ, не справляясь ни съ какими руководствами, за неизмѣнимъ таковыхъ. Но если вы, читатель, меня спрашиваете о нашемъ субъективномъ руководствѣ при писаніи или, говоря проще, о тѣхъ соображеніяхъ, которыя мы имѣемъ въ виду, чтобы не перейти черту дозволеннаго, то этотъ секретъ я вамъ могу сказать. Во-первыхъ, всѣ мы, пишушіе, знаемъ также твердо, какъ символъ *вѣры* или *Омч* *наш*

тѣ основы, которыхъ касаться не слѣдуетъ, и никогда ихъ не трогаемъ. Затѣмъ о предметахъ особенной важности, о которыхъ писать хотя и не воспрещено, но касаться которыхъ можно только съ воздержаніемъ, умѣренно, и разъясненіе которыхъ показалось бы щекотливымъ по тѣмъ или другимъ отношеніямъ, мы позволяемъ себѣ говорить, только соображаясь съ тѣмъ или инымъ настроеніемъ данной минуты, которое всегда чувствуется въ моральной атмосферѣ общества и также распознается пишущимъ, какъ распознаются опытнымъ рыбакомъ или морякомъ примѣты, по которымъ онъ пускается въ море или ждетъ погоды. Наконецъ, все остальное разрѣшается для каждаго пишущаго собственною практикою и практикою другихъ. Со времени освобожденія печати отъ предварительной цензуры, т. е. съ 6 апрѣля 1865 года, каждый пишущій превратился въ цензора своего собственнаго труда. Чтобы не нажить какихъ нибудь непріятностей, онъ блюдетъ надъ каждою своею мыслью, чтобы она не выдавалась рѣзко надъ тѣмъ уровнемъ, на которомъ стоитъ вся текущая литература. Еще большее, конечно, рвеніе въ этомъ отношеніи показываютъ редакторы, которые неусыпно надъ тѣмъ бодрствуютъ, чтобы уничтожить въ проходящихъ черезъ ихъ руки статьяхъ все стропотное, что стремится выбиться изъ мѣры дна. Вотъ та нехитрая механика, которая замѣняетъ для нашей текущей литературы законы. И ничего, дѣло идетъ, да какъ еще идетъ. Авторъ примѣчаній справедливо замѣчаетъ, въ доказательство процвѣтанія нашей прессы, что «число поврежденныхъ изданій безъ предварительной цензуры съ каждымъ годомъ возрастаетъ». Мы могли бы къ этому, съ своей стороны, прибавить, что вмѣстѣ съ размноженіемъ органовъ прессы несомнѣнно прогрессируетъ и ихъ внутреннее благолѣпіе. Несмотря на строгій выборъ редакторовъ и издателей, *передомъ* всегда блистаютъ первоклассными красотоми либерализма, корреспонденціи всегда отгѣнены болѣе или менѣе густою краскою пессимизма и отрицанія, фельетоны очень нерѣдко впадаютъ въ самый ярый радикализмъ и т. д. Говоря же серьезно, всякій, кто внимательно прослѣдитъ движеніе нашей текущей прессы со времени закона 6 апрѣля 1865 года, не можетъ не признать, что годъ отъ году наша пресса завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе—я не скажу свободы *de jure*—но болѣе вниманія къ себѣ и простора *de facto*, если и не на томъ столбовомъ пути, по которому ей надлежало бы слѣдовать, то въ своихъ обходныхъ движеніяхъ. Правда, дѣло не обходится безъ административныхъ впушеній, сопровождающихся иногда тѣми или другими взысканіями, иногда очень чувствительными, но все это случается вообще не такъ часто, какъ это могло бы случаться съ людьми, ходящими подъ Богомъ, изъ которыхъ, притомъ, въ частности, найдется не мало и такихъ, которые совсѣмъ не подвергаются никакимъ впушеніямъ и взысканіямъ. За послѣднее время, на основаніи этого, у меня стало образовываться даже такое самоопыненіе, что намъ,

пишущимъ, нѣтъ никакой надобности изучать существующіе законы о печати, что нашею долговременною практикою мы настолько выработали въ себѣ чутья и такта, что, не справляясь ни съ какими законами, мы можемъ писать вполне законно. По сборникъ книгопродавца Анисимова разрушилъ эту мою иллюзію. Прочитавъ его, я почувствовалъ себя въ положеніи Адама, вкусившаго отъ древа познанія добра и зла и тѣмъ самого себя осудившаго на изгнаніе изъ рая, въ которомъ до сихъ поръ пребывалъ. Прежде всего, я припомнилъ все то, что я писалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и понялъ, что всѣ мои писанія, начиная съ выхода закона о печати 6-го апрѣля 1865 года, были сплошнымъ преступленіемъ, что каждая изъ статей, мною написанныхъ, могла быть по закону легко подвергнута или судебному преслѣдованію, или какой-нибудь административной карѣ, а если этого не случилось, то никакъ не потому, что въ какой-нибудь изъ моихъ статей не было объекта для преслѣдованія, а единственно по благодушію начальства. Поразмысливъ, я пришелъ къ тому же заключенію относительно извѣстныхъ мнѣ статей многихъ другихъ лицъ изъ пишущей братіи. Наконецъ, проштудировавъ тщательно всѣ существующія у насъ относительно печати узаконенія, судебныя рѣшенія, административныя постановленія, распоряженія, взысканія и тѣ мотивы, на основаніи которыхъ послѣднія преслѣдовали, я вполнѣ убѣдился, что нѣтъ такой статьи, имѣющей дѣло со злобой дня, и я думаю даже быть не можетъ такой статьи, которую нельзя было бы подвести подъ ту или другую статью сборника и не подвергнуть ея тому или другому взысканію.

Все это ясно показываешь, что жизнь давно уже перегнала существующее у насъ законоположеніе о печати, потому и существующій уровень свободы печати обуславливается не этимъ законоположеніемъ, а дѣйствующею практикою, главнымъ же образомъ, отношеніемъ къ этой практикѣ тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено наблюденіе надъ нею. Я уже замѣтилъ, что наше законоположеніе о печати такого характера, что даетъ возможность администраціи привлечь къ ответственности каждое сочиненіе и подвергнуть одной изъ того обильнаго запаса каръ, которыя находятся въ ея распоряженіи. Еслибы лица, которымъ ввѣренъ надзоръ за печатью, захотѣли широко пользоваться одною этою возможностью, то существованіе печати сдѣлалось бы невыносимо. Но имъ, кромѣ этого неограниченнаго права на преслѣдовательное караніе печати, дано не менѣе неограниченное право на предупредительное ея караніе запрещеніемъ писать о тѣхъ текущихъ явленіяхъ, которыя они, по своему усмотрѣнію, сочтутъ нужнымъ изъять изъ обсужденія въ печати. Это право дано имъ слѣдующимъ закономъ 1873 года:

«Если, по соображеніямъ высшаго правительства, найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіи нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важно-

сти, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры временныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность черезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ».

Правда, въ мотивахъ мнѣнія государственнаго совѣта въ этомъ законѣ говорится, что «новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайно рѣдкихъ», и только въ «вопросахъ государственной важности», и что «цѣль и дѣйствіе его будетъ состоять не въ томъ, чтобы направлять сужденіе прессы въ какомъ-либо опредѣленномъ смыслѣ, а только въ томъ, чтобы, въ случаяхъ особой необходимости, вовсе устранять изъ области печатной полемики предметы, которые временно не должны подлежать гласности». Но такъ какъ въ означенномъ постановленіи не упоминаются ни тѣ предметы государственной важности, ни тѣ случаи, ради которыхъ можетъ быть налагаемо молчаніе на прессу, то имъ можно пользоваться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ текущей прессѣ начинается оживленная полемика, почему нибудь считаемая неудобною. Какъ бы ни былъ самъ по себѣ ничтоженъ въ государственномъ отношеніи тотъ предметъ, по которому началась такая полемика, но разъ пресса и общественное мнѣніе становится въ оппозицію, онъ можетъ казаться предметомъ государственной важности.

Сообразивъ все нами вышесказанное, читатель согласится съ нами, что авторъ примѣчаній сборника совершенно правъ, когда вмѣняетъ въ заслугу лицамъ, имѣвшимъ высшее наблюденіе надъ печатью, что они не настолько широко пользовались даваемыми имъ нашимъ законоположеніемъ полномочіями, насколько могли бы пользоваться, что они не употребляли усвій для того, чтобы насильственно запереть въ узкія рамки законоположенія всѣ заявляемыя живію потребности и требованія. Мало того: мы не имѣемъ ничего возразить и противъ дѣлаемаго авторомъ примѣчаній перечисленія другихъ заслугъ, оказанныхъ этими лицами, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ заносимъ это перечисленіе на страницы нашего журнала, что ни П. А. Валуевъ, ни А. Е. Тимашевъ, бывшіе руководителями прессы въ теченіи многихъ лѣтъ, теперь не состоятъ у дѣлъ прессы и что никто не заподозритъ лести въ отзывѣ о нихъ автора примѣчаній.

«Пресса наша и общество не хотѣли съ явнымъ умисломъ повѣтъ и отнѣнть ни закона 6-го апрѣля 1865 года, ни министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря П. А. Валуева, представившаго на утвержденіе законодательной власти законъ, который ввелъ у насъ безцензурную печать, и достигшаго его утвержденія. Законъ 6-го апрѣля 1865 года составляетъ—въ томъ, конечно, никто ни на одну минуту не усумнится—эру въ исторіи нашего цензурнаго законодательства, и этою эрою обязана наша печать прежде всего Тому, Кому имени не представляетъ вся исторія человѣчества, Кому и современники не найдутъ достойнаго имени, такъ какъ «Великій Освободитель» не вмѣщаетъ въ себѣ Его величія, Кто дѣйствительно есть «Истинное Утѣшеніе и Слава человѣческаго рода», а затѣмъ П. А. Валуеву, который, представляя прозекъ этого закона на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, бралъ на себя

чрезвычайную отвѣтственность передъ правительствомъ и всею Россією за такой смѣлѣй и рѣшительнѣй шагъ. Эта государственная заслуга Петра Александровича тѣмъ болѣе вызываетъ къ нему благодарность общества и прессы, что тяжесть чрезвычайной отвѣтственности при первоначальномъ послѣ изданія примѣненія закона лежала на немъ. Съ прискорбіемъ надо сознаться, что пресса наша и, къ сожалѣнію, общество не только не оцѣнили такой великой государственной заслуги нашего современнаго государственнаго дѣятеля, не только не высказали ему слова должной признательности, но преслѣдовали его постоянными нареканіями. Наука и исторія оправдаютъ его передъ потомствомъ и воздадутъ ему то, въ чемъ отказываютъ самымъ незаслуженнымъ и возмутительнымъ образомъ современники. Наука, исторія и потомство воздадутъ долгъ уваженія и признательности и преминику П. А. Валуева въ дѣлѣ печати, министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву, поддержавшему блистательную борьбу въ дѣлахъ печати при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и элементахъ, возникшихъ въ прессѣ и обществѣ. Тяжкія труды, необыкновенной государственной проицательности и глубокомыслия стоило этимъ современнымъ намъ государственнымъ дѣятелямъ дать небывалое до того у насъ и быстрое, какъ нигдѣ въ Европѣ, развитіе печати. Нельзя провести и малѣйшаго сравненія между тѣмъ, что было у насъ до закона 6-го апрѣля 1865 года, и что теперь представляетъ наша пресса въ свободѣ слова, хотя свободой этою не умѣла и не умѣетъ еще и до сихъ поръ пользоваться пресса. Еслибы она съ должною признательностію и уваженіемъ отнеслась къ П. А. Валуеву и А. Е. Тимашеву, была въ состояніи послѣдовать сознательно или, по крайней мѣрѣ, послѣдовала бы безъ упорныхъ противодѣйствій за ними, литература наша стояла бы на высокой степени развитія. Но пресса не умѣла пользоваться своими государственными руководителями» и т. д.

Я надѣюсь, что послѣ всего мною сказаннаго, авторъ примѣчаній не скажетъ, что я не хотѣлъ понять и оцѣнить его точки зрѣнія, что онъ согласится, что мною исчерпано все, что можно было сказать въ подтвержденіе и оправданіе его основныхъ выводовъ. Теперь я имѣю полное право сказать: *audiatur et altera pars* — пусть дана будетъ возможность и сторонѣ, обвиняемой авторомъ, сказать нѣсколько словъ въ свою защиту, освѣтить нѣсколько дѣло печати съ другой, противоположной точки зрѣнія.

Авторъ примѣчаній ошибается, когда говоритъ, что какъ русская печать, такъ и общество, не оцѣнили ни того высокаго блага, которое даровано было имъ закономъ 6 го апрѣля 1865 года, ни дѣятельности лицъ, способствовавшихъ полученію и утверженію его, что вмѣсто того, чтобы быть благодарными къ послѣднимъ, они преслѣдовали ихъ нареканіями. И литература, и общество вполне поняли и значеніе закона 6-го апрѣля 1865 года, и значеніе дѣятельности лицъ, потрудившихся ради этого закона, и оцѣнили все это настолько именно, насколько оно было цѣнно. Если затѣмъ были нареканія, то нареканія эти, за исключеніемъ случаевъ частныхъ неудовольствій, во всякомъ дѣлѣ всегда возможныхъ и естественныхъ, относились не къ дѣятельности лицъ, которыя стояли во главѣ печати, а къ самой институціи нашей печати. Что репрессивная система прессы не можетъ возбуждать къ себѣ сочувствія ни въ литературѣ, ни въ обществѣ, что она подвергалась

и будет подвергаться нареканіямъ, пока будетъ существовать, объ этомъ и говорить нечего. Мы видѣли, что такъ смотрѣла на нее и та правительственная коммисія, которая ее вводила. Коммисія эта прямо заявила, что «принять за общую систему такой порядокъ преслѣдованія несогласна съ понятіями о правильномъ законодательствѣ», что она принимаетъ ее, какъ неизбѣжное зло, какъ мѣру временную, имѣющую дѣйствовать только до учрежденія новыхъ судовъ. Между тѣмъ, съ введеніемъ новыхъ судовъ, репрессивная система прессы не только не прекратилась, но даже не измѣнена была настолько, чтобы дать надлежащій просторъ судебной юрисдикціи надъ печатью. Не имѣя возможности, по особености нашей репрессивной системы, какъ мы уже видѣли, преслѣдовать преступленій совершившихся, судъ долженъ былъ ограничиться только рассмотрѣніемъ приготовленій и покушеній на преступленія. Вслѣдствіе этого, юрисдикція его оказалась недостаточной для огражденія отъ злоупотребленій печати и была устранена отъ всѣхъ дѣлъ печати, кромѣ дѣлъ о диффамаци и клеветѣ. Съ печатью случилось именно то, чего такъ боялась правительственная коммисія, вводившая репрессивную систему, что система эта изъ временной сдѣлалась постоянной, что, говоря словами этой коммисіи, «принять за общую систему порядокъ преслѣдованія, несогласный съ понятіями о правильномъ законодательствѣ».

Авторъ примѣчаній не придаетъ, повидимому, никакого значенія такому состоянію литературы. Не все ли равно—представляется ему—подчинена ли пресса судебной власти или администраціи—кому-нибудь она должна же быть подчинена. Между судомъ и личнымъ усмотрѣніемъ онъ не находитъ особенно большой разницы. «Пронзволь, говорить онъ:—не есть непременно несправедливость, безусловно опасаться его также неосновательно, какъ вѣрить въ безусловную непогрѣжимость суда». Авторъ примѣчаній, повидимому, и не подозреваетъ того, что существенное различіе между произволомъ и судомъ заключается вовсе не въ ихъ относительной справедливости или несправедливости въ томъ или другомъ данномъ случаѣ, а въ ихъ отношеніи къ свободѣ человѣческой мысли и воли, къ личности человѣка. Для меня еще не составляетъ большой важности, если судъ разъ или два произнесетъ приговоръ о моемъ сочиненіи несправедливо, квалифицировавъ преступность его ошибочно или даже на мѣрленно не по той статьѣ закона, по которой слѣдовало, и подвергнувъ ее наказанію болѣе тяжкому, чѣмъ слѣдовало. Свобода моей мысли черезъ это все-таки не будетъ поработчена и парализована въ своей дѣятельности. Ибо я и послѣ такого приговора останусь въ твердомъ убѣжденіи, что меня нельзя подвергнуть отвѣтственности, если я не совершу нѣчто такое, что можно точно формулировать какъ преступленіе, подвести подъ подходящую статью закона, мотивировать точно самую степень наказанія. И такъ какъ законъ у меня въ рукахъ, то для меня впередъ ясно, за что я

могу подвергнуться отвѣтственности и какой, и за что — нѣтъ! Совсѣмъ другое дѣло — произволъ. Онъ можетъ относиться гораздо легче, чѣмъ судъ, можетъ даже совсѣмъ не обращать вниманія на нѣкоторыя изъ моихъ преступленій, тѣмъ не менѣе, мысль моя будетъ находиться въ постоянномъ опасеніи отвѣтственности. Ибо здѣсь для меня нѣтъ ничего яснаго и опредѣленнаго. Я всегда могу думать, что можетъ найтись вина тамъ, гдѣ я ея и не подозревалъ, что на меня наложена будетъ, отвѣтственность, какой я не ожидалъ. Здѣсь все случайно, все зависитъ отъ случайнаго личнаго впечатлѣнія, тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и т. п. Поэтому какъ самое строгое наказаніе здѣсь никого ничему не научаетъ, такъ и оказанное снисхожденіе ничего не обезпечиваетъ въ будущемъ. Всякій убѣжденъ, что то, что вчера было предметомъ крайней строгости, сегодня будетъ пользоваться полнымъ снисхожденіемъ, и наоборотъ. Постоянный мракъ и назадъ и впереди — вотъ обыкновенная система личнаго усмотрѣнія, неизбежно, по своему существу, держащая въ постоянной тревогѣ и опасеніи всѣхъ, кто находится въ ея вѣденіи. Это вѣчный Дамокловъ мечъ, одинаково постоянно висящій и надъ виновнымъ и надъ неповиннымъ ни въ чемъ. Все это я говорю, конечно, вообще о системѣ административнаго усмотрѣнія, безъ отношенія къ нашей печати. Но характеръ той или другой принятой системы, гдѣ бы онъ и съ какою бы осторожностію ни прилагался, не можетъ вполне улечься и исчезнуть. Въ основаніяхъ своихъ чертахъ, онъ остается вездѣ тѣмъ же. Такимъ же онъ, конечно, остается и у насъ. Авторъ примѣчаній говоритъ относительно предостереженій, между прочимъ, слѣдующее: «незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается возможность предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность, не могутъ отзываться опытные въ дѣлѣ печати издатели. Этому незнанію можетъ вѣрить только читающая публика, менѣе опытная въ этомъ дѣлѣ. Издатели вѣрно цѣнятъ свои статьи и знаютъ, что и управленіе по дѣламъ печати ихъ оцѣнитъ вѣрно». Смѣемъ увѣрить автора, что онъ глубоко заблуждается, выдавая свое чисто личное мнѣніе за аксіому. Конечно, кто изъ издателей держится принципа: «никогда не говорить о томъ, о чемъ слѣдуетъ говорить и какъ слѣдуетъ по его убѣжденію, а говорить только о томъ, о чемъ можно говорить» — тотъ можетъ не опасаться предостереженій. Но вѣдь постоянно слѣдовать такому принципу въ прессѣ, все-таки, имѣющей претензію на имя хоть сколько-нибудь свободной, совсѣмъ уже зазорно. А разъ самый опытный издатель рѣшился говорить о предметѣ, о которомъ, по обстоятельствамъ, лучше было бы помолчать — и высказать свое самое умѣренное свободное сужденіе, онъ никакъ не можетъ не опасаться предостереженія или другой какой нибудь кары. Конечно, можетъ ничего этого и не послѣдовать по милости начальства, но Дамокловъ мечъ все-таки будетъ висѣть надъ нимъ... и онъ, позволивъ себѣ высказать свое собственное сужденіе, самое умѣренное, будетъ въ

безпокойствѣ, можетъ быть, цѣлю недѣлю или двѣ, съ постоянною молитвою на устахъ: «Провеси, Господи», особенно если предостереженіе выходитъ третьимъ. Авторъ примѣчаній можетъ сказать, что я подтверждаю его мысль, когда говорю, что опытный издатель, держась вышесказаннаго мною принципа, можетъ избѣгать предостереженій. На это я отвѣчу, что я веду разсужденіе съ авторомъ, предполагая въ немъ чело-вѣка, который смотритъ на литературу, какъ на дѣло серьезное, имѣющее цѣлю внести мысль и свѣтъ въ общество, а не какъ на пустое балагурство или переливаніе изъ пустого въ порожнее, единственно ради полученія пяточковъ. А въ этомъ смыслѣ сказанное мною никакъ не можетъ служить подтвержденіемъ для его мысли. Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ пойметъ, что системой административнаго усмотрѣнія у насъ не сдѣлано ничего для облегченія свободнаго движенія литературы, что у насъ относительно административныхъ взысканій, какъ и во всѣхъ остальныхъ системахъ подобныхъ взысканій, существуетъ полный мракъ и случайность, хотя многія полезныя указанія въ этомъ направленіи могли бы быть дѣлаемы при наложеніи самыхъ взысканій. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы предостереженія. Съ 6 го апрѣля 1865 года до августа 1874 года, дано было, по счету автора примѣчаній, 94 предостереженія; всѣ они были мотивированы; въ этихъ мотивахъ, еслибы они содержали указаніе на законы, пресса могла бы имѣть для своего руководства цѣлныя кодексы административныхъ разъясненій нашего недостаточнаго законоположенія. Но всѣ сказанныя предостереженія были мотивированы такъ обще, безъ всякаго указанія на законы, что всякій безпристрастный чело-вѣкъ, который прочтетъ и проштудируетъ ихъ всѣ также, какъ проштудировали ихъ мы, согласится, что они не даютъ никакого представленія о чемъ-нибудь твердомъ, о какихъ-нибудь неизмѣнныхъ прѣвилахъ, которыя бы лежали въ ихъ основаніи, и никакимъ руководствомъ служить не могутъ. Замѣчательно, что сама администрація признала, наконецъ, бесполезность и безцѣльность дѣлаемой ею мотивировки предостереженій и «съ августа 1874 года—сообщаетъ авторъ примѣчаній—форма объявленія предостереженій измѣнилась; въ объявленіи предостереженій указываются съ тѣхъ поръ лишь статьи, подавшія поводъ къ этой административной мѣрѣ, безъ разъясненія выраженныхъ въ нихъ мыслей, тона и характера ихъ».

Еще болѣе указаній, чѣмъ въ предостереженіяхъ, могло бы быть дѣлаемо литературѣ въ объявленіяхъ о книгахъ, задерживаемыхъ и отсылаемыхъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Въ этихъ объявленіяхъ могло бы быть подробно объясняемо: за что книга задержана? Найдены ли въ ней какія-нибудь мѣста, зловерныя прямо по буквальному, прямому своему смыслу, и какіе предметы касались эти мѣста? Или зловернымъ призванъ духъ, проникающій все сочиненіе, и что это за духъ? Все это было бы необходимо сообщать литературѣ для руководства,

тѣмъ болѣе, что въ числѣ задержанныхъ и представленныхъ въ комитетъ министровъ книгъ есть такія, которыя предварительно были печатаемы въ журналахъ и слѣдовательно зловредными признаваемы не былъ. Между тѣмъ, у насъ относительно задерживаемыхъ и препровождаемыхъ въ комитетъ министровъ книгъ практикуется иная политика. Нетолько не сообщается литературѣ объясненія: какія это книги и за что задержаны, но даже не дается и простаго извѣстія о задержанныхъ книгахъ. Однимъ словомъ, все облечено тайной, и потому, вмѣсто того, чтобы служить для литературы поясненіемъ тѣхъ принциповъ и правилъ, которыхъ держится администрація, и тѣмъ облегчить движеніе литературы, распространяетъ относительно дѣйствій администраціи еще болѣе мракъ и увеличиваетъ гнетъ опасеній, подъ тяжестью котораго якобы свободной прессѣ очень трудно, не рискуя, рѣшиться сказать свободное слово.

Обращаясь затѣмъ къ тому сближенію, которое авторъ примѣчаній старается провести между правосудіемъ административнымъ и судебнымъ на томъ основаніи, что произволъ не всегда есть eo ipso несправедливость, точно такъ же, какъ и судъ не всегда непогрѣшимъ, мы должны сказать, что никто и не ожидаетъ никогда безусловной непогрѣшимости отъ суда. Ибо всѣ знаютъ, что безусловной справедливости въ сей доли глача, гдѣ мы живемъ, и быть нигдѣ не можетъ. Мы готовы согласиться даже, что въ частныхъ случаяхъ, по временамъ, рѣшеніе произвола можетъ быть болѣе справедливо, чѣмъ суда, и болѣе милостиво. Тѣмъ не менѣе, мы никакъ не можемъ признать автора правымъ, когда онъ это сближеніе, случайно возможное, хочетъ довести до принципіальнаго уравненія между произволомъ и судомъ, говоря: «что можетъ руководить судьей въ дѣлахъ о преступленіяхъ слова, какъ не личный взглядъ его, личное впечатлѣніе, совершенно произвольно (?) въ немъ слагающіеся. Тутъ нѣтъ улики (!), нѣтъ доказательства (!), нѣтъ фактовъ (!), стѣсняющихъ его или ограничивающихъ. Судъ по дѣламъ печати есть произволъ нѣсколькихъ лицъ, облеченный въ форму; онъ также измѣнчивъ и также не непогрѣшимъ, какъ и всякій произволъ». Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ или, правильнѣе сказать, это совсѣмъ не такъ. Еслибы мы и согласились съ авторомъ примѣчаній, что судъ по преступленіямъ слова есть чисто субъективный судъ, судъ по личному впечатлѣнію, гдѣ нѣтъ ни доказательства, ни улики, ни фактовъ, то и въ такомъ случаѣ онъ былъ бы безконечно выше того, что авторъ называетъ «произволомъ»; потому что здѣсь судить не тотъ, кто обвиняетъ; этимъ однимъ вносится уже значительная гарантія для безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла. Затѣмъ, какъ ни тонки преступленія по дѣламъ печати, но у нихъ есть своя объективная сторона—свои улики, факты, доказательства—которая, при правильномъ состязательномъ процессѣ суда, никакъ не можетъ быть поглощена личнымъ субъективнымъ настроеніемъ или впе-

чатѣишемъ. Если такой субъективный элементъ, превалирующий обыкновенно въ обвинительной власти, и успѣваетъ иногда проникать болѣе или менѣе въ настроеніе судей, то онъ значительно парализируется и ослабляется рѣчью защитника, разъясняющею объективную сторону дѣла, и словами самого обвиняемаго. Причемъ не надобно упускать изъ вниманія и того, что, при судебномъ разсмотрѣніи, каждое дѣло можетъ быть разсматриваемо въ трехъ инстанціяхъ, тремя совершенно различными составами обвинительнаго и судебного персонала, что весьма много должно способствовать разъясненію дѣла съ его объективной стороны и устраненію всякихъ субъективныхъ впечатлѣній и усмотрѣній, тѣмъ болѣе, что все это производится при полной гласности, при участіи общественнаго мнѣнія и судебной печати.

Только при судебной юрисдикціи печать и можетъ быть свободною. Авторъ примѣчаній — не въ укоръ будь ему сказано — очень смутно понимаетъ это и еще смутнѣе понимаетъ и, можно сказать, совсѣмъ не понимаетъ: откуда и какъ идетъ деморализація въ литературѣ. Очень сожалѣю, что я не могу заняться разъясненіемъ этого теперь же, ибо такое разъясненіе потребовало бы много мѣста и времени, а мое обозрѣніе и такъ уже вышло изъ обычныхъ своихъ предѣловъ. Впрочемъ, я надѣюсь въ послѣдствіи еще возвратиться къ этому предмету.

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

I.

ПИСЬМО КЪ Г. ЦИТОВИЧУ.

Милостивый государь!

Простите за запоздалый отвѣтъ. Не считаю ни нужнымъ, ни удобнымъ рассказывать, почему онъ запоздалъ и только прошу васъ вѣрить, что это произошло не отъ недостатка желанія съ моей стороны. Напротивъ, желаніе было сильное. Но, разъ отвѣтъ запоздалъ, я было думалъ и совсѣмъ обойтись безъ него. Я полагалъ, что въ другихъ органахъ печати писатели, болѣе меня счастливые, достаточно выяснятъ характеръ вашей полемики, и что сами вы, когда пройдетъ припадокъ раздраженія, въ которомъ написана ваша брошюра, возьмете назадъ, если не все, то многое, вами сказанное. Я говорю совершенно искренно. Я вѣрилъ, что вы не станете упорствовать. Я ошибся. Брошюра ваша имѣла успѣхъ, быстро потребовала второго и третьяго изданія и, вѣроятно, эта самая быстрота не позволила вамъ вновь продумать всѣ обвиненія, вводимыя вами на извѣстную часть литературы и общества. Вы остались при своемъ. Что же касается органовъ печати, то, мнѣ кажется, они упустили изъ виду многое въ вашей брошюрѣ, достойное вниманія. И вотъ почему я опять рѣшился писать къ вамъ. При этомъ мнѣ пріятно будетъ отличиться отъ васъ, какъ благопристойностью тона, такъ и содержаніемъ отвѣта.

Позвольте мнѣ прежде всего напомнить исходный пунктъ полемики.

Глубоко уважая науку, я вмѣстѣ съ тѣмъ очень люблю жизнь. Жизнь ставить (или должна ставить) цѣли наукѣ; наука освѣщаетъ (или должна освѣщать) пути жизни. Я нарочно пишу въ скобкахъ эти «должна ставить», «должна освѣщать». Хотя наука есть, собственно говоря, не болѣе, какъ одна изъ сторонъ жизни и въ абстрактѣ разногласить съ остальными сторонами не можетъ, но конкретная дѣйствительность, какъ вамъ, конечно, извѣстно изъ исторіи человѣчества, далеко не всегда пред-

ставляет такое единение науки и жизни. Сплошь и рядомъ жизнь не хочетъ знать науки; сплошь и рядомъ наука не хочетъ знать жизни. Печальныя послѣдствія такого разлада — печальныя для обѣихъ сторонъ — представляя симптомъ важной общественной болѣзни, сами, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляютъ источникъ много-различныхъ лихихъ болѣстей. Такъ я смотрю на дѣло, и письма къ ученымъ людямъ были для меня не болѣе, какъ однимъ изъ способовъ выраженія сѣтованій и пожеланій по поводу упомянутого разлада. Но я, разумѣется, не столь наивенъ, чтобы воображать примиреніе науки съ жизнью въ видѣ трогательныхъ объятій русскихъ ученыхъ людей съ нашимъ братомъ журналистомъ или въ видѣ лавровыхъ вѣнковъ, подносимыхъ обществомъ жрецамъ науки. Отнюдь не исключая изъ программы жизни ни трогательныхъ объятій, ни лавровыхъ вѣнковъ, я думаю, однако, что они пока еще преждевременны, ибо въ огромномъ большинствѣ случаевъ общество не знаетъ, какъ смотреть ученые люди на то, что его, общество, волнуетъ и тревожитъ. Даже ваша исповѣдь, проникнутая, повидимому, такимъ страстнымъ негодованіемъ на извѣстнаго рода общественныя явленія, явилась только послѣ того, какъ я не совсѣмъ почтительно отозвался о вашей особѣ. До тѣхъ поръ вы молча присутствовали при совершеніи безобразій, нынѣ такъ жестоко вами обличаемыхъ. Это очень важное обстоятельство, милостивый государь, и я приглашаю васъ спокойно и безпристрастно вдуматься въ него. Я становлюсь на вашу точку зрѣнія и допускаю, что всѣ ваши обвиненія безусловно справедливы. Но, въ такомъ случаѣ, почему же вы молчали доселѣ? Добро бы вамъ нечего было сказать — на нѣтъ и суда нѣтъ. Но вѣдь вы кипите негодованіемъ, вы бичуете, проклинаете, уличаете людей въ систематическомъ развратѣ. И все это вы держали при себѣ... Нужно ли еще большее свидѣтельство безучастія ученыхъ людей къ жизни общества? Съ вашей собственной точки зрѣнія, конечно, не нужно. Поэтому я осмѣливаюсь повторить великое изрѣченіе, обязательное для всякой критикѣ: если я говорю неправду, то поправь меня, а если я говорю правду, то за что же ты бьешь меня? Вы не поправляете меня, а бьете и — простите за тривиальное выраженіе — бьете своими боками. Таковы именно и характеръ, и тонъ, и содержаніе вашего отвѣта вообще, и множество его частныхъ. Успѣхъ вашей брошюры отнюдь, мнѣ кажется, не долженъ соблазнять васъ, ибо дальнѣйшіе ея результаты не могутъ соответствовать вашимъ идеаламъ, насколько они въ брошюрѣ выясняются.

Сначала нѣсколько мелкихъ примѣровъ.

Вы полагаете, что я «разрушилъ въ себѣ эстетику», и, разумѣется, находите это не похвальнымъ. Можетъ быть, и разрушилъ, но и съ разрушенной эстетикой я цитирую великолѣпные стихи Гёте, а вы, защитникъ эстетики, цитируете какую-то «мокрую квартиру на девять мѣсяцевъ», едва ли не вами избрѣтенную и, какъ я осмѣливаюсь думать, весьма мало эстети-

ческую. Полагаете ли вы, въ самомъ дѣлѣ, что стихи Гёте принадлежатъ разрушенной, а «мокрая квартира» неразрушенной эстетики? А вѣдь «мокрая квартира» не единственный въ своемъ родѣ перлъ вашего остроумія. Конечно, не этимъ способомъ можно восстановить эстетику въ комъ она разрушена; конечно, я имѣю полное право сказать: вы не поправляете меня, а бьете и бьете своими боками.

Я просилъ всѣхъ интересующихся дѣломъ сообщать мнѣ свѣдѣнія о дѣятельности русскихъ ученыхъ людей. Вы находите, что это—приглашеніе къ сплетнямъ. Вы утверждаете даже, что я уже въ первомъ письмѣ прибѣгъ къ сплетнѣ. «Прежде всего, говорите вы:—позвольте спросить, откуда вы узнали, кто я и кто Посниковъ? Ни въ книжкахъ вашего Посникова, ни въ моей брошюрѣ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ; значитъ, вы добыли ихъ путемъ частныхъ справокъ». Во вниманіе къ тому почти историческому раздраженію, съ которымъ вы, подобно нервной дамѣ, налегаете на *вашего* Посникова, я готовъ бы былъ оставить это обвиненіе безъ разсмотрѣнія. Но выражаемое вами здѣсь аскетическое цѣломудріе по отношенію къ «частнымъ справкамъ» слишкомъ не вѣжется съ остальнымъ содержаніемъ брошюры, и я позволю себѣ напомнить вамъ, что свѣдѣнія о назначеніи того или другого профессора на ту или другую кафедру всѣмъ доступны. Что г. Посниковъ профессоръ новороссійскаго университета—это я могъ узнать изъ газетъ, въ которыхъ въ свое время много говорилось о блистательномъ диспутѣ этого уважаемаго ученаго. Что въ тоже профессоръ новороссійскаго университета—это я могъ узнать изъ вашей брошюры, на обложкѣ которой значится: «печатано по опредѣленію совѣта императорскаго новороссійскаго университета». Могъ узнать изъ вашего собственнаго письма, напечатаннаго въ 1875 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», письма, въ которомъ вы объяснили, почему вы просили, чтобы вашъ предметъ былъ признанъ необязательнымъ. Могъ узнать и просто изъ «Университетскихъ Извѣстій», которыя не составляютъ тайны. Поэтому, хотя я и не помню, откуда именно я узналъ, что вы и г. Посниковъ «товарищи по службѣ въ университетѣ», но обнаруженіе этого обстоятельства никоимъ образомъ сплетней назвать не могу. Я готовъ бы былъ, однако, весьма одобрить вашъ аскетизмъ, еслибы брошюра ваша не была переполнена свѣдѣніями о какихъ то мужчинахъ, находящихся на содержаніи у женщинъ, о какихъ-то прокурорахъ, «подвизавшихся на аренѣ свободной любви», о какихъ-то «судьяхъ, которые сводничаютъ своихъ дочерей съ женатыми мужчинами», о какихъ-то «срываніяхъ зрѣлыхъ плодовъ въ ученыхъ лабораторіяхъ» и проч., и проч., и проч. Если обнаруженіе того всѣмъ доступнаго и всегда подлежащаго провѣркѣ и исправленію свѣдѣнія, что вы и г. Посниковъ товарищи по службѣ въ университетѣ; если это обнаруженіе есть сплетня, то я затрудняюсь приискать названіе для свѣдѣній, вами опубликованныхъ. Во

всякомъ случаѣ, и по отношенію къ сплетнѣ вы не поправлете меня, а бьете и бьете своими богами.

Но противодѣйствіе разрушенію эстетики и распространенію сплетенъ не составляетъ специальной цѣли вашей брошюры. Поэтому, малелькія противорѣчія между словомъ и дѣломъ въ этихъ двухъ областяхъ, при всей своей характерности, составляютъ въ настоящемъ случаѣ дѣло побочное. Главная ваша цѣль — защита науки. Какъ будто я когда-нибудь на нее нападаю! Какъ будто даже представителямъ науки, русскимъ ученымъ людямъ, я не сдѣлалъ величайшей чести, на какую только они могутъ претендовать, приглашая ихъ принять участіе въ руководствѣ духовною жизнью общества! Умные люди такъ именно меня и поняли. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо отъ одного почтеннаго русскаго ученаго (въ виду вашей склонности къ «частнымъ справкамъ», спѣшу прибавить, что онъ вамъ не «товарищъ» ни въ какомъ смыслѣ) письмо, въ которомъ онъ съ благородною горячностью благодаритъ меня за напоминаніе о приличествующей ученымъ людямъ высокой роли въ общественной жизни. Люди наивные и, смѣю сказать, не умные поступили иначе. Они стали вопрошать: а позвольте васъ спросить, гдѣ тѣ курсы исторіи, философіи, математики, правъ и проч., которые написаны журналистами? мы ихъ что-то не видали! Конечно, не видали! Курсы исторіи, математики и проч., безъ сомнѣнія, пишутся учеными людьми, а не журналистами. Это столь же достовѣрная и непоколебимая истина, какъ и та, что сапоги шьются сапожниками, а не поругными. Но, къ сожалѣнію, это одна изъ тѣхъ чистыхъ истинъ, которыя, подобно непорочнымъ дѣвственницамъ, по законамъ естества безплодны. Я склоненъ думать, что и количествомъ, и качествомъ курсовъ исторіи, правъ, философіи и проч. русскимъ ученымъ людямъ гордиться не приходится. Это было бы очень не трудно доказать, хотя я не сомнѣваюсь въ существованіи чрезвычайно почтенныхъ работъ нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ людей. Но дѣло совсѣмъ не въ томъ, кто шьетъ сапоги и кто надаетъ курсы и учебники. Дѣло въ томъ, что исторія русской науки не имѣетъ ничего общаго съ исторіей русскаго общества, что, какъ я осмѣлился выразиться, алчущіе и жаждущіе правды не получаютъ никакой руководящей нити отъ людей ученыхъ и вынуждены обращаться къ намъ, журналистамъ. Это фактъ несомнѣнный, противъ котораго нельзя возражать ни указаніемъ на курсы, ни доказательствами *средняго* вліянія журналистики, даже еслибы эти доказательства были безупречны и съ фактической, и съ логической стороны. Положимъ, что вліяніе журналистики вредно, что она съѣстъ развратъ и мерзость. Допустимъ опять-таки, что всѣ ваши обвиненія безусловно справедливы, то есть, что сообщаемыя вами безобразія не только совершались и совершаются, но имѣютъ то именно значеніе, какое вы имъ приписываете: значеніе повальнаго общественнаго разврата, вызваннаго и поддерживаемаго

литературой. Но это значитъ, что я все-таки правъ; правъ въ томъ смыслѣ, что духовнымъ развитіемъ общества заправляетъ литература, журналистика. Вы находите, что это дурно. Очень можете быть, но, во всякомъ случаѣ, приписывая литературѣ столь большое вліяніе, вы не опровергаете меня, а подтверждаете. И если вы этого сами не замѣчаете, то единственно благодаря тому раздраженію, въ которомъ написана ваша брошюра и которое всегда склонно смѣшивать объективный фактъ съ субъективною его оцѣнкою.

Итакъ вы не опровергаете моего показанія объ относительномъ вліяніи науки и журналистики, а подтверждаете его. И если ваша субъективная оцѣнка указаннаго мною факта справедлива, то я опять таки спрашиваю васъ: почему же мечъ науки ржавѣлъ въ вашихъ ножнахъ? почему вы вынимаете его въ столь заржавленномъ видѣ только теперь, подъ вліяніемъ личной обиды? почему вы молча присутствовали при «обостреніи подбородка» русской женщины, при отрицаніи нравственнаго долга, при «срываніи зрѣлыхъ плодовъ въ ученыхъ лабораторіяхъ» и проч?..

Правда, вы указывали на «общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, какъ на одну изъ причинъ пассивности русской науки». Но, во-первыхъ, это, какъ вы сами говорите, *одна* изъ причинъ и притомъ не надъ одной наукою таготящая. А вторыхъ, какъ можете вы, авторъ «Отвѣта на письма къ ученымъ людямъ», сослаться на общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ?! Это даже нѣсколько комично выходитъ. Вы отстаиваете бытіе божіе (котораго, я, по крайней мѣрѣ, никогда не отрицалъ), вы производите разслѣдованія о вредномъ вліяніи литературы и о кощунствѣ, вы даете посильную поддержку таинству брака, идеѣ нравственнаго долга и проч. Когда мѣшало всему этому общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ? Никогда, я думаю.

Что касается васъ лично, то истинная причина вашей пассивности, такъ внезапно смѣнившейся необычайною активностью, объясняется не этою комическою ссылкой на общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, а другимъ мѣстомъ вашей брошюры. Я сослался на вліяніе Писарева, которое, какъ оказывается, съ вашей точки зрѣнія, было крайне пагубно, а съ моею — имѣло и свои хорошія, и свои дурныя стороны. Взявъ именно это вліяніе, какъ дѣло прошедшее, подлежащее совершенно безпристрастному и спокойному обсужденію, я спрашивалъ васъ, почему ученые люди въ тѣ времена молчали? На это вы мнѣ возражаете вопросомъ: «но что же могли тутъ сдѣлать ученые люди?» Вотъ въ этомъ вопросѣ все дѣло: вы не знаете что дѣлать. То есть не знали. Теперь то вы знаете, что въ подобныхъ случаяхъ ученые люди должны метать громы, хотя бы въ видѣ брошюры. И какъ только вы это узнали, такъ и бросили свою пассивность. Ларчикъ, какъ видите, открывается очень просто: ученые люди должны подавать свои голоса въ дебатахъ о вопросахъ, зани-

мающихъ общество. Это именно моя мысль. Поэтому, я отъ души привѣтствую вашу брошюру. Конечно, мнѣ пріятно знать, что именно я раскрылъ вамъ глаза на обязанности ученыхъ людей. Но и помимо того, просто интересно знать, какъ смотреть на дѣла сего міра люди науки, въ виду чего, я готовъ оставить совсѣмъ въ сторонѣ не очень высокое происхождение вашей брошюры: личное самолюбіе. Беру вашъ отвѣтъ, какъ онъ есть.

Я радуюсь ему, какъ первой ласточкѣ, общающей весну, какъ первой попыткѣ ученыхъ людей властно и громко вмѣшаться въ общественную жизнь. Радуюсь ему, какъ задачѣ; но это не мѣшаетъ мнѣ имѣть свое мнѣніе объ исполненіи задачи; мнѣніе—откровенно говоря—не весьма лестное. Я, однако, не ограничусь простымъ заявленіемъ своего мнѣнія. Я попробую его доказать.

Исполненію вашей задачи значительно повредило уже то обстоятельство, что вы, смѣшавъ объективный фактъ съ субъективной его оцѣнкой, потратили столько времени, силъ и мѣста на доказательства сильнаго вліянія журналистики и слабого вліянія науки въ нашемъ отечествѣ. Я не только никогда въ этомъ не сомнѣвался, но именно это и говорилъ въ своемъ первомъ письмѣ къ вамъ. Пріятно, я вовсе не предрѣшалъ вопроса о томъ, хорошо или дурно вліяніе журналистики. Приглашая господъ ученыхъ людей сказать свое слово, я тѣмъ самымъ признавалъ ихъ право и обязанность вліять на общество, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ журналистикой. Правда, я не говорилъ ученымъ людямъ: придите княжить и владѣти нами, журналистами; да и что въ такомъ княженіи лестнаго: земля наша не велика, не обильна, а «нарада» въ ней даже черезчуръ достаточно. Но согласитесь, что и наше положеніе тоже не изъ пріятныхъ: пищень, пищень, и только лѣтъ черезъ десять послѣ твоей смерти найдется ученый человѣкъ, который скажетъ:—много напакостилъ такой-сякой покойникъ! Вотъ какъ вы про Писарева. Лучше же мы выслушаемъ выговоръ, конечно, мотивированный, при жизни, и либо исправимъ свои ошибки, если таковыя намъ будутъ указаны, либо попробуемъ отстоять то, что считаемъ истиной. Изъ этого вы видите, что значительная доля вашего отвѣта, по малой мѣрѣ, неумѣстна. Но затѣмъ остаются доказательства *средняго* вліянія журналистики, которыя могли бы быть очень цѣнны, еслибы были похожи на доказательства. Къ сожалѣнію, вы не указываете, гдѣ именно и когда журналистика проповѣдывала тѣ мерзости, въ проповѣди которыхъ вы ее уличаете. Судя по тѣмъ обвиненіямъ, которыя вы предъявляете лично мнѣ, вы не особенно внимательно читаетесь въ то, что бичуете, и склонны много понимать «наоборотъ». Обвиненія противъ меня особенно удобны потому, что тутъ вы дѣлаете прямыя ссылки на мои слова.

Вы приписываете мнѣ мнѣніе, что «товарищей не обнажать, а покрывать», вслѣдствіе чего вы должны были прикрыть грѣхи

г. Посникова. Увы! милостивый государь, вы пеняли меня совершенно «наоборотъ». Если вы потрудитесь вновь пробѣхать мое письмо, вы убѣдитесь, что я упрекаю ученыхъ людей, напротивъ, въ томъ, что они слишкомъ охотно производятъ другъ друга въ магистры и доктора, и, слѣдовательно, слишкомъ мало обшакуютъ другъ друга.

Вы утверждаете, что я «совѣтую» молодымъ людямъ учиться въ университетахъ только для окончанія курса; что я проповѣдую «кражу дипломовъ». Этому энергическому выраженію я осмѣливался почтительнѣйше противопоставить скромное слово: *не-справда*, предоставляя вамъ самимъ, творцу «мокрой квартиры» и другихъ эстетическихъ перловъ, замѣнить его болѣе точнымъ и характернымъ. Я не только не *совѣтовалъ красть дипломы*, а, напротивъ, скорбѣлъ о томъ, что, благодаря «насивности русской науки», такая кража иногда, по необходимости, имѣеть мѣсто.

Таковы, милостивый государь, ваши свидѣтельства, когда они сопровождаются прямыми указаніями на лицо, совершившее преступленіе, и на мѣсто совершенія преступленія. Я отказываюсь рассуждать объ томъ, насколько они достойны человека науки. Я только спрашиваю: какую же цѣну имѣютъ ваши обвиненія, когда они направлены въ пространство, по туманному, расплывающемуся адресу «проповѣдниковъ новыхъ идей». Здѣсь уже вамъ, конечно, нечего было стѣсняться въ пониманіи вещей «наоборотъ» и вы широко воспользовались этой возможностью, столь широко, что, за полнымъ отсутствіемъ прямыхъ указаній и доказательствъ, я считаю себя вправе оставить вопросъ о вредномъ вліяніи журналистики безъ рассмотрѣнія. Я съ нѣсколькими иной точки зрѣнія коснусь нѣкоторыхъ пунктовъ вашего обвинительнаго акта, раздѣленнаго на пять параграфовъ или «источниковъ живой воды»¹. Конечно, не всѣхъ. Вы, безъ сомнѣнія, очень хорошо понимаете и понимали, когда писали свой обвинительный актъ, что мнѣ за вами не угоняться, что я не могу такъ же свободно, какъ вы, прогуляться по всѣмъ пяти «источникамъ живой воды». Да для моей цѣли это и не нужно. Хотя я науки не оскорбляю, но вы взялись защищать ее. Посмотримъ на двухъ, трехъ примѣрахъ—какъ вы ее защищаете.

«Практически самый важный изъ источниковъ, открытыхъ

¹ Кстати объ этихъ источникахъ. Вы упрекаете меня въ кощунствѣ за невинную метафору «живая вода», ибо, дескать, я «играюсь» «одномъ изъ наиболее высокихъ картинъ евангелія». На это я могу вамъ предъявить три отвѣта: 1) это не ваше дѣло, не дѣло человека науки; 2) употребленія евангелійскія выраженія еще не значить кощунствовать; 3) «живая вода» поминается во множествѣ русскихъ и иныхъ сказокъ и легендъ, и, послѣдовательно ради, вамъ надобно бы было учить въ кощунствѣ оперу «Русланъ и Людмила», въ которой, сколько помнится, «живая вода» тоже фигурируетъ. Къ этимъ тремъ отвѣтамъ, прибавлю еще вопросъ: зачѣмъ вы, благочестивый профессоръ, такъ усиленно утилизировали мое кощунство, если я въ самомъ дѣлѣ кощунствую?

дѣтymi конца 50 и начало 60 годовъ», есть, по вашему мнѣнію, источникъ № 2-й. Ну, и прекрасно, коли самый важный. На немъ мы и остановимся. Здѣсь, какъ вы выражаетесь своимъ нерушимо-эстетическимъ слогомъ, «пропивается совѣсть и чувство отвѣтственности, idem—чувство обязанности и долга». Въ видѣхъ такого «пропитія» изъ «теоріи рефлексовъ головного мозга» былъ сдѣланъ такой выводъ, что «принципъ свободной воли — одна выдумка и предрасудокъ, а различіе между добромъ и зломъ — схоластическая тонкость». Гдѣ вы нашли все это въ журналистикѣ, вы, разумѣется, не указываете и не можете указать. Но вы точно также не можете указать, гдѣ и когда патентованное русское ученое лицо не то, что дали полное и удовлетворительное рѣшеніе важнаго вопроса, вызываемаго источникомъ № 2, а хотя бы серьезно занялись этимъ дѣломъ. А между тѣмъ, вопросъ дѣйствительно важный. Важный и скользкій. Вы лично, мнѣ кажется, довольно далеки отъ его пониманія, ибо дѣлаете изъ него предметъ своеобразной практической Polizeiwissenschaft. Вы кричите: караул! погнѣло различіе между добромъ и зломъ! Очень прискорбно, если оно погнѣло, но вѣдь это еще вопросъ. Карауловъ мы уже много слышали, а путнаго разъясненія со стороны русскихъ ученыхъ людей не было. Въ журналистикѣ же я могу вамъ указать попытки такого разъясненія. Вы можете ихъ находить неудовлетворительными, это дѣло пониманія, но вы не можете отрицать ихъ существованіе, это дѣло элементарной добросовѣстности. Допустимъ, однако, что они изъ рукъ вонъ плохи и посмотримъ, какъ рѣшаете вопросъ вы отъ лица науки.

Та торопливость, съ которою вы къ пункту № 2-й своего обвинительнаго акта приписываете, что теорія рефлексовъ головного мозга сама по себѣ нисколько не отвѣтственна за дѣлаемые изъ нея выводы; эта торопливость дѣлаетъ вамъ величайшую честь. Но я, къ сожалѣнію, не могу сказать того же о сопоставленіи отрицательнаго рѣшенія вопроса о свободѣ воли съ отрицаніемъ различія между добромъ и зломъ. Безъ сомнѣнія, многимъ такое обобщеніе, особливо если оно сдѣлано въ энергическихъ, хотя и мало эстетическихъ выраженіяхъ, должно понравиться. Но этимъ многимъ, я полагаю, нѣтъ никакого дѣла до науки, равно какъ и наукѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ. Они изъ тѣхъ людей, которые, подобно купчихѣ Островскаго, приходятъ въ трепетъ отъ слова «жуфель» и чувствуютъ нравственное успокоеніе, когда на это странное и страшное слово воздвигается гоненіе, въ видѣ словъ энергическихъ и вполнѣ понятныхъ, знаковыхъ. Площадная брань удовлетворила бы этихъ людей еще лучше. Хотѣлось бы думать, что не ихъ имѣли въ виду; хотѣлось бы думать, что намѣреніе ваше состоитъ въ томъ, чтобы произвести давленіе на умы людей, по вашему мнѣнію, заблуждающихся, но способныхъ и желающихъ мыслить. Произвели ли вы его? Нѣтъ, милостивый государь, навѣрно, нѣтъ.

Вопросъ о свободѣ воли есть вопросъ научный, подлежащій, разувѣется, всестороннему обсужденію, допускающій доводы pro и contra, но не иначе, какъ на научной почвѣ. Ударомъ нашего его не порѣшишь. Вамъ, какъ челоуѣку науки, лучше чѣмъ кому-нибудь должно быть извѣстно, что отрицательное рѣшеніе этого вопроса выводится не только изъ теорій рефлексовъ головного мозга; что къ нему пришли, напримѣръ, философы въ родѣ Спинозы, Шопенгауера, историки въ родѣ Волля, статистики въ родѣ Кетле, Герра, Вагнера; что для Канта вопросъ о свободѣ воли и необходимости былъ «антиноміей» и проч., и проч. и проч.; что, наконецъ, и многіе высокіе богословскіе авторитеты свободы воли не признаютъ. Вамъ должно быть извѣстно также, что различіе между добромъ и зломъ вовсе не необходимо растетъ и падаетъ вмѣстѣ съ принципомъ свободы воли. Вы слышали, конечно, знаменитое изрѣченіе Спинозы: «еслибы камень обладалъ сознаниемъ, такъ и онъ воображалъ бы, что падаетъ на землю свободно, а не въ силу тяжести». Слышали также, что Спиноза и лично былъ челоуѣкомъ исключительно высокой нравственности, и теоретически училъ различать добро и зло, по крайней мѣрѣ, не хуже насъ съ вами. Что касается собственно русской ученой литературы, то въ ней довольно трудно найти попытки связать отрицательное рѣшеніе вопроса о свободѣ воли съ этической теоріей, съ теоріей различія добра и зла. Мнѣ пріятно, однако, сослаться на примѣръ, нѣсколько подходящій къ предмету нашей бесѣды. А именно, весьма извѣстный русскій ученый, профессоръ Таганцевъ, въ своемъ курсѣ уголовного права, развиваетъ примѣрно ту же самую мысль, которую вы ставите въ тяжелую вину извѣстной части русской журналистики. Онъ утверждаетъ, что «всѣ научныя открытія послѣднихъ столѣтій, весь прогрессъ нашего знанія» ведетъ къ отрицательному рѣшенію вопроса о свободѣ воли. Профессоръ Таганцевъ полагаетъ, что на этомъ основаніи только и можетъ быть построена рациональная теорія наказанія. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до рациональной теоріи наказанія. Но если наука, спеціально завѣдывающая преступленіемъ и его карою, приходитъ къ извѣстному заключенію, то довольно странно признавать это заключеніе преступленіемъ и отождествлять его съ безразличіемъ добра и зла.

Я отнюдь не думаю, что говорю для васъ что-нибудь новое. Все это вы знаете и должны знать. Но бѣда въ томъ, что этого не знаютъ тѣ, кто приходитъ въ трепетъ отъ «жупела», и отлично знаютъ тѣ, кто жупела не боится. И васъ, я полагаю, мать родила, и вы были молоды. И если вы уже въ золотые годы молодости, въ *âge des douces fleurs et du soleil* не были черствымъ сухаремъ, способнымъ откликаться только на уколы личного самолюбія, вы должны помнить и понимать, какъ дорогъ бываетъ источникъ живой воды № 2, съ какою страстностью принимаютъ къ нему молодая горячія уста. Что же вы имъ предлагаете? Идею практической истины, еле выглядывающей изъ-за окоповъ

замѣдомо отжившей теоретической доктрины; различіе добра и зла, спасенное въ ущербъ научной истинѣ необходимости человѣческихъ дѣйствій. Нѣтъ, милостивый государь, это не защита науки. Это было бы ея пораженіемъ, еслибы она не являлась защитницею и защитницею. И я съ гордостью могу сказать, что въ числѣ послѣднихъ состоитъ известная часть журналистики, ибо она не подирала научной истины и не этою цѣною покупала различіе добра и зла. Вопросъ стоитъ вовсе не такъ, чтобы возбуждать сомнѣнія славолюбиваго витая: пойдешь направо — коня загубишь, пойдешь налѣво — самъ погибнешь. Тотъ, кто покупаетъ нравственность цѣною теоретической истины, одинаково далекъ и отъ нравственности, и отъ истины. Чуткія души очень хорошо понимаютъ это. Ученый, относящійся съ развязностью почти военнаго человѣка къ вопросу, тревожащему мощные умы Кантовъ и Спинозъ, не привлечетъ ихъ къ себѣ. Вы сами гоните ихъ отъ себя. Они пойдутъ учиться въ другомъ мѣстѣ. Обратятся и къ журналистикѣ.

Правда, вы говорите, что она учила и учить смѣшенію добра и зла и что въ этомъ именно состоитъ ея привлекательность для «хвостатыхъ дѣтей хвостатыхъ отцовъ». Но вы не указываете и не можете указать ни лицъ, проповѣдывавшихъ такое постыдное ученіе, ни мѣста, гдѣ оно проповѣдывалось. Вы только говорите: вотъ плоды — мужчины на содержаніи у женщинъ, отцы, сводничающіе дочерей, и проч. Но позволите, надо же разобраться. Прежде всего, ваши обвиненія не имѣютъ за себя никакой достовѣрности, такъ какъ въ нихъ невозможно отличать Wahrheit отъ Dichtung. Если, напригнѣвъ, рисунъ портретъ женщины, загубленной литературою, вы усвоите ей «подбородокъ впередъ», то весьма мудро рѣшать, есть ли это портретъ или фантазія, индивидуальная или типическая черта. Но я готовъ допустить, что известная доля рассказанныхъ вами мерзостей дѣйствительно производилась или производяется. Я допускаю даже ваше объясненіе ихъ наличности, то самое объясненіе, которымъ вы такъ гордитесь, но относительно котораго я не могу признать за вами право первородства. Да, въ журналистикѣ много раньше вашей брошюры, не разъ говорилось о «чужихъ» людяхъ, инстинкты которыхъ воспитаны еще крѣпостнымъ правомъ, но которые не прочь надѣтъ, при случаѣ, любую личину. Тутъ журналистика не при чемъ. Не знаю, что дѣлать оставшіяся вѣдъ ея влияния Держиморды и Держимордики, но весьма сомнѣваюсь, чтобы они были прочными столпами нравственности, хотя они, можетъ быть, и аплодируютъ вамъ, и распыляютъ на пути вашемъ одежды и вайи. Но я иду дальше. Я готовъ признать, что если не рассказанные вами мерзости, то, во всякомъ случаѣ, прискорбныя ошибки могли совершаться и людьми, воспитанными литературою. Но, во-первыхъ, здѣсь я вамъ опять поставлю тотъ же вопросъ: чего же смотрѣли ученые люди? почему они раньше не взяли на себя трудъ остано-

вить наглубисе течение современной мысли, занесшей къ намъ, навримѣръ, отрицаніе свободы воли даже до уровня профессорскихъ кафедръ? почему они не стали на стражѣ древа познанія добра и зла прежде, чѣмъ я васъ назвалъ героемъ лубочной сказки, милордомъ Георгомъ Англійскимъ? Отъ какихъ иногда, подумаешь, пустяковъ зависитъ спасеніе и гибель народовъ! Не скажи я, что вы герой лубочной сказки, повальный развратъ искалѣчилъ бы всю Россію... Вс-вторыхъ, надо имѣть въ виду вотъ что...

Одно дѣло ошибаться въ томъ или другомъ частномъ случаѣ добра и зла, другое дѣло отрицать самый принципъ ихъ различія. Нѣтъ ничего легче, какъ отличить соответственные два сорта людей: одни способны приносить жертвы, другіе нѣтъ. Римляне были, съ своей точки зрѣнія, правы, преслѣдуя христіанъ, но они были бы и съ своей точки зрѣнія не правы, они были бы нагле влечетники, еслибы, глядя на гибнущихъ въ цѣрквахъ и на крестахъ христіанъ, стали утверждать, что тѣ не знаютъ и не хотятъ знать различія между добромъ и зломъ. Что касается современной русской дѣйствительности, то у насъ на кресты никого не вадѣваютъ. Но я могу вамъ все-таки напомнить одинъ родъ жертвъ. Учащіяся женщины, о которыхъ вы нашли возможнымъ сообщить «срываніе зрѣлыхъ плодовъ въ ученыхъ лабораторіяхъ», не по частнымъ справкамъ, а по всѣмъ извѣстнымъ фактамъ, засвидѣствованнымъ оффиціально, умѣли жертвовать собой въ минувшую войну. А разъ жертва на лицо, существуетъ и различеніе добра и зла. Здѣсь опять-таки вы оказались не въ силахъ отдѣлать объективный фактъ отъ субъективной его оцѣнки: вамъ не нравится извѣстное пониманіе добра и зла и, вмѣсто того, чтобы предъавить какіе-нибудь свои резоны, вы просто отрицаете несомнѣнный фактъ различенія добра и зла. Никогда и никакое дѣло не выигрывалось этимъ путемъ. Пусть вамъ апплодируютъ, пусть подносятъ лавровые вѣнки, ваше дѣло проиграно, объ чемъ я, конечно, не горюю. Но все таки прискорбно, что первая попытка жреца науки подать свой голосъ въ общественномъ дѣлѣ такъ фальшива, такъ недостойна свѣтлой богини, которой онъ, жрецъ, оффиціально служитъ. Невроницательные люди могутъ подумать, что отъ лица науки можно и въ самомъ дѣлѣ сказать только то, что сказано вами. А это отнюдь не подниметъ значенія науки въ нашемъ отечествѣ. Даже совсѣмъ напротивъ.

Въ ближайшую связь съ источникомъ № 2 вы ставите «борьбу за существованіе, т. е. прикладные выводы, поставленные на счетъ теоріи Дарвина». Вы хотите сказать, что изъ теоріи Дарвина кѣмъ-то дѣлались безобразные нравственные выводы. Да, кѣмъ-то дѣлались не только безобразные въ нравственномъ отношеніи, но и ненаучные и нелогическіе выводы. Они къ намъ прібыли изъ Европы. И я васъ спрашиваю: кто у насъ старалъ-

ся дать отпоръ этимъ выводамъ, патентованные ученые люди или журналисты? Журналисты, милостивый государь, это фактъ, а ученые люди и пальцемъ не шевельнули и скорѣе поддерживали, чѣмъ опровергали справедливо вызывающіе ваше негодование выводы. Спросите своего товарища по службѣ въ университетѣ, профессора Мечникова: онъ слѣдитъ за литературой этого предмета и скажетъ вамъ, что ваше показаніе и здѣсь слѣдуетъ понимать «наоборотъ».

Источникъ живой воды № 3. «Борьба труда съ капиталомъ въ Россіи». Это трудный вопросъ, милостивый государь, и я не могу «исслѣдовать» его, особливо въ нѣсколькихъ строкахъ, какъ это удалось сдѣлать вамъ. Вы находите, что журналистика неправильно освѣщаетъ отношенія труда къ капиталу. Пожалуй-ста, освѣтите правильно. Кто не порадуется вѣскому слову чело-вѣка науки въ вопросѣ, столь многихъ и столь справедливо интересующемъ! Но вы должны же предъавить какіе-нибудь факты, какія-нибудь доказательства, соображенія, выводы. На слово вамъ никто не повѣритъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ самое поучительное мѣсто въ вашемъ «исслѣдованіи» (вы серь-ёзно прописываете это серьёзное слово) гласитъ: труда въ Рос-сіи *еще* нѣтъ. Это нѣсколько напоминаетъ отзывъ того капитанъ-исправника, который доносилъ начальству, что въ его райо-нѣ нѣтъ ни климата, ни воздуха, а одинъ палатій зной. Если трудъ русскаго мужика *еще* не трудъ, а такъ себѣ какое-то легкомысліе; если страна, прокармливающая сто милліо-новъ желудковъ и выносящая довольно тяжеловѣсный бюд-жетъ, существуетъ безъ труда, то я могу только сказать: вотъ страна, «гдѣ зрѣетъ апельсинъ»: апельсинъ и ученые лю-ди, отлично знающіе толкъ въ апельсинахъ. Я понимаю, что столь короткая расправа, столь македонское рѣшеніе вопроса должно правиться трепещущимъ «жупела». Но неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что такими «исслѣдованіями» можно про-извести благотворный переворотъ въ умахъ людей, по вашему мнѣнію, заблуждающихся, но способныхъ и желающихъ мыслить? Еслибы интересы этихъ людей были для васъ хоть сколько-ни-будь дороги и вы, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли бы образумить ихъ, освободивъ ихъ отъ пагубнаго вліянія журналистики, вы не на-писали бы такого «исслѣдованія», которое можетъ насмѣшить, раздражить, все, что хотите, но никакъ не убѣдить: вы не по-правляете журналистику, вы бьете ее, и—простите—бьете сво-ими боками. Вотъ почему, признавая благотворность вашей за-дачи—заговорить отъ имени науки, я, повѣрите моей искренно-сти, съ величайшимъ прискорбіемъ долженъ признать исполне-ніе ея ниже всякой критики. А ужъ о степени цѣлесообразно-сти ея и говорить не остается. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что какой-нибудь совершенно искренній человекъ, жа-ждущій свѣта, прослышавъ о вашемъ «исслѣдованіи» отношеній труда къ капиталу въ Россіи, обратится къ нему безъ всякой

задней мысли. И вдругъ онъ получаетъ такой великолѣпный сюрпризъ, какъ уравненіе: трудъ въ Россіи—0. Останется ли этотъ человекъ при васъ или пойдетъ искать истины въ другомъ мѣстѣ? Можетъ быть, журналистка сильно заблуждается, но такого колоссальнаго заблужденія она никогда не обнаруживала. О послѣдствіяхъ этого сопоставленія размыслите сами на досугѣ.

Источникъ живой воды, № 4-й: общинное землевладѣніе. «Ведущіе примѣрную борьбу примѣрнаго труда съ несуществующимъ капиталомъ, для большаго вдохновенія, любятъ поглядывать на русское общинное землевладѣніе. Дѣйствительно, оно является такимъ учрежденіемъ, которое, повидимому, наиболѣе способно лечь въ основаніе «новаго порядка вещей». На него, какъ вы, конечно, знаете, пророки новаго порядка указываютъ, какъ на такую особенность нашего отечества, которая напередъ оправдываетъ будущую ликвидацию нынѣшняго соціальнаго порядка. Дѣйствительно, при извѣстномъ свободомыслии, при свѣжести ума и сердца, не обремененныхъ рутинными познаніями, можно строить себѣ идеалъ такого порядка, гдѣ въ общеніи будетъ не одна земля, но и все прочее. Что же касается дѣтей, въ новомъ порядкѣ никто не будетъ отцомъ; но за то всѣ будутъ сдобща имѣть надзоръ за общимъ воспитательнымъ домомъ — чего же лучше для практики полового подбора? Подбирайся свободно; вакансій въ воспитательномъ домѣ достанетъ, а не достанетъ — община добавитъ».

Я, разрушившій въ себѣ эстетику и принципиально затершій въ себѣ различіе между добромъ и зломъ, едва могъ выписать эту часть вашего «ислѣдованія», до такой степени она не чистоплотна. Но, кромѣ того, она совершенно неожиданна, ибо никто, никогда и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно (а я уже лѣтъ пятнадцать пристально слѣжу за литературой), не высказывалъ ничего подобнаго. Это плодъ единственно вашей игривой фантазій, для ученаго и строго нравственнаго человѣка страннымъ образомъ направленной на нелепѣныя тѣмы во вкусѣ французскихъ романистовъ третьяго сорта. Казалось бы, нѣтъ никакой возможности пристегнуть «клубничку» къ столь невинному, вѣками русской исторіи вырощенному и самимъ закономъ до извѣстной степени покровительствуемому учрежденію, какъ общинное землевладѣніе. Но когда за дѣло берется ученый человѣкъ съ игривой или раздраженной фантазіей, невозможное становится возможнымъ... Неужели и это защита науки? Неужели такими полемическими приемами можно возбудить въ комъ бы то ни было уваженіе къ ученымъ людямъ?

Пора кончать, милостивый государь...

Вы высказали предположеніе, что я не рассчитывалъ на вашъ отвѣтъ, причемъ подразумевается, что этотъ побѣдоносный отвѣтъ совершенно разрушилъ мою увѣренность въ безнаказанности. Отчасти вы правы. Я дѣйствительно не очень рассчиты-

валъ на отвѣтъ. Но я очень желалъ его получить и, какъ это всегда бываетъ при сильныхъ желаніяхъ, какой-то внутренней голосъ шепталъ мнѣ: авось кривая вывернетъ! авось господинъ профессоръ откликнется! Помимо всякихъ другихъ мотивовъ, мы плохо изучили человѣческое сердце, если думаете, что роль главы вопиющаго въ пустынѣ для кого-нибудь лестна и пріятна. А, впрочемъ, отвѣтъ вашъ я долженъ дѣйствительно признать въ известномъ смыслѣ побѣдоноснымъ...

Я хотѣлъ сначала памфлетомъ отвѣчать на памфлетъ и таковъ именно былъ характеръ моего письма, не дошедшаго по адресу. При этомъ, я, однако, былъ далекъ отъ наглаго похвалы вашимъ полемическимъ приемамъ. Такъ, напримѣръ, каковы бы ни были мои свѣдѣнія о семейной, интимной жизни того или другого ученаго человѣка, я никогда не унижусь до полу-портретовъ, полу-фантазій и намековъ тонкихъ на то, чего не вѣдаетъ никто, и никогда не займу вниманія читателей описаніемъ подбородковъ, какъ бы они ни высочивались впередъ. Равнымъ образомъ не стану я сообщать мнѣнія противника въ извращенномъ видѣ («наоборотъ»). Памфлетъ этого вовсе не требуетъ, хотя этимъ именно отчасти объясняется фактическая побѣдоносность вашего отвѣта. Что же касается значительнаго числа людей, сочувствующихъ вамъ, то въ этомъ не вижу побѣды. Разъ существуютъ овцы и волчища, очень хорошо, если они обнаруживаются и идутъ одинъ налѣво, другіе направо. Такое выясненіе столько же въ моихъ интересахъ, сколько и въ вашихъ. Я очень радъ даже напечатанному въ «Гражданинѣ» письму двухъ харьковскихъ студентовъ, котораго я не читалъ, но которое, судя по газетнымъ отзывамъ, содержитъ въ себѣ панегирикъ вамъ и проклятіе мнѣ. Я думаю только, что поминутые два харьковскіе студента нѣсколько забыли долгъ благодарности, ибо кто, какъ не я, далъ вамъ поводъ выразить тѣ блестящія идеи и тѣ высокія нравственныя истины, которыя они встрѣтили въ вашей брошюрѣ? Какъ бы то ни было, но въ настоящемъ отвѣтѣ я могъ задаться только очень, очень скромною цѣлью. Если мнѣ удалось не то что убѣдить (для этого я слишкомъ связанъ), а хотя бы натолкнуть трепещущихъ «жула» на ту мысль, что ваша брошюра, скажемъ для пріятія, нецѣлесообразна, я совершенно доволенъ.

Да, вотъ еще что. Я пропустилъ одно обвиненіе, лично противъ меня направленное. Вы уличаете меня въ незнаніи отечественной географіи, потому что я «Полѣсье» отнесъ къ Малороссіи. Само по себѣ, это обвиненіе не заслуживало бы опроверженія, но такъ какъ вы на немъ построили нѣсколько иргивостей, то осмѣлюсь сказать слѣдующее: я не хвастаюсь знаніемъ отечественной географіи, но твердо знаю, что Волынь (рѣчь шла у меня о волынскомъ Полѣсьѣ) населена малороссами. Можете и вы въ этомъ убѣдиться, взглянувъ въ любое сочиненіе по этнографической статистикѣ населенія Россіи.

II.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ «КРИТИЧЕСКАГО ОБЗРѢНІЯ».

Милостивые Государи!

Съ января 1879 года вы будете издавать «Критическое Обозрѣніе», «журналъ для научной критики и библиографіи въ области наукъ историко-филологическихъ, юридическихъ, экономическихъ и государственныхъ».

Отъ души привѣтствую ваше намѣреніе и позволяю себѣ служить вамъ чѣмъ могу — на первый разъ перепечаткой вашей profession de foi. Вы говорите:

«Нѣтъ сомнѣнія, что безпристрастная и дѣльная критическая оцѣнка научныхъ трудовъ представляетъ лучшее мѣрило уровня научнаго развитія въ каждой цивилизованной странѣ. Безъ такой критики наука не можетъ стоять на прочныхъ основаніяхъ: съ одной стороны труды, дѣйствительно расширяющіе область человѣческаго знанія, могутъ оставаться многимъ неизвѣстными и проходить незамѣченными, если не затрогиваютъ интересовъ для нихъ не находить компетентныхъ рецензентовъ; съ другой — сочиненія quasi-ученныя и продающія публику современностью мыслей могутъ получать значеніе, котораго не заслуживаютъ. Безъ такой критики, наши ученые склонны выдать въ ту или другую крайность: одни относятся свысока къ западной наукѣ, игнорируютъ добытые ея результаты и вносятъ въ область науки духъ національности; другіе, напротивъ, склонны къ слѣпому, безотчетному благоговѣнію передъ западными авторитетами и считаютъ высшею честью получить похвальный отзывъ отъ какой нибудь иностранной посредственности. Наконецъ, безъ такой критики — что можетъ нравственно поддерживать изслѣдователя въ его работѣ? Часто случается, что добросовѣстный и многолѣтній трудъ подвергается или полному забвенію или же голословному осужденію лишь потому, что не подходит по направленію къ тому или другому журнальному лагерю; часто бываетъ, что въ силу той же тенденціозности, какая нибудь слабая компиляція возмущается компетентнымъ, но бойкимъ рецензентомъ лишь потому, что ея направленіе соответствуетъ цѣлямъ той или другой редакціи. Не мудрено, что въ глазахъ образованной публики современная журнальная критика утратила въ значительной степени свой кредитъ: начиная просматривать критическую статью, нѣсколько опытный читатель знаетъ напередъ, что не найдетъ въ ней въ большинствѣ случаевъ безпристрастной научной оцѣнки, которую могъ бы руководиться. Слѣдя за научной полемикой, онъ такъ-же хорошо знаетъ, что едва-ли составитъ себѣ правильное понятіе о томъ, кто правъ, кто — нѣтъ, потому что вѣсто научныхъ доводовъ можетъ легко натолкнуться на личныя нападки, придирки, возвращеніе чужихъ кивѣній и перѣиску фактовъ».

Милостивые государи, если вы потрудитесь просмотрѣть мои первые три письма къ ученымъ людямъ, то вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, что я почти предчувствовала ваше появленіе на журнальномъ поприщѣ. Я былъ нѣкоторымъ образомъ выразителемъ той общественной потребности въ живомъ словѣ ученыхъ людей, которая, очевидно, столь наврѣла, что удовлетвореніе ея явилось

почти немедленно вслѣдъ за ея выраженіемъ. Самымъ фактомъ своего появленія на аренѣ журналистики вы свидѣльствуете о своемъ намѣреніи положить конецъ той розни между наукой и жизнью, которой давно бы пора было кончиться. Въ добрый часъ! Позвольте же мнѣ, одному изъ самыхъ усердныхъ будущихъ читателей вашего журнала, выразить вамъ нѣсколько пожеланій. Это не будутъ совѣты, вы едва ли признаете за мной право давать ихъ, а только скромныя желанія читателя, для васъ во всякомъ случаѣ безъинтересныя, особливо при новости дѣла, за которое вы взялись.

Я думаю, что отчасти, именно благодаря новости для васъ журнальнаго дѣла, вы выразили столь рѣзкое сужденіе о журналистикѣ. Я вовсе не думаю защищать журналистику огуломъ и допускаю значительную долю справедливости за вашимъ сужденіемъ. Но я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на слѣдующія два обстоятельства.

«Часто случается, что добросовѣстный и многолѣтній трудъ подвергается или полному забвенію или же голословному осужденію лишь потому, что не подходит по направленію къ тому или другому журнальному лагерю; часто бываетъ, что въ силу той же тенденціозности какая нибудь слабая компиляція возвеличивается некомпетентнымъ, но бойкимъ рецензентомъ лишь потому, что ея направленіе соответствуетъ цѣлямъ той или другой редакціи». Да, правда, все это часто случается, но я думаю, что кое-что въ этомъ родѣ будетъ случаться и съ вами, если только вашему журналу суждена будущность. Я вполне увѣренъ, что на страницахъ «Критическаго Обзорѣнія» не будетъ возвеличиваться недостойное и приниматься достойное — это правило обязательно для каждаго журнала. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы, въ особенности въ тѣхъ областяхъ знанія, которыми вы посвятили свои силы, было возможно устраненіе «цѣлей редакціи» и «направленія» при отдѣленіи достойнаго отъ недостойнаго. Я не сомнѣваюсь въ вашей искренности. Ученымъ людямъ свойственно заблуждаться насчетъ своей «объективности», какъ говорятъ нѣмцы, насчетъ возможности жить и дѣйствовать внѣ всякихъ «направленій». Но это заблужденіе, и вы не замедлите сами убѣдиться въ этомъ, какъ только наука въ вашемъ лицѣ столкнется съ жизнью, какъ только вы сгруппируете вокругъ себя извѣстное число людей, горячо преданныхъ своему дѣлу. Явятся и направленіе, и цѣли редакціи. И въ этомъ нѣтъ ничего худого. Вы призваны руководить обществомъ, а какіе же вы будете руководители, если въ отдѣлѣ, скажемъ, экономическомъ, на одной страницѣ помѣстите изслѣдованіе о безтрудности существованія русскаго мужика, а на другой — изслѣдованіе о нашей податной системѣ. Вы скажете, что безтрудность есть и съ чисто объективной точки зрѣнія нелѣпость. Это правда. Но въ области этики и политики любое изслѣдованіе сопровождается не только объективными фактами, а и чисто

субъективными моментами, каковы надежды, опасенія, желанія, идеалы. А такъ какъ идеалы бываютъ разные и часто несовмѣстимые, то вы, я полагаю, самую практикою журнальнаго дѣла будете приведены къ нѣсколько болѣе снисходительному сужденію о наличной журналистикѣ. Вы не будете возвеличивать недостойное и принижать достойное, но и «направленіямъ» вы воздадите по достоинству. Иначе вы, отвергнувшіе жизнь, будете сами ея отвергнуты и ваше прекрасное начинаніе не будетъ имѣть ровно никакого успѣха. Собственно въ виду этой печальной возможности, я и скорблю о рѣзкости вашего осужденія журналистики.

Далѣе изъ мотивовъ вашей программы видно, что вы усматриваете «поврежденіе нравовъ» только въ журнальныхъ рецензентахъ, отъ пристрастія и некомпетентности которыхъ страдаютъ интересы русской науки. О поврежденіи же нравовъ въ средѣ представителей самой науки вы не говорите ничего, какъ будто его и не бывало. Будетъ очень печально, если эта односторонность отразится и на исполненіи программы. Позволю себѣ обратить ваше вниманіе на двѣ группы фактовъ изъ жизни русской науки.

Въ Одессѣ существуетъ «новороссійское общество естествоиспытателей». Въ засѣданіи 4-го октября нынѣшняго года, членъ общества, г. Шведовъ, просилъ ассигновать на изданіе его сочиненія «о кометахъ» 300 руб., на чтѣ и послѣдовало согласіе общества. Затѣмъ оказалось, что г. Шведовъ желаетъ печатать свое сочиненіе на французскомъ языкѣ. Послѣдовало опять согласіе, на томъ основаніи, что въ уставѣ общества ничего не говорится о томъ, на какомъ языкѣ должны печататься сочиненія гг. членовъ. Дѣйствительно, уставъ объ этомъ ничего не говоритъ, но онъ говоритъ, между прочимъ, что цѣль общества состоитъ въ распространеніи естественно-историческихъ знаній въ Россіи; говоритъ также, что общество ежегодно получаетъ казенную субсидію. Конечно, еслибы мы жили въ той Аркадіи, «гдѣ зрѣетъ апельсинъ», гдѣ, благодаря отсутствію труда, казенныя субсидіи получаютъ тѣмъ же способомъ, какимъ евреи получали небесную манну въ пустынѣ, нечего было бы и разговаривать. Но такъ какъ мы живемъ не въ этой, а въ другой Аркадіи, то является любопытный вопросъ: въ какой мѣрѣ общество, имѣющее цѣлью распространеніе знаній въ Россіи и получающее казенную субсидію, призвано просвѣщать французовъ и благополучныхъ россіянъ, знающихъ французскій языкъ? Фактъ самъ по себѣ незначителенъ (отвѣтственность за его достоверность я возлагаю на моего корреспондента), но чрезвычайно характеренъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что русскіе ученые люди, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они связаны специальными обязательствами служить русскому обществу, склонны отъ этихъ обязательствъ отлынивать. И изъ-за чего? Въ настоящемъ случаѣ, просто изъ-за каприза: судя по фамиліи, г. Шведовъ ; о ; женъ

владѣть русскимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, не хуже, чѣмъ французскимъ, а французскія сочиненія ничто не мѣшаетъ ему печатать во французскихъ научныхъ изданіяхъ. Я не знаю изъ-за чего гг. профессора такъ рѣдко печатаютъ свои лекціи; не знаю изъ-за чего русскіе ученые люди ѣздятъ иногда за тридевять земель рыться въ архивахъ и затѣмъ печатаютъ по русски историческія сочиненія, мало интересныя для русскаго читателя и недоступныя для иностраннаго. Не знаю изъ-за чего. Но знаю, что все это весьма сильно подрываетъ жизненное значеніе русской науки, которая, слѣдовательно, страдаетъ не только оттого, что журнальные рецензенты пристрастны и некомпетентны.

Передо мной лежатъ: «Кіевскія Университетскія Извѣстія» за сентябрь 1878 года, «Отвѣтъ на рецензіи г. Вейца» г. Колонина (Спб., 1878 года) и «Отвѣтъ гг. Шефферу, Манху и Мерингу» г. Афанасьева (Кіевъ, 1878 года). Это все продукты полемики ученыхъ людей, а не какихъ нибудь бойкихъ, но некомпетентныхъ журнальныхъ рецензентовъ. Не имѣю специальныхъ знаній, нужныхъ для оцѣнки этой полемики по существу, а изъ нея самой научиться чему нибудь трудно. Прочитавъ упомянутые документы, представляющіе въ совокупности любопытнѣйшую исторію кандидатуръ на двѣ вакантныя катедры, вы убѣдитесь, что не только возможны диаметрально-противоположныя отзывы двухъ специалистовъ объ однихъ и тѣхъ-же трудахъ третьяго специалиста, но возможно диаметрально-противоположныя отзывы *одного и того же* специалиста объ однихъ и тѣхъ-же трудахъ (такіе два отзыва даны г-мъ Караваемъ о г-нѣ Коломиннѣ). Но этого мало. Г. Коломиннѣ объ одной части этой полемики высказывается такъ: «истинный смыслъ ея пойметъ лишь тотъ, кто умѣетъ читать между строчекъ протоколовъ ученыхъ собраній, что предполагаетъ, разумѣется, знаніе личнаго состава его членовъ, его направленія и традицій и т. д.» Гдѣ же, значить, намъ, профанамъ, во всемъ этомъ разобратся! Г. Шефферъ упрекаетъ г. Шалиревскаго: «онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ поступаетъ съ рецензіей Меринга, очень часто совершенно извращаетъ смыслъ его словъ и, возражая ему, беззастѣнчиво высказываетъ самыя явные парадоксы (чтобы не сказать болѣе) и выдаетъ ихъ за послѣднее слово науки». Съ своей стороны, г. Шалиревскій публикуетъ, что г. Шефферъ въ засѣданіяхъ факультета съ свойственною ему откровенностью неоднократно заявлялъ, что если на означенныя рецензіи будутъ представлены письменныя возраженія, то на эти послѣднія будутъ написаны анти возраженія, и что всѣ эти бумаги будутъ циркулировать между членами факультета, вслѣдствіе чего выборы г. Соколова затянутся надолго. Зная изъ дѣла г. Колонина дѣйствіе такой процедуры, я и нѣкоторые мои товарищи» и т. д. Обобщая, повидяному, цѣлый рядъ фактовъ, г. Мерингъ пишетъ: «каждое замѣщеніе вакантной катедры служитъ обремененіемъ новой причиной распри членовъ факультета и вытѣс-

еть естественное недоверіе къ дѣйствіямъ факультета со стороны совѣта, нерѣдко даже со стороны высшаго начальства»; «возникають нерѣдко такіе споры между членами факультета, которые дѣлають достойную и безпристрастную оцѣнку кандидата немислимою». Г. Афанасьевъ, вполне сходясь въ этой характеристикѣ съ своимъ противникомъ, прибавляетъ отъ себя: «завѣдомо пристрастное отношеніе членовъ факультета къ дѣлу замѣщенія кафедръ ставитъ каждаго кандидата въ крайне незавидное положеніе, такъ какъ, вмѣсто справедливой оцѣнки, на него набрасываются съ пѣной у рта, осыпають его бранью, клеветуютъ на него и даже не гнушаются прибѣгать къ провинціальному орудію—сплетнѣ».

И т. д. и т. д. Цѣлый, какъ видите, букетъ забудокъ и розъ не безъ шиповъ. Во всякомъ случаѣ масличной вѣтви въ этомъ букетѣ нѣтъ. Повторяю, намъ, профанамъ, въ этихъ распрахъ не разобраться. Кое-гдѣ пробивается свѣтъ, разумѣется, и для насъ, когда распря касается не медицины, а логики и добросовѣстности. Напримѣръ, г. Боткинъ (по желанію представителя кievскаго университета) указываетъ на доктора Соколова, какъ на чужбѣна, который «съ честью можетъ занять кафедру терапевтической клиники». Г. Мерицъ не признаетъ г. Соколова достойнымъ кандидатомъ на томъ, между прочимъ, основаніи, что «статьи, мысли, приѣмы и результаты опытовъ» г. Соколова «принадлежать въ сущности профессору Боткину». И когда вслѣдъ затѣмъ тотъ-же г. Мерицъ утверждаетъ, что «въ клиницисты не годится тотъ, кто, бывши ассистентомъ профессора Боткина, еще не понялъ что значитъ компенсація сердца и кто способенъ напечатать подобные рефераты изъ знаменитой клиники»,—то и мы, профаны, начинаемъ кое-что понимать. Равнымъ образомъ, когда г. Караваевъ даетъ сначала благопріятный отзывъ о г. Коломнинѣ и вслѣдъ затѣмъ неблагопріятный; когда специальная полемика о научныхъ трудахъ по медицинѣ спускается до препирательства объ употребленіи грамматическихъ формъ и т. п.—мы получаемъ возможность «свое сужденіе имѣть». Совокупность этихъ отрывочныхъ проблесковъ свѣта для темныхъ людей должна, мнѣ кажется, убѣдить всякаго, что логика и добросовѣстность находятся не на сторонѣ противниковъ г. Соколова, Афанасьева и Коломнина.

Какъ бы то ни было, ознакомившись съ этой поучительной полемикой, вы увидите, что рѣзкость вашего отзыва о журналистикѣ можетъ быть и справедлива, но очень односторонняя. Если въ журналистикѣ многое закалается на алтарѣ «направленія» и «цѣлей редакцій», каковой алтарь совершенно законенъ, то въ ученамъ мірѣ приносится иногда не меньше жертвъ на алтарѣ нѣскольکو много свойства. Я не защищаю всей журналистики и не обвиняю всѣхъ ученыхъ людей. Я только научствую васъ на новомъ для васъ поприщѣ, научствую призывомъ къ справедливости.

Н. М.

20

Т. ССХІІ. — Отд. II.

Письмо къ неучамъ.

Господа неучи!

Я не думаю затѣвать переписки съ вами. Я ограничусь только этимъ письмомъ, имѣющимъ совершенно опредѣленную и специальную цѣль. Тѣ ваши подвиги, которые лежатъ внѣ этой специальной цѣли, да останутся подъ спудомъ, равно какъ и имена ваши.

Существуетъ преданіе, что Зевксисъ столь хорошо рисовалъ плоды, что птицы — конечно, это были не очень умныя птицы — садились клевать ихъ. Существуетъ другое преданіе, что Апельсесъ однажды столь хорошо нарисовалъ бѣгущую лошадь, что живыя лошади, глядя на эту картинку, ржали. Съ тѣхъ поръ вплоть до настоящаго времени искусство ни въ одной изъ своихъ отраслей не поднималось до такой высоты. Мнѣ, и только мнѣ суждено было повторить чудеса Зевксиса и Апельсеса, а вамъ возобновить традиціи не очень умныхъ птицъ и ржущихъ лошадей.

Затѣвая свои полубеллетристическіе наброски «Въ перемежку», я не только не имѣлъ претензіи мѣряться съ Зевксисомъ и Апельсесомъ, но даже ни малѣйше не сомнѣвался въ слабости своего художественнаго таланта. Но когда не очень умныя птицы ранили клювы, а лошади заржали, когда вы, господа неучи, приняли художественное произведеніе за живую дѣйствительность, я возмѣлъ о себѣ, какъ о художникѣ, чрезвычайно высокое мнѣніе. Что значили для Зевксиса всѣ похвалы умныхъ людей въ сравненіи съ тѣмъ непревзойденнымъ свидѣтельствомъ его художественной силы, которое дали ему глупыя птицы! Конечно, онъ этимъ свидѣтельствомъ гордился больше всего. Гордился и я, читая, какъ вы отождествляли меня съ моимъ поэтическимъ дѣтищемъ, милымъ моему сердцу Григоріемъ Темкинымъ, отъ лица котораго ведется рассказъ «въ перемежку», и пользовались его автобіографіей, какъ моею біографіей. Правда, вы при этомъ поступали до послѣдней степени неприлично, разоблачая мой псевдонимъ, но вѣдь на то вы и неучи! Правда, вы усвоили мнѣ преимущественно ошибки и некрасивыя поступки Григорія Темкина, воздерживаясь отъ такового же усвоенія его слабой, но благородной природы вообще. Но я охотно прощаю эти ваши маленькія военныя хитрости въ благодарность за тотъ патентъ на званіе первокласснаго художника, который вы мнѣ безмолвно

и безсознательно выдавали. Ни Левъ Толстой, ни Тургеневъ не достигли такого успѣха. Никто не считаетъ Льва Толстого маркёромъ на основаніи «Записокъ маркёра». Никто изъ биографовъ Тургенева не упоминаетъ, что онъ и его отецъ были влюблены въ одну и ту же дѣвушку, что дѣвушку эту отецъ Тургенева ударилъ однажды хлыстомъ по рукѣ и проч., хотя все это разсказано въ «Первой любви». Всѣ видятъ и понимаютъ, что это «сочиненія», прекрасно нарисованные, но все-таки только нарисованные, а не натуральные плоды, нарисованная, а не натуральная лошадь. И даже глупѣйшія птицы не поддаются обману. Я же совершилъ настоящее чудо искусства. Правда, и въ произведеніяхъ Толстого и Тургенева критики старались, иногда не безъ успѣха, уловить ихъ личныя, субъективныя черты, но со мною произошло нѣчто иное. Мнѣ удалось такъ художественно обставить «я» Григорія Темкина, что вы приняли его за мое «я». Только въ полуминутской исторіи греческой живописи могу я найти параллель такому чрезвычайному успѣху. Меня сильно подымало сдѣлать еще слѣдующую пробу: заставить Григорія Темкина убить когс-нибудь — не потянуть ли, дескать, меня тогда къ уголовному суду на основаніи собственнаго сознанія? Конечно, это было бы вѣнцомъ моей поэтической славы, но за другими дѣлами я не успѣлъ привести этотъ честолюбивый проэктъ въ исполненіе.

Еслибы глупыя птицы апплодировали Зевесису, пѣли ему хвалебныя гимны, подносили лавровыя вѣнцы и проч., онъ не только не нашелъ бы въ этомъ ничего для себя лестнаго, но былъ бы, вѣроятно, глубоко огорченъ, ибо глупыя птицы — глупыя пѣсни. Но когда глупыя птицы слетались клевать нарисованные плоды, Зевесисъ, конечно, былъ имъ благодаренъ. На этомъ же основаніи благодарилъ и я васъ; когда вы старательно клевали Григорія Темкина, полагая, что клевете меня. Господа неучи, я, пожалуй, и теперь благодарю васъ за прошлое, но относительно будущаго я долженъ васъ просить умѣрять ваши художественныя восторги. Довольно! наклевались! Вы начинаете уже проклевывать полотно, на которомъ написана картина, и уродовать великое произведеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, господа, я вынужденъ просить васъ искать матеріаловъ для моей биографіи гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, ибо «Въ перемежку» есть сочиненіе. Не сочинено чувство, съ которымъ написано это сочиненіе, но сочинены нѣкоторые факты и личности, въ немъ изображенныя. Но я — не Григорій Темкинъ и Григорій Темкинъ — не я.

Разъяснить это вамъ я долженъ былъ по слѣдующему случаю. Одинъ изъ васъ, стремясь заклевать меня въ лицѣ Темкина, пожелалъ прихватить и моихъ родственниковъ. Но при этомъ онъ не ограничился свидѣніями, взятыми изъ записокъ Темкина, а наведъ еще гдѣ-то справки на сторонѣ и объявилъ печатно,

что моя «кузина», (представленная въ видѣ родной сестры Теккина—Сони) совершила прелюбоудѣніе!

Господа, видѣ это уже Геркулесовы столбы! Я не обращаюсь ни къ уму вашему, ни къ сердцу, потому что знаю, что это бесполезно. Я не напоминаю вамъ, какъ отнесся Христосъ даже къ блудницѣ по ремеслу, а не то что къ человѣку въ родѣ Сони. Я вамъ сообщаю только факты, которыми вы, очевидно, очень интересуетесь: у меня есть сестры, есть, кажется, и кузины, но, сколько мнѣ извѣстно, ни съ одною изъ нихъ не случилось того, что случилось съ Соней, и ни одна изъ нихъ не виновата въ томъ, что я—столь нелюбимый вами

Мнн. Михайловскій.

Въ указатель по недосмотру пропущены въ отдѣлѣ «Современное обозрѣніе» слѣдующія статьи:

- 1) Когда благоденствовалъ русскій мужикъ и когда начались его бѣдствія. («Промышленность древней Руси», Н. Аристова. — «Вѣче и князь», В. Сергѣевича). 1869 г. I. 1.
- 2) Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. (По поводу книги г. Скребицкаго). 1870 г. III. 5.
- 3) Источники народнаго суевѣрія («Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу», А. Аонасьева). 1868 г. IV. 8.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ШЕСТОГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1878 г.

(По общей нумерации тома ССХLI).

ОТРАВ.

Ноябрь № 11

ДЕРЕВЕНСКИЙ АВРААМЪ. Н. Златовратскаго.	5
БОЛѢЗНЬ ВѢКА. (<i>Стихотвореніе</i>) А. Яхонтова.	27
ПРЫГУНЫ. (Матеріалы къ исторіи обрусенія Закавказскаго Края). (<i>Окончаніе</i>) Н. Д.	29
ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКУ. (<i>Стихотвореніе</i>) А. Яхонтова.	81
СВЯТАЯ ПРОСТОТА. Н. Ячовлева	83
НАШИ ОБЩИНЫ. (Записки изслѣдователя). В. Тригорова.	117
ОЧЕРКИ МАЛО ЗНАКОМАГО БЫТА. Ивановича	141
ИЗЪ ГЕЙНЕ. (<i>Стихотвореніе</i>). А. Боровиковскаго	184
МАТЕРІАЛЫ КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ПОЛИТИКИ РОС- СИИ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ. (По Свѣтовару Милетичу и др. источникамъ). В***	185
ОВРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. Герберта Спенсера	203
ОПРАВДАНІЕ. (Подражаніе Уланду). (<i>Стихотвореніе</i>). А. Боровиковскаго.	222
ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА. (<i>Отрывокъ шестой и последній</i>). Г. Иванова.	223
ФРАНЦУЗСКІЕ ЭСКИЗЫ АНГЛІЙСКИМЪ МѢЛОМЪ. Раз- сказы Гренвиля Муррея, автора «Депутата города Па- рижа». (Прилож. въ концѣ книги. Стр. 1—52).	

Декабрь № 12.

МОЛОДЫЕ ПОВѢГИ ОТЪ СТАРЫХЪ КОРНЕЙ. Школа се- мейныхъ добродѣтелей. К. Рускина	257
ПРОЛОГЪ. — ЛОНДОНЪ. — ПРОГРЕССЪ. (Изъ Барбье). (<i>Стихотворенія</i>). И. П. Иванова.	293
КАРТИНКИ ДОМАШНЯГО ВОСПИТАНІЯ. А—ва.	297
ОСЕНЬЮ ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНѢ. (<i>Стихотвореніе</i>) А. Жемчужникова.	318

ОБЩИННО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЭЛЬЗАСА ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА. Н. Зибера	319
ЗЕМЛЯ. (Стихотвореніе). Алексѣя Жемчужникова	368
ПЕТРУШКА РУДОМЕТОВЪ. (Очерки горназаводской жизни). А. Бидерина	371
РАЗРЯДНЫЙ НАЛОГЪ	413
УСТОИ. Исторія одного поселка. Н. Златовратскаго	455
ВЛАДѢННЫЯ ЗАПИСИ ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ И ОБЩИННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ. ЗНАЧЕНІЕ ИХЪ ДЛЯ НАШЕГО СѢВЕРА ВООВЩЕ	485
ФРАНЦУЗСКІЕ ЭСКИЗЫ АНГЛІЙСКИМЪ МЪЛОМЪ. Разсказы Гренвиля Муррея, автора «Депутата города Парижа». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 53—100).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ноябрь № 11.

ПРИНЦИПЫ ЗЕМСКАГО ОБЛОЖЕНІЯ. (Съ береговъ Волги). Одинъ изъ землевладѣльцевъ	1
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Созывъ сенаторскихъ избирателей.—Консультація правыхъ.—Возвращеніе Гамбетты.—Два избирательные успѣха непримѣримыхъ.—Гренобльская рѣчь Гамбетты и ея вліяніе на выборъ делегатовъ.—Вѣроятность республиканскаго большинства въ сенатѣ, вычисляемая заранѣе.—Смерть епископа Дюпанлу и разстройство въ католическомъ лагерѣ.—Процессъ по поводу конгресса рабочихъ.—Возобновленіе дѣятельности военныхъ судовъ.—Прелюдія амнистіи.—II. Послѣдніе праздники выставки.—Даровыя представленія 20-го октября. «Вильгельмъ Тель» и «Марсельеза» въ Большой Оперѣ.—Публичныя чтенія.—Раздача наградъ во Дворцѣ промышленности: украшенія самаго зданія и кортежи.—Республиканская рѣчь маршала президента.—Иллюминація 21-го октября.—Версаль и его неудачный праздникъ 22-го.—III. Музыкальныя новости: «Полюевкъ», опера Гуно на сценѣ Большой Оперы и «Веронскіе любовники», опера маркиза д'Иври на сценѣ Итальянскаго Театра. Людовика	36

- МЕЛКІЙ ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТЪ ДЛЯ ПОКУПКИ
КРЕСТЬЯНАМИ ЗЕМЕЛЬ** 63
- НОВЫЯ КНИГИ.** Еврейская Библиотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ VI.—Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ (1846—1876). Г. М. Максимовъ.—Стихотворенія Л. Е. Оболенскаго.—Желѣзно-дорожное хозяйство. Т. II. Условія, опредѣляющія движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. А. Чупрова.—Четыре фазиса нравственности: Сократъ, Аристотель, Христіанство и Утилитаризмъ. Соч. Джона Стюарта Блэки.—Курсъ общей физиологіи. Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Клода Вернара.—Неунывающіе россияне. Разказы и картинки съ натуры. Н. А. Лейкина.—Ужасная женщина. Современный великосвѣтскій этюдъ. Кн. В. Мещерскаго. 103
- ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.** Процессъ Гулакъ-Артемовой.—Процессъ славянскаго суда въ засѣданіи славянскаго благотворительнаго общества 29 го октября. 118
- УКАЗАТЕЛЬ КЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ»
ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1868—1877.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. XLIX—LXXX).

Декабрь № 12.

- СТРАТОТЕРПЦЫ МЕЛКАГО КРЕДИТА.** (По поводу сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ). Г. У. . . 133
- ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕБЮТЫ НЕКРАСОВА.** (Библиографическіе матерьялы). В. Горленко. 149
- ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.** I. Послѣдній день парижской всемірной выставки.—Ея значеніе и результаты.—Параллель между выставками 1867 и 1878 годовъ.—Національная лоттерея, ея громадныи успѣхъ и методъ произведенія тиража.—Закрытіе выставки рабочихъ.—Рѣчь Луи-Блана.—Банкетъ иностранныхъ секцій.—Прощальный обѣдъ представителей международной прессы въ павильонѣ Марсова Поля.—II. Открытіе парламентскихъ сессій.—Продолженіе провѣрки полномочій.—Провѣрка выбора Поля де-Касапьяка и оскорбленіе имъ маршала.—Письмо къ префекту.—Дурная услуга правымъ де-Мѣна.—Анонимный мани-

- фестъ.— Новые помѣщенныя.— Кандидатуры Греле и Монталиво.— Отсутствіе памяти у графа д'Оссонвиля.— Приготовленіе къ сенаторскимъ выборамъ.— Выборъ делегатовъ.— Двѣ рѣчи де-Фурту.— Перерывъ Гамбетты.— Реплика Дюфора.— Партія «безъ имени».— Дуэль между Гамбеттою и де-Фурту.— Безсиліе реакціонеровъ.— III. Бюджетъ и театры: ожиданіе реформъ.— Викторъ Гюго и его недружелюбіе къ музыкѣ.— Мысль объ основаніи свободнаго опернаго театра для народа.— Возобновленіе «Сфинкса» и «Монжуа» Октава Фэлье.— «Monsieur Chéribois» на театрѣ Одеона.— «La Navette» театра Гимнази.— Обзорѣніе театра «Variétés».— «Le gentilhomme-citoyen».— «Камарго» на сценѣ театра «Renaissance».— «Свадьба Фернанды» на «Комической Оперѣ». *Людовика*. 166
- НОВЫЯ КНИГИ.** Энциклопедія ума. Н. Макарова.— Статистическій обзоръ русской народно-учебной литературы.— Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. Михаила Де-Пуле.— Описательная социологія. Герберта Спенсера.— Ю. Я. Эacsonъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. 192
- ВОПРОСЪ О ПЕРЕДАЧѢ ВЯТСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ЗЕМСКОЙ СЕМИНАРИИ МИНИСТЕРСТВУ.** — *иль — иль*. 216
- ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.** Сборникъ по дѣламъ печати книгопродавца Анисимова.— Комиссія по разработкѣ и составленію новаго закона о свободной прессѣ.— Репрессивная система прессы и проч. 234
- ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.** Н. М. 259
- ПИСЬМО КЪ НЕУЧАМЪ.** Нин. Михайловскаго 280
- УКАЗАТЕЛЬ КЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ» ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1868—1877.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. LXXXI--XCVIII).

- готовленія къ сенаторскимъ выборамъ.—Выборъ делегатовъ.—Двѣ рѣчи де-Фурту.—Перерывъ Гамбетты.—Реплика Дюфора.—Партія «безъ имени».—Дуэль между Гамбеттою и де-Фурту.—Безсиліе реакціонеровъ.—III. Бюджетъ и театры: ожиданіе реформъ.—Викторъ Гюго и его недружелюбіе къ музыкѣ.—Мысль объ основаніи свободнаго опернаго театра для народа.—Возобновленіе «Сфинкса» и «Можжу» Октава Фэлье.—«Monsieur Chéribois» на театрѣ Одеона.—«La Navette» театра Гимнази.—«Обозрѣніе» театра «Variétés».—«Le gentilhomme-citoyen».—«Камарго» на сценѣ театра «Renaissance».—«Свадьба Фернанды» въ «Комической Оперѣ». Людовика. 166
- XV. — НОВЫЯ КНИГИ. Энциклопедія ума. Н. Макарова.—Статистическій обзоръ русской народно-учебной литературы.—Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. Михаила де-Пуле.—Описательная социологія. Герберта Спенсера.—Ю. Я. Энсонъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ . . . 192
- XVI. — ВОПРОСЪ О ПЕРЕДАЧѢ ВЯТСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ЗЕМСКОЙ СЕМИНАРІИ МИНИСТЕРСТВУ.—ила—ина. 216
- XVII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Сборникъ по дѣламъ печати книгопродовца Анисимова—Комиссія по работѣ и составленію новаго закона о свободной прессѣ.—Репрессивная система прессы и проч. . . 234
- XVIII.— ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ. Н. М. . . 259
- XIX — ПИСЬМО КЪ НЕУЧАМЪ. Нин. Михайловскаго . . 280
- XX — УКАЗАТЕЛЬ КЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ» ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1868—1877. Приложение въ концѣ книги. Стр. LXXXI—XCVIII).

Объявленія: Объ изданіи въ 1879 году «Отечественныхъ Записокъ», «Новаго Русскаго Базара» и «Отголоски». О выходѣ новой книги Н. К. Михайловскаго и декабрьской книжки «Русской Старины». Отъ книжнаго магазина Н. И. Мамонтова.

При № 12 рассылаются иногороднымъ подписчикамъ объявленія объ изданіи въ 1879 году журнала «Ваза», газеты «Отголоски», отъ книжныхъ магазиновъ: Н. И. Мамонтова и И. Л. Тулузова. Для всѣхъ подписчиковъ объявленіе о подпискѣ въ 1879 г. на газету «С.-Петербургскія Вѣдомости».

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ будутъ выходитьъ въ 1879 году
ежемесячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и
болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

съ *С.-Петербурга* безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкой: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Дакію,
Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію,
Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ *Главной Конторѣ* Редакціи «Отечественныхъ
Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Буль-
варѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требова-
ніями *исключительно* съ *Главную Контору* «Отечественныхъ За-
писокъ».

СОЧИНЕНІЯ

М. Е. САЛТЫКОВА

(ЩЕДРИНА):

Благонамѣренныя рѣчи. 2 т. Ц. 4 руб.

Въ средѣ умѣренности. 1 т. Ц. 2 руб.

Сказки и рассказы. 1 т. Ц. 60 коп.

Складъ изданій у автора, С.-Петербургъ, Литейная, д. № 62.
Иногородные, обращающіеся прямо къ автору, за пересылку
не платятъ.

Поступила въ продажу новая книга: „Изъ памятной книжки“.
Очерки и рассказы *Г. Иванова* (Г. Успенскаго). Цѣна 1 р. 25 к.

На дняхъ поступить въ продажу сочиненіе *С. Н. Кривенко*,
„Физическій трудъ какъ необходимый элементъ образованія“.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выписка „Стихотворенія Н. А. Некрасова“ черезъ *Главную
Контору* „Отечественныхъ Записокъ“ прекращена, за распро-
дажей имѣвшихъ въ конторѣ экземпляровъ.

